

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ПО
РУССКОЙ ГРАММАТИКЪ.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

II

СОСТАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ИХЪ ЗАМѢНЫ.

Составилъ А. Потебня.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

ХАРЬКОВЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Д. Н. ПОЛИБИДИНА

1888.

Дозволено цензурою. Кієвъ, 1-го Сентября 1888 года.

Харьковъ. Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25-й.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Введеніе.

	<i>Стран.</i>
I. Что такое слово.....	1
II. Представленіе и значеніе.....	5
III. Различныя понятія о корнѣ слова.....	19
IV. Грамматическія формы.....	25
V. По чемъ узнается присутствіе грамматич. формы въ данномъ словѣ.	29
VI. Формы этимологическія и синтактическія.....	36
VII. Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ.....	46
VIII. Грамматика и логика.....	60
IX. Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ.....	63
X. Члены предложенія и части рѣчи.....	75
1. Предложеніе.....	75
2. Глаголь и сказуемое.....	77
3. Имя и именныя члены предложенія.....	85
4. Подлежащее.....	93
5. Грамматическій атрибутъ.....	99
6. Атрибутъ въ сказуемомъ.....	104
7. Связка.....	110
8. Грамматическій объектъ.....	115
9. Составное дополненіе.....	115
10. Второстепенныя связки.....	119
11. Обстоятельство.....	119
12. Предлогъ.....	123

II. Составныя члены предложенія и ихъ замѣны.

Задача сочиненія.....	124
-----------------------	-----

Составное сказуемое и приложеніе.

Глаголы, входящіе въ составное сказуемое.....	126
Сочетаніе причастій дѣйств. (кромя прич. -л-) съ ѣсмь, буду и проч....	128
Причастія страдательныя съ ѣсмь, бѣхъ и проч.....	141
Имена прилаг. и сущ. съ тѣми же глаголами.....	149

Причастія (кромя -л-) съ глаголами кромя ѣс-, бы-	151
Прилагательное съ тѣми же глаголами	163
Существительное съ тѣми же глаголами.	178

Причастія наст. и прош. дѣйств. (-ъ, -въ), какъ второстепенныя
сказуемыя:

Аппозитивное употребленіе ихъ въ именительномъ	181
Второй именительный съ причастіемъ аппозитивнымъ (составное приложеніе)	184
Союзъ между аппозитивнымъ причастіемъ и глаголомъ	185
Именительные самостоятельныя	194
Причастіе безъ личнаго глагола, какъ сказуемое придаточнаго предложе- нія, связанное съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относительнаго слова	205

Причастіе предшешее на -л-:

Общія замѣчанія о немъ	231
Сочетаніе его съ ѣсмь и проч.	243
— съ бѣхъ, быхъ (изъявит.), бѣахъ	261
— — съ былъ ѣсмь	265
— — съ быхъ, бы	269
— — съ буду	291

Вторые косвенные падежи:

Второй винительный. Его свойство въ древнемъ языкѣ	299
Второй винительный существительнаго	305
— — прилагательнаго	309
— — причастія	312
— — составной	320
Второй родительный	324
Второй дательный (кромя сочетанія съ неопред. накл.).	340

Неопредѣленное наклоненіе.

Общія замѣчанія о его значеніи	342
Отношеніе къ его другимъ сходнымъ формамъ	353
Ограниченіе его употребленія въ серб. и болгарскомъ	360

Неопр. накл. субъективное:

Сочетаніе его съ глаголами, близкими къ формальности, или формальными:	
съ имамъ, иму	362
съ хочу	367
съ начну, стану	370

Сочетаніе его съ былъ, буду.....	374
съ другими глаголами и именами	377
со вторымъ именительнымъ	382

Неопр. накл. объективное:

Винительный съ неопредѣленнымъ, однимъ или имѣющимъ при себѣ второй винительный	384
Дательный съ неопредѣленнымъ наклоніемъ.....	388
Неопредѣленное наклон. съ явнымъ или подразумеваемымъ дательнымъ при безличномъ сказуемомъ	400
Неопредѣл. наклоніе съ ѣсть (опущеннымъ) въ условномъ сочетаніи предложеній	411
Неопредѣл. накл. быти (ѣсть) съ другимъ неопредѣленнымъ.....	412
Неопредѣл. накл. съ мнимо-страдательнымъ значеніемъ	414
Неопредѣл. накл. (какъ субъективное, такъ и объективное), связанное съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова	419
Неопредѣл. накл. съ бы и союзами, сложными съ бы	435
Неопредѣл. накл. абсолютное	439

Творительный падежъ.

Отношеніе къ предыдущему изслѣдованію. Разногласіе относительно разви- тія значеній творительнаго	443
[Въ видѣ отступленія:]	
Творит. соціативный	446
— мѣста	449
— времени	451
— орудія	456
— условленный страдательн. сказуемымъ.....	466
— условленный именемъ и нарѣчіемъ и тв. отношенія...	472
— причины	480
— образа дѣйствія	483

Творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи:

Различные взгляды на него	493
Связь его съ творительн. образа	493
Творительный аппозитивный	505
Творительный предикативный на мѣстѣ второго косвеннаго падежа суще- ствительныхъ	507
Творительный на мѣстѣ предикативнаго именительнаго существительныхъ, при глаголахъ бѣльшей энергичности	509

Именительный и творительный предикативный прилагательныхъ	516
Общія замѣчанія объ этихъ падежахъ въ русскомъ языкѣ	520
Творительный предикативный въ польскомъ языкѣ	522
— — — въ литовскомъ языкѣ	533
Заключеніе	534

ВВЕДЕНІЕ ¹⁾.

I.

Что такое слово? Опредѣленіе отдѣльнаго слова, какъ единства членораздѣльнаго звука и значенія, по видимому, противорѣчить обычному утвержденію, что „одно и то же слово нетолько въ различныхъ времена или по различнымъ нарѣчіямъ одного и того же языка“, но и въ одномъ и томъ же нарѣчій въ опредѣленный періодъ „имѣетъ различныя значенія“ (Буслаевъ. Гр. § 112).

Говоря такъ, представляемъ слово независимымъ отъ его значеній, т. е. подъ словомъ разумѣемъ лишь звукъ, при чемъ единство звука и значенія будетъ небольшою единства дупла и птицъ, которыя въ немъ гнѣздятся. Между тѣмъ членораздѣльнаго звука безъ значенія не называемъ словомъ. Такой звукъ есть искусственный фонетическій претрагъ, а не слово.

Для разъясненія этого и подобныхъ недоумѣній полезно имѣть передъ глазами хоть небольшой отрывокъ исторіи слова. Вотъ наир. что мы знаемъ о словѣ верста. Прежде всего оно заимствовано ни изъ готскаго, гдѣ *gasta*, *milliagre* (Срезневскій, Мысли объ ист. Рус. яз. 137), ни откуда бы ни было. Далѣе оно неимѣетъ ничего общаго со взятымъ изъ нѣмец. верстать (сущ. ж.), верстакъ, польск. *warsztat*, лит. *warksztotas*. При немъ стоитъ верс-тва, несмотря на различіе въ суффиксахъ, не представляющее замѣтныхъ отличій въ значеніяхъ. Передъ суф-та и -тва *s*—изъ *m*, что дѣлаетъ возможнымъ сродство съ верт-ѣтъ. Что это сродство дѣйствительно существуетъ, въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ литовскимъ и латинскимъ. Литов. *wars-ta-s* (м. р.) собственно поворотъ (плуга), длина борозды, проведши которую плугъ поворачиваютъ, мѣра разстоянія, *ein pfluggewende*, мѣра доли; лит. *warsmas*, *warsnas*, *warsnis*, *id*; *s*, по всей вѣроятности, не прямо изъ *t* передъ *m*, *n* (Schl. Lit. Gr. § 23, 5), а изъ *ss*, которое изъ *ts*, такъ что суффиксы здѣсь—*sma*, *sna*, *sni*. Лит. *warsna* (ж. р., суф.—*sna*) во мн. ч. *das gewende*, въ един. *warsna raszto*, отдѣлъ (писанія), параграфъ. Латин. *versus* [буквально=литов. *warstas*, съ тою разницею, что *tt* въ латин.=*s*, какъ въ *versum* (*t-tum*), *tonsum* (*d-tum*)], ново-

¹⁾ 1-е изд. въ Филологич. Записк. 1874.

ротъ, заворотъ, въ частности заворотъ плуга на концѣ нивы (=versura), откуда—борозда, мѣра разстоянія, а затѣмъ полевая квадратная мѣра, какъ чешск. honu, рус. польск. загонъ, zaгон (поля); по сходству съ бороздою—стихъ, строка. [Сравненіе оранья (и сѣянья) съ писаньемъ весьма распространено: ср. греч. βοῦτροφιδόν и загадки: лит. kurs, kytras gimęs, su žasele arie? rasztininks su plūnksna (Schl. Leseb. 64), кто, хитрымъ (мудрымъ) родившись, гусью ореть? писарь перомъ; мр. білое поле, гусь на нем оре, мудрый го сіе (Номись, 303); мудрый мудрецъ гусью ореть (ib); вр. „пятеро пашуть“=рука пишеть (Даль, 449)]. Такимъ-же образомъ и въ верста находимъ слѣдующія значенія:

а) Изъ предполагаемаго „поворотъ плуга“—борозда, сохраненное въ сербскомъ (врста).

б) Обыкновенная, впрочемъ различная въ разныхъ мѣстахъ длина борозды становится путевою мѣрою, (напр. Новг. лѣт. I, 14 подъ 1168: воротилася отъ города за 30 версты; Ип. лѣт. 93, 94, 106, и др.) Безъ сомнѣнія, мѣра эта сначала была значительно меньше восьмисотной и пятисотной версты. Ср. вр. гоны, разстояніе, какое лошадь въ сохѣ проходитъ неповорачивая назадъ; длина пашенной полосы; гряда въ полѣ, служащая межою; мѣра длины, близкая къ длинѣ загона, нивы, отъ 7 сажень до полуверсты и версты; мр. гони—длина лана, около 80 сажений; чешск. honu—длина въ 125 шаговъ, затѣмъ—jitro (утро, уповодъ), jugerum, gewende, $\frac{1}{2}$ дня поля. Ср. также IIad. X, 351 сл. (и Odys VIII, 124):

*ἀλλ' ὅτε δὴ ῥ'ἀλέην ὄσσον τ'ἐπὶ οὖρα πέλονται
ἡμίονον, αἶ γάρ τε βοῶν προφερέστεραί εἰδιν
ἐλκόμεναι νεοῖο βαθείης πηκτὸν ἄροτρον...*

гдѣ различаются, какъ мѣра разстоянія, муловые гоны отъ воловыхъ.

3 Поттъ (Zeitschr. f. vergl. Spr. VIII, 21) предполагаетъ, что въ основаніи русск. верста въ этомъ значеніи лежитъ представленіе равныхъ пространствъ, обозначаемыхъ столбами (durch die wiederkehr eines pfahles), т. е. онъ видитъ связь этого слова съ корнемъ варт въ возвращеніи столбовъ, но тѣмъ неменѣе указываетъ на сходство съ versus, въ коемъ ничего подобнаго не находится. Значеніе мѣры въ верста, конечно, древнѣе того времени, когда стали ставиться верстовые столбы.

в) Рус. верста, верзило, высокорослый человѣкъ (презрительно)—не непременно отъ значенія „верстовой столбъ“, а и отъ мѣры пути. Дорога загадывается такъ: „довга Гася (v. лежитъ Гася) простяглася, а якъ устане, до неба достане (мр.); лит. kad atsitėstu, dangų parentu; kad rankās turėtu, wagi sugautu, еслибъ всталъ (путь, kelies м. р.) до неба бѣ досталъ, еслибъ рѣки имѣлъ, вора бѣ поймалъ.

г) Руск. верста, верстовой столбъ, по такому же переходу мысли, по какому гоны получаютъ значеніе версты, какъ предѣла нивы.

д) Отъ значенія борозды, какъ прямой, длинной,—верста, рядъ предметовъ по прямой линіи, напр. кирпичей въ стѣнѣ, камней въ мостовой. Отсюда же в.-луж. *worszta*, слой сноповъ въ клунѣ; поль. *warsta*, *warstwa*, чеш. *vrstva*, *vrstev*, слой; хоруг. *versta*, рядъ вообще, въ томъ числѣ и строка: по *vrsti*, по ряду, рядами, по порядку; *jedno-, dvoj-troj-, kelikovrst*, въ одинъ, въ два, во сколько рядовъ, *simplex*, *duplex* etc. Отсюда хоруг. серб. *vrsta* разрядъ, классъ, сословіе; серб. *vrstan* човѣкъ, порядочный, почтенный; серб. *vrstati* се, становиться въ рядъ [Со значеніемъ ряда ср. литов. *eile*, борозда, строка, стихъ, слой, степень родства, рядъ, боевой строй, порядокъ. Ближайшая форма корня—*il* изъ предполагаемаго *ir*, а это изъ *ag* или въ значеніи *орать* (лит. *arti* и сродное съ нимъ *irti*, *remigare*), или со значеніемъ *ити* (санскр. *ar* со специальными временами отъ *arçh*). Въ послѣднемъ случаѣ ср. греч. *στοιχος*, рядъ, линія, порядокъ, боевой строй, стихъ, при *στέιχω*, иду, санскр. *stigh*, *ascendere*, гот. *staiga*, слав. стѣзя и пр. Curt. Grundz. I, № 177].

е) Отъ значенія борозды, какъ идущей рядомъ съ другою и равной съ нею, ст. рус. и ст. сл. *вьрста*, *врѣста* и соврем. вр. *верста*, пара, ровня; „божьствыная и свѣтозарыная *вьрста* Борисе и Глѣбе“ (до 1163 года, Срезн. Пам. Рус. н.; тамъ же „Борисе и Глѣбе мученика святая и супруга“ (пара, какъ пара воловъ въ ярмѣ). Отсюда вр. *верстать*, *ровнять*.

ж) Отъ значенія версты, какъ длины (пройденной), согласно съ обычнымъ представленіемъ времени пространствомъ и жизни путемъ, идетъ ст. рус. и ст. сл. *вьрста*, *врѣста*, возрастъ („отъ млады *вьрсты*“, „юнь *верстою*“). Съ *вьрсты*никъ (серб. *врсник*)—имѣющій одну версту съ другимъ, *однолѣтокъ* и въ этомъ смыслѣ *ровня*, и, какъ жена, мужъ называются *ровнею*, такъ въ слѣдующемъ съ *вьрсты*ница, жена: „мужи плакахуся съ *вьрсты*ницъ своихъ“ (Ип. л. 200).

Изъ этихъ значеній неменѣе 3—4 живетъ въ одно время въ русскомъ языкѣ, въ какихъ бы тѣсныхъ предѣлахъ мы его ни понимали, Совершенно случайно, что они несохранились всѣ.

И такъ слово *верста*, по видимому, многозначенательно; но таково оно лишь въ томъ видѣ, въ какомъ является въ словарѣ. Между тѣмъ дѣйствительная жизнь его и всякаго другого слова совершается въ рѣчи. Говоря „*пять версть*“ я разумю подъ „*версть*“ не рядъ, не возрастъ и пр., а только мѣру разстоянія. Слово въ рѣчи каждый разъ соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е. каждый разъ, какъ произносится, или понимается, имѣетъ не болѣе одного значенія. Сравнивая отдѣльный актъ рѣчи „*пять версть*“, „отъ млады *вьрсты*“ и т. п. и отвлекая общее, находимое въ этихъ актахъ, мы должны считать это общее лишь сокращеніемъ, а не неизмѣнною субстанціей, окруженною измѣнчивыми признаками. Въ дѣйствительности не только *верста*

=500 сажений есть слово отдѣльное и отличное отъ верста=возрастъ, 5 верста=пара, но и верста въ одномъ изъ этихъ значеній есть иное слово, чѣмъ версты, верстѣ и т. д. въ томъ же лексическомъ значеніи, т. е. малѣйшее измѣненіе въ значеніи слова дѣлаеть его другимъ словомъ. Такимъ образомъ, пользуясь выраженіемъ „многозначность слова“, какъ множествомъ другихъ неточныхъ выраженій, сдѣлаемъ это выраженіе безвреднымъ для точности мысли, если будемъ знать что на дѣлѣ есть только однозвучность различныхъ словъ, то есть то свойство, что различныя слова могутъ имѣть одни и тѣже звуки. Однозвучность эта частью оправдывается единствомъ происхожденія словъ, частью же происходитъ отъ уравнивающаго дѣйствія звуковыхъ стремленій языка, дѣйствія, въ общемъ имѣющаго психологическое основаніе, но независимаго отъ особенности значенія слова. Напр. родъ, лобъ мѣстами произносятся какъ ротъ, лопъ, не въ силу своего значенія, а потому что всякій звучный согласн. зв. на концѣ превращается въ отзвучный; нѣм. bratpfanne превратилось въ русс. противень, не потому, что сковорода чѣмъ либо напоминаетъ вещь противную другой, т. е. соответствующую или равную ей, а потому что нѣм. слово своими звуками напомнило русское. Греч. *προς-φορά* уже въ древ. русс. не позже XII в. явилось въ формѣ проскура (Вираш. Кюрик., Калайдов. Пам. Росс. слов. XII в. 173; Житіе Феодос. по сл. XII в.), какъ и нынѣ въ мр. и др., за чѣмъ сколько извѣстно неослѣдовало, никакого сближенія значеній съ про и скоро, шкура или другими туземными словами. Отъ чисто-фонетической нивелляціи словъ отличны случаи такъ называемой нѣмецкими учеными „народной этимологіи“ (*volksetymologie*), когда этимологически непонятное слово сближается и по смыслу со словомъ понятнымъ и когда т. о. въ семейство дѣйствительно родственныхъ словъ ошибочно вводятся слова первоначально чуждыя этому семейству. Напр. лат. *summa*, итогъ, понятие какъ складчина или сбереженіе, переходитъ въ мр. *сумá* („невелика сумá грошей“ у Квитки); лат. *levisticum*—въ нѣм. *lieb-stöcke*, откуда мр. любистокъ, которымъ поятъ „для любощів“; лат. *centaurium* (изъ греч., кентаврово зелье) сближенное съ *centum* и *aureus*, дало нѣм. *tausendgüldenkraut* (Pott, *Etym. Forsch.* II, 4, 333), откуда мр. золототысячникъ.

Откуда бы ни происходила родственная связь однозвучныхъ словъ, слова эти относятся другъ къ другу, какъ предъидущія и послѣдующія. Безъ первыхъ небыли бы возможны послѣднія. Обыкновенно это называютъ развитіемъ значеній слова изъ одного основнаго значенія, но, согласно со сказаннымъ выше, собственно это можно назвать только появленіемъ цѣлаго слова, т. е. соединенія членораздѣльнаго звука и одного значенія, изъ слова предъидущаго.

II.

Представленіе и значеніе.

6

Когда говоримъ, что А значить, или означаетъ Б, напр. когда **внѣ** издали дымъ заключаемъ: значить тамъ горить огонь; то мы познаемъ Б посредствомъ А. А есть знакъ Б, Б есть означаемое этимъ знакомъ, или его значеніе. Знакъ важенъ для насъ не самъ по себѣ, а потому, что будучи доступнѣе означаемого, служить средствомъ приблизить къ себѣ это послѣднее, которое и есть настоящая цѣль нашей мысли. Означаемое есть всегда нѣчто отдаленное, скрытое, трудно-познаваемое сравнительно со знакомъ.

Понятно, что функціи знака и значенія не разъ навсегда связаны съ известными сочетаніями воспріятій, и что бывшее прежде значеніемъ въ свою очередь становится знакомъ другого значенія.

Въ словѣ тоже совершается актъ познанія. Оно значить нѣчто, т. е. кромѣ значенія должно имѣть и знакъ. Хотя для слова звукъ такъ необходимъ, что безъ него смыслъ слова былъ бы для насъ недоступенъ, но онъ указываетъ на значеніе не самъ по себѣ, а потому, что прежде имѣлъ другое значеніе. Звукъ верста означаетъ мѣру долготы, потому что прежде означалъ борозду; онъ значить „борозда“, потому что прежде значилъ „поворотъ плуга“ и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока неостановимся на малодоступныхъ изслѣдованію зачаткахъ слова. Поэтому звукъ въ словѣ не-есть знакъ, а лишь оболочка, или форма знака; это т. е. ск. знакъ знака, такъ что въ словѣ не два элемента, какъ можно заключить изъ вышеприведеннаго опредѣленія слова, какъ единства звука и значенія, а три.

Для знака въ данномъ словѣ необходимо значеніе предъидущаго слова, но знакъ не тождественъ съ этимъ значеніемъ; иначе данное слово⁷ сверхъ своего значенія заключало бы и всѣ предъидущія значенія.

Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпакъ лампы и спрашиваю: „что это такое“? Ребенокъ много разъ видалъ эту вещь, но не обращалъ на нее вниманія. Онъ ее не знаетъ, такъ какъ сами по себѣ слѣды впечатлѣній не составляютъ знанія. Я хочу не только того, чтобы онъ дополнилъ впечатлѣнія новыми, сколько того, чтобы онъ объединилъ прежнія и привелъ ихъ въ связь со своимъ запасомъ сознанныхъ и приведенныхъ въ порядокъ впечатлѣній. На мой вопросъ онъ отвѣчаетъ: „арбузикъ“. Тутъ произошло познаніе посредствомъ наименованія, сравненіе познаваемого съ прежде познаннымъ. Смыслъ отвѣта таковъ: то, что я вижу, сходно съ арбузомъ.

Назвавши бѣлый стеклянный шаръ арбузомъ, ребенокъ недумалъ приписывать этому шару зеленаго цвѣта коры, красной середки съ та-

кимъ то узоромъ жилокъ, сладкаго вкуса; между тѣмъ подъ арбузомъ въ слыслѣ плода онъ разумѣлъ и эти признаки. Изъ значенія прежняго слова въ новсе вошелъ только одинъ признакъ, именно шаровидность. Этотъ признакъ и есть знакъ значенія этого слова, Здѣсь мы можемъ назвать знакъ и иначе: онъ есть общее между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами, или основаніе сравненія, *tertium comparationis* въ словѣ.

Такъ и въ прежде приведенныхъ примѣрахъ: кто говоритъ „верста“ въ значеніи ли опредѣленной мѣры длины, или въ значеніи ряда, или пары, тотъ недумаетъ въ это время о бороздѣ, проведенной по полю плугомъ или сохою, парюю воловъ или лошадыю, а беретъ изъ этого значенія каждый разъ лишь по одному признаку: длину, примизну, параллельность. Одно значеніе слова, вслѣдствіе своей сложности, можетъ послужить источникомъ нѣсколькимъ знакамъ, т. е. нѣсколькимъ другимъ словамъ. И такъ знакъ, по отношенію къ значенію предъидущаго слова, есть лишь указаніе, отношеніе къ этому значенію, а не воспроизведеніе его. Согласно съ этимъ неслѣдуетъ смѣшивать знака въ словѣ съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ собственнымъ значеніемъ слова, прѣвоставляемымъ значенію переносному ¹⁾. Собственное значеніе слова есть все значеніе предъидущаго слова по отношенію къ послѣдующему, а гдѣ нетребуется особенной точности—даже совокупность нѣсколькихъ предъидущихъ значеній по отношенію къ нѣсколькимъ послѣдующимъ. Напр. можно сказать, что бѣлый, *albus*, *lucidus*, есть собственное по отношенію къ бѣлый, добрый, прекрасный, милый (какъ отчасти въ русскомъ, а особенно въ лит. *balts*). Въ томъ, что мы относительно называемъ собственнымъ и что въ свою очередь есть переносное по отношенію къ своему предшествующему, можетъ быть нѣсколько признаковъ, между тѣмъ какъ въ знакѣ только одинъ. Бѣлый, *albus*, есть въ равной мѣрѣ собственное по отношенію къ бѣлый, вольный, и къ бѣлый, добрый, но знаки во второмъ и третьемъ словѣ (иначе: основанія сравненій съ первымъ) различны. Такъ какъ въ данномъ словѣ, разсматриваемомъ какъ дѣйствительное явленіе, а не отвлеченіе, находимъ всегда только одно значеніе, то не примѣняясь къ принятой терминологіи, а видоизмѣняя ее по-своему, мы не можемъ говорить ни о собственномъ, ни о переносномъ значеніи даннаго слова: предъидущее значеніе есть для насъ значеніе не того слова, которое разсматриваемъ, а другого. Каждое значеніе слова есть собственное, и въ тоже время каждое, въ предѣлахъ нашего наблюденія,—производное, хотя бы то, отъ котораго произведено, и было намъ неизвѣстно.

¹⁾ „Между многими значеніями одного и того же слова отличаемъ такое, которое по нашимъ понятіямъ кажется намъ *собственнымъ*, а остальные *переносными*; напр. въ *бѣлый* значеніе свѣта называемъ собственнымъ (напр. бѣлая бумага), а значеніе свѣта переноснымъ (напр. бѣлый день, бѣлый свѣтъ)“ Буслаевъ. Гр. § 143.

И съ другой стороны, по отношенію къ значенію послѣдующаго слова, знакъ есть только указаніе. Онъ только намекаетъ на это значеніе даетъ возможность въ случаѣ надобности остановиться на немъ и постепенно привести его въ сознаніе, но позволяетъ и неостанавливаться. 9

Знакъ въ словѣ есть необходимая (для быстроты мысли и для расширенія сознанія) замѣна соответствующаго образа или понятія; онъ есть представитель того или другого въ текущихъ дѣлахъ мысли, а потому называется представленіемъ. Этого значенія слова представленіе значенія, имѣющаго особенную важность для языкознанія и обязаннаго своимъ происхожденіемъ наблюденію надъ языкомъ, неслѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, болѣе извѣстнымъ и менѣе опредѣленнымъ, по которому представленіе есть тоже, что воспріятіе или чувственный образъ, во всякомъ случаѣ—совокупность признаковъ. Въ такомъ значеніи употребляетъ слово представленіе и Буслаевъ: „отдѣльнымъ словомъ означаются представленія и понятія“ (Грам. § 106). Въ томъ смыслѣ въ какомъ мы принимаемъ это слово, согласно со Штейнталемъ (vogstellung) и другими, представленіе неможетъ быть означаемымъ: оно только означающее.

Представленіе, тождественное съ основаніемъ сравненія въ словѣ, или знакомъ, составляетъ непремѣнную стихію возникающаго слова; но для дальнѣйшей жизни слова оно ненеобходимо. Какъ извѣстно, есть много словъ, связь коихъ съ предъидущими не только нечувствуется говорящимъ, но неизвѣстна и наукѣ. Почему напр. рыба названа рыбой, или иначе говоря: какъ представляется рыба въ этомъ словѣ? Значеніе здѣсь непосредственно примыкаетъ къ звуку, такъ что кажется, будто связь между ними произвольна. Говорятъ, что представленіе здѣсь есть, но оно совершенно пусто (безсодержательно) и дѣйствуетъ, какъ нуль въ обозначеніи величинъ арабскими цифрами: разница между 3. 30. 0,3 зависитъ отъ пустого мѣста при 3, обозначаемаго нулемъ (Steinthal, Gram. Log. u. Psychol. 334). Кажется однако, что такимъ образомъ лишь напрасно затемняется значеніе термина „представленіе“ Въ словѣ рыба содержаніе непредставляется никакъ, а потому представленія въ немъ вовсе нѣтъ, оно потеряно. Значеніе 10 имѣетъ здѣсь только внѣшній знакъ т. е., звукъ. Этимъ однако неизгладилась разница между этимъ словомъ и соответственнымъ словомъ другого языка, напр. *piscis*, или литов. *žiwiš*. Разница между ними съ самаго начала состояла, кромѣ звука, не въ одномъ знакѣ, или представленіи, но и въ количествѣ и качествѣ предикатовъ, вещественнымъ средоточіемъ коихъ служило представленіе. Эта послѣдняя разница осталась и послѣ того, какъ представленіе исчезло, если угодно, превратилось въ математическую точку.

Что такое „значеніе слова“? Очевидно, языкознаніе, неуклоняясь отъ достиженія своихъ цѣлей, рассматриваетъ значеніе словъ только до

извѣстнаго предѣла. Такъ какъ говорится о всевозможныхъ вещахъ, то безъ упомянутаго ограниченія языкознаніе заключало бы въ себѣ, кромѣ своего неоспоримаго содержанія, о которомъ несудить никакая другая наука, еще содержаніе всѣхъ прочихъ наукъ. Напр. говори о значеніи слова дерево, мы должны бы перейти въ область ботаники, а по поводу слова причина или причиннаго союза—трактовать о причинности въ мірѣ. Но дѣло въ томъ, что подъ значеніемъ слова вообще разумѣются двѣ различныя вещи, изъ коихъ одну, подлежащую вѣдѣнію языкознанія, назовемъ ближайшимъ, другую, составляющую предметъ другихъ наукъ,— дальнѣйшимъ значеніемъ слова. Только одно ближайшее значеніе составляетъ дѣйствительное содержаніе мысли во время произнесенія слова. Когда я говорю „сизу за столомъ“, я неимѣю въ мысли совокупности раздѣльныхъ признаковъ сидѣнья, стола, пространственнаго отношенія за и пр. Такая совокупность, или понятіе, можетъ быть передумана лишь въ теченіе ряда мгновеній, посредствомъ ряда умственныхъ усилій, и для выраженія своего потребуетъ многихъ словъ. Я неимѣю при этомъ въ мысли и живого образа себя въ сидячемъ положеніи и стола, образа, подобнаго тому, какой мы получаемъ напр. когда закрывши глаза стараемся мысленно изобразить себѣ черты знакомаго лица. Несмотря на такое отсутствіе во мнѣ полноты содержанія, свойственной понятію и образу, рѣчь моя понятна, потому что въ ней есть опредѣленіе мѣста въ мысли, гдѣ искать этой полноты, опредѣленіе достаточно точное для того, чтобы несмѣшать искомаго съ другимъ. Такое опредѣленіе достигается первоначально посредствомъ представленія, а за тѣмъ и безъ него, однимъ звукомъ. Пустота ближайшаго значенія, сравнительно съ содержаніемъ соответствующаго образа и понятія, служитъ основаніемъ тому, что слово называется формою мысли.

Ближайшее значеніе слова, одно только составляющее предметъ языкознанія, формально вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ извѣстные языки, въ отличіе отъ другихъ, называются формальными, различающими вещественное и грамматическое содержаніе. Формальность, о которой здѣсь рѣчь, свойственна всѣмъ языкамъ, все равно, имѣютъ ли они грамматическія формы, или нѣтъ. Ближайшее, или формальное значеніе словъ, вмѣстѣ съ представленіемъ, дѣлаетъ возможнымъ то, что говорящіи и слушающій понимаютъ другъ друга. Въ говорящемъ и слушающемъ чувственныя воспріятія различны, въ силу различія органовъ чувствъ, ограничиваемаго лишь родовымъ сходствомъ между людьми. Еще болѣе различны въ нихъ комбинаціи этихъ воспріятій, такъ что когда одинъ говоритъ напр. „это нѣкленъ“ (дерево), то для другаго вещественное значеніе этихъ словъ совсѣмъ иное. Оба они думаютъ при этомъ о различныхъ вещахъ, но такъ, что мысли ихъ имѣютъ общую точку соприкосновенія: представленіе (если оно есть) и формаль-

ное значеніе слова. Для обоихъ въ приведенномъ примѣрѣ отрицательная частица имѣетъ одинаковый смыслъ, именно такой, какой въ отрицательныхъ сравненіяхъ: это—кленъ, но въ тоже время и не кленъ т. е. не обыкновенный кленъ и не чернокленъ. Для обоихъ словомъ нѣкленъ назначено для татарскаго клена одно и тоже мѣсто въ мысли подлѣ обыкновеннаго клена и черноклена, но въ каждомъ это мѣсто заполнено различно. Общее между говорящимъ и слушающимъ¹² условлено ихъ принадлежностью къ одному и тому-же народу¹⁾. Другими словами: ближайшее значеніе слова народно, между тѣмъ дальнѣйшее, у cadaго различное по качеству и количеству элементовъ,—лично. Изъ личнаго пониманія возникаетъ высшая объективность мысли, научная, но не иначе, какъ при посредствѣ народнаго пониманія, т. е. языка и средствъ, созданіе коихъ условлено существованіемъ языка. Такимъ образомъ область языкознанія народно-субъективна. Она соприкасается съ одной стороны съ областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, съ другой—съ мыслью научной, представляющей наибольшую въ данное время степень объективности.

III.

Различныя понятія о корнѣ слова.

Мы видѣли, что появленіе даннаго слова предполагаетъ существованіе предъидущаго; это въ свою очередь возникаетъ изъ другого и т. д. Пока, остано́вимся на этомъ наблюденіи, хотя оно не можетъ насъ удовлетворить, такъ какъ невозможно допустить, невпадая въ мистицизмъ, чтобы ряды словъ продолжались до безконечности и чтобы языкъ не имѣлъ начала. Къ этому наблюденію мы прибавимъ, другое. Въ словахъ индо-европейскихъ языковъ замѣчается, кромѣ различія элементовъ, т. е. кромѣ того, что слово состоитъ изъ звуковаго единства, представленія и значенія, еще другого рода сложность, состоящая въ томъ, что слово заключаетъ въ себѣ болѣе одной части²⁾ и что части эти не могутъ быть выведены одна изъ другой: -та въ верс-та не-есть по¹³ рожденіе части верт и непредполагаетъ ея, и наоборотъ. Правда, въ санскритѣ есть слова, частью употребляемыя самостоятельно (напр. гир, возваліе, рѣчь, двиш, врагъ), частью стоящія на концѣ другихъ болѣе сложныхъ словъ, какъ лии въ мадһу-лии, собственно медо-

¹⁾ Слово народъ употреблено здѣсь для краткости. Кругъ единства пониманія известнаго слова можетъ быть гораздо тѣснѣе отвлеченнаго понятія „такой то (Русскій и пр.) народъ“.

²⁾ Восклицаніе, какъ о! и т. п., не-есть слово.

лизъ, пчела] (Bopp, Krit. Gr. der Sankr. Spr §§ 106, 154; M. Müller Vorles. üb. die Wiss. d. Spr. II 75—6), слова, коихъ звуки немогутъ быть разбиваемы на части безъ уничтоженія всякаго ихъ значенія. Остановливаясь только на звукахъ этихъ словъ, неможемъ замѣтить въ нихъ никакого различія частей; но обращая вниманіе на то, что эти слова суть имена, а не другая какая либо часть рѣчи, и что этотъ отгѣнокъ неможетъ быть выведенъ изъ значеній, какъ „звать“, „ненавидѣть“ „лизать“, взятыхъ сами по себѣ; мы должны признать въ этихъ словахъ сложность значенія въ томъ-же самомъ смыслѣ, въ какомъ ее находимъ въ словѣ верста и т. п. На вопросъ „откуда могла взятся эта сложность значенія и почему слово, какъ гир, рѣчь, есть существительное женскаго р. въ именит. над. единств. ч.“? можемъ отвѣтить только такимъ образомъ: такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе опредѣленной грамматической категоріи (имя, глаголь и т. д.) достигается въ словѣ индоевропейскихъ языковъ тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ болѣе одной части; то и сложность значенія словъ, какъ двиш, ихъ грамматическая опредѣленность, можетъ быть только отраженіемъ болѣе наглядной сложности другихъ словъ ¹⁾. Потому двиш понималось какъ имя, что рядомъ съ нимъ было сложное двѣш-ми (или другая болѣе древняя форма этого рода), имѣвшее функцію глагола.

Спрашивая себя послѣ этого, какое значеніе можно придать термину „корень слова“, прежде всего отвѣтимъ, что корнемъ можетъ быть то, изъ чего возникаетъ данное слово. Въ этомъ, впрочемъ 14 неупотребительномъ, значеніи всякое-относительно первообразное слово будетъ корнемъ своего производнаго, съ тѣмъ непрѣмннмъ условіемъ, чтобы первое объясняло всѣ части послѣдняго, напр. верста, поворотъ плуга, по отношенію къ верста, борозда. Но этимъ значеніемъ термина удовольствоваться нельзя, ибо напр. верста въ 1-мъ своемъ значеніи предполагаетъ слово, которое необъяснитъ намъ происхожденія части -га. Эта послѣдняя должна имѣть свой корень. Такъ приходимъ къ тому, что слово посредственно или непосредственно предполагаетъ столько корней, сколько въ немъ частей. ²⁾ Мы видѣли выше, что подъ частями даннаго слова слѣдуетъ разумѣть какъ такіа значенія или ихъ отгѣнки, которыя изображаются въ словѣ особыми звуками, такъ и такіа, которыя въ данномъ словѣ звуковаго выраженія неимѣютъ, а пред-

¹⁾ Есть случаи, когда звуковая недѣлимость слова только мнимая, когда слово потеряло звуковой элементъ, бывшій нѣкогда носителемъ формальнаго значенія; но отсюда неслѣдуетъ, что такъ бываетъ всегда.

²⁾ Съ этой точки зрѣнія нельзя было бы сказать что „der ausdruck stoffwurzel ist tautologisch; formwurzel—eine contradictio in adjecto. Den die wurzel ist nur stoff“ (Steinth. Ueb. die Wurz., Zeitschr f. Völkerps. II 461), т. к. суффиксъ имѣющій уже лишь формальное значеніе можетъ быть корнемъ другого суф.

полагаютъ лишь сложность другихъ словъ. Еслибы, разложивъ двѣшми и всѣ слова подобнаго строенія (ѣсмь, я(д)-мь) на составныя части (двиш, ѣс=ас, яд=ад и -ми), мы нашли корень каждой изъ нихъ, то мы бы увидѣли, что такой корень немогъ бы имѣть и той сложности значенія, какая существуетъ въ имени двиш, врагъ. Этой сложности или грамматической опредѣленности нѣ-отъ-чего было бы зависѣть. При такомъ состояніи языка и имя двиш, немогло бы существовать, какъ имя. Въ области исторически данныхъ индоевропейскихъ языковъ не находимъ уже такой простоты строенія, такого отсутствія грамматическихъ разрядовъ; но навѣрное предполагаемъ въ нихъ такое состояніе, основываясь какъ на анализѣ самыхъ этихъ языковъ, на существованіи въ наше время другихъ языковъ подобнаго, хотя и неполнѣ такого же устройства, такъ и на наблюденіяхъ надъ языкомъ нашихъ дѣтей.

Подъ дѣтскимъ языкомъ разумѣемъ здѣсь не тѣ такъ называемыя дѣтскія слова, какъ вава, цаца, которыя входятъ къ составу нашихъ словарей и суть не болѣе, какъ результаты старанія взрослыхъ примѣниться къ дѣтскому выговору и пониманію ¹⁾. Категоріи нашего языка такъ тѣсно связаны съ нашею мыслью, что мы ихъ мыслимъ и ¹⁵ произносимъ и такія слова, какъ вава и пр. Слова эти въ нашихъ устахъ выходятъ сложными результатами мысли и потому это не дѣтскія слова. Практически воротиться къ первымъ ступенямъ развитія мы уже не можемъ; но наблюдая за первыми дѣтскими попытками сознательнаго мышленія, присутствуемъ тѣмъ самымъ и при зарожденіи языка, при самостоятельномъ созданіи словъ, которыя, хотя въ наше время почти никогда не переходятъ въ языкъ взрослыхъ, да и самими дѣтьми весьма скоро забываются, но даютъ возможность заключать о явленіяхъ первобытнаго языка народовъ. Вотъ одно изъ подобныхъ наблюденій.

Ребенку показали въ окнѣ игрушечной лавки статуэтку безобразнаго старика въ очкахъ, читающаго книгу, и сказали при этомъ, что онъ „бу-бу-ба“, т. е. онъ читаетъ, произносимъ такіе звуки. То, что здѣсь было произнесено взрослымъ такъ называемое дѣтское слово, намъ важно лишь для сравненія съ тѣмъ, что произведено этимъ словомъ въ самомъ ребенкѣ. Звуки „бу-бу-ба“ сочетались въ немъ съ одновременнымъ впечатлѣніемъ отъ статуэткі и изъ этой ассоціаціи вышло въ теченіе немногихъ слѣдующихъ дней нѣсколько словъ съ тѣми же звуками, словъ, возникновенія которыхъ никакъ нельзя было предвидѣть въ началѣ. Послѣдовательность этихъ словъ была приблизительно такова: нѣчто безобразное и страшное; нѣчто нехорошее, непріятное въ насто-

¹⁾ Ср. Paul, Principien der sprachgesch. 1880. Стр. 191.

²⁾ Нѣкоторыя междометныя слова, между прочимъ дѣтскія, т. е. созданныя не дѣтьми, а для дѣтей, даже фонетически предполагаютъ категоріи имени, глагола, множественнаго числа и пр.

ищемъ смыслѣ и въ шутку (напр. одинъ знакомый въ очкахъ, котораго ребенокъ зналъ еще прежде и жаловалъ); нѣчто чужое, но не страшное, а безразличное; нѣчто новое, странное, съ переходомъ отъ чужаго къ странному, какъ въ странный и *étrange* = *extraneus*. Конечно, тутъ легко было ошибиться въ толкованіяхъ, по несомнѣнно, что ребенокъ различалъ нѣсколько значеній, т. е. словъ, и что умыселъ лица, отъ котораго заимствованы звуки „бу-бу-ба“, мысль, вложенная этимъ лицомъ въ эти звуки, въ развитіи послѣдующихъ значеній были ни при чемъ. Тотъ же ребенокъ кухарку Прасковью называлъ пухоня, а 16 пироги, которыя она подавала на столъ—пухоній¹⁾). Въ первомъ примѣрѣ безусловное начало ряда словъ есть сочетаніе звуковъ бу-бу-ба и извѣстнаго чувственнаго образа. Такое сочетаніе не только не-есть имя или глаголь, но это даже вовсе не слово, потому что въ немъ недостаетъ одного изъ существенныхъ элементовъ вновь возникающаго слова, именно представленія: въ немъ новое воспріятіе не сравняется ни съ чѣмъ, ни чѣмъ необъясняется, не доводится до сознанія, а лишь безъ вѣдома лица связывается въ немъ со звукомъ, такъ что повтореніе того же воспріятія приводитъ въ память и воспроизводитъ звукъ, и наоборотъ. Отсюда заключаемъ, что и въ языкѣ первобытнаго чело- вѣка начало ряда словъ не было словомъ. Въ нашемъ примѣрѣ звукъ былъ данъ ребенку извнѣ, независимо отъ самостоятельно полученнаго имъ впечатлѣнія. Вполнѣ самостоятельно созданныхъ членораздѣльныхъ звуковъ мы въ дѣтскомъ языкѣ незамѣчаемъ, впрочемъ не потому, что ихъ теперь вовсе не бываетъ, а потому что степень ихъ членораздѣльности весьма низка и что эти несовершенныя созданія весьма скоро вытѣсняются болѣе совершенными заимствованіями. Въ первобытномъ чело- вѣкѣ, которому нѣ у кого было заимствовать, подобные звуки могли быть лишь отраженіемъ впечатлѣнія и находились отъ него въ зависимости, условленной психофизическимъ механизмомъ. Что и эти звуки стояли на низкой степени членораздѣльности, сравнительно со строгою опредѣленностью звуковъ многихъ позднѣйшихъ языковъ, въ томъ убѣждаютъ между прочимъ и наблюденія надъ фонетическими измѣненіями языковъ исторически извѣстныхъ (См. M. Müller, Vorl. üb. die wiss. d. spr. II, 179 сл.). Первое слово въ нашемъ примѣрѣ возникло тогда, когда ребенокъ обозначилъ нѣчто страшное, напр. лицо, картинку, тѣнь, но непременно нѣчто несливающееся съ первымъ впечатлѣніемъ, тѣми же звуками бу-бу-ба, съ коими сочеталось это первое впечатлѣніе. Слово это было сознательнымъ признаніемъ сходства втораго воспріятія съ первымъ въ одномъ признакѣ. Оно неосталось одинокимъ, но немедленно стало средствомъ новыхъ актовъ сознанія и дало начало новымъ словамъ, въ ряду коихъ каждое предъидущее по отношенію къ своимъ

¹⁾ Оттого, что при болѣе настойчивомъ требованіи имя кухарки повторялось съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ измѣненіемъ ударенія: „Прасковья, Прасковья!“

производнымъ можетъ назваться корнемъ, притомъ съ большимъ правомъ, чѣмъ первообразное слово флексивныхъ языковъ по отношенію къ своимъ послѣдующимъ. Сложное первообразное слово можетъ вовсе не заключать въ себѣ нѣкоторыхъ частей производнаго, такъ что послѣднее можетъ для своего появленія нуждаться въ нѣсколькихъ словахъ, между тѣмъ какъ въ нашемъ примѣрѣ этого нѣтъ. Здѣсь предъидущее слово заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для возникновенія послѣдующаго при появленіи новаго воспріятія, требующаго сравненія и объясненія. Это потому, что примѣръ нашъ относится къ тому періоду развитія, въ которомъ еще невозникла потребность въ сочетаніи словъ для обозначенія формъ мысли и самихъ этихъ формъ нѣтъ. Всѣ слова ряда, различаясь по значенію, сходны, кромѣ звуковъ, въ томъ, что неотносятъ своего содержанія ни къ какому общему разряду. Значеніе ихъ неестъ ни дѣйствіе, ни качество, ни предметъ, а чувственный образъ, предшествующій выдѣленію этихъ отвлеченій.

Для нашихъ дѣтей періодъ отсутствія флексій проходитъ очень скоро, благодаря влиянію языка взрослыхъ. Дѣти, начавшія лепетать въ концѣ перваго года, на третьемъ, при благоприятныхъ условіяхъ, доходятъ до правильнаго употребленія лицъ, надежей, предлоговъ, даже нѣкоторыхъ союзовъ. Періоды же жизни народовъ обнимаютъ тысячелѣтія. Индоевропейское племя съ незапамятныхъ временъ говоритъ флексивнымъ языкомъ. Безъ сомнѣнія, неисчислимыя теперь тысячелѣтія протекли для него между началомъ членораздѣльной рѣчи и началомъ флексій. На всемъ этомъ протяженіи жизни языка мы, на основаніи того, что доступно непосредственному наблюденію, не можемъ предложить ничего кромѣ простыхъ сочетаній звуковъ и воспріятій въ самомъ началѣ и затѣмъ—длинныхъ рядовъ словъ до-флексивнаго и флексивнаго періода. Если подъ корнями по преимуществу, согласно съ сказаннымъ до сихъ поръ, будемъ разумѣть дѣйствительныя вели- 18
чины, т. е. настоящія слова, по не представляющія никакой сложности частей и относящіяся къ до-формальному и до-флексивному періоду, то спрашивается, можетъ-ли отыскиванье такихъ корней входить въ число задачъ языковеденія? Повидимому, языковеденіе, по крайней мѣрѣ теперь, не можетъ пойти далѣе опредѣленія самыхъ общихъ свойствъ корня, понимаемаго въ такомъ смыслѣ. Отдѣльные корни, для него недоступны. Чтобы найти корень, необходимо, чтобы намъ было дано слово, ибо корень есть только предъидущее слово и безъ послѣдующаго не-есть корень, какъ отецъ неимѣвшій никогда дѣтей не-есть отецъ. Положимъ, намъ было бы дано флексивное слово, непосредственно примыкающее къ дофлексивному періоду языка, хотя, собственно говоря, нѣтъ исторически извѣстнаго слова, относительно котораго мы имѣли бы право питать такую увѣренность. Для большей простоты обратимъ вниманіе на одну лексическую сторону этого слова.

Опредѣлить его корень значило бы показать тотъ кругъ признаковъ (значеніе предыдущаго слова), изъ котораго взято его представленіе. Здѣсь, очевидно, неговоря уже о звукахъ, двѣ искомыя величины, между тѣмъ какъ извѣстная только одна, именно значеніе даннаго слова. Какъ найти эти двѣ неизвѣстныя? Конечно, никакъ нелегче въ до-историческомъ языкѣ, чѣмъ въ языкѣ нашихъ дѣтей. Если бы мы случайно не знали, какой образъ связанъ былъ ребенкомъ со звуками бу-бу-ба, то никакія соображенія ненавели бы насъ на то, почему ребенокъ напр. медвѣдя называетъ бу-бу-ба. Скорѣе всего мы бы подумали, что это слово звукоподражательное, между тѣмъ какъ на дѣлѣ звуки этого слова для самого ребенка никогда небыли звукоподражаніемъ. Столь же очевидно, что и въ другомъ примѣрѣ по одному имени пироговъ (пухоня) совершенно невозможно узнать отношеніе его къ лицу (пухоня—Прасковья).

- 19 Итакъ, если о корнѣ мы думаемъ, что онъ есть настоящее слово, величина дѣйствительная, а не идеальная, и если мы относимъ его къ періоду языка недоступному для наблюденія; то корень такъ и останется намъ неизвѣстнымъ. Согласно съ этимъ, мы должны предположить, что если языкованіе не-есть одно огромное заблужденіе, то подъ корнями, которые оно отыскиваетъ, слѣдуетъ разумѣть нѣчто иное. И дѣйствительно для практической этимологіи корень не-есть настоящее слово.

Корень въ индоеврейскихъ языкахъ, говоритъ Курціусъ, есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается отъ слова по отдѣленіи всего формальнаго и случайнаго (Grundz. d. Griech. etym. 43—4). Подъ случайнымъ здѣсь разумѣется чисто фонетическое, несвязанное съ значеніемъ слова, незнаменательное, напр. опущеніе гласной *ε* въ *γί-γν-ο-μαι* при *γένος*. Оставаясь на точкѣ зрѣнія автора, можно дополнить это опредѣленіе. Оно предполагаетъ сознаніе функціональнаго различія между такими частями слова, какъ *вѣрт* въ *верс-та*, такими какъ *-та*, но затѣмъ оно беретъ во вниманіе только части перваго рода, т. е. тѣ, которыя имѣютъ вещественное значеніе. Это такъ несправедливо, что можно съ такимъ же правомъ вмѣсто вышеприведеннаго опредѣленія поставить другое, столь же одно-стороннее: въ словѣ разложимомъ на двѣ части (*ад-ми*, *ямъ*) корень есть то знаменательное сочетаніе, которое остается по отдѣленіи всего вещественнаго, т. е. въ нашемъ примѣрѣ—*ми*, *мъ*. Раздѣливши слово *верста* на *варт-* и *-та*, видимъ, что по первой части оно сходно съ *вертѣть*, *воротъ* и *пр.*, а по второй—съ *перс-тъ*, *рос-тъ*, *пя-та*, *корос-та*, *золо-то*, *лѣ-то* и *пр.*, то есть, что слова соединяются въ семейства не только лексическими, или вещественными, но и формальными своими частями. По этому вышеприведенному опредѣленію предпочтемъ другое: корень есть знаменательное со-

четаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ остальныхъ знаменательныхъ сочетаній и по устране-20
ніи звуковыхъ случайностей. Подъ именемъ звуковыхъ случайностей разумѣемъ между прочимъ вліянія выдѣляемыхъ сочетаній на звуковую форму остающихся. Можно обобщить это и сказать вмѣстѣ съ М. Мюллеромъ: для насъ, говорящихъ флексивными языками, корни суть то, что получается въ остаткѣ послѣ полного анализа нашего нарѣчія или всѣхъ нарѣчій, въ своей совокупности составляющихъ арійскую группу (Vorles. üb. die wiss. d. spr. II 76). Сравнивая между собою извѣстное количество словъ напр., вла-ти-са, вал-и-ть, волн-а, вал-ъ, $\epsilon\lambda\text{-}\acute{\upsilon}\text{-}\omega$ (качу), $\epsilon\lambda\text{-}\acute{\upsilon}\text{-}\omega$ (вью), vol-v-o , находя въ нихъ общее знаменательное сочетание звуковъ и утверждая, что во всѣхъ этихъ словахъ выступаетъ на явѣ значеніе движенія по кривой (Curt. Grundz. № 527), очевидно, отвлекаемся отъ несходнаго въ этихъ словахъ. Мы создаемъ отвлечение, служащее пособіемъ для нашей мысли, но никакъ не ея цѣлью. Какъ и всякое отвлечение, корень, понимаемый такимъ образомъ, не можетъ совпадать ни съ однимъ изъ конкретныхъ явленій языка. Между тѣмъ тѣ самые ученые, которые считаютъ корни отвлечениями, приписываютъ имъ и реальное бытіе. Такъ Курціусъ, сказавши о томъ что непріозносимыя сочетанія, какъ $\gamma\lambda$, $\kappa\rho$, $\theta\rho\sigma$, которыя выдаются Бенфеємъ за корни, могутъ быть только чистыми отвлечениями, имѣющими одно призрачное бытіе, продолжаетъ: „хотя корни, какъ мы ихъ понимаемъ, получаютъ посредствомъ отвлечения, но изъ этого отнюдь неслѣдуетъ, чтобы они не существовали въ дѣйствительности; они въ состояніи языка исторически намъ, извѣстномъ не существуютъ только сами по себѣ. Тѣмъ неменѣе они полусознательно лежатъ въ основаніи происшедшихъ изъ нихъ формъ, подобно тому, какъ темы, произведенныя отъ корней, въ свою очередь лежатъ въ основаніи формъ отъ нихъ происшедшихъ. Къ тому-же многое говоритъ въ пользу того, что такіе корни въ древнѣйшемъ періодѣ языка, т. е. до появленія флексій, и безъ всѣхъ прибавокъ имѣли реальное бытіе, что, иначе сказать, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ были дѣйствительными словами“ (Grundz. 21 d. Gr. etym. ² 44). И такъ Курціусъ полагаетъ, что отъ способа, какимъ добываются корни, т. е. въ настоящемъ случаѣ отъ дѣятельности отвлечения, нельзя заключать о томъ, существуютъ ли корни объективно или только въ нашей мысли: корни добываются отвлеченіемъ, а между тѣмъ существуютъ объективно. Очевидно, такое утверженіе несправедливо. Собирая въ одно общіе признаки волка, лисы, шакала, собаки, и отвлекаясь отъ признаковъ несходныхъ, получимъ общее понятіе, которое nebudeтъ характеристикой никакого изъ этихъ видовъ и никакого дѣйствительнаго животнаго. Корень, какъ отвлечение, и корень какъ реальная объективная величина, т. е. какъ слово (ибо только слово

имѣть въ языкѣ объективное бытіе) суть два совершенно различныя понятія. Всякому продукту отвлеченія необходимо свойственно заключаться въ каждой изъ единицъ, бывшихъ исходными точками отвлеченія, и быть общимъ всѣмъ этимъ единицамъ. Это свойство имѣть корень, какъ отвлеченіе, но не корень, какъ слово. Процессъ отвлеченія корня не предполагаетъ между словами, надъ которыми производится, никакихъ другихъ отношеній, кромѣ отношенія сходства. Напротивъ, корень, какъ дѣйствительное слово, предполагаетъ между словами этого корня генетическое отношеніе, о которомъ мы узнаемъ не посредствомъ отвлеченія, а посредствомъ сложнаго ряда вѣроятныхъ умозаключеній. Отношеніе корня, какъ дѣйствительнаго слова, къ производнымъ сходно съ отношеніемъ родоначальника къ потомству. Въ роду, какъ и въ ряду сходныхъ словъ, до нѣкоторой степени сохраняются извѣстныя наследственныя черты. Родовыя черты могутъ быть отвлечены, но это отвлеченіе, хотя и входитъ въ характеристику каждаго изъ членовъ рода и хотя можетъ служить посылкою къ заключенію о свойствахъ родоначальника, никакимъ чудомъ нестанетъ понятіемъ объ этомъ родоначальникѣ. Подобнымъ образомъ и корень, какъ отвлеченіе, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на свойства корня, 22 какъ настоящаго слова, но не можетъ никогда равняться этому послѣднему. Странно было-бы утверждать, что родоначальникъ живетъ въ своемъ потомствѣ, хотя бы и не „самъ по себѣ“, а въ соединеніи съ чѣмъ-то постороннимъ. Онъ въ немъ неживетъ никакъ; онъ былъ лишь виновникомъ того, что въ потомствѣ сохраняются, хотя и ненеизмѣнно, нѣкоторыя черты. Точно такъ нельзя думать, что въ производныхъ живетъ какъ бы то ни было корень, какъ слово. Въ дошедшихъ до насъ индоевропейскихъ языкахъ нѣтъ корней въ смыслѣ до-флективныхъ словъ, но отношенія этихъ корней къ своимъ производнымъ были въ существенномъ такія же, какъ отношенія извѣстныхъ намъ первообразныхъ словъ къ своимъ. И вотъ спрашивается, развѣ первообразное слово подъшва (подошва), почва (id.) заключено въ своемъ производномъ почва, верхній слой земли? ¹⁾ Очевидно, что элементы перваго слова, кромѣ звуковъ, суть: значеніе—подошва обуви и представленіе—нѣчто подшитое, и что этихъ элементовъ, опять кромѣ звуковъ, нѣтъ во второмъ словѣ, въ которомъ значеніе (верхній слой земли) представлено находящимся подъ ногою, подобно подошвѣ. Вр. початокъ (вр. починокъ) есть веретено пряжи, представленное имѣющимъ одинъ початокъ (начало) нити, стало быть одну нить; но въ производномъ початокъ, колосъ кукурузы, представленія перваго слова нѣтъ и слѣда,

¹⁾ Ошибочно предположеніе Дали, что это слово относится къ *почивать*. Ср. „подошва церковная“—фундаментъ, 1552 г., Ак. оп. до Юр. Б. II, 776; „... съ *пошвы* (т. е. подшвы) до *пошвы*“. И около презрѣннымъ взглядомъ мое строеніе слегка съ своимъ обозрѣвая *платье*, Ты. I. мнѣшъ...“ (Державинъ); „до подошвы они (мироѣды) всѣхъ да разорязятъ“ (Барс. Писит. I, 285).

а отъ значенія (веретено пряжи) остался одинъ слѣдъ въ томъ, что колосъ кукурузы представленъ имѣющимъ очертаніе веретена съ пряжею. Такимъ образомъ въ послѣдующемъ словѣ, какъ уже выше было сказано, заключено всегда не предшествующее слово, а лишь отношеніе къ нему. Если же предъидущее слово исчезло изъ языка, то тѣмъ самымъ исчезло и отношеніе къ нему послѣдующаго. То-же слѣдуетъ сказать о звуковыхъ отношеніяхъ словъ. Во множествѣ случаевъ очевидно, что извѣстное сочетаніе звуковъ не-есть общее всему семейству словъ. Заключая отъ случаевъ имѣющихъ для насъ силу аксіомъ, мы ²³ говоримъ, что ча (въ початокъ) предполагаетъ ча; но второе вовсе не заключено въ первомъ, ча не заключено въ своей соотвѣтственной русской формѣ. Согласно со всѣмъ этимъ и корень, какъ до-флексивное слово, не заключенъ въ своихъ производныхъ и не существуетъ въ нихъ объективно ни самъ по себѣ, ни въ соединеніи съ другими корнями. Подобно тому, какъ дальнѣйшіе члены рода получаютъ жизнь не отъ того, кого людская память считаетъ ихъ родоначальникомъ, а отъ своихъ родителей; и при созданіи слова предъ мыслью создателя находится корень только тогда, когда слово прямо примыкаетъ къ до-флексивному періоду. Въ остальныхъ случаяхъ реальною основою производнаго слова служитъ не корень, какъ до-флексивное слово, и не тема, которая есть отвлеченіе, а флексивное же слово.

Курціусъ, стараясь совмѣстить отвлеченность корня съ его объективнымъ бытіемъ, незамѣтно для себя подмѣняетъ одно понятіе о корнѣ другимъ, совершенно отличнымъ ¹⁾. Далѣе онъ самъ доказываетъ, что

¹⁾ Онъ повторяетъ здѣсь ошибку М. Мюллера, который, какъ видно изъ слѣдующаго, признаетъ за анализомъ чудотворную силу открывать корни, какъ объективныя единицы. Вслѣдъ за вышеприведеннымъ опредѣленіемъ корня М. Мюллеръ говоритъ „Если нашъ анализъ совершенъ надлежащимъ образомъ, то то, что намъ является какъ простой остатокъ (т. е. корень, какъ отвлеченіе), должно первоначально быть реальнымъ зародышемъ. Эти зародыши на ранней степени развитія языка должны были служить всякой цѣли. Мы не должны также забывать, что есть языки, которые остались въ этомъ зачаточномъ состояніи, въ которыхъ до нынѣшняго дня нѣтъ никакого вышшняго различія между корнемъ и словомъ. Въ Китайскомъ напр. *ly* означаетъ орать, рало и волъ (т. е. *оратай*), та значить быть великимъ, величина и великій. Слѣдуетъ ли принимать извѣстное слово за имя, или за глаголь, или за частицу, это зависитъ отъ мѣста занимаемаго имъ въ предложеніи... Начтоже указываетъ это? Я полагаю, на то, что въ ростѣ языка была ступень, на которой еще небыло установлено то тѣсное разграниченіе, какое мы дѣлаемъ между частями рѣчи, на которой даже различіе подлежащаго и сказуемаго, служащее основаніемъ разграниченію частей рѣчи, несовершенно еще проявилось въ дѣйствительности и не получило еще никакого вышшняго выраженія“ (Vorles. II. 76—7). Мы несомнѣваемся въ томъ, что была такая пора въ жизни флексивныхъ языковъ, и утверждаемъ только, что остатки отъ анализа ни коимъ образомъ немогутъ превратиться въ реальные зародыши языка, т. е. слова до-флексивнаго періода, и что мы имѣемъ родина этому сть самообольщеніе.

корни, какъ онъ ихъ понимаетъ, немогутъ имѣть другого бытія, кромѣ идеальнаго. Онъ отвергаетъ корни, какъ непроизносимыя сочетанія согласныхъ. Дѣйствительно, такое понятіе о корнѣ совмѣстимо лишь съ полнымъ отсутствіемъ историческаго взгляда на языкъ. Лишь тотъ 24 для кого формы *γί-γν-ο-μαι*, *γέρ-ος*, *γόν-ος* и *γυν-ή* стоятъ на одной плоскости, можетъ считать корнемъ этихъ словъ *γν*. Но то, что въ современномъ частномъ языкознаніи ставится на мѣсто такого корня, хотя и болѣе удовлетворяетъ требованіямъ науки, тѣмъ менѣе несть дѣйствительное слово.

„Не столь легко, какъ на вопросъ „возможно-ли принимать корни безъ гласныхъ“, говоритъ Курціусъ, „отвѣтить на другой вопросъ: слѣдуетъ ли выставлять для каждаго языка особые корни, или же одни общіе для всего семейства языковъ“. На первый взглядъ кажется болѣе согласнымъ съ понятіемъ о корняхъ, какъ дѣйствительныхъ первобытныхъ словахъ языка, говорить не о греческихъ, а лишь объ индоевропейскихъ корняхъ, ибо нѣтъ ничего достовѣрнѣе того, что *θε*, *ζυ*, *γερ* никогда небыли самостоятельными словами. Эти звуки образовались лишь много спустя послѣ того, какъ языкъ оставилъ позади себя первобытныя слова... Поэтому Гейзе допускаетъ только индоевропейскіе корни, а Штейнталь соглашается съ нимъ, между тѣмъ какъ Яковъ 25 Гриммъ держится мнѣнія, что то, что считается корнемъ въ одномъ языкѣ, можетъ непризнаваться корнемъ въ другомъ. Очевидно, дѣло идетъ здѣсь не о теоріи“ (т. е. не о полной истинѣ, доступной въ данное время), „по крайней мѣрѣ не о ней одной, а о практикѣ, т. е. о временныхъ потребностяхъ изслѣдованія отдѣльныхъ языковъ. Кто принимаетъ только индоевропейскіе корни, тотъ тѣмъ самымъ долженъ устранить не только греческіе, но и санскритскіе корни. Согласно съ этимъ, можно бы говорить только о корнѣ ган, а не о джан или *γερ*. Корень гар, который и самъ по себѣ имѣетъ три существенно различныя основныя значенія: звать (*γῆρόω*), глотать (*βορέϊν*), и бодрствовать (*ἐγρηγορέναι*), совпалъ бы такимъ образомъ съ корнемъ джар, который также имѣетъ три главныя значенія: старѣться (*γῆρων*), приближаться и хрустѣть. Такъ какъ основное *κ* въ санскритѣ частью остается неизмѣннымъ, частью переходитъ въ *ч* и *с*, то три корня кам любить, чам хлебать, и самъ успокаивать, или кар дѣлать, и чар ити, должны быть сведены къ одному или нѣсколькимъ равновзвучнымъ. Но не значило-ли бы это, по требованію теоріи, сваливать въ кучу образованія, которыя въ живомъ языкѣ далеко расходятся между собою? Еще опаснѣе былъ бы такой приѣмъ въ примѣненіи къ греческому языку, въ которомъ уже съ древнѣйшихъ временъ большее чѣмъ въ санскритѣ количество гласныхъ содѣйствовало различенію значеній. *εδ* ѣсть и *οδ* пахнуть въ греческомъ также строго отдѣляются другъ отъ друга, какъ и соотвѣтственные слова въ латинскомъ (*edere* и *odor*)

и литовскомъ (*ėdmi*, ѣмъ и *ūdžiū*, нюхаю). Неужели оба корня намъ слѣдуетъ свести къ не встрѣчаемому нигдѣ чисто-теоретическому *ad*? Кто же поручится намъ за то, что и въ болѣе раннемъ періодѣ *ad*, *ġst* и корень, означающій нюхать, пахнуть, небыли различены между собою, но только неизслѣдимымъ для насъ способомъ? Темы (*die Stämme*) *ar* (*ἀραρίσσω* и *ἀρώω*), *er* (*ἐρέβω*), *or* (*ὄρνυμι*) возводятся къ одной основной темѣ, къ сохраненному въ санскритѣ *ar-*, но съ каждою изъ этихъ трехъ формъ соединено особое значеніе: съ формою съ *a*—значенія ладно приходится къ чему и орать, съ формою съ *e*—грести 26 *в*сломъ, съ формою съ *o*—возбуждать, подниматься; а если сравнимъ латинскія слова *artus*, *gēnus* и *origo*, то окажется, что и здѣсь съ тѣми же гласными связано тоже специальное значеніе. Слѣдовательно, измѣненіе гласныхъ здѣсь ни формально, ни случайно, но, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, должно быть отнесено къ корню. Кто приметъ одно *ar-* за корень всѣхъ этихъ греческихъ словъ, тотъ изгладитъ специальное отношеніе звука *a* къ значенію *ἀραρίσσω* и пр., тотъ упуститъ изъ виду элементы, служащіе значенію въ темахъ словъ *ἐρέβω* и *ὄρμετος*. Разница между *ἀρμενος* (прилаженный и пр.) и *ὄρμετος* (стебель, побѣгъ) совершенно отлична отъ разницы между *λέγω* и *λόγος*, между *ἔτροπον* (imperf.) и *ἔτραπον* (aor.). Въ послѣднемъ случаѣ измѣненіе гласныхъ связано съ формальнымъ значеніемъ словъ, а въ первомъ оно принадлежитъ къ вещественному содержанію языка (*sprachstoff*). *or* такимъ же образомъ заключено въ формахъ *ὄρτο* (поднялся), *ὄρμετος*, *ὄρνυμι*, *ορίνω*, какъ ихъ основное содержаніе (*grundstoff*), и дѣйствуетъ въ нихъ, такъ сказать, какъ монада, какимъ скр. *ar-* заключено въ происшедшихъ отъ него. Принятіе такого рода темъ (*ar-er, or*) столь же необходимо для яснаго изображенія строенія языка какъ и принятіе темъ именныхъ, производныхъ глагольныхъ и мѣстоименныхъ. И именная тема *πλοο-* никогда не существовала сама по себѣ а между тѣмъ мы называемъ ее тѣмъ-же именемъ, что и санскритскую тему *плава-*, самостоятельное существованіе коей скорѣе можетъ быть допущено. Мы называемъ *e* въ *πλοο-ς*, *плава-с* окончаніемъ именительнаго, хотя собственно первоначальнымъ знакомъ этого надежа было по всей вѣроятности *sa*. Однимъ словомъ, вездѣ въ языковеднн мы называемъ тѣ звуковыя сочетанія и элементы, которые суть изображенія и какъ бы наслѣдники соотвѣтственныхъ индогерманскихъ сочетаній и элементовъ, тѣми же именами, что и эти послѣдніе. Такъ какъ въ развитіи языка господствовало непрерывное преданіе, то *yer* есть 27 наслѣдникъ корня ган. *Ger*, постепенно образовавшееся изъ ган, всегда сохраняло одинаковую съ нимъ цѣнность для словообразованія; почему-бы намъ называть эти сочетанія разными именами? Мнѣ некажутся особенно удачными попытки предотвратить смѣшеніе индогерманскихъ корней съ тѣми, которые имъ наслѣдовали. Гейзе различаетъ корни

и коренныя формы (wurzelformen), хотя, строго говоря, понятие корня несомнѣнимо съ понятіемъ формы; Штейнталь различаетъ корень и тему, но послѣднее выраженіе слишкомъ обширно; Поттъ—корни абсолютныя и относительныя. Сознаніе этого послѣдняго различія безъ сомнѣнія важно. Но неужели всегда намъ возможно дойти до безусловно послѣдняго корня? Уже одна необходимость принимать для индогерманскаго періода множество гомонимныхъ корней заставляетъ усумниться въ этомъ. Неужели кто либо возьмется возвести къ одному основному значенію значенія вышеупомянутаго корня кам, любить и хлебать, или найдетъ вѣроятнымъ, что языкъ съ самаго начала обозначилъ столь различныя значенія тѣмъ же звукомъ? Однимъ словомъ, хотя мы признаемъ вѣроятнымъ, что исходными точками индогерманскаго языка были слова (wortkörper) въ родѣ тѣхъ корней, до которыхъ мы можемъ доходить посредствомъ заключеній, и что многіе изъ сихъ послѣднихъ имѣли уже съ самаго начала именно тѣ самыя звуки, какіе мы въ нихъ находимъ, но рѣшить, есть-ли такое-то сочетаніе звуковаго комплекса и значенія безусловно древнѣйшее, или нѣтъ, невозможно. Поэтому языковѣдѣе въ частности всегда будетъ имѣть дѣло только съ относительными корнями, которые въ каждомъ языкѣ являются въ другомъ видѣ“ (Curt. Grundz. d. Græch. Et. ² 45—7).

На это прежде всего замѣтимъ, что на нашъ взглядъ вопросъ о томъ, „слѣдуетъ ли при современномъ состояніи языковѣданія для каждаго изъ индоевропейскихъ языковъ принимать свои корни, или только 28 корни индоевропейскіе?“ не представляетъ никакихъ трудностей. Тутъ нѣтъ никакого или.. или... Безъ сомнѣнія слѣдуетъ выставить тѣ и другіе. Начиная съ ближайшихъ къ намъ явленій даннаго языка и восходя къ началу, мы доходимъ до такихъ комплексовъ, коихъ болѣе древній видъ неможетъ быть найденъ средствами одного этого языка, напр. до корней *ed* и *od* въ Греческомъ, до корней кам и чамъ въ Санскритѣ. Никто намъ немышаетъ остановиться на этомъ, но въ такомъ случаѣ мы насильно подавимъ въ себѣ послѣднее заключеніе, вытекающее изъ того, что намъ извѣстно, именно, что *od* и *ed* предполагаютъ ад, что чамъ предполагаетъ кам. Дѣлая это заключеніе, мы оставляемъ открытыми вопросы: находились-ли въ связи между собою значенія извѣстныя намъ въ *od* и *ed*, въ кам и чамъ? Если нѣтъ, то небыло-ли съ самаго начала звуковой разницы между ад ѣсть и ад нюхать, пахнуть? Если да, то какова была эта связь? Такимъ образомъ мы вовсе несваливаемъ въ одну кучу того, что раздѣлено языкомъ, вовсе нестираемъ установленныхъ имъ отношеній извѣстныхъ звуковъ къ извѣстнымъ отгнкамъ значенія, такъ какъ, восходя отъ ближайшихъ явленій къ болѣе отдаленнымъ, незаметаемъ своихъ слѣдовъ. Неможетъ быть никакого вреда отъ того, что состояніе нашихъ знаній приуждаетъ насъ принять для чамъ предшествующую форму кам.

Напротивъ, какъ ни бесплодна можетъ показаться такая теоретическая конструкція теперь, возможно, что послѣ она ляжетъ въ основаніе дальнѣйшихъ заключеній. Курціусъ думаетъ, что никто не сочтетъ вѣроятнымъ соединенія въ слогѣ какъ столь различныхъ значеній, какъ любить и хлебать. Почему знать? Хотя можетъ современемъ открыться, что какъ любить и чамъ хлебать неимѣютъ между собою ничего общаго, но неневероятна покамѣстъ и ихъ генетическая связь. Въ славянской народной поэзіи весьма распространено символическое изображеніе любви ѣдой и питьемъ ¹⁾. Почему бы и въ какъ любовь немогла ²⁾ быть представлена хлебаньемъ?

Принятіе какъ обще-индоевропейскихъ, такъ и спеціально греческихъ, славянскихъ и др. корней, не заключаетъ ни малѣйшаго противорѣчія, Въ общихъ чертахъ тѣ и другіе совершенно сходны. Первые не въ большей мѣрѣ суть настоящіе слова, чѣмъ вторые, такъ какъ ни тѣ, ни другіе не-суть вовсе слова. Они—отвлеченія, но добытыя не изъ всего семейства словъ, каковъ бы былъ напр. корень „гортанная+л“ въ словахъ скользить, колзатъ, холзатъ, гылзатъ и глудкой, а только изъ древнѣйшаго члена семейства въ отдѣльномъ языкѣ, какъ напр. въ греческомъ, или во всемъ индоевропейскомъ. Преимущества такихъ корней предъ тѣми, которые составляютъ вытяжку изъ всего извѣстнаго семейства словъ и равномѣрно заключены въ каждомъ его членѣ, равны преимуществамъ историческаго языкознанія предъ чисто описательнымъ. Корень (отвлеченіе), какъ онъ понимается теперь, есть понятіе несравнено болѣе опредѣленное, чѣмъ корень, какъ принадлежность описательнаго языкознанія. Такъ въ звуковомъ отношеніи вмѣсто формулы „горт.+л“ для семейства скользить и пр., мы выставляемъ корень скнал ²⁾. Мы уже не говоримъ о значеніи общемъ всѣмъ словамъ одного корня, которое, при многочисленности семейства и чрезвычайномъ разнообразіи, а нерѣдко и противоположности значенія составляющихъ его словъ, должно быть чрезвычайно блѣдно. Мы приписываемъ корню скнал то значеніе, какое можетъ быть отвлечено отъ значенія глагола скнал-а-ти, колеблется, качается, глагола не искусственно построеннаго нами, а дѣйствительно находимаго въ санскритѣ, который въ этомъ случаѣ кажется наиболѣе близкимъ къ общеарійскому языку. Здѣсь можно поступать и дѣйствительно поступаютъ еще осторожнѣе. Звуковыхъ знаменательныхъ сочетаній въ языкѣ несравнено менѣе, чѣмъ представленій и значеній, такъ какъ на одно такое соче-

¹⁾ См. мое соч. Объясн. мр. пѣсень, II. указатель.

²⁾ Если бы для совокупности словъ, которыя мы считаемъ сначала за одно семейство, нашлось два или нѣсколько корней, которыя немогутъ быть сведены къ одному внутри даннаго языка, то мы бы сказали, что первоначальное наше утвержденіе ошибочно и что мы имѣемъ передъ собою не одно семейство, а нѣсколько сродныхъ, которыхъ единство—древнѣе разсматриваемаго нами языка.

таніе приходится сплошь и рядомъ нѣсколько значеній. Другими словами, измѣнчивость и подвижность мысли въ языкѣ гораздо болѣе измѣнчивости звуковъ. Звуковыя аналогіи, которыми руководствуемся воходя отъ послѣдующихъ звуковыхъ формъ къ предыдущимъ, заводятъ насъ дальше, чѣмъ тѣ, посредствомъ коихъ подвигаемся отъ послѣдующихъ значеній къ предыдущимъ. Поэтому благоразумно, выставляя звуковыя сочетанія, предполагаемыя въ до-флексивномъ періодѣ извѣстнымъ семействомъ словъ, вовсе непридавать этимъ сочетаніямъ вида дѣйствительныхъ словъ, неприписывать имъ значенія древнѣйшаго глагола въ этомъ семействѣ, но говорить напр., что корень словъ дамъ, дати, даръ, данъ есть да или дâ (относит. краткости или долготы конечнаго а корня, см. Schleicher, Compend³ § 206, прим. 3) съ неизвѣстнымъ значеніемъ¹⁾. Корни специально народныя (греч. слав. и пр.) и корни общиндоевропейскіе суть неболѣе, какъ необходимыя (каждая на своемъ мѣстѣ) посылки начатаго языкознаніемъ, но недоведеннаго до конца умозаключенія о корняхъ, какъ дѣйствительныхъ словахъ, о свойствахъ языка, неизвѣстнаго намъ исторически. О такихъ корняхъ конечно нельзя сказать, что съ нихъ началось созданіе языка (Curt. Zur Chronologie etc 17); ими только кончается наше знаніе строенія языка. Кто же думаетъ, что довелъ изслѣдованіе хотя одной какой либо частности до самаго конца, кто напр. въ значеніи корней, добываемомъ нынѣ языкознаніемъ, усматриваетъ дѣйствительныя свойства первобытнаго языка, тотъ принимаетъ средство за цѣль, подмостки за самое зданіе.

Довольно давно уже считается нестоящимъ опроверженія мнѣніе, что все содержаніе языка идетъ отъ ограниченнаго числа, напр., по Беккеру, отъ 82-хъ кардинальныхъ понятій. Напротивъ, мы слышимъ теперь, что содержаніе первобытнаго языка должно было быть болѣе частно, что заключая отъ различія звуковой формы къ различіямъ значе-

¹⁾ Такой корень не-есть тоже, что слогъ (понятіе чисто фонетическое). Штейнталь, излагая мысль Потта, говоритъ „мы употребляемъ выраженія буква, гласная, согласная, слогъ, въ томъ случаѣ когда, отвлекаясь отъ ихъ значенія въ языкѣ, разсматриваемъ звуки или сочетанія звуковъ, какъ физиологическіе продукты; съ другой стороны мы употребляемъ выраженіе корень, разсматривая слогъ, какъ принадлежащій извѣстному языку и имѣющій определенное значеніе. Т. о. разница между корнемъ и слогомъ, какъ между словомъ и слогомъ (или слогами) основана не на чемъ либо объективномъ, а лишь на нашей точкѣ зрѣнія“ (Ueb. die wurzeln der sprache, Z. f. Völkerpsych. II. 458). Но въ данномъ языкѣ и въ определенномъ случаѣ не всякій разъ къ слогу примѣнимы обѣ эти точки зрѣнія. Напр. хъ или шъ въ похъ-ва, по-шъ-ва есть слогъ, составляющій физиологическій продуктъ и имѣющій мѣсто въ определенномъ языкѣ; но ни въ какомъ отношеніи не-есть корень. Стало быть есть нѣчто объективное, заставляющее насъ смотрѣть на это шъ лишь съ фонетической стороны. Знаменательность—общій признакъ понятій корня и темы (основы). Эти понятія тождественны въ случаяхъ, когда тема, напр. да въ да-лъ, да-нъ далѣ неразложима, и несовпадаютъ когда тема, напр. да-д въ да(д)-мъ, да(д)-си, разложима.

ній, слѣдуетъ считать корни индоевропейскаго языка сотнями, а не десятками, а тѣмъ менѣе единицами. Тѣмъ неменѣе въ нынѣшнихъ взглядахъ можно замѣтить отблески прежнихъ „кардинальныхъ понятій“ и т. п. Конечно, уже большое разстояніе между попытками 31 напр. вывести весь греческій языкъ изъ *ἄω* и т. п. и утверженіемъ что „индогерманецъ сначала обозначалъ частныя понятія, подходящія подъ общее ити, а лишь потомъ это общее“ (Curt. Grundz. ² 91); но и тотъ, кто въ древнѣйшемъ достижимомъ для насъ словѣ находитъ, положимъ, не общее понятіе „видѣть“, а частныя, schauen, spähen, blicken, achten и др., все таки предполагаетъ, что мысль человѣка того времени вращалась въ кругу общихъ понятій. „Человѣкъ, говоритъ Максъ Мюллеръ, неможетъ дать имени никакому предмету, неоткрывши предварительно общаго качества, которое во время наблюденія показалось ему наиболѣе поразительнымъ признакомъ этого предмета“ напр. въ словахъ *aśva-s*, *equus*, *ἵπλος*, конь названъ по быстротѣ, отъ *aś*, быть быстрымъ, острымъ. „Исслѣдуя любое слово, мы постоянно приходимъ къ тѣмъ-же результатамъ; каждый разъ выражается (предварительно) общее качество, приписывается предмету какъ его свойство... Слѣдя за словомъ во всѣмъ степенямъ его развитія до его исходной точки, въ концѣ, или, лучше сказать, въ началѣ мы встрѣчаемъ лишь корни совершенно общаго значенія, какъ ити, двигаться, бѣжать, дѣлать... Взявши во вниманіе, что человѣкъ изъ этихъ неопредѣленныхъ и блѣдныхъ понятій сумѣлъ образовать слова, выражающія тончайшіе оттѣнки нашей мысли и чувства, мы лишь тѣмъ болѣе должны удивляться чудодѣйственнымъ силамъ языка“ (M. Müller, Vorlesung. *ueb. die Wiss. der Spr.* II, 58—69). Мы нестанемъ удивляться тому, что если въ языкѣ есть названія отвлеченныхъ качествъ и дѣйствій, то отъ нихъ могутъ образоваться слова съ значеніями болѣе конкретными. Примѣры этому у насъ постоянно предъ глазами, такъ что за ними нѣчего ходить въ древность, или въ чужіе языки. Что удивительно и непостижимо, такъ это то, если только это правда, что языкъ нѣкогда состоялъ изъ однихъ названій отвлеченностей, что человѣкъ долженъ былъ сначала создать эти названія и отъ нихъ уже спуститься къ конкретному. И правда-ли это? Въ утверженіи, что, 32 при исслѣдованіи начала словъ, всегда наталкиваемся на общее качество, подъ „всегда“ слѣдуетъ разумѣть „въ концѣ“, то есть въ такой дали, въ которой отъ наблюденія ускользаютъ уже опредѣленные очертанія явленій. Въ большей близи видно и не то. Когда въ нашихъ языкахъ имена производятся отъ именъ, когда напр. початокъ, колосъ ишенички, производится отъ почато къ, веретено пряжи, то развѣ при этомъ предварительно выражается общее качество, приписываемое предмету въ производномъ словѣ? Нѣтъ, одного слова для качества „подобный веретену пряжи“ или для дѣйствія „быть подоб-

нымъ веретену пряжи^а у насъ вовсе и небыло въ языкѣ. Когда ребенокъ назвалъ сферичный колпакъ лампы арбузомъ, то открылъ ли онъ сначала общее качество шарообразности? Нѣтъ. Еслибы такое мгновеніе было, какъ оно бываетъ впоследствии, то оно оставило бы по себѣ слѣдъ въ словѣ, подобномъ нашему круглый, шаровидный, арбузовидный и т. п., а не въ названіи стекляннаго шара арбузомъ. Утверждать противное не заставитъ-ли насъ утверждать и то, что собака составляетъ сначала, хотя и безсловесно, общія понятія о качествахъ нищеты и богатства, а потомъ уже начинаетъ съ лаемъ бросаться на всякаго нищаго, входящаго во дворъ?

Все заставляетъ думать, что и въ языкѣ, какъ и вообще, за исходную точку мысли слѣдуетъ признавать чувственныя воспріятія и ихъ комплексы, стало быть нѣчто весьма конкретное сравнительно съ отвлеченностью общаго качества. Какъ теперь правильный ходъ мысли состоитъ въ восхожденіи отъ частнаго къ общему, а потомъ, на основаніи этого процесса, и въ обратномъ движеніи, такъ было и всегда. Мнѣніе, что первобытное слово всегда означаетъ общее качество, основано на смѣшеніи понятій значенія слова и заключеннаго въ немъ представленія и на замѣнѣ перваго вторымъ. Общій законъ языка состоитъ въ томъ, что всякое новое слово имѣетъ представленіе, т. е. ³³ что значеніе общаго слова всегда заключаетъ въ себѣ одинъ признакъ, общій со значеніемъ ему предшествующимъ. Представленіе есть средство доводить до сознанія новое значеніе, но само оно сознается только тогда, когда направимъ вниманіе на свойства нашего слова. Его можно сравнить съ глазомъ, который самъ себя невидитъ. Оно никогда не бываетъ даже временною цѣлью мысли. Оно не существуетъ до возникновенія новаго слова. Напротивъ, общее значеніе слова есть именно то, что сознается въ словѣ и посредствомъ слова. Оно есть всегда цѣль мысли (хотя и временная, ибо непосредственную цѣнность для насъ имѣетъ только конкретное, и отвлеченія создаются лишь ради разработки этого конкретнаго и подчиненія его мысли). Какъ скоро общее значеніе есть въ словѣ, то существованіе его нисколько не зависитъ отъ появленія слѣдующаго слова. Большая разница между возникновеніемъ бессознательнаго представленія такой-то формы тѣла при образованіи слова початокъ, колосъ кукурузы, отъ початокъ, веретено пряжи, и между существованіемъ въ сознаніи качества напр. бѣлъ, которое примѣняется къ частному явленію въ бѣлокъ. Отыскивая корни нашихъ словъ при помощи списковъ санскритскихъ глаголовъ, мы сводимъ все въ языкѣ на этотъ послѣдній случай, забывая при этомъ, что еслибы даже дѣйствительно общее значеніе этихъ глаголовъ не было выдуманно, еслибы оно точно предполагалось значеніемъ нашихъ словъ, то глаголы эти, будучи продуктомъ сильнаго отвлеченія, въ свою очередь имѣли корни, содержаніе коихъ въ концѣ концовъ долж-

но было состоять изъ чувственныхъ воспріятій, стало быть, напр. не изъ общаго качества быстроты, а изъ отраженія опредѣленнаго явленія: быстро летящей птицы, быстро падающаго камня и т. п., т. е. не изъ сознательнаго отвлеченія, а изъ матеріала для отвлеченія. Можно думать только, что въ сравнительно поздній періодъ образованія грамматическихъ формъ изъ этого хаотическаго значенія словъ выдѣлилось значеніе дѣятельности, такъ или иначе приписываемой своему производителю.

IV.

Грамматическія формы.

34

Опредѣленіе слова, какъ звуковаго единства съ внѣшней стороны и единства представленія и значенія съ внутренней, безъ дополненій примѣнимо только къ языкамъ простѣйшаго строенія. Приводя въ примѣръ слово верста, мы оставили въ сторонѣ то обстоятельство, что оно не только значить напр. длину въ 500 сажений, но одновременно съ этимъ есть существительное женскаго рода, въ именительномъ падежѣ единственнаго числа. Подобное слово заключаетъ въ себѣ указаніе на извѣстное содержаніе, свойственное только ему одному, и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на одинъ или нѣсколько общихъ разрядовъ, называемыхъ грамматическими категоріями, подъ которыя содержаніе этого слова подводится наравнѣ съ содержаніемъ многихъ другихъ. Указаніе на такой разрядъ опредѣляетъ постоянную роль слова въ рѣчи, его постоянное отношеніе къ другимъ словамъ. „Верста“, въ какомъ бы ни было значеніи, и всякое другое слово съ тѣми-же суффиксами, будучи существительнымъ, само по себѣ не можетъ быть сказуемымъ, будучи именительнымъ, можетъ быть только подлежащимъ, приложениемъ или частью сложнаго сказуемаго и т. д. Изъ ближайшихъ значеній двоякаго рода, одновременно существующихъ въ такомъ словѣ, первое мы назовемъ частнымъ и лексическимъ, значеніе втораго рода—общимъ и грамматическимъ. Ближайшее значеніе перваго рода мы прежде назвали формальнымъ, по отношенію къ значенію дальнѣйшему (стр. 8); но по отношенію къ грамматическимъ категоріямъ само это формальное значеніе является вещественнымъ. По такому значенію слово, какъ верста, назовемъ вещественнымъ и лексическимъ. Кромѣ такихъ словъ въ арійскихъ языкахъ есть другія, которыя неимѣютъ своего частнаго содержанія и не бывають самостоятельными частями рѣчи. Вся суть ихъ въ томъ, что они служатъ указателями функцій 35 другихъ словъ и предложеній. Нерѣдко слова эти лишены даже звуковой самостоятельности (пó-вуду, знаешь-ли), такъ что могутъ на-

зываются словами лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ суффиксы и предлоги, считаемыя слитными, суть слова. Такія слова называются чистоформальными и грамматическими. Ихъ можно также назвать служебными, противопоставляя вещественнымъ („знаменательнымъ“) какъ главнымъ, на содержаніи которыхъ сосредоточенъ весь интересъ мысли; но при этомъ неслѣдуетъ смѣшивать принятаго нами дѣленія словъ на лексическія и формальныя съ дѣленіемъ на знаменательныя и служебныя въ томъ видѣ, въ какомъ оно у Буслаева (Гр. §§ 138, 159). Къ служебнымъ словамъ, означающимъ „отвлеченныя понятія и отношенія“ Буслаевъ относитъ, кромѣ предлога и союза, еще числительныя, мѣстоименія, мѣстоименныя нарѣчія и вспомогательныя глаголы. Основнѣйшій дѣленія здѣсь два: отвлеченность и значеніе отношенія (формальность); но не всякая отвлеченность есть формальность, такъ что въ сущности здѣсь смѣшаны два дѣленія. Число есть одно изъ высшихъ отвлеченій, но числительное неестъ слово формальное: въ языкахъ простѣйшаго строенія оно неимѣетъ никакихъ грамматическихкихъ опредѣненій, какъ дѣтское „цаца, вава“; въ языкахъ арійскихъ оно заключаетъ въ себѣ, а не предполагаетъ только въ прошедшемъ, какъ лексическія, такъ и формальныя стихіи, т. е. имѣетъ и свое специальное содержаніе и отношеніе къ грамматической категоріи существительнаго, прилагательнаго, нарѣчія, рода, падежа, числа и пр. Тоже слѣдуетъ сказать о мѣстоименіи. Нетребуетъ доказательства то, что въ тотъ, этотъ мы различаемъ указаніе, какъ частное содержаніе этихъ словъ, и грамматическую форму: родъ, число и пр. Мѣстоимѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, означаютъ не отношенія и связи, а явленія и воспріятія, но обозначаютъ ихъ не посредствомъ признака, взятаго изъ круга самыхъ воспріятій, а посредствомъ отношенія къ говорящему, 36 т. е. не качественно, а указательно. Что до личныхъ мѣстоименій, то они смотря по присутствію, или отсутствію грамматическихкихъ формъ въ языкѣ, могутъ быть или только вещественными словами, или—то вещественно-формальными, какъ и указательныя тотъ, этотъ, то чистоформальными. Объ этомъ, а равно и о вспомогательныхъ глаголахъ будетъ сказано ниже. Здѣсь ограничусь ссылкой на Штейнтала (Gram. Log. u. Psych. § 128). Если нарѣчія отмѣстоименныя служебны потому, что образованы отъ словъ принятыхъ за служебныя, то почему не отнесены къ служебнымъ нарѣчія числительныя? Если это не недомолвка, то что такое значить служебность? Во всякомъ случаѣ не формальность въ нашемъ смыслѣ. Въ мѣстоименныхъ нарѣчіяхъ формально не то, что они указательно означаютъ „качество“ (какъ, такъ), „количество“ (сколько, столько), „мѣсто“ (гдѣ, тамъ), „время“ (когда, тогда) (Буслаевъ, Гр. § 160, 2), а то, что они суть нарѣчія, т. е. что они, въ качествѣ особаго члена предложенія, равносильны дѣепричастіямъ и нарѣчіямъ отъ другихъ качественныхъ (немѣстоименныхъ)

словъ. Это слова столь-же вещественныя, какъ верста и т. п. Потеря склоняемости несвязана въ нихъ съ уничтоженіемъ спеціального значенія, какъ въ предлогахъ и союзахъ, а есть только средство обозначенія категории нарѣчій.

Формальная часть слова, по строенію, сходна съ словами чисто-вещественными. Грамматическая форма тоже имѣетъ или предполагаетъ три элемента: звукъ, представленіе и значеніе. Такъ напр. суффиксы: вр.-енокъ. мр.-енко, образующіе отечественныя и фамильныя имена, предполагаютъ дѣйствительно существующіе однозвучные съ ними или близкіе къ нимъ суффиксы со значеніемъ уменьшительности. Отечественность (патропимичность) въ нихъ сравнена съ уменьшительностью, фамильность съ отечественностью, и каждое изъ этихъ сравненій основано на признакѣ, общемъ его членамъ, признакѣ, который по отношенію къ значенію есть представленіе. Какъ бы ни было трудно здѣсь и вообще отдѣлить представленіе отъ предшествующаго значенія, 37 мы, основываясь на случаяхъ гдѣ эти величины явственно различаются, можемъ быть увѣрены, что они и здѣсь различны. Въ каждомъ изъ приведенныхъ суффиксовъ можно различить по три составныя части, въ свою очередь подлежащія такому-же разбору.

Не смотря на такую сложность внутренняго строенія вещественно-формальныхъ словъ въ арійскихъ языкахъ, въ словахъ этихъ есть единство значенія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ. Моменты вещественный и формальный различны для насъ не тогда, когда говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово предметомъ наблюденія. На мышленіе грамматической формы, какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не два, или болѣе, и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе, значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, необходима намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу, арійскіе языки суть весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшемъ содержаніемъ слова. Нашъ ребенокъ, дошедшій до правильнаго употребленія грамматическихъ формъ, при всей скудости вещественнаго содержанія своей мысли, въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ преимущество предъ философомъ, который пользуется однимъ изъ языковъ, менѣе удобныхъ для мысли.

Есть языки, въ коихъ подведеніе лексическаго содержанія подъ общія схемы, каковы предметъ и его пространственныя отношенія, дѣйствіе, время, лицо и пр., требуетъ каждый разъ новаго усилія мысли. То, что мы представляемъ формою, въ нихъ является лишь содержаніемъ, такъ что грамматической формы они вовсе неимѣютъ. Въ нихъ напр. категорія множествен. числа выражается словами „много“, „все“; катег. времени—словами, какъ „когда-то“, „давно“, отношенія, обозначаемыя у насъ предлогами,—словами, какъ „задь“, „спина“ напр. *a* спина *b* = *a* за *b*. Тоже въ словообразованіи. Есть, положимъ, тема для вещественнаго значенія „спаси“ . Чтобы образовать ном. *agentis* „спаситель“, нужно къ этой темѣ присоединить „человѣкъ“ : спаси-человѣкъ (*retten-mensch*). Такъ прибавка матеріальнаго слова „вещь“ образуетъ имя дѣйствія (спаси-вещь, *retten-sache* = спасеніе), прибавка словъ „мѣсто“, „орудіе“ —имена мѣста, орудія. (Humb. Ueb. Verschied. etc 260; Steinh. Charakterist. 317—8). Хотя въ тѣхъ-же языкахъ могутъ быть и болѣе совершенные способы обозначенія категорій, но тѣмъ неменѣе для нихъ характеристично то, что въ нихъ слово, долженствующее обозначать отношеніе, слишкомъ тяжеловѣсно по содержанію; что оно слишкомъ часто заключаетъ въ себѣ указаніе на образъ или понятіе, чуждые главному содержанію, усложняющіе это содержаніе прибавками, ненужными съ нашей точки зрѣнія, уклоняющіе мысль отъ прямого пути и замедляющіе ея теченіе.

Арійскіе языки представляютъ лишь случаи мнимаго сходства съ вещественнымъ обозначеніемъ категорій. Конечно, мы говоримъ напр. „на лицевой сторонѣ дома“, но въ такомъ случаѣ мы останавливаемся на значеніи „лицевая сторона“, какъ на содержаніи, коего форму, отношеніе къ „домъ“ выражаемъ невещественными флексіями. Въ болгарскомъ вмѣсто предлога по встрѣчаемъ въ одномъ значеніи слѣдъ, (слѣдъ смерть покаяне-то небыва), въ другомъ—според, куда входитъ слово рядъ (според по-ат и приход-ат); вмѣсто за—зад: зад-вратá-та=за ворота, за воротами; въ серб. због. т. е. с-бок (а), со стороны значитъ wegen, по причинѣ, ради. Серб. код изъ кон. Но слѣд, зад, употребленные въ формальномъ значеніи предлоговъ, вовсе не тождественны съ подобнозвучными вещественными словами, а только образованы изъ нихъ. Образованіе и состояло въ возведеніи вещественныхъ словъ къ такому значенію, которое неводитъ мысли въ лишніи затраты и неотвлекаетъ ея отъ предмета. Въ болгарскихъ предлогахъ слѣд, зад также немислится указаніе на предметы слѣдъ, задъ, какъ въ предлогъ подъ—печной или другой какой-либо подъ. Впрочемъ известно, что формальные языки образуютъ свои формы изъ вещественныхъ словъ не столько качественныхъ, сколько указательныхъ.

По чемъ узнается присутствіе грамматической формы въ данномъ словѣ?

Грамматическая форма есть элементъ значенія слова и однородна съ его вещественнымъ значеніемъ. Поэтому на вопросъ, „должна ли известная грамматическая форма выразаться особымъ звукомъ“ можно отвѣтить другимъ вопросомъ: всегда-ли созданіе новаго вещественнаго значенія слова при помощи прежняго влечетъ за собою измѣненіе звуковой формы этого послѣдняго? И наоборотъ: можетъ-ли одно измѣненіе звука свидѣтельствовать о присутствіи новой грамматической формы, новаго вещественнаго значенія? Конечно нѣтъ. Выше мы нашли многозначность словъ понятіемъ ложнымъ: гдѣ два значенія, тамъ два слова. Послѣдовательно могутъ образоваться одно изъ другого десятки вещественныхъ значеній при совершенной неизмѣнности звуковой формы.

Тоже слѣдуетъ сказать о грамматическихъ формахъ: звуки, служившіе для обозначенія первой формы, могутъ неизмѣняться и при образованіи послѣдующихъ. При этомъ можетъ случиться, что эти послѣднія собственно для себя въ данномъ словѣ не будутъ имѣть никакого звуковаго обозначенія ¹⁾. Такъ напр. въ глаголѣ различаемъ совершенность и несовершенность. Господство этихъ категорій въ современномъ русскомъ языкѣ столь всеобще, что нѣтъ ни одного глагола, который бы неотносился къ одной изъ нихъ. Но появленіе этихъ категорій необозначилось никакимъ измѣненіемъ прежнихъ звуковъ: дати и дати имѣли ту же звуковую форму и до того времени, когда первое стало совершеннымъ, а второе несовершеннымъ. Есть значительное число случаевъ, когда глаголы совершенный и несовершенный по внѣшности ничѣмъ не различаются: женить, настоящее женю (несов.), и женить, будущ. женю (соверш.), суть два глагола, различные по грамматической формѣ, которая въ нихъ самихъ, отдѣльно взятыхъ, невыражена ничѣмъ, такъ какъ характеръ *и* сохраняетъ въ нихъ свою прежнюю функцію, неимѣющую отношенія къ совершенности и несовершенности.

Вещественное и формальное значеніе даннаго слова составляютъ, какъ выше сказано, одинъ актъ мысли. Именно потому, что слово формальныхъ языковъ представляется сознанію однимъ цѣлымъ, языкъ столь мало дорожитъ его стихіями, первоначально самостоятельными, что по-

¹⁾ Высказываемый здѣсь взглядъ отличенъ отъ обычнаго. Ср. напр. слова проф. Ягича: „Я могу во всякомъ синтаксисѣ найти примѣры, что одна и та же форма въ разныхъ отношеніяхъ получаетъ различныя значенія; но еще никому не приходило въ голову сказать, что это не одна форма, а двѣ, три и т. д. (Primjetbe k sintaksi, 186. Književnik. II. 1865).

зволяетъ имъ разрушаться и даже исчезать безслѣдно. Разрушеніе это обыкновенно въ арійскихъ языкахъ начинается съ конца слова, гдѣ преимущественно сосредоточены формальные элементы. Но лит. *gargas* осталось при томъ же значеніи сущ. именит. ед. м. р. и послѣ того, какъ, отбросивши окончаніе им. ед., стало русскимъ *голосъ*. Вотъ еще примѣръ въ томъ-же родѣ. Во время единства славянскаго и латышско-литовскаго языка въ именахъ мужескихъ явственно отличался именительный падежъ отъ винительнаго: въ единствен. числѣ именъ съ темою на -а первый имѣлъ форму а-с, второй а-м. По отдѣленіи слав. языка, но еще до замѣтнаго раздѣленія его на нарѣчія, на мѣстѣ обо-
 41 ихъ этихъ окончаній стало т и тѣмъ самымъ въ отдѣльномъ словѣ потерялось внѣшнее различіе между именительнымъ и винительнымъ. Но это нисколько незначитъ, что въ сознаніи исчезла разница между падежемъ субъекта и падежемъ прямаго объекта. Многое убѣждаетъ въ томъ, что мужескій родъ болѣе благопріятенъ строгому разграниченію этихъ категорій, чѣмъ женскій, единственное число—болѣе, чѣмъ множественное. Между тѣмъ въ то время, когда въ звуковомъ отношеніи смѣшались между собою падежи имен. и винит. ед. муж., они явственно различались во множ. того-же рода, а въ женскомъ ед. различаются и понынѣ. Въ нѣкоторой части самихъ именъ муж. рода, смѣшавшихъ звуковую форму именительнаго и винительнаго ед. ч., языкъ впоследствии опять и внѣшнимъ образомъ различилъ эти падежи, придавши винительному окончаніе родительнаго. Т. о. вмѣсто представленія всякаго объекта, стоящаго въ винительномъ, безусловно страдательнымъ (какъ и въ лат. *Deus creavit mundum, pater amat filium*), возникло двѣ степени страдательности, смотря по неодушевленности или одушевленности объекта: Богъ создалъ свѣтъ, отецъ любитъ сына. Однозвучность именит. и винит. (свѣтъ созданъ и Б. создалъ свѣтъ), винит. и род. (Отецъ любитъ сына, отецъ нелюбитъ сына) невовлекла за собою смѣшенія этихъ формъ въ смыслѣ значеній ¹⁾. Въ этомъ сказалося созданіе новой категоріи одушевленности и неодушевленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что до самого этого времени разница между именит. и винит. ед. муж. р. неисчезала изъ народнаго сознанія.

Въ литовскомъ за немногими исключеніями, а въ латышскомъ за исключеніемъ *īt* (идеть, идутъ), суффиксъ, 3-го лица въ настоящемъ и

¹⁾ Во избѣжаніе неясности, слѣдуетъ раздѣлять вопросы о первообразности или производности значенія суффикса и о качествѣ наличной формы. Говорятъ: „род. мн. въ слав., какъ и въ другихъ арійскихъ, рѣзко отдѣленъ отъ прочихъ падежей, между тѣмъ какъ въ двойств. ч. род. и мѣстный совпадаютъ по формѣ и нельзя навѣрное рѣшить, имѣемъ ли дѣло съ настоящимъ родительнымъ, или съ мѣстнымъ“. *Mikl. V. Gr. IV, 447*). Этого нельзя рѣшить, рассматривая падежъ, какъ отвлеченіе; но въ конкретномъ случаѣ ясно, что руку въ „вздѣвннѣ руку моѣю“ есть родит., а въ „на руку моѣю“ есть мѣстный.

прошедшемъ потерянь. Тоже и въ нѣкоторыхъ слав. нарѣчіяхъ; но въ латышско-литовскомъ 3-е лицо ед., кромѣ того, никакимъ звукомъ отличается отъ 3 лица множ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, точно-ли въ этихъ языкахъ потеряно сознание различія между числами въ 3-мъ лицѣ, можемъ утвердительно сказать, что сама категорія 3-го лица въ нихъ непотеряна, ибо это лицо, при всемъ внѣшнемъ искаженіи, отличается отъ 1-го и 2-го какъ един. такъ и множ. чиселъ.

Въ формальныхъ языкахъ есть случаи, когда звуки, указывающіе на вещественное значеніе слова, являются совершенно обнаженными съ конца. Такъ напр. въ болг. „насилом можеше ми зе (букв.=вѣз-а), по неможеше ми да“ (Памяти. и образцы нар. яз. и сл. I, 269). Странно было бы думать, что зе, да суть корни, въ смыслѣ словъ, не-⁴²имѣющихъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ грамматическихъ опредѣлений. Это не остатки незапамятной старины, а произведенія относительно недавняго времени. Немыслимо, чтобы языкъ, оставаясь постоянно орудіемъ усложненія мысли, могъ при какихъ бы то нибыло прочихъ условіяхъ въ какой либо изъ своихъ частей возвратиться къ первобытной простотѣ. Зе и да могутъ быть корнями по отношенію къ возможнымъ производнымъ словамъ, но независимо отъ этого это настоящіе инфинитивы, несмотря на отсутствіе суффикса -ти. Во всякомъ случаѣ это слова съ совершенно опредѣленною грамматическою функціею въ предложеніи.

Къ этому прибавимъ, что и звуки носящіе вещественное значеніе словъ, могутъ исчезнуть безъ ущерба для самого этого значенія. Такъ въ вр. нодъ, поди потерялось и, отъ котораго именно и зависитъ первоначально значеніе ити. Въ поль. weź (возьми), отъ им (основная форма—jam) осталась только небность конечной согласной предлога; небность эта могла впрочемъ произойти и отъ окончанія повелительнаго.

Если въ данномъ словѣ каждому изъ элементовъ значенія и соотвѣтствуетъ извѣстный звукъ, или сочетание звуковъ, то между звукомъ и значеніемъ въ дѣйствительности не бываетъ другой связи кромѣ традиціонной. Такъ напр. когда въ долготѣ окончанія именит. ед. ж. р. â находятъ нѣчто женственное, то это есть лишь произвольное признаніе цѣлесообразности въ фактѣ, который самъ по себѣ непонятенъ. Если бы женскій родъ въ дѣйствительности обозначался краткимъ â, а мужскій и средній долгимъ, то толкователь съ такимъ-же основаніемъ могъ бы въ краткомъ -а видѣть женственность. Въ извѣстныхъ случаяхъ это самое женское -а можетъ стать отличіемъ сущ. м. р.: мр. сей собака и сущ. сложныя, какъ пали-вода, болг. нехрани-майка (дурной сынъ, некормящій матери). Эти послѣднія суть сущ. м. р., хотя первая ихъ половина неестъ существительное, а вторая—существитель-⁴³ное женское. Безъ сомнѣнія, преданіе основано на первоначальномъ соотвѣтствіи звука и душевнаго движенія въ звукѣ, предшествовавшемъ

слову; но основаніе это остается неизвѣстнымъ, а если бы и было извѣстно, то само по себѣ не могло бы объяснить позднѣйшаго значенія звука. Такимъ образомъ для насъ въ словѣ все зависитъ отъ употребленія (Буслаевъ. Грам. § 7). Употребленіе включаетъ въ себя и созданіе слова, такъ какъ созданіе есть лишь первый случай употребленія.

Послѣ этого спрашивается, какъ возможно, что значеніе, все равно, вещественное, или формальное, возникаетъ и сохраняется въ теченіе вѣковъ при столь слабой поддержкѣ со стороны звука? Въ одномъ словѣ это и невозможно, но одного изолированнаго слова въ дѣйствительности и не бываетъ. Въ ней есть только рѣчь. Значеніе слова возможно только въ рѣчи. Вырванное изъ связи слово мертво, нефункционируетъ, не обнаруживаетъ ни своихъ лексическихъ, ни, тѣмъ болѣе, формальныхъ свойствъ, потому что ихъ неимѣетъ (Humb. ueber Veschied. 207: Steinthl. Charakteristik. 318—19, Буслаевъ, Грам. § 1). Слово конь внѣ связи неестъ ни именительный, ни винительный ед., ни родительный множ.; строго говоря, это даже вовсе не слово, а пустой звукъ; но въ „кѣдѣ есть конь мой?“ это есть именительный; въ „помяну конь свой“, „повелѣ осѣдлати конь“ это винительный; въ „отбѣгоша конь своихъ,“ — родительный множественнаго. Рѣчь въ вышеупомянутомъ смыслѣ вовсе нетождественна съ простымъ или сложнымъ предложеніемъ. Съ другой стороны она не-есть непременно „рядъ соединенныхъ предложений“ (Буслаевъ, Гр. § 1), потому что можетъ быть и однимъ предложеніемъ. Она есть такое сочетаніе словъ, изъ котораго видно, и то, какъ увидимъ, лишь до нѣкоторой степени, значеніе входящихъ въ него элементовъ. Такимъ образомъ „хочю ити“ въ стар. русскомъ не-есть еще рѣчь, такъ какъ непоказываетъ, есть-ли „хочю“ вещественное слово 44 (волю), или чисто формальное обозначеніе будущаго времени. Итакъ, что такое рѣчь, это можетъ быть опредѣлено только для каждаго случая отдѣльно.

Исслѣдователь обязанъ соображаться съ упомянутымъ свойствомъ языка. Для полнаго объясненія онъ долженъ брать не искусственный препаратъ, а настоящее живое слово. Нарушеніе этого правила видимъ въ томъ, когда посылкою заключенія о функции слова служить не дѣйствительное слово съ однимъ значеніемъ въ вышеопредѣленномъ смыслѣ, а отвлеченіе какъ напр. въ слѣдующемъ: „Русская форма знай получаетъ въ рѣчи смыслъ желательный, или повелительный, или наконецъ условный“... „Изъ истиннаго (!) пониманія грамматическаго значенія формы, какъ формы, мы легко могли объяснить и тѣ частныя значенія, которыя она можетъ имѣть въ живой рѣчи, мы поняли настоящій смыслъ и объемъ его употребленія въ языкѣ. Теперь спрашивается: имѣемъ-ли мы право назвать его формою повелительнаго наклоненія, или желательнаго, или условнаго? Ровно никакого. Это значило бы отказаться отъ пониманія существеннаго грамматическаго ея зна-

ченія и ограничить ея разнообразное употребленіе въ рѣчи однимъ какимъ либо случайнымъ значеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ: на какомъ основаніи эту форму мы назвали бы наклоненіемъ повелительнымъ, когда ея-же выражается въ языкѣ и желаніе, и условіе? Почему неназвать бы ея желательнымъ наклоненіемъ? Почему неназвать бы ея также наклоненіемъ условнымъ? Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что этою „общеою личною формою глагола“ (въ этомъ ея сущность, по мнѣнію автора приводимыхъ строкъ), выражается повелѣніе, а желаніе и условіе—такъ-себѣ, какъ отгѣнки повелѣнія. Да почему же повелѣніе и желаніе не могутъ быть быть отгѣнками условія?“ (Н. Некрасова, О значеніи формъ русскаго глагола, 106). Здѣсь истиннымъ пониманіемъ формы считается не пониманіе ея въ рѣчи, гдѣ она имѣетъ каждый разъ одно значеніе, т. е. говоря точнѣе, каждый разъ есть другая форма, а пониманіе экстрак- 45 та, сдѣланнаго изъ нѣсколькихъ различныхъ формъ. Какъ такой препаратъ, „знай“ оказывается не формою извѣстнаго лица и наклоненія, а „общеою личною формою“. Такое отвлеченіе, а равно и вышеупомянутое общее значеніе корней и вообще „общее значеніе словъ“, какъ формальное, такъ и вещественное, есть только созданіе личной мысли и дѣйствительно существовать въ языкѣ не можетъ. Языкознаніе нуждается въ этихъ „общихъ“ значеніяхъ. Въ одномъ ряду генетически связанныхъ между собою значеній, на пр. въ знай повелительномъ и условномъ, мы можемъ видѣть только частности, находящіяся въ извѣстныхъ отношеніяхъ одна къ другой. Общее въ языкознаніи важно и объективно только какъ результатъ сравненія не отдѣльныхъ значеній, а рядовъ значеній, при чемъ, этимъ общимъ бываютъ не сами значенія, а ихъ отношенія. Въ этихъ случаяхъ языкознаніе доводитъ до сознанія тѣ аналогіи, которымъ слѣдуетъ безсознательно творчество языка. На пр. когда говоримъ, что подобенъ въ значеніи приличенъ, красивъ, аналогично съ пригожь, то мы неутверждаемъ ни того, что по=при или доба=годъ, ни выводимъ общаго изъ значеній этихъ словъ, а признавая эти слова различными величинами и не пытаясь добыть изъ нихъ среднее число, поступаемъ по формулѣ $a: b=c: d$, т. е. уравниваемъ не значенія, а способъ ихъ перехода въ другія.

Но вышеупомянутому автору въ „знай“ кажется существеннымъ только то, что есть его личное мнѣніе, именно что это „общая личная форма“. Конечно, можно бы и неговорить объ этомъ заблужденіи, если бы для насъ оно не представляло опасности и въ настоящее время. Мы не можемъ сказать, какъ Г. Курціусъ: „никто нестанетъ теперь, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, выводить употребленіе падежа или наклоненія изъ основнаго понятія, получаемаго отчасти философскимъ путемъ, посредствомъ примѣненія категорій. Теперь врядъ-ли кто-

46 либо упустить из виду то, что подобныя основныя понятія суть лишь формулы, добытыя посредством отвлеченія из совокупности оттѣнковъ употребленія“ (Zur Chronologie d. Indogerm. Sprachf. 10).

Г. Некрасовъ думаетъ, что вышеупомянутое отвлечение есть субстанція, изъ которой вытекають акциденціальныя частныя, т. е. по нашему единственныя дѣйствительныя значенія, и что, отказываясь отъ такой выдумки, онъ потеряетъ связь между этими частными значеніями и долженъ будетъ ограничиться однимъ изъ нихъ, отбросивши всѣ остальные. Дѣйствительно, невозможно представить себѣ, что такъ называемыя частныя значенія сидятъ въ звукѣ вмѣстѣ и въ одно время, что конь есть вмѣстѣ и именит. и винит., что знай есть повелительное и въ тоже время условное. Но стараться понимать „форму какъ форму“, т. е. саму по себѣ, значить создавать небывалыя въ дѣйствительности и неопреодолимыя затрудненія. Слово въ каждый моментъ своей жизни есть одинъ актъ мысли. Его единство въ формальныхъ языкахъ венарушается тѣмъ, что оно относится разомъ къ нѣсколькимъ категоріямъ напр. лица, времени, наклоненія. Невозможно совмѣщеніе въ одномъ приѣмѣ мысли лишь двухъ взаимно исключаютыхъ себя категорій. Слово неможетъ стоять въ повелительномъ наклоненіи и въ тоже время въ условномъ, но оно можетъ стать условнымъ и тогда станетъ другимъ словомъ. Одно и тоже слово неможетъ быть въ тоже время нарѣчиемъ и союзомъ, и если говорятъ, что разница между этими словами состоитъ лишь въ синтактическомъ значеніи (Mikl. Vergl. Gr. IV, 151), то это лишь только повидимому мало, а въ сущности заключаетъ въ себѣ все различіе, какое можетъ существовать между словами, въ формальномъ отношеніи.

47 Различныя невыдуманныя значенія однозвучныхъ словъ того-же семейства относятся другъ къ другу не какъ общее и существенное къ частному и случайному, а какъ равно частныя и равно существенныя предъидущія и послѣдующія. Жизнь словъ, генетически связанныхъ между собою, можно представить себѣ въ видѣ родословнаго дерева, въ коемъ отецъ неестъ субстанція, а сынъ не акциденсъ, въ коемъ нѣтъ такого средоточія, отъ разъясненія котораго зависѣло-бы все. Безъ предъидущаго слова немогло бы быть послѣдующаго, которое однако изъ одного предъидущаго никакимъ средствомъ выведено быть неможетъ, потому что оно не-есть преобразование готовой математической формулы, а нѣчто совершенно новое.

Если незахотимъ придать слову рѣчь слишкомъ широкаго значенія языка, то должны будемъ сказать, что и рѣчи, въ значеніи извѣстной совокупности предложеній, недостаточно для пониманія входящаго въ нее слова. Рѣчь въ свою очередь существуетъ лишь какъ часть большаго цѣлаго, именно языка. Для пониманія рѣчи нужно присутствіе въ душѣ многочисленныхъ отношеній данныхъ въ этой

рѣчи явленій къ другимъ, которыя въ самый моментъ рѣчи остаются, какъ говорятъ, „за порогомъ сознанія“, неосвѣщаясь полнымъ его свѣтомъ. Употребляя именную или глагольную форму, я не перебираю всѣхъ формъ составляющихъ склоненіе или спряженіе; но тѣмъ неменѣе данная форма имѣетъ для меня смыслъ по мѣсту, которое она занимаетъ въ склоненіи или спряженіи (Humb. Ueb Versch. 261). Это есть требованіе практическаго знанія языка, которое, какъ извѣстно, совмѣстимо съ полнымъ почти отсутствіемъ знанія научнаго. Говорящій можетъ не давать себѣ отчета въ томъ, что ёсть въ его языкѣ склоненіе, и однако склоненіе въ немъ дѣйствительно существуетъ въ видѣ болѣе тѣсной ассоціаціи извѣстныхъ формъ между собою, чѣмъ съ другими формами. Безъ своего вѣдома говорящій при употребленіи даннаго слова принимаетъ въ соображеніе то большее, то меньшее число рядовъ явленій въ языкѣ. Напр. въ русскомъ литературномъ языкѣ творит. п. ед. находится въ равномѣрной связи съ другими падежами тогоже 48 склоненія и въ частности нестремится вызвать въ сознаніе ни одного изъ нихъ, такъ какъ явственно отличается отъ всѣхъ ихъ и въ звуковомъ отношеніи. Но въ латышскомъ этотъ падежь неимѣетъ особаго окончанія и совпадаетъ въ единствен. числѣ съ винительнымъ (gréku, грѣхъ, грѣхомъ), а въ множ. съ дателн. (grékim, грѣхамъ, грѣхами). Было бы ошибочно думать, что этотъ языкъ вовсе неимѣетъ категоріи творительнаго или, точнѣе говоря, группы категорій обозначаемыхъ именемъ творительнаго. Вслѣдствіе звуковаго смѣшенія творительнаго съ винительнымъ въ единственномъ, говорящій былъ бы склоненъ смѣшивать въ одну группу категоріи творительнаго и винительнаго; но безсознательно справляясь со множественнымъ числомъ, подъ звуковою формою винительнаго множественнаго онъ не находитъ значеній, которыя мы обозначаемъ именемъ творительнаго, и отыскиваетъ эти значенія подъ звуковою формою дательнаго множ. ч. Такимъ образомъ въ говорящемъ по-латышски особенность категоріи творительнаго поддерживается посредствомъ болѣе тѣсной ассоціаціи между единственнымъ и множественнымъ числомъ, чѣмъ въ русскомъ. — Когда говорю: „я кончилъ“, то совершенность этаго глагола сказывается мнѣ не непосредственно звуковымъ его составомъ, а тѣмъ что въ моемъ языкѣ есть другая подобная форма „кончалъ“, имѣющая значеніе несовершенное. Тоже и наоборотъ. Случаи, въ которыхъ совершенность и несовершенство приурочены къ двумъ различнымъ звуковымъ формамъ, поддерживаютъ въ говорящемъ склонность различать эти значенія и тамъ, гдѣ они неразлучены звуками. Слѣдовательно, говоря „женю“ въ значеніи ли совершенномъ, или несовершенномъ, я нахожусь подъ вліяніемъ рядовъ явленій, образцами коихъ могутъ служить кончаю и кончу. Чѣмъ совершеннѣе становятся средства наблюденія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что связь между отдѣльными явленіями языка гораздо

тѣснѣе, чѣмъ кажется. Въ каждый моментъ рѣчи наша самодѣятельность направляется всею массою прежде созданнаго языка, при чемъ
 49 конечно существуетъ разница въ степени вліянія однихъ явленій на другія. Такъ, говоря „кончилъ“ и „кончалъ“, я замѣтнымъ образомъ неподчиняюсь дѣйствию того отношенія между коньчати и коньчати въ стар. русскомъ, которое сказывается въ томъ, что не только аористъ коньчашъ, коньчаша, но и коньчати, коньчавъ и пр. мы принуждены переводить нашими совершенными формами: окончилъ, окончить, окончивши.

VI.

Формы этимологическія и синтактическія.

Сказанное выше о томъ, что нѣтъ формы, присутствіе и функція коей узнавались бы иначе, какъ по смыслу, т. е. по связи съ другими словами и формами въ рѣчи и языкѣ, заставляетъ думать, что ниже слѣдующее раздѣленіе формъ на этимологическія и синтактическія, хотя и имѣетъ въ основаніи дѣйствительное явленіе, но выражено сбивчиво и понимается ошибочно. Говорятъ, что „всѣ языки (т. е. флексивные) съ теченіемъ времени теряютъ или же искажаютъ этимологическія формы“ и что недостатокъ ихъ восполняютъ формами „синтаксическими, описательными, откуда явствуетъ, что въ исторіи языковъ первоначальное господство этимологіи уступаетъ мѣсто послѣдующему за нимъ господству синтаксиса, и притомъ синтаксиса въ его позднѣйшемъ видѣ, когда онъ основывается уже не на первоначальной этимологической формѣ, а на отвлеченномъ понятіи, ею выражаемомъ“ (Буслаевъ. Гр. § 117). Взглядъ на различіе формъ этимологическихъ и синтактическихъ зависитъ конечно отъ того, какъ понимать вообще дѣленіе грамматики на части. Буслаевъ смотритъ на это такимъ образомъ: Во-первыхъ, грамматика, по его мнѣнію, есть наука о языкѣ (§ 18), а не о формахъ только. Впрочемъ, здѣсь онъ самъ противорѣчитъ своему
 50 опредѣленію, потому что посвящаетъ свою грамматику только формамъ, а не лексическому составу языка, да въ и томъ же параграфѣ, вслѣдъ за приведеннымъ опредѣленіемъ, говорить, что грамматика „отдѣльныя грамматическія формы подводитъ подъ общіе законы“. Во-вторыхъ, грамматику, именно какъ ученіе о формѣ языка, онъ дѣлитъ „на этимологию, или словопроизведеніе, и синтаксисъ, или словосочиненіе. Первая разсматриваетъ каждое слово въ отдѣльности, вторая разсматриваетъ слова во взаимномъ ихъ сочетаніи въ предложеніяхъ простыхъ и сложныхъ“. „Такъ какъ значеніе частей рѣчи и ихъ измѣненій опредѣляется въ синтаксической связи словъ, то этимологія не-

входить въ разсужденія объ этомъ предметѣ и ограничивается только звуковою частью реченій. Она разсматриваетъ сначала свойства звуковъ, потомъ образованіе словъ помощью производства и сложенія и наконецъ измѣненія словъ по склоненіемъ и спряженіямъ; синтаксисъ же объясняетъ значеніе и употребленіе частей рѣчи и ихъ измѣненій.. Такимъ образомъ этимологія и синтаксисъ отдѣльно изслѣдуютъ то, что въ языкѣ существуетъ въ совокупности, именно членораздѣльные звуки и мысли, ими выражаемыя. Первое составляетъ предметъ этимологіи, второе—синтаксиса“ (Гр. § 19).

При такомъ пониманіи этимологіи невѣрно сказано, будто она разсматриваетъ каждое слово въ отдѣльности; очевидно, слѣдовало сказать: слово, независимо отъ его роли въ предложеніи, потому что когда мы говоримъ: въ древне-славянскомъ языкѣ ни одно слово неокончивалось на согласную, то конечно здѣсь рѣчь не объ отдѣльномъ словѣ. Это впрочемъ неточность выраженія; но и съ самимъ дѣленіемъ согласиться нельзя. Въ немъ на долю этимологіи выпали одни звуки, такъ что эта часть грамматики, согласно съ опредѣленіемъ, должна бы быть названа фонетикой. Однако Буслаевъ на практикѣ неслѣдуетъ своему опредѣленію. Напр. что можно бы сказать о неопредѣленномъ на -ти, совершенно отвлекаясь отъ „мысли“?—Что конечная гласная и предъидущее ей *m* по нарѣчіямъ измѣняются такъ-то; что древнѣйшее данное ихъ прозношеніе такое-то, а вѣроятное, открываемое извѣстными соображеніями, такое-то; что согласная предъ *m* измѣняется такъ-то, или неизмѣняется. Однимъ словомъ, съ чисто фонетической точки зрѣнія неопредѣленное на -ти совершенно исчезаетъ, остаются только отношенія звуковъ. То-ли говорить Буслаевъ объ этой формѣ въ отдѣлѣ словообразованія?—„Неопредѣленное наклоненіе есть существительное отъ глагола произведенное“ (§ 51). Развѣ это полное отвлеченіе отъ мысли? Можно бы сказать въ предѣлахъ этимологіи и больше, напр. опредѣлить надежъ, въ которомъ закончѣло это существительное, и показать, какъ случилось, что именно этотъ надежъ повелъ къ нашей формѣ. Здѣсь не личная непослѣдовательность Буслаева. О подобныхъ вещахъ говорятъ и другіе въ отдѣлѣ этимологіи, потому что этимологія не фонетика. Послѣ того, какъ сказано въ фонетикѣ, что есть въ языкѣ *m* и *n*, что они сочетаемы, что *d* передъ *t*=*c*, для какой надобности еще повторять, что есть нѣкое -ти напр. въ вести, брести.

Допустимъ, что этимологія „ограничивается только звуковою частью реченій“. Какой смыслъ имѣетъ при этомъ раздѣленіе формъ на этимологическія и синтактическія? Почему это напр. „окончанія склоненій разсматриваются въ этимологіи“, а „составъ описательной формы склоненій (одинъ членъ напр. *le*, или членъ съ предлогомъ напр. *du*=*de-l*) принадлежитъ синтаксису“ (§ 168)? Развѣ описательной формы нельзя разсматривать со стороны однихъ звуковъ? Развѣ, узко понимая

этимологию, какъ перечень звуковыхъ указаній на формы, безъ ихъ объясненія, послѣдовательно опускать въ этомъ перечнѣ указанія на формы, несоставляющія звуковаго единства, напр. буду дѣлать? Вѣдь отдѣльно взятыя буду и дѣлать указываютъ вовсе не на-то, на что ихъ сочетанія. Если непослѣдовательно, то почему буду дѣлать есть форма синтактическая?

- 52 Но, какъ сказано, содержаніе этимологіи другое. Слово состоитъ изъ членораздѣльныхъ звуковъ и значенія въ обширномъ смыслѣ, заключающемъ въ себѣ представленіе и значеніе. Поэтому вся область изученія языка наиболѣе естественно дѣлится на фонетику, рассматривающую внѣшнюю форму слова, звуки, предполагая ихъ знаменательность, но неостанавливаясь на пей, и ученіе о значеніи, въ которомъ, наоборотъ, вниманіе сосредоточено на значеніи, а звуки только предполагаются. Значеніе словъ, въ той мѣрѣ, въ какой оно составляетъ предметъ языковѣданія, можетъ быть названо внутренней ихъ формою, въ отличіе отъ внѣшней звуковой, иначе—способомъ представленія внѣязычнаго содержанія. Съ такой точки зрѣнія въ языкѣ нѣтъ ничего кромѣ формы внѣшней и внутренней (Steinth. Gr. Log. u. Ps.). Но извѣстные языки въ области своей внутренней формы дѣлаютъ различіе между представленіемъ содержанія и представленіемъ формы, въ какой оно мыслится. Этому въ языковѣданіи соотвѣтствуетъ ученіе о значеніи въ тѣсномъ смыслѣ, или о вещественномъ значеніи, и ученіе о грамматическихъ формахъ. Каждое изъ этихъ двухъ дѣленій можетъ рассматриваться съ двухъ точекъ: этимологической и синтактической. Будетъ-ли передъ нами вещественное, или формальное значеніе слова, мы равно а) или опредѣляемъ его, что возможно только изъ контекста, изъ сочетанія его съ другими—точка синтактическая; б) или изыскиваемъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія—точка этимологическая. Въ послѣднемъ случаѣ непременно переходимъ за предѣлы даннаго слова, или формы, напр. показывая, чѣмъ было неопредѣленное наклоненіе, прежде чѣмъ стало само собою, мы говоримъ не о немъ, а о другихъ формахъ. Конечно, слова предшествующія по отношенію къ данному тоже должны быть опредѣлены синтактически и если это недѣлается, то предполагается сдѣланнымъ. Такимъ образомъ этимологія и синтаксисъ относятся другъ къ другу какъ исторія и описаніе современнаго состоянія; послѣднее объясняется первымъ. То, что по отношенію къ данному слову есть этимологія, то по отношенію къ предшествующему—синтаксисъ. Точки зрѣнія этимологическая (историческая) и синтактическая (описательная) примѣняются и къ фонетикѣ, хотя здѣсь несутъ этихъ названій и хотя здѣсь менѣе побужденій держать ихъ раздѣльно, по большей простотѣ предмета. И въ области значеній строгое раздѣленіе этимологіи и синтаксиса врядъ-ли возможно.
- 53

Чѣмъ яснѣе становится связь моментовъ жизни языка, тѣмъ менѣе нужнымъ кажется въ видахъ порядка и ясности далеко разносить объясненія этимологическія и синтаксическія. Такъ какъ историчность есть существенная черта языкознанія и такъ какъ синтаксисъ есть моментъ исторіи языка, то неисторическое языкознаніе, какъ наука, неисторическая этимологія и историческій синтаксисъ равно немыслимы.

Вообще условіемъ годности опредѣленія этимологіи кажется, во-первыхъ, то, чтобы принято было въ соображеніе употребленіе этого слова объ изслѣдованіи вещественнаго значенія словъ, и во-вторыхъ, чтобы помѣстить этимологію въ ряду другихъ частей языкознанія такъ, чтобы она несовпадала съ фонетикой. Такое совпаденіе было-бы доказательствомъ невѣрности опредѣленія.

Затѣмъ возвращаюсь къ вышеприведенному положенію Буслаева объ отношеніи формъ этимологическихъ и синтаксическихъ и о смѣнѣ господства этимологіи и синтаксиса.

Если держаться того, что этимологія и синтаксисъ суть лишь двѣ различныя точки зрѣнія на одно и то же явленіе языка, а въ частности на грамматическую форму, то нельзя понять, почему форма, представляющая звуковое единство, имѣетъ болѣе права называться этимологическою, чѣмъ форма раздѣльная, такъ называемая описательная или синтаксическая? И какъ съ возможностью разсматривать всякую форму синтаксически примирить первоначальное господство этимологіи? Впрочемъ, говоря о первоначальномъ господствѣ этимологіи, Буслаевъ разумѣетъ, какъ кажется, уже не то, что формы съ самага начала бываютъ слитны, а нѣчто другое. Понятіе звуковой раздѣльности и слитности относительны. Въ обширномъ смыслѣ не только предложеніе, но и періодъ, суть звуковыя единства. Болѣе тѣсно звуковое единство сочетаній, легко разложимыхъ, какъ предложныя падежи (поводу, на-рѣчѣ) и какъ глагольныя формы, въ родѣ „буду-говорить“ напр. „казавъ-еси“. Еще тѣснѣе единство сочетаній, въ коихъ произошли уподобленія, сліянія, опущенія звуковъ, какъ въ мѣстоименномъ склоненіи (добрааго, добраго, *dobrego* и т. д.). Такимъ образомъ, формамъ слитнымъ какъ поль. *znamę*, мр. *znatimu*, серб. *znahu*, предшествуютъ раздѣльныя *znalę* *jesmę* и пр. Полное звуковое сліяніе здѣсь позже формальнаго значенія вспомогательнаго слова. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такъ бывало и въ древнѣйшія времена, т. е. напр. что формы глагола *ас-*, *ес-* имѣли уже чисто-формальное значеніе прежде, чѣмъ слились съ темою другаго глагола для образованія аориста (*вѣсь*, *ведохъ*). Слѣдовательно, если бы здѣсь была рѣчь лишь о раздѣльности и слитности, то о времени доисторическаго образованія формъ можно бы сказать словами Буслаева, только наоборотъ, что въ доисторическія времена господство синтаксиса (въ смыслѣ раздѣльности) смѣнилось господствомъ этимологіи. Конечно, признавая, что и въ древнѣй-

шія времена образованія формъ синтаксическія отношенія имѣли такую-же важность, какъ и теперь, хотя съ тѣхъ поръ въ языкѣ многое измѣнилось, Буслаевъ различаетъ два вида синтаксиса: одинъ древнѣйшій, другой позднѣйшій, который „основывается уже не на первоначальной этимологической формѣ, а на отвлеченномъ понятіи ея выражаемомъ“. И въ другомъ мѣстѣ: „синтаксическое употребленіе словъ бываетъ двоякое: 1) основанное на этимологической формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядное и 2) отступающее отъ этой формы по требованію мысли и потому отвлеченное“ (§ 155). Съ такимъ раздѣленіемъ опять нельзя согласиться; примѣры, долженствующіе его подкрѣпить, намъ вовсе непоказываютъ его необходимости. Буслаевъ говоритъ: „въ древнѣйшемъ періодѣ мысль находится въ тѣснѣйшей связи съ этимологическою формою и потому синтаксическое употребленіе словъ основывается на этимологической формѣ, напр. числительныя пять, шесть, десять, имѣющія форму существительныхъ женскаго р. ед. ч., согласовались первоначально въ этомъ родѣ и числѣ съ мѣстоименіями, прилагательными и глаголами напр. въ Юрид. Ак. (XVII в.): „та десять копень описана“. Въ новѣйшемъ періодѣ языкъ сочетаетъ слова независимо отъ этимологической формы, на основаніи только общаго смысла, какой дается реченіямъ; потому напр. упомянутыя числительныя согласуются уже не въ женскомъ р. ед. ч., а въ среднемъ тогоже числа (напр. десять взято), или во множ. числѣ (десять взяты), на томъ основаніи, что эти числительныя принимаются въ отвлеченномъ смыслѣ числа вообще“ (Гр. § 116). Такой отнюдь не личный взглядъ высказанъ Буслаевымъ и раньше: „Исторія языка состоитъ въ непрестанномъ разрушеніи первоначальныхъ формъ языка, въ постепенномъ удаленіи сознанія народнаго отъ смысла, въ самомъ словѣ содержащагося“... „Исторія языка отказывается отъ оправданія выраженія четыре человѣка законами логики. Въ современномъ языкѣ не все признаетъ она логически правильнымъ и многое объясняетъ, какъ искаженіе и порчу первоначальной правильности; она скажетъ, что въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ существительное дѣйствительно — въ двойственномъ числѣ; но когда произошло искаженіе этой формы, тогда, какъ остатокъ старины пришедшій въ забвеніе, двойственное число могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ придаваться понятію и множественнаго числа. Такимъ образомъ, допуская въ позднѣйшемъ языкѣ безсмыслицу, исторія стремится объяснить ее искаженіемъ древнѣйшей правильной формы“ (Разборъ соч. Срезневскаго „Мысли объ Ист. Русск. яз.“ въ Отеч. Зап. 1850, № 10, 42 и 44). Явленіе, о которомъ здѣсь рѣчь, свойственно не только формальной, но и лексической сторонѣ языка, при томъ во всѣ времена его развитія. Нѣтъ логическаго противорѣчія въ томъ, что человѣкъ по прозванію Цобегей неимѣетъ никакого отношенія къ воламъ, а люди Пушкаръ, Сердюкъ, Бронникъ не пушкари и пр. Пушка-

репко, Бронниковъ вовсе не сыновья Пушкаря и пр.; ибо эти прозвища давно перестали быть личными. Такимъ же образомъ въ десять взято, десять взяты видимъ не сочетаніе, „независимое отъ этимологической формы“, а совѣмъ иныя формы, сравнительно съ женск. един. десять, формы, которыя сочетаются соотвѣтственно своей природѣ. Безсмыслица въ сочетаніи четыре человѣка была бы тогда, когда бы окончанію -а въ „человѣка“ разъ на всегда было присвоено значеніе двойственности; но на дѣлѣ забвеніе категоріи двойственности (два человѣка) было вмѣстѣ созданіемъ категоріи „нѣсколько“ („два, три, четыре человѣка“, но „пять человѣкъ“, съ род. мн.), занимающей середину между единствомъ и множествомъ, которое по этому взгляду начинается съ пяти. Нѣкогда эту середину занимала двойственность. Для болѣе древнихъ ступеней развитія, сохранившихся у нѣкоторыхъ дикарей, какъ Тасманійцы, и даже у европейскихъ дѣтей, много (какъ и въ древнихъ индоевропейскихъ и др. языкахъ, имѣющихъ числа ед. дв. и множеств.) начинается съ трехъ, такъ что весь рядъ опредѣленныхъ для сознанія количествъ равномѣрно дѣлится на единство, двойственность и тройственность, служащую представленіемъ (образомъ) множественности, первоначально не безконечной, а очень ограниченной. Тейлоръ (Первобытн. культ. I, 243) указываетъ какъ на выраженіе той же мысли на дѣтскій стишокъ: „one-s none, two's some, three's many, four's a penny, five's a littl hundred“ (одинъ—ничто, два нѣчто, три—много, четыре—пенни, пять—малая сотня); на замѣченное В. Гумбольдтомъ сходство между значеніемъ трехъ у дикарей и употребленіемъ трехъ для обозначенія высокой или превосходной степени въ индоевроп. языкахъ (*terfelix*, *τριμέγιστος*, *τριχμία* = трѣвльнѣишѣ, *τριλαμπής* = трѣсвѣтлѣ; русск. по этому образцу — трезвонъ); на то что въ Египетскихъ гіероглифахъ отвѣсная черта при изображеніи предмета означаетъ единство, двѣ такія черты — двойственность, три — неопредѣленно-большое число. Въ отличіе отъ мнѣнія о возможности несогласія между этимологич. формой и употребленіемъ, можно утверждать, что отношеніе мысли къ грамматической формѣ непохоже на то вѣрованіе, по которому душа, вылетѣвши изъ тѣла, смотритъ на него какъ на сброшенную одежду, нечувствуя на себѣ ея тяжести. Мысль въ формальномъ языкѣ никогда неразрываетъ связи съ грамматическими формами: удаляясь отъ одной, она непремѣнно въ то же время создаетъ другую. Синтаксическія отношенія формы всегда согласны съ нею самою: она вѣдь и узнается по этимъ отношеніямъ. Въ говорящемъ никогда не бываетъ несогласія между формой и ея сочетаніемъ, но для наблюдателя формы и вообще значенія распадаются на двѣ группы. Одни стоятъ, такъ сказать, на краю горизонта, такъ что за ними ничего невидно. Таковы слова этимологически-темныя, коимъ предшествующихъ наблюдатель не знаетъ и въ коихъ именно по-

тому онъ уже никакъ не можетъ усмотрѣть разлада между какимъ ли-бо однимъ значеніемъ и другимъ. Другія ближе къ наблюдателю, за-ключаютъ въ себѣ явственныя указанія на свои предъидущія и тѣмъ даютъ наблюдателю поводъ къ ошибкѣ, состоящей въ томъ, что онъ, принявши эти предъидущія за неподвижныя, думаетъ, будто это сдѣлалъ самъ языкъ, будто въ самомъ языкѣ водворилось несогласіе между „значеніемъ и употребленіемъ“, или между „этимологіею и синтаксисомъ“ или еще иначе, между „началомъ этимологическимъ“ и „логическимъ“ (Буслаевъ, Гр. § 230), при чемъ первое отождествляется съ нагляднымъ а второе съ отвлеченнымъ. Въ сочетаніи „надѣ-56 яться на Бога“ Буслаевъ видитъ „синтаксическое сочетаніе, основанное на этимологической формѣ и первоначальномъ воззрѣніи, лежащемъ въ ея основѣ“, потому что этотъ глаголь „означаетъ представленіе о положеніи чего нибудь на что нибудь“ (какъ полагаться на что, или на кого); но „надѣяться чего“ (какъ ожидать чего) сочетаніе, по его мнѣнію, основанное уже не на формѣ, а на отвлеченномъ понятіи, которое въ послѣдствіи было придано слову“ (§ 116). „Перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому расширяетъ смыслъ грамматической формы уже по требованію отвлеченной мысли... Стави глаголь надѣяться въ одинъ разрядъ съ синонимомъ ожидать, уже отвлекаемъ это первое слово отъ его собственнаго нагляднаго значенія, опредѣляемаго этимологическимъ составомъ“ (ib. § 154). Съ нашей точки приведенные примѣры представляются въ такомъ видѣ: Въ „надѣяться на что“ представленіе взято изъ значенія полагаться на что. Иначе, надежда здѣсь обозначена сходствомъ съ дѣйствіемъ опирающагося на что. Предметъ возбуждающій надежду, есть здѣсь нѣчто въ родѣ горы каменной („надѣюсь, полагаюсь, какъ на каменную гору“), стѣны нерушимой, почвы подъ ногами. Въ надѣяться чего напр. награды значеніе измѣнилось и можетъ быть приблизительно обозначено посредствомъ ожидать чего, какъ и въ мр., поль. сподіватись (и архаич. сподітись), *spodziewać się* съ родительнымъ, имѣющимъ здѣсь смыслъ мысленнаго движенія отъ предмета. Но развѣ представленіе осталось тоже? Ничуть. Оно взято изъ значенія „надѣяться“, а не изъ того значенія, изъ коего въ надѣяться на... было взято представленіе надежды. Иначе: значеніе надѣяться чего обозначено сходствомъ съ тою надеждой, въ которой на первомъ планѣ не увѣренность, а ожиданіе. Это значеніе вовсе неимѣетъ отношенія къ „полагаться на что“, ибо усмотрѣнное нами отношеніе есть отношеніе предъидущаго слова, а не этого. Въ „надѣяться чего“ видимъ не рас-57 ширеніе смысла грамматической формы „надѣяться на“, а совершенно новую грамматическую форму, которая не можетъ несогласоваться съ синтаксическимъ сочетаніемъ своимъ, потому что состоитъ именно въ этомъ сочетаніи съ родительнымъ. Если въ „надѣяться на что“

значение и сочетание опредѣляются этимологическимъ составомъ глагола, вліяніемъ слитнаго предлога, то развѣ не слѣдуетъ назвать этимологическимъ составомъ того обстоятельства, что въ надѣяться чего предлогъ на лишень прежней функціи, благодаря чему стало возможно сочетание глагола съ родительнымъ? Не мудрено, что въ этомъ сочетаніи нѣтъ согласія съ предъидущею, совсѣмъ другою грамматическою формою.

И въ какомъ отношеніи наша ошибка можетъ быть характеристична для позднѣйшаго языка? Конечно, всякое послѣдующее слово есть болѣе сложное произведеніе, чѣмъ предшествующее, именно потому, что послѣднее нужно для перваго, а не наоборотъ. Справедливо также, что отчасти можно измѣрить степень сложности двухъ значеній, принадлежащихъ даже къ различнымъ рядамъ. При этомъ подъ сложностью значеній разумѣемъ сложность, такъ сказать, лѣсовъ и подмостокъ, нужныхъ для сознанія значенія съ такой-то точки зрѣнія. Такъ напр. значеніе словъ сѣрый, бѣлый очевидно образовалось менѣе извилистымъ путемъ, чѣмъ многія обстоятельственныя названія цвѣтовъ въ родѣ „наваринскаго дыму съ пламенемъ“, названія, которыя весьма часто, если не всегда, суть не излишніе синонимы, но доводятъ до сознанія до того времени незамѣчаемые оттѣнки и смѣшенія цвѣтовъ. Но, во-первыхъ, такого рода сложность послѣдующаго вещественнаго значенія неестъ непременно отвлеченность сравнительно съ предъидущимъ. Нынѣшняя ландшафтная живопись, именно въ силу своей большой сложности, какъ продукта мысли, сравнительно съ живописью предшествующихъ вѣковъ, по содержанію болѣе конкретна, чѣмъ эта послѣдняя. Почему же того же не можетъ быть и въ языкѣ? И дѣйствительно оказывается, что въ словѣ можно сознать и сравнительно конкретное посредствомъ значеній сравнительно отвлеченныхъ, а не только на оборотъ ¹⁾. Во-вторыхъ, грамматическая форма, въ качествѣ отношенія, есть всегда нѣчто отвлеченное. Поэтому сравненіе грамматическихъ формъ между собою относительно отвлеченности покажетъ намъ только различіе въ степени, если еще покажетъ, а не различіе коренное. Отношеніе глагола къ объекту въ „надѣяться на Бога“,

58

¹⁾ Пресловутая живописность древнихъ языковъ есть дѣтская игрушка грубаго издѣлія, сравнительно съ неисчерпаемыми средствами поэтической живописи, какія предлагаются поэту новыми языками, неисключающая конечно французскаго, опороченнаго пристрастно иѣмцами за его мнимую непоэтичность. Настоящіе поэты, тѣ, для которыхъ поэзія есть дѣло жизни, а не школярство, теперь несочиняютъ на мертвыхъ яз. непотому, что не знаютъ этихъ языковъ (иные знаютъ) и непотому, что были бы непонятны (въ минуту вдохновенія этотъ вопросъ несуществуетъ), а потому, что эти языки своею неуклюжестью убили бы современную мысль. Переводъ современнаго стихотворенія на древній яз., кромѣ рѣдкихъ исключеній, былъ бы искаженіемъ или пародією; но, насколько вообще переводъ съ одного языка на другой возможенъ, возможны хорошіе переводы древнихъ поэтическихъ произведеній на новые языки.

по мнѣнію Буслаева, наглядно, а въ „надѣяться награды“ отвлеченно „по требованію мысли“ (§ 155), какъ будто въ первомъ случаѣ мысль ничего не требовала; но возрѣніе, лежащее въ основаніи первой формы, не „первоначально“ въ безусловномъ смыслѣ уже потому, что вообще форма не есть въ языкѣ явленіе первоначальное. Эта форма предполагаетъ другія формы, еще болѣе первоначальныя, по отношенію къ которымъ она могла бы быть названа отвлеченною. Слѣдовательно, если раздѣлимъ языкъ на два періода: предшествующій—значеній конкретныхъ и послѣдующій—значеній абстрактныхъ, то мы ничего невыиграемъ, если непокажемъ, съ какой именно точки начинается наша абстрактность, и если не докажемъ, что опредѣленная нами точка выбрана не произвольно. Впрочемъ, Буслаевъ противопоставляетъ абстрактности не конкретность, а изобразительность: „въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понятій“. (§ 156). Но изобразительность въ словѣ мы можемъ понимать, какъ достоинство способа обозначенія, а не какъ свойство обозначаемаго. Поэтому она можетъ противопоставляться не отвлеченности значенія, а только неизобразительности ¹⁾. Формы „надѣяться на Бога“ и „надѣяться награды“ въ нашемъ смыслѣ равно изобразительны, потому что обѣ равномѣрно указываютъ на значеніе, каждая на свое. Неизобразительность можетъ быть недостаткомъ личнаго языка, а не народнаго. Въ послѣднемъ изобразительность, пока онъ живъ, неоскудѣваетъ, потому что она тождественна съ понятностью слова. Послѣдняя, очевидно, независитъ отъ того, подлежатъ ли чувствамъ означаемое, или нѣтъ, просты ли средства обозначенія, или сложны.

¹⁾ Весьма обычно, по крайней мѣрѣ, было, вредное смѣшеніе свойствъ слова и свойствъ образа и понятія. Такъ въ одномъ учебникѣ (Стоюнина Руков. для теор. изуч. л-ры изд. 4) читаемъ: „Такія общія названія, или слова, которыя даютъ нѣкоторое понятіе о предметѣ, но не могутъ изобразить его формы, называются отвлеченными, или абстрактными. Степень ихъ отвлеченности неодинакова: они тѣмъ отвлеченнѣе, чѣмъ менѣе представляютъ признаковъ. Такъ (слово) растеніе отвлеченнѣе дерева“... „Имя собственное, напр. Иорданъ, подобно мѣстоименію, не даетъ намъ никакого понятія о предметѣ, т. е. не заключаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ, слѣдовательно“ (несмотря на конкретность) „менѣе, чѣмъ отвлеченное названіе, можетъ передать мнѣ видъ предмета или нарисовать его образъ,... Но: нѣтъ слова, которое могло бы „изобразить“, нарисовать форму, видъ предмета, ибо слово можетъ имѣть или одинъ признакъ (представленіе), или неимѣть никакого. Изобразительность слова есть живость его представленія. Въ этомъ смыслѣ слово растеніе изобразительнѣе, чѣмъ слово дерево. Вообще самыя отвлеченныя значенія могутъ означаться словами со связями, незатертыми представленіями [напр. судьба, необходимость, сила (область. м. рус. силити вязать, напр. веревкою), логическое основаніе и пр.]. Наоборотъ самыя наглядныя значенія могутъ означаться словами безъ представленій: слова сосна, дубъ для обыкновеннаго сознанія стольже неизобразительны, какъ слово Иорданъ. Послѣднее лишено для насъ представленія не потому, что оно собственное: имена нарицательныя мо-

Возвратимся еще разъ къ оспариваемому нами положенію: „(Флексивные) языки съ теченіемъ времени теряютъ этимологическія формы, вмѣстѣ съ чѣмъ господство этимологіи смѣняется въ нихъ господствомъ синтаксиса“. Противъ того, что этимологія и синтаксисъ, какъ двѣ взаимно условливающія себя точки зрѣнія, нераздѣльны, такъ что нельзя допустить строя языка, выказывающаго господство этимологіи или синтаксиса, можно возразить, что вѣдь въ китайскомъ, какъ говорятъ, вся грамматика состоитъ въ синтаксисѣ, и этимологіи, какъ части грамматики, вовсе нѣтъ; что флексивные языки, повидимому, съ теченіемъ времени приближаются къ такому состоянію; что подъ господствомъ синтаксиса во флексивныхъ языкахъ разумѣются тѣ случаи, когда напр. число третьяго лица въ глаголѣ, взятомъ отдѣльно отъ мѣстоименія, не указано (какъ въ литовскомъ *arė, orėt, orjūt*), или когда родъ и число существительнаго необозначаются въ прилагательномъ, такъ что, какъ говорятъ, послѣднее вовсе несогласуется съ существительнымъ, какъ въ англійскомъ.

Но въ китайской грамматикѣ этимологія имѣетъ лишь другой характеръ, а не отсутствуетъ. Это языкъ, хотя и формальный, но неимѣющій и никогда неимѣвшій флексій. Въ немъ слово (говорятъ „корень“) безъ всякихъ приспособленій становится членомъ рѣчи (Steinth. Charakter. 133). Между тѣмъ флексивный языкъ никогда не доходитъ до такого состоянія и даже не приближается къ нему. „Продолжительное существованіе флексій въ такомъ языкѣ, его флексивная природа, уже опредѣлили извѣстнымъ образомъ (и навсегда) направленіе мысли въ языкѣ (*hat dem Sprachsinne seine gestalt gegeben*). Между духомъ народа, говорящаго такимъ языкомъ, духомъ сформированнымъ флексивностью языка, и внѣшнимъ видомъ этого языка (отсутствіемъ флексій) существуетъ только мнимое несоотвѣтствіе (Humb Ueber Verschied. 292—3).

гуть быть лишены представленій, а имена собственные могутъ ихъ имѣть, напр. Бобруйскъ, Бобринскъ, Боровскъ, Сосница и пр. Сравненіе собственныхъ именъ съ мѣстоименіями ошибочно. По своей указательности мѣстоименія одинаково отличны отъ именъ качественныхъ, какъ нарицательныхъ, такъ и собственныхъ; а по своей нарицательности, т. е. потому, что всякій городъ есть тотъ, тотъ, какъ всякій городъ называется городомъ, мѣстоименія сходны съ именами нарицательными, а не собственными. Собственность и нарицательность, общность и частность, какъ явленія языка, должны быть отличаемы отъ той разницы въ степеняхъ отвлеченности значеній (образовъ, понятій), которая опредѣлима лишь тогда, когда извѣстно, кому и въ какой моментъ принадлежитъ данный образъ или понятіе. Собственное имя можетъ быть связано для меня со значеніемъ чрезвычайно блѣднымъ, напр. городъ N.—такая то точка на картѣ или на земномъ шарѣ. Если я знаю одну породу сосны и одну дуба, то мои понятія о нихъ менѣе отвлеченны, чѣмъ ботаническія; но тотъ, въ комъ есть эти послѣднія, тѣмъ менѣе, быть можетъ, способенъ меня вызвать въ себѣ конкретные образы этихъ деревьевъ, въ свою очередь уступаая въ этой способности иейзажисту.

59 Вообще, рассмотрѣвши выше приведенное мнѣніе о смѣнѣ господства этимологіи господствомъ синтаксиса, мы неберемъ себѣ изъ этого мнѣнія ничего, кромѣ сырыхъ фактовъ, лежащихъ въ его основаніи, именно: что а) звуковые элементы отдѣльныхъ формъ съ теченіемъ времени стираются; б) формы, какъ значенія, смѣняются другими; в) эти послѣднія могутъ состоять болѣе чѣмъ изъ одного слова и не составляютъ звуковаго единства.

Противоположеніе этимологіи синтаксису есть лишь неудачное преобразование другой противоположности созданія и паденія формъ, или созданія и употребленія формъ, противоположности, къ которой и переходимъ.

VII.

Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ.

Въ созданіи грамматическихъ формъ многое остается таинственнымъ; однако вѣрно, что оно неестъ слѣдствіе той причины, на которую указываетъ Максъ Мюллеръ. Онъ говоритъ: „Въ Санскритскомъ винѣти изъ дви-даѣсати, двадцать, мы имѣемъ примѣръ того, что называется фонетической порчей (corruption), разрушающей не только (внѣшнюю) форму языка, но и всю его природу. Какъ скоро эта порча обнаружится“ (слѣдовательно есть время, когда она не обнаруживается; да-лѣе авторъ говоритъ, что есть языки, коимъ она совершенно чужда), „языкъ теряетъ то, что слѣдуетъ считать существеннымъ характеромъ человѣческой рѣчи, именно знаменательность каждаго ея элемента. Народъ, говорившій языкомъ, въ коемъ винѣти — двадцать, столь-же мало думалъ при этомъ словѣ, что оно заключаетъ въ себѣ два и десять, какъ французъ о томъ, что въ *vingt* есть слова *deux* и *dix*. Поэтому языкъ, поддаваясь фонетическимъ измѣненіямъ вступаетъ въ по-
61 вую пору своего развитія. Жизнь ослабѣваетъ или совсѣмъ угасаетъ въ словахъ или частяхъ словъ, носящихъ на себѣ первые слѣды этихъ фонетическихъ преобразованій. Съ этой поры такія слова и ихъ части могутъ удерживаться въ языкѣ только искусственно, посредствомъ традиціи и, что особенно важно, съ этой поры начинается различеніе существенныхъ, или коренныхъ, и только формальныхъ, или грамматическихъ, составныхъ частей слова“. „Фонетическая порча ведетъ къ первому появленію, такъ называемыхъ грамматическихъ формъ“. (M. Müller, Vorl. über die Wiss. der Sprache. I Serie, 40—1). И такъ фонетическія измѣненія, это — болѣзнь, въ извѣстное время овладѣвающая языкомъ. Будучи направлена къ разрушенію языка (такъ какъ, по вышесказанному, она уничтожаетъ то, что въ немъ существенно), эта

болѣзнь его однако не уничтожаетъ, а напротивъ, какъ бы мимоходомъ, создаетъ то, чѣмъ формальные языки превосходятъ всѣ остальные, что въ нихъ есть высшего и лучшаго не для посторонняго судьи, а для самого говорящаго; именно, эта болѣзнь создаетъ грамматическую форму. Возможно-ли это? Совершенно произвольно утверждение, что традиционность въ языкѣ есть нѣчто искусственное, конвенціональное (ib. 42). Искусственность можетъ быть понята лишь какъ противень безыскусственности, но въ которую въ этомъ случаѣ мы могли бы разумѣть только непосредственную знаменательность звука; но такую знаменательность можемъ представить себѣ лишь въ безусловно первыхъ словахъ, которыя прямо возникли изъ патогномическихъ звуковъ. Уже во второмъ словѣ ряда звукъ значить нѣчто не потому, что онъ самъ по себѣ изобразителенъ, а потому что прежде онъ означалъ нѣчто другое. Уже здѣсь становится безразличнымъ, возникъ-ли этотъ звукъ первоначально въ самомъ говорящемъ, или переданъ извнѣ. Традиція одновременно съ самимъ языкомъ; она есть принадлежность всякаго языка, а не одного формальнаго, и никакъ не можетъ появляться только въ относительно позднее время. Искусственность предполагаетъ умыселъ, иначе она будетъ пустымъ словомъ; но въ традиционности языка нѣтъ 62 умысла. Звуковая измѣнчивость есть тоже явленіе первоначальное, всеобщее, отнюдь не свойственное однимъ лишь формальнымъ языкамъ. Поэтому она также не можетъ считаться явленіемъ болѣзненнымъ, какъ и образованіе мифовъ, которое, по Мюллеру, тоже есть болѣзнь языка. Еслибы эта измѣнчивость сама по себѣ способна была образовать грамматическія формы, то языки, имѣющіе свойство распадаться на нарѣчія, или что тоже, разрастаться въ группы нарѣчій, т. е. всѣ языки безъ исключенія стали бы формальными, чего на дѣлѣ нѣтъ.

Кто думаетъ, что фонетическая порча производитъ грамматическія формы, тотъ долженъ бы думать, что она же ихъ разрушаетъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что звуковая измѣнчивость сопровождаетъ языкъ въ тотъ періодъ, который называютъ временемъ разрушенія формъ. Если принять, какъ это и дѣлаютъ, созданіе и разрушеніе формъ за явленія противоположныя, какъ математическое увеличеніе и уменьшеніе, то будетъ ясно, что одна и таже сила сама по себѣ не можетъ производить противоположныхъ явленій. Ясно, что тутъ что-то неладно,

Самъ Мюллеръ долженъ былъ признать косвенно, что звуковая измѣнчивость неестъ самостоятельная разрушительно-творческая сила: „слова сопротивляются фонетической порчѣ, пока живы и вполнѣ понятны; но какъ скоро они, такъ сказать, теряютъ присутствіе духа, появляется въ нихъ и фонетическая порча, пораженные коею части слова сохраняютъ лишь конвенціональное, искусственное существованіе и ссыхаются въ грамматическія формы“. (ib. 42). Слѣдовательно, фонетическая порча разрушаетъ только то, что ей позволяютъ разрушать.

Ея присутствіе или отсутствіе зависитъ отъ присутствія или отсутствія „духа“. Но если въ словѣ или его элементѣ нѣтъ духа, то оно вовсе не существуетъ, какъ слово или какъ элементъ другого, и особенность формальнаго слова, т. е. то, почему оно формально, не можетъ быть названа отсутствіемъ духа. Такимъ образомъ то, что Мюллеръ называетъ отсутствіемъ жизни въ словѣ и его непонятностью, есть только новое появленіе жизни, новая понятность: измѣненіе функціи слова, образованіе новаго слова изъ прежняго. Значить, духъ править звукомъ въ словѣ. Согласно съ этимъ и грамматическая форма несть муміеобразный остатокъ прежней жизни слова, а напротивъ, то, въ чемъ съ особою силою проявляется жизнь мысли въ словѣ. Было бы странно, если-бъ было иначе.

Членораздѣльный звукъ есть матеріаль несравненно болѣе податливый, чѣмъ напр. глина, такъ какъ онъ не берется извнѣ, а производится самимъ человѣкомъ одновременно съ тѣмъ, чему онъ служить. Поэтому слѣдуетъ ожидать, что вліяніе звука на творчество мысли въ словѣ будетъ менѣе уловимо, чѣмъ вліяніе глины на дѣятельность ваятеля. Такъ оно и есть. Возьмемъ любой случай потери формы, напр. потерю причастія настоящаго дѣйствительнаго въ русскихъ говорахъ. 1) Мы чувствуемъ, что смѣшеніе и безразличное употребленіе формъ, какъ зная, знаючи, знающе, давно обнаружившееся въ письменности, не было слѣдствіемъ какой либо физиологической необходимости. И теперь слухъ нашъ достаточно тонокъ для явственнаго разграниченія этихъ звуковъ, и никакія привычки и наклонности другихъ органовъ не мѣшаютъ намъ произносить напр. знающе вм. знаючи и наоборотъ. Смѣшеніе формъ въ этомъ случаѣ можемъ объяснить только психологическимъ мотивомъ, именно безсознательнымъ стремленіемъ къ образованію новой грамматической категоріи, — дѣепричастія. Такимъ образомъ и разрушеніе, и рожденіе формъ, равно какъ и вещественныхъ значеній, ближайшимъ образомъ зависятъ не отъ наклонностей внѣшнихъ органовъ слова, а отъ извѣстной потребности мысли. Конечно, и въ органахъ съ теченіемъ времени происходятъ измѣненія, но измѣненія эти, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, состоятъ не въ огрубѣніи органовъ, а въ ихъ усовершенствованіи, которое могло бы повести лишь къ размноженію внѣшнихъ знаковъ формъ.

И такъ послѣ всего сказаннаго для насъ все-таки остается вопросомъ: что такое созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ, если точно то и другое характеризуетъ два различные періода въ жизни языка?

„Въ періодъ образованія формъ, говоритъ В. Гумбольтъ, народы болѣе заняты самимъ языкомъ, чѣмъ его цѣлью т. е. тѣмъ, что онъ долженъ означать. Они усиливаются выразить мысль и это ихъ стре-

1) Прич. наст. въ нашъ литературный языкъ внесено изъ ст. славянскаго.

мленіе (Draug) вмѣстѣ съ вдохновительнымъ вліяніемъ удачі производить и поддерживаеъ ихъ творческую силу.... Это первоначальное преобладаніе стремленія создавать языкъ надъ стремленіемъ создавать живой духъ“ (т. е. духъ не какъ субстанцію, а какъ дѣятельность: создавать нѣчто выше названное тѣмъ, что долженъ означать языкъ)..., „сказывается въ томъ, что чѣмъ первобытнѣе (ursprünglicher) языки, тѣмъ богаче формами. Въ нѣкоторыхъ языкахъ обиліе формъ видимо перерастаетъ потребность мысли. Поэтому оно умѣряется во время превращеній, испытываемыхъ языками подъ вліяніемъ болѣе зрѣлаго развитія мысли (Geistes-bildung). Періодъ созданія формъ оканчивается мгновеніемъ, когда языкъ какъ орудіе—на лицо, и тогда духу остается употреблять его и воплощаться въ немъ. Такъ и бываетъ въ дѣйствительности: способъ, какимъ духъ высказывается, употребляя языкъ какъ орудіе, сообщаетъ этому послѣднему цвѣтъ и характеръ“ (Humb. Ueber Versch. 195—6).

Два періода языка характеризуются здѣсь тѣмъ, что въ первомъ языкъ создается и самъ служитъ цѣлью, а во второмъ употребляется, становится средствомъ. Это должно бы объяснить, почему, какъ предполагають, въ языкахъ формальныхъ настаетъ время уменьшенія формъ; однако вовсе необъясняетъ. Противоположности созданія и употребленія, цѣли и средства, какъ и выше разсмотрѣнная противоположность этимологіи и синтаксиса, имѣють субъективное значеніе: это не различные періоды языка, а различные точки зрѣнія на одинъ и тотъ же періодъ. По мысли самого Гумбольта, языкъ отличается отъ всякаго внѣшняго орудія тѣмъ, что послѣднее сначала дѣлается для извѣстной внѣшней цѣли, т. е. сначала само служитъ цѣлью дѣятельности, а потомъ употребляется, и отъ этого портится. Такое орудіе безъ внѣшней цѣли немислимо, между тѣмъ главная цѣль языка (извѣстное преобразованіе мысли говорящаго) заключена въ немъ самомъ. Нельзя себѣ представить момента рѣчи, который бы небылъ въ то же время актомъ объективированія, сознанія, толкованія мысли и который неизмѣнялъ бы въ то же время языка, хотя мы замѣчаемъ эти измѣненія лишь тогда, когда они достигаютъ значительной величины. Поэтому языкъ всегда есть столько же цѣль, сколько средство, на столько же создается, на сколько употребляется. Немислимо, чтобы человекъ, говоря, имѣлъ въ виду будущія цѣли своей мысли, а не насущныя ея потребности; чтобы онъ могъ отвлекаться отъ обозначаемого словомъ иначе, какъ становясь наблюдателемъ явленій языка. Во всѣ времена человекъ, говоря, усиливается выразить свою мысль, т. е. довести ее до извѣстной степени ясности, связать ее съ прежними актами своего мышленія.

Самъ Гумбольтъ говоритъ, что „было бы ошибочно думать, что періоды языка, рѣзко разграниченные здѣсь для большей ясности, такъ

разграничены и въ дѣйствительности. Постоянная работа духа, состоящая въ употребленіи языка, оказываетъ непрерывное вліяніе на самое строеніе языка, на созданіе формъ; но вліяніе это тоньше (feiner) и при первомъ взглядѣ иногда ускользаетъ отъ вниманія. Ни одного періода въ жизни человѣчества или народа нельзя считать исключительно предназначеннымъ для развитія языка“. Если употребленіе есть тоже созданіе, то и прежнее утвержденіе, что народъ сначала создаетъ языкъ, а потомъ употребляя сообщаетъ ему свои особенности, рушится само собою: „образъ мысли народа (Denk- und Sinnenart), сообщающій языку цвѣтъ и характеръ, дѣйствуетъ на языкъ уже съ перваго начала“ (Humb. ib. 196).

Затѣмъ, повидимому, отбросивши противорѣчія, въ которыя вовлекла противоположность періодовъ увеличенія формъ, Гумбольтъ опять возвращается къ этому „факту“ и неспрашивая, точно-ли это фактъ, пытается дать ему новое объясненіе. „Чѣмъ далѣе зашелъ языкъ въ дѣлѣ строенія грамматическихъ формъ, тѣмъ менѣе представляется случаевъ, требующихъ новаго рѣшенія. Поэтому борьба съ выраженіемъ мысли становится менѣе упорною; чѣмъ болѣе духъ пользуется тѣмъ, что уже имъ создано, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ его стремленіе къ творчеству, его творческая сила. Съ другой стороны, возрастаетъ количество созданнаго и вошедшаго въ постройку матеріала и эта внѣшняя масса теперь“ (съ неопредѣленной точки, съ которой начинается ослабленіе творчества въ языкѣ?) „въ свою очередь дѣйствующая на духъ, налагаетъ на него свои собственные законы и сдерживаетъ свободное и самостоятельное вліяніе интеллигенціи. Въ этихъ двухъ пунктахъ“ (въ уменьшеніи творчества, по мѣрѣ уменьшенія числа задачъ его вызывающихъ, и увеличеніи вліянія того, что прежде создан.) „заключается то, что въ вышеприведенномъ различіи (двухъ періодовъ языка) принадлежитъ не личному взгляду, а дѣйствительной сущности вещей“ (ib. 196—7). Допустивши, что уменьшеніе творчества, несмотря ни на что, несомнѣнно, мы спросимъ, точно-ли въ языкахъ съ теченіемъ времени представляется все менѣе и менѣе случаевъ, требующихъ новаго рѣшенія? Наблюденіе свидѣтельствуетъ о непрерывномъ измѣненіи языковъ во всѣхъ частяхъ ихъ строенія. Языкъ постоянно остается посредникомъ между познаннымъ и вновь познаваемымъ. Какъ вещественныя значенія, такъ и формы должны быть разсматриваемы, какъ средства и вмѣстѣ акты познанія. Если міръ, какъ мы вѣримъ, неисчерпаемъ для познанія и если вѣрно, что неможетъ быть найдено предѣловъ лексическому развитію языка, то нельзя назначить и черты ограничивающей количество и качество возможныхъ въ формальномъ языкѣ категорій. Съ другой стороны, если даже допустимъ невѣроятное, что количество предстоящихъ задачъ напередъ извѣстно народной мысли; то нельзя будетъ понять, почему задачи эти представляются этой мысли

все рѣже, по мѣрѣ приближенія къ своему концу, почему творчество не остается въ тойже силѣ до самаго своего объективнаго предѣла? Сила отдѣльнаго человѣка ослабѣваетъ непотому, что онъ доходитъ до цѣли, а потому и по мѣрѣ того, какъ онъ тратитъ ее на совершеніе пути. Силы же народа, къ коимъ принадлежитъ творчество въ языкѣ, отличаются отъ единичныхъ силъ тѣмъ, что, при равно благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, возстаютъ на рожденіемъ новыхъ поколѣній. Поэтому ослабленіе творчества языка, если оно есть, можетъ происходить не отъ уменьшенія количества предстоящихъ задачъ, не отъ близости цѣли, а развѣ отъ другихъ причинъ.

Другого утвержденія Гумбольта, что сила творчества въ языкѣ находится въ обратномъ отношеніи къ массѣ созданнаго языка, что чѣмъ больше эта масса, тѣмъ меньше вліяніе на языкъ интеллигенціи ¹⁾, тоже нельзя объяснить никакимъ сравненіемъ. Наибольшее сходство языкъ представляетъ съ искусствомъ и наукою, которыя предполагаютъ его существованіе и возникаютъ при его посредствѣ, но, какъ извѣстно, его незамѣняютъ. Въ наукѣ масса познаннаго находится не въ обратномъ, а въ прямомъ отношеніи, если не къ энергіи познавательной дѣятельности, для измѣренія коей у насъ нѣтъ средствъ, то къ успѣхамъ ея. Нельзя отвергать возможности ослабленія или застоя этой дѣятельности, но то и другое можетъ происходить отъ ухудшенія породы, отъ причиненнаго внѣшними вліяніями перерыва въ преданіи ²⁾.

¹⁾ Подъ которой можемъ разумѣть здѣсь лишь совокупность способностей народа, создающихъ языкъ.

²⁾ „Преобладаніе практическаго направленія въ языкѣ можетъ навязывать ему сокращенія, опущенія формальныхъ словъ, эллипсы всякаго рода, ибо когда имѣть въ виду одно только взаимное пониманіе, то пренебрегаютъ всѣмъ непосредственно ненужнымъ для этого“ (Humb. ib. 290). Мысль эта приводится Гумбольдтомъ въ связь съ противоположностью созданія и употребленія языка, но ее слѣдуетъ освободить отъ этой связи, ибо и въ упомянутыхъ явленіяхъ есть своего рода творчество. Можно представить себѣ часть народа въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ всѣ интересы сосредоточены на немногихъ ближайшихъ потребностяхъ, когда быстрое теченіе дѣлъ не даетъ сроку расширить кругъ мысли, воспользоваться всѣмъ прежде добытымъ ею запасомъ. Результаты такого состоянія вмѣстѣ съ вліяніемъ посторонняго языка мы видимъ въ безобразномъ и бѣдномъ русско-китайскомъ кяхтинскомъ говорѣ (Изв. II отд. А. Н. II, 370). „Приспособленный къ спеціальной цѣли своей и выгодно, съ блестящимъ успѣхомъ служа ей, языкъ этотъ къ другимъ приспособленіямъ уже неспособенъ, для иныхъ распросовъ помимо торговыхъ негодится“. (Максимовъ, Поѣздка на Амуръ, 488). Механическое смѣшеніе народностей особенно благоприятствуетъ возникновенію такихъ говоровъ; но они могутъ образоваться и среди однороднаго населенія, группами, которыя выдѣлены изъ массы извѣстными односторонними интересами. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что такіе исключительно практическіе говоры при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ могутъ далеко распространять свое вліяніе. Такое вліяніе по истинѣ можно бы назвать явленіемъ ненормальнымъ и болѣзненнымъ, при чемъ, само собою, оно не можетъ быть возведено на степень всеобщаго двигателя развитія языка.

68 Въ этомъ случаѣ прежде добытое мыслью теряется для нея въ большей или меньшей мѣрѣ; но вообще количество процентовъ мысли увеличивается съ увеличеніемъ капитала. Въ частности это относится и къ языку. Самъ по себѣ языкъ содѣйствуетъ непрерывности преданія, постоянству въ капитализаціи мысли, и если преданіе порою прерывается, то онъ въ этомъ неповиненъ. Масса созданнаго увеличивается въ языкѣ и въ то время, которое называютъ временемъ созданія по преимуществу. Если принять вышеупомянутое обратное отношеніе, то какъ понять, что увеличеніе массы созданнаго въ одно время сопровождалось созданіемъ формъ, а послѣ—ихъ разрушеніемъ?

За исключеніемъ случаевъ нарушенія непрерывности преданія въ языкѣ, все остальное, совершающееся въ немъ, можетъ быть понято лишь какъ слѣдствіе усложненія мысли. Съ этой точки зрѣнія рассмотримъ такъ называемый фактъ паденія формъ въ формальныхъ языкахъ. Трудно болѣе заподозрить дѣйствительность этого факта, чѣмъ это сдѣлалъ самъ Гумбольдтъ: „Отъ предполагаемаго индоевропейскаго языка пошелъ цѣлый рядъ языковъ, служащихъ органами высшей въ свѣтѣ цивилизаціи“. Причина этому должна заключаться въ томъ, что „строеніе этихъ языковъ наиболѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ духа, наиболѣе возбуждаетъ его дѣятельность и потому сохраняетъ наиболѣе прочную силу производить новыя образованія, вызываемыя теченіемъ времени и (внѣшними) судьбами народовъ“ (Humb. ib. 253). Сущность этого строенія состоитъ въ томъ, что каждое слово этихъ языковъ носитъ на себѣ печать опредѣленной грамматической категоріи (ib. 185), изъ коихъ наиболѣе выдающіяся и важныя суть глаголь, союзъ и мѣстоименіе относительное. Эти части рѣчи, будучи, подобно всѣмъ остальнымъ, слѣдствіемъ синтеза, въ тоже время въ большей мѣрѣ, чѣмъ остальные, имѣютъ синтезъ своею грамматическою функціею. Глаголь создаетъ предложеніе, союзъ и мѣстоименіе относительное связываютъ предложенія въ высшія и болѣе сложныя единицы.

„Но какимъ образомъ согласить то, что плодотворное жизненное начало (Индоевропейскихъ) языковъ состоитъ въ ихъ флексивности, съ тѣмъ явленіемъ, что богатство флексій свойственно именно юношескому возрасту жизни языковъ, а съ теченіемъ времени исподоволь уменьшается? По меньшей мѣрѣ странно то, что начало ослабѣвающее (флексивность) есть вмѣстѣ съ тѣмъ начало охранительное. Между тѣмъ стиранье (das abschleifen) флексій есть неоспоримый фактъ (ib. 289)“.

Фактъ состоитъ въ стираньи флексій, рассматриваемыхъ какъ звуковыя элементы, но не въ уменьшеніи общаго количества формъ и не въ потерѣ формальности въ языкахъ ее выработавшихъ. Грамматическая форма, какъ было уже сказано, со своего появленія и во всѣ послѣдующіе періоды языка есть значеніе, а не звукъ. Формальность язы-

ка есть существованіе въ немъ общихъ разрядовъ, по которымъ распредѣляется частное содержаніе языка, одновременно съ своимъ появленіемъ въ мысли. Ежеминутно распредѣляя содержаніе своей мысли въ языкѣ по разрядамъ, невозможно утратить привычки къ такой классификаціи, а напротивъ можно только все болѣе и болѣе укоренять въ себѣ эту привычку. Придерживаясь сравненія языка съ наукою, мы а priori найдемъ вѣроятнымъ, что съ теченіемъ времени извѣстные грамматическіе разряды могутъ оказываться несомвѣстными съ удобствомъ мысли, подобно тому какъ извѣстныя научныя дѣленія уничтожаются по мѣрѣ успѣховъ знанія. Такое сравненіе заставляетъ насъ усумниться въ основательности того сожалѣнія (напоминающаго печальное вѣрованіе въ смѣну золотого вѣка вѣками менѣе благородныхъ металловъ), съ которымъ нерѣдко говорилось о потерѣ формъ въ языкахъ ¹⁾. Если въ наукѣ уничтоженіе извѣстныхъ дѣленій есть выигрышъ мысли, то того-же слѣдуетъ ожидать и отъ уничтоженія извѣстныхъ грамматическихъ категорій, разумѣется, при непрерывности преданія въ языкѣ. Тутъ есть однако нѣкоторая разница. Наука вся находится въ области критической мысли. Измѣненія въ наукѣ всегда имѣютъ ясно сознанныя основанія. Между тѣмъ языкъ, будучи орудіемъ сознанія, самъ по себѣ есть созданіе бессознательное. ⁷¹ Говорящему ясно то, до чего доводитъ его языкъ, но путь, которымъ идетъ при этомъ языкъ, неясенъ. Поэтому говорящій, содѣйствуя уничтоженію извѣстной грамматической категоріи, никогда не знаетъ, почему онъ это дѣлаетъ и какую пользу отъ этого получаетъ. Только для науки о языкѣ, а не для созданія и употребленія слова, важно

¹⁾ Буславей въ разборѣ „Мыслей объ ист. Русск. яз.“ Срезневскаго (Отеч. Зап. 1850, № 10, 32—3) говоритъ: „И древнѣйшіе письменные памятники (славян. яз.) несохранили намъ золотого вѣка процвѣтавшаго языка“. Совершенство языка этихъ памятниковъ „только явнѣе доказываетъ, что прежде, въ эпоху недосыгаемую, языкъ могъ быть еще совершеннѣе въ своемъ грамматическомъ построеніи; что древнѣйшія формы языка суть такіе же развалины первоначальнаго организма, какъ и языкъ нынѣшній, развѣ только свѣжѣе, и не столь обезображенныя наростами и обломками отъ теченія вѣговъ, какъ послѣдній“. „Исторія литературы, искусствъ, наукъ развивается выѣстъ съ жизнью народа... Нетакова исторія языка. Съ усовершенствованіемъ народа въ умственномъ и политическомъ отношеніяхъ, языкъ уже не двигается впередъ, несовершенствуется въ своихъ формахъ, непріобрѣтаетъ новыхъ сочетаній звуковъ, но даже теряетъ мало по малу и тѣ богатства, какія имѣлъ искони. Только въ одномъ отражается на языкѣ совершенствованіе народное, именно въ большей правильности и ясности при изложеніи мыслей въ рѣчи. Но это-уже не отъ совершенствованія языка, а отъ стремленія подчинить бессознательно употребляемыя формы языка отвлеченной мысли... Съ совершенствованіемъ народа языкъ можетъ измѣняться, искажаться, но не двигается впередъ, ибо онъ единожды навсегда созданъ высшею творческою силою и, подобно природѣ внѣшней, можетъ быть примѣняемъ къ потребностямъ челоука, но, какъ таже природа, онъ не можетъ принимать постояннаго участія въ движеніи историческихъ судебъ народа“ (ib. 40—1). Въ отличіе отъ этого, мы думаемъ, что нѣтъ противоположности въ развитіи культуры и языка.

рѣшеніе этихъ вопросовъ. Но языкованіе только ищетъ этого рѣшенія и рѣдко его находитъ. Отвѣтить на вопросъ о значеніи данной формы или ея отсутствія для мысли было бы возможно лишь тогда, когда бы можно связать эту форму съ остальными формами даннаго строя языка, связать такимъ образомъ, чтобы по одной формѣ можно было заключить о свойствѣ если не всѣхъ, то многихъ остальныхъ. До сихъ поръ языкованіе большею частію принуждено вращаться въ кругу элементарныхъ наблюденій надъ разрозненными явленіями языка и даетъ намъ право лишь надѣяться, что дальнѣйшія комбинаціи этихъ явленій отъ него не уйдутъ. Покамѣстъ возможны лишь шаткія заключенія о роли даннаго явленія въ общемъ механизмѣ словесной мысли извѣстнаго періода, такъ какъ мы умѣемъ читать лишь самыя грубыя указанія на родство явленій. Такъ напр. мы нашли въ словѣ лелѣять удвоеніе извѣстнаго рода и по этой нити дошли до заключенія, что Русскій языкъ вмѣстѣ со многими другими предполагаетъ такую-то категорію интенсивности глагола; что такой самой категоріи въ настоящее время нѣтъ, такъ какъ ее не слѣдуетъ смѣшивать съ интенсивностью, обозначаемою посредствомъ именныхъ суффиксовъ. Съ предполагаемою категоріею случилось нѣчто въ родѣ превращенія живаго организма въ почву; но въ языкованіи большею частью нельзя еще сказать (продолжая сравненіе), какого рода растительности благопріятствуетъ почва, заключающая въ себѣ такія-то составныя части? что именно должно слѣдовать за разрушеніемъ напр. категоріи интенсивности?

Такимъ состояніемъ знанія объясняется существованіе взгляда, котораго въ превращеніи извѣстнаго созданія языка, такъ сказать, въ почву видитъ смерть и болѣе ничего; въ прошедшемъ языка, обладавшемъ двойственнымъ числомъ, аористами, имперфектомъ, будущими, составлявшими звуковое единство и т. п. находитъ тонкость мысли и богатство, а въ настоящемъ этого языка, лишеннаго упомянутыхъ формъ,—грубость и бѣдность. Но объясненіе взгляда неестъ его оправданіе. Чтобы оправдать такой взглядъ, нужно бы предположить: или, что съ теченіемъ времени сила, создающая языкъ, освобождается изъ него для другой дѣятельности, при чемъ языкъ перестаетъ быть орудіемъ мысли, какимъ онъ былъ сначала; или, что языкъ изъять изъ области закона природы, по которому смерть есть начало новой жизни. То и другое несправедливо. Болѣе обѣщаетъ убѣжденіе, что за потерю формы слѣдуетъ рожденіе новой, при чемъ въ результатѣ получится одно изъ двухъ: а) отдѣльная грамматическая форма, подобно растительной и животной, можетъ непосредственно перерождаться въ другую. Напр. говоря „два, три, четыре рубля“, мы относимъ существительное къ категоріи, которую обозначаемъ посредствомъ „нѣсколько“ (больше одного и меньше пяти) и которая непосредственно предполагаетъ суще-

ствование категории двойственности. б) Грамматическая форма неизбежно входит в строй языка, лежащий в основании последующего строя, но сама может исчезать, не оставляя непосредственного остатка в другой форме, подобно тому как окончательно вымирают некоторые роды растений и животных. Возможно, что некоторые породы кислоты, дикой груши, собаки, овцы вымерли, не оставивши никакого следа в родословной ныне существующих пород этих растений и животных; но от этого далеко до общего вымирания форм или сведения их к немногим. Напротив, число пород воспитываемых человеком растений и животных постоянно увеличивается. Так и в языке из вымирания некоторых форм без видимого остатка следует, что количество формальных отбросов, различаемых в речи, уменьшается. По крайней мере, если это уменьшение действительно существует, если точно мысль в языке довольствуется немногими рядами вместо множества прежних, то это должно быть лучше доказано, чем было до сих пор. Без лучших доказательств мы этому не поверим, ибо пример науки говорит нам, что с увеличением способности к отвлеченному мышлению и с увеличением запаса знаний многие деления и категории оказываются негодными и отбрасываются, но за то являются новые, так что в развитии наук нет никакой возможности говорить о противоположности периода возникновения и падения общих понятий.

Каким образом доходить до мысли о падении грамматических форм? Берут напр. схемы склонений в трех периодах языка и считают в каждом отдельно различные по звукам окончания. Оказывается, положим, что в древнем верхнемецком языке таких окончаний было 40, в среднем 20, в новом 5—6. Отсюда вывод, повидимому, несомненный: падение форм. Но здесь за форму принять ее внешній знак, тогда как форма есть значение; сосчитано число внешних знаков известного рода, но не показано, что эти знаки достаточно различались по своему значению и что присутствие их в языке было признаком богатства и порядка, а не лишним бременем для мысли; что, если они и различались достаточно, то замечались ли какими либо другими указаниями на форму? Число форм т. е. формальных значений в разных периодах языка вовсе не сосчитано ¹⁾. Между тем, чтобы доказать, что число форм уменьшает-

¹⁾ На пр. не принято в расчет такое блистательное доказательство творчества языка в относительно новое время, как обозначение зависимых, несокращенных предложений, в отличие от главных, посредством инверсии: *ich habe dieses buch gelesen, — dass (weil, wenn) ich dieses buch gelesen habe* (G. v. d. Gabelenz, Zur vergl. synt. Zeitschr. f. Völkerps. VIII). Такие акты творчества, такие торжества объединяющей мысли и немогут приниматься в расчет теми, чьё внимание поглощено счётом суффиксов.

ся, нужно именно считать формальные отѣнки значеній—трудъ не столь легкой, какъ счетъ окончаній. Вѣроятные результаты такого труда были бы, во-первыхъ, менѣе точны, потому что въ каждомъ языкѣ есть большое количество такихъ формальныхъ значеній, коихъ ученые наблюдатели вовсе незамѣчаютъ (хотя, если это ихъ собственный языкъ, различаютъ на дѣлѣ), кои учеными понимаются ошибочно, или смѣш-
74 ваются съ другими; во-вторыхъ, при всей неточности, результаты эти могли бы быть далеко несогласны съ выводами изъ счета окончаній.

Необходимо разъ навсегда отдѣлаться отъ ложнаго пониманія грамматической формы, о которомъ было говорено выше (§ 5). Необходимо твердо знать, что при счетѣ формъ должно стремиться къ тому, чтобы считать за единицу дѣйствительную форму, а не абстракцію. Мы привыкли напр. говорить объ одномъ творительномъ пад. въ русскомъ языкѣ, но на дѣлѣ этотъ падежъ есть не одна грамматическая категория, а нѣсколько различныхъ, генетически связанныхъ между собою. Всякое особое употребленіе творительнаго есть новый падежъ, такъ что собственно у насъ нѣсколько падежей, обозначаемыхъ именемъ творительнаго. Сколько именно такихъ особыхъ употребленій и вообще сколько падежей въ современномъ русскомъ или другомъ языкѣ, это вопросъ не изъ тѣхъ, которые можно предлагать дѣтямъ въ школѣ, такъ какъ и сами ученые въ этомъ между собою несогласны. Каждое особое значеніе предлога даетъ новый падежъ. Незная числа падежей въ истинномъ значеніи этого слова, конечно, нельзя правильно судить и о томъ, уменьшается ли ихъ число, или нѣтъ. Для меня несомнѣнно, что новые падежи въ вышеуказанномъ смыслѣ появляются и донинѣ. Впрочемъ нельзя отвергать того, что въ языкѣ, служащемъ органомъ непрерывно дѣятельной мысли, дѣйствительно уменьшается число категорій извѣстнаго рода. Возможно въ языкахъ, хотя и не индоевропейскихъ, что напр. въ дѣйствиі различается непремѣнно, совершается ли оно мужчиною или женщиною, сидя или стоя и т. п. Хотя въ формальныхъ языкахъ этого и не бываетъ, но и въ нихъ есть, а прежде было больше недостаточно одухотворенныхъ категорій, т. е. такихъ, въ которыхъ вещественное содержаніе слова недостаточно отдѣлено отъ его формы. Потеря подобныхъ категорій, къ числу коихъ можно отнести напр. интенсивность, дезидеративность, онтатив-
75 ность глагола, никакъ не можетъ противорѣчить развитію формальности языка и увеличенію въ немъ количества другихъ формъ. Предупреждая систематическое рѣшеніе такихъ вопросовъ, можно думать, что такъ какъ немислимо оскуднѣніе творчества въ языкѣ безъ особыхъ пертурбацій, зависящихъ отъ новыхъ внѣшнихъ причинъ; то новые языки вообще суть болѣе совершенные органы мысли, чѣмъ древніе, ибо первые заключаютъ въ себѣ болѣе большой капиталъ мысли, чѣмъ

послѣдніе ¹⁾. Важность древнихъ языковъ, каковы санскритскій, греческій, латинскій, для языкознанія происходитъ не отъ того, что они въ лексическомъ и формальномъ отношеніи выше новыхъ, а совершенно наоборотъ, отъ того что они во всѣхъ отношеніяхъ ниже, т. е. проще и доступнѣе анализу. Въ этомъ же заключается и педагогическое значеніе этихъ языковъ.

Предположивъ, что языки, кромѣ частныхъ случаевъ, совершенствуются всесторонне, нетрудно примирить съ этимъ то обстоятельство, что съ древнѣйшихъ временъ, доступныхъ изслѣдованію, въ формальныхъ языкахъ замѣчается ввѣтриваніе звуковъ (въ томъ числѣ и тѣхъ, которые поддерживаютъ формальныя значенія) и чередованье формъ простыхъ и описательныхъ.

Что до звуковъ, то потеря окончаній, а отчасти и префиксовъ, можетъ сопровождать два различныхъ явленія: появленіе новой категоріи или сохраненіе прежней. Въ первомъ случаѣ языкъ недорожитъ звукомъ, потому что звукъ прямо ему мѣшается, такъ напр. польскому дѣепричастію „znając“ приличнѣе потеря бывшей въ немъ нѣкогда конечной гласной, чѣмъ ея сохраненіе („znający“). Такъ какъ эта гласная въ дѣепричастіи уже неимѣетъ смысла, то сохраненіе ея лишь безъ нужды замедляло бы теченіе рѣчи и мысли. Въ сущности то-же бываетъ и въ случаѣ сохраненія прежней категоріи. Звукъ въ словѣ есть средство объективировать мысль, ставить и удерживать ее передъ собою, какъ предметъ подлежащій дѣйствию слѣдующей мысли. Затрата силы на произнесеніе звука въ рѣчи оправдывается лишь въ той мѣрѣ, въ какой безъ звука невозможно удержать передъ собою значеніе. Чѣмъ слабѣе энергія 76 мысли, тѣмъ болѣе она нуждается въ звукѣ, какъ внѣшней опорѣ; но, по всѣмъ соображеніямъ, эта энергія въ языкѣ увеличивается и этимъ объясняется небрежность въ сохраненіи прежняго звуковаго состава слова. Процессъ паденія звуковъ въ языкѣ напоминаетъ нѣсколько другихъ сходныхъ явленій. Малограмотные до такой степени нуждаются въ звукѣ для пониманія, что или вовсе немогутъ читать иначе какъ, громко, или, по крайней мѣрѣ, читаютъ, беззвучно, но раздѣльно, произнося слова, шевеля губами и пр. Отъ упражненія это проходитъ: чловѣкъ выучивается читать глазами, т. е. для объектированія мысли ему довольно ея изображенія на письмѣ. Въ исторіи письменъ, средства объективировать слово, замѣчается нѣчто подобное. Мы замѣнили уставъ и полууставъ скорописью, которая въ свою очередь можетъ быть вы-

¹⁾ Курціусъ, считая необходимымъ принимать два періода жизни индоевропейскихъ языковъ (der Bildung und der Ausbildung, der Vervollkommnung), что еще спорно, признаетъ, что языки второго періода, стало быть и нынѣшніе, лучше удовлетворяютъ назначенію всякаго языка служить выраженіемъ мысли, чѣмъ основной языкъ перваго періода, и что въ исторіи языка никакого потеряннаго рая нѣтъ (Zur Chronologie der indogerm. Sprach. Отд. оттискъ 12—14).

тѣсна стенографіей. Небрежность относительно сохраненія первоначальной формы буквъ есть противень той, съ какою языкъ обращается со звуками, какъ скоро они становятся ему ненужны. Предѣль, за который непереходятъ сокращенія въ томъ и другомъ случаѣ, есть понятность, предѣль измѣнчивый, а не неподвижный. Становясь сильнѣе въ умственномъ счисленіи, мы менѣе нуждаемся въ цифирныхъ знакахъ и счетахъ, хотя невозможно представить себѣ, чтобы подобныя пособія могли со временемъ оказаться вовсе ненужными.

И такъ, если, при сохраненіи грамматической категоріи, звукъ, бывшій ея поддержкою, теряется, то это значить не то, что въ языкѣ ослабѣло творчество, а то, что мысль ненуждается болѣе въ этой вышней опорѣ, что она довольно сильна и безъ нея, что она пользуется для распознаванія формы другимъ болѣе тонкимъ средствомъ, именно знаніемъ мѣста, которое занимаетъ слово въ цѣломъ, будетъ ли это цѣлое рѣчью, или схемою формъ. Кто неумѣетъ считать и имѣетъ недостаточное понятіе о пространственныхъ отношеніяхъ, тотъ долженъ, чтобы выбрать одинъ предметъ изъ многихъ, знать его собственныя примѣты, напр. цвѣтъ и т. п.; но, имѣя возможность опредѣлить предметъ по порядку, по мѣсту въ пространствѣ, можно, если это нужно, необременять мысли никакими другими примѣтами.

Существованіе въ языкѣ описательныхъ формъ не только неестъ признакъ паденія формальности, но, напротивъ, свидѣтельствуетъ о торжествѣ этого принципа. Описательная форма есть сочетаніе словъ, уже имѣющихъ формальныя опредѣленія, но въ совокупности составляющихъ одинъ актъ мысли. Возможность такого сочетанія требуетъ присутствія въ языкѣ чисто-формальныхъ словъ. Нужна продолжительная работа мысли для того, чтобы освободить вещественныя слова отъ всякаго вещественнаго содержанія и обратить ихъ въ безпримѣсныя выраженія отношеній. Всякая описательная форма, возникшая послѣ простой и предполагающая эту послѣднюю (напр. сочетаніе личнаго мѣстоименія, какъ формы, съ глаголомъ, формальнаго глагола съ причастіемъ, предлога съ именемъ), тѣмъ самымъ есть созданіе весьма сложное. Какъ бы ни было трудно доказать въ отдѣльныхъ случаяхъ, что описательная форма, вытѣсняющая простую, вноситъ въ языкъ новое содержаніе, мы вообще должны предполагать, какъ на основаніи частныхъ наблюдений, такъ и а priori, что замѣна простой формы сложною неестъ только заплатата на старое платье, а созданіе новой формы мысли; образованіе предлога изъ существительнаго и сочетаніе этого предлога съ именемъ, будетъ ли оно еще снабжено надежнымъ окончаніемъ или нѣтъ, по значенію своему для мысли неестъ тоже, что прежній надежь, а нѣчто, по всей вѣроятности, болѣе согласное съ новыми ея потребностями. Съ такой точки зрѣнія въ новыхъ языкахъ по отношенію къ древнимъ можно видѣть перерожденіе, а не вырожденіе и иска-

женіе, такъ что неполнѣ можно согласиться съ Гумбольдтомъ, когда онъ говоритъ лишь о сохраненіи существенныхъ чертъ формальности древнихъ языковъ въ новыхъ, а не объ укрѣпленіи и развитіи этого начала.

„Замѣна падежа предлогомъ въ новыхъ языкахъ (индоевропейскихъ) вовсе не тождественна съ тѣмъ случаемъ, когда въ приставочныхъ языкахъ отдѣльное слово указываетъ на падежъ. Хотя первоначальное значеніе такого слова и забыто, но все же слово это не выражаетъ чистаго отношенія, потому что все строеніе такого (нефлексивнаго) языка вытекаетъ не изъ того воззрѣнія (innere Sprachansicht), которое энергически стремится къ рѣзкому разграниченію частей рѣчи; потому что духъ такого народа не съ этой точки (формальныхъ различій) воспринимаетъ созданія своего языка. Римскому языку вполнѣ свойственна была формальная точка зрѣнія. Предлоги составляли въ немъ систему (чистыхъ отношеній); каждый, смотря по своему значенію, требовалъ соответственнаго падежа и только вмѣстѣ съ падежемъ обозначалъ отношеніе. Это прекрасное ¹⁾ согласованіе (предлога съ падежемъ) не перешло въ языки, выродившіеся изъ римскаго; но въ языкахъ этихъ сохранилось чутье такого порядка, признаніе предлога особою частью рѣчи съ формальнымъ значеніемъ. По принципу эти языки не менѣе формальны, чѣмъ ихъ родоначальный. Тоже находимъ и въ употребленіи глагола. Какъ бы ни были несовершенны его формы ²⁾, но синтетическая его сила та-же, потому что языкъ разъ навсегда и неизгладимо отдѣлилъ его отъ имени ³⁾. Мѣстоименіе, часто ставимое въ романскихъ языкахъ при глаголѣ, тамъ гдѣ оно не ставилось въ языкѣ первообразномъ, соответствуетъ по смыслу, въ какомъ оно принимается, истинному понятію о глаголѣ, потому что въ Романскихъ языкахъ мѣстоименіе въ этихъ случаяхъ есть лишь отдѣльное отъ глагола, иначе поставленное личное окончаніе, между тѣмъ какъ въ языкахъ, коимъ чуждо отношеніе лица, мѣстоименія имѣютъ вещественное значеніе“ (Humb. Ueber Versch. 295; Steinth. Gr. Log. u. Ps. § 128).

¹⁾ Во всякомъ формальномъ языкѣ своя красота формъ, и если ученые находятъ ее болѣе въ древнихъ языкахъ, чѣмъ въ новыхъ, то они любятъ не столько этими древними языками, сколько своимъ трудомъ, употребленнымъ на ихъ изученіе: что дорого, то мило.

²⁾ Это несовершенство формъ глагола въ новыхъ языкахъ принято подъ вліяніемъ мысли о паденіи формъ. Въ дѣйствительности его можетъ и не быть. Различныя формы могутъ быть равно совершенны т. е. равно необходимы для производимыхъ ими дѣйствій.

³⁾ Это мѣсто слѣдовало-бы обсудить тѣмъ, которые въ русскомъ глаголѣ видятъ именной характеръ, т. е. принимаютъ, что разъ установленное разграниченіе имени и глагола стирается со временемъ.

Грамматика и логика.

Слѣдующее разсужденіе довольно характеристично, для направленія и нынѣ имѣющаго многихъ послѣдователей преимущественно между тѣми изъ представителей языковѣдѣнія, которые не столько сами изучаютъ, языкъ, сколько учатъ ему въ школахъ. На вопросъ: „есть-ли именительный падежъ единственная форма логико-грамматическаго подлежащаго?“ отвѣчаютъ: „Въ предложеніяхъ „Паллада любить Улисса“, „я не сплю по ночамъ“, „у меня есть книги“ именительные падежи говорить о томъ же лицѣ или предметѣ, о которомъ творительный въ „Палладю любимъ Улиссъ“, дательный въ „мнѣ неспится по ночамъ“, родительный „у меня нѣтъ книгъ“. Именительные въ первыхъ трехъ предложеніяхъ суть подлежащія. Имъ приписываются тѣже сказуемыя, что и такъ называемымъ косвеннымъ падежамъ въ трехъ остальныхъ. Слѣдовательно, эти косвенные падежи Палладю, мнѣ, книгъ суть тоже подлежащія, ибо двѣ величины порознь равныя третьей равны между собою ⁸⁰ 1). Это все равно, какъ еслибы сказать: вотъ палець счетомъ одинъ, а вотъ свѣчка тоже одна, слѣдовательно что палець, что свѣчка—все едино. Какъ здѣсь мы узнаемъ не то, что такое палець, и что свѣчка, а то, что разныя вещи можно считать за единицу, которая всегда равна себѣ; такъ и тамъ въ лучшемъ случаѣ мы узнаемъ только то, что для логики словесное выраженіе примѣровъ ея построеній безразлично. Если же цѣль теоретическаго изученія языка, именно и состоитъ въ сознаніи функцій различныхъ падежей и т. п., то для такого изученія „логико-грамматическое“ подлежащее и тому подобное въ свою очередь безразлично, такъ какъ существованіе этихъ вещей возможно только внѣ языка.

Изумительно, что авторъ вышеприведеннаго разсужденія тутъ же говоритъ: „различіе между грамматикою и логикою, давно сознаваемое многими, окончательно доказано лѣтъ 15 тому назадъ, какъ всѣмъ извѣстно, Штейнталемъ въ его „Grammatik, Logik und Psychologie. Berl. 1855“. Въ этой книгѣ Штейнталь именно и доказалъ, что понятія, каково „логико-грамматическое подлежащее“, заключаютъ въ себѣ разрушительныя для себя противорѣчія, логически немислимы.

Ссылаясь на ту же книгу Штейнтала, я не буду останавливаться на разсматриваемомъ въ ней вопросѣ объ отношеніи логики къ грамматикѣ и ограничусь лишь слѣдующими положеніями.

¹⁾ Разсужденіе это нисколько неоправдывается тѣмъ, то въ его пользу можно привести весьма сильныя авторитеты напр. Гримма, у котораго тоже подлежащее есть или прямой падежъ, или косвенный, при чемъ въ дѣйствительномъ оборотѣ косвенный зависитъ отъ прямого, а въ страдательномъ наоборотъ. (D. Gr. IV, 1).

Слово не однимъ присутствіемъ звуковой формы, но всѣмъ своимъ содержаніемъ отлично отъ понятія и неможетъ быть его эквивалентомъ или выраженіемъ уже потому, что въ ходѣ развитія мысли предшествуетъ понятію.

Грамматическое предложеіе вовсе нетождественно и непараллельно съ логическимъ сужденіемъ. Названія двухъ членовъ послѣдняго (подлежащее и сказуемое) одинаковы съ названіями двухъ изъ членовъ предложеія, но значенія этихъ названій въ грамматикѣ и логикѣ различны. Термины „подлежащее“, „сказуемое“ добыты изъ наблюденія надъ словеснымъ предложеіемъ и въ немъ другъ другомъ незамѣнимы. Между тѣмъ для логики въ сужденіи существенна только сочетаемость или несочетаемость двухъ понятій, а которое изъ нихъ будетъ названо субъектомъ, которое предикатомъ, это для нея, вопреки существующему мнѣнію, должно быть безразлично, ибо въ формально-логическомъ отношеніи, независимо отъ способа возникновенія и словеснаго выраженія, все равно, скажемъ ли „лошадь—животное“, „лошадь не собака“ или „животное“ включаетъ „лошадь“ (въ числѣ животныхъ есть лошадь), „собака не лошадь“. Категоріи предмета и его признака ненужны для логики, для которой и то, и другое—только понятія, совокупности признаковъ ¹⁾. Тѣмъ менѣе возможно вывести изъ логическаго сужденія прочіе члены предложеія: опредѣленіе, обстоятельство, дополненіе.

Совершенное, т. е. вполнѣ согласное съ требованіями языка предложеіе можетъ соотвѣтствовать не логическому сужденію, а только одному понятію, содержаніе коего, конечно, разложимо въ сужденіе. Напр. на извѣстной ступени развитія языка, т. е. пониманія, „гремѣть“ означаетъ дѣйствіе безъ дѣйствителя: громъ (въ смыслѣ дѣйствія) происходитъ; но эгзистенціальность въ обширномъ смыслѣ, т. е. существованіе внѣ насъ или только въ нашей мысли, есть признакъ, входящій во всякое понятіе; сужденіе „понятіе X существуетъ“ тавтологично и въ этомъ смыслѣ вовсе не-есть логическое сужденіе, т. к. не требуетъ никакой логической повѣрки.

Съ другой стороны простое предложеіе можетъ соотвѣтствовать болѣе чѣмъ одному логическому сужденію. Не только каждая пара членовъ предложеія (подл. и сказ., подл. и опредѣл., сказуемое и обстоятельство, сказуемое и дополн.) можетъ соотвѣтствовать сужденію, но и одинъ членъ предложеія можетъ соотвѣтствовать одному и болѣе чѣмъ одному сужденію, при томъ не только въ составныхъ словахъ (мр. пічкуръ, истопникъ, человѣкъ „куращій“ нечи; дривітня, мѣсто гдѣ „тнуть“, рубять дрова) но и въ простыхъ: мр. и стар. рус. (Ип. лѣт.) голубити, ласкать другого, какъ милуются голуби.

¹⁾ Ошибочно въ 1-мъ изд. этого соч.: „логическое подлежащее... бываетъ грамматическимъ сказуемымъ, логическое сказуемое грамматическимъ подлежащимъ“.

Грамматическихъ категорій несравненно больше, чѣмъ логическихъ. Поэтому недостаточное отвлеченіе логическаго содержанія мысли отъ словеснаго выраженія обнаруживается внесеніемъ въ логику категорій, вовсе ненужныхъ для ея цѣлей, напр. связки, нѣкоторыхъ дѣленій сужденія. Наоборотъ, подчиненіе грамматики логикѣ сказывается всегда въ смѣшеніи и отождествленіи такихъ явленій языка, которыя окажутся различными, если приступить къ наблюденію съ одною предвзятою мыслью о томъ, что априорность въ наблюдательныхъ наукахъ, каково языкознаніе, весьма опасна.

Логическая грамматика неможетъ постигнуть мысли, составляющей основу современнаго языкознанія и добытой наблюденіемъ, именно, что языки различны между собою не одной звуковой формой, но всѣмъ строемъ мысли, выразившимся въ нихъ, и всѣмъ своимъ вліяніемъ на послѣдующее развитіе народовъ. Индивидуальныя различія языковъ немогутъ быть понятны логической грамматикѣ, потому что логическія категоріи, навязываемыя ею языку, народныхъ различій неимѣютъ.

Многіе до сихъ поръ держатся того мнѣнія, что логика есть нѣчто въ родѣ естественной исторіи мышленія, что она разсматриваетъ всякія явленія мысли по крайней мѣрѣ со стороны ихъ формы, но въ то же время немогутъ не признать, что можно мыслить весьма дѣятельно и нелогично, изъ чего слѣдуетъ, что логика разсматриваетъ такое свойство мысли, котораго въ мысли можетъ и небыть. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ наблюденіи даны предѣлы логики, переходя которыя, она перестаетъ быть сама собою. Совершенствованіе наукъ выражается въ ихъ разграниченіи относительно цѣли и средствъ, а не въ смѣшеніи, въ ихъ взаимодействіи, а не въ рабскомъ служеніи другимъ. Логика можетъ быть самостоятельна только въ томъ случаѣ, если ея задача будетъ поставлена лишь въ изысканіи условій логической истины, которая есть лишь одна изъ сторонъ полной истины, доступной въ данное время. Логика должна спрашивать лишь о томъ, не заключаетъ-ли данная мысль противорѣчій, независимо отъ новыхъ наблюдений, которыми она можетъ быть подтверждена или опровергнута? Иначе: мыслима-ли мысль сама въ себѣ? Напр. сужденія „нѣкоторые корни растутъ вверхъ (или горизонтально)“, „корни имѣютъ листовныя почки“ истинны съ логической точки, если подъ корнемъ разумѣется вообще подземная часть растенія. Логика неможетъ дать никакого руководства къ другой повѣркѣ этихъ сужденій. Но какъ скоро независимо отъ логики составлено иное понятіе о корнѣ, какъ о нисходящей оси растенія, то и логика найдетъ что вышеприведенныя сужденія ложны, что корень неможетъ расти вверхъ, неможетъ имѣть листовныхъ почекъ, иначе онъ не корень. Здѣсь видно, что логическая и грамматическая правильность совершенно различны, такъ какъ послѣдняя возможна и безъ первой, и наоборотъ, грамматически-непра-

вильное выраженіе, на сколько оно понятно, можетъ быть правильно въ логическомъ отношеніи. Въ этомъ заключены двѣ существенныя черты логики. Во-первыхъ, она есть наука гипотетическая. Она говоритъ: если дана мысль, то отношенія между ея элементами должны быть такія-то, а въ противномъ случаѣ мысль нелогична. Но логика неговоритъ, какимъ путемъ мы дошли до данной мысли, т. е. она неестъ 83 наука генетическая, какова психологія. Напр. въ сужденіи логика не рассматриваетъ процесса сказыванія, а со своей односторонней точки зрѣнія оцѣниваетъ результаты совершившагося процесса. Напротивъ, языкованіе принадлежитъ къ числу наукъ историческихъ.

Во-вторыхъ, логика есть наиболѣе формальная изъ наукъ. Она судитъ о всякой мысли, относящейся къ какой бы ни было области знанія, такъ какъ всякая мысль допускаетъ одностороннюю логическую повѣрку: согласіе или несогласіе съ требованіями тождества мысли съ самой собою. Языкъ есть тоже форма мысли, но такая, которая ни въ чемъ кромѣ языка не встрѣчается. Поэтому формальность языкованія вещественна сравнительно съ формальностью логики. Языкованіе и въ частности грамматика ничуть неближе къ логикѣ, чѣмъ кака-либо изъ прочихъ наукъ.

Сказанное имѣетъ цѣлью указать на путь, по которому нельзя дойти до вѣрнаго опредѣленія основныхъ понятій языкованія, который неведетъ къ объясненію явленій языка.

IX.

Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ.

Считается извѣстнымъ, что въ языкахъ, подобныхъ нашему, необходимо различать содержаніе и грамматическую форму. Однако, рассматривая опредѣленія предложенія и его частей напр. въ грамматикѣ Буслаева, пользующейся у насъ заслуженною извѣстностью и во многихъ отношеніяхъ типичной, можемъ, мнѣ кажется, убѣдиться, что понятіе содержанія (на сколько оно составляетъ предметъ языкованія) и формы слова еще весьма неясны. Въ этой неясности иное лично, но во многомъ проявляется такое общее состояніе знанія, когда съ одной стороны еще чувствуется тяготѣніе къ старой теоріи (логико-грамматической), для которой нѣтъ въ словѣ ни собственно язычнаго содержанія, ни формы, а есть только нѣчто, по другому взгляду, вовсе не заключенное въ словѣ, именно понятіе, а съ другой стороны имѣются уже факты, которые, будучи какъ слѣдуетъ сведены и направлены, могли бы ниспровергнуть эту теорію. Такъ напр. дается опредѣленіе

предложенія, заимствованное изъ логической грамматики, не заключающее въ себѣ опредѣленія глагола, съ такимъ-же основаніемъ примѣнимое къ языкамъ, вовсе неимѣющимъ глагола, какъ и къ нашему. Затѣмъ изъ наблюденія сообщается, что наше предложеніе безъ глагола невозможно. Если придать подлежащій вѣсь послѣднему утвержденію, то окажется, что первое опредѣленіе предложенія пусто и должно быть выкинуто; но этого не дѣлаютъ и тѣмъ производятъ туманъ.

По Буслаеву, „предложеніе, какъ сужденіе, выраженное словами, состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго напр. „человѣкъ мыслить“, „науки полезны“ (Гр. § 120). Намъ же извѣстно, что подъ „добрый человѣкъ“ и „любить науки“ тоже могутъ разумѣться сужденія; но выраженія эти не-суть предложенія. Съ другой стороны, правда, что сужденіе должно состоять изъ двухъ членовъ; но есть такое опредѣленіе предложенія, болѣе вѣрное, чѣмъ ходячее, по которому выходитъ, что не только „хочется“, но и „хочу“ суть предложенія безъ грамматическаго подлежащаго. Существенный признакъ предложенія въ нашихъ языкахъ состоитъ въ томъ, что въ предложеніе входятъ части рѣчи; если ихъ нѣтъ, то нѣтъ и нашего предложенія. На это обстоятельство нѣтъ даже намёка въ опредѣленіи предложенія какъ сужденія, такъ какъ изъ понятія о сужденіи части рѣчи выведены быть немогутъ. Слѣдовательно такое опредѣленіе бесполезно.

85 „Во всякомъ предложеніи должно отличать: 1) самую матерію, или содержаніе предложенія, т. е. названія самыхъ понятій и представленій, входящихъ въ составъ предложенія, и 2) способъ сочетанія ихъ въ предложеніи“.

„Содержаніе предложенія выражается отдѣльными словами, означающими или предметъ (имя существительное), или дѣйствіе (глаголь), или свойство (прилагательное). Способъ же сочетанія именъ и глаголовъ въ предложеніи означается или окончаніями этихъ словъ (склоненіями и спряженіями), или же такими отдѣльными словами, которыя сами по себѣ содержанія рѣчи не выражаютъ, а служатъ связью другимъ словамъ въ предложеніи, или показываютъ между ними отношеніе. Такъ напр. въ предложеніи „дерева цвѣтутъ“ сверхъ понятій: дерево, цвѣсти, отношеніе глагола цвѣтутъ къ подлежащему дереву означено помощью окончанія „-утъ“ (ib. § 120).

Здѣсь содержаніемъ предложенія названы понятія. Подъ этимъ словомъ мы не можемъ понимать ничего другаго, кромѣ единствъ познанныхъ признаковъ. Напр. понятіе дерева есть совокупность того, что мы заемъ о деревѣ: что оно имѣетъ корень, стволъ, вѣтви, что оно

ростетъ, что оно многолѣтне и пр. Языкознание предполагаетъ, что слово можетъ указывать на такое содержаніе, но затѣмъ о немъ не судить и не нуждается въ немъ для объясненія явленій языка. Повторяемъ, что содержаніе языка состоитъ лишь изъ символовъ внѣязычнаго значенія и по отношенію къ послѣднему есть форма. Чтобы получить внѣязычное содержаніе, нужно-бы отвлечься отъ всего того, что опредѣляетъ роль слова въ рѣчи напр. отъ всякаго различія въ выраженіяхъ: „онъ носитъ мечъ“, „кто носитъ мечъ“, „кому носить мечъ“ „чье дѣло ношеніе меча“, „носящій мечъ“, „носитель меча“, „меченоситель“, „меченосецъ“, „меченоса“, „меченосный“. Если при этомъ не всякое различіе между частями рѣчи исчезнетъ, то это будетъ служить лишь доказательствомъ несовершенства отвлеченія, а никакъ не того, что въ содержаніе предложенія входятъ различія между существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ. Буслаевъ, хотя говоритъ, что предложеніе по содержанію состоитъ изъ понятій, но подъ этимъ понимаетъ существительное, прилагательное, глаголь, т. е. настоящія грамматическія формы, которыя суть содержаніе не для языка, а для грамматики. Но для грамматики различія между существительнымъ, глаголомъ и проч. суть въ той-же мѣрѣ содержаніе, какъ и различія между падежами, числами, лицами и пр. Разница въ томъ, что „существительное“, „глаголь“ суть отвлеченія и внѣ мысли ученыхъ не существуютъ; дѣйствительное же бытіе имѣетъ только извѣстное существительное, извѣстный глаголь, составляющіе часть живой рѣчи, стоящіе въ совершенно опредѣленномъ отношеніи къ другимъ частямъ ея, снабженные всею полнотою формальныхъ опредѣленій, какую только могутъ вмѣстить въ данный моментъ рѣчи, напр. мечъ въ именит. или винит. ед. м. какъ подлежащее или дополненіе; носить 3 л. ед. наст., сказуемое.

Признавши, что и то, что Буслаевъ называетъ матерією, есть не матерія, а „способъ сочетанія“, форма, мы преобразуемъ его положеніе такимъ образомъ: во всякомъ предложеніи должно различать форму и форму, т. е. въ предложеніи кромѣ формы нѣтъ ничего, такъ что, отнявши форму, мы уничтожимъ предложеніе флексивныхъ языковъ.

Понятное дѣло: когда, сказавши, что предложеніе состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго, затѣмъ порознь опредѣляемъ то и другое, то наши опредѣленія должны исключать другъ друга. Это несоблюдено въ слѣдующемъ:

а) „Основной членъ предложенія есть сказуемое. 1) Собственная и первоначальная этимологическая форма сказуемаго есть глаголь“.

1) Изъ опредѣленія предложенія, какъ сужденія, и этого невидно. Въ сужденіи оба члена равно существенны.

87 „Глаголь въ смыслѣ сказуемаго означаетъ 1) признакъ, приписываемый предмету и 2) отношеніе лица говорящаго къ слушающему и къ предмету рѣчи“.

Отношеніе лица „означается или мѣстоименіями личными, или личными окончаніями глагола, напр. я думаю“ (§ 122).

б) „Подлежащее выражается или 1) самымъ лицомъ глагола напр. да-мъ, я говорю; или отдѣльною частью рѣчи, означающею предметъ, о которомъ говорится, напр. земля движется“ (§ 124).

Здѣсь мѣстоименіе я въ „я говорю“ названо отдѣльно частью рѣчи вѣроятно въ томъ смыслѣ, что оно находится съ столь-же тѣсной связи съ глаголомъ, какъ и личное окончаніе.

Изъ сравненія а) и б) видно, что личное окончаніе или вмѣстѣ съ нимъ и личное мѣстоименіе входятъ въ составъ понятія сказуемаго и что они же входятъ и въ понятіе подлежащаго, такъ что предположеніе о раздѣльности этихъ членовъ предложенія невыдержано. Выгнаться изъ этого можно такимъ образомъ. Личное окончаніе или вмѣстѣ съ нимъ мѣстоименіе личное, какъ чистая форма (отношеніе къ лицу, а не обозначеніе его указаніемъ), суть непремѣнныя составныя части личнаго глагола. Безъ нихъ нѣтъ глагола, стало быть нѣтъ сказуемаго. Но если подлежащее неестъ сказуемое, то оно никогда не бываетъ ни личнымъ окончаніемъ, ни личнымъ мѣстоименіемъ въ формальномъ значеніи.

88 Опредѣленіе подлежащаго, какъ предмета, о которомъ говорится, имѣло бы смыслъ лишь какъ ссылка на другое опредѣленіе, именно того, что мы условились понимать подъ предметомъ, о которомъ говорится. Что отождествленіе подлежащаго, какъ именительнаго надежа, и „предмета, о которомъ говорится“, совершенно условно и произвольно, въ этомъ, какъ давно замѣчено, можетъ убѣдить всякіймышленный и еще неперешколенный ребенокъ. Вотъ рѣчь: „незаботьтесь о завтврешнемъ 88 днѣ“. О чемъ тутъ говорится?—О завтврешнемъ днѣ.—Нѣтъ, не то! Какой главный предметъ этой рѣчи?—Чтобъ мы незаботились.—Нѣтъ, предметъ, о которомъ здѣсь говорится, это вы, второе лицо.—Но вѣдь о насъ здѣсь ничего неговорится!“. Развѣ это не справедливо? Вообще всякая знаменательная часть рѣчи можетъ быть, смотря по контексту, предметомъ, о которомъ говорится въ предложеніи.

Перейдемъ къ опредѣленію отношенія подлежащаго и сказуемаго къ другимъ членамъ предложенія.

„Отдѣльныя слова тогда только могутъ составить предложеніе, когда будутъ сложены одно съ другимъ: 1) по способу согласованія, или

2) по способу управленія словъ“. (Буслаевъ, Гр, § 121). Этими двумя *или* долженъ исчерпываться способъ сочетанія словъ въ предложени. Ниже намъ представится случай повѣрить это утвержденіе. Согласованіе предполагаетъ, что одинъ членъ есть согласуемый (объясняющій), а другой, съ которымъ нѣчто согласуется,—объясняемый. Управленіе тоже предполагаетъ члены управляющій и управляемый (*ib.*).

„Подлежащее и сказуемое именуются главными членами предложения, въ отличіе отъ другихъ словъ, которыя ихъ объясняютъ и дополняютъ и называются членами второстепенными“ (*ib.* § 125).

Такъ какъ второстепенные члены предложения въ свою очередь могутъ имѣть при себѣ свои собственные согласуемые и управляемые слова (§ 127), то, значить,

подлежащее и сказуемое суть члены объясняемые и дополняемые, но неслужащіе другимъ объясненіемъ. Затѣмъ намъ остается узнать, что значить быть объясняемымъ, дополняемымъ и объяснять, дополнять. Но какъ бы въ частности ни опредѣлялись эти явленія, во всякомъ случаѣ они предполагаютъ части рѣчи, флексіи въ обширномъ смыслѣ. Согласно съ этимъ, путь, которому мы здѣсь слѣдовали, неприводитъ къ опредѣленію подлежащаго и сказуемаго. Такое опредѣленіе можетъ быть удовлетворительно только въ томъ случаѣ, если будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіемъ частей рѣчи, функція коихъ—быть подлежащимъ и сказуемымъ.

„Второстепенные члены разсматриваются въ двоякомъ отношеніи: 1) по синтаксическому употребленію и 2) по значенію“ (Гр. § 125). Значеніе словъ, какъ членовъ предложения, формально и, какъ такое, называется въ синтаксическомъ употребленіи, есть само это употребленіе. Конечно, не звуки слова и не его вещественное значеніе составляютъ его грамматическую функцію, а именно его формальное значеніе. Такимъ образомъ для насъ двѣ точки зрѣнія, различаемыя Буслаевымъ, составляютъ одну и ту-же; но такъ какъ онъ держитъ эти точки раздѣльно и, какъ увидимъ, глядя съ нихъ приходимъ къ противорѣчивымъ заключеніямъ объ одномъ и томъ же, то значить, здѣсь подъ значеніемъ разумѣется не то, что выше (§ 120) было названо матеріею предложения и оказалось его формою. Здѣсь подъ значеніемъ можетъ разумѣться лишь нѣчто неграмматическое и даже вовсе неязычное.

Посмотримъ, какъ представляются второстепенные члены съ точки синтаксического употребленія.

„По синтаксическому употребленію они суть слова, присоединяемыя къ главнымъ членамъ предложения посредствомъ согласованія или

управленія. Присоединяемая посредством согласованія именуется словами опредѣлительными; посредством управленія — дополнительными“ (§ 125). Минуя тотъ кругъ, что главное есть то, что второстепенно и наоборотъ, посмотримъ, какъ разграничиваются согласованіе и управленіе. „Согласованіемъ называется такое сочетаніе 90 словъ, въ которомъ одно слово уподобляетъ свое окончаніе окончанію другого,“... „управленіемъ—такое, въ которомъ одно слово зависитъ отъ другого“ (§ 121).

Въ первомъ опредѣленіи было бы точнѣе сказать не объ уподобленіи окончанія (какое мы видимъ напр. когда винительные църкѣве, камене, отличные по окончанію отъ винитель. именъ съ темою -и-, получаютъ при томъ же значеніи окончаніе сходное съ пѣть, кость, именно църковь, камень), а объ уподобленіи формы, въ смыслѣ значенія. Затѣмъ согласованіе и управленіе сводятся на уподобленіе и зависимость. Если точнѣе неопредѣлить этихъ терминовъ, то они легко могутъ быть поставлены одинъ вмѣсто другаго: когда подъ вліяніемъ существительнаго я говорю: „добрый (а не -ая, -ое) человѣкъ“, „человѣкъ добръ“, то это случай согласованія, уподобленія; а между тѣмъ развѣ здѣсь прилагательное независитъ отъ существительнаго? Наоборотъ, въ управленіи зависимость можетъ быть названа уподобленіемъ. Когда при дѣйствительномъ глаголѣ ставимъ винительный прямаго объекта (любить ближняго), или при глаголѣ предложномъ имя съ такимъ же или соответственнымъ предлогомъ (войти въ городъ, выйти изъ города), то развѣ это не согласованіе, не уподобленіе падежа значенію глагола?

Остается искать другихъ различій. При управленіи „слово означаетъ свою зависимость отъ другаго или окончаніемъ падежа или же предлогомъ,“ (§ 121); при согласованіи предлога не бываетъ. Эта черта могла бы охарактеризовать употребленіе безпредложныхъ падежей въ опредѣленіи, но она осталась необъясненною.

Различіе опредѣлительныхъ и дополнительныхъ по разряду словъ, къ коимъ они присоединяются, тоже неудачно: опредѣлительныя присовокупляются къ существительному и мѣстоименіямъ напр. этотъ человѣкъ, доброе дѣло, я самъ и проч.; дополнительные зависятъ отъ глагола или отъ имени, произведеннаго отъ глагола; ¹⁾ напр. „любить 91 чтеніе“, „любовь къ чтенію“, „достоинъ награды“ (§ 125). Слѣдовательно, опредѣлительныхъ не бываетъ при глаголѣ и прилагательномъ; но 1) куда отнести прилагательное въ „остался бѣденъ“? Оно есть именительный падежъ и потому зависимъ и дополнительнымъ быть не можетъ (§ 121); оно согласуется и потому, какъ увидимъ, не можетъ быть обстоятельствомъ; оно ближайшимъ образомъ относится къ глаго-

¹⁾ Есть ли доказательства, что всѣ дополняемая прилагательныя отглагольны?

ду и потому неестъ опредѣлительное подлежащаго, тѣмъ болѣе что качественное прилагательное, будучи такимъ опредѣлительнымъ въ литературномъ русскомъ языкѣ, стоитъ въ опредѣленной формѣ (бѣдный человѣкъ). Остается признать, что оно входитъ въ составъ сказуемаго— какъ что? какъ опредѣлительное. Самъ Буслаевъ называетъ такое слово опредѣленіемъ: составное сказуемое содержитъ въ себѣ при глаголѣ существительномъ (только) второстепенные члены предложенія, между прочимъ „опредѣленіе“ напр. Богъ всемогущъ (при опредѣлительномъ всемогущій Богъ) (§ 128). Опредѣленіе есть опредѣлительное, стоящее при глаголѣ. 2) Какъ назвать такой въ „это такой добрый человѣкъ, что...“? Это слово показываетъ здѣсь не качество человѣка такой (человѣкъ), а качество доброты, (такой добрый), слѣдовательно есть опредѣлительное прилагательнаго.

По началамъ параграфовъ 121 и 125 казалось бы, что всѣ отношенія между членами предложенія должны подходить подъ понятія согласованія и управления и что второстепенные члены должны быть непременно или опредѣлительными или дополнительными; но оказывается, что „сверхъ опредѣлительныхъ и дополнительныхъ должно отличать еще такіе члены предложенія, которые не состоятъ въ видимой синтаксической связи съ словами, къ которымъ присовокупляюся, т. е. несогласуются и неуправляются, напр. „очень хорошій“, итти въ городъ. „Такія слова именуется обстоятельственными“. (§ 125).

Это видно съ той-же точки „синтаксическаго употребленія“; при 92 этомъ оказывается, что послѣднее можетъ быть отождествлено съ „синтаксическою связью“ лишь въ томъ случаѣ, если эту связь раздѣлимъ на видимую и невидимую: обстоятельственные слова или вовсе не находятся въ связи съ другими членами и въ такомъ случаѣ стоятъ внѣ предложенія, что невозможно, или находятся съ ними въ невидимой связи и тогда какъ узнать о существованіи этой связи?

Хотя мы видимъ, что попытка опредѣлить второстепенные члены предложенія по синтаксическому употребленію неудачна; но въ этомъ виновата не точка зрѣнія (синтаксическое употребленіе). Какъ сказано, мы можемъ считать эту точку единственно вѣрною и съ ранѣе готовымъ сомнѣніемъ приступаемъ къ разсмотрѣнію того, что можетъ явиться Буслаеву съ другой точки, называемой имъ (и другими) значеніемъ.

„Разсматривая второстепенные члены предложѣнія по ихъ значенію, видимъ: 1) что опредѣлительныя присоединяются къ другимъ словамъ посредствомъ не только согласованія, но и управленія и 2) что между обстоятельственными, сверхъ вышеупомянутыхъ, несогласующихся и неуправляемыхъ, большая часть такихъ, которыя относятся къ дополнительнымъ. Что же касается до этихъ послѣднихъ“ (т. е. дополнительныхъ, которыя въ тоже время не-суть обстоятельственныя?), то самое ихъ значеніе опредѣляется синтаксическимъ употребленіемъ, т. е. управленіемъ, (125).

Передъ нами два дѣленія понятія о второстепенномъ членѣ предложѣнія, изъ коихъ первое, по синтаксическому употребленію, состоитъ въ томъ, что такой членъ бываетъ или согласуемымъ, или управляемымъ, или такимъ, въ коемъ нѣтъ признаковъ ни согласованія, ни ⁹³управленія. Второе дѣленіе того же понятія, по значенію, совмѣщается съ первымъ, такъ что опредѣлительное есть частью согласуемое, частью управляемое, обстоятельственное — частью управляемое, частью ни управляемое, ни согласуемое; дополнительное все заключено въ понятіи управляемаго, но нетождественно съ этимъ понятіемъ, въ которомъ, кромѣ дополненія, смѣщаются отчасти опредѣлительныя и обстоятельственныя. Съ одной точки дѣленіе второстепенныхъ членовъ на согласуемые и пр. нетолько оказалось нужнымъ для дѣленія ихъ на опредѣлительныя и пр. но и совершенно совпадало съ нимъ; но съ другой точки первое дѣленіе оказалось совершенно ненужнымъ для второго. Вглядываясь въ нижеслѣдующія поясненія втораго дѣленія, мы находимъ объясненіе такому отношенію въ томъ, что второе дѣленіе по значенію основано не на наблюденіи надъ языкомъ, а надъ чѣмъ-то не имѣющимъ къ языку непосредственнаго отношенія; что автору только кажется, будто онъ различнымъ образомъ дѣлитъ одно и тоже понятіе, между тѣмъ какъ онъ дѣлитъ два различныя понятія и влагаетъ въ одно то, что нашель въ другомъ.

„Опредѣлительныя присовокупляются къ другимъ словамъ для означенія признаковъ, по вопросамъ: какой? чей? который? сколько? Напр. этотъ домъ, моя книга, умный человѣкъ, пятый годъ, пять“ лѣтъ (§ 125). Свойство этихъ вопросовъ таково, что, отвѣчая на нихъ мы недолжны обращать вниманія на грамматическую форму отвѣтовъ и что опредѣлительное, узнанное по этимъ отвѣтамъ, окажется понятіемъ вовсе не грамматическимъ. Буславъ пытается ограничить эти отвѣты извѣстными грамматическими формами, напр. считаетъ опредѣлительными изъ несогласуемыхъ словъ только такія, которыя стоятъ въ родительномъ безъ предлога, а не въ другихъ падежахъ съ предлогомъ или безъ него (ib.); но это съ его стороны непослѣдовательно.

„Какой“ есть вопросъ о качествѣ независимо отъ его грамматической формы. Если Буслаевъ говорить, что родительные падежи въ 94 „человѣкъ пожилыхъ лѣтъ“, „свѣтъ солнца“ суть опредѣлительныя; потому что стоять вмѣсто „пожилыи человекъ“, „солнечный свѣтъ“ (ib.), то мы лишь разовьемъ эту его мысль, утверждая, что существительныя въ родительномъ съ предлогомъ, предложномъ, винительномъ, творительномъ, дательномъ съ предлогами и безъ нихъ, служащія отвѣтами на вопросъ о качествѣ и замѣняемые прилагательными, суть тоже опредѣлительныя: человекъ въ лѣтахъ (=пожилой), итогъ деньгамъ (=денежный); ст. сл. ѿвангелиѣ на умѣвениѣ ногамъ (=ножной); корова съ теленкомъ (въ смыслѣ „стельная“); дѣвица съ длинными волосами (=длинноволосая); черезъ мѣру трудъ (=чрезмѣрный); мр. свита до дѣла (добра); курка до соку (соковá); сорочка до долу (додѣлна, изъ одной ткани до самаго низу); сидельце од злота (золотое); молодець г-речи (къ рѣчи, „гречный“, grzeszny, do rzeczy); нá руку ковѣнка (палка ловкая) и т. д. Нашъ выводъ согласенъ между прочимъ со слѣдующими словами Гатталы, „за подчиненный атрибутъ (по терминологіи Буслаева — несогласуемое опредѣлительное) слѣдуетъ считать (между прочимъ) и родительный и другіе падежи съ предлогами, вездѣ, гдѣ ими ближайшимъ образомъ опредѣляется существительное или другое имя, занимающее его мѣсто, напр. král jsem bez vojsk, láska k Bohu. Сюда въ особенности относятся описанія сложныхъ нѣмецкихъ словъ, какъ boty do bláta (koth-stiefeln), hra v karty (karten-spiel), šátek na krk (hals-tuch), šaty do práce a šaty na svátek (alltags und feiertags-kleider) (Srovnací mluvnice jáz českého a slov. § 23). Не переходимъ ли мы такимъ образомъ въ область другихъ членовъ предложенія? Да, конечно. Въ „любовь къ чтенію“ дат. съ предл., по синтаксическому употребленію, есть дополненіе (Буслаевъ, § 125); но намъ до этого въ сущности нѣтъ дѣла, такъ какъ на этотъ разъ опредѣляемъ по значенію. Дурно только то, что, занимаясь этими отвѣтами, мы думаемъ, будто различаемъ второстепенные члены предложенія между собою: мы неотличаемъ ихъ 95 даже отъ главныхъ, ибо было бы произвольно думать, что глаголъ не можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ о качествѣ: какой это дугъ?—его понимаетъ весною (дугъ поемный).

Отвѣтомъ на „чей“ (вопросъ о принадлежности) служитъ безразлично родит. существительнаго и прилагательное: сынъ отца, отцовскій сынъ. Говорится, будто то и другое есть одинъ и тотъ же членъ предложенія

„Который“? на это отвѣтъ—не только мѣстоименіе указательное и числительное порядочное, но и всякое обозначеніе мѣста, занимаемаго предметомъ въ ряду другихъ, напримѣръ мр. обозначеніе степени родства: братъ у першихъ (въ первыхъ).

Отвѣчая на „сколько“? отвлекаемся отъ синтаксическаго различія между двѣ версты (именит.), много людей и много сдѣлалъ, заплатилъ три (винит.) съ полтиной. Замѣчательно еще слѣдующее: „несогласуются съ своимъ опредѣляемымъ слова опредѣлительныя, выраженные... числительными количественными, начиная съ пяти напр., пять лѣтъ, (т. е. лѣта числомъ пять)“ (ib). Согласно съ этимъ въ старинномъ „та десять копень описана“ (Буслаевъ, Гр. § 230), или въ современномъ „тѣ десять копень описаны“ опредѣлительное есть десять, а опредѣляемое—родительный копень. Подлежащее здѣсь на лицо; но гдѣ же оно? Если десять есть опредѣлительное, то оно не подлежащее. Дозволивши себѣ передѣлку въ „копны числомъ десять описаны“, по вышеуказанному образцу, узнаемъ, что подлежащее есть копень, родительный падежъ! Пусть кто либо согласить съ этимъ то, что „этимологическая (замѣтимъ: не синтаксическая) форма подлежащаго есть именительный падежъ“ (Гр. § 124). Буслаевъ, сколько мнѣ извѣстно, прямо неговоритъ, что родительный бываетъ подлежащимъ; но онъ долженъ бы это сказать, потому что это дѣйствительно такъ со стороны „значенія“ этого падежа, и другіе ученые это дѣлаютъ, напр. Гаттала: послѣ основныхъ числительныхъ отъ пяти... и со-
96 бирательныхъ *dvé* (двое и пр.), какъ атрибутовъ подлежащаго, это послѣднее ставится въ родительномъ, а сказуемое въ 3-мъ л. ед. ср. р.: *vystupovalo sedm krav peknych a tlustych*. (Srov mluv. § 22, 1, с.), несмотря на то, что тамъ же (23, 2): „За подчиняемый атрибутъ считаемъ родительный раздѣлительный въ случаѣ въ § 22, 2, 1, с. (*vystupovalo sedm krav*) и послѣ нарѣчій, какъ *mnoho, málo: zběhlo se mnoho lidu*“. Такимъ образомъ *krav* есть въ тоже время и подлежащее и опредѣлительное, т. е. двѣ точки, съ которыхъ это кажется, непримиримы.

„Дополнительными словами означается отношеніе дѣйствія къ предмету“ (т. е. наоборотъ предмета къ дѣйствию), „который принадлежитъ дѣйствию, и къ лицу дѣйствующему. Эти отношенія выражаются помощію косвенныхъ падежей, какъ безъ предлоговъ, такъ и съ предлогами т. е. въ управленіи непосредственномъ и посредственнымъ“ (Буслаевъ. § 125 II).

Категоріи дополненія (лицо дѣйствующее и предметъ подлежащій дѣйствию) опредѣляются такимъ образомъ:

„Въ синтаксическомъ отношеніи лицомъ дѣйствующимъ можетъ быть не только одушевленный, но и неодушевленный предметъ; и наоборотъ, предметомъ дѣйствія можетъ быть лицо одушевленное. Напр. въ выраженіяхъ: „освѣщено солнцемъ“ и „любить родителей“ солнце есть лицо дѣйствующее, а родители—предметъ дѣйствія“. Точка зрѣнія, съ которой творительный при страдательномъ оборотѣ означаетъ лицо

дѣйствующее, есть не синтаксическая, не грамматическая. Съ грамматической точки дѣйствующее лицо есть именительный падежъ, подлежащее. Самъ Буслаевъ говорить, что, приписывая дѣйствіе предмету неодушевленному, мы представляемъ его лицомъ дѣйствующимъ; напр. „рѣка омываетъ берега“ (§ 148). Удержаніе обѣихъ точекъ зрѣнія ведетъ къ неразрѣшимой путаницѣ, ибо если творит. падежъ при страдательномъ оборотѣ есть лицо дѣйствующее, то именительный подлежащаго въ томъ же оборотѣ есть предметъ дѣйствія, т. е. тоже самое, что винительный при дѣйствительномъ глаголѣ. И въ другихъ случаяхъ априорно-грамматическое направленіе смѣшиваетъ дополненіе съ подлежащимъ. Такъ Буслаевъ говорить, что при безличномъ сказуемомъ лицо дѣйствующее обозначается различными косвенными падежами, замѣнившими первоначальный именительный подлежащаго, именно дательнымъ (мнѣ думается=я думаю), творительнымъ (его громомъ убило=громъ его убилъ), родительнымъ „происшедшимъ изъ подлежащаго“ (наѣхало гостей) и просто „родительнымъ подлежащаго“ (нѣтъ денегъ), а въ народномъ языкѣ родительнымъ съ предлогомъ *у* при страдательномъ причастіи (впереди его проѣхано у богатыря=богатырь проѣхалъ) (§ 201). Сказанное здѣсь о замѣнѣ косвенными падежами первоначальнаго именительнаго (подлежащаго) придаетъ всему такой видъ, какъ будто эти косвенные падежи имѣютъ какое-то право наслѣдства на значеніе подлежащаго; но такъ не бываетъ. Когда извѣстная категорія возникаетъ изъ другой, т. е. при ея посредствѣ, то въ результатѣ мы получаемъ двѣ категоріи, которыя въ общемъ могутъ быть весьма различны между собою. Такъ изъ причастія, какъ опредѣленія, получается дѣепричастіе, которое неостается въ роли опредѣленія по наслѣдству, а создаетъ себѣ новую роль. Но въ разсматриваемомъ случаѣ нѣтъ и этого: врядъ-ли какая либо этимологія возведетъ всѣ косвенные падежи къ именительному; по крайней мѣрѣ совершенно несомнѣнно, что этимологическая связь ихъ съ именительнымъ можетъ быть лишь самая отдаленная. И замѣны въ смыслѣ вытѣсненія одного оборота другимъ (какимъ бы ни было: этимологически родственнымъ, или нѣтъ) здѣсь нѣтъ: „мнѣ думается“ и „я думаю“ остаются въ языкѣ на равныхъ правахъ. Здѣсь есть только субъективная замѣна, т. е. ученый подставляетъ одно изъ синонимическихъ выраженій вмѣсто другаго, котораго объясненіе кажется ему болѣе труднымъ. Здѣсь видимъ только ошибочный пріемъ: для облегченія задачи изслѣдованія судить по одной вещи о другой совершенно отличной. Синонимичность такъ употребляемыхъ словъ состоитъ въ томъ, что они безразличны по отношенію къ извѣстной абстракціи, каково напр. логическое подлежащее. Гораздо откровеннѣе было бы поступить здѣсь, какъ выше, по образцу разсужденія: свѣтъ солнца=солнечный свѣтъ: слѣдовательно солнца есть опредѣлительное“, т. е. сказать;

„мнѣ хочется—я хочу, слѣдовательно мнѣ (не происходитъ отъ подлежащаго и не замѣняетъ его, а) есть подлежащее“. Такъ и дѣлаютъ другіе, между прочимъ Гаттала, который знаетъ случай, когда между подлежащимъ, стоящимъ въ родительномъ, и сказуемымъ нѣтъ никакого согласованія: *není jich ихъ (подлежащ.) нѣтъ* (Sr. ml. § 19, I). У Зикмунда (*Skladba jáz. česk. § 14*) узнаемъ еще болѣе: подлежащимъ бываетъ не только родительный безъ предлога и съ нимъ, но и дательный, и винительный съ предлогами, именно тогда, когда падежи эти обозначаютъ мѣру и приблизительный счетъ (при сказуемыхъ въ среднемъ родѣ) напр. *zemřelo lidí do (okolo, blízko) třikráte sto tisíc; bylo jich k dvěma tisícům; pod tisíc koní tam bylo; hostí bylo o tři stoly*. Допуская пользованіе синонимичностью выраженій въ вышеопределенномъ смыслѣ, возражать противъ этого невозможно, ибо подставивши напр. вмѣсто послѣдняго выраженія другое хотя и не русское и не чешское: „три стола гостей были“ (а не было), мы увидимъ, что подлежащее въ первомъ есть не *hostí* (гостей), а *o tři stoly* (около трехъ столовъ). Возражать можетъ только тотъ, для кого и гостей не есть подлежащее и для котораго единственное указаніе на функцію членовъ предложенія есть ихъ грамматическая форма. Кстати замѣчу, что Малецкій (*Gram. jez. Polskiego §§ 601, 646*) весьма здраво судитъ о томъ свойствѣ польскаго языка, по которому числительныя при такъ называемыхъ безличныхъ глаголахъ ставятся въ родительномъ (*dwóch, 99 trzech, pięciu, szesciu było, poległo, zostało*): только кажется (съ логико-грамматической точки), что подлежащее здѣсь *dwóch* и пр.; но въ дѣйствительности подлежаго нѣтъ, а родительный, по мнѣнію Малецкаго, имѣющій смыслъ винительнаго, во всякомъ случаѣ есть второстепенный членъ предложенія.

„Слова обстоятельственныя употребляются въ предложеніи для означенія обстоятельства мѣста, времени, образа дѣйствія или качества, мѣры и счета, причины“. Слѣдуетъ перечисленіе вопросовъ (гдѣ, откуда и пр.), на которые отвѣтами служатъ обстоятельственныя (Буслаевъ. Гр. § 125, III). Неостанавливаясь на трудности по этимъ вопросамъ разграничить между собою категоріи обстоятельства, обращу вниманіе на то, что и сама эта категорія въ цѣломъ не можетъ быть отличена отъ дополненія, а какъ мы видѣли, и отъ подлежащаго, когда самъ незнаешь, почему судить: по формѣ, или не по формѣ. Въ „войти въ городъ“—„въ городъ“ по значенію есть обстоятельство мѣста, а по управленію—дополнительное“ (Буслаевъ *ib.*). Слѣдовательно дополнительное не есть значеніе, однако „глаголы, означающіе движеніе и пребываніе, требуютъ послѣ себя, въ смыслѣ дополненія, обстоятельственныхъ словъ... напр. итти въ городъ“ (*ib.*). Слѣдовательно, такъ

какъ обстоятельство имѣеть смыслъ дополненія, то дополненіе есть значеніе.

Мы видѣли выше, что творительный въ „освѣщено солнцемъ“ есть *quod libet*: подлежащее или дополненіе; но въ „пишу перомъ“ это есть обстоятельство образа дѣйствія. Почему не подлежащее? Развѣ не можетъ здѣсь говориться о перѣ (а не о кисти и пр.), что я имъ пишу? Винительный въ „сѣлъ пирогъ“ есть дополненіе, но въ „сѣлъ кучу пироговъ“—обстоятельство мѣры и т. д.

Въ заключеніе замѣтимъ, что то направленіе, которое произвело та-100 кую путаницу въ грамматикѣ, строго говоря, не можетъ быть названо логико-грамматическимъ. Въ немъ несравненно болѣе апіорнаго, чѣмъ можетъ дать формальная логика. Такъ напр. къ сбивчивости опредѣлений второстепенныхъ членовъ предложенія логика непрічастна, потому что, какъ выше сказано, второстепенныхъ членовъ она вовсе не знаетъ, что признаетъ и Буслаевъ. (Гр. § 126).

Х.

Члены предложенія и части рѣчи.

1. Когда говорится, что „первое слово есть уже предложеніе“, то подъ „предложеніемъ“ безсознательно разумѣется не то, что носить это названіе въ формальныхъ языкахъ, а психологическое (не логическое) сужденіе при помощи слова. Такое первое слово (ср. выше стр. 16—7), или, что тоже, первобытное предложеніе есть актъ апперцепціи, т. е. сравненія и объясненія того, что уже разъ воспринято; оно связываетъ двѣ мысленныя единицы: объясняемое (психологическій субъектъ) и объясняющее (психологическій предикатъ) и въ этомъ смыслѣ оно двучленно, безъ чего самое сравненіе и объясненіе немислимо. Но подлежащее такого предложенія [неразчлененное воспріятіе виѣшняго (образъ), сопровождаемое личнымъ ощущеніемъ, или только это послѣднее] есть еще невыраженный словомъ безсознательный вопросъ, обращенный къ дальнѣйшей дѣятельности мысли. Словесно выражается въ такомъ предложеніи только представленіе объясняемаго, объясняющее, иначе—сказуемое первобытнаго предложенія, по формулѣ: x (нѣчто невыраженное словомъ, существованіе чего въ говорящемъ было до той поры ему неизвѣстно)= a (напр. мама!). Сочетаніе двухъ такихъ первообразныхъ сказуемыхъ, въ которомъ одно стало объясняемымъ, другое объясняющимъ, двучленно со стороны словеснаго выраженія, но четырехчленно по своей психологической подкладкѣ, какъ выраженіе двухъ апперцепцій.

Такимъ образомъ словесное выраженіе подлежащаго апперцепціи первообразно. Первообразное словесно-одночленное предложеііе, иначе— первообразное слово языка, каковъ языкъ начинающихъ говорить дѣтей, предикативно. Это свойство остается за отдѣльнымъ словомъ, какъ выраженіемъ апперцепціи, навсегда (напр. Эй! сюда! пора! и пр.), но съ прибавкой того, что дано языку тысячами лѣтъ развитія. Первообразное слово-предложеніе, устанавливая общность признака между *x* и *a*, объясняемымъ и объясняющимъ, неотноситъ ни того, ни другого ни къ какому общему разряду: подъ „мама!“ дѣтскаго языка неммыслится ни субстанція, ни ея атрибутъ, ни ея дѣйствіе. Между тѣмъ простѣйшее предложеііе нашихъ языковъ заключаетъ уже въ себѣ грамматическую форму; оно появляется въ языкѣ вмѣстѣ съ нею. Образованіе и измѣненіе грамматическихъ формъ, составляющихъ формальное (грамматическое) содержаніе предложеііа, есть другое названіе для измѣненія самого предложеііа, т. е. того ближайшаго цѣлаго, въ коемъ совершается жизнь этихъ формъ. Понимая языкъ, какъ дѣятельность, невозможно смотрѣть на грамматическія категоріи, каковы глаголь, существительное, прилагательное, нарѣчіе, какъ на нѣчто неизмѣнное, разъ навсегда выведенное изъ всегдашнихъ свойствъ человѣческой мысли. Напротивъ, даже въ относительно небольшіе періоды эти категоріи замѣтно мѣняются. Нѣкоторыя изъ такихъ измѣненій я старался представить въ слѣдующемъ соч. (О составныхъ чл., см. положенія). Здѣсь укажу только, что напр. личный глаголь (vb. finit.) многочисленныхъ языковъ, каковъ русскій, сложенъ по строенію, предполагаетъ неменѣе чѣмъ двучленное первобытное предложеііе, но неизмѣримо удаленъ отъ такого, а само собою и отъ одночленнаго первобытнаго предложеііа, чистою формальностью заключенныхъ въ немъ отношеній къ лицу, неговори уже о другихъ, возникшихъ позднѣе категоріяхъ, каковы напр. въ слав. яз. совершенность и несовершенство и степени длительности. Глаголь, какъ сказуемое, немогъ остаться прежнимъ, одержавши такія побѣды надъ именемъ, какъ образованіе неопредѣленнаго наклоненія, позднѣе— прошедшаго на -лъ, изъ имени; получивши возможность опредѣляться вновь возникшими частями рѣчи, какъ нарѣчія отыменныя и дѣепричастія. Глагольность предложеііа, степень его единства съ теченіемъ времени измѣняются. Точно такъ отвлеченіе, которое называемъ „имя“ въ жизни языка представляетъ измѣнчивое множество признаковъ. Степень атрибутивности и предикативности имени и его противоположности глаголу измѣняется, И вообще въ языкѣ, не только, говоря а priori („все течетъ“), немогетъ быть, но и а posteriori нѣтъ ни одной неподвижной грамматической категоріи. Но съ измѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбѣжно измѣняется и то цѣлое, въ которомъ онѣ возникаютъ и измѣняются, именно предложеііе, подобно тому какъ неизбѣжно форма устойчивой кучи зависитъ отъ формы вещей (напр. кирпич-

чей, ядеръ), изъ коихъ она слагается, какъ неизбѣжно форма и опредѣленіе общества измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ особей. Кто опредѣлилъ бы предложеніе напр. русскаго яз., какъ словесное выраженіе психологическаго сужденія, сказалъ бы также мало, какъ тотъ, который бы опредѣлилъ Сократа, какъ особь зоологическаго вида *homo sapiens*, или нынѣшнее государство, церковь и т. п. какъ человѣческое стадо. Конечно, малосодержательныя опредѣленія легче. Вниманіе останавливается преимущественно на такихъ чертахъ предложенія, которыя въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій кажутся неизмѣнными, и такимъ образомъ возникаетъ опредѣленіе, одинаковое для многихъ періодовъ даже не одного языка, а многихъ. Такое опредѣленіе можетъ быть вѣрно, но для историческаго языкознанія оно значить тоже, что для исторіи вообще мнѣніе Экклесіаста: „что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ“. „Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое!“ но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“. Интересъ исторіи—именно въ томъ что она не-есть лишь безконечная тавтологія. Такъ и изъ основнаго взгляда на языкъ, какъ на измѣнчивый органъ мысли, слѣдуетъ, что исторія языка, взятаго на значительномъ протяженіи времени, должна давать рядъ опредѣленій предложенія. Возражать на это требованіе ¹⁾ тѣмъ, что оно не исполнено мною или другимъ, тоже, что возражать на „*sum cuique*“ тѣмъ, что люди похищаютъ и грабятъ. Последнее правда, но потому-то для людей и спасительно руководиться нравственными правилами. Дать рядъ опредѣленій предложенія значить зайти далеко отъ начала работы, вызываемый упомянутымъ требованіемъ. Этого я себѣ неприписываю, хотя и стараюсь не толочься на одномъ мѣстѣ, не заключать отъ голыхъ схемъ каково логическое сужденіе, въ добавокъ, смѣшиваемое съ психологическимъ, къ необходимости или ненужности того или другаго въ предложеніи даннаго языка.

2, Переходя отъ того состоянія языка, при которомъ психологическое сказуемое есть еще безформенное слово, т. е. слово предшествующее образованію грамматическихъ, категорій, къ языкамъ, наиболѣе развитымъ въ формальномъ отношеніи, каковы наши, мы замѣчаемъ, въ этихъ послѣднихъ,

что главное (независимое отъ другаго) предложеніе невозможно (кромѣ случаевъ опущенія глагола), безъ *verbum finitum* (т. е. глагола въ тѣсномъ смыслѣ, безъ причисленія къ нему причастныхъ формъ); что

¹⁾ Фил. Зап. 1878, VI, 15—6: „выраженіе“ это „принадлежитъ лишь къ остроумнымъ изреченіямъ, неподкрѣпленнымъ никакимъ примѣрнымъ опредѣленіемъ предложенія, приуроченнымъ къ какому либо періоду языка“... Это „гипотеза мелькомъ проскользнувшая“ въ мое „сочиненіе“.

само по себѣ *vb. finitum* составляетъ предложіе ¹⁾, напр., будетъ (съ предполагаемымъ какъ опредѣленнымъ, такъ и неопредѣленнымъ субъектомъ). Поэтому, опредѣливши такой глаголь, тѣмъ самымъ опредѣлимъ *minimum* того, что должно заключаться въ предложіи этихъ языковъ.

Примѣчаніе. Само собою, что болѣе содержательныя опредѣленія предложія будутъ достигаться по мѣрѣ внесенія въ минимальное опредѣленіе предложія чертъ, зависящихъ отъ другихъ грамматическихъ категорій, кромѣ *vb. fin.* *Maximum* опредѣленія предложія данного момента языка (съ оговоркою „сколько намъ извѣстно“) было бы синтезомъ синтаксиса этого языка.

Высказывая вышеприведенное мнѣніе о невозможности въ нашихъ языкахъ предложія безъ глагола я неутверждалъ, что *vb. fin.* есть явленіе первобытное, и неутвергалъ возможности найти подъ послѣднимъ наслоеніемъ этихъ языковъ слѣды другого порядка вещей, какъ видно изъ 2-го положенія къ соч. „Изъ зап. по русс. грам.“ (X. 1874. См. въ концѣ этой кн.): „въ русскомъ языкѣ по направленію къ нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола“ и пр. Но я думалъ и думаю, что отыскать эти слѣды трудно, и что тѣ, которые видятъ ихъ на поверхности нынѣшняго, или хотя и древняго, но высокоформального языка, каковъ древн. греческій, слишкомъ облегчаютъ себѣ работу. Хотятъ въ нынѣшнемъ языкѣ показать случаи отсутствія нынѣшнихъ грамматическихъ категорій, напр. полную предикативность имени, а вмѣсто этого показываютъ слова со строго обозначенною нынѣшнею ихъ функціею, дающую возможность употреблять ихъ отдѣльно, безъ поясненій. Онущенія, ставшія возможными благодаря совершенству разграниченія грамматическихъ функцій остающихся словъ и высокой отвлеченности опускаемыхъ, принимаютъ за первоначальное безразличіе, подобно тому, какъ если-бы приняли стенографическія сокращенія за инкунабулы письменъ. Впрочемъ рядомъ съ такими *qui pro quo* могутъ встрѣчаться и дѣйствительныя находки. Къ числу ихъ я неотносу утвержденія, что русс. былъ (какъ сказуемое) и быть по сему! древнѣе чѣмъ былъ ꙗсть и быти ꙗсть и что предложіе безъ глагола „астрономія—наука“ древнѣе чѣмъ „астрономія есть наука“ (K. Lugebil, *Zur frage über zweitheilige und einheitliche sätze. Arch. f. Slav. phil.* VIII, 1, 1884). Раньше, А. Поповъ (Синтаксическ. изслѣдов. Ворон. 1881, стр. 30—1 и далѣе), возражая на мое мнѣніе объ исключительной предикативности глагола, ссылается въ подтвержденіе своего мнѣнія на G. von der Gabelenz, *Zur vergl. syntax. Zeitschr. f. völkerpsych.* VIII, 141—2), гдѣ говорится: „есть обороты (въ современномъ языкѣ) въ коихъ слово ставится самостоятельно, безъ всякой связи съ другими членами предложія. Таковы а) междометія и звукоподражанія ²⁾, б) нарѣчныя и прилагательныя восклицанія, примыкающія къ междометіямъ: reizend! entsetzlich!; в) звательные падежи; г) повелительныя наклоненія“. Самъ Поповъ говоритъ между прочимъ: „термины подлежащее, объектъ предполагаютъ уже значительную сложность предложія; такъ подлежащее предполагаетъ при себѣ сказуемое, а объектъ предполагаетъ подлежащее и сказуемое, (за исключеніемъ безличныхъ предложій, въ которыхъ подлежащаго можетъ и небыть). Между тѣмъ факты даютъ возможность взойти къ болѣе простому и первоначальному виду предложія, къ одночленному предложію“ (I. с. 30). Здѣсь, какъ видно изъ слѣдующаго, за факты, то есть за нѣчто объективное, обязательное для всякаго

¹⁾ По Курціусу (*Zur chronolog. der indog. sprach.* 21) разница между именемъ и глаголомъ та, что „das nomen bloss nennt, das verbum aussagt“, т. е. что глаголь есть сказуемое.

²⁾ Тутъ я согласенъ, что *o!* и пр. междометія, непредполагающія другихъ частей рѣчи, первообразны.

здравиго мышленія, принято объясненіе явленій, столь же или еще болѣ субъективное, чѣмъ объясненіе противоположное, ибо въ числѣ этихъ фактовъ—ссылка на употребительность „въ аріевропейскихъ языкахъ“ „предложеній, состоящихъ изъ одного имени, какъ: „пожарь! нора! стыдъ! хорошо! хоже!но! убито! и т. п.“ куда „относятся перечисленія, заглавія и т. п.“ (ib. 31). Въ томъ то и вопросъ, состоятъ ли искони эти предложенія изъ одного имени? насколько они первообразны? Они непервообразны, ибо находятъ въ зависимости отъ строя нынѣшняго языка, объясняются этимъ строемъ, какъ его части, вмѣстѣ съ нимъ предполагаютъ продолжительное развитіе языка. Въ „хорошо!“ даже нѣтъ на лицо имени, а есть нарѣчіе, предполагающее между прочимъ столь продолжительные процессы, какъ образованіе противоположности имени и глагола, образованіе средняго рода, раздѣленіе имени на существительное и прилагательное, переходъ согласуемаго прилагательнаго, тяготѣвшаго къ подлежащему, въ нарѣчіе, тяготѣющее ко глаголу. Если самое образованіе такого нарѣчія, какъ я думаю, было возможно только при глаголѣ, то опущеніе глагола при немъ предполагается само собою. Тоже *mutatis mutandis* можно сказать и о выраженіяхъ „хоже!но!“ и пр.

Поповъ говоритъ: „едва ли кому нибудь удастся доказать, что напр. при видѣ горящаго предмета первоначально кричали: „это есть пожарь!“ или „есть пожарь!“ и потомъ стали кричать просто „пожарь!“ (ib. 31—2). Въ томъ то и дѣло просто ли это? Только новидимому просто крикнуть при опасности „пробі!“ (мр.), или переговариваться при встрѣчѣ т. о. „Здоровъ! а що?“—Бички. „Скілкв?“—Сім! „Прощай! цобе!—Прощай! цобе!“ На самомъ же дѣлѣ эти случаи лаконизма понятны и объяснимы только потому, что въ понимающемъ есть готовыя сложныя схемы предложеній, схемы, въ коихъ обрывки рѣчи, какъ дополненіе „про Богъ“ (=пробі), т. е. ради Бога, каждый разъ занимаютъ свое опредѣленное мѣсто. Такъ междометія мр. цобе! цобъ! суть обрывки рѣчи, оказывающіяся дополненіями, предполагающими подразумѣваемыя глаголы движенія: цобѣ=’д-себѣ, т. е. од себе, поль. од siebie, въ право; цоб=к’соби т. е. къ собѣ, поль. k-sobie, діалектич. k-se, въ лѣво. Такъ въ случаяхъ, когда на лицо въ предложеніи только именительный существительнаго, мы по контексту различаемъ, стоитъ ли этотъ падежъ какъ подлежащее съ недоговореннымъ сказуемымъ (напр. въ Новг. л. II², 38: „въ лѣто 6917. Чюдо страшно въ церкви святаго Михаила на Сквородки въ монастырѣ: звукъ въ маковицѣ, ноябрь 30, по два дни и по двѣ ночи“) или какъ предикативный атрибутъ, часть составнаго сказуемаго съ подразумѣваемымъ подлежащимъ и глаголомъ (связкою). Къ послѣднему случаю относятся восклицанія „пожарь!“ и заглавія. Я думаю, что заглавія, какъ „Временникъ“, „Начало новѣсти“ „Уставы Владиміровы“, „О убійствѣ“, „Грамота такого-то“ по строю новѣе, чѣмъ дву-членные и многочленные предложенія, каковы: „Се—новѣсти времяныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Киевѣ нача первѣ княжити...“; „се начнемъ повѣсть сію“ (лѣт.); „а се покони вирьни“; „а се уроки скоту“; „а се уставы Володимиръ“, „а се—наклады“; „а се—о женѣ, оже вѣрчеться сѣдѣти по мужи“; „а се—о купци, оже истониться“; „а се—оже холопъ ударить“ (и безъ „се“: „оже свержетъ виру“); „а се—закладаюче городъ“ (Русс. Правда); „а се о мѣстѣ Архангела Михаила, гдѣ явися Иисуу Навгину“ (Хожденіе Игум. Даниїла); „се язъ князь Володимѣръ сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, ишу грамоту: Даль есмь княгиня своей и проч. (Ип.², 505)].

Другой видъ, по мнѣнію Попова, простыхъ, первоначальныхъ, одночленныхъ (безглагольныхъ) предложеній, это—именительный и винительный восклицательные, стоящіе сами по себѣ или въ соединеніи съ нѣкоторыми частями“ (и звательнымъ), Синтак. изслѣд. 30—1, 34—41. Я думаю, что, какъ вообще мы нѣсколько наклонны, но и обязаны судить о прошедшемъ и отдаленномъ по настоящему и близкому, до тѣхъ поръ, пока эта мѣрка неокажется неприложимою; такъ и здѣсь слѣдуетъ прежде всего поны-

таться подвести указанные случаи под наличныя грамматическія категоріи. Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, мы не выйдемъ изъ круга „сложности предложенія“, состоящаго изъ.. или предполагающаго подлежащее, сказуемое (глагольное), объектъ, изъ круга, изъ коего именно думалъ выйти Поповъ. Именительный восклицательный подходитъ подъ разрядъ подлежащаго съ атрибутомъ, что видно, если къ „ой я несчастій!“ прибавимъ (какъ въ пѣснѣ) „що маю діяти?“ Винительный подходитъ подъ обыкновенный нинѣшній объектъ: а) объектъ, указываемый: лат. *essum* (*esse eum*) *ipsum obviam*, что объясняемъ себѣ предполагая глаголь, въ родѣ глагольныхъ частицъ, какъ серб. гле, мр. гля, вр. вишь, ишь, или въ родѣ поль. *otoż go masz!* Въ выраженіи *essum adest*, сказуемое не „присоединяется къ винительному“, какъ думалъ Поповъ (ib. 37), а предполагаетъ свое подлежащее, какъ въ серб. *eto ga* (родит.) где иде, вотъ онъ идетъ. б) Объектъ презрѣнія при междометіи имѣющемъ глагольную, предикативную силу: скр. *днг Бгншман!* тѣфу на Бгншму. в) Объектъ неудовольствія, сожалѣнія (что близко къ предыдущему) или радости и удивленія, напр. лат. *o me miserum*, или лотыш. послѣ восклицанія или звательнаго падежа, или и безъ этого: ай упите! таву гразну ликуминь!) (ой рѣчка, твою прекрасную излучину!); ак таву цѣту сѣрдн, охъ, твое жестокое сердце (Поповъ ib. 39 *Bielenst. Lett. Gr. § 540*), съ винительнымъ, въ родѣ того, какъ въ мр. выраженіяхъ, употребительныхъ и въ порицательномъ, и въ доброжелательномъ смыслѣ: „а бодай тебе“ (напр. з твоею уродою!), вр. ну тебя, мр. ну тебе! в) Объектъ предлагаемый, требуемый, понуждаемый, при частицахъ, имѣющихъ силу сказуемаго, какъ въ лат. *en*, лит. *te* (на), мр. на, ке, ну и пр.

Последовательно было бы присоединить сюда и родительный при восклицаніяхъ, который Миклоичъ относитъ къ родит. основанія (причина): „Родительный означаетъ основаніе въ восклицаніяхъ, начинающихся въ цсл. съ о, о веле, оле, уву, ухъ, дивь.. Въ серб. стоитъ одинъ родит., или этотъ падежъ съ о, да, съ указательными частицами, какъ *evo*, *eto*, *eno*, *нудо*, съ указательнымъ гле, сокращеннымъ повелит. отъ гледати, со 2-мъ л. ед. настоящ. или 2 л. ед. повелит. отъ видѣти.. при чемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что объектъ при видѣти (и слушати) можетъ означаться родительнымъ“ (*Gr. IV, 465—6*). Такимъ образомъ случай, какъ цсл. о прѣславныхъ чудесахъ! гр. *ὦ παρὰδόξων πρᾶγματων*, серб. лијепе дјевојке! *ето, царе, лијепе дјевојке!* Боже милія, чуда великога. мр. молодця! (въ смыслѣ „молодецъ!“) подводятъ подъ случаи: гле чуда! аа'да видиш (в. да виш) чуда великога! слушај чуда!

Наконецъ примѣры родительнаго подобнаго вышеупомянутому, ведутъ насъ къ дательному: *οἱ-μοι τῆς τύχης*, *weh mir des geschickes*, заключаетъ въ себѣ *οἱ-μοι*, нѣм. *weh mir!* лит. *ai man!* вр. охъ-ти мнѣ! и само по себѣ охъ ти! гдѣ ти—*dat. ethic.*

Такимъ образомъ, вмѣсто искомаго первобытнаго безразличія, мы находимъ различіе функцій неменѣе четырехъ падежей: именит., винит., родит., дательнаго.

О вышеупомянутыхъ винит. Поповъ (I. с. 41) говоритъ: „объясненіе этихъ винит. опущеніемъ при нихъ глагола едвали вѣроятно. Если оно и можетъ быть допущено, то только для винит. съ отгѣнкомъ требованія. При другихъ же винительныхъ восклицательныхъ трудно даже опредѣлить, какой глаголь могъ быть опущенъ. При винит. съ отгѣнкомъ предложенія можно бы подразумѣвать глаголь, какъ возьми; но такой винительный... неопредѣлимъ отъ винит. указательныхъ (лат. винит. съ *en*..); при томъ, какъ могъ бы зависимый винит. чередоваться съ именительнымъ? Эти винительные немогутъ также зависѣть отъ частицъ, такъ какъ частицы эти не глагольнаго, а мѣстоименнаго происхожденія (*Pott, Etym.forsch. 1², 412—6*). Вліяніе глагольнаго управленія могло проявляться лишь въ томъ, что аналогія винительнаго при глаголахъ давать, брать способствовало сохраненію винительныхъ независимыхъ предложенія и требованія.“

На это замѣчу:

Невозможность въ точности обозначить подразумѣваемый глаголь недоказываетъ, что выраженіе искони безглагольно, ибо падежъ можетъ служить дополненіемъ не къ одному

лаголу, а къ болѣе-менѣе обширному лексическому и грамматическому разряду глаголовъ. Такимъ образомъ „вина!“¹, вырванное изъ связи рѣчи и рассматриваемое отвлеченно, можетъ одинаково предполагать глаголы: подай, принеси, купи, налей, вышей и т. п., но отъ этого свойство родительнаго части неизмѣнится и такой педежъ нестаетъ первобытнымъ предикативнымъ.

Вопросъ „какъ могъ бы зависимый винит. чередоваться съ именительнымъ“ (т. е. такъ какъ онъ чередуется, то, значитъ, онъ винительный независимый), возникъ такимъ образомъ, что авторъ самъ произвелъ чередованіе, оговоривъ выраженія на дѣлѣ различныя, какъ напр. мр. добра-нѣ! поль. *dobra-noc!* (именит. подлежащаго) и серб. лаку ноћ! (винит. прямого объекта), или лит. *te ūdega!* вотъ хвостъ! (съ именит. какъ и въ слѣд.: „и рыболовъ кинулъ нить осетровъ на корабль: „восе, государь, тебѣ рыбы и бесъ продажи!“ „вося, государыня, дары отъ короля Додона!“; „восе, государыни матушка, дѣти твои!“ Сказ. о Бовѣ, Пам. др. писем. 1879, I, 65) съ такимъ какъ лит. *te tau vaiką!* на тебѣ дитя! Выраженія какъ лит. *ak asz bėdnas!* (охъ я бѣдный! съ именит.), *ak manė bėdna!* (охъ меня бѣднаго! съ винит.), *ak man bėdnam!* (охъ мнѣ бѣдному) по значенію надежъ и общему эффекту другъ другомъ незамѣнимы.

Утвержденіе, что винит. неможетъ зависѣть отъ частицъ мѣстоименнаго происхожденія, упускаетъ изъ виду, что такія частицы могутъ явно стать глаголами, принявши личныя окончанія: вр. мр. на, на-те, поль. и съ окон. 2 л. ед. *paś-ć!*; мр. ке, ке-те; ну, нумо, нуте; геть (прочы во 2 л. ед.), гетьте.

На вопросъ „что такое глаголѣ-сказуемое и чѣмъ отличается онъ отъ ближайшей къ нему части рѣчи, имени?“ прежде всего слѣдуетъ отвѣчать такимъ образомъ: если предложеніе неможетъ быть опредѣлено, какъ содержаніе, то и свойство составныхъ его членовъ вообще, и въ частности различіе имени и глагола должно быть только формальное, т. е. должно состоять не въ содержаніи, а въ способѣ его представлять.

Затѣмъ при опредѣленіи частей рѣчи должно быть принято въ соображеніе то, что глаголѣ (vb. fin.) арійскихъ языковъ всегда, а имя—почти всегда (ср. выше, стр. 9—10) обнаруживаетъ (по меньшей мѣрѣ) двойственность своего состава: вѣсть (=вѣд+ть)—3-е л. ед. наст., вѣсть (=вѣд+ть)—именит. ед. ж. р. Опредѣленіе глагола или имени, совпадающее съ опредѣленіемъ одной изъ ихъ составныхъ частей (части вид-, вѣд-, или части -ти, -ть) будетъ ошибочно даже въ случаѣ, если опредѣленіе этихъ частей будетъ вѣрно, а тѣмъ паче, если этимъ частямъ взятымъ порознь будетъ приписано то, что появилось лишь въ силу ихъ сочетанія.

Названіе однихъ корней (какъ вид-) вещественными (*stoffwurzeln*), другихъ (какъ -ти) формальными (*formwurzeln*), основанное на томъ, что вторые преимущественно служатъ для означенія грамматическихъ отношеній, ведетъ къ ошибочному предположенію, что формальность ихъ исконна, что они непредполагаютъ самостоятельныхъ словъ съ вещественнымъ значеніемъ.

Другіе называютъ корни вид- и т. п. глагольными, корни -ти и пр. мѣстоименными. Если подъ этимъ разумѣть болѣе того, что отъ

первыхъ съ прибавкою вторыхъ образуются между прочимъ и глаголы; если думать, что такъ называемый глагольный корень ближе къ нынѣшнему глаголу, чѣмъ къ имени: то выйдетъ, что такой корень не есть корень, въ смыслѣ первообразнаго слова безъ всякихъ грамматическихкихъ категорій.

X Третьи, удерживая названіе корней вид- и т. п. глагольными, думаютъ, что корни -ти должны называться именными. Фикъ говоритъ: „эти корни называютъ мѣстоименіями (pro-nomina), потому что они имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а какъ замѣстители другихъ именъ, возникшихъ изъ глаголовъ... Съ болѣющимъ основаніемъ можно видѣть въ нихъ настоящія древнія имена, такъ что, на оборотъ, позднѣйшія имена можно бы назвать замѣстителями мѣстоименій, усиленными прибавкою глагольнаго значенія (verbalbegriff), а мѣстоименія чистыми именами безъ глагольной примѣси. Такимъ образомъ, приписывая древнѣйшему языку рядомъ съ пра-глаголомъ столь же первобытное имя, мы противорѣчимъ мнѣнію, что было время, когда языкъ, еще неспособный къ образованію именъ, состоялъ только изъ глагольныхъ корней, или праглаголовъ; между тѣмъ языкъ, обозначающій дѣйствія, но лишенный способности обозначать носителя этихъ дѣйствій, немогъ бы быть выразителемъ самаго грубаго и простаго челоувѣческаго мышленія. Ибо мышленіе, основанное на самосознаніи, начинается со способности разлагать воспріятіе на двѣ основныя его части, т. е. отдѣлять носителя дѣйствія отъ самаго дѣйствія и соединять ихъ другъ съ другомъ... Такая способность разлагать и слагать была уже присуща сознанію перваго челоувѣка. Это выразилось въ раздѣльномъ, но одновременномъ созданіи звуковъ, изъ коихъ одни означали чистый субъектъ, другіе—дѣйствія, совершаемыя имъ. Согласно съ этимъ, въ мѣстоименныхъ корняхъ быть можетъ можно еще распознать основное общее значеніе тотъ (der), т. е. чувственно или мысленно созерцаемый носитель дѣйствій. Вскорѣ это значеніе, по близости или дальности этого носителя, распалось на раздѣльныя обозначенія я, ты, онъ, тотъ, тотъ. Затѣмъ глагольные и мѣстоименные корни, которые съ самаго начала существовали не каждый для себя, а лишь для того, чтобы соединясь обозначать воспріятіе, или, что тоже, образовать первобытное предложеніе, стали вступать между собою въ болѣе тѣсныя сочетанія. Изъ сопоставленія ихъ возникло и индоевропейское слово. Если въ ихъ сочетаніи перевѣшиваетъ глагольное значеніе, то возникаетъ глаголь (*ад-ма, ѳмь); если перевѣшиваетъ именное значеніе, возникаетъ имя (*ад-тар)“, Fick, Vergl. wörterb. ² 934—5. Такимъ образомъ случилось то, что съ Фаустомъ при переводѣ 1-й гл. Ев. отъ Іоанна: „im anfang war.. die that!“ „Въ началѣ бѣ“ глаголь и имя, которые хотя и названы первобытными, но имѣютъ существенныя свойства позднѣйшихъ!

Мое отношеніе къ этому взгляду отчасти уже указано выше. Основная ошибка, мнѣ кажется, состоитъ въ удержаніи стариннаго опредѣленія глагола и въ перенесеніи этого опредѣленія на такъ называемый глагольный корень. Что до перваго, то говорятъ, что (нынѣшній) глаголъ означаетъ дѣйствіе, какъ существительное—предметъ, прилагательное—свойство (Бул., Gr. § 120). Пусть точно гл. летить означаетъ дѣйствіе: это одно несоставляетъ глагольной природы, ибо слова полетѣть, бѣгѣть и пр. означаютъ дѣятельности, небудучи глаголами ¹⁾. Что до втораго, то немислимо, чтобы такъ называемый глагольный корень имѣлъ отвлеченное значеніе, каково значеніе дѣйствія (ср. выше стр. 23—5). Объективируемое въ словѣ и подлежащее повѣркѣ сознанія мышленіе начинается не съ разложенія воспріятія на субстанцію и предикатъ или атрибутъ, а съ обозначенія цѣлаго воспріятія. Такимъ образомъ слово, предполагаемое лексическою частью (лек-) глагола летить, означало не дѣйствіе, взятое отвлеченно, а еще неразложенное воспріятіе, безразличную совокупность предмета и дѣйствія, напр. не полетѣть, приписываемой птицѣ, а летящую птицу безъ всякаго разложенія этого явленія. Ближайшее значеніе части *лек въ гл. летить есть примѣта или признакъ, коимъ воспріятіе, напр. летящая птица, намѣчается мыслью для дальнѣйшей мысли. Такое же значеніе въ той же мѣрѣ предполагается и именемъ и есть столь же доименное, какъ доглагольное. Это *лек (или его первообразъ) само по себѣ, безъ дополненія со стороны мѣстоименнаго корня могло составлять первобытное предложеііе. Тоже слѣдуетъ сказать о корняхъ мѣстоименныхъ: они также означали не субстанцію отдѣльно отъ атрибута, а а цѣльное воспріятіе; они въ той же мѣрѣ были самостоятельны и предикативны, какъ въ дѣтскомъ языкѣ предикатами невыраженнаго объекта апперцепціи могутъ одинаково служить и слова, какъ вава! и слова указательнаго значенія, какъ а!

Доглагольное и доименное слово отличается отъ первобытнаго мѣстоименія способомъ обозначенія воспріятій; мѣстоименіе отмѣчаетъ воспріятія указаніемъ, т. е. относительно говорящаго (этотъ—болѣе близкій ко мнѣ, тотъ—болѣе далекій [отъ меня]), а корни какъ лек—признакомъ безотносительнымъ. Поэтому, устранивши сбивчивое названіе „глагольные корни“, слѣдуетъ назвать такіе корни безотносительными, качественными или объективными, а мѣстоименные—относительными, указательными или субъективными ²⁾ (послѣднее, по выше сказанному, отнюдь не въ томъ смыслѣ, что они первобытные грамматическіе субъекты). Различіе корней качественныхъ

¹⁾ Steinth. Gr. Log. u. Psych. 370; ср. Бул. Gr. § 158: „названія отвлеченныхъ свойствъ и дѣйствій, суть существительныя, а не прилагательныя и глаголы, напр. бѣлизна, доброта, любовь, хожденіе“.

²⁾ Steinth. Charakteristik и пр. 278.

отъ указательныхъ относится ко глубочайшей древности; но, если судить по позднѣйшимъ языкамъ, оно можетъ быть непервобытно. Именно извѣстны въ разныхъ языкахъ случаи образованія мѣстоименій отъ именъ съ качественными корнями, напр. нѣм. *man* въ *man spricht*, фр. *on* въ *on parle*; хорут. *isti*, тотъ, тотъ самый, откуда *taj-isti*, *tist* тотъ самый; лит. *pats* сам (изъ *patis*, господинъ, хозяинъ, какъ на оборотъ врусс. самъ получило качественное значеніе хозяина, главы дома), поль. *pan* въ знач. мѣстоим. 2 л.—русс. *вы* и пр.

103 Итакъ понятіе о качественномъ или, какъ называли, глагольномъ корнѣ не даетъ никакого руководства къ различенію глагола и имени. Сравнивая съ одной стороны выраженія, какъ „зеленая трава“, несоставляющія предложенія, а съ другой предложенія, какъ „трава зеленѣетъ“, не найдемъ въ нихъ никакого различія по содержанію; но глаголь изображаетъ признакъ во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица, а имя—нѣтъ. Въ этомъ опредѣленіи глагола безразлично, будетъ ли моментъ возникновенія признака современенъ рѣчи говорящаго, или нѣтъ; будетъ ли время представляться продолжительнымъ, или мгновеннымъ; будетъ ли самое возникновеніе признака фактомъ, или повелѣніемъ, желаніемъ, условіемъ. При большомъ разнообразіи прочихъ формальныхъ опредѣленій, въ глаголѣ постоянно

104 лишь то, что въ немъ признакъ представляется „энергическимъ обнаруженіемъ силы, непосредственно вытекающимъ изъ дѣйствующаго лица“ (Humb. Ueb. versch. 256; 259; Steinth. Charakt. 278). Въ понятіе о глаголѣ непремѣнно входитъ отношеніе къ лицу, каково бы ни было это послѣднее: извѣстное или нѣтъ, дѣйствительное или фиктивное. Такъ какъ въ выраженіяхъ, какъ „люблю“ и равносильныхъ имъ, хотя и снабженныхъ знакомъ лица спереди (*j'aime*), есть только отношеніе къ лицу, а самое лицо (подлежащее) необозначено никакъ, ни качественно, ни указательно; то такія выраженія не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ свазуемаго, т. е. безсубъектны. Поэтому предложенія, какъ „свѣтаетъ“, которыя дѣйствительно отличны отъ вышеназванныхъ, такъ же не ловко называть ихъ старымъ именемъ („безличныя“, хотя имѣютъ лицо, т. е. *lucis a non lucendo*), какъ и именемъ, какое предлагаютъ имъ теперь, между прочими, Миклошичъ: „безсубъектныя“. Правда, они безсубъектны, но этимъ неробозначено ихъ отличіе отъ „люблю“ и пр. Въ послѣднихъ есть указаніе на опредѣленный субъектъ („люблю“ кто?—я), въ первыхъ на неопредѣленный: „свѣтаетъ“ что?—неизвѣстно что, нѣчто, въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ нѣмецкомъ, относимое къ среднему роду („разсвѣло“). Впрочемъ въ стремленіи къ точности выраженія легко дойти до абсурда, если не принимать въ разсчетъ, что вообще слово цѣнится не по своему этимологическому значенію, а по тому, на которое указываетъ значеніе этимологическое. Подъ безличностью глагола давно привыкли понимать не от-

существовании грамматического лица, а известные его свойства. Этим устранена опасность смешения понятий и необходимость искать нового термина.

О другомъ опредѣленіи подлежащаго и сказуемаго (Буслаевъ, Гр. §§ 122, 124), по которому выходитъ, что „дамъ,“ „я говорю“ суть сказуемыя, но въ тоже время заключаютъ въ себѣ подлежащія (личные окончанія и личные мѣстоименія съ чисто формальнымъ значеніемъ), такъ что за вычетомъ подлежащаго сказуемымъ окажется не личный глаголь, а глагольная тема, было говорено выше (IX).

Личныя окончанія, какъ знаки связи сказуемаго съ подлежащимъ, образовались изъ указательныхъ словъ, имѣвшихъ вещественное значеніе. До этого небыло еще глагола-сказуемаго въ вышеопредѣленномъ смыслѣ, но возникновеніе его могло быть известнымъ образомъ подготовлено. Штейнталь думаетъ, что до появленія личныхъ окончаній разница между названіемъ дѣйствующаго лица и его энергіи была въ арійскихъ языкахъ намѣчена тѣмъ способомъ, который въ семитическихъ языкахъ есть главное средство образованія формъ, а въ арійскихъ уже съ давнихъ поръ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, именно внутреннимъ измѣненіемъ корня; дѣйствіе означалось удвоеннымъ корнемъ, дѣйствующее лицо—корнемъ простымъ съ усиленною гласною (Charakterist. 258). Быть можетъ, было время уже послѣ образованія личныхъ окончаній глагола, когда имя, по простотѣ своего строенія, еще совпадало съ корнемъ, въ смыслѣ безформеннаго слова. На это могутъ служить указаніемъ имена дѣйствующаго лица или предмета и дѣйствія, какъ скр. дрс, око (какъ смотрящее), еще (?) неимѣющія падежнаго окончанія. Во всякомъ случаѣ тотъ глаголь безъ личныхъ окончаній и то имя безъ окончанія падежа были вовсе не то, чѣмъ они стали по образованіи личныхъ и падежныхъ окончаній.

3. Опредѣленія подлежащаго, опредѣленія (непосредственнаго атрибута), предикативнаго атрибута въ сложномъ сказуемомъ, дополненія (грамматическаго объекта) должны совпадать съ опредѣленіемъ имени, къ которому мы теперь и переходимъ.

Существительныя и прилагательныя въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. произведенныя отъ безотносительныхъ корней), будучи близки къ глаголу ¹⁾, еще болѣе близки между собою. И теперь многіе суффиксы безразлично образуютъ какъ существительныя, такъ и прилагательныя, а чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ болѣе здѣсь сходства между этими частями рѣчи. Такъ напр. славянскіе языки потеряли прилагательныя съ темою на-и и на-у, отчасти сохранивши эти темы въ существительныхъ; но несомнѣнно, что прилагательныя съ такой темой были и въ этихъ языкахъ. Склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ первоначально одно и отлично отъ склоненія мѣстоименій. Образованіе мѣстоименнаго

¹⁾ Что однако недаетъ права утверждать, что „всѣ имена происходятъ отъ глаголь“ (Mikl. Synt. 2).

склоненія прилагательныхъ, а въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ почти полное забвеніе именнаго ихъ склоненія, есть явленіе относительно позднее. Согласно съ этими сходствами для существительнаго и прилагательнаго есть общее названіе (имя) и должно быть общее опредѣленіе, въ коемъ бы обѣ эти части рѣчи безразлично противопоставались глаголу.

Хотячя опредѣленія, неуказывающія ни на взаимную близость существительнаго и прилагательнаго, ни на ихъ отношеніе къ глаголу, именно опредѣленіе существительнаго, какъ названія предмета, а прилагательнаго — какъ названія свойства, невѣрны. Первое недовольно опредѣлительно, а второе и вовсе неопредѣляетъ.

Существительное есть точно названіе предмета, но лишь въ одномъ смыслѣ этого слова, который самъ нуждается въ опредѣленіи. Дѣло въ томъ, что такое грамматическій предметъ? Съ извѣстной точки зрѣнія бѣлизна, доброта, скупость и добрякъ, скупецъ суть названія качествъ; но эта точка недаетъ познанія языка, ибо мѣшаетъ отличать добрякъ отъ добрый: это точка неграмматическая. Другіе съ такимъ же основаніемъ скажутъ, что имена первоначально означаютъ дѣятельности, ибо всѣ вещи представляемъ какъ-либо дѣйствующими и называемъ согласно съ этимъ (Mikl. Synt. 2). Третьи тоже свойство первоначальнаго имени могутъ назвать качественностью ¹⁾.

Прилагательное называютъ именемъ свойства, понимая подъ свойствомъ какъ безотносительное качество (бѣлый), такъ и относительное, т. е. такое, которое немислимо въ предметѣ, если при этомъ немислится 107 другой предметъ (отцовъ, отцовскій). Свойство безъ другихъ опредѣленій есть терминъ такой же неграмматическій, какъ и качество, отношеніе, дѣйствіе. Глаголь бѣлѣетъ, существительное бѣлизна, нарѣчіе бѣлымъ-бѣло съ такимъ же правомъ могутъ быть названы названіями качества или свойства, какъ и прилагательное бѣлъ. Если останемся при опредѣленіи прилагательнаго какъ признака, то станемъ на точку зрѣнія Недоросля, съ которой „слово дуракъ—прилагательное, потому что прилагается къ глупому человѣку“. Существительное и глаголь могутъ означать и относительныя качества: бабство (свойство бабы), бабить, бабовать (что „она бабить“,—это ея качество).

Отыскивая такое опредѣленіе имени, которое бы соотвѣтствовало вышеприведенному опредѣленію личнаго глагола, находимъ, что, по отношенію къ познающему лицу и акту познанія, имя относится ко глаголу, какъ воспоминаніе прежде познаннаго къ познаваемому вновь; что, по отношенію къ познаваемому, въ имени предста-

¹⁾ „Das substantiv gibt dan namen, das adjectiv die beschaffenheit eines gegenstandes an. Sicher war auch jenes bei seinem ursprung von einer eigenschaft des benannten ausgegangen, deren bedeutung sich allmählich verdunkelte und in einen vielseitigeren begriff auflöste, während der einseitig sinn des adjectivs fester beharrt“, Grimm Gr. IV, 254.

вляется признакъ не какъ производимый предметомъ (солнце свѣтитъ), а какъ данный въ предметѣ, находящійся въ немъ (свѣтлое солнце, свѣтъ солнца). Когда говорю: „солнце свѣтитъ“, то это (при ясности этимологическаго значенія слова „солнце“, свѣтлое, свѣтящее), значитъ: то, что я прежде называлъ свѣтлымъ и что подъ этимъ ярлыкомъ было сложено въ моей памяти, то, какъ замѣчаю, производить теперь свѣтъ ¹⁾.

Разница между существительнымъ и прилагательнымъ сходна съ разницею между предложениемъ, состоящимъ изъ подлежащаго и сказуемаго, и предложениемъ безъ подлежащаго, съ однимъ сказуемымъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ сказуемомъ обозначено отношеніе къ подлежащему, но само подлежащее немислится. Такъ и въ прилагательномъ бѣлъ, бѣлый мыслится и то, что признакъ находится въ чемъ либо, ¹⁰⁸ но само это нѣчто со стороны своего содержанія немислится. Оно опредѣлено лишь грамматическою формою прилагательнаго; оно есть при бѣлый именительный един. числа м. р., а въ прочемъ можетъ быть названіемъ какой угодно совокупности признаковъ. Такимъ образомъ прилагательное есть признакъ данный въ чемъ-то, что безъ помощи другаго слова остается со стороны содержанія неопредѣленнымъ. Ниже увидимъ, что это опредѣленіе прилагательнаго косвенно заключаетъ въ себѣ и опредѣленіе существительнаго. Предупреждая это послѣднее, замѣтимъ слѣдующее о происхожденіи категорій имени.

Допуская одновременное возникновеніе имени и глагола и ихъ противоположности, тѣмъ самымъ признаемъ ихъ взаимную связь и непосредственную близость. Между тѣмъ въ нашемъ языкѣ и близкихъ къ нему изъ всѣхъ отдѣловъ имени одно причастіе прямо примыкаетъ къ глаголу, занимая по значенію середину между нимъ съ одной стороны и существительнымъ и прилагательнымъ въ тѣсномъ смыслѣ ²⁾ съ другой. Въ причастіи возникающій признакъ (черта глагола) представляется даннымъ (черта имени); иначе: въ немъ данный признакъ представляется зависимымъ отъ энергіи присущей предмету, но сама эта энергія немислится, между тѣмъ какъ въ собственномъ прилагательномъ немислится и отношеніе къ энергіи. „Зеленѣющая“ трава значитъ петолько имѣющая признакъ зелени, какъ „зеленая“, но и имѣющая его въ силу того, что сама производитъ этотъ признакъ. Въ нынѣшнемъ языкѣ замѣчаемъ, что существительныя и прилагательныя въ тѣсномъ смыслѣ производятся отъ причастій, но никогда наобо-

¹⁾ По Курціусу, разница между глаголомъ и именемъ сводится на различіе „der flüssigen und der erstarrten handlung“ (G. Curt. Zur chronolog. 21).

²⁾ А не между однимъ [прилагательнымъ и глаголомъ. Сущ. и прилагат. берутся здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. безъ мѣстоименій существительныхъ и прилагательныхъ.

ротъ ¹⁾. Отсюда заключеніе, что первобытное имя, предшествовавшее выдѣленію категорій существительнаго и прилагательнаго, по способу представленія въ немъ признака, ближе всего подходило къ причастию; что оно могло бы быть названо причастиемъ, если бъ съ послѣдняго сняты слои, налегшіе на него впоследствии. Прежде всего нужно себѣ представлять причастія непремѣнно словомъ отглагольнымъ: оно не происходитъ отъ глагола, а появляется вмѣстѣ съ нимъ. Собственно и о позднѣйшихъ причастіяхъ, понимаемыхъ въ тѣсномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ о значительной ихъ части, нельзя сказать съ увѣренностью, что они произведены отъ глагола (vb. finitum): фактъ состоитъ только въ общности темы глагола и причастія, общности, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла произойти и наоборотъ вслѣдствіе отпричастности нѣкоторыхъ глагольныхъ разрядовъ. Относительно первобытнаго арійскаго языка имѣетъ силу слѣдующее предположеніе, основанное между прочимъ на существованіи въ санскритѣ и др. языкахъ именъ, присоединяющихъ надежныя окончанія непосредственно къ корню. По образованіи отъ качественнаго корня личнаго глагола посредствомъ присоединенія къ этому корню знаковъ 3-хъ лицъ един. числа и сліянія ихъ съ этимъ корнемъ въ одно слово, оставшееся простое качественное слово немогло уже быть попрежнему безформеннымъ, какъ кругъ, по отсѣченіи его части, перестаетъ быть кругомъ. Это слово, напр. да- по отношенію къ 3-му лицу да-та, своимъ присутствіемъ отгнѣившее глаголѣ, и само было уже отрицательно характеризовано и имѣло функцію части рѣчи. Какой? Мы говоримъ— имени-причастія безъ временъ, залоговъ, родовъ, чисель и надежей, стало быть имени, стоящаго на степени безразличія грамматическаго субъекта и объекта, субъекта и атрибута. Появившіеся впоследствии суффиксы не создали категорій имени, а лишь внесли въ нее нѣкоторыя различія, врядъ-ли опредѣлимые въ настоящее время, но, конечно, небывшія нынѣшними различіями существительнаго, прилагательнаго и причастія въ собственномъ смыслѣ. Нынѣшнее причастіе есть часть рѣчи обособленная, оставшаяся

110 за выдѣленіемъ категорій существительнаго и прилагательнаго, откуда понятно, что способы его образованія весьма ограничены сравнительно съ болѣе древнимъ причастиемъ. Такое мнѣніе кажется лишь продолженіемъ въ темное прошедшее выводовъ положительнаго языкознанія. Въ періодѣ ближайшемъ къ началу славянскаго письменности есть основанія предполагать большее число причастій, чѣмъ сколько ихъ находится позже. Да оглянувшись, и въ наличномъ славянскомъ языкѣ мож-

³⁾ Кто утверждаетъ противное, напр. что причастія на -и-, -т- (дати, бити) возникли изъ прилагательныхъ, тотъ долженъ отсылать насъ за доказательствами къ доисторической древности, относительно которой едва ли можно утверждать, что тогда „категорія прилагательнаго“ (въ нынѣшнемъ смыслѣ была вполне развита“ (Ср. Paul, Principien der Sprachgeschichte, ¹ 212).

но ихъ найти больше, чѣмъ сколько принято считать. Такъ можно лишь одобрить мнѣніе, что вторая половина составныхъ словъ, какъ скоро-ходъ, блюдо-лизъ, серб. брзо-плет (родъ наскоро плетомого плетня), руко-сад (виноградъ собственноручной посадки) есть причастіе (Jagić, Rad Jugosl. Akad. V. 214). Изъ этого однако неслѣдуетъ, что ловъ въ брзо-лов предполагаетъ причастіе наст. дѣйств. лова и есть его искаженіе, или что плетъ въ брзо-плет предполагаетъ прич. наст. стр. плетомъ. Легкость, съ которою формы, какъ -плетъ, принимаютъ то дѣйствительное, то страдательное значеніе, ведетъ къ мысли, что первоначально залога въ нихъ вовсе небыло. Точно также, переводя эту форму посредствомъ причастій наст. вр. плетуцій или плетомый, мы только по нуждѣ беремъ для объясненія форму, снабженную значеніемъ времени, но отнюдъ неприписываемъ времени первобытному причастію. И въ числѣ причастій въ тѣспомъ смыслѣ есть такія, которыя, какъ, кажется, первобытное причастіе вообще, сами по себѣ времени неимѣють.

Итакъ первобытное имя-причастіе могло равняться нынѣшнему причастію за вычетомъ изъ послѣдняго между прочимъ категорій времени и залога. Разница между нимъ и глаголомъ могла состоять не въ отсутствіи въ немъ энергичности, а въ томъ, что въ немъ признакъ, производимый дѣятельностью лица, представлялся не возникающимъ въ сознаніи въ моментъ рѣчи, а усвоеннымъ сознанію прежде, и въ этомъ смыслѣ даннымъ. Поэтому въ языкѣ, состоявшемъ, по предположенію, кромѣ мѣстоименій, лишь изъ причастій и глаголовъ, оба эти члена 111 предложенія были дифференцированы гораздо менѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ языкѣ имя и глаголъ. Имя было, такъ сказать, гораздо предикативнѣе; предложеніе заключало въ себѣ менѣе единства, основаннаго на противоположности главныхъ членовъ, чѣмъ нынѣшнее. „Солнце свѣтитъ“ могло значить приблизительно: тотъ комплекс признаковъ, который уже познанъ, какъ производящій свѣтъ (время прошедшее, но лишь субъективное, относящееся не ко времени совершенія событія, а ко времени усвоенія), производитъ свѣтъ.

Когда прилагательное или причастіе въ языкѣ доступномъ наблюденію становится существительнымъ, то признакъ въ немъ сначала несколько неизмѣняется, а лишь то, въ чемъ находится признакъ, становится по содержанію опредѣленнымъ. Что было въ прилагательномъ и причастіи вопросомъ, напр. бѣлъ кто? ¹⁾ ветхъ кто? коростель (т.

¹⁾ Что первоначально разницы между кто? и что? небыло, въ этомъ, кромѣ различныхъ соображеній, можетъ наглядно убѣдить наблюденіе надъ дѣтьми. Я знаю ребенка, говорящаго уже довольно бойко, но упорно удерживающаго такія выраженія, какъ „кто это въ стакаѣ?“—цѣтокъ поставленный въ воду. Ср. въ н. пѣснѣ:

Нихто яяциву nichто яяциву, адзинъ василѣчикъ;

Нихто яямилъ nichто яямилъ, адзинъ милъ дружочикъ. (Шейнъ, Бр. и. 222).

е. издающій такіе-то звуки ¹⁾ кто? то является въ видѣ отвѣта въ существительномъ: бѣль бѣлокъ, ветха—ветошка ²⁾, коростель (т. е. издающій такіе то звуки)—такая-то птица. Мы предполагаемъ такое же отношеніе первобытнаго причастія къ существительному. Существительное первоначально есть признакъ, заключенный (данный, уже готовый) въ чемъ-то, опредѣленномъ для мысли и безъ 112 помощи другого слова: бѣлокъ есть бѣлая часть яйца, бѣлая покрытая снѣгомъ гора; бѣль есть бѣлая пряжа, бѣлыя колосья (безъ зеренъ), бѣлая мѣлкая рыба, бѣлый порошокъ (сулема); старикъ—старый человекъ или старое русло рѣки, носящей мужское имя, напр. Днѣпръ; старуха—старая женщина или старое русло рѣки съ женскимъ именемъ, старка—старая овца, старая водка и т. п.

Хотя, произнося подобное существительное, мы немыслимъ *in extenso* того, въ чемъ данъ этимологическій признакъ, и хотя, стало быть, это нѣчто остается за предѣлами сознанія; но въ существительномъ это нѣчто и въ остальномъ своемъ составѣ, кромѣ этимологическаго признака, уже неестъ сырой матеріалъ мысли: оно было уже прежде въ этихъ непоименованныхъ признакахъ доведено до сознанія. Сравнительно съ первобытнымъ именемъ, существительное есть результатъ болѣе сложной работы мысли.

Способъ, какимъ языкъ даетъ въ существительномъ отвѣтъ на вопросъ, заключенный въ прилагательномъ, чисто формаленъ. Прибавка въ существительномъ новаго суффикса, который самъ по себѣ можетъ быть столь же свойственъ и прилагательнымъ, или легкое измѣненіе значенія прежняго суффикса, бывшаго уже въ прилагательномъ, сами со себѣ неопредѣляютъ того, что именно означается признакомъ въ существительномъ. Продолжая сдѣланное выше сравненіе существительнаго съ предложеніемъ, состоящимъ изъ подлежащаго и сказуемаго, сравненіе, которое недолжно быть принимаемо за отождествленіе, можемъ сказать, что существительное болѣе сходно съ такимъ предложеніемъ, въ коемъ подлежащее есть мѣстоименіе, какъ знаменательная 113 часть рѣчи, чѣмъ съ такимъ, гдѣ подлежащее есть существительное. Если существительное бѣль, бѣлая пряжа, можетъ быть сравнено съ

¹⁾ Поль. *chrós-ciel, gallus*. Кор. кард- (скр. кард=пард-, *crepitare*) или карт- (лит. *kertu, kirsti*, рубить; ср. названіе той же птицы вр. дерг-ачъ, мр. дерк-ачъ, потому что дергаетъ, обь издаваемомъ ею звукѣ. Суф.-тель, образующій *nomina agentis*, заключаетъ въ себѣ суф.-тар, образующій причастія въ санскр. и латинскомъ.

²⁾ Въ стар. русс. прямо ветхъ: „Богъ мывъся въ мовниці и вспотився, от(ре)ся (или отеръся, прич.) ветхомъ и ветже съ небесе на землю“ (Лавр. лѣт. 76). Нѣтъ достаточной причины думать, что это описка, вм. вѣхътъмъ или вѣхтемъ, какъ стоять въ Пнятьевскомъ спискѣ, или что вѣхътъ (мр. вѣхоть, поль. *wiecheć*, чеш. *věchet*, хорут. *vehet*) есть перестановка изъ ветхъ. Ср. вѣха. Написаніе „вехоть соломы“ съ е, (Ии. 218) ошибочно.

„это бѣло“, то бѣль, въ значеніи чего-то бѣлаго („будь то бѣль забѣлѣ-лася“), сходно съ предложеніемъ, въ коемъ подлежащее есть неопредѣ-ленное мѣстоименіе: „нѣчто бѣло“. Въ послѣднемъ примѣрѣ кругъ при-знаковъ, въ которомъ заключенъ признакъ бѣлизны, представляется не-извѣстнымъ, однако не въ томъ смыслѣ, какъ въ прилагательномъ, ибо въ бѣль нетребуется поясненія другимъ словомъ (существительнымъ), что бѣло, какъ въ прилагательномъ бѣль. Въ бѣль, нѣчто бѣлое, данъ на это отвѣтъ, хотя и неясный; совокупность неизвѣстныхъ призна-ковъ, къ коимъ отнесенъ признакъ этимологически данный, здѣсь пред-ставляется дѣйствительно существующей.

Затѣмъ, намъ представляются существительныя отвлеченныя, какъ бѣлизна. Гдѣ здѣсь совокупность признаковъ, изъ которой выдвинуть одинъ? Ея нѣтъ въ дѣйствительности. Она фиктивна. Но такія фикціи не съ разу создаются въ языкѣ. При появленіи такихъ существитель-ныхъ, ихъ грамматическій родъ прибавляетъ къ ихъ признаку свои, на столько опредѣленные, что при благопріятныхъ для этого условіяхъ изъ нихъ можетъ развиваться миѳическій образъ, напр. „встала обида, всплескала лебедиными крылы“. Лишь въ послѣдствіи исчезаетъ это значеніе грамматическаго рода, созначаемый самостоятельный кругъ признаковъ пустѣетъ, перестаетъ быть содержаніемъ и становится лишь способомъ представлять признакъ этимологически данный. Существитель-ное становится отвлеченнымъ т. е. названіемъ признака, мысли-маго самостоятельно, независимо отъ какого либо комплекса признаковъ, и представляемаго источникомъ дѣйствія (подлежащее) или предѣломъ дѣйствія другимъ предметомъ, кромѣ подлежащаго, съ (коимъ какъ либо соприкасается дѣйствіе), дополненіемъ. Этимъ опредѣленіемъ существительное отвлеченное несмѣшивается съ прилагательнымъ, ибо послѣднее есть данный признакъ, мыслимый не самостоятельно, а въ чемъ-то другомъ. „Грамматическое различіе между существительными конкретными и абстрактными основано не на противоположности чув-ственаго и неподлежащаго чувствамъ, а на томъ, признается-ли суб- 114 станціальность реальною, т. е. объективно существующею въ дѣйстви-тельности, или только идеальною, то есть формою, которая придана мыслью чему-то, что само по себѣ несамостоятельно. Конкретнымъ существительнымъ будетъ и названіе неподлежащаго чувствамъ или сверхчувственнаго, если послѣднее мыслится, какъ самостоятельная ин-дивидуальная субстанція, напр. Богъ, духъ, душа, время. Напротивъ, со-держаніемъ отвлеченнаго существительнаго можетъ быть воспринимае-мое чувствами, напр. красота, величина, ибо сущность такого существи-тельнаго въ томъ, что оно подводитъ подъ форму субстанціальности понятіе атрибутивное, все равно чувственное, или нечувственное, т. е. свойство или дѣйствіе, находящееся въ субстанціи“ (Heyse, System der sprachw. § 187).

Оба приведенныя опредѣленія существительнаго, какъ признака, предполагаютъ, что этотъ признакъ ясенъ, что онъ вноситъ свое содержаніе въ мысль; но съ теченіемъ времени во множествѣ сущ. конкретныхъ признаковъ теряется; такъ напр. въ словѣ дубъ хотя и былъ нѣкогда свой признакъ, столь же явственный, какъ въ бѣлокѣ и т. п., но теперь это слово относитъ мысль лишь къ извѣстному самостоятельному кругу признаковъ, непротивопоставляя этому кругу никакого отдѣльнаго признака. На этой степени развитія, существительное конкретное есть такое названіе опредѣленнаго вмѣстителя или вмѣстилища признаковъ, которое не даетъ возможности опредѣлить, какой изъ этихъ признаковъ ближе къ сознанію. Здѣсь насъ оставляетъ возможность сравненія съ предложеніемъ, ибо въ этихъ существительныхъ никакого подобія сказуемаго намъ не дано.

Забвеніе признака въ существительномъ происходитъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ отъ того, что этотъ признакъ оказывается несущественнымъ въ ряду другихъ, имъ соозначаемыхъ, или противорѣчить имъ. Напр. если правда, что дочь значило доильница
115 отъ доенія коровъ, то какой смыслъ имѣлъ бы этотъ признакъ, когда при другихъ условіяхъ быта, отъ употребленія этого слова въ рѣчи сложилось нынѣшнее его значеніе? ¹⁾ Такія измѣненія въ словѣ не находятся въ непосредственной зависимости отъ грамматической формы, но они могутъ сами измѣнять ее. Такъ существительное съ забытымъ признакомъ тѣмъ самымъ рѣзче отдѣлено отъ прилагательнаго, причастія и глагола, чѣмъ существительное съ признакомъ явственнымъ.

Сводя эти три опредѣленія существительнаго, съ тѣмъ, чтобы получить одно общее, можемъ возвратиться къ старинному опредѣленію. Общій признакъ существительнаго тотъ, что оно есть названіе грамматической субстанціи, или вещи. Если бъ сказать „названіе предмета“, то нужно было бы пояснить, что здѣсь разумѣется предметъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. какъ грамматическій субъектъ, такъ и объектъ, между тѣмъ какъ грамматическій предметъ въ тѣсномъ смыслѣ, или объектъ, есть лишь косвенный несогласуемый патежъ. Грамматическую субстанцію слѣдуетъ отличать отъ метафизической. Послѣдняя есть вещь сама по себѣ, отдѣленная отъ всѣхъ своихъ признаковъ и представляемая недоступною никакому разложенію и изслѣдованію причи-

¹⁾ По мнѣнію Потта дочь значило не „*ubera ducens*“, доющая, а „*ducenda*“, die erst heimzuführende (Etym. Forsch. II, 1, 589). Другіе, болѣе ясныя примѣры: одръ (*о-дъръ), первоначально—одранная съ животнаго шкура, нотошь, а *rotiōgī*, постель, далѣе—кровать, помость разнаго рода. Мѣсто, сначала, между прочимъ, мѣсто гдѣ лежать, ложе. потомъ оленья и другая шкура, служащая постелью (какъ постель, арх. постланъ, шляя оленья шкура), далѣе—одна шкура, независимо отъ назначенія, и единица влады: связка, ящикъ, чемоданъ и пр. (Ср. Бусл. Оч. I, 183). Такъ сначала *cursus*, *δρόμος*, нотошь, отъ молоченія лошадыми, скотомъ,—гумно и т. д.

ною появленія этихъ признаковъ въ нашемъ сознаніи. Грамматическая вещь несравненно древнѣе такого понятія. Она есть совокупность признаковъ совершенно однородныхъ съ тѣмъ, который можетъ быть эти- 116
мологически данъ въ существительномъ, болѣе тѣсно связанныхъ въ мысли между собою и словомъ, чѣмъ съ другими признаками. Совокупность эта, какъ мы видѣли, можетъ быть и дѣйствительная, и фиктивная. Въ послѣднемъ случаѣ она лишена содержанія и дѣйствуетъ лишь какъ средство опредѣлить точку зрѣнія на признакъ, этимологически данный въ существительномъ. Въ первомъ случаѣ связь этой совокупности со словомъ состоитъ не въ томъ, что она мыслится смѣстѣ съ нимъ, а въ томъ, что, при произнесеніи слова, она, незанимая собою сознающей мысли, представляется готовою стать ея предметомъ.

По Миклошичу, существительное отличается отъ прилагательнаго по значенію тѣмъ, что „первое можетъ означать (точнѣе—просто означаетъ) носителя признаковъ (*den träger von beschaffenheiten*), а второе нѣтъ“ (*Mikl. Synt.* 3). Подъ признаками, коихъ носителемъ является существительное, слѣдуетъ здѣсь разумѣть, какъ показываетъ множественное число, не тотъ признакъ, который въ существительномъ можетъ противопоставляться самостоятельному комплексу другихъ признаковъ, а тѣ, которые даются въ предложеніи опредѣленіемъ и сказуемымъ.

Начавши съ имени въ тѣсномъ смыслѣ, какъ слова отъ качественнаго корня, мы дошли до такихъ опредѣленій, въ коихъ о качествен- 117
ности корня вовсе не можетъ упоминаться, потому что вовсе не говорится объ этимологически данномъ признакѣ. Эта обширность опредѣленія не случайна, потому что дѣйствительно подъ понятіе существительнаго и прилагательнаго подходятъ не только имена качественныя, но и мѣстоименія, за исключеніемъ нарѣчныхъ (гдѣ и пр.) и тѣхъ, которыя, ставши предлогами и союзами, вовсе не называются мѣстоимѣніями. Въ этихъ предѣлахъ мѣстоименіе есть или существительное, или прилагательное: я, ты, онъ, мы, вы, они, независимо отъ своей указательности, суть имена субстанцій; тотъ, этотъ, мой, твой суть прилагательныя, имена признаковъ, относимыхъ къ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ. Первоначальное различіе между словами качественными и указательными, по образованіи категорій существительнаго и прилагательнаго, является лишь второстепеннымъ основаніемъ дѣленія этихъ категорій.

4. Согласно съ опредѣленіемъ глагола-сказуемаго главнаго предложенія, какъ признака во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица, опредѣлимъ подлежащее главнаго предложенія такимъ образомъ: оно есть вещественное указаніе на непосредственнаго производителя признака, означаемаго сказуемымъ. Подъ вещественнымъ обозначеніемъ разумѣется то, что, какъ выше упомянуто, личное мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ только тогда, когда озна-

чаетъ вещь, а не тогда, когда оно равносильно личному окончанию: „я сказа́лъ“, съ силою рѣчи на второмъ словѣ, есть сказуемое безъ подлежащаго, какъ лат. *dixi*, Можно бы возразить, что такое опредѣленіе годится только для подлежащаго дѣйствительныхъ оборотовъ рѣчи, что только „при глаголахъ дѣйствительныхъ (*activa subjectiva et objectiva*, дѣйствительныхъ въ тѣсномъ смыслѣ и среднихъ) субъектъ самъ дѣйствуетъ, а при страдательныхъ онъ есть цѣль дѣятельности другаго субъекта“ (*Mikl. Vergl. Gr. IV 263*); но такое возраженіе страдало бы неточностью терминологіи. Такъ названный другой субъектъ при страдательномъ глаголѣ, напр. у насъ творительный, сродный съ творительнымъ орудіемъ, въ литов. родительный безъ предлога, предполагающій значеніе движенія отъ предмета, есть лишь видъ грамматическаго объекта, а настоящимъ дѣйствователемъ представляется и здѣсь первый и, по нашему, единственный субъектъ. Это особенно явственно тамъ, гдѣ въ основаніи страдательнаго оборота видна еще возвратность: „книга эта читается всѣми“—она дѣлаетъ такъ, что всѣ ее читаютъ. Конечно, такая самодѣятельность субъекта страдательнаго сказуемаго фиктивна, но она дѣйствительна въ грамматическомъ смыслѣ, какъ способъ изображенія. Такъ существительное отвлеченное 118 есть существительное (*substantivum*), несмотря на фиктивность своей субстанции.

Въ нашихъ языкахъ единственные падежи, способные выразить подлежащее суть именительный и звательный.

Отношеніе этихъ падежей другъ къ другу и къ предложенію понимаютъ различно. Шлейхеръ (*Compend. 2 § 263*) говоритъ о звательномъ, что это вовсе не падежъ, а имя въ формѣ междометія, и отсюда выводитъ невозможность особаго надежнаго суффикса для звательнаго. Такого мнѣнія держатся и другіе, между прочимъ Миклошичъ, который говоритъ: „звательный (лишь) по преданію причисляется къ падежамъ, между тѣмъ какъ и съ внѣшней стороны, въ отличіе отъ прочихъ падежей, онъ неотмѣченъ особымъ суффиксомъ, и (съ внутренней стороны) имя въ этомъ падежѣ, небудучи подчинено принудительной силѣ склада предложенія (*einem festen zwange des satzgefüges nicht unterliegt*), что обозначается однако названіемъ *casus*, свободно (*loser*) приставляется къ рѣчи, подобно междометію“ (*Gr. IV, 360*). Я, въ отличіе отъ прежняго своего, подобнаго мнѣнія (*Изъ зап. I 1, 157*) теперь считаю вѣрнымъ старинное мнѣніе, противопоставляющее именительный и звательный, какъ прямые падежи, т. е. падежи субъекта и словъ согласуемыхъ съ нимъ, остальнымъ косвеннымъ падежамъ объекта. Согласно съ этимъ звательный, какъ и именительный, имѣя опредѣленную дѣятельность въ предложеніи, стоитъ не внѣ его, а въ немъ. Синтаксическое различіе имен. и зв.—въ томъ, что именительный лишь въ мѣстоименіяхъ личныхъ я и мы, ты и вы есть 1-е и 2-е лицо; остальные имена мѣстоименныя

и качественныя суть 3-е лицо; между тѣмъ звательный (съ ниже слѣдующею оговоркою) есть 2-е лицо и, какъ такое, согласуется съ 2-мъ лицомъ глагола. Вопреки правилу „отдѣлять запятою звательный отъ сказуемаго (мр. „сира зѣмле, розступися“ в. „розступися, сира земля“) и неотдѣлять именительнаго („сира земля розступилася“), думаю, что разстояніе въ живой рѣчи между этими падежами и сказуемымъ одинаково. Сходство значеній обоихъ падежей выражается въ томъ, что въ древнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ только единственное число имѣетъ особую звуковую форму звательнаго (чистая тема безъ падежнаго суффикса, съ переносомъ ударенія къ началу слова: господь—господи, *θεσπότης—θεσπота*, Vergilius—Vergili), тогда какъ въ двойств. и множ. ч. звательный (кромя переноса ударенія на первый слогъ въ древнеиндійскомъ) имѣетъ суффиксъ именительнаго. Бенфей доказывалъ, что не только въ дв. и мн. ч., но и въ единственномъ звательный произошелъ изъ именительнаго, еще въ доисторическое время потерявши суффиксъ именительнаго (для м. р. -с) ¹⁾. Этотъ трудный вопросъ можемъ оставить въ сторонѣ, ограничившись указаніемъ на неподлежащее сомнѣнію стремленіе многихъ языковъ замѣнить звуковую форму звательнаго формою именительнаго. Такъ въ большей части вр. говоровъ, въ хорутан., нѣкоторыхъ хорват. говорахъ звательный оставилъ лишь незначительныя слѣды, при чемъ функція его осталалась за именительнымъ.

Обратное явленіе, т. е. звательный въ функціи именительнаго, согласуемый съ 3-мъ лицомъ, находимъ въ народныхъ пѣсняхъ мр., сербскихъ, болгарскихъ, рѣдко въ хоруг. ¹⁾. Есть мнѣніе, что, это явленіе не синтактическое, а фонетическое: когда стиху (сербскому десятисложному) недостаетъ слога, то этому недостатку легче всего помочь, замѣнивши именительный какою либо безразличною формою, какова форма

¹⁾ Th. Benfey, Ueber die entstehung des indogermanischen vocativs, Götting. 1872, Abhandl. der königl. Gesellsch. der wissensch. zu Göttingen, b. VII.

¹⁾ См. Mikl. Gr. IV, 370, а также въ мр. думахъ: „Отгоді то припало ёму зъ правої руки чотирі полковники: Первий полковниче Максиме Олшанський, А другий полковниче Мартине Полявський, Трейтій полковниче Ивана (sic) Богуне, А четвертий Матвій Бороховичу“, Метл. 389; Ей якъ на славній, панове, Україні, у славнімъ городі у Корсуні, Тамъ крикне-покликне Хвилоне Корсунський полковниче, Козаківъ на Черкеньдолину ув охотне військо викликає“, іб 413; Отгоді-то Хвилоне, Корсунський полковниче на доброго коня сідав..., іб 414; Тогді-жъ то Ивасю Вдовиченку на доброго коня сідає (іб. 418). Тогді жъ-то Хвилоне, Корсунський полковниче изъ намету вихождє іб. 418, 420. 421, 422; Тогді то Хвилоне, Корсунський полковник (с.) изтиха словами промовляє, іб. 420; Ивасю Вдовиченку сего неслухає, іб. 421; Тогді-жъ то немогли знати ни сотники, ни полковники... Що наш пан гетьман Хмелницький, Батьо Зинов Богдану Чигиринський У городі Чигрині задумав, іб. 391. Отноительно формы зват. Богдану ср. въ той же думѣ: „пане гетьмане Хмелницький, батьку Зинов Богдану Чигиринський, Не буду я и пр. іб. 392; Ей Ивану Потоцький, кролю Польский; ты-жъ-бо... пѣсн-гуллєш! іб. 394; оттогді-то Ивану Потоцький, кролю Польский, листи читає іб. 394.

звательнаго. Поэтому въ именахъ женск р., имѣющихъ въ зват. столько же слоговъ, сколько въ именительномъ, звательный не ставится вмѣсто именительнаго: „кад то чула беговица млада“, но „кад то чуо беже господине“, по такому же побужденію, какъ чисто-фонетическое *e* въ случаяхъ: *jeste њему тама додијала*“, „по широкомъ полѣ Демовскомѣ“, „за њиме“ и т. п. (Jagić, Primjetbe k našoj sintaksi, Književnik II, 180 1865 г.). На это Миклошичъ замѣчаетъ, что такому требованію (лишняго слога) могли бы удовлетворить и другіе надежи, не одинъ звательный; что здѣсь воззваніе (*die an- und zurufsform*) служитъ обозначеніемъ грамматическаго субъекта (Gr. IV, 370). Я держусь средняго мнѣнія. Именно, допускаю, что во многихъ случаяхъ форма звательнаго употребляется безсмысленно, единственно для размѣра, подобно тому, какъ для той же цѣли употребляются и другія формы, отличныя отъ формъ звательнаго, напр. въ серб. „запросио љубовићу бего... Отле бего (а не зв. беже) на трагове пође (Пѣванія црногор. 190); по бесједи Лјубовића бего (*ib.* 191, рядомъ съ „запросио Лјубовићу бего); једно бјеше краљевића Марко (какъ и въ обращеніи „побратиме краљевића Марко, *ib.* 264, гдѣ видѣтъ родительный принадлежности невозможно, ибо Марко былъ не сынъ королевича, а самъ королевичъ). Такъ и въ Такъ и въ мр.: „первый дука сребраника (т. е. сребраник) Гаврило Довгополенко... То один дука сребраника був обачний... (Метл. 378, 382). Но противъ распространенія мнѣнія проф. Ягича на всѣ случаи и на самое происхожденіе явленія говорить то, что рассматриваемый звательный встрѣчается и въ мр. думахъ, размѣръ коихъ легко можетъ обойтись безъ одного слога, при томъ иногда въ случаяхъ, когда именительный и звательный равносложны (напр. Ивасю Вдовиченку... *сидас* Метл. 418, хотя можно бы сказать не только Ивасъ, но и Ивасѣ Вдовиченко); въ серб. „Каква ј' красна Каица војвода (Кар. Цјес. II, 483); въ болг. „Болен лежит Станковике Дуко... Проговоре Становике Дуко (Миладин. 65—7). Поэтому думаю, что первоначально употребленіе звательнаго вмѣсто именительнаго было знаменательно и произошло изъ обращенія пѣвца къ отсутствующему лицу (третьему), какъ къ присутствующему, во 2-мъ лицѣ, и такое обращеніе, обычное у Гомера (къ Менелаю, Патроклу, Ахиллу, Фебу и пр., въ Одиссеи къ Эвмею) вопреки мнѣнію Ля-Роша (въ примѣч. къ II. IV, 127), считаю вытекающимъ именно изъ сочувствія пѣвца къ упоминаемому лицу и изъ живости представленія этого лица. Этимъ объясняется, почему въ слав. пѣсняхъ зв. вмѣсто именит. почти только въ именахъ лицъ. Исключеніе, сколько знаю, составляетъ только конь: „есть у мене три коні на стойлі: один коню яе голуб сивенький, другой коню як ворон чорненький (Метл. 105). За переходъ отъ зват., какъ 2-го лица, къ звательному, какъ 3-му лицу, можно бы считать случаи, когда за обращеніемъ въ звательномъ слѣдуетъ сказуемое въ 3-мъ лицѣ, напр.

Ай же ты собака, злодѣй Калинъ царь!

Думаетъ думушку недобрую,

Совѣтуетъ совѣты нехорошіе

[И] хочеть отъ жива мужа жену отнять (Рыбник. П. I. 114). 1)

Обыкновенно говорится, что всякая часть рѣчи, въ томъ числѣ прилагательное и причастіе, въ качествѣ подлежащаго, становится существительнымъ; но всегдашняя субстантивность подлежащаго, выведенная а priori изъ опредѣленія подлежащаго, какъ имени предмета о которомъ рѣчь, а не изъ наблюденія и опѣнки отдѣльныхъ случаевъ, требуетъ оговорки. Субстантивность подлежащаго, а вмѣстѣ и дополненія, есть лишь стремленіе нашихъ языковъ, а не ихъ постоянное свойство. Миклошичъ говоритъ: „есть языки, въ коихъ прилагательное, равно какъ и существительное, можетъ означать носителя свойствъ, и языки, въ коихъ этого нѣтъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ славянскіе, хотя правило это ограничивается все болѣе и болѣе исключеніями. Между тѣмъ какъ въ нѣмецкомъ говорится *der Weise ist glücklich*, во французскомъ: *le sage est hereux*, въ славянск. стоитъ „мѣдрьць блаженъ ѣсть“, а не „мѣдрь блаженъ ѣсть“. Разница здѣсь въ томъ, что въ тѣхъ яз. есть самостоятельный членъ, посредствомъ коего прилагательныя превращаются въ существительныя (субстантивируются), между тѣмъ какъ въ славянскихъ яз., неимѣющихъ члена, или къ прилагательному присоединяется соотвѣтственное существительное, или же прилагательное, долженствующее означать лицо, превращается въ существительное посредствомъ суффиксовъ -икъ, -ць, -ежь (въ хорут.), -ка, -ика, и пр. (Synt. 6, 1). Я думаю, что во всякомъ языкѣ, имѣющемъ прилагательное, эта часть рѣчи можетъ указывать на носителя 119 признаковъ и въ этомъ смыслѣ обозначать его. Разница въ томъ, что языки, имѣющіе членъ, различаютъ въ прилагательномъ способы, какими оно указываетъ на субстанцію (*der Weise, ein Weiser*). Славянской языкъ, неимѣя члена самостоятельнаго, недѣлалъ этихъ различій, что немѣшало ему, подобно нѣмецкому, дѣлать прилагательное подлежащимъ.

Согласно съ приведеннымъ мѣстомъ Миклошича, многочисленные во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ обороты, въ коихъ прилагательное стоитъ на мѣстѣ подлежащаго, напр. русскія пословицы „богатъ шель въ

1) Еще случай звательнаго вм. именительнаго: какъ встрѣчаемое до нынѣ, начиная съ XIV или XV в. владыко (вм. владыка, епископъ), такъ западнорусс. прозвища, ставшія фамильными: Сиротко (Шейнъ, Матер. для изуч. быта и яз. Свз. кр. I, 275, 279), Ломако, ib. 475, Редько, ib. 485 et pass., Дубяго, ib. 505; Плевако, Цѣлицо (=телица), Ковако; изъ лит. Корейво (лит. *kareivis*, воинъ). Неслѣдуетъ смѣшивать окончанія этихъ именъ съ общерусскими формами, какъ Ивашко и т. п. и мр. отечественными на -енко.

пирь, а убогъ брель въ мирь“¹⁾, „и глупъ молвить слово въ ладъ;“ „глупъ да лѣнивъ одно двожды дѣлаеть;“ „нагъ золота неконить“, „голодный поле перебѣжить, а нагъ ни съ мѣста;“ „гнѣвливъ съ горшки не ѣздить“; „битъ небитаго на рукахъ носить“; (Буслаева Гр. § 222 пр. 2; Даль, Посл.), нужно бы разсматривать или какъ позднѣйшія нарушенія основного славянскаго правила, по которому должно бы здѣсь стоять богачъ, глупецъ и т. д., или какъ случаи, въ коихъ прилагательное есть не подлежащее, а атрибутъ опущеннаго существительнаго. Мнѣ кажется ошибочнымъ то и другое. Случаи эти имѣютъ характеръ глубокой древности, и непонятно, почему Миклошичъ думаетъ, что выраженія, какъ „альчнааго накрѣми“ первоначально чужды славянскому языку (Synt. 25, II). Они не появились въ позднѣйшее время, а лишь сохранились до нашего времени, при чемъ въ силу общаго стремленія замѣщать именное склоненіе прилагательныхъ мѣстоименнымъ, прилагательныя являются здѣсь теперь большею частью въ опредѣленной формѣ, нисколько неприобрѣтая этимъ существительности: „бизъ 120 тый небитаго везеть“. Впрочемъ, если бы они и были новы, то это не освобождало бы насъ отъ рѣшенія, есть-ли подлежащее ихъ прилагательное? Предположеніе, что здѣсь опущены извѣстныя существительныя, ненужно. Правда, мы знаемъ, что въ „гнѣвливъ“ и пр. рѣчь о человѣкѣ, и знаемъ потому, что на это намъ указываетъ вещественное содержаніе другихъ членовъ предложенія: съ горшками ѣздять только люди²⁾. Поэтому самому нѣтъ нужды предполагать, что при „гнѣвливъ“ стояло когда либо „человѣкъ“ или что нибудь подобное. Но кто это „битъ“, „небитъ“? Опять человѣкъ? Почему же непременно такъ, когда знаемъ, что выраженіе взято изъ сказки о лисѣ и волкѣ, гдѣ волкъ битъ и везеть, а лиса небита и ѣдетъ? И опять почему же битъ непременно волкъ, когда знаемъ, что цѣнность такихъ выраженій именно и состоитъ въ ихъ способности обобщаться? Здѣсь соль рѣчи именно въ томъ, что субстанція, къ которой относится данный признакъ, предполагается существующею, но никакъ неопредѣляется (кромѣ грамматическаго рода): кто бы ни былъ битъ, но онъ небитаго везеть. Такая неопредѣленность субстанціи есть свойство прилагательнаго. Подлежащее здѣсь указано вещественно посредствомъ признака, который въ немъ находится, но оно не стало существительнымъ, потому что комплексъ признаковъ, къ коему относится данный, неопредѣленъ. Въ настоящее время эта неопредѣленность можетъ быть умышленная, но нетрудно представить себѣ такое состояніе мысли, когда опредѣлен-

¹⁾ Миклошичъ (Synt. 144) понимаетъ это выраженіе такъ: reich ging er zum schmaus etc. т. е. считаетъ прилагательное не подлежащимъ, а предикативнымъ атрибутомъ, какъ было бы въ „онъ пошелъ богатъ (богатымъ), а воротился бѣденъ“. Это ошибочно.

²⁾ Между тѣмъ субстанція такихъ словъ какъ „скупецъ“ ненуждается ни въ какихъ вещественныхъ опредѣленіяхъ, такъ какъ ясна сама по себѣ.

ность субстанціи совершенно недостижима и когда человекъ немогъ говорить иначе, какъ въ такомъ смыслѣ: „то что бито“ (то, что хоть и было воспринято чувствами, но небыло разложено сознаниемъ, за исключеніемъ одного выдѣленнаго признака), „то самое производитъ другой признакъ“. Если оно станетъ существительнымъ, то это потому, что къ нему приложится смыслъ многихъ предикатовъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо различать, совершился-ли уже такой процессъ, или еще нѣтъ. Такое различеніе нелегко, ибо внѣшнихъ признаковъ часто не бываетъ никакихъ. Такъ несомнѣнно, что многія прил. ср. рода, какъ подушное, подымное и пр. (Буслаевъ; § 224 пр. 3; Mikl. Synt. 27, 15), стали названіями податей, т. е. суть уже не прилагательныя, употребляемыя въ смыслѣ существительныхъ, а настоящія существительныя; однако кажется ошибочнымъ относить къ существительному такіе случаи, какъ „шея (у гоголя).. между плечъ черная, а подлѣ чернаго по обѣ стороны свѣтло-сѣрая“ (Буслаевъ ib.). При этомъ прилагательномъ, кромѣ заключеннаго въ немъ признака, рода числа, надежа, недумается ничего опредѣленнаго въ родѣ пятна, мѣста и пр. Это „черное“ намъ необходимо отличать отъ такихъ существительныхъ, какъ чернь, чернота, и мы это дѣлаемъ такимъ образомъ, что слово „черное“ вовсе неотносимъ къ категоріи существительнаго.

5. Грамматическій атрибутъ, за исключеніемъ нарѣчій, но со включеніемъ ошибочно такъ называемыхъ сокращенныхъ опредѣлительныхъ предложений, есть названіе признака, представляемаго даннымъ въ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ. Разница между опредѣлительнымъ прилагательнымъ и опредѣлительнымъ существительнымъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ признакъ не прямо приписывается извѣстной субстанціи, а черезъ посредство другой субстанціи.

Существительное, какъ атрибутъ, вноситъ въ мысль черту своей прежней самостоятельности, которая сказывается возможностью несогласованія съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ: „рѣка Донецъ (аттриб.) вытекла изъ чистаго поля; городъ Ливны (аттриб.) стоитъ на рѣкѣ Соснѣ“ (Буслаевъ § 240 пр.). Что касается до относимыхъ сюда случаевъ несогласованія и въ надежѣ, то

а) Невидно несогласованія тамъ, гдѣ постоянный атрибутъ такъ сживается съ своимъ опредѣляемымъ, что образуетъ вмѣстѣ съ нимъ одно слово ¹⁾. То, что называютъ несогласованіемъ атрибута, именно его неизмѣняемость, есть только признакъ его соединенія съ опредѣ-

¹⁾ „Отклоненіе отъ согласованія основано здѣсь на тѣсной связи атрибута или аппозиціи съ именемъ“. Mikl. Synt. 341.

ляемымъ въ одно слово: „въ Дунай-рѣкѣ²⁾), Иус-Христа, Князь-Василья, мр. пан-отцю (Буслаевъ § 240, 2, 5, 7, 8, б). Само собою, что раздѣльное написаніе такихъ словъ неможетъ служить возраженіемъ. Упомянутое явленіе сходно съ тѣмъ, когда въ малорусскихъ пѣсняхъ, прилагательное, какъ постоянный эпитетъ, остается неизмѣннымъ въ формѣ похожей на именит. п. ед. ч. м. р., между тѣмъ какъ опредѣляемое стоитъ въ косвенномъ падежѣ того-же или другого рода и числа: „передъ віськомъ Морозеню ворон-конемъ вигривас (sic) (Костом. въ Мр. сбор. Мордовцева 194); ей мірят-стрілят до сив-сокола (Головац. Пѣсни 1, 60); жаль же мени сив-кониченька (ib. 66);
 124 завершимо (стирту) сив соболюнькомъ (ib. 18); въ третємъ верхечку сив-ластовлята (ib 48); заморозити... глубок-поточейки и бистри річейки“ (ib 4). Сюдаже мр. „дівич-вечерь, Дівич-гора, Перепелич-долина“ (Максимовичъ, Кіевлянинъ 1841, II, 20). Что первая половина этихъ словъ уже неразсматривается, какъ именительный падежъ, видно изъ того, что прилагательныя относительныя теряютъ при этомъ суф.-ьск, такъ что получаютъ видъ существительныхъ: „якъ панобъ нашъ тывъ, то Тур-царя (Турецкаго) стывъ“ (Голов. ib. 30); „фу! Русь-кость (Русская) пахня“ (Погаръ, Черн. губ. Аѳ. Ск. 1, 72). Если принять это въ соображеніе, то нельзя согласиться съ Миклошичемъ, который въ вр. купецъ-жена, купецъ-дочи (у Рыбн., Буслаевъ Гр. § 240, 1) видитъ соединеніе существительнаго муж. съ женскимъ (V. Gr. IV 21), тогда какъ здѣсь сокращеніе прилагательнаго купецск- (купеческая жена, дочь), сходное съ хорут. pch rogača (pchkа rogača, мягкая булка, Mikl. V. Gr. III, § 317). О подобномъ слячии именъ, какъ постоянныхъ эпитетовъ, съ существит. въ слав. нарѣчіяхъ см. Mikl. V. Gr. IV, 32, 342.

б) За случаи дѣйствительнаго несогласованія существительнаго, какъ приложенія, съ опредѣляемымъ можно считать тѣ, когда именительный приложенія самъ имѣетъ при себѣ свои опредѣленія и, по своей сложности, неможетъ слиться въ одно слово съ своимъ опредѣляемымъ: Дмитрію-грозныя очи; Фочкою зовуть Федотовъ сынъ; около чебота-зелень сафьянъ (Буслаева Гр. § 240, 3, 6); ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ.... и узрѣ и Олегъ, Лавр. 31. Буслаевъ (ib. пр. 4) полагаетъ, что словосочиненіе эпитетовъ, какъ „шуба сукно красномалиново“, объясняется выпускомъ соединительныхъ словъ, составляющихъ предложеніе придаточное, но оказавшихся вовсе ненужными и обременяющими рѣчь: „шуба, сшитая изъ сукна красномалинова“. Согласно
 125 съ К. Аксаковымъ (Русск. Бес. 1859, VI, 71; Соч. II 602—4), думаю, что тутъ нѣтъ никакого опущенія. Выраженіе „шуба сукно красномали-

²⁾ Что „Дунай“ здѣсь принимается за атрибутъ, видно изъ мр. „Ой перейду та перербреду ту Дунайську ріку“ (н. п.)

ново“, „обертываться туромъ золотыя рога“ тѣмъ отличаются отъ выражений, изъ коихъ они якобы произошли, какъ „шуба, сшитая изъ сукна“, „туромъ, который имѣетъ золотыя рога“ или „имѣющимъ золотыя рога“ или „у котораго золотыя рога“, что отношенія между „шуба“ и „сукно“, „туръ“ и „рога“, на которыхъ мысль вовсе неостанавливается въ первыхъ, составляютъ ея предметъ во вторыхъ. Поэтому вторыя выраженія (туромъ, который... шуба, сшитая...) тѣмъ самымъ представляются результатомъ большей силы анализа. Въ первыхъ просто сопоставляются члены, которые являются подчиняющими и подчиненными во вторыхъ. Притомъ опущеніе извѣстнаго члена предложенія не можетъ измѣнить формальныхъ отношеній остальныхъ членовъ: отъ опущенія „сшитая“ родительный „изъ сукна“ не можетъ превратиться въ именительный „сукно“. Въ словахъ „Дунай-рѣки“, „Дунай-рѣкъ“ и т. д. обычность атрибута повела къ тому, что мысль уже неостанавливается на его отношеніи къ опредѣляемому и тѣмъ влечетъ за собою неподвижность формы атрибута; подобно этому и именительный приложенія въ „туромъ золотыя рога“ предполагаетъ, что между опредѣляемымъ и опредѣленіемъ здѣсь было нѣкогда полное согласованіе, которое оставлено потому, что поддержаніе его требовало нѣкотораго напряженія мысли, между тѣмъ какъ и безъ этого напряженія эпитетъ продолжалъ тяготѣть къ бывшему опредѣляемому. Однимъ словомъ, мнѣ видится полная аналогія между образованіемъ сложныхъ словъ вышеуказаннаго образца (бой-баба, бой-бабы, козырь-дѣвка и проч., воронъ-коня, воронъ-коню и пр.) и происхожденіемъ несогласованія эпитетовъ, стоящихъ въ именительномъ. Между тѣмъ обороты „туромъ-золотыя рога“ и „туромъ, у котораго золотыя рога“ противоположны другъ другу относительно стремленій языка, коимъ обязаны своимъ происхожденіемъ.

в) Въ противоположность сказанному объ эпитетѣ въ именительномъ, 126 котораго не можемъ отнести ни къ какой другой категоріи, кромѣ опредѣленія, косвенные падежи, относимые къ опредѣленію по причинамъ неграмматическимъ, т. е. потому что могутъ быть замѣнены согласуемыми прилагательными (сынъ отца=отцовскій сынъ), или потому что отвѣчаютъ на извѣстные вопросы (какой, чей и пр.), должны быть причислены къ разряду грамматическаго объекта. Эти косвенные падежи съ грамматической точки означаютъ предметы мыслимые не въ другомъ предметѣ, а внѣ его, хотя независимо отъ своего словеснаго выраженія могутъ быть мыслимы не какъ субстанціи, а какъ атрибуты. При грамматическомъ разборѣ выраженія „цвѣты... такой цѣны и красоты“ намъ нѣтъ дѣла до того, что цѣна и красота не-суть вещи самостоятельно существующія, что они находятся въ цвѣтахъ и пр. и суть ихъ качества. Если бы обращать на это вниманіе, то можно бы дойти до грамматическихъ абсурдовъ, напр. что въ „красота цвѣтовъ велика“

слово „красота“ есть грамматическій атрибутъ. Для насъ родительные падежи въ „цвѣты такой цѣны“ и пр. суть названія предметовъ, которымъ принадлежатъ цвѣты; на субстанціальность ихъ указываетъ между прочимъ именно отсутствіе всякого согласованія съ главнымъ словомъ и ихъ косвенный падежъ.

Прилагательное со включеніемъ мѣстоименія прилагательнаго, въ качествѣ атрибута, по видимому, не можетъ получить никакой независимости отъ опредѣляемаго и согласуется съ нимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. Несоставляетъ исключенія такъ называемое согласованіе по смыслу. Существительное, неизмѣняя внѣшней формы, свойственной его грамматическому роду и числу, можетъ принять новый родъ и число, такъ что въ случаяхъ, подобныхъ мр. „така дѣвчя—кусочокъ ласий“, 127 „малій собака дѣ-віку щеня“ (см. Mikl. V. Gr. IV 21—2) дѣвчя есть существ. женскаго, а собака—муж. рода. Единственное число собирательнаго имени, согласуемое со множественнымъ, есть въ дѣйствительности множественное (придоша Русь и пр.). Несомнѣваемся же мы въ томъ, что братья есть множественное число, ибо происхожденіе этого слова отъ именит. единств. числа женскаго рода вовсе несвидѣтельствуется о томъ, что это слово есть въ дѣйствительности. Такъ вообще предъидущее значеніе слова, хотя служить подкладкою послѣдующему значенію, но нисколько незатемняетъ его ¹⁾.

Выраженія, какъ „страстная и святая недѣли были проведены“ (Буслаевъ, Гр. § 239, 1 б.), въ коихъ ни одно изъ двухъ опредѣлительныхъ несогласовано съ наличнымъ существительнымъ, происходятъ отъ опущенія опредѣляемыхъ согласованныхъ со своими опредѣляющими: недѣли: страстная (недѣля) и святая (недѣля).

Требуется объясненія явленіе, о которомъ Миклошичъ говоритъ такимъ образомъ: „средній родъ прилагательныхъ словъ относится къ мужескому и женскому (опредѣляемыхъ), когда или полъ этихъ послѣднихъ считается безразличнымъ, или существительныя имѣютъ различный родъ: „чловѣка два вьнидета въ прьквь, ѣдино фаризѣй, а друго мытарь;“ серб. „кад се састану вуѣ и лисица, зашита једно друго“; мр. „зробилися ѣдно ружов, друге калинов“ (Mikl. V. Gr. IV, 32—3). Одинъ изъ примѣровъ, приводимыхъ имъ: „имѣя шесть сыновъ, а седмоѣ дѣщеръ“, даетъ основаніе думать, что онъ сюда же отнесъ бы

¹⁾ Такъ на пр. значеніе сущ. въ именит. п. ед. м. р. въ вр. итогъ, *summa*, неслоняется тѣмъ, что это слово предполагаетъ союзъ *и*, служившій связью съ предыдущимъ перечисленіемъ, и родит. мѣстоимѣнія того, за которымъ пропущенъ глаголъ (есть, было, вышло, осталось и т. п.; срав. выше стр. 81). Передъ того первоначально могъ стоять не только союзъ *и*, но и другой: *ино*, а: „Съ Ошевскаго погосту королю шло сто рублевъ да три рубли, а яловычины шесть рублевъ да четверть, ино того всего сто рублевъ да девять рублевъ да четверть, XV в. Ак. З. Р. I 87;... королю дани идеть сто рублевъ... ино всего того сто и пять рублевъ, *ib.* 88;... на Климку два рубли взяли, на Дениску... рубль взяли.. а того всего взяли рублевъ на тридцать *ib.*

особую форму винительнаго единств. женскаго мѣстоименій, рѣдко прилагательныхъ, въ русскомъ: „видиши мя болное сущю“ (Лавр. лѣт. 28, 33), гдѣ -ое немогло фонетическимъ путемъ образоваться изъ болну, больную; „въ тое полату (Котоших.); за тое веревку; опустился въ тое-жь могилу (Др. Русск. ст.); всее, одное, самое“ (см. Буслаевъ, Гр. § 93, в.). Форма эта сходна съ вин. ср. и род. ж. Если она дѣйствительно средняго рода, причина сочетанія именно съ женскихъ родомъ неясна.

По правилу, теперь въ русскомъ языкѣ прилагательное безъ формъ ро- 128 да, числа и падежа невозможно ¹⁾. То, что казалось такимъ прилагательнымъ, мы старались объяснить выше, какъ часть другого, сложнаго слова (ворон-кона). Это объясненіе относится и къ серб. и болг. эпитетамъ, заимствованнымъ изъ турецкаго (серб. мор-долама, темноголубая долама, мор-доламу и пр.); но его трудно распространить на явленіе, которое Миклошичъ считаетъ однороднымъ съ вышеупомянутымъ, именно на несклоняемость словъ на -ъ (отъ -и), какъ испльнь, испразднь, различь, свободь, сугубь въ ст.-слав. и вѣсь (любь, пріятень), гѣс (настоящій, истинный), sovgaž (враждебный) и др. въ хорутанскомъ. Разница та, что въ „воронъ-кона“ и пр. прилагательное только атрибутивно, между тѣмъ какъ въ ст.-славян. и хорутан. упомянуты несклоняемыя слова употребляются какъ атрибутивно. (сугубь грѣси, хорут. ledik (нѣм. ledig) -dekličev), такъ и предикативно („въ истинѣ свободь бѣдете“). Употребленіе этихъ формъ въ качествѣ опредѣленій существительныхъ не позволяетъ считать ихъ за нарѣчія. Ср. одного Mikl. Gr. II, 55 и Jagić, Arch. I, 430.

Въ опредѣленіи, понимаемомъ въ обширномъ смыслѣ, различаютъ два частныя понятія: собственно опредѣленія (attributum) и приложенія (appositio). Общій, по крайней мѣрѣ очень распространенный обычай отдѣлять на письмѣ приложеніе отъ опредѣляемаго посредствомъ запятыхъ (Петръ великій, основатель Петербурга...) заставляетъ считать общепризнаннымъ, что приложеніе болѣе самостоятельно по отношенію къ опредѣляемому, чѣмъ собственное опредѣлительное. Затѣмъ начинаются разногласія, впрочемъ устранимыя. Невдаваясь въ частности, замѣчу только, что, кажется, ошибочно приписывать аппозитивную силу лишь существительному, снабженному своими опредѣлительными или дополнительными, а еще ошибочнѣе думать, что всякое существительное, употребленное атрибутивно (въ обширномъ смыслѣ слова) есть непременно приложеніе, а не атрибутъ въ тѣсномъ смыслѣ (см. между прочимъ Mikl. V. Gr. IV, 342). Думая такъ, мы бы упустили 129 изъ виду несомнѣнную разницу между „царь Петръ“ и „Петръ, царь-

¹⁾ Въ выраженіи „это особъ статья“ особъ есть нарѣчіе, изъ „о собѣ“. Въ рязанск. гр. 1356 г. (Срезн. Др. пам. русс. письма 263) „въ свободѣ“ есть дополненіе, переходящее къ нарѣчному значенію, какъ „въ-доль“, „въ-протяжъ“: „даль ꙗсмь отцю своѣму Арсѣнью монастырь святоѣ Богородици на Олговѣ въ свободѣ до ꙗго живота“.

преобразователь“ и т. п.; между „живописецъ Рафаэль“ и Рафаэль, живописецъ гениальный... (ср. Буслаевъ, Гр. § 125 Б. 1), разницу, которая сказывается въ томъ, что изъ оборотовъ перваго рода можетъ возникнуть сложное слово (князь-Петра, князь-Петру), а изъ оборотовъ втораго рода, въ силу большей особенности приложенія, ничего подобнаго невыходить. Наибольте самостоятельный членъ предложенія есть сказуемое, которое одно можетъ обойтись безъ всѣхъ прочихъ членовъ. Поэтому подъ относительною самостоятельностью приложенія слѣдуетъ понимать его большую предикативность сравнительно съ собственнымъ опредѣленіемъ. Это и признають, дѣлая иногда лишь ту ошибку, что считаютъ приложеніе возникшимъ изъ придаточнаго предложенія, начинающагося съ относительнаго мѣстоимѣнія. Что такой ходъ языка въ общемъ невозможенъ, видно изъ того, что придаточное съ который и пр. болѣе развито, расчленено, опредѣленно, чѣмъ приложеніе. Приложеніе не происходитъ отъ зависимаго предложенія и неестъ такое предложеніе, а имѣеть функцію среднюю между собственнымъ опредѣленіемъ и опредѣлительнымъ предложеніемъ съ глагольнымъ сказуемымъ. Принявши большую предикативность приложенія, мы непоймемъ, почему именно существительное, часть рѣчи менѣе предикативная, чѣмъ прилагательное, должно быть аппозитивнѣе прилагательнаго. Совсѣмъ наоборотъ, часть существительныхъ, именно мѣстоименіе существительное, приложеніемъ никогда небываетъ, а часть прилагательныхъ въ обширномъ смыслѣ, именно причастіе, особенно наклонна употребляются аппозитивно. Нѣкоторые, различая въ причастіяхъ употребленіе атрибутивное („написанное письмо“) и аппозитивное („письмо, написанное вчера“), ошибочно называютъ аппозитивное причастіе сказуемымъ придаточнаго предложенія; но „написанное вчера“ и т. п. неестъ предложеніе въ томъ смыслѣ какъ „напишу“. Присоединеніе прич. нѣкоторыхъ глаголовъ (въ стар. языкѣ *сн* и пр.) къ согласуемому имени дѣлаетъ это имя аппозиціею или усиливаетъ его аппозитивность; ср. „N, царь...“ и „N, *сн* царь...“ „N, *сн* милосердѣ“. Въ послѣднихъ случаяхъ имя, чтобы входить въ составъ приложенія, ненуждается въ опредѣленіяхъ и дополненіяхъ. И прилагательное въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть приложеніемъ, именно, когда оно имѣеть свои дополненія „N, жадный къ деньгамъ...“ (что можетъ быть переводимо посредствомъ „будучи жаденъ“... но отнюдъ не произошло изъ послѣдняго), и когда стоитъ при мѣстоименіи личномъ: ходилъ я, молодъ, по всѣмъ городамъ“ (народная пѣсн.); „какъ, бѣдной, мнѣ не горевать“. Въ послѣднемъ случаѣ и существительное безъ дополненій и опредѣленій аппозитивно: „ходилъ я, молодець,...“; хорв. „Да би знала, мили, кад ѣете ми дојти, Путе би, рожица, свилум преплитала (Kurelac, Jačke, 34).

6. Атрибутъ въ сказуемомъ. Имя можетъ быть частью составнаго сказуемаго, то есть такого, изъ частей коего, ии одна сама по

себѣ неможетъ бѣть названа сказуемымъ. Такъ, хотя въ выраженіи „морозъ показался невеликъ“, въ глаголѣ и заключенъ признакъ „казаться“, представляемый дѣятельностью подлежащаго, но смыслъ предложена не въ этомъ признакѣ, а въ томъ, что представляется возникающимъ другой признакъ (невеликъ). Когда въ предложеніяхъ такого рода („праздность есть порокъ“) называютъ сказуемымъ (предикатомъ) имя (порокъ), то это неточно (Mikl. Synt. 344) и происходитъ отъ смѣшенія предложена съ логическимъ сужденіемъ ¹⁾. Въ послѣднемъ „порокъ“ пусть будетъ предикатъ, такъ какъ логика вовсе не знаетъ различія между предикатомъ и атрибутомъ. Но грамматическимъ сказуемымъ имя быть неможетъ, какъ скоро подъ именемъ разумѣемъ признакъ данный, готовый, представляемый независимо отъ времени своего возникновенія. Имя, входящее въ составъ сказуемаго, есть атрибутъ, грамматическое опредѣленіе, съ тою особенностью, что присоединяется къ своему опредѣляемому не прямо, а чрезъ посредство глагола, сообщающаго въ нашихъ языкахъ всему сказуемому грамматическое (формальное) значеніе времени: „снѣгъ бѣлъ“, т. е. есть теперь или бываетъ обыкновенно, въ отличіе отъ „снѣгъ былъ (в. будетъ) бѣлъ“; „снѣгъ былъ“, т. е., какъ было въ старинномъ языкѣ, „былъ ѣсть“ (прошедшее по отношенію къ настоящему моменту рѣчи, въ отличіе отъ стар. „былъ бѣ“, „былъ бѣшетъ“, „былъ будетъ“). Эта особенность отличаетъ предикативный атрибутъ какъ отъ опредѣленія въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и отъ приложенія, понятаго въ томъ смыслѣ, какъ показано въ предъидущемъ §. И приложеніе (аппозиція) ближайшимъ образомъ тяготеетъ къ своему опредѣляемому, а не къ сказуемому. Поэтому трудно согласиться со взглядомъ Миклошича, по которому *běl golobec* въ хорут. „*grěšnik v nebo zletel běl golobec*“ (взлетѣлъ бѣлымъ голубкомъ), млада въ серб. „те се нисам удомила млада“ (невышла замужъ молодою) суть аппозиціи. Если-бы это были аппозиціи, то мы бы получили значенія: грѣшникъ, бѣлый голубъ, взлетѣлъ на небо; я, молода, не вышла замужъ. Мы будемъ понимать подъ предикативнымъ именемъ (подъ предикативнымъ именительнымъ, Grimm, Gr. IV, 589) не то, которое есть предикатъ (такого не бываетъ), а то, которое входитъ въ составъ грамматическаго предиката ¹⁾.

¹⁾ Столь-же неудобно слѣдовать Гримму, который дѣлаетъ различіе между *aussage* (по нашей терминологіи простое сказуемое) и *praedicat* (имя входящее въ составн. сказ.): „глаголь или вполне заключаетъ въ себѣ „die aussage“ (то что говорится о подлежащемъ), напр. „человѣкъ живетъ“, или служить только связкою (*copula*), посредствомъ коей подлежащему приписывается (*wird praedicirt*) другое имя „der Mensch ist sterblich“. Это прилагаемое (подлежащему) имя называемъ предикатомъ: *das verbum substantivum trägt die aussage auf das praedicat über*“ (Grimm, D. Gram. IV. 1).

¹⁾ Терминъ „именное сказуемое“ (Curtius и др.) долженъ бы быть устраненъ, такъ какъ непосредственность сочетанія имени, какъ сказуемаго, съ подлежащимъ и въ русск. (праздность порокъ) и другихъ сродныхъ (греческомъ) всегда мнимая и объясняется

132 Чтобы обозначить предѣлы составного сказуемого, какъ оно намъ представляется, замѣтимъ, что и въ славянскихъ языкахъ предикативное имя, будучи опредѣленіемъ, должно въ чемъ либо обнаруживать свою мыслимость въ опредѣляемомъ, т. е. неможетъ стоять внѣ законовъ согласованія. Какъ подлежащее есть всегда прямой падежъ, такъ и предикативное имя всегда стоитъ въ именительномъ. Такимъ образомъ вопреки многимъ, которые называютъ сказуемымъ творительный въ „былъ солдатомъ“, родительный въ „Петръ Великій былъ высокаго роста“ и др. (Буслаевъ § 128), нечисляемъ такого падежа, совершенно независимаго отъ подлежащаго, ни сказуемымъ, ни частью сказуемаго.

Разница между атрибутивнымъ сочетаніемъ и предложеніемъ съ составнымъ сказуемымъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ—полное отсутствіе энергіи опредѣляемаго („перевощикъ Кій“, „бѣлый свѣгъ“), между тѣмъ какъ составное сказуемое, по своей энергичности, сходно съ простымъ: „Кій былъ перевощикъ“—перевозиль, „свѣгъ бѣлъ“—бѣлѣть. Но простое сказуемое изображаетъ возникновеніе признака наглядно: перевозиль въ опредѣленный періодъ наблюденія, или каждый разъ, какъ было нужно; „свѣгъ бѣлѣть“ теперь, когда я на него смотрю, или каждый разъ, какъ я на него посмотрю. Въ составномъ же сказуемомъ признакъ производится дѣятельностью подлежащаго, но такъ, что этотъ процессъ неподлежитъ наблюденію, а предшествуетъ ему; „свѣгъ бѣлъ“ т. е. дѣлаетъ такъ, что я вижу его бѣлымъ, но невижу, какъ онъ это дѣлаетъ; „онъ пастухъ“, „онъ пѣвецъ“, но я невижу, что онъ пасетъ, неслышу его пѣнія; „Кій былъ перевощикъ“ потому что перевозиль черезъ Днѣпръ, но въ приведенномъ предложеніи заявлено объ этомъ такъ, что самые акты перевоза остаются внѣ наблюденія. Такимъ образомъ въ составномъ сказуемомъ признакъ представляется не просто даннымъ въ подлежащемъ, а даннымъ результатомъ дѣятельности подлежащаго. Составное сказуемое по значенію менѣе наглядно, чѣмъ соотвѣтственный простой глаголь, ибо имя, сообщающее свое свойство составному сказуемому, такъ относится къ глаголу, какъ обобщеніе прошедшихъ актовъ мысли къ акту, обогащающему ее новымъ содержаніемъ.

Существительное и въ сказуемомъ, какъ въ приложеніи, можетъ обнаружить свою относительную независимость отъ подлежащаго, несо-

опущеніемъ глагола. Безчисленное множество примѣровъ, какъ „εις άνήρ οὐδεις άνήρ“, „ein mann kein mann“, „одинъ сынъ не сынъ, два сына—полъ сына, три сына—сынъ“ (Lugebil, Zur frage über zweitheilige und einheitl. sätze, Arch. f. Sl. Ph. VIII, 36 сл. и Jagić ib 68 сл.), доказываетъ не то, что здѣсь имя само по себѣ предикативно, т. е. стоитъ на предполагаемой доисторической ступени безразличія имени и личнаго глагола, а то, что предикативная связка весьма рано получила чисто формальное значеніе, въ отличіе отъ неопускаемыхъ подобныхъ связокъ, какъ на пр. „похвала живетъ человѣку пагуба“.

гласуясь съ нимъ въ родѣ и числѣ, но не въ падежѣ: „Днѣпръ есть рѣка“, „побои не-суть средство къ исправленію людей“, „рѣци да каменице се хлѣби бѣдѣтъ“ (Буслаевъ § 236). Прилагательное не можетъ несогласоваться и въ родѣ, ибо родъ его есть только знакъ его мыслимости въ существительномъ. По общему правилу и здѣсь несогласованіе прилагательнаго мнимо, т. е. на дѣлѣ бываетъ его согласованіемъ съ наличнымъ значеніемъ рода и числа въ существительномъ, а не съ тѣмъ, о какомъ можно бы заключать по окончанію. Такимъ образомъ прилагательное во множественномъ согласуется съ подлежащимъ собирательнымъ, котораго множественность изображена посредствомъ единственнаго. Въмѣсто „Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдять съ Самоядью“ (Лавр. лѣт.) можно бы сказать: „Югра нѣми суть“.

Объ особенностяхъ причастія въ составномъ сказуемомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Выше было замѣчено, что прилагательное, по отсутствію въ немъ мысли объ опредѣленной субстанціи, сходно съ безсубъектнымъ сказуемымъ. Сознаніе большей его близости къ сказуемому сравнительно съ существительнымъ сказалось въ части русскихъ говоровъ тѣмъ, что предикативное прилагательное по внѣшней формѣ стало отличаться отъ атрибутивнаго: „снѣгъ бѣлъ“ при „бѣлый снѣгъ“. Явленіе это по праву можемъ назвать созданіемъ особой предикативной формы прилагательнаго, хотя языкъ внѣшнимъ образомъ неприбавилъ ничего къ прежней, такъ называемой существительной формѣ прилагательнаго („бѣлъ“ какъ существит. „соколъ“), а только ограничилъ ея употребленіе. Предикативное прилагательное, какъ особая категорія, несущество- 134
вало до тѣхъ поръ, пока безчленная форма могла употребляться и атрибутивно, что и теперь отчасти сохранилось въ народной поэзіи.

Нововерхненѣмецкія прилагательныя предикативныя представляютъ то замѣтное отличіе отъ русскихъ, что лишены окончаній рода, числа и падежа. „Это, говоритъ Штейнталь, вполне умѣстно, потому что именительный въ предикатѣ „hat doch keinen rechten sinn“. Здѣсь качество должно быть совершенно абстрактно приписано субъекту, и потому абстрактная тема прилагательнаго здѣсь наиболѣе прилична. Въ „diese Frau ist schön“ нужно сказать не то, что „diese Frau ist eine schöne“, а то, что „diese Frau hat die Eigenschaft der Schönheit“. Согласованіе предикативнаго имени въ древнихъ языкахъ есть лишь слѣдствіе того, что въ нихъ голая тема безъ падежнаго окончанія никогда не появляется самостоятельно и что вообще законъ согласованія стремился къ наибольшему господству. Но согласованіе и само по себѣ незаслуживаетъ осужденія“ (еще бы!), „а тѣмъ болѣе, если его разсматривать въ связи со всѣмъ строемъ предложенія. Впрочемъ похвала, заслуживаемая нововерхненѣмскимъ оборотомъ, должна быть ограничена въ томъ смыслѣ, что Нѣмецъ лишь прекрасно умѣлъ употребить раз-

рушившуюся форму своего языка“ ¹⁾ (Charakteristik der hauptsächlichsten Турен. 203). Вообще похвала и порицание здѣсь преждевременны, потому что психологическіе причины и слѣдствія синтактических явленій легко могутъ оказаться только различными, а не разноцѣнными. Согласованіе, господствующее между прочимъ и въ славянскомъ, не есть лишь слѣдствіе присутствія извѣстныхъ окончаній, но имѣетъ цѣну само по себѣ. Безъ особенно сильныхъ доказательствъ трудно повѣрить, чтобы

135 языкъ когда либо уподоблялся той бережливой хозяйкѣ, которая давала дѣтямъ остатки лѣкарствъ только для того, чтобъ деньги даромъ не пропадали, или тому ѣдоку, который рассуждалъ: „хочъ живота наруш, аби даръ Божій неоставаяся“. Согласованіе на всѣхъ ступеняхъ своего развитія есть средство производить извѣстные оттѣнки мысли. Его нарушеніе всегда образуетъ новыя грамматическія категоріи. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Въ русскомъ прилагательное предикативное, отличаясь отъ атрибутивнаго, остается все таки признакомъ мыслимымъ въ субъектѣ и измѣняющимся вмѣстѣ съ нимъ: „снѣгъ бѣлъ“ и „бумага бѣла“, но бѣлизна въ томъ и другомъ случаѣ какъ бы различна. Когда же языкъ уничтожаетъ согласованіе, то тѣмъ самымъ онъ отвлекаетъ признакъ отъ субъекта. Говоря а priori, въ русскомъ такое отвлечение могло бы произойти двояко: или посредствомъ превращенія прилагательнаго въ существительное, или посредствомъ перемѣщенія центра его тяготѣнія отъ субъекта къ предикату, т. е. посредствомъ отнесенія признака къ категоріи нарѣчія (ad-verbium). Послѣднее дѣйствительно находимъ въ сравнительной степени („снѣгъ бѣлѣе бумаги“ какъ „бумага бѣлѣе снѣга“) и въ дѣепричастіяхъ. Что до перваго, то можно бы думать, что подъ него подходит, кромѣ творительнаго при сказуемомъ (о чемъ подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ), тотъ случай, о которомъ у Буслаева читаемъ слѣдующее: „если сказуемое относится вообще къ понятію, выражаемому существительнымъ въ подлежащемъ, то ставится въ ср. родѣ ед. числа, какъ въ формѣ наиболѣе соотвѣтствующей отвлеченному понятію. Напр. въ послов. XVII в. „грѣхъ сладко, а человекъ падко“, „медъ сладко, а муха падко“; „левъ страшно, обезьяна смѣшно“ Гр. § 239 ²⁾ Незнаю, почему бы объ оборотѣ „грѣхъ сладокъ“ нельзя было бы сказать того-же, именно, что въ немъ сказуемое относится вообще къ

136 понятію, выражаемому существительнымъ въ подлежащемъ, и какъ бы это было, если бы сказуемое въ частности относилось къ подлежащему?

¹⁾ Ограниченіе слабое, потому что въѣд, на сколько хватаетъ изслѣдованіе, всякое новое созданіе въ языкѣ есть лишь преобразование и вмѣстѣ разрушеніе чего либо предшествующаго.

²⁾ Ср. въ рѣчахъ литовскихъ пословъ „каждому отчизна своя мила“, а въ отвѣтныхъ рѣчахъ Московскихъ бояръ „каждому отчизна своя мило“ (Ак. З. Р. I, 329, 331 годъ 1504—5).

Поэтому я неразделяю мнѣнія, что „это объясненіе очень хорошее и вполне удовлетворительное“ (Аксак. Рус. Бесѣда 1859 VI 70). Напротивъ, тутъ вовсе нѣтъ объясненія синтаксическихъ особенностей оборота, а настоящія объясненія находятся въ слѣдующемъ. „Такое сочетаніе словъ можно объяснить или опущеніемъ какъ напр. въ послов. „умъ хорошо, а два лучше того“ т. е. имѣть умъ—хорошо; или еще скорѣе—тѣмъ, что здѣсь замѣняется прилагательнымъ средняго рода существительное: умъ хорошо=умъ хорошая вещь, хорошее дѣло. Это послѣднее объясненіе подкрѣпляется тѣмъ, что иногда такимъ формамъ средняго рода ед. числа дѣйствительно соотвѣтствуютъ существительныя, какъ это видно напр. въ пѣснѣ начала XVII в. „зимовая служба—молодцамъ кручинно, да сердцу надсадно... весновал служба—молодцамъ веселье, сердцу утѣха“. Послѣдніе два стиха можно бы замѣнить въ соотвѣтствіе предъидущимъ: „молодцамъ весело, сердцу утѣшно“ (Буслаевъ *ib.* примѣч. 2). „Умъ хорошо“ возникло изъ „имѣть умъ—хорошо“, такъ какъ въ этомъ случаѣ „умъ“ въ умъ хорошо должно бы считать за винительный, а не за подлежащее, какъ въ „скорпія сѣкливо“. Точно также, если бы „умъ хорошо“ образовалось изъ „умъ хорошая вещь“, „хорошее дѣло“, то получилось бы „умъ—хорошая“ (какъ въ польскомъ: „to nie łatwa (rzecz)“, „ostatnia-to po rozum za granicę jezdzić“, „można“, „osobliwsza“, „pewna“, „niezawodna“), или „умъ хорошее“. Нельзя доказать и того, что „умъ хорошо“, не находясь въ прямой преемственной связи съ „умъ хорошая вещь“,—„хорошее дѣло“, предполагаетъ существованіе этихъ выраженій. А если бы и такъ, если бы точно здѣсь прилагательнымъ замѣнялось существительное, то нельзя заключать отъ грамматическихъ формъ замѣняемаго къ замѣняющему, отъ „служба—веселье“ къ „служба—кручинно“, точно такъ какъ нельзя слова „Ивановъ“ считать на томъ основаніи за родительный, что въ другихъ случаяхъ мы ставимъ 137 „Ивана“. Пусть въ „умъ хорошо“ прилагательнымъ замѣнилось существительное, но замѣнившее могло бы все-таки быть прилагательнымъ. Почему же оно несогласуется съ подлежащимъ? Вѣроятно здѣсь разумѣлось тоже, что говорить Миклошичъ: „предикатомъ можетъ стать субстантивированное прилагат. сред. р. ед. ч.: греч. *καλὸν ἢ ἀλῆθεια καὶ μόνιμον*, лат. *varium et mutabile semper femina*; слав. скорпія сѣкливо (въ греч. *σχορπίος πληκτικός*, хотя, судя по славянскому выраженію, можно бы ожидать *πληκτικός*); сравно есть грѣхъ; паче всего благаго житія угодно Богу кротость; русск. „грѣхъ сладко“ (V. Gr. IV. 29 19“); легко ѣсть въздохъ, Io. Эвз. Шестодн; въздохъ... рѣдко ѣ ѣстьствомъ, *ib.* 1) Однако, съ точки зрѣнія современнаго литературнаго

1) „Видѣ ту люди суцая, како есть обычай имъ и како ся мыють, хвощются (Лавр. 4); дивно видѣхъ Словоѣнскую землю (*ib.*); како (Ипат. кака) есть вѣра ваша? (*ib.* 36); есть ми любо вѣра ваша и служеніе (Лавр. 47); тако же и прочіи вои его вси бяхуть (Лавр. 27) т. е. таковы какъ и онъ самъ. Еще см. Буслаевъ, II, 331 пр. 2 и 333 пр. I.

языка, въ коемъ нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ уже немѣютъ особаго нарѣчнаго окончанія -нъ и лишь изрѣдка отличаются отъ прилагательнаго неопредѣленнаго ср. р. ед. числа удареніемъ, врядли можно устранить отождествленіе „грѣхъ падко“ съ „умъ хорошо, а два лучше того“. Хорошо и лучше для насъ не субстантивированныя прилагательныя, а нарѣчія, имѣющія смыслъ, сходный съ нѣмецкимъ предикативнымъ прилагательнымъ лишеннымъ флексій. Точно ли эта форма въ нѣмецкомъ есть прилагательное? „Такъ какъ, говоритъ Гейзе, въ новонѣмецкомъ яз. нарѣчіе (какъ и прилагательное предикативное) потеряло свое характеристическое окончаніе, то кажется, будто при связкѣ ставится не прилагательное, а нарѣчіе. Но древненѣмецкій языкъ, явственно отличающій особымъ окончаніемъ нарѣчіе отъ прилагательнаго, и при связкѣ ставитъ прилагательное, согласуя его окончаніе съ подлежащимъ, какъ это дѣлается въ лат. и греч.“ (Syst. der Sprachwiss, 395). Такъ, но древненѣмецкій не указъ новому. Въ противномъ случаѣ мы могли бы, на пр. ссылаясь на древнія славян нарѣчія, отрицать въ новыхъ бытіе дѣспричастія. Вопросъ въ томъ, имѣеть-ли новонѣмецкій языкъ какія либо средства отличать нарѣчіе schön отъ прилагательнаго schön въ сказуемомъ? Если нѣтъ, то и говорить о предикативномъ прилагательномъ нѣтъ основанія. Впрочемъ я долженъ указать на мнѣніе Гримма, что въ новонѣмецкомъ, наоборотъ, нарѣчія, потерявшія внѣшнее отличіе отъ прилагательнаго, настолько превратили прилагательныя атрибутивныя въ нарѣчія, сколько сами приблизились къ значенію предикативныхъ прилагательныхъ (Gram. IV 921). Такъ ли это?

7. Связка. Въ составное сказуемое, кромѣ имени, входитъ предикативная связка, которую слѣдуетъ отличать отъ предикативной связи, составляющей существенный признакъ простаго сказуемаго. Предикативная связь есть грамматическая форма личнаго глагола, есть то, почему этотъ глаголь есть глаголь, а не другая часть рѣчи; связка же есть особое слово, заключающее въ себѣ предикативную связь, но важное не само по себѣ, а какъ средство присоединенія атрибута къ подлежащему.

Буслаевъ считаетъ терминъ связка лишнимъ въ русской грамматикѣ, но основанія этого недостаточны. 1) „Сверхъ подлежащаго и сказуемаго въ составъ предложенія допускалаь связка, выражаемая глаголомъ существительнымъ есмь, еси, есть, суть. Но такъ какъ самымъ сказуемымъ обозначается уже связь его съ подлежащимъ, то нѣтъ необходимости въ этой третьей составной части предложенія сверхъ подлежащаго и сказуемаго, тѣмъ болѣе потому, что она введена была въ логику изъ грамматики тѣхъ языковъ, въ которыхъ между подлежащимъ и сказуемымъ въ формѣ именъ существительныхъ или прилагательныхъ употребляли связью глаголь вспомогательный, каковы языки

греческій, латинскій и нѣкоторые другіе“ (Буслаевъ Гр. § 110, прим. 1). 139 Связка была введена въ логику изъ грамматики греч. и лат., и это дурно, потому что въ логическомъ сужденіи связки нѣтъ; но какое же намъ дѣло до этого, если мы говоримъ о грамматикѣ, а не о логикѣ, о предложеніи, а не сужденіи? Намъ важно знать не то, что въ сужденіи нѣтъ связки, а то, что это вовсе необязательно для предложенія и что связка есть въ греческомъ и латинскомъ, какъ и въ славянскомъ. Изъ приведеннаго мѣста слѣдуетъ, что напр. въ „знаніе есть сила“ сказуемое—„есть“. Можно разсуждать иначе; сказуемое есть въ приведенномъ примѣрѣ „есть сила“ и состоитъ оно изъ атрибута и связки. Обычное въ русскомъ языкѣ и другихъ опущеніе существительнаго глагола въ настоящемъ времени никакъ недоказываетъ, что для насъ ненуженъ терминъ, какимъ обозначается *sum* и пр. въ латинскомъ, тѣмъ болѣе, что связкою бывають и многіе другіе глаголы никогда неопускаемые. 2) „Глаголь существительный въ составномъ сказуемомъ обыкновенно называется связкою; но какъ онъ означаетъ лицо, время и наклоненіе, то нѣтъ причины давать ему иного названія, кромѣ сказуемаго“ (ib. § 123 пр.). Если въ составномъ сказуемомъ одна часть совершенно равносильна съ простымъ сказуемымъ, то нѣзачѣмъ и говорить о „составномъ сказуемомъ“, ибо выдѣливши изъ этого понятія настоящее сказуемое, т. е. простое (личный глаголь), мы получимъ въ остаткѣ не сказуемое, а нѣчто другое. Для этого другого лучше выдумать имя, если нѣтъ готоваго, чѣмъ смѣшивать въ одномъ имени сказуемаго два различныя понятія. Но Буслаевъ тѣмъ неменѣе считаетъ нужнымъ говорить о „составномъ сказуемомъ“ (§ 123) и не безъ основанія, такъ какъ функція глагола, входящаго въ составное сказуемое, несовпадаетъ съ функціею простаго сказуемаго: „земля есть“ и „земля есть планета“ различны и по формальному значенію своего глагола. Что касается до того, что связкѣ нельзя давать этого имени, потому что она имѣетъ лицо и пр., то именно потому такая связка и называется предикативною въ отличіе отъ атрибутивныхъ и объектив- 140 ныхъ (Steinthal Gr. Log. u. Ps. § 130). 3) „Прошедшее время былъ, была и пр. тѣмъ менѣе можетъ быть названо связкою, что оно есть не что иное, какъ причастіе прошедшее, и само имѣло при себѣ такъ называемую связку во вспомогательномъ глаголѣ: есмь, еси и проч., нынѣ опускаемъ“ (Буслаевъ, Гр. § 123 прим.). Согласно съ этимъ мы должны бы думать, что напр. русск. сверхъ, поль. *podług*, лит. *pa gal* (по, согласно съ...) и т. п. немогутъ быть предлогами, потому что уже заключаютъ въ себѣ предлоги и что вообще этимологическая сложность словъ несовмѣстима съ единствомъ его формальнаго значенія. Конечно, когда былъ въ „былъ ꙗсмь“ представлялось мысли столь же самостоятельнымъ, какъ бѣлъ въ „бѣлъ ꙗсмь“, тогда связкою было не время былъ ꙗсмь въ своей цѣльности, которой тогда и небыло,

а одно ꙗсмы; но когда „быль ꙗсмы“ слилось въ одинъ актъ мысли, когда поэтому въ послѣдствіи глаголь сталъ опускаться, тогда былъ получило возможность быть связкой.

Нѣкоторые считаютъ а priori несомнѣннымъ, что предикативной связкой можетъ быть только глаголь наиболѣе отвлеченнаго содержанія, каковъ такъ называемый глаголь существительный. Поэтому хотя синтактическое сходство между *Kῆρος βασιλεύς ἦν* и *Kῆρος ἐγένετο βασιλεύς* бросается въ глаза, Курціусъ видитъ въ первомъ случаѣ одинъ именной предикатъ, а во второмъ два: одинъ глагольный (глаголь со значеніемъ *ferri, videri, apparere, nominari, vocari, eligi* и т. п.), а другой именной (Gr. Schulgram. § 361, 4, 7). Такой второй „предикатъ“, въ тойже мѣрѣ свойственный и славянскимъ языкамъ, онъ называетъ предикатомъ дополняющимъ (*ergänzendes pr.*, чего недолжно смѣшивать съ нашимъ терминомъ „дополненіе“ въ значеніи грамматическаго объекта) (Curt. ib. § 361, 8). Но синтактическая разница между глаголомъ означающимъ существованіе и всякимъ другимъ среднимъ глаголомъ далеко неестъ аксіома. Выраженія какъ *Kῆρος βασιλεύς ἦν* въ синтактическомъ отношеніи ничѣмъ неотличаются отъ такихъ, какъ *τριῖταιοι ἀπῆλθον*, трехдневные ушли (т. е. на третій день; ср. заимствованное съ греческаго, но согласное съ духомъ древняго славянскаго языка „вѣста тридньевнь“); русск. „быль пьянь“ синтактически равносильно съ „воротился пьянь“, „напился пьянь“. Такое равенство дѣйствительно существовало и его нарушеніе, если оно есть, всегда относительно ново. Для древняго періода индоевропейскихъ языковъ такъ называемые *verba der unvollständigen aussage*, неполнѣ предикативные, т. е. допускающіе или требующіе предикативнаго именительнаго (*manere, nasci* и т. п.) суть не „какъ бы связки“ или „связки въ обширномъ смыслѣ“ (между тѣмъ какъ *esse* связка въ тѣсномъ), а просто связки безъ всякаго ограниченія. Для насъ во всѣхъ этихъ случаяхъ предикатъ состоитъ изъ связки и предикативнаго атрибута.

Различіе въ степени отвлеченности значенія глаголовъ само по себѣ еще невлечетъ за собою синтактическаго различія. Очень отвлеченное значеніе глагола существительнаго и др. под. тѣмъ неменѣе есть значеніе вещественное, мыслимое само по себѣ, хотя въ случаѣ сочетанія глагола съ атрибутомъ подчиняемое значенію этого послѣдняго. Можетъ-ли такое отвлеченное значеніе стать число формальнымъ? Можетъ-ли изъ обширнаго круга глаголовъ сочетаемыхъ съ именительнымъ атрибутомъ выдѣлиться одинъ изъ нѣсколько глаголовъ, неимѣющихъ никакого другого значенія, кромѣ значенія связки? На этотъ вопросъ Гейзе отвѣчаетъ, что *verbum substantivum v. abstractum* „собственно говоря неможетъ стать выраженіемъ чистой связки, потому что въ немъ всегда остается значеніе существованія и отношеніе времени, признаки чуждые чистой копульт“ (Syst. d. Sprachwiss. 395). Это

несправедливо. Время, какъ грамматическая форма, не можетъ мѣшать формальности связки. Понятіе о грамматической связкѣ (ибо логической вовсе нѣтъ), какъ о чемъ-то исключаящемъ отношеніе ко времени, ¹⁴² произвольно, Тогоже мнѣнія, что Гейзе, держится повидимому и Миклошичъ (V. Gr. IV 261—3). Онъ, раздѣливши глаголы по функціи на абстрактные (ѣс-, бы- и ихъ синонимы напр. рус. „день стоялъ сѣрый“, серб. постао рђав човјек), имѣющіе „только формальную функцію связывать подлежащее со сказуемымъ“, и глаголы конкретные, заключающіе въ себѣ предикатъ, прибавляетъ, что изъ приведенныхъ имъ абстрактныхъ только тѣ вполне соответствовали бы своей формальной функціи (ihrer formalen function nur diejenigen vollkommen gerecht wägen), которые совсѣмъ лишились бы функціи служить сказуемымъ, чего нельзя сказать даже объ ас-, (такъ какъ оно во всѣхъ языкахъ выражаетъ также и бытіе: есть деньги и пр.), а тѣмъ болѣе о словахъ для „werden“. Конечно, если подъ глаголомъ ѣс понимать всѣ случаи его употребленія напр. въ современномъ русскомъ, то примѣры, какъ приведенный выше, не позволяютъ признать этотъ глаголь формальнымъ; но абстракція „глаголь ѣс“ заключаетъ въ себѣ болѣе одного глагола. Рядомъ со случаями, гдѣ ѣс- значить „быть на лицо“, „имѣться“, есть и другіе, гдѣ ѣс- совершенно лишено значенія бытія: не только поль. mówić, но и мр. казав ѣси отнюдь не заключаетъ въ себѣ того ѣси, которое значило бы „ты существуешь“, „ты на лицо“, и суть только прошедшія времена несовершеннаго глагола. Вообще нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что глаголь, какъ есть и нѣкоторые другіе, можетъ утратить все свое вещественное значеніе; для грамматики каждаго языка существенно важно знать, точно ли въ немъ есть такіе глаголы и по какимъ признакамъ узнается ихъ присутствіе. Несомнѣнно, что Гейзе ошибается, когда принимаетъ за высшую достигнутую индоевропейскими языками степень отвлеченности связки, то, что она сочетается съ именительнымъ атрибутомъ, и когда считаетъ идеаломъ языковъ небывалую логическую связку. „Какъ трудно достигнуть той степени отвлеченности, какая требуется для пониманія глагола существительнаго, какъ чистой „логической“ связки, показываютъ тѣ языки, между ¹⁴³ прочимъ и индоевропейскіе, которые до такой отвлеченности недоходятъ. Въ славянскихъ языкахъ сказуемое съ извѣстныхъ случаевъ ставится при подлежащемъ не въ именительномъ, какъ того требуетъ свойство грамматическаго отношенія“ (между подлежащимъ и сказуемымъ), „а въ творительномъ“ („ablativus“; но слав. творительный есть не ablativus, а instrumentalis) адвербіальнаго характера. Арабы ставятъ предикатъ постоянно въ объектномъ падежѣ, который собственно есть падежъ адвербіальный. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предикатъ есть нарѣчіе присоединенное къ существительному глаголу“ (Heuse, ib.). Незнаю, какъ Арабы, но вѣрно, что Славяне не дошли до той

степеней отвлеченности, которая сказывается в возможности только таких оборотов как „N est rex“, „fuit rex“ и проч., а оставили ее за собою. Славянские языки и латышско-литовский отъ величайшаго сходства в разсматриваемомъ отношеніи съ греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, перешли къ своеобразнымъ оборотамъ, о возможномъ значеніи коихъ для образованія связки, какъ чисто-формального слова, синтаксически отличнаго отъ другихъ глаголовъ, подробнѣе скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

Слѣдуетъ отличать составное сказуемое, въ коемъ имя можетъ имѣть свои опредѣленія и дополненія, неотносящіяся къ связкѣ, отъ описательнаго времени, которое, несмотря на свою сложность, болѣе замѣтную, чѣмъ сложность напр. аориста на -хъ, есть одинъ глаголь и сказуемое простое. Такое различеніе станетъ невозможнымъ, если вмѣстѣ съ Востоковымъ составное сказуемое назовемъ составнымъ глаголомъ (Русск. Гр. § 105), такъ какъ тогда „былъ царь“ въ „Петръ былъ царь“ будетъ такой-же единый въ себѣ глаголь, какъ и „царствовалъ“. Терминъ Востокова ошибоченъ. Извѣстный глаголь можетъ предполагать существительное или прилагательное, образоваться отъ нихъ, но не можетъ заключать ихъ въ себѣ въ качествѣ самостоятельныхъ словъ, имѣющихъ свои опредѣленія и дополненія. Въ составное сказуемое могутъ входить какъ причастія, такъ и существительное и прилагательное; въ описательное время—только причастныя формы, занимающія середину между глаголомъ и именемъ. Глаголь въ составномъ сказуемомъ можетъ быть какъ словомъ чисто-формальнымъ, такъ и вещественнымъ; въ описательномъ времени онъ можетъ быть только формальнымъ, и если этого нѣтъ, если напр. въ древне-русск. „хочеть быти“ глаголь означаетъ хотѣніе, а не одно отношеніе къ лицу и будущему времени (будеть), то нѣтъ и описательнаго времени. Всякое изъ описательныхъ временъ возникаетъ изъ составнаго сказуемаго. Обратный переходъ невозможенъ, какъ нротиворѣчіе общему стремленію языка, по которому напр. падежъ съ предлогомъ можетъ превратиться въ нарѣчіе, но нарѣчіе не можетъ распасться на падежъ и предлогъ. Поэтому, видя напр. что въ польск. сочетаніе „była przeznaczona“ измѣняется въ „była przeznaczona“ съ творительнымъ, который не входитъ въ составъ сказуемаго, мы должны думать что и „była przeznaczona“ всегда было лишь составнымъ сказуемымъ; несмотря на то, что мы привыкли такой страдательный оборотъ считать за одинъ глаголь. Если-бы онъ былъ описательное время, то не могъ бы распасться. По подобнымъ соображеніямъ придется многое исключить изъ обычнаго понятія объ описательномъ времени въ русскомъ языкѣ. Такъ у Буслая „бывалъ хранимъ, осужденъ (Гр. § 89 Б. 2), бывало говорю, говорилъ“ (ib. § 188, 3) суть описательныя времена; но ихъ нельзя считать такими, потому что бывалъ неестъ глаголь формальный.

Неостанавливаясь на этомъ, замѣчу, что въ соотвѣтствіе терминамъ „составное сказуемое“ и „предикативная связка“ слѣдуетъ принять и термины „составное приложіе (N, милосръдъ сн,...)“ и „аппозитивная связка“ (сн и пр.).

8. Грамматическій объектъ (дополненіе) сходенъ съ субъектомъ въ томъ, что тѣмъ и другимъ стремится быть лишь существительное, или другая часть рѣчи, употребленная substantive. Разница между ними та, что субъектъ есть несогласуемый ни съ чѣмъ именительный или звательный падежъ, а объектъ—несогласуемый ни съ чѣмъ косвенный падежъ. Это отсутствіе согласованія въ объектѣ служитъ указаніемъ на то, что онъ означаетъ предметъ внѣшній по отношенію къ субъекту и другимъ объектамъ предложенія. Такое опредѣленіе объекта многимъ шире того, какое находимъ у Буслаева. Оно обнимаетъ между прочимъ какъ падежи, присоединяемые къ именамъ (родительный и дательный принадлежности и пр.), ¹⁾ относимые къ опредѣленію (аттребуту), такъ и обозначенія мѣста, времени, образа дѣйствія, причины, представляемые грамматическими предметами. У Востокова можно позаимствовать названіе дополненія другимъ предметомъ (Русск. грам. § 107. II) т. е. другимъ, кромѣ подлежащаго; но нельзя съ нимъ согласиться въ томъ, что дополненіе есть всегда членъ управляемый. Чтобы понятіе управленія нерасползлось въ туманъ, слѣдуетъ понимать подъ нимъ только такіе случаи, когда падежъ дополненія опредѣляется формальнымъ значеніемъ дополняемаго (напр. винительный прямого объекта при дѣйствительномъ глаголѣ, падежъ съ предлогомъ при предложномъ глаголѣ, какъ „надѣяться на Бога“). Если же дополняемое само по себѣ не указываетъ на падежъ дополненія, то объ управленіи не можетъ быть и рѣчи. Другими словами, связь между дополняемымъ и дополненіемъ можетъ быть тѣснѣйшая и болѣе отдаленная. Такимъ образомъ второстепенныхъ членовъ предложенія нельзя подвести подъ рубрики согласованія, управленія и отсутствія того и другого, ибо несогласуемыми и неуправляемыми могутъ быть и дополненія.

9. Составное дополненіе. Разсматривая предложеніе съ составнымъ сказуемымъ и вида, что не всякій глаголъ можетъ быть связкою въ такомъ сказуемомъ, спрашиваемъ, какъ поступаетъ языкъ въ тѣхъ случаяхъ, когда составное сказуемое невозможно? Руководится ли онъ тѣмъ же началомъ, которое выразилось въ согласованіи атрибута въ сказуемомъ съ субъектомъ? Прибѣгаетъ ли онъ къ аналогичнымъ средствамъ и при измѣненныхъ условіяхъ? Предположимъ что да, т. е. что языкъ во всѣхъ случаяхъ старается подобными же средствами удерживать существенное въ отношеніяхъ субъекта и предикативнаго

¹⁾ „Домъ отца“. Развѣ здѣсь отецъ представляется второстепенною субстанціею по отношенію къ дому, какъ въ настоящемъ приложіи? Развѣ это все равно что „отцовскій домъ“?

аттрибута. Если вслѣдствіе измѣненія рода глагола субъектъ станетъ прямымъ объектомъ при дѣйствительномъ глаголѣ, или же родительнымъ при такомъ же глаголѣ съ отрицаніемъ, или дательнымъ, то что станется съ бывшимъ предикативнымъ атрибутомъ? Такъ какъ стремленіе языка, по предположенію, состоитъ въ сохраненіи самостоятельности предикативнаго атрибута по отношенію къ бывшему подлежащему, и такъ какъ никакихъ новыхъ средствъ для этого недано, то предикативный атрибутъ долженъ будетъ попрежнему согласоваться въ падежѣ, только не съ подлежащимъ, а съ дополненіемъ. За примѣрами удобнѣе обратиться не къ современному русск. языку, а къ другимъ. Извѣстно соотвѣтствіе между оборотами, какъ „*Kῆρος ἐγένετο βασιλεύς*“, *Cyrus rex factus est* и такими какъ „*οἱ Πέρσαι τὸν Κῆρον εἰλοντο βασιλέα*“, „*Persae Cyrum regem eligerunt*“. Литовскому: *to dėl ir asz pats turaus newerts esąs pas taų ateiti*, Лук. 7. 7, ближайшимъ образомъ соотвѣтствовало бы ст.-славян. „ни азъ сѣтворихъ сѧ достоинъ снъ приити къ тебѣ“, но обычнѣе безъ сн: „ни азъ сѣтворихъ сѧ достоинъ приити“, гдѣ достоинъ согласуется съ подлежащимъ, а сѧ не есть дополненіе, такъ какъ чувствуется не какъ винительный, а какъ знакъ субъективности глагола. Вмѣсто этого находимъ въ Остр. ев. „ни себе (ближайшій объектъ) достойна (согласуемый съ нимъ атрибутъ) сѣтворихъ“ (*ne se ipsum quidem sum dignum arbitratum, qui venirem ad te*). Подобнымъ образомъ оборотамъ съ составнымъ сказуемымъ „глаголемъ сѧ раби“ (называемся рабами) и съ двумя винительными „глаголь-жъ внъ раби“ (васъ рабами) соотвѣтствуетъ оборотъ съ двумя родительными „уже неглаголь-жъ васъ рабѣ“, Остр. ев. Іоан. 15, 15. Съ нѣкоторыми особенностями, о которыхъ рѣчь въ слѣдующей статьѣ, вторымъ падежемъ, соотвѣтствующимъ предикативному атрибуту, бываетъ и дательный.

Два остальные косвенные падежа, именно творительный и мѣстный, въ такихъ отношеніяхъ небываютъ, что зависитъ отъ особенностей ихъ значенія, въ изслѣдованіе коихъ здѣсь можно не вдаваться. Т. о. косвенные падежи дѣлятся на входящіе въ составъ составнаго дополненія и невходящіе въ него.

Языкъ, въ коемъ при составномъ сказуемомъ есть и остальные вышеприведенные обороты, остается вѣренъ во всѣхъ этихъ случаяхъ одному началу согласованія. Само собою, что не можетъ быть названо непослѣдовательностью то, когда языкъ, не зная, подобно греческому и латинскому, родительнаго при глаголѣ съ отрицаніемъ, неимѣетъ и оборотовъ какъ „неглаголь-жъ васъ рабѣ“. Но слѣдуетъ считать измѣненіемъ принципа то, когда языкъ, подобно современному русскому, сохраняя въ однихъ случаяхъ составное сказуемое, въ другихъ, которые мы выше нашли сходными, не находитъ этого сходства и обращается къ инымъ средствамъ: „не считаю васъ рабами“ и т. п.

Простое опредѣленіе подлежащаго или приложеніе къ нему отличено отъ атрибута, входящаго въ составъ сказуемаго. „Царь (опредѣленіе) Кирь избранъ бысть...“ или Кирь, царь Персьскъ (приложеніе), избранъ бысть“... вовсе не то что „Кирь избранъ бысть царь“. Или въ современномъ русскомъ: „босая (опред.) дѣвица вышла на морозъ“, в. „дѣвица, босая (приложеніе), ¹⁾ вышла на морозъ“ не то что „дѣвица вышла босая (аттриб. въ сказ.) на морозъ“. Опредѣленіе и приложеніе означаютъ признаки, уже данные въ опредѣляемомъ прежде, чѣмъ возникаетъ дѣйствіе; атрибутъ въ сказуемомъ есть признакъ ¹⁴⁸ возникающій вмѣстѣ съ дѣйствіемъ, или посредствомъ его. Подобная разница существуетъ между простымъ дополненіемъ, имѣющимъ опредѣленія и приложенія („избрашъ царя Кира“, избрашъ Кира, царя Персьска“) и составнымъ дополненіемъ: „избрашъ Кира царя“. Въ первомъ случаѣ Кирь представляется уже царемъ въ то время, когда его избрали; во-второмъ онъ только тогда и становится царемъ, когда его избрали.

Выше мы назвали именительный въ сказуемомъ предикативнымъ, т. е. входящимъ въ составъ грамматическаго предиката; но приложить этого названія ко второму падежу составнаго дополненія нельзя, такъ какъ это дополненіе вовсе не заключаетъ въ себѣ сказуемаго. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ Курціусомъ, который, назвавши именительный въ сказуемомъ—именнымъ предикатомъ, второй винительный въ „*Πέρι τὸν Κύρον εἶλοντο βασιλέα*“ зоветъ „зависимымъ предикатомъ“ (Gr. Schulgr. § 361, 10). Кажется наиболѣе удобнымъ выразить сходство между предикативнымъ атрибутомъ и соотвѣтственными ему косвенными падежами, назвавши ихъ всѣ, въ отличіе отъ подлежащаго и ближайшаго дополненія съ ихъ опредѣленіями и приложеніями, вторыми атрибутивными, или согласуемыми падежами простого предложенія. Подлежащее съ своими опредѣленіями, а равно и ближайшіе объекты съ своими, будутъ, при этомъ считаться первыми; они несогласуемы, при томъ, кромѣ случаевъ инверсіи, они занимаютъ первое мѣсто въ порядкѣ словъ.

Указанныя выше выраженія не даютъ основанія говорить о такъ называемыхъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ. Вообще этотъ терминъ неудобенъ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ ошибоч- ¹⁴⁹ ной теоріи, что если логическому сужденію соотвѣтствуетъ не предложеніе, а членъ предложенія, то это произошло лишь вслѣдствіе нѣкотораго помраченія закона (сужденіе = предложеніе), который нѣкогда

¹⁾ Это есть приложеніе, appositio, и какъ приложеніе, это прилагательное заключаетъ въ зародышѣ отношенія противительное и уступительное: „N, босая, а вышла“, в. „хотя босая, но вышла“. Ничего подобнаго нѣтъ въ собственномъ опредѣленіи „босая дѣвица вышла“. Различіе между опредѣленіемъ и приложеніемъ обозначается несколько порядкомъ словъ, сколько тономъ.

господствовать во всей силѣ. Одно изъ двухъ: или извѣстный отрывокъ рѣчи есть предложеніе, и тогда онъ заключаетъ въ себѣ личный глаголъ, хотя бы и опущенный, или онъ неестъ предложеніе, а только его часть. Части простыхъ предложений, именно дополненія, напр. въ „налѣзоша и жива“, „увѣдаша князя идуча“ не-суть ни предложенія, ни сокращенія чего либо, при томъ въ равной мѣрѣ. Доля правды, заключенная въ терминѣ „сокращенное предложеніе“, состоитъ лишь въ томъ, что если принять *vb. finitum* = сказуемое за единицу для измѣренія предикативности, то окажется, что одни члены простого предложенія болѣе приближаются къ этой единицѣ, другіе менѣе. Такъ причастіе ближе къ глаголу, чѣмъ существительное и прилагательное; но эта близость непростирается до тождества съ личнымъ глаголомъ. Если бы оказалось, что позднѣйшій языкъ замѣняетъ первое изъ приведенныхъ выражений однимъ предложеніемъ („нашли его живымъ“ или „въ живыхъ“), а второе двумя („узнали, что онъ идетъ“), то этого свойства позднѣйшаго языка никакъ послѣдовало бы приписывать языку предшествующему. Сами по себѣ приведенные вторые падежи равносильны во всемъ, кромѣ того, что причастію свойственны видъ (если онъ есть въ языкѣ) и время. Причастія невозникли изъ придаточнаго предложенія, въ родѣ „увѣдаша оже (яко, анъ) идетъ“. Они не предполагаютъ союзовъ, напротивъ, въ позднѣйшихъ языкахъ они вытѣсняются придаточными предложеніями, присоединенными къ главнымъ посредствомъ союзовъ и мѣстоименій относительныхъ. употребле- ніе причастія, а равно и второго падежа вообще можетъ разсматриваться какъ объединеніе и сосредоточеніе мысли лишь по отношенію къ 150 тому незапамятному времени, когда небыло ни причастій, ни союзовъ съ относительными мѣстоименіями, ни придаточныхъ предложений, когда было возможно лишь построеніе рѣчи изъ предложений, неимѣющихъ между собою никакой формальной связи: „налѣзоша, живъ ѣсть“, „увѣдаша, идетъ“, „народъ же стоа и слышавъ, глаголаахѣ, громъ бысть“, Остр. Ев. Иоан. 12. 20 (въ греческомъ, лат. и готскомъ здѣсь винительный съ неопредѣленнымъ: *ἐλεγε βοοντήν γερονέναι*). Подобное построеніе въ извѣстной мѣрѣ, какъ одно изъ многихъ средствъ языка, употребительно и въ позднѣйшее время; „...понеже бо и виждѣ, уже изобаль ѣсть въдро сочива“ (XIV в. Срезневскій, Пам. юсов. пис. 221). Здѣсь связью между предложеніями служитъ только то, что дополненіе перваго означаетъ одно лицо съ подлежащимъ второго. Этотъ оборотъ стоитъ посрединѣ между совершенно безсвязнымъ „виждѣ, уже изобаль ѣсть“ и связными: „виждѣ и изобавъше (изобавъша)“ и „виждѣ, яко изобаль ѣсть“. Два послѣдніе въ равной мѣрѣ могли бы назваться сокращеніями развѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложеніе, состоящее изъ двухъ оформленныхъ словъ, есть объединеніе рѣчи, состоящей изъ словъ, еще неимѣющихъ грамматической формы.

10. Второстепенныя связки. Общимъ свойствомъ вторыхъ падежей въ простомъ предложеніи кажется то, что въ нихъ, особенно въ косвенныхъ, средства языка какбы скудны сравнительно съ его требованіями. При отсутствіи обязательнаго порядка словъ, одно и тоже согласованіе должно дать и простыя опредѣленія, и приложенія, и вторые падежи.

Тоже сходство между этими членами остается и въ слѣдующемъ случаѣ: имя, служащее приложеніемъ, присоединяется къ опредѣляемому не прямо, какъ выше сказано, а посредствомъ причастія: „Каиафа, архиѳрей сн лѣту тому“, О. Ев. Іоан. 11. 49. Такой составной атрибутъ, заключающій въ себѣ атрибутивную связку, можетъ войти и въ сказуемое: лит. „kursai isz tū trijū regisi (3-е л. ед. отъ regėti-s, видѣться, въ смыслѣ казаться) artimas buwęs,“ Лук. 10, 36, что въ ст.-слав. было-бы „кто убо отъ тѣхъ трии мьнить ти са сн ближнии“. Та-¹⁵¹кимъ составнымъ можетъ быть и второй косвенный падежъ: литов. *ka sako žmonės žmogus sunų esantį*, Матѳ. 16. 13, что по ст.-слав. было бы: „кого глаголютъ (людиѳ) сына чловѣчьска снща (сынъ чловѣчьскъ снще)“.

Болѣе явственное разграниченіе собственныхъ атрибутовъ и вторыхъ падежей обнаруживается при употребленіи неопредѣленнаго наклоненія въ качествѣ связи предикативнаго атрибута и вообще второго падежа. Неопредѣленное наклоненіе неможетъ быть ни простымъ опредѣленіемъ, ни связкою опредѣленія составнаго. Сколько извѣстно, никогда небыли возможны выраженія какъ „зеленѣтъ дерево“ (зеленѣющее, зеленое), „Каиафа, быть архиерей“, и въ этомъ одно изъ отличій неопредѣленнаго накл. отъ имени со включеніемъ причастія. Но неопредѣленное бываетъ связкою втораго падежа: „кто... ближнии (предик. атрибутъ) мьнить ти са бѣти (связка предикативнаго атрибута)“, Остр. Ев. Лук. 10, 36; „кого (2-й винительный) глаголютъ ма (1-й винительн.) бѣти (связка 2-го винительнаго)“ Остр. ев. Матѳ. 16, 13.

11. обстоятельство. Какъ личный глаголь есть тѣмъ самымъ сказуемое или предикативная связка; какъ имя въ прямомъ падежѣ, несогласуемое съ другимъ, есть подлежащее, имя въ косвенномъ падежѣ, несогласуемое съ другимъ, есть дополненіе, а согласуемое имя въ любомъ падежѣ есть опредѣленіе или часть сказуемаго: такъ и обстоятельству присвоена особая форма, нарѣчіе. Выше было упомянуто, что включеніе грамматическихъ объектовъ въ понятіе обстоятельства неможетъ быть оправдано. Подъ обстоятельствомъ, или нарѣчіемъ, разумѣемъ признакъ (стало быть знаменательную часть рѣчи), связуемый съ другимъ признакомъ даннымъ или возникающимъ и лишь чрезъ его посредство относимый къ предмету (субъекту, объекту), а самъ по себѣ неимѣющій съ нимъ никакой связи. Въ этомъ опредѣленіи заключено, во-первыхъ, то, что ни существительное, ни прилагательное, ни глаголь ¹⁵²

немогутъ быть обстоятельствомъ; ибо въ существительномъ признакъ мыслится въ извѣстной субстанціи, а въ прилагательномъ и глаголѣ, разсматриваемыхъ независимо отъ подлежащаго и опредѣляемаго, въ неизвѣстной, что и выражается ихъ согласованьемъ. Нарѣчіе при прилагательномъ неестъ только атрибутъ атрибута, потому что такую роль въ древнемъ языкѣ можетъ играть и другое прилагательное, согласуемое съ своимъ ближайшимъ опредѣляемымъ, и вмѣстѣ съ нимъ согласуемое съ субъектомъ, напр. „пишу грамоту душевную въ своемъ смыслѣ, добръ здоровъ“ (1406 г. Собр. Г. Гр. и Дог., 1, № 39), т. е. не добръ и здоровъ, а совершенно здоровый; „взвратишася в-своя-си добри здорови“ (Лавр. 192); бѣ же Ростиславъ мужъ добль ратенъ (Ип. и др.—добръ на рать), върастомъ же дѣпль Лавр. 72. Согласно съ этимъ нарѣчіе при прилагательномъ можетъ быть названо лишь несогласуемымъ атрибутомъ атрибута. Во-вторыхъ, существительное не можетъ имѣть при себѣ обстоятельства, т. е. выраженія какъ „бѣло снѣгъ“ въ нынѣшнемъ языкѣ грамматически невозможны. Это впрочемъ вполне примѣнимо только къ языку, въ коемъ установилось строгое различіе между существительнымъ и прилагательнымъ. Чѣмъ ближе существительное къ прилагательному, тѣмъ возможнѣе приложение къ нему нарѣчія. Изрѣдка это встрѣчается въ древне-русскомъ: „Меодій же посади 2 попа скорописца зѣло“ (Лавр. л. 11, Ип. скорописца вельми); „радовашеся Ярославъ видя множество церквей и люди хрестьяны зѣло“ (ib 66); „научися, вѣрный челоувѣче, быти благочестно дѣлатель“ (Лавр. 101)¹⁾; дружинѣ несвѣдущимъ поѣзда князя своего бороздо, Ип. ² 330. Изрѣдка и въ болѣе новомъ языкѣ, напр. мр. (худоба розійнлася:) то на ліки пішло, то брали добрі люде за якусь колись-то позичку, Квитка; ср. поѣздка туда и обратно, нѣм. die fahrt hierher. Ср. литов. *gaspadinė labai darbininkė budama...* Schleich. Leseb. 201, т. т. хозяйка, будучи очень работница (очень работающая). Отлично отъ этого древ. греч. *οἱ ὄντι ἀνθρώποι*.

Такъ какъ при неопредѣленномъ наклоненіи обстоятельство можетъ находиться („мытъ бѣло“) и такъ какъ, какъ сказано выше, неопредѣленное наклоненіе не можетъ быть атрибутомъ; то ясно, что эта форма неестъ ни имя, ни въ частности существительное, а особая часть рѣчи, о чемъ см. слѣдующую статью.

- 153 Нарѣчія, по происхожденію, могутъ быть отнесены къ двумъ разрядамъ: 1) отъименныя, со включеніемъ отъѣстоименныхъ, объяснимыя изъ простаго предложенія и 2) образованныя изъ сказуемыхъ, предполагающія сочетаніе предложеній. Послѣднія, какъ „чуть живъ“, мр. „мабутъ“, зап. мр. „вѣдай“ и т. п. оставляю въ сторонѣ, такъ какъ

¹⁾ Это ошибка, по б. м. знаменательная. Въ древнемъ поученіи, изъ коего это взято: „научиса... быти благоч(ѣ)стью (дат.) дѣлатель“, Прологъ XIII в. Срезн. Др. пам. рус. писма 233.

говору здѣсь о простомъ предложеніи. Первыя дѣлятся на а) происшедшія отъ согласуемыхъ частей предложенія, между прочимъ отъ опредѣлений въ именительномъ и б) происшедшія отъ дополненій,

а) Въ нашихъ дѣепричастіяхъ нарѣчіе образуется изъ причастія посредствомъ замѣны различныхъ формъ одною формою именительнаго единственнаго мужескаго (дѣлая, сдѣлавъ), или женскаго рода (сдѣлавши). Нѣкоторая часть дѣепричастій, небудучи именительными падежами, что было бы несогласимо съ понятіемъ нарѣчія, непосредственно примыкаетъ къ этимъ падежамъ. Въ такъ называемыхъ нашихъ прилагательныхъ сравнительной степени (бѣлѣе), которыя въ дѣйствительности суть нарѣчія, неподвижною стала форма общая именительному и винительному един. средняго рода. О нарѣчіяхъ, какъ много, мало, происшедшихъ отъ положительной степени прилагательныхъ и имѣющихъ форму именительнаго-винительнаго ед. ср. рода и столь же свойственныхъ славянскому языку, какъ и санскритскому, греческому, латинскому, Боппъ думаетъ, что форма ихъ есть не именительный, а винительный, только потому, что „всякій косвенный падежъ болѣе годится для обозначенія адвербіальнаго отношенія, чѣмъ именительный“ (V. Gr. § 989). Такъ и Буслаевъ (Гр. § 73, 3) и Микл. V. Gr. IV 393—4. Можетъ показаться напраснымъ спрашивать, предполагаетъ-ли, напр. „мало“ именительный или винительный, такъ какъ въ среднемъ родѣ нѣтъ различія между этими падежами; однако Боппъ несчелъ этого вопроса излишнимъ и не безъ основанія, ибо дѣло въ томъ, каковъ былъ бы ближайшій оборотъ къ мало, въ случаѣ различенія именительнаго и винительнаго. Другая форма этого вопроса такая: должно ли опредѣлительное или входящее въ предикатъ прилагательное стать 154 сначала дополненіемъ, быть употреблено въ косвенномъ падежѣ и substantive, чтобъ затѣмъ перейти въ нарѣчіе? Миклошичъ для подтвержденія аккузативности нарѣчій отъ прилагательнаго средняго рода ссылается на обороты какъ *χαράν μεγάλην χαίρειν* и *duram servitutum servire* (V. Gr. IV 158), стало быть на такъ называемый внутренней объектъ. Конечно, это возможно, но какъ общее положеніе врядъ-ли вѣрно. Никакого слѣда объективности немогу усмотрѣть въ „спѣтъ бѣлѣе бумаги“, „право судиль ꙗси“. Напротивъ, можно думать, что и въ послѣднемъ случаѣ право ближайшимъ образомъ произошло изъ существительнаго (какъ бы судиль еси правоꙗ), а примыкаетъ къ именительному атрибута въ „правъ судиль ꙗси“, при чемъ переходъ прилагательнаго въ средній родъ можетъ быть неболѣе, какъ средствомъ устранить согласованіе, а не субстантивировать прилагательное. И безъ перехода въ средній родъ можетъ образоваться нарѣчіе отъ именительнаго, какъ показываетъ, кромѣ нашихъ дѣепричастій, литовскій языкъ, гдѣ нарѣчіе можетъ застыть въ именительномъ един. м. рода: „*gods porim*“, букв. „радъ хотимъ“ т. е. мы бы ради, тогда какъ первоначаль-

чально прилагательное здѣсь измѣняется по родамъ и числамъ; „*gods padarysiu*“, радъ сдѣлаю, „*goda padarysiu*“, рада сдѣлаю. Согласно съ этимъ, хотя и нельзя сомнѣваться, что нарѣчія какъ, такъ, мр. якъ, гаразд и т. п. суть во многихъ случаяхъ сокращенія формъ како, тако, яко, гораздо; но съ другой стороны нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что въ этихъ нарѣчіяхъ не уцѣлѣли въ другихъ случаяхъ именительные един. муж. рода. Вовсе не непременно нарѣчіе въ мр. „негаразд ти робиш“ есть сокращеніе изъ гораздо; такъ въ слѣдующемъ „на себя что купить, то проториться, а ты, удалъ молодець, и такъ (нагой, босой) живешь“ (о Горѣ Злочастьи, Пам. и обр. 278) можетъ быть прямо отъ такого употребленія этого слова, какъ въ слѣдующемъ:

155 „Володимеръ бо такъ (т. е. такой) бѣше любезнивь: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ“ (Лавр. л. 112). Допустивши, что въ нарѣчіи, какъ мало, тако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ заключаться не винительный, а именительный, мы не будемъ имѣть надобности вмѣстѣ съ Миклошичемъ полагать, что „нарѣчіе несовмѣстимо съ глаголомъ существительнымъ“ т. е. что всякій разъ, когда нарѣчіе стоитъ при *ѣсть* и т. п. напр. въ хоруг. „*oj tiho bōdi ljubī moj*“, въ такъ называемомъ существительномъ глаголѣ мы должны видѣть другой глаголъ напр. *verhalte dich ruhig* (V. Gr. IV, 159). Будетъ ли *ѣсть*, буди и пр. имѣть болѣе конкретное, или болѣе отвлеченное значеніе, по залогу оно остается неизмѣннымъ.

б) Какъ нарѣчіе, образуемое отъ согласуемыхъ словъ, вмѣстѣ съ падежемъ терять и согласованіе, такъ въ нарѣчіи отъ дополнительныхъ существенная черта—потеря субстанціальности. Разница между такимъ нарѣчіемъ и дополненіемъ можетъ вовсе невыражаться внѣшнимъ образомъ и состоять лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ слово есть существительное или употреблено существительно, а въ другомъ уже чувствуется не какъ другой предметъ, а какъ признакъ признака. „За утра“ можетъ быть, смотря по пониманію говорящаго, дополненіемъ и существительнымъ или обстоятельствомъ и нарѣчіемъ, и только завтра, въ коемъ видимо разорвана связь съ склоненіемъ „утро“, „утра“... принимается не иначе, какъ за нарѣчіе (см. Mikl. V. Gr. IV, 151—2). Было бы ошибочно думать, что нарѣчія, управляющія падежами, напр. „ходить край воды“, противорѣчатъ вышенприведенному опредѣленію нарѣчія, какъ слова, неимѣющаго опредѣленной связи съ объектомъ. Въ такихъ случаяхъ падежъ объекта (воды) есть дополненіе не одного слова край, какъ было бы, еслибы это слово было существительнымъ, а дополненіе сочетанія глагола съ нарѣчіемъ „ходить край“.

Позднѣйшія, этимологически ясныя и при томъ безпредложныя нарѣчія служатъ основаніемъ для заключенія о болѣе древнихъ. Послѣд-
156 нія тоже могутъ предполагать дополненія и заключать въ себѣ надежныя окончанія, хотя не всегда тѣже самыя, какія сохранились въ имен-

ныхъ и мѣстоименныхъ слюненіяхъ позднѣйшаго языка. Большинство этихъ древнѣйшихъ нарѣчій—мѣстоименны. Хотя возможно, что уже въ ихъ образованіи участвовали существительныя отъ качественныхъ корней, но мнѣнія, подобныя Боппову, что *dā* въ санскритскомъ *kadā* (=славян. гда въ когда, которое дважды заключаетъ въ себѣ мѣстоименное *ka*) образовалось изъ творительнаго *dīvā* (днемъ) остаются догадками.

12. Предлогъ—связка объекта. Когда дополненіе, имѣющее свое дополненіе, терять значеніе объекта и переходитъ въ нарѣчіе (напр. *копикъ приломити конецъ поля Половецъ(ь)каго*, Сл. о пол. Иг.; *Ружа к'рѣт си чини срешта слънце*“ (крестится противъ солнца, на востокъ) *Верк. Н. п. Мак. Буг. 178*; серб. *пуг онога места=къ, по направ. (Буслаевъ Гр, § 249, пр. 4 Mikl. Gr. IV 253—7)*, то тѣмъ самымъ оно становится связкою, соединяющею свое прежнее дополненіе съ дополняемымъ. Наиболѣе употребительное и, какъ кажется, болѣе древнее дополненіе существительнаго есть родительный. Этимъ объясняется, почему у насъ рѣшительное большинство, а въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ греческій, всѣ нарѣчія, допускающія сочетанія съ падежемъ, сочетаются именно съ родительнымъ. Понятно, что нарѣчіе, въ извѣстныхъ случаяхъ являющееся связкой (ходить около чего), въ другихъ случаяхъ можетъ обходиться безъ слѣдующаго за нимъ падежа (Буслаевъ, Гр. § 249), подобно тому, какъ глаголь, бывающій предикативной связкой, можетъ быть и самостоятельнымъ сказуемымъ. Въ обоихъ случаяхъ языкъ можетъ стремиться къ созданію такихъ связокъ, которыя бы неимѣли никакихъ другихъ функций. На нашихъ глазахъ нѣкоторыя нарѣчія теряютъ способность употребляться безъ слѣдующаго за ними падежа, напр. *межь, между*. Это всегда служитъ признакомъ совершившагося въ нихъ внутренняго измѣненія, именно потери вещественнаго значенія, того, что они стали чистыми связками объекта, предлогами. Переносъ въ древность стремленіе языка, замѣчаемое въ относительно близкія къ намъ времена, можно думать, что и древнѣйшіе предлоги, извѣстные намъ только въ формальномъ значеніи объективныхъ связокъ, произошли не иначе, какъ отъ древнѣйшихъ же, то есть мѣстоименныхъ нарѣчій. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ предлоговъ еще довольно явственны падежныя окончанія, напр. въ *отъ*=санскритскому нарѣчію *a-tas*, оттуда, коего суффиксъ имѣетъ значеніе суффикса *ablativi*, какъ и въ санскр. *сварга-tas*, латинск. *coeli-tus*, съ неба (Ворр. V. Gr. § 421, 1001). Въ пути отъ знаменательности нарѣчія къ формальности предлога не бываетъ скачковъ и перерывовъ. Высшая степень формальности предлога обнаруживается въ томъ, что онъ перестаетъ чувствоваться, какъ отдѣльное слово, и становится префиксомъ (рѣже суффиксомъ) падежа и префиксомъ глагола. Но сначала и ставясь передъ глаголомъ нарѣчіе-предлогъ разсматривается какъ

амостоятельное слово и можетъ отдѣляться отъ глагола другими словами. Такъ было въ гомеровскомъ языкѣ, такъ до сихъ поръ въ литовскомъ, въ коемъ возвратномъ si (-ся) можетъ помѣщаться между предлогомъ и глаголомъ. Сначала пере и об (объ, оби) въ переходить, обходить, по своей грамматической функціи, совершенно сходны съ ходить черезъ, ходить около.

13. Этимъ закончимъ обзоръ формъ, составляющихъ простое предложіе.

Первоначально простыя предложія слѣдуютъ другъ за другомъ такъ, что формальныя отношенія между ними вовсе не сознаются и не обозначаются. Ряды ихъ подобны рисунку безъ перспективы. Связь между ними устанавливается посредствомъ мѣстоименій относительныхъ и союзовъ, разсмотрѣніе коихъ относится къ ученію о сложномъ предложеніи.

II.

Составные члены предложѣнія и ихъ замѣны ¹⁾).

Предварительныя опредѣленія понятія о составномъ членѣ предложѣнія были изложены въ предыдущей статьѣ (Введеніе. X, § 6—10).

Прежде созданное въ языкѣ двояко служить основаніемъ новому: частью оно перестраивается за-ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе-менѣе пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Признавая эту пестроту поверхности языка, напр. то, что обороты „N былъ купецъ“ и „N былъ купцомъ“, стоящіе рядомъ въ нынѣшнемъ языкѣ, неодновременны по происхожденію и неоднородны, но построены по различнымъ планамъ; старался сколько-нибудь опредѣлить пропорціи, въ какихъ на обращенной къ намъ поверхности языка смѣшаны разнохарактерныя явленія: вмѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ необходимости выяснитъ ихъ характеръ, поставивши ихъ въ ряды другихъ, съ ними однородныхъ. Такова задача этой статьи относительно явленій, названныхъ въ заглавіи. Явленія эти принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ. Древнѣйшее изъ нихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ вторыхъ именительныхъ падежей, частью входящихъ въ составъ главнаго сказуемаго, частью выдѣлвшихся изъ него въ болѣе самостоятельныя части предложѣнія, и изъ вторыхъ, такъ называемыхъ, предикативныхъ, косвенныхъ падежей: винительнаго, родительнаго, дательнаго. Наслоеніе это оказывается, за немногими исключеніями, общимъ славянскому языку съ другими древними индоевропейскими. Общая его черта есть недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и такое господство въ предложѣніи началъ согласованія, при которомъ члены предложѣнія, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ, слишкомъ однородны. Ср. напр. „избъраша Кира царя“ съ нынѣшнимъ „выбрали Кира царемъ“ и т. п.

¹⁾ 1-е изданіе—Харьк. 1874, VI+540+III. Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

Во второмъ, болѣе позднемъ наслоеніи, отчасти уже покрывшемъ собою первое, мы находимъ: сліяніе составнаго сказуемаго въ цѣльное; усилія, отчасти успѣшныя, образовать чисто формальные глаголы; разложенія составнаго сказуемаго на сказуемое съ придаточнымъ предложеніемъ; замѣны вторыхъ сказуемыхъ падежей частью—несклоняемыми словами сравнительно поздняго образованія (нарѣчіемъ—прилагательнаго, дѣе-причастіемъ—причастія), частью падежами съ предлогомъ, частью творительнымъ. Сюда же принадлежатъ нѣкоторые измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи. Явленія эти при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифференцированію членовъ предложенія. Языкъ, къ которому они принадлежатъ, по своеобразности и грамматическому совершенству, стоитъ выше того, къ которому относятся составные члены предложенія.

Составное сказуемое и составное приложеніе.

Можно насчитать извѣстное количество глаголовъ, входящихъ въ ст.-сл. и другихъ слав. нарѣчіяхъ въ сочетаніе со вторымъ именительнымъ, и такимъ образомъ отдѣлить эти глаголы отъ остальныхъ. Въ древнемъ языкѣ это, кромѣ формъ съ *ѣс-* и *бы-*, *бѣде-*,—глаголы, какъ *мнѣтиса*, *творитиса*, *повѣдатиса*, *явитиса*, *довѣлѣти*, *сѣжалитиса*, *убоятиса*, *коньчати*, *прѣбыти*, *прѣстати*, *стати* и *стояти*, *сѣсти* и *сѣдѣти*, *лежати*, *вестиса* и др., а также страдательные обороты, какъ названъ бысть, веденъ бысть и пр. Однако указать общую примѣту, по которой могъ бы быть узнанъ такой глаголъ „*der unvollständigen aussage*“, т. е. способный быть неполнымъ сказуемымъ, весьма трудно. Сказавши, что это глаголы средніе, возвратные и страдательные, мы ихъ опредѣлимъ весьма неточно, потому что въ наличномъ языкѣ далеко не всѣ такіе глаголы встрѣчаются въ составномъ сказуемомъ. Попытка опредѣлить глаголы составнаго сказуемаго ихъ отвлеченностію, сравнительно съ конкретностію остальныхъ, болѣе-менѣе бесплодна. Правда, что изъ группы этихъ глаголовъ выдѣляются съ теченіемъ времени такіе отвлеченные глаголы, какъ *ѣс-*, *бы-*, которые, по выраженію Миклошича, относятся къ конкретнымъ, какъ мѣстоименіе къ имени (Synt. 262); но вся группа не можетъ быть названа абстрактною по преимуществу, ибо что же особенно абстрактнаго напр. въ глаголахъ физическаго движенія и покоя: „*вста простъ*“, въ совр. языкѣ „*N легъ во гробъ живой*“? Миклошичъ (l. c.) относитъ къ означеннымъ глаголамъ только *тѣ*, которые означаютъ бытіе въ ⁴ *покоѣ* (*ѣс-*, *sein*) и движеніи (*werden*, стать въ переносномъ смыслѣ). Признавая что уже въ древнемъ слав. языкѣ проявлялось функциональное отличіе этихъ глаголовъ отъ остальныхъ, входящихъ въ составное сказуемое, ниже мы будемъ разсматривать *ѣс-* и *бы-* *бѣде-*

съ именительнымъ отдѣльно отъ сочетанія съ этимъ надежомъ другихъ глаголовъ. Однако, чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ болѣе сходства представляютъ эти глаголы (ѣс и бы) съ остальными и тѣмъ труднѣе различать ихъ роли въ предложеніи. Известно, что ѣс- есть глаголь отличный отъ бы- и бѣде- не только по корню (ас-, бн̄-), но и потому, что въ ѣс- нѣтъ оттѣнка начинательности, который въ бѣдетъ и пр. формально обозначенъ перенесеніемъ глагольнаго характера н-, имѣющаго въ слав. и литовско-лотышскомъ начинательное значеніе, внутрь корня. Изъ этихъ глаголовъ только ѣс- можетъ быть названъ существительнымъ (v. substant.), т. е. означающимъ существованіе. Это значеніе, несмотря на отвлеченность, функционально неотличаетъ глагола ѣс- отъ остальныхъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не становится чисто формальнымъ, — моментъ требующій, особаго тщательнаго опредѣленія. Глагольныя формы корня бн̄-, потерявши предполагаемое въ этомъ корнѣ значеніе „рости“ (ср. гр. φυόν, сл. бн̄ликъ, Mikl. ib.), долго оставались при довольно конкретных, отнюдь не чисто формальныхъ значеніяхъ возникновенія (стать, возникнуть) и случайности, превращенія (стать другимъ), пребыванія, совершенія. Сродные языки ставятъ на мѣсто этихъ формъ различныя весьма конкретныя глаголы. Бысть во множествѣ случаевъ соотвѣтствуетъ греческому *ἐρέετο, γέρονεν*. Въ выраженіи „съ горы сея, идѣ же послѣ же бысть Кіевъ“ (Лавр. 4) вм. бысть мы теперь поставимъ „создался“, „построился“, „сталъ“, „возникъ“ и т. п. Рѣже въ этомъ значеніи быхъ и бывъ: тебе ради Богъ твои быхъ сынъ твои (Адаме)“, Supr. 355, 17; азъ Богъ твои (Адаме), бн̄вн̄и тебе ради сынъ твои Supr. 355, 7; въскрсьни, зраче мои, бн̄вн̄й (возникшій) по образу моему ib. 155, 19. Въ „соволокуться и будутъ назн“ (Лавр. 4) будутъ значить не то, что нынѣ (лит. bus), а стануть (лит. pastos); такъ въ „да бѣдете мои ученици“, Иоан. 15, 8=*ἵνα γενήσεσθε*, лит. kad pastojat, чтобы вы стали моими учениками. Значеніе случиться: „аще бѣдетъ обрѣсти“ Mat. 18, 13 (О. ев.), *ἐάν γένηται εὐρεῖν*, si acciderit, so sich's begibt, польск. jeśli się zdarzy, gdyby się trafiło, м.-русс. коли трапитця, коли доведетця, серб. ако се догоди, лит. jej trópitus, лотыш. ja nūtik, если случится; „бн̄въ на томъ мѣстѣ“, Лук. 10, 32 (О. ев.), случившись, мр. прилучившись, *γενόμενος*, quum venisset, лит. iszkakęs (iszkanku, iszkakti, достигнуть мѣста), лотыш. nācis (=пришедши). „Печаль ваша въ радость бѣдетъ“, Иоан. 16, 20 (О. ев.), *γενήσεται*, лит. jusū smutnybe tures i džiaugsmą pavirst, мр. смуток ваш маѣ радощами (Кул. на радощі) обернутись, имѣетъ превратиться въ радость. „Яко бо розга не можетъ плода сѣтворити, аще небѣдетъ (*ἐάν μὴ μεῖνη*, лит. jej nerasiliekt, лотыш. ja neralēk, если неостается, мр. коли небуде пробувати, Кул.) на лозѣ, тако и вы, аще въ мнѣ непрѣбѣдете (*ἐάν μὴ μεῖνετε*, лит. jej nerasiliekat, лат. ja neralēkat, если непрѣбываете

неостаетесь, т. е. не пребудете“), Иоан. 15. 4 (О. ев.). Буди вола твоа, Мат. 26, 42 (*γενηθήτω*, лит. te nūsidūda, лат. lai nūtēk, пусть сбудется, совершится, исполнится, мр. нехай збудеться, станется). Конкретность гл. быти, будѣ въ древнемъ языкѣ видна и изъ его способности сочетаться съ предлогами (прѣ=пере, из, въ, до, за, на, при, про) и давать отъ себя формы причинную и болѣе длительныя, способности, которой глаголь ꙗс- въ слав. языкѣ неимѣеть. Въ относительно позднее время бы- буд- теряетъ значеніе werden, для выраженія котораго начинаютъ употреблять другіе глаголы (напр. русск. стану, стать) и получаетъ значеніе „бытія“ (sein), что даетъ основаніе обычному соединенію его съ ꙗс- въ одинъ глаголь.

Останавливаясь на второй половинѣ составнаго сказуемаго, причастіи, прилагательномъ и существительномъ, видимъ здѣсь, что чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ сходнѣе функціи этихъ частей рѣчи въ составномъ связуемомъ. Однако, такъ какъ зародыши различнаго обращенія съ этими частями рѣчи лежатъ уже въ древнемъ языкѣ, то въ примѣрахъ, взятыхъ и изъ этого языка, казалось болѣе удобнымъ отдѣлять причастія отъ прилагательныхъ и прилагательныя отъ существительныхъ. Другія подраздѣленія разсматриваемаго здѣсь матеріала будутъ изложены при случаѣ.

Сочетаніе причастій дѣйствительныхъ, кромѣ прич. на -ль, съ ꙗсмь, буду и пр.

1) Причастіе настоящее дѣйств. съ ꙗсмь, буди, буду, бѣхъ, быхъ, бѣахъ.

Христе, хвалѣ тебѣ въздаѣмъ, яко нѣсмь яко, и прочии челоувѣци грабителѣ, неправдѣнници и прѣлюбодѣнници... (ꙗсмь) алъчѣ (*νηστεύω*) двѣа кратѣ въ сѣботѣ, (ꙗсмь) десѣтинѣ даѣа (*ἀποδεκατῶ*) въсего, ꙗко притѣжѣ, О ев. Лук. 18, 11—12. Изъ этого примѣра видно, что славянскій переводчикъ ставилъ разсматриваемыя здѣсь сочетанія не по требованію греческаго текста (какъ въ Маріин. ев. ед. Ягичь, 280, гдѣ „поштѣ са, даѣа“), а вникая въ смыслъ и сообразуясь съ своимъ языкомъ. Смыслъ славянскаго оборота приблизительно таковъ: я—постникъ, я исправный плательщикъ десятины.

Си же (иніи языци, иже дань даютъ Руси) суть свои языкъ имуще, Лавр. 5 (какъ бы: иноязычники, или своеязычники).

И есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, ib. 47, (ср. полата же Володимеря съ края церкви стоитъ и до сего дне, ib. 47).

Суть же кости его и доселѣ тамо лежаче, ib. 87.

Послахъ отрокъ свои въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новгороду, ib. 107, какъ бы „суть данники“.

Суть же (Грьци) хитро сказающе и чюдно слышати ихъ, *ib.* 45, „они искусные разскащики“.

Дьяволь стени глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сдѣ 7 бо мняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не-суть ученя апостольска, ни суть вѣдуще Бога, *ib.* 50, какъ бы „невѣгласи“ въ богопознаніи.

Суть образомъ черни, крылаты (-ти), хвосты имуще, *ib.* 77.

Днсь бо ѣсмь (мн. ч.), а утро аки небывше ѣсмь; днсь уханиѣмъ мажущесея ѣсмь, а утро смердяща; днсь питающася ѣсмь, а утро съ плачемъ проважаѣми къ гробу, Сильв. сб. XIV в. Срезневск. о Бор. и Гл. XII.

Намъ же укоренымъ сущимъ отъ безако(нъ)ныхъ тѣхъ Агарянь, и чающе есмы Божия благодати и лика преславна, *Ип.* 135 (441), какъ бы: мы постоянно надѣмся.

Буди угѣвая на Господа всеъмъ сърдцемъ. Притч. 3, 5 (1271, Бусл. Хр. 76). Вѣда буди, благородныи княже: божественнымъ вдохновеніемъ сотворена бысть душа, *Посл. митр. Никиф. Русск. Дост. I, 64*, да будетъ тебѣ извѣстно. Небѣдѣте, яко лицемѣри, сѣтующе, *О. ев. Матѣ. 6, 16, μὴ γίνεσθε οκνηροί.*

Отъселѣ человекы бѣдеши ловѣ, *ib.*, *Лук. 5, 10, ἔσθη ζωορῶν*, какъ бы „будешь ловцомъ“. И се бѣдеши мѣлчѣ и немогы проглаголати (*ἔσθη σιωπῶν καὶ μὴ θυνόμενος λαλῆσαι*), до нѣго же дне бѣдетъ се, *ib.* *Лук. 1, 20.* Къѣж прѣдипоставьѣ словеси трепезѣ, что бѣдѣ люди селикы госта, имъ же ѣдинъ Христосъ гонѣтъ насѣтити, *Supr. 317, 20.*

Будеши стениа и трясася до живота своего, *Лавр. 38.*

Аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ расприхъ и которающесея, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ, *ib.* 69.

Аще по моемъ ошествиі свѣта сего... монастырь (ся) начнетъ строити и прибывати въ немъ, то вѣжъте, яко приялъ мя есть Богъ; аще ли по моей смерти оскудѣвати начне монастырь черноризци и потребами монастырьскими, то вѣдуще буди (-те; б. м. будѣте, или будете), яко неугодилъ есмь Богу, *Лавр. 80 (182).* Эрбенъ читаетъ „будете“ переводить *budete vēdēti.*

Бысть Иоанъ крѣста въ пустыни и проповѣдаѣ крещениѣ покаянию, *О. е. Марк. I, 4, ἐγένετο βαπτίζων καὶ κηρούσων βάπτισμα;* слав. бысть можно было бы передать такъ, связывая въ одинъ періодъ съ мѣстомъ *Марк. 1, 2—3:* согласно съ тѣмъ какъ написано у пророковъ („я пошлю“ и пр.), (и дѣйствительно) явился Иоанъ крестителемъ и проповѣдникомъ.

И прозрѣ, и бысть видя, *Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 80*, сталъ зрячимъ. Въ нощи внезапно ѣдинъ бысть ею (изъ двухъ узниковъ) внѣ на погребѣ спя, *ib.* 82, очутился спящимъ.

егда же несяхуть и къ гробу, предивно знаменіе бысть (=появилось) на небеси: быша три солнца съякуче межи собою, а столпи трие стояще отъ земля до небеси, и надо всеми горѣ бяше, яко дуга, мѣсяць особѣ стояче, Ип. 18. Стояче — неправильно вм. стоя.

Погибоша Еюптине отъ Моисѣя, а первое быша работающе имъ, Лавр. 7, Эрбенъ: *prvé bývali jich sluhu*.

Опустѣша села наша и города наши, быхомъ бѣгаючи (вм. -че) предъ врагы нашими, Лавр. 95; не „utikalisme“, какъ у Эрбена, а скорѣе „мы стали бѣглецами“, или „мы стали бѣгать“.

Бѣ же Иоанъ... ядн акриды и медь дивии, О. ев. Марк. 1, 6; *ἦν ἐσθίων*. Бѣ проповѣдаѣа и бѣсы изгона, ib. Марк. 1, 39; *ἦν κηρόσσων καὶ τὰ δαιμόνια ἐκβάλλον*. Бѣ съ ними Петръ стоѣа и грѣѣса, ib. 9 Иоан. 18, 18; *ἦν ἐστὼς καὶ θερμαίνόμενος*. Все мнѡжество людии бѣ молитвѣ дѣѣа, ib. Лук. 1, 10; *ἦν προσευχόμενος*. И бѣ Иосифъ и мати кою чудащася о глаголюемыхъ о немъ, Лук. 2, 33; *ἦν Ἰωσήφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες*. И бѣ повинѣсася има, Лук. 2; 51; *ἦν ὑποτασσόμενος*. Се дѣва отъ нихъ бѣста идѣща, Лук. 24, 13; *ἦσαν πορευόμενοι*.

И бѣ обладая Олегъ Поляны... а съ Уличи и Тѣверци имяше рать, Лавр. 10; скорѣе „быль обладателемъ“, чѣмъ просто „обладалъ“, у Эрб. *rapoval*. Присташа подъ Боричевымъ въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кіевскія, Лавр, 23. Ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: „не видѣ ли коня никтоже?“ бѣ бо умѣя печенѣжски, ib. 28, какъ бы: былъ знатокъ. И бѣ заповѣдала Ольга нетворити трызны надъ собою, бѣ бо имущи (въ то время имѣла при себѣ) презвутерь, сей похорони блаженную Ольгу, ib. 29. И узрѣ и (Люта) Олегъ... и заѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ, Лавр. 31, п. ч. въ то время О. охотился. Онъ же испивъ половину (чаши), а половину дасть князю пити, дотиснувъся палцемъ въ чашку, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенъе смертное, ib. 71, п. ч. въ то время у него былъ подъ ногтемъ ядъ. Болеславъ же бѣ Кіевѣ сѣдя, оканьнии же Святополкъ рече: „елико же Ляховъ по городу, избивайте я“, ib. 62. Иде Святославъ Курьску, бѣ бо и Новѣгородѣ сѣдя Сѣверскѣ, Ипат. 17, п. ч. въ то время былъ и княземъ сѣверскимъ. Въ тоже время бѣ Андрей Гюргевичъ въ Суждали княжа и тѣ бѣ немѣя любви къ 10 Мьстиславу, Ип. 99, скорѣе „быль врагъ“, чѣмъ „нелюбилъ“. Володимерь же слушаше ихъ (Болгарь), бѣ бо самъ любя жены и блуженне многое, Лавр. 36, „быль женолюбецъ“. Аще бо бѣ (Володимерь) и пруже на сквернѣную похоть жедая, но послѣже прилежа къ покаянью, Лавр. 56. Бѣ бо рать отъ Печенѣгъ и бѣ Володимерь воюяся съ ними и одалая имъ, ib. 52., какъ бы: „постоянно воевалъ“. И бѣ Ярославъ любя церковные уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая ѣ часто въ нощи и въ

дне, ib. 65, какъ бы „быль любитель, прилежный чтець“. И бѣ тогда (во время перенесенья мощей Бориса и Глѣба) держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазоръ Лавр. 78. Всеволодъ бѣ издѣтська боголюбивъ, любя правду, набдя убогья, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства, ib. 92. Бѣ любя я (Яна и Марью), занеже живяста по заповѣди господни, ib. 91. Сій князь Олександръ бѣ побѣжая а не побѣдимъ, ib. 205, былъ побѣдитель. Олегъ... бѣ въ то веремя несдравуя велми, Ип. 93. Володимиръ же бѣ велми немога (б. въ то время боленъ), тѣмже и полку имъ неда болѣзни дѣля, Ип. 100. Преставися князь Святославъ Ростиславичъ на Волоцѣ, бѣ бо тогда воюя Новгородъскую волость Ип. 102. Столпъ бо бѣ... стоя передъ вороты города и бяху въ немъ заперлися Прузи (=си), Ип. 207. Угри пришедше къ Днѣпру и сташа вежами, бѣша бо ходяще, аки се Половци, Лавр. 10, были кочевники, какъ вотъ Половцы, Эрбенъ—*byli toulavi*.

Бѣахъ же ѳдини отъ кнѣжнѣи ту сѣдаще и помышлѣюще въ въ сръдцихъ своихъ, О ев. Марк. 2, 6, *ἦσαν καθήμενοι καὶ διαλογίζομενοι*. Бѣахъ нѣции негодующе въ себѣ и глаголюще, Марк. 14, 4, *ἦσαν ἀγαπᾶσθους*. И пастуси бѣахъ въ тои же странѣ бѣдаще и ии и стрѣгѣюще стражѣ о стадѣ своемъ, ib. Лук. 2, 8, *ἦσαν ἀγροαυλοῦντες καὶ φυλάσσοντες*. Иже бѣахъ съ ними възлежаше, Лук. 5, 29, *οἱ ἦσαν κατακείμενοι*. Якоже бо бѣахъ въ дни прѣжде потопа ѣдѣще и пѣюще а посаганѣще, до него же льне въниде Ное въ ковчегъ Мат. 24, 38, *ἦσαν τρώγοντες* и пр.

Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твои, аки волкъ, восхищя и грабя, Лавр. 24, былъ хищникъ и грабитель, подобно волку. Бяшетъ бо (Данило) братолюбьемъ свѣтятся съ братомъ своимъ Василкомъ, Ип. 22. Бяшетъ же (Андрей) и сю добродѣтель имѣя: веляшетъ по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное болнымъ и нищимъ на потребу, Ип. 112. И посла Володимиръ мужа хитра, именемъ Алексу, иже бяше при отцѣ его многы города рубя, Ип. 206, до того времени, какъ былъ посланъ, бывалъ строителемъ. Посла предъ собою вѣсть Володимирови, (между тѣмъ какъ до того времени) Володимиръ же бяше печалуя повелику, зане небяшетъ вѣсти отъ полку его, Ип. 210. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловаща (-ще) звѣрь, Лавр. 4, не „lovivali“, лавливали, а были звѣроловы. И приѣха на мѣсто, иде-же бяху лежаще кости его (коня) голы, ib. 16. Взаяша Нѣмци Изборскъ... Пльсковичъ много побѣша... много сель попустиша около Пльскова... бяху бо перевѣтъ держаче съ Нѣмци Пльковичи и подвели ихъ Твердило Иванковичъ съ инѣми, Новг. I, 53, п. ч. между Псковичами были перевѣтчики. Прежде бо сего жены блудяху къ нему же хотяше, и бяху аки скоть блудяще

(=щ_а), Ип. 5. Тысячскыи со Смоленскимъ полкомъ наряженъ башеть на Полотьскыи полкъ, бяхуть бо Полотьскіи князи помагающе Ол-12 говичемъ, Ип. 147, были союзниками. Бяхуть же въ него братья борза, бяхуть же живуще во святѣмъ крещеніи, Ип. 204. Бяху стояша (вм. -ща, -ще) полци отъ Галича за 2 дни, Лавр. 180.

Случаи опущенія глагола существительнаго при причастіи настоящимъ, должно быть, чрезвычайно рѣдки. А ргіогі, они возможны лишь тогда, когда предшествующіе глаголы неоставляютъ сомнѣнія, къ какому времени должно быть отнесено причастіе настоящее. Я замѣтилъ только одинъ примѣръ, да и тотъ сомнительный:

ходя, возъ по собѣ невозяше, ни котъла, ни мясъ варя (недописка вм. варяше? или „бъше варя?“), но по тонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ иснекъ, ядыше, Лавр. 27.

2. Причастіе прошедшее на -тъ, -въ съ ѣсмь и пр.

Судя по обилію примѣровъ, какъ вышеприведенные „бѣ любя“ и пр., можно бы ожидать такого же обилія примѣровъ сочетанія, какъ „ѣсмь (бѣ, бѣше и пр.) судивъ“. Однако въ Остр. ев. такихъ сочетаній вовсе нѣтъ, а въ другихъ цсл. памятникахъ они рѣдки:

Велико же разньство и межда ѣсть ѣже рещи „сътвори“ и ѣже рещи „бѣяше“. Ово бо бысть (возникло), небывъ прѣжде, а дроугоѣ присно бѣаше сы. „Въ начело сътвори“ рече (Моисей) и „въ начело бѣаше“ [въ Остр. ев. „ископи бѣ (Зогр. бѣаше) слово“, Ио. 1, 1], Богоу бо ѣсть лѣло (=свойственно) присно быти, а зъданию бывати (=возникать)... ѣретици же и о Х(рист)ѣ дрѣзающе глаголю(тъ), яко же и Хсъ бывъ ѣсть. Смотри же сде, аще речеть ѣретикъ, яко Хсъ бывъ ѣсть (возникъ, собств. существуетъ какъ возникшій), то чимъ ѣсть болей земле? И о земли бо рече Моси: „землѣ бо бѣаше...: Иоанъ Экз. Шестодневъ, 4.

Также изрѣдка и въ древ.-русс. лѣтописяхъ:

аще ли покаявшеса будемъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ, Лавр. 72; наѣхаша пещеру непроходну, въ ней же бѣаше множество Чюди влѣзше, Новг. I, 59¹⁾.

Если взять во вниманіе, что такія сочетанія (ѣсмь судивъ и проч.) 13 обычны въ литовскимъ и лотышскомъ, что они извѣстны въ немногихъ примѣрахъ въ ст.-чешскомъ, что они оставили нѣкоторые слѣды въ нынѣшнихъ влр. говорахъ; то будетъ вѣроятно, что ихъ отсутствіе или рѣдкость въ ст.-сл. и др. русскихъ памятникахъ—сравнительно поздняго происхожденія. Между тѣмъ сочетанія того же причастія прош. съ дру-

1) Неидутъ сюда примѣры, какъ „бѣше бо король съ Галичаны, сдумавъ переже, послалъ въ Перелславъ“, Лавр. 180, гдѣ бѣше относится къ послалъ, а сдумавъ—аппозитивно.

гими глаголами, кромѣ ꙗс-, бы-, буде-, наур, „мнѣться слышавъ, какъ увидимъ, въ старинномъ языкѣ, довольно обычны, неменѣ чѣмъ „мнѣться слыша“. Прямую противоположность этому составляетъ причастіе на -лъ: сочетанія его съ гл. ꙗс-, бы- чрезвычайно распространены во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, между тѣмъ какъ сочетанія -лъ съ другими глаголами, если и встрѣчаются, то чрезвычайно рѣдко, такъ что если-бы встрѣтилось выраженіе „мнѣться слышалъ“, то вѣроятнѣе было бы счесть его за два сказуемыхъ „мнѣться слышалъ ꙗстъ“, чѣмъ за одно, каково „мнѣться слышавъ“. Отсюда можно заключить, что языки славянскіе стремились избавиться отъ излишества двухъ сходныхъ причастій прошед. дѣйств. (-ъ, -въ и -лъ) и успѣли въ этомъ, давши имъ различное назначеніе: первому—сочетаться съ глаголами менѣе наклонными къ формальности, а второму—съ ꙗс-, бы-, которые уже въ древнемъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ сочетаніяхъ съ прич. на -лъ, хотя и неполнѣ формальны, но ближе первыхъ къ формальности.

3. Хотя сочетанія причастія настоящ. и прошедшаго (-ъ, -въ) съ ꙗсмь и пр. и соотвѣтствуютъ подобнымъ др. греч. оборотамъ и хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ они вызваны греческимъ текстомъ, но въ нихъ нѣтъ ничего такого, почему и вообще ихъ слѣдовало бы считать заимствованіями, „подражаніемъ“ греческому (Черный, Греч. Синт. ² § 146, 8). Они свойственны не одному ст.-славян. и др.-русскому, но и другимъ слав. нарѣчіямъ. Въ старинномъ чешскомъ:

duch svatý od otce a od syna ne učiněn, ani stvořen, ale jest pocházeje (т. е. непрестанно исходитъ), Tom. ze Štitného. XIV в;

a pastýři byli v té krajině ponocujice, Bibl. bratrská (XVI в.);

ten muž mi byl věrně služe, Alexandreida; Tantalus byl velmi silný, 14 pokorný, nemiluje svárů, než spravedlivých bojův žádaje, Letop. Trojan.

nežbych v také přísloví já i můj lid byl upadna, raději v smrt upadnu, Alex.; či jsem byl v čem právo mína, ib; Здѣсь и въ предыдущемъ примѣрѣ причастіе настоящаго вр. глагола совершеннаго стоитъ въ смыслѣ прич. прошедшаго, какъ часто и въ стар.-русскомъ;

buď nežádaje jich (сосѣдей) zboža, Starob. sklad.;

buď ten brže smrti uživ, kdož jest jí s právem zaslouživ, Alex. (см. Zikmund, Skladba jaz. Českého, 18, 677; J. Jireček, Rozpravu etc. 1860, стр. 80).

Въ старинномъ польскомъ: obłożenie dawnosci jim (несовершеннолѣтнимъ) obrzeczono niemoże być, aliżby po liciech (по достиженіи совершеннолѣтія) byli omiaszkajaci (су?), 1449. Ks. Ustaw 51.

Въ стар. сербскихъ памятникахъ: буди упвае вѣсьмь срьдцемъ на Бога, 1222—8, Mikl. Monum. Serb. 9; аще кто либо будетъ прѣтварае (станеть передѣлывать, измѣнять сдѣланное), анатѣма ѣму буди, ib. 15.

По появленіи дѣепричастія, естественно ожидать здѣсь этой формы на мѣстѣ причастія. Дѣйствительно, мы ее находимъ въ сербскомъ: он је био ходећ, кад га позвали (Срезн. Мысли объ ист. рус. яз. 82); въ старинномъ польскомъ: pod jenym książąciem tenżе lud rozmajitego.. prawa роzi(?)wać niema, aby niebył, jako dziw, rozmajite głowy mając, 1449, Ks. Ust. 71; въ нынѣшнемъ переводѣ библии: był stojąc i grzejąc się, Jo. 18, 18; byli siedząc i myśląc, чего однако въ нынѣшнемъ польск. литературномъ и въ разговорной рѣчи неслышно.

Въ слѣдующемъ: „самъ князь великій нестоялъ въ городѣ, толке приѣзжая на всякъ день“, Пск. I, 290, неясно, слѣдуетъ ли понимать: „приѣзжая всякій день, нежилъ однакоже въ городѣ“, или: „не жилъ, 15а только приѣзжалъ“. Въ послѣднемъ случаѣ—„(былъ) приѣзжая“, какъ „бѣ судя“, но вѣроятно уже съ дѣепричастіемъ, а не причастіемъ.

Аже вы есте приѣхавъ къ Искову, прикончивайте миръ, Пск. I, 249.

Въ современномъ великорусскомъ, несмотря на рѣдкость причастія прошед. съ ѣсмь и пр. въ ст.-русс. памятникахъ, находимъ здѣсь только дѣепричастіе прошедшее: „онъ пришедши“; „онъ былъ ушедши“ „были всѣ уже проснувшись“ (Бусл. Гр. § 199, пр. 6); эта мнимая неправильность, говоритъ Даль (Сл. I, XXX), въ общемъ ходу по всей Руси, т. е. въ вр. мѣстностяхъ.

.. какъ сглянула на хоромное строеньице,

Припечаливши хоромное строеньице, Барс. Причит. I, 167;

Много Аника городовъ разориль,

Много Аника церковей растворивши,

И много Аника ликъ Божіихъ поругавши,

И много Аника святыя иконы переколовши,

Много Аника христіанскія вѣры облаынилъ, (Кирѣв. Пѣс. IV, 130).

Если разориль, облаынилъ, какъ предикаты, равносильны съ растворивши и проч., что кажется вѣроятнымъ, то при дѣепричастіяхъ, какъ и при причастіяхъ на -ль, опущенъ глаголь вспомогательный (есть v. былъ).

Вдругъ прибило тутъ (лодку) ко крутому ко бережку;

Я гляжу бѣдна горяша, придумалась:

„За какожь да это мѣсто незнакомое?

„Ужь я во-вѣки вѣдь здѣсь небываютца (=небываючи), ib. 256, т. е. небывавши, какъ въ мр. „позапаляючи люльки“ (Котл.) въ смыслѣ „позапалявши“.

Полонъ дворъ каретъ наѣхавши, Полна горница гостей сидя (Шейнъ, Русс. н. п. 480), съ отнесеніемъ „наѣхавши“ къ подлежа. дворъ, сходно со слѣд.: „Къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей“ ib. 501.

А чіе-ж гэто поле задремавши стоя?

Гбракое поле задремавши стоя.

Чаго-ж, яно задремало?... Роман. Бр. Сб. I 287.

Въ литовскомъ сочетаніе прич. прош. дѣйствительнаго, равнаго славянскому на -ъ, -въ, со всѣми формами гл. существ. *esmi*, *buwaui* и пр. весьма обычно. Такъ какъ въ этомъ языкѣ, равно какъ и въ латышскомъ, вовсе нѣтъ причастія, равнаго славянскому на -лъ, а въ славянскихъ нар., на-оборотъ, сочетанія этого послѣдняго (далъ *късмь* и пр.) стали вытѣснять сочетанія, какъ *късмь давъ*; то можно сказать, что въ литовскомъ сочетанія *esmi* и пр. съ причаст. = слав. -ъ, въ, играютъ ту-же роль, что въ славянскомъ *късмь* и пр. съ прич. -лъ. Сходство это еще увеличивается тѣмъ, что *късмь* и пр. съ прич. настоящаго, почти безслѣдно теряемое новыми слав. языками, въ литовскомъ тоже не встрѣчается. Въ силу такого функциональнаго сходства, сравненіе съ ниже слѣдующими примѣрами можетъ быть умѣстно и ниже, гдѣ будетъ рѣчь о сочетаніяхъ причастія на -лъ.

Литов. *asz esu* (= *esmi*) *paklydę*, Schl. Leseb. 183, я заблудился, букв. *късмь* заблудивъсь; въ жен. ед. — *esmi paklydusi*, во мн. м. р. *esam paklydę*, ж. — *paklydusios*.

Jis Jonas wilkėjo rubu isz werbludū plaukū darytū ir apsijųšęs buwo sziksznos diržu, Матѳ. 3, 4 — поясывался (*εἶχε ζώνην.*), собств. бѣ опоясавъся.

Kalwis po to gėre, kaip geręs buwo, Schl. Leseb. 294, кузнецъ послѣ того пилъ, какъ и прежде (собств. „якоже и былъ *късть* пилъ“, или „бѣ пилъ“).

Jis dūs žinę, kad wisi sumigę bus, ib. 136, онъ дастъ знать, когда всѣ заснутъ (букв. будутъ засынувши, т. е. будутъ заснули).

Jė mislyjo, kad ta merga cze bus buwusi, ib. 135, они подумали, что та дѣвица должна быть здѣсь (букв. будетъ бывъши; въ лит. будущ. съ отгѣнкомъ вѣроятности, какъ въ мдр. мабуть, собств. = имать быти).

Кромѣ того въ лит. глаголь можетъ стоять въ жалательно-условной формѣ, неизмѣющей себѣ этимологически равной въ славянскомъ: *tai butumbei mano piningus piningmainams dawęs, ir asz, sugrižęs, buczau sawaję su nūmais atėmęs*, Мат. 25, 17, тебѣ было бы (= слѣдовало) отдать, а я бы взялъ; ближе къ литовскому: ты былъ бы давъ, азъ былъ быхъ възъмъ (Schl. Lit. Gr. 302).

Въ латышскомъ такіа сочетанія прич. прош. дѣйств. съ настоящ. *esmu*, прошед. *biju*, будущимъ *būszu*, по словамъ Биленштейна (Lett. Gr. §§ 356, 712—14) служатъ для выраженія дѣйствія совершеннаго. Хотя дѣйствительно бывають совпаденія этихъ сочетаній съ рус. прошедшимъ глаг. совершеннаго, но они непостоянны, а потому недолжны 17 быть объясняемы свойствомъ самого сочетанія, которое по отношенію къ совершенности и несовершенности въ русскомъ смыслѣ вполне различно. Ср., напр. латышск. „*tē kaimiini un kas wiņu parrēksz bija*

redzejuszi, ka wińsz bija neredzigs. Ио. 9, 8, литов. kaimynai ir kurie ji buwo mate ubaga esantj (=сѣща нища¹⁾); О. Ев. сѣсѣди и иже бѣахъ видѣли, яко слѣпъ бѣ. Здѣсь въ лот. и лит. также нѣтъ отгѣнка совершенности, какъ и въ славян. и русскомъ: видѣли, видали, а не увидали.

Въ нѣмецкихъ нарѣчiяхъ сочетанiя прич. наст. дѣйств. съ глаголами = быть и стать, начинаясь съ перевода Ульфила, гдѣ они большею частью, но не всегда, соотвѣтствуютъ такимъ же греческимъ оборотамъ, продолжаются въ древнемъ и среднемъ верхне-нѣмецкомъ, куда они очевидно немогли быть занесены извнѣ. Въ новомъ верх.-нѣм. причастiе здѣсь теряетъ флексiю, т. е., переставая согласоваться съ подлежащимъ, становится столь-же неподвижно, какъ наше дѣепричастiе. Так. обр. изъ причастiй въ гот. *vas laisjands* (*ἦν δὶδῶσκων*), др.-вн. *was lebende* выходятъ нов.-в. н. сочетанiя *ist v. war lehrend, lebend, sprechend*. Впрочемъ ново-нѣмецкiя формы лишь отчасти суть ф. причастныя и въ этомъ смыслѣ глагольныя, по значенiю, кромѣ времени, соотвѣтствующiя дѣепричастiямъ въ „былъ выпивши“ и т. п.; частью же они разрываютъ связь съ другими глагольными формами и становятся такъ называемыми предикативными прилагательными: *es ist übergaschend*, это поразительно. Въ англiйскомъ формы, образовавшiяся изъ согласуемыхъ причастiй въ *j am speaking, thou are going*, сохраняютъ глагольную силу (Grimm, D. Gr. IV, 4—7; Vernaleken, D. Synt. 1, 16, 22).

- 18 Нѣмецкимъ нарѣчiямъ свойственны и сочетанiя прич. прошедшаго съ *haben* и *sein*, но сочетанiя эти представляютъ лишь весьма отдаленное сходство со слав., каково чеш. *jest zasluživ* и нр. Сочетанiя съ *haben* устраняются изъ сравненiя тѣмъ, что при нихъ, какъ и въ соотвѣтственныхъ романскихъ формахъ, причастiе стоитъ не въ именительномъ, а въ винительномъ. Этотъ послѣднiй первоначально явственнo обозначался окончанiемъ (др.-вн. *si eigan ginomanan druhtin minan*, имѣютъ взятаго господина моего), которое потомъ изгладилось, Grimm, Gr. IV, 69, 154—5, 158—9. Что до сочетанiй съ *sein*, то въ нѣм. нар. уже въ незапамятныя времена исчезло прич. прош. дѣйств., которое могло бы быть сравнено со слав. на -ъ, -въ, или -лъ, а оставшееся прич. прош. по происхожденiю есть страдательное, сохраняющее страдат. значенiе въ глаголахъ транзитивныхъ и переходящее ко значенiю дѣйствительному въ интранзитивныхъ. Поэтому сочетанiя какъ „*er ist gestorben*“ сходны съ „умръяъ ѣсть“ и „*jest zasluživ*“ лишь въ томъ, что причастiе въ обоихъ случаяхъ относится къ прошедшему вр. и что въ нѣм. оно до потери флексiй тоже было согласовано съ подлежащимъ въ родѣ, числѣ и надежѣ; Впрочемъ нѣм. оборотъ ближе къ латинскому, по внѣшности страдательному „*mortuus est*“. (Grimm. Gr. IV, 155—7.)

¹⁾ Здѣсь лит. *ubagas* (=убогъ)—слѣпъ, какъ влр. обл. нищъ—слѣпъ: „царь глазами обнищаль“, Аф. Ск. II, 80; „(сохрнiй) Буйныя головы отъ боли, ясныя очи отъ нищбы (=слѣпоты), Кирѣв. Дух. ст., Бусл. Оч. I, 87.

4. Какими особенностями отличаются сочетанія прич. дѣйств. наст. и прош. на -ь, -въ съ ѣсмь и пр. отъ простыхъ глаголовъ въ соотвѣтственныхъ временахъ?

Гриммъ находитъ въ нѣм. сочетанія глаг. существительнаго съ прич. настоящимъ „болѣе живое выраженіе непрерывности дѣйствія“ (*der Continuität, des nichtaufhörens der handlung*). „Эффектъ этого описанія, говоритъ онъ, можно бы сравнить со своеобразно развитою во всѣхъ славянскихъ языкахъ формою для *vb. actionis imperfectae*. Кто „*ist essend*“, тотъ ѣсть безъ перерыва (*in einem fort*); кто „*war essend*“, тотъ 19 не то, что съѣлъ кусокъ и оставилъ, а еще ѣлъ въ то время, какъ случилось нѣчто другое. Правда, что обыкновенно такой оборотъ совпадаетъ по значенію съ различіями простыхъ временъ. О ѣдящемъ я могу говорить „*er isst*“ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ ѣсть; если онъ пересталъ, то дѣятельность его минула, и для обозначенія ея оказывается приличною форма прошед. времени (*ass*). Точно такъ о дѣятельности того, который уже небылъ ѣдящимъ, вмѣсто фор. *ass* должна быть употреблена форма болѣе отдаленнаго прошедшаго „*er hat gegessen*“. Тѣмъ неменѣе живому духу языка, тѣмъ паче такого, который неособенно богатъ формами временъ, прилично попытаться выразить событія во времени“ (не только простыми формами *er isst, er ass*, но) „еще иначе“ [*Gram. IV, 4—5*. Ср. *Vernaleken, D. Synt. I, 17*, гдѣ говорится, что обороты „*er vermochte*“ и „*war vermögend*“, „*bleibt*“ и „*ist bleibend*“ различаются такъ, что первые обозначаютъ болѣе моментальность (*das momentane, aoristische*), а вторые—длительность (*das dauernde, die dauer*), или перфектность].

Мы должны рѣшительно отвергнуть приравненіе сочетаній какъ, *ist vermögend* къ славян. *vb. actionis imperfectae* и къ чему бы ни было, что у насъ понимается подъ „видомъ“. Такія сочетанія существуютъ въ славянскомъ рядомъ съ видомъ и независимо отъ него. Неподлежитъ сомнѣнію, что выраженія „*jest rocházeje*“ и „*rocházi*“ совершенно одинаковы какъ по степени длительности, такъ и по несовершенности въ славянскомъ смыслѣ этого слова. Видовъ въ томъ смыслѣ, какъ они развились въ славянскомъ, никогда небыло въ нѣмецкомъ, которому, однакоже наравнѣ со славянскимъ, свойственны вышеупомянутыя сочетанія. Въ самомъ славянскомъ, по поводу разницы между оборотами „бѣ судя“ и „бѣаше судя“, съ одной стороны, и „суди“, „судяше“ съ другой, нѣтъ нужды говорить объ аористичности (*ѣурафа*) и греч. им-20 перфектности (*ѣурафор*), такъ-какъ эта разница существуетъ и въ самыхъ сложныхъ оборотахъ и зависитъ не отъ ихъ сложности, а отъ свойства входящаго въ нихъ времени глагола.

Невозможно объяснить особенности сочетанія ѣсмь и пр. съ прич. наст. дѣйств., некасаясь въ то-же время всѣхъ другихъ сочетаній этого рода: съ прич. прош. дѣйств., съ прич. наст. и прош. страдательнымъ.

Причастія, несмотря на свое различіе, вносятъ въ такія сочетанія одинъ общій оттѣнокъ, сходный съ тѣмъ, какой сообщаютъ составному сказуемому имена существительныя, сохранившія свой признакъ, и прилагательныя, при чемъ разумѣется само собою, что это сходство непростирается до тождества. Когда для объясненія сочетаній съ причастіями ставимъ на мѣсто сихъ послѣднихъ существительныя, то этимъ увеличиваемъ разстояніе сочетаній съ причастіемъ отъ простаго глагола, т. е., утрируя особенность этихъ сочетаній, дѣлаемъ ее болѣе осизательною. Собственно говоря, выраженіе „суть данъ дающе“ вовсе не то, что „они данники“. Такова же разница между „суть хитро сказавше“ и „она хорошіе рассказчики“; „не суть вѣдуще Бога“ и (употребляя сербское выраженіе) „они незнабожцы“; „быша работающе“ и „были работниками, или рабами“; „бѣ кърмя“ и „кормитель бѣшетъ черпльцемъ и убогымъ“ (Ип. л. 112, 396); „бѣ вода текущи“ и „быль (тогда) потокъ“, „бѣ княжа“ и „быль княземъ“; „бяху ловяще звѣрь“ и „они были звѣроловы“; „бѣ немога“ и „онъ былъ большой“, „быль боленъ“. Первые выраженія занимаютъ середину между вторыми и простыми глаголами. Чтобы уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ эта срединность, слѣдуетъ помнить, что разница между глаголомъ и именемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова сводится на противоположность признака, представляемаго 21 возникающимъ въ извѣстное время, и признака даннаго. Причастіе изображаетъ, какъ и имя, признакъ данный, но такъ, что при воспроизведеніи его сохраняется память о возникновеніи его отъ усилій лица, въ силу чего этотъ признакъ въ причастіи представляется даннымъ въ извѣстное время. „Они краснобаи“ значить: теперь, когда я говорю, я приписываю имъ такое-то свойство, не ограничивая его никакими временными предѣлами; напротивъ „суть хитро сказавше“ значить, что имъ приписывается такое-то свойство, какъ современное (настоящее) по отношенію ко времени глагола. Такъ какъ время это измѣнчиво (суть, бѣша, бѣхуть, будутъ), то одновременность съ нимъ признака въ причастіи настоящимъ можетъ получить значеніе постоянства этого признака. Выраженіе „будеши стена и трясася“ и само по себѣ, независимо отъ дополненія „до живота своего“, могло бы быть переведено: „будеши постоянно стенать и дрожать“. Когда два событія означены одно временемъ глагола и причастіемъ, а другое такимъ-же временемъ глагола той-же степени длительности, но безъ причастія; то можетъ получиться такой смыслъ, что время второго событія заключено какъ часть во времени перваго, напр. „аще будете которающеса, то погыбнете“; „Болеславъ бѣ Кыевѣ сѣдя (и въ одинъ изъ моментовъ этого времени), Святополкъ же рече“. Если первое событіе означено аористомъ съ причастіемъ наст., а второе преходящимъ, то такое неравенство въ занимаемомъ ими пространствѣ времени незамѣтно: „Адамъ же и Евга плачущася бѣста, и диаволь радовашеса“, Лавр. л. 38,

можетъ быть понято такъ, что діаволь радовался все то время, какъ они плакались. Остается только разница въ степени свойственности признака подлежащему, большей въ глаг. съ причастіемъ, чѣмъ въ глаголь.

Причастіе прошед. въ такой же обстановкѣ означаетъ признакъ, рассматриваемый какъ данный, котораго возникновеніе предшествуетъ вре- 22 мени соединеннаго съ нимъ глагола: *jest služiv*. Здѣсь неможетъ быть рѣчи о непрерывности дѣйствія уже потому, что такое сочетаніе именно тѣмъ отличается отъ „ѣсть служа“, что въ немъ дѣйствіе, заключенное въ *služiv* продолжается во время, о которомъ говорится (*jest, byl*) лишь какъ воспоминаніе, а какъ объективная дѣйствительность лишь доходить до этого времени и прекращается съ его наступленіемъ.

Такъ-какъ для опредѣленія значенія рассматриваемыхъ сочетаній удобнѣе всего помѣщать ихъ между двумя крайностями: простымъ глаголомъ съ одной и сочетаніемъ ѣсь и пр. съ существительнымъ (большою частью *nom. agentis*) или прилагательнымъ („бѣ любя жены“— былъ женолюбивъ) съ другой; то въ случаяхъ, когда для сравненія недостаетъ подходящаго имени, разница между сочет. съ причастіемъ и простымъ глаголомъ менѣе намъ ощутительна. Такъ, при переводѣ на современный языкъ отъ насъ ускользаетъ разница между „приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости ѣго“ и „идеже лежахуть“: вмѣсто того и другого мы скажемъ „лежали“. Ясно только, что въ лежахуть—одинъ актъ мысли, а въ „бяху лежаще“, въ коемъ соединено два различныхъ времени, несомвѣстимыхъ въ одномъ движеніи мысли, такихъ движеній два. На основаніи различія между глаголомъ и причастіемъ, такую же двойственность слѣдуетъ признать и въ „ѣсть суди“, несмотря на то, что здѣсь время и глагола и причастія одно и то-же.

Здѣсь мы приходимъ къ вопросу, затронутому во введеніи (стр. 114): чѣмъ отличается описательное время отъ составного сказуемаго и, въ-частности, къ которой изъ этихъ двухъ категорій слѣдуетъ отнести рассматриваемыя здѣсь сочетанія въ то время, къ коему относятся наши примѣры. Буслаевъ называетъ „бѣ уча“ и т. п. описательными формами спряженія (Гр. § 199, 2). По моему мнѣнію, описательная ф. спряженія отличается отъ простой признакомъ, имѣющимъ 23 мѣсто только въ мысли посторонняго наблюдателя, а не самого говорящаго, именно: между тѣмъ какъ первоначальная сложность однихъ ф. (буду, будь) открывается только посредствомъ обширнаго сравненія, первоначальная сложность другихъ (напр. *млр. був-ѣси*) видна всякому, нѣсколько развитому, который такъ ихъ, вѣроятно, и напишетъ раздѣльно. Но для говорящаго такой разницы нѣтъ: описательная форма, если она дѣйствительно такова, появляется въ немъ въ моментъ рѣчи какъ одинъ приемъ мысли, а не два или бо лѣе, и въ этомъ отношеніи есть такая же простая фор., какъ буду и

т. п. Что же касается до того, что такое есть одинъ пріемъ, или актъ мысли для нашего собственнаго сознанія, а что два, то объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ вѣдшимъ примѣтамъ.

Прежде всего очевидно, что причастіе членное неможетъ составить съ глаголомъ одной формы, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока чувствуется его отличіе отъ безчленного и его большая сложность сравнительно съ послѣднимъ, и что менѣе всего похожи на описательныя времена сочетанія, подобныя слѣдующимъ:

не съ ли кѣсть сѣдан (*ὁ καθήμενος*) и проса, О. ев., Марин. ев. Ю. 9, 8;

си (Ольга) бысть предътекущія крестьянѣсти земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, Лавр. 29;

7 бо мстыи прия Каинъ убивъ Авеля, а Ламехъ 70, понеже бѣ Каинъ невѣды мыщенья прияти отъ Бога, Ламехъ вѣды казвъ, бывши на прародителю его, створи убиство, Лавр. 62.

Миклошичъ замѣчаетъ, что хотя причастіе и причисляютъ ко глаголу, но это относится лишь къ именной, а не мѣстоименной формѣ причастія (V. Gr. IV, 132). Безусловно съ этимъ нельзя согласиться, ибо причастіе, принимая членъ, отъ одного этого неперестаетъ быть причастіемъ и нестановится прилагательнымъ; но вѣрно то, что членъ, внося въ причастіе новое опредѣленіе, несвойственное личному глаголу и неопредѣленному наклоненію, тѣмъ самымъ удаляетъ причастіе отъ глагола и увеличиваетъ въ немъ именной характеръ. Но имя сущ. или прилаг. съ глаголомъ (напр. Ольга была предшественница..) не даетъ одной грамматической формы.

Если два слова слились для говорящаго въ одну форму, то 1) ни одно изъ нихъ само по себѣ, отдѣльно отъ другого, неможетъ стать центромъ тяготѣнія другихъ словъ; 2) ни одно отдѣльно отъ другого неможетъ подвергнуться функциональнымъ (не фонетическимъ) измѣненіямъ. Ни одно изъ этихъ условій несоблюдено въ сочет. кѣсмь и пр. съ причастіемъ безчленнымъ наст. и пр. на -ѣ, въ. Что до 1), то въ „бѣ вельми немога“, „byl věrně sluze“ нарѣчіе столь-же явственно относится къ одному причастію, а не ко всему сочетанію глагола съ причастіемъ, какъ оно относится къ одному прилагательному въ „быль очень боленъ“ и какъ прилагательное тяготѣетъ къ одному существительному въ „онъ былъ вѣрный слуга“. Ничего подобнаго мы незамѣтимъ въ сочетаніи причастія на -лъ со вспомогательнымъ глаголомъ. Относительно 2) мы видимъ, что причастіе безчленное наст. и прош. уже послѣ своего сочетанія съ глаголомъ кѣсмь и пр. можетъ стать членнымъ и можетъ обратиться въ дѣепричастіе. Отсюда слѣдуетъ, что сочетанія „кѣсть судя“ никогда небыли одною формою спряженія, однимъ временемъ, но всегда представлялись сознанію сочетаніемъ двухъ формъ.

Причастія страдательныя съ ѣсмь, бѣхъ и пр.

1. Съ точки зрѣнія языка, имѣющаго, подобно греческому и латинскому, особыя цѣльныя формы для страдательнаго сказуемаго, можетъ показаться, что сочетанія, стоящія на мѣстѣ этихъ формъ въ славянскомъ, суть тоже грамматическія единицы. Однако въ вѣрности такого взгляда можно усумниться уже потому, что исходя отъ греческихъ формъ *ἑδόθη, ἐχόληται, βάλλεται, ἠλαύνετο*, можно увидѣть грамматическія единицы не только въ ст.-сл. „данъ бысть“, но и въ сочетаніяхъ прич. страд. съ глаголами болѣе полновѣсными: посѣкаемо бываѣтъ, вѣмѣтаемо бываѣтъ, гонимъ бывааше.

Мало будетъ, если при этомъ сдѣлаемъ лишь ту уступку очевидно-сти, что назовемъ славянскія сочетанія не простыми, а описательными формами: границы между описательною формою и сочетаніемъ двухъ формъ нельзя будетъ опредѣлить. Если „посѣченъ бысть“ есть описательная фор., то есть въ сущности одна форма, то почему „посѣченъ обрѣтеса“ есть не такая же форма, а сочетаніе формъ? И „бысть“, и „обрѣтеса“ суть здѣсь глаголы вспомогательные, и если послѣдній есть гл. вещественный, недопускающій слиянія съ причастіемъ въ одну форму, то почему бы и первому не быть такимъ же глаголомъ? Если-бы эти глаголы были различны въ грамматическомъ (не лексическомъ) смыслѣ, то эта разница должна была бы какъ-либо сказаться, чего однако не находимъ.

Вообще ни одинъ языкъ не можетъ быть указомъ, гдѣ другому языку нужно два приѣма мысли, а гдѣ одинъ.

Незнаемъ, была ли когда-либо въ славянскомъ языкѣ другая возвратно-страдательная форма глагола, кромѣ до-нынѣ употребительной, предполагающей винительный падежъ сд, и поэтому относительно-поздней. Здѣсь исторія этого языка начинается для насъ съ факта присутствія въ немъ двухъ причастій страдательныхъ, общихъ ему съ литовскимъ и латышскимъ: настоящаго съ основною формою окончаніе темы -ма, и прошедшаго съ осн. оконч. темы -та, -на. Вѣроятно, что въ славянскомъ было еще одно страдат. прич. будущаго, образованное посредствомъ -ма отъ той темы будущаго, которая дошла до насъ въ остаткахъ (блшн; ср. Schleich. Comp. 2, § 219), возможно, что было и другое соответствующее литовскому partic. necessitatis на -tinas (въ слав.-было бы -тънь); но оставляя это въ сторонѣ, видимъ, что славян. языкъ, неприбѣгая къ возвратному глаголу, можетъ выразить страдательность въ сказуемомъ лишь посредствомъ сочетанія одного изъ двухъ названныхъ прич. страдательныхъ съ глаголомъ. Оттѣнокъ страдательности, вносимый причастіемъ въ сказуемое, независитъ отъ того, будутъ ли сочетаться съ этимъ причастіемъ формы ѣсмь, бѣхъ, быхъ и пр.,

или другіе глаголы, какъ бываѣж, навляѣса и пр. При этомъ всякое сочетаніе выражаетъ явленіе въ видѣ двухъ событій: одного, означеннаго глаголомъ, другого—причастіемъ.

Причастіе настоящее страдательное означаетъ дѣйствіе, происходящее одновременно съ тѣмъ, которое означено глаголомъ. Кажется, что мнѣніе Шлейхера, будто это причастіе всегда выражаетъ длительность или многократное возникновеніе дѣйствія („die dauer oder das oftmalige eintreten der handlung“ между тѣмъ какъ прич. прош. страд.—das geschehen sein der handlung Lit. Gr. 303), не только непримѣнимо къ славянскому, но невѣрно и относительно литовскаго. Правда, можно представить себѣ причастіе наст. страд. фономъ на которомъ изображается событіе, означенное глаголомъ, сочетаемымъ съ этимъ причастіемъ; но основаніемъ этому служить не длительность или многократность именно этого причастія, а болѣе общее его свойство. Причастіе наст. страд., какъ и всякое другое, означаетъ признакъ болѣе постоянный, чѣмъ тотъ, который изображается въ глаголѣ (vb. finit.). „ѣсть любимъ“ можетъ быть объяснено такъ: „онъ существуетъ въ настоящее время, имѣя тотъ признакъ, что его любятъ“, при чемъ кажется, что этотъ признакъ, злимая все пространство настоящаго времени, обозначеннаго глаголомъ, выходитъ за предѣлы этого времени въ прошедшее. Изъ контекста можетъ вытекать необходимость передачи этого сочетанія посредствомъ „er pflegt geliebt zu werden“, но въ самомъ сочетаніи это „pflegt“ формально невыражено. Подобнымъ образомъ литовское „tai ug sákoma“ (букв. это есть рекомо, говоримо) только въ силу контекста можетъ быть переведено посредствомъ „man pflegt zu sagen“, но само по себѣ неболѣе длительно, чѣмъ „man sagt“. Въ ст.-русскомъ и ст.-слав. вмѣсто приведеннаго литовскаго оборота стояло бы „ѣсть съказаѣмо“. Здѣсь точно есть отгѣнокъ длительности и происходящей отсюда обычности, но причина этому не въ настоящемъ времени и страдательности причастія, а въ томъ, что оно образовано отъ темы болѣе длительнаго глагола. Сочетаніе „видимо бываетъ“ мы объяснимъ посредствомъ „всякій разъ какъ бываетъ, бываетъ видимо“, съ тѣмъ чтобы показать, что здѣсь изъ многократности или болѣе длительности глагола вытекаетъ смыслъ многократности связаннаго съ нимъ причастія, и что только по этому возможенъ переводъ „man pflegt zu sehen“. То-же причастіе съ другимъ глаголомъ, напр. „видимо ѣсть“ даетъ только смыслъ „man sieht“, „es ist sichtbar“.

Причастіе прошед. страд. въ слав. и лит. означаетъ дѣйствіе прошедшее по отношенію къ тому, которое означено сочетаемымъ съ нимъ, глаголомъ: „пѣсано ѣсть“, „уга gaszyta“, какъ и „ѣсть сждивъ“ независимо отъ разницы въ залогѣ, означаютъ, что возникшее въ прошедшемъ продолжается въ своемъ идеальномъ существованіи и въ на-

стоящее: „оно теперь *ѣсть* бывшее писаннымъ“ ¹⁾. Первоначально эта форма въ обоихъ языкахъ неимѣетъ никакого отношенія ни къ степенямъ длительности, ни къ совершенности и несовершенности; но потомъ въ славянскомъ и эти отгѣнки присоединяются къ основному значенію причастія: млр. казано, сказано, розказувано, наросказувано.

До тѣхъ поръ, пока оба страдат. причастія сохраняютъ способность ²⁸ входить въ сочетаніе съ глаголомъ для образованія сказуемаго, въ этомъ послѣднемъ всегда явственно различается изображеніе двухъ событій и двухъ временъ, почему такое сказуемое и неможетъ считаться одною формою. Въ этомъ отношеніи нынѣшній русск. литературный языкъ, развившійся изъ древняго языка почти безъ перерывовъ и поэтому проникнутый консервативными стремленіями, малымъ чѣмъ отличается отъ ст.-слав. и др.-русскаго, такъ какъ сохраняетъ оба причастія. Онъ

¹⁾ Какъ прошедшее, идеально продолжающееся въ настоящее, сочетаніе („*ѣсть*“ писано v. написано“ наравнѣ съ сочетаніемъ *ѣсть* сдѣвѣ“ v. „осдѣвѣ“ можетъ быть съ оговорками приравниваемо къ perfectum разныхъ языковъ. Такъ Шафрановъ (О видахъ р. гл. м. 1852, 10—11) не безъ нѣкотораго основанія сближаетъ нѣм. прош. „*ich habe gesagt*“ съ вр. безсубъектнымъ оборотомъ, состоящимъ изъ родит. съ предл. у, для означенія предмета, коему принадлежитъ дѣйствіе, и есть (опускаемаго) v. было съ причастіемъ страд. прош.:

У меня ли у молодой въ домѣ убрано:

Ложки вымыла, во щи вылила

=*ich habe in ordnung gebracht*, въ архангелскомъ смыслѣ „имѣю убранное“;

У дороднаго добра молодца

Много было на службѣ послужено:

На печи было въ волю полежано;

Много цвѣтнаго платья поношено:

По подоконью онучей попрошено;

И сахарнаго куска поѣдено:

У ребятъ корокъ поотыmano;

На добрыхъ коняхъ поѣзжено

(На чужія дровни присѣдаючи).

У дороднаго добра молодца

Много было на службѣ послужено:

На поварняхъ было посижено,

Кусковъ и оглодокъ попрошено,

Потихоньку безъ спросу потаскано:

Голыкамъ глаза повьбиты,

Ожегомъ пелечи поранены.

По для точности сравненія, слѣдуетъ имѣть въ виду, а) что нѣм. *ich habe* (v. *hatte*) *gedient* безразлично по отношенію къ соверш. и несовершенности (было служено и послужено) и степенямъ длительности (было и бывало убрано); б) что русск. оборотовъ съ наст. и прошед. глагола (сдѣлано, было сдѣлано) нельзя отдѣлить отъ такихъ же оборотовъ съ будущимъ: „у меня будетъ сдѣлано“; с) что нѣм. „*ich habe*“ съ явственнымъ нѣкогда винительнымъ причастіемъ соответствуетъ и русск. субъектному обороту: у меня плечи поранены, *ich habe verwundete schultern*.

лишь слегка отмѣчаетъ нѣкоторыя сочетанія прич. наст. страд. какъ болѣе архаическія, менѣе употребительныя, но удерживаетъ ихъ. Можетъ показаться, что неловко сказать „быль ругаемъ“, по все-таки это по-русски и отличимо безъ всякихъ объясненій отъ вполнѣ обыкновеннаго „быль руганъ“. На свойственной нынѣшнему языку степени развитія категорій совершенности и несовершенности, глаголы совершенные пеимѣютъ причастія настоящ. страд. (равно какъ и дѣйствительнаго), въ слѣдствіе чего мысль языка начинаетъ роднить самое понятіе о причастіи прошедшемъ страдательномъ съ совершенностью. Поэтому-то и на-оборотъ причастіе прошедшее страд. отъ глаголовъ несовершенныхъ болѣе длительныхъ какъ бы начинаетъ выходить изъ употребленія, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ: можно сказать „быль укоряемъ, упрекаемъ, обвиняемъ, распространяемъ, устраняемъ, сберегаемъ“, „было приобщаемо, сообщаемъ къ свѣденію“, но нельзя сказать „быль укорянь, упреканъ“, „было приобщано“. Хотя такимъ образомъ употребленіе причастій страдательныхъ и ограничивается, но оба они сберегаются, обоудно поддерживая въ себѣ отношеніе ко времени. Между тѣмъ устраненіе различія во времени между причастіемъ и глаголомъ съ нимъ сочетаемымъ, хотя само по себѣ еще неможетъ произвести сліянія такого сочетанія въ одну форму, но 29 составляетъ одно изъ условій такого сліянія. По-видимому, съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на потерю причастія настоящаго страд. въ нынѣшнихъ областныхъ русскихъ говорахъ, въ сербскомъ, чешскомъ, польскомъ ¹⁾, и на перенесеніе части его функціи на одну форму на -н, -т. Ср. напр. „не двѣ ли пѣтици дѣнимъ ѿете“, О ев. Мат. 10, 29, съ чеш. *zdaľiž ne bŭvaji prodávani dva vrabečkově...;* страхъмъ великъмъ одръжими бѣахъ, *ib.* Лук. 8, 37, и чеш. *bazní parlneni byli;* гонимъ бывааше, Лук. 8, 29—*bŭval puzen* и пр. Такъ и въ старинномъ польскомъ, гдѣ причастіе страдат. на -н, -т и въ опредѣленно-личномъ сказуемомъ стоитъ еще въ именной (безчленной) формѣ: *ocziscion, ubielion bada* (XIII в. *Maciejow. Dodatki do piśm. pol.* 4) *jest uczinion* (XIV—XV в. *ib.* 17, 21). Въ нынѣшнемъ польскомъ безчленно это прич. только въ среднемъ родѣ ед. и въ сказуемыхъ

1) Непопулярность этой формы уже во времена Ю. Крижанича была поводомъ къ тому, что онъ говоритъ о ней слѣдующее: „у грековъ страдательное прич. настоящ. времени образуется отъ 1 л. мн. ч. наст.: отъ *φιλομην*—*φιλομηνος*. Т.-к. это причастіе у Грековъ въ очень большомъ употребленіи, то и наши переводчики выдумали такое же. и отъ того же 1 л. мн. ч. любимъ творятъ новую, никогда въ людяхъ неслыханную рѣчь любимъ и производное имя любимецъ... Такого причастія и небыло, и небудетъ въ словинскомъ (т. е. русскомъ въ смыслѣ общеславянскаго). Обычны только два слова: видомъ въ русской общей (т. е. собственно русской) и знакомъ въ лешской отмѣнѣ, но и тѣ суть простыя прилагательныя, пбо неозначаютъ ни настоящаго, ни какого-либо иного времени, и несогласны съ симъ числомъ (т. е. съ 1 л. мн. ч. видимъ, знаемъ); знакомъ происходитъ отъ имени „знакъ“ (Граммат. стр. 102).

безличныхъ (*będzie dano* и *безлич. zrobiono, wzięto*), а въ другихъ случаяхъ—оно членно, какъ большинство прилагательныхъ: *bywał re-dzony*, Лук. 8, 29; *kochany jesteś* (=ты любимъ), какъ *jesteś dobry*. Та- 30 кимъ образомъ, если съ одной стороны облегчено сліяніе причастія съ сопровождающимъ его глаголомъ потерю причастія наст. страд., то съ другой—оно затруднено уравненіемъ оставшагося причастія страд. съ прилагательнымъ. Мы знаемъ, что такого уравненія не бываетъ тамъ, гдѣ языкъ дѣйствительно достигаетъ сліянія составнаго сказуемаго въ одну форму: причастіе прошед. на -лъ, какъ причастіе, и въ польскомъ постоянно остается безчленнымъ.

2. Кажется, можно найдти средство для измѣренія степени предикативности причастій и прийти къ заключенію, что причастія страдательныя съ довольно давняго времени болѣе близки къ прилагательному и тѣмъ самымъ менѣе предикативны, чѣмъ причастія наст. дѣйств. и прошед. дѣйств. на -ъ, -въ. Для этого слѣдуетъ сравнить наклонности причастій и именъ къ роли аппозиціи, стоящей на переходѣ отъ предиката къ атрибуту.

а) Въ этомъ отношеніи наиболѣе явственно сказывается отличіе причастія отъ имени въ слав. прич. дѣйствительныхъ наст. и прош. на -ъ, -въ, а въ литовскомъ и латышскомъ, кромѣ соответствующихъ имъ, еще въ прич. наст. дѣйств. второмъ и причастіи будущемъ. Въ славянскомъ упомянутыя причастія въ безчленной формѣ вовсе неупотребительны, какъ атрибуты въ тѣсномъ смыслѣ, а въ членной формѣ, поставленныя атрибутивно, легко переходятъ въ прилагательныя, напр. русс. текучая вода, съумасшедшій человѣкъ. Напротивъ, эти причастія безъ члена, какъ аппозиціи, даже измѣняясь въ нарѣчія, сохраняютъ причастный характеръ, т. е. становятся дѣепричастіями. Подобно этому въ латышскомъ атрибутивное употребленіе причастій, соответственныхъ упомянутымъ, будучи ограничено причастіями глаг. интранзитивныхъ, легко лишаетъ ихъ отношенія ко времени и переводитъ въ область прилагательныхъ, напр. *tekūts ūdens* (текучая во- 31 да), *nūspradzis kakis* (дохлая кошка), о чемъ *Biel. Lett. Gr. §§ 747, 759*. Причастія эти отъ глаголовъ транзитивныхъ, поставленныя передъ опредѣляемымъ атрибутивно, противорѣчатъ духу латышскаго языка. Не по-латышски сказано напр. *mīlējūts tēws* (любящій отецъ); *Jēzus nūmanija tō nū sewim izgājuszu spēku* (Исусъ ощутилъ отъ себя (=него) исшедшу(ю) силу), *Biel. ib. § 747, ann. 2, § 760, ann. 1*). Выраженія эти ошибочны по тому, что заключаютъ въ себѣ противорѣчіе между мѣстомъ, занимаемымъ причастіемъ передъ опредѣляемымъ, мѣстомъ свойственнымъ атрибуту, и невозможностью употребить такое причастіе атрибутивно. Биленштейнъ указываетъ только на одинъ выходъ изъ такого противорѣчія, именно на разложеніе предложенія на два: *nūmanija, ka spēks nū wiņa izgajis* (ощутилъ, что сила

изъ него вышла). Быть можетъ, такой выходъ только и есть въ нынѣшнемъ языкѣ; но, кажется, можно въ болѣе древнемъ языкѣ предположить возможность аппозитивнаго прич. послѣ опредѣляемаго, по образцу славянскаго „ощути силѣ, ишъдъши ѿ него“. Причастіе наст. II на -dam(a)s, ж. -dama въ литовскомъ и латышскомъ вообще не можетъ быть поставлено иначе, какъ въ качествѣ приложенія подлежащаго (Schl. Lit. Gr. § 141; Biel. Lett. Gr. § 756—7).

Разсматриваемыя причастія дѣйств. (кромѣ -лъ, о которомъ рѣчь особо) не только сами по себѣ достаточны для выраженія аппозитивнаго отношенія, но и не могутъ входить для этого въ сочетанія съ какою-либо вспомогательною причастною формою. Кажется столь естественнымъ, что нельзя было никогда сказать „въставъ сж (в. бывъ) и рече“, что упоминать объ томъ странно; однако въ этомъ — важное отличіе этихъ причастій отъ существительныхъ, прилагательныхъ и причастій страдательныхъ.

- 32 Въ отличіе отъ безчленнаго причастія дѣйствительнаго, славянскому безчленному прилагательному искони было свойственно быть опредѣленіемъ въ тѣспомъ смыслѣ (аттрибутомъ). Между прочимъ въ русской народной поэзіи это въ значительной степени сохранилось и до-нынѣ. Между тѣмъ безчленное прилагательное, подобно существительному, въ качествѣ аппозиціи и въ старинномъ языкѣ встрѣчается весьма рѣдко: „крестъ цѣловавше, блюдѣте, да не, преступни (чит. пре-), погубите душѣ (ѣ = e = ѿ) своеѣ (ѣ = ѳ = ѿ), Лавр. 102; ѳже скажу не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь начальникъ, Лавр. 90 ¹). Мы чувствуемъ, что выраженіе, какъ „Всеволодъ, благовѣрънъ и богобоязливъ, нехотяше...“ насъ уже неудовлетворяетъ, неисполняя умысла выразить аппозитивность такъ опредѣленно, какъ выражаетъ ее имя со вспомогательнымъ аппозитивнымъ причастіемъ: „Всеволодъ, богобоязливъ сы в. буда, нехотяше..“, „да не, преступни суще (будуче), погубите“, „скажу, самъ сы о семь начальникъ“. Точно также рѣдко въ старинномъ языкѣ и неловко съ точки позднѣйшаго языка употребленіе прилагательнаго въ косвенныхъ самостоятельныхъ падежахъ на мѣстѣ обычныхъ здѣсь причастій или именъ съ причастіями: „князю же Всеволоду благовѣрну и богобоязливу, нехотяше (онъ же) того сотворити“, Лавр. 163; „въ то же время, Черниговскому князю 33 немирну, воеваше Олегъ Святославичъ Черниговскую волость“, ib. 156. Хотя бы мы и допустили, что ненеобходимо здѣсь предполагать опу-

¹) Въ выраженіи „я посоль тоѣ noci пьянъ разшибѣ“ (нач. XVI в. Ак. Зап. Рос. I, 254), пьянъ, несмотря на то, что мы его переведемъ посредствомъ „будучи пьянъ“, есть не аппозиція, а атрибутъ, входящій въ сказуемое. По-видимому такъ слѣдуетъ понимать безвѣстенъ въ слѣдующемъ: „И можетъ безъ тебя-бъ мой слабый даръ завялъ безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта“, Крыл.; но въ слѣдующемъ нарѣчіе при прилагательномъ заставляетъ считать послѣднее аппозиціей: „я ужъ вѣки здѣсь; тихъ, скромнѣ завсегда, лежу смирихонько“, Крыл.

щеніе причастія (немирну сущу и т. п.), все же нужно признать, что стремленіе языка въ подобныхъ случаяхъ состоитъ въ устраненіи безчленнаго прилагательнаго отъ роли аппозиціи. Въ нынѣшнемъ русскомъ, по крайней мѣрѣ литературномъ, возможны только членныя прилагательныя въ приложеніи: „Всеволодь, (князь) богобоязливый, нехотѣль“.

Обрацаясь за тѣмъ къ причастіямъ страдательнымъ, мы видимъ, что, какъ аппозиція, они занимаютъ середину между прилагательными и причастіями дѣйствительными. Подобно послѣднимъ, они сами по себѣ, безъ вспомогательнаго причастія, въ безчленной формѣ, въ старинномъ языкѣ весьма обычны какъ аппозиціи: „лишаѣмъ, немсти; ненавидимъ любо гонимъ, терпи; хулимъ, моли, Лавр. 101; шель еси былъ на стряя своего на Михалка, повабленъ Ростовци, ib. 162; побѣже, гонимъ божимъ гнѣвомъ, ib.; гнѣвъ, укротимъ лжею, проливаетъ сварь, ib. 170; измроша, убиваеми гнѣвомъ божимъ, ib.; възвратися, с(ъ)храненъ Богомъ, ib.; иде, позванъ великымъ княземъ, Троиц. 210; держимъ же, Игорь видѣ брата своего крѣпко борющася, Ип. 131 (433); немало зло подъяша безвинніи хрестьяне, отлучаеми отецъ отъ роженій своихъ, жены отъ подружій своихъ, ib. Такъ было нѣкогда, а отчасти и есть и въ другихъ слав. нар. Ср. серб. и панъ је лијеп, обучен и накићен; поль. стар. Boleslaw, gniewem pobudzon, przywolił go zabić (Mikl. Gr. IV 144). Такъ и въ дательныхъ самостоятельныхъ: бысть радость велика по всѣмъ землямъ тѣмъ, свобоженымъ имъ отъ поганыхъ, Лавр. 190; древнѣе была бы безчленная ф. „слобоженомъ имъ“ (ср. Mikl. Gr. IV 832, 843).

Такое безчленное аппозитивное прич. довольно обычно въ стихотворной рѣчи литературнаго русс. языка еще прошлаго и нынѣшняго вѣка, именно оно весьма часто у Крылова: „а нашъ корабль, рукой искусною водимъ, достигнулъ пристани и цѣль, и невредимъ; могучій левъ, гроза лѣсовъ, постигнутъ старостью, лишился силы; на берегъ выброшенъ кипящею волной, пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился; какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле; третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ, такъ разсуждалъ; а бѣдный прудъ годъ отъ году все гложъ, заволоченъ весь тиною глубокой, заросъ, зацвѣлъ осокой; и сѣрый рыцарь мой, обласканъ по уши кумой, пошелъ безъ ужина домой; деревянный богъ.., отъ головы до ногъ обвѣшанъ златомъ, стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ“ и пр. Тоже и въ наше время: „Мірозданіемъ раздвинуть, хаосъ мстительный неспить: Искаженъ и опрокинутъ, Божій образъ въ немъ дрожить.. (А. Толст.); Всюду въ зелень убранá, торжествуя хвалить Бога жизни полная весна (id). Въ нынѣшней прозѣ здѣсь только членное причастіе: „занятый этой мыслью, онъ вышелъ въ поле“.

Съ другой стороны, прич. страдательныя, подобно существительному и прилагательному, въ аппозиціи могутъ сочетаться въ старинномъ

языкъ со вспомогательными причастіями, а въ позднѣйшемъ—съ дѣе-причастіями: „казними бо, владыку познаемъ, его же прогнѣвахомъ; прославлени бывше, непрославихомъ; почтени бывше, непочтохомъ, Лавр. 166; паче всѣхъ почтени бывше, горѣ всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы; паче всѣхъ просвѣщени бывше, ...паче инѣхъ казними есмы, ib.; сынъ человѣчскыи, убиенъ бывъ (*ἀποκτανθείς*), въ третии днь въскресесть, О. ев. Марк. 9, 31; такія же сочетанія прич. съ сн, бывъ въ древ. переводѣ словъ Григ. Бог. (Будилов. 56, 1). Тоже въ дательныхъ самостоятельныхъ: обрѣченъ бо бывши матери ꙗго Марии Иосифови (*μηροτευθείσης τῆς μητρός αὐτοῦ Μαρίας*), прѣжде даже не снѣстася, обрѣтеса имѣщи въ чрѣвѣ отъ духа свата, О. е. Мат. 1, 18.

Оба способа аппозитивнаго употребленія прич. страд. въ той же мѣрѣ свойственны и литовско-лотышскому.

Способы эти даютъ различные результаты, такъ-какъ сами по себѣ прич. страд. немогутъ выразить тѣхъ четырехъ оттѣнковъ, какіе имѣютъ ихъ сочетанія съ двумя причастіями дѣйствит. (любимъ сн и ³⁵ бывъ, изгнанъ сн и бывъ). Имя въ такихъ сочетаніяхъ даетъ только два значенія (добль сн и бывъ), и въ этомъ между прочимъ его отличие отъ причастій.

б) Въ связи съ болѣею наклонностію прич. страдательныхъ, чѣмъ именъ, къ аппозитивному употребленію могла бы находиться способность этихъ причастій быть безъ помощи глагола сказуемыми придаточныхъ предложеній, связанныхъ съ главными посредствомъ относительныхъ словъ, въ случаяхъ, подобныхъ разсматриваемымъ ниже („небысть, кто донеса“ и т. п.). На дѣлѣ однако встрѣчаются только такіе примѣры этого рода, въ коихъ причастіе страдательное присоединяется къ главному сказуемому посредствомъ сравнительной частицы, и въ коихъ на мѣстѣ этого причастія могло бы стоять и имя: „сътворися акы боденъ“. И въ лотышско-литовскомъ прич. страд. склонны имѣть такую функцію не сами по себѣ, а, какъ менѣе предикативные сравнительно съ прич. дѣйствительными, лишь въ сочетаніи съ сими послѣдними. Примѣры, которые, судя по наружности, опровергають это положеніе, объясняются опущеніемъ вспомогательнаго глагола: лит. „nedumok, kad wisi karalaus waikai užmuszti (yr), bet Amons tikt wiens užmusztas (yr), Царей II, 13, 32, какъ въ русс.: „не думай, что всѣ царскія дѣти убиты, но только одинъ Аммонъ убить: „atsakė: žmonės pabėgo išz muszio ir daug žmoniū uzmuszti (yr), taipjau ir Zaulas numirgęs (yr), ib. 1, 4=отвѣчалъ: люди бѣжали изъ битвы и много людей убиты, также и Саулъ умеръ. Если-бы такіе обороты были приняты за *oratio obliqua*, то для обозначенія косвенности рѣчи нужно бы было въ лит. поставить при прич. страд. дѣйствительное: kad užmuszti esą (букв.: како убиѣни сѣще). Подобно этому и въ лотышскомъ. Сравнимъ съ одной стороны лотыш. сослага-

тельные обороты съ безглагольными причастіями дѣйств. въ сказуемомъ: *es celûts* (прич. наст. дѣйств., букв. (что) я поднимаю); *es celszûts* 36 (пр. буд. дѣйств. = что я поднимаю); съ другой—соотвѣтственные обороты съ причастіями страдательными: *es esût celams* (дѣеприч. наст. дѣйств. съ прич. наст. страд. = букв. (что) я будучи поднимаемъ), но со значеніемъ дебитивнымъ: „что я долженъ быть поднимаемъ“; *es esût celts* (дѣепр. наст. дѣйств. съ прич. прош. страд., букв. (что) я будучи поднять, т. е. что я поднять). Мы видимъ здѣсь на сторонѣ причастій дѣйствительныхъ предикативную самостоятельность, а на сторонѣ страдательныхъ лишь способность сочетаться съ предикативными причастіями, (*Bielenst. Lett. Gr. §§ 361, 371, 372*).

Если причастіе прошед. дѣйств. въ лот. является въ сослагательныхъ оборотахъ не самостоятельно, а въ сочетаніи съ дѣеприч. наст. дѣйствит. (*es esût celis*, букв. (что) я будучи поднося; *es esût bijis celis*, (что) я будучи бывъ поднося, т. е. что я было поднося); то это происходитъ не отъ того, что оно не можетъ стоять самостоятельно, а отъ того, что упомянутыя сочетанія (*esût celis*) выражаютъ въ сослагательномъ особый отгѣнокъ времени, соотвѣтствующій изъявительному сочетанію *esmi celis* (такъ назыв. *perfectum*) и отличный отъ того, который означается прошедшимъ простымъ (*celu*, по знач. приравняваемое къ аог. и *imperf.*). Но причастіе прош. дѣйств., какъ сказано, и одно можетъ быть сказуемымъ зависимаго предложения: *es neatceriûs, ar tevi kôra dzeris*, не припомню, пивъ (безъ глагола, въ знач. пилъ ли я) съ тобою? *Biel. Lett. Gr. § 761*.

Если изъ сказаннаго слѣдуетъ, что причастія страдательныя менѣе апозитивны и предикативны, чѣмъ дѣйствительныя; то тѣмъ самымъ доказано, что они менѣе дѣйствительныхъ наклонны къ сліянію въ одну форму со вспомогательнымъ глаголомъ. По этому, если даже и „късть сѣда“ есть не одна форма, а двѣ; то тѣмъ большее основаніе имѣемъ сказать то-же самое о сочет. „късть сѣдимъ“, „късть сѣждень“. Въ новомъ языкѣ выраженія „онъ любимъ“, „онъ осужденъ“, по степе- 37
ни грамматической слитности, могутъ быть поставлены на одну доску не съ выраженіемъ „онъ любилъ“, заключающимъ въ себѣ наиболѣе предикативное изъ причастій, а скорѣе съ „онъ правъ“.

Сочетаніе именъ съ късмь, бѣхъ и пр. въ древнемъ языкѣ.

1. а) Въ древнихъ славян. нарѣчіяхъ прилагательное въ именительномъ при късмь и пр. въ большинствѣ случаевъ стоитъ въ безчленной формѣ: да видащей слѣпи бѣдѣтъ, О. ев. Іоан. 9, 39, что въ нынѣшнемъ литератур. русск. передается обыкновенно такою же безчленною формою прилагательнаго: „чтобы стали слѣпы“. Для выраженія другого отгѣнка, отчасти сходнаго съ тѣмъ, который передается нынѣ твори-

тельными прилагательного („чтобы стали ч. пусть будут слышны“) древний языкъ имѣлъ возможность прибѣгнуть только къ мѣстоименной формѣ прилагательного: „да бѣдѣть слыши“, по образцу: „мнози же бѣдѣть прѣвии послѣднии (= послѣдними, die letzten; въ греческ. ἔσχατοι безъ члена), а послѣднии прѣвии (въ греч. πρῶτοι безъ члена), О. ев. Мат. 19, 30. Здѣсь членное прилагательное, хотя и не заключаетъ въ себѣ своего ближайшаго субъекта, или своей субстанции (какъ „слѣпецъ“), хотя и не становится существительнымъ; но выражаетъ воспоминаніе того, что заключенный въ немъ данный признакъ былъ уже мыслимъ прежде въ связи съ подлежащимъ: слыши, т. е. слыши —ји = тѣ, которые слышны, о которыхъ мы уже знаемъ, что они слышны (Ср. Mikl. V. Gr. IV, 132). Мѣстоименность прилагательного, какъ предикативнаго атрибута, неразрушаетъ его связи со вспомогательнымъ глаголомъ, но дѣлаетъ эту связь менѣе непосредственною. б) Въ исл. и древ. русскомъ, какъ и во всѣхъ древнихъ слав. нарѣчіяхъ, въ разсматриваемомъ сочетаніи прилагательное въ сравнительной степени есть именно прилагательное, т. е. согласуемо: „ѣда ты болий ꙗси отьца нашего Іакова“, Ио. 4, 12; „и бѣдетъ послѣднѣйша льсть горьши первыѣ О. Ев. Мат. 27, 64; въ кый часъ соулѣѣ ꙗмоу бысть, Ио. 4, 63; мнозѣхъ пѣтиць соулѣише ꙗсте, Лук. 12, 7. Мр. нарѣчіе сохраняетъ здѣсь возможность прилагательнаго, но въ членной формѣ (частью фонетически явственной, частью стяженной): „невже (хиба) ти бѣлшии отьца нашого“ и пр.; оно ограничиваетъ лишь это употребленіемъ нарѣчія изъ безчленной формы, при томъ въ предѣлахъ одного и того же говора: гість гіршии (и гірше) татарина, мила краща (и краще) злота“ (Ср. Mikl. Go. IV, 460). Въ вр. говорахъ, кромѣ бр. (которые и въ этомъ могутъ приближаться къ мр.) по правилу здѣсь только нарѣчіе: „не въ поруꙗ гость хуже татарина“.

2. Существительное ставится здѣсь въ древнемъ языкѣ только въ 38 именительномъ, безъ чего составное сказуемое (и составное приложеніе) было бы невозможно. Позднѣе ставится здѣсь частью именительный, частью творительный:

Въ истинѣ сынъ Божии ꙗси, О. ев. Мат. 14, 33. Въ русск. именит., въ польск. твор. Нѣси другъ кесареви, ів. Іоан. 19, 12. Въ русск. именит., въ польск. творит.

И бѣдѣ съричѣстникъ Христосоу, Supr. 165, 7. Се твора бѣдеши ми другъ присный, ів. 47, 28. Аште ли и чловѣколюбци бѣдемъ по сѣмрѣти, нич'тоже отъ того приобращтемъ, ів. 276, 28. Рѣци да каменнѣ се хлѣби бѣдѣть, ів. Мат. 4, 3. Русск. польск. творит. Бѣдете мои ученици, ів. Мат. 4, 3. Русск. именит. и твор., польск. твор.

Богъ послухъ тому, Лавр. 106. Русск. имен., польск. Bóg świadkiem, чеш. Bůh toho svedkem.

Мы ти будемъ помощници, Лавр. 114. Хрестъ цѣловаль на томъ, яко кто ся кого останеть, то тый будетъ обоимъ дѣтемъ отецъ, Ип. 80. Пожаловала есмь... игумена N, или кто иный игумень (т. е. -омъ) будетъ по немъ, Ак. ист. I, 98 (1450); приказщику N, или кто по тебѣ на Костромѣ иные городовые приказщики будутъ, ib. 337 (1565, и такъ часто въ грамотахъ XV—XVII в.).

Богъ ти буди послухъ, Лавр. 109. Буди ми другъ, ib. 28. Его же намъ изволиши самъ, ть намъ буди отецъ и игумень, ib. 80.

Его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидецъ, ib. 90. И бысть праведникоу и оученикома кго гробъ пештера та, Supr. 159, 5; и бысть дияволу лоза смърть, намъ лоза животъна, ib. 260, 29. Разболѣвся и бысть мнихъ. Новг. I, 27. Стефанъ, иже бысть въ него (Феодосія) мѣсто игумень, въ се же время бысть епископъ, Лавр. 90. И бысть игумень и пастухъ черноризцемъ Феодосьева монастыря, Ип. 126. Конечное же отвержеса Христа и бысть бесурменинъ, Лавр. 204. Придоша... рекомии Болгаре, сѣдоша по Дунави, насельници (Микл. Эрб. читають „насильници“) Словѣномъ быша, ib. 5.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ въ русск. польск. творительный.

Инии же несвѣдуще рекоша, яко Кій єсть перевозникъ былъ (Русск. именит. твор., польск. твор. чеш. *že byl jest převoznik*, Эрб.); аще бо перевозникъ Кій (чеш. *kdyby však býval převozníkem*, Эрб., польск. твор.) то не бы ходилъ Царюгороду, ib. 4.

Послемся къ Васильеви попови на Щьковицю, абы былъ намъ игумень и управитель стаду черноризиць (=ьць), Ип. 126.

Сочетаніе причастій, кромѣ прош. на -ль, съ глаголами кромѣ єс-, бы-

1. Причастіямъ этимъ свотвѣтствуетъ въ греческомъ частью причастіе же, частью неопредѣленное наклоненіе; въ новыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ—частью развитое придаточное предложеніе, частью неопредѣленное наклоненіе, причастіе въ творительномъ и дѣепричастіе. Стало быть, въ этихъ послѣднихъ нарѣч. находимъ здѣсь значительно большее разнообразіе формъ, чѣмъ въ древнемъ языкѣ.

Мнѣнаахъ духъ видѣще, О. ев. Лук. 24, 37, *ἐδόχουν πνεῦμα θεωρεῖν*, думали, что видятъ, серб. да виде, чеш. *že vidí*, польск. *že widza*. *єже мнѣнтьсѣ* имы (*ὁ δοχεῖ ἔχειν*) въ зато бѣдетъ отъ нѣго, Л. Мат. 25, 29. *єже мнѣнтьсѣ* имѣна отъиметьсѣ отъ нѣго, ib. Лук. 8, 18. Се бо мнѣнтьсѣ уне бѣдн приложити ко глаголанымъ (*βέλτιον εἶναι προσθεῖναι*), XI в. Будиловичъ, Изсл. 13 сл. Григ. Богосл. 19. Съ мнѣнашесѣ дрѣжа, *κρατεῖν αὐτὸς ἐλελάμθανε*, ib. 48. И мнѣнасѣ стоя да сѣ бѣдн(ю)детъ непасти, Изб. 1073. 73 (2-й падежъ въ подлежащемъ).

И такъ путь (=таковъ обычай) жены любодѣица, яже кгда сѣтвори, 40 отъмѣнъвшися, ничто же ся мѣни сѣтвориши бесъчиньна, (Изб. Свят. 1073, Срезневск. Пам., русск. п. 139=думаетъ, что несдѣлала). Но и

мнимся Бога любяще (=думаемъ, что любимъ); но аще потщимся заповѣди его сохранить, тогда явимся Бога любяще (окажется, что любимъ), Лавр. 129. И мняшеса умомъ сѣдя у церкви святою (ему думалось что сидитъ, воображалъ себя сидящимъ), XIV в. Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 34. И широтоюъ подрагъ, мѣнаштеа (фарисеи) законъ сохранаште, величають, Supr. 250, 10 (2-й падежъ въ приложеніи).

Друзии бо прамъ гѣкая прѣгрѣшения видими сѣтъ имѣште, въ таинѣ же велика оуправлѣния къ Богоу твораште, въ насъ грѣшнии сѣште мѣнатъся, оу Бога же сѣтъ правѣдни, Изб. 1073, 74.

Такое же непосредственное сочетаніе со вторымъ именительнымъ причастіа слѣдуетъ принять и для синонимовъ гл. мѣнѣтиса, между прочимъ для вѣдѣтиса, на основаніи оборотовъ, какъ „невѣдать са, что твораше“, о коихъ—ниже. Ср. въ греч. причастіе въ именит. при ѣоика кажусь, αἰσθάνομαι замѣчаю, γινώσκω узнаю, οἶδα знаю, οὐνοῦμαι, сознаю въ себѣ.

югда же си услыша старецъ, сѣтвори ужегѣни са, XIV в. Срезн. Пам. юс. письма, 221. Болѣе древній языкъ требовалъ бы здѣсь безчленнаго причастія: сѣтвори ужьгъ са, показалъ видъ, что обжегся. Творити и безъ са принято за средній гл.

Тѣлнаго ради женскаго (=относительно менструаціи) со Оркадіемъ молвихъ се со игуменомъ, а творяшеса и епископа прошавъ (сказывалъ, будто спрашивалъ) и инѣхъ, а непокладоша ни за что же, Въпраш. Кюрик. по сп. XIII в., Калайд. Пам. 181. Творять инии слышавъше отъ инѣхъ епископъ, ib. 191. Повѣдаше бо ся изъ ино-го града пришедши (сказывалась пришедшею) XIV в. Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 38.

Да са быша явили челоуѣкомъ постаще, О. ев. Мат. 6, 16, *ὅπως φαῖνῶσι ἡστέοντες*, ut appareant jejunare. Да не явишиса челоуѣкомъ постаса, ib. 6, 18, *ὅπως μὴ φαῖνῆς ἡστέων*.

41 Довѣлѣ мѣнозѣмъ наплѣнивъ уши, *ἤρξαβε πλεροῦν ἀχοῶς*, XI в. Будил. I. с. 48.

Данило... сожались отславъ сына си Лва и воѣ, Ип. 190 (546), т. е. не „отославши, пожалѣлъ“, что было бы выражено посредствомъ „отъславъ и (а) съжались“, а „пожалѣлъ, что отослалъ“. Боуди правдивъ тако, яко некаися правды дѣля и закона Божия и приложа главы, Поуч. Луки Жид. Р. Дост. I, 8, гдѣ можно ожидать прич. прошед. „некаися главы приложивъ“, или, если каются =жалѣтъ, —неопредѣленнаго: „некаися приложити“.

Неубояшася князя два имуща (=неиспугались того, что у нихъ было два князя) въ власти сей и бояръ ихъ прещенъя ни во что же положиша, Лавр. 160.

Съ этимъ сочиненіемъ гл. довлѣти, радоватися (примѣръ ниже), съжалитиси, ср. въ греч. такое же сочиненіе причастія съ глаголами

душевнаго движенія: *χαίρω, ἡδομαι, τέρπομαι, ἀσπλάω αἰσχύνομαι* и др.

Али ты съ кльврътомъ твоимъ моудиши враждѣ дръжа, како можеши ити къ мирнѣи трепезѣ и господни, *Supr. 315, 25.*

Самъ пребываеши сѣдя и позорюя ядуща ины и упивающася, Поуч. Никиф. Р. Достоп. I, 64, остаешся сидящимъ. Слугы недаша ему ничто же и тѣ пребысть неяды, *Срезн. Ск. о Б. и Г. 34, остался неѣвшимъ. Пребываше бияся и припадая предъ святыма, ib. 84. ѳреси бо вѣставши при Теофилѣ цѣсари иконоборци, многа лѣта прѣбысть иконъная святыни гонима и разарѣѣма, Сп. XIV в. Срезн. Свѣд. XXXVII, 56.*

Си же, отънѣли же вѣнидохъ, непрѣста обѣлобызѣнши носѣ мои, *О. Е. Лук. 7, 45, οὐ διέλιπε καταφιλοῦσα. ѣкоже прѣста глагола (ἐπαύσατο λαλῶν), рече къ Симону, ib. Лук. 5, 4. Ты же г(осподи) мои кнѣже славныи Сѣмеоне Х(рист)олюбче непрестаѣши вѣзыскаа повелѣнии ѳго (Ба), Ио. Экз. Пролог.*

И прѣжде бо въ оумѣ непрѣсташе съгрѣшала, и по створении въ тожде похоти ѣсть, *Изб. 1073, 58. Дияволь, иже непрестаеъ воюя на родѣ хрестыанскый, Лавр. 174. Александрѣ. Романовичема непресташеть хотя зла, Ип. 163 (502). Ростиславъ Пиньскый непресташе клевета, Ип. 167 (507). Даниль... непресташеть строя* ⁴² *на нѣ рать, ib. 173 (513). Рать татарская непрестаеъ злѣ живуши с нами, ib. 191 (548). Непресташеть злое творя Володимеру князю, ib. 211 (587).*

Такъ и въ болѣе позднемъ языкѣ западно-русска. и моск. съ дѣепричастіемъ:

Люди его непереставаютъ казѣчи землю его милости, *1501, Ак. З. Р. I, 222. Тыи зрадци наши.. непереставаютъ зачѣпки чинячи и людемъ нашимъ грозячи и листы отповѣдныи къ нимъ пишучи, 1504, ib. 329. Въ отвѣтныхъ рѣчахъ московскихъ пословъ та-же фраза съ другою формою дѣепричастія: „непереставаютъ зачѣпки чиня и людемъ его грозя и листы къ нимъ пишучи,“ ib. 331. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „неперестаеъ воюя“ значитъ не „воюя“ (аппозитивно), неперестаеъ дѣлать что-либо другое, а „неперестаеъ воевать“.*

Да немнеть прѣльстници слнца твореща жизнь, нѣ да се ѳго останутъ кланѣюще, *Ио. Экз. Шестодневъ, 92, гдѣ замѣтимъ славянское сочетаніе остатися съ родит. оставляемаго предмета. Аще ся сего непокаеши, ни останеши сиче творя (неперестанешъ поступать такъ), то вѣсто ти буди яко.. Срезн. Ск. о Б. и Гл. 83.*

ѳгда съврѣши Исусъ заповѣдаѣа обѣма на десате ученикома своимъ, *О. е. Мат. 11, 1, ἐτέλεσεν διατάσσων.*

И яко сконча зижѣ (окончилъ строить), украси ю (церковъ) иконами, *Лавр. 52.*

Того же лѣта кончаша церковь владычню пищуце (окончили писать), Новг. I, 79.

Съ этимъ сочиненіемъ гл. прѣбыти, прѣстати, остати, съвршити, кончати ср. въ греч. прич. въ именит. съ *διατελέω*, продолжаю постоянно, *διαλείπω*, паύομαι перестая, *τελέω* кончаю.

Шьдъ же и умыса и приде видѣ, О. е. Юн. 9, 7, ἦλθε βλέπων.

И възвратися Андрей невреженъ, съхраненъ Богомъ и молитвою 43 родитель своихъ, Ип. 64 (303), т. е. не „возвратился, будучи невредимъ“, а „воротился нераненнымъ, или невредимымъ, будучи сохраненъ“ и пр.

И яко быша въ дверехъ, ста рака непоступащи, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 76,—оборотъ, построенный одинаково съ ниже приводимыми, какъ „ста простъ“ и непереводаимый пынѣшнимъ „остановилась, недвигалась впередъ“, въ коемъ дѣепричастіе возникло изъ причастія аппозитивнаго, а не предикативнаго.

Святославъ.. сѣде княжа (=сѣлъ княжить) ту въ Переяславци, Лавр. 27. Азъ же совокуився съ братьею своею... и сѣдѣлъ есмь доспѣвъ, жда отъ тебе вѣсти. Ип. ² 466; азъ сѣжю доспѣвъ ib. 468. Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, Лавр. 10. Изяславъ лежаше раненъ, Ип. 64 (303). Бѣ бо лежалъ непогребенъ нѣколико дновъ (т. е. днѣвъ), Ип. 100 (373). А лежала въ лари тая грамота положена годъ да полъ третья мѣсяца, Пск. I, 233.

Ови ведутся полонени, ови посѣлкаеми (суть) и до молодыхъ дѣтй. Лавр. 162.

Митрополитъ поѣха изо Пскова одаренъ. Пск. I, 216.

А намѣстничіи люди... и иные никто на пиры и на братчины къ нимъ незваны пити неходятъ, а кто къ нимъ придетъ пити незванъ, и онѣ того вышлютъ вотъ безпенно, 1518, Ак. Ист. I, 185.

Здѣсь неотдѣлены причастія страдательныя отъ дѣйствительныхъ, хотя, по видимому, есть основанія разсматривать тѣ и другія отдѣльно. Именно, кажется, что прич. страд., въ силу упомянутой выше меньшей своей предикативности, входятъ въ непосредственныя сочетанія не со всѣми тѣми глаголами, что дѣйств. причастія, а лишь съ глаголами а) мнѣтися, явитися, творитися, повѣдатися и т. п., б) прѣбыти и т. п., в) ити и прочими гл. вещественнаго движенія. Менѣ можно ожидать страдательнаго причастія при глаголахъ аффекта (убоятися, радоватися, сжалитися) и при перестати, съвршити. Этимъ не 44 исключается возможность ни аюзитивной постановки прич. страд. (судимъ, неубояся), что впрочемъ разумѣется само собою, ни ихъ посредственнаго присоединенія къ сказуемому: неубояся быти судимъ.

2. Сочетанія, подобныя вышеприведеннымъ, находимъ въ старинномъ сербскомъ и чешскомъ.

Да приду у Дубровникъ, да на ме неустане никьторе, дѣ (quia, по Даничичу) ѣ (=я) съмь радь правьду учине, и ако правьде неучину, да съмь кривь, 1240, Miklos. Monum. Serb. 30. Ср. выше „радоватися“ и пр.

Ако се кто наиде продавь вино с водомь.. да му се все узме што има, 1222—8, ib. 17. И съ кушловь ако се кто наиде одь нашихь чловѣкъ ходе по земли кралевьства ти.. да.. XIII в. ib. 48.

Обрѣте ли се кто потвараѣ сиѣ... 1234, ib. 20. Кто есть здѣсь подлежащее глагола, а не причастія, какъ въ ниже разсматриваемыхъ оборотахъ „нѣсть, кто възыская“. Кто ли се обрѣте прѣслушавь сиѣ моѣ.. да приме гнѣвь и наказаниѣ оть кралевьства ми, 1234—40, ib. 27. обрѣте ли сѣ кто нѣшедь на трьгѣ (=е) или, где годе ставь, нѣдавь (=недавь) уреченога доходька.. да имь сѣ уземлѣ купля, 1253, ib. 40,=если будеть найдено, что непошелъ, что сталъ гдѣ-либо не давши мыта... Кто ли се обрѣте испакостивь имь или што узьмь одь нихь, да приме гнѣвь.. XIII в. 53.

Эти примѣры съ наитисе, обрѣсти се, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ русскимъ „вестися“=быть ведену, служатъ образцами сочетаній страдательныхъ глаголовъ съ причастіями.

Въ чешскомъ XVI в. и раньше:

Uzřelse. stoje (=узрѣся стоя), при чемъ ся имѣть значеніе не объекта, какъ въ „увидаль себя стоящимъ“, а лишь знака медіальности глагола. 45

Vždy jsem se podal od dveří stojic nalezla=обрѣтохъ ся стоячи.

Toho se činil neznaje, staví se neslyše=творяшеться незная, творитья неслышя.

Poslové tito činili se na to nic nedbajíce=„творяхуться неберегуче того“, показывали видъ, что позаботятся объ этомъ.

Břetislav pořekl se jest chtě k císařovu dvoru jíti=повѣдѣся хотя..

3. Въ литовскомъ до-нынѣ весьма обычны сочетанія съ подобными глаголами такихъ-же причастій и сверхъ того—причастія настоящ. II на -damas и прич. будущ. дѣйствительн., которое можетъ быть передано славянскимъ хота, имѣ съ неопредѣленнымъ накл.

Erodas, nūmanudams (прич. наст. II) izsmintingujū prigauts, labai raryuko, Mat. 2,16. Въ О. ев. какъ и въ греч. текстѣ, на мѣстѣ второго причастія—придаточное предл. съ глаголомъ: „видѣвъ, яко порѣганъ бысть оть вѣлхвъ“; но, по-видимому, возможно было бы и въ слав. „видѣвъца порѣганъ“. Лит. nūmanuti, замѣтить, здѣсь гл. средн. Само собою, что онъ могъ бы стоять и въ личной формѣ съ тѣмъ-же причастіемъ.

Tikisi wis žinaš, Ness. Wb. „мнѣнеться все зная“, вѣрить о себѣ, думаетъ о себѣ, что все знаетъ. Tikėjos už tą naujėną gerą pelnę gausėš, Царей, II, 4, 10, „мнѣнеться имы получить“, думаль, что за

эту новость получить хорошій хабаръ (серб. тур. муштулук, bothenlohn). Wargey tikejos su je sutįksęs (прич. буд.), Царей, II, 13,1, думаль, что врядь ли съ нею сойдется. Nes turinczam dūdama, bet neturinczam
46 atimama ir tai, ko tikįs turįs, ėже мьнаса имж“, т. е. ėже мнитьса имьга.

Kad asz neįinoczau neszams (прич. наст. стр.) buvęs (прич. пр. дѣйств. букв. аще не быхъ са вѣдѣль несомъ бывъ), taruczau asz bęgte bęgau, Schl. Gr. 332, еслибъ я незналь, что меня несли, я бы сказалъ, что я бѣгомъ бѣжалъ.

Jis sakęs ėsas welnies, Schl. Lit. Gr. 317, сказался чортомъ, букв. „повѣдаса съ“... Sakykis mano sesū ėsanti; Быт. 12, 13, скажись моей сестрою, букв. „повѣждьса сѣщи сестра“.

Dėdas megas, rapikęs, nematęs, Ness. Wb., притворлется спящимъ, сердитымъ, слѣпымъ, букв. творитса съпга и пр.

Jeib žmonėms nesiroditumbei pasnikaujas, Mat. 6,18, да не явишиса чловѣкомъ постаса.

Tas labai pawargęs iszžiureje, Schl. Leseb. 266, онъ казался (смотрѣль, wyglądał) очень бѣденъ (въ лит. прич. прош. дѣйств.).

Къ такимъ же сочетаніямъ должны бы быть способны глаголы jaustis, чувствовать себя, ощущать себя въ извѣстномъ состояннн (какъ pajusti: asz pajutau su kojomis wandenyjė bestowis, я почувствовалъ, что мои ноги стоятъ въ водѣ, букв. ощутихъса стога, Kursch. Wb.) и rastis, найтись, быть найдену.

Girklius girias galijs (хвалитъса можн) auksą kalti, a nemok nė putrai pramalti, Schl. Les. 82, хвастунъ хвалитса, что можетъ золото ковать, а (онъ) неможетъ и путри (каши) молотъ.

Džiaugias sawo kaimuą prigaudams (пр. наст. II), prigawęs (пр. прош.), prigausęs (буд.), Schl. Gr. 343, радуется, что обманываетъ, обманулъ, обманеть своего сосѣда, букв. радуетьса льста, обльстивъ и пр.; dzaugesi velnię prigavęs, Schl. Les. 217, радъ былъ, что обманулъ черта.

47 Asz gailūs Zaulą karaliumi įdėjęs, Цар. I, 15,11, жалѣю, что поставиль (букв. поставивъ, прич. прош.) Саула царемъ. Gailėjos įj paleidę, Schl. Les. 190, „сѣжалиша си пустивъше“, что уступили, отпустили.

Pažadėjo dūšęs (прич. буд. въ им. ед. м.), обѣщаль, что дастъ; въ лит. pažadėti здѣсь въ знач. среднемъ (=обѣщаться), допускающемъ сочетаніе съ именительнымъ, передъ которымъ нѣтъ нужды вмѣстѣ со Шлейхеромъ (Gr. 332) принимать ощущение союза kad. что.

Asz velijūs tris nedėles dirbęs, nekaip tris dėnas sirgęs, Schl. Gr. 317, лучше хочу (въ лит. гл. сред.=хотѣтиса) три недѣли работать (въ лит. прич. прош. работавъ), чѣмъ три дня болѣть (лит. болѣвъ).

Nerakencze neprovavojęs, ib. неможетъ вытерпѣть нетягавшисъ (лит. прич.), т. е. чтобъ нетягаться.

Jis pasiliko bestovįs, besedįs, Kursch. Wb. blieb stehen, sitzen (въ лит. прич. наст.).

Senis nūtilo gargaliavęs, Schl. Les. 191, старикъ пересталъ хрипѣть, букв. замълча хрипѣвъ.

Knipelis paliove muszęs ib. 211, палка перестала бить (лат. прич. прош.).

Jau paliove (apsistojo, perstojo) lijusį (прич. прош. женскаго род. замѣняющаго потерянный средній), уже перестало лить (ливши), т. е. пересталъ дождь, Kursch Wb.

Liaukis werkęs, ib., перестань плакать (букв. плакавъ, прич.). Вай нутокъ путяс, шырус веяли! Вай нутокъ баряе маня, берняли (ой перестань дуя (=дуть), сѣверный вѣтеръ; ой перестань браня (=бранить) меня молодець). В. Мил. и Форт. Лит. н. п. 154 и ib. 221, гдѣ съ этимъ сравнивается прич. при англ. to cease, to finish: he ceased writting, he finished reading. Это сочетаніе причастія съ глаголами прекращенія въ литовскомъ должно быть принято въ соображеніе, на случай, если мы захотимъ въ цсл. „прѣста глагола“ видѣть только подражаніе греческому *ἐλαύσατο λαλῶν*, Черный Греч. Синт. ² § 146, 4, прим.).

Prakeiktis te-stow kožnas, kurs.. Цар. (Сам.). 14,78, пусть стоитъ (=будет) проклять каждый, кто..

4. Въ латышскомъ такіе же глаголы (между прочимъ хотѣть, желать, для которыхъ славянскихъ примѣровъ мы неимѣемъ) сочетаются съ тѣми же причастіями, что въ литовскомъ, кромѣ почти вышедшаго 48 изъ употребленія прич. будущ. (Bielenst. Lett. Gr. § 755; слѣдующіе примѣры безъ ссылокъ—ib. §§ 528, 754, 761, 766 и 373—4).

Szē teicas labi stradajūszi, они думаютъ (о себѣ), что хорошо работаютъ, букв. „мнѣяться страдающе“.

Es szkītūs visu darijīs, я считаю, что все сдѣлалъ, соб. мнѣюся все сѣтворивъ“.

Zināju tēvu klausijusi, я знала (въ лот. въ знач. средн.), что слушала отца (была послушна), собств. „вѣдѣхъ ся у вѣдѣяхъ-ся слушавъши“.

Эс перею тауту делу зелта зару дабуюси, Спрогисъ 185, я надѣялась, что добыла (въ лот. прич. прош. жен.) въ людскомъ сынѣ (=молодцѣ) золотую вѣтку.

Vēlejšs nepinusi, желаю (или желала, въ лат. гл. сред.) невивши (въ лот. прич. прош. ж.), т. е. лучше (мнѣ) было невить вѣнка.

Vīnsz lēlas manī kūlis, онъ хвалится, что билъ меня, соб. „величается бивъ“ (прич. прош. м. ед.).

Сакās māte ūдевуси, желотая рѣцїня, Спр. 234, говоритъ (о себѣ) мать, что отдала (меня) въ руку того, кто жалѣетъ (=жалобника, въ томъ смыслѣ какъ въ мдр. пѣснѣ „сестриця жалібница“), собств. какъ бы „речеться вѣдавъши“.

Эс невару негāюси, Спрог. 156, я немогу нейти (въ лот. =нешьдъши, прич. прош. ж.).

Эс айзмирсу баліням крустѣм двѣлюс некаруси, Спрог. 79, я забыла братцу крестами (=накрестъ) ручники невѣшавши (въ лот. прич. прош. жен.), т. е. забыла надѣть на братца. Ср. айзмирсу не-
 прасијис, я забылъ спросить, букв. забылъ неспросивши (съ прич. а
 не дѣеиприч.). Эти чрезвычайно странные обороты съ отрицаніемъ при
 причастіи послѣ гл. айзмірст, забыть, (Biel. Lett. Gr. § 761, с.), быть
 49 можетъ, объясняются тѣмъ, что они должны выразить мысль: „забыла
 (такъ), что ненадѣла“, „забылъ (такъ), что неспросилъ“, при чемъ,
 такъ какъ на мѣстѣ нашего придаточнаго предложенія съ отрицаніемъ
 стоитъ одно причастіе, то отрицаніе можетъ найти мѣсто только пе-
 редъ нимъ.

(Пуриньш) нелайда (мейтас гулѣт), гриб пѣдаринамс, Спрог. 167,
 приданое (=скрыня) непускаетъ дѣвицъ лежать (=непозволяетъ имъ
 спать), хочеть, чтобъ его (ее) готовили, букв. хочеть готовимъ (въ лот.
 прич. наст. страд. муж. согласуемое съ пуриньш).

Gribējas pīdinajams, Лук. 16, 21, желааше насытитиса, но букв.
 желаашеса насытимъ v. насыщаѣмъ“ безъ быти, которое въ лот. здѣсь
 никогда нестояло.

Тапат гриб пурва зѣле ка даболс витеяма (прич. наст. страд. въ
 им. ед. ж.); тапат гриб свеша мате, ка мѣминя годееяма (прич. стр.
 какъ выше), Спрог. 240, и болотная трава хочеть, чтобъ ее сушили,
 какъ клеверъ; и чужая мать (свекровь) хочеть, чтобъ ее чтили, какъ
 родную (ей годили?), букв. хочеться сушима, чтима.

Три слѣдующіе лот. глагола употребительны почти наравнѣ съ esmu,
 bīju, but (есмь, былъ, быть) въ сочетаніи съ прич. прошед. страда-
 тельнымъ, для выраженія страдательныхъ сказуемыхъ безъ отгѣнка не-
 обходимости, приуроченнаго къ сочетаніямъ прич. наст. страд. съ
 esmu и пр.

а) tūpu, tapt (литов. tampa, tapti, стать, становится чѣмъ, werden),
 напр. tūpu celts, ich werde gehoben, т. е. я поднимаемъ и я поднять,
 безъ различенія совершенности и несовершенности; tam taps dōts, Мат.
 25, 29, тому дано бѣдеть (въ лот. причастіе въ муж. р. вм. недоста-
 ющаго средняго); taps atnēmts, ib. вѣзато бѣдеть; ka tu no l'audim ne-
 50 tūpi uzlukats gavedams, Мат. 6, 18, букв. да ты отъ чловѣкъ
 небѣдеши видѣнъ говѣѣ. т. е. да не явишиса постаса.

б) tīku и tiku, tīkt, geschehen, gelangen, (лит. tenku, tekti, доста-
 вать, напр. достало хлѣба; достаться, доставаться, приходится кому,
 не только въ безличномъ, но и въ опредѣленно-личномъ оборотѣ).

в) kl'ustu, kl'ut, werden' gelangen, ср. лит. klustu, kluti, между
 прочимъ—попадать,-ся, напр. въ сѣтъ, въ руки.

Всѣ три глагола начинательны.

Рѣже въ такомъ значеніи лот. palikt, остаться: „palika kauts=zo-
 staļ bity.

Примѣры глаголовъ физическаго движенія съ причастіемъ:

Вай дѣнниа ман, дѣнниа, ту атнаці незинама, Спр. 224, ой денекъ мой, денекъ, ты приходишь незнаемъ (въ стар. русс. „незнаѣмъ“, „безъ вѣсти“).

Эс апгүлу недерета зам заляс веленіяс, ів. 224, я легла (спать) незасватана подъ зеленымъ дерномъ.

4. Въ литовскомъ, по видимому, вовсе необычно образование дѣепричастій изъ причастій въ именительномъ, входящихъ въ составъ сказуемаго. Въ выраженіи іѣсни „kad asz žinoszau bernuži gausent (дѣеприч. будущ.), Schl. Lit. Gr. 332, еслибъ я знала, что достану молодца (= что мнѣ достанется мѡлодецъ, а не вдовець), можно было бы глаголу žinoti приписать среднее значеніе, какъ въ одномъ изъ приведенныхъ выше латышскихъ примѣровъ, несмотря на отсутствіе при немъ возвратнаго мѣстоим., а за дѣепричастіемъ можно было бы предположить причастіе въ именит. ед. ж. (gausenti). Такимъ образомъ литовскому выраженію соотвѣтствовало бы „аще быхъ са вѣдѣла имѣщи получить“. Однако žinoti можетъ быть здѣсь и глаголомъ дѣйствительнымъ, при коемъ опущенъ первый винительный (себя), а дѣепричастіе могло образоваться изъ второго винительнаго.

Напротивъ, въ латышскомъ есть несомнѣнные случаи дѣепричастій 51 изъ именительнаго п. причастія не только дѣйствительнаго, но также, что составляетъ особенность этого языка сравнительно съ литовскимъ и русскимъ, и страдательнаго наст. вр.

а) Мāте мейту аудзедама, шкитāс пилі мурейѡт (дѣепр. наст. дѣйств.). Спр. 142, мать, роста (воспитывая) дѣвицу, думаетъ (въ лат. гл. сред. въ возвр. ф.), что муруетъ замокъ, какъ если-бы въ ст.-русс. было сказано „мнѣнится зижя“ (съ дѣепр., вм. зижючи).

wīnsz palika ēdūt, er blieb essend;

б) Gribéjas (гл. сред. въ возвр. ф.) bral'a séva, ka māmiņa aptesam (дѣепр. страд. наст.), Biel., хотѣла братняя жена, чтобы за нею ухаживали („обтекали ее“, увивались около нее), какъ за матерью, приблизительно: „хотѣлась ухаживаем(а)“.

5. Русское дѣепричастіе, предполагающее именительный, по правилу, возникаетъ въ врусс. говорахъ или изъ прич. входившаго въ сказуемое вмѣстѣ съ ѣс-, бы- („были вставши“) и съ глаголами пребыванія ¹⁾, или изъ прич. аппозитивнаго („вставши, сказалъ“), или, наконецъ изъ причастія въ именительныхъ самостоятельныхъ, о чемъ ниже; но изъ причастія въ составномъ сказуемомъ съ другимъ глаголомъ кромѣ названныхъ, напр. въ „неирѣста обლობызѣщи“ (неперестала лобызать) дѣепричастія невыходить. Въ нынѣшнемъ нашемъ языкѣ выраженіе „лобызал непереставала“ безъ дополняющаго неопредѣленнаго (непереста-

¹⁾ Приунывъ стоитъ палата грановитая, припечаливши косѣвчаты окошѣчка. Барс. прич. 149.

вала что дѣлать?), неимѣло бы смысла, а съ этимъ неопредѣленнымъ („лобызая, непереставала плакать“) выражаетъ вовсе не то, что „неперестаяшеть лобызаячи“. Въ составномъ сказуемомъ стариннаго языка, напр. „твориться ида в. шьдъ“, значеніе причастій „ида“, шьдъ“, то, что онъ есть идущій или шедшій, составляетъ содержаніе его притворства; признакъ, заключенный въ причастіи, представляется возникающимъ или возникшимъ въ силу энергіи, выражаемой глаголомъ 52 „твориться“; причастіе, согласуемое съ подлежащимъ и такимъ образомъ несамостоятельное по отношенію къ нему, въ то-же время несамостоятельно и по отношенію къ глаголу въ сказуемомъ. Въ выраженіи нынѣшняго языка „идучи притворяется“ содержаніе дѣепричастія (идучи) не возникаетъ вмѣстѣ съ дѣятельностью глагола, а только сопровождаетъ ее („онъ на ходу притворяется“), при чемъ глаголь требуетъ поясненія (притворяется чѣмъ?). Такимъ образомъ здѣсь дѣепричастіе, хотя прямо неимѣетъ связи съ подлежащимъ, а относится къ нему лишь черезъ посредство глагола, но тѣмъ неменѣе по отношенію къ этому глаголу болѣе самостоятельно, чѣмъ причастіе въ „твориться ида“. Другая сторона того же явленія состоитъ въ томъ, что и глаголь здѣсь не вспомогательный, а самостоятельный. Древній языкъ не видитъ здѣсь формальной разницы между глаголами въ „късть судя“ и „твориться ида“, принимая оба за вспомогательные. Новѣе влр. 53 говоры невозможностью сказать „притворился выпивши“ (въ смыслѣ „выпившимъ“, или „пьянымъ“) при возможности сказать „быль выпивши“, — „выпивши“, проводятъ раздѣлительную черту между есть, былъ, будетъ, будь (б. м. и сталъ, станеть) съ одной стороны и всеми остальными средними глаголами *der unvollständigen Aussage* съ другой. Послѣдніе являются гораздо болѣе удаленными отъ прежней своей несамостоятельности и вспомогательности, чѣмъ первые. „Есть“, „быль“ и пр. удерживаютъ здѣсь слѣды несамостоятельности, несмотря на стремленіе дѣепричастія выдѣлиться изъ сказуемаго. Тотъ книжный русскій языкъ, въ коемъ вовсе необычны выраженія какъ „быль выпивши“, въ этомъ случаѣ отличается отъ упомянутыхъ говоровъ большею чистотою принципа. Тѣмъ самымъ онъ выражаетъ тотъ взглядъ на дѣепричастіе, по которому оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ 53 быть несамостоятельно по отношенію къ сказуемому, т. е. всегда выражаетъ признакъ, возникшій помимо дѣятельности, обозначенной сказуемымъ.

6. Особо упомяну слѣдующій случай образованія дѣепричастія.

Шлейхеръ (*Litauische Gr.* 317—8) находитъ своеобразнымъ употребленіе литовскаго причастія прошедшаго дѣйств. въ выраженіяхъ: „*sveiks, tare, mēls i broliau, i musu kamrā parējēs*“, Donaleitis, 136, здоровъ, сказалъ, онъ, милый братъ, въ нашъ уголъ воротившись; *sveiks atējēs, atkeliavęs*, здоровъ пришедши, приѣхавши (съ дороги); *sveiki naujā*

meta sulauke (имен. муж. мн. ч.), здоровы новаго года дождавшись, т. е. поздравляю съ новымъ годомъ; sveiks valges, здоровъ ѣвши (на здоровье! привѣтствіе ѣдущему); sveiks geres (м. ед.), sveiki gere (м. мн.), sveika gerusi (жен. ед.), sveikos gerusios (жен. мн.), здоровъ (-а -ы) пивши; sveiki klausę, здоровы спросивши, т. е. спасибо, что спросили, именно о здоровьи, и пр.

Для насъ интересъ этихъ выраженій состоитъ въ томъ, что и млр. выраженіе „здоровъ пивъ“, т. е. на здоровье! (обращаясь ко пьющему), заключаетъ въ себѣ отнюдь не причастіе на -лъ (какъ подобное выраженіе „здоровъ бувъ“, „здорова була“, „здорові були“), а дѣепричастіе, происшедшее изъ такого же причастія, какое стоитъ въ литовскомъ, что видно изъ мн. ч. „здорові пивши“ (а не „пилі“). Слѣды такого же оборота видны въ влр. былинномъ стихѣ „здорово женившись, да нѣ съ кѣмъ спать“, въ коемъ изъ согласуемаго прилагательнаго „здоровъ“ вышло нарѣчіе. Вѣроятно, отсюда же, посредствомъ опущенія „здоровъ“, или „здорово“, произошли обычныя влр. поздравленія; „побанившись!“, „разговѣвшись!“, „причастившись!“. Отъ „здоровъ“, „здравъ“ образуется глаголь: „здравствуй, братецъ свѣтъ, да продавши сестру!“ Шейнъ, Р. н. п. 522. Далѣе, оборотъ, какъ „здоровъ пивъ“ предполагается выраженіями, какъ: „и потомъ бояре и боярины царя и царевну поздравляютъ обручався... вѣнчався“; „царя и царицу поздравляютъ со- 54 четався законнымъ бракомъ“, Котоших. 6, 9. Здѣсь дѣепричастіе не прямо изъ именительнаго, а изъ предполагающаго этотъ им. винительнаго причастія; изъ прилагат. „здоровъ“ въ „здоровъ пивъ“ и подобныхъ привѣтствіяхъ образованъ глаголь здоровать кому („и посла князь в. П. Я. Захарьина Москвѣ здоровати, что князь великій Псковъ взялъ“, Пск. I, 288: „здороваютъ великому князю послѣ вѣнчанья“, 1526 г.), здоровить кого (т. е. дѣлать кого здоровымъ, говоря ему „здоровъ“, по тому вѣрованью, что въ слушный часъ сказанное слово исполняется; въ этомъ же смыслѣ цѣловати отъ цѣль), откуда поздоровлять кого.

Выраженія „sveiks geres“ и „здоровъ пивъ“ возбуждаютъ два вопроса. Во первыхъ, несомѣнно, что въ нихъ опущенъ вспомогательный глаголь, но какая именно его форма, повелительное ли buk (Schl. I. c.), будь, или настоящее (=ѣси), коему въ такомъ случаѣ могъ быть сообщенъ отглаголь желательности, независимо отъ союза, въ родѣ ать, да, и до его появленія? Во вторыхъ, въ какомъ отношеніи находилось здѣсь причастіе къ сказуемому, состоящему изъ прилагательнаго и глагола? Стояло ли причастіе аппозитивно, такъ что разсматриваемые обороты значили: „dn, nachdem du getrunken hast, sei gesund“, ты, выпивши, будь здоровъ? Въ такомъ случаѣ мы должны раздѣлить запятою первыя два слова въ „здорово, женившись, да нѣ съ кѣмъ спать“ даже и тогда, когда непредпочтемъ здѣсь объясненія „женившись“

изъ дательныхъ самостоятельныхъ. Или же причастіе въ „здоровъ (будь) пивъ“ входило въ самое сказуемое, которое было при этомъ трехсоставно и означало приблизительно „*indem du getrunken hast sei gesund!*“. Чтобы дать понятіе о возможности и эффектѣ такой предикативности причастія въ нашемъ случаѣ, можно бы указать на вышеприведенное литовское сказуемое „*nūtilo gargaliavęs*“, замолчалъ хрипѣвъ, которое значить въ формальномъ отношеніи вовсе не то, что „похрипѣлъ и замолчалъ“ или „похрипѣвши замолчалъ“. Мнѣ кажется болѣе вѣроятною предикативность причастія въ *sveiks geręs* между прочимъ и потому, что причастіе здѣсь въ лит. и млр. постпозитивно, между тѣмъ какъ, будучи приложеніемъ, причастіе болшею частью выступать впередъ. Если это такъ, то въ млр. „здоровъ пивъ“ мы имѣемъ случай образованія дѣепричастія изъ предикативнаго причастія, стоявшаго не при одномъ глаголѣ существительномъ, какъ въ „былъ выпивши“, а при этомъ глаголѣ съ прилагательнымъ.

7. Вышеприведенными (1—4) примѣрами вовсе исчерпаны глаголы и сказуемые, допускающіе сочетаніе съ именительнымъ причастія. При такой неполнотѣ перечисленія врядъ ли возможно охарактеризовать эти глаголы одною какою либо формулою, кромѣ того уже указаннаго выше признака, что всѣ эти глаголы и сказуемые (сочетанія глагола со страдательнымъ причастіемъ) недопускаютъ прямого объекта въ винительномъ и неимѣютъ вовсе дополненія. Согласно съ этимъ въ случаяхъ, какъ „коньчаша церковь пишуще“ винительный „церковь“ есть дополненіе причастія, а не глагола. Въ виду существующихъ у насъ воззрѣній, слѣдуетъ замѣтить, что какъ всякая форма, такъ и залогъ извѣстнаго глагола, есть одна функція, а не двѣ, или болѣе. Говоря, что „коньчати“ съ причастіемъ въ именительномъ есть глаголъ субъективный и неможетъ дополняться винительнымъ, мы несмущаемся тѣмъ, что „коньчати церковь“ есть глаголъ объективный, ибо послѣднее „коньчати“ отлично въ формальномъ отношеніи отъ перваго.

Биленштейнъ, говоря о разсматриваемомъ здѣсь сочетаніи въ латышскомъ (Lett. Gr. § 528), впадаетъ въ двѣ ошибки, кромѣ той основной, 56 что считаетъ такое сочетаніе отличительною чертою латышскаго языка. Во первыхъ, онъ имѣетъ въ виду только глаголы съ возвратнымъ мѣстоименіемъ, тогда какъ въ дѣйствительности есть такія же сочетанія въ лот., лит. и слав. глаголовъ невозвратныхъ, такъ что напр. „твориться ида“, какъ сказуемое, относительно своей сложности совершенно равносильно съ „останеши твоя“. Во вторыхъ, въ сочетаніяхъ глаголовъ возвратныхъ, по внѣшнему виду, съ именительнымъ, Биленшт. принимаетъ возвратное мѣстоименіе за такой же винительный прямого объекта, какъ *se* въ латин. *dixit se divitem*. По этому онъ находитъ въ латышскомъ ту странность, что „именной предикатъ объекта“ (= *divitem*) согласуется не съ объектомъ (*se*), а съ субъектомъ,

объясняя это тѣмъ, что здѣсь въ латыш. предикатъ объекта аттрагируется субъектомъ¹⁾. Въ дѣйствительности здѣсь аттракція со стороны субъекта невозможна потому, что, за отсутствіемъ объекта, нѣтъ отъ чего отвлекать. Возвратное мѣстоименіе, входящее въ составъ многихъ слав. и литовско-латышскихъ глаголовъ, давно потеряло падежное значеніе и стало чистымъ знакомъ медіальности, потомъ страдательности глагола. Во „твориться ида“ и т. п. ида не можетъ согласоваться съ ся, потому, что это послѣднее есть не особый членъ предложенія, а знакъ формы другаго члена, почему причастию остается согласоваться лишь съ подлежащимъ. Въ латинскомъ этому соотвѣтствуютъ обороты со вторымъ 57 именительнымъ: *nemo doctus nascitur* и пр.

Что было въ то отдаленное время, когда *са* въ творить *са* имѣло только значеніе винительнаго, объ этомъ трудно сказать что либо опредѣленное; однако невидно надобности принимать первенство въ языкѣ второго винительнаго передъ вторымъ именительнымъ. Первообразомъ оборотовъ, какъ „твориться ида“ могъ служить не второй винительный, а второй именительный же при глаголахъ субъективныхъ безъ *са*.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы видѣли и глаголы съ *са*, имѣющіе страдательное значеніе: „ако се кто наиде одъ чловѣкъ ходе“. Согласно съ этимъ и сочетанія причастія страдательнаго съ глаголомъ вновь могутъ сочетаться съ именительнымъ (примѣрно: „аще кто обрѣтеть бѣдетъ хода“ или „друзии видими сѣтъ имѣште прѣгрѣшенія“), образуя вдвойнѣ сложное сказуемое.

Сочетаніе прилагательнаго въ именительномъ (второмъ) съ глаголами, кромѣ *есмь*, *бѣхъ* и пр.

1. а) Съ творитися, познатися, видѣтися, слышатися, мнѣтися, явитися и т. п. и съ соотвѣтственными страдательными оборотами: да не вътори (*deteriores*) явимъ *са* мѣченикомъ Христовомъ, *Supr.* 46; грубъ сы и невѣжа, прѣмудрѣи философъ (род. мн.) явися, *Жит. Теоодос. Уч. зап. II.* 189;

Немоштьнъ мнимъ бѣ приѣманъ чьсть отъ аггелъ, *Supr.* 367.

Изяславъ передъ вами нетворитися правъ (=невыдаетъ себя за праваго), но кланяется и милости ваю хочеть, *Ип.* 48 (273—4).

А Срацини—отъ Измаила, творятся Сарини, и прозваша имена собѣ „Саракыне“, рекше Сарини есмы, *Лавр.* 99.

¹⁾ Нерѣдко, говорить онъ далѣе, (кромѣ причастія) мѣстоименіе *rats*, самъ, аттрагируется субъектомъ, между тѣмъ какъ въ нѣмецкомъ оно, по видимому, относится къ объекту; *parŕiksz taisnujŕis rats, tad aizbildini citus, zuerst rechtfertige dich selbst, dann entschuldige andere*“ (*ib. ann.* 2). Здѣсь простое сопоставленіе съ русскимъ „сначала оправдайся самъ“ показываетъ, что именительный *rats*, самъ, вполнѣ на своемъ мѣстѣ, какъ подлежащее, или, въ случаѣ „ты самъ“, „я самъ“,—какъ опредѣленіе подлежащаго.

И ко преставленію своему въ болѣзни тяжкѣ познася худъ, Ип. 135 (442), почувствовалъ, созналъ, что плохъ.

И убужся отъ сна, видѣся здравъ, Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 73; убужъ же ся, видѣся простъ отъ оковъ, ів. 82.

Мы неслышимъся ни въ чомъ винни передъ тобою, 1501—3, Ак. З. Р. I, 234, неознаемъ себя виноватыми.

58 б) Съ наречися, прозватися, именоватися, слуги, сказатися и т. п. и соотвѣтственными страдательными.

Иже бо разорить ѳединѣ заповѣди сихъ малѣнихъ... мѣнии наречеться въ цѣсарьствии нѣбеснѣѣмъ, а иже сътворить... съ великъ наречеться, О. е. Мат. 5, 19.

Угри прогнаша Вольхи и наслѣдиша землю;... оттолѣ прозвася земля Угорьска, Лавр. 11, =прозвася Угорскою. Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота словѣнская, Лавр. 11.

Изверже ѱ (Перуна) вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу перуна рѣнь, Лавр. 50 (114).

Въ Понетское море, ꙗже море словеть Руское, ів. 3.

Кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти. Судеб. 1550 Ак. Ист. I, 225.

в) Съ глаголами = fieri и со страдательными сказуемыми отъ глаголь, требующихъ второго винительнаго; съ гл. = manere.

Адамъ бо прѣвъ създанъ бысть, потомъ Евга, Supr. 368.

И слѣпъ родиса, Mikl. Gr. IV, 136—9.

И утврьдиса рѣка ꙗго съдрава, О. е. Марк. 3, 5, ἀλοκατῶσάθη ἢ χεὶρ αὐτοῦ ἐγίγη, restituta est manus ejus sana.

Се оставляѣтъся вамъ домъ вашъ пустъ, ів. Мат. 23, 39.

Которые подьяки малы поставлены, неженаты, тѣмъ.. XV в. Ак. Ист. I, 146, ср. которые попы и дьяконы ново поставлены.. и они.. XVI в. ів. I, 278; въ болѣе древнемъ языкѣ могло бы быть нови поставлены Пребысть алченъ и жаденъ, Лавр. 77.

г) Съ глаголами вещественнаго движенія и покоя:

Поклонився, напишетъ крестъ на земли и цѣлуеть, и, вставъ простъ, станеть на немъ ногами, Лавр. 49.

Вста мой спонь правъ (ὄρθώθη), Быт. 37, 7, Mikl. V. Gr. IV 16, 137—9.

И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты, Лавр. 30 (т. е. пусти).

59 Въ лѣто 6651 стояше вся осенина дѣждева, Новг. I, 9.

Стояше крѣпокъ въ пѣни, донде же отпояху утреню, Лавр. 82.

Нищъ же бѣ егеръ именовъ Лазарь, иже лежааше при вратѣхъ ꙗго гноинъ, О. е. Лук. 16, 20. Ту есть мѣсто знатъ, идѣ же Христось Богъ нашъ лежалъ дѣтескъ съ матерію, Дан. Пал.

Угре же лежахуть пьяни, яко мертви. Ип. 65 (305).

Нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта, Лавр. 83.

И паде мертвъ. Л. 78. Кліросъ всь съ людьми падоша ници, Новг. I, 4; тоже согласуемое прил. при лежати, поклонитиса см. Mikl. Lex. ниць. И паде въз-накъ, паду (3 л. мн. аор.) въз-наци *ἀπὸ-λθοῦ ἔπτιοι*, Mikl. Lex. въз-накъ, накъ.

Возмутъ на ся прутье младое, бьютъ ся сами и того ся добьютъ, кгда влѣзуть (вылѣзуть?) ли живи, Лавр. 4.

Сами истопоша и товаръ, а друзи вылѣзоша, нъ нази, а и въ доми (=ы) придоша здорови, Новг. I, 6.

Сами придоша на Луки здорови вси, ib. 25.

И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е (=я) Ольга къ собѣ: „добри, гостье, придоша!“. И рѣша Деревляне: „придохомъ, княгине“, Лавр. 24. Сомнительно, чтобы Ольга хотѣла сказать, что вотъ, молъ, хорошіе гости пришли, при чемъ добри было бы опредѣлительнымъ подлежащаго. Вѣроятноже, что „добри придоша“, какъ составное сказуемое, есть такое же привѣтствіе („а, гости, добро пожаловать!“) какъ болѣе позднее, по характеру, выраженіе съ нарѣчіемъ „добрѣ придоша“ и какъ серб. добро дошао, добро дошли.

Оставъ намъ Ляхы, а самъ поиди миренъ изъ землѣ нашеѣ, Ип. 186 (538).

Сы—ночи (ы? синошти, сьношти Mikl. Lex.; серб. синоћ) былъ весель 60 съ своею дружиною и шель спать здоровъ, Ип. 75 (325).

Мнози пѣши придоша съ тоѣ войны, Ип. ² 338. Иде пѣшь 11 день до города Донця, Ип. ² 438. Св. Богородица... вставши шла пѣша до вертепа, Дан. Пал. Телебуга выйде пѣшь со своею женою об одной кобылѣ, посрамленъ отъ Бога, Ип. ², 587.

Пришли бо бяху высокомысляще, а смиренни отъидоша въ домы своя, Ип. 110 (392).

д) Съ разными другими средними глаголами:

Мьстиславъ Ростиславичъ преставися унъ, Ип. ² (414).

Отчи наши билися на Кулачьскѣ пѣши, Новг. I.

2. Въ болѣе позднемъ в. русскомъ языкѣ сравни:

б) потому та улица пустая слыла, что межъ огородовъ, а дворовъ на ней небыло, Пск. I, 288.

г) та вотчина лежитъ пуста, 1609, Доп. къ Ак. Ист. I, 275; Настасья мѣртва лѣжитъ, Пам. и обр. 378; король одва живъ лѣжитъ, ib. 375.

Только язъ Владимиръ одинъ холостъ хожу, ib. 372; идетъ (добрый молодецъ) весель некручиновать, О горѣ злоч., ib. 405; молодецъ пошелъ пѣшь дорогою, ib. 411; Я тонка иду, горюша, какъ те-сѣмочка, Зелена иду, побѣдна, какъ травиночка, Барс. Прич. I, 80.

Н угрюмъ ходитъ (Шейнъ в. п. п. 469), убить лежитъ; Аль я на тебѣ (конѣ) тяжель сижу? Варенц. 198.

61 Молодецъ на пиру невесель сѣдить, кручиновать, скорбень
нерадостень, ib. 405.

Ты (Донъ) быстеръ бѣжишь всё чистѣхонекъ, Кирѣев. 8,88; что
мутенъ течешь (Донъ).

Всѣ кузни исходилъ а некованъ воротился, Даль, Посл.
в) Пошелъ=сталъ:

Нонь народушко пошелъ такой безсовѣстной,
Холостыи мужики пошли балованы,
Безотніи сыны да самовольныи,
Вдовины дити да неупемныи, Барс. Прич. I, 179.

Ино зло племя человѣческо:
Въ началѣ пошло непокорливо,
Къ отцову ученію зазорчиво,
Къ своей матери непокорливо,
А къ совѣтному другу обманчиво,
А се роди пошли слабы, добрѣ убожливы,
О горѣ злоч., Пам. и Обр. 401.

Ты чиномъ-то своимъ невозвышайся-тко: Едины (=одинаковыми)
да всѣ у Бога люди созданы, Барс. Прич. I, 285.

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупешенекъ у матушки женился, Шейнъ 6 п. п. 151;
Одна лишь дѣвушка сидитъ безъ парня,
„Зародилась горька несчастна,
„Несчастлива, моля, она безталанна, ib. 289;

Ты родись, моя капуста, и бѣла, и вила, и со тыномъ ровна, ib.
405, неродись ни хорошѣ, ни пригожѣ, а родись счастливѣ, ib.;
родился малъ, выросъ пьянъ, умеръ старъ: совѣмъ свѣта невидаль,
посл. Ты расти, расти, ленокъ, тонокъ, дологъ и высокъ...
Что внизъ коренистъ, а вверхъ сѣмянистъ, ib. 146.

И набаются-то добры про нихъ (сиротѣ) людюшки,
Што вѣдь вольныи дѣти, безуемныи (=безуемныи),
Нехрабры да сыновья растутъ безотніи,
Некрасны слывуть дочери у матушки, Барс. Прич. I, 2, 171;
Живуть ласковы словечушки обманчивы,
И прелестной (льстивый) разговоръ ихъ да надсмѣчливой, ib. 22.

Проливое полно неживетъ; деньга покатна живетъ; кто пива
непьетъ, тотъ пьянъ неживетъ; человекъ двою глупъ живетъ:
старъ да малъ (Даль).

Буде (=если) жизнь да долговѣка моя продлится,
Душа грѣшная моя да проволочится.. Барс. Прич. I, 33. .

3. Въ числѣ глаголовъ, т. о. сочетаемыхъ съ прилагательными, не находимъ глаголовъ душевнаго движенія (радоваться, сжалиться) и глаголовъ со знач. перестать, кончить, которые мы видѣли въ сочетаніи съ причастіями. Это не случайно, но зависитъ отъ меньшей предикативности прилагательнаго сравнительно съ причастіемъ. Эта предикативность можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ увеличена присоединеніемъ къ прилагательному связки: нельзя сказать „прѣста живъ“, но можно: „прѣста быти живъ“.

4. Особого разсмотрѣнія требуютъ нѣкоторые случаи:

а) Мѣстоим. такъ (таковъ): Изяславъ же рече: „князь есмь!“, и единъ отъ нихъ рече: „а такъ ны еси и надобѣ“, и вынъза мечъ свои и нача ѿ сѣчи по шелому, Ип. 64 (303).

Такъ какъ мы говоримъ „и былъ таковъ“ (ушелъ), „родился, умеръ таковъ“, то и въ настоящемъ случаѣ такъ=таковъ (таковъ (ты) и нуженъ т. е. такого-то, именно князя-то, намъ и нужно) должно раз- 62
сматривать какъ часть сказуемаго.

Ср. мр. якъ побачивъ таку панночку, що негїлки що зроду небачив такої, та вона ёму и неспылась така (=такою), то аж задрижав, Квитка, Конот. Відь; ласо їсть, на мьякому спить, та така виходилася, що молодиця хочь куди; ід. Парх. Сн.; вр. посмотрите какова я нарядилася, Новг. Колос. Зам. I, 58. Подобнымъ образомъ входитъ въ составъ сказуемаго и мр. який, вр. каковъ: який (N) уродився, такий и згине и т. п., гдѣ предикативность мѣстоименія видна изъ позднѣйшей замѣны творительнымъ вр. каковъ родился=какимъ родился...

Вр. каковъ, таковъ, какой, такой, мр. який, такий, входятъ въ такія составныя сказуемыя, какъ вышеприведенныя, уже заключающія въ себѣ прилагательныя качественныя: „у Грекѣ, хоть самъ издохнетъ, а на волю (невольника) непустить: таковы Греки милостивы! Пут. Лукьян. 43; а земля около Нила ровная, хоть яйцо покати, такова гладка, ів. 53; незнаю даже я, каковъ тяжель челнокъ, Крыл.; посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешъ вкусень, „(она) сидѣла (и т. п.) такая печальная“, какая печальная сидѣла она, мр. „N встала така смутна“, „яка смутна встала N“. Такъ было, и отчасти и есть и въ другихъ славян. нар. и литов.-лотышскомъ. Какой, мр. який и пр. стоитъ въ этихъ случаяхъ, какъ атрибутъ предикативнаго атрибута, тяготя черезъ этотъ послѣдній къ предикативной связкѣ (глаголу), а черезъ нее уже къ субъекту. Въ болѣе позднемъ наслоеніи языка согласуемый атрибутъ замѣняется здѣсь, кромѣ упомянутаго выше творит. п., нарѣчіемъ (врүсс. такъ, какъ, мр, так, як, изъ тако, како, яко): вр. она такъ хороша (so schön), что..; но въ мр. еще „така гарна“ и т. п.; однако ср.: „ѣй же так, сказала Галочка, слухаючи такі батькові речи, що їй здавалися так (=здавались такі), неначе хто на гусли їй грає“, Квит. Щи-

ра Люб.; Ой дворе ж мій, дворе, як (=яке) же ми тепер горе! (свад. п. Зап. ч. Подоль г.). Въ отличіе отъ русс. гдѣ нарѣчіе какъ, каково, як, яково, только при прилагат. (какъ печалень) или глаг. кромѣ -ѣс- („каково поживаешь?“ что предполагаетъ „каковъ поживаешь?“) въ слѣд. болг. послов. нарѣчіе—при ѣс-: недѣй да речеш, каквѣ съм, а каквѣ щѣ да съм“ (Пам. и Обр. 138), неговори, каков я (есть), а каковъ буду.

β) Въ той же функціи, какъ выше таковъ и пр. могло стоять въ трехсоставномъ сказуемомъ другое качественное прилагательное:

Придоша... воеводы и вси вои добры здоровы (т. е. добри-здорови), гдѣ 1-е—аттрибутъ второго=воротились совершенно здовые, въ добромъ здоровьи, Новг. I, 100.

„Язъ поѣхалъ отъ господаря своего его милости, а онъ добръ здоровъ“ 1538, А. З. Р. II 252.

Володимеръ язвень-трудень въѣха въ городъ свой, Ип. ², 436, т. е. не „раненный и больной“, а, несмотря на порядокъ словъ, „тяжело раненный“, въ смыслѣ „трудень-язвень“. Ср. относительно порядка словъ: „тоя же веснѣ бысть вода велика силна (т. е. сильна-велика =сильно велика)... за много лѣтъ небывала такова вода, Пек. I, 134.

Грузна больна (=тяжко б.) бѣлая лебедушка, Барс. Прич. I, 115. Ср. Серб. „један пут ја мртав глдан дођем пред једну кућу, Кар. Прип., т. е. мертво (до смерти) голодный.

Стоить чара золота полна меду налита, Шейнъ Р. н. п. 451, какъ и въ мр. „в коморах, що посеред двора стояли насипані повні вівсом и всяким борошном“, Квит.

γ) Могло бы показаться, что мѣстоименія одинъ, самъ, сложныя съ послѣднимъ самъ-другъ, самъ пять и пр., и прилагательныя правъ, радъ при глаголахъ среднихъ входятъ въ составъ сказуемаго; однако, быть можетъ, отъ этой мысли слѣдуетъ отказаться, въ виду того, что такимъ же образомъ употребляются эти слова и при глаголахъ транзитивныхъ.

Въ „аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну“, Лавр. 62, единъ могло бы разсматриваться какъ предикативн. аттрибутъ одного образца съ „преставися унѣ“; но это слово оказывается опредѣленіемъ подлежащаго (азъ единъ) въ виду того, что оно стоитъ и при дѣйств. гл. „хочю прияти“ въ слѣд.: „како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина сему смѣяться начнуть, Лавр. 27. Въ нынѣшнихъ выраженіяхъ: „я одинъ это сдѣлаю“, „я самъ это сдѣлаю“, „я это сдѣлаю самъ“, „сдѣлаю самъ другъ, самъ третей“ объективность глагола указываетъ на невозможность составного сказуемаго.

Одинаково съ одинъ должно быть опредѣлено и правъ (конечно прилагательное, а не нарѣчіе=ὁρθῶς, recte) въ правъ отъвѣща, О. св. Лук. 10, 28, правъ сѣдилъ ѣси, ів. Лук. 7, 44, и радъ, стоящее

въ старинномъ языкѣ при глаголѣ всякаго залога и наклоненія: ради даемъ медомъ и скорою, Лавр. 25; послушаю радъ, *ib.* 37; они же шедше ради снискаша, *ib.* 55; аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся бьемъ за тя, *Ип.* 82 (339); пошли къ намъ жито продавать, а мы ради кунимъ; чего воскочешъ, а мы ради дамы, *ib.* 208; Левъ радъ поиде съ Татары, *ib.*; мы быхомъ тобѣ ради помоглѣ (=и), но обидить ны стрый свой Межька, *ib.* 146. Ср. польск. *radzi widza, slysza, rad uczynie, radniejszy bym umarl;* чеш. *rad ucinim, rad bych sel;* латин. *volens, nolens, libens, invitus faciam.* Въ нынѣшнихъ русскихъ говорахъ 63 хотя и встрѣчается еще радъ съ изъявительнымъ (млр. ради слушаемъ, *Метл.* 137), но повидимому обычѣ съ условнымъ: млр. ой рад би я, матусенко, скорійше вернувся, так же кінъ мій вороненький в воротіхъ спитънувся (н. п.); влр. радъ бы я, осударь, женился, да нѣгдѣ взять, *Кир.* 3. 20, я бы радъ бы выступилъ, воля не моя, Калики 54; и рада бѣ нешла (курочка на пирѣ), да за хохоль ташать, Даль; ужъ я рада бы неплакала; ужъ я рада бы съ тобою говорила, *Бусл. Гр.* § 227, *Пр.* 4.

Нынѣшній литер. русскій яз. относится къ приведеннымъ здѣсь прилагательнымъ и мѣстоименіямъ различно. На мѣстѣ правъ и радъ онъ ставитъ нарѣчія право, справедливо, охотно, подобно тому какъ на мѣстѣ прилагательнаго въ сказуемомъ онъ въ иныхъ случаяхъ можетъ поставить нарѣчіе, о чемъ ниже. Такимъ образомъ, чѣмъ бы ни были эти прилагательныя въ древнемъ языкѣ, предикативнымъ атрибутомъ, или непосредственнымъ атрибутомъ подлежащаго, въ новомъ лит. яз. они тяготеютъ къ сказуемому. Напротивъ, мѣстоименія самъ и одинъ постоянно остаются въ именительномъ. Впрочемъ, можетъ быть роль ихъ различна, несмотря на неизмѣнность именительнаго, но смотря по качеству глагола и по мѣсту, занимаемому мѣстоименіемъ. Можетъ б., въ „онъ пришелъ самъ“, „онъ пришелъ одинъ“ мы имѣемъ такое же составное сказуемое, какъ въ стар.—„приидоша пѣши“, „падоша ници“ и въ новомъ—„онъ пришелъ первый, послѣдній“ (=первымъ, послѣднимъ), а въ „онъ одинъ (онъ самъ, онъ первый) пришелъ“—прямое опредѣленіе подлежащаго; при глаголѣ же дѣйствительномъ, каковъ бы нибылъ порядокъ словъ (т. е. „онъ самъ (онъ одинъ) рѣшилъ задачу“, или „онъ рѣшилъ ее самъ“) мѣстоименіе не входитъ въ сказуемое.

Самъ-другъ и т. п. (лит. *patis aszmas*, нѣм. *selbe ander, selbander*, гр. *τρίτος αὐτός*, скр. *ātma панчама*, см. *Mikl. Gr.* IV, 67—9) діалектически теряетъ согласуемость и переходитъ въ нарѣчіе, на пр. вр. „Я иду, бѣдна горющиця, Сам-другъ иду со обидушкой, Сам-третьей да со кручинушкой (т. е. сама, обида да кручина, и того трое), Барсовъ, *Прич.* I, 53; польск. *przyszła matka Woża samotrzec* (*Linde s. v. Mikl. I. c.*).

д) О замѣнѣ прилагательнаго нарѣчіемъ умѣстно говорить какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, ибо нарѣчіе изъ прилагательнаго, какъ и дѣепричастіе изъ причастія, замѣщаетъ какъ именительный такъ и косвенные падежи; но коснувшись здѣсь этого вопроса, отмѣчу три рода нарѣчій изъ прилагательныхъ.

а) Сравнительно-рѣдко нарѣчіе прямо образуется отъ согласуемаго именительнаго пад. прилагательнаго, безъ посредства средняго рода или особаго окончанія нарѣчій на -ь, -ѣ. Несомнѣнный случай этого рода—лит. нар. *gods*, изъ именит. ед. м. р. (см. выше стр. 121—2). Сюда же б. м. вр. ниць (пала, легла ниць, лежать ниць), хотя здѣсь возможно совпаденіе именит. м. р. прилагат. ниць (см. выше, а также: „овъ колѣнома лице покрываше, а друуги ниць задъхнѣшесѧ, *Supr.* 353) и нарѣчія на -ь, какъ цсл. стрѣмоглавъ. Вр. (заимств. изъ цсл.) „упаль, унасть стремглавъ“ можетъ быть выводимо и изъ упомянутаго нарѣчія на -ь, и изъ прилагат. стрѣмоглавъ. Въ мр. нарѣчіе горіниць, долиниць. Сюда (если не изъ пѣше) нар. пѣшь: и отъ того камени вѣставши, шла пѣшь до вертепа святого, *Хожд. Дан. Иг. (ed. Нор.)* 79; „Псковичи побѣгоша и прибѣгоша ко Пскову пѣшь“, *Пск. II, II. с. Р. л. V, 20*, подъ 1407. (Неясна форма пѣши: „за спасибо кумъ пѣши въ Москву сходилъ“, *Даль II.* 120; *Нужда* изъ Сызрани въ Москву пѣши шла, *ib.* 69). Вр. сам-другъ и пр., о которыхъ выше. Польск. нар. *samoras* (*koń się samoras pasie*, т. е. безъ надзора, безъ пастуха; *ludzie samoras chodzą*, *Linde*) предполагаетъ имен. ед. м. („*roczekaj że, panie samorasie!* *ib.*); *pustopas* (*trzeba... na pieczy mieć... ty czasy swoje* (жизнь), *aby swowolnie niebująy, aby pustopas, jako bydło w jesieni, wolno niebiegały*, *Rej.* См. также *Linde s. v.*).

б) Нарѣчіе на -ѣ (=литов. -ai, ei), позднѣе въ русс. вытѣсняемое нарѣчіемъ на -о, -е, уже въ древнемъ языкѣ встрѣчается на мѣстѣ именительнаго входящаго въ сказуемое: ср. добръ приде (см. выше) и „пачать цѣловати мя и рече ми: „добрѣ приде, брате сыну Нифонте! Отселѣ будеши с нами неразлучно (=ънѣ). *Ип. 2, 332*; „иде ис Путивля на Сѣвско и на Болдыжъ, простѣ бо бѣ ему путь Корачеву, *Ип. 2, 238* (=простѣ путь, свободенѣ); въ другомъ смыслѣ нар. простѣ (=просто, рѣшительно все) могло бы стать на мѣстѣ прилагательнаго въ слѣдующемъ: „И башни, и роскаты, и врата градцкіе, всѣ просты выгорѣли (позднѣе—все просто выгорѣло), „зеліе и оружіе, все сгорѣло“. *Пск. I, 325*. Ср. съ одной стороны цсл. азъ необиноуѣса глаголаахъ всемоу миру, *Io. 18, 20*; и се необиноуѣса глаголетъ *Io. 7, 26*; необиноуѣса о отъци възвѣщъ вамъ, *Io, 16, 25* (О. е.), а съ другой литов. гдѣ здѣсь нарѣчія: *asz drąsey atwiray swētui kaibėjau; ir sztay drąsey kaiba; aiszkiej apė sawą tėwą jums apsakysiu.*

в) Тоже уже въ древнемъ языкѣ появляется нарѣчіе на -о (им. вин. сред. р.), на мѣстѣ согласуемыхъ падежей: „Печенѣзи... побѣгоша раз-

но отъ града, Лавр. ² 65; оправи насъ, абыхомъ былъ вси Ляхове не раздно, но за одинемъ быхомъ щитомъ былъ, Ип. ², 461. Позднѣе кругъ употребленія этого нарѣчія расширяется: обязательно оно въ случаяхъ *β*): зима... снѣжна была силно, Пск. I, 237 (ib. вода велика силна); Французъ былъ мертво пьянъ (Пушк.), а не „мертвъ пьянъ“. Менѣе обязательно въ двухсоставномъ сказуемомъ („напился пьянъ“): Ходишь въ царевъ кабакъ, Пьяно наливаешься, Шейнъ, Р. н. п. 312; милый пьянешенько наливается, ib. 318; говорятъ, что я имъ солоно пришелся (Гог.) вм. уже необычнаго солонъ пришелся; „захворалъ у меня товарищъ N а лежалъ три дни трудно сильно, Пут. Лукьян. 48 (ср. выше въ Ип. л. язвень трудень въѣха..). Вообще граница обязательности этого нарѣчія на мѣстѣ согласуемыхъ падежей измѣнчива: „И прислаша во Псковъ.. съ Москвы добрыхъ людей гостей тамгу уставливати ново, Пск. I, 288 (древнѣе было бы „нову“, безразлично по отношенію къ различаемымъ значеніямъ (уставливати тамгу новую и вновь, заново); захочу я пинъ, Добрынюшку цѣло сожру, Гильф. Б. 30 (цѣлаго, всего, цѣликомъ); небезчествуй, чадо, богата и убога, а имѣй всѣхъ равно, по единому, О горѣ и злоч. Въ мр.: якійсь капѣтанъ секту в'счалъ, же живо люде въ огонь на спалення ишли (=живы шли), Лѣт. Самовид. 132; князь Ромодановскій з того бою здорово (=здоровъ) увойшоль, а князя Пожарского живо (=живого, живымъ) поймано ib. 58; (гетмана Ив. Самойловича и сыновъ) якъ якіе злочинцѣ (вин.) з безчестіемъ на Москву голо (голы, голыхъ, голыми) попроважено, ib. 170; кажемъ... ажъ бы есте конно а збройно тамъ на тотъ рокъ были, 1514, Ак. З. в. II, 114. Въ польскомъ уже съ XV в. замѣтно употребленіе такого нарѣчія въ случаяхъ гдѣ въ русскомъ до нынѣ прилагательное согласуемое, или стоящее въ творительномъ: *Sądza tego-to Hermana oth tego gabanya* (=иска) *proszno* (=prożno, свободнымъ) *uczynił*, 1449, Ks. Ust. 44; *Gdyż jest koli prziszedł czas owcam kotno być* (быть сукотнымъ, сукотными), *Bibl. Zof. 34* (Gen. 31); *snadź by mie był nago* (нагою, нагимъ) *od siebie puścił*, ib. 35; *nago sypiają, tak jak matka porodziła.. i koszulę zdejmują.. dopiero tak nago.. w owę szafę wchodzą spać*, *Pam. Paska, ed. Węcl. 21*; *on już nago* (нагой голый) *leży*, ib. 105; *umarł hetman polny Siemniawski, który już też był choro* (=больной) *wybrał się na tamtą ekspedycją* ib. 384; *kozacy potłukli coś Turków... cało* (=цѣлые невредимые) *do swych uszli*, *Pam. o wypr. Chocim. ed. Ż. Paul. 149*; *fontanna haremu... dotąd stoi cało*, *Mick.*; *młodo* (=молодой, молодымъ) *zaczął wspaniałe swoje panowanie, młodo skończył*, *Krasic.*; *ach bierzcie wozy, ach bierzcie dostatek, tylko puszczajcie nas zdrowo* (=здоровыхъ, здоровыми, по здорову), *Mick.*; *wojsko też z pod Malborga... powracało... tylko spojrzawszy, znać było, że kiedy chudo, ubogo boso, pieszo, to Malborczycy; kiedy zaś konno, orężno, odziano i dostatnio, to Duńczyko-*

wie, albo, jak nas nazywali, Czarniecczykowie, Pam. Paska 79; tam samę starszyzną cięto wtenczas, co to strojno, konno, ib. 106; strojno na tamto miejsce, konno i rzędno przyjechawszy, poszli do domu piechotą i prawie nago, ib. 261. Встрѣчаются нарѣчія не изъ предикативныхъ, согласуемыхъ падежей, какъ выше, а изъ области дополненія: jeść zimno (=na zimno) ѣсть холодное; jeść sucho (=suszyć) ѣсть сухое, быть на сходяденіи; rano na sniadanie skosztowawszy z garnuszka piwa z sérem ciepło, Krasic (=na ciepło, теплаго пива или пива тёплымъ).

5. Возвращаясь къ случаямъ составного сказуемаго, думаю, что чѣмъ 64 дальше подвигаться въ древность славянскаго языка, тѣмъ чаще должны встрѣчаться обороты, какъ „ста простъ“, „падоша ници“, съ прилагательнымъ въ именительномъ на мѣстѣ позднѣйшаго нарѣчія, какъ „прямо“, „нищъ“, Пособіемъ для воссозданія такого употребленія прилагательныхъ въ древне-славянскомъ и дославянскомъ языкѣ, кромѣ заключенія отъ наличныхъ свидѣтельствъ слав. нарѣчій, служить сравненіе со сродными языками. Ср. на пр. греч. (гомер.) *οἱ δὲ πανημέριοι μολπῇ θεὸν ἰλάσκοντο*, II, I, 472 (вседневные, т. е. весь день ублажали Бога); *εὐδον παννύχιοι* (спали всеночные, т. е. всю ночь); *ἀντίοι ἔσταν*, встрѣчные (т. е. на встрѣчу) вышли; *ἔζετ' Οδυσῆος ἐναντίη*, сѣла противъ (сл. противная) Одисея; *νῆποινοι ὄλοισθε* (Од. I, 380), бесплатные (=безъ отщепенія) можете погибнуть; *πάντες κ' ὄκνημοροὶ τε γερνοῖατο πικροῦαμοὶ τε* (Од. I 266), всѣ бы они (женихи) стали быстроходны (постигла бы ихъ скорая смертная участь) и горькобрачны, и мн. др. Латинскіе обороты: *serus* (=поздно) *abi*, *N se matutinus* (=рано) *agebat*, *N nocturnus* (ночью) *venit*, *occultus* (тайно, скрытно) *obambulabat*, *frequens* (=часто), *ragus* (=рѣдко), *salvus* (=здорово, по здорову) *venit*, *quietus* (=спокойно) *dormiebat*. Въ стар.-нѣм. нарѣчіяхъ ср. прилагат. въ ед. ч. муж. и ср. р., рѣдко женскаго, при такихъ же глаголахъ, какъ въ славянскомъ: др.-вн. *er gât mitter* (i *medius*, посерединѣ), *bidurnter* (*spinis circumdatus*); ср. также сред.-вн. *er liget tôter* (=лежитъ мертвый), *gât blôzer* (идетъ голый), тамъ гдѣ въ новомъ ср.-вн. необходима форма прилагательнаго, лишенная флексій (Grim. D. Gr. IV, 493, 591—4).

Въ литовскомъ и латышскомъ можно оставить въ сторонѣ множество случаевъ, гдѣ прилаг. въ именит. п. стоитъ тамъ же, гдѣ и въ слав. именительный, потомъ творительный, останавливаясь только на случаяхъ различія, напр.

Въ лит. при *iszweizdmi*, *iszweizdėti*, казаться, смотрѣть чѣмъ, или, какъ нѣкоторые на польско-нѣмец. ладъ говорятъ, выглядѣть, стоитъ прилагательное, но въ польск. при *wyglądać* если не дополнение, то нарѣчіе: *jis grażus*, *baisus*, *sweiks*, *iszsiweizd*, кажется красивъ, страшенъ, здоровъ, польск. *wygląda pięknie* etc; *kits toks dywins iszweizdejo*, Schl. Leseb. 199, другой казался такой странный, польск. *tak*

(нар.) dziwnie wyglądał; koks tu iszweizdi? ne toks iszsiweizd, букв. какой ты выглядываешь (пол. jak ty wyglądasz), нетакой онъ выглядыва- 65
ваетъ, т. е. не такъ, не тѣмъ онъ смотритъ, не на то похожъ Kurschat Wb.

При (pa-si)likti не только „merga gyva iszliks“, дѣвица жива остается, но и „perasilik naktwins ant plynû laukû“, Царей II, 17, 11, букв. неоставайся почной (на-ночь, черезъ ночь) въ чистомъ полѣ.

Keliak (=keliauk) sveiks toliaus Schl. Les. 218, серб. путуј здрав, ступай здоровъ дальше, какъ млр. „иди, синку, здоров до дому“, идитъ здорови“, съ чѣмъ ср. влр. нарѣчія „по-добру, по-здорову“.

О ir tu ką weiki, ar sweiks, ar druts dar medžoji? Donaleit. 135, а ты что подѣлываешь, здоровъ ли, крѣпокъ ли охотишься,—выражение теперъ невозможное въ русскомъ.

Въ лотышскомъ: балта зѣд âbelite, Спрог. 40, бѣла цвѣтетъ яблонька, т. е. бѣло, бѣлымъ цвѣтомъ.

Смілга купла ауга, ib. 55, метелка (растение) пушиста растеть.

Кау эс яуна номірусі! ib. 217, еслибъ я молода умерла, т. е. молодую, съ молодую.

Мейта грѣзна гѣя, ib. 40, дѣвица горда ходитъ (ходила).

Galds tirs ja-tur, Biel. Let. Gr. § 493 столь чистъ долженъ имѣться, т. е. долженъ быть держимъ чисто. Ср. у Грибоѣдова „куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ“, между тѣмъ какъ мы скажемъ „чудно“.

6. Въ древнемъ языкѣ всякое прилагательное въ сказуемомъ, будетъ ли при немъ гл. ѣс-, бы-, или другой, стояло въ именной формѣ. Въ области русскаго языка это свойство наиболѣе сохраняется великорусскою народною поэзію, между тѣмъ какъ наиболѣе отступаетъ отъ него малорусское нарѣчье. Хотя и не вслѣдствіе заимствованія, но подобно тому, какъ въ новомъ польскомъ сравнительно немногія безчлennыя прилагательныя (jak legł, tak wstał niekontent, Krasic.; См. Mikl. V. Gr. IV, 139) теряются въ составляющихъ правило членныхъ; и въ малорусскомъ просторѣчьи безчлennое прилагательное вообще, а въ частности—въ разсматриваемомъ сочетаніи, довольно рѣдко: „Борей недуж лежав“, Котл.; знае Господин, хто чого годен, посл.; жив, здоров, винен и нѣкот. др. Архаичны пѣсенные обороты, какъ „ой гаю, гаю, чом ти нешумиш, чом ти нешумиш, чому тих стоиш“ (=тихий, тихо). Слѣдуетъ также замѣтить, что въ жен. родѣ млр. прилагательное имѣетъ большею частью лишь видъ безчлennаго, будучи въ самомъ дѣлѣ стяженнымъ. Это доказывается, во-первыхъ, сравненіемъ съ мужескимъ и сред. родомъ, гдѣ необходима члennая форма; сравн. напр. „другий же братъ.. виций од верстви здавався, Котл. (но „здавалась вища“); він здавався и нікчемний, та був разумний и непевний, ib. (но „здавалась нікчемна, була розумна“); о жизнь, бурливе море, хто цілий на тобі зостався, ib. (но зосталась ціла); як позі-

хав, та побачив се диво, то так ёму рот роззявлений и зостався, Квіт. (но „губа роззявлена зосталась“); смутній-невесёлий сидів (лежав, ходив, встав и т. п.) пан сотник, Кв. (въ сред. родѣ смутнѣ=оє), но въ жен. „Чого світлонька та новесенька, чого стоїш темнесенька? Чого Маруся молодесенька, чого сидиш смутнесенька?“ Метл. 220); иде милій з корчми п'яний, Кост. 285, пилі до ночі та гуляли та п'яни (=ує) спаты полягали, Котл. (но „иде п'яна“; „а правда наша п'яна спить“, Шевч.); такъ пусто в селі, хоч голий біжи, Ном. 39, (но „гола біжи“); хочъ живий въ яму лізъ; ів. 42 (но „жива лізъ“); який уродився такий и згинеш; и мій батько такий мався и я въ ёго вдався, Ном. 50, но „яка біда уродилась, така й згине, ів. 44, не тілко що з
67 роду небачив такої, та вона ёму й неспилась така, Кв.; „великий рости“, но „велика рости“; незнає, хто ёму именно був винний, Кв. (но „була винна“, должна) и т. д. При этомъ и въ женскомъ р. возможно прилагат. нестиженное: „ходить Маруся вже рощесаная“, Метл. 74. Во вторыхъ, въ иныхъ случаяхъ въ пользу стяженности жен. прилагательнаго говоритъ его удареніе: „ужеб тоді весела стала“, Котл.; „зробилась заразъ дуже слаба“, ів., т. е. веселая, слабая, между тѣмъ какъ безчленныя формы были бы веселá, слабá. Въ-третьихъ, мнимо безчленная форма стоитъ въ млр. и тамъ, гдѣ даже русс. литературный языкъ, въ несравненно большей мѣрѣ сохранившій безчленныя прилагательныя, требуетъ членныхъ, напр. тамъ, гдѣ прилаг. отдѣлено отъ глагола сравнительною частицею мов, неначе, ніби, буцім-то: „внала на долівку, мов неживá“—какъ мертвая, неживая.

Въ нынѣшнемъ русс. литературномъ языкѣ, кажется, можно распознать стремленіе раздѣлить глаголы, входящіе вмѣстѣ съ прилагательными въ сказуемое, на два разряда, посредствомъ сочетанія съ однимъ изъ этимъ разрядовъ прилаг. безчленнаго, а съ другимъ членнаго въ именительномъ.

а) Глаголы первого разряда, примыкающіе ко гл. есть, былъ, будетъ, за исключеніемъ этого послѣдняго, могли бы быть названы, по лексическому значенію, глаголами возникновенія, *des werdens*. Этого неслѣдуетъ смѣшивать съ грамматическою начинательностью, которая есть въ стать, становиться, но отсутствуетъ въ глаголахъ бывать, пребыть и пребывать, сдѣлаться, казаться, очутиться, остаться и оставаться и др.: домъ сталъ для меня постыль; дороги стали непроходимы, Пушки.; обращеніе его стало холодно; онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее солнце, Лерм.; онъ становится скупъ; дорога наша сдѣлалась живописна; жизнь моя сдѣбалась мнѣ несносна, Пушки.; онъ сдѣлался блѣдень, какъ полотно, Лерм.; Сюда же выйти въ знач. оказ
68 заться въ результатѣ, выдаться, удался: отъ того прибытокъ вышелъ малъ, Крыл.; пряжа вышла тонка; изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто съ вами день пробыть сумѣетъ, Гриб.; впрочемъ этотъ гл. въ этомъ

смыслѣ, какъ и выдаться, можетъ относиться и къ другому разряду („хлѣбъ вышелъ легкій“, „домъ вышелъ теплый“, „день выдался ясный“); казаться (становиться слѣдствіемъ воспріятія): городъ показался мнѣ многлюдень; морозъ казался невеликъ; чай никогда такъ неказался мнѣ нуженъ; ямщикъ казался мнѣ правъ; наружность показалась мнѣ замѣчательна; обѣ казались спокойны и смѣлы, Пушкин.; голова его казалась огромна; и странно (прилаг., а не нарѣч.) мнѣ показалось, что звѣзды гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ, Лермонд.; остаться въ смыслѣ близкомъ къ стать: лиса осталась чуть жива, Крылов.; какъ самъ остался живъ, считаю право дивомъ, иб.; о наукахъ споръ остался перѣшопъ, иб.; чемоданъ остался цѣлъ, Пушкин.; но остаться въ смыслѣ, исключаящемъ возникновеніе, относится къ другому разряду: „и звукъ его нѣсни въ душѣ молодой остался безъ словъ, но живою, Лермонд.; всю ночь окна оставались отворенныя (отворены? отворенными?); очутиться (оказаться сознанію): онъ очутился богатъ; явиться: вотъ явитесь вы вполне великодушны, Грибоевъ.

Въ этихъ случаяхъ, кромѣ прилагательнаго въ именит. п. именной формы, можно поставить съ нѣкоторымъ отличіемъ въ значеніи творительный, имѣющій въ прилаг. только мѣстоименную ф. (городъ казался мнѣ многлюднымъ); но нельзя употребить именительнаго въ мѣстоименной ф.: городъ казался мнѣ многлюдный. Эта послѣдняя ф. будетъ сочтена за непосредственный, а не предикативный атрибутъ. Это относится только ко глаголамъ кромѣ *ѣс-*, *бы-*, и, что само собою разумѣется, только къ прилагательнымъ такъ наз. качественнымъ, точнѣе — безотносительнымъ, въ коихъ обѣ формы склоненія обычны. Числитель- 69
ныя порядочныя и прилагат. относительныя (Востоковъ, Р. Гр. § 36), лишены именной формы именительнаго¹⁾, нынѣ, по-видимому, могутъ при глаголахъ этого разряда быть поставлены только въ творительномъ: „обращеніе его стало дружескимъ (а не -ское); домъ казался мнѣ скорѣе городскимъ, чѣмъ деревенскимъ; воротникъ казался мнѣ бобровымъ“.

При *ѣсть*, *былъ*, *будетъ* прилагательное въ именительномъ можетъ стоять и въ именной, и въ мѣстоименной формѣ. О послѣднемъ случаѣ врядъ-ли можно сказать, что здѣсь прилагательное „имѣетъ смыслъ опредѣлительнаго, при которомъ опущено существительное“ (Буселъ, Гр. § 221). Такого опущенія въ дѣйствительности могло и небыть. По крайней мѣрѣ врядъ-ли кто докажетъ, что сначала говорилось „руки у нея—руки бѣлыя“. а потомъ „руки у нея бѣлыя“. Кажется вѣрнымъ только то, что мѣстоименностью формы предикативнаго атрибута увеличивается его связь съ подлежащимъ и онъ какъ бы подчеркивается—объясненіе, конечно, несомнѣно удовлетворительное. Ср. „мужикъ былъ

¹⁾ Числительныя порядочныя—другъ, четвергъ, пять, шесть, семь, девять, десять сохраняютъ эту форму только въ соединеніи съ самъ.

рослый, ворота низки“, Фонвиз.; „усы его и брови были черные, Лерм.; платье на ней было бѣлое, какъ лебедь, Гог.; чтобы все было прилично, колпаки были бы чистые и большие не походили бы на кузнецовъ, Гог. На такое прилагательное болѣе замѣтно падаетъ сила рѣчи, чѣмъ на безчленное. Напр. нельзя сказать иначе, какъ „походка его была небрежна и лѣнива“, Лерм.; „наши лошади были утомлены“, „трудъ нашъ пустъ“; но чувствуется необходимость сказать „походка у него небрежная“, „лошади у насъ были томленныя, мбреныя“, „друзья, пустой вашъ трудъ“, Крыл.

- 70 б) Глаголами другого разряда могли бы быть названы глаголами вещественнаго движенія и пребыванія въ состояннн (des seins), при чемъ слѣдуетъ однако замѣтить, что пребыть относится не сюда, и что наоборотъ, глаголы съ отгѣнкомъ грамматической начинательности лягу и стану (последннй въ знач. stehen, а не werden) принадлежать къ этому разряду. Въ языкѣ не только прошлаго, но и нынѣшняго вѣка, особенно поэтическомъ, мы еще весьма часто встрѣчаемъ при этихъ глаголахъ безчленное прилагательное. Это весьма понятно въ виду того, что нашъ литературный языкъ остается открытъ влнннямъ архаическимъ и влр. областнымъ. Однако мы сами, въ отличне отъ выше-разсмотрѣнныхъ случаевъ („домъ казался пустъ“), ставимъ здѣсь прилагательное членное: „онъ пришелъ (вернулся, воротился, идетъ, лежитъ, спитъ) пьяный“. Ср. (я) стою и твердъ, и прямъ, Крыл. (=твердый и прямой); вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще ненавѣшена, Фонвиз. (оборотъ влр. простонародный = шестая недѣля дверь стоитъ ненавѣшенная); тотъ съ мѣста живъ (=живой) не встанетъ, Кр.; зайчиха ходитъ сукотна 9 недѣль С. Акс. (=ходить сукотная); тѣ которые въ живыхъ.. чуть бродятъ полумертвы, iv. (полумертвые); задумчивъ бродитъ онъ, iv. (=задумчивый); цѣль котель съ дороги воротился, iv. (воротился цѣлый); корабль достигнулъ пристани и цѣль и невредимъ, iv. (цѣлый и невредимый); вода моя (ручья) до самого бы моря такъ докатилась чиста, какъ серебро, id. (докатилась бы такая чистая); онъ сидѣлъ шатаясь на сѣдлѣ блѣдень и окровавленъ, Пушк., (мы сказали бы „блѣдный и окровавленный“); я уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой, id. (мы: очень недовольный); чуть жива таскалась id. (=ая); добрый конь.. скачетъ весель и игривъ, Лерм. (=ый); странникъ пришелъ босъ и нагъ (=босой й нагой) въ одну деревню, id.; я вернулся домой угрюмъ (=ый) и сердитъ (=ый), id.; синнй небосклонъ
- 71 безоблаченъ въ звѣздахъ снля морозно, Пушк. (=снля безоблачный, хотя въ этомъ случаѣ мы бы теперь могли ожидать и нарѣчня, которое находимъ напр. у Гоголя: разсѣянн глядѣлъ; ослѣпительно блестяли верхи бѣлыхъ шатровъ; необытно синнло теплое украинское небо). Вполнѣ согласно съ нынѣшнимъ обычаемъ: верхомъ на борзомъ ипоходцѣ разбѣжался онъ хмельной въ каменны (=ные) ворота, Фонвиз.;

Москѣ Чацкій, вы въ Москвѣ? вернулись холостые, Гриб. (какъ „возвратилась вся поблѣднѣвшая“, Гог., и какъ „воротился, вернулся больной, раненный“); измученный бѣгунъ упалъ бездыханный, Лерм.; изъ городовъ бѣжалъ я нищій, id.; мужичокъ нелюбитъ тощій спать, Крыл. ...спросилъ Черевикъ, лежа связанный подъ яткую, Гог. и пр.

Смыслъ сочетанія безчленнаго прилагательнаго съ первымъ изъ указанныхъ разрядовъ гл., а членнаго—со вторымъ, состоитъ, по-видимому, въ нѣкотораго рода согласованіи по смыслу. Во введеніи (84 стр.) мы приняли опредѣленіе глагола, какъ слова, изображающаго признакъ во время его возникновенія отъ лица. Мы непротиворѣчимъ этому, говоря здѣсь объ относительно небольшомъ разрядѣ возникновенія, и даже косвенно неприписываемъ остальнымъ глаголамъ свойствъ, по которымъ они немогли бы подойти подъ общее опредѣленіе глагола. Глаголы дѣлятся здѣсь для насъ на невходящіе въ составное сказуемое и входящіе въ него, стало быть—менѣ самостоятельныя, чѣмъ первые. Послѣдніе, на основаніи качества выражаемаго ими признака (стало быть на основаніи не грамматическомъ, а лексическомъ, хотя и вліяющемъ на грамматическій строй рѣчи), въ свою очередь подраздѣляются въ русск. литер. языкѣ на глаголы болѣе и менѣ полновѣсныя и самостоятельныя, менѣ и болѣе наклонныя къ служебной роли въ предложеніи, хотя вовсе не чистослужебныя. Въ глаголахъ разряда а) („онъ становится, кажется старъ“) возникающій признакъ, такъ сказать, менѣ 72 осязаемъ, болѣе нуждается въ дополненіи со стороны другой половины сказуемаго, чѣмъ въ глаголахъ разряда б) („онъ идетъ“). Послѣдній насъ удовлетворяетъ и безъ прилагательнаго, хотя можетъ и сочетаться съ нимъ („онъ идетъ задумчивый“). Измѣненія формы прилагательнаго, смотря по смыслу глагола, показываютъ, что связи, соединяющія составное сказуемое въ одно цѣлое, не односторонни, а обоюдны: чѣмъ менѣ самостоятеленъ глаголъ, тѣмъ менѣ самостоятельно прилагательное. Безчленное прилагательное, какъ болѣе древнее, чѣмъ членное, тѣмъ самымъ болѣе близко къ хаотическому состоянію мысли въ языкѣ, тѣмъ самымъ есть форма менѣ обособленная, менѣ прилагательная, болѣе близкая къ причастію. Поэтому оно болѣе членнаго годится для сочетанія съ глаголами а), при коихъ оно означаетъ признакъ не одновременный съ дѣйствіемъ глагола, а слѣдующій за нимъ, возникающій въ силу дѣйствія означеннаго глаголомъ, находящійся въ причинной зависимости отъ него. Такая причинная зависимость въ „становится старъ“ невыражена сама по себѣ; тѣмъ неменѣ замѣтно, что въ „старъ“ заключенъ послѣдній моментъ энергіи „становится“. При глаголѣ второго разряда мы ставимъ прилагательное мѣстоименное не потому, что въ немъ заключена „notio secunda“ (Микл. V. Gr. IV, 131 слѣд.), что въ немъ говорится о признакѣ, прежде упомянутомъ и уже извѣстномъ, ибо въ такомъ случаѣ прилагательное стало бы настоя-

лицю аппозиціею: „онъ, больной (какъ больной, въ качествѣ больного, будучи боленъ), лежитъ въ постели“; „она, босая (хотя босая, будучи боса и пр.), вышла на морозъ“. Въ выраженіяхъ „онъ лежитъ больной“, „она вышла босая“ (безъ запятыхъ) прилагательное, несмотря на свою членность, все-таки остается въ составѣ сказуемаго, означая лишь то, что данный признакъ представляется болѣе самостоятельнымъ, 37 возникающимъ не вслѣдствіе дѣйствія глагола, а одновременно съ этимъ дѣйствіемъ и независимо отъ него. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ разница между аппозитивнымъ и предикативнымъ прилагательнымъ весьма тонка: „верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота“, Фонвиз. Явственная аппозиція была бы: „онъ, хмѣльной, разбѣжался“. За аппозицію считаю прилагат. и въ слѣд. мр.:

Люлю-люлю, гойда-гойда, дитинко маленька!
 Урвала сі під тобою ворозка тоненька.
 Та нежель ми за ворозков, шо сі, тонка, врвала,
 Але жель ми за дитинковъ, шо сі невиспала.
 (Kolberg, Pokucie, II, 92).

Сочетаніе существительнаго въ именит. п. съ глаголами, кромѣ ѣсмь, бѣхъ и пр.

Это предикативное сочетаніе уже въ ст.-сл. и древнемъ русскомъ должно быть отдѣлено отъ сочетанія съ прилагательнымъ, такъ-какъ кругъ глаголовъ въ обоихъ случаяхъ не одинъ и тотъ же. Именно съ именительнымъ существительнаго уже въ древнемъ языкѣ обыкновенно сочетаются, кромѣ быти, только глаголы вещественнаго и идеальнаго возникновенія (мнѣтися, явитися, творитися, чинитися, наречися, зватися и т. п., и страд. сочет. явленъ, сътворенъ, избранъ, нареченъ и т. п.), и гораздо рѣже глаголы, какъ ити, расти, жити (въ знач. *vivere*, между тѣмъ какъ въ качествѣ синонима быть этотъ глаголъ и въ довольно позднее время можетъ имѣть при себѣ именит. сущ. „а всегда гнило слово похвальное: похвала живетъ человѣку пагуба, О горѣ злоч.“¹⁾), умерети и т. п. Такимъ образомъ здѣсь ранше, чѣмъ въ сочетаніи съ прилагательными, проявляется то раздѣленіе глаголовъ, о которомъ мы только-что говорили. Что такое раздѣленіе глаголовъ и здѣсь не исконно, въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ то соображеніе, что вообще различіе существительнаго и прилагательнаго должно блѣднѣть по мѣрѣ того, какъ будемъ подвигаться въ древность, такъ и сравненіе со сходными языками. Ср. напр.

¹⁾ Ср. На голѣнахъ (галіонахъ), на каторгахъ, всегда стрѣльба живетъ, Шут. Лукьян. 36; во Іерусалимѣ зимою снѣгу небываетъ, ни морозовъ никогда неживетъ, какъ у насъ на Москвѣ ib. 33.

лотыш. „эс, аугдама сёрдѣните, нецерею гôдâ тапт“, Спрэг.=а, ростучи (въ лотыш. причастіе наст. II въ им. ед. жен.) сирота (т. е. сиротою) недумала стать въ чести; и въ сред. в.-нѣм. именительный сущ. при *gehen, sterben* и, какъ предполагаетъ Гриммъ, нѣкоторыхъ другихъ гл.: *diu gêt noch mêgetin; des starb er mensehe und starb nicht got*, гдѣ въ новомъ врх.-н. необходимо „als jungfrau“, „als got“. Grimm, Gr. IV, 593.

Въ самомъ русскомъ могутъ найдтись и еще обороты съ именит. 74 сущ. и глаголомъ или предикативнымъ сочетаніемъ, несовѣмъ подходящимъ къ глаголамъ возникновенія, напр. подобные вышенприведенному „такъ ны еси и надобѣ“: „кой будетъ вамъ намѣстникъ отъ мене вамъ князь надобѣ, и язъ вамъ нестою“, Пск. I, 243, т. е. кой князь вамъ будетъ надобѣ намѣстникъ [какой вамъ будетъ или станетъ нуженъ, какого вамъ понадобится, имѣть намѣстникомъ], и за мною (относительно его назначенія) дѣло нестанетъ.

Правило составляютъ примѣры такого рода:

Зане (законъ) беззаконникомъ отечествуѣ мьнитъся, Лавр. 6, т. е. у неимѣющихъ закона отеческіе обычаи (отъчествиѣ) считаются закономъ.

Вышегородъ... второй Селунъ явился въ Русьстѣи земли, Срезн. Ск. о Бор. и Гл. XXV.

Н побѣдникъ явился противнымъ его (дьявола) стрѣламъ, Ип. 165.

Куриль милостию Ис. Ха явленъ бысть пастухъ и учитель ему (Словѣнску языку), Срезн. Свѣд. и зам. XXXVII, 57.

Сей же князь боголюбець показася, Пск. 1, 183.

Всякъ иже сд творить цѣсарь (въ греч. два винительныхъ) противитъса кесареви, О. Ев. Ио. 19, 12. Сама сд послуухъ себѣ твориши, Supr. 176.

Онъ же нынѣ ворогъ ми ся учинилъ, Ип. 150 (470).

Тъ бо... поставьѣнъ бывъ клиросѣ диякъ... въ олтари прѣстоялъ слоужа, Supr. 157; азъ отъче, онъсица града епискоупъ поставьѣнъ есмь, ib. 210; послаша ѱ (Добрыну Ядрѣйковича) въ Русь ставитъ ся и приде (онъ же) поставленъ архиѣпископъ Антоній, Новг. I, 31.

Вѣмъ, яко отъ Бога еси пришльъ учитель, О. Ев. Ио. 3, 2, *ὅτε ἐγγέλθας διδάσχαλος*, гдѣ „еси пришль“ слѣдуетъ сравнить относительно значенія съ „явился еси“ и т. п. Ср. въ новомъ русскомъ языкѣ отнесеніе нѣкоторыхъ глаголовъ движенія къ глаголамъ возникновенія: „гдѣ случай ты имѣлъ, живой ужъ отъ тебя невырывался цѣль“. Крыл.

Тѣмъ же нарѣчеса село то село крѣве, О. Ев. Мат. 27, 8; съ бѣ- 75 деть великъ и сынъ Вышняго наречетьса, Лук. 1, 32; и ты, отроча, пророкъ Вышняго наречешиса, Лук. 1, 76; ни нарицаете-

са наставници, Мат. 23, 10; яже бо ныня маловрѣменная смърть сънъ праведнымъ нарицаѣтсѧ, Supr. 4, 6; не словомъ нарицающеся хрестьяни, а поганьскы живуще, Лавр. 73.

Яко пришедши сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава, прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася, Лавр. 3; Словѣне... нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, ib.;

Поляне, яже нынѣ зовомая Русь, Лавр. 11 (безъ аттракціи было бы „иже нынѣ зовомии Русь“).

На мѣсто, ꙗже ꙗсть сказаемо Краницево мѣсто, О. Ев. Марк. 15, 22.

Въ болѣе новомъ языкѣ: „Еще у молодца былъ милъ надеженъ другъ, Назвался молодцу названный братъ, О горѣ злоч.“

Примѣч. Съ этимъ неслѣдуетъ смѣшивать именительнаго имени или прозвища при глаголахъ дѣйствительныхъ: „и прозваша Ольга „вѣщій“, Лавр. 13: ꙗже и до нынѣ наричють Дунайци городище „Киевецъ“, ib. 4; въ сербскомъ „ове Влахе народъ зове „Каравласи“, Данич. Синт. 74; въ чешскомъ „а jmenují ji „Magdalena“, Zikm. Sklad. 196; въ польскомъ: nazwali go „Piotr“, Małec. Gram. § 699; въ др. в.-нѣм. den man dá hiez „der ritter rôt“, ir nennet in „der ritter rôt“ Grimm. Gr. IV, 592. Извѣстно, что именительный здѣсь стоитъ внѣ грамматической связи, подобно чужимъ словамъ, несоединеннымъ съ предложениемъ посредствомъ изъяснительнаго союза. Послѣ глагола средняго или страдательнаго разлика между такимъ независимымъ именительнымъ названіемъ и именительнымъ, согласуемымъ въ древнемъ языкѣ, неможетъ быть выражена иначе, какъ тономъ живой рѣчи и кавычками на письмѣ: нарекошася Чеси (именит. въ сказуемомъ) и нарекошася „Чеси“ (именит. независимый). Въ новомъ русскомъ на мѣстѣ согласуемаго именит.—творительный (назвались чехами), а независимый пад. остается: назвались „чехи“; мр. на Сухій Балці хутір, прозиваѣтсѧ „Безверхий“, Кв.

Лишь изрѣдка именит. сущ.—при глаголахъ вещественнаго движенія и покоя, гдѣ уже въ древнемъ языкѣ можетъ стоять твор. п.:

На что образъ съвѣльчению устрѣмилисѧ ꙗсте? (=по образу рати, подобно полку, acie instructa), Supr. 19;

Въ Сионовѣ градѣ... познанъ бывъ Исоусъ Божии сынъ (=сыномъ). посрѣдѣ Отца и Доуха, обою животоу, животь отъ живота, истиньныи животь (=жизнью) явья сѧ, и посрѣдѣ аггелъ и чловѣкъ... камень ѡгльнъ лежѧ (=камень, какъ камень), и между обѣма разбоиникома Богъ (=Богомъ) разоумьноуоумоу разбоиникоу явья сѧ, и посрѣдѣ настоѧштаѧ жизни и градѧштаѧ сѧдиі вѣчьныи сѧдѧ (судьей, какъ судья), Supr. 340; (Иосифъ) възъвавъ ѣж (Марію) гнѣвномъ лилицемъ, сѧди(и) (дат.) въ ѡтробѣ сѧштоуоумоу сѧдиі (имен.=судьей, въ качествѣ судьи) сѧдѣаше, Supr. 175 (=призавъ же ю, яръмъ лицъмъ, сѧдѣ соуда соудии судашемоу въ чревѣ, Златостр. XII в., Срезн. Пам. Р. п. 194);

Смѣхъ есмь унотамъ, укаряющимъся мною, и старцемъ же лежю притъча (=какъ пр.) къ наказанію, Кир. Тур., Калайд. Пам. XII в. 46.

Чѣмъ рѣже такіе случаи въ древней письменности, тѣмъ архаичнѣе они въ памятникахъ устной словесности:

Неубойтесь-ко, родители...: Не огонь иду, небожгу, Не змѣя плыву, неболюю; Я иду бѣдна горющица, Сам-другъ иду со обидушкой, Барс. Прич. I, 53; Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ, Пришелъ, душечка, къ тебѣ проститися, Якушк. Р. п. 176; Шейнъ, Р. н. п. 304; Я не воръ иду, не разбойни(че)къ, Не разбойни(че)къ, вдалой молодець, Гулять къ дѣвушкамъ охотничекъ (=прихожу не какъ воръ-разбойникъ, а какъ удалой молодець), Шейнъ, ib. 313; Она подолгу, родимая, гостила, На переномъ крылечкѣ была стричена, Была гостыица она да все улажена, Барс. Пр. I, 139.

Ср. обычный твор. п. сущ. и именит. прил., на пр. Подходила тутъ скорая смерѣтушка, Она крадчи шла злодѣйка душегубица, По крылечку ли она молодой женой, По новымъ ли шла сѣнямъ да красной дѣвушкой, Аль калѣкой она шла да перехожею, Со синя ли моря шла да все годная, Со циста ли поля шла да все холодная, Барс. Прич. I, 2.

Употребленіе именительнаго существ. тамъ, гдѣ мы ставимъ частью именительный, частью творительный, есть черта общеславянскаго языка, общая ему со сродными языками, предполагающая никакого посторонняго вліянія. Изъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій сербское здѣсь архаичнѣе книжно-русскаго, чешскаго и польскаго. Ср. напр. съ русскимъ: чини ми се та ложница тамница (представляется, кажется темницей); вила се начини дјевојка (сдѣлалась дѣвицей); ја ћу се створити леп конь (=конемъ); ти, човјек будући, градиш се Бог =ты, человекъ сы, твориши_а самъ Богъ, Ио. 10, 33 (=Богомъ); она се прометну овца (оборотилась овцою), Данич. Синт. 5, 7 слѣд.

Причастія настоящаго и прошедшаго (-ъ, -въ) дѣйствит., какъ второстепенныя сказуемыя:

1. Аппозитивное употребленіе прич. наст. и прош. (-ъ, -въ) дѣйств. въ именительномъ.

Различеніе аппозитивнаго и атрибутивнаго употребленія названныхъ причастій сказывается въ нѣсколькихъ явленіяхъ древняго языка, именно въ возможности сочетанія аппозитивнаго причастія со вторымъ именительнымъ, въ отдѣленіи такого причастія отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ, въ именительныхъ самостоятельныхъ; но замѣтить такое различеніе можно и инымъ путемъ, исходя отъ позднѣйшаго строя языка, характеризуемаго присутствіемъ въ немъ дѣепричастій.

Всякое славянское дѣепричастіе предполагаетъ безчленную форму причастія. Членное причастіе никогда нестановится дѣепричастіемъ; оно или вовсе выходитъ изъ употребленія, или остается причастіемъ, или переходитъ въ прилагательное. Но членъ прибавляетъ къ причастію и вообще къ прилагательному указаніе на болѣе тѣсную связь его

съ другимъ именемъ, чѣмъ та, которая сказывается въ одномъ согласованіи прилагательн. и причастія безчленнаго: добрии, т. е. добръ 77 жи, значило приблизительно „добръ который“, или „добръ тотъ“, т. е. „тотъ, который добръ“. Отсюда можно заключить, что, наоборотъ, общность между безчленнымъ причастіемъ и дѣепричастіемъ должна заключаться въ ихъ большей близости къ сказуемому.

Беремъ главный случай образованія славянскаго дѣепричастія, по которому отчасти можно судить и объ остальныхъ, именно тотъ, когда дѣепричастіе предполагаетъ причастіе въ именительномъ, входящее въ составъ сказуемаго, или прямо примыкающее къ подлежащему. Что происходитъ въ предложениі, когда такое причастіе превращается въ дѣепричастіе? Минуя посредствующую ступень, о которой ниже, мы видимъ, что въ концѣ концовъ въ причастіи уничтожаются знаки его согласованія съ подлежащимъ (падежъ, родъ, число) и связь причастія съ подлежащимъ разрушается. Слово бывшее причастіемъ или начинаетъ тяготѣть исключительно къ сказуемому (если и прежде входило въ составъ сего послѣдняго), или же еще впервые вовлекается въ сферу притяженія сказуемаго, если прежде неимѣло непосредственнаго отношенія къ нему. Конечно, нельзя допустить, что такое перемѣщеніе центра тяготѣнія въ послѣднемъ изъ упомянутыхъ случаевъ совершилось вдругъ: прежде, чѣмъ это случилось, въ языкѣ должно было чувствоваться отличіе причастій опредѣлительныхъ, болѣе тѣсно связанныхъ со своими опредѣляемыми, отъ другихъ, болѣе близкихъ ко глаголу. Первые были атрибутивны въ тѣсномъ значеніи слова, вторые аппозитивны; всѣ прилагательныя отпричастныя (горячій, горячій, и т. п.) пошли отъ первыхъ, а всѣ дѣепричастія отъ вторыхъ.

Русскіе областные говоры утратили причастія дѣйствительныя, замѣнивши ихъ съ одной стороны прилагательными, съ другой развитыми 78 придаточными предложениями и дѣепричастіями. Русскій литературный языкъ сохранилъ эти причастія подъ вліяніемъ церковно-славянскаго, при томъ—одно изъ нихъ, настоящее, даже въ нерусской звуковой формѣ; но и въ этомъ языкѣ такія причастія, поставленныя аппозитивно, чтобы нестать дѣепричастіями, должны были найдти новую силу сопротивленія въ своей членности.

Еще довольно трудно въ-точности опредѣлить, какъ продолжителенъ періодъ, занимаемый въ русскомъ языкѣ процессомъ образованія дѣепричастій. Кажется несомнѣннымъ, что въ концѣ XIV в. причастія дѣйств. аппозитивныя были уже только въ книжномъ языкѣ, и дѣепричастіе, какъ вполнѣ опредѣлившаяся часть рѣчи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чѣмъ отъ нынѣшняго. Въ древнихъ летописныхъ сборникахъ, языкъ коихъ въ большей части случаевъ древнѣе времени ихъ списковъ (Лавр. 1377, Ипат. XV в.), находимъ еще весьма много случаевъ правильнаго согласованія причастій дѣйств. аппо-

зитивныхъ: за ними буда (им. ед. м.), узрѣ, Ип. 44; приникъши (им. ед. ж.) Ольга, и рече, Лавр. 24; Изяславъ же перестряпъ (им. ед. м.) два дни... и иде, Ип. 11; Давыдовича недоидуча (им. муж. двойств.) паки града, стага близъ, Ип. 26; Святополкъ и Володимиръ посласта ко Давидови Святославича, велюча (двойств.) ему съ собою, Ип. 1; Изяславъ же и Ростиславъ, угадавша (двойств.), и развѣхастася, Ип. 44; бяста бо два брата въ Лясѣхъ... и пришедъша (дв.), сѣдоста, Лавр. 5; мы сѣдимъ, платяче (мн.) дань, Лавр. 9; вы хочете померети гладомъ, неимучеса (мн.) по дань, Лавр. 25. Эти и имъ подобныя примѣры необнаруживаютъ никакихъ слѣдовъ заимствованія изъ ц.-слав. Частое правильное употребленіе въ тѣхъ же памятникахъ причастія наст. въ его заимствованной формѣ (со щ), напр. Волга сѣдящи въ теремѣ, посла.. Лавр. 24, само по себѣ недоказываетъ, что русская форма этого причастія (ед. ж. сѣдлчи, мн. сѣдяче), въ то время уже выходила изъ употребленія. Но тѣ-же и др. подобныя памятники изо- 79 билуютъ уже примѣрами нарушенія согласованія аппозитивнаго причастія. Каждая изъ формъ именительнаго трехъ чиселъ муж. и жен. род. (веда и ведъ, ведучи и ведъши, ведуче и ведъше) почти въ равной мѣрѣ принимается за общую форму не только всѣхъ родовъ и чиселъ въ именительномъ, но, какъ увидимъ ниже, и въ другихъ падежахъ: Михалко же и Всеволодъ послужлива сы, и идоста, Ип. 106; Угри пришедъ (вм. -ъше) отъ в'стока, и устремшася, Лавр. 10; вы сѣдъ (вм. -ъше) на брегъ, отринуша лодѣ отъ берега, Лавр. 61; Новгородци послаша дары къ царю Дуденю, а рекъ ему тако, Новг. I, 65; здрави князи и дружина, побарая за хрестьяны на поганя пльы, Сл. о п. И.; овиче попове единою женою оженѣвси (вм. оженившеса) служить, а друзи до семые жены поимаючи служить, Лавр. 93; повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице, Лавр. 24; Ольга поимше мало дружины, легко идущи, приде, Лавр. 24, и пр.¹⁾ Начало этому смѣшенію формъ можно бы предположить въ концѣ XII или началѣ XIII, такъ какъ въ памятникахъ конца XIII вѣка уже есть, хотя еще довольно рѣдко, случаи несогласованія („того дѣля идетъ, абы порозну ходяче (вм. -чу) ясти и пити. Въпраш. Кюрик. по си. XIII в.).

Изъ названныхъ трехъ дѣепричастныхъ формъ послѣдняя (ведуче, ведше) исчезаетъ ранѣе другихъ; равноправность формъ дѣепр. дѣлая и пришедъ, дѣлаячи и пришедши въ влр. видна въ XV—XVII в. посадники и соцкіе прочеть грамоты, и дали.. 1483, Ак. юр. 3; при- 80 шодъ къ рѣкѣ да ставъ у рѣки, тако ркли, 1534, ib. 44; Новгородокъ Сѣверской, приходъ, взяли, 1648, Ак. Ю. и З. Р. III, 216.

¹⁾ Подобнымъ образомъ колеблются и формы нарѣчія сравнит. степени: болши того намъ неучалъ правити, 1501.—3, Ак. З. Р. I, 225; которая треть болши... оттуль дани болше идетъ, а которая меньша треть, съ тоѣ и дани меньши по головамъ биривали, 1479, ib. 91.

Въ наше время рѣшительное преобладаніе получила форма, сходная съ древнимъ именит. един. жен. род. (идучи, шедши), но ни въ одномъ изъ русскихъ нарѣчій форма бывшая нѣкогда именительнымъ един. м. (стѣи), неисчезла безъ остатка.

Въ разныхъ говорахъ, преимущественно вр., дѣепричастіе удаляется отъ соответственныхъ причастій, а иногда и глагольныхъ темъ, вслѣдствіе звуковыхъ измѣненій, на пр. въ свр. (Барс. прич. pass.), въ силу особаго произношенія ц изъ ч (какъ тц) и неударяемости конечнаго слога—даютца и т. п. вм. -ючи; въ разныхъ говорахъ приѣхадчи (какъ приходчи); накопамши и пр.; изсушомши, истолчомши, посажомши, поднесомши (Рязан. г. Шейнь, Р. н. п. 327—8).

2. Второй именительный съ причастіемъ аппозитивнымъ (составное приложение). Причастіе глаголовъ, сочетаемыхъ со вторымъ именительнымъ, поставленное аппозитивно, само можетъ имѣть при себѣ второй именительный. Въ такомъ видѣ оно есть второстепенное составное сказуемое. Въ болѣе позднемъ языкѣ оно подлечитъ тѣмъ же измѣненіямъ, что и аппозитивное причастіе безъ второго именительнаго, а этотъ второй именит. частью остается, частью замѣняется творительнымъ, частью развивается въ придаточное предложеніе съ глаголомъ въ сказуемомъ.

Каиафа, архиереи сы лѣту тому, рече имъ, О. Е. Ю. 11, 49.

Андреи же князь, толикъ умникъ сы, во всѣхъ дѣлѣхъ добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаньемъ, Ип. 109.

А сіи, православные христіане будуче (уже въ смыслѣ дѣеприч.), а наругаются и безчествуютъ церковь Божию и насъ, 1450, Ак. Ист. I, 99.

Преставися епископъ Володимерскыи Стефанъ,.. бывъ преже игумень Печерьскому манастырю, Лавр. 96.

Се (=съ) же, вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божию, Ип. 133 (438).

Отца своего глаголааше Бога, равнь са творца Богу, О. Е. Ю. 5, 18.

Неразумѣша правды Божья исправити Ростовци и Суждальци давнии, творящися старѣишии, Лавр. 160.

⁸¹ И бысть по сихъ приведе Мстиславъ Котяни и Половци многы, творяся на Ляхы ида, Ип. 165 (498)=показывая видъ, что идетъ.

Самъ же раненъ бысть... и приѣха во Брянескъ съ побѣдою и честью великою, и немни раненъ на тѣлеси за радость, Ип. 202, т. е. отъ радости нечувствуя себя раненнымъ, недумая, что раненъ.

Литва... мняще мирни суще, придоша къ Берестью, Ип. 168 (503), трехсоставная аппозиція, въ коей мняще—аппозитивная связка по отношенію къ главному предложенію; а суще—такая же связка по отношенію къ мняще: думая, что находятся въ мирѣ.

И тако възваша кирелѣисонъ вси полци, радующеса полки ратныхъ побѣдивше, Ин. 64. Если превратимъ аппозитивное „радующеса“ въ глаголь, то напр. „радовахуться (и „ради быши“) побѣдивше“ будетъ значить не „побѣдивши, радовались“, а „радовались, что побѣдили“: „побѣдивше“ поставлено въ качествѣ второго предикативнаго падежа.

3. Союзъ между аппозитивнымъ причастіемъ и глаголомъ. Срезневскій (Мысли объ ист. рус. яз. 82—3), сказавши о томъ, что сочетанія, какъ „бѣ уча“, „бяху ловяще“, обычны въ Остр. ев., у Нестора и пр., продолжаетъ: „что касается до причастія дѣйствит. прошедшаго, то его окончаніе -въ сравнивали съ окончаніемъ 1-го лица прошедшаго простого -хъ, думали, что оба эти окончанія, вмѣстѣ съ оконч. прошед. прич. -ль, значать одно и то-же, „какъ придыханія для устройства слоговъ“, и что поэтому-то употреблялись будто бы безъ различія. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться: -хъ есть знакъ перваго лица, равный по смыслу съ -мъ...¹⁾ между тѣмъ, какъ -ль и 82-въ—мѣстоименія указательныя, употребительныя для образованія причастій, какъ прилагательныхъ отглагольныхъ. Замѣчено было, что сѣявъ стоитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто сѣяхъ, тамъ гдѣ мы теперь употребляемъ сѣяль (Матѳ. 25, 26). Примѣровъ подобныхъ можно представить много изъ древнихъ памятниковъ русскихъ (напр. Володимеръ... вѣсплакавъ и рече). Въ русскомъ языкѣ эта форма не погибла и теперь: въ сѣверныхъ говорахъ нарѣчія великорусскаго она сохранилась, хотя и несохранивши своей прежней опредѣленности, отъ того, что вмѣсто причастія, согласовавшагося съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, употребляется неизмѣняемое дѣепричастіе („онъ ужь вставши“, „вы были вставши“ и т. п.). Какъ теперь, такъ и прежде въ этомъ случаѣ настоящее время вспомоgetельнаго глагола опускалось, такъ-же какъ опускается у насъ въ прошедшемъ, составленномъ помощію причастія на ль („онъ сѣяль“ вм. „естъ сѣяль“); но въ чешскомъ старомъ оно часто оставалось такъ же какъ и другія времена: „jest zasluživ“, „bud' uživ“.

Такимъ образомъ здѣсь принимается, что, подобно тому какъ есть опущено въ „онъ всталъ“ и „онъ вставши“, ꙗкъ опущено въ „жнѣж, иде же несѣявъ“ и ꙗкъ—въ „вѣсплакавъ и рече“. О случаяхъ „иде же несѣявъ“ будемъ говорить ниже, здѣсь же остановимся на послѣднихъ. Если вѣрно, что въ „вѣсплакавъ и рече“ при причастіи опущенъ глаголь, такъ что оно въ сущности играетъ ту-же роль, что zasluživ въ „jest zasluživ“, то необходимо будетъ отказаться отъ мнѣнія, что сочетанія прич. прошедшаго на -ъ, -въ съ ꙗкъ отсутствуютъ въ Остр. Ев. и весьма рѣдки въ древнихъ русскихъ памят-

¹⁾ Теперь, какъ извѣстно, думаютъ, что -хъ=са-м, т. е. предполагаетъ отпаденіе знака перваго лица въ окончаніи аориста, а не есть этотъ знакъ. Мѣстоименность причастныхъ суффиксовъ, это—вопросъ.

никахъ, такъ какъ вытѣснены сочетаніемъ -лъ ѣсмь и пр.; нужно будетъ признать, что такого вытѣсненія небыло, по крайней мѣрѣ до довольно поздняго времени, потому что обороты „въсплакавъ и рече“ дѣйствительно весьма обычны. Но вѣрно ли это?

83 Въ вышеприведенномъ мнѣніи косвенно заключено утверждение, что въ „въсплакавъ и рече“ даны два равносильныя предложенія (какъ въ „заплакалъ и сказалъ“). Далѣе, тамъ говорится только о случаяхъ подобнаго употребленія причастій -ъ, -въ. Сравнительно съ этимъ нѣкоторую разницу представляетъ мнѣніе Буслаева: „Въ старину причастіе или дѣепричастіе иногда употреблялось вмѣсто глагола въ изъявит. накл., и тогда придаточное предложеніе могло слагаться съ главными союзами, означающими сочетаніе предложеній равносильныхъ, напр. „градстїи ловцы труждающесе много и оскудѣваху“, Сказ. о Петрѣ царев. ордын.; „мы себѣ неставя судей да помирились“, Ак. юр. (Учебн. русск. грам.² § 205). Отсюда узнаемъ, что не только прич. прошед. -ъ, -въ, какъ мы выдѣли выше, но и вообще причаст. и дѣеприч. дѣйствит. могли встрѣчаться въ случаяхъ, какъ „въсплакавъ и рече“. Впрочемъ и Буслаевъ, основываясь на значеніи союзовъ, какъ и, да, признаетъ такіе обороты стариннаго языка за сочетанія предложеній равносильныхъ, согласно съ чѣмъ и неотдѣляетъ въ примѣрахъ запятою подлежащаго отъ причастія или дѣепричастія. Какъ понимать то, что причастіе стоитъ вмѣсто глагола, это неясно: вытѣснено ли причастіями какое либо простое время, или же только опущенъ при тѣхъ же причастіяхъ вспомогательный глаголъ? Изъ примѣровъ видно, что если допустимъ послѣднее, то должны будемъ предположить опущеніе вспомогательнаго глагола не въ настоящемъ только (а какой же смыслъ будетъ имѣть „ловцы труждающесе суть и оскудѣваху“, „мы неставя есмя судей, да помирились“?), но и въ прошедшемъ. При этомъ возникаетъ то затрудненіе, что опущеніе вспомогательнаго бѣ, бѣшетъ крайне сомнительно, а опущеніе былъ (есть) просто кажется невѣроят-

84 нымъ. Если же допустимъ замѣну причастіями простыхъ временъ, то опять-таки въ „труждающесе и оскудѣваху“ должны будемъ прибѣгнуть къ предположенію невѣроятной замѣны предполагаемаго прошедшаго времени (труждааху ся или др. подоб.) причастіемъ настоящимъ.

Если бы мы имѣли передъ собою только обороты безъ союза, какіе дѣйствительно обычны въ древнемъ и старинномъ языкѣ, напр. пришедше, сѣдоша, Лавр. 3; Радимъ и Вятко... пришедъша сѣдоста, ib. 5; когождо перетень на полъ, поверже я изъ града, Ип. 22; то мнѣніе о нихъ, конечно, было бы только одно, именно, что при причастіи неопущено никакого глагола, что причастіе здѣсь можетъ быть названо сказуемымъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ это названіе приложимо къ аппозитивному причастію, какъ второстепенному члену простаго предложенія. Очевидно, что отъ существованія сочетаній „суть пришедше“

нельзя заключать къ необходимости такихъ же сочетаній въ „пришьдше сѣдоша“. Единственное доказательство равносильности предложеній и полной предикативности причастія въ „заутра вѣставъ и рече“, Лавр. 4, есть то, что въ нынѣшнемъ нашемъ литературномъ языкѣ союзъ былъ бы здѣсь поставленъ только въ томъ случаѣ, если бы нужно было соединить равносильныя предложенія. Но такое заключеніе отъ новаго языка къ древнему предполагаетъ равенство этихъ языковъ, котораго въ дѣйствительности нѣтъ. Наша рѣчь вообще компактнѣе древней. Въ настоящемъ случаѣ („онъ вставши сказалъ“) она характеризуется тѣмъ, что въ ней дѣепричастіе весьма тѣсно связано со сказуемымъ и тяготѣеть только къ нему, такъ что сказуемое съ дѣепричастіемъ рѣшительно перевѣшиваетъ подлежащее.

Союзъ въ „вставши и сказалъ“ намъ претитъ потому, что, противорѣча вышеупомянутому тяготѣнію причастія, вноситъ въ рѣчь распущенность; но безобразное въ нынѣшнемъ языкѣ могло небыть та- 85
ково въ древнемъ, если было знаменіемъ его строя. Въ древнемъ языкѣ на мѣстѣ нашего дѣепричастія стояло причастіе, неимѣвшее непосредственнаго отношенія къ глагольному сказуемому. Поэтому можно думать, что въ древ. „вставъ, и рече“ присутствіе союза дѣлаетъ лишь болѣе явственнымъ свойство оборота, существовавшее и безъ союза, именно то, что въ предложеніи—два почти равносильные центра; что къ первому изъ нихъ, подлежащему, тянетъ приложеніе; что предложеніе, чуть сдерживая свое единство, еще какъ бы распадается на-двое, что однакоже нетождественно съ полнымъ его раздвоеніемъ, которое могло бы быть достигнуто превращеніемъ аппозиціи въ составное сказуемое. Такое объясненіе некасается отношеній времени причастія ко времени сказуемаго, и потому одинаково примѣнимо къ случаямъ съ причастіемъ и настоящимъ, и прошедшимъ. Удержаніе союза и по превращеніи причастія въ дѣепричастіе можетъ быть объяснено, какъ случай „переживанія“ явленіемъ того строя, среди котораго оно возникло.

Такимъ образомъ, мое мнѣніе о разсматриваемомъ явленіи состоитъ въ томъ, что во „вѣставъ, и рече“ при причастіи ничего неопущено; что причастіе здѣсь стоитъ не вмѣсто глагола, а само за себя; что глаголъ на его мѣстѣ могъ стоять развѣ въ то недоступное для изслѣдованія время, когда языкъ допускалъ только паратактическія построенія; что причастіе есть здѣсь подчиненный членъ простаго предложенія, а союзъ между нимъ и глаголомъ—явленіе не случайное ¹⁾, не диалектическое только, а по меньшей мѣрѣ славяно-литовское, глубоко древнее и знаменательное.

Обращаюсь затѣмъ къ частностямъ.

¹⁾ Mikl. Gr. IV, 827: „Vor dem vb. fin. steht oft die conj. i, wenn das part. vorangeht. Ich setze diese das satzgefüge störende erscheinung auf rechnung der abschreiber“.

Союзъ *и* передъ глаголомъ.

Примѣъ Исусъ хлѣбъ и благословивъ, *и* прѣломи, О. Ев. Мат. 26, 26 въ греч. причастіе аппозитивное безъ слѣдующаго за нимъ въ слав. союза: *καὶ εὐλογήσας ἔκλασε.*

86 И се ѣдинъ отъ сѣдшихъ съ Исусьмъ, простъръ рѣкѣ, *и* извлѣче ножъ свои и ударъ раба архiereова, *и* урѣза ему ухо, *ib.* Мат. 26, 51, *ἐκτείνας τὴν χεῖρα, ἀπέσπασε τὴν μάχαιραν. καὶ πατάξας.. ἀφείλεν.. τὸ ὠτίον.* И вѣставъше, *и* отидоша, *ib.* Мат. 22, 22, переводъ вольный: *καὶ ἀφέντες αὐτὸν ἀπῆλθον.* Пилатъ,.. изведъ вѣнь Ииса, *и* сѣде на сѣдищи, *ib.* Ио. 19, 13, причастіе вмѣсто греч. глагола: *ἤγαγεν καὶ ἐκάθισεν.* И согнувъ книги, *и* дасть слугѣ и сѣде, Ев. 1355, Бусл. Хр. 116; Лук. 4, 20, (въ Остр. какъ и въ греч. безъ союза: *καὶ πτύξας τὸ βιβλίον, ἀποδοὺς τῷ ὑπηρέτῃ, ἐκάθισε.*) И разгнувъ книги, *и* обрѣте мѣсто, идеже писано, *ib.* Лук. 4, 17 (*καὶ ἀναπτύξας τὸ βιβλίον εὗρε.*)

Повелѣъ воиномъ своимъ, шѣдъше въ цркъве, *и* решти пискоупоу Сисинію, яко.. *Supr.* 162.

Сѣдумавше Поляне, *и* вдаша отъ дыма мечъ, Лавр. 7. Приникъши Ольга (къ ямѣ), *и* рече имъ, *ib.* 24. Почто, зло створивъ, *и* некаешися его, Лавр. 113.

Діаволь испърва нехотѣи добра роду человекѣю и завидѣвъ ему... *и* въздвиже на Арсенія.. крамолу велику, Новг. I, 44.

Лежавъ 6 недѣль, *и* преставися, *ib.* 47.

Изяславъ же перестрянь (переждавши, промедливъ) два дни у Логожка, *и* иде, *Ипат.* 11. Приведъ брата своего,.. *и* да ему Церяславль, *ib.* 13.

Изяславъ же и Ростиславъ, угадавша, *и* розѣхастася, *ib.* 44.

Да кто, братѣе и отци и дѣти, видѣвше Божіе попущеніе се, *и* неплачеться, *ib.* 52.

И вѣставъ Іаковъ отъ сна, *и* рече, Хожд. Дан. Пал. (ред. Норова) 39; *и* влѣзъ Давидъ въ пещеру ту, *и* плакашеся горько, *ib.*; пришедши бо ей по воду, *и* яко почерне водоносъ свой, *и* възгласи ей ангель невидимо: „радуѣся, обрадованная.“ *ib.* 133; явися ей ангель.. *и* благовѣщеніе сѣтворивъ, *и* отиде отъ нея ангель, *ib.*; онъ же, видивъ мя поклонившася, *и* призва мя къ себѣ... *и* шедъ на торгъ, *и* кунихъ кандило, *ib.* 139 (Бусл. II. Хр. 666).

Такимъ образомъ часто въ тѣхъ же и во многихъ другихъ, *и* болѣе позднихъ памятникахъ. Употребленія здѣсь союза неслѣдуетъ отождествлять съ многосоюзіемъ, тоже свойственнымъ древнему и старинному языку, а отчасти и нынѣшнему просторѣчю. Союзъ въ разсматриваемомъ случаѣ можетъ стоять и тамъ, гдѣ многосоюзія въ болѣе обширномъ смыслѣ нѣтъ, *и* на-оборотъ. Напр. въ силу многосоюзія (т. е.

неопредѣляемаго нами ближайшимъ образомъ ряда явленій, кромѣ союза между аппозитивнымъ прич. и глаг.) могло быть сказано: „и недаша его жива, и уморивъше, рекоша“; но независимо отъ многосоюзія имѣемъ:

недаша его жива и, уморивъше.. и рекоша Фрягомъ: умърль есть, Новг. I, 28.

Придоша Литва.. и гонишася по нихъ Новгородци и, угонивше ихъ, 87 и биша, ib. 45.

Въ старинныхъ сербскихъ памятникахъ: ѣзь кнезь Мирославъ, кльнъсе, и подьписахъ, 1186, Срезн. Свѣд. и зам. XLVII, 144; сего ради писавъ и подьписахъ, Mikl. Monum. Serb. 10; сего бо ради сице утврдивъ и подьписахъ, ib. 20; сего ради писавъше и подьписасмо въ свѣденице всѣмъ, ib. 77 и др.

Въ старомъ польскомъ:

a wstav David tajnie i prziszedł na to miasto, gdzie był Saul, Царей, I, 26, 5, Maciejow. Dodatki do piśm, polsk. 18.

Dawid wstav s tego miasta i szedł precz, Цар. I, 20, 43, ib. 15.

roskrziżowaw swoji swōci ręce i pokłoknōł, 1450, ib. 105.

zmowiwszy (y?) to anioł i odstąpił od niej, 1450, ib. 110.

tedy pokłęknan (прич. наст. въ именит. ед. м. р. и со знач. прошед. какъ русск. приида) on kapłan i spiewajonci i mowił te modlitwa pierwsza (=a), 1468, ib. 121.

Въ старомъ чешскомъ:

Jakžto lvovy štěneč.. jenž geště netvrd v nohy.. uzřie někde stádo volov, však pochce k nim s hory dolov, nemoha té moci jměti, stana (въ знач. прич. прош.) i počne tam chtěti,.. Hatt a Pat. Zb. Alexandreid, 5; stane vepř, nic nedbaje; ač který pes k němu vnoči, vezma ranu i otskoči ib. 39; см. также Jireček Nákras и Mikl. Gr. IV, 828.

То-же самое находимъ въ литовскомъ, съ ir.:

bekeliojent szis brolis nūwarges ir užmigo, Schl. Leseb. 142, букв. ѣдучи (т. е. когда они ѣхали, во время ихъ пути) этотъ братъ уставши (въ лит. прич. прош. безчленное) и заснулъ.

Но въ слѣдующемъ примѣрѣ --- дѣепричастіе настоящ., впрочемъ предполагающее, вѣроятн. не именительный, а косвенный надежъ: jau szaunei i nakti esant, ir atėjo dvi Laumės, ib. 198, уже очень въ ночь будучи (=поздно ночью) и пришли двѣ Лаумы. Ср. ст.-сл. „въшьдъшу Иисусу въ Каперънаумъ, и приступи къ нѣму сътъникъ“, О. Ев. Мат. 8, 5, въ греч. безъ союза: εἰσελθόντι δε τῶ Ἰησοῦ.. προσήλθεν; Сълоучиса коупъцоу нѣкатороуоумоу, гънавъшоу вельбѣды своѣа, и пасти ѣ на мѣстѣ томъ, Супр. 159, 20.

Съ тѣмъ же союзомъ находимъ въ слав. изрѣдка и причастіе наст. дѣйств. и страдательное: Се, отъче, недръзахъ прити къ тебѣ, помышляя, ꙗко како, гнѣваяся на мя, и непустиши ны въ монастырь, Жит. Θεод. Уч. зап. II, 2, 192 (=гнѣваясь на меня да непустишь насъ).

88 Русь же, dospѣвше полкъ, Божию помощію укрѣнляеми, и подоша противу имъ, Ил. 126 (423). Аще ли кто завистию сотониною одрѣжимъ, и дрзнетъ разорити что отъ приносимыхъ мною, 1222—8, Mikl. Mon. Serb. 10.

На томъ же мѣстѣ послѣ прич. дѣйств. ставится и союзъ а:

Побѣже Θεодоръ Даниловиць съ тиуномъ Якимомъ, поимъше съ собою 2 княжича. Тѣгда Новгородци рѣша: дажъ что зло съдумавъ на святую Софію, а побѣгль, а (=ино, то) мы ихъ негонили. Новг. I, 44.

Въ стар. польскомъ: w tō dobo sebraw pacholek strzały a przī (=у) szedł, Царей I, 20, 38, XIV—XV в., Maс Dod. 15.

Въ стар. чешскомъ: potom Iovian, vyšed z vody, a nenalezl rucha ani konie sveho i, podiviv se tomu, a zarmutil se s toho velmi, конца XV в., Hanuš, Malý vybor z liter. České, 15.

Сюда въ стар. русскомъ примыкаетъ такая же постановка частицъ ти¹⁾, та, таже, тоже (имѣющей значеніе послѣдовательности во времени; неслѣдуетъ смѣшивать съ тоже, idem), толи, ноли.

Мнѣ ли ѣсть, пришѣдъше къ семоу попоу, ти исповѣдати грѣхы своя, ꙗже многыкраты паче мене съгрѣши? Supr. 264; аще бо кто и невидѣвъ ея (матери Θεодосіевой), ти слышааше ю бѣсѣдующю, то начынааше мнѣти мужа ю суца, Жит. Θεод. Также и послѣ дат. самостоя-

¹⁾ Союзъ ти по звукамъ относится къ цсл., серб. хорут. те *ка*, какъ ни=лит. *пеу* къ не. По значенію ти=и, а (Mikl. Lex. Pal.; „прежде стѣнь ти потомъ истина.. образъ же закону и благодати—Агарь и Сарра, работная Агарь и свободная Сарра: работная прежде, ти потомъ свободная, Иларіонъ, О законѣ и благод.). Въ виду мѣтніа (Mikl. Lex. s. v.), что это ти присоединяется къ нарѣчіямъ како, тако (и др.) замѣчу что въ како-ти не союзъ ти, а dat. eth. мѣстоименія, въ русс., поль. и чеш. сокращаемый въ -тъ, *é*, *í*, (какъ въ Ил. л. ми, въ мѣ, 591 и пр.), чего съ союзомъ ти, кажется, никогда небываетъ. Ср. въ стар. русс.: поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како-ти челолюбивецъ Богъ милостивъ и премилостивъ, Лавр.² 235; неотдать еѣ (Изяславы) неволею ни за когоже, но кдѣ будеть княгинѣ моеѣ любю, туго-тъ ю дати, Ил.² 595; и иныхъ людей товаръ былъ туго-тъ, Грам. 1300, Русс. Лив. Ак. № 49; нѣ-ту-бо-ти (Лавр.² 237), =нѣту-ти и нѣтуть (часто въ Ил. л. и пр.); то-тъ въ знач. мѣстоимен. нарѣчія (=пол. *to-ó*: укори кудесника, рѣка (река, рѣкя): то-ти (v. то-тъ) неправо молвятъ вошьсви, Лавр.² 38, 16; слава тобѣ Господи! то-тъ Василко побѣдилъ Литву, Ил.² 566) и заключительнаго союза (аже самъ въсхочете, ть-тъ идѣть, грам. 1229, по Рум. сп.; оже имешь княжити во Краковѣ, то-тъ мы готовѣ твои, Ил.² 599 et pass.). Хотя ст. русс., ст. поль., чеш. ать, сообщающее изъявительному значенію повелит. и пермиссива=да, лит. *te*, *te-gul*, пусть, *mr. пехай*) по значенію соответствуетъ литовскому *te* (Jag. Arch. VI, 284 сл.); но есть вѣроятность, что этимологической связи между ать и те нѣтъ, и что ать=изъ а-ти (Arch. VII, 65), въ коемъ а—какъ въ а-быхъ, да-быхъ, а -тъ изъ дат. ти.

тельныхъ: неразоумиѣ же оубо ѣсть, ѣже приходашта(=я)мъ благостынямъ вѣчнымъ даръмъ благаго Бога, ти непождати трыбъниѣмъ и вѣрою, нъ о земльныхъ радоватиса и тѣхъ приятиса, акы невѣроушштѣ(=оу) въскресению, Изб. 1076, 48 б.

А вы, раздравше (сдѣлавши раздоръ, смуту), та прочь Новг. I, 43—оборотъ и до-нынѣ невышедшій изъ употребленія въ случаяхъ опущенія главнаго сказуемаго: „а вы, разсоривши, да прочь, да „давай Богъ ноги“.

Тое же зимы то-и (=млр. та-й) посласта (мя) Берестію брата на головѣ, идѣ бяху пожгли, тои (=мр. тай) блюдѣ городѣ тихъ, та идохъ Переяславлю отцю, Лавр. 103.

Како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого, то же неврѣжено пребысть ни отъ коѣго (же) плѣтоядца, XII в. Срезн. Ск. о Бор. и Гл. XXIV. И сторожи сами наряживайте, и ночь (винит.), от-всюду нарядивше около вой, то же лязите, а рано встанѣте, Лавр. 102. Можно было бы сказать „нарядивъше, а (в. и) лязѣте“.

Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братѣи, или къ кому, али (=млр. аж) управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, то- 89 же цѣлуйте и, цѣловавше, блюдѣте, Лавр. 102. Коли идяше на войну или инамо, ноли (=но оли=то лишь=млр. то аж, то есть „не раньше, чѣмъ..“, „не иначе какъ“) поклонився у гроба Θεодосьева, то же идяше на путь свои, Лавр. 120. Аще уставятся полцы крѣпко, то аще ему (полку) и побѣжену быти, ю крѣпко бився, то ж побѣгнет; яко Святонолкъ, виновать будя, избивъ братію, но и тако-ти ес крѣпкокъ: едва силою к вечеру, рече, одолѣ Ярославъ, Дан. Заточн., сп. Унд., Бусл. II. Хр. 620. Песъ, алчень сы гладомъ и стражда, и емъ заецъ, то же готовы яди неасть, обаче ждеть господина, Златостр. ib. 710.

Нелѣнитесь къ церкви ходити.. и въ своей клѣти хотя спати, Богу поклонився, толи на постели лязи, Поуч. Лук. Жидят. Р. Дост. I, 8.

Если позволить себѣ заключеніе отъ большинства случаевъ и противопоставить употребленію союзовъ *и, а, та* послѣ причастія аппозит. прошедшаго то наблюденіе, что такого союза обыкновенно не бываетъ послѣ прич. настоящего (напр. за ними буда, узрѣ, Ип. 44; онъ, мній буда, непокорить ми ся, Лавр. 149, Ип. 80¹); то можно бы подумать, что не только частицы *та, та же* въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, но и част. *и, а* во „вѣставъ и рече“ усиливаютъ отношеніе послѣдовательности

¹) То-есть прич. настоящего въ значеніи настоящего же. Известно, что въ др. русскомъ и другихъ слав. нар. довольно обычно причастіе настоящее и форма отчасти сходная съ нимъ (напр. „поверга стягы и поскочи“, Ип. 24; настоящее было бы повергна, прошед.—повергъ; какъ архаизмъ—въ посл.: „несмогъ съ княчей, да по оглоблямъ“) въ значеніи прич. прошедшаго. Ср. Бусл. Гр. § 54, пр. 2, 3. Въ этомъ случаѣ союзъ послѣ этого причастія столь же обыченъ, какъ и послѣ прошедшаго.

во времени, вытекающее уже изъ времени причастія: „вставши, потомъ сказалъ“.

Въ дополненіе и ограниченіе такого объясненія *и, а*, прибавлю:

Во первыхъ, *а* ставится и послѣ сказуемаго, за коимъ слѣдуетъ причастіе:

Ты, княже, чужея земли ищещи и блюдеши, *а* своя ся охабивъ, Лавр. 28. Аще кто отъ своего князя ко иному князю от(ъ)ѣдетъ, *а* достоину ч(ь)сть приѣмля отъ него; то подобенъ есть Иудѣ, иже, любимъ г(осподь)мъ, *та* умысли продати е(го) ко княземъ жидовьскимъ, Злат. Цѣль., XIV в., Бусл. Ист. Хр. 478. Иже бо кто много пиеть съ трепари како ти начьнетъ полозити на колѣну, *а* на ногахъ своихъ негога отити, *а* други валяется въ калу блю'а, хоче ся пересѣсти въ руганин, въ посмѣсѣхъ давъ себе всѣмъ людемъ, *а* хранителя душа своѣя, аггела г(осподь)ня, отгнавъ отъ себе; гдѣ суть мнози трепари, притворени къ чашамъ, да быша избавили ихъ отъ бѣды тоя, бѣсящихся волею своею? Сл. Феод. Печ. (сп. XV в.), ib. 692. Тако бо и былія другоици, естество цѣлительное имуща, нѣ иже я шіеть, *а* неразумѣя, на кѣи вредъ есть, то умираеть, Златоостр. ib. 710.

90 Како мя хотять яти, *а* оно (*а* вотъ недавно) мнѣ цѣловаше крестъ, рекуще: „аще кто на кого будетъ, то на того будетъ крестъ и мы вси“? Лавр. 110. Впрочемъ послѣдній примѣръ, б. м., сюда нейдетъ. Въ предыдущихъ очевидно, *а* неможеть давать значенія „ищещь, потомъ бросивши“; оно можеть означать только раздѣльность пониманія, дивергенцію причастія и глагола и оттѣнокъ противительности: „ищещь, *а* между тѣмъ бросиль“.

Во вторыхъ, выше были приведены примѣры раздѣленія причастія настоящаго и сказуемаго посредствомъ *и*; наст. прич. означаетъ событіе одновременное со сказуемымъ, *а* не предшествующее ему, но здѣсь *и* умѣстно, какъ указаніе на послѣдовательность причины, дѣйствующей все время, и слѣдствія: „гнѣваясь *и* (въ силу этого) невпустишь“.

Въ третьихъ, сюда же слѣдуетъ прибавить употребленіе *а* передъ постпозитивнымъ причастіемъ (и дѣеприч.) настоящаго дѣйств. въ значеніи „*а* при этомъ“: жены русскія въсплакашась, *а* ркучи.. Слово о Ш. И.; Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, *а* ркучи: „о вѣтре.. ib.; „*а* рекуще“, „*а* река“, „*а* хотя“ см. въ моей статьѣ „Замѣт. о млр. нар. 21; послаша Псковичи воеводу своихъ, *а* крестное цѣлованіе правя, Пск. I, 216, *а* кто будетъ закладень позоровалъ ко мнѣ; *а* жива въ Новгородской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся ѣсмь Новгороду, Догов. Тв. кн. съ Новг. 1301—2 С. Г. гр. I. Такъ и въ стар. польскомъ: *o aniele Gabriele! gdzie jest ono twe weselie, coś eś mi go obiecował.. a rzekący* (=ci?): „*panno, pełna jeś miłości*“, около 1470, Маś. Dod. 122; фонетическое толкованіе поль. *a rzkōc* (Bibl. Zof. et pass),

какъ одного слова, по образцу русс. аржать, иржать (Arch. f. Sl. ph. VII, 419) считаю невозможнымъ.

И при такомъ порядкѣ словъ, какъ „вѣставъ и рече“, а встрѣчается изрѣдка послѣ прич. наст. дѣйств.: аже кто бѣжа а поѣмлетъ что что сусѣдне, или товаръ, то господину платити зань, Русс. Пр. по Син. сп., Р. Достоп. 58; а хто отходя съ сего свѣта, у кого дѣтей небудеть ани племени, а прикажетъ кому статки свои, ино намъ того нурушати, 1529 Ак. З. Р. II 208.

По вышесказанному, такое употребленіе союза, какъ нѣкоторая непосредовательность языка, остается и послѣ того, какъ причастія обратились въ дѣепричастія, почти безслѣдно исчезая только въ нынѣшнемъ литературномъ:

Свѣща (вин. мн.) вѣжегъ (дѣепр.), и придоша, Ип. 6.

Н, и посадники, и соцкіе, прочетъ грамоты, и дали.. 1483, Ак. Юр. 3.

И вы, написавъ грамоту, да пошлите ко мнѣ, Пск. I, 222. Нѣмцы... 91
пришедше, да два исада болшихъ выжгоша, ib. 223. И Великій Новгородъ, всего того нерадя, да своего посла.. во Псковъ о томъ прислалъ.

Въ слѣдующемъ сопоставлены имена дѣйствующихъ лицъ, какъ подлежащія, и причастіе безчленное: „въ нашихъ перемирныхъ грамотахъ написано такъ, что „татя, бѣглеца, холопа, робу, должника, по исправѣ, выдати“. Ино которой тать, или розбойникъ, или душегубецъ, или иное каково лихое дѣло учинивъ, да сбѣжитъ на кою сторону, ино о тѣхъ людехъ писано, а и тѣхъ по исправѣ выдати“, 1504—5, А. З. Р. I 338.

Сюда же и вр. примѣры XV—XVI в. въ Гр. Бусл. § 285, Пр. I, а: приѣхавши, да учили пахати; жалуючи того Савки, да жито ему отдали. Ср. также „Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ“, Др. русс. ст. 1818, 286.

Въ виду возможности сомнѣнія въ томъ, что здѣсь никакой глаголь неопущенъ при дѣепричастіи, важно, что такіе же обороты есть въ нынѣшнемъ млр., между тѣмъ какъ дѣепричастіе въ сказуемомъ („онъ уже вставши“, „а какъ-де мы будемъ недошодъ до Погару версты съ три, и тотъ де мой товарышъ.. остался пить воды и табаку“ 1648. Ак. Ю. и З., Р. III, 220) въ малорусс. не встрѣчается:

Оттим то Настя, дивлячись на худобу, та-й журилась, Кв.

Недуже я добре зробив, що нероспитавши Василя, та-й покликав ёго до себе, Кв.

От увійшовши, та мовчки й став коло ёго, Кв.

Разсмотрѣнное въ этомъ § явленіе есть частный случай того, что можно назвать недостаткомъ связности предложенія въ древнемъ и народномъ языкѣ, сравнительно съ нынѣшнимъ литературнымъ. Союзы

здѣсь какъ бы назначають еще недостаточно сросшіеся швы между частями предложения. Сюда:

а) отдѣленіе союзомъ дательныхъ самостоятельныхъ отъ сказуемаго: „и бывшую молчанью, и рече Володимеръ“, Ип. 1.

б) Союзъ между придаточнымъ развитымъ и главнымъ предл., излишній съ точки нынѣшняго литер. яз.: чего хотите, и дамы ти, Ипат. ² 18; яко соспоша (могылу), и повелѣ тръзну творити, Лавр. 24; яко полѣ-
92 зе въ двери, и подъяста ѿ два Варяга мечьми подѣ пазусѣ, ів. 33; вся елико всхотѣ, и створи, Ип. ² 201; егда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши глазкы стекляныи, ів. 199; котораго князя Псковичи восхотятъ, и язъ вамъ того дамъ, Пск. I, 222.

Въ нынѣшнемъ млр.: що божій день перебере орішки, що ще на весилі, якъ побачились у перше, та вінъ їй давъ, Кв.

Замѣчательно также въ нынѣшнемъ млр. отдѣленіе союзомъ та подлежащаго, вовсе неимѣющаго при себѣ причастія или дѣеприч., отъ сказуемаго:

А той дідусь та був собі зовсім каліка та ще й німий, Кв.; а там чути, скрипка гра з цимбалами: Матвій Шпонь та продав сіль, роцитаваць и грошики вчистив та й наняв троїсту, ід.; тут писарь по книгам знайшов, щоб-то твій дідусь та ёго дідові та винен був п'ятьдесят рублів, ід.; а щоб який паробок та посмів би її заняти! ну, ну, незнаю! ід.; кажуть, що ёго хазяїн та хоче ёго в прийми взяти, ід. набігла повна хата людей, як почувли, що старій Дротъ та просватавъ свою дочку, ід.; се на біду вже йде, коли пан сотник та буде розумнійший мене, ід.

Впрочемъ союзъ здѣсь нерѣдко неможеть быть названъ плеонастичнымъ: онъ выражаетъ родъ легкаго противоположенія сказуемому затаенной мысли, связанной съ подлежащимъ, напр.: Дротъ (отъ котораго трудно было ожидать чего либо такого) да просватавъ; сотникъ (дуракъ) да будетъ умнѣ меня; „чому сей скарбъ (который, по повѣрью, долженъ разсыпаться) та нерозсыпастьця? ід.; де-таки сѣму статись, щоб пан та узявъ мужичку? ід.

4. Именительные самостоятельные. Относительная самостоятельность аппозитивнаго причастія въ древнемъ языкѣ и сходство его функціи съ функціей главнаго (глагольнаго) сказуемаго проявляются не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго союзомъ, но и иначе, въ возможности подлежащаго съ аппозитивнымъ причастіемъ при глагольномъ сказуемомъ, имѣющемъ свое подлежащее. Эта констукція встрѣчается въ слав. памятникахъ рѣже, чѣмъ дательные самостоятельные, изъ чего однако врядъ ли слѣдуетъ, что мы имѣемъ право считать ее за лич-
93 ную ошибку, за признакъ того, что мысль пишущаго такъ вообще или лишь въ это мгновенье слаба и забывчива, что въ серединѣ предложе-

нія невольно выскакиваетъ изъ одной колеи и попадаетъ въ другую ¹⁾. „Причина этой неправильности (nominat. absolut.), говоритъ Зикмундъ, есть, большею частію „vŭšin z vazby ročaté“ (Skł. 676). Но, во первыхъ, это не причина явленія, а оно само. Далѣе, если бы эта конструкція встрѣчалась чаще, то, оставаясь сама собою, неназывалась бы неправильностью. Можно ее неодобрять только съ точки правила, выведеннаго изъ односторонняго наблюденія надъ позднѣйшими дѣепричастіями. Дѣепричастіе, возникшее изъ аппозиціи подлежащаго, снабженнаго глагольнымъ сказуемымъ, естественно будетъ относиться черезъ это сказуемое къ тому же подлежащему; но въ другихъ случаяхъ дѣепричастіе можетъ и вовсе неотноситься къ подлежащему глагола. Именительные самостоятельные должны быть оцѣняемы наравнѣ съ дательными самостоятельными, которые трудно назвать неправильностью. „Vŭšin z vazby ročaté“, непослѣдовательность (*ἀνακολουθία*), отклоненіе въ серединѣ

¹⁾ Въ устной рѣчи, особенно при наклонности говорящаго къ построенію длинныхъ предложений, дѣйствительная анаколуѳія встрѣчается весьма часто. Гдѣ она не во вредъ понятности, тамъ удержаніе ея и на письмѣ можетъ стать художественнымъ приѣмомъ, сообщающимъ рѣчи живость и простоту. Такъ на пр. у Квитки:

Чи є-ж такий чоловік на світі, хто-б нелюбив діточок?.. Ні, нема такого чоловіка, щоб їх нежаловав. І самий запевний харцизяка, звісно, як о своєму умі, а не тогді, як розлютується, що и нечувствє нічого...“ (ожидається: „и той їх жалує“, и т. п.; но вм. этого:), и в того рука невіднімеца, щоб яке зло зробити дитині“ Кв. Божі Діти.

Як би чоловікові усе добро та щастья, то він би забув и Бога, и думав, що се єму так добре не від кого ійде“, (ожидається: як від себе“, но вм. этого:) як він сам собі заробляє; а те, що усе від Божої до нас милости ійде“ (ожидається, что „те“ стане нодлежащим или дополн. въ вин.), він би и неподумав (того), та закопчивши губу так би и думав, ще єму ніхто, як він, Кв. *ibid.*

Молода, як вже стала молодницею, так вже у очінку, сама рум'яна, як є садова рожа, ійдеть и очіці понурила... а що красної квітки, приколотої на правім боці очічка, як звістки, що вона непостидила свого роду... (ожидається гл. сочетаемый съ родительным на пр. незабува) ...так так и хоче, щоб усі бачили“, *ib.*

Всяк з нас, бачачи, як жинка, дітки будуть приставати та хліба прохати, так тут нетілки всю худобу, а именно кров свою, душу віддаси, щоб тілко вони неголодовали *id.* Добре роби.

Господь милосердний, як є він на небесах, так замісь себе, дав нам родителів: батько, щоб навчав та до розуму доводив; а щоб чоловік молодий з дуру незатужив та незбівся з панталіку, так тут мати з такою любовію, як є сам Господь милосердний до нас грішнихъ, *id.* Серд. Окс.

От от послі Зачати, у Пилипівку, почнуть старосты швендяти до неї, бо вже її дочка Оксана, як діждемо Різдяних м'ясиць, то буде їй шіснадцятий год, *ib.* *id.*

Сюда же можно отнести случаи аттракціи: α) Согласованіе сказуемаго съ послѣднимъ изъ двухъ или нѣсколькихъ подлежащихъ того же предложенія: ти думаєш, твоя праця об нѣму и саме пусте слово, чим втїшив єго, так и пропало?“ Квит. Божі діти; Бусл. Ист. Гр. § 237, пр. 1; β) Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ не главнаго, а придаточнаго предложенія, выражающаго сравненіе: на дворі бояре, як мак зацвітає, Метл., 157, 173; Ой там хлопці славні запорозці, як мак процвітає (т. е. починаєть цвѣсти): *ib.* 430; Головка, мов кавун качався, Котляр.

рѣчи отъ начальнаго плана построения предполагаетъ, что въ началѣ рѣчи было въ говорящемъ намѣреніе, или потребность, отнести глаголь къ тому же подлежащему, къ которому будетъ отнесено и причастіе; но такого плана здѣсь могло и небыть. Впрочемъ и допустивши, что онъ былъ, можно думать, что одни состоянія языка настолько располагаютъ къ его нарушенію, что это послѣднее готово стать правиломъ, а другія—менѣе. Нижеприводимые примѣры взяты изъ памятниковъ, по языку, образцовыхъ для своего времени; между тѣмъ въ нынѣшнемъ языкѣ подобныя примѣры были бы личными ошибками. Причина, по которой аппозитивное причастіе въ древнемъ языкѣ скорѣе можетъ имѣть свое особое подлежащее, чѣмъ въ новомъ, можетъ заключаться въ томъ, что причастіе въ древнемъ языкѣ болѣе сходно съ глаголомъ, чѣмъ въ 94 новомъ; что оно, присоединившись къ подлежащему, хотя и неполнѣ заканчиваетъ предложеніе, но даетъ мысли нѣкоторый роздыхъ, намѣчаетъ собою дѣленіе предложенія на двѣ части, дѣленіе, подобное тому, какое мы видѣли во „вѣставъ и рече“, но съ тою разницею, что въ предложеніи съ именительными самостоятельными подлежащія главнаго и второстепеннаго сказуемаго различны. Въ новомъ нашемъ языкѣ обороты, какъ „я сдѣлавши, онъ сказалъ“ необычны потому, что въ этомъ языкѣ, такъ сказать, больше покатошь, по которой мысль стремится отъ начала къ концу предложенія: при большей быстротѣ теченія меньше заводей и затоновъ. Вотъ примѣры изъ древняго языка:

Жаделѣне же оуслышавъше плача младеништа, и мати, почоувъши, обратиса и, разоумѣвъши своѣго зѣла, въскрича съ всѣми. Жаделѣне же ови клицаахъ, ови течаахъ въ слѣдъ вѣлка, Supr. 31.

А иже се: на выходы вышедъ полъ на обѣдни и на вечерни, въ что цѣловати? Рече „въ икону“, Впраш. Кюр., Колайд. 198.

И та вся створивъ азъ, рече Игорь, недостойно ми башеть жити, Ип. 131. И пришедъ Изяславъ Мьстиславичъ къ Киеву, и бѣ Игорь разболѣлся въ порубѣ и бѣ боленъ велми, Ип. 28. Андрей же то слышавъ, и бысть образъ лица его попустнѣлъ, Ип. 109. Сему же приемшу послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего, се-же (=съ же) Киевѣ княжа, быша ему печали болше, паче неже сѣдящю ему въ Переяславлѣ, Лавр. 92. Олегъ же... устремися на Суждаль и шедъ Суждалю, и Суждальци дашася ему, Лавр. 108.

А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити, Новг. I, 1. Аще ли покаившеся будемъ... то и сдѣ ходяще приемъ блага земнаа, и по отшествіи сего свѣта—жизнь вѣчную. Но мы присно, аки свинія, в катѣ грѣховнѣмъ валяяся, грѣхи къ грѣхомъ прилагающе, злое предъ очима Его творяще по вся дни; того ради пророкомъ глаголетъ къ намъ: „разумѣхъ, рече, яко жестоци и каменосерди и лѣниви есте творити волю.., Поуч. Θεод. Печ. о казняхъ, Уч. Зап. Ак.

Н. II, 194 (въ Лавр. 72 этой особенности оборота нѣтъ: „Но мы на злое възвращаемся, акы свинія въ калѣ грѣховнѣмъ присно валяющеса, тако пребываемъ. Тѣмъ же пророкомъ намъ глаголетъ: разумѣхъ и проч.).

Бываютъ случаи, когда подлежащія причастія и глагола тождественны, но когда подлежащее съ причастіемъ получаетъ видъ именительныхъ самостоятельныхъ, будучи далеко разнесено съ глаголомъ: мы человѣди грѣшни суще и смертни, то оже ны (кто) зло створить, то хожемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ, Лавр. 101.

Между причастіемъ вполне согласуемымъ со своимъ опредѣляемымъ, 95 съ одной стороны, и дѣепричастіемъ вовсе несогласуемымъ и неимѣющимъ непосредственной связи съ именемъ, которое имъ опредѣлялось, когда оно было причастіемъ, съ другой, можно замѣтить среднюю степень. На ней отпричастное слово не можетъ быть названо причастіемъ, потому что уже лишено рода, числа и падежа, но не есть и дѣепричастіе въ вышеупомянутомъ смыслѣ, потому что стоитъ не при глаголѣ, а при своемъ подлежащемъ. Ниже будутъ приведены примѣры такого отпричастнаго слова при дательномъ; здѣсь же къ вышеприведеннымъ примѣрамъ именительнаго самостоятельнаго прибавимъ слѣдующіе, въ коихъ изъ второго падежа вышло уже несогласуемое слово:

Выскакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ, Лавр. 10. Изяславичъ Мьстиславъ ведучи въ помощь отцю своему Угры, и слыша Володимеръ Галичскій, оже идетъ Мьстиславъ Изяславичъ, Ил. 65. Посадникъ N и другій посадникъ N со Псковичи ѣхавше подъ городъ подъ Котелень, а онъ невѣрный князь Витовтъ услыша Псковскую рать, Пск. I 204. Въ лѣто 6974, за недѣлю по Семенѣ дни, приѣхавъ во Псковъ послы Новгородскія а съ ними бояръ много на управу, и наши посадники на вѣчи цѣловаша крестъ передъ Новгородскимъ посломъ, ів. 230. Тоя же весны, приѣхавъ отъ Великаго князя съ Москвы князь Ѳеодоръ Юрьевичъ... и Псковичи и все священство выидоша противу его со кресты и посадиша его на княженіи, ів. 231.

По Великой рѣкѣ ледъ идучи, христیانомъ силно много хоромъ подрало и запасовъ снесло, Пск. I, 234. Мѣсяца мая въ 21 день съ вечера вшедши туча, и иде дождь во всю ночь, ів. Вшедши туча дождевая, и двигнуша ся облацы, ів. 235.

Ино мы, выслухавши съ обѣ сторонъ тыхъ ихъ рѣчей, и видѣлося намъ и паномъ радѣ нашей... (гр. кор. Сигизм. 1509. А. З. Р. I, 64).

А приѣзжаючи боярь и ближнихъ людей жены и дочери, и дучится имъ у царицы обѣдать, и они обѣдаютъ, Котоших. 27; „они“—подлежащее, хотя и относящееся къ „жены и дочери“, но отличное и отдѣльное отъ этихъ подлежащихъ.

И женихъ съ отцомъ поѣдетъ къ невѣстину отцу или матерѣ, а приѣхавъ, и невѣстинъ отецъ и сродственные встрѣчаютъ ихъ и честь 96 воздадутъ, ib. 125. Женихъ и невѣста пришедъ въ покои свои, гдѣ имъ спать, снимаютъ съ нихъ платье, съ жениха дружки, а съ невѣсты свахи, ib. 126. И вшедъ дѣвка къ Бовѣ въ темницу, да за тоуж дѣвкою пришли два выжлеца и сѣли у темницы, Сказ. про Бову кор. Пам. Древ. писъм. 1879. 1.

Пройде вѣшня эта ночь да невидаютца (-тца=це=че), я не сномъ да темну ночку коротаютца, я горячими слезамы обливаютца, Барс. Прич. I, 229.

А и на небѣ просвѣтя свѣтель мѣсяць, а въ Кіевѣ родился могучъ богатырь, Др. р. ст. (1818), 45.

Сюда слѣдуетъ отнести нѣкоторыя изъ примѣровъ дѣепричастія независимаго“ у Бусл. (Гр. § 275, прим. 2) 1):

И годъ, другой тому времени поизойдучи, тѣ Татары... на Ермака Тимофеева напуцалися, Др. р. ст. 122. Буслаевъ отмѣчаетъ косымъ шрифтомъ „тому времени поизойдучи“, повидимому, полагая, что дѣепричастіе тяготѣетъ къ дательному, причемъ „годъ—другой“ были бы винительные мѣры какъ „жить годъ“. Но вѣриѣе кажется, что дѣеприч. тянетъ къ именительному годъ (годъ... поизойдучи), а дательные стоятъ при именительномъ („годъ тому времени“, какъ въ „перечень книгамъ“). Ср. а часъ, другой поизойдучи, уже князи и бояра отъ заутрени, а Гришка Растрига изъ бани съ женой, Др. р. ст. 103. И мало время поизойдучи, пришелъ Чурила Пленковичъ, ib. 164. Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней, наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву, ib. 182.

Въ мр. Повязавши собі один одному рушники (сваты), от староста й каже, Кв. Мар.; Він (Бог) обьявить твоє діло черезъ те, на що ты й недумаєш... та обьявивши се (Бог), тут відкривуться и усі зли діла, обь якихъ вже люди забули и розиськувати, id. Перекопип. Він (Бог) недав йй (дитині) пропасти, якъ воно зоставшися сиротою у пустці, мов билинка у полі, що туж-туж біда б йй постигла, та милосердний Господь пославъ же насъ з жінкою, и намъ грішнимъ знодобилося зполняти Ёго святу волю, доглядіти и вигодовати сиріток, id. Божі діти.

1) Собранныя въ этомъ мѣстѣ дѣепричастіи весьма различны по происхожденію, имен-но предполагаютъ вторые падежи: именит., винит., род., дат. Слѣдовательно, только часть ихъ „соотвѣтствуетъ ц.-с. дательному самостоятельному“.

Примѣры именительныхъ самостоятельныхъ въ стар. чешскомъ: *Čechové navracují se s kořistmi, tot' na ně Rakušané nenadále vyskočili, Hajek; ranění jsouce a kryjíce se v lese, zvěř je rozsapala, Bibl. Bratrská.*

Въ старомъ польскомъ: *Zabiw macierz nieo(d)daną, niepomocze jemu tego obrzeczzenie (заявление, что она небыла въ законномъ замужествѣ), ale musi głową zapłacić, XV в., Ks. Ust. 47. Szlachta dowiedziawszy się o nas, z każdéj wsi przyjechało ich po dwóch witać deputatów nomine innych braci, XVII в., Pamiętn. Paska ed. Węclew 81; wjeżdżając tedy Czarniecki do Lachowicz, wyszli przeciwko niemu zakonnicy, szlachta, szlachcianki, ib. 112. W Miłowczycach mieszkając i Smogorzow trzymając (=когда я жилъ и пр.), poczeli mię dalsi krewni postponować, mówiąc, że to przybysz z innego wojewodztwa, ib. 305, 307; przyszedłszy tedy król z wojskiem nad owe trupy, zaraz naszym serce upadło, ib. 361.*

Въ серб. и хорв.—*Mikl. Gr. IV, 837.*

Въ литовскомъ: *dabar asz pasiilsėjęs, dūk mą neszt, Schl. Les. 130, теперь я отдохнувши (въ лит. прич. прош. въ знач. „такъ какъ я отдохнулъ“), дай мнѣ нести.*

Bukite linksmi, nes justū wieszpats Zaulas numiręs, taygi giminė Juda mažę mostijo, Царей II, 2, 7, радуйтесь, ибо царь вашъ Саулъ умерши (такъ какъ умеръ), то племя Іудино меня помазало.

Кто во всѣхъ этихъ случаяхъ захотѣлъ бы предположить опущеніе вспомогательнаго глагола при причастиі, напр. „выскакавше суть“, тотъ долженъ бы былъ объяснить, почему обороты, какъ „выскакавъ(ше) же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ“, имѣютъ значеніе не сочиненія равносильныхъ предложеній (всѣ повыскакивали и Олегъ сказалъ), а подчиненія: „когда повыскакивали, то Олегъ сказалъ“.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣепричастіе неимѣетъ при себѣ явственнаго именительнаго, нельзя разобрать, произошелъ ли оборотъ изъ именительныхъ самостоятельныхъ, или изъ дательныхъ. То и другое возможно, и перевѣсъ вѣроятности на сторонѣ дательныхъ только потому, что это построеніе обычиѣе. Впрочемъ, иногда наружность дѣеприча- 97 стія скорѣе указываетъ на именительный, напр. „убивъ мене (т. е. когда ты убьешь) а тобѣ волю“, *Ип. 16.* Также мало вѣроятности, чтобы обороты, повидимому, столь древніе, какъ *рекуче (=ще), рекъше*, употребляемые безлично въ знач. именно, то есть („ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, *Ип. 3;* придоша отъ Скуоъ, рекше отъ Козаръ, *Лавр. 5*), измѣнили звуковую форму уже послѣ появленія дѣепричастія; окончаніе ихъ указываетъ на именительный множественнаго. Другіе случаи указываютъ на тотъ же падежъ единств. чис., напр. „а будетъ кто въ тѣхъ заповѣдныхъ лѣсахъ про свой обиходъ сѣчь лѣсъ, и такому, поймавъ, бываетъ жестокое наказаніе и пеня“, *Котоших. Въ нынѣшнемъ литер. яз.—исключо-*

чая, напр. „всѣ прошли, исключая того-то“. О подобныхъ дѣеприч. въ чешскомъ (takо řka, такъ сказать и др.) см. Hattala Srovn. Ml. 88; Zikm. Skladba 676, прим. 5, 6 ¹⁾.

Столь же рѣдко, какъ дательные самостоятельные безъ причастія (см. ниже) встрѣчается именит. самостоятельный безъ причастія въ значеніи обстоятельства времени: „Тоя же зимы, еще послове Псковскіи на Москвѣ (=т. е. когда еще были), князь Псковской Ив. Александровичъ и посадникъ степенной Алексѣй Васильевичъ заложиха градъ новъ деревянъ на Сини рѣчки, Пск. I (П. С. Р. лѣт. IV), 228.

98 Изрѣдка встрѣчается другое построение того-же рода, состоящее изъ самостоятельнаго подлежащаго съ развитымъ придаточнымъ предложениемъ при другомъ подлежащемъ главнаго сказуемаго:

Конь, ꙗго же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети, Лавр. 16 ²⁾. Муж евреанинъ, его же всади (2-е лице) въ темницу, се 10-е лѣто ибѣтъ взыскаа его, ни возмолвѣющаго о немъ (=никто его не спрашиваетъ), Пал. 1494, Пам. ст. Р. литер. III, 44. По вся дни въ вечерѣ мужъ съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти (имѣ) вечерня, Домостр. Бусл. Хр. 821. Царевичи же и царевны... внигда случится имѣ итти къ церкви, и тогда около ихъ по всѣ стороны несутъ суконные полы, что люди зрѣти ихъ немогутъ, Котош. 14.

Польск. *zbojce, ktorzi cudze imienie drapiezą, ma jem być wszi(?)tko imienie zabrano*, XV в. Ks. Ust. 47. Ср. причастный оборотъ: *Zbiegowie od swego imienia a po stronom zbijając, to imienie, od ktorego zbiegają, naszemu stołu przisadzono aby było*, 1503, ib 47. Тоже бываетъ и теперь въ просторѣчии: „*trzecia droga, co naprawo będzie, w tą jedź*“, Winc. Pol.

Дѣйствіе такого построения состоитъ въ томъ, что оно сосредоточиваетъ вниманіе на первомъ именительномъ, выдвигая его изъ ряда прочихъ членовъ предложенія. Совсѣмъ иначе почувствовалось бы содер-

¹⁾ Если бы доказано было существованіе въ польскомъ причаст. наст. въ им. ед. м. р. на -а (какъ въ русскомъ и чешскомъ), то къ случаямъ дѣепричастія изъ причастія съ неопредѣленнымъ субъектомъ можно бы отнести: „*Wojtek niewiada gdzie (=niewiedzieć gdzie, niewiadomo gdzie, невѣсть гдѣ, мр. незнать де) się podziot*“, Kozłowski Lud (Mazow.) 226; „*Dusa z ciała wyjść musiała I niewiada kej się działa*, ib. 258. Иначе—*niewiada* есть сущ. ж. ед. съ олуценнымъ сказуемымъ.

²⁾ Неясно, сюда ли относится „*кладязи, яже суть за тобою отъ вѣстока, изъ того вода идеть по трубѣ, конавъ перенимъ*“, Лавр. 47, т. е. слѣдуетъ ли исправить иже и считать „*кладязи, яже...*“ за именительные, или же исправить „*кладязя, яже*“ и принять это за винительные при „*перейми*“?

жаніе рѣчи, еслибы въ Лавр. было сказано: „отъ того ти коня, на немъ же ѣздиши, умерети“.

Отчасти сходную съ этимъ роль въ области сказуемаго играетъ т. наз. самостоятельное неопредѣленное наклоніе: „знать онъ знаетъ, да неговорить“. Объясняя себѣ такое неопр. накл. описаніемъ: „что 99 касается до того, чтобы знать“, или „что до знанія, то...“, можно видѣть, что подобный смыслъ въ своемъ родѣ можетъ имѣть и подлежащее, поставленное вполнѣ самостоятельно, не только безъ глагольнаго, но и безъ какого бы нибыло сказуемаго. Такъ напр. въ обычной формулѣ договорныхъ княжескихъ грамотъ XV в.; „а хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ и ходити (ѣхати), а городная осада (т. е. „что до осады“, или „въ случаѣ осады“), гдѣ хто живетъ, тому туто и сѣдѣти (в. сѣсти), Собр. гос. гр. и догов. I ¹⁾).

Въ в. русскихъ памятникахъ значеніе такого именительнаго само-100 стоятельнаго выясняется тѣмъ, что передъ нимъ иногда ставятся союзы а что:

а что наши ординци и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, Договорн. гр. XIV—XV в. (часто; Собр. г. гр. I); а что князь Иванъ Стрыга, а тотъ мнѣ здѣсе у себя надобѣ, Пск. I, 244. А что мои люди купленни въ великомъ свертцѣ (т. е. перечисленные тамъ), а тыми ся подѣлять сынове мои. А что золото княгини моее Оленино, а то есмь даль дчери своей Фетиныи, 14 обручи и ожерелье, матери ее монисто новое, что есмь сковаль, (Духовн. в. к. Ив. Дан. 1327, С. Г. Гр. I).

Сюда, а отчасти и къ случаямъ отдѣленія подлежащаго отъ сказуемаго союзомъ (стр. 194: „а той дідусь та був каліка“; ср. „два мѣсяца на небеси въ въ ноци и ударилися вмѣстѣ“, Пск. I 317), примыкаетъ то, что именное подлежащее становится самостоятельнымъ отъ присоединенія подлежащаго мѣстоименнаго, относящагося къ той же субстанціи:

Борѣштии са съ нами врази наши, ти изнемогоша и падоша, Supr. 54.

Мстиславичъ Всеволодъ, внукъ Володимеръ, его же выгнаша Новгородци отъ себе, онъ же приде къ стрывеви своему Ярополку Кыеву, Лавр. ² 289.

А князь Андрѣй Михайловичъ Шуйской, а онъ былъ злодѣй; не суди его писахъ, но дѣла его зла, Пск. I 304 (1541).

¹⁾ „Матери бо родивши его, бысть ему (Всеславу Бряч.) язвено (на главѣ его); рекоша бо волеви матери его: „се язвено, навязи нань, да носить е до живота своего“, П. С. Р. I. I. Лавр. 67. Редакція ставитъ запятую послѣ се язвено, заставляя этимъ понимать; „что до этого язвена, то...“; но такая интерпункція ненужна, такъ какъ эти слова могутъ быть въ винительн.: „эту кожу (язвно, corium, Mikl. Lex.), т. е. эту сорочку, съ которою онъ родился, навязи на него (какъ талисманъ, мѣсто-пребываніе духа хранителя, Аван. Поэт. возр. III, 360—1).

Это часто встрѣчается въ вр. былинахъ и т. п.: А и молодой Дунай, онъ догадливъ былъ, Скочилъ онъ Дунай со добра коня; Молодой Иванъ Гостиной сынъ, Он вышилъ чару зелена вина.; Въ та поры Владимиръ князь со княгинею, скоро онъ снаряжается; Царица Елена, Симеону царю она сонъ розказала; А въ та поры Терентьище, онъ жены своей слушался; Доселева Рязань, она селомъ слыла, А нынѣ Рязань, слыветъ городомъ (Кир. Дан. Др. Р. ст. pass.); Какъ бы бѣла лебедушка по зарѣ она прокликала, Говорила царица царю Марья Темрюковна (ib. 43). [Отъ этихъ случаевъ отлично: а) когда мѣстоименіе слѣдуетъ за подлежащимъ и сказуемымъ: „Укатилося красное солнышко за горы оно да за высокія, За лѣсушка оно да за дремучиі, Барс. Прич. I, 1; Приукрылся нонь надежная головушка Во матушку вѣдь онъ да во сыру землю, Въ погреба вѣдь онъ да во глубокиі, ib. 18. Нажила себѣ чечотка она много дочерей, Шеймъ Р. н. п. 252. б) Когда мѣстоименіе предшествуетъ имени: Видѣль я Тугарина Змѣевича; Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень и пр.].

Въ мр. Захарій, як невив хитровати (и для чо́го-б то ёму?), він и росказавъ усе, Кв. Божі діти; Ваші-таки поддані, замість того, щобъ їй поважати, вони будуть попрікати, що й вона мужичка, як и вони, id., Щира люб.

Мѣстоименіе послѣ подлежащ. является средствомъ выдѣленія этого подлежащаго изъ ряда другихъ, иногда уже перечисленныхъ прежде: Бр. Было пѣць-продаваць Майго каня варанца, Або мянѣ малайца. Конь варанец, ёнъ выслужывся-б, А я-б маладзец, Я б выкупився, Шейнтъ, Матер. для изуч. Свз. кр. I, 370; Въ тую пору матушка похаживала, Невѣстушекъ-ластушекъ побуживала... А вотъ старшій братецъ, ёнъ ружьё-то заряжав, А вотъ средній въ пташку выстрѣлицъ хоцьвѣ, ib. 393.

Мр. Ой за яромъ брала я лёнъ та забулась повязати;
 Ой недалеко мій милій од мене, та нікимъ наказати.
 Ой повязу лёнъ (bis) хочъ синёю та ожиною;
 Ой накажу я своему милому хочъ чужою чужиною.
 Ой синяя ожинонька, вона лёну неповязе;
 Ой чужая чужионька, вона правдоньки не скаже,
 (Ср. Метл. 60);

Відьми є рожденні и вчені. Рожденна, та чужого не займе, а свого не попусте, а вчена, то скажена, Драгом. Мр. пред. 68; Италианецъ же малляр, Исквалпнійший на всякі штуки.. Сей переряженъ в обезьяну, Котл.

Изъ такого мѣстоименія черезъ средній родъ образуется нарѣчіе, отдѣляющее подлежащее отъ сказуемаго. Т. о. въ вышеприведенномъ примѣрѣ согласуемое та чередуется съ то; т. о. вм. „наша Білилівка, вона тепер-но село, а перше бувъ городъ“ (Драг. Мр. пред. 82) можно бы сказать „воно“ (еще въ знач. мѣстоим.). „Зозуля, це удо-

виця. Зозуля, то з дівчини. ів. 8. Такого происхожденія и въ литер. русс. обороты какъ „жизнь, это—горе“. Въ серб. Лиман-паша од Скадра бијела, он сазива од крајине Турке, Пѣв. Црног. 142. Въ нѣмец. ср. „Servacius, der het ein mütter, Vernaleken, Deut. Synt. I, 174. Въ лит. Той лакштутѣ, дребна паукштялѣ, Той гражеј содялије гѣда... О тас мано жаунас бролис, Тай јис гражей жирга шѣре (Этотъ соловушко, мѣлкая пташечка, Онъ хорошо поетъ въ садикѣ... А этотъ молодой братъ, то онъ хорошо кормилъ коня) Милл. и Форт. I. н. п. 184.

Если подлежащее стоитъ во мн. числѣ или есть сущ. собирательное, а за нимъ слѣдуетъ перечисленіе предметовъ, входящихъ въ его объемъ, и ихъ дѣйствій; то главное подлежащее можетъ очутиться безъ сказуемаго, такъ что получится родъ именит. самост.: „И на семи соборовъ папезеве стараго Рима, и же въ томъ чину бысть, любо само идяше, любо своя пискупы прислаше“ (здѣсь рѣчь могла бы прекратиться), „и единство и съвѣкупленіе имѣаху свята церкви“. Посл. Никиф., Калайд. Пам. XII в. 157; дружина же его, ѡни по немъ идоша, а друзии остаха его, III. ² 237; мр. нікого по хатамъ незосталось: дѣтвора, которе бѣжить, которого на рукахъ несутъ; престарихъ и болящихъ підъ руки ведутъ: усі, усі пішли зѡ-крести у поле, Кв. Добре роби.

Съ именительнымъ, за коимъ мѣстоименіе (А Н, а онъ былъ злодѣй), сходное дѣйствіе производятъ поставленные также косвенные надежи: Многошѣди бо съгрѣшаюштааго и некажштаагоса, въвр'жети и Богъ въ напасти и въ скър'би. Изб. 1073, 63.

Разбѣгошася князи и дружина Ростиславля. Подъ Ростиславомъ же на первѣмъ поскоцѣ летѣ конь подъ нимъ, III. ² 327.

Епископы, попы и игумены, съ любовью взимайте отъ нихъ благословленіе, и неустраивайте отъ нихъ, и по силѣ любите и найдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога, Поуч. Моном. Лавр. ², 237.

А на третии день своего пріѣзда (владыка) собороваше въ дому Св. Троица и сенадикъ чтоша: злыя прокляша, а благовѣрнымъ княземъ, лежащимъ въ дому Св. Софіи и въ дому Св. Троицы, тѣмъ пѣша вѣчную память; такоже и инѣмъ добрымъ людемъ, которыя положиша главы своя и кровь проляша за дома Божія и за православное христіанство, такоже и тѣмъ пѣша вѣчную память, а живущимъ окрестъ святѣи Софіи въ В. Новгородѣ, такоже и окрестъ Св. Троица во Псковѣ, а тѣмъ пѣша многа лѣта, Пск. I, 214. А въ то время какъ сила (Псковская) была подъ городкомъ, Псковичи на вѣчѣ посаднику Дорошею Олферьевичю даша ему воеводство ѣхати воевать Нѣмецкой земли, ів. 274. Двинского намѣстника Ивана Ондреевича Шереметева тунь его Мокша, 1510, Ак. юр. 28. И по времени увѣдаша великаго князя Ивана Васильевича роженіе его, Новг. II ² 67. Приводная жон-

ка Манка отдана думнаго дьяка Герасима Дохтурова челоуѣку его Куземкѣ Михайлову, 1673, Ак. до юр. быта отн. 59; боярина князя Ромодановскаго жены его челоуѣкѣ, ів. 60. Поляковъ же и Литву, которые были при томъ лживомъ царѣ, и въ городѣхъ начали ихъ побивати, Котош. 3; Царскихъ дворцовыхъ сель и волостей крестьянъ судятъ ихъ и росправу чинятъ на Москвѣ во дворцѣ, ів. 113. Ц князь Ондрѣй съ кабалными послухи N и N просилъ съ ними поля, 1547, Ак. до юр. б. 210. Да съ послы жъ, которые бывають посылаемы на посольскіе съѣзды, или воеводы въ войну съ полками, и съ ними въ такіе послы посылаются образы древняго писанія, Котош. ² 43. Мнѣ на вѣшной ледъ досадушки невыписать, хитромудрымъ писарямъ да имъ невычитать, Барс. Прич. I, 12. Мр. От-той хлѣб, що з гамазіів добрі люде розібрали, чи не треба-б ёго поповнити? Кв. Як на великдень розговлялись паскою свяченою, такъ усякъ приймав новий хлѣб, и вже першого куска неззів ёго сухого: обильѣ ёго слізми, ів.

Въ нар. п. вр., мр., лит. весьма часто мѣстный падежъ или и другое обозначеніе мѣста выдвигается и обособляется такимъ образомъ посредствомъ нарѣчія указательнаго: вр. Что повыше было села Лыскова, А пониже было Богомолова, Какъ на той было Волгѣ-матушкѣ, Тамъ плыветь гребеть легка лодочка, Соч. П. Якушк. 577. Ах по мосту.. Тамъ ишел.. ів. 591; Как по мосту... Туда шел-прошел.. ів. 642; Изъ под камушка... Там текла рѣчка, ів. 558; Изъ под камушка Протекала тутъ рѣчка быстрая. Мр. Въ колядкахъ это почти правило: 3-за там-той гори... Выходит ми там золотий крижик, Гол. II, 7; Ей в полі... Там... 8; Ей долов ми долов далеко, Там же ми ріля та й неѣрана, 9; А на 'них луках... Ген-там... 12; 3-за оной гори... відти ми вийшли... 52 и пр. В др. пѣсняхъ: Ой у полі, в широкім роздолі, Там стояло чотири дубочки...; Ой у полі де клен, яблунина, Ой там мати свою дочку била и пр. Лит. Жалѣй гирѣй, лигѣй ланкой, Тя бернялис шѣна пјове (В зеленом лѣсу, на широком лугу, Там молодець сѣно косить) и т. п. Милл. и Форт. Л. н. п. 42, 72, 120 и пр.

Нынѣшній Болг. яз. представляетъ явленія то вполне, то отчасти сходныя съ вышеупомянутыми случаями плеонастичности (съ нашей субъективной точки) мѣстоименій.

аа) Мѣстоименіе послѣ имени, къ коему относится, частью въ перечисленіяхъ (какъ выше въ русс.) частью безъ нихъ: Любили се люди млади от маленки до големи. Станѣ време да се земѣт, Мома (вин.?), майка не ѣз дава, Ирген, баща не го жени, Док. 100. Найху'бавѣ-тѣ крушѣ свиня-та ѣз ѣде' Пам. и Обр. 341. Въ началѣ пѣсни: Янкула го войска обкололила Милад. 140—1. Сюда же и сопоставленіе мѣстоименій въ томъ же падежѣ, но въ разныхъ формахъ: (посмотри) Що те войска тебе обколила ів. 141; Яз ке те тебе

опитамъ Милад. 197; Тая ми менѣ парѣча *ib.* яс да го него откупам *ib.* Мене (и) ми се струва, мнѣ мнѣ кажется; него го нема, его его нѣтъ Mikl. Gr. IV 74. *ββ*) Мѣстоименіе го, *ѣж* и пр. передъ именемъ, къ коему относится. Имя это могло быть прежде упомянуто, такъ что мѣстоименіе выражаетъ ссылку на него, и особенность оборота—только въ повтореніи именъ: (N) ми набрала киска босилѣк... „Егиди море, младо спаивче! Да си *ѣж* скриеш оваа киска... Да *ѣж* погле'аш киска босилѣк, Мил. 91; „По'убаф брат ми от мене“.—Ко'ѣ поубаф от тебе, Ай да му речеш брату ти... *ib.* 196; (сестра) му кажвеше брату си, Стоян *ѣ* рече сестрѣ си *ib.* 197. Но нерѣдко это встрѣчается въ началѣ рѣчи, на пр. пѣсня начинается: Фатиле ми го Стояна Дренопольски-те сеймени, *ib.* 196. Въ такихъ случаяхъ предшествующее знакомство съ предметомъ находится только въ мысли говорящаго и мѣстоименіе отличается отъ члена, употребленнаго такимъ же образомъ, лишь меньшею связью со своимъ именемъ, возможностью отдѣленія отъ него другими словами. Для Болгарскаго характеристично то, что въ немъ эти явленія составляютъ правило. Спорадически, они гораздо древнѣе ново-болгарской потери падежныхъ окончаній. Ср. Mikl. Gr. IV, 74; случаи упомянутыя выше, а также: „Иде Володимиръ на Радимичи. Вѣ у него воевода Вольчий Хвостъ, и посла *и* Володимиръ передъ собою Вольчья Хвоста; сѣрѣте е на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Вольчий Хвостъ (Лавр. П. С. Р. л. I, 36; иначе (но хуже) ² 55); и вложиша *и* (Володимера) въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемъ, блаженаго князя, *ib.* 56, ср. ² 90.

Такимъ образомъ именительный съ причастнымъ словомъ есть явленіе не единичное и потому маловажное, а находящееся въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями и вмѣстѣ съ ними характеризующее извѣстныя состоянія языка.

Причастіе безъ личнаго глагола, какъ сказуемое придаточнаго предложенія, связанное съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относительнаго слова.

Такое употребленіе причастія мало извѣстно, несмотря на свое значительное распространеніе, и, то принимается за ошибку переписчика, то отождествляется съ прич., входящимъ въ составное сказуемое или съ опредѣленіемъ подлежащаго. Такъ напр. Востоковъ приводитъ примѣры того, что „иногда вмѣсто (?) глагола употреблялось причастіе дѣйствительное“, недѣлаетъ различія между случаями, къ разсмотрѣнію коихъ мы здѣсь приступаемъ (какъ „не вѣдать бо сѣ, чьто твореще“),¹⁰¹ и случаями непосредственнаго сочетанія причастія въ именит. съ глаголомъ, какъ „отъ того бо насъ ни *ѣдиноже* неприкоснѣса *ѣсть*“

(=ничто же касается); мѣнахъ духъ видаше; се бо ми мѣнитъсѧ уне бѣды, Грам. ц.-слав. яз. § 108. Миклошичъ называетъ причастіе въ случаяхъ „нѣсть, кто милоуѧ“ предикативнымъ, но также называетъ онъ и прич. прямо примыкающее ко глаголу воспріятія: „видѣ господа висаша“, Gr. IV 823—5, 834—5. Поэтому, откладывая подъ конецъ опредѣленіе общихъ свойствъ этого построенія, начну съ примѣровъ.

а) Въ насъ бо ходатъ и нѣсть, кѣто ихъ приѣмла, нѣсть, иже бы я въвель въ домъ свои, Изб. 1076, 8. (Шиман.).

Книже! се дружина его неѣдутъ съ нимъ (съ кн. Володимеромъ Андреевичемъ, т. е. его тѣломъ), а пусти своеѣ дружины нѣскольکو: не кто ни конь доведа, ни стяга донеса, Ип. 101. Подобно тому, какъ теперь ошибочно пишутъ некому и т. п. вм. нѣкому, уже и въ стар. памятникахъ встрѣчаемъ напр. „не ли кого, иже бы могль на ону страну дойти“, Лавр. 28. Слѣдуетъ читать: нѣ, кто доведа, донеса“ (изъ не ꙗ=не ꙗсть) т. е. нѣкому довести, донести. Главное предложеніе есть нѣ. Тъ же шедъ новѣда Θεодосію, яко нѣсть, кѣто воды нося, жит. Θεод. 31, 2.

Затваряди оуши свои, яко же неслышати ништаго, и самъ призоветь, и небѣдетъ, кѣто послушая, Изб. 1073, 84.

Оже ли nebudeť, кто ꙗго мѣстя, то положити за голову и гривенъ, Рус. пр. по син. сп. (Рус. дост. I, 28), т. е. если нѣкому будетъ мститъ за ꙗбитаго, то...

Возвратишася съ побѣдою великою Половци, а о нашихъ небысть, кто и вѣсть принеса, Лавр. 168, нѣкому было принести.

И небысть, кто помилюѧ ихъ, Ип. 200 (565), нѣкому было сжалиться надъ ними.

По смерти же великаго князя Болеслава, небысть, кто княжа въ Лядьской земли, Ип. 208 (581), нѣкому было княжить.

То-же въ старинномъ чешскомъ. Примѣры XIV—XVI в.:

Jestit' rak, kdo so ucině? есть ли кому что сдѣлать. Kdaž-to bude v zlém pověda, Nenie, kto so pověda, Jedno každy: hořie, bědal“ Hatt. a Pat. Zbytky Alexandreid 4. Není, kdo čaku přídada, нѣкому придать на-
102дежды, нѣтъ такого, который бы обнадежилъ, ib. 12. Nebyl, kdo dědin osévaje, нѣкому было засѣвать земель. Božská velebnost šestého dne člověka aby byl, kdo věcmi vladna a jich užívaje..., učinila,... чтобы было, кому владѣть и пользоваться Zikmund, Sklad. jaz. česk. 402, 673. Zpravovati, neb zpravovače poslúchati, nevědě, které jest horšie; neb by nebyl, kto poslúchaje (=кѣто послушал), nebyl by take, kto zpravuje, T. Štitný, XIV в., пересуживать другихъ, или слушать пересуживающихъ, незнаю, что хуже; ибо если-бы нѣкому было слушать, то нѣкому было бы и пересуживать.

Въ стар. поль: Urzędnik niema więcej robot żadnego dnia rozkazać, niżli ma włodarzow, bo ich (robot) niebędzie, kto dożyrać, Gostomski Oekonom., 2 изд. 1644, Wójc Bibliot. Star. III, 114.

Выраженій этихъ неслѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, въ коихъ причастіе безъ члена и безъ относительнаго мѣстоименія прямо присоединяется къ есть и пр., составляя съ этимъ глаголомъ одно сказуемое: ꙗсть судя, бяху ловяче. Здѣсь между прочимъ слѣдующая разница. Въ „ꙗсть, кѣто донеса“, „neni, kto ucině“ видимъ причастія настоящаго врем. глаголовъ предложныхъ, имѣвшихъ уже въ тѣ время значеніе совершенное. Смыслъ ихъ относительно времени можемъ передать нашимъ настоящимъ гл. соверш., т. е. будущимъ: есть такой, который донесетъ. Между тѣмъ такихъ наст. прич. глаг. соверш. въ непосредственномъ сочетаніи съ ꙗемъ (ꙗсть донеса) вовсе находимъ; но если-бы они и были, то мы скорѣе должны были бы принять въ нихъ причастіе наст. соверш. за выраженіе прошедшаго, какъ въ случаѣ: „посадице его на престолѣ, поиде(=ѣ)те же къ Иерусалиму, Новг. I, 27, и др. подобныхъ, а не будущаго.

Приведенные примѣры, по отношенію къ нынѣшнему языку, характеризуются тѣмъ, что ихъ причастіе съ именительнымъ относительнаго мѣстоименія постоянно замѣняется нашимъ неопредѣленнымъ съ дательнымъ того же мѣстоименія, что впрочемъ зависитъ лишь отъ безличности главнаго сказуемаго въ новомъ яз. Примѣровъ построенныхъ по тому самому образцу, но съ причастіемъ прошедшимъ („ꙗсть, кѣто донесѣ“), въ коихъ причастіе не могло бы замѣниться нынѣшнимъ неопредѣленнымъ, мы не находимъ.

Г. Срезневскій (Мысли объ ист. рус. яз. 82) ставитъ знакъ равенства между „neni kto dobuda duše mé“ и „нѣсть възыскаѣи душу мою, Псал. 141 (142), 5; но между этими выраженіями та существенная разница, что въ послѣднемъ всего одно сказуемое нѣсть, подлежащее коего есть членное причастіе (= „выскающій не существуетъ“), а въ первомъ—главное сказуемое нѣсть (neni), къ коему причастіе безчленное, какъ второстепенное сказуемое, присоединено именительнымъ относительнаго мѣстоименія, что по смыслу болѣе близко къ нынѣшнему „нѣкому“ съ неопред.

Рѣдкій случай представляетъ слѣдующее: „непотаи мене, ꙗже ти са сълоучи: нѣ съде никого сеѣа бесѣды слышѣа Supr. 175. Послѣ нѣ слѣдуетъ не именит. кѣто, а родит. никого, между тѣмъ какъ причастіе сохраняетъ форму именительнаго.

б) Иже бо (кто) невидѣвъ тоя радости въ той день, то неиметь вѣры сказавшему о всемъ томъ видѣни (=кто невидаль), Хожд. Дан. (Нор.) 144. Ту стояху вси, иже отъ Галилеи пришедше съ Іоанномъ и съ Матерію Іисусовою, ib. 30. На ню же (жизнь), иже соуть по об-

разу и по подобьству добръ сънабѣдѣвши..., великыи приимуть покои; а иже погубивше се сами своимъ изволениемъ проныривымъ, ти ни хоудѣ себе невѣздвигше от скврѣнныѣ сеѣ жизни и свиньныѣ на высокоу оноу (жизнь), яко же подоба мыслѣнному жителиноу, нѣ примѣсивше се къ скоту всемоу безоумноумоу и подбивше се имъ,—послани боудуть на моукы и казни лютыѣ, Іо. Экз., Шестодн. 82. Ср. И они межъ себя, кто свѣдавъ у кого невѣсту, посылають къ отцу тоѣ невѣсты, Котоших. 123.

в) Невѣста с_д, чесо просаща, О. Ев. Марк. 10, 38, *οὐκ οἴδατε, τί αἰτεῖσθε*, nescitis, quid petatis, въ болѣе поздн. ц.-сл. „невѣста, чесо просита“.

Невѣдать бо с_д, чѣто твораще, ів. Лук. 23, 34, *οὐ γὰρ οἴδασι, τί ποιοῦσι*, nesciunt enim, quid faciunt. По Востокову (Слов. къ Остр. Ев. 285) „здѣсь въ словенскомъ причастіе вмѣсто изъявительнаго накл.“, что справедливо развѣ въ обратномъ смыслѣ, что позже ставилось здѣсь изъявительное.

И аште добро твориши, вѣжьс_д, комоу твора, яко послѣди обличить зоболу своѣ, Изб. 1073.

Да злѣ мьнетъ я и бечьс(т)нѣ проповѣдають я (слѣнце и луноу), яко же самовластна ꙗста свѣтилника, и невѣдоуще се, чѣто бледоуще, Іо. Экз. Шестодн. 115 (несознавая, что за пустяки они говорятъ).

(Василько говорить:) „Се слышю, оже идетъ Володимеръ и Святополкъ на Давыда. Даже бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свои къ Володимеру воротиться (=чтобы В. воротился) (вѣдѣ бо ся, съ нимъ что молвивъ), (=знаю, что съ нимъ говорить), и непойдетъ Лавр. 112².

О оканьни! невѣстеса, чѣто творяще, се бо творите невѣдиньемъ, Ип. 33.

Вѣдалъ ся будетъ Володимеръ, кого заемъ, ів. 52, будетъ онъ знать, кого занялъ (какъ въ малор. заняв), т. е. кого онъ задѣлъ, затронулъ.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ вѣдѣтися значитъ не просто знать (гл. дѣйств.), а „имѣть сознание своего состоянія“, глаголь средній, въ коемъ с_д уже формально, т. е. нечувствуется уже какъ вещественное дополненіе въ винительномъ. Прямое дополненіе въ винительномъ или родительномъ („вѣдаться того“) здѣсь невозможно. Поэтому можно бы 104подумать, что причастіе въ именит. здѣсь непосредственно примыкаетъ ко глаголу, образуя съ нимъ такое же составное сказуемое, какъ въ лит. „asz žinausi gerai dareš“, что было бы по славянски „вѣмьс_д добро (съ)творивъ“. Если бы подъ добро мы стали разумѣть не нарѣчіе (какъ лит. gerai), а сущ. въ винит., то этимъ бы мы еще увеличили наружное сходство съ „невѣдаться, чѣто твораще“.

Однако при такомъ пониманіи было бы упущено изъ виду слѣдующее. Относительное мѣстоименіе играетъ здѣсь двойную роль: оно не только есть простое дополненіе, которое по требованію силы рѣчи могло бы ставиться передъ дополняемымъ, но должно ставиться такъ, какъ слово, связующее второстепенное подчиненное сказуемое съ главнымъ. Сравненіе приведенныхъ примѣровъ со слѣдующими, въ коихъ главные сказуемые или суть глаголы дѣйствительные, или по другимъ причинамъ не могутъ входить вмѣстѣ съ разсматриваемымъ здѣсь причастіемъ въ составъ сказуемаго, убѣждаетъ, что и въ „невѣстаса, чесо просаще“ мы имѣемъ дѣло не съ составнымъ сказуемымъ, а съ оборотомъ, въ коемъ именительный причастіа независитъ отъ рода глагола и могъ бы посредствомъ относительнаго слова примыкать не прямо къ глаголу, а къ его дополненію.

Самъ бо вѣдѣаше, чѣто хота сѣтворити, О. Ев. Іо. 6, 6, *ἦδει, τί ἐμελλε ποιεῖν*, sciebat, quid esset facturus. Еслибъ въ слав. языкѣ въ бѣльшей мѣрѣ сохранилось прич. будущее, то мы бы имѣли здѣсь оборотъ въ родѣ, „sciebat, quid facturus (безъ esset), по вѣшности, а отчасти и по значенію равный литовскому „žinojo, ką darysęs. Вѣрно то, что хота стоитъ здѣсь не по опискѣ вмѣсто хотѣаше=*ἐμελλε*, какъ думалъ Востоковъ (Сл. къ Остр. Ев. 304), и не вмѣсто хотѣвъ, которое имѣло бы здѣсь вещественное значеніе „имѣлъ намѣреніе“, а потому, что лишь настоящее, а не другое время глагола хотѣти сообщаетъ неопредѣленному другому глаголу значеніе будущаго времени, а прич. наст. хота—неопредѣленному значеніе причастіа будущаго: переводчику нужно было выразить то, что выражаютъ facturus и darysęs,

Намъ бо всего оудобѣе ꙗсть, ꙗже всѣхотѣти чесому, неже творити, не бо можемъ творити, ꙗже хотеце; а Богоу творцю все мощно, ꙗже хощеть, хотѣнию бо Божию сила припрежена, да ꙗлико же хощет', творитъ, Іо. Экз. Шестодн. 2. Идѣте, ꙗже хотаще, сѣтворите, Пат. Син. XII в. Бусл. Хр. II. 337. ꙗгда чѣ пише (=пиша), то вѣдааше просециимъ ꙗ преписати I. Экз. ів. 204. И чѣто у себе имѣя въ руку мою худого добытка, и отъ того всимъ подавахъ, Хожд. Дан. Иг. Бусл. II. Хр. 658.

Нехотѣаше зять по невѣсту, по приводяху вечеръ (винит.), а завтра приношаху по ней, чѣто вѣдуче, Лавр. 6. Быть можетъ, здѣсь былъ отгѣнокъ будущаго, если гл. вѣдати понимался уже какъ совершенный: приносили вслѣдъ за нею (то), чѣто имѣли дать, чѣто хотѣли дать, „ꙗже хотаще вѣдати“.

То ти не мнѣ ꙗста неуправила, ꙗже рекша, по Богови, Ип. 61 (298), не мнѣ неисполнили (того), чѣто было обѣщали.

И тако сѣступиша, ꙗже рекше, Ип. 83, сѣступили (съ того), чѣто было сказали (обѣщали).

Или же мѣхъ ядыху, ушь¹⁾, сосну, кору липову и листь ильмъ, кто чьто замысля, Новг. I, 47, ѣли, что кто вздумаетъ.

Его же умѣючи, того забывайте, а его же неумѣючи, тому ся учите, Лавр. 102. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ слѣдующихъ примѣрахъ, на мѣстѣ согласуемаго причастія стоитъ возникающая изъ него причастная форма, близкая къ нынѣшнему дѣепричастію.

Истцю своѣ лице взяти.. а оному (купившему краденое) желѣти своихъ кунъ (=жалѣть ихъ лишившись; ср. пол. *postradać czego*, потерять, лишиться), зане незнаеть, у кого купивъ. Познаеть ли надолзѣ (=съ теченіемъ времени), у кого купивъ, то своѣ кунъ възметъ, Рус. Пр.; Достоп. I, 35; II, 37. Пусть неподумаетъ кто либо, что купивъ есть мвр. произношеніе причастія куниль.

106 Вывести ѣму послухы, любо мытника, передъ кымъ же купивъше, ів. Велику честь приялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари, Лавр. 4.

Посла къ нимъ жито... съ людьми добрыми, кому вѣря, Ип. 208 (580), кому вѣрилъ въ то время, какъ посылалъ. Настоящее время причастія—для выраженія одновременности съ дѣйствіемъ главнаго сказуемаго.

(Тайпу повѣдавъ) послѣди же ратень будеши съ тѣмъ, у нѣго же слышавъ (тайну) и ѣму же повѣдавъ, со обѣма ратень будеши, XIV в. Бусл. Хр. 481, будешъ въ сорѣ (ср. лотышск. *râts, rîxa*), съ тѣмъ, у котораго слышалъ, и пр.

Нелюбай бо брата своего, его же видя, Бога его же невидѣ, како можеть любити ѣ, XIV в. П. С. Р. лѣт. I, 252.

А иже рѣзати въ недѣлю, что хотяче (прич. множ.), нѣту бѣды, Впраш. Кюрика сп. XIII в. Калайд. Пам. 176, а что рѣзати (что касается до того, чтобы рѣзати) въ воскресенье, что кто хочеть, то нѣту бѣды.

А крестити (=святить) на блюдѣ, развѣ сочива, вся: горохъ, боръ, сочевица, ривифъ (*ῥεῖβινθος*).. а овощъ который хотяче, ів. 180. Множ. число причастія, какъ и выше, даетъ смыслъ: „какой хотять“, т. е. какой кто хочеть.

А пѣргъ дѣля, въ чемъ хотяче ходити? ів. 192, а насчетъ одежды, въ чемъ кто хочеть ходити?

Аще ли бы кого оубогныхъ обрѣлъ нага, и ризоу, въ нѣй же хода, даяше ѣмоу, Пат. Син. XII в., Бусл. Ист. Хр. 335.

На немъ же мѣстѣ явивъся, на томъ же паки и невидимъ бысть, Жит. Θεод. XII в.

¹⁾ Ушь, м. б. нѣчто покрывающее, судя по контексту, скорѣе какая либо кора, чѣмъ кожа. Ср. ус-ниѣ, ус-мъ, корень вас, покрывать.

ѣ же бо испрѣва мѣсто назнаменаѣвъ, благословиѣвъ, пажить сътвори, на нѣмъ же (мѣстѣ) хотя пастѣвити стадо словесныхъ овць, дондеже пастуха избра, *ib.*

Кто почнетъ вступаться или въ землю, или въ пожни, или въ лѣсъ, или во что ни хотя, XIV в., Ак. Юр., Бусл. Гр. § 213, Пр. 4. Да пытати Савину, ѣдучи дорогою... кого пригоже, съ кѣмъ познавсѣ... какъ нынѣ Турецкой съ Угорскимъ? 1538, А. З. С. II, 321.

Также людей грабятъ(ь) и гроши берутъ, на комъ што хотячи, Ак. зап. Р. I, 90 (1479). Воленъ записати, кому хотя, А. З. Р. II, 181. 192 (Mikl. Gr. IV, 823); вольно имъ всякое збожье и звѣрь мохнатый, кому хотя, продати, 1540, А. З. Р. II, 368.

Што ся съ земли того неприятеля нашего довѣдавши, о томъ бы твоя милость... намъ вѣдомо даваль, 1524, *ib.* 328; а што слышавши о недобромъ его милости, то ми его милости повѣдати 1450, *ib.* I, 68.

Цюцюра... которихъ знаючи козаковъ значныхъ до себе зазавши въ алкѣрь поединцемъ казалъ повязати, а на потомъ позабивати на смерть, Лѣт. Самов. 59; даючи знати, жеби оного до вязеня взято... и иныхъ, которихъ знаючи *ib.* 172.

Тоже въ стар. чешскомъ:

Nevím co o ní řka (=Р. чьто рька), незнаю, что о ней сказать.

Nevím co čině (=чьто творя). Každý sám se nutkej aby rozeznal zlé¹⁰⁷ od dobrého, aby věděl, co čině a co nechaje, aby věděl, co obera, пусть каждый принуждаетъ себя отличать зло отъ добра, чтобы знать, что дѣлать, а что оставить... что выбрать. Činme, což chties (дѣнпр., русск. чьто хотячи, изъ -че), Štitný. Což moha (чьто мога), to povím, Zikmund Skladba 405, 673, 675.

Въ польскомъ: u nas wolno każdemu co chce czynić, XVII в., Linde.

г) Вѣдѣахъ та, яко жестокоъ ѣси человекѣвъ, жьнд, иде же нѣси сѣдаль (въ Ев. 1164—идѣ же несѣявъ; въ Ев. 1230—уду же несѣявъ) и събираѣши, ѣду же нерасточивъ (въ прологѣ по сп. XII в. и събирая, юду же несывавъ; въ галиц. Ев. 1144—уду же нерасточь), О. Ев. Мат. 25, 24, *ἐρῶν σε ὅτι σκληρὸς εἶ ἄνθρωπος, θερίζων ἅλου ὄχθ' ἔσπειρας, καὶ συνάγων ὄθεν οὐ διεσκόρπισας.*

Вѣдѣаше яко жьню, идѣ же несѣявъ (въ О. Ев. иде же несѣяхъ) и събираю, юду же несывавъ (въ О. е. ѣду же нерасточихъ), XII в. Калайд. Ю. Экз. Б. 29, Мат. 25, 26.

И заповѣдано бысть по всей странѣ той, „аще кѣде видѣвъше такого отрока, да пришьдѣше възвѣстите матери ѣго, Жит. Θεод. XII в. 5. И уладшася, кдѣ что свое познавше, лицемъ имати, Лавр. 141,² 309 (согласились, гдѣ признають что свое, братъ натурою).

Поима города Гюргеви Ольговичъ, и конѣ, и скоты, и овцѣ, и товаръ, кдѣ что чюя, Лавр. 135, гдѣ что ни слышалъ. Поима Всеволодъ Гюргевѣ конѣ, скотъ, овцѣ и кдѣ чюто чюя товаръ, Ип. 18, и изъ обозовъ (изъ того, что въ обозѣ) (все) о чемъ узналъ. Почаша добрыхъ (=зажиточныхъ) людей дома зажигати, кдѣ чююче рожь, Новг. I, 47, дома, въ которыхъ, по слухамъ, была рожь.

Ижеряне усрѣтоша ихъ (Емь) бѣгающе (=ща, вин. мн.) и ту ихъ 108 избиша много, а прокъ ихъ разбѣжеса, куды кто видя; по тѣхъ Корѣла, гдѣ обидуче (т. е. гдѣ бы ни осочили) выводяче избиша, ib. 43;

Пристави мужа (вин. мн.)... возити мъртвѣця на кони, кдѣ обидуче по городу, ib. 46. Обидуче, какъ и выше, причастіе наст. мн. ч. отъ об(ь)ити (=гдѣ ни находили обходи), а никакъ не отъ обидѣти, при которомъ хотя есть архаич. прич. вида, видуче, (отъ темы такой какъ въ веде-ши, или вѣ(д)си, а не отъ види-), по которое неимѣетъ значенія увидеть. Ср. Матер. для словар. и грам. III, 15.

Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ, Лавр. 3, смотря по тому, гдѣ, на которомъ мѣстѣ сѣли. Гдѣ улюбивъ жену или чюю дочь, поимашетъ насильемъ, Ип. 136, бралъ, гдѣ было ни понравится, а не „полюбивши гдѣ либо, бралъ“.

Невѣдяху бо, камо бѣжаще, Ип. 156 (480), незнали, куда бѣжать.

Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, недайте пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ ни чюжимъ, ни въ селѣхъ ни въ житѣхъ, Лавр. 102, куда ни ходите... недавайте...

А друзи розбѣгошася, камо кто видя, Ип. 202.

А ивиіа таки разбѣжались, кудѣ кто поспѣвъ (дѣепр.) Пск. I, 241. Нѣмци... что гдѣ полонивше, или челоувѣцкую голову, или скотъ, провадяхуть за Великую рѣку, Пск. I, 184.

Аще ли упиешися до пьяна, а къ себѣ спати несойдеши или не съѣдеши (=не въ состояніи будешь дойти или доѣхать, ср. млр. не зійдеш), тутъ и уснешь, гдѣ пивъ, и будеши небрегомъ никимъ же“, Домострой.

А гдѣ будешь хотя послалъ на наше лихо, а тамо ти отъслати, 1402, Собр. гос. гр. I, 3; а гдѣ будете хотя послали на мое лихо, и вамъ тамо отослати, 1433, ib. N 49. Будешь, будете относится здѣсь 109 къ послалъ, послали, а не къ хотя, такъ что значеніе: „а если ты послалъ куда либо“, „куда бы ни было“.

А въ тыхъ имѣньяхъ онъ воленъ, куды хотя маеть обернути, 1506, Ак. зап. Р. I, 369 Въ послѣднихъ случаяхъ (гдѣ хотя, куды хотя =гдѣ-либо, куда-либо) дѣепричастіе стремится уже стать частью нарѣчія гдѣ, куды.

И ѿгда (одинъ отъ братія) водоу вѣливая въ котль, глаголетъ старѣйшинѣ: „благослови отче“, Жит. Феод. XII в. 23. Ту бо печеру... Авраамъ кушилъ... на погребеніе себѣ... ѿгда пришедъ отъ Месопотамія, Хожд. Дан. иг., Сах. Ск. Р. Н., кн. 8, 24 (лучше, чѣмъ, у Норова 94: егда приде).

Наквали, рече, ложкою исъ потира, когда отъимая, Впраш. Кюр. Калайд. Пам. 177,=когда вынимаешь частицы.

Ци приливати воды къ вину, коли даюче? ів. 177. Коли хотяче молитву творити болному, преже глаголи трисвятое, таже „святый Боже“, ів. 181. Се же написахъ тѣхъ дѣля, иже немогутъ до обѣды блюстися неядуче; а съ (съ)сущими—коли хотяче причащатися, нѣту бѣды, ів. 185, а съ грудными (относительно грудныхъ дѣтей) то имъ можно причащатися когда кто хочеть. На томъ камени опочивала Св. Богородица, какъ (=како, т. е. когда) съ ослате съсѣдъши, Хожд. Дан. иг. (Нор.) 79; Яко же внидучи (=внидуче) въ градъ, путь есть сквозѣ врата ів. 20.

А отъ тыхъ же мѣсть, какъ тыхъ погубивши и окуны на иншихъ побравши, такъ жилъ на всей Ржовѣ Константинъ, тамъ судилъ и радилъ... 1479, А. З. Р. I, 90.

Купцы и ремесники всякіе мають доброволно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, коли хотячи, 1506, ів II, 2.

Сеежгодноѣ зимы, (мы) какъ скоро сѣдши на столцы отчины наше, В. Кн. Литовского, такъ же черезъ наши послы тебе напоминали, 1507, ів. 20. Врядники украинны... скоро што послышавши, повинны... твоей милости вѣдомо давати, 1534, ів. 334.

Чюдное дѣло и дивное прѣвааго дъне сказавъше противоу своѣи мощи, яко же слышавъше отъ светыхъ отць, радостію се исплнихомъ, Іо. Экз. Шест. 29. Се, яко же обѣщавъся благородству твоему, повѣдаю ти вины ихъ (Латини), посл. Никиф. къ Моном. Бусл. XV. 902.

Даже непринесутъ его (дѣтите) ни на вечерню, ни на заутреню, ли работою, или убожествомъ, или како хотяци (=или почему бы ни было) и дома ничто же неѣли ему, дати ли ему причащеніе на литургіи? Впр. Кюр. ів. 185—6.

Аче та къ нама нешла, яко же рекша, но абы съ нами Богъ былъ, Ип. 40, хотя тѣ два и непришли къ намъ, какъ сказали (что прійдутъ) но лишь бы...

Король же, ако срекъ годъ, како поити, и посла къ Изяславу и рече ему: „азъ ти на конѣ уже всѣдаю же“, Ип. 66 (308), какъ назначилъ сребъ, согласно съ тѣмъ и послалъ.; срекъ—прич. прош. на -ъ, а не на -лъ (срекль).

Дай ми путь слати ко Всеволоду и ко Давыдови, а како ся нагадавше вси, тако же съ тобою уладимся, Ип. 148 (466), какъ мы уговорились..

110 А поцнѣтєся (=потъснѣтєся), како болѣ могуче, Ип. 62 (301).

Прѣсть Бжи, им'же надълежитъ на облацѣхъ, и попоущаѣтъ (дѣждя) ꙗко хоте (=хота) Ио. Экз. Шестодн. 156.

Да приходячи (вм.—яче) Русь съльбною (s. вм. слубное, хлѣбное) ꙗмлютъ, ꙗко хотячи (вм.—яче), Догов. Олег. 907, Лавр. ², 31.

Убогихъ незабывайте, но, елико могуще, по силѣ кормите, Лавр. 102.

Какъ мога, такъ имъ бобра ловити, 1453, Ак. зап. Р. I, 70—дѣе-прич. вм. древняго „како могуче“, какъ могутъ, какъ кто можетъ. А пытати цистит(и) (колодязь солоной) и варити (соль) имъ по досугу въ тѣ лѣт(а) въ десять лѣтъ, какъ мога, XIV в. Ак. отн. до Ю. Б. II. 5.

Кажемъ тобѣ, абы еси, какъ найболѣй самъ розумѣючи, нашего, добра посмотрѣлъ... а если бы еси тамъ розумѣлъ нѣкоторыхъ людей. абы ся къ намъ иначе мѣли (=иначе относились), и ты бы, какъ могучи, ихъ приводилъ къ тому, абы намъ вѣрнѣ служили, 1492, ib 126; II, 13, 31; III, 71.

Поневажъ.. игумень неспособного здоровья будучи на сей часъ, теды я отписую до честности твоей, якъ умѣя, 1638, Ак. Юж. и З. Р. III, 9. Братю выправоваль еси зъ быдломъ до Москвы, жебы входили, якъ могучи, ib. 10. Мы такъ учинили, якъ есте намъ казали и радили: зъ быдломъ, якъ могучи, ступати до Москвы; ib. 12... Которіе.. яко могучи оныхъ (козаков) смѣрали, Лѣт. Самов. 3; Сомка Гетмана, яко могучи, удаваль и на Москву описываль, ib. 71; А старшина, козаки значние, яко з'могучи, кралися, где хто могль, ib. 78; Козаки и Москва, яко могучи переправовалися ib. 137.

Ср. въ стар. чешскомъ:

Lide uževše, kam kto věda, utíkal (=ср. русск. камо къ то вѣда прич. наст.).

Od něhož se, kudyž mohouc, vzdalovala (=куды могучи).

Materám zvlášť to příslušie, aby své dietky k dobrému vedly dobrotú (тв. ед.), kdež mohouc, více než ukrutností, T. Štitný.

Trpme jakž mohouce najmileji, id.

Toho má jemu pomocen byti, jakž moha a uměje skutkem (дѣломъ) и radú, id. Zikm. 674, 676.

Въ польскомъ XVI—XVIII в.:

111 Wolno mi pić jako chcąc, czy mało, czy wiele. Roskazał, aby na krzyżaki wojnę podnosić, róki mogąc, ociągali się. (Kmiotki) aby żyta pożyczyli..

ktore urzędnicy mają oddać, skoro zasiawszy, Oekon. XVII v. Wojc Star. Bibl. III, 173.

Już wojsko Litewskie wymoderowało się jako mogące, Pam. Paska (Węcl.) 100; umyślił się bronić, jako mogące, Linde, Sl. chcieć, modz.

д) Подобно тому, какъ можно смѣшать составныя сказуемыя *ѣсть сѣда, невѣдать сѣ* творяще съ оборотами болѣе раздѣльными, какъ *ѣсть, кѣто сѣда, невѣдать сѣ*, чѣто творяще; представляется подобная возможность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ коихъ второстепенное сказуемое присоединяется къ главному посредствомъ союза. То, что выражено причастіемъ *ида* въ состав. сказуемомъ „твориться *ида*“ или въ составномъ приложеніи *творяся ида*“; уже безъ союза акы имѣеть оттѣнокъ сомнительности, въ силу вещественнаго значенія гл. *твориться*. По этому можетъ показаться, что ничто неизмѣнилось послѣ прибавленія акы: „твориться, акы *ида*“. На дѣлѣ однако здѣсь произошло раздѣленіе предложенія на два, хотя и неравнотильныя, и сознание въ союзѣ такого формальнаго отношенія между сказуемыми, какаго до этого небыло.

Творяшеться, акы всю землю вземъ, Ип. 210, (взвивши нѣсколько сель) показывалъ видъ, будто взялъ всю русскую землю. Лежа (аор.), творяся (во 2-мъ изд. ошибочно „творися“), акы изнамагая с ранъ, но ранъ на немъ небыло, Ип. 69 (313).

Впрочемъ акы, какъ и позднѣйшіе сравнительные союзы, имѣеть ту особенность, что отдѣляетъ отъ главнаго сказуемаго не только прич. наст. и прош. -ъ, -въ дѣйств., но и причастія страд. [„створися своею волею акы бодень“, Ип. 97 (310)] и имена („лежа акы мъртъвъ“), при чемъ, чѣмъ менѣе предикативно отдѣляемое слово, тѣмъ въ болѣе тѣсную связь съ нимъ входитъ союзъ. Въ „створися акы бодень“ нечув-112 ствуется надобности въ запятой передъ акы; въ соотвѣтственномъ выраженіи нынѣшняго языка „притворился какъ бы — раненнымъ“ (копьемъ) какъ бы сливается въ одно слово съ раненнымъ, внося въ само это слово оттѣнокъ мнимости. Чѣмъ ближе подобный союзъ къ оттѣнку изъяснительности, тѣмъ самостоятельнѣе отдѣляемое имъ слово: „притворился, будто ранень“. Чисто-изъяснительные и условные союзы въ древнемъ языкѣ могутъ отдѣлять только два наиболѣе предикативныя причастія, но не причастія страдат. и не имена безъ глагола: Да сего цѣща Бога, ѣдиноаго творьца всемоу, мыслыми правовѣрными неоувѣдѣше, а и хвалившесе и хытри се дрѣжеще, яко же (=что, будто) соушца всего ѣстьство разоумѣвъше, Ио. Экз. Шестодн. 36. Потомъ (доуша) въсходить въ врата небеснаа, радоующесе яко избывши доукавыхъ въздоушныхъ бѣсовъ, Кир. Тур. (?), Кал. Нам. XII в. 96.

Да на роту ходить, по своей вѣрѣ, яко немѣя ничтоже (=что у него ничего нѣтъ), ти тако пушченъ будетъ, Дог. 945 г. Лавр. 122,

² 51. Да се списахъ путь сей... невозносяся ни величался путемъ симъ, яко добро сотворивъ что на пути семь, Хожд. Дан. Иг., Сах. 11 хуже Нор. 2); мнози же доходивше святыхъ сихъ мѣсть и увидѣвше (с. вм.-ши) св. градъ Іерусалим, и вознесешя умомъ, яко нѣчто добро сѣтворше, и паки погубляютъ мзду труда своего, ів. (Нор.) 3.

Я крестъ цѣлую къ вама, яко лиха на ваю назамысливъ, Ип. 99 (371). Въ нынѣшнемъ яз.—глагольное сказуемое: „что я незадумаль“ (късмь). Мьстиславъ... мнѣвъ, яко уже побѣдивъ Олга, а невѣды своихъ побѣженныхъ, и творя своя, вѣѣха въ ратныя, Ип. 147, подумавши, что уже побѣдилъ. Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони немогы сѣдѣти, Лавр. 62, такъ что немогъ сидѣть; „немогы“ въ силу союза яко неможетъ быть отнесено къ бѣ, и несоставляетъ съ нимъ одного сказуемаго. Въ „бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, одва на кони мога сѣдѣти“ (Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 62), „одва мога“ есть, напротивъ, такая же часть сказуемаго, какъ и „великъ“, „тяжекъ“. Изяславъ же Давыдовичъ и Святославъ Ольговичъ хотяшета поити съ Дюргемъ, Гюрги же непоя ею (въ ркп. его), послушавъ зятя своего Ярослава Галичскаго, има ему вѣры, яко съ нимъ (въ ркп. съ ними) хотя добыти Володимеря, и про то ею (тѣхъ двухъ) непоя, Ип. 80 (334), повѣривши ему, что съ нимъ добудеть Володимеря; хотя добыти—замѣна прич. будущаго. Пошелъ бѣше Кончакъ съ множествомъ Поло-
113 вець на Русь, иохунся, яко плѣнити хотя грады рускыѣ и пожещи огнемъ, Ип. 128 (428), похвалившись, что поплѣнить.

Се бо не поганьскы ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Лавр. 73, не поязычески ли живемъ, если (т. е. что) вѣруемъ во встрѣчу. Безъ союза аще, мы получили бы смыслъ: „не поязычески ли живемъ, вѣруя во встрѣчу“, или „мы, вѣрующіе во встр.“, при чемъ вѣра во встрѣчу представлялась бы сопровождающею языческую жизнь, а не составляющею ея содержаніе.

Гюрги же того невѣдаше (оже уже Изяславъ вѣшелъ въ Черныя Клобуки), но творяшеть, ако, тако ту волость заемъ (Изяславъ Пересѣнницу), тамо же и есть, Ип. 49, но полагалъ, что такъ какъ Изяславъ прежде занялъ ту волость, то и теперь онъ тамъ-же.

Держи въ сьсудѣ (тѣло Христова), а хотя до того же дни, Впраш. Кюр. Калайд. Пам. 176, держи если хочешъ (ср. стар. „а любо“) до недѣли. Относительно тѣ же днь ср. „поиде Мьстиславъ на Чюдьскую землю и вшедъ въ ню стоя въ ней до того же дни“, Ип. 120 (412), и млр. тиждень, польск. tydzień, чешск. týdeň, недѣля. Впрочемъ, тѣ же днь могло бы означать и годовщину. „А хотя въ приведенномъ мѣстѣ еще имѣеть, по видимому, силу причастнаго (второстепеннаго) сказуемаго, изъ котораго позднѣе образуется союзъ „а хотя“ и „хотя“. Вещественное значеніе этого „а хотя“ уже невозстановимо

напр. въ слѣдующемъ: „а-хотя буду съ кѣмъ въ целованьи, и мнѣ къ нему целованье сложити“, 1433, Собр. г. гр. I, N 49.

Тогда же ть (Дамиянъ) разумѣвъ, яко явлѣниѣ отъ Бога бысть юмоу, не бо юго (Ееодосія) видѣвъ (п. ч. невидаль) двѣрьма вѣлѣзѣша, но на нѣмъ же мѣстѣ явися, на томъ же пакы невидимъ бысть; въскорѣ же пригласивъ слоужащаго юго, и посла по блаж. Ееодосія, Жит. Ееод. Уч. 3. Ак. II, ², 191.

Въскресеиіе Христова Великій день наричеться; по истинѣ же великъ есть день сей, не (яко) часовъ имѣя множае, но великихъ ради чудесъ, Кир. Тур. Калайд. 13.

Остатковъ оборотовъ, приведенныхъ подъ а—г, въ нынѣшнемъ языкѣ 114 извѣстно мало. Это:

1. Вр. выраженія куды-хоть (=куда хотя) брошусь побѣдная голова, ненайти столько роженаго мнѣ дитятка, Барс. Прич. I 112; кто ни хотя, что ни хотя, Бусл. Гр. § 213, 1; „ити куда зря“ (нѣтъ у Дала; послов. „кто кого смога, тотъ того въ рога“ (Буслаевъ Гр. § 54, пр. 3, и Даль, смогать(!)) = кто сможетъ другого (млр. „хто подужае“), тотъ того обухомъ въ лобъ (какъ вола между рога); смога—стар. русск. прич. наст. вр.; „бить чѣмъ попада“—чѣмъ попало, чѣмъ ни попади.

2. Въ малорусскомъ: Чумакъ, кого здря, такъ и частує, Кв.; пѣе на всі заставки, бѣтця з ким попавши, id. Чи до діла, чи не до діла, знай підписує, що попада (поповши);

Пройшло ёму те время, що бувало

Майнув, де здумавши, кудиб-то ні попало, Гребенка.

Сами тулимось, яко мога, щобъ не реготатись id. Бр. толькі яна показала (з воды), а пан, аткуль бывши, да вытягъ яс, Роман. Бр. Сб. 3, 266. Хлопці деруть (різками) що мога, а Явдоха свое.. Квит.

Также выраженія „що хотя“, „як хотя“, скільки мога“, „яко мога“. Въ старинномъ языкѣ встрѣчалась, кромѣ „мога“, и другая форма того же причастія въ имен. п. ед. ч. м. р., именно могли, и быть можетъ это содѣйствовало ошибочному пониманію этого мога, какъ существительнаго женскаго рода съ родительнымъ моги: „я дома скільки моги працевала, Основ. 1861, VI, 42, какъ бы „сколько силы“. Не принимается ли за существительное женск. въ родит. и може въ стар. сербскомъ?—„дати имъ свѣтъ и помокъ, каCORE и себѣ, колиCORE може“, 1189, Mikl. Mon. Serb. 2; и дахъ одь бытька, чьто може, 1198—9. ib. 6. Во всякомъ случаѣ форма эта—отъ причастія могли, съ е=н, какъ въ оконч. родит. именъ ж. р.

3. Союзъ хотя (вр. и литер.), возникшій частью изъ оборотовъ „а хотя“ (см. выше), въ значеніи etiamsi, quamvis, частью же, быть мо-

жетъ, изъ приведенныхъ выше оборотовъ „кто хотя“, „что хотя“, „гдѣ хотя“, „куда хотя“, при чемъ относительное слово перестановлено и привлекло на себя силу рѣчи въ случаяхъ, какъ: „хоть-кто́ это сдѣлаетъ“ (т. всякій), „платъе хоть кому (надѣтъ, т. е. всякому, хоть и наилучшему)“, „хоть гдѣ (надѣтъ)“, „хоть куда (нарядиться) т. е. во всякомъ мѣстѣ, во всякое мѣсто“, хоть какъ и т. п. По звукамъ это хоть ближе къ хоти, которое тоже встрѣчается въ стар. яз. въ значеніи союза уступительнаго ¹⁾, но быть можетъ и само хоти изъ хотя и- Мр. хоть (на пр. Метл. 8, 12 и пр.) и хоч. Эта послѣдняя въ иныхъ случаяхъ можетъ быть изъ хоть подъ влияніемъ слѣдующаго ч, ж, щ (ой хоч чула, хоч нечула, нейозивалася, Метл. 9), въ другихъ—изъ хочеш. Такъ у Квитки звучитъ одинаково союзъ хоч (на пр. хоч ти разсердися на мене... а я таки тобѣ тепер договорю) и 2-е л. наст. въ случаяхъ „скільки хоч“, „що хоч роби“, „куди хоч піди“, „де хоч возьми“. У Греб. хоча („щоб річечку ёго зробив Десною, Або хоча як Сейм такою) б. м. из хоч—а, какъ и вр. союз. хош (=хочеш), хошá. Поль. союз. чоś, chociaj (=choscia i ?), chociaż (=choscia же) представляетъ то затрудненіе, что хотѣти въ поль. съ опускаемымъ ъ въ корнѣ (chсac, piechсac=нэхотя и пр.), а конечное а в хотя должно бы=е или а. Т. о. chocia или заимствовано изъ русс., или есть сочетаніе очень древняго, предшествующаго образованію и опущенію ъ сокращенія чоś съ союзомъ а. Послѣднее кажется менѣе вѣроятнымъ.

Допустивъ дѣйствительность принятой выше перестановки „как(о) хотя“ въ „хоть-какъ“, можно принять подобное объясненіе для сѣв. вр. союза сравнит. бывъ какъ, какъ будто, союза по видимому предполагающаго, какъ и хотя, именит. ед. причастія м. р. Именно за предыдущіе случаи можно принять тѣ, въ коихъ за бывъ слѣдуетъ какъ: „тутъ я грохнулась, горюшко, о сыру землю, бывъ какъ дерево свалило отъ буйна вѣтра (Барс. Причит. I, 34); бывъ какъ дождинки уходятъ во сыру землю, какъ снѣжки быдто таютъ кругомъ наоколъ огней, въ родѣ солнышко за облачко теряется; также дитяtko отъ насъ да укрывается (ib. 116), а за исходную точку можно принять „какъ бывъ“ (то:)=„какъ будь (=буди) то“. За тѣмъ—отдѣленіе и опущеніе какъ „ужъ бѣдная кручинная головушка, бывъ упалой какъ загнанной сѣрой закушко, ib, 42; бывъ огнемъ мое сердечко разгоряется, какъ смола кипитъ въ безчастной утробушкѣ, ib. 117.

115 Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что причастіе, въ качествѣ второстепеннаго сказуемаго, отличается отъ прич., входящаго въ со-

¹⁾ И хотя ти будетъ, дочка, про то и до крови пострадати, и ты бы пострадала 1501. А. З. Р. I, 295; хотя бы каковы зацѣпци и учинили наши люди твоимъ людемъ, ино было въ томъ нѣ въ чемъ нашихъ пословъ задержати ib. 315.

ставное сказуемое, тѣмъ, что присоединяется къ члену главнаго предложенія не прямо, а посредствомъ: а) б) относительнаго мѣстоименія въ именительномъ; в) того же мѣстоим. и другаго въ косвенномъ (ядяху, кто что замысли), или одного послѣдняго; г) мѣстоименія относительнаго вмѣстѣ съ нарѣчіемъ относительнымъ (камо кто видя, къдѣ что чюя), или одного нарѣчія; д) союза.

Немногіе извѣстные мнѣ примѣры отклоненія отъ этого правила примыкаютъ къ случаямъ д) и представляютъ отсутствіе изъяснительнаго союза: „и самъ сѧ прѣдавъ псано ѿсть“, *καὶ ἑαυτὸν παραδεδωκίναί γέγραπται*, XI в. Будилов. Исслѣд. яз. перевода 13 сл. Гр. Бог. 48. Этотъ случай обозначимъ посредствомъ е).

Если главное предложеніе есть опредѣленноличное, то подлежащее причаствнаго сказуемаго или относится къ тому же лицу, что и подлежащее главнаго („ѿсть, кто донеса“), или же стоитъ въ единственномъ числѣ при подлежащемъ главнаго во множественномъ, при чемъ это послѣднее, будетъ ли оно наличное, или подразумѣваемое, по содержанію относится къ подлежащему причастія, какъ цѣлое къ части: „ядяхуть, кто что замысли“. Главное безличное (неопредѣленноличное) сказуемое, за исключеніемъ примѣра е) стоящаго особнякомъ, состоитъ изъ неопредѣленнаго наклоненія съ глаголомъ или безъ него и съ наличнымъ или подразумѣваемымъ дательнымъ дополненія (рѣзати (имъ), что хотяче), съ коимъ согласуется въ родѣ и числѣ причаствное сказуемое, предполагающее подлежащее въ именительномъ. Само собою, что такое согласованіе прекращается съ переходомъ причастія въ дѣепричастіе; по лицо, къ которому относится отпричастная форма, потерявшая способность согласованія, все таки должно оставаться или предполагаться въ именительномъ. Отклоненіе отъ этого правила, совершенно измѣняющее характеръ оборота, находимъ въ обычномъ выраженіи договорныхъ грамотъ московскихъ князей XIV—нач. XVI в.: „а что ти (в. вы=вамъ) слышавъ о мнѣ отъ крестьянина ли, отъ поганина ли, о моемъ добрѣ или лишѣ, или о нашей отчинѣ и о всѣхъ крестьянѣхъ, то ти (в. вы) мнѣ повѣдати въ правду, безъ примышленья, по цѣлованью“ (1362 и слѣд. С. Г. гр. 1). Дательный ти, вы при отпричастной формѣ появился здѣсь въ силу регрессивнаго вліянія (аттракціи) дательнаго, стоящаго, при неопредѣленномъ наклоненіи, въ слѣдствіе чего „ти слышавъ“ получило видъ оборота, происшедшаго изъ двухъ дательныхъ, которые однако никогда не присоединялись ко главному сказуемому посредствомъ относительнаго мѣстоименія (что ти слышавъшю). Для исправленія вышеприведеннаго оборота достаточно выпустить ти (вы) при отпричастномъ словѣ и дать этимъ возможность подразумѣвать при немъ именительный: „что слышавъ (т. е. ты), то ти повѣдати“.

Причастіе въ оборотахъ „ѣсть, кто донеса“ и т. п. принадлежитъ къ тому періоду языка, въ которомъ опущеніе вспомогательнаго ѣсмь и пр. несоставляло правила, какъ въ нашемъ „я сдѣлалъ“, „я правъ“, но являлось лишь спорадически. Что касается до опущенія другихъ временъ, то оно всегда чрезвычайно рѣдко. Поэтому было бы ошибочно объяснять употребленіе причастія въ разсматриваемыхъ случаяхъ (напр. вѣдѣше, что хота створити) опущеніемъ какого то неизвѣстнаго глагола. Напротивъ, должно признать, что личный глаголъ есть въ древнемъ языкѣ непремѣнное условіе лишь полносильнаго, первостепеннаго сказуемаго, и въ сказуемыхъ второстепенныхъ, зависимыхъ, причастіе само по себѣ есть именно средство обозначенія ихъ зависимости. Зависимое предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ есть нѣчто промежуточное между членомъ простаго предложенія и развитымъ придаточнымъ предложеніемъ съ личнымъ глаголомъ (vb. finit.) въ сказуемомъ. Сравненіе разсматриваемыхъ здѣсь оборотовъ съ именительными самостоятельными (и вообще самостоятельными падежами), съ одной стороны, и оборотами, какъ „вѣставъ и рече“, съ другой, приводитъ къ одному и тому же заключенію о характерѣ предложенія въ древнемъ языкѣ. Присутствіе союза между причастіемъ атрибутивнымъ и сказуемымъ дѣлаетъ лишь болѣе явственнымъ то, что существуетъ и безъ союза во „вѣставъ, рече“, именно, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ, недостатокъ въ древнемъ предложеніи, заключающемъ въ себѣ причастіе, рѣшительнаго преобладанія глагола и вытекающаго отсюда строгаго единства. Причастіе есть здѣсь зачаточное предложеніе, хотя и неравносильное съ глаголомъ, но близкое къ нему. Эта близость еще увеличивается въ оборотахъ съ относительными словами при причастіи (вѣдѣше, что хота), и затѣмъ въ славянскомъ языкѣ, но, какъ увидимъ ниже, не въ латышско-литовскомъ, наступаетъ переломъ. Языкъ стремится уничтожить образованія, среднія между предложеніемъ и членомъ предложенія, и увеличить такимъ образомъ противоположность этихъ категорій: причастія, по функціи, болѣе отдаленныя отъ глагола, онъ воплощаетъ въ предложеніе, дѣлаетъ строго подчиненными членами, переводя въ категоріи прилагательнаго и нарѣчія, а причастія менѣе отдаленныя отъ глагола—замѣняетъ личнымъ глаголомъ, подчиняя лишь высшему единству сложнаго предложенія. Въ какомъ отношеніи къ этому движенію находится вытѣсненіе причастій неопредѣленнымъ наклоненіемъ, объ этомъ скажемъ особо. Здѣсь достаточно предварительнаго замѣчанія, что такое вытѣсненіе непротиво-

117 рѣчить стремленію увеличить единство предложенія, дифференцируя его члены. Въ предложеніи, какъ въ животномъ организмѣ, связь частей увеличивается, по мѣрѣ увеличенія различія ихъ функцій.

Литовскія и латышскія причастія въ именительномъ, какъ сказуемыя придаточныхъ предложеній. Несомнѣнно, что такое

употребленіе причастій въ литовско-лотышскомъ находится въ связи съ вышерассмотрѣннымъ явленіемъ въ славянскомъ; но только ближайшее изслѣдованіе можетъ показать, какого рода эта связь: предполагается ли славянское явленіе отличнымъ отъ него литовскимъ, или на оборотъ, или же то и другое предполагаетъ третье, изъ котораго оба возникли.

Мы видѣли, что въ славянскомъ совпаденіе подлежащаго причастнаго сказуемаго съ подлежащимъ глагольнаго, если послѣднее не безлично, составляетъ правило. Исходя отъ славянскаго, мы и въ литовскомъ прежде всего замѣчаемъ такіе же или весьма сходные обороты:

а) *jie nežino, ką darą*, Лук. 23, 34, букв. невѣдать, что твораще; *žinojo, ką darysęs*, Ио. 6, 6, вѣдѣаше, что хотя творити (въ лит. прич. буд. дѣйств.).

Jis dabar, kur norįs, pasislėpė bile kokioj dauboj, II Царей, 17, 9, онъ теперь „къдѣ хотя“, т. е. гдѣ либо скрылся въ какой-нибудь пещерѣ.

б) *dėjosi, buk mėgąs, buk sergąs*, Царей II, 13, 2, *Schleich. Leseb. 162* = творяшеться, аки съня, аки боля. *Jisai dėjosi, buk tai negirdėjęs*, Цар. I, 10, 27, показаль видѣ, будто неслышаль (=творяшеться аки неслышавъ).

Karalius užsimerke, lyd kad jis nematąs, Schl. Leseb. 142, царь замурился, „какъ будто онъ не видя“ (въ лит. прич. наст. въ именит. ед. м.), т. е. притворился слѣпымъ. *Nūvažiawo pas tą kupcų, lyd kad jis taworo norįs pirkt*, ib. 136, поѣхаль къ тому купцу, какъ будто онъ (т. е. поѣхавшій) хочеть („аки хотя“) товару купить.

в) Слѣдующіе обороты своеобразнѣе и немогутъ быть переданы славянскими причастіями съ союзомъ; тѣмъ неменѣе и они сходны со славянскими относительно тождества подлежащаго обоимъ сказуемымъ. Непремѣнно стоящее въ нихъ причастіе прошедшее имѣеть тотъ смыслъ, что дѣйствіе, означенное личнымъ глаголомъ, представляется идеально замѣщающимъ то, которое означено причастіемъ:

jis walkiojas, užiūt dirbęs, онъ шляется (волочится), вмѣсто того, чтобы работать, „чѣмъ работать, такъ онъ шляется“ букв. „чѣмъ работавши“ (въ лит. прич., а не дѣпр.). *Užiūt asz pats ejęs, kitą pasiūsiu*, букв. чѣмъ я самъ пошедши, т. е. чѣмъ самому идти, друго-го пошлю, Schl. Lit. Gr. 317. *Eik į bažnicą, užiūt į karciziamą bėgipėjusi* Ness. Wb, ступай въ церковь, чѣмъ бѣгавши (въ лит. прич. прош. жен. р. им. ед.), т. е. чѣмъ бѣгать въ корчму.

Однако существенное различіе между литовскимъ и слав. сказывается въ томъ, что въ первомъ совпаденіе подлежащихъ есть лишь одна изъ возможностей, между тѣмъ другая состоитъ въ ихъ совершенномъ различіи, при томъ не только при безличномъ главномъ сказуемомъ („самъ

са прѣдавъ, пьсано ѣсть“, что могло бы бытъ о литовски „*gaszyta yr, rats iszsidawes*“), но и при опредѣленноличномъ. Къ вышеприведеннымъ примѣрамъ а, б, в слѣдуетъ присоединить слѣдующіе, съ различными сказуемыми въ главномъ и придаточномъ.

Къ а): *bet tu dabar stokis czonau, kad taw sakuczau, ka diews sakeš, Царей I, 9, 27, а ты теперь стань здѣсь, чтобы я сказалъ, что Богъ сказалъ, букв. ꙗже Богъ рекъ (прич. прош. безъ глагола).*

120 Къ б): *nūkaiko tas garsas iki Dowido, buk Absoloms wissus karaliaus waikus uzmušęš, kad neų wiens jū n'iszlikeš, Царей II, 13, 30, достигла та вѣсть (голосъ) до Давида, будто Авесаломъ всѣхъ царскихъ дѣтей убилъ (букв. убивъ, прич. прош.), (такъ) что ни одинъ изъ нихъ неостался (букв. неоставъ ся, прич. прош. безъ гл.).*

Man rodės, buk mes pėdus beriszą ant lauko, Быт. 37, 7, мнѣ показалось (приснилось) будто мы вяжемъ (букв. вяжуче, прич. наст. въ им. мн. чис.) снопы на полѣ.

Tas newidons smarkūs, kaip girdit, awj užpūle, buk jos tėws isz jo sawo swotbai žyczięš mėžiu, Donaleitis 140, этотъ жестокий злодѣй (волкъ) напалъ на овцу (за то), что будто ея отецъ у него для своей свадьбы занялъ (въ лит. прич. прош.) ячменю (на пиво).

Къ в): *užiūt werkę (прич. прош. муж. р. мн. чис.), reikėtu džiaugtis, Schl. Gr. 317, чѣмъ плакавши (т. е. чѣмъ плакать), намъ слѣдовало бы радоваться.*

Užiūt namej bėgawęš (прич. прошед. ед. м. съ предполагаемымъ подлежащимъ въ 3-мъ лицѣ), geraus jį į szuilę sūsu, Ness. Wb. чѣмъ (онъ) дома бѣгавши, т. е. чѣмъ ему бѣгать дома, лучше его въ школу пошло.

Другая особенность литовско-лотышскаго та, что въ немъ составляютъ особую группу причастія (дѣйств. наст., прош. и буд.) безъ глагола въ придаточныхъ предложенияхъ *post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi*, [каковы лит. *regėti* видѣть, *girdėti* слышать, *žinoti* знать, *pažįsti* узнавать, *suprasti, nūmanyti* замѣчать, понимать, *girtis* хвалиться, *atlépti* отвѣчать, *sakyti* сказывать, *prisėkti*, присягать, утверждая что либо и др. под.], служащія для выраженія косвенной рѣчи. Говорящій можетъ двояко относиться къ рѣчи, мысли, поступку, 121 о коихъ говорить. Во первыхъ, онъ можетъ изображать объективно, какъ происходило дѣло, напр. „спросилъ у него: старикъ, чего ты здѣсь ищешь?“, литов. *klausė jį: „seni, ka tu cze jėszkai?“. При этомъ кажется, что личность говорящаго совѣмъ въ сторонѣ; но на дѣлѣ объективность изображаемаго происходитъ именно отъ того, что самъ говорящій является свидѣтелемъ того, что онъ приписываетъ другому лицу. Это—*oratio recta*. Во вторыхъ, напр. въ оборотѣ: „спросилъ у него, чего онъ здѣсь ищетъ“, говорящій беретъ на себя прямое сви-*

дѣтельство лишь о томъ, что заключено въ главномъ предложеніи, а содержаніе придаточнаго изображаетъ лишь въ качествѣ докладчика. Это—*oratio obliqua*. Въ нашемъ языкѣ косвенность рѣчи выражается не сказуемымъ придаточнаго предложенія, а, частью, гдѣ это возможно, замѣною второго лица третьимъ, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ, частью употребленіемъ изъяснительнаго союза (напр. „я знаю, что онъ хочетъ“ при „я знаю, онъ хочетъ“), частью, гдѣ мѣстоименіе въ придаточномъ можетъ быть смотря по тону рѣчи и относительнымъ и чисто вопросительнымъ, однимъ лишь тономъ: „спрашиваю, чего онъ хочетъ“ (ог. *obliqua*) и „спрашиваю: „чего онъ хочетъ“?“ (ог. *recta*). Стало быть, въ нашемъ языкѣ косвенность свидѣтельства не придаетъ общаему отгѣнка сомнительности. Въ латинскомъ для косвенной рѣчи существуетъ, кромѣ вивительнаго съ неопредѣленнымъ, конъюнктивъ, въ шѣмцкомъ сослагательное наклоненіе. Въ литовскомъ, подобно славянскому, неизмѣющему особаго сослагательнаго накл., къ выраженію косвенно сообщаемыхъ мыслей, рѣчей, поступковъ приспособлено то средство, которое въ древнемъ славянскомъ служитъ только для обозначенія зависимости второстепеннаго предложенія отъ главнаго, именно причастіе безъ глагола, какъ сказуемое: „*klausė senį ką jis įeszkaš*“, *er fragte den alten, was er hier suche*.

При этомъ связь придаточнаго съ главнымъ можетъ быть выражена ¹²² а) или относительнымъ мѣстоименіемъ и относительнымъ мѣстоименнымъ нарѣчіемъ, переходящимъ въ союзъ, или б) союзомъ вопросительнымъ или в) союзомъ изъяснительнымъ, или наконецъ г), въ случаѣ возможности этого послѣдняго союза, это связь можетъ невыражаться ничѣмъ, кромѣ самого причастія.

а) *Asz paródisiu, ką mokąš*, я покажу, что знаю (=что зная, умѣя).

Jė klause, ką jis už tą lazda norįs, Schl. Leseb. 191, они спросили, что онъ за эту палку хочетъ (=что хотя).

Klausė boba, ką jis jei turėšes dūti, ib. 161, спросилъ у бабы (=бабу), что онъ ей долженъ дать (=что имѣя дати, въ лит. прич. буд.).

Jė tarp sawęs susitarė, katra pirmą žudysė, ib. 164, они межъ себя сговорились, котораго (имъ) прежде убить (въ лит. прич. буд. въ именит. мн.).

Cze matote, kurį pons Dėws paskyrėš, Царей I, 10, 24, вотъ видите (того), котораго Господь Богъ выбралъ (въ лит. прич. прош.).

Jis nežinojo, kur jis ėsąš, Schl. Les. 199, онъ не зналъ, гдѣ находится (въ лит. =къдѣ сы).

Tė iszklausinėje, kur jis einąš, meldė, ib. 118, тѣ, распросивши (въ лит. прич.), куда онъ идетъ (=куда ида), попросили...

Meldė, kad jis paklaustu, kaip ilgai jėdwi cze turėsenzoz (прич. буд. ж. р. мн. ч.) tą wandeni pilstyt, ib. 180, попросили чтобъ онъ спросилъ, какъ долго онѣ должны переливать эту воду.

Ji jė klausė, kodėl jis rabėgęs o jė palikęs, ib. 196, она его спрашивала, почему (чего для) онъ убѣжалъ и ее оставилъ (въ лит. прич. прош.).

123 Pažadėjo jam tą dukterį per paczę dūt, kad jis jė iszwalnysęs ib., обѣщалъ выдать за него эту дочь, когда (=если) онъ ее освободить (въ лит. прич. буд.).

б) Klausė bobą, bau ji nežinanti (прич. наст. ж. род.), kada ir kaip jo moteriszkė tai norinti (прич. наст. жен.) dariti, ib. 162, спросилъ у бабы, не знаетъ ли она, когда и какъ его жена хочетъ это сдѣлать.

Asz nežinau, ar (=bau) jis ateisęs, Schl. Lit. Gr. 324, незнаю прійдетъ ли онъ (въ лит. прич. буд.).

Въ латышскомъ здѣсь вопросительный союзъ wai съ дѣепричастіемъ или, точнѣе говоря, съ причастною формою безъ падежныхъ окончаній: wińsz prasija, wai tas ta esūt (причастіе наст. было бы esūtis изъ esants), онъ спрашивалъ, такъ ли это есть, Bielenst. Lett. Gr. § 775.

в) Suprato, kad tas princas pas jė buwęs ir tas žolės ėmęs, Schl. Les. 143, узнала что тотъ царевичъ у нея былъ (въ лит. = бывъ) и зелья (лекарство) взялъ (лит. = вѣземъ).

Wėdys ir sweczei atsilėpė, kad smaks be lėžuwió ėsas; bet grows sakė, kad tai negalims daikts (ėsas), (kad) wisi giwi sutwėrimai turį turėt lėžuwi, ib. 169, женихъ и гости отвѣчали, что змѣй безъ языка бываетъ (въ лит. = сн), но графъ сказалъ, что это невозможная вещь (въ лит. предполагается прич. наст.), что живыя твари должны имѣть (въ лит. = имѣюще имѣти) языкъ.

Jis pasidrasino glupai mėsininką ėankyti, mislidams, kad ben ten rasi kokį žarngalį gausęs, Donaleitis 138, онъ осмѣлился съ-дуру навѣстить мясника, думая, что хоть тамъ быть можетъ достанеть (въ лит. прич. буд.) какойнибудь кусокъ кишки.

О dabar ji regėdama, kad nėszczia pastojusi, tai asz turiu priesz 124 jė paniekinta buti, Быт. 16, 5, букв. а теперь она видя (т. е. такъ какъ она видитъ), что беременна ставши (=стала), то я должна быть противъ нее (сравнительно съ нею) ни во что.

Papasakojo, kaip jije tikt dėl to jam turėjusi pasižadėt, kadangi jis jė nūžudyt norėjęs, Schl. Les. 170, рассказала, какъ она только потому ему себя должна была обѣщать (въ лит. = имѣвши обѣцатис), что онъ ее убить хотѣлъ (въ лит. = хотѣвъ).

Подобнымъ образомъ и съ buk, будто, lyg kad, подобно тому какъ.

г) Безъ союза: *sako, jis jo dukterį nū to smako iszwadūses*, Schl. Les. 118, говорить, (что) онъ его дочь отъ змѣя избавить (въ лит. прич. буд.), и мн. др.

Нерѣдко глаголь со значеніемъ „говорять“ и т. п. лишь подразумѣвается, такъ что рѣчь, прямо начинаясь съ предложенія съ однимъ причастіемъ въ сказуемомъ, могла бы и вся состоять изъ однихъ безглагольныхъ предложеній. Такимъ образомъ одними грамматическими средствами, безъ введенія выраженій, въ родѣ мнр. „коли люде брешуть, то й я з ними“, всему разсказу придается оттѣнокъ сомнительности, напр. „*labai senose gadynase stowėjusi sžauna girė ant tos wėtos, kur dabar Kakszbalis gul*, Schl. Les. 202“, (начало разсказа:) въ очень давнія времена стоялъ (въ лит. прич. прош. въ им. ед. жен. рода, согласно съ *girė*) большой лѣсъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ Какшинское болото. Ср. также *ib.* 197, 203—4. О подобномъ же явленіи въ латышскомъ см. *Bielenst. Lett. Gr.* §§ 720, 721, 754, 766 пр. 3, 805.

Литовское причастіе *post verba sentiendi* etc. служить для выраженія косвенности только такой рѣчи, которая, будучи изображена прямою, требовала бы изъявительнаго наклоненія въ литовскомъ (и русскомъ), а не сказуемыхъ условныхъ и желательныхъ. Для выраженія послѣднихъ есть въ литовскомъ и латышскомъ особая форма *verbi finiti*, именно условножелательная, т. е. то условная, то желательная, употребленіе коей независитъ отъ того, будетъ ли рѣчь пряма, или косвенна. Так. обр. для нашего изъявительнаго въ придаточномъ „онъ сказалъ, что это (есть) хорошо,—было, будетъ хорошо“—въ литовскомъ два оборота: прямой, съ глаголомъ „*jis tarė, kad tai gerai yr, buvo, bus*“, *er sagte dasz das gut ist, war, sein wird*, и косвенный (объективный съ точки зрѣнія докладчика и субъективный по отношенію къ дѣйствующему лицу главнаго предложенія) съ причастіемъ „*jis tarė, kad tai gerai esą, buvę, busę*“, *er sagte, dasz das gut sei, gut gewesen sei, gut sein werde*. Для нашего условнаго, неразличающаго времени *per se*, въ литовскомъ для условнаго настоящаго—„*jis tarė, kad gerai butu*“, *dasz das gut wäre*, что это было бы хорошо (теперь), для прошедшаго—„*kad tai gerai butu buvę*“ (букв. что это хорошо было бы бывши), *wäre gut gewesen*; но въ будущемъ выраженіе условности сливается съ выраженіемъ косвенности: „*kad tai gerai busę*“ (прич. буд.) безразлично значить и „*das würde gut sein*“ и „*dasz das gut sein werde*“. Желательное, безъ различенія косвенности и прямоты,—одною формою: *asz noriu, kad tu tai darytum (darytumbei)*, я хочу чтобы ты это сдѣлалъ, *dasz du das thuest*, Schl. Lit. Gr. 331—2.

Согласно съ этимъ рядъ причастныхъ сказуемыхъ въ зависимыхъ предложеніяхъ можетъ прерываться глагольными условными формами: „*patyrė, kad princesė busenti nū smako iszneszta; bet jej kas ję galė-*

tu nū smako atwadūti, tai tam ji per pacę teksenti, ir po karaliaus galwos karalystę wisą paweldėses ir karalium pastoses, Schl. Leseb. 166, узналъ что царевна будетъ (въ лит. прич. буд.) отъ змѣя (змѣемъ) унесеная; но (что) если-бы кто могъ (въ лит. глаголъ въ усл. н.) ее отъ 126 змѣя освободить, то она выйдетъ (въ лит. прич. буд.) за него замужъ, и по короля головѣ (=стар.-руск. „по животѣ“, то есть по смерти) (онъ) все королевство унаслѣдуетъ (будетъ владѣть, въ лит. прич. буд.) и королемъ станетъ (въ лит. прич. буд.).

Послѣ тѣхъ же глаголовъ sentiendi etc. въ лит. (и въ латыш.), кромѣ придаточнаго предл. съ причастнымъ сказуемымъ въ именительномъ, можетъ стоять и другой оборотъ, состоящій изъ двухъ винительныхъ, изъ коихъ второй есть причастіе. Ср. напр. „nūmanysi, kad jisai ką pikt' sudumojes“, замѣтишь, что онъ нѣчто дурное задумавъ, и „nūmanysi ji ką pikt' sudumojusi“, букв.—замѣтишь его нѣчто дурное замывшаго. Разница между этими выраженіями можетъ быть такая. Последнее носить на себѣ слѣды того состоянія языка, при которомъ, какъ постараюсь пояснить ниже, сознание недѣлаетъ различія между предметомъ непосредственнаго воспріятія (по крайней мѣрѣ воспріятія, кажущагося такимъ) и предметомъ, до котораго мысль доходитъ путемъ болѣе-менѣе сложныхъ умозаключеній: тотъ и другой выражаются падежомъ прямого объекта, къ коему можетъ присоединиться второй, согласуемый съ нимъ винительный. Мысль говорящаго, разсматривая содержаніе предложенія съ двумя винительными, нестрѣчаетъ новода дѣлать это содержаніе на такія части, изъ коихъ одна изображалась бы прямо, а другая косвенно; модальность сказуемаго безпрепятственно распространяется и на причастіе въ дополненіи. Согласно съ этимъ лит. „nūmanysi ji.. sudumojusi“ въ модальномъ отношеніи неможетъ быть выражено нѣмецкимъ сослагательнымъ: du wirst merken, dasz er etwas böses beschlossen habe. Между тѣмъ въ оборотѣ „nūmanysi, kad jis sudumojes“ есть основаніе различно относиться къ содержанію глагола и причастія, именно то, что содержаніе всего оборота формально раздѣлено на двѣ части ирисутствіемъ союза.

127 Точное опредѣленіе случаевъ употребленія причастныхъ (безглагольныхъ) сказуемыхъ въ литов. и латышскомъ можетъ показаться затруднительнымъ въ виду возможности ихъ смѣшенія со случаями, въ коихъ опущенъ вспомогательный глаголъ при причастіи. Такъ, Биленштейнъ, сказавши о латышскомъ оборотѣ для *or. obliqua* съ причастною формою (*wińsz lika atsacit, ka tēws majas neessūt*, онъ приказалъ отвѣтить, что отецъ дома „не сн“ (въ лат. отрицател. слово)), говорить, что это довольно обычно и въ другихъ языкахъ, ссылаясь не только на литовскій яз., что вѣрно, но и на слав. (точнѣе—русское) причастіе -ль, какъ на замѣну *perfect. act.* (*Lett. Spr. II. 177—8*).

Въ томъ-то и дѣло, что того постояннаго опущенія глагола κ s- во всѣхъ лицахъ и числахъ, какое въ нашемъ далъ, невозможно предположить ни въ литовско-латышскомъ, ни въ древнеславянскомъ. Въ лит. обычно опущеніе только 3 л. ед. и мн. уга (есть, суть); въ латыш. при прич. прошедшемъ—и другихъ лицъ настоящаго, не другихъ временъ, которыя опускаются, повидимому, только во избѣжаніе повтореній. Самое опущеніе 3-го л. наст. необходимо предполагается только въ главныхъ сказуемыхъ, съ причастіемъ; между тѣмъ въ пользу вѣроятности того, что въ зависимыхъ сказуемыхъ можетъ быть неопущенъ глаголь даже въ 3 л. наст. вр., говорить многое. Отъ случаевъ, какъ „asz parodysiu, ka mokas“ покажу „что умѣя“ в. „что мога“, въ коихъ опущеніе вспомогательнаго въ первомъ лицѣ невѣроятно, можно заключать къ случаямъ, въ коихъ причастіе относится къ 3-му лицу: Pons Dievs te izspild, ka jis sakēs, Господь Богъ пусть исполнитъ, что сказалъ (=κ же рекъ, прич. прош. безъ глагола). Въ нѣмецкомъ, въ ряду зависимыхъ предложеній, находящихся въ весьма сходныхъ отношеніяхъ ко главному, изъявительное наклоненіе можетъ смѣняться сослагательнымъ, напр. „bisher haben wir gelernt, wie der glaube wirkt, wo er herkommt.., 128 Vernaleken Deut. Synt. II, 286. Подобно этому и въ литовскомъ отъ изъявительности и глагольности перваго изъ сказуемыхъ неслѣдуетъ заключать, что при второмъ, причастномъ, опущенъ глаголь: tau vyrāi tarē jam: szay, szitta yra ta diena, apie kurę Pons Dievs taw sakēs, Царей I, 24,5. Конечно, при причастіи встрѣчается въ придаточномъ и глаголь, напр. karaliui atsisėdus sawo wietoj, kaip papratēs budawo, prie sienos, atsikele Jonatanas, Церей I, 20, 25, когда царь сѣлъ на своемъ мѣстѣ (въ лит. дат. самостоят.), какъ имѣлъ обычай (=какъ былъ навывкиши“), всталъ Ионаѳанъ; но сравненіе съ русскимъ „яко мога“ и пр. заставляеть думать, что, гдѣ въ подобномъ случаѣ въ литовскомъ нѣтъ глагола, тамъ нѣтъ нужды предполагать его опущенія... kurpius sėdėjo ir sziksninį wisėms, kaip pratēs, siulio kromą, Donaleit. 138, сапожникъ сидѣлъ и кожаный всѣмъ, какъ привыкъ (какъ всегда, какъ это водится), предлагалъ товаръ.

До сихъ поръ была рѣчь о трехъ причастіяхъ: наст. I, прош. и буд. дѣйствительнаго. Къ этому присоединяется въ латышскомъ весьма замѣчательная постановка причастія настоящ. II (dam(a)s, ж.—dama) безъ глагола въ придаточныхъ предложеніяхъ сочетаній, по грамматическому смыслу подобныхъ русскимъ: „пусть будетъ, что будетъ, а...“, „будь, что будетъ, а...“ „что будетъ, то будетъ, а...“. Характеризуется этотъ лат. оборотъ тѣмъ: а) что главное сказуемое стоитъ большею частью въ повелительномъ, или въ изъявительн. съ повелит. частицею лай (изъ лаиди, оставъ, отъ лайсти; ср. лит. tegul, пусть,

собств. пусть лежитъ, ст.-слав. не-дѣй, млр, нехай), рѣже въ изъявительномъ безъ союза; б) тѣмъ, что причастіе въ придаточномъ всегда имѣетъ одно подлежащее съ главнымъ сказуемымъ и образовано нерѣдко отъ той же темы, что и это послѣднее; в) тѣмъ, что придаточное связано съ главнымъ относительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ.

Lái strádá, ká strádádams,, to ne war rabeigt, пусть работаетъ „какъ работа“ (въ лот. прич. наст. м. р. ед.), т. е. какъ бы онъ ни работалъ, а этого неможетъ кончить.

Lái ít, ká ídams, пусть идетъ, какъ идетъ, (=„яко ида“; въ лат. прич. муж, р. за отсутствіемъ средняго) т. е. пусть идетъ, какъ ни будь.

Dúd mamína, kam dúdama, ne dúd maní zweiníkam, дай, матушка, (меня) „кому дадучи“, недавай меня рыбаку, т. е. за кого бы ни отдала, лишь бы не за...

Lái ímu, kur ídama, tâs zemites man nau žel, пусть иду „куда иду“ (т. е. куда бы я ни пошла), а этого мѣста мнѣ не жаль, Biel. Lett. Gr. § 758.

Рунайѣт юс, ляутіньи, цик валоду туредамі, Спрог. 173, говорите вы, люди, „сколько поговоровъ имѣя“ (въ лот. именит. мн.), т. е. сплетничайте, на сколько васъ хватить.

Мал, мѣсінъ, цѣк малдама, апслаук глужі дзірнявіяс, id. 264, мели сестрица, „сколько мелючи“, т. е. сколько бы ни было, (только) обмести чисто жернова.

Тец, мѣсінъ, цѣк спѣдама, не дар кауну бѣлінѣм, ib. 248, работай, сестрица, сколько успѣешь (сможешь), недѣлай стыда братцамъ.

Пукье, пукье, рѣзе, рѣзе, сен ту мані кайтинайі: лай эс гаю, кур ѣдам, ту зѣд целя мѣліня, Спр. 61, цвѣтокъ, цвѣтокъ, роза, роза, давно ты меня дразнишь (сердишь, искушаешь?), куда бы я ни пошелъ, ты цвѣтешь на краю дороги.

Эс айзгаю ѳдзиніас ар мазо балеліню. Кур ѳдзіню дабудамс: „ше, 130 мазайс бѣлелінь, ib. 64, я пошелъ по ягоды съ малымъ братцемъ. Какую бы ягоду ни добылъ (какую ни добуду): на, маленькій братецъ.

Díws labi dag, kú darídams, Богъ хорошо дѣлаетъ, „что творя“ т. е. чтобы ни дѣлалъ, Biel. ib.

Кур ѣдама тауту мейта, ліну вія вайнедзиню, Спр. 77, куда бы ни шла людская (т. е. чужая, не родная) дѣвица, она вьетъ (=имѣетъ обычай вить, у Спрог. „будетъ вить“) изъ льна вѣночекъ.

Мы видимъ, что этотъ оборотъ удобно передается русскимъ условнымъ послѣ относительнаго мѣстоименія или нарѣчія съ ни (млр, не): „что бы ни говорили“. Но условность русскаго оборота недолжна быть приписываема соотвѣтствующему лотышскому, потому что на мѣстѣ ло-

тышск. причастія мы можемъ поставить и повелительное („что ни говори“), и изъявительное: „что ни говорятъ“, „что ни будутъ говорить“. Точно также нельзя приписать лотышскому обороту всего того, что зависитъ отъ русскаго мѣстоим. или нарѣчія относительнаго съ ни. Въ русскомъ мѣстоименія и нарѣчія кто, что, гдѣ и пр. и безъ присоединенія либо и пр. могутъ имѣть то значеніе, которое сообщается мѣстоимѣнію латин. -cumque, польскимъ -kolwiek и пр. „ты бы что съѣлъ“. Такъ и въ малорусскомъ. Такое значеніе имѣеть что въ „пусть будетъ, что будетъ“ гдѣ оно объединяетъ и сосредоточиваетъ съ себѣ значеніе: „пусть будетъ то, другое, третье“ и т. д. На этой точкѣ стоятъ повидимому и лотышскія мѣстоим. и нар. въ вышеприведенныхъ примѣмѣрахъ, такъ что „dūd, kam dudama.. ne dūd“ значитъ „давай, даючи тому, другому..., а недай тому-то“. Въ этомъ отношеніи значеніе лотыш. оборота неизмѣнится, если на мѣсто причастія поставимъ глаголь: lái гунаја, кá гунаја, nu es wairs nebedaју, букв. пусть говорили, какъ говорили, теперь я больше не заботилась, т. е. что бы ни говорили, мнѣ ужъ было мало горя. Уже одно сопоставленіе ряда возможныхъ дѣйствій (говорили то, другое) и одного дѣйствительнаго (не забочусь) по-казываетъ, что первые безразличны по отношенію къ послѣднему. Но въ русскомъ сюда присоединяется еще ни, т. е. отрицаніе, образованное изъ не-и, какъ литов. neу, и имѣющее здѣсь приблизительно тоже значеніе, что „и не“ Отрицаніе дѣйствія вслѣдъ за его утвержденіемъ выражаетъ между прочимъ безразличіе этихъ дѣйствій по отношенію къ третьему, имъ противопологаемому, т. е. независимость послѣдняго отъ первыхъ: „была-небыла, пойду“; спалъ—неспалъ, а вставай“; плачь-неплачь, былого неворотись; мдр. втік—невтик, а потюпати вілно. Ни въ „какъ ни плачь, а...“ заключаетъ въ себѣ такое же значеніе, съ тою особенностію, что оно доводитъ до крайности отрицаніе важности дѣйствій по отношенію къ утверждаемому: „du magst auch noch so viel weinen...“.

Сравненіе разсмотрѣнныхъ оборотовъ въ славянскомъ и литовско-лотышскомъ возбуждаетъ два вопроса:

Во первыхъ, что древнѣе: обязательное ли единство подлежащаго главнаго сказуемаго, составляющее правило съ славянскомъ, или возможность особаго подлежащаго причастія, какъ въ „самъ сá прѣдавъ пьсано љсть“ (если только „пьяно“ неестъ ошибочное написаніе вм. „пьянъ“, какъ и въ другихъ случаяхъ въ томъ же памятникѣ: потворь... крадомо, свѣтъ.. женомо и непостижемо, Будил. Изсл. XIII сл. Григ. богосл. XI в. 10, 8), и какъ въ литовскомъ и, за исключеніемъ прич. на дам-s, въ лотышскомъ?

Сравнимъ выраженія: „нѣсть, кѣто възискаа; вѣсте са, чѣто твораще; твориться, а кы изнамага; не поганьскы ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе“ съ выраженіями, какъ „ѣсть възискаа, вѣсте са твораще, твориться изнамага, живемъ усрѣсти вѣрующе“. Между тѣми и другими существуетъ несомнѣнное сходство, которое въ иныхъ случаяхъ доходитъ до того, что напр. выраженія „твориться а кы изнамага“ и „твориться изнамага“ мы переведемъ одинаково; „притворяется изнамогающимъ“, а не „какъ бы изнамогающимъ“, потому что это послѣднее дало бы смыслъ: „притворяется мнимо (а не дѣйствительно) изнамогающимъ“. Первые обороты, заключающіе въ себѣ относительныя мѣстоименія и союзы, сложнѣе вторыхъ и потому могли возникнуть изъ сихъ послѣднихъ, но не на-оборотъ. Но если примемъ за исходную точку разсматриваемыхъ явленій составное сказуемое, въ коемъ причастіе необходимо имѣеть одно подлежащее съ глаголомъ, и причастіе, служащее непосредственнымъ приложеніемъ къ подлежащему; то тѣмъ самимъ возможность различія подлежащихъ въ главномъ и придаточномъ окажется позднѣйшимъ явленіемъ, а случаи полного сходства славянскаго съ литовскимъ, какъ „*parodysiu ką mokąs, pasislėpe kur noris, dėjus buk sergas*“, окажутся древнею основою разсматриваемаго оборота въ литов. и латышскомъ. Въ настоящее время обязательность единства подлежащаго въ латыш. *dūd, kam dūdama*“ представляется особенностью причастія на *dama*-; но, подобно литовскимъ вышеупомянутымъ оборотамъ, это могло бы дать основаніе думать, что прежде всѣ причастія, имѣвшія способность выдѣляться въ особыя сказуемыя, имѣли тоже свойство. Для обратнаго предположенія, что въ славянскомъ была нѣкогда та-же свобода, что теперъ въ литовскомъ, и что слав. языкъ перешелъ отъ возможности говорить „видите, кого Богъ избравъ“ къ возможности сказать только „видитъ Богъ, кого избравъ“, или „видите, кого избравше“, славянскій языкъ, сколько извѣстно, за исключеніемъ одного сомнительнаго примѣра, не даетъ фактическихъ основаній. Тѣмъ неменѣе, если стремленіе языка направлено къ господству личнаго глагола и единству предложенія, то надо склониться именно къ этому предположенію; ибо при господствѣ литовско-латышскаго правила характеръ предложенія—болѣе именной и степень его единства—меньше.

133 Во вторыхъ, что древнѣе: возможное ли присутствіе косвенности рѣчи, какъ въ литовскомъ, или отсутствіе этого оттѣнка, какъ въ славянскомъ? Вѣроятнѣе послѣднее. Первоначально въ строѣ этихъ предложеній не было никакого указанія на то, что именительный причастія изображаетъ явленіе не отъ имени говорящаго, а какъ рѣчь и пр. дѣйствующаго лица. Все что выражается въ оборотахъ съ глаголомъ не *dicendi* и пр., какъ „приношахуть, чѣто вѣдадуче“ есть только различіе главнаго и придаточнаго, такъ сказать, изображеніе мысли съ

соблюденіемъ перспективы и разницы въ освѣщеніи. Ничего болѣе, по видимому, немогло заключаться и въ подобномъ литовскомъ, если оно когда либо было: *atgabendawo, ką dūse* "Оттѣнокъ косвенности и затѣмъ сомнительности въ придаточномъ могъ появиться сначала только въ силу вещественнаго значенія глагола главнаго предложенія съ составнымъ сказуемымъ, напр. „мъняахъ духъ видаще; иже творяхъ са правдѣни сѣще“, вторые падежи видаще, правдѣни сѣще, изображаютъ мнимыя явленія, но такъ, что мнимость формально невыражена, а вытекаетъ лишь изъ лексическаго значенія гл. мнѣти, творитиса. Славянскій и литовскій дѣлаютъ одинъ и тотъ же шагъ, превращая эти вторые падежи въ придаточныя предл. посредствомъ формальнаго обозначенія мнимости ихъ содержанія посредствомъ союзовъ акы (=будто, какъ будто), *buk, ney: jie nūsigando ir bijojos, dumodami, buk dwasę kokeę regi*, Лук. 24, 37, что было бы въ слав.: убоиша са и пристрашни быша, мнѣще, акы духъ видаще (въ О. Ев. убоиша же са... мнѣяхъ духъ видаще); *iszsjunte tykojenczus, kurie dētis turėjo* (которые должны были показать видѣ), *ney esą teisus*, Лук. 20, 20, что было бы въ слав. „послаша навѣтъники, иже творяхъ са (акы) правдѣни сѣще“, по образцу русс. „творяся акы изнемагаа“. Но 134 здѣсь начинается разница между славянскимъ и литовскимъ. Въ первомъ формальное выраженіе мнимости, сомнительности неидетъ дальше случаевъ, гдѣ вмѣстѣ съ союзъ въ родѣ акы, нераспространяясь на случаи съ мѣстоименіями и нарѣчіями. Лишь въ дальнѣйшемъ развитіи языка въ чешскомъ, отчасти въ польскомъ, здѣсь въ придаточномъ появляется, подъ вліяніемъ латинскаго сослагательнаго, форма глагола съ бы не въ условномъ значеніи, которое здѣсь ненужно, а въ сослагательномъ: при „*není tebe kdo opatře*“— „*není, kdoby opatřil*“; при „*nevím, co o ní řka*“— „*nevím, co bych o ní řekl*“ (*Zikm. Skl. 401—2, 405, 673*). Въ литовскомъ и латышскомъ оттѣнокъ косвенности и сослагательности распространяется на всѣ способы сочетанія причастнаго сказуемаго съ глаголами *dicendi* etc.; вмѣстѣ съ тѣмъ тождество подлежащаго въ главномъ и придаточномъ перестаетъ соблюдаться; но тѣмъ неменѣе значеніе косвенности рѣчи невольнѣ отождествляется съ причастностію сказуемаго, такъ какъ послѣдняя можетъ и невыражать косвенности.

Причастіе прошедшее на л-

1. Хотя имена прилагательныя и существительныя съ суффиксами *ра-*, *ла-*, сродными съ суф. причастія *-лѣ*, свойственны и другимъ арійскимъ языкамъ (Ворр. *Vergl. Gr.* § 937 слѣд.; догадка о происхожденіи слав. *л-* изъ *т*, *ib.* § 628, ошибочна ¹⁾; *Schleich. Comp.* ³ § 220), но

¹⁾ Неменѣе ошибочно мнѣніе о тождествѣ суф. *лѣ* съ суф. прич. на *-ѣ*, въ повторяемое до-нынѣ (Некр. О зн. ф. р. гл. 269). Суф. *лѣ* предполагаетъ въ именит. ед. м. р. основную ф. *-ра-с*, а суф. *-ѣ*, *-вѣ*—основную ф. *ванс* (см. *Schl. Comp.* ³ § 218).

форма на -л, какъ причастіе, осталась лишь въ славянскихъ нарѣчіяхъ, и въ этомъ смыслѣ чужда даже литовско-лотышскому.

135 Суф. -лъ, -ла, -ло, подобно остальнымъ причастнымъ, самъ по себѣ не заключаетъ никакого указанія на время и залогъ; однако съ незапамятныхъ временъ въ славянскомъ образуетъ отъ одной темы съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (отъ такъ называемой второй) именно причастія прошедшія дѣйствительныя. Отвергать это, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, можно только по недоразумѣнію, принимая за достаточное основаніе тѣ прилагательныя отричастныя на л-, которыя точно неимѣютъ времени, именно въ силу того, что перестали быть причастіями. Между причастіями на -л и произведенными отъ нихъ прилагательными существуютъ замѣтныя различія, которыя должно имѣть въ виду при опредѣленіи особенностей причастія на -л.

2. Было бы полезно собрать такія прилагательныя на -л, которыя, будучи образованы совершенно одинаково съ причастіями на -л, т. е. неимѣя передъ л промежуточной гласной, какую находимъ въ кнѣс-ель, ж. кыс-ела (и лишь позднѣе кысьла, кисла) и кнѣсьль, неимѣютъ однако при себѣ глаголовъ ни въ нынѣшнемъ языкѣ, ни въ древнемъ, извѣстномъ по памятникамъ, (ср. Mikl. V. Gr. II, 94—6). Таково, быть м., бѣль. Можно думать, что такія слова были уже прилагательными въ то время, когда нынѣшнія отричастныя прилагательныя, какъ гнилой, вялый, смѣлый, удалой были еще причастіями. Возможно, что бѣлый и т. п. приняло членную форму уже будучи прилагательнымъ.

Сама по себѣ опредѣленная, или членная форма неимѣетъ силы превращать причастій въ прилагательныя: причастія наст. и прош. дѣйств., наст. и прош. страд. въ русс., причастія на -л въ польс. и чеш. и въ этой формѣ могутъ оставаться причастіями; но эта форма, по своему сродству съ атрибутивностью, содѣйствовала упомянутому превращенію. Въ русс. языкѣ отричастныя прилагательныя отъ темъ на согласную горланную, свистящую, зубную и губную получили членную форму еще
136 въ то время, когда въ безчленной формѣ именит. ед. м. р. соотвѣтственнаго причастія звукъ л послѣ согласной произносился явственно, благодаря тому, что образовалъ слогъ со слѣдующимъ гласнымъ ъ. Таковы напр. бѣглый, леглый, волглый, брюзглый, мозглый, блеклый, тусклый, моклый (пропитанный влагою), дохлый, тухлый, пухлый, дряхлый, чухлый, рыхлый, лѣзлый (-лая шерсть), мерзлый, вислый, дряблый, синый, хрипый и др., при стар. русс. причастіяхъ какъ лег-ль, тек-ль, лѣз-ль, чѣрп-ль и пр. Разъ приставленный членъ сохранилъ л въ прилагательныхъ, какъ дохлый, между тѣмъ какъ это л въ безчленномъ причастіи исчезло послѣ потери конечнаго ъ: издохъ. Желая употребить одно изъ упомянутыхъ прилагательныхъ безчленно и предикативно, мы, несмотря на непріятное стеченіе согласныхъ, должны сказать напр. „мѣсяцъ

тусклъ“, „голосъ хриплъ“, т. е. тускл (безъ ъ). Если-бы наша безчленная форма прилаг. была въ этомъ случаѣ такая же древняя и непосредственная, какъ въ бѣлѣ, то она должна бы была звучать не иначе, какъ она звучитъ въ причастіи (по)тусклъ, (о)хриплъ. Такъ-какъ этого нѣтъ, то значитъ, до безчленной формы тусклъ мы доходимъ посредственно, заключая отъ членной тусклый. Слѣдовательно, членная форма здѣсь стала неразрывна съ категоріей прилагательнаго, и внѣшнимъ образомъ отличивши его отъ причастія. Точно также прилагательное въ „онъ пошлѣ“ образовано отъ опредѣленной формы „пошлый“. Если-бы прилагат. пошлѣ находилось въ непосредственной связи съ безчленною формою причастія „по-шль“, то обѣ звучали бы нынѣ одинаково „пошоль“; но для прилагательнаго самое изнѣженное ухо, избѣгая стеченія согласныхъ, выберетъ развѣ форму пошелъ. Что до прилаг. осѣдлый, то отношеніе его къ причастію сѣлъ еще болѣе отдаленное. Извѣстно, что въ историческое время въ восточныхъ слав. нарѣчіяхъ д передъ л въ причастіяхъ на -лѣ и существительныхъ съ 137 суф. = зап. слав. dlo = лит. kla = осн. тра-м опускается; изъ чего слѣдуетъ, что напр. русск. сѣдло должно быть объяснено изъ сѣд-ь-л-о, или сед-ь-л-о (Mikl. Lex. s. v.), и что осѣдлый имѣетъ или тотъ-же суффиксъ (ь-л, а не л, какъ въ причастіи), или образовано подъ влияніемъ подъ влияніемъ польскаго, т. е. все-таки неимѣетъ связи съ сѣлѣ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ звуковая разница между прилагательными безчленными на -л и причастіями сказывается въ литер. яз. въ удареніи именит. пад. ед. жен.: прилагательныя дохла, тухла, пухла, бѣгла, волгла, блекла, тускла, мерзла, хрипла, дрябла, спѣла, смѣла, зрѣла, вяла при причастіяхъ въ сказуемомъ дѣхла, бѣгла, (обл. влр., млр. бѣгла при неопр. бѣчи, бѣгти), смѣла и пр. Во многихъ другихъ прилагательныхъ и причастіяхъ такого различія нѣтъ: гнила (прилаг. и прич.), пошла и пр.

Въ именительномъ множ. всѣхъ родовъ всѣ безчленные отрицательныя прилагательныя на -л въ русск. литер. языкѣ отличаются отъ причастій окончаніемъ. Причастія на -л во множественномъ ч. уничтожили различіе родовъ, принявши, за общее для всѣхъ родовъ древнее окончаніе именит. мн. муж. р. „смѣли“¹⁾. Въ именахъ прилагательныхъ на -л фактъ состоитъ въ томъ, что они въ именит. мн. имѣютъ общее окончаніе -ы, и этого достаточно для убѣжденія, что нашъ литературный языкъ строго отличаетъ эти прилагательныя отъ причастій. Что до происхожденія этого окончанія, то оно покаместъ объясняется еще на-двое: или здѣсь произошло уподобленіе муж. и средняго окончанія женскому, какъ въ дат. на -амъ, твор. на -ами, мѣстн. на -ахъ; или

¹⁾ Иначе въ Поль., гдѣ—li для мн. ч. м. р. личной формы, —ly для мн. ч. м. р. вещной ф. и для ж. и ср. (Mał. Gr. hist. II § 594—5).

же здѣсь стремленія къ такому уподобленію небыло, но средній родъ подчинился мужескому и вмѣстѣ съ нимъ замѣнилъ окончаніе именит. мн. муж. -и окончаніемъ винительнаго -ы

138 3. Причастіе на -л образуется отъ второй темы всѣхъ глаголовъ безъ исключенія, между тѣмъ какъ прилагательное на -л лишь отъ нѣкоторыхъ причастій глаголовъ, недопускающихъ прямого объекта. По глагольнымъ разрядамъ это прилагательное приблизительно распредѣляется такъ: оно очень обыкновенно отъ глаголовъ начинательныхъ обоихъ разрядовъ, именно глаголовъ не/ну (отъ темы безъ характера: мерзлый, талый—отъ та- съ настоящимъ не таѣ-шь, а танешь: млр. „снѣг у руді тане“) и глаголовъ ѣѣ/ѣ; довольно часто отъ гл. съ первою темой -е (палый, цвѣлой), ю (гнилой, спѣлый); рѣже отъ глаголовъ и/ѣ (горѣлый, лежалый, стоялый), еще рѣже отъ и/и (служилый), аѣ, /а, яѣ /я (хожалый, линялый), уѣ /ова (годовалый, лѣтовалый, зимовалый), никогда, или чрезвычайно рѣдко отъ глаголовъ наибольшей длительности на ываѣ /ыва, иваѣ /ива и никогда отъ глаголовъ однократныхъ на не/ну. Уже посредствомъ этой одной рѣдкости прилагательнаго сравнительно съ причастіемъ языкъ былъ бы въ состояніи держать раздѣльно обѣ эти категоріи.

4. Между тѣмъ, какъ прошедшія вр. на л отъ глаголовъ, возвратныхъ по внѣшнему виду, сохраняютъ возвратное мѣстоименіе ся, (розсѣлся, т. е. есть, при розсядусь, розсѣться); прилагательныя отпричастныя на -л это ся отбрасываютъ. Въ русскомъ яз. сюда относятся нѣкоторые изъ примѣровъ, приведенныхъ въ Гр. Бусл., § 55, пр. 3, въ доказательство „болѣе свободнаго производства прилаг. на -л въ старинномъ языкѣ“, чѣмъ въ новомъ: „отъ синего камня отъ разсѣлого“ Ак. Юр. нодъ 1532 г. (отъ „розсѣлся“); ср. въ „розбѣглой мѣсто посохи новгородской посоху наймовавъ, посылали съ сохи по 22 человекъ“, Пск. I л. 312—13 (-розбѣглася, розбѣчися); въ совр. обл. влр. „вейся капуста вилая“ (что вьется—складывается въ головы). Въ млр. „сосна на бджоли придалаая“—що придалася. Этимъ отбрасываніемъ знака возвратности, медіальности въ прилагательныхъ доказывается, что многія исключенія изъ правила, по которому рассматриваемыя прилагательныя необразуются отъ глаголовъ объективныхъ, суть лишь мнимыя. Такъ въ „зналое дѣло“ (въ см. знамое, знаемое, извѣстное) прилаг. имѣетъ страдательный оттѣнокъ не несмотря на происхожденіе отъ знати, а потому что происходитъ отъ знати ся такъ что зналое—изъ знало ся. Относительно „ѣзжалый“ въ страд. смыслѣ (напр. дорога -лая, по которой, лошадь -лая—на которой ѣздить) и въ дѣйствительномъ „ѣзжалый человекъ“ см. ниже. Г. Некрасовъ требуетъ, чтобы мы одинаково относились къ обоимъ словамъ на -л въ стихахъ былины „дай добра коня неѣзжалаго, сѣделечко новое несижива-

лое“ и признавали обѣ формы равно употребительными (О знач. ф. русск. гл. 223—4); однако, заключая отъ большинства русскихъ нарѣчій слѣдуетъ признать прилагательное на -л отъ гл. ѡва—ива явленіемъ весьма рѣдкимъ, вм. „несиживаное“. Относительно страдательности значенія ср. безсубъектные обороты: „Они были братьица крестовые, у нихъ крестамы побраталось, Рыбн. I, 96; конями съ Чуриломъ помѣняноси, двѣтнымъ-то платьемъ побратало си ib. III, 140

Отбрасываніе возвратнаго мѣстоимѣнія въ причастіяхъ на -л, поставленныхъ атрибутивно, и въ идущихъ отъ нихъ прилагательныхъ, составляетъ правило и въ польскомъ. Ср. *widziawszi(y) człowieka zabyłego* 140 (сѣумасшедшаго, забывшагося) *przez-ścieście ji prziwiedli ku mnie?* Царей I, 21, 14 (XIV—XV в. Maciejow. Dodatki do piśm. 17), при „zabył się“; *zapomniały* (забытый со страд. зн.) при *zapomniał się*“; *zapamiętały* (внѣ себя, бѣшенный)—*zapamiętał się*; *wściekły* (бѣшенный)—*wściekł się*; *zariekły* (затвердѣлый, напр. глина, закаменѣлый въ изв. намѣреніи, настроеніи, и отсюда—отчаянный); *zajadły* (отчаянный, бѣшенный)—*zjadł się*; *wino, piwo wystałe*—*wystało się*; *wylęgły* (вылупившійся изъ яйца)—*wylągł się*; *złękły*—*złękł się*; *przydarza mi się to samo*, со *księgom z sobą zlipłym*—со *zlipły się*; *pozostały*—со *pozostał się*; *rozumiały* (въ страдат. см. понятный)—со *się rozumie, zarozumiały* (слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ)—*zarozumiał się* (русск. умѣлый вѣроятно тоже восходитъ не прямо къ умѣти, а къ умѣтися; ср. стар. русск. мочися, быть въ силахъ что-либо сдѣлать); *wyniosły* [высокій, возвышенный и (какъ въ млр. „высоко несется“) гордый]—*wynosił się*; *rozwlekły* (растянутый, пространный)—*rozwlekl się*; *ściśły* (сжатый. тѣсный, точный)—*ściśł się, ściśnął się* и т. д. По-видимому такихъ причастій атрибут., особенно имѣвшихъ страдательный отгѣнокъ въ стар. польскомъ было даже больше, чѣмъ въ нынѣшнемъ: *rzecz ukradłą* (украденную, со *się ukradła*) *lubo gwałtem otjąta wrocił by*, 1449 г. *Księgi Ust. 73*; *paknieliby w stronę zakładu tako skazałego* (присужденнаго) *i win tako przypadłych niepostąpił... tedy... 1503, ib. 29*; *gdy który kmieć se wsi ktorego koli sliachcica albo ziemianina nieucziniw prawa, w ziemi naszej ustawionego, trzymałego, mianego i chowałego, panu swemu, wyszedł.. 1450, ib. 144*; (змѣй обвилъ слона и сосеть изъ него кровь) *A kiedy już niestanie w elefancie juchy, Powali się nieborak wyżęty i suchy. Tam że sobą przytlucze, właśnie jako skałą Onę sprosna, krwią swoją szelmę wychowała* (=млр. вигодовану), *Klonow. ed. Tur. 130*; *koń wychowały, Stryjk. y Linde s. v.*)=серб. *kojen, wychowany, dobrego chowu*. Тоже въ старинномъ чешскомъ: *aby člověk měl obranu a posílení protiv hříchóm, a očíštění dopustilým*“ (совершеннымъ, при *dopustiti se, committere* и *committi, Tůma ze Štitn. XIV v.*); *abých od po- 141 znalé pravdy neodstupoval* (отъ познанной, poznatise въ страд. зн.); *do*

nedostavělého domu (къ недостроенному, —tise въ страд. зн.); Draho-
mirou rozehnalé křest'any (разогнанныхъ, kteří se rozehnali (въ страд.
зн.) и пр. См. Zikm. Skl. 663, 4.

- 143 5. Какъ вообще языкъ при образованіи новыхъ словъ отъ прежнихъ
соблюдаетъ постепенность, такъ и прилагательное отрицательное на -л
можетъ стоять на различныхъ разстояніяхъ отъ своего причастія. На
одной изъ наибольшихъ степеней удаленія отъ причастія прошедшаго
находятся польскія и чешск. прилагат. на *ły, lů*, большею частью
соединенныя съ отрицательною частицею, лишенныя всякаго отгѣнка
времени и близкія по значенію къ латин. какъ *ineffabilis*. Таковы
напр. польск. *niewygasły* (*niedozgaszenia* неугасимый, а не „неугасшій“),
nieulekły (неустрасимый), *niezwykły* (необычайный, необычный, непривы-
чный, а не непривыкшій), *dośćigły* (*comprehensibilis*, постижимый) и
144 *nieśćigły* (непостижимый), *niezbutwiały* (негнющій въ прилагательномъ
смыслѣ, т. е. не въ данный моментъ негнущій, а имѣющій постоянное
свойство негнеть), *nieupamiętały* — *co się niemoże upamiętać* и пр. Въ
чешскомъ: *Bůh jest nestihlé a neobsahlé dobré* (Zikm. Skl. 664) —
непостижимое, необъемлемое умомъ благо. Неслѣдуетъ основывать ни-
какихъ заключеній о происхожденіи такихъ прилагательныхъ на ихъ
переводѣ нашими, какъ непостижимый, ибо другіе, неменѣе удовле-
творительные переводы могутъ вовсе не заключать въ себѣ страдатель-
наго суффикса, напр. чешск. *nestížitelný*. Сами по себѣ слова, какъ
niewygasły вовсе не предполагаютъ страдательнаго значенія и его
знака (возвратнаго ся), такъ какъ въ нихъ отрицаніе конкретнаго слу-
чая, выраженаго причастіемъ средн. гл. въ *niewygasł*, безъ всякаго
посредства страдательнаго залога, стало (метонимично) представленіемъ
невозможности повторенія такого же случая. Подобнымъ образомъ и въ
в. русскомъ, для объясненія прилагат. какъ „жилой домъ“ и т. п.
[„Градъ Іерусалимъ людьми нежилъ: много пустыхъ мѣсть, а за
городомъ нѣтъ жилыхъ мѣсть кромѣ дома Іоанна Богослова“, Пвт.
Лукьян. 77; „про жилое, про бывшее говорила“, н. п.; пожи-
лое, плата за житѣе; „заходилъ въ конюшенку стоялую“ (былина);
стоялый дворъ, на пр. „въ ханѣ, сирѣчь въ стояломъ гостиномъ
дворѣ, Пвт. Лукьян. 48; постоялый (т. е. дворъ); постоялое, пла-
та за постой; ѣзжалая дорога, лошадь; „хоть прибило бы малу эту
лоточку въ острова хоть прибило не въ бывалыи“ (гдѣ не бывано),
Барс. Прич. I. 254], нѣтъ надобности предполагать ни безразличія
причастнаго суффикса -л по отношенію къ залогу, ни страдатель-
ности глагола, а достаточно принять слѣдующіе переходы мысли.
Во первыхъ, самому предмету приписано дѣйствіе, которое въ немъ
совершилось: въ домѣ жили, въ конюшнѣ стояли, стало быть домъ
жилъ, конюшня стояла. Такимъ же образомъ: „къ намъ наѣхалъ
половъ дворъ гостей“, Шейн., Р. н. п. 501 (= „половъ дворъ каретъ

наѣхавши“, *ib.* 480) ¹⁾. Во вторыхъ, отъ того, что въ домѣ жили въ опредѣленное время (или онѣ жили) заключено къ тому, что въ немъ вообще живутъ, что въ немъ можно жить.

Устраненіемъ оттѣнка времени въ причастіи можетъ получиться въ прилагательномъ распространеніе признака на всякое время, значеніе способности производить признакъ когда бы ни было. Такъ въ польскомъ *dbały* (-*co dbał*, отсюда тщательный, старательный, заботливый), *stały* (*co stał*, постоянный), *trwały* (*co trwał*, прочный). Такъ въ влр. 145 обл. (кур.) „терпѣлъ Богъ кормилецъ нашъ“—терпѣливъ.

¹⁾ Это частный случай широко и глубоко въ древность распространеннаго приѣма поэтического мышленія, состоящаго въ томъ, что, въ силу бессознательнаго (а потомъ у искусственныхъ поэтовъ и сознательнаго) стремленія къ наибольшей конкретности, въ то, что въ данный моментъ мышленія, есть средоточіе образа, вносятся признаки (съ позднѣйшей рациональной точки зрѣнія) посторонніе. Т. о. вещи (будетъ ли это дѣйствительная или мнимая субстанція, имя дѣйствія) приписываются признаки лица или другой вещи съ нею связанной, на пр. по Царюграду когда пойдешь гулять, ненастный градъ, чтобы присмотрѣлся: тутъ хорошо, а индѣ и лугче, Пут. Лукьянов. 1710—1 г. 34; могилушка умершая, Барс. Прич. I 20; умершее платьеце, *ib.* 116, вымершее имѣніе, вымершій участокъ (=выморочный), Подвысоцкій, Слов. Арх. нарѣч.; гремучій ручей, источникъ образовавшійся, по повѣрью, отъ громового удара; *ib.* Относительно грамматическаго выраженія (употребленія причастія) ср. И вокругъ кочующихъ шатровъ пасутся овцы Калмыковъ, Пушкин; (вывѣска), гдѣ нарисованъ былъ биллиардъ съ двумя игроками во фракахъ. Игроки были изображены съ прицѣпленными къ нимъ клямами, Гог. М. Д. Сидѣть у больной трудной постелюшки, Барс. Прич. I 46; не сидѣли мы у трудной у постелюшки, у тяжела крута складнаго сголовища, *ib.* 2; онъ былъ во тѣлоюй во постелюшкѣ *ib.* 137 (болень—трудень—тяжелъ—больной); небось ты меня братней пьяною Кир. П. III, 9 (какъ медь пьяный, пиво пьяное, мр. мед—пьяне чоло; серб. у пѣнаю механи, Пѣван. Црног. 41; два міешчета пива веселого. Іедан вина, а други ракије, *ib.* 311); мр. Ой черезъ гору бистра стеженка, ой ишла-ж нею (т. е. быстро) красна паянка, Гол. IV, 66; вр. Подите, мои родные, на мою свадьбу на младую, на младую, на глупую, Шейнъ, Р. и. п. 478; обидна богомольная, Барс. Прич. I, 45; Ты Снасъ и всемилолива Богородица, да прими-тко ты моленѣ пустынноѣ (молитву пустытника), Кир. П. III, 47; Ты подай намъ милостыню спасенную (=дающую подателю спасеніе), *ib.* III, 82; IV, 19; просить старъ человекъ милостыню благословенную, (за которую благословляютъ), *ib.* IV, 1; скоро стрянала стрянню я суетливую (=при которой много суеты), Барс. Пр. I, 27; Сиротать будутъ сиротны малы хѣтушки: Будуть дѣтушки на улочкѣ дурливыи, во избы-то сироты да хлопотливыи (=будуть причинять много хлопотъ), *ib.* 18, 47; Во этомъ ли сараѣ колесистомъ (гдѣ много колесъ), на этомъ ли дворѣ хоботистомъ (гдѣ много хоботовъ—хвостовъ, лошадей) *ib.* 21. Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ, Кир. III, 82 (говорящій чисто, которому свойственна чистая рѣчь). Глубокой островъ, около котораго можно становиться у берега на самыхъ большихъ судахъ. Сюда же случаи употребленія прилагательнаго, замѣняемаго позднѣе нарѣчіемъ, (ср. выше, стр. 170 et pass): А и сине море всколебалося, а и быстры рѣки розливалася, топятъ много (вм. многи) бусы-корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго, Кирша Дан. Кир. V, 45 (=напрасно, въ томъ смыслѣ, какъ смерть напрасная = пол. *pagła, niespodziewana*). Ср. „Снить умъ, можетъ быть обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ, Гог. М. Д.

Въ другихъ случаяхъ нѣтъ этихъ отгѣнковъ возможности и способности, а просто изображается данный признакъ независимо отъ своего возникновенія во времени, но такъ, что подкладкою этого значенія служитъ именно возникновеніе признака въ прошедшемъ. Современн. литературн. русск. пошлый значитъ тривіальный, постыло-обычный; слово это знаменуетъ разрывъ общества съ до-петровскимъ преданіемъ, ибо въ старинномъ языкѣ до XVII вѣка включительно пошлое—то что пошло, повелось, а потому входящее въ нормальный строй жизни, освященное ею и въ этомъ смыслѣ безупречное; здѣсь прилагательное еще весьма близко къ причастію. Нынѣшнее влр. дошлый въ значеніи дока, мастеръ, опытный, а равно и чеш. *doslý*, умный („*muž múdry neb nedošlý*“, Tom. ze Štit.) стоитъ ступеню дальше отъ причастія, какое мы находимъ въ старинномъ „неклените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ, недошелъ“, Лавр. 209, и современномъ влр. „умомъ недошелъ“, чѣмъ нынѣшнее прилагат. дошлый, о хлѣбѣ—спѣлый, о печеномъ—выкисшій, выпеченный, о звѣрѣ—выматорѣвшій, долинявшій. Однако и это послѣднее лишь весьма неточно передается причастіемъ прошедшимъ, такъ-какъ въ немъ время уже стерто.

6. Предлогъ въ отпричастномъ на -а поддерживаетъ его связь съ глаголомъ, и на-оборотъ, имена безпредложныя на -а скорѣе теряютъ всякое отношеніе къ глаголу. Конечно, есть такія безпредложныя и предложныя, между которыми въ этомъ отношеніи невидно разницы, а лишь въ другомъ, напр. рослый—высокій, и взрослый—совершеннолѣтній; однако въ большинствѣ случаевъ это не такъ. Сравнимъ напр. мерзлый и замерзлый, мозглый и промозглый, зяблый (говядина, дерево, лѣто зяблое—въ которое хлѣбъ побиваетъ морозомъ) и озяблый, горѣлый („горѣлымъ пахнетъ“—гарью, „живъ здоровъ, ни горѣлый, ни больной“, гдѣ „горѣлый“ синонимъ „больной“, какъ въ „горѣтъ—болѣтъ“) и при(у-, за-, по-)горѣлый (Христа ради, на погорѣлыхъ), кипѣлый (кипяченый, вареный) и накипѣлый, колѣлый (дохлый, палый) и околѣлый, линялый (о звѣрѣ) и полинялый и пр.

Этимъ предложнымъ формамъ, болѣе близкимъ къ причастію, чѣмъ соотвѣтственныя безпредложныя, по степени причастности равносильны такія предложныя, къ коимъ трудно или нельзя подобрать въ наличномъ языкѣ безпредложныя, напр. многочисленныя отпричастныя отъ гл. ѣк/ѣ: огрубѣлое тѣло, оголѣлый, загустѣлый, одурѣлый, ошалѣлый, оторопѣлый, осовѣлый, посоловѣлый, окостенѣлый, окоченѣлый, окаменѣлый, обледенѣлый, заиндевѣлый, закоптѣлый, окривѣлый, заплесневѣлый, осиротѣлый, наторѣлый, обрусѣлый; аѣ/а: захудалый. Даль сплошь и рядомъ переводить эти формы посредствомъ причастій прошедшихъ: „заиндевѣвшій“. Обойти такого объясненія нельзя; но русскій литер. языкъ считаетъ эти предложныя формы все-таки не

причастіями, и отдѣляетъ ихъ какъ отъ причастій на -шій, -вшій, такъ и отъ причастій на л-, способныхъ только къ тѣснѣйшему соединенію съ настоящимъ существительнаго глагола. Изъ опасенія смѣшавъ эту предложную форму съ причастіемъ, мы въ аппозиціи, благопріятствующей сохраненію причастнаго значенія, ставимъ вмѣсто нея причастіе на -ъ, -въ. Напр. кажется неловко сказать: „человѣкъ, возмужалый въ трудахъ и лишеніяхъ“ вмѣсто „возмужавшій“. Если же ставимъ въ аппозиціи такую форму, напр. „поля, запустѣлыя послѣ нашествія непріятели“, то принимаемъ ее за прилагательное, какъ въ „мальчикъ, блѣдный отъ страха“. Прилагательныя на -л, болѣе уда- 147
ленныя отъ причастія, мы смѣло ставимъ и атрибутивно и предикативно, напр. говоримъ „смѣлый человѣкъ“, но и (производя, по вышесказанному, безчленную форму отъ членной) „онъ—смѣлъ“. Въ послѣднемъ случаѣ мы небоимся смѣшавъ это прилагательное съ предикативнымъ причастіемъ „онъ смѣлъ сказать“. Наше опасеніе смѣшавъ предложную отричастную форму съ причастіемъ (въ силу котораго мы отъ этого предложнаго прилагат. вовсе не образуемъ безчленной формы и въ случаяхъ, какъ „онъ одурѣлъ отъ хлопотъ“, всегда разумѣемъ причастіе съ подразумѣваемымъ глаг. вспомогат.) вытекаетъ изъ чутья близости предложнаго прилагательнаго къ причастію.

Русскій языкъ, образовавши дѣепричастія изъ прич. безчленныхъ аппозитивныхъ на -ъ, въ (пришедши, давши) и (книжный яз.) сохранивши аппозитивность этихъ причастій въ членной формѣ (пришедшій, давшій), съ другой стороны чуждается аппозитивнаго употребленія не только безчленныхъ, но и членныхъ формъ причастія на -л. Уже въ древнемъ языкѣ случаи аппозитивности причастія на -л рѣдки или сомнительны. Въ Изб. 1073, 40: „аште бѣдетъ кѣто старѣ или немоштѣнъ и отънемоглѣса, ти (=и) неможеть чър'ньць быти... то како тѣ можеть покаятиса и съспасти?“ причастіе входитъ въ составъ сказуемаго: „аште бѣдетъ отънемоглѣса“. Вѣроятнѣе аппозитивность формы на -л въ случаяхъ, гдѣ удобно замѣнить ее нынѣшнимъ (книжн.) прич. аппозитивнымъ на -шій, -вшій или дѣеприч.: „милостыни, съв(ъ)купилася (=совокупившия, соединенная) съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ человѣка“, (Новг. I, 60); бѣси въпяху: „кто се есть царь славы, съ толикою на ны пришелъ (пришедшій?) властію?“ Кир. Тур., Калайд. 38—9. И ту-же-гора камен[н]а[я] плоска, просѣлася (вар. ра[з]сѣлася) въ распятіе (=во время..) Христово, Дан. Паломн. ред. Норов. 18. А будетъ невѣста пришла за него замуж, дѣвства своего несохранила (=несохранивши), и онъ имъ, отцу и матерѣ, за то пеняеть, Котош. 127. А ежели за того человѣка невѣста придетъ, дѣвства своего несохранила, и тотъ женихъ... къ царю челомъ ударить неѣздить, ів. Да съ тое березы вешнею водоточью—на дорогу, а на дорогѣ стоятъ двѣ березы, выросли изъ одного корени, а на тѣхъ

березахъ грани тесаны, 1600, Ак. отн. до юр. б. II, 461. На сторонѣ. стоитъ три олхѣ, сростли съ одного коренѣ, и которая олха къ рѣкѣ Сяси, и на той олхѣ высѣченъ крестъ вновь... надъ ручьемъ стоитъ ель, наклонна къ востоку 1678, ib. 161. Въ послѣднихъ 2-хъ случаяхъ окончаніе мн. ч. -ли, усвоенное для всѣхъ родовъ только причастіи входящаго въ сказуемое: „выросли“ (суть). Въ мр. „менша сестра, літ недоросла, та-ж мені їхать не звеліла“ или „єсть у мене сестра, менша д'мене зросла, от-та мені їхать незвеліла (н. п.), въ обоихъ случаяхъ глагольныя сказуемыя предложеній, въ коихъ бессоюзность даетъ тотъ же результатъ, что и употребленіе союза: єсть у мене сестра, що найменша зросла, отта и пр. Метл. 32. „Тамъ за Лопаньню, заразы за річку, де тепер хороші і великі хорони, тамъ були озера, очеретом порослі. Квітка, Щира Люб.

- 141 Буслаевъ говоритъ: „старинные писатели удачно употребляли прошедшее время изъявительнаго наклоненія на -лъ, вмѣсто несвойственнаго нашей рѣчи (т. е. просторѣчию) причастія на -шій, на пр. „гонъ (=огонъ, хвостъ) крѣпкой, короткой и неповислой и никуда на сторону нескинулся (вм. нескинувшійся), или на спину кольцомъ незавернулся (вм. незавернувшійся), Грам. § 198, Прим. 2. Будь нескинулся поставлено атрибутивно, въ такомъ же грамматическомъ значеніи, какъ повислой, оно немогло бы имѣть возвратнаго мѣстоименія. Если Б., называя нескинулся и пр. прошедшимъ временемъ, признаетъ, что здѣсь при причастіи опущенъ вспомогательный глаголь, сообщившій ему силу первостепеннаго сказуемаго и выдвинувшій его изъ ряда атрибутовъ, то это совершенно справедливо; но въ такомъ случаѣ обороты „гонъ нескинулся“ и „нескинувшійся“—грамматически разнородны и неравносильны. Нѣкоторую неясность вноситъ сюда ссылка на § 189, гдѣ сказано: прошедшее время, какъ причастіе прошедшее, можетъ сочетаться съ глаголомъ настоящаго (или будущаго) времени. Въ такомъ случаѣ должно отличать предложеніе главное, обозначенное глаголомъ, т. е. настоящимъ или будущимъ временемъ, отъ предложенія придаточнаго, т. е. прошедшаго времени, которое есть не что
- 142 иное, какъ причастіе, впрочемъ съ придачею своего собственнаго отѣнка, потому что это причастіе принимается у насъ уже за изъявительное наклоненіе. Напр. „истокъ заросъ хвощемъ, стоитъ тихо“ (т. е. какъ бы заросшій хвощемъ, стоитъ—), Шуйск. Ак. 1677; „...молода княгиня испужалася, а и больно она передрогнула, посылаетъ стольниковъ и чашниковъ“ (т. е. испугавшись и передрогнувъ посылаетъ), Др. р. ст.; „сскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ“ (т. е. соскочивъ бьетъ), ib.; „пролегла лежитъ широкая дороженька“, нар. п.; „леталъ голубъ по долинѣ, самъ воркуетъ“, н. п.; „опомнилась, глядитъ Татьяна“; Арнауты) „овладѣли городскими батареями, бунтуютъ“, Пушкинъ.

Терминъ „сочетаніе“ употребленъ Буслаевымъ выше не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его нерѣдко употребляемъ, то есть не въ смыслѣ соединенія въ одинъ двухъ членовъ простаго предложенія, напр. глагола и именительнаго втораго въ одно составное сказуемое, а въ смыслѣ извѣстнаго отношенія двухъ сказуемыхъ, двухъ предложеній. Но въ такомъ случаѣ, что значить настойчивость, съ которою Б. смотритъ здѣсь на прошедшее время какъ на причастіе и не что другое? Эта форма именно потому принимается у насъ за прошед. изъяв. накл., что съ давнихъ поръ въ ней причастіе перестало разсматриваться само по себѣ, что оно не есть причастіе, а тѣснѣйшее соединенія причастія и вспомогательнаго глагола, по предикативной силѣ совершенно равное временамъ настоящему и будущему. Въ этомъ отношеніи случай „истокъ заросъ.. стоитъ“ совершенно равенъ съ тѣми, въ которыхъ Б. считаетъ форму на -лъ за „самостоятельное прошед. вр. изъяв. накл.“ и въ которыхъ эта форма отдѣлена отъ настоящаго или будущаго союзомъ: парусъ вздулся и шумитъ (Гр. § 189, 2). Въ „опомнилась, глядитъ Т.“ разница, такъ сказать, свѣта и тѣни между сказуемыми безъ сомнѣнія есть, и въ этомъ отношеніи наблюденіе Б. имѣетъ для насъ 143 цѣну; но эта разница зависитъ не отъ того, что одно предложеніе придаточное, въ томъ смыслѣ, въ какомъ такъ называютъ оборотъ съ дѣепричастіемъ, а другое главное, а отъ разницы во времени равносильныхъ сказуемыхъ. Подставивши вмѣсто этого выраженія толкованіе „опомнившись глядитъ“, поступимъ произвольно, сотремъ съ выраженія печать времени, къ коему оно относится по характеру. Опираясь на такой прецедентъ, въ правѣ будемъ пойти въ томъ же направленіи дальше и судить о грамматическихъ отношеніяхъ не потому, какъ они представлены въ данномъ случаѣ, а независимо отъ этого, по ихъ переводамъ. Напр. скажемъ, что главное и придаточное различаются и въ случаяхъ, какъ „скоро пошла по двору своему, а идетъ по двору шатается, сама больно закручинилась“ (Др. р. ст. 1818 г. 150) = прошедши, идетъ шатаясь, закручинившись. Между тѣмъ въ былинныхъ стихахъ не три дѣйствія представлены обстоятельствами четвертаго, а всѣ четыре въ предикативномъ отношеніи равносильны. Замѣчу еще, что второстепенное съ нашей точки и выражаемое нами безглагольно, въ старинномъ языкѣ можетъ быть обозначено не только такъ, какъ въ „истокъ заросъ, стоитъ“, но и обратно, такъ, что нашему причастію соотвѣтствуетъ глаголъ въ наст. вр. Такъ въ начальной формулѣ купчихъ XVII: се язъ N, живу своимъ дворомъ (=живущій), продалъ есми... (Ак. отн. до Ю. Б. II 435—445).

Здѣсь русскій языкъ весьма замѣтно отличается отъ польскаго и 147 чешскаго.

Въ польскомъ, по возникновеніи дѣепричастій изъ причастій на -ъ, -въ, эти причастія становятся рѣдки и за-тѣмъ совсѣмъ исчезаютъ. Уже

Потебня, Изъ зап. по русс. грамматикѣ. 16

148 въ XV в. онѣ встрѣчаются не часто: s winą piąćnadzieścia oblawszą (т. е. oblaw się—облѣявъ са) czirwonością, to jest se sromem wrocieć ima, 1449, Ks. Ust. 70, гдѣ однако можетъ быть уже и дѣепричастіе; позднѣе „wielka liczba chrześcian, bezbożnie żywszych i bez pokuty umarłych“ (изъ книги, печатанной готич. шрифтомъ); bywszego (Linde, bywszy), П. Лавровскій, Объ этимол. особ. стар. яз. польск. 42. Въ-замѣнъ этой потери членныя формы на -л, въ качествѣ атрибутовъ и аппозицій, и донынѣ сохраняютъ причастное значеніе:

Gdyż wszystkie ustawienia i statuta układają rzeczam a dziejaam przydającym (приидушимъ, будущимъ), nie przeminiałym (минувшимъ), chcemy... 1449, Ks. Ust. 15—gdyż statuta nie są ani mają być przypisany rzeczam minęłym (ib.); iże przekonany w sądzie zyskałemu (выигравшему) ma dosyć uczynić 1449, ib. 17; obyczaj jest w sądzie Polskem, iż sędzia, ot kogo otzywają (на рѣшеніе коего апеллируютъ), pirwiej niechce ani ma swego bronić skazania, aliż pirwiej przez stroną otezwałą (апеллировавшею стороною) trzy grzywny alibo kunie łupieże, to jest kozuch, jemu będą dany, ib. 70; o dąbiech.. przy których kole wodach ciekących urosłych (выросшихъ) ib. 74; woźny.. kmieci, co kole jich jest niestałych (неявившихся), każdego janym wołem poadzać może, ib. 28. Въ нынѣшнемъ языкѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ прилагательныхъ, причастія прошедшія: majetność, w zastawie do siebie przepadła (имѣніе доставшееся тебѣ въ качествѣ залога); syn jego, jeszcze na ten czas niezarośli (не обросшій бородою); ogień, wybuchły z iskry (вспыхнувшій); człowiek, niedawno zmarły (умершій); ciasto dobrze wykisiałe (выкисшее); ziemia wyschła, wypragła, wyrzała (высохшая и пр.) и мн. др., нынѣ—исключительно отъ глаголовъ предложныхъ среднихъ, какъ zstarzały, zgnęźniały, zniszczały, wywietrzały, zdrętwiały, zmęźniały, zniewiesciały, zdziecinniały, zwątlały и пр., соотвѣтствующія нестолько, нашимъ какъ 149 устарѣлый, сколько нашимъ устарѣвшій. Этихъ причастій неслѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, которыя уже лишены отношенія къ прошедшему времени и передаются нашимъ причастіемъ настоящимъ, или прилагательнымъ отпричастнымъ: siało, podległe chorobie (подлежащее, подверженное). Подобное употребленіе прич. на -л членныхъ въ стар. западн. и южн. рус. письменномъ яз.—изъ польскаго: „а мое зась войско, zostалоє (= оставшееся) подъ Берестечкомъ.. сами безъ орди., знявшия, просто поишли“, Лѣт. самовид. 26.

Въ чешскомъ, хотя членная ф. прич. прош. на -ъ, -въ и употребительна (prohřavším, roztrhavším, Zikm. Sklad. 679, Hattala, Srovn. Ml. 95), однако и членная ф. на -л въ значеніи причастія, по видимому, неменѣе употребительна, чѣмъ въ польскомъ: lidu, dobře na moři bojovati zvyklého (привыкшаго); slovo, z rozumných ust pošlé (исшедшее); zrnse, dřive zahynulé (погибшее), vzrostlo и пр. Zikm. ib. 662—4.

7. Весьма вѣроятно, что нѣкогда предикативное причастіе на -лъ не только свободно могло сочетаться съ ѣсмь, бѣхъ, быхъ, бѣахъ, бѣдѣ, но и съ другими глаголами, допускавшими сочетаніе со вторымъ именительнымъ причастіемъ. Въ то время, съ одной стороны, въ этомъ отношеніи небыло разницы между причастіями на -лъ и другими причастіями, съ другой—между ѣсмь и проч. и другими глаголами, способными быть частью сказуемаго, была только лексическая, а не грамматическая, не формальная разница. Но уже въ древнихъ памятникахъ весьма рѣдки примѣры, подобные слѣдующимъ: „рече Господь: иже ѣсть на ма твѣрдѣ срдцѣмъ, да ѣсть мяса и вино пиѣтъ, аще чюется къ Богу прѣдалъ“, XII в. Срезн. Свѣд. и зам. ЛП, 109; „се же створи Святославъ одинъ безъ Олга и творяшеся добро учинилъ, а на болшую пакость Олгу и собѣ“, Лавр. 207. Ср. серб.. ко виђе, чини с' невидио, „Ко чујаше, нечуо се чини“, нар. гѣс. Ср. Пѣв. церн. 6. Быть можетъ, впрочемъ, „творяшеся учинилъ“ слѣдуетъ приниматьъ уже не за одно составное сказуемое, какъ „творяшеся учинивъ“, а за два „творяшеся, учинилъ ѣсть“. По крайней мѣрѣ въ болѣе позднемъ языкѣ такому пониманію слѣдуетъ отдать рѣшительное 150 предпочтеніе.

„А идетъ подвору шатается,
Сама больно закручинилася“.

Увидавши ее, сынъ спрашиваетъ: „что ты, сударыня, идешь закручинилася?“ (Др. р. ст. 150). Г. Буслаевъ объясняетъ: „т. е. закручинившись“ (Гр. § 189); но слѣдуетъ читать „идешь, закручинилася“, т. е. предполагать ощущеніе глагола, въ то время составляющее уже правило.

Общій выводъ тотъ, что русскій литературный языкъ, переведши атрибутивное и аппозитивное причастіе на -лъ въ область прилагательнаго и ограничивши это причастіе кругомъ предикативности, въ самомъ этомъ кругу даетъ причастію -л сочетаться не со вспомогательными глаголами въ обширномъ смыслѣ, а лишь съ немногими формами глагола существительнаго, позднѣе съ однимъ настѣвающимъ.

Вытекающая отсюда исключительность положенія настоящаго времени существительнаго глагола указываетъ на то, что въ немъ языкъ возвысился до понятія чисто-формальной предикативной связки (ср. Введеніе стр. 112—4).

8. Сочетаніе причастія -л съ настоящимъ временемъ ѣсмь и проч.

А. Въ стар. русскомъ вспомогательный глаголь обыченъ здѣсь во всѣхъ лицахъ, неисключая 3-го ед. и мн., притомъ какъ передъ причастіемъ, такъ и послѣ него: невѣдѣ, у кого ѣсмь купилъ, Русс. пр.

по сп. XIII в. (Русс. Дост. 1, 36); взялъ ѣсмь... то же ѣсмь не даромъ далъ, Духовн. Новг. 1270 (Срезн. Свѣд. и зам. IV, 38) и т. д. въ послѣдующіе вѣка, на пр. купилъ есмь, 1527, Ак. отн. до Ю. б. Далъ ѣсми (съ XIII в.): „брате, являю ти, на Ольговичи есми ходилъ къ Чернигову и на Олговѣ есми стоялъ и много есмь имъ зла учинилъ и землю ихъ повоевалъ есмь, Ип. 37 (255); се я Кн(я)гиня Ольгкирдовая Оульяния оуоставила ѣсми.. ок. 1377, Срезн. Др. п. 110; позволи есми, Полоц. гр. 1396 (?), ib. 129 (ib. писана бысти); позычилъ есми, челоб. Констант. Острож. 1508. А. З. Р. II 57, такъ и позднѣе до XVII в. включительно, рядомъ съ ѣсмь: промѣнилъ есми (1612), продалъ есми (1666) и пр.

Далъ еси — съ древнѣйшихъ памятниковъ и до XVII—XVIII в.: вѣдъ еси в(ъ)зялъ, Русс. пр. по сп. XIII в. и пр. Б. м. уже въ XIII в. на Волини, за долго до начала польскаго вліянія, появляется -лъ есь. Если бы эти формы внесены были въ Ип. л. позднѣйшимъ переписчикомъ, то они встрѣтились бы раньше разсказа о событіяхъ второй половины XIII в.: „Брате! ты мене ни на полону ялъ, ни копьемъ мя еси добылъ, ни изъ городовъ моихъ выбилъ мя есь, ратью пришедъ на мя, оже сяко чиниши надо мною. Ты ми братъ есь. Ип. 214 (593); „реклъ ми есь былъ, в Ляхохъ коли есмь (= есми, т. е. есмы) былъ, ib. 215 (594); князь ти молвить: с чимъ есь приѣхалъ, повѣжь, ib. 217 (598); осе пакъ мой, рци, отецъ, а твой стрый, лежитъ во епископы у святой Богородици в Володимерѣ, а много-ль есь над нимъ свѣчь поставилъ? что есь далъ который городъ, абы то свѣча была? ib. 218 (601); аже чего еси хотѣлъ, чему есь тогда со мною немолвилъ при царѣхъ? А повѣж ми то, самъ ли есь въ Бѣресты сѣлъ своею волею, цили велениемъ отца своего, а бы-мъ вѣдомо было, ib. 224 (611). Также и при сочетаніи съ сущ. и прилагательнымъ: ты уже не братъ еси брату своему, но ратьный есь ему, ib. 199 (503), подъ 1261 г.; „жалую, рци, Богу и тобѣ, за не ми, рци, есь по Бозѣ братъ ми есь старѣйшій, ib. 224 (611). Въ звуковомъ отношеніи съ этимъ есь равносильны въ томъ же памятникѣ мь изъ ми и ть (сходное съ пол. -ć въ to-ć, но незамствованное): Левъ рече Володимеру: „такъ и гораздо, оже еси далъ; мнѣ под нимъ ци искати по твоємъ животѣ? А вси ходимъ подъ Богомъ. Абы-мъ далъ Богъ и своимъ мочи изволѣти въ се время“, ib. 213 (591); абы ты, господине, здоровъ былъ, а болшая-мъ надежа по тобѣ, ib. 214 (593); и нача молвити (Володимеръ) княгини своей и бояромъ: „хотѣлъ быхъ доѣхати до Любомля, за-не досадила-мъ погань си“ (т. е. татары), а человекъ есмь боленъ, ни я с ними могу повѣстити.. а прояли-мъ уже и на печенехъ (= мр. вони мені до печінокъ доняли, в. вони мені вже в печінкахъ сидять) 214 (522); нѣкто отъ слугъ его (Данила короля) вшедъ нача повѣдати сице: „о господине! людье кацѣ-се (мр. якісь) їдутъ за щиты со сулицами, а конѣ с ними

поводный". Король же от радости воскочивъ... рече: „слава тобѣ господи! то-тъ Василко побѣдилъ Литву!“ *ib.* 200 (566); неотдать еѣ (Изяславы) неволею ни за кого-же, но кдѣ будетъ княгинѣ моей любо, туто-тъ ю дати, *ib.* 216 (595); слуги.. повѣдаша ему: „владыка, господине, приѣхалъ“. Онъ же рече: „который владыка?“ Они же повѣдаша: „Перемышлеский. Ѣздитъ отъ брата-тъ, ото Лва“. Володимѣръ же бѣ разумѣа древняя и задняя, на што приѣх(ал)ъ, посла по него, *ib.* 218 (600). Во всемъ этомъ слышится живая юго-западная рѣчь XIII в., уже, я полагаю, кое въ чемъ отличная отъ тогдашней рѣчи приидѣпровья. Между прочимъ частица ци (вост. мр. чи) и теперь отъ Брестскаго у Гродн. г. и далѣе на югъ въ Галичину.

— Далъ ѣсть: рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ (Лавр.); Павелъ училъ есть языкъ Словѣнескъ и поставилъ есть епископа (*ib.*); умрѣлъ есть (*ib.*); то есть было прежде дѣдъ нашихъ, *Ип.* 38 (256); Батый воротилъся есть изо Угоръ и отрядилъ есть на тя два богатыря возискати тебе, Манъмана и Балаа, *ib.* 180 (528) и пр.

— Дала ѣсвѣ: рядили (вм. ла) ся есвѣ, нес(ъ)творила ѣсвѣ, рекла есвѣ, *Поуч. Моном. Лавр.*² 245; се есвѣ зачала дѣло зло, а свершивѣ до конца, *Ип.* 25 (235); есвѣ рекла, *ib.* 57 (291); позвалѣ (=ли) есвѣ оба, *ib.* 77 (329) и пр.; поздѣте—ѣсва: язъ и-своимъ братомъ Скиргайломъ.. то ѣсва по слову учинила и доспѣла ѣсва монастырь.. и прилучила ѣсва к цркви по вѣки.. *Грам. Ягайла 1387, Срезн. Др. пам.* 267.

— Дала ѣста: повѣдаша ему, яко два кудесника избила многы жены ...и пришла еста сѣмо, *Лавр.*¹ 75 (2, 171); како еста была у брата моего, тако же будета и у мене, *Ип.* 23 (231); того васъ есмь бороня и неправилъ себе, оже мя переобидила и.. бещестье на мене еста положила.. то-ти ни мнѣ еста неуправила, еже рекша, по Богови, *ib.* 61 (297—8) и пр.

— Дали ѣсмъ (съ ъ), если и встрѣчается въ русс. памятникахъ, то очень рѣдко. Обыкновенно -ли ѣсмы, не позже чѣмъ съ XIII в.: платили ѣсмы, тѣхъ (треѣ двор(ъ)ць)ся ѣсмы отступили, потаили ѣсмы, *Новг. Гр.* 1262—3. Такъ и продолжается въ XIV и XV в., съ одной стороны въ памятникахъ западныхъ и южныхъ (умыслили ѣсмы, нялися ѣсмы и пр., *гр. Ягайла 1387, Срезн. Др. пам.*; дали ѣсмы, *Галиц. гр.* 1398; учинили ѣсмы, *Галиц. гр.* 1401), съ другой — въ сѣверныхъ и восточныхъ (ѣсмы положили, *Новг. гр.* 1371; послали ѣсмы, *догов. гр. Дм. Ив.* 1372 и пр.). Иногда: есми цѣловали, что есми взяли твоего, а то ти возворотимъ, *Ип.* 25, 30 (рядомъ съ есме) и такъ довольно часто еще въ *вр. грам.* XVII в. (поручились есми, выручили есми, 1678, 1690, *Ак. отн. до Ю. Б. II, 813—8* и пр.). Дали ѣсме: се есмы путь замыслили великъ.. хрестъ есме цѣловали, *Ип.* 31 (244) и пр.; ѣсме дали, *Новг. гр.* 1264; приготовилися есме были и рекли есме не-

чювали, Риж. гр. 1300, Срезн. Др. п.; скончали єсме, Риж. гр. 1405; єсме послали, Полоц. гр. 1405. Въ XIV в. въ вр. пам. появляется єсмья: с тыхъ єсмья спустили на зень, Новг. гр. 1375, Срезн. Др. п.; такъ и въ слѣдующіе вѣка до XVII включительно: всѣ есмья поручики, поручилися есмья по N (1642—67, Ак. отн. до Ю. Б. II, 87 et pass.). Непозже XIV въ южн. и западн. пам.—єсмо (Ср. мои Зам. о мр. нар. 15—8): дали єсмо, гр. Подольск. кн. 1375, Срезн. Др. нам.; продали єсмо, гр. Холмск. кн. 1376, ib.; есмо писали, Полоц. гр. 1465; продали есмо, Вилен. гр. 1512 и т. д.

— Дали єсте въ Лавр., Ип. pass.; єсте присылали, Новг. 1294, єсте были, Новг. гр. 1297; позднѣе, вѣроятно одновременно съ єсмья, вр. естя.

— Дали суть: что суть вѣдали, покрыли суть, наняли суть, Лавр., Ип. pass.

Крайне ошибочно думать, что это сочетанія не русскія, или только книжныя, занесенныя извнѣ.

- 151 Б. „Эти описательныя формы, говоритъ Буслаевъ, удержались въ нашемъ языкѣ до позднѣйшаго времени потому, что 1-е и 2-е лица ед. и мн. вспомогательнаго глагола, потерявъ силу глагола, означали лица и употреблялись, такимъ образомъ, вмѣсто мѣстоименій 1-го и 2-го лица, т. е. есмь вм. я, єси вм. ты. Потому въ позднѣйшихъ памятникахъ при вспомогательномъ глаголѣ 1-го и 2-го лица рѣже употребляется личное мѣстоименіе, нежели въ древнѣйшихъ; сличи напр. „дѣла есмь“, „ночевала еси, была еси“ (Домострой) съ „ты пробиль єси“, „ты лелѣяль еси“ (Сл. о п. И.), Гр. § 177. пр. I. На это замѣчу, что примѣры эти неудачны, такъ какъ причина употребленія личнаго мѣст. въ „ты пробиль єси“ заключается въ томъ, что на это слово падаетъ сила рѣчи, что оно знаменательно и его отсутствіе измѣнило бы смыслъ
- 152 выраженія. Въ такомъ случаѣ личное мѣст. стоитъ и въ языкѣ XVI—XVII вѣк., напр. се азъ продалъ еси (Ак. отн. до Ю. Б. II 402, 1666 г.), се язъ да язъ.. продали есмья..“, а вмѣсто этого: се азъ N продалъ я (1690—1, ib. 281, 405), се азъ.. да язъ.. продали мы (1680, ib. 464). Употребленіе єсмь вм. язъ можно усмотрѣть развѣ въ случаяхъ, какъ „Язъ князь великій Олегъ Ивановичъ, сгадавъ єсмь (т. е. сгадавъ язъ, съ язъ плеонастич.) съ своимъ оцемъ съ владыкою.. далъ єсмь, гр. Ряз. 1356, Срезн. Др. п. Утвержденіе, что есмь, еси теряютъ съ теченіемъ времени силу глагола, должно быть имѣнено такимъ образомъ: слова эти теряютъ вещественное значеніе, становятся формальными, но остаются все таки глаголами, предикативными связками, и даже опускаясь сообщаютъ причастію предикативную силу. Объ одномъ случаѣ, когда -те изъ єсте дѣйствительно, хоть нестановится самостоятельнымъ мѣстоим., но входитъ въ составъ мѣстоименія, будетъ сказано ниже. Такъ какъ опущенія есмь, еси и пр. съ теченіемъ вре-

мени становятся все чаще, то все чаще становится необходимо употреблять мѣстоименіе личное, какъ чисто-формальное слово, какъ знакъ лица, невносящій въ предложеніе никакого вещественнаго содержанія. Въ „язь дала ѣсмь“ „язь“ можетъ стоять, п. ч. съ „этимъ словомъ“ можетъ быть связано значеніе „я, а не другая“, но можетъ и нестоять; но въ „я дала“ „я“ должно стоять во всякомъ случаѣ, такъ какъ безъ него лицо сказуемаго nebudeтъ обозначено. Такимъ образомъ употребленіе личныхъ мѣстоименій при прич. -лъ по направленію къ нашему времени учащается, и въ этомъ прогрессѣ никакой вѣкъ изъ среднихъ между нашимъ временемъ и временемъ древнѣйшихъ памятниковъ русск. письменности не составляетъ исключенія.

В. Такъ какъ имя вообще, а въ частности причастіе, само по себѣ есть третье лицо, то легче всего неставить вспомогательнаго глагола именно въ 3-мъ лицѣ. Въ этомъ различные языки сходятся между собою болѣе, чѣмъ въ опущеніи глагола въ другихъ лицахъ. Такъ, въ санскритѣ 3-е л. глагола ас- (=ас) опускается при прич. страд. на -та, прич. прош. на -вант, причастіи на -тар (=латин. tur-us), которое съ асми и пр. получаетъ значеніе будущаго: дâtâсми (=дâtâr асми), дâtâси, но въ 3-мъ лицѣ трехъ чисель—именит. пад. муж. р. 153 дâtâ (ед.), дâtârâу (дв.), дâtâрас (мн.) безъ соотвѣтственныхъ формъ глагола ас означаетъ daturus, -а, -um est и пр. Подобно этому и въ новоперсидскомъ (Ворр. V. Gr. §§ 513, 627, 646).

Такъ и въ славянскихъ нарѣчіяхъ отсутствіе вспомогательнаго ѣс вообще и въ-частности въ сочетаніи съ прич. -л начинается съ третьяго лица ед. ч. Случаи отсутствія этого лица встрѣчаются уже въ ст.-сл. памятникахъ напр. часты въ Супр. рки. (Mikl. V. Gr. III, 170, IV, 801; Бусл. Gr. § 202, пр. 1). Въ хорут., серб. болг. опускается только ѣсть, а не другія лица. Въ польскомъ теперь при byłem, byłeś, byliśmy, byliście, въ 3-мъ лицѣ возможны только формы był, byli, съ опущеннымъ jest, są. Хотя это опущеніе встрѣчается уже въ XIII в. (rozcoża mō matka matka moja, 1290, Maciej. Dod. 4), но еще и въ XV, XVI обычны случаи наличности глагола: skarzył jest (1449, Ks. Ust. 43), gdy niewiedzą tego, jest jen go ranił (ib. 53=иже ѣсть ѣ ранил), jest go uranił (1503, ib. 34), zaprzął się jest, 38, obyкли są, 1449, ib. 45, są zbiegli, 57; wyszli są, 58.

Отсутствіе ѣсть въ русскихъ памятникахъ, начиная съ древнѣйшихъ, столь часто, что излишне было бы умножать примѣры. Довольно указать на надпись Тмутороканскаго камня („Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду“, 1068 г. Срезн. Др. пам. Р. п. 15), грамоту 1192 (ib.), Смоленскую грамоту 1224 (умьрль, та два были, ѣхали). Въ Новг. грамотахъ XIII—XIV в. ѣсть при -лъ опускается уже постоянно, но ѣси, ѣсме удерживаются. Есть случаи опущенія ѣсть при удержаніи сутъ: „дивно ли,

оже мужь умерль в полку ти? Лѣнше суть измерли и роди наши, Момом., Лавр. ² 245. Впрочемъ и опущеніе суть уже въ XIII в. (гр. 1229, 1284 и др.) обычно. Опущеніе ѣста: а иже-то распустилася малжена.. что тѣмъ опитемъ? Впраш. Кюр., Калайд. 192. Сравнительно рѣже, но тоже обыкновенны опущенія 1-го л. ед. ѣсмь: язъ даль рукою своею, 1130 г. Срезн. ів.; не язъ почаль братью бити, но онь, Лавр. 33; ци я се сотворилъ, ли въ моемъ городѣ? я ся самъ бояль; ів. 113; язъ яль ворога вашего.. язъ вашъ царь, Новг. I, 27 и пр. (Бусл. Гр. § 187, пр. 2). Еще рѣже въ этихъ памятникахъ опущены гл. вспомогат. въ другихъ лицахъ: вѣ даяла, Лавр. ² 245.

Г. Въ вр. говорахъ еси при -лъ (кромѣ нижеупомянутыхъ случаевъ „гой еси“), встрѣчавшееся въ памятникахъ письменныхъ и пѣсняхъ еще въ XVII в. (побѣжалъ еси, собака крымской царь, не путемъ еси, не дорогою, п. Рич. Джемса) теперь по видимому исчезло. Есть съ -лъ изрѣдка, какъ архаизмъ. Бусл. (Гр. § 202, пр. 3) приводитъ изъ Рыбн. II, 110, „либо батюшко мой померъ есть“. Ср. также: >буйны вѣтрышки вѣдь е да поразвіялись, уже вкрутѣ тутъ волна да расходилася, Барс. Прич. I, 261. Уже въ XVII в. (мы) дали есть (Шам. ст. р. л-ры II, 415); (они) есть поѣхали изъ града вонъ (ів. 314). Это е (срв. есь(ть), есть) при прич. -лъ —и въ значеніи 2 л. ед. и мн.: неустали твои бѣлы тамъ рученьки: не работунку сегодня работала е, за кудрявой деревиночкой стояла все, Барс. ів 41; гдѣ тонули вѣдь вы е да на синемъ морѣ ів. 261; какъ полное сказуемое и какъ связка при сущ. и прилаг. есть, свр. есь и есть—во всѣхъ лицахъ ед. и мн.: я есть, мы есть, они есть (Бусл. § 202, 2, пр. 3); я вдова теперь е да молодешенька, Барс. ів. 25; я незнаю.. кое день, кое темная е ноченька, ів. 12; ой скажите.. ужо гдѣ да е спацьлива моя матушка, ів. 85; есь ли въ живности сердечно у ихъ дитятко? ів. 88; на словахъ оны купцы да вѣдь учоны, на лицо оны вѣдь е да всѣ ласкѣвыи, ів. 25. Иногда—плеонастически: я небрезгую вѣдь смерть да душегубица я не (=ни) ницимъ вѣдь есть да не прохожимъ, ів. 4; Сама знаю, сама вѣдаю, што ты есь да снаряжаешся какъ во эту во дороженьку, ів. 45.

154 Д. Въ восточномъ млр.—еси и въ пѣсняхъ, и въ просторѣчїи: сотворив еси, Квитка; казав еси, Метл. 111 (ів. „казав же ти“); рѣже есте „а те й забули есте, що пак справникъ повелївав“ Квит. Коз. Д. Тоже и при именахъ въ сказуемомъ: „Харькове, Харькове, славний еси город, та нічого въ тобі їсти“, Купала на Йвана, 11. 3-е л. ед. есть, е при причастїи на л постоянно опускается, несмотря на то, что оно при именахъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ влр. говорахъ и литерат. языкѣ: „Ой чи єсть ясний місяць на зорі, ой чи єсть господарь на дворї? Метл. 137 (ясный ли это мѣсяцъ, или..); не єсть бо то лебедочка, тож моя да Марусеньба, ів. 175; ой неєсть то братик, татарчук, що про-

дав сестрицу за канчук (Сб. пам. свз. кр. 212); мужича правда єсть колюча, Котляр. 2-е л. мн. ч. єсте изрѣдка встрѣчается при именахъ („просимо у госпѣду, коли справди добрі єсте дюдє, Куп. на Йв. 45); но при прич. лъ его неслышно, равно какъ и 3 л. мн. ч.

Е. Въ сѣверо-западныхъ предѣлахъ млр. нарѣчія находимъ слѣдующее:

а) 1-е л. ед. ч. въ видѣ -м: єще-м я молодой незрадив никого (Сб. пам. свз. кр. 149) и рядомъ съ этимъ отсутствіе этого знака: Ой не жаль же мні трусѣвого пера, що я є (=польск. со'm je) упустив, оно мні жаль теї дівчини, що (польск. со'm) лайдакови спустив, ib. 150.

б) 2 л. ед. єсь: ой ти дівчино перебурниця, много єсь перебрала (Брест. у. Грод., ib. 147); ой казав же єсь, муї батеньку, що незабудеш ти мене, ib. 204. Ср. выше (стр. 247) въ Ип. л.

в) 3-го лица ед. неслышно, какъ и въ вост. млр.

г) 1-е л. мн. казали єсьмо? -сьмо?

д) 2 л. мн. -те (изъ єсте) въ Кобрин. Брест. у. Гродн. г. заслуживаетъ вниманія. Несмотря на свою энклитичность, оно можетъ показаться знаменательнымъ словомъ и сказуемымъ: постигите, гуси, я вас запитаю, з якого ви-те (польск. z jakiego ście) краю? чи не с того ви-те (польск. s tego-ście) краю, скіль я милого маю, Сб. п. свз. кр. 55. Оно же при прич. -лъ: уже ви-те нагулялися по полю, ib. 152; чи варто, щоби ви-те слухали, ib. 31. Въ польскомъ здѣсь, какъ и выше, -ście или вовсе безъ личнаго мѣстоименія (jużeście, żebyście, abyście zrobili), или съ нимъ, но вовсе не непременно наклоняясь на него: со ście wy zrobili. Въ обоихъ случаяхъ те въ ви-те очевидно изъ єсте. Съ начала не єсте становится мѣстоимѣніемъ, а наоборотъ, достигши формальнаго значенія связки, оно, сливаясь съ мѣстоименіемъ, сообщаетъ этому послѣднему копулативную силу. Однако, такъ какъ мѣстоименіе личное не всегда было лишь формально, то съ забвеніемъ своего происхожденія, это -те ассимилировалось мѣстоименіемъ, и въ однихъ слу-
156
чаяхъ почти, въ другихъ совершенно лишилось предикативной силы, ставши частью личнаго мѣстоименія не только тамъ, гдѣ оно есть лишь формальный указатель лица сказуемаго, но и тамъ гдѣ оно есть знаменательное слово. Ви-те стоитъ въ обращеніяхъ при звательныхъ п. мн. ч.: ви-те хлопци мої, новобранци мои, заснивайте теї пісни, що вподобная мні, ib. 16; мої-ж ви-те оба соколи! чи не були у моею сторо-
стороні, ib.; мої-ж ви-те хлопци, вибрали молодци! закидайте сїтку...
ib. 26; ой мої-ж ви-те вороги! непереходьте дороги, ib. 201; мої-ж ви-те три ангели! чи не бачили сина мого? ib. 210. Я думаю, что здѣсь въ ви-те еще есть слѣдъ копулативности и что первоначально здѣсь обращеніе состояло не изъ звательнаго, стоящаго внѣ предложенія, а изъ полнаго предложенія, въ коемъ подлежащимъ было вы, а єсте связкою; но въ слѣдующемъ ви-те стоитъ при глагольномъ сказуемомъ,

съ явственно обозначеннымъ 2 лицомъ мн. ч., такъ что если-бы копулативность -те неполнѣ уже вывѣтрилась, если-бы оно нестало совершенно безмысленною привѣскою мѣстоименія, то немогло бы быть терпимо: ой воли мої половенькиї, чем ви-те неорете, ib. 19; братки-ж мої, соловейки, прибужайте-ж ви-те до мене, ib. 54, какъ въ свр. „ты есь снаряжаешся“. Что до мнѣнія, что въ „вите хлопци мої“ стояло ꙗкоже еще какъ связка, то и въ влр. былинахъ еси и естя имѣють подобное же значеніе въ обращеніяхъ. Конечно, эти слова сначала согласовались: „гой еси ты богатый гость, Соловей сынъ Будимировичъ!; а еси государь нашъ, Крымской царь!; охъ вы гой естя мои сильны могучи богатыри!“ Но естя здѣсь неприслонилося ни къ какому слову, какъ случилось въ млр. съ -те, и вытѣснено словомъ еси, которое стало ставиться и со множественнымъ числомъ: „гой еси вы гости ко-
 157 рабельщики“!, „гой еси вы люди работные“, „а и гой еси вы удалы добры молодцы! гой еси вы нянюшки и мамушки“!. Еще далѣе идетъ смѣшеніе лицъ въ „гой еси ты еси царь Саулъ“ (Др. р. ст. 253). Въ этихъ влр. примѣрахъ я немогу замѣтить никакого стремленія языка употреблять формы вспомогательнаго гл. ꙗкоже вмѣсто личныхъ мѣстоименій (Бусл. Гр. § 187, прим. 1), ибо какъ же обозначать лица формами, въ коихъ отношенія къ лицу смѣшиваются и затемняются? Между тѣмъ Буслаевъ и въ обращеніяхъ „гой естя вы..“ какъ будто считаетъ естя за обозначеніе лица, хотя оно и ненужно при вы. По крайней мѣрѣ указавши на такія обращенія (§ 202, прим. 4) онъ прибавляетъ: „въ Азбуковникахъ есмь, еси объясняются мѣстоименіями я, ты, слѣдовательно только какъ знаменатели лицъ: 1-го и 2-го“. Это должно бы служить прибавленіемъ къ § 187, пр. I. Составители азбуковниковъ могли быть правы, заявляя о фактѣ, что ꙗкоже далъ значить „я далъ“. Мы изъ такого соответствія можемъ вывести заключеніе, что часть функций ꙗкоже перешла на я, но не въ-правѣ заключать, что когда либо ꙗкоже принималось за мѣстоименіе 1-го лица. Въ „гой естя вы“ на мѣстѣ глагола въ 2-мъ л. мн. стоитъ общая замѣна лицъ этого глагола, съ чѣмъ ср. „каково про тебя сказывали, таковъ ты и естя“ (Бусл. Гр. § 202, пр. 3). Какъ въ случаяхъ „я естя..“, такъ и въ обращеніяхъ „гой естя вы..“ естя можетъ служить не знаменателемъ лицъ, а лишь знаменателемъ предикативнаго отношенія, которое впрочемъ въ „гой естя вы“ настолько же забыто, на сколько въ „ви те хлопци мої“. Такъ въ нѣм. wir sind лишь 1-е слово служитъ обозначеніемъ лица, тогда какъ 2-е (первонач. 3-е л. мн.) стало темою ¹⁾.

¹⁾ Что такое гой? Съ самого ли начала простое восклицаніе (какъ млр. гей) или же первоначально имя, одного корня съ жити? Отъ рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть опредѣленіе синтактической роли остальныхъ словъ, кромѣ глагола въ „гой еси ты..“. Не подлежитъ сомнѣнію, что впоследствии гой принималось за равносильное съ ой (Ой же вы еси воры разбойники, Да ой же вы еси подорожники, Кир. П. I 87),

По поводу зап. мвр. -те въ ви-те здѣсь можно упомянуть о ввр. об-158 ластныхъ частицахъ такогоче происхожденія: сте изъ ѣсте („кушай-сте“, по видимому съ отгѣнкомъ вѣжливости, подобно множественному числу мѣстоименій и глаголовъ вмѣсто единственнаго) и -ста изъ 2 или 3 л. дв. ч. ѣста. Это -ста, по видимому, еще сохраняетъ отношеніе къ двойственному числу въ загадкѣ „два -ста (т. е. ѣста) бодаста (рога), четыре-ста ходаста (ноги), одинъ хлебестунъ (хвостъ)“ и теряетъ его въ „здорово-ста“, „спасибо-ста“, „пожалуй-ста“, гдѣ оно сообщаетъ отгѣнокъ вѣжливости. „Ну-сто, смотри же! Не та бѣда, инъ другая“, Путеш. Лукьян. 63. Объясненіе Даля (Слов. ста), по которому это частица усиляющая слово, или означающая вводную рѣчь, идетъ не къ вышеприведеннымъ примѣрамъ, а развѣ къ слѣдующему „хозяйка-ста нехочетъ; она баеть: „я-ста и въ домъ непущу его“ (ib.), Миклошичъ считаетъ -ста темнымъ, но упоминая о немъ при перечисленіи мѣстоименныхъ частицъ (V. Gr. IV, 152), находится на ложномъ слѣду. Что касается до мвр, -мо, -мъ, -те въ ну-мо! ну-м, на-те, ке-те (дайте), геть-те (прочь), то они, какъ и соотвѣтственное имъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (кромѣ польск. *nas-ci*, гдѣ *s* только изъ 2-го лица, а *ci*=ти), суть окончанія, отвлеченныя отъ глагола и никогда небывшія самостоятельными глаголами (Mikl. V. Gr. IV, 156).

Ж. Въ югозападныхъ мвр. говорахъ сочетаніе причастія -л съ ѣсмъ имѣетъ такой видъ:

Въ 1 л. ед. орав-jem (съ j въ ѣм) и орав-ем (безъ j); послѣднее встрѣчается рядомъ съ первымъ въ галицкихъ изданіяхъ, слышится ж въ Подольской г.; ж. и ср. орала-м, орало-м. Изъ орав-jem—орав-jim, орав-im (Ср. Ogon. Stud. 144); изъ орав-ем—орав-им (ib.). Въ поуч. Мономаха (Лавр. 105 (242) „то я творилъ емъ“, какъ единичный случай, скорѣе похоже на описку. Жен. ходила-ям (Ogon. ib.) т. е. я-м

охъ (Охъ въ люди, люди добрые, ib. 1), ай (А(й) еси государь нашъ крымской царь (П. Рич. Дж.). Но охъ стоитъ и рядомъ съ гой: „Охъ ты гой еси, родимой милой батюшка“; „Охъ въ гой еста, мое три царевича“, ib. 34—5. Проф. Ягичъ находитъ сходство между, „гой еси“ и очень употребительнымъ у Дубровницкихъ поэтовъ жими, жимити, жимит, жимт, жинт (изъ жив -ми-ти) при увѣреніяхъ: жими майка, жими братац! жива ми душа,“ т. е. „такъ ми жива.“ (Arch. f. Sl. ph. II, 167—8). Согласно съ этимъ изъяснительное въ „гой еси“ имѣло бы отгѣнокъ желательности, въ родѣ того, какъ въ мр. пожеланіяхъ при упоминаніи о 2-мъ л. („ты самъ здоровъ знаѣш. шо..) и о 3-мъ лицѣ: „N (бодай здоров) не забуде“, „Чого брехать? нехай нашъ панъ здоровый буде, Він самъ и безъ собакъ сю панщину одбуде“ (Артемов. Гул.), при чемъ условное сочетаніе („если будетъ здоровъ, то..) не необходимо; (объ умершемъ:) „N (нехай царствуй с. „хай ѣму земля перомъ) мовляв.“ Такія пожеланія первоначально могли находиться въ связи съ вѣрованьемъ въ возможность изурочить однимъ упоминаніемъ имени не въ добрый часъ, если при этомъ не будетъ выражено противоположное желаніе: „вона (невроку) дуже гарна“; „невроку“, я думаю,=не уроку“ т. е. (упоминается) не для того, чтобы изурочить, *dat. commodi*.

(я ѣм; я ѣсмь) ходила. У Гуцуловъ: лишила-сми, Голов. п. III, 39 (изъ сохранившагося ѣсми, формы I л. ед. ч., хотя и древней, но, полагаю, болѣе новой, чѣмъ ѣсмь и только черезъ эту послѣднюю при-
159 мыкающей къ основн. асми), и „за то-сме го убив, *ib.* 40; там-сме гадав зимку зимовати, *ib.* 60; *e* въ сме, б. м., есть слѣдствіе особаго произношенія средняго *и*, примѣры коего встрѣчаются и на востокѣ Малороссіи; но въ виду формы I л. ед. *жив-смо* (*Og. ib.*)—м. б. и смѣшеніе съ I л. мн. Относительно отмѣченной тоже у Гуцуловъ ф. *був-ѣх* и сложныхъ съ этою дивив-ѣх-си-сми, косив-ѣх-сми (*Og. ib.*) см. ниже.

2-е лицо въ галиц. орав-ѣсь, откуда орав-ѣсь, орав-ѣсь; безъ *j* — орав-ѣсь, откуда орав-ѣсь (*Og.*), ж. и ср. оралась, оралось; въ карпатскомъ говорѣ, по Головацкому, съ твердымъ *с*. Рядомъ съ этимъ, какъ и въ вост. млр., съ опущеніемъ глагола: де-ж ти гадав, Гол. п. III, 60.

1-е л. мн. орали-сьмо, въ карпатскомъ гов. оралисме, сме се збули (Гол. III) и орали-м (Голов.). 2-е мн. оралисьте (-сте въ карп.). Въ 3-мъ л. при причастіи -лъ глаголь, какъ и на востокѣ, постоянно опускается, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ обычно нетолько 3-е л. ед. („ци є там добре?“, карпат.), но и совершенно вышедшее изъ употребленія въ вост. млр. 3-е л. мн.: „сут в вас волойки у три радойки“, Голов. п. II, 4; ой дома, дома, у машгарні сут, *ib.* 70; там ще други сут двери, Казки Игн. з Никловичъ, 24. -ѣм (*ем*), ѣсь (*есь*), а послѣ гласныхъ -м, -сь, -сьмо, -сьте, оставаясь постоянно энклитическими, какъ и въ польскомъ, присоединяются и къ имени, мѣстоимѣнію, нарѣчію, союзу, которыя предшествуютъ причастію -л: аж-ѣм здоровійший став, теперь-ѣсь всѣх побив и пр.

Понятіе заимствованія неисключаетъ ни предварительнаго расположенія именно къ такому заимствованію, ни стремленія ассимилировать заимствованное, измѣняя его извѣстнымъ образомъ, свойственнымъ родному языку. Поэтому нельзя утверждать, что *був-ѣм* и *быв-ѣм* возникли въ запад. млр. говорахъ совершенно самостоятельно, такъ какъ фонетически отличны отъ польск. *byłem*.

Другого рода звуковое отличіе отъ польскаго представляетъ форма, встрѣчаемая въ стар. западнорусскихъ памятникахъ, именно -омъ въ м. р: „обваровалом ся“ (я остерегся, въ письмѣ къ Силвестру Митр. Кіев. 160 1456—68, Ак. юж. и з. Р. I, № 238, и др.); *e* въ польск. -emъ въ ней ошибочно принято за происшедшее изъ *o* = русск. *o*. Форма эта очевидно негармонируетъ съ ф., какъ „началь есми“ (въ названномъ памятникѣ) и, несмотря на свое *o*, есть заимствованіе.

3. Для млр. *був-ѣм* и польск. *byłem*, для сочетаній, встрѣчаемыхъ у польскихъ горцевъ Подгалянъ, *był-sem*, *zabrał-sam*, *nierobił-sam*,

sem-przeskakował, какъ и для серб. био-сам¹⁾, намъ кажется возможнымъ только одно объясненіе, именно, что какъ серб. сам, у Подгальянъ sem и sam (изъ ѣсъм, а это изъ ѣсмь), такъ и ем, ем суть стяженія полного глагола существительнаго. Другое мнѣніе высказано П. Лавровскимъ (Объ этим. особ. стар. яз. польск. въ Уч. зап. II от. Ак. Н. 1858, IV, 34), который дѣлитъ такъ był-e-m był-e-ś, и считаетъ e за эвфоническую вставку, а m, ś—за личные окончанія, отвлеченныя отъ настоящаго времени глаголовъ. За основныя формы онъ принимаетъ był-m, był-ś, которыя хотя и не встрѣчаются нигдѣ, но, по его мнѣнію, составлены аналогично съ жен. и сред. р. była-m, była-ś, było-m, było-ś, въ коихъ m, ś суть именно личные окончанія, а не сокращенія изъ jesm, jeś. Возраженіемъ на это служитъ слѣдующее:

Разница между był-em и była-m и при предположеніи стяженія изъ jesm объясняется вполне тѣмъ, что въ первомъ случаѣ причастіе 161 (послѣ потери ѣ) оканчивается на согласную, вслѣдствіе чего удерживается гласная глагола, а во второмъ гласное окончаніе причастія содѣйствуетъ опущенію гласной глагола. Еще въ то время, когда послѣ прич. въ м. р. (wołał jesm) глаголь могъ быть совершенно самостоятеленъ, начались его стяженія послѣ причастныхъ формъ на гласныя: błogosłowiłsmu, płakałasta и пр. Кроме того есть прямое доказательство происхожденія -em въ byłem изъ jesm, именно — существованіе посредствующей формы -esm: a ja jesm wszitkō (karmiō) sjadł drzewiej, niżliś ty prziszedł i pożegnałsm j.. Panem twym jegosm ostawił, Bibl. Zof. 30; ach miłość, co-ś uczyniła, eż-eś (eszesz) me tak oslepiła, eż-esm (eszesm) stczye (Маѣ. читаетъ się iście) na miłość podał (нач. XV в. Маѣ. Dod. 43); w tobie-sm (w thobyeszm) gospod(y)nie miał nadzieją (полов. XV в., ib. 105); to co'sm mówił, łgałem jako pies (1449, Ks. Ust. 58); cośm (czosm) mówił, sełgałem (-eszm) jako pies, ib. 59. Относительно вѣроятности того, что s въ jeśm (и eśm) было небо см. Маѣс. Gr. § 338, прим. Далѣе, ś въ była-swa (дв.) и byliśmu можетъ быть объяснено только изъ стяженія jeśwa, jeśmu, но не изъ окончаній настоящаго (wa, му) или аориста (x-ова, x-омъ). Наконецъ окончанія, отвлеченныя отъ времени глагола, могли бы присоединиться къ другой глагольной темѣ, для образованія новаго времени; но врядъ-ли можетъ

¹⁾ Обыкновенно пишутъ раздѣльно: био сам; но сообразнѣе было бы съ ннѣшнимъ состояніемъ языка писать слитно всѣ тѣ слова, которыя лишены звукой самостоятельности, примѣръ чего мы находимъ у Милутиновича (Цѣванія Црногорска и пр. Лайпц. 1837): у-Них-сам-се поуздао, мајко; скоро-сам-ја мајку походно (я недавно навѣстилъ); та нијесмо још чедо крстили, ниѣ-смо-се, куме, даровали; што имаше код-себе оружја, што имаше, све-су изломили; чули-смо; сад шта-ћемо, брате?; но зар-ћете окатати овѣје, или-ћете водити ђевојку? При этомъ, какъ тонически самостоятельныя слова, находимъ јеси (при -си), јес (3 л. ед.), јесмо, даже јесу (3 мн.), несмотря на глубокую древность опущенія перваго слога въ сѣтъ.

быть доказана способность таких окончаний стать предикативною связкою. Между тѣмъ пол. -m, -ś, -śmy, ście имѣютъ и функцію связки (niebójsię, bo-m z toba; wilem winien; tu-ś mi; powinni-ście и пр.), легко объяснимую изъ стяженія *jesm*, *jeś* и пр. Но, говоритъ П. Л., „если -em (въ *byłem*) есть сокращеніе изъ *jesm*, то почему же 3-е лицо 162 немогло быть *był-et* изъ *był jest*? Вѣдь *jest* и до сихъ поръ существуетъ въ польскомъ языкѣ?“. Отвѣтъ на это въ томъ, что *jest* сохранилось какъ связка при именахъ, между тѣмъ какъ въ сочетаніи съ причастіемъ *ł* оно также опущено, какъ и *sa* при *byli*.

Отъ *byłem* неможетъ быть отдѣлено объясненіе двухъ другихъ польскихъ формъ: *bym* и *jestem* и пр. О первой рѣчь ниже, что же до послѣдней, то происхожденіе ея объясняется слѣдующими данными: а) въ древнѣйшихъ польскихъ памятникахъ исключительно господствуетъ простое настоящее *jesm* и пр. б) въ XV—XVI в. появляются въ первыхъ двухъ лицахъ ед. и мн. сочетанія *ja-m jest*, *ty-ś jest*, *my-śmy sa*, *wy-ście sa* (въ 3-мъ просто *jest*, *sa*), въ коихъ *jest*, *sa* служатъ для усиленія предикативной связки при именахъ. Это до-нынѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ (напр. въ верхнемъ Шлѣнскѣ „*gdy-ście sa*, *Roger*, *Pieśni l. p. w Górnyim Szlionsku*, 257) и даже, какъ архаизмъ и провинціализмъ, въ литературномъ языкѣ (Małec Gr. § 339); в) въ нынѣшнемъ литер. польск. языкѣ и на мѣстѣ *sa* стало здѣсь *jest*: въ ед. ч. при *ja-m jest*, *ty-ś jest* стоятъ и слитныя ф. *jestem* („*jestm* *ji panem* *ustawił*“, *Bibl. Zof.* 30), *jestes*, а во мн. ч. только слитныя ф. *jestesmy*, *jestescie*. Так. обр. *jest* играетъ здѣсь роль уже не личной формы, а темы 1 и 2 л. ед. и мн. существительнаго глагола, при коей стяженія первоначальной формы настоящаго вр. этого глагола являются уже въ качествѣ личныхъ окончаній, изъ чего неслѣдуетъ, чтобы они съ самаго начала были только окончаніями. Если-бы мы сказали вмѣстѣ съ Л. (I. с. 30—1), что *jest* въ *jestem* играетъ роль причастія, то, мнѣ кажется, можно было бы спросить: гдѣ же еще *jest* является причастіемъ, и если нигдѣ больше (подобно тому, какъ веде- въ ведеши нигдѣ небываетъ самостоятельнымъ словомъ), то почему мы и веде въ ведеши не называемъ причастіемъ?

163 Въ польск. памятникахъ XVI в., рядомъ съ формами „*przysądźili śmy*, *tedy-śmy pytali*“ являются ф. съ *ch* вм. *ś*: *przysądźili-chmy*, *tedy-chmy pytali* (Кс. Уст. 1503, 35, 44; примѣры изъ Рея, Кохановскаго, Вуйка, между прочимъ „*muchmysa*“—Małec Gr. § 342). Въ западно-русскихъ памятникахъ подобныя ф. (досвядчилихмы, подтвердилихмы, хтѣлихмо, заставили-хомъ 1501, Ак. З. Р. I, 223—5) очевидно занесены изъ польскаго. Отдѣльно взятыя эти ф. объяснимы чисто-фонетическимъ путемъ изъ *śmy* (съ твердымъ *s*, а не съ *ś*, какъ *Mikl. Gr.* III, 465), подобно болѣе древнему *приѣхъ* изъ *приѣсъ*; но затрудненіе въ томъ, что

ch является и въ 1-мъ л. ед. ч. въ XVI в. *robudziłech*, 1503, Ks. Ust. 43, и въ нынѣшнихъ говорахъ: около Кракова (*mówiłech*, Mał. l. c.), въ В. Силезіи (*utraciłach*, Rog. 36, при „widziałam; już-ech był; nicech nie stracił; jakech chodził; jakech ja gości pasła, toch się od zimy trząsała; iżech niejest zając, Rog. pass.; jezech (= jezd-ech = jest-ech), jo-ch jest, jagech jest (= ja-ch-ech jest?), L. Malinowski, Beitr. zur sl. dialektol. I, Ueb. die Oppelnsche mundart, 51—2); у Подгальянъ съ переходомъ ch въ k, обычнымъ у нихъ и въ другихъ случаяхъ (*szeł-ek, je-k (=ja-m) niesłyszał, Zeiszner pass.*, какъ *dwok=dwoch, ku wierzkom=wierzchom*); въ моравскихъ говорахъ, сосѣднихъ съ польскими (*milovalach, podezřelach, Suš. Mor. p. 229, ztracilach, ib. 240, jach řemesla šlosař sveho, ib. 791*); въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ: *niesol-ch (?)*, *neslach, jach niesol, Bernolak s. bit; Hatt, Ml. jaz. Slov. § 273* и у Гуцуловъ (см. выше). Что *-ech, -ch* здѣсь равносильны съ *-em, -m* (изъ *jesm*), это столь-же ясно, какъ и то, что чисто-фонетическимъ путемъ x не могло произойти изъ m. Остается предположить слѣдующія условія возникновенія этого *ech*. а) *był-ech* предполагаетъ уже существованіе *był-em*; е въ *ech* есть то самое е, что и въ *-em*; б) возникновеніе *-ech* предполагаетъ, что въ языкѣ была еще форма *buch* (впрочемъ уцѣлѣвшая и до-нынѣ въ В. Шлѣнскѣ „*kieburch wiedziała, to-burch zagrała*“, и у Подгальянъ „*dałabuk*“), но что *ch* въ *buch* уже неимѣло связи съ прошедшимъ временемъ. Что дѣйствительно *ch* въ *buch* давно потеряло отношеніе къ прошедшему времени это видно изъ того, что мѣстами оно еще въ XVI вѣкѣ превратилось въ неизмѣнное *bu*, при коемъ предикативное отношеніе выражалось посредствомъ *-m, -ś, -śmy, -ście*, происшедшихъ изъ настоящаго времени *jesm* и пр., и что тамъ, гдѣ это *buch* уцѣлѣло, его 2-е л. *buś* имѣетъ окончаніе вовсе не аориста, а есть стяженіе изъ *jeś*. в) *ch* въ *byłech* произошло изъ стремленія къ уравнию и однообразію ф. *byłem* и *buch*, стало быть есть явленіе однородное съ ассимиляціею темъ склоненій. Въ томъ, что языкъ привелъ въ связь форму *bu-ś* съ настоящимъ вр. (изъ *jeś*) и въ долговѣчности *buch* даны основанія производить *ch* въ *byłech* именно отъ *buch*, а не отъ аориста вообще.

9. Значеніе сочетанія -ль късмь.

Конечно, невѣроятно, что значеніе этого сочетанія съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ оставалось неизмѣннымъ. До болѣе обстоятельнаго изслѣдованія, отмѣтимъ въ жизни этого сочетанія двѣ поры: а) древнѣйшую, приблизительно опредѣляемую тѣмъ, что она современна существованію въ слав. языкѣ прошедшихъ простыхъ, употребленіемъ коихъ съ причастіемъ -ль (быль бѣхъ, былъ бѣахъ) косвенно опредѣлялась и роль сочетанія -ль късмь; б) позднѣйшую, послѣ потери прошедшихъ простыхъ.

А. Латинское названіе сочетанія *κσι сѣгль, perfectum* (Mikl. V. Gr. III. § 265), кажется неудовлетворительнымъ. Оно не должно намъ напоминать того вполне опредѣленнаго понятія, какое мы имѣемъ о совершенности и несовершенности въ слав. яз.; въ славянскомъ смыслѣ оно не есть совершенное. Названіе это непоказываетъ отношенія -ль *κсмь* къ другимъ славянскимъ сочетаніямъ и временамъ. Оно лишено и послѣдняго основанія, какое можно бы предположить въ немъ: на дѣлѣ незамѣтно никакого постояннаго соответствія между -ль *κсмь* и греческимъ перфектомъ. Названіе прошедшимъ сложнымъ (Востоковъ), 165 въ отличіе отъ преходящаго сложнаго, что у Миклошича *plus quam perfectum* (изгнѣль бѣ, бѣахъ видѣли), уже болѣе характеристично.

Сравненіе сочетанія, -ль *κсмь* въ Остр. ев. съ замѣняемыми имъ греческими формами не даетъ никакого руководства для опредѣленія его значенія. Различныя греческія ф. замѣняются въ славянскомъ одною, и на-оборотъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ сопоставленій.

Утаилъ *κси* (*ἀπέκρυψας*) отъ прѣмѣдрыхъ и отъкры (*ἀπεκάλυψας*) се младенцемъ, Лук. 10, 21.

κже *κси* уготовалъ (*ἠτοίμασας*), Лук. 2, 31, и „уготовахъ“ (*ἠτοίμασα*), Лук. 22, 4.

Жьня, идеже нѣси сѣгль (*ἔκ βλεψας*), Мат. 25, 24, и жьня, иде же несѣяхъ (*οὐκ ἔβλεψα*), Мат., 25, 26.

Что *κси* сѣтворилъ (*ἐποίησας*), Ио. 18, 35; „сѣтвори (прич. прош. = *ὁ ποιήσας*) испрѣва мѣжьскъ полъ и женскъ сѣтворилъ *κсть*“ (*ἐποίησεν*), Мат. 29, 4, и „сѣтвори (*ἐποίησεν*), Ио. 4, 54; аще дѣлъ не быхъ сѣтворилъ въ нихъ, ихъ же никто же несѣтвори (*πεποίησεν*), Ио. 15, 24.

Инѣхъ *κсть* съпаслъ (*ἔσωσε*), Лук. 23, 35, и „ины сънасе (*ἔσωσεν*), а себе ли неможетъ сънасти, Марк. 15, 13.

Нѣсть умрѣла (*ἐκ ἀπέθανεν*) дѣвица, нѣ сънить, Лук. 8, 52, и „не умрѣ (*οὐκ ἀπέθανε*) бо дѣвица но сънить, Мат. 9, 24.

Господи, патъ талантъ ми *κси* прѣдалъ (*παρέδωκας*), Мат. 25, 20, и „прогнѣвавьса господинъ *κго*, прѣдасть (*παρέδωκεν*) и мѣчителѣмъ, Мат. 18, 34.

Кѣде *κси* положилъ *κго* (*ἔθηκες*), Ио. 20, 15, и „положи *κ* (*ἔθηκεν*), Мат. 27, 60.

Бѣдетъ бо скърѣбь.. яка же нѣсть была (*οὐ γέγονεν*).. ни имать быти, Мат. 24, 21, и „безъ него ничто же не бысть (*ἐγένετο*), *κже* бысть (*γέγονεν*), Ио. 1, 3.

166 Пришьлъ *κси* (*ἤλθε*) погубить насъ, Лук. 4, 34, и „съ приде (*ἤλθε*).. и рече *κму*: вѣмъ, яко отъ Бога *κси* пришьлъ (*ἐλήλυθας*), Ио. 3, 2; о себѣ непридохъ (*ἐλήλυθα*), Ио. 7, 28.

Сравни также Будиловича Изслѣд. яз. XIII слов. Гр. Бог. 41 слѣд.

Древнѣйшее значеніе разсматриваемаго сочетанія должно быть выведено изъ его строенія. Главное относящееся сюда было уже сказано

разъ по поводу сочетанія ѣсмь съ причаст. наст. и прош. на -ъ, -въ, стр. 136—40.

Сначала -лъ ѣсмь есть именно сочетаніе двухъ формъ, а не одна форма. Какъ глаголь, такъ и причастіе вноситъ въ мысль свой оттънонь времени: глаголь—значеніе настоящаго, причастіе — прошедшаго. По отношенію ко глаголу и за устраненіемъ времени причастія, -лъ ѣсмь равносильно съ сочетаніемъ имени съ ѣсмь: конь умерлъ (ѣсть), а я живъ (ѣсмь), Лавр. 16; отроки Свѣнльжи изодѣли ся суть оружемъ и порты, а мы нази (ѣсмь, ѣсме, ѣсмы), ib. 23. Это какъ бы: конь мъртвъ, а я живъ; отроки Св. пѣртьни и оружныи, а мы нази. Так. обр. въ -лъ ѣсмь первоначально изображалось событіе прошедшее (прич.) по отношенію къ настоящему (глаго.), и въ древнихъ памятникахъ можно найти мѣста, въ коихъ -лъ ѣсмь еще допускаетъ такое объясненіе. Такъ, чередованіе -лъ ѣсмь и аориста въ „елико насъ хрестилися есмы, кляхомъ ся церковью святого Ильѣ“, Лавр. 22, можно бы передать такъ: мы, сколько насъ есть (въ настоящее время) крестившихся (прежде), поклялись (форма, нынѣ лишенная отношенія къ настоящему).

„Бысть моръ въ конихъ, акъ же небылъ (ѣсть) николиже“, Лавр. 146, случился моръ, какого до сихъ поръ никогда небыло, какъ бы: случившійся моръ есть небывавшій до сихъ поръ никогда.

Если выраженіе „отъ дѣтства бо его нѣсть имъ кто ударилъ“, 167 Лавр. 53, неестъ рѣдчайшій случай употребленія прич. -лъ безъ глагола въ придаточномъ предложеніи, по образцу „нѣсть, кто донеса“, то оно относится сюда-же: ударившій имъ объ землю неестъ, несуществуетъ, т. е. нѣтъ такого, кто бы..

Чувствуется умѣстность -лъ ѣсмь въ слѣд.: „въ грѣсѣхъ родилъса ѣси (*ἐγεννήθη*) всь, и ты ли ны оучиши? Ио. 9, 34, и на-оборотъ, умѣстность аориста въ „сннъ ваю, ꙗго же вы глаголетъа, яко слѣнъ родиса, Ио. 9, 19; ꙗгда же родить (жена), къ тому непомьнить скръби за радость, яко родиса (*ἐγεννήθη*) человекъ въ миръ, Ио. 14, 26.

Гдѣ рѣчь шла не о томъ, каковъ кто есть, въ силу прежде совершеннаго дѣйствія, а только о томъ, что кто сдѣлалъ; тамъ, по видимому, -лъ ѣсмь было неумѣстно. Напр. кажется, дурно было бы сказано „се рекъ, ударилъ имъ ѣсть о землю“ вмѣсто „се рекъ, удари имъ о землю, и выньзе ножъ, зарѣза Редедю“, Лавр. 63.

Отсюда пошло замѣченное Буслаевымъ (Гр. § 189, 3, пр. 3) употребленіе въ стар. языкѣ, а какъ архаизмъ и до нашего времени, прошедшаго на -лъ о морѣ, рѣкѣ, пути и т. п., какъ постоянно въ Кн. Большой Чертежь et pass.: „а по странамъ того рва обойти нельзя: прошли лѣса и болота; море Чорное обтекло съ полдня; р. Десна потекла

на полдни (см. 1. с.); земля.. великого князства Литовского почалася отъ Марахвы рѣчки, которая впала въ Днѣстръ, и на низъ Днѣстромъ.. ажъ гдѣ Днѣстръ упалъ у море; а оттоль, съ устья Днѣстрова, Лименомъ пошла граница мимо Очаковъ, 1540, А. З. Р. II, 362; Дунай рѣка многоводна и рыбна, а къ морю разшиблась на многія гирла, пошла подъ Турецкіе городки (Путеш. Лукьянова, 1710—1 г. 22); и на лѣвомъ боку Дуная.. много городковъ Турецкихъ: Килія градъ съ товарищи. Тутъ и Бѣлгородская Орда подлегла: близъ Дуная татары Бѣлгородскіе, *ib.* 23; отъ тѣхъ городковъ море уже разшиблось островами... а отъ того мѣста море пошло безконечно широко, а вправо пошло подъ Египетъ, а влѣво подъ Іерусалимъ, *ib.* 51; въ вр. народ. п. пролегла путь дорожка.. и т. п.; *mr.* сімсотъ річок ше й чотырі та всі ж вони в Дніпро впали (К, ист. зв. III, 123); серб. ал туд легла таьена стазица; хорв. уз Дунај је пала преузка стазица (*Mikl. Gr. IV* 800—2). Бусл. замѣчаетъ, что нынѣ принятія ф. наст. вр. течеть, впадаетъ, болѣе отвлеченны, п. ч. означаютъ постоянно и неизмѣнно пребывающее. „Старинныя выраж. прош. вр. указываютъ на фактъ нѣкогда совершившійся, на пр. на дѣйствіе рѣки, которая нѣкогда потекла.. и впала туда-то“. Я бы прибавилъ: на фактъ, совершившійся и пребывающій до нынѣ, ибо безъ этого слова Буслаева будутъ относиться нетолько ко врем. -лѣ ѣсмь, но и къ прошедшимъ простымъ, на пр. Днѣпръ потече (прош.) изъ Оковскаго лѣса и потечеть (наст.) на полъ дне.. изъ того же лѣса потече Волга на востокъ и втечеть (= втекаетъ) семьюдесять жерель въ море Хвалисьское, Лавр. 3.

Б. Во вторую пору „мы крестились“ уже незначить „есмы (теперь, въ моментъ рѣчи) крестились“, а обозначаетъ прошедшее, неимѣющее отношенія къ настоящему. Такъ нетолько въ русск. литературномъ, гдѣ глаголь постоянно опускается; и въ зап. млр., польск., чеш., серб., гдѣ глаголь вспомогательный имѣеть звуковое выраженіе, онъ неоставляетъ уже думать о настоящемъ времени и это послѣднее рѣшительно затемнено значеніемъ прошедшаго, заключеннымъ въ причастіи. Неслѣдуетъ думать, что такое образованіе одной грамматической формы изъ двухъ, такая потеря значенія двойственности времени въ сочетаніи -лѣ ѣсмь одновременна съ древнѣйшими случаями опущенія въ немъ глагола. Съ одной стороны, глаголь, и неопускаясь, можетъ, какъ упомянуто перестать быть знакомъ отдѣльнаго акта мысли; съ 168 другой—и опускаясь (какъ въ случаяхъ, „онъ живъ“ т. е. теперь) онъ можетъ удерживать функцію настоящаго времени, благодаря постоянной возможности сравненія со случаями явственнаго обозначенія въ связкѣ временъ прошедшаго и будущаго: „онъ былъ, будетъ живъ“. Для слиянія сочет. -лѣ ѣсмь въ одинъ актъ мысли нужно, чтобы въ языкѣ была затруднена или уничтожена возможность (безсознательнаго)

сравненія этого сочетанія съ сочетаніями, въ коихъ время вспомога-
тельного глагола другое: -лъ бѣхъ, -лъ бѣахъ, -лъ буду. Но вытѣс-
неніе этихъ послѣднихъ сочетаній условлено между прочимъ ограниче-
ніемъ употребленія или полнымъ забвеніемъ преходящаго и аориста.
Поэтому рѣшеніе вопроса о томъ, какъ давно въ русск. -лъ ѣсмь стало
одною формою, должно быть поставлено въ нѣкоторую, далеко впро-
чемъ не безусловную, зависимость отъ того, когда въ немъ исчезли
аористъ и преходящее. Такъ какъ невѣроятно, что тонкія различія
прошедшихъ простыхъ, замѣтныя въ памятникахъ, каковы древнѣйшіе
лѣтописные сборники, могли быть усвоены писателями только книж-
нымъ путемъ и, на оборотъ, вѣроятно, что эти прошедшія были въ
просторѣчии еще въ XII—XIII в.; то сліяніе -лъ ѣсмь въ одну форму
должно быть отнесено въ русскомъ языкѣ уже ко времени, не позже
XIV вѣка. Хотя возможенъ и такой случай, что -лъ ѣсмь становится
однимъ прошедшимъ, отличнымъ по значенію отъ прошедшихъ на -хъ
и невытѣсняющимъ этихъ послѣднихъ (какъ въ серб.), но къ русскому
этотъ случай непримѣнимъ.

10. Въ литовскомъ и латышскомъ, за отсутствіемъ причастія, равнаго
славянскому -лъ, сочетаніямъ этого послѣдняго съ существительнымъ
глаголомъ функционально соотвѣтствуютъ подобныя же сочетанія при-
частія, равнаго по происхожденію славянскому -ъ, -въ (лит. es, ж. usi,
лот. is, ж. uszi), сочетанія, тоже стремящіяся вытѣснить прошедшее
простое. Первоначальное значеніе литовско-латышскаго сочетанія этого
причастія съ esmi (есу, латыш. esmi) было на столько сходно съ слав. 169
-лъ ѣсмь, что указать на ихъ разницу врядъ ли возможно. Разграни-
ченіе этого сочетанія и прошедшаго простого въ нынѣшнемъ литов-
скомъ и латышскомъ затруднительно.

„Въ лит., говоритъ Шлейхеръ, на сѣверъ отъ Нѣмна, въ меньшей
мѣрѣ въ верхнелитовскомъ, вмѣсто прошедшаго простого большею частію
употребительно описательное (съ esmi, esu). Разницы въ значеніи
нѣтъ“ (Lit. Gr. § 136). „Въ книжномъ языкѣ perfectum (дѣйствіе со-
верш. „die vollendete handlung“) обозначается (въ отличіе прош. про-
стого) прош. описательнымъ; въ народномъ языкѣ это бываетъ рѣже, за
исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, напр. asz esu gimęs, я родился;
asz esu rawargęs, я обѣднѣлъ,“ ib. § 138, 2. Подъ perfectum, повиди-
мому, слѣдуетъ здѣсь понимать то, что выражается нѣмецкимъ прош.
изъ причастія съ bin, habe, хотя, съ другой стороны, и лит. прош.
простое переводится какъ нѣмецкимъ прош. простымъ, такъ и слож-
нымъ: jis ėjo, er gieng, er ist gegangen. Къ русской совершенности это
лит. сочетаніе неимѣетъ никакого отношенія, такъ какъ можетъ пере-
даваться какъ глаголомъ совершеннымъ, такъ и несовершеннымъ. Ско-
рѣе можно думать, что въ литов. описат. прошедшее съ esu еще близ-

ко къ тому состоянію, въ которомъ оно служило отвѣтомъ не столько на вопросъ, что кто сдѣлалъ, сколько—что кто есть въ силу сдѣланнаго прежде. Ср. напр. „kaip jis ė girę ėwažiawo.. tai jis paklydo (когда онъ въѣхалъ въ лѣсъ, то заблудился). На вопросъ встрѣчнаго онъ отвѣтилъ: „asz esu paklydes (я заблудился, въ томъ смыслѣ, что онъ въ моментъ рѣчи испытываетъ на себѣ слѣдствіе того, что заблудился), Schl. Les. 183. „Tė gražėji galwijej tai yra duszelės tokiu žmoniui, kurė daug gero yra darę, ūpaczei¹ wargdėnius paszelpę, ib. 182, этотъ хорошій скотъ это — души такихъ людей, которые много добра дѣлали, особенно же помогали бѣднымъ (и за это теперь награждены). „Tėdvi moterizkės yra raganos buwusios ir gerėms žmonėms daug iszkados padarusios, ib., эти двѣ женщины (въ наказаніе теперь наполняющія бездонный колодезь) были (суть были) вѣдьмы и добрымъ людямъ много шкоды подѣлали. Jis rawargo (прош. простое) значить „онъ обѣднѣлъ“ (нѣкогда), но съ тѣхъ поръ б. м. опять разбогатѣлъ, а jis (yга) rawargęs (=есть обѣднѣвъ)—онъ обѣднѣлъ, но остается бѣденъ до сихъ поръ (Kurschat Gr. der Lit. Spr. § 1354).

Въ латышскомъ хотя прошедшее простое и исчезло, но въ значительно большей мѣрѣ вытѣснено прошедшимъ съ esmu, чѣмъ въ литовскомъ, при чемъ тотъ отгнѣнокъ, который выше мы предположили въ литовскомъ, почти вовсе незамѣтенъ. Ср. напр.

Mės tawā prėksz esam ėduszi un dzeruszi un tu esi macijis mustū ėlās, Лук. 13, 26, лит. mes po tawo akiū walgėm ir gerėm ir ant ulyczū mokinaī mus, въ О. Ев. ѣхомъ прѣдъ тобож и пихомъ и на распяттихъ нашихъ училъ єси.

Es esmu nācis tawā namā, tu man ūdeni neesi dewis prėksz manām kajam, 'bet szi ar sawām asarām manās kajas ir slapinajusi un ar sawas galwas matėm noszāwejusi, Лук. 7, 44, лит. asz ėėjau ė tawo namus, tu nedawei man wandens mano kojoms, bet szi mano kojas aszaramis paszlapino ir plaukais sawo galwės szlūste, въ О. Ев. вънидохъ въ домъ твой, воды на нозѣ мои недасть, си же слъзами омочи нозѣ мои и власы своими отъре.

Гдѣ въ ст.-сл. стоитъ -лѣ єсмь, тамъ оно большею частью и въ латышскомъ: esi paslėpis, утайл єси, Лук. 10, 21, neesi sėjis, нѣси сѣяль, Мат. 25, 24, esi sataisijis, єси уготоваль, Лук. 2, 31.

171 Въ народныхъ пѣсняхъ вспомогательный глаголь опускается не только въ 3-мъ, но и въ другихъ лицахъ, напр.

Спėру кăу дăболă, ѣсперуси рăвена; рōку деуу бăлинямъ, ѣдеууси таутѣшам, Спрог. 57, я ступала ногою въ дятлину, (а теперь) вступила въ болото; руку я давала братцу, (а теперь) подала чужанину

¹) Ст. русс. и-паче, т. е. паче же, въ-особенности, а не нарѣчіе отъ какого то ūratus, какъ думалъ Шлейхеръ (Leseb. 273).

(жениху)—примѣръ, показывающій, что сочетанію прич. прош. съ *esmi* приписывается, въ отличіе отъ прош. простого, отношеніе къ настоящему времени.

Ар мѣминю садомайсї тѣду лїгсму вакарїню, *ib.* 137, съ матушкою ты придумала такую веселую вечеринку.

Тѣвс мѣминя ѣдевуші нелаба вѣтиня, *ib.* 131, отецъ матушка отдали въ недоброе мѣсто.

Сагаюші цѣма пуйши вісус зарус нолазууши, *ib.* 36, сошлись сельскіе молодцы, всѣ вѣтви обломали.

11. Причастіе -лъ съ бѣхъ, быхъ (изъявительнымъ) и бѣахъ. Востоковъ называетъ сочетанія съ бѣхъ и бѣахъ однимъ именемъ „преходящее сложное“, такъ какъ бѣша (*ѣсав*), по его мнѣнію, несмотря на свое окончаніе „прошедшаго“ (т. е. аориста), есть „преходящее“, какъ и бѣахъ (*ѣсав*), Вост. О. Ев. Слов. подъ бѣша. Подобнымъ образомъ и по Миклошичу бѣхъ и бѣахъ суть *imperfecta* 1-е и 2-е, а сочетанія ихъ съ лъ — *plus quam perfecta* (V. Gr. III, §§ 257, 266). Разсматривая эти сочетанія, какъ заключающія въ себѣ двѣ формы, различаемыя мыслью, можно думать, что какъ въ далъ ѣсмь первоначально причастіе означаетъ событіе, прошедшее по отношенію къ настоящему ѣсмь, такъ и въ далъ бѣхъ и бѣахъ оно означаетъ прошедшее по отношенію къ прошедшимъ бѣхъ и бѣахъ. Слѣдовательно, разсматриваемыя сочетанія дѣйствительно заключали въ себѣ нѣчто предпрошедшее или „запрошлое“ (*czas zaprzeszły*).

А. Аористъ бѣхъ, понимаемый самъ по себѣ, означалъ моментъ, одновременный съ другимъ аористомъ, или вообще прошедшимъ, такъ ¹⁷² что далъ бѣхъ могло быть давнопрошедшимъ не по своему глаголу, а по причастію, что нужно принимать въ соображеніе, называя это сочетаніе *plus quam perfectum*, напр. и тьма бысть, и не оу бѣ къ нимъ пришьлъ (*ἐληλύθει*) Исусъ, О. Ев. Іо. 6, 14, т. е. въ то самое время, какъ настала тьма, онъ еще непришелъ, „небылъ пришедши“. Въ бѣ пришьлъ на столько же различны два момента мысли, на сколько въ обрѣтеса пришьдъ; изъ нихъ одинъ (прич.) предшествуетъ другому прошедшему, другой — современенъ этому прошедшему. Между тѣмъ въ единичномъ *plus quam perfectum* только одно событіе, которое все предшествуетъ другому прошедшему: *tenebrae erant, nec (до наступленія тьмы) venerat Jesus*.

Она же (Марія) иде къ нѣму (и въ это самое время) не оуже бѣ пришьлъ Исусъ въ вьсь, нъ бѣ на мѣстѣ еще, идеже сьрѣте и Марь-оа, *ib.* Іо. 11, 30. Повтореніе бѣ въ „бѣ пришьлъ“ „бѣ на мѣстѣ“ дѣлаетъ очевиднымъ тождество глагольнаго элемента въ обоихъ случаяхъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ лат. „*illa venit ad eum. Nondum autem venerat Jesus in vicum, sed erat in eo loco, ubi occurrerat ei Martha*“.

Сынъ мой съ мѣртвъ бѣ и оживе, изгубль бѣ (*ἀπολλῶς ἦν*) и обрѣтеса, ib. Лук. 15, 24, -лъ бѣ есть не „regierat“, а скорѣе „бѣ погнѣб“, въ то время онъ былъ погибшимъ, параллельно съ „мѣртвъ бѣ“.

На осень скупишася на снемъ у Городка (имена рекъ) и ту вси быша; въ то же веремя пришелъ бѣ Гюргевиць старѣйшій Ростиславъ, роскоторався съ отцемъ своимъ, Ип. 39 (257).

И пришедъ Изяславъ Мѣстиславичъ къ Киеву, и бѣ Игорь разболѣлся въ порубѣ и бѣ болень велми, Ип. 28 (239), т. е. въ то время, какъ Из. пришелъ, Игорь былъ разболѣвшись, т. е. начало его болѣзни предшествовало моменту прихода Изяславова.

173 Вещественное обозначеніе одновременности, какъ выше (Ип. 39) „въ то же веремя“, не всегда можетъ быть умѣстно, ибо оно могло бы быть отнесено не ко глагольному, а къ причастному элементу. Это можетъ быть безразлично къ однихъ случаяхъ, но въ другихъ даетъ ложный смыслъ, напр.

и видѣ дѣва аныгела въ бѣлахъ сѣдаща.. идеже бѣ лежало (*ἐκειτο*, *jacuerat*) тѣло Иисусово, О. Ев. Ио. 20, 12. Въ то время, когда онъ увидалъ ангеловъ, тѣло уже тамъ не лежало; оно только было въ то время лежавшимъ прежде. Бѣ имѣетъ одно только идеальное значеніе, надъ которымъ вещественность причастія беретъ перевѣсъ.

Посла (Володимеръ) ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: „хочю пояти дѣчерь твою собѣ женѣ“.. бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья имяше власть свою въ Полотъскѣ, Лавр. 32. Не въ то время пришло Р., какъ послалъ къ нему Володимеръ, но въ то время онъ разсматривался, представлялся, какъ прежде пришедшій; въ то время онъ былъ (въ памяти людской) выходецъ изъ заморья. Такимъ образомъ можно объяснять и слѣдующіе случаи:

(Болеславъ) Настаса пристави Десятиннаго ко имѣнью, бѣ бо ся (Настасъ) ему (Болеславу) ввѣрилъ лестью, Лавр. 62. Преставися Святополкъ Мѣстиславичъ у Корецка, пошелъ бо бѣ брату своему Изяславу в помочь, Ип. 74 (332). Прия ѿ (Митроп. Константина) князь Дюрги съ честью, и Полотъскій епископъ, и Мануилъ Смоленскій, иже бѣ бѣгалъ передъ Климомъ, Ип. 80 (333).

Вещественное обозначеніе предшества во времени въ подобныхъ случаяхъ должно быть относимо къ причастію -лъ, а не ко глаголу бѣ: помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити неvfда нань;

174 бѣ бо прежде въпрошалъ вольхвовъ кудесникъ; „отъ чего ми есть умрети?“. Лавр. 16. Здѣсь онъ одновременно разсматривается, какъ поставившій и вопрошавшій, но вопрошалъ онъ прежде, чѣмъ поставилъ.

Церковь сконца, иже бѣ заложилъ переже отецъ его, Ип. 81 (337).

Зная, что въ концѣ развитія значеній сочетанія -лъ ѣсмь отгѣнокъ настоящаго (ѣсмь) совершенно поглощается отгѣнкомъ прошедшаго

(-лъ), можно видѣть и въ оборотахъ, какъ это „бѣ заложилъ“, признаки стремленія къ такому же поглощенію времени глагола временемъ причастія; но такіе обороты до полнаго сліянія въ русскомъ яз. не дожили.

Съ тѣми же отгѣнками, но гораздо рѣже, встрѣчается и сочетаніе -лъ съ быхъ въ его изъявительномъ значеніи, напр.

Андрей же то слышавъ отъ Михна, и бысть образъ лица его попустнѣлъ, Ип. 109 (390). Хотя объективно дѣйствіе гнѣва послѣдовало за выслушаніемъ рѣчей, но въ словесномъ выраженіи эта разновременность здѣсь не доводится до сознанія.

Володимеръ же, одаривъ владыку, отпусти ѿ, зане бысть небывалъ у него николиже, Ип.? въ то время какъ его одарили, онъ былъ небывавшій прежде.

Изяславъ же нехотяше ис Кіева поити, зане улюбилъ бы Кіевъ ему, Ип. 77 (329, 10), т. е. улюбѣлъ бы („зане улюбѣлъ ему Кіевъ“, Лавр. 147). „Сталъ любъ“, какъ причина, объективно предшествуетъ нежеланію оставлять Кіевъ, но выражено это такъ, что моментъ „бы“ падаетъ въ пространство времени, занимаемое глаг. „нехотяше“, какъ бы: въ это время Кіевъ былъ ему полюбившимся.

Непусти сына своего Святослава, ни мужии Новгородскихъ, иже то бы привелъ къ собѣ, Ип. 77 (220).

В. Мнѣніе, высказанное кѣмъ-то, что сочет. лъ бѣахъ выражаетъ намѣреніе, лишено основанія, такъ какъ вмѣсто „бѣахъ пришлы да 175 утѣшатъ“ можно бы сказать съ тѣмъ же отгѣнкомъ намѣренія, зависящимъ отъ да съ наст., и бѣша пришлы, и пришлы сѣтъ, и такъ какъ послѣ бѣахъ пришлы можетъ вовсе не состоять да..

Бѣахъ, разсматриваемое отдѣльно, имѣетъ свойство такъ называемаго „протяженнаго“ или „преходящаго“. Объ этомъ времени будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь достаточно замѣтить, что само по себѣ оно вовсе неизображаетъ событія, предшествующаго тому, которое изображено аористомъ. Напротивъ, въ „сїже Обрѣ (=и) воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы“, Лавр. 5, „примучиша“ именно въ то самое время, какъ „воеваху“. Но проходящее обнимаетъ значительное протяженіе времени, и только потому захватываетъ моменты, далѣе отстоящіе отъ настоящаго, чѣмъ моментъ обозначаемый аористомъ: „бѣ бо (Климъ) черноризецъ скимникъ, и бысть книжникъ и философъ такъ (=такой), яко же въ Русской земли небашетъ, Ип. 29 (241), былъ (аор.) такой, какого небывало (=преход.).

Въ сочетаніи съ причастіемъ -лъ, бѣахъ отъ своей длительности сравнительно съ аористомъ удерживаетъ обыкновенно только способность выражать состояніе, предшествующее другому прошедшему, вы-

раженному аористомъ, и отнюдь несоотвѣтствуетъ нынѣшнему прошедшему длительного глагола бывалъ. Вещественное обозначеніе времени (прѣжде, переже) относится здѣсь уже не къ причастию на -ль, какъ въ сочетаніи этого послѣдняго съ аористомъ, а къ бѣахъ, бяхъ.

Си же рекоста родителя ѳго, яко боястася Иудей, уже бо бѣахъ са съложили (*συνετέθειντο*, *constituerant*) Иудей, да аще кѣто иновѣсть Христа, отлѣченъ съборища бѣдетъ, О. Ев. Іо. 9, 22.

Пришьдъ же Іисусъ.. обрѣте ѳ четыре дѣни уже имѣща въ гробѣ.. 176 мѣнози же отъ Иудей бѣахъ пришьли (*ἐληλύθεισαν*, *venerant*) къ Марѣѣ и Маріи да утѣшатъ и о братѣ ѳю, Іо., 11, 17—19; хотя „бѣша пришьли“ передавало бы ту-же греч. и латин. форму, но само значило бы не „пришли прежде пришествія І.“, а „пришли въ то время“, или въ то время были пришедши“.

Бѣ уча Іисусъ и бѣахъ сѣдаще фарисеи и законоучителѣ, иже бѣахъ пришьли (*ἦσαν ἐληλυθότες*, *venerant*) отъ всакоѣ вьси Галилѣиски, Лук. 5, 17, бѣахъ пришьли до того времени какъ „бѣ уча“.

Сѣсѣди же и иже ѳ бѣахъ видѣли (*ὁι θεωροῦντες*, *conspexerant*) прѣжде, яко слѣпъ бѣ, глаголаахъ.. Іо., 9, 8.

У Ярополка же жена Грекини бѣ, и бѣше была черницею, бѣ бо привелъ отецъ его Святославъ и вда ю за Ярополка, Лавр. 32, т. е. она была (а не бывала) черницею до того, какъ Св. ее привелъ и потомъ выдалъ.

И непокоришася Пльсковици имъ, ни выгнаша князя отъ себе, нѣ бяхуть ся устерегли (предварительно, заблаговременно): засѣкли осѣкы всѣ, Новг. I, 8.

Избиша Пльсковици Чюдъ поморскую: пришли бо бяху въ 7 шнекъ (т. е. чудь).. и удариша на нѣ Пльсковици и неупустиша ни мужъ, ів. 20.

Помяну конь свои, отъ него же, бяху рекли вольстви, умрети Ольгови, Лавр. 16.

Всеволодъ же бѣше нецѣловаль вреста еще, и на ту ноцъ загорѣся Переяславль, Іп. 16, 219.

Сребра же собѣ Всеволодъ неприя одинъ, но роздая братъи на части.. кто же бѣшетъ съ нимъ былъ, Іп. 20 (226), т. е. не тѣмъ кто съ нимъ былъ въ то время какъ онъ раздавалъ, а тѣмъ, кто съ нимъ прежде ходилъ въ походъ.

Иже бяху велику честь принимали отъ Всеволода, тижѣ почаша лестити подѣ княземъ своимъ, Іп. 23 (231).

177 Небѣ то и еще до сыти, но идоста на Игореве селце, идеже бѣше устроилъ дворъ добрѣ; бѣ же ту готовизни много въ бретяницахъ (бортяницахъ?) и въ погребѣхъ вина и медовѣ(=е), и что тяжкого товара до желѣза и до мѣди (т. е. со включеніемъ..) нетягли бяхуть

(несмогли, неуспѣли повывозить до начала грабежа) отъ множества всего того вывезти, Ип. 26 (236).

Ту бяхуть стали обѣду, и прибѣже мужъ къ Изяславу Мьстиславичу и рече.. Ип. 28 (228).

Пойдоста (Изяславъ и Ростиславъ) внизъ по Волзѣ; послала бо бяшета и-Смоленска преже послы своя къ Георгеви, онъ же къ нима ни посла ихъ онять (обратно) пусти, ни своего пусти, Ип. 40 (260).

Туже и Севенча Боняковича, дикаго Половчина, убиша, иже бяшетъ рекль; „хоцю сѣчи въ Золотая ворота, якоже и отецъ мой, Ип. 62 (299).

Изяславъ же Мьстиславичъ поиде въ Киевъ.. зане братья его и дружина разбѣглися бяхуть, Ип. 74 (322).

Изяславъ же рече... „како ми съ вами Богъ дасть“, бяшетъ бо пославъ и подвель Глѣба Дюргевича.. съ нимъ же бяшетъ у Переяслава былъ, Ип. 76 (326). „Бяшетъ пославъ и подвель“ показываетъ раздѣльность пониманія глагола и причастія на -лъ.

Матере же чадъ плакуся по нихъ, еще бо небяху ся утвердили вѣрою, Лавр. 51.

Оба рассмотрѣнныя сочетанія въ русскихъ памятникахъ вполне туземны, т. е. не возобновлены въ языкѣ подъ влiянiемъ церковныхъ книгъ, а сохранились въ немъ непрерывно отъ того времени, когда были вполне обычны въ просторѣчiи. Самыя формы бяшетъ, бяхуть въ звуковомъ отношенiи суть русскiя, отличныя отъ ст.-сл. бѣаше, бѣахъ. 178 Въ сербскомъ оба сочетанiя живутъ до-нынѣ и, по нѣкоторымъ, различаются такъ, что сочетанiе съ аористомъ бјех, бје, бјесмо, бјесте, бјеше означаетъ прошедшее по отношенiю къ настоящему („бјесмо ти рекли, али ти нехајеш“), а сочетанiе съ переходящимъ (бјех—бијах, бјеше—бијаше, бјесмо—бијасмо, бјесте—бијасте, бјеху—бијаху) прошедшее по отношенiю къ прошедшему: „бијасмо ти рекли, али ти не хтједе (ниси хтио) хајати“. По нѣкоторымъ, въ нынѣшнемъ сербскомъ возможны и такiя сочетанiя какъ „бјех био носιο“, „бијах био носιο“. О подобныхъ сочетанiяхъ въ хорутанскомъ Mikl. Gr. IV 805—6. Въ новомъ польскомъ и чешскомъ они исчезли, какъ и въ русскомъ.

12. Причастiе -лъ съ былъ ѣсмь. Не смотря на то, что въ Лавр., Ип., Новг. I лѣт. это сочетанiе стоитъ рядомъ съ вышерассмотренными, но по происхожденiю оно принадлежитъ къ болѣе позднему наслоенiю. Въ этомъ я согласенъ съ Буслаевымъ (Гр. § 187, пр. 1, б), но не „потому, что при прич. былъ, по русскому позднѣйшему обычаю, опущенъ гл. есмь“, ибо, какъ видно изъ приводимаго тамъ же „повель былъ есми“, 1525 г. (Ак. Юр.), этого опущенiя могло и небыть до XVI в. включительно, а на другихъ основанiяхъ. Именно, сочет. -лъ былъ ѣсмь не встрѣ-

чается ни въ О. Ев., ни, сколько извѣстно, въ другихъ древнѣйшихъ ст.-сл. памятникахъ. Востоковъ (Гр. ц.-слав. яз. 91) приводитъ примѣры только изъ русскихъ памятниковъ. „Даль бѣхъ“ и „даль бѣахъ“ равно необходимы въ экономіи языка и незамѣнимы одно другимъ; они неоставляютъ пустого мѣста для „даль былъ ѣсмь, которое, сталкиваясь съ ними въ языкѣ древ. русскихъ лѣтописей, является сначала излишнимъ: „смолвися съ Новгородьци, которыхъ-то былъ приялъ, 179 Ип. 18,=ихъ же то башеть приялъ; лишь позже, когда оно получило особый оттѣнокъ и когда первыя два сочетанія вышли изъ употребленія, -лъ былъ ѣсмь стало необходимо. Сочетанія -лъ бѣхъ и -лъ бѣахъ очевидно одновременны по происхожденію съ -лъ ѣсмь; но это послѣднее должно уже было быть въ языкѣ, когда появилось „даль былъ ѣсмь“.

Невидно достаточныхъ основаній назвать разсматриваемое сочетаніе „прошедшимъ совершеннымъ“ (Вост. 1. с.). Во первыхъ, оно сначала неестъ одно время, а по меньшей мѣрѣ два: ѣсть былъ—даль; во вторыхъ, причастіе въ немъ можетъ быть и отъ глагола несовершеннаго.

Сначала -лъ былъ ѣсмь неимѣетъ никакого особаго значенія, кромѣ знач. предшественности настоящему и прошедшему, безъ различій заключенныхъ въ -лъ бѣхъ и -лъ бѣахъ:

Коли ся грамота псана (т. е. ѣсть) ишлъ былъ (=ишло=исхшло было) отъ рожества до сего лѣта аꙗ лѣто.. Дог. гр. Мстисл. 1229.

Си же грамота псана бысть, лищло было отъ рожества Гня до сего лѣта аꙗ лѣто.. Смол. гр. Ростисл. 1284.

А что твой братъ отъялъ былъ позже у Новагорода, а того ти, княже, отступитися, Новг. догов. гр. 1265 г.

Видиши, яко я къ тобѣ креста еще нецѣловаль, а то ми былъ Богъ даль, оже ся есте сами зажгли, Ип. 16 (219).

„Ты мя еси, сыну, самъ позываль Киеву, а язъ есмь былъ цѣловаль хрестъ къ брату своему Дюргеви“, Ип. 50 (277), и потому тогда незахотѣлъ сѣсть въ Киевѣ.

Челядь ему вороти, што была рать новоевала, Ип. 208 (581).

Въ тѣхъ же памятникахъ сочетаніе это, вслѣдствіе частаго употребленія въ противительныхъ сочетаніяхъ предложеній, получаетъ оттѣнокъ дѣйствія, недошедшаго до надлежащаго исполненія, лишеннаго своихъ прямыхъ послѣдствій, оттѣнокъ независимый отъ начинательности, совершенности, несовершенности и степени длительности главнаго причастія (ст. Вост. Русск. грам. § 115, IV, г.):

Исакій рече: се уже прельстилъ мя еси былъ, дьяволе, сѣдяща на единомъ мѣстѣ, а уже неимамъ ся затворити в пещерѣ, Лавр. 84 (189).

Брате! се Володимеръ (и) Изяславъ Давыдовыча хрестъ къ нама была цѣловала и думу думала поити с нама на стрѣя наю, и (т. е. а между-тѣмъ, противъ крестнаго цѣлованія) хотѣла со мною лестью, убити мя хочяча, но Богъ и сила крестъная обуявила (=отняла у нихъ разумъ). А уже, брате, где есме были думали поити на стрѣя своего, то уже тамъ неходи, Ип. 32 (245).

Такъ и въ болѣе позднемъ языкѣ:

Что ти ся есмъ былъ отступилъ дани въ Ростовцѣ,, а на то ны слати свои данщины вмѣстѣ, 1388, 1405, Собр. гос. гр. и дог. I № 33, 38.

У меня ту грамоту взялъ, чѣмъ мя былъ пожаловалъ, 1490, Ак. юр. 11.

А перво сего тотъ дворъ дали были есмо князю Ивану Трубецкому, ино князь Иванъ, зрадивши насъ, икъ Москвѣ втекъ, и мы тотъ дворъ дали Петру Фурсовичу, 1501, А. З. Р. I, 344.

Въ восточномъ и сѣверо-западномъ малорусскомъ такое употребленіе продолжается и до-нынѣ, впрочемъ съ непремѣннымъ опущеніемъ вспомогательнаго глагола:

за титулу був зачепивсь, тай разібрав потроху, Квитка; хорунженко зовсім був дрмав, а на сю рацію прислухавсь, прислухавсь, тай каже.. ів.; мав був розказати и про свою біду, так нездужаю, ів.; піднявсь був по улицях гомін, біганьня, крик, галас, тай стихло, ів.; и вірую почав був учити та не „же за ни“ як затавсь, тай покинув письмо, ів.; Забрѣха дочитав до самого кінця, як був тогді на памѣть витвердив (изъ чего однако тогда неспѣлалъ употребленія); оттак було сказала 181 (что однако оказалось ложью) и на пана Пістряка, що буцім-то він у чоловіка бджоли підрізав, ід.; зовсім була впала, такъ кума її піддѣржала, ід.; старій Макуха добрався й до настоянної на калган, що Івга була придбала для проїзжаючихъ полѹпанків (которымъ однако эта водка недосталась), ід. віл щось почав був говорити, та.. Гребенка; чоловік хотів був у свата заночувати, тай принесла ёго нечиста мати.. Въ Гродн. губ. Вѣлост. у.: сталася мні пригода: была я увила пару віночков, и то забрала бистра вода, Сб. пам. свз. кр. 151.

Въ великорусск. сочетаніе „имали были“, „поѣхали были“ (Др. р. ст. Бусл. Гр. § 187, пр. 1, б.) оставалось до XVIII в., а какъ архаизмъ остається въ простонародныхъ говорахъ мѣстами, вѣроятно, и теперь. Сказочное выраженіе „жилъ былъ N“, справедливо относимое сюда Буслаевымъ (l. c.), ведеть начало отъ болѣе древняго оборота, чѣмъ только-что приведенные, именно отъ сочетанія безъ противительнаго оттѣнка.

Доказательствомъ, что „далъ былъ“ никогда не составляло одной формы, служитъ то, что въ русск. литерат., въ великорусскихъ и многихъ

млр. говорахъ оно разложилсь на безличное было, було съ прич. лъ: „хотѣлъ было пойти (йти), да раздумалъ“, „сѣлъ было писать, да помѣшали“; въ млр. (рядомъ съ выше приведеннымъ „хотівъ був“) „се ёму дяк таке списав, якъ він було думав залацятись до протопопівни“ (изъ чего однако ничего неvyšло), Кв. Подобно тому какъ въ „говорить, было, говорить, и ничего не скажетъ“, „пойдетъ, было, и вернется“, „быть, было, нанастью, да дождь помѣшалъ“, было возводится къ основному было ꙗсть и есть безличное сказуемое, несливаемое съ другимъ сказуемымъ въ одну форму; подобно этому и далъ было предполагаетъ посредствующую идеальную, а можетъ быть и объективно существовавшую ступень „далъ ꙗсть было ꙗсть“, или явственнѣе: „было есть: далъ есть“. Другими словами, для возникновенія оборота „далъ было“ необходимо, чтобы главное причастіе далъ въ сочетаніи далъ 182 былъ понято было не какъ причастіе, входящее вмѣстѣ съ былъ (есть) въ составное сказуемое, какимъ оно было въ самомъ дѣлѣ, а какъ особое сказуемое, получившее предикативную силу отъ опущеннаго при немъ вспомогательнаго глагола. Между тѣмъ, если-бы далъ былъ стало однимъ актомъ мысли, то распадентіе его на-двое въ далъ было стало бы невозможно.

Въ юго-западныхъ млр. говорахъ разсматриваемое сочетаніе является въ формѣ „писав-смѣ бувъ“, „писала-м була“, со значеніемъ неограниченнымъ противительностью, какъ и въ польскомъ теперь (Małec. Gr. § 720) и въ старину: Jidzyk położył (i?) skargę, kako gdy na drodze był usnął, Falek, nadjida (прич. наст.), wziął jemu tobołą, w jejże byli trzi skotce groszow... Falek jako kole o tobołą się wyznał i to (tą) wrocił był, a wszakoż trzech skot zaprzął, 1449, Ks. Ust. 52; gdy wieczor w domu jego stała się była swada, Falek, przyszedw, swięcą sgasiał, jaż gdy była sgasła, Jidzyk nie wie.. przez kogo w onej swadzie był urenion, ib. 52—3. Въ чешскомъ: vykonal, což byl mluvil; ten prsten poznal, že jej byl v řeku dávno uvrhl, hospodinu chválu vzdal, Zikm. Skl. §§ 251—2. Въ сербскомъ—рядомъ съ вышеупомянутыми двумя сочетаніями „бјесмо и бијасмо дошли“: „намјера га нанијела била на дво-рове Јања капетана, и Јања га виђе..; ту су ноћцу били боравили, докле самну и огрија сунце..“ въ хоруг., хорв. Mikl. Gr. IV 804—5. Несмотря на такое согласіе разныхъ славянскихъ нарѣчій, сочетаніе -лъ ꙗсмь былъ неслѣдуетъ возводить ко времени ихъ единства, помня, что есть и другія совпаденія, напр. нѣкоторыя сходства въ удареніяхъ между русскимъ и сербскимъ, которыя, въ отличіе отъ другихъ сходствъ этого рода, возникли съ разныхъ нарѣчійхъ самостоятельно, какъ естественные выводы изъ общихъ этимъ нарѣчійхъ посылкобъ.

183 Въ литовскомъ и латышскомъ тремъ слав. сочетаніямъ -лъ съ бѣхъ, бѣахъ и былъ ꙗсмь и нѣмецкимъ временамъ съ war и hatte соот-

вѣтствуетъ сочетаніе прич. прош. = слав. -ъ -въ съ лит. *buwai*, латыш. *biju* (прош. сущ. гл.).

13. Причастіе -лъ съ быхъ, бы.

Аористъ 1 л. ед. бимъ, 3. би, 1 мн. бимъ, 2. бисте, 3. биша и, другого образованія, бж, встрѣчается въ древнихъ цсл. т. наз. (Микл.) Паннонскихъ памятникахъ только въ сочетаніи съ прич. -лъ для выраженія условности (съ аште и безъ него) и желательности (съ да), Mikl. Gr. IV, 715—7; III, 81—9. Аористъ быхъ, бы, быхомъ, бисте, быша извѣстенъ и въ стар.-сл., и въ русскихъ памятникахъ и въ значеніи изъявительномъ. Такъ, кромѣ выше приведенныхъ примѣровъ, въ слѣд.: не бо създанъ бы мужъ жены дѣля, Изб. Св. 1073, Срезн. Пам. русск. письм.; въ Супр. ркп. см. Mikl. V. Gr. III, § 259; нельзѣ бы имъ доѣхати, Ип. 24 (232); 37 (254); Святославу же бы изъ головы: любо же дати жену и дѣти и дружину на полонъ, любо голову свою сложити, Ип. 27 (238); предивно знаменіе бысть на небеси: быша три солнца съяоче межи собою, Ип. 18 (221). Бы съ предлогами и бысть съ предлогами или безъ нихъ и вовсе не встрѣчаются въ другомъ значеніи, кромѣ изъявительнаго, и это—въ связи съ тѣмъ, что какъ бысть, такъ и всѣ предложныя формы гл. быти (напр. ту перебы три дни, Ип. 46; несбыся мысль его, ib. 52) до конца сохраняютъ вещественное значеніе, между тѣмъ какъ переходъ аор. быхъ къ значенію условному и желательному, совершившійся быть мож. еще до раздѣленія слав. языка, предполагаетъ уже чистую формальность этого аориста, его тѣсную связь съ причастіемъ -лъ. Случаи, въ коихъ быхъ въ условномъ значеніи стоитъ внѣ этого сочетанія, должны быть объясняемы опущеніемъ причастія былъ: „аще бо бы перевозникъ Кій (былъ), не бы ходилъ Царюгороду, Лавр. 4.

Въ отличіе отъ сочетаній -лъ съ временами изъявительнаго наклоненія, условно-желательное быхъ -лъ представляется намъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ не сочетаніемъ формъ, а одною формою.

А. Подъ условностью быхъ -лъ разумѣются два родственные от-184 тѣнка: выраженіе дѣйствія уславливающаго, или условія въ тѣсномъ смыслѣ, и дѣйствія уславливаемаго и зависимаго: „съ а бы былъ пророкъ, вѣдѣлъ оубо бы, кѣто и какова жена, яже прикасається кѣмъ, О. Ев. Лук. 7, 39; аще быхъ вѣдѣлъ, неѣхалъ быхъ, Русск. лѣт., если бы я зналъ, я бы непоѣхалъ. Условіе можетъ подразумѣваться: „сказалъ бы словечко! (да волкъ недалечко); купилъ бы село! (да денегъ голо). Сюда—вѣжливыя, осторожныя утвержденія: я бы думалъ, что..., серб. рекао би човјек., поль. rzekł byś.. (Mikl. IV, 873). Обозначеніе дѣйствія уславливаемаго легко можетъ обходиться безъ союза, кромѣ того, который позднѣе возникаетъ изъ быхъ; уславливающее, по види-

тому, постоянно требуетъ союза (въ стар. яз. аще, рус. аче, а, да, оже и пр.), но его условность не создается, а лишь видоизмѣняется союзомъ. Позднѣйшія выраженія, какъ вр. „было бы счастье, а дни впередъ“ (XVII в.); была бь.. прежняя молодость, повыручилъ бы тебя, Рыбн. I., 442 (ср. поль. луж. Mikl. IV 812); мдр. „побачила-б (т. е. если-бы увидала) її мати, що-бъ тоді їй було?“, заставляють думать, что если-бы у насъ были образцы древней простонародной рѣчи, мы могли бы найти въ нихъ выраженія уславливающаго дѣйствія безъ союза, въ родѣ „вѣдѣль быхъ — неѣхаль быхъ“ и безъ другого отличія этого дѣйствія отъ уславливаемаго, кромѣ тона рѣчи.

Весьма вѣроятно, что основаніе перехода прошедшаго времени изъ-язвительнаго наклоненія къ значенію условности, или *tertium comparationis* между прошедшими временами изъявит. накл. и условностью, и даже вообще идеальными наклоненіями, каковы условное, сослагательное, желательное, состоитъ въ томъ, что, какъ идеальныя наклоненія изображаютъ событія существующими только въ мысли, такъ и прошедшее можетъ разсматриваться „со своей негативной стороны, какъ отрицаніе дѣйствительнаго присутствія (наличности) явленія“ (Ворр. Vergl. Gr. § 520), въ томъ смыслѣ, что если явленіе было, то стало быть его уже нѣтъ. „Въ зендскомъ, говоритъ Боппъ, *imperfectum* весьма часто употребляется, какъ сослагательное (*conjunctivus*) настоящаго 185 времени; въ подобномъ значеніи встрѣчается и прошедшее удвоенное. Къ этому слѣдуетъ прибавить то, что въ зендѣ сослагательное даже тамъ, гдѣ оно формально обозначено, чаще выражаетъ настоящее (*die gegenwart*) посредствомъ имперфекта, чѣмъ посредствомъ настоящаго (*praesens*); что и въ санскритѣ сослагательное имѣетъ аугментъ (знакъ прошедшаго времени), что и въ нѣмецкомъ и латинскомъ условность выражается временами прошедшими“. См. и Mikl. Gr. IV, 808.

То стремленіе, въ силу котораго общеславянское *быхъ -лъ* получило условное значеніе, проявилось и въ частныхъ явленіяхъ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Въ сербскомъ и болгарскомъ подобное значеніе получаютъ и другія прошедшія изъявительнаго накл.:

„Ал' с волија Пивлянина Баја

Ал' турчина Куну Хасан-агу?

Но говори Анѣа Иванова:

Е волијах Пивлянина Баја, Цѣв. Црног. 147.

По-польски было бы *wolała bym*, да и по-сербски можно бы сказать „воледа бих“. Эта условность независитъ отъ присутствія союза, такъ какъ *e* есть по видимому частица равносильная съ *ѣ-же*, русск. *о-же*, имѣвшая первоначально относительное значеніе русскаго *что*, *що* и, подобно этому послѣднему, употреблявшаяся и плеонастично. Впрочемъ, быть мож., слѣдовало бы писать „одговори, *e* (=что) „волијах“. Позд-

нѣ по характеру появленіе въ серб. при такомъ, какъ выше, переходящемъ условномъ (волижахъ) союза би:

Волижах би Мирковића Вука
Само гола у кошуљи танкој,
Него пашу, мога вјереника, Пѣван. Црног. 59.

Такую условность переходящаго слѣдуетъ отличать отъ условности, представляемой пермиссивностью (пусть будетъ..., или „допустимъ, положимъ, что...), зависящей отъ союза да, который въ этомъ смыслѣ присоединяется въ серб. не только къ переходящему, но и къ настоящему и будущему. Въ слѣдующемъ примѣрѣ только второе переходящее есть чисто условное, а первое—пермиссивное:

Да-с оѣаше тио наоблачит',
Е (плеонастич.=что) неимаше ѣе капля крунути
Од доброга коня и јунака, Пѣв. Црног. 142.

186

„Да неодолеѣеше (если бы неприбѣжали и нерозняли) жене, ѣадијау бити говна и од мене, и од њега“ (говорить тотъ изъ двухъ подравшихся, которому больше досталось), Карадж. Приповј. 28.

Въ слѣдующемъ, въ первыхъ предложеніяхъ прошедшими съ условнымъ союзомъ выражено то, что въ русскомъ—будущимъ въ условномъ значеніи:

Ако запех стр'јеле моје,
Устр'јелићу тебе, Јанко, Кар. II. I, 181.

„Ако био (=будеть, если будетъ, буде будетъ) торбоноша, био (=пусть будетъ) мајци живѣ; ако био гочобија (бубњар) небио јој жив“, говорила цыганка, когда у нея родился сынъ.

Въ болгарскомъ:

Да бѣѣ брала (въ подарокъ) бѣло платно,
Би ѣ гора заградила..
Да бѣѣ брала бѣло руво,
Ке бѣѣ дѣбѣ изблекла..
Да бѣѣ брала ко'анѣ герданѣ,
Сѣ(=а)-та гора ке ѣ обко'аѣ
Се со злато и со стрѣбро, Миладин. п. 5.

„Да бѣѣ брала“—пермиссивно условное; „ке бѣѣ изблекла“, „ке обкоаѣ“ чистые условныя (заключительныя) въ коихъ ке=ште сообщаетъ значеніе возможности и неимѣетъ прямого отношенія къ условности, зависящей отъ прошедшаго.

Да ти бѣше Мирче помалечек! ив. 283, еслибъ у тебя (еще) былъ меньшей (братъ) Мирче!

Ако бѣше правила (еслибъ дѣлала, быть мож. съ оттѣнкомъ предшественности слѣдующему „можеше“) сѣка муха медъ, то можеше (могъ бы) да си направи и брѣмбарь-атъ, Пам. и обр. нар. яз. 129.

Ако би сѣка пчелá медь брала, то и стръшенъ-тъ штѣше наймного да набере, *ib.* 335, „хотѣль набрать“, т. е. набралъ бы въ будущемъ по отношенію къ „ако би брала“.

Б. Желательное значеніе „быхъ -лъ“ является не только въ присутствіи союзовъ [въ стар. русс. а-(быхъ), да (быхъ), аже (быхъ), что 187 (быхъ), како (быхъ), въ нов. влр. что-бы и пр.], но и безъ нихъ: а бы Богъ даль, вы быста уладилася съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ а (=и, союзъ соединит.) быста вы сѣдѣла въ Кіевѣ, *Ип.* 46; въ позднѣйшемъ влр.: дай Богъ, ты бы, господинъ мой, здоровъ былъ на многіе лѣта, и съ своею княгинею, и съ своими дѣтми, а язъ бы твое, своего господина, здоровье слышалъ, ажъ дастъ Богъ—видѣль (формула) 1536. *Ак. З. Р. II* 339; вези ты Афросиню королевишну.. ко ласкову князю Владимиру честно, хваљно и радостно, было бы (т. е. чтобы было) намъ чѣмъ похвалитися, *Др. р. ст.* 94; сколь жарко дрова разгораются со тѣми слѣды молодецкими, разгоралось бы сердце молодецкое, *ib.* 64; въ млр. побила-б тебе лихая година! Въ стар. пол. *angelom swoim bog kazał o tobie, bychŏ strzegli ciebie we wszecch drogach twoich, ps. Małg. (Mikl. gr. IV, 809).*

Въ виду того, что союзы, стоящіе при желательномъ сказуемомъ суть заключительныя, а равно и того, что въ выраженіяхъ, какъ нынѣшнее „ты бы сходилъ къ нему“ (въ знач. „а тебѣ бы сходить“) довольно явственно предполагаютъ условіе („ты бы сходилъ, если хочешь“ и т. п.); можно бы думать, что желательность формы, „быхъ -лъ“ возникла изъ условнаго наклоненія, именно что желательное „быхъ -лъ“ сначала представлялось дѣйствиємъ условленнымъ, при коемъ умолчано уславливающее. Однако вѣрнѣе, что самое „ты бы сходилъ!“ (если воля) есть первоначально желательное уступительное, переходящее къ условности также, какъ повелительное въ случаяхъ „кинъ хлѣбъ на лѣсъ, пойдешь, найдешь“. Т. о. можно понимать вышеприведенные серб. болг. примѣры съ да и мр. „непотурала-бъ їй мати (если бы, т. е. пусть бы непотакала, неподажала), лучче-б було“.

Кажется вѣрнымъ то, что, если не въ этомъ случаѣ, то въ другихъ, мысль можетъ прямо переходить отъ изъявительнаго прошедшаго къ желательному наклоненію. Въ желаніи, разсматриваемомъ независимо отъ словеснаго выраженія, осуществленіе, то есть сляніе возникающихъ въ мысли образовъ желаемаго, сложившихся изъ прежнихъ воспріятій, съ новыми воспріятіями, есть событіе будущее. Согласно съ этимъ въ языкѣ представленіе желательнаго прошедшимъ можетъ разсматриваться какъ частный случай представленія объективно-будущаго прошедшимъ. Такой пріемъ мысли въ общихъ чертахъ—одинъ и тотъ же какъ тамъ, гдѣ онъ пользуется наличными средствами языка, непреобразуя ихъ на долго оцутительнымъ образомъ, такъ и тамъ, гдѣ онъ создаетъ

новыя грамматическія формы. Примѣромъ перваго случая могутъ служить многія литовскія и русскія пѣсни. Въ одной лит. п. далеко выданная за-мужъ думаетъ о томъ, какъ бы ей воротиться домой: „Пойду 188 я въ лѣсъ къ пестрой кукушкѣ, займу у нея крыльевъ и рябыхъ перьевъ, полечу къ матушкѣ, къ батюшкѣ въ вишневый садочекъ, въ рутяный огородецъ, тамъ буду качаться (на вѣткѣ), тамъ буду куковать, не услышитъ ли матушка, не услышитъ ли бѣлая (милая, ласковая)“. До сихъ поръ желаемыя событія признаются за будущія и изображаются будущими временами (eisiu, lėksiū и пр.). Но затѣмъ, въ силу самообольщенія мысли, будущее является уже совершившимся, и вслѣдъ за „неуслышитъ ли матушка“, пѣсня продолжаетъ: „Услышала голосокъ, открыла окошко: „Не моя ли дочка? Не моя ли молодая? По кукованью, по качанью (на вѣткѣ), кажется, моя дочка, кажется молодая“ (Nesselm. Lit. Volksl. N 281). Это мотивъ первоначально русскій:

Ой давно, давно я в роду небула:
А вже тая доріженька терном заросла,
Терном заросла, листом припала,
Червоною калиною понависала.

Ой як я схочу, терен висічу...
Червону калиноньку у пень выломлю,
До своєї матюнки в гості полену,
Буду літати, буду ковати,
Чи не вийде моя мати з нової хати.

И вотъ желаемое какъ бы совершилось, исчезла разница между воображаемымъ и дѣйствительнымъ:

Моя мати спить, спить та й нечує,
Невісточка голубочка теѣ-ж учула:
„Устань, матюнко, устань, утюнко!
Щось у нашому садочку за пташка кує!“
—Тож моя бещасная, безталанная:
Тутъ родилася, тутъ хрестилася,
У чужую стороненьку да й одбилася, Метл. 255.

193

Сестра, несчастно вышедшая за мужъ, встрѣчаетъ брата:

Ворота 'дчиняє, стиха промовляє:
„Ой поїдьмо, брате, свічок купувати,
Щоб нерва горіла, як я заболіла,
А друга палала, як я умірала“ ів. 281,

т. е. какъ заболѣю (что непременно наступитъ при такомъ житьѣ), когда я буду умирать. Такимъ образомъ, по выраженію пѣсни, „мыслью заноситъ“, превращая предметъ опасенія или ожиданія въ совершившееся событіе.

Вообще будущее событіе, которое вотъ-вотъ должно непременно совершиться, будетъ ли оно намѣренное, или нѣтъ, можетъ изображаться прошедшимъ глаголомъ совершенныхъ, именно въ влр. пѣсняхъ (изрѣдка) единственнымъ прошедшимъ, какое осталось, а въ серб. (чаще) аористомъ и прошед. -лѣ ѣсмь:

Цсл. апте се погубиши, многаѣхъ съпаса нашего погубилъ ѣси на деждѣ, Supr. 276.

Послать Ваньку Долгополистаго?
Во полахъ вить Ванька замишайтсе,
Потерялъ онъ свою голову.

(Далѣе въ томъ же смыслѣ потерять), Кир. П. I, 53. Въ был., запис. Рич. Джемс. „прокличеть съ небесъ господень гласъ... побѣжалъ еси (=побѣжишь), собака крымской царь, не путемъ еси, не дорогою, не по знамени, не по черному“ (а “куда зря“).

Передъ отходомъ изъ дому Алексѣй говоритъ:

Молися ты Господу, трудися,
За Алексѣя божія чловѣка,
А я пошолъ во иншую землю“, Кал. Перех. I, 101.
Срб. Останите у травы зеленој,
А ја одох (уже пошелъ, т. е. пойду) на пашину кулу, Пѣв.
Црног. 43.

„Сједи (повелит.) ође на врата од града,
А ја пођох аги на двореве“,
Па отиде низ честе сокаке, ib. 115.
Хајд', ујаче, по нашем примоју,
Те покупи сватах не-стотинах,
Аја одох на бојали кулу,
Да припра'лям таин сватовима“, ib. 48.

„У кога је срце и мишица,
Сад нек Марку на помоћ потече,
Аја одох (пойду) да и нитко неће:
Ођу своју изгубити главу,
Ал' избавит свога побратима“, ib. 133.
Умријет ми није жао сада,
Јери сам се добро замјенио;
Него—јуриш, ако ме чујете,
Ер' ми Турци однијеше главу, ib. 98,

(т. е. вот-вот унесутъ, если несдѣлаете нападенія);

(Ага) клањат поче турскога намаза,
А гледа га Властелиновићу
Ниж његова бистра джевердара,
Па сам собом Цвјетко говорио:
„Фала Богу, фала јединоме!

Ако аги поможе клашање,
Те незгодих (непопаль, т. е. теперь непопаду) нега
джеверданом,

Погубићу Пивљанина Баја“, *ib.* 145.

Чекај, чекај соколице,
Да имаш крила од сокола,
Неутече (аор.) ме деснице, Гундулич, Babukić Slovnica.

За Бога, брате, молим те, умријех од жеђе (я умерь, т. е. вотъ умру): дај ми чашу воде, Карадж. Принов.

Ко се у баби најми (буд.), па за три дана несачува кобиле и ждробета, он је изгубио (уже потерялъ, т. е. навѣрное нгубить) главу *ib.* 28.

За десну је уфатио руку:

„Стани, Кадо, нијеси утекла!“ (неубѣжишь) Пѣв. Црн. 95.
(См. также Mikl. Gr. IV 787—8).

Отчасти сходно съ этимъ употребленіе прошедшаго для выраженія будущаго обычнаго событія въ пр.:

Хиба-ж усі хороші йдуть за паничів, або за купців? Потурай (=пусть) буде хороша, як тая квіточка, а таки йде за хлібороба: и краса її не-пропала; вона породила диточок и дикує Богу (Кв.). (Обыкновенно) мати стане на неї гримати, а вона жартує, регочетця та й розвадить матір. Се ж така була“ (положимъ) „сѣгодні; завтраж то, як увійшла в хату, так неначе й не вона: смутна, невесела, очи понурить, сидить—ні з місця (*ib.*)... Мовчить, мовчить, и коли в хаті нема піякого діла, то й пішов собі (*ib.*). Нехай же коли мати хоч трохи зморщитця.. вже Оксани з хати невиженеш, вже все забула (*ib.*). Зачепи ж її хто словом, зпитай об чім-нибудь, зараз зирк з під своїх вієк, вже й догадалася, з якою думкою питають її, вже такий и одвіт дасть (*ib.*). Там така була розумна, бойка, моторна: ще ти їй стань тілки на догад закидати, а вона вже й розкомпоновала, що куди йде и до чого (*ib.*). (Галочка на гриці) тілки (=було) добігá до такого, що вже (вона) зна, що хоч словом її зачепить, якъ раз тут и відвернулася (*ib.*). Подобнимъ образомъ употребляются въ греч. аористъ, въ лат. perfectum, на пр. Матѳ. 18, 16.

Въ приведенныхъ и другихъ подобныхъ примѣрахъ прошедшія времена такъ и остались прошедшими. Ихъ грамматическое значеніе несколько незатемнилось, ни переименилось, такъ какъ, хотя дѣйствіе, ими обозначенное, глядя со стороны, есть будущее, по самому говорящему въ моментъ рѣчи оно кажетъся прошедшимъ. Нѣкоторую середину между такимъ употребленіемъ прошедшаго и образованіемъ изъ него новой грамматической формы занимають, какъ кажется, формы на -лъ послѣд 191 „дай Боже“, „бодай“ (послѣднее—сначала предложеніе „Богъ дай“, потомъ частица=utinam), а равно и безъ такихъ выраженій: Дай-Споди,

здоровъ былъ государь мой батюшка... И дай господи, здоровъ былъ православной царь князь Великій Михаилъ Федоровичъ, а ему здержати царство московское и вся земля святорусская, п. зап. Рич. Джемс. 1620 г.

Влр. дай Божа, ты душачки в горадзи Русалими въ раю райвали, са святыми спачивали, Кал. Перех. I, 42.

Млр. бодай воли живі були, а плуг поламався, щоб мій милий из волами до дому пригнався, Метл. 6; и въ ругательствахъ: бодай він здох, бодай він луснув, бодай на путрю скис!

Польск. bodaj-em skonał, bodaj-s oslepił, bodaj zdrów (był), bodaj się był nigdy nieurodził; чеш. bodej zdrav byl; слов. bodaj ti tak Bohpla til и проч.

Такъ и въ лотышскомъ послѣ лай (=нехай, пусть, чтобы) можетъ ставиться и прошедшее, т. е. желаемое въ заключительномъ предложении можетъ отодвигаться въ прошедшее: aitiņai stali daru, lāi tā zimā nepūšala, овечкѣ дѣлаю хлѣвъ, пусть она зимою немерзла, т. е. чтобъ немерзла, пусть немерзнетъ, Biel. Lett. Gr. § 829, 13.

Этихъ выражений неслѣдуетъ смѣшивать съ такими, какъ млр. бодай би він здох, польск. bodaj bym osiwił, въ коихъ желательность зависитъ отъ быхъ. Въ первыхъ бы вовсе неопущено; въ нихъ еще чувствуется значеніе прошедшаго: „бодай вінпропав“ значить „чтобы онъ въ эту минуту уже пропалъ“, „bodajem był umarł“ чтобы прежде я уже умеръ.

Иное дѣло въ млр. выраженіяхъ, какъ „здоров був!“ „здорова була“, „здорові були“, „а побила тебе лихая година“¹⁾ (несмѣшивать съ „побила-б тебе лихая година!“), „геть нишов!“ влр. „пошелъ!“ „пошоль вонъ!“ и въ очень обычныхъ сербскихъ оборотахъ, какъ напр.

Јес' ли, Петре? паски погинуо! Пѣв. црн. 65.

Да'л невидиш? јади те виђели! ib. 73.

¹⁾ Сюда же, къ случаямъ прямого перехода отъ изъявительнаго прошедшаго къ желательному въ настоящемъ (исполнимому въ будущемъ)—свр. быть было въ значеніи быть бы. Вдова причитаеть:

Мнѣ пойти было, кручинной головошкѣ,

Мнѣ во эти мѣлкорубленни влѣточки

Мнѣ-ка взять было ключи до золочены,

Отомкнутъ было ларцы да окованы..

..Мнѣ-ка взять да столько цвѣтно его (покойника) платицо,

Приложить было ко блеклому ко личушку,

Мнѣ прижать было къ ретливому сердечушку... Барс. Причит. I, 37; ср.

ib. 14, 70).

Все эти дѣйствія объективно—будущія.

Подобнымъ образомъ уже въ XVI в.: государь (Ив. IV) велѣлъ тобѣ (посланнику) говорить; „пригоже было (т. е. -бы) намъ тебя жаловати, ѣсти къ собѣ звати; да еще есмь лѣты несовершенны, и быти намъ за столомъ, и намъ будетъ столь въ истому; и ты на насъ непомогли, а мы тобѣ ѣству пошлемъ на подворье“, 1538, А. З. Р. II 253.

Здрав дошао, Лека Дукађинче,
 Здрав дошао двору бијеломе,
 Тек дошао, муке те нападе:
 Боловао за девет годинах,
 Нити умр'о, нити преболио,
 Проз кости ти трава проницала,
 У њој ти се љуте змије легле,
 У срцу ти зиму зимовале,
 А у перчии љето љетовале! *ib.* 65.

Привежи ме коньма за репове,
 Раскини ме на четири стране...
 ...ако крива душа моја,
 Куд се моја крвца просипала,
 Онуда се земља провалила;
 Ће комаде тјела отпадали,
 Студено се створило камење,
 (Петрановић, Срб. н. цјес. 56).

Сюда же обычныя клятвенныя увѣренія, въ коихъ правда или неправда, исполненіе или неисполненіе ставятся въ зависимость отъ желаннаго или нежеланнаго событія: тако ја здрав био и ко ми је мио! (т. е. пусть буду на столько.. на сколько это вѣрно или невѣрно [рѣже безъ прошедш. глагола: „тако ја здрав и жив!“]; тако ме туђе ноге неносили!; тако ми се крсна свијећа неугасила! тако од мојега трага свијеће неостало! (т. ј. тако сви од мога рода непомрли и неимао ко крснога имена славити и у славу устајући свијеће палити Кар.; ср. надгробную неугасимую свѣчу въ *Ин. л.* 218 (600—1). Многочисленныя примѣры такихъ оборотовъ у Кар. *Послов.* 297—311.

Съ переходомъ къ условности:

„куд год ходила, сретна била; кад плакала, бисер ти ишао из очију место суза, и кад говорила, ружа ти златна из уста излазила“, Карадж. *Прип.* 176 (пожеланіе);

Била здрава глава моја (=пусть будетъ, если будетъ),
 Родиће ми љуба сина;
 Била кренка мишка моја
 А и остра ѣорда моја,
 Сјећи ће ми сабља Турке;
 Био собом јунак добар,
 Вићу стиман у дружину. Кар. II. I 182—3.

См. также *Mikl. Gr.* IV, 802—3.

Въ „здоров був“ и серб. „живио“ и т. п. нѣтъ и никогда небыло никакого особаго означенія желательности, въ родѣ „бодай“ или „а

бы¹⁾ и тѣмъ неменѣе желательное наклоненіе явственно, а предполагаемое имъ прошедшее изъявительнаго наклоненія настолько затемнено, что мы о немъ вовсе не думаемъ, что и служить признакомъ образованія изъ него новой формы: „здоровъ був“ значитъ уже не „(чтобъ) ты былъ уже здоровъ“, а только „будь здоровъ“ теперь и вообще.

В. Въ русскихъ памятникахъ до XIV—V вѣка быхъ съ прич. -ль въ условно-желательномъ значеніи еще вполне обычно какъ глаголь, 193 правильно спрягаемый по всѣмъ лицамъ и числамъ: ажъ быхомъ что тако учинили, того Богъ не дай, Смол. гр. 1229; аже бы ты у своемъ слове стоялъ а нашу братию проводилъ бы, мы быхомъ не поминали того коня;... то есть тебе, княжо, достоинно, аже бы тые люди казнилъ, както бышь инии людье боялися, кто лихую думу поддаваетъ.. у кого купишь, тому заплати, то они бышь на ты не жаловали, Грам. Рижанъ ок. 1300, Русско-лив. Ак. № 49; а нынѣ а бысте пустили жито у Полотеско, нач. XIV в., ib. 38. Игорь.. сойма шоломъ, погна опять къ полкомъ того дѣля, что быша познали князя и воротилися быша, Ип. 131; посылахуть въ Новгородъ изъ Тръжку, что быша Новгородци веѣли на коня въ Торжекъ, Новг. I, 80; што ѣсте просили насъ, а быхомъ васъ пустили до Лучька торговать.. Гр. Кестутя и Любарта 1341, Срезн. Др. пам.; штобы (союз.) ваша милость нашихъ Полочанъ к собѣ пускали, быхмо промежь себе торговали, Полоц. гр. 1465, Р. лив. ак. и мн. др. И теперь быхъ какъ глаголь, въ сочетаніи съ -ль живетъ на одной изъ окраинъ русскаго языка, въ горахъ юго-восточной Галиціи: „рубавъ быхъ калиноньку, невмію; корнявъ быхъ (отдалъ бы за мужъ?) свою дочку, несмію“, Голов. Шѣсни. II, 129, его же Грам. 160. При этомъ остается пока вопросомъ, удержалось ли здѣсь это быхъ непрерывно отъ того времени, когда оно было свойственно всему русскому языку, или же есть позднѣйшее заимствованіе изъ словацкаго? Возможно, что соѣдство словаковъ только помогло удержанію формы, неперестававшей быть въ тѣхъ мѣстахъ русскою.

Весьма рано, во всякомъ случаѣ не позже XIV вѣка, рядомъ съ этимъ быхъ, въ качествѣ глагола, совмѣщавшимъ въ себѣ предикативную силу (изв. рода отношеніе къ лицу и числу, впрочемъ безъ отношенія ко времени) съ отношеніемъ къ наклоненію, является въ рус-

¹⁾ Другое мнѣніе — см. Jagić, Primjetbe k sintaksi, Književnik II 1865: что оборотъ „недай Бог!“ (=недай Бог) возникъ посредствомъ опущенія би и союза да, это авторъ заключаетъ изъ поль. *dał by to bóg*“ и изъ того, что въ серб. хорв. сначала — только обороты съ да бы, потомъ, сначала изрѣдка, далѣе все чаще случаи „скраћенога моћнога начина“ безъ да би. Но, замѣчу, обороты съ бы и безъ бы могутъ не составлять одного ряда и, съ самаго начала, восходящаго для „яру ми было“, *εἴθε μοι γένοιτο* къ XI в. (Mikl. Gr. IV 802), могутъ выражать различныя отбѣнки мысли.

сихъ памятникѣхъ бы, какъ союзъ, отличающееся отъ глагольнаго быхъ двумя внѣшними признаками:

а) тѣмъ, что оно перестаетъ согласоваться съ причастіемъ -лъ и подлежащимъ: аже бы (т. е. язъ) лиха хотѣлъ, то что бы ми годно (было), то же бы створилъ, Ип. 16 (219); недодешшимъ же имъ города Сохачева, и думахуть о взятыи его, а бы (вм. а быша) въ землю глубоко неходили, Ип. 209 (584);

б) тѣмъ, что при прич. -лъ появляется настоящее время ꙗси, ꙗсте; ¹⁹⁴ это служитъ видимымъ знакомъ того, что отъ стоящаго тутъ же „бы“ отошла его предикативная сила и оно осталось только при модальномъ значеніи: „аще бысте человекѣи (былѣ, Ип.), то въ дне бы есте пришли (ходили), Лавр. 84; немогу поѣхати одинъ, а полкъ мой пѣшь; вы бы есте мнѣ повѣдалѣ дома, же дотолѣ ити, Ип. 135 (440); то же часто въ Новг. I лѣт. по акад. сп., напр.: биша челомъ архиепископу: „что бы еси, господине, благословилъ дѣтей своихъ Великій Новъградъ, чтобы господинъ нашъ В. Н... нелюбья отдалъ а насъ бы прилъ въ старину. И владыка Іоаннъ благослови Великій Новъградъ дѣтей своихъ: „чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали, а свою братью молодшую пріяли бы есте по старинѣ... были бысте за единъ братъ, Новг. I, 97; а что еси.. отнялъ.. Заволочье... а того бы еси.. (с)ступился, ib. 98; часто въ Пск. I и московскихъ и западно-русскихъ пам. XV—XVI в.: абы еси о томъ довѣдался.. ты бы еси велѣлъ то намъ оправити, 1456, Ак. З. Р. I, 71; неоднова къ тобѣ наказывали, што-бы еси то намъ направилъ, 1501—6, ib. 229; просили насъ, абы есмо имъ вси тые права и доброволенства.. подтвердили, 1511, А. З. Р. II, 87; а ты бы, пане Яне, и рада государя вашего такъ же бы есте хотѣли межъ государей доброго дѣла, ib. 240; а пили бы есте бережно, не допяна, ib. 308. Возможно, что примѣры „бы ꙗсмь -лъ“, „бы суть -ли“ если и встрѣчаются, то значительно рѣже, чѣмъ бы еси -лъ, „бы есте -ли“.

Совершенно то-же находимъ еще теперь въ одномъ моравскомъ говорѣ, близкомъ къ польскому (dz; с=ть, о=á; ch въ stracilach): musela by sem, Suš. Mor. P. 226; aby sem сѣ opuscula, ib. 229; aby sem našla, ib. 240. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно думать, что хотя бы ¹⁹⁵ собственно польскихъ сочетаній by jeśm, by jeś небыло найдено, но именно они лежатъ въ основаніи польскихъ by-m, by-ś, by, by-śmy, by-ście, by, смѣнившихъ въ XVI вѣкѣ старинныя buch, by, buchwa, bysta, buchmy, buchą. И тамъ, гдѣ какъ въ Силизии и у Подгалинъ сохранилось buch, бук, второе лицо един. ч. byś неможетъ быть возведено ко 2-му лицу аориста бы, и предполагаетъ сочетаніе by-jeś; равно и 3-е л. мн. by — не изъ быша или неизвѣстнаго въ ст.-сл. и др. р. бнхъ, а изъ ставшаго союзомъ бы съ опущеннымъ

вспомогательнымъ глаголомъ. Польское *буm* не лишено значенія и для специальнорусской грамматики, такъ какъ югозападнымъ млр. говорамъ свойственно *був-бим*, *-бись*, *-би*, *-бисьмо*, *-бисьте*, *-би*: Ой ко-б була-сь (= *коби-сь* була, из *ко-бы* была *късь*, *ко-бы* *късь* была), мати, знала таку мою долю, Ти (-б) була-сь мня утопила малов дітиною, н. п. (Mikl. IV 811).

Болѣе внутренній признакъ перехода предикативнаго *быхъ* (-лъ) въ союзъ *бы* состоитъ въ такой тѣсной связи этого *бы* съ другою предшествующей частицей, что *бы* получаетъ новое значеніе не само по себѣ, а въ связи съ этою частицею. Таковы напр. значенія въ *лише бы*, *лишь бы* (поль. *byle by*), *только бы* (серб. само да), *хотя-бы* (поль. *by*), *абы*, [которое въ нынѣшнемъ своемъ значеніи встрѣчается уже въ древнихъ русск. пам.: „а дѣтя крестяче дати причастье, любо си и неприношено на вечернюю или на часы, абы на обѣдню“, Впраш. Кюр. Калайд. Пам. 179; (писецъ говоритъ о своей работѣ:) аще ся кому и медлено створило, абы по скончаны что видѣтии і слышати сладко; 1296, Бусл. И. Хр. 83], *что-бы* (вр. *штобы*, *штобъ*, мр. *щоб*), *како бы* (вр. *как-бы*, *кабы*, мр. зап. *коби*), мр. *якби*, пол. чеш. *о-бу*.

Въ этомъ видѣ *бы* разрываетъ ту связь съ причастіемъ на *-лъ*, въ которой возникло его условно-желательное значеніе, и получаетъ возможность присоединяться къ другимъ формамъ: „*лишьбы* выйти за мужъ“, *лишь-бы* путній попался“. Изъ этой отдѣлимости *бы* отъ причастія неслѣдуетъ, конечно, чтобы нынѣшнее русск. *чтобы-сдѣлалъ* и т. п. небыло одною грамматическою формою. Это въ томъ же смы- 196 слѣ одна форма, въ какомъ падежѣ съ предлогомъ есть въ сущности одинъ падежъ.

Сказанное здѣсь несовпадаетъ со взглядомъ Буслаева, у котораго читаемъ: „Вездѣ, гдѣ *бы* ни встрѣтился союзъ *бы*, онъ относится къ глаголу и составляетъ вмѣстѣ съ нимъ наклоненіе условное¹⁾. Такимъ об-

¹⁾ Несовсѣмъ такъ, ибо этотъ союзъ въ млр. и блр. входитъ въ составъ мѣстоименій и нарѣчій: *абихто*, *абіщо*, *абіякий*, *абіняк*, *абічий*, *абіде*, *абікуди*, блр. *абыхто* и пр. Сюда неогносятся блр. *абыдзѣнь*, нар. въ теченіе одного дня, *абыдзѣнный*, въ одинъ день и пр. (Слов. Носовича), гдѣ *ы* этимологически неправильно, такъ какъ эти слова произошли изъ *обидьнь*, гдѣ *об* и предлогъ= *объ*, *объ* (скр. *абхи*). *Абихто* и пр. потеряли вслѣдствіе отношеніе къ условному наклоненію, напр. „*прийде абихто* (первый встрѣчный), *тай порядкуѣ*“. *Бы* входитъ въ составъ частицъ *будто-бы*, *якобы*, *служащихъ* для выраженія сомнительности и мнимости и сочетаемыхъ съ изъявительнымъ: „*сказали, будто бы онъ умеръ*“. Поль. *ni by* (Mikl. IV, 181), млр. *ніби* и *би* входятъ въ болѣе тѣсную связь съ глаголами и именами, сообщая имъ отгѣнокъ quasi: *сила та-й ні-би-шиѣ*; *сила* и *давай-бито* пити, Кв. Въ св. млр. *бы* становится сравнительнымъ союзомъ: (ср. Mikl Gr. IV, 812—3 *гетым* нас уже *цѣпудманѣш*, *бы той* *лицьвинъ* своего пана (т. е. *пудманувъ*); *добре* *лгау*, *бы* *гето ты* (*лжеш*); съ именами: *зробну* з соломы *бы-чоловјека* (т. е. подобіе *чоловѣка*, *куклу*), *Заблудовѣе*, *Эти*. Сб. III. Ср. с. вр. „*Молодцы бы* на коняхъ *бы* *свѣчи* *де* *горятъ*, *кони* *подъ* *ними* *бы* *соколы* *бы* *летятъ*“, Рыбн. III, 121.

разомъ, самые союзы: что-бы, дабы, если-бы, древн. абы, ажебы, аж-бы состоятъ собственно изъ союзовъ что, да, если, а, аже и глагола бы, входящаго въ составъ описательной формы прошедшаго условнаго; напр. выраженіе „чтобы пришелъ“ разлагается на союзъ что и условное прошедшее „пришелъ бы“. Поэтому эти союзы употребляются съ прошедшимъ временемъ, а не съ настоящимъ и будущимъ, Гр. § 194. Древне-русское „что бы пришелъ“ дѣйствительно разлагается на союзъ что и желательное бы пришелъ, коего предика-¹⁹⁷ тивное свойство и наклоненіе зависитъ отъ глагола бы; по нынѣшнее „чтобъ пришелъ“, „щобъ пришелъ“ возникло изъ этого древняго вовсе не прямо, а черезъ посредство „чтобы (есть) пришелъ“ и пр., въ коемъ глагольность зависитъ отъ ѣсть пришелъ, вовсе неимѣющаго условнаго или желательнаго значенія, а желательность отъ чтобы, въ коемъ бы уже вовсе неестъ глаголь.

„Употребленіе упомянутыхъ союзовъ исключительно съ прошедшимъ временемъ“ есть недомолвка въ виду оборотовъ „пойти бы“, „что бы пойти“, въ коихъ, кромѣ самого бы, нѣтъ никакого слѣда прошедшаго времени.

Г. Сослагательность, первоначально несвойственная славянскимъ языкамъ и до нынѣ легко изъ нихъ устранимая, въ малой мѣрѣ проникаетъ въ цсл. памятники изъ греческаго и въ гораздо большей изъ латинскаго въ книжный языкъ чешскій, польскій, а изъ него въ западнорусскій, уже начиная съ XIV в.

а) Такъ какъ условные союзы, каковы ст.-сл. аще, др.-рус. аже (изъ а оже), даже (изъ да оже, въ зн. если), аче, даче (да аче), ачи (аче и), позднѣйшіе русск. если, (изъ есть ли) ежели, област. „есть-когда“ (=если), буде и пр. сочетаются не только съ условными формами глагола, но и съ изъявительными; то условность формы быхъ -лъ есть нѣчто отличное отъ условности союзовъ и независимое отъ нея. Условность

Заслуживаетъ упоминанія, но не подражанія, попытка Гоголя внести условное наклоненіе въ область имени, посредствомъ употребленія бы въ причастныхъ (безглагольныхъ) придаточныхъ предложенияхъ: Спать умъ, можетъ быть обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ (М. Д.). Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ быть теплившагося въ груди, можетъ быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ быть, также исторгнуваго бы слезы изумленія и благодарности (Портр.). Но не такъ, какъ иностранецъ, преданный одному Титу Ливію и Тацитѣ, бѣгущій мимо всего къ одной только древности, желавшій бы въ порывѣ благороднаго педантизма скрыть весь новый городъ, — нѣтъ, онъ находилъ все равно прекраснымъ (Римъ). Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшіе бы въ другихъ мѣстахъ развратъ, ночи не дѣйствуютъ на него (народъ) (ib.). Пироговъ, увѣренный, что нѣтъ красоты, могшей бы ему противиться (Пев. Просп.). Такъ погибъ... бѣдный Пискаревъ... носившій въ себѣ искру таланта, быть можетъ, со временемъ бы вспыхнуваго широко и ярко (ib).

значеніа формы быхъ -лъ въ древнемъ языкѣ есть отрицаніе дѣйствительности событія, съ одной стороны несовпадающее со значеніемъ, сообщаемымъ отрицательною частицею не, съ другой—отличимое отъ сомнительности и зависимости отъ личнаго взгляда, заключенной въ коопъюнктивѣ. Во многихъ случаяхъ, гдѣ изображеніе уславливающаго событія требуетъ сослагательнаго наклоненія въ греческомъ и латинскомъ, въ ст.-сл., др.-рус., сербскомъ уславливающее событіе представляется дѣйствительнымъ, при чемъ условность союза совмѣщается съ изъявительностью наклоненія.

Польскій языкъ, сохраняя возможность ст.-славянскаго и, какъ можно думать, древняго общеславянскаго оборота съ изъявительнымъ при условномъ союзѣ, подъ вліяніемъ латинскаго и нѣмецкаго ставитъ здѣсь и условное съ бы. Тоже и въ чешскомъ. Литовско-лотышское условно-желательное наклоненіе (Schleicher, Lit. Gr. § 107, 139, 155—7; Bielenski, Lett. Gr. §§ 309, 722—7), построенное совершенно иначе чѣмъ славянское, въ функциональномъ отношеніи весьма сходно съ послѣднимъ, такъ что если литовскій переводъ иногда отклоняется отъ ст.-сл. въ употребленіи этой формы, сходясь съ нѣмецкимъ, латинскимъ, нов.-польскимъ, то это слѣдуетъ приписать вліянію этихъ языковъ.

Вотъ нѣсколько слав. примѣровъ условныхъ союзовъ съ изъявительнымъ наклоненіемъ, большею частью, но не непременно въ настоящемъ со значеніемъ будущаго:

Никто же бо неможесть знамении сихъ творити, аще не бѣдетъ Богъ съ нимъ, О. Ев. Ио. 3, 2. Такъ непременно въ нынѣшнемъ русск. лит.: если nebudeť съ нимъ, если Богъ не (есть) съ нимъ; въ серб. ако није; въ латыш. тоже ja ne ir; но въ польск. переводѣ, несмотря на возможность и правильность „jeśli niejest, niebędzie“ стоитъ „jeźliby niebuł; въ чеш. leč by byl“ (= развѣ, если бы былъ), въ литов. jej ne butu (усл.); въ греч. ἐάν μὴ ᾖ, лит. nisi sit. Въ нынѣшнемъ русскомъ мы здѣсь еще живо чувствуемъ, что наше условное наклоненіе неестъ сослагательное, т. е. что изъявительность въ выраженіи заключенія влечетъ за собою изъявительность условія (неможесть, если неестъ), и наоборотъ, только условность заключенія требуетъ условности условія: „немогъ бы, если бы небылъ“.

Аще кто неродитъсѧ съвыше, неможесть вѣдѣти (= видѣти) цѣсарства Божия, ib. Ио. 3, 3; аще кто неродитъсѧ водою и духомъ, неможесть въннати въ цѣсарство Божие, ib. 3, 5; русск. если неродится; серб. ако се нероди; въ чеш. въ обоихъ мѣстахъ по-славянски: nenarodi-li-se; такъ и въ литов. jej ne užgims (буд. изъяв.) и въ лот. ja ne ir pēdzimis (если не родился), ja ne pēdzem; но въ польскомъ, хотя въ одномъ мѣстѣ jeźli się nienarodzi, въ другомъ—jeźliby się nienarodził = ἐάν μὴ γεννηθῆ, nisi genitus sit v. fuerit.

Аще кто съѣсть отъ хлѣба сего, живъ бѣдетъ въ вѣкъ, ib. Io. 6, 51; русск. кто съѣстъ, вкуситъ; серб. могло бы быть „ко једе“; чеш. bude li jísti; литов. kas wálgis (буд. изъяв. безъ союза); лат. ja kas ēd (если кто ѣстъ); по въ пол. jeżeli by kto jadł, *ἐάν φάγη*, si quis ederit. Ниже въ такомъ же случаѣ и въ польскомъ изъявительное: „аще не ѣсте.. и пиете.. живота неимате“, ib. Io. 6, 53, jeżeli niebędziecie jedli, чеш. nebudete li jísti, лит. jej newálgisit (буд.), лот. ja ne ēdat, при *ἐάν μὴ φάγητε*, nisi ederitis.

Аще же съгрѣшитъ (*ἐάν ἀμαρτήσῃ*, si peccaverit) къ тебѣ братъ твой.. обличи и.. аще ли тебе послушаѣтъ (*ἐάν ἀκούσῃ*, si audierit) приобращтеши (будущ. несмотря на *ἐκέρδησας*, lucratus es) брата своего; аще ли непослушаѣтъ (*ἐάν μὴ ἀκούσῃ*, si non audierit) ихъ рѣци цркви; аже же и о цркви перадити начнетъ (*ἐάν παρακούσῃ*, si audire neglexerit), да бѣдетъ ти яко язычникъ и мытарь, ib. Mat. 18, 15—17. Въ русскомъ и серб. здѣсь изъявительное; въ чешскомъ условное и рядомъ изъявительное: zhřešil liby, uposlechl li by, jestliže by pak neuposlechl и jestli že pak neuposlechné; произвольное смѣшеніе того и другого въ польскомъ: jeżeliby zgrzeszył, jeżeli się nie usłucha; подобное смѣшеніе и въ литовскомъ переводѣ, но въ латыш. изъявительное.

Въ слѣдующемъ мѣстѣ въ ст.-сл. настоящее изъявительнаго и тамъ, гдѣ мы теперь въ русскомъ поставимъ или условное, впрочемъ, по общему правилу, и въ условіи и въ заключеніи, или будущее изъявит.: „сѣтьже и ина мѣнога, яже сътвори Иисусъ; яже аще по ѣдиному писана бываѣтъ (*ἐάν γράφηται*) ни самому, мнѣ, миру вѣстити (ѣсть) пишемыхъ кнѣигъ“, Io. 21, 28.

Такъ и въ русскихъ памятникахъ, вѣрныхъ строю языка: изъявительность условія при изъявительности, повелительности или дебитивности условленнаго: „ажъ оубыѣтъ моужь моужа, то мѣстити братоу брата“; „аже кто оударитъ мечьмъ а неогутнеть на сѣмьртъ...“; „и ли пхнеть моужь моужа... то... (Русск. Пр); „Што съ лицомъ приведуть татя, будетъ ли мочи чимъ платити, ино заплатити истинну... А пакъ ли злодѣй неимѣти будетъ, чимъ платити, ино и лица у дворъ неимать, воротити истьцю, у кого украдено“ (Судебн. Казим. Ягайловича 3468, А. З. Р. I, 80—1).

Въ отличіе отъ этого въ западнорусской письменности въ условіяхъ ставятся сочетанія съ бы при изъявительности или дебитивности заключеній:

Если бы хрестьянинъ жида забилъ, маеть быти каранъ, яко винный.. Если бы хрестьянинъ жида вдарилъ такъ, яко бы криви нерозлилъ, маеть на немъ вина быти... Если бы хто калъ (s. вм. какъ) на школу жидовскую металъ, тотъ маеть старостѣ нашему заплатити два фунты перцу и т. д. (Гр. Витовта 1388, А. З. Р. I, № 9).

А коли бы два мѣли ся правовать... ино учинити имъ рокъ... а который бы изъ дву тыхъ сутжаевъ невыѣхалъ, тотъ безъ суда виновать и пр. (Судебн. Казим. Ягайловича 1468, ib. 83). А коли бы кто коня а любо клячу знашолъ блудящую... ино оповѣдати околици (ib., но и много случаевъ безъ бы=а коли украдутъ... а пак ли который што утаить...).

Кгды бы нѣкоторый съ землянъ.. былъ обвиненъ чрезъ Русина.. таковой ма быть позванъ... 1501, ib. 224.

200 б) Латинскій *conjunctivus* въ независимыхъ вопросительныхъ предложеніяхъ, какъ *quis hoc credat, quis dubitet quin in virtute divitiæ sint, quid enumerem artium multitudinem*, передается, или русскимъ изъяснительнымъ наклоніемъ личнымъ („кто этому повѣритъ“, кто станетъ сомнѣваться“), или дебитивнымъ (есть съ неопредѣленнымъ: „зачѣмъ мнѣ перечислять“). Наше „кто этому повѣритъ?“ объективно значить въ этомъ случаѣ, что „никто этому неповѣритъ“. Между тѣмъ, поставивши здѣсь русское условное, получимъ объективное значеніе, совершенно несогласное съ такимъ же значеніемъ лат. конъюнктива: выраженія „кто бы этому повѣрилъ?“, „кто бы сталъ сомнѣваться?“, „зачѣмъ бы мнѣ перечислять?“ собственно говоря, значать, что если-бы даны были такія-то условія, то никто бы неповѣрилъ, никто бы несталъ сомнѣваться, я бы несталъ перечислять; но такъ какъ этихъ условій нѣтъ, то теперь вѣрятъ, сомнѣваются, я перечисляю. Русское „кто бы могъ этому повѣритъ?“ значить не то, что никто этому неможетъ повѣритъ, а то, что такъ бы было (никто немогъ бы повѣритъ) при обыкновенныхъ условіяхъ, такъ бы должно быть по видимому, а между тѣмъ приходится вѣрить. Въ отличіе отъ этого въ чешскомъ, хотя сохраняются обороты, общіе этому языку съ русскимъ и, какъ я полагаю, согласные со строемъ древняго общеславянскаго языка (*sož mám učiniti? jak tebe nemilovati?*, какъ и въ пол.); но есть и другіе на латинскій ладъ: *kdož by se ne bál tebe, Paně? hřimati, i kdož by se ne désil?* (Zikm. Skl. § 258, 2), что должно значить не то, что всякій бы боялся, если бы.. а то, что „всякъ боится“. Впрочемъ возможно, что въ нѣкоторыхъ относящихся сюда случаяхъ чеш. яз. самостоятеленъ, ибо и въ сербскомъ находимъ такіе же обороты: „Боже сочувај! како бих ја оставио тако свога побратима? Карадж. Прип. 216; како би он царски син узео говедарску кћер.? ib. 219.

в) Подобнымъ образомъ и тамъ, гдѣ латинское сослагательное въ зависимыхъ вопросительныхъ предложеніяхъ изображаетъ вопросъ, какъ рѣчь, или мысль лица, указаннаго главнымъ предложеніемъ, напр. *videamus primum, deorum ne providentia mundus regatur? quaeritur, quot sint genera rerum expetendarum? difficile dictu, quænam causa sit, cur..* мы на мѣстѣ сослагательнаго должны поставить изъяснительное

(„спрашивается, какая (есть) причина..?“), ибо выражение „спрашивается, какая была бы причина?“ заключаетъ въ себѣ вопросъ не о существованіи причины, а о ея возможности, если-бы было нѣчто другое. Непохоже на плодъ самостоятельнаго развитія языка то, что именно въ такихъ случаяхъ встрѣчается условное въ смыслѣ сослагательнаго въ цел., польскомъ и чешскомъ:

Вънѣде же помышлениѣ въ на, кѣто ихъ ваштеи би былъ, Марьин., Зогр. ев. Лук. 9, 46; *τίς ἄν εἴη μεῖζων*, quis esset.

Недоумѣхъ, чѣто бж отвѣштали ꙗмоу, Марьин. Марк. 14, 40; *τί ἀντὶ ἀποκριθῶσι*, quid responderent.

Глаголаахъ дроугъ къ дроугоу, чѣто биша сѣтворили Исви, ib. Лук. 6, 4; можетъ быть оправдано, если понято, какъ желательное: *τί ἄν ποιήσαι*, что бы (желательно было) сдѣлать.

Сѣвѣтъ творѣхъ нанъ, како и бж погоубили, ib. Марк. 3, 6; *ἵνα ἀποθῶσι*, какъ погубить, или въ желательномъ смыслѣ, „что-бы“ (ut perderent) v. какъ бы погубить.

Искаахъ, како и бж погоубили.. како и бж оубили, ib. Марк. 11, 18; 22, 2.

Чеш. *tázal se jich, kdeby se Kristus měl naroditi*, Матѣ. 2, 4, польск. *dowiadował się od nich, gdzie by się miał narodzić, ubi nasciturus esset*, что, буквально переведенное на русскій, получило бы не то значеніе, которое въ „въпрашааше ꙗ, кѣде хсъ раждається“, гдѣ имѣеть родиться, гдѣ долженъ дѣйствительно родиться, а другое, ошибочное: „гдѣ бы ему выбрать мѣсто для рожденія (когда онъ родится)“, или „гдѣ бы по настоящему ему слѣдовало родиться“ (если онъ родится).

Чеш. *pilně se jich vypytał, kterého by se jim času hvězda byla ukázala*, Матѣ. 2, 7, quo tempore stella apparuisset. Въ польскомъ безъ *by*, что лучше: „o czasie, którego się gwiazda ukazała. Кажется, въ употребленіи здѣсь въ польскомъ то изъявительнаго, то условнаго въ смыслѣ сослагательномъ, руководить случайность, которая была бы устранена съ устраненіемъ подражанія латинскому, или съ совершеннымъ подчиненіемъ этому языку.

Другіе чешскіе примѣры см. у Zikm. Skl. 634—5 и 406: *vypytał se, 202 bylo liby to tak v pravdě* (въ самомъ ли дѣлѣ это такъ)? *otázal se, viděl li by co* (т. е. видитъ ли что? невидитъ ли чего?); *mysliti potřebí, zda by jak napraveno býti mohlo*, т. е. можно ли какъ либо исправить; русское „нельзя ли бы было“, „можно ли бы было исправить“ предполагаетъ умолчаніе условія „если бы было то-то“. Въ литовскомъ и латышскомъ въ числѣ оборотовъ, употребительныхъ въ вопросительныхъ зависимыхъ предложеніяхъ, нѣтъ условнаго наклоненія; но нѣкоторымъ соотвѣтствіемъ конъюнктиву служить причастіе или дѣепричастіе безъ

глагола (klausé jus, kur Kristus užgimsės, Матѳ. 2, 4), о чемъ уже выше была рѣчь по поводу подобныхъ славянскихъ оборотовъ (стр. 223-7).

Въ ст. южно-русс. письм.: „пыталъ есмы того вязня, хто би былъ?“ Арх. Юз. Р. III Ак. о воз. I, 60, 1593. У Гоголя: „Любопытно бы одинакоже знать, кто бы такая была писавшая? (М. д.—кто такова).

г) На мѣстѣ латинскаго сослагательнаго въ придаточныхъ предложеніяхъ, начинающихся съ *quicumque* и пр., напр. „*Mithridati rex permisit, ut, quodcumque vellet, liceret impune facere*“, и въ русскомъ можетъ стоять „бы -ль“, но непременно въ сочетаніи съ ни: „что бы ни захотѣлъ сдѣлать“, „все, чего бы ни захотѣлъ“, „кто бы ни былъ“ „что бы ни было“ и пр. Русскій оборотъ и здѣсь остается чисто-условнымъ. Имъ выражается всестороннее отрицаніе условій, указывающее на безразличность этихъ условій по отношенію къ уславливаемому: „чего бы ни захотѣлось, все явится“=„захотѣлось ли бы того, другого, третьяго и т. д., все“..

То-же самое ни, послѣ мѣстоименій и мѣстоименныхъ нарѣчій съ изъявительнымъ, даетъ concessivное значеніе: „чего ни захочется, все..“=„пусть захочется того, другого и т. д., все..“. Общему „что ни будь“ соотвѣтствуетъ частное „будь что (срв. буд за што купио,— за бездѣнокъ). Что ни есть ср. съ „Вы свезите-тко въ какое е селенье, Барс. Прич. I 259.

Когда говоримъ „что бы ни случилось, надѣйтесь на меня“, то наше условное заключаетъ въ себѣ не отрицательный смыслъ, какъ можно бы думать, судя по тому, что условность есть отрицаніе дѣйствительности, а положительный: непременно что нибудь случится. Такое значеніе вытекаетъ изъ того, что русскій оборотъ, благодаря ни, исчерпываетъ весь кругъ возможныхъ условій. Безъ ни получилась бы только недѣйствительность одной изъ этихъ случайностей. Въ отличіе отъ этого въ чешскомъ находимъ условное при *ktož, kdožkoli* не только въ этомъ послѣднемъ значеніи, тамъ, гдѣ условное безъ ни умѣстно и въ русскомъ („*to kdož by pravil, v hrdlo by lhal*“, кто бы это сталъ говорить, если бы кто сказалъ это, солгалъ бы), но и тамъ, гдѣ безъ ни при мѣстоименіи въ русскомъ необходимо изъявительное: „*kdož by činil vůlí boží, tent' jest bratr můj*. Здѣсь въ русскомъ условное значило бы не „кто творить“ и не „кто бы ни творилъ“, а „кто творилъ бы, если бы... но въ настоящую минуту нетворить“. „*Kdož by koli jedno z takových dětí přijal ve jměnu mém, mnet', přijímá* и пр. Марк. 9, 37; такъ и въ польскомъ переводѣ „*kto by przijał*“; по русски возможно только „кто приметъ“, такъ какъ „кто бы принялъ“ означаетъ лишь возможность принятія при существованіи условій. Другіе чешскіе примѣры см. у *Zikm. Skl.* стр. 400, а).

Въ ст. западнор. письменности:

А хто бѣ мѣлъ нарушити, розсудится со мною въ день судный, Гр. Олиз. Кирдѣевича 1483, А. З. Р. I, 104. Между тѣмъ въ этой обычной формулѣ русскій оборотъ—съ изъявит.: „даже кто запѣртитъ или тоу дань и(ли) се блюдо, да соудить ꙗмоу Богъ, Гр. Мстисл. 1130 г.; „а хто се слово наше порушитъ а иметь въ тые имѣнія вступатися, розсудится со мною предъ Богомъ, Киев. гр. 1446, А. З. Р. I, 60.

Мы Александръ.. ознаймуемы черезъ тотъ нашъ листъ всимъ тымъ, которымъ бы была потреба, 1492, *ib.* 120. Раньше этого времени и позже въ этой формулѣ бываетъ изъявительное: „даемъ вѣдати кождому.. комужъ того будетъ потреба вѣдати, *ib.* 68, 144.

Есте прирекли, естлибы Богъ отца нашего, короля, невховаль, тогды иного господаря немѣли есте мѣти, нижли сына его... который бы былъ (= который будетъ) господаремъ на вел. княжествѣ Литовскомъ, 1492, *ib.* 115.

д) Въ латинскомъ ставится сослагательное въ придаточныхъ, начинающихся съ относительнаго мѣстоименія, при главномъ предложении съ *quis* и *nemo* (*nullus*, *nihil*) и глаголомъ *esse*, *existere*, *reperiri*, *inveniri* и пр., напр. *quis est, qui hoc dicere audeat? nemo est, qui possit; nihil est, quod tam miseros faciat, quam...*“. Въ новомъ русскомъ, согласно съ вышесказаннымъ, можно бы ожидать только оборотовъ въ родѣ „нѣтъ никого такого, кто можетъ..“; въ стар. русс., какъ и въ ст. чешскомъ, въ подобныхъ случаяхъ мы видѣли причастіе безъ глагола „нѣсть кто донеса“, а ниже разсмотримъ случай съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (нѣ-кому принести). Но въ русск. литератур. мы здѣсь находимъ, кромѣ вышеупомянутаго, съ нѣтъ (небыло, небудеть) въ главномъ предл., и съ относительнымъ словомъ и бы въ придаточномъ: „нѣтъ челоуѣка, который бы за собою неимѣлъ какихъ нибудь грѣховъ“, Гог.; нѣтъ (нѣтъ ли, незнаете ли и пр.) такого (в. того), ктобы сзумѣлъ (в. несзумѣлъ)..; нѣтъ города, гдѣ бы было то (в. небыло того-то), куда бы..; нѣтъ того дня, когда бы было (в. небыло).. Общею замѣною этихъ относительныхъ словъ служить что бы (и въ мр. щоб): „уже прошли тѣ времена (=нѣтъ тѣхъ временъ), что бы (=когда бы) нѣсколько сорванцовъ могли возмутить цѣлое государство“, Гог. Череп.

Съ этимъ сроденъ оборотъ со „чтобы..-ль“ при главномъ сказу-204 емомъ съ отрицаніемъ, весьма распространенный, въ иныхъ случаяхъ правильный, соответствующій латинскимъ „*non dubito, quin*“, „*dici non potest, quin*“ съ сослагательнымъ. Въ иныхъ случаяхъ онъ отдаетъ подражаніемъ, напр. „всякой галантомъ неможетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою неимѣлъ никогда дѣла съ такимъ челоуѣкомъ“ Фонвиз. (=что небудеть имѣть..); Ле-Брюнь немогъ равнодушно слышать, чтобы говорили о Ле-Сюеровыхъ картинахъ, Карамз. (Бул.

Гр. § 272 б) β) = когда говорили. „Никто несомнѣвался, что бы за нимъ неосталось первенство [Гог. Портр., ошибочно, вм. „никто несомнѣвался (=всякъ былъ увѣренъ) что за нимъ останется первенство]. „Одиссея захватываетъ весь древній міръ... Словомъ, трудно даже сказать, чего бы не обняла Одиссея или что бы въ ней было пропущено“ (Гог. Переп. съ др. = чего необнимаетъ, что пропущено). Но находимъ и у Пушкина: „неслыхиваль, чтобъ рыба говорила“; у Гоголя: я еще въ жизни неслыхиваль, чтобы собака могла писать (=что можетъ); непохоже на то, что бы ей было восемнадцать лѣтъ (=что ей). Что бы въ значеніи будьто (отрицаніе дѣйствительности явленія, вопреки его вѣроятности): „вѣдь я, говоря о женѣ моей, неговорю того, чтобъ она всѣхъ была глупѣе“ Фонв. („что она глупѣе“ значило бы, что по мнѣнію говорящаго она такова, что противорѣчило бы отрицательности главнаго сказуемаго „неговорю“). „Отъ сапогъ его, у насъ никто не скажетъ въ цѣломъ хutorѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя.. никто не скажетъ также, чтобы онъ когда либо утиралъ носъ полою своего балахона“, Гог. Веч. (=будьто слышенъ, будьто онъ утираетъ). „Несоглашался съ профессоромъ, чтобы старинные мастера такъ недосыгаемо ушли отъ насъ“, Гог. Портр. „Самъ стиховъ давно и нечитаю, непотому, чтобъ нелюбилъ стиховъ, А такъ.., Лерм. „Мертвыя души непотому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, чтобы онѣ раскрыли какія нибудь ея раны или внутреннія болѣзни, и непотому, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничего небывало!, Гог. Переп. Все это было мнѣ нужно не за тѣмъ, чтобы въ головѣ моей небыло ни характеровъ, ни героев: ихъ было у меня уже много (Гог. Авт. исп.), т. е. не потому, что небыло.

Изъ самого вр. будь-то, мр. неначе (изъ не-йначе), буцім, подь вліяніемъ отрицательности или сомнительности главнаго сказуемаго возникаютъ: вр. будьто-бы, мр. неначе-б-то, буцім-би-то. Можно предположить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь ставится, безъ всякой подражательности, бы-ль не въ сослагательномъ значеніи, а въ условно заключительномъ съ умолчаніемъ условія: „нѣтъ такого, кто бы (который бы, что-бы) могъ сдѣлать то-то“ (если бы онъ былъ); онъ не таковъ (т. е. не есть таковъ), чтобы могъ.. (если бы былъ таковъ);
 205 польск. niema, doczego byś się mógł odwołać (gdy by było); niemat wiadomości której byś się ucieszył (gdy by była), Маѣс. Gr. § 736. Большею частью эти примѣры съ главнымъ предложеніемъ экзистенціальнымъ ¹⁾. Отсюда могъ этотъ оборотъ распространиться и на случаи съ

¹⁾ И нѣкоторые другіе оттѣнки условнаго наклон. въ русск. и польск. объясняются опущеніемъ подразумеваемаго уславливающаго, напр. schyłł się, bieży, rzekł byś (=какъ будто, польск. мдр. ніби), że derkacza tropi. Mick. т. е. собств. ты бы сказалъ это, ты бы подумалъ, если бы увидалъ его; отсюда развивается сравнительное

другими глаголами въ главномъ предложеніи, при чемъ предполагать опущеніе условія становилось все труднѣе и наличное условное все болѣе подходило къ тому сослагательному, образцы коего давались латинскимъ, французскимъ и пр. Такимъ образ. здѣсь развитіе извнутри встрѣтилось на половинѣ пути съ подражаніемъ. Русскій литер. языкъ и здѣсь сдержаннѣе польскаго и чешскаго. Такъ напр. несмотря на выше-приведенные примѣры (и неслыхиваль, чтобы.), по-русски нельзя сказать вм. „*nis mi o tem nierisze, zeby byl chory* (Маѣс. § 736), „не пишеть, чтобы былъ боленъ“; необходимо: „что боленъ“. Въ чешскомъ до значительной степени согласно съ русскимъ: „*není, kdoby činil dobře*“, *neměli, koho by se báli* (нѣкого было имъ бояться, небыло такого, кого бы имъ бояться“, хотя нельзя сказать „кого бы боялись“); но рѣшительно противно обычаю русскаго языка „*jest, kdo by ponizil, povýšil*“ въ сослагательномъ смыслѣ. *Zikm. Skl. 401, 403, 405.*

Чтобы -ль въ выраженіяхъ, какъ „невидать, неслыхать, чтобы 206 это было“ отъ предполагаемаго имъ желательнаго значенія сохраняетъ лишь весьма блѣдный слѣдъ.

Кажется, что на-встрѣчу этому обобщенію значенія чтобы, въ русскомъ идетъ расширеніе его употребленія на счетъ случаевъ, гдѣ въ ст.-сл. и сербскомъ стоитъ да съ изъявительнымъ: „такъ подобаетъ възвестиса сыну чловѣчскууму, да всьякъ вѣруми вѣнь непогыбнеть (*ὅνα μή ἀπόληται*, *ut non pereat*), нѣ имать (*ἔχει*, *ut habeat*) живота вѣчнааго, О. Ев. Іо. 3, 15, серб. да не погине, да има, но въ русск. чтобы непогибъ, чеш. *aby nezahynul*, *ale měl*, польск. *aby niezginął*, *ale miał*, согласно съ чѣмъ и въ литов. съ желательнымъ: *kad neprapultu, bet turėtu*, между тѣмъ какъ въ латышскомъ заключительный союзъ дай съ изъявительнымъ и желательнымъ, какъ и въ ст.-сл. нетолько да бѣдетъ, но и да бы былъ.

Чеш. *zeby*, какъ видно изъ слѣдующаго, еще далѣе отходитъ отъ основнаго значенія желательности, чѣмъ русск. чтобы.

е) Въ латинской „*oratio obliqua*“ главное изъ придаточныхъ предложеній стоитъ въ *accus. cum inf.*, а сказуемая второстепенныхъ придаточныхъ — въ конъюнктивѣ: *Ennius non censet lugendam esse mortem, quam immortalitas consequatur*. Въ нѣмецкомъ уже въ главномъ изъ придаточныхъ стоитъ конъюнктивъ или безъ изъянительнаго союза, или съ нимъ. Этому образцу слѣдуетъ чешскій языкъ, ставя здѣсь въ

значеніе союза бы въ западно-малоруск.: „*дава, бы гэто ты*“; *stał poważnie, a gad by z radości podskoczył*, *id.* (т. е. онъ радъ бы, еслибы., но этого еслибъ небыло, а потому получается значеніе „чуть не прыгаетъ.“); *sądziłbym że się panowie mylicie* (вѣжливо), какъ и по русск. „я бы думаль, что...“, т. е. если бы смѣлъ свое сужденіе имѣть, если бы вы позволили и т. п. (Маѣс. *ib.* § 739).

сослагательномъ смыслѣ *žebu* съ прич. *l*, при чемъ *žebu* получаетъ изъяснительное значеніе:

Uslyšev, *žebu* Archelaus kraloval v Judstvu, místo Herodesa, obával se tam jíti, *Mat.* 2, 22, *quum audisset Archelaum regnare*, между тѣмъ какъ въ ст.-сл., серб., русскомъ и даже польскомъ возможно здѣсь только изъяснительное съ изъяснительнымъ союзомъ: „яко царствуютъ“ и пр.

207 *Když pak usýšel Ježíš, žebu Jan byl vsazen do žalaře, odšel, Mat.* 4, 12, *cum audisset Joannem traditum esse in custodiam*, ст.-сл. яко прѣданъ бысть.

Tedy Herodes uzřev, žebu oklaman byl od mudrců, rozhněval se, Mat. 2, 16, *quum vidisset se illusum esse*, ст.-сл. яко поржганъ бысть.

А *oni slyšeli, žebu živ byl* (т. е. что онъ живъ), см. *Zikm. Skl.* 408—9 411—12, 631. Такъ возможно въ поль. (*ižbu, žebu* вм. *iž. že*), а отсюда и въ ст. западнорусской письменности; „если бы хрестьянинъ нагабалъ жиды, мовячи, и жъ бы ему свою заставу заставиль, а жидъ бы ему того заперель, а хрестьянинъ бы ему нехотѣль вѣрити: ..жидъ ..маеть ему то заллатити.. Если бы жидъ.. рекъ, и жъ бы позычилъ... (гр. Витовт. 1388, А. З Р. I. № 9). ..О которыхъ пыталъ ся по дорозѣ, .. чие (люде) бы они были и кому служить, и така дей ему справа дана, жебы мѣли быти люде украинные, козаки нѣякись, Росточа изъ ыншими, 1595. Арх. Ю.-З. Р. III, Ак. о Коз. I. 72.

Въ подобныхъ случаяхъ нынѣшній русскій языкъ или вовсе невидитъ основаній изображать событіе въ придаточномъ предложеніи сомнительнымъ, или выражаетъ сомнительность союзами, неимѣвшими никогда связи съ причастіемъ -лѣ, или разорвавшими эту связь: услышали, будто (будто бы, яко бы, млр. вост. буцим, буцим-то, неначе-б-то) онъ живъ.

ж) Въ чешскомъ еще сохраняется возможность общеславянскаго оборота съ изъяснительнымъ въ придаточномъ предложеніи, изображающемъ событіе еще ненастунившее, послѣ частицъ, въ случаяхъ, соотвѣтствующихъ лат. конъюнктиву послѣ *dum, donec, antequam, priusquam*; но въ немъ послѣ *až* (млр. аж=пока не), *prvé nežli, dříve než* и пр. встрѣчается уже и условное въ смыслѣ сослагательнаго: *bud'te poddáni tѣm hejtmanům, až bych zpravu dal císaři* (русск. пока не дамъ, млр. аж дам); а *bojujte protiv nim, dokudž byste nevyhladili jich* (р. пока не истребите), *Zikm. Skl.* 450—2. Гоголь и здѣсь ставитъ бы: „прововѣдникъ.. долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобъ... все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы (=прежде чѣмъ онъ объяснить) самое дѣло (Пер. съ др.).

Изъ этого обзора видно, что оттѣнокъ сослагательности, чуждый древнему славянскому языку, въ русскомъ литературномъ принялся только въ одномъ случаѣ, именно въ „чтобы -лѣ“ послѣ отрицатель-

ныхъ предложеній, между тѣмъ какъ въ упоминаемой Буслаевымъ неправильности („позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ“, Жук., вм. позвольте мнѣ умыть, Гр. § 272 б. α) собственно не сослагательность, а желательность.

14. Причастіе на-ль съ буду.

208

По Буславу, въ ц.-сл. и древ. русскомъ бждж (буду) съ прич. -ль означаетъ будущее совершенное и будущее условное (Гр. § 88. А. II, 4); по Востокову, это будущее условное (Гр. ц.-сл. яз. 92—3). Оба мнѣнія составлены съ упущеніемъ важныхъ сторонъ дѣла. Если считать это сочетаніе будущимъ условнымъ потому, что оно встрѣчается и съ условными союзами, то пришлось бы считать „оже убиль“ за прошедшее условное, „оже убють“ за будущее условное, „аще съгрѣшаю, за настоящее условное; но это лишь сочетанія изъявительнаго съ условными союзами. При томъ буду -ль употребительно и безъ всякаго оттѣнка условности. Что до совершенности, то съ буду сочетается и причастіе -ль глагола несовершеннаго, которое нестановится совершеннымъ отъ вліянія буду.

Въ древнемъ языкѣ буду -ль есть не единство грамматическаго значенія, не одно время, а сочетаніе двухъ, изображающихъ событіе прошедшее (причастіе на -ль) по отношенію къ будущему, отношеніе къ коему выражено посредствомъ буду, а само это еще ненаступившее событіе—посредствомъ будущаго съ союзомъ да или повелительнаго н. другого глагола. Согласно съ этою относительностью своего значенія, это сочетаніе въ древнемъ языкѣ (ст.-сл., русск., серб., хорв., болг., чеш.) могло встрѣчаться не въ особо стоящихъ предложеніяхъ (ибо тогда не было бы на-лицо того еще несовершившагося событія, на которое указываетъ буду), а въ сочетаніяхъ предложеній.

А. Буду -ль безъ союза условнаго и безъ оттѣнка какой либо условности:

а) Да възметъ свое, иже будетъ погубиль, Ип. ² 20, пусть возьметъ, кто въ то время (когда возьметъ) окажется (будетъ) (прежде) потерявшимъ.

Мнѣ, любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, во что будетъ была, Ип. 145 (460), т. е. во что окажется (въ то время, когда „даси“) бывшею (во что ходившею, чего стоившею) прежде. Если переведемъ „чего будетъ стоить“, то упустимъ оттѣнокъ прошедшаго, весьма существенный въ грамматическомъ отношеніи, хотя для вещественнаго значенія неважный.

Не на мнѣ та кровь будетъ (но на виноватомъ), но на томъ, кто будетъ криво учиниль, Ип. 224 (612), т. е. кто окажется въ день суда (прежде) сотворившимъ неправду.

Кто будетъ началъ, тому 60 кунъ, Русск. пр. по Син. сп. Р. дост. 33, кто окажется, что былъ зачинщикомъ.

Оже кто познаеть свое, что будетъ погубиль (что ему случится потерять, что онъ будетъ потерявшимъ), то нерьци „се монѣ“; но поиди на сводъ: „кдѣ еси взялъ?“, ib. 34.

То-же и въ болѣе позднемъ языкѣ: напоминаемъ тебе, съ твоимъ ли вѣдомомъ то будутъ люди твои вчинили, аль не съ твоимъ, абы еси о томъ довѣдался; если будутъ безъ твоего вѣдома люди твои то вчинили, и ты бы еси велѣлъ то намъ оправити, Посоль. рѣчи кор. Казим. 1456, А. З. Р. I, 71; абы тыхъ ябедниковъ винами карати, который чого будетъ заслужиль, 1505, Ак. З. Р. I 362; тотъ дворъ нашъ Молодечно дали есмо ему... и зъ ихъ (людей) входы, гдѣ будутъ передъ тымъ входы свои мѣвали, 1511, ib. II, 86; мають мѣщане на свои потребности дерево брати около мѣста въ нашихъ борѣхъ и лѣсѣхъ, дубровахъ и гаѣхъ, гдѣ здавна будутъ бирали, 1511, ib. 89.

Ср. стар. серб. „да плати съ своимъ добитькомъ, што буде исхабилъ“, 1224, Mikl. Monum. Serb. 31; id. V. Gr. IV, 806—7.

Отсюда ведутъ свое начало слѣдующіе отгѣнки разсматриваемаго сочетанія.

б) Буду можетъ потерять значеніе одновременности съ другимъ еще несовершившимся событіемъ, при чемъ прошедшее время причастія -ль еще чувствуется какъ прошедшее по отношенію къ буду: да аче стрый приидеть на тя Дюрги, поне (послѣ того какъ) ты ся съ людьми утвердилъ будещи, годно ти ся съ нимъ умирити—умириши ся, паки ли 210 (а если нѣтъ, если же на-оборотъ), а рать зачнеши съ нимъ, Ип. 76 (326). Въ первой половинѣ періода здѣсь три послѣдовательные момента: послѣдній по времени „придѣть“, ему предшествоующій „будещи“, по отношенію къ коему прошедшій—„утвердилъ“.

в) Буду можетъ потерять отношеніе къ будущему, получивши при этомъ модальный отгѣнокъ вѣроятности, или предполагаемости, что бываетъ съ русс. будущимъ и въ другихъ случаяхъ (напр. млр. союзъ мабутъ и др.) и что между прочимъ замѣтно бываетъ въ литовскомъ сочетаніи будущ. *busiu* съ прич. прошед. дѣйствительнымъ (=слав. -ъ, -въ): „jė mislyjo, kad ta merga cze bus buvusi“. они думали, что та дѣвка здѣсь „будетъ бывъши“, „будетъ была“, т. е. что должно быть она здѣсь.

„Велита ми брата крестъ цѣловати, а невѣдѣ, что моей випѣ (=вины)“. И рѣша ему дружина его: „княже, не-лап (=не-лапъ ¹⁾) ти велита брата

¹⁾ т. е. неспроста, недаромъ, ненапрасно; ср. Вост. Слов. лапъ; Mikl. Et. wb.; Brückner въ Arch. f. Sl. рh XI, 134.

крестъ цѣловати: цѣ (=ци, чи) да будутъ злии челоувѣчи, завидяче твоей любви, юже къ братьѣ имѣши, вложили будутъ зло слово“, Ип. 99 (371). Повтореніе будутъ—неточность, неизмѣняющая значенія; можно читать „чи да будутъ вложили“. Ци=чи только усиливаетъ модальный отгѣнокъ сочетанія, несообщая ему вопросительности. Эта частица и въ другихъ случаяхъ бываетъ не вопросительною: и онъ же убоаявсья Новгородць [„чи (=чего добраго, пожалуй, думаетъ себѣ) прельстивъше мя, имуть“] и бѣжа отаи въ ночь, Новг. I, 9. Так. обр. „чи да будутъ вложили“ и пр. значить: „должно быть, вѣроятно, злые люди насплетничали“. Быть можетъ, сюда-же относятся слѣдующіе примѣры съ вопросительнымъ ли: „язъ того невѣдаю, а то вѣдаетъ государскаа милость, такъ ли то съ будетъ учинило, 1501—3, Ак. З. Р. I, 237 („такъ ли это было“ съ отгѣнкомъ сомнѣнія? или „такъ ли 211 это окажется случившимся?“); мы казали того ся довѣдати, естли то владычины люди будутъ были, ib. 357 (были ли это...). Въ слѣдующемъ будетъ неизмѣнное, служащее знакомъ вѣроятности прошедшаго, ведетъ свое начало отъ буду -лъ въ изъявительномъ, а не условномъ: „выведоша Нѣмецъ изъ Юрьева... а невѣдаемъ за что, Богъ вѣсть... или будетъ они измѣну чинили?“, Пск. I, 316. Серб. страх је мене, биће погинуо, Mikl. Gr. IV 807, боюсь, что (чего добраго) онъ погибъ.

г) Уже въ старинномъ русскомъ была нѣкоторая наклонность къ такому слиянію сочетанія буду -лъ въ одну форму, при которомъ отгѣнокъ прошедшаго, заключенный въ причастіи, терялся и все сочетаніе становилось почти равнымъ „буду“ съ неопредѣленнымъ: будеши отвѣтъ имѣлъ (=будешь имѣть отвѣтъ, будешь отвѣчать), княже, оже тиѣманастырѣ разыграбять, Ип. 4 (188).. Рѣшительно пошелъ по этому пути польскій языкъ, въ которомъ *będę miał* стало значить то-же, что русс. лит. буду имѣть. Подъ влияніемъ польскаго такъ и въ западн. мр., именно въ зап. ч. Подоль, г., Галиціи, Буковинѣ и верхн. Венгрии: Чи є вся родина? Бо якъ невся родина, Будем коні кували, По родину посилали“. „Гуляйте, дівки, гуляйте, На мою матінку уважайте. Як будете матінку уважали, будете всю ніч гуляли“ (Под. г.) Своеобразно то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галиціи буду и пр. стяженное въ бу, беш, бе, бемо, бете, бут сочетается съ неизмѣннымъ для всѣхъ родовъ и чиселъ -а (=лъ): мати бе праяв, тілє бе корову ссав, ви ніц небете мав, вони бут двоє поминків справляв (Ogonovski Stud. auf. dem. gebiete der Ruth. spr. 148.

Въ древнемъ языкѣ разсматриваемое сочетаніе можетъ заключать въ себѣ причастіе какъ глагола несовершеннаго, такъ и совершеннаго: „буду творилъ“, „буду учинилъ“. Но какъ въ русс. и польск. невозможны сочетанія „буду сдѣлать“, *zrobić będę* и необходимы „буду дѣлать“, „*robić będę*“, такъ въ польскомъ въ *będę miał* стало возможно причастіе только отъ глагола несовершеннаго. Иначе въ хорутанскомъ, гдѣ *dal*

bom=дамъ (Mikl. V. Gr. IV, 806). Въ обоихъ случаяхъ получается уже чисто-будущее, а не прошедшее въ будущемъ.

Б. Буду -лъ съ союзами условными, или и безъ нихъ въ условномъ значеніи.

а) Аще ли взялъ будетъ (если окажется, что взялъ), да заплатитъ сугубо, Лавр. 21.

212 Аще ли купилъ и будетъ Гръчинъ (если случится, что купилъ, если случится ему купить плѣнника), подъ крестомъ достоинъ ему, да възьметъ цѣну свою, елико же даль будетъ на немъ Ип. ² 31.

Аще по моему ошествиіи свѣта сего, аще буду Богу угодилъ и приляль мя будетъ Богъ (не „если угожу“, а „если послѣ моей смерти окажется, что я при жизни угодилъ и что Богъ меня принялъ“), то по моему ошествиіи манастырь (ся) начнетъ строити и прибывати в немъ, Лавр. 80 (182).

Аже будете и крестъ цѣловали (если даже случится, что вы уже поцѣловали), азъ за то приму ѱопитемью и отвѣчаю за то предъ Богомъ, Новг. I, 62.

Повѣжь ми, брате мой, право, своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Берестыи, ци ли твоимъ повелѣньемъ? Оже будетъ твоимъ повелѣньемъ се учинилъ (если будетъ, или окажется то, что онъ сдѣлалъ это по твоему повелѣнью).. се же ти повѣдаю.. Ип. 224 (611).

Оже будетъ убилъ (если будетъ найдено, что убилъ) или въ свадѣ, или въ пиру явлено, ть(=то).., Русс. пр. по Син. сп., Р. дост. I, 29; будетъ ли стальна разбой безъ всякой свадьбы, то за разбойника людье неплатять, ib. 29.

А будетъ былъ князь конь (украденъ), то платити за нь три гривны, а за инѣхъ по двѣ гривнѣ, ib. 37—8.

Такъ продолжается въ влр. до XVII вѣка включительно: и кто будетъ былъ на разбоѣ и учинилъ убійство, и такихъ злочинцовъ пытають, Котоших. 90.

Ср. ст. чеш. budu li v čem pobludilo (тѣло), pokořim se, Zikm. Skl. 619; нынѣшнее болгар.: тѣка-щещ, ако бждеш прел, Пам. и Обр. 342.

213 Такое употребленіе ничѣмъ неотличается отъ рассмотрѣннаго выше подъ А. а), кромѣ присутствія союза условнаго. Условность, сообщаемая такимъ союзомъ изъявительному, вовсе не та, которая свойственна условному быхъ-лъ и союзу бы. Въ „даже быхъ тако сѣтворилъ, а (v. то) былъ быхъ правъ“ уславливающее представлено несуществующимъ объективно ни въ настоящее время, ни въ какое бы ни было, а потому отрицается и дѣйствительность уславливаемого. Въ „даже ксѣмъ тако сѣтворилъ, язъ правъ“ уславливающее изображено какъ прошедшее дѣйствительное событіе, въ послѣдствіяхъ продолжающееся до настоящаго, какъ событіе, дѣйствительность коего нисколько независитъ отъ употребле-

нія, какое дѣлаетъ изъ него говорящій: „я такъ-то сдѣлалъ, и вотъ я правъ“. Та-же степень дѣйствительности явленія и въ „даже тако сътворю, то...“, „даже тако буду сътворилъ, и (то)...“. Разница та, что въ первомъ случаѣ событія нѣтъ, но оно само совершится, а во второмъ совершится не оно, а откровеніе того, что оно уже совершилось, при чемъ появится и другое, условленное имъ.

б) Этимъ объясняется то, что когда буду въ сочетаніи съ -лъ теряеть отношеніе ко времени, то все сочетаніе становится изображеніемъ уже не прошедшаго по отношенію къ будущему, а прямо прошедшаго дѣйствительно совершившагося, какъ основанія для будущаго—случай, впрочемъ, довольно рѣдкій въ старинномъ языкѣ и неоставившій замѣтныхъ слѣдовъ въ нынѣшнемъ:

Галичскіи же мужи почаша молвити князю своему Ярославу: „ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй. Како (=такъ какъ) ны будетъ отецъ твой (уже умершій) кормилъ и любилъ, а (=то) хотимъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити“, Ип. 73 (321).

Быть можетъ и въ слѣдующемъ будетъ носить на себѣ слѣды сочетанія съ како, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ выше:

Владыка... попомъ и игуменомъ учинилъ протора много; небывало такъ ни отъ первыхъ владыкъ, будетъ и Псковъ сталь, Пск. I, 209 (съ тѣхъ поръ, какъ сталь).

в) Отъ употребленія буду -лъ съ условными союзами и безъ нихъ, но въ случаяхъ, въ коихъ условность вытекаетъ изъ вещественнаго 214 смысла сочетаемыхъ предложеній, съ теченіемъ времени на вспомогательномъ глаголѣ отпечатлѣвается значеніе условности: „И будешь у которыхъ государей отвѣдала, дочери есть, гдѣ бы ми сына своего Василья женити, и ты бы о томъ ко мнѣ отказала, 1503, А. З. Р. I, 318. вмѣстѣ съ этимъ этотъ глаголь разрываетъ связь съ причастіемъ на -лъ, становясь модальнымъ знаменателемъ изъявительнаго, глагола. Это обнаруживается въ двухъ признакахъ. Во первыхъ, буду ставится при настоящемъ глагола совершеннаго (будущемъ) или несовершеннаго, какъ глагольный указатель его наклоненія, сначала согласуемый въ лицѣ и числѣ. напр. и будутъ (другіе послы) въ чемъ упорно стоятъ, и они (московскіе послы) о томъ нишуть въ Москвѣ, Котоших. 40; покажи-ка лицо бѣлое... Будешь ты, душа, прилюбишься, я товарищу похваляю, Рыбн. IV, 151. Дальнѣйшій шагъ состоитъ въ томъ, что будетъ ставится, какъ безсубъектное сказуемое, неизмѣнно въ 3-мъ л. ед., какого бы ни было лицо глагола: „а будетъ мы учнемъ на него царю бити челомъ... 1656 (Булс. Гр. § 194, прим. 4). Кромѣ отбѣнка условности, свойственнаго этому случаю, здѣсь произошло то-же самое, что въ нашихъ выраженіяхъ: „окажется, что онъ потерялъ, что они потеряли“ разсматриваемыхъ, какъ замѣна древняго „оже будетъ погубилъ“, „оже будутъ погубили“. Во

вторыхъ, будетъ, переставая согласоваться съ причастиемъ на -лъ, вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть знакомъ его предикативности, которая съ того времени заключена уже не въ немъ, а въ опускаемомъ есмь и пр. Мы видѣли выше, что наше „чтобы ты сдѣлалъ“ предполагаетъ ближайшимъ образомъ „что бы еси сдѣлалъ“, а наше „сказалъ было“ предполагаетъ непосредственно „сказалъ есть было есть“ и уже черезъ это—древнее „сказалъ былъ есть“. Подобно этому въ примѣрѣ „аще ли будетъ родилися въ матеръ (дѣти) и они возростъши мене продадутъ“ (XVII в. Бусл. I. с.) сказуемое есть только „родилися“, при коемъ опущено суть, а будетъ—только глагольный указатель условности, который могъ бы обойтись и безъ „аще ли“. Здѣсь вовсе не „не-
215 правильность въ употребленіи будущаго условнаго“ (Буслаевъ I. с.), а разложеніе сочетанія буду -лъ, бывшаго однимъ составнымъ сказуемымъ, на два сказуемыя, изъ коихъ одно—только формальное. Такимъ же образомъ безсубъектн. будетъ можетъ быть показателемъ условности и при другихъ составныхъ сказуемыхъ: „сего дни о вечернѣ быти вамъ у папы; и будетъ (=если) вамъ папѣ кланяться (есть) и въ ногу его цѣловати, по здѣшнему обычею, и (=то) вамъ у папы быти (есть); а будетъ вамъ папы въ ногу нецѣловати, и вамъ идти назадъ: отколѣ есте пришли, туды и поидете“, 1583, Бусл. II. Хр. 889. Переходъ формальнаго сказуемаго (будетъ) въ союзъ можетъ быть узнать только потому, что въ немъ перестаетъ чувствоваться глагольность (подобно тому, какъ при словѣ если мы уже недумаемъ о есть ли), а отнюдь не по внѣшнимъ признакамъ, какова потеря окончанія 3 л. въ буде.

г) Врл. союзъ буде („буде любишь, такъ скажи“, Даль; „буде пришь, такъ сиди“; „буде-бъ ты недурилъ, дуракомъ бы неслылъ“ и постпозитивно: „непроживу буде я трехъ часовъ, непрожить мнѣ-ка и трехъ годовъ“, Рыбн. III, 265), теперь ничѣмъ замѣтнымъ неотличается отъ если и т. п.; но обращая вниманіе на его происхожденіе, можемъ предположить въ немъ особый, ему только свойственный оттѣнокъ. Серб. союзъ буд (если, хотя), происходя изъ повелительнаго буди, имѣетъ въ основаніи оттѣнокъ концессивности и изображаетъ условность въ видѣ: „пусть такъ (будь такъ) и тогда.. то-то. Ср. цсл. „бъди ꙗже невидѣлъ ꙗси, то неслышалъ ли? да аште очима ту небѣ, ꙗда и ушима неслыша? Supr. 361. Наше если выражаетъ условность, подвергая сомнѣнію существованіе событія, принимаемаго за условіе: оно — изъ „есть ли?“ Обл. врл. есть-когда (=если) изображаетъ условіе существующимъ одновременно съ условленнымъ: „когда есть то-то, то есть и то-то“. То-же почти и врл. то-коли=если (ср. коли (есть) то, то есть и то ¹⁾).

¹⁾ Гой еси ты мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То-коли ты пойдешь на добрыя дѣла
Тебѣ дамъ благословеніе великое;

Союзъ буде, по способу образованія въ немъ значенія условности, при- 216 надлежитъ къ тѣмъ случаямъ, въ коихъ въ основаніи такого значенія лежитъ изображеніе изъяснительнымъ наклоненіемъ событія, принимаемаго за основаніе другаго событія ¹⁾. Аналогію такого перехода отъ глагольнаго указанія на будущее время къ формальному значенію условнаго союза представляетъ въ ст. яз. и въ сѣв.-запад. млр. говорахъ переходъ къ подобному же формальному значенію отъ мѣстоименнаго указанія на дѣйствіе, именно въ се (имен. ед. ср.). Исходною точкою здѣсь служило такое же значеніе этого се, какое находимъ въ вост. млр. ось (изъ о-се), влр. во-се, а-во-се („восе тобѣ та грамота“, „а-восе тобѣ тотъ государя нашего опасной листь“, нач. XVI в., Ак. З. Р. I, 247): „и челомъ вамъ бьютъ: кормъ, сколько лучилось, а въ томъ бы пожаловали непокручинились, что мало: мѣсто пограничное, а се (=только что, недавно) воеванное, вскорѣ собрати немочно“, 1594, Пам. дипл. снош. II, 310. И подобно тому, какъ изъ влр. авосе, какъ указанія на будущее событіе, произошло авось, какъ знакъ вѣроятности; такъ изъ се, осе, а се, какъ указанія на недавнее или наличное, произошло се и пр. = если:

„Се (=такъ какъ), брате, мира еси неулюбилъ, а (=то) намъ уже нельзѣ недоспѣшнымъ быти, а (=поэтому) подумаемъ о земли своей, Пп. ² 454; „се (=такъ какъ) сынъ твой зайлъ Половци, зачалъ рать, а (=а между тѣмъ) ты хочешь инамо ити, а свою землю оставивъ; а (=то) оставя путь свои, поиди въ Русь, стережи же своєю земля, ів. 456; „брате, се (=т. к.) вѣ осталася старѣйша всѣхъ въ Русьской землѣ, а (=то, то поэтому) иоѣди къ мнѣ Кыеву, ів. 458 подъ 1195. Въ стар. вр. „а того имъ беречи.. чтобъ та грамота сама, съ панскими печатями, что на Москвѣ писана, привезти къ великому князю; восе (=если) же того неуговорятся, ино бы приписъ съ печатями привезти, 1538, А. З. Р. II, 304.

Въ зап. мр.

Вернись, муй милый, вернись до дому,
А се невернесся, то Біг (і?) с тобою

То-коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
А и неноси Василья сыра земля,

Др. р. ст. 168.

А то-коли тебѣ Господи (зват. какъ въ серб., болг., млр.) сына дасть,
Вспой, вскорми и за мной пошли;

А то-коли тебѣ Господи дочь дасть,
Вспой, вскорми, замужь отдай, ів. 253.

А то-коли я товары невякуплю,
Запладу казны вамъ сто тысячей, ів. 276.

¹⁾ Ср. напр.

И ты будешь живъ, шубу наживешь,
А небудешь живъ—будто нашиваль,

Др. р. ст. 59.

(Гродн. г. Кобр. у. Сб. пам. нар. тв. сѣвероз. края, 17);
 Се жив буду, повернуся, будеш мею коханкою, ів. 82;
 Се сива зозулька, лети в ліс ковати,
 А се наша сеструнечка, то прошу до хати;
 Се сива зозулька, то шуги у луги,
 А се наша сеструнечка, незадавай туги, Брест. у. ів. 183.

Сочетаніе „се жив буду, будеш..“ уже неестъ построеніе паратак-
 тичное (Mikl. Gr. IV стр. VIII, поправка къ стр. 113), а только воз-
 никло изъ него, ибо уже значить не „вотъ буду живъ, будеш..“, а
 „если буду живъ, то..“¹⁾.

¹⁾ Дальнѣйшее развитіе значеній этого союза состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что,
 подобно другимъ условнымъ, онъ можетъ соединяться съ бы, теряя при этомъ особен-
 ность своего отгѣнка:

Ой Боже ж муй, Боже, де муй милий дівся?
 Чи вовки заїли, чи в мори втопився?
 Се-б вовки заїли, то-б луги шуміли,
 Се-б в мори втопився, то-б Дунай розлився, Сб. п.. свз. кр. 18;
 Десь (=должно быть, вѣроятно) ти мене, дивче, любиш,
 Що ти мене рано будиш?
 —Се-б я тебе нелюбила,
 Тебе-б рано небудила,
 За тобою неходила;
 То (=но) я тебе вірно люблю,
 За тобою круз світ пойду, ів. 23;
 Ой се-б же я, муцний Боже, день и нучку робила,
 Таки ж моя роботонька нікомуську немила, ів. 192;
 Се-б моя мати знала, вечерати прислала,
 Чи яснею зорою, чи риднею сестрою, ів. 85.

Во вторыхъ, какъ если, коли, когда, какъ, якъ отъ условнаго значенія, соеди-
 няясь съ бы, переходять къ желательному значенію въ влр. еслибъ, млр. колиб,
 влр. когдабъ, кабы, млр. коб (зап.), якби; такъ и се-б:

Се-б же ти був, синку, въ Дунаї втопився,
 Неж як отцу й матци на очи навився, ів. 25.
 За річкою за бистрею козак сіно косить,
 Ой за другою річенькою дивчя Бога просить:
 „Ой се-б сіно тут посіло, коса зогнулася,
 „Ой се-б мого миленького сила вернулася! ів. 69;
 Каже козак постіль слати.
 —„Не матъ мене виражала,
 Се-б (=чтобъ я) козаку постіль слала,
 Вирадила мене воля,
 Все козацкая намова, ів. 72;
 Рад би я тисяч дати, се-б тебе розвинчяти, ів. 85;
 Гляди, се-б вона боса неходила, се-б у порога нестояла, ів. 90;
 Бодай пана не сховали,
 Се-б собаки розорвали,
 Поховали при долини,
 Себ по ёму вовки вили, ів. 122. Объясненіе се-б изъ се бо, scilicet (?),

приводимое Миклошичемъ (V. Gr. IV, стр. VII), какъ невѣрное по его миѣнію (т. к. -б
 всегда есть бы), дѣйствительно лишено всякаго основанія.

Сходно съ се переходять къ значенію условныхъ союзовъ въ вр. тако, только, ужо:

Тако (= если) насъ поймають, уже намъ отъ короля Маркобруна живымъ небыть, сказ. про Бову кор., Пам. др. письм. 1879, 1, 70;

Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,
Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою;
А буде же я васъ побью... то вамъ платить

(Др. р. ст.).

Только того земляного валу.. неукрѣпить, и соборной церкви и казенной палатѣ впредь будетъ поруха болшая. Ак. отн. до Ю. Б. I, 293;

Только (=если) ты—Алеша Поповичъ младъ,
Семь (=то давай) побратуемся съ тобою.

(Др. р. ст.).

Ужо (если) тебя N велѣлъ неволити и ты въ неволи купчую писалъ.. и (=то) кому то у тебя вѣдомо? 1534. Ак. отн. до Ю. Б. I, 177.

Вторые косвенные падежи.

218

(Винительный, родительный, дательный).

Второй винительный.

1. Свойство перваго винительнаго въ древнемъ языкѣ. Подобно всѣмъ такъ называемымъ предикативнымъ падежамъ, второй винительный представляетъ нѣсколько видоизмѣненное повтореніе свойствъ 219 перваго, несогласуемаго винительнаго, стоящаго въ томъ же предложениі. Для правильнаго пониманія свойствъ втораго винительнаго слѣдуетъ обратить вниманіе на ту особенность перваго винит., что кругъ его употребленія въ древнемъ языкѣ былъ, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, многимъ обширнѣе, чѣмъ нынѣ. Теперь *post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi* мы ставимъ въ безпредложномъ винительномъ только ближайшій, непосредственный предметъ воспріятія, познанія, рѣчи, тѣмъ или другимъ способомъ отличая отъ такого предмета другой, дальнѣйшій, болѣе самостоятельный, до познанія или выраженія коего мы доходимъ посредствомъ оцутительнаго для нашего сознанія ряда умозаключеній. Напр., съ одной стороны, мы говоримъ: услышать новость, узнать знакомаго, сказать слово, „видѣть свѣтъ и его коловращеніе“ (Гог.); съ другой: услышать про новость, узнать о знакомомъ, сказать о чемъ и про что, увидать, что свѣтъ коловратенъ. Чѣмъ далѣе подвигаемся въ старину, тѣмъ чаще встрѣчаемъ въ языкѣ отсутствіе предложныхъ объектовъ изъ чего—вѣроятное заключеніе, что было такое время, когда оба рода объектовъ, вовсе различаясь въ

сознаніи, одинаково выражались простымъ винительнымъ. Это напоминаетъ состояніе дитяти, только-что начинающаго пользоваться чувствами и протягивающаго руки къ предметамъ, которыхъ схватить не можетъ, или состояніе людей, для которыхъ не существуетъ перспектива при графическомъ изображеніи видимыхъ предметовъ. Старинные памятники русскаго языка представляютъ много слѣдовъ такого состоянія мысли:

Пошелъ бѣ Дюрги въ Русь, слышавъ смерть Изяславлю, Ип. 77 (328) (=услышавши о смерти); слышавъ же Ярославъ волхвы (=про волх-
220 вовъ, что появились волхвы) приде Суздалю, Лавр. 64 (144); Кіане же услышавше Изяслава (т. е. о его приближеніи), изидоша противу ему, Ип. 56 (288); слышавше Ростислава Рюриковича въ Торчскомъ (т. е. что онъ находится въ Т.), и возвратишася, Ип. 140 (450); слышавше Половецѣсти князи створившееся надъ Игоремъ (= о томъ, что случилось съ И., или о той бѣдѣ, которая стряслась, разразилась надъ нимъ), прислашася ко Изяславу мира просяче, Ип. 25 (233); и слышавше братья преставленіе его (т. е. о пр.), печални быша велми, Ип. 121 (414); Изяславъ же слышавъ у здоровьи сына своего (= что сынъ находится въ добромъ здоровьи), и похвали Бога, Ип. 71 (317); се же слышавъ царь приходъ князя Витовта (= о пришествіи, про приходъ, что пришло), и посла къ нему послове, Новг. I, 101; азъ радъ, слышавъ приѣздъ вашъ, Троиц. 212; князь Витовтъ услыша Псковскую рать, Пск. I, 204; услышавше Псковичи Князя Великого въ Новѣгородѣ (=что онъ въ Н.), и послаша пословъ, Пск. I, 219; и коли ты за меня заложилась, и тебя не изобидитъ ни царь, ни король, слышачи мою грозу храбраго витезя Бовы королевича, ск. про Бову к., Пам. др. письм. 1879. I.

Видѣвъ же мало (винит. = что мало) дружины своя, рече в собѣ... Лавр. 30 (70); Рюрикъ же, видѣ(въ) свое непогодѣ (= что „не по году“, что не во время, не въ пору дѣло), отъиде въ свой Вручій, Лавр. 180; Романовича же видѣвша мятежъ во земли великъ, и убоястася, ib.; Галичане же видѣвше короля идуща прочь, убояшася полковъ Русскихъ, ib.; Вячславъ же видивъ сына своего въ здоровьи (= что здоровъ) похвали Бога, ib. 71.

Воевода же разумѣвъ множество матежа... и коня оседланы оуготова, Супг. 37; разумѣвъ благи князь прѣложеніе блаженаго Феодосія отъ гнѣва и утишеніе же отъ обличения того, възрадовася зѣло, жит. Феодос., Уч. З. II, 2, 191.

Знаю твое за Адама постраданіе, Кир. Тур. Калайд. 30.

221 Михаилъ же увѣдѣвъ пріятѣ киевское (=узнавши о взятіи Кіева), и бѣжа, Ип. 177 (521); вратися, увѣдавъ смерть канову, Ип. 177 (522); увѣдавши смерть князю Ростовци и Суждальци... и съѣхашася, Ип. 116 (403); князь же Герденъ погонися по нихъ, и яко увѣдаша Пльсковичи погоню (узнали о..), отслаша полонъ, Новг. I, 59; Олигердъ князь повелѣ

своимъ литовникамъ (ср. лит. *létuwninks*, литвинъ) бродитися за Великую рѣку, невѣдаючи подъ Изборскомъ рати, Пск. I, 188 (съ родительнымъ послѣ глагола дѣйств. съ отрицаніемъ: „незная, что рать—подъ Изб.); Литовскія люди, свѣдавъ нашихъ, да шли нашихъ людей искати, Пск. I, 316. Кабы язъ провѣдала государя Бову на тридевятомъ царствѣ на тридесятои землѣ, и язъ бы и тамъ къ нему упала, сказ. про Бову кор. I. с.

Узрѣша наши сторожеве и мняху Болгарскый полкъ, Лавр. 164 (369); (полкъ принимаемъ за винительный, а не за именительный, какъ бы было, еслибъ читать: „мняху: болгарскый полкъ“). Кобыягъ мнѣвъ толко (винительн.) Руси (думая, что лишь столько), возвратися и погна въ слѣдъ ихъ, Ип. 128 (427); мнѣша ту Святослава и Рюрика, Ип. 128 (думали, что Св. и Р. тутъ).

Ту бо стали бяху князи наши, поставльше полкы, творяяху рать велику, Троиц. 212, т. е. показывали видъ, что у нихъ большое войско.

Сѣдацю ти надъ многообразною трапезою, помани и соухъ хлѣбъ ядоуштааго и немогоуштааго си воды принести недоуга ради. Насытаяся многосластьянааго пития, помани пиюштааго теплоу водоу отъ слънца вѣстопѣвшъ и тоу же пороха нападъшъ отъ мѣста незавѣтрѣна. Възлегъ на многомакъцѣ постели и протрапано протагаяса, помани наго лежаштааго подъ единѣмъ рубѣмъ и недръзноушта ногоу своєю прострѣти зимы дѣла, Изб. 1076, 41-2, Шим.; онъ же помянувъ на собѣ крестъ (вспомнивши, что на немъ крестъ), и отшедъ постави кромѣ храмины тое, Лавр. 77 (174).

Размышлаи же по вса часы частая сѣгрѣшения члвчєска прѣмногѣ же и бештисльноѣ чловѣколюбие Бжїе, Изб. 1076, 56. Повѣдаша ему Володимера въ Черниговѣ а Изяслава у Стародубѣ, Ип. 30 (242) (= что В. въ Черниговѣ); Борисъ же повѣда отцю своему Изяслава (о Изяславѣ, т. е. о его приближеніи) и рече: „осе рать“, Ип. 56 (288); повѣдаша вѣжи и стада половецкая у Голубого лѣса, Ип. 134 (440) (сказали, что кибитки и стада...); сдумавъ же князь Святославъ со сватомъ своимъ 222 Рюрикомъ поити на Половцѣ вборзѣ, извѣздомъ, повѣдахуть бо имъ Половци (винит.) близъ на Татинци, на Днѣпрѣйскомъ бродѣ, ів.; и онъ (языкъ) повѣда силу велику Нѣмецкія рати подъ городомъ Изборскомъ, Пск. I, 188; и приде къ нимъ вѣсть, повѣдаша имъ царевича на Волчи Водѣ, Новг. IV, II. с. Р. л. IV, 73; а у Макрабія повѣдають пять дочерей: болшая хрома, нехороша; подъ болшею—четыренадцати лѣтъ, а парсуною ее повѣдають хорошу, 1504—5, Ак. З. Р. I, 326 (говорять, что она собою хороша); а его (князя) въ томъ городѣ нѣтъ: сказали его въ отѣздѣ, въ иныхъ городѣхъ, 1582, Бусл. II. Хр. 888; а папы Григорья въ то время въ Римѣ небыло: сказали его въ городѣ въ Тушкуланумѣ, ів.

Естли бы еси тамъ разумѣль нѣкоторыехъ людей, абы ся къ намъ иначе мѣли.. (еслибы замѣтилъ, что нѣкоторые относятся къ намъ иначе), 1492, ib. 126.

Въ памятникахъ, изъ коихъ можемъ заимствовать подобныя примѣры, столь же или болѣе обычны и обороты, близкіе къ нынѣшнимъ, съ предлогами и союзами: „слышавъ о...“¹⁾, „увѣдаша, оже, аже, яко“ и пр. Это только подтверждаетъ ту извѣстную истину, что явленія, возникшія при такомъ-то строѣ языка, могутъ переживать этотъ строй, исподволь становясь исключеніями, и что, на-оборотъ, новыя явленія языка въ началѣ являются какъ пятна на старыхъ. Намъ важно только то, что чѣмъ архаичнѣе памятникъ по языку, тѣмъ болѣе обходимо въ немъ разграниченіе прямого и посредственнаго объекта, и что нынѣшнему книжному языку вовсе чужды обороты, еще встрѣчаемые въ просторѣчїи, какъ: „я полагаю васъ далеко отъ Москвы“, Грибоѣд.; „сказываетъ журавля на соснѣ“, „сказываетъ на вербѣ грушу“ (Даль Посл. 872), „наказать семь пятницъ на недѣлѣ“; бр. загадаю табѣ, дзѣука сѣмъ загадокъ; кали отгадаеш, скажу коній (т. е. про коней, гдѣ они), Роман. Бр. сб. I, 421; мр. Зевес поход тобі сказав, Котл.;

Спустимося вниз по Дунаю,
Гей по Дунаю под Царегород:
Ой чуемо тамъ доброго пана,

223

Костомар. въ Млр. сб. Мордовцева, 192.

Такое широкое пониманіе винительнаго, безъ сомнѣнія, было свойственно и другимъ слав. нарѣчіямъ. Оно оставило слѣды въ сербскомъ, напр. док чујете мене у животу (что я живъ), немојте се, браћо препанути, Кар. II, II, 566; Пријатели свадбу устоваше: свадбу кажу у години првој, ib. 525; овђе нама кажу мому неудату (Кар. Пјес. I) = говорятъ, что здѣсь есть невыданная замужъ дѣвица: „тамо доле језер поље кажу“. Замѣтимъ, что Миклошичъ приводитъ этотъ послѣдній и вышеприведенный млр. примѣръ, говоря о винительномъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, т. е. предполагаетъ здѣсь построеніе, какъ „ibi dicunt campum esse“ (V. Gr. IV, 394—5), что, по моему мнѣнію, ошибочно. Такой-же винительный находимъ и въ латышскомъ, напр.:

Куря (лаймїня) лидзі айципая,
Та пасака мамульїню, Спрог. 215,

которая (доля) съ собою позвала, та сказала матушку, т. е. сказала, гдѣ матушка. Такъ въ скр. (В. Шерцль, Синт. др. Инд. яз. I 58—61),

¹⁾ На пр. въ Изб. 1076 г.: „Лежащю ти въ твердо покръвенѣ хранинѣ, слышашо же оушима дъждевноѣ мнѣожество, помысли о оубогыхъ, како лежать нина (=я) дъждевными каилад(=я)ми, яко стрѣлами прои(а?)жад(=я)ѣми, а другия отъ неоусъновения сѣдашта и водою нѣ(=о)дѣяти. Сидашту ти въ зиму въ теплѣ хранинѣ и безъ боязни изнажившѣн(=оу)са, въздѣхни, и помысливъ о оубогыхъ, како владѣть надъ малымъ огньцымъ съкрчившесѣ, 42 Шиман.“

греч. (*ἄρθρα μοι ἔννελε, Μοῦσα, πολύτροπον*, Од. I, 1). Тотъ-же винительный предметъ мысли, рѣчи есть общая исходная точка всѣхъ тѣхъ языковъ, какъ лат., греч., нѣмецкй, въ коихъ есть вторые предикативные винительные съ неопредѣленнымъ. Для того, чтобы имѣть возможность построения „nuntiabant Cugum vicisse“ нужно было предварительно имѣть возможность сказать „nuntiare Cugum“ съ винительнымъ, безразлично означающимъ и „Кира“ и „о Кирѣ“.

Кажется, что въ древнемъ языкѣ первый винительный *post verba cognoscendi etc.*, напр. „мняшеть отца своего жива“ рѣшительно ничѣмъ неотличался отъ перваго винит. *post vb. faciendi etc.*, напр. „постави Меоодья епископа“. Если-же мы иначе замѣняемъ винительный въ первомъ случаѣ, а иначе во второмъ, и говоримъ съ одной стороны „думалъ, что отецъ его живъ“ или „думалъ объ отцѣ, что онъ живъ“, а съ другой—„поставилъ Меоодія (винит., какъ въ древ. яз.) епископомъ“; то этихъ результатовъ позднѣйшаго развитія мы не въ правѣ приписывать древнему языку. То-же и въ примѣненіи къ 224 другимъ языкамъ. „Въ древне-верхненѣмецкомъ, говоритъ Гриммъ, „*ih pat in queman*“ значитъ *rogavi eum ut veniret*, и винительный *in* принадлежитъ къ *pat*, а не къ *queman*; но въ выраженіи „*ih weiz in waltan, scio eum regnare*, винительн. *in* относится не къ *weiz*, а непосредственно къ *waltan*“, Deut. Gr. IV, 114. Спрашивается, откуда извѣстна эта разница? Оба выраженія построены совершенно одинаково. Въ обоихъ *in* есть столько-же непосредственное дополненіе глагола, сколько указаніе на подлежащее неопредѣленнаго наклоненія. „Въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть сомнительно или безразлично, куда слѣдуетъ отнести винительный. Такъ напр. предложенія: „*ich sehe dich brennen*“, „*ich höre den vogel singen*“ могутъ значить или „*ich sehe dich, wie du brennst* (*conspicio te flagrantem*), „*ich höre den vogel, wie er singt* (*audio avem canentem*), или „*ich sehe, dasz du brennst*“ (*video te flagrare*), „*ich höre, dasz der vogel singt*“ (*audio avem canere*). Для ново-верхненѣмецкаго языка кажется мнѣ вѣрнымъ первое объясненіе, потому что латинскаго „*audio te domum exstruere*“ мы не можемъ перевести посредствомъ: „*ich höre dich ein haus bauen*“. Хотя сама по себѣ эта послѣдняя фраза построена безукоризненно, но она могла бы быть вложена лишь въ уста того, кто слышитъ шумъ производимой постройки; но въ болѣе древнемъ языкѣ она могла имѣть тотъ-же смыслъ, что и лат. „*audio te domum exstruere*“ (Grimm. *ib.*). Отсюда видно, что въ нынѣшнемъ в.-нѣмецкомъ произошло такое-же ограниченіе смысла винительнаго, какъ и въ нынѣшнемъ русскомъ, въ коемъ древнее „видѣша стада възята“ могло бы имѣть только одно значеніе: „увидали взятая стада“, при чемъ „взятая стада“—предметъ непосредственнаго воспріятія, между тѣмъ какъ содержаніе болѣе сложнаго умозаключенія было бы выражено зависимымъ предложеніемъ: „увидали, что стада взяты“. 225

Кромѣ такого значенія винительнаго „стада“ въ новомъ русскомъ, причиною того, что въ „увидали взятыя стада“ у насъ одинъ винительный съ опредѣленіемъ, а не два винительные, является уменьшеніе предикативности опредѣленія. Но въ ново-нѣмецкомъ „ich höre dich ein haus bauen“ замѣтнымъ образомъ измѣнилась не вся конструкція, а только одинъ винительный. Несмотря на это, въ упомянутомъ выраженіи имѣется все-таки винительный съ неопредѣленнымъ. Поэтому, мнѣ кажется, нельзя признать послѣдовательнымъ слѣдующаго опредѣленія винительнаго съ неопредѣленнымъ: „конструкція *accus. cum inf.* имѣется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ винительный, находящійся въ предложеніи, относится не ко главному глаголу, а къ зависимому неопредѣленному накл., такъ-что если-бы это предложеніе было замѣнено двумя, то его винительный сталъ бы именительнымъ зависимаго предложенія. Вышеупомянутое „ih weiz in waltan“ разлагается на два предложенія: „ih weiz, daz er weltit“. Реченіе „ih pat in queman“ тоже разложимо на *ih pat in, daz er quâmi*, но не заключаетъ въ себѣ конструкціи „*accus. cum inf.*“, потому что, по разложеніи, винительный *in* остается при *pat*. Вѣрный признакъ винительнаго съ неопредѣленнымъ тотъ, что этотъ оборотъ недопускаетъ употребленія предлога *zu* при неопредѣленномъ. Хотя случаи съ *zu*, напр. *ich hoffe bald zu sterben*“, выражаютъ почти то-же, что *acc. cum inf.* въ „*spero me brevi moriturum esse*“, однако въ нихъ нѣтъ конструкціи *accus. cum inf.* и приведенное выраженіе ближе къ *spero fore ut moriar*. Поэтому неопредѣленные наклоненія послѣ *hören, sehen* („*du hörtest erzählen*“), сходныя съ конструкціей „*accus. cum inf.*“, никогда непринимаютъ предлога“ (Grim. Gr. IV, 114, стр. 118). Такимъ образомъ мы видимъ, что разница между „*ih pat in queman*“ и „*ih weiz in waltan*“, рассматриваемыми сами по себѣ, состоитъ только въ вещественномъ значеніи глаголовъ. Формальная разница сказывается уже въ разложеніяхъ этихъ предложеній, разложеніяхъ, которыя должны быть отнесены къ другому, позднѣйшему періоду языка, отъ котораго нѣтъ основанія заключать къ предшествующему.

Точно также употребленіе или неупотребленіе *zu* при неопредѣленномъ — позже, чѣмъ полное отсутствіе этого предлога. Можно думать, что лишь когда вошло въ обычай *zu* при неопредѣленномъ, появилась и возможность формальнаго разграниченія случаевъ, къ „*ich sehe dich walten*“ съ одной и „*ich bat in zu kommen*“, съ другой стороны, и что до этой поры различіе этихъ выраженій было нѣтаково, чтобы можно было видѣть въ нихъ различныя грамматическія конструкціи, хотя, конечно, до ихъ формальнаго разграниченія должно было въ нихъ появиться нѣчто понуждавшее мысль къ этому разграниченію.

Принимая господство начала согласованія за одну изъ общихъ точекъ исторіи арійскихъ языковъ, можно заключать отъ сходства упо-

требленія въ нихъ перваго винительнаго къ сходству въ употребленіи второго, такъ наз. предикативнаго или составляющаго часть составнаго дополненія. Если невѣроятно, что первый винительный въ ст. р. „слышавъ же Ярославъ вѣлхвы“ есть заимствованіе, то невѣроятно и то, что вторые винительные въ „видѣ пѣлки побѣжены“, „постави мя попа“ не-суть исконное достояніе русскаго и общеславянскаго языка, а занесены извнѣ, напр. изъ греческаго. П. Лавровскій (О яз. сѣв. р. лѣт. 102), находя при вышеупомянутомъ оборотѣ другой—„постави мя пошѣмъ“, полагалъ, что первый ненароденъ, потому что невыдерживается даже въ лѣтонислахъ; но если такое заключеніе правильно, то мы должны бы считать народнымъ только неподвижное и въ концѣ концовъ — усумниться въ самомъ существованіи народнаго языка, ибо въ языкѣ, если разсматривать достаточно продолжительные его періоды, все подвижно и ничто не проводится до конца.

Причина, по которой второй винительный несмѣшивается съ простымъ 229 опредѣленіемъ или приложеніемъ, заключена въ вещественномъ значеніи дѣйствительныхъ гл. *cognoscendi, sentiendi, declarandi, faciendi*, отъ 230 которыхъ онъ косвенно зависитъ. Если бы „попа“ въ „постави мя попа“ имѣло значеніе простого атрибута („мя попа постави“), то рѣчь была некончена, возбуждала бы ожиданіе (чѣмъ поставилъ?), неудовлетворяя его; между тѣмъ общій смыслъ рѣчи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ удостовѣряетъ, что такъ быть неможетъ, но что второй винительный даетъ предложенію полный смыслъ. Это выражается и тономъ рѣчи, отчасти и порядкомъ словъ.

Нижеразматриваемые вторые винит. существительнаго, прилагательнаго и причастія свойственны какъ славянскому и др. европейскимъ языкамъ, такъ въ еще большей мѣрѣ языку Вѣдъ и санскриту (см. В. Шерцль, Синт. др.-инд. яз. I, 73—9). Т. о. смѣло можно сказать, что въ древнемъ періодѣ индоевроп. языка общій характеръ второго винительнаго одинъ и тотъ-же, стоятъ ли въ немъ существительныя, прилагательныя, или причастія; но въ виду того, что эти части рѣчи въ разсматриваемомъ падежѣ въ болѣе позднемъ языкѣ замѣняются другими оборотами неведъ въ одно время и неведъ одинаково и что въ самомъ древнемъ языкѣ круги ихъ употребленія различны, слѣдующіе примѣры раздѣлены на три группы.

2) Второй винительный есть существительное.

Хотя „нарицаахъ ѱго именемъ отца своего „Захарія“, О. Ев. Лук. 1, 59, несмотря на вин. въ *ἐπίδουν αὐτὸ (πατρίον)*. *Ζαχαρίαν*, vocabant eum Zachariam, съ именительнымъ (какъ въ скр. при ити, такъ, Шерцль l. c. 76), но:

Отца своего глаголаше Бога, ib. Ио. 5, 18, *πατέρα ἰδίου ἔλεγε τὸν Θεόν*, quia Deum dixisset patrem suum.

Вы же рекохъ други, *ib.* Ио. 15, 15, *ὁμᾶς δὲ εἶρηκα φίλους*, vos autem dixi amicos. Како Дав(ы)да о(ть)ца ꙗси издрекль? Златостр. XII в., Срезн. Пам. Р. п. 163; (Марию) жену твою глаголю (называю женою), *ib.* 194; проповѣдаю тя спаса миру Христа, Кир. Тур. Калайд. 63.

Елма же ты, брате мой, введе мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ, се азъ непомяну злобы первыя, Лавр. 87 (196).

Изгласивше свершена Бога и свершена челоуѣка Господа нашего Исуса Христа, Лавр. 49 (111) (=совершеннымъ Богомъ и пр.).

Друзии же глаголють (Торкмены, Печенѣгы, Торкы, Половцы) сыны Амоновы, *ib.* 99 (226).

Жрѣху имъ (кумиромъ), наричюще я Богы, *ib.* 34 (77).

Иродъ бо бояшеса Иоана, вѣды (и) мѣжа правѣдна и свѣта, О. Ев. Мар. 6, 20, *εἰδὼς αὐτὸν ἄνδρα δίκαιον καὶ ἔγιον*.

231 Добро же народа послушьство, ему же языци вѣровавше, сына Божия познаша и, Кир. Тур. Калайд. 4.

Облакъ т'моу мѣнить (считаетъ тьмою) псаниѣ, реку: и небо помрачисе облакы, Ио. Экз. Шестоудн. Пролог. 8.

Отъца имаамъ Авраама, *ib.* Мат. 3, 9, *πατέρα ἔχομεν τὸν Ἀβραάμ*, patrem habemus Abrahamum. Имѣште бо васъ застѣп'ники и молитвѣники, нич'со же сѣпротивна приходѣшта к' намъ невѣзбоимьса, владыкѣ Хрѣста Бога нашего истиннааго въ ннѣ имѣште оупѣваниѣ, *Supr.* 49.

Кланяемся тобѣ и хочемъ ты имѣти собѣ отца (и) игумена, *Ип.* 126 (424). Чюдотвореная(е=ъ) Мати Божия.. к ней же вси крестьяне (с) страхомъ пририщють, утѣху и заступницу имуще ту, *Ип.* 102 (377). Имѣя послѣшника брата своего Костянтина и с нимъ дѣвола, Лавр. 186 (418).

Сына моего примите собѣ князя, *Новг.* I, 9. Примѣте собѣ князя (=княземъ) Всеволода, *ib.* 37. Пояша Мьстислава князя (=емъ) собѣ, *Ип.* Святополкъ ноя собѣ жену дщерь Тугортоканю князя Половецкаго, *Ип.* 2 157.

Твори ангелы своя духы и слоугы своя огнь палаштъ, *Пс.* 103 (104), 4, *Булс.* Христ. 30. Хотѣть прити да въсхытѣть и и створѣть царя, О. Ев. Ио. 6, 15, *ἵνα ποιήσωσιν αὐτὸν βασιλέα*, ut facerent regem.

Кого са (1-й винит. въ вещественномъ значеніи) самъ твориши? *ib.* Ио. 8, 53, *τίνα σεαυτὸν σὺ ποιεῖς*, quem tu te ipsum facis.—Овы ихъ (цркъвъ, р. мн.) сѣньница створи, *Supr.* 141; оукори и безъчествоваѣ (цркъве), конѣмъ граждѣ створивъ ѣж, *ib.* 157; того (Иулиана) Богъ, яко недостоина, оукоръ створи, *ib.*; (Хсъ) тебе иматъ причастника створити огню вѣчнооумоу, *ib.* 3.

Намъ на небеса пѣтьшѣствиѣ оуготови, лѣствицѣ намъ вѣрѣ отъ земѣ на небо поставивъ, *Supr.* 260; въ врѣмѣ же изношения (мощей

трѣблаженааго Исакия, постави (Аурилианъ) помощь на пяти.. множество мѣж много, *ib.* 153. Многы крѣштеныа.. постави попы и диакы, *ib.* 172.

Постави Меоедѣя епископа (=омъ) въ Паноніи, Лавр. 11 (27); поимъ съ собою Климента, ꙗго же игумена постави в свое мѣсто, Лавр. 90 (204); лице его яко лице Есифа, иже бѣ поставиль его Егупетъскыи царь втораго паря въ Егуптѣ, Лавр. 204 (454); думающе, кого царя поставять, Новг. I, 27; тѣми епископы постави Киеву митрополита (=омъ) Григорія Болгарина, *ib.* 106; поя у попа жену и постави собѣ жену (=сдѣлалъ женою), Ип. 136 (444).

Кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя, 232 Новг. I, 63. Ср. кого ты намъ прикажешь на свое мѣсто игумена, 1533, Ак. Ист. I. 195; кого за собою стряпчихъ и поручиковъ скажутъ, 1550; *ib.* 222.

Вышняяго положивъ себѣ оубѣжиште, прѣбы безъ оужасти, *Supr.* 214.

Олегъ вину положи (представиль предлогомъ или причиною) матерню болезнь и нача ся просити у Ростислава Чернигову къ отцю, Ип. 89 (351).

Ови же друугъ друуга связъныя господеви привождаяхъ, *Supr.* 354. Связня преда мя Господь в руки незаконнымъ тѣмъ, Ип. 131 (434).

Что бо дасть члѣкъ измѣня на души своѣи, Сав. кн. Срезн. Пам. Юс. П. 65; дати дшѣ своѣѣ избавленіе за многы, *ib.* 69; Остр. Ев. Марк. 10, 45. Земнымъ (Бъ) землю и море дасть жилиште, Ио. Экз. Шестодн. Прологъ 2.

Все три князя, кого ми Богъ дасть зятю (зятъею, въ зятъя), по чепи имъ по золотѣ, 1356, С. г. гр. I, № 25.

Стража видома поусти (=послалъ) льва велика, хранашта и ноштиѣж и дъниѣж, *Supr.* 214.

А въ грамотѣ писано челобитѣе за тое, что прислалъ (В. кн.) воеводу своего кн. Оед. Юрьевича съ своими людьми оборону противу Нѣмецъ, Пск. I. 226.

Въ болѣе позднемъ языкѣ: „И присягліе бурмистрове и райцы свои уряды покидали и бороды голили, до того войска ишли, бо тіе себѣ зневагу держали (=считали униженіемъ), которій би з бородою неголеною у войску былъ, Лѣт. Самов. 20.

Посію я рожу, покладу сторожу,

Покладу сторожу (=поставлю стражею) батечка рідного, Чуб.

III, 207.

Въ ст. чешскомъ—см. *Zikm. Skl.* § 68, 1, 6, напр. *manželku měl se-
stru ženy Vladislava.*

Въ сербскомъ до-пынѣ 2-й вин. существительныхъ обыченъ послѣ такихъ же глаголовъ: чинићу те велика везира и т. п., Данич. Синт. 408—10.

Въ ст.-польскомъ: dał jeś ji (smoka) karmiō ludu murzynskemu, Małgorz. dedisti eum (draconem) escam populis Aethiopum, Mikl. V. Gr. IV, 388. Изрѣдка и въ болѣ новомъ языкѣ: tak pannu, jak meżate i wdowy bia-łogłowy zowiemy, Linde, meżata.

То-же и въ латышскомъ (хотя есть уже и замѣны винительнаго): лай шкѣт кунгі вецус вирус, Спрогисъ 257, пусть сочтутъ (васъ) паны старыхъ мужей, т. е. стариками. Такъ какъ въ этомъ языкѣ творительный един. чис. по наружности совпадаетъ съ винительнымъ един., то въ примѣрахъ, какъ слѣдующіе, только по аналогіи со множественнымъ числомъ, можно заключать, что передъ нами второй винительный, а не творительный:

Пате мате саву дѣлу кара-виру сатайсія, Спр. 274, сама мать своего сына готовитъ (-ла) война, т. е. въ войны.

Сак ѓзолу цѣту кѡку, ib, 233, сказываютъ дубъ (винит.) крѣпкое дерево, т. е. называютъ крѣпкимъ.

233 Перн сація межу вайну, ib. 187, въ прошломъ году сказывали ямень вину, т. е. ставили неурожай ячменя причиною (того, что неженятся).

Пазіну Мадіну раганес мейту, ib. 207, узнаю Магдалину вѣдьмы дочь, т. е. признаю ее дочерью вѣдьмы.

Шкѣт ман лѣлу дзѣрайінь, ib. 20, считаютъ меня (за) большого пьяницу.

Неньем мані цѣма пуйші сѣрденіті дѣведами, ib. 181, неберутъ меня сельскіе молодцы, сиротку полагая, т. е. считая меня за сиротку.

Церей мані тѣду мулькью, ib. 39, считаетъ меня (за) такую дуру.

Изъ позднѣйшихъ замѣнъ 2-го винит. существительныхъ, кромѣ творительнаго (сдѣлать кого чѣмъ, какъ между прочимъ въ литовскомъ), о которомъ будетъ сказано особо, здѣсь упомянемъ о винительномъ съ предлогомъ за. Въ русскомъ литер. яз. винит. съ за замѣняетъ второй винительный безъ предлога только при глаголахъ мысленной дѣятельности, гдѣ онъ означаетъ предметъ, идеально замѣщающій собою другой (=вин. безъ пред.), напр. счесть что за рѣдкость, имѣть кого за виновника (заимств. ср. поль. mieć, rozzytać, roważyć со за со), выдать, принять мѣдъ за золото; при другихъ же глаголахъ 2-й винит. можетъ быть замѣненъ только творительнымъ, такъ какъ за съ винит. означаетъ при нихъ по прежнему предметъ замѣщаемый другими, напр. называть Ивана за Петра зн. не „Петромъ“, а „вмѣсто (того чтобы называть) Петра“; „выбрать, поставить кого за старшину“, какъ и „быть

за старшину“ значить не „старшиною“, а „вмѣсто старшины“, „его намѣстникомъ“. Исключеніе составляетъ „взять за жену“ въ смыслѣ не „вмѣсто жены“, (наложницею), а женою—быть можетъ заимствованное изъ другихъ слав. нарѣчій со включеніемъ млр., въ коихъ за съ вин. ²³⁴ является болѣе общою замѣною 2-го винит., напр. въ млр. за дружину узяти (настоящею подругою, женою), за короля обібрати, пол. wziąć za szeladnika (не вмѣсто, а настоящимъ подмастерьемъ). Тоже въ другихъ слав. нар. (Mikl. V. Gr. IV, 408—9). Тоже въ лит. пер съ винит.: не только „asz laikau jį per iszmingą“, я считаю его разумнымъ, но и „jis buvo per rascų, онъ былъ за колесника, т. е. колесникомъ (Schleich. Lit. Gr. 283). Въ латышскомъ раг съ винительнымъ на мѣстѣ второго винительнаго ставится безразлично, какъ тамъ, гдѣ въ слав. нарѣчійхъ встрѣчается за съ винит. [Brammani cela раг рагаста wecakū, Брамманна выбрали старшиною (за старшину) погоста; tewi tur пар szkelmi, тебя считаютъ за мошенника], такъ и тамъ, гдѣ это за невозможно: mani sauc пар Jāni, меня зовутъ за Ивана (т. е. Иваномъ), Bielenst. Lett. Gr. § 494, 496, Lett. Spr. II, 304—5.

3. Второй винительный есть прилагательное. Соотвѣтственно тому, что было замѣчено объ употребленіи въ древнемъ языкѣ второго именительнаго (стр. 178), и здѣсь уже древній слав. языкъ различаетъ съ одной стороны существительное, а съ другой—прилагательное и причастіе, по степени ихъ предикативности. Бóльшая предикативность прилагательнаго въ этомъ языкѣ сказывается въ употребленіи его во 2-мъ винительномъ не только при глаголахъ, съ коими сочетается существительное (cognoscendi, nominandi, faciendi), но и при глаголахъ движенія, какъ яти (схватить), вести, нести, сълати, веречи, и другихъ, какъ ясти, жьрти, коихъ общее значеніе трудно опредѣлить точнѣе. Что касается до формы, въ какой стоитъ здѣсь прилагательное и причастіе, то она находится въ прямой связи съ употребленіемъ ихъ въ сказуемомъ. Неговоря уже о другихъ нарѣчійхъ, и въ старо-славянскомъ, при преобладаніи именной формы, изрѣдка встрѣчается и мѣ- ²³⁵стоименная, о которой можно сказать не то, что она неправильна (Mikl. V. Gr. IV, 142), а только то, что она здѣсь позднѣе именной.

Что ма глагольши блага, О. Ев. Мат, 19, 17, *τί με λέγεις ἀγαθόν*, cur me dicis bonum.

Иже прокляша Арья, проновѣдаша вѣру непорочну и праву, Лавр. 49 (111), чеш. prohlasili víru bezuhonnou i pravou, Эрб., непорочною и правую. Проповѣдаша Троицю единосущну, ib., т. е. единосущною. Проповѣдаша свягую Богородицю, ib., т. е. Б-цу святою.

Вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимерѣ(=и) старѣйшаго, Ип. 144 (459), т. е. назвали, признали старшимъ.

Начаша ему повѣдати осѣкъ во лѣсѣ полнѣ (винит.) люди(й) и товара, Ип. 208 (582) (=что осѣкъ полнѣ людьми и обозами).

Невѣдны яко ѣзродѣ ѣсть (святны N), нѣ мнѣше ѣ мѣдра, Срезн. Пам. юс, письм. 221. Пришедше взяша и, мертва мнѣще, вынесше положиша ѣ предѣ пещерою и узрѣша, яко живѣ есть, Лавр. 83. Князя своего живого вѣдяче, Ип. 64 (303), т. е. не зная живымѣ, а зная что живѣ. Хотѣша ѣ (Изяслава) Княже пѣшци убити, мнѣще ратного (думая что онѣ непріятель), незнаюче его, Ип. ів. Мняхуть и своего, Лавр. 28 (64).

Когда же та видѣхомѣ страньна.. или нага.. больна, О. Ев. Мат. 37, 8. Дивлѣхъса, видаште дѣба обливънѣвъша, ти бо вѣдѣхъ и из давьна соухъ, Supr. 13. Юже видѣвши госпожа ꙗ таку (немогущю страдати), отгони ю отѣ себе, Срез. Ск, о Б. и Гл. 78.

Равьны намѣ сѣтворишь ꙗси, О. Ев. Мат. 20, 12, *ἵσους ἡμῖν αὐ-236 τοὺς ἐποίησας*, eos aequales nobis fecisti; Сав. кн. 149. Уготовите пѣть господьнѣ и правы творите стѣзѣ ꙗго, ів. Лук. 3, 4, *εὐθείας ποιεῖτε τὰς τρίβους αὐτοῦ*. Иже сѣтвори ма цѣла, ів. Іо. 5, 11, *ὁ ποιήσας με ὑγιή*, qui me sanum fecit.

Хвалю бога... иже... нелѣнива ма былѣ створилѣ худаго на вся дѣла человѣчьская потребна, Поуч. Моном. Си (князя) акы несвою волость творита, Ип. 117 (406), т. е. какѣ будто считаютѣ волость чужою. Жѣну ту акы мертву створиста, Срезн. Ск., о Б. и Гл. 78; (сѣ „акы“ = скр. *iva quasi*, Шерцль l. с. 79). Имше же за сухую ногу и трижды ю прекрестивше, цѣлу ю створиста, ів. 26. Ставь на земли на Бортевской и зарядивѣ себѣ третьѣго (=третьимѣ, т. е. судьѣю) Государя в. кн. Ивана Вас-чя, сей судѣ судили судьи сѣѣжжѣе, 1462, Ак. отн. до ю. б. I. 635.

Аще, княже, неубіеши Якова Прокшинича и пустиши его въ Новгородѣ живого, то тому ти, княже, опять вои привести сѣмо и землю твою пугу створить, Новг. I, 21. Села ихъ пуга положиша, Новг. I, 80.

И самѣ отѣхъхаль, неучиня ничего же, только землю Литовскую пугу доспѣль, Пск. I, 289.

И тако тѣхъ накорми, не тѣхъхъ отпушаше, Ип. 95 (363). Иныя (вин.) излупивше пушачу нагы, Ип. 212 (589).

И закла отѣць твои тельцѣ упитанныи, яко сѣдрава и при-агъ, О. Ев. Лук. 15, 27, *ὅτι ὑγαίνοντα αὐτὸν ἀπέλαβεν*, quod valentem illum rescerit.

А самы князи Богѣ живы въ ругѣ дава: Коксусѣ сѣ сыномѣ... и ниѣхъ кметѣй молодыхъ 15; то тѣхъ живы ведѣ, исѣкъ, вмѣтахъ въ ту рѣчку въ Славлѣй, поуч. Мон.

А самихъ всѣхъ Богѣ соблюлъ добры-здоровы, Пск. I, 224.

Стада скотины истопи (буря) въ Волховѣ, а другыя одва переимаша живы, Новг. I, 5. Люди многы града того овы побиша, другы изымаша живы, ib. 87. А человекъ оже кто иметь живого (=живымъ), то самъ будетъ убитъ; аще и золотомъ шито оплечье будетъ, убий, да не оставимъ ни единого же живого, Троиц. 213.

И въведе ꙗ на горѣ высокѣ ꙗдины, О. Ев. Мат. 17, I. Къ упо-237
требленію второго винительнаго недаеть здѣсь повода ни греческій (*κατ' ιδίαν*), ни латинскій (*privatim*).

Овы изби, овы изызавъ поведе босы по леду, Пск. I, 180. Абы како довести полкъ цѣль, Ип 127 (425). Аще Богъ приведетъ мя сдорового дни сия, то немогу никако-же рускои землѣ забыти, Ип. 120 (411).

Привезоша и въ Новгородъ мертвъ, Нов. I, 36.

И възложивше (и, Михалка) на носилицѣ несяхуть токмо ле-жива, Ип. 118 (407).

И нмѣше и биша и послаша и тѣщъ (*ἀπέστειλαν γενόν*)... того каменіемъ бивѣше знаманаша и посълаша бещьстьна (*ἠτιμωμένον*), Марк. 12, 3—4. Мстислав. Ев. Бусл. и Хр. 36.

Убиша Пруси Овъстрата и сынъ его Луготу и въвъргоша и въ греблю мъртвъ, Новг. I, 33.

Княже,.. нынѣ ворогы свои держишь просты (=свободными, на свободѣ), а казни ихъ, любо слѣпи, Ип. 119 (410). Есмо первѣй сего писали до васъ, ажъ бы есте были по готову на службу нашу, на войну, и держали кони сытыи и зброи чистыи, 1514, А. З. Р. II, 114.

Поустишася на сватыꙗ, да живы ꙗ пожърятъ, Supr. 45. Живы пожрѣли быша ны, Пс. 123, 2.

Такое употребленіе прилагательнаго, хотя съ большими ограниченіями, продолжается и по-нынѣ. Въ влр. говорахъ и теперь бы возможно: „безпечальна (=беззаботнымъ) мати меня породила, О горѣ злоч. Пам. и Обр. I, 419. Ты на что меня Добрынюшку нещаснаго спородила? Спородила бы.. ты бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ, Кир. II. II 30. Онъ пускаль коня непривязана ib. 6. Ср. „попаль какъ я мать на старого, попаль на старика невеселаго, да одва, мать старцишпо-то жѣва спустиль, Онеж. был. Пам. и обр. I, 356; коли выкупишь, дакъ живыхъ спушшу, ib. 380; поминай меня Добрынюшку убитаго (=убитымъ, какъ убитаго), Кир. II. II, 32; онъ хочеть живого съѣсть ib. 41. У писателей: а это ничего, что ты свой долгій носъ и съ глупой головой изъ горла цѣль унесъ? Крыл.; раздѣвали раненныхъ, оставляя нагихъ посреди поля, Пушкин.; бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ, Лерм.; выгнать сотникъ свою дочку басую изъ дому, Гог. Одинъ=so-238
lus въ этихъ случаяхъ и неможетъ быть поставлено иначе, какъ въ винительномъ: оставить ее одну, его одного, ихъ однихъ.

Въ малорусскомъ: бачиш мене, милий, гожу, хорошую, на вік здоровую, а борони Боже недугы (род. ед. ж.), тогді ти помислиш об другій, Метл. 46; мене покидаеш дужую-здорову, ів. 55; мене мати породила, нехрещену (прилагат.) положила (говорить мавка); ой дівчино небого, люби мене голого, Метл. 119; витягли Веклу зовсімь мертву, Квит.; підвели Явдоху и ледве-ледве живу поволокли її до дому ід.; на-лишень отцю жабу.. и ще живу, нездохшу укинй мерщій у піч, ід.; ци ви єго испеклисте, ци сирого збили, Гол. II. I, 722.

Подобные примѣры въ сербскомъ см. Данич. Синт. 408—10; въ чешскомъ—Zikm. Skl. § 68, I, a, 2; въ польскомъ старинномъ: dziwna uczynił swótego swego, Małgorz. (Mikl. V. Gr. IV, 143); jakkole konia sdrowego jemu.. był poźicił, a wszakoż tento Maciej tego istego konia jemu wrócił chromego 1449, Ks. Ust. 45; въ новомъ пол. widząc noc różną, chłodną i burzliwą, każdy do domu powracał, Mick.; inny świat rzucam, aniżelim zastał id.; zostawiam ciebie samą, Goszcz; niechaj nas raczej twój piorun wystrzela, lub żywych ziemia pogrzebie, Mick.

Въ литовскомъ переводѣ библіи второй винительный прилагательныхъ также обыченъ, какъ въ древнерусскомъ. Ср. напр. Лук. 3, 4; ід. 15, 27; Іо. 5, 18; Марк. 12, 3 и пр. Тоже и въ просторѣчьи (хотя обыченъ и творительный): dawę (ji) su ketureis jaczeis gyvą suplėszyt, Schl. Les. 209, даль (приказаль) его четырьмя волами живого разорвать; sakė tawę szokią, sakė tawę tokią, говорили тебя сякую.. такую, т. е. что ты такая-сякая, при чемъ отнюдъ неслѣдуетъ вмѣстѣ со Шлейхеромъ (Gr. 263) предполагать здѣсь опущеніе причастія или дѣепричастія: tokią ésancę v. ésant. Объ этомъ послѣднемъ оборотѣ будетъ сказано ниже.

239 Въ латышскомъ: сака мані лѣну, рāму, Спр. 152, говорятъ меня тихую, скромную, т. е. что я..; шкиту бѣзу прѣдулаю, маліна стāведама; шкиту гудру тауту дѣлу, аугумā раудзідама, ів, 187, считала густой (вин.) соснякъ (=что густъ), на краю (его) стоя; считала умнаго людскаго сына (=что уменъ молодець), на ростъ (наружность) его глядя; сиксту тейца близмас целму, гудру мейту мāмульті ів. 50, крѣпкій сказываютъ ивовый пенъ, умную мать дѣвиць (= что крѣпокъ, что умна-хитра).

Обороты, развившіеся насчетъ разсматриваемаго здѣсь, суть: а) придаточное предложеніе съ изъяснительнымъ союзомъ, въ случаяхъ, когда новый языкъ нетерпитъ перваго винительнаго: узнали, что онъ живъ, и б) творительный на мѣстѣ втораго винительнаго. Другіе [„въ живыхъ оставить“, „ихъ самихъ и слугъ ихъ збили.. и за мертвыхъ (=замертво) покинули, 1544, Ак. З. Р. II, 396“ и нарѣчіе, напр. „но я нетакъ (не такобого, не такимъ) всегда воображалъ врага святыхъ и чистыхъ помышлений“, Лерм.]—менѣ важны.

4. Второй винительный—причастіе. Винительный причастія въ однихъ изъ ниже приведенныхъ примѣровъ есть съ точки зрѣнія позд-

нѣйшаго языка очевидно второй, или предикативный винительный; въ другихъ онъ можетъ быть принятъ за простое опредѣленіе или приложение; но отдѣленіе однихъ примѣровъ отъ другихъ затруднительно, такъ-какъ древній языкъ не даетъ для этого никакихъ основаній.

Видѣша юношѣ сѣдащѣ.. одѣнъ въ одеждѣ бѣлѣ, О. Ев. Марк. 16, 5; въ греч. и лат. тоже причастія въ винительномъ; сѣдащѣ, одѣнъ оказываются приложениями: юношу, сидящаго, одѣтаго; но см. слѣдующее:

Заутра же видѣша люде князя бѣжавша (= что к. бѣжалъ) възвратившася Кыеву, Лавр. 74 (168). Види товарища горяща (что станъ горитъ) и воротися опять, Ип. 85 (344). Видѣ Петра ѣдуща и поругася ему, Ип. 72 (319). И узрѣ Ярославль полкъ побѣгъшъ Гюр-240 ги (увидѣлъ, что Я. полкъ побѣжалъ) и тѣ вда плече, Новг. I, 35. Видѣвше горожане изнемагающе(=я=а) своихъ, и выринушася изъ города и бишася, Лавр. 168 (379). Андрей.. видѣвъ же Половци(я=а) стояче(=я) назадѣ.. вѣха въ полкъ свои. Ип. 63 (302). Князи же видивше Половци (вин.) идуче прочь, поидоша, Ип. 70 (315). Видихомъ полкы многы стояче у города, Ип. 87 (348). Аще узриши насъ погнавшихъ, скорѣе по насъ пожени, Ип. 193 (552). Трѣпиши сѣдя и зря, ихъ же имѣши, рабы упивающася, Поуч. Никиф. Русс. Дост. I, 69. Богъ, видя наша безаконія и братоненавидѣніе и крестомъ вѣрящеся во лжю (т. е. видя ны вѣрящася).. и за то Богъ на насъ поганымъ наведе, Новг. I, 46. Володимеръ видѣвъ церковь свершену (увидавъ, что окончена), вшедь в ню и помолися Богу, Лавр. 53 (121). Изяславъ же видѣ полкы бѣжачѣ побѣжены [„что бѣгутъ и побѣждены“, или „что побѣжденные (будучи побѣждены) бѣгутъ“] побѣже, Ип. 44 (267). Видивше братья вся.. полки своя възматены, отѣхаша во своя си, Ип. 13 (214). Половци видѣвше стада своя взята.. вобрѣдоша во Днѣпръ, Ип. 140 (491). Игорь же видѣвъ Половцѣ побѣжены.. и бѣжа, Ип. 125 (421). Тѣгда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце.. видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, Сл. о п. Иг. ꙗгда же видѣ са (винительн.= себя) съкрушена (что его избили „малы не до смърти“), глагола, Срезн. Пам. юс. пис. 212. Шедше къ погребу видѣша ключа повреждены и заключено [что ключи (задвигки) нетронуты и замкнута], лѣсвицю же, по ней же всходятъ и исходятъ, внѣ лежащю, Срезн. Ск. о. Б. и Гл. 83.

Мы слышхомъ и глаголющѣ, О. Ев. Марк. 14, 58, въ греч. ст 241 родит. *ἠκούσαμεν αὐτοῦ λέγοντος*. Изяславъ же слыша Гюргя пришедша, Ип. 1 43. Слышавъ узворотившихся (=что князья возвратились) и иде Изяславъ у Вятичѣ, Ип. 1 87. Слышавше идуча Изяслава.. даша ему миръ, Ип. 1 87. Услышавъ же Всеволодъ полонену жену и съ дѣтми и имѣнне взято, печалень бысть велми, Лавр. 1 169.

Како стоить земля, чюючи тя на себѣ на крестѣ висяща, Кир. Тур. Калайд. 31. Почютиша Ярополка идуча, Ип. 13. •

Увѣда Всеволодъ Ярополка умерша (что умеръ), а Вячеславъ сѣдить въ Кіевѣ, Ип. 15. Фразы же увѣдавше ята Исаковица (что схваченъ), воеваша волость около города, Новг. I, 27.

И нечоу Иосифъ и мати ѿго, мнѣвѣвша же и въ дружинѣ сѣщѣ, О. Ев. Лук. 2, 44. (Въ греч. и лат. — вѣнчательный съ неопредѣленнымъ). Мнѣхъдѣть и испродавша и (т. е. я, сочива, или ѿ, съсѣды), Срезн. Пам. юс. п. 221. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разнѣ отъ града, Лавр. 1 28. Мняхуть (ю) бѣснующюся, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 79. Смрть бо мужю правдиву покои ѿсть, немнимъ бо погыбающе (=а=я) тѣхъ, иже отходятъ къ Богу; праведны убо Богъ, правду бо видѣвъ я творяща, и въ правдѣ покоить я. Творимъ убо погыбающе (=а, я) тѣхъ же (=иже) святомъ крещениемъ непростишася и, въ лести бес правды безаконіе творяще, грѣхы себе събравше, погыбоша, Си. XIV в. Срезн. Ск. о Б. и Гл. XII. Сего цѣща и Нила мѣнеть (=полагають) не въ то-жде годъ (=время) вод'нешъ се, въ нь же и ины рѣкы, нь оу полы жетвы напаяѣтъ Егуптъ, Ю. Экз. Шестодн. 4.

Възненавидимъ мира сего, всегда поминающе о семъ Господа рекша: „аще кто неоставитъ отца своего... Поуч. Оод. Печ.

Князя творяхуть спяща, Ип. 134, т. е. сказывали, подавали видѣ, будто кн. спитъ. ѿже (вышеупомянутое) творить и митрополита Георгья 242 русьскаго напсавъша, а нѣту того нигдѣ же, Впраш. Кюр. по сп. XII в. Калайд. Пам. 195. И биша ѿ на вѣчи и свергоша ѿ съ моста, творяхуть бо его перевѣтъ державша къ Михаилу, Новг. I, 73. Убиша N и N, яко творяхуть е (=я) перевѣтъ дръжаще (=я) къ Святославу, ів. 14. Убиша (такихъ-то) творяхуть бо я съвѣтъ дръжаще на свою братью, а то Богови судити, ів. 22. Сожъгоша вълхвы 4, творяхуть е (=я) потворы дѣюще, а Богъ вѣсть, ів. 44.

Кто възглаголетъ силы господня и слышаны створить вся хвалы его, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 78.

Идущу же ѿму, повѣдаша ѿму отца умерша а брата старѣйшаго Святополка сѣдша на столѣ отчи, ів. 11.

Тогда бо глаголахуть тму бывшую (говорили, что была) въ Галичи, яко и звѣзды видѣти середѣ дни, солнцю померькшю, Ип. 135.

Та бо уста (блаженнаго Кирилла) свѣтлѣйша свѣта яви Господь, омраченныа лстыю грѣховною просвѣщающа (явилъ просвѣщающими омраченныхъ), XIV в. Срезн. Свѣд. и зам. XXXVII, 58.

Обрѣгоша Мариѿ же, Иосифъ и младенець лежащъ въ ѿслѣхъ, О. Ев. Лук. 2, 16. Обрѣте ѿ съпаша, ів. Мат. 26, 40. Да не пришьдѣ вънезапнѣ, обратеть вы съпаша ів. Мар. 13, 36.

Ижеряне усрѣтоша ихъ (Емь) бѣгающе и ту ихъ избиша много, Новг. I, 43.

И тако соблюде и Богъ неврежена, Ип. 122.

Въ литовскомъ переводѣ библіи господствуетъ еще 2-й винит. причастія, хотя есть уже и его замѣны. Вообще онъ ставится тамъ же, гдѣ 243 и въ ст.-сл. и древн. инд., то есть не только на мѣстѣ того же падежа причастія въ греч. и лат., но и тамъ, гдѣ въ этихъ языкахъ винительный съ неопредѣленнымъ, напр. *sako neésantj isz numirusû prisikelima*, Марк. 12, 18, *dicunt non esse resurrectionem*; иногда на мѣстѣ ст.-сл. развитого придаточнаго, напр. *žinojej manę piaujantj, kur nesėjau, ir genkantj, kur nebarszczau*, Мат. 25, 26, при ст.-сл. вѣдѣше, яко жьнѣж и пр. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о „*je rado daug iszwogta*, они нашли много украдено, гдѣ причастіе страд. въ среднемъ родѣ могло пониматься какъ винительный падежъ, *Schl. L. Gr. 319*. Въ латышскомъ, какъ кажется, преобладаютъ уже замѣны 2-го винит. прич. (придаточныя предл. съ *ka=что*, дѣепричастія), хотя есть и самъ этотъ падежъ. См. *Biel. Let. Gr. § 761, 771*.

Въ позднѣйшемъ періодѣ славянскаго языка 2-й вин. прич. частью удерживается [напр. въ русск. литер.: ласточку свою (непосредствен. объектъ) онъ видитъ на снѣгу замерзшую, Крыл.; я нашель его окруженнаго нашими офицерами, Пушки.; я нашель его у воротъ сидящаго на скамейкѣ, Лерм.; я очень удивился, услышавъ ее (собачку) говорящую, Гог.; въ польск. *niech znają bronie* (посредств. объект.) *jeszcze niezepsute*, *Krasicki*; *są ludzie, ktorych niemożna sobie wyobrazić zakochanych*, *W. Pol.*], частью переходятъ въ творительные падежи и дѣепричастія. Оба винительные могутъ замѣняться придаточными предложеніями; но особенно заслуживаютъ вниманія случаи, гдѣ предложеніе замѣняетъ собою лишь 2-й винит. причастія, свидѣтельствуя этимъ о предикативности послѣдняго, напр. въ серб.: *видјеше младића*, гдѣ *сједи (=сѣдащъ)*; *нађоше дијете*, гдѣ *лежи (младенць лежашъ)*; чеш. *uzřely mládence an sedí*, Хорут. *mi smo ga slišali, da je djal*. См. ниже, 7.

5. Дѣепричастія изъ винительнаго причастій настоящаго и 244 прошедш. дѣйств. Въ теченіе нѣкотораго времени въ ст.-русскомъ дѣепричастія изъ 2-го винит. существуютъ рядомъ съ самимъ этимъ винительнымъ, при томъ, какъ я думаю, непотому, что въ памятникахъ, изъ коихъ мы заимствуемъ примѣры, книжный языкъ смѣшанъ съ простонароднымъ, а потому, что и въ этомъ послѣднемъ причастія невдругъ превратились въ дѣепричастія, а такъ, что нельзя навѣрное сказать, гдѣ кончаются одни и начинаются другія. Формы, какъ „видѣхомъ полкы стояче, бѣжачѣ“, выше отнесены къ причастіямъ, на томъ основаніи, что видится возможность возникновенія *e* и *ъ* (= *e*, а

не = и, что тоже бываетъ) изъ я = а чисто фонетическимъ путемъ; но быть можетъ мы и здѣсь уже имѣемъ передъ собою дѣепричастія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ этого слова. Труднѣе допустить, чтобы формы съ и на концѣ (вязячи) могли фонетически, безъ измѣненія смысла формы, возникнуть изъ вязяча съ я = а, или чтобы пришедше было только фонетическимъ видоизмѣненіемъ формы вин. ед. мн. пришѣдъшь. По этому такія ф. мы относимъ уже къ дѣепричастіямъ.

Ср. ц. сл. Онъ же.. възрѣвъ, видѣ кихъ бѣсъ съсѣмнѣштеса ꙗго и застѣнаѣште отъ страха, Supr. 27; обрѣте (смокъве) листвиѣмъ красоуѣште са, ib. 259.

Видѣхъ и море мрътво, водѣ прѣмѣнѣнѣ своѣмъ вешти, страхомъ Божиѣмъ отъпадъшѣ и немогѣшти животно въ себѣ крѣмити, и въходаште (вм. 2-го дат.) подъ водѣ комоу въ нѣ, измештетъ и вънѣ, и оудрѣжати тѣла чловѣчьска немогѣштѣ въ себѣ, Supr. 97.

Стоящю ему съ вечера на молитвѣ вѣдѣ (= видѣ) образъ лица Га нашего Ис. Ха просвѣтѣвъшеса (м. б.-въшся?) паче солнца, Io. 12, 50, Срезн. Пам. русск. письма.

Слышавше Болгаре в малѣ дружинѣ князя пришедше (въ Лавр. сп. еще „пришедша“), идуща опять съ полономъ, доспѣша въ боръзѣ, Ип. 106 (385), Лавр. 155.

Прочии видивше князя своего крѣпко бѣющеса, выринушаса изъ города, и тако отъяша князя своего язвена сущи трети коньши, Ип. 132.

Половци услышавше всю землю русскую, идуще бѣжаша за Донѣ, Лавр. 168. Такъ уже въ ст.-сл. пам.: ꙗгда видиши ученика прѣдѣште, Супр. 305, Mikl. V. Gr. IV, 824.

245 Види многое множество колодникъ Галичанъ вязячи, Ип. 74, т. е. что множество колодниковъ находится въ плѣну, въ состояніи „связней“ (взѣти). Бѣ видити слезы его лежачи по скранью его, яко женчюжная зерна, Ип. 95. Невидал есми мертвеца на свиняхъ ѣздячи, ни черта на бабе, Дан. Заточн. сп. Ундоль., Р. Бес. 1856, 2, 118.

Нифонтъ.. заста Кьяны съ Церниговцы стояце противу себе, Новг. I, 7.

Быть можетъ, сюда же относится и первообразъ слѣдующаго мѣста: „ношахуть Русь съ 15 мужъ утекши, а Ковуемъ мнѣ, а прочіи в морѣ испотопоша, Ип. 132 (434). Носити, какъ и литов. *naszinti*—разносить вѣсть, сказывать, *ferre*—*fertur*. При этомъ значеніи дательные самостоятельные „Руси утекши“ не даютъ удовлетворительнаго смысла; по этому и дательн. „Ковуемъ“ скорѣе слѣдуетъ считать за ошибку. Можно бы предложить чтеніе: „ношахуть Русь, съ 15 мужъ, утекши“, въ коемъ Русь — винительный прямого дополненія къ ношахуть, утекши — дѣепр. изъ вин. мн. утекшя, согласованнаго съ собирательнымъ Русь, а „съ 15 мужъ“ — самостоятельное вводное. Но пред-

почтительнѣе другая поправка: „ношахуть Руси съ 15 мужь утекши, а Ковуевъ мнѣ“, гдѣ „съ 15“ стоитъ на мѣстѣ перваго винительнаго, Руси, Ковуевъ — дополненія къ „съ 15“, утекши — дѣпр. изъ винительнаго первоначально согласованнаго съ „съ 15“.

Чинимъ славно и знаемо и даемъ ведомо оусемъ, хто коли сюю грамоту видить а любо слышитъ прочитая, 1387. Гр. Ягайла, Срезн. Пам. Р. п. 266.

Мы мужи Полочяне даемъ вѣдати, кто на сию грамоту узритъ (= въззритъ) или услышитъ чтучи, 1407, Рус. Лив. Ак. № 144. Хто нашъ съ листь узритъ или услышитъ его чтучи, 1478, *ib.*, № 245, и вообще весьма часто въ обычныхъ началахъ грамотъ, напр. А. Ю. и З. Р. I, № 8. Первообразъ этихъ выраженій можетъ быть „услышитъ (кого-любо) чьтуча“, при чемъ первый винительный легко можетъ быть опущенъ. Тоже:

Гдѣ котораго лиходѣя государя своего великаго князя взвѣдаю или услышу думаючи на государя своего лихо. . и мнѣ то сказати, 1522, Собр. г. гр. и дог. I, № 149.

И благословляя его владыка рече: „Богъ-деи тебя государя благо-246 словляеть Псковъ вземши, Пск. I, 286. Ср. уже разъ приведенные выше: „поздоровляють князя обручався, вѣнчався, сочетався бракомъ“ (161) и Рыбн. IV, 19.

И тое веселье, которое-жъ въ тыи часы мѣли, коли слышали брата... въ тую кровную приязнь съ тобою уступуючи, дочку твою собѣ жоною беручи, нынѣ обернули собѣ въ смутокъ и жалость, 1501, Ак. Зап. Р. I, 220. Если бы насъ.. або войско наше услышаль тягнучи напротивку того нашего неприятеля, 1514, *ib.* II, 171.

Въ новомъ сѣв. влр. сюда относятся примѣры, какъ „видѣли молодца сядучись, а не видѣли удалаго поѣдучись“; „неучествовать молодцевъ приѣдучись“ и пр. приводимыя изъ Рыбникова у Бусл. Гр. § 275, 2, прим. 2. Въ этомъ примѣчаніи вышеупомянутые примѣры смѣшаны съ дѣепричастіями изъ другихъ падежей (именительнаго, дательнаго) и обо всѣхъ безъ различія сказано, что они „соотвѣтствуютъ ц.-с. дательному самостоятельному“. Относительно названія (I. с.) разсматриваемыхъ здѣсь дѣепричастій независимыми, замѣчу, что такое названіе, понятое въ обширномъ смыслѣ, могло бы быть дано всякому дѣепричастію, въ силу его неспособности согласоваться, но что въ частности независимымъ есть основаніе назвать только дѣепричастіе, возникшее изъ прич. въ самостоятельныхъ падежахъ. Если первый винительный въ „слышахуть князя пришьдѣша“ есть падежъ зависимый, какъ прямое дополненіе, то и второй, согласуемый съ нимъ,—тоже; а такъ какъ изъ послѣдняго возникаетъ дѣепричастіе, нетеряющее всей связи съ первымъ винительнымъ, то почему же оно независимо?

Возвратная форма дѣепр. въ упомянутыхъ и другихъ подобныхъ примѣрахъ (напр. Рыбн. III, 5, 63, 77, 307, 325, 375 и пр.) независитъ отъ предполагаемаго этими дѣепричастіями падежа: она бываетъ въ дѣепр. при именительн. ¹⁾, дательн.; ея можетъ небыть при винительномъ (и родительномъ), при чемъ разница въ значеніи отъ настъ ускользаетъ: „видѣли молодцѣвъ сѣдучи, да невидѣли молодцѣвъ поѣдучи“, Пам. и обр. I, 374; видѣли тутъ Добрынюшку да сядучи да невидѣли удалого поѣдучи, Гильф. 34; увидалъ же тутъ да Соловей Рахматовичъ (дѣтей) подворотенку здымаючи: „Ахъ вы глупыи вы дѣтушки.. ib. 19; ухватила (змѣя) тутъ Забаву дочь Потятичну въ зеленомъ саду да ю гуляючи (= когда Завава гуляла), ib. 32; Рыбн. III, 86, 146; IV, 8, 10, 22, 27 и пр. Невидать буде крестовой больше матушкѣ милое крестово свое дитятко не (= ни) на уличкѣ гуляючи широкой, не на трудной то ее работушкѣ, Барс. Причит. I, 136; я сидѣла-бъ подъ косѣвчатымъ окошечкомъ, я глядѣла-бъ на шіроку на уличку.. усмотрѣла-бъ, може, идучи я скорую смеретушку, ib. 167; добры молодцы.. вы невидали-ль сердечно мило дитятко Богу молячись (= молящееся) во этой во Божьей церкви, ib. 208; зима лютая, неморозъ меня при дороженькѣ коня ведучи, збрую несучи, Шейнъ, Р. н. п. 361. Бр. (царь на войну) пошлецъ каня вараного, двараніна маладого, вараного каня гардуючи, маладого двараніна ваюючи, Роман. Бр. сб. I, 286; а я свайму дзевяру Юрку зарѣзала пятуха, курку: „хощь цябе папарви ядучи, толькі мяне нежури живучи“, ib. 222. У Державина: сѣдящъ, увѣнчанъ осокою, въ тѣни развѣсистыхъ древесъ, на урну облеглись (изъ вин.) рукою, являющій лице небесъ прекрасный вижу я источникъ (ед. Гротъ I, 78).

247 Въ нынѣшнемъ р. литер. такихъ дѣепричастій нѣтъ; въ мдр. они рѣдки: ймили Петра Бондарюка в Харинюка спючи (=спячаго), Головац. Пѣс. I, 176; ой бив мене дробен дожджик, била мене тучи (им. ед.) сеі ночи о півночи від любкі ідучи, Стрый, Станисл. окр. Żeg. Pauli P. J. R. I, 188; благословіт же мене у шлюб уступаючи: ви мені й батько и отецъ благодітель, Квит. Коз. Д.; душа й розум повелівали йй хоч погибнути, а недовести милого чоловіка до нещасної жизни з нерівнею побравшися, Квит. Щира люб. Въ стар. польскомъ: а użrzaw Saula spięc w stanie, rzecze, Царей I, 26, 5; Dawid a Abizai... znalazła sta Saula leżęc a spięc w stanie, a kopie tczęc w ziemi u jego głowy, a Abner (винит.) a jiny lud spięc około jego, ib. 26, 7, Maciejowski, Dodat. do Piśm. P. 18. Mnie zaś Pan Bóg w ten dzień zachował od szwanku z trzema mężami pojedynkując się, XVII в. Pam. Paska, ed. Węclewski 95. Въ ст. чешскомъ: uzře syna swého podle sebe na tém-ž pravidle

¹⁾ Ъдучись дѣтина во чистомъ полѣ, стоючись дѣтина подъ сырмъ дубомъ, истаскалася-де платя цвѣтныя, Рыбн. III, 73; я смотрючись на красоту Чурилову... помутились у меня очи ясныя, ib. 126, 138. Ср. выше стр. 194—200.

stojice, Zikm. Skl. 415. Въ серб. зачу мелек и зачу кукаѣ, стару мајку Јова кукајући, Mikl. V. Gr. IV, 824; лонац њеш познат звонећи, а човјека говорећи, ib. 829.

Въ литовскомъ и латышскомъ дѣепричастіа такого происхожденія весьма обычны. Понятно, что если въ каждомъ изъ славянскихъ нарѣчій дѣепричастіа образовались отдѣльно, въ относительно-позднюю пору ихъ самостоятельной жизни (въ русскомъ около XII—XIII в.); то сходство въ этомъ отношеніи между слав. нар. и литовско-латышскимъ могло произойти только отъ единства основныхъ данныхъ и схождения стремленій языка. При томъ сходство это далеко не полное.

Въ литовскомъ всѣ три его дѣепричастіа дѣйств. (наст., прош. и буд.) происходятъ между прочимъ отъ 2-го винительнаго:

patatė szį atjojent, Schl. Les. 143, увидалъ его подбѣзжая, т. е. что онъ подбѣзжаетъ; jis girdėjo tą dainą dainųjent, ib. 146, услыхалъ ее пѣсню поючи (что она поетъ); kožnas rado sawo wadžes pastaldszaly bekabant, ib. 203, каждый нашелъ свои возжи на мѣстѣ при стойлѣ вися (висящими, что висятъ); iszgirdo beskalbient, ib. 201, слышала перучи, т. е. что кто-то моетъ бѣлье валькомъ; jis pajuto Lauwę įlinčius, ib. 199, онъ замѣтилъ Лауму влѣзши (что влѣзла); žinome dėwą swėtą sutwėrus, Schl. Gr. 322, знаемъ Бога свѣтъ сотворивши (что 248 сотворилъ); tu žinojei manę arjeksent (будущ.), ты зналъ меня имѣя ослѣпнуть, т. е. что я ослѣпну.

Въ латышскомъ изъ этихъ трехъ дѣепричастій находимъ только настоящее (Biel. Lett. Gr. § 753; α , β ; es wiņu redzeju jājūt, я его видѣлъ ѣдучи, т. е. что онъ ѣдетъ), при чемъ его функція сравнительно съ литовскимъ, кажется, расширена по отношенію къ залогу: редзу саву мѣмальпъ нар калнню айзведѣт, Спрог. 222, вижу свою матушку черезъ гору заведя, т. е. что мою матушку увозятъ черезъ гору, при чемъ айзведѣтъ принято въ страдательномъ смыслѣ.

Съ другой стороны, дѣепричастіе отъ прич. страд. на ма-с, составляющее особенность латышскаго яз., образуется не только отъ глаголь дѣйствительныхъ, но и отъ среднихъ, и въ послѣднемъ случаѣ, а иногда и въ первомъ, неимѣетъ страдательнаго значенія, повидимому неотличаясь отъ дѣеприч. дѣйствительнаго:

то (мейтнню) сатіку айзведам, Спрог. 52, еѣ (дѣвицу) встрѣтилъ уводим(ую);

эс редзею Яню-накті трис саулітес узлецам; ib. 292, я видѣлъ въ Иванову ночь три солнышка всходим(ыя) = что взошло, что всходятъ;

эс шкіту лѣтнню лаукâ листам, ib. 223, я считала дождикъ (вин.) на дворѣ льючи, т. е. что идетъ;

Ѕбраудзѣис рудзу лауку ка уденѣ лигоям, 258, увидѣвши поле ржи какъ воду волнуясь, т. е. что рожь волнуется какъ вода;

шкѣте манус бѣлелѣиос ікварау клаусамѣс, ів. 23, считала моихъ братцевъ каждый вечеръ слушался, что они слушаютъ (по Спрогису „будутъ слушать“) ея пѣніе;

дзѣрду теѣ рунаям, Бривземніакс, N 447 (Сборникъ Дашкова II), (когда) я слышу тебя говоря, т. е. что ты говоришь;

249 дзѣрд' эс тѣѣ дзѣадам, бѣрст ман гаужас асарѣняс, ів. № 4, когда слышу тебя поючи, катятся мнѣ горькія слезы.

См. также Bielenst. Lett. Gr. § 766, β, 767.

6. Второй винительный составной. Пусть будутъ даны въ древнемъ языкѣ два предложенія, грамматически несвязанныя между собою, первое съ винительнымъ прямого дополненія, второе—со вторымъ именительнымъ: „видѣ ины: стоѣтъ праздѣни“. Если второе становится частью перваго, примыкая къ его винительному, то на мѣстѣ второго винительнаго является два винительныхъ, изъ коихъ первый необходимо есть причастіе:

видѣ ины на трѣжищи стоѣща праздѣны, О. Ев. Мат. 20, 3, *εἶδεν ἄλλους ἐστῶτας ἀργούς*, invenit alios stantes otiosos. Сав. Кн. Срезн. II. юс. п. 148;

видѣ желѣза, иже бѣша на немъ и на подрузѣ, ѣго изломана лежаща окрестъ ѣго, XII в. Срезн. Ск. о Б. и Гл. 82;

обрѣтоша тѣло святою лежаще цѣло, ів. 21.

Чаще за исходную точку языка можно принять здѣсь не самостоятельное предложеніе съ качественнымъ глаголомъ въ сказуемомъ, какъ выше, а второй винительный. Въ такомъ случаѣ для разчлененія предложенія съ двумя винительными, для болѣе явственнаго выраженія предикативности второго падежа, при немъ ставится винительный причастія настоящ. гл. существительнаго:

вѣда(=я)аше духъ Богъ сѣщъ, *ἦδει το πνεῦμα Θεὸν* XI в. Будилевичъ, 38;

отидоша оставльше и лѣ-жива сѣща, О. Ев. Лук. 10, 30, *ἀφέντες ἡμῶσιν τυχάνοντα*;

цркъ же разоумѣван небо соуште, олтарь же — прѣстоль Вышняго, слоужителя же аглы Божия, Изб. 1076, 12;

васъ мертвыхъ суца съоживиль ѣсть съ нимъ, по Острож. Биб. у Добров. Колосс. 2, 13, *ύμας νεκρούς ὄντας*.

Водѣ и кровъ источи отъ прободенныхъ ребрь своихъ Съпасъ, да. кровъ своѣ избавьѣныѣ бывше явить имѣштимъ на-нь надеждѣ, Supr. 369.

Обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго и прободено висяще, Кир. Тур. Калайд. 29.

Видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену... бесѣдова къ ней, Лавр. 26 (59); видиши мя болное (вин. болну) сущю, ib. 28 (66); взя же ида мѣдѣнѣ двѣ капищи и 4-и конѣ мѣдяны... якоже невѣдуще мнѣть я мрамаряны суца, ib. 50 (114); видя же люди хрестьяны суца, радовашеся душею и тѣломъ, ib. 54 (122); и воземше его велми ранена и ле-жива суца, и несоша, Ип. 138 (447); бысть жалостно зрѣти нань, видячи его болна суца, Ип. 214 (592).

Старинные русскіе памятники, сколько извѣстно, сохранили косвенные падежи и именит. дв. и мн. причастія сн только въ ихъ церковно-славянской формѣ. Изъ этого однако неслѣдуетъ, что рассматриваемый оборотъ былъ свойственъ только ст.-сл. и книжному русскому. По крайней мѣрѣ кажется вѣрнымъ, что онъ вполне согласенъ съ духомъ древняго русскаго языка и другихъ славянскихъ. Въ новомъ языкѣ онъ неумѣстенъ потому, что этотъ языкъ стремится замѣнять развитыми придаточными предложеніями даже вторые падежи, болѣе удаленные отъ полной предикативности, чѣмъ составной винительный. Нынѣшній литовскій яз. замѣняетъ творительнымъ второй винительный существительнаго, какъ менѣе предикативнаго и далѣе отстоящаго отъ личнаго глагола, чѣмъ прилагательное и причастіе; между тѣмъ вторые винительные прилагательныхъ и причастій въ этомъ яз. въ значительной степени уцѣлѣли. Но и второй винит. существительнаго можетъ остаться, если потерянная имъ предикативная сила будетъ возмѣщена присоединеніемъ къ нему причастія гл. существительнаго. Тоже бываетъ и при прилагательномъ, но такъ какъ оно можетъ стоять и въ несоставномъ 2-мъ винительномъ (*sakė taṭę szokią*), то, значитъ, литовскій языкъ болѣе чувствуетъ потребности въ оборотѣ, какъ 251 слав. вѣдѣаше Богъ (винит.) духъ сѣщъ, чѣмъ въ такихъ, какъ „вѣдѣаше ꙗ жива сѣща“.

Причастіе здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, можетъ перейти въ дѣепричастіе, чѣмъ достигается распадение составнаго винительнаго и своеобразность оборота, сравнительно съ соотвѣтственнымъ древн. греческимъ. Кругъ употребленія второго составнаго винительнаго въ нынѣшнемъ литовскомъ шире, чѣмъ въ ст.-славянскомъ, такъ какъ въ послѣднемъ на мѣстѣ этого построенія находимъ не только такое-же, но и простой винительный и неопредѣленное быти съ винительнымъ.

Sake dieṭą ěsant sawo tĕṭą Io. 5, 18. Въ О. Ев. 2-й вин. простой. *zinojo jĭ wyṭą teisę ir szwentą ěsant*, Марк. 6, 12. Въ О. Ев. 2-й вин. простой.

Ką sako žmonĕs zmozus sunę ěsanti, Mat. 16, 13.

Ogi jus ką sakot manę ěsant, Mat. 16, 15.

Jĭ atsudijo wertą ěsanti smertĕs, Марк. 14, 69.

Послѣднимъ тремъ примѣрамъ въ О. Ев. соотвѣтствуетъ винительный съ неопредѣленнымъ накл.

- 227 7. Русскіе винительные въ „увѣдаша князя идуча“ (= что князь идетъ) принадлежатъ къ одному строю языка съ греческими въ „*Ἐξέρρησον κατέμαθε πόλεις ἐνδεκα ἢ δώδεκα ἔχουσαν*, букв.—узналь Херсонесъ, имѣющій 11 или 12 городовъ, т. е. что X. имѣеть.., Curt. Gr. Schulgr. § 591. Встрѣчая обороты, сходные съ этими лишь по первому винительному, а въ прочемъ отличные, можно видѣть новизну не въ сходствѣ, не въ винительномъ, а въ различіи, т. е. въ отсутствіи согласованія съ этимъ винительнымъ того, что могло бы быть съ нимъ согласовано, напр. въ творительномъ русскаго оборота „постави мя попомъ“. Съ этой точки смотрю и на случаи, подводимые подъ категорію аттракціи, а въ частности называемые предвзятіемъ (*πρόβλησις anticipatio*) и состоящіе будто бы въ томъ, что существительное, принадлежащее къ зависимому предложению, вовлекается въ предшествующее главное предложеніе, становясь въ немъ между прочимъ винительнымъ, напр. Менелай пришелъ самъ (незванный), *ἦδεε γὰρ κατὰ θυμὸν ἀδελφεόν, ὡς ἐπορεύτο*, II. II, 409 (= ибо зналь въ душѣ (про себя) брата, какъ онъ былъ занятъ; иначе Гнѣдичъ, у котораго hendiadys: „зная любезнаго брата и какъ онъ въ душѣ озабоченъ“); *ἔνθαδῃ οἱ Ἕλληνες ἔγνωσανπλαίσιον ἰσόπλευρον, ὅτι πονηρὰ τάξις εἴη πολεμίων ἐπομένων*, Xenoph. Anab. III, 4, 19; *καί μοι τὸν υἱὸν εἶπέ, εἰ μεμάθηκε τὴν τέχνην* = *κοί μοι εἶπέ, εἰ ὁ υἱὸς μεμάθηκε τὴν τέχνην*, Curt. ib. § 519, anm. 2. Такъ въ латин.: *nosti Marcellum, quam tardus sit*; часто у Лютера: *er sah zween andere brüder, dass sie ihre netze flickten* (H. Ziemer, Jungramm. streifzüge im gebiete der Synt. 1882, 73-4¹). Кажется ошибочнымъ видѣть здѣсь аттракцію, т. е. считать оборотъ съ союзомъ исходною точкою. Напротивъ, винительный въ первомъ оборотѣ можетъ быть остаткомъ такого оборота, въ которомъ главное предложеніе вмѣщало въ себѣ все придаточное въ видѣ составного дополненія. Подобнымъ образомъ, русск. выраженіе „Половци же услышавше Русь, оже пришли на нихъ, ради быша, Лавр. 167 (375), отнюдь не предполагаетъ оборота „услышавъше, оже Русь пришли“; винит. Русь принадлежалъ и обороту съ двумя винительными „услышавъше Русь пришъдъшя“ (=А), изъ причастія коего развилось придаточное съ союзомъ: оже пришъли“. Ср. „помысли убогихъ, како лежать нынѣ дѣждевны-
- 228 ими каплями яко стрѣлами пронажаеми“, XII в. Срезн. Свѣд. и зам.

¹) Тамъ же авторъ требуетъ, чтобы въ этихъ случаяхъ перестали ставить запятую передъ придаточнымъ предложеніемъ и писали: *nosti M-um quam tardus sit*, ибо-дѣ поставить здѣсь запятую значить вовсе непонимать сущности аттракцій главнаго и зависимаго предложенія. „Знаки препинанія должны-дѣ объяснять не только логическое, но, по возможности, и психологическое отношеніе предложеній. Запятая лишь разорвала бы тѣсную связь предложенія“. Но запятая неможетъ разорвать вновь того, что уже разорвано мыслю и выражающимъ ее произношеніемъ.

III, 206. Почему бы непременно такой оборотъ долженъ былъ развиться изъ „пomyсли, како убозіи лежать“, когда, во-первыхъ, и смыслъ здѣсь не тотъ („подумай, вспомни о бѣдныхъ, какъ они лежать“, а не „вспомни, какъ бѣдные лежать“), а во-вторыхъ, когда гораздо ближе подходитъ выраженіе, дающее возможность обойтись безъ относительнаго нарѣчія или союза, представляющаго одно изъ наиболѣе сложныхъ и позднихъ явленій языка: „пomyсли убогыя лежача“?

Сравнивая древнее выраженіе „и приде въ Словѣни(=ы) идеже нынѣ Новѣгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ“, Лавр. 4 (7), съ новымъ переводомъ „увидаль, каковъ обычай людей тамошнихъ“ мы можемъ находить послѣднее естественнымъ и простымъ, а первое фигурнымъ, лишь въ томъ случаѣ, если упустимъ изъ виду сказанное выше о винительномъ *post. vb. cognoscendi* etc. въ древнемъ языкѣ. Допустимъ, что въ мысли возникаетъ та потребность разчлененія рѣчи, которой выраженіемъ служатъ мѣстоименія относительныя и союзы изъяснительныя; почему же такой порядокъ неможетъ примѣннуть къ существующему уже винительному (въ случаяхъ: Исусе сыне Божій! вѣмы ты, кто ꙗси святыи Божій, Кир. Тур. Калайд. 34; исповѣжь ми (в. скажи ми), отче, вѣру Варяжскую, какова ꙗсть, Поуч. Θεод. Уч. Зап. II, 2, 218-20; „невѣдяху князя Юрья (род. послѣ гл. съ отриц.=винит.), кдѣ есть“, Новг. I, 72), и долженъ начинаться съ выраженій паратактическихъ „невѣдяху“, „князь Юрій есть“? Ср. также: „а нынѣ, господине, князя невѣдаю, гдѣ; а то мнѣ, господине, говорилъ князь Иванъ, что ему допoлнa быти въ Пустынѣ, 1521, Сб. Оболенск. № 2, 2; вы сказываеете, князя невѣдаете, гдѣ (т. е. онъ находится) ib. 5; гдѣ вы нынѣ вѣдаете князя Ивана Резанского, ib. 4; сказали ми черницу, что она знаетъ, а сама безъ носа (=что безноса черница знаетъ), и язъ тое черници посылалъ добывати, Горяинкомъ звали детина, а нынѣ отъ меня побѣжалъ (дѣтину, котораго звали. и который), 1525, ib. № 4. ...дать (дочери) за него нехочеть, вѣдая его, что онъ пьяница или шаленой, Котоших. 124; она (смотрильница) присмотритъ еѣ (невѣсты), что она глупа или на лицо дурна, ib; и Владиславъ-де Доминикъ (Острожскій), видя черкасъ и татаръ, что воюють блиско его обозу безъ опасеня, похотѣлъ на нихъ итти, 1648, Ак. Ю. и З. Р. III, 283. Мр. Епископъ Мефтодій. и Васюта описали Сомка гетмана, же конечно по орду посидаетъ, хотячи измѣнити, Лѣт. самов. 65. Бачучи таку Оксану, що зовсімъ якъ смерть (=що О. така, що..) кинувся до неі, Квит.; він Меласю знав, що вона є сестра Костева, id.; усі начальники знали ёго, що він є бравий улан, id.; еге! и знали один одного (вѣдѣма и котъ), що говорюють, id.; и куди ййти, и незна добре; зна тілки городá розпитувати, на які йй ййти (=на які городá ййти), id. 1).

1) На мѣстѣ винит. можетъ стать винит. съ предлогомъ: „а мати, знавши про свою білоручку, що вже неприньметця ні за віщо,—й бай дуже“, Квит.

ЛП, 206. Почему бы непременно такой оборотъ долженъ былъ развиться изъ „помысли, како убозіи лежать“, когда, во-первыхъ, и смыслъ здѣсь не тотъ („подумай, вспомни о бѣдныхъ, какъ они лежать“, а не „вспомни, какъ бѣдные лежатъ“), а во-вторыхъ, когда гораздо ближе подходитъ выраженіе, дающее возможность обойтись безъ относительнаго нарѣчія или союза, представляющаго одно изъ наиболѣе сложныхъ и позднихъ явленій языка: „помысли убогыя лежача“?

Сравнивая древнее выраженіе „и приде въ Словѣни(=ы) идеже нынѣ Новѣгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имѣ“, Лавр. 4 (7), съ новымъ переводомъ „увидаль, каковъ обычай людей тамошнихъ“ мы можемъ находить послѣднее естественнымъ и простымъ, а первое фигурнымъ, лишь въ томъ случаѣ, если упустимъ изъ виду сказанное выше о винительномъ *post. vb. cognoscendi etc.* въ древнемъ языкѣ. Допустимъ, что въ мысли возникаетъ та потребность разчлененія рѣчи, которой выраженіемъ служатъ мѣстоименія относительныя и союзы изъяснительныя; почему же такой порядокъ неможетъ примкнуть къ существующему уже винительному (въ случаяхъ: *Исусе сыне Божій! вѣмы ты, кто ꙗси святыи Божій, Кир. Тур. Калайд. 34; исповѣжь ми (в. скажи ми), отче, вѣру Варяжскую, какова ꙗсть, Поуч. Феод. Уч. Зап. II, 2, 218-20; „невѣдяху князя Юрья (род. послѣ гл. съ отриц.=винит.), кдѣ есть“, Новг. I, 72), и долженъ начинаться съ выражений паратактическихъ „невѣдяху“, „князь Юрій есть“? Ср. также: „а нынѣ, господине, князя невѣдаю, гдѣ; а то мнѣ, господине, говорилъ князь Иванъ, что ему допона быти въ Пустынѣ, 1521, Сб. Оболенск. № 2, 2; вы сказываєте, князя невѣдаєте, гдѣ (т. е. онъ находится) *ib.* 5; гдѣ вы нынѣ вѣдаєте князя Ивана Резанского, *ib.* 4; сказали ми черницу, что она знаетъ, а сама безъ носа (=что безноса черница знаетъ), и язъ тое черници посылалъ добывати, Горяинкомъ звали детина, а нынѣ отъ меня побѣжалъ (дѣтину, котораго звали. и который), 1525, *ib.* № 4. ...дать (дочери) за него нехочеть, вѣдая его, что онъ пьяница или шаленой, Котоших. 124; она (смотрильщица) присмотритъ еѣ (невѣсты), что она глупа или на лицо дурна, *ib.* и Владиславъ-де Доминикъ (Острожскій), видя черкасъ и татаръ, что воюють блиско его обозу безъ опасенья, похотѣлъ на нихъ итти, 1648, Ак. Ю. и З. Р. III, 283. Мр. Епископъ Мефодій. и Васюта описали Сомка гетмана, же конечно по орду посилаеть, хотячи измѣнити, Лѣт. самов. 65. Бачучи таку Оксану, що зовсімъ якъ смерть (=що О. така, що..) кинувся до неї, Квит.; він Меласю знав, що вона є сестра Костева, *id.*; усі начальники знали ёго, що він є бравий улан, *id.*; еге! и знали одинъ одного (вѣдьма и котъ), що говорюють, *id.*; и куди ййти, и незна добре; зна тільки городá розпитувати, на які йи ййти (=на які городá ййти), *id.* 1).*

¹⁾ На мѣстѣ винит. можетъ стать винит. съ предлогомъ: „а мати, знавши про свою білоручку, що вже неприймаєтця ні за віщо,—й бай дуже“, Квит.

Примѣры, подобныя вышеприведеннымъ, возможны въ русскомъ до послѣдняго времени, съ тѣмъ ограниченіемъ, что винительный въ нихъ можетъ означать лишь непосредственный объектъ: „хотя я и не пророкъ, но видя мотылька, что онъ вокругъ свѣчки вьется, пророчество почти всегда мнѣ удается“, Крыл., т. е. видя и самого мотылька, и то, что онъ вокругъ свѣчки вьется.

Въ чешскомъ см. Zikm. Skl. 416—17 (§ 209, пр. 9), напр. známe ho, 229 že člověk dobrý jest, и съ родительнымъ послѣ тѣхъ-же глаголовъ съ отрицаніемъ: „nepravi-ž jich, aby dokonali byli“; než Martinovského neslyšel jsem, aby slovo promluvil. Тоже въ сербскомъ: „кад она опази за собом змаја, где ихъ тера, препадну се, Карадж. Припов. 32 (замѣтивши, что змѣй гонится); кад виде свећу, где гори, ib. 216 (что свѣча горить); сустигну једнога чоека, ђе води два брава, ib. 240; нађе царицу, а она седи сама у двору и сузе рони, ib. 27. Вездѣ мы принимаемъ за исходную точку второй согласуемой надежъ причастія, изъ котораго позже развилось полное придаточное предложеніе съ относительнымъ словомъ (чеш. že; серб. где = что, съ интереснымъ переходомъ отъ нарѣчія мѣста къ изъяснительному союзу; серб. а-он, а-она = чеш. ап, апа). Подобнымъ образомъ въ чеш. „jest často od mnohých vidana, ana u modlitbách stojí“ основная форма есть составное сказуемое съ причастіемъ дѣйствительнымъ (ст.-сл. видана ѣсть стоящи). Ошибочно думать, вмѣстѣ съ Зикмундомъ, что здѣсь аттракція, предполагающая безличный оборотъ: „vidano jest, ana stojí“. Точно такъ, гдѣ въ нынѣшнемъ сербскомъ стоитъ первый родительный послѣ видјети и частицъ ево, ето, ено, гле (Ср. Mikl. V. Gr. IV, 465), къ коему примыкаетъ полное придаточное, это послѣднее предполагаетъ согласуемый второй надежъ причастія: видите ли оне не-сретнице, ђе отрова својега ђевера, Данић, Синт. 116 (не „гдѣ отравила“ и даже не „что отравила“, а „отравившую“); ево га (вотъ онъ) у кући, где лежи мртав, Кар. Прип. 215; ето лисице, ђе води страп-нога бумбашира, ib. 219.

Второй родительный.

251 1. „Славянскій родительный надежъ соотвѣтствуетъ въ синтактическомъ отношеніи древне-индійскимъ аблятиву и генетиву, изъ коихъ первый (скр. апādāна, отнятіе, отдѣленіе, разлученіе) означаетъ предметъ, отъ котораго нѣчто отделяется, а второй (скр. самбандһа,

Вышерассмотрѣнные обороты съ винительнымъ и придаточнымъ имѣютъ при себѣ подобныя обор. съ другими падежами: „Бруховецкій. вьслалъ пословъ. дякуючи за урядъ гетманства, же одержалъ, Лѣт. Самов. 77 (= дякуючи. же одержалъ урядъ); „рад був свой хозийци, що вернулась“, Кв. (=радъ б. що ёго хозийка вернулась). Вр. сказаніе о Кѣвскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и т. п.

связь, и *сѣша complementum*), по мнѣнію нѣкоторыхъ грамматиковъ, означаетъ принадлежность“. „Задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, какія изъ многочисленныхъ функцій славянскаго родительнаго основаны на представленіи удаленія (*der trennung*), а какія на принад- 252
 лежности, какія аблятивны, а какія генетивны“... „Аблятивенъ славянскій родительный при значеніяхъ удаленія, отнятія (*des fliehens, weichens, beraubens*), страха, стыда, отвращенія, лишенія; при сравнительныхъ степеняхъ и употребленныхъ сравнительно положительныхъ и превосходныхъ: аблятивный генетивъ означаетъ здѣсь исходную точку мысленнаго движенія; родительный происхожденія, матеріала, основанія...“. „Генетивенъ родительный, когда онъ означаетъ принадлежность (*zugehörigkeit*) двухъ имей, именно владѣніе, собственность и пр.; когда онъ является при именахъ, стоящихъ въ связи съ транзитивными глаголами; когда онъ, какъ партитивъ, означаетъ часть цѣлаго...“ (*Mikl. V. Gr. IV, 447—9*).

Насъ здѣсь занимаетъ первый родительный только по отношенію ко второму (т. н. предикативному), именно главнымъ образомъ—составляющій особенность славянско-литовскаго языка родительный при глаголахъ съ отрицаніемъ. Миклошичъ, слѣдуя другимъ ученымъ, изъ коихъ онъ называетъ Гримма, Потта, Лебе и Габеленца (относительно готскаго) и къ коимъ мы можемъ прибавить Шлейхера (*Lit. Gr. 274*) и Даничича (срб. Синт. I, 118), считаетъ этотъ падежъ родительнымъ части: „дѣйствіе выраженное глаголомъ (съ отриц. част.) отрицается относительно какъ цѣлаго предмета, такъ и каждой даже наименьшей его части“ (*Mikl. ib. 498*). Поттъ объясняетъ родительный въ лит. „*jis ranku netur*“, онъ рукъ неимѣетъ“ такимъ образомъ: „*nichts von dem, was unter die kategorie „hände“ fällt*“ (*E. F. I, 402*).

По этому взгляду выходитъ, что нашъ родительный въ „выпить вина“ (*etwas von dem weine*) или совершенно тождественъ съ родительнымъ въ „непить вина“, или по крайней мѣрѣ весьма близокъ къ нему и предполагается имъ. Мнѣ это кажется крайне сомнительнымъ.

Между приведенными родительными замѣтна разница въ степени ихъ зависимости отъ глагола. Родительный части въ „выпить вина“ столь мало связанъ съ формальнымъ значеніемъ глагола, что это значеніе (*genus*) неизмѣнится, если на мѣсто этого родительнаго поставимъ винительный: „выпить (все) вино“. Между тѣмъ въ „непить“ заключено требованіе не какого либо другаго падежа, а именно родительнаго. Выраженіе „дѣйствительный глаголъ съ отрицаніемъ требуетъ родительнаго“ кажется ошибочнымъ въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, ибо дѣйствительный глаголъ есть такой, который допускаетъ при себѣ прямой объектъ въ винительномъ, именно и недопу-

скаемый (если не брать во вниманіе отклоненій отъ правила) глаголомъ съ отрицаніемъ, которое проникая все заложное значеніе глагола дѣйствительнаго, разрушаетъ его прежнюю связь съ объектомъ. Поэтому нельзя оправдать обычая писать отрицательную частицу не при глаголѣ раздѣльно. Дѣйствительный глаголъ съ отрицаніемъ неестъ уже дѣйствительный, и потому ставится языкомъ на одну доску со средними, снабженными отрицаніемъ.

Родительный при глаголѣ съ отрицаніемъ замѣняетъ собою нетолько винит. прямого объекта, но и винительный обстоятельство: спать ночь, жить день — неспать ночей, нежить дня. Миклошичъ считаетъ возможнымъ заключить отъ родительнаго въ „сестры нѣтъ дома“ къ существованію нѣкогда винительнаго прямого объекта при глаголѣ существительномъ: „сестрѣ нѣтъ дома“ (V. Gr. IV, 355). Мнѣ же кажется, что такое предположеніе неоправдывается ни родительнымъ части въ „było ріесіи“, лит. уг rugių (есть ржи, т. е. есть рожь), ни винительнымъ количества въ „było furę siana“, и что предположеніе это 254 не нужно для объясненія родительнаго при безличныхъ отрицательныхъ сказуемыхъ среднихъ (нѣтъ денегъ, невидно, нестало охоты и проч.), такъ какъ этотъ родительный можетъ предполагать не винительный объекта, а именительный подлежащаго: деньги есть, свѣтъ видѣнъ и пр.

Всѣ эти случаи, т. е. непить вина, неспать ночей, нѣтъ денегъ, мнѣ кажется, могутъ быть объяснены одинаково, если примемъ, что родительный здѣсь есть не родительный части, а основанъ на аблятивѣ, и что, какъ думалъ Востоковъ, глаголы съ отрицаніемъ требуютъ родительнаго, какъ означающіе мысленное движеніе отъ предмета, лишеніе его, разобщеніе съ нимъ (Р. гр. § 129, гдѣ впрочемъ ошибочно замѣчаніе, что родительный движенія мысленнаго есть сократительный образъ выраженія вмѣсто предложенія придаточнаго, начинающагося союзомъ что, чтобы, напр. желать счастья = чтобъ пришло счастье). По этому взгляду родительный при глаголахъ съ отрицаніемъ въ славянскомъ и латышско-литовскомъ ставится на такомъ же основаніи, на какомъ въ тѣхъ же языкахъ онъ требуется глаголами, вещественное значеніе коихъ предполагаетъ отсутствіе объекта въ дѣйствительности и присутствіе его лишь въ мысли, каковы гл. со значеніемъ алкать, жаждавать, хотѣть, желать, ждать, требовать, искать, просить: чего я жду, хочу и пр. того для меня нѣтъ; еслибъ оно уже для меня было, я бы его неждалъ.

Миклошичъ относитъ родительный при такихъ глаголахъ къ партитиву, стало быть къ генетиву, а не къ аблятиву (V. Gr. IV, 490), между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, родительный при глаголахъ плакатиса (т. е. по комъ), жалѣти и при жалъ, люто, мило, шкода и пр. есть род. причины, основанія и повода и принадлежитъ къ отгѣнкамъ абля-

тивными (ib. 463—4). Мнѣ бы казалось, что эти случаи слѣдуетъ отличать отъ родит. причины (какъ въ мдр. чого плачеш въ смыслѣ „по-255 чему“, а не „по чемъ“) и что въ нихъ, такъ-же какъ и въ хотѣть чего, объектъ представляется отсутствующимъ въ наличности. Можно найти этому противорѣчіе въ томъ, что мы говоримъ напр. „жаль своихъ рукъ“, тогда какъ руки на-лицо; но здѣсь сожалѣніе представлено зависящимъ отъ будущаго отсутствія такого-то состоянія рукъ. Стар. желѣти имѣеть между прочимъ значеніе скорби по отсутствующемъ, лишенія: „истыцю личе взяти, а прока ъму желѣти (лишиться, жалѣть лишившись остального), что съ нимъ погыбло, а оному (купившему краденое) своихъ кунъ желѣти, Русск. пр. Достоп. I, 30.

Тѣмъ неменѣе между глаголами съ отрицаніемъ (непить вина) и такими сказуемыми, какъ жалѣть, жаль есть разница: въ первыхъ отрицаніе, такъ сказать, окрашиваетъ своимъ цвѣтомъ и стоящее при глаголѣ неопредѣленное, почему говорится не только „несдѣлать чего“, но и „неумѣть сдѣлать чего“; во вторыхъ этого нѣтъ: „жаль денегъ“, но „жаль тратить деньги“ и только въ силу отрицанія — „нежалъ тратить денегъ“.

2. Всѣ глаголы, при коихъ можетъ стоять второй винительный, становясь отрицательными, измѣняютъ оба эти падежа въ родительные. Кромѣ этого, второй предикативный родительный встрѣчается при нѣкоторыхъ другихъ глаголахъ съ отрицаніемъ, а если судить по литовско-лотышскому, то встрѣчался и при упомянутыхъ выше глаголахъ, со значеніемъ ждать и т. п. безъ отрицанія. Примѣровъ, по ихъ малочисленности, небуду дѣлать на разряды.

Уже неглагольъ васъ рабъ, Ио. 15, 15, въ греч. и лат. два винительныхъ.

Невидѣ(хъ) тя, господине, николиже противу ихъ злу никотораго же зла въздающа, Ип. 123 (417) (= „тебя воздающимъ“, или „чтобы ты воздавалъ“).

Мьстиславъ... невѣды своихъ побѣженныхъ (= что побѣждены) и 256 творя своя (считая за своихъ), въѣха въ ратныя, Ип. 147 (464—5).

Ниже имамъ душе моѣкѣ честны себѣ, Дѣян. 20, 24, *οὐδέ ἔχω τὴν ψυχὴν μου τιμῶν ἐμαυτῶ* (Добров. Грам. III, 44).

ѣда неимамъ власти сестры жены водити, 1 Коринѣ. 9, 5, *ἀδελφὴν ὑμῶν ἡμεῖς οὐκ ἔχουσιν* (Добр. ib.).

Входяще въ церковь.. и съ страхомъ стаючи безъмолвно при стѣнѣ.. неимѣюще себѣ подпоры стѣны ни стлѣпа, Поуч. Θεод. Уч. 3, II, 2, 240.

Се члкъ, иже неположи Бога помоштьника себе, нъ надѣяса на множество богатства своего, Изб. 1073, 76.

Неоставляъ васъ сирь, О. Ев. Ио. 14, 18. Рускыя земля неоставивѣ тщеѣ, Ип. 140 (450). Не можемъ своеѣ землѣ пусты оставити, ib. 127 (427).

Незаста отца живого, Ип. 92 (357).

Недаша его жива, и уморивъше рекоша: умърль ѣсть, Новг. I, 28.

Аще ти нежалъ отчины своя, ни матере стары суца (составн. родит.) и дѣтий своихъ, Лавр. 28 (66).

А которого князя бездѣтна нестанеть, и тѣ вотчины имати на гсударя, 1550—82, Ак. Ист. I, 268. Можно понимать „бездѣтна“ не только „бездѣтнаго“, но и „бездѣтнымъ“.

По примѣтамъ знать, Добрынюшки живого нѣтъ, Онеж. был. Пам. и обр. I, 361. Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну, что нѣтъ жива Добрыни Никитича. Был.

Въ чешскомъ: *zbitých všech nepohřebených nechám*, Zikm. Skl. § 95. Въ хорутанскомъ: *nebon vas pustil sirot*, Io. 14, 18; *neimenujem vas veš chlarsev*, Io. 15, 15. Въ сербскомъ „сребрно седло нечини кова добра“, однако и винительный: еда ли немамо власти сестру жену водити, I Кор. 9, 5; *neћu вас оставити сиротне*, Io. 14, 18.

Въ литовскомъ и латышскомъ, рядомъ со случаями, когда отрицаніе невліяетъ на дополнение (1-ой вин. въ „*peraliksi jus siratomis* (твор.); лат. *es jus perametisu bāriūns*, Io. 14, 18; *peraziūn lġgawiūn auziūnas ra-wejūt*, Biel. Gr. § 753, не узналъ милую овесъ полячи, т. е. ее полов-
257 шей), замѣтимъ случаи, въ коихъ дѣепричастіе при первомъ родительномъ можетъ быть выведено только изъ 2-го родительнаго причастія.

Въ литовскомъ это дѣепричастіе настоящаго:

jādu lake tú mergú ateinant, Schl. Les. 147, они (два) ждали дѣвокъ прійдя, т. е. что д. прійдутъ;

laukdams smako atlekient, id., ожидая змѣя прилетя, т. е. что зм. прилетитъ.

Съ точки зрѣнія русскаго языка весьма странны обороты, каковы *jis laukė ožkū atsiwedant*, онъ ожидалъ козь приведа, т. е. что козь приведутъ; *jis laukė durū atdarant*, онъ ждалъ дверей отворя, т. е. что отворятъ. Шлейхеръ (Lit. Gr. 322) видитъ здѣсь болѣе свободное, т. е. независимое употребленіе дѣепричастія, чѣмъ въ случаяхъ, когда оно стоитъ на мѣстѣ второго винительнаго; но мы и здѣсь можемъ предположить въ основаніи столь-же зависимый надежь, именно 2-ой родительный. Странность лишь въ томъ, что здѣсь дѣйствительное дѣепричастіе получило страдательное значеніе, какъ мы вы выше видѣли въ латышскомъ (редзу мамалынь айзведѣт, 247) и какъ въ слѣдующемъ: *клаудзѣс пуриньш нар силу ведѣт*, Спрог. 168, стучать будетъ кубло (скривя съ приданымъ) черезъ лѣсъ везучи, т. е. везомое, когда будутъ его везти.

Въ латышскомъ на мѣстѣ 2-го род. находимъ дѣепричастія отъ прич. наст. дѣйств. (*ūt = ѣт*) и отъ прич. на -ма, имѣющаго частью дѣйствительное, частью страдательное значеніе:

Гайда савас вѣглас дѣнас но дарбѣм парейѡт, Спирог. 230, ждеть своего легкаго дня (облегченія, замѣны, т. е. дочери; ср. блр. пирамѣна, Шейнь Блр. п. 7. серб. одмѣна, замѣница) съ работы приходя, т. е. ждеть, когда вернется.

Тумсѡ гайду гайсумінас, гайсмѡ саулес узлеѡт, *ib.* 158, въ потьмахъ (ночью) жду разсвѣта, на разсвѣтъ—солнца всходя, т. е. когда взойдетъ.

Озоламъ бѣзас лапас, передз саулес узлеѡт, *ib.* 32, дубу (т. е. у 258 дуба) густые листья, невидно солнца всходя, т. е. какъ всходить. Въ томъ-же смыслѣ и дѣепричастіе по вѣѣшности страдательное: озол', таву куплу лапу! передз саулес узлецам, *ib.* 33, дубъ, твоихъ густыхъ листьевъ! ¹⁾ (т. е. густы твои листья!), невидно солнца всходим(аго).

Гайдат мані пѡреям, *ib.* 274, ожидайте меня возвращаясь, то есть ворочусь. О прич. на -м см. *Biel. L. Gr.* § 766, 13.

3. Родительные самостоятельныя. Родительный времени, когда нѣчто происходитъ (*Zikm. Skl.* § 105; *Данич. Синт.* 60 сл.; *Mikl. V. Gv.* IV, 509—10) неясный по происхожденію, быть можетъ имѣеть въ основаніи значеніе мысленнаго движенія отъ начала извѣстнаго періода времени, несмотря на то, что мы различаемъ „сего дня“ и „съ сего (отъ сего) дня“. Ср. ю. влр. „чаму тебе долго вѣчера нѣтъ“, гдѣ, по-видимому, безразличны значенія „вечеромъ“ и „съ вечера“. А priori, ничто немѣшаетъ присоединить къ такому родительному второй родительный причастія, при чемъ бы получилось построеніе, соотвѣтственное латинскимъ *ablativi absoluti* и, если здѣсь въ основаніи слав. родительнаго лежитъ *ablativus*, даже равные имъ. Дѣйствительно, въ ст. русскихъ памятникахъ есть такіе самостоят. родит., но съ причастіемъ, стоящимъ при первомъ родительномъ лишь въ случаяхъ, когда онъ лексически обозначаетъ время: того-же лѣта исходяча, февраля въ 16, приходи Романъ ко Вручому, Лавр. 170, *Ип.* 94; и съ дѣепричастіемъ: того-же лѣта исходячи разболѣся князь Мьстиславъ, *Ип.* 104 (381).

И сѣде Романъ въ Киевѣ мѣсяца Іюля наставша, *Ип.* 157 (387).

Но болѣе широкаго употребленія этого оборота (какъ *abl. abs.* въ 259 латин. и род. самост. въ греч.) въ русскомъ незамѣтно, и его можно предполагать развѣ на основаніи такихъ польскихъ примѣровъ, какъ слѣдующіе, съ дѣепричастіемъ на мѣстѣ 2-го родит. причастія.

Gdy sampierz stanie, powoda owszejki niebadać (между тѣмъ какъ нѣтъ на-лицо истца, того кто показываетъ), *skazujemy o niestanie powodowo... temu samprzewi rzecz otrzymać. Pakniałiby samperz niedbał stać na roku jemu zdanemu (sic), powoda stojąc* (когда истецъ на-лицо).. *skazujemy..... 1449. Ks. Ust. 31; ib. 42.*

¹⁾ О родительномъ въ восклицаніяхъ въ латышскомъ *Biel Let. Gr.* § 540, прим. 2, въ славянскомъ *Mikl. V. Gr.* IV. 465—6.

Gdyby czij syn, obojga porodziciela sdrowa bądac (при жизни обоихъ родителей) przejgrał by niekakich pieniędzy wielkość... ib. 53.

Быть можетъ, этотъ способъ переводить латинскіе abl. abs. самостоятеленъ лишь въ томъ, что вмѣсто причастія въ немъ поставлено дѣе-причастіе. Языкъ памятника этого очень нечистъ. Такъ въ немъ встрѣчается *accusat. cum inf.* [to skazanie (рѣшеніе) *ustawiamy wiekiystą mocność imieć 42* и др.], а равно и попытки передать abl. abs. способомъ, неслыханнымъ въ другихъ слав. нарѣчіяхъ, именно творительными: *gdyby (żidzi) pożyczili*¹⁾ *pieniędzy takemu synowi, rodzicielmi jego bądacemi jeszcze sdrowymi, pożyczenie niema być ważno*, ib. 53—4; *ucziniwszy rozdzielenie miedzy sobą pośrodajacemi (sic) przijacielmi*, ib. 67.

Второй дательный,

(кроме сочетанія съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ).

Въ выраженіяхъ, какъ „мнѣ бѣдному всѣ чужіе“ бѣдному. есть не второй предикативный падежъ, а только простое опредѣленіе дополненія мнѣ; но если въ подобныхъ случаяхъ на мѣстѣ существительнаго или прилагательнаго поставимъ причастіе, то лишь по связи и тону рѣчи можно будетъ опредѣлить, будетъ ли это причастіе простымъ опредѣленіемъ, или предикативнымъ падежемъ. Такъ напр. лотыш. „*więci man sweshi bia sweshumâ noğajšaj*, Спрог. 193, букв. всѣ мнѣ чужи были на чужину пошедшей“ могло бы значить: или „для меня, пошедшей на чужбину, были чужи всѣ“, или „когда я пошла, мнѣ были чужи“. Последнее значеніе свойственно дательнымъ самостоятельнымъ.

Различеніе этихъ двухъ значеній въ одной оболочкѣ слѣдуетъ считать явленіемъ позднѣйшимъ сравнительно съ ихъ безразличіемъ, подобно различенію двухъ значеній винительнаго въ „почютиша князя идуча“ (идущаго князя и что князь идетъ). Дательный мнѣ, ман, въ вышеприведенномъ примѣрѣ въ той-же мѣрѣ тяготеетъ къ главному сказуемому (мнѣ были чужды), какъ и ко второму дат. причастія (мнѣ пошедшей). Повторивши этотъ 1-й дательный дважды, мы этимъ разграничимъ его функціи и достигнемъ явственнаго разчлененія рѣчи на предложенія главное и придаточное. Когда за такимъ придаточнымъ укрѣпится значеніе обстоятельства, то становится возможенъ новый шагъ къ его удаленію отъ главнаго сказуемаго: два дательные самостоятельно станутъ и тамъ, гдѣ главное сказуемое недопускаетъ дополненія въ дательномъ.

¹⁾ Здѣсь и въ другихъ случаяхъ ставлю *i* постѣ шипящихъ въ томъ предположеніи что въ половинѣ XV в. они еще неимѣли нынѣшней твердости.

Какъ во второмъ винительномъ, такъ и здѣсь уже въ древнихъ русскихъ памятникахъ рядомъ съ причастіями стоятъ и дѣепричастія. 261 Такъ какъ на основаніи дѣепричастія легко возстановить причастія, то нижеслѣдующіе примѣры изъ стар. русскаго распредѣлены не потому, стоятъ ли въ нихъ дѣепричастія или причастія, а по степени ихъ близости къ зависимымъ дательнымъ.

А. При главномъ сказуемомъ стоитъ или предполагается дополненіе въ дательномъ, указывающее на тотъ же предметъ, что и первый падежъ дательныхъ самостоятельныхъ, при чемъ самостоятельность послѣднихъ еще неполнѣ развита. Главное сказуемое, обыкновенно, хотя не всегда, безлично.

Да оуже ꙗд'но отъ двоѣго прѣдъложимъ вамъ: или, жъръшемъ богомъ, саномъ великомъ и чѣstemъ и даромъ достоинмъ быти, или непокоривъшемъсѧ отъдати поясы и воинство и отинъдъ оуже прѣдати мѧкамъ, Supr. 53, съ чѣмъ ср. дѣепричастный оборотъ: ꙗдно отъ двою прѣдълежитъ вамъ: или жъръше богомъ въ саны и чѣсти достоинмъ быти, или непокоривъшесѧ отъдати (сѧ?) живота и воинство (=а?) и отъдѧдъ оуже прѣдатисѧ мѧкамъ, ib. 51.

Повелѣ воевода, или жъръше избыти ти, или нежъръше злѣ оумрѣти, вѣроуѧ къ невидимоуоумоу Богоу, ib. 15.

Подоба ми ꙗсть сѣдѣти мльчаште дожи до коньца жизни монѧ, ib. 151.

Нѣ ли ти печально, слышаште отъ безлюбьнъ дѣтии, ꙗже ꙗдиномоу Богоу лѣпа ib. 243.

Мнѣ ли ꙗсть, пришѣдъше къ семоу попоу, ти(=и) исповѣдати грѣхы своѧ, ib. 264.

Нелѣпо есть намъ, братіе, инокомъ сущимъ и отврѣгшимся мирскихъ, събораніе паки творити имѣній въ келіи своей, поуч. Феод. Печ. Уч. З. II, 2, 201; лѣпо бо есть намъ, братіе, нарекшимся инокомъ, по вся дни каятися грѣховъ своихъ, ib. 202; намъ же кацѣмъ быти достоитъ, сподобившимся съ ангелы Богу.. служити, ib. 211.

Неволя ли было пристати въ с(ъ)вѣтъ, ходяче въ руку (находясь въ зависимости), Лавр. 113 (257).

Аще велика челоуѣка крестиши, аще блазнъ будетъ ему спящю въ ту о и (въ ту осмъ) дней¹⁾, дати ему причащаницѣ немывшесѧ, но кланявшюся, Впраш. Кюрик. Калайд. Пам. 183, т. е. аще, ему спящю, будетъ ꙗму блазнъ, дати ꙗму, ꙗму немывшюся.

Передъ обѣднею (ей, женщинѣ) ополоснувшесѧ, а тако причащатися, ib. 182.

¹⁾ Ср. „молитвы оглашенія творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещеная м днии поста.. Словѣнину за и (осмъ) днии“ Впраш. Кюрик. Кал. Пам. 180.

Попови идуче въ олтарь на выходъ, то въ козмитъ цѣловати (ѣму), *ib.* 198.

Попови достоить, хотяче погружати въ водѣ, рущѣ собѣ завити, ать неомочиться опястѣ, также и пелена, *ib.* 181.

Попови вкрестяще (= ю) дѣтя, къ собѣ лицемъ (ѣму, попови) обратити, *ib.* 198.

Смолнянину.. правити ему (дѣлгъ), поемъши (ему) дѣтскый у судѣ, Смол. гр. 1230, Срезн. II. русск. п. А Нѣмцемъ и Г(о)тѣмъ и и всемоу Латиньскому языку платити по двѣ коунѣ отъ капи и отъ всякого вѣсного товара, и продавши, и коупивше, Новг. гр. 1267—3.

ѣже даль ѣму (закупу ролейному) господинъ плугъ и борону, отъ него же кову (чит. копу) ѣмлетъ, тѣ то погубивши (ѣму) ѣму платити, Р. пр., Р. дост. I, 48.

262 Оже ны будетъ небившеса (= шемъся) возворотитися, то соромъ ны будетъ пущей смерти. Ип. 130 (431).

Оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ, сихъ выдавше, Ип. 131 (432).

Оли, княже, тобѣ съ нами увѣдавшеса (вар. вшися) тоже (=потомъ) (тобѣ) ѣхати въ Пльсковъ. Новг. I, 59.

Бѣ бо клятвою клялся.. яко, добывшу ему землѣ нѣмецкоя, дати ему всю Романови, Ип. 194 (554).

Оже ти, братъ, не досити (= сыти) волости, всю землю русскую (тобѣ) дѣржачи, а хочещи сея волости, а убивъ (ти) мене, а тобѣ волость, Ип. 16 (218).

Брату твоему Михалку умершю, еще девятаго дне нѣтуть, Лавр. 160, т. е. Михалку умръшю нѣту (ему) 9-го дне, какъ говорится: этому ребенку еще нѣтъ 9 дней.

А все то было Псковичемъ нелегость тѣхъ людей поднимая (= держа), Пск. I, 289.

А небывъ намъ у папы, съ чѣмъ (намъ) идти къ государю своему царю и в. кн., 1583, Бусл. II. Хр. 889.

Поѣхали королевскаго величества подданные, взявъ на продажу нѣскольго коней, до Курскаго, и тамъ было, продавъ имъ кони, купити хлѣба, 1638, Ак. Ю. и З. Р. III, 14. См. также Mikl. V. Gr. IV, 838.

Когда въ предложениі „тобѣ съ нами увѣдавъшюся, тоже ѣхати“ причастіе теряетъ падежное и родовое окончаніе и становится неизмѣннымъ (увѣдавъшеса, увѣдавъшися, увѣдавъся), то ближайшимъ слѣдствіемъ этого еще не бываетъ потеря отношенія къ его бывшему

первому падежу. Очевидно, напр., что въ „живучи имъ тамъ владѣть имъ тою землею“ (Бул. Гр. § 275. 1) живучи, несмотря на то, что необнаруживаетъ согласованія, нелишено связи съ 1-мъ дательнымъ имъ. Причастіе, потерявшее согласованіе, но еще нелишенное связи съ прежнимъ своимъ подлежащимъ, есть форма средняя между причастіемъ и дѣепричастіемъ. Только дальнѣйшимъ шагомъ бываетъ разрушеніе упомянутой связи, при чемъ бывшій первый падежъ начинаетъ тяготѣть къ одному главному сказуемому. Большую или меньшую близость отпричастной формы къ первому дательному можно выразить знаками препинанія. Между тѣмъ какъ въ „тобѣ съ нами увѣдавъшюся тоже ѣхати“ или вовсе ненужно запятой, или она должна стоять послѣ „увѣдавъшюся“; въ соответственномъ выраженіи новаго языка является интерпункція: „тебѣ, уладившись съ нами, ѣхати“, или „условившись съ нами, тебѣ ѣхати“.

Вполнѣ развившееся дѣепричастіе непосредственно относится ко главному сказуемому, и только черезъ него къ его дополненію, въ разсматриваемомъ случаѣ—къ дательному; но этого послѣдняго можетъ вовсе небыть на-лицо, напр. „а въныни дни цѣловавше крестъ (кому? т. е. кто поцѣлуеъ) ясти все, и мясо (кому ясти?) Впраш. Кюр. Калайд. 179. Если отвѣтъ на это „кому?“ неизвѣстенъ изъ контекста, то значить „неизвѣстно, кому“, „безразлично, кому“, „кому бы ни было“, „всякому“. Ср.:

Бѣжи ~~къ~~ (сласти) въкоуса: сладка ти ~~къ~~сть въкоуша~~къ~~ште, нъ горька но въкоусѣ, Supr. 259; бѣгаи бладъница сласти: сладько съ ~~къ~~ бесѣдоу~~къ~~ште, а горькихъ та строупъ насышта~~къ~~шта бѣгаи сласти, ib. 259.

Дѣтя крестяче, дати причастье, Впраш. Кюр. ib. 179. Вынесше ю (родильницу), въ инъ храмъ, даяти ей причащеніе, ib. 195. Аще лучитьсѣ служити на обѣдни, а на заутрени и на вечерни неслуживъше, ци измолвити.. молитвы вечерни и заутрени?—Нѣту грѣха, рече, немолвивше служити, ib 196. Аще ся годить стояти чресъ ношъ, или пѣти, или чтеніе чисти обѣдавше и ужинавше, достоить ли служити неопасавъше? ib. 197. Аще ся мывше изранья въставше а служити, любо поспавъ, любо неопасавъ? ib. 197.

Кая раны (=а) дорога, брати~~къ~~, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, Сл. о п. Иг. Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти, ib.

Да бой де былъ Цесаревымъ людемъ, перелѣзчи рѣку Дунай, на острову, 1595, Пам. дипл. снош. II, 51.

Въ подобныхъ случаяхъ подлежащее дѣепричастія становится неопре- 264 дѣленнымъ, чего при существованіи причастія въ разсматриваемыхъ оборотахъ немогло случиться, такъ какъ напр. въ „крестячю (безъ

1-го надежа существит).. достойтъ..“ хотя при причастіи и нѣтъ на-
лицо относительнаго подлежащаго, но есть опредѣленное указаніе на
его надежъ.

Такія дѣепричастія безъ перваго дательнаго или съ дательнымъ, но
относящимся не къ нимъ, а лишь къ главному сказуемому, до-нынѣ
остаются въ русскомъ языкѣ. Ср. напр. позволено было (кому) сидя
дремать, Пушки. у Бусл. Гр. § 274; въ влр. народ. говорахъ: неѣвши
тощо, а поѣвши тошно; непригоже есть лежа; небывавъ дѣвущкѣ
замужъ хочется (Даль Посл.); Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли
нѣтъ: ни въ житьѣ-бытьѣ, ни въ богатествѣ, только есть она въ тя-
жолой работущкѣ, Шейнъ, Р. н. п. 492; Ахъ ты ноченька, ты ноченька
осеньняя! Надоѣла ты мнѣ молодцу наскучила, Стоючи, братцы, на
караулѣ государевомъ, Сб. Новик., Кир. II. VII, 167.

Тоже въ малорускомъ: змінив ми ся, моя мати, тонкій голосочок,
та ходячи до дівчини у прикрий горбочок, Стрый, Станисл. окр. Żeg.
P. P. I. R. I 188. Синочку мій малесенький! чи мні тебе годовати, чи
в Дунаю поховати? поховавши (т. е. мені)—од Бога гріх, годуючи
(т. е. мені)—од людей сміх. Сб. пам. Свз. кр. 13. Та біда (т. е. мені,
кому нѣбудь, усякому) й неженившись, та біда й оженившись. н. п.
Ой горе давши, горе й недавши, горе й тому козакові своєї немавши,
н. н. Побачивши тебѣ учора, світ мені повернувся, Кв. Оттак попла-
вавши немало и поблукавши по морям, аж ось и землю видко стало,
Котл.; ійдучи у службу, тяжко мені було и тебе покинути, Квит.
Божі діти; побачивши тебе у перше, мені здалося, що я знайшов
якесь собі щасття, id. Щира люб.

Сюда относятся примѣры изъ ст.-сл. (дѣепр. на -ште) и др. слав. нар.
у Микл. V. Gr. IV, 828—30, 838—9, кромѣ случаевъ (тамъ-же), пред-
полагающихъ второй винительный причастія, и тѣхъ, о которыхъ мы
говоримъ ниже (подъ В.). Въ чешскомъ см. Zikm. Skl. 676, а) ко-
который въ „lépe jest neročinati, nežli роѣна nedokonati“ относитъ
роѣна къ числу именительныхъ независимыхъ. Съ этимъ нельзя со-
гласиться, ибо хотя роѣна и т. п., а равно и въ вышеприведенныхъ
265 русскихъ примѣрахъ сидя, лежа, поспавъ, по звукамъ подходятъ къ
именительному п. ед. м. р. и фонетически немогли образоваться изъ
дательнаго, но функціонально эти формы предполагаютъ именно датель-
ный, точно такъ какъ и дѣепричастія, явно относящіяся къ наличному
дательному въ вышеприведенныхъ русскихъ и слѣдующихъ латышскихъ
примѣрахъ:

Лей мѣсай балтас авіе вісу мѣжу дзивойѣт, Спрог. 267, пусть се-
стрѣ бѣлыя овцы весь вѣкъ живучи, т. е. въ теченіе всей ея жизни.

Дѣвамъ дѣніня айзгая ар лайминю рунайѣт, ib. 225, Богу (т. е. у
Бога) день проходитъ говоря (совѣщаясь) съ долею (счастьемъ).

Дѣвс полидз, тауту делс, ліну земі эцейѳт, ів. 77, Богъ помощи, людской сынъ (молодець), льяную (подъ ленъ) землю боронуя, т. е. въ то время какъ ты боронуешь.

Эс нѳавѣду дзіасму пуру нуа калніня леіня; бус ман лайме дзівѳаюат, велшу дзіасмас калніня, Бривземн. Сб. Дашк. II, 24, я скатила скриню пѣсенъ съ горы въ долину; будетъ мнѣ счастье живучи (=если буду счастлива въ жизни), вскачу (опять) пѣсни на гору.

Б. Гдѣ при главномъ сказуемомъ съ дательнымъ (какъ выше подѣ А) стоитъ въ новомъ русс. (вр. мл.) дѣепричастіе (будучи, бывши, ставши, сдѣлавшись и пр.) съ творительнымъ, на пр. какъ же ей, будучи хозяйкой, позаботиться?"; тамъ въ болѣе старообразномъ языкѣ слѣдуетъ ожидать при дѣепричастіи согласуемаго падежа, т. е. въ настоящемъ случаѣ дательнаго, какъ при подлежащемъ главнаго предложенія и дѣепричастіи изъ именительнаго („она, будучи хозяйкою..“) творительный предполагаетъ именительный („она, будучи хозяйка..“). Впрочемъ примѣровъ мало: „Як-же таки Галочці, будучи хазайці, та нетурбоватись? Квитка, Щира люб.

В. Дательные самостоятельные несохраняютъ уже слѣда зависимости, находясь при такихъ сказуемыхъ, которые или вовсе недопускаютъ дополненія въ дательномъ, или допускаютъ дательный чисто предметный, несоставляющій противна именительному подлежащаго и совершенно отличный отъ перваго падежа дательныхъ самостоятельныхъ, напр. въ „пришьдѣшю ѳму и вѣдаша ѳму“.

а) Во второмъ дательномъ причастіе правильно согласовано. Ст.-слав. „аки, колесьничьникоу сѣмоутивъшоуса, кони бес-чиноу риштоуть; тако же и оумоу сѣмоутивъшоуса, все измоутитьса и развратитьса Изб. 1073, 60; другіе примѣры см. у Mikl. V. Gr. IV, 615—16.

Въ русскихъ памятникахъ:

епископу слезы проливаюю и молящюся ему.. онъ же невосхотѣ Ип. 43; сѣдяю же Глѣбови Юрьевичю въ Киевѣ... приде множество Поло-266 вецъ, Ип. 103;

побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ рекомый Вручий, бяше черезъ гроблю мость Лавр. 32 (73);

единою бо ми и сварящю и оному мьнущю усние.. преторже череву рукама, Лавр. 53;

веснѣ же приспѣвъши, поиде, ів. 31 (72);

суботѣ свитаючи, посла митрополитъ, Ип. 34;

свѣтаючи же суботѣ, начаша выступати полци половецкіи, агъ боровѣ (=е) ¹⁾, Ип. 130, (432);

¹⁾ Т. е. какъ боры, какъ боръ—лѣсъ, отъ множества копій. Иные переводятъ: „какъ боровы“, что странно.

ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга, Лавр. 32;
ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя, ib. 63;
на долзѣ борющемася има, нача изнамагати Мьстиславъ, ib.

ведо(мо)ма же има (обѣма князема) слѣпома и гньющема очима, и
яко доидоста Смольньска и придоста въ церковь... и ту абие постиже
я благодать, Новг. I, 17;

Подемъ (Полянномъ) же жившемъ о собѣ и володѣющемъ роды сво-
ими.. быша три братья, Лавр. 4 (8);

умножившемъся человѣкомъ на земли, помыслиша создати столпъ до
небесе, ib. 2 (4);

Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни(=ы) на Дунайския, сѣдшемъ въ
въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови.. сѣдоша на Вислѣ..
ib. 3 (5);

Полянномъ же жившимъ о собѣ... бѣ путь изъ Варягъ въ Греки,
ib. 3 (6);

и небысть помилованія никомуже ниоткуда же, перквамъ горящимъ,
крестьяномъ убиваемомъ, другимъ вяжемымъ, Ип. 100;

Ляхомъ же непрестающимъ пакостящимъ, и приведе на ня Лит-
ву, ib. 162;

267 Михалко.. поѣха въ Володимерь.. дружинѣ его и Володимерцемъ ве-
дущимъ предъ нимъ колодники, Богу наказавшю князій креста честнаго
непереступати, ib. 160.

Если случаи, какъ „княгыни же вѣдущу норовъ его, твердяшетъ
и крестомъ“, Ип. 194 (554), или „Глѣбови же Зеремѣвичю и Судиславу
претяща ему недати Данилови, ib. 166 (501), и т. п., не-суть только
описки, то ихъ нужно разсматривать, какъ колебанія, предшествующія
потерѣ надежности причастій.

На мѣстѣ 1-го дательнаго нарѣчїе: същоу поздѣ (*ὀψίας ὀψης*).. и
двремъ затворенамъ.. приде Ис., Остр. Io. 20, 19 (Mikl. Gr. IV 615).
И наутрїя же бывшю, присла Святополкъ, река.. Лавр. 110 (наутрїя
первоначально род. времени; ср. „наутрїя же Святополкъ созва бояляръ.
Лавр. ib.).

б) При первомъ дательномъ въ тѣхъ же и другихъ памятникыхъ
стоятъ несогласуемыя отричастныя формы:

идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, Лавр. 4 (7);

умираючи ему, призва къ собѣ епископа, ib. 149 (331);

Мьстиславу же пьючи съ Угры, и повѣда имъ, Ип. 65, Лавр. 144—
пьющю;

свитаючи же дни.. сторожеве рекоша, Ни. 36;

и тако ему бесѣдовавши съ нимъ.. отпусти и, Ип. 95;

друзіи же смерды избѣени быша и никому же утекли отъ нихъ, Ип. 162;

Данилови же крѣпко борющися, избивающи Татары, видѣвъ то Мъсти-славъ Нѣмый и потче, Ип. 164;

прибѣгши же ему.. бысть брань, Ип. 186;

да не приведетъ (сусѣдъ) на тя досаженія, тебѣ невѣдуци, XV в., Бусл. Хр. 651;

князю же очютивъше, попадѣ мечь и ста у двѣрии, Новг. I, 16.

Ростиславу.. съ братомъ.. ходяче напередъ и ставшимъ имъ у Мура-вици.. и бы ночь пополохъ золь, Ип. 46;

приде князь.. Ооминѣ недѣли исходяче, Новг. I, 44;

идуце же ему с Чюди и вниде въ Пльсковъ, Ип. 120;

бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, Ип. 131;

бывшую же тому великому снятію и добрымъ мужемъ главами своими 268 покывающе за святую Софію, милосердыи Господь посла.. Новг. I, 60.

Это построеніе (а и б) особенно любимо нѣкоторыми лѣтописцами, напр. въ части волынской лѣт. Иногда дательныхъ самостоятельныхъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, набирается такъ много, что писатель забываетъ за ними поставить главное сказуемое, и цѣпь придаточныхъ виситъ какъ бы на воздухѣ. Такія излишества служатъ, конечно, признакомъ искусственности языка писателя, но недоказываютъ искусственности самого построенія.

Примѣры изъ южно- и западно-русскихъ нам. XVI—XVII в. см. у Микл. IV, 616, 837: будучи намъ на томъ соймѣ, видѣлося намъ; пришедши намъ въ земли (Миклош. здѣсь и въ другихъ мѣстахъ читаетъ *v zemľu*, что ошиб.) Сѣверские, тые есмо замки мощно взяли.

в) Перваго дательнаго вовсе нѣтъ на-лицо, а вмѣсто второго стоитъ дѣепричастіе, коего подлежащее остается неопредѣленнымъ. Въ основаніи такого оборота могли бы лежать не только дательные, но и именительные самостоятельные; но принимая въ соображеніе сравнительную рѣдкость этого послѣдняго оборота, лучше относить къ нему только такія случаи, въ коихъ при дѣепричастіи именительный на-лицо, а не такіе, какъ слѣдующіе:

Въ сеже лѣто, идуче и-заморія съ Готь, потопа лодии 7, Новг. I, 269 6 (идучемъ гостемъ, потопа); зажьже ся пожаръ Новѣгородѣ въ недѣлю на всѣхъ святыхъ, въ говѣніе, идуче въ заутреню, ib. 28 (идучемъ людемъ); суть же горы, заидуче (в) луку моря, имъ же высота, ако до небесе, Лавр. 107 (227); погребоша и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другимъ, в манастырь идуче, ib. 99 (224); и есть мѣсто то, тамо идучи, въ потоцѣ глубоко, у пути близъ, на лѣвой сторонѣ, Хожд. Дан. ed. Нор. 53; есть же дубъ той святыи

у пути близъ, на правой рущѣ, тамо идучи *ib.* 87; а отъ мѣста святаго Георгія, поидучи въ горы, до Іерусалима 20 верстъ великихъ, *ib.* 15; а оттуду мало поидучи къ востоку лицъ, есть мѣсто, идѣже и пр. *ib.* 35; и вѣсточными дверьми влѣзучи въ вертепъ той святой, на лѣвой рущѣ есть мѣсто., *ib.* 79; полѣзучи въ церковь ту, на лѣвой странѣ есть печера.. *ib.* 131; олно (ноли) пришедъ близъ къ граду, тоже видѣти святой градъ Іерусалимъ, *ib.* 17.

Аще бо бывають отъ бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають, Лавр. 74 (168).

Аще и на кони ѣздяче, nebudeť ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ неумѣете молвити, а „Господи помилуй“ зовѣте бес престани въ тайнѣ, *ib.* 102.

И отпѣвше (=когда отпѣли) вечернюю, Володимеръ же (поиде) отъ божници, *Ип.* 72 (319).

Трепарей же неповелѣваемъ молвити чашамъ въ пиру лише трии (в. трепаревъ же немолвити чашамъ лише три): поставивше обѣдъ, славиться Хсъ Въ нашъ.. *Поуч. Θεод. Печ. Уч. З. II, 2, 190.*

Бысть радость велика в Володимери градѣ, видяще у себе великого князя всея Ростовскыя земли, Лавр. 160 (358).

И нападе на нихъ страхъ и трепеть, видя своего града погибель *Пск. I. 289.*

По отношенію къ замѣнамъ въ позднѣйшемъ языкѣ случаи Б, а), б) отличаются отъ Б, в. Въ первыхъ, говоря вообще, новый языкъ ставить въ придаточномъ только глагольное сказуемое съ „когда“, „между тѣмъ, какъ“, „въ то время, какъ“, „послѣ того, какъ“, въ млр. „як“, „коли“ и т. п. Сохраненіе перваго дательнаго съ дѣепричастіемъ, при главномъ сказуемомъ, недопускающемъ дополненія въ дательномъ лица, въ новомъ языкѣ рѣдко, напр. пашовши мнѣ лѣсомъ цѣмнымъ, цѣмнымъ лѣсомъ вовкі зъядуць; пашовши мнѣ дарогою, дарогою казаки зъядуць, Роман. Бр. сб. I, 421. Нужно сказать вм. стариннаго „идучи ми сѣмо, видѣхъ“—„когда я шелъ сюда, то увидаль“ а не „идучи мнѣ сюда, я увидѣлъ. Что до случаевъ Б, в), то примѣры XVII в., приведенные г. Бусл. [Гр. § 275, пр. 2: „ѣдучи отъ Темникова.. на лѣвой сторонѣ у дороги старая грань“; „бобы не грибы: непосѣявъ (т. е. непосѣявшю, или „непосѣявшемъ людемъ“) невзойдутъ“], встрѣчаются и донынѣ: нетерши, немявши, nebudeť калачъ; лежа, цѣла одежда, да брюхо съ свищемъ (посл.); не роса пала на травушку, что катились горячи слезы, горячи слезы солдатскія, идучи, братцы, въ землю Шведскую, Сб. Новик.; приутихло, приуныло море синее, глядючись-смотрячись со черныхъ кораблей.. на тѣ круты красны бережки, Арх. г. Якушк.; какъ живуци безъ законной сдержавушки (= безъ мужа), принакопится злодѣйной тутъ кручинушки, Барс. Прич. I, 13; пере-

трескае ретливе сердечушко столько ростави сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ, *ib.* 156.

Нерѣдко въ вр. въ главномъ предложеніи стоить у меня, у насъ и пр. (вм. дат-го) о томъ же лицѣ, къ коему относится дѣепричастіе: какъ ретливе сердечушко позаныло, позаржавѣло у меня бѣдной горюшицы, живуци безъ своей матушки, Барс. *ib.* 37; строги-грозны богоданы родители: мнѣ день прошоль, у бѣднушки, даваютца (спрашивая позволенія), другой день прошоль да слова дожидаютьца, третій день прошоль на родину справляютьца, *ib.* 90; пройдетъ день да тутъ у насъ невидаючи, поскорешеньку работа сработается *ib.* 106; намъ наскучило, побѣднымъ, сиротаньцо, столько ходяци вѣдь по міру крещоному: столько водушки вѣдь мы неиспиваютьца, што горючихъ горькихъ слезъ да проливаютьца. Саложонки у насъ притопталися, балуюци, шубенки придержалися, *ib.* 158; у мня, стояци во малой утлой лоточкѣ, за эту за дубовую оклочинку, перетерло у мня тонки бѣлы перески (пальцы), *ib.* 254.

Дѣепричастіе относится къ тому, что выражено родительнымъ въ главномъ предложеніи: невыздрѣвши, рябины нельзя заломать; невызнавши красную дѣвушку, нельзя замужъ взять, Шейнь, Р. н. п. 314.

Въ малорусскомъ:

Несіявши неоравши, nebude жито родити; козака нечаровавши, nebude ходити, Метл. 86.

Сама незнаю, як ворогам годити: черно, чи біло поміж ними ходити? черно ходячи, то скажуть „ледащица“, а біло ходячи, то скажуть „чепуритца“, н. п., Костом. въ Сб. Мордовцева, 274.

От сеѣ скінчавши (когда они кончили), Маруся усе прибрала из 270 стола, Кв. Повъязавши один одному рушники (= имъ повязавшимъ, когда они повязали другъ другу), от староста й каже, Кв. Винъ (Богъ) объявить твоѣ діло черезъ те, на що й недумаеш. та объявивши се, тут одкрыютьца и всі злиі діла, объ якихъ уже люде забули й розискувати, Кв. Уже смеркаючи, черезъ превелику силу, мов рачки доповзла до города, *id.* Коз. д. Хоч и темна ніч, а приглядаючись дорогу видко, *id.* Серд. Окс. Денис неедин совіг дав голові, що робити з неплатящими общественно, або отаманові, загадуючи підводи на дороги (= як треба було отаманові загадувати), *id.* Перекот. И багато там такого було, що и розказуючи душа болить, *id.* Б. Д. Бог мені свидѣтель, що, покидаючи вас, сердце мое таки точнісінько ниначе ріжетца туным ножем, *id.*, *ib.* Трохимъ підглядав їх довго и щось у нѣго (какъ выше въ вр.) у животі тѣкнуло, чуючи щось недобре, *id.* Перекот.

Ср. въ сербскомъ: и тако погодивше се с њоме (когда мы съ нею условились), она скине с руке своју плетивачу, а ми с коъа своје вреће, Кар. Прип. 7.

Такие обороты, будучи прямым выводом из предшествующего состояния языка, далеки от того, чтобы быть личными ошибками. Впрочемъ понятно, что языкъ принявши дѣепричастіе за чистое нарѣчіе, тяготѣющее только ко глаголу, т. е. отказавшись отъ употребленія при немъ перваго падежа, въ настоящемъ случаѣ—дательнаго, какъ указателя на его подлежащее, тѣмъ самымъ ограничилъ употребленіе дѣепричастія изъ втораго дательнаго только тѣми случаями, когда его самостоятельность видна изъ контекста. Напр. въ „сеѣ скінчавши, Маруся поприберала“, вырванномъ изъ связи рѣчи, дѣепричастіе или было бы отнесено нами къ подлежащему главнаго сказуемаго („кончивши, она же и поприбирала“), или, въ противномъ случаѣ, было бы употреблено ошибочно; но это дѣепричастіе, какъ самостоятельное, совершенно правильно въ слѣдующей обстановкѣ: „далі ілі ковбасу, сала кусочками нарізали и крашанок облупили и порізали на тарілочки. От сеѣ скінчавши (т. е. когда они кончили), Маруся усе прибрала“, Кв.

Литовскій языкъ въ этомъ отношеніи даетъ больше свободы. Во первыхъ, его три дѣепричастія (наст., прошед. и буд. дѣйств.), подобно 271 дѣепричастіямъ стар. русскаго языка, еще близки къ причастіямъ, такъ какъ допускаютъ при себѣ первый дательный: *man beeіnapt* = мнѣ идучи, *man ejus* = мнѣ шедши, *dienai ausztant* = дѣни свитаючи, Schl. L. Gr. 321. Во вторыхъ, и тамъ, гдѣ перваго дательнаго въ литовскомъ нѣтъ, дѣепричастіе изъ 2-го дательнаго не можетъ быть отнесено къ подлежащему главнаго предложенія, такъ какъ для такой функціи есть особое причастіе на *-damas* (Schl. ib. § 141). Согласно съ этимъ напр. выраженіе „*bewalgant žaidė muzikontai*“ (ib. стр. 320), хотя буквально равно русскому „ѣдючи (обѣдаючи) играли музыканты“, но можетъ быть понято только въ томъ смыслѣ, что когда другіе ѣли, то музыканты играли. Также: *ilgą jėszmą bedrožient, szu kepenį pagaus* Schl. Les. 82, долгій (=о) рожонъ (вертель) стругавши (т. е. въ то время какъ нѣкто стружетъ), собака жаркое схватить. Для нашего же „обѣдаючи играли“ (т. е. обѣдающіе играли) въ литовскомъ—*walgudami žaidė*. Такъ и въ латышскомъ дѣепричастіе настоящее или съ наличнымъ дательнымъ (*man runajūt, mātei asaras bira*, мнѣ говоря, т. е. мнѣ говорящему, говорящей, когда я говорилъ, -ла, у матери катились слезы), или безъ него: *mīžus pliaujūt uznasa lēls perkūns*, ячмень кося (т. е. намъ косящимъ, когда мы косили), пришелъ большой перкунъ (настала сильная гроза), Biel. L. Gr. § 751—2); *kāu spēru*—земе рыб, *рунайōт межі скан*, Спрог. 152, ставлю ногу—земля дрожить, говоря (когда говорю)—*лѣса гудятъ*; *вечум ману, вечуминь, нередзōт дагаюшу*, ib. 214, старость моя старость, невидя (т. е. мнѣ невидящу, невидимо) приходящая.

Кажется наиболѣе вѣроятнымъ то объясненіе дательныхъ самостоятельныхъ, по которому ихъ исходною точкою представляется обо-

ротъ съ первымъ дательнымъ, непосредственно дополняющимъ главное 272 сказуемое. Конечно, между выраженіемъ съ дат. самост. „пьючю (пьючи) ему съ Угры и повѣдѣ имѣ“ и другимъ „пьючю ему и повѣдаша ему“, разсматриваемымъ, какъ первообразъ перваго, больша́я разница; но вѣдѣ и всякая новая грамматическая форма, по отношенію къ предшествоющей, кажется скачкомъ.

Миклошичъ, не приводя въ связь случаевъ, приведенныхъ выше подѣ А, и останавливая вниманіе только на Б (съшьдѣшу ъму съ горы, въ слѣдѣ ѳго идоша народи мнози), предлагаетъ два различныя объясненія.

По одному изъ нихъ дат. самост. примыкаютъ къ дательному въ значеніи времени: „дательный имени съ причастіемъ въ именной формѣ означаетъ первоначально отношеніе времени дѣйствія, выраженнаго причастіемъ, къ дѣйствию, выраженному посредствомъ *vb. finitum*. Если дѣйствія одновременны, то является причастіе настоящее („симъ сиде творимомъ, градъ трасѣшесѣ“); если дѣйствіе причастія предшествуетъ дѣйствию глагола, то является причастіе прошедшее („съшьдѣшу ъму.. идоша“); за неимѣніемъ причастія будущаго, о третьемъ случаѣ, когда дѣйствіе причастія слѣдуетъ за дѣйствиемъ глагола не можетъ быть рѣчи“ (IV, 615). Очевидно, что такое значеніе зависитъ не отъ перваго дательнаго, а отъ причастія. Время причастія будетъ находиться въ такомъ же отношеніи ко времени главнаго сказуемаго и тогда, когда причастіе стоитъ не въ дательномъ, а въ другомъ падежѣ, при чемъ послѣдній можетъ и небыть падежемъ времени. Признавая, что особенность дательныхъ самостоятельныхъ должна корениться въ свойствѣ перваго дательнаго, Миклошичъ продолжаетъ: „кажется, что объясненія этому явленію слѣдуетъ искать въ употребленіи, впрочемъ рѣдкомъ, дательнаго въ значеніи времени, когда нѣчто случается: „утро пробрѣзгу зѣло вѣставъ“, Мар. 1, 35, что, по мнѣнію Шафарика, вридь-ли основательному, стоитъ вмѣсто „пробрѣзгу зѣло сѣшту“; 273 „во ѳединѣ суботѣ утру глубоку“ (*ἄρθρον βαθέος*), *ib.* Возраженіемъ на это служитъ именно сомнительность этихъ примѣровъ, которые могутъ не объяснять дательные самостоятельныя, а на-оборотъ, требовать объясненія съ ихъ стороны. Несомнѣнныхъ примѣровъ одного дательнаго времени, непредполагающихъ опущенія причастія, невидно. Самъ Микл., приводя ниже (IV, 827), „въскресе цѣломъ печатемъ“, Кир. Тур., объясняетъ: „т. е. сѣштемъ“. Къ ссылкѣ на Шафарика мы можемъ прибавить, что и по мнѣнію г. Срезневскаго въ приводимой имъ зап. млр. пословицѣ „самому тобі въ лісі товариша не знайдеш“ слѣдуетъ подразумѣвать прич. будучу (Мысли объ ист. р. я. 88). Ср. „гдѣ пилъ, тутъ и уснулъ; кому его беречи, самому пьяну?“ Домострой, Бусл. Оч. I, 570. Между тѣмъ значеніе времени въ другихъ падежахъ, винит., родит., творит. вполне несомнѣнно и обычно.

Въ другомъ мѣстѣ Миклошичъ спрашиваетъ: „можно ли думать, что дательный съ причастіемъ прошедшимъ означаетъ собственно (т. е. обозначалъ первоначально): zu diesem vollendeten dinge kam folgende handlung? — объясненіе, отличное отъ вышеизложеннаго“ (V. Gr. IV, 619). Такое объясненіе можно бы приложить и къ дат. съ причастіемъ настоящимъ; согласно съ имъ „идущема же има стапа ночлѣгу“, Лавр. 115 (261), значило бы: „къ тому что они въ то время шли присоединилось то, что они остановились для ночлега“. Это объясненіе, какъ и предложенное нами выше, предполагаетъ, что въ основаніи дательныхъ самостоятельныхъ лежитъ первый дательный, неимѣющій значенія времени.

Неопредѣленное наклоненіе.

1. Форму на -ти и соотвѣтственныя ей въ другихъ языкахъ, по старой памяти, принято называть наклоненіемъ (modus, spûsob, tryb, начин). Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, правильное пониманіе дѣлаетъ неточность выраженія безвредною, а безконечную ломку терминологіи ненужною. Съ давнихъ поръ болѣе-менѣе извѣстны отличія формъ, какъ слав. на -ти, отъ собственныхъ наклоненій, а въ этомъ-то вся сила. Уже Іоаннъ Экзархъ („Книга св. Ивана Дамаскина. . о осмихъ частѣхъ слова, преведе же еа Иванъ презвитерь, екзархъ Болгарскій“; см. Малининъ, Грам. Іо. экз. Болг. въ Сб. статей по Славяновѣд., сост. учениками В. И. Ламан. 1883, 193) говоритъ: „изложеніе (т. е. наклоненіе) есть воля души, выражаемая голосомъ, являемая рѣчью“. Исчисливъ наклоненія, коихъ у него пять (повелѣнное, молитвенное, вопросное, звательное и повѣстное), продолжаетъ: „есть еще одно изложеніе, которое называется необъявленнымъ, потому что не можетъ само по себѣ имѣть ни лица, ни времени, ни залога (т. е. въ славянскомъ яз. въ отличіе отъ греч.), ни другихъ принадлежностей глагола“. Поэтому-то „бываютъ случаи, когда оно называется и именемъ“ (мы бы сказали „переходить въ имя“) „и, какъ имя, принимаетъ различіе (членъ), какъ вотъ это: „ѣже чести полезно“, „ѣже ѣсти потребно“, „ѣже играти укорно“. Кромѣ различія, это неявленное сочиняется и съ другими частями рѣчи, именемъ или глаголомъ, какъ „вещь исполняющая совѣтъ души“, напр. „повелѣваю ти быти“. Такъ какъ глаголь, или имя, или мѣстоименіе (?) требуютъ (въ спискѣ XVI в. ошибочно „не требуютъ“) его „къ исполненію совѣта (βουλῆ) души, то потому неявленное причисляется къ изложеніямъ (наклоненіямъ), хотя само по себѣ неимѣетъ силы къ изложенію“ (т. е. предикативной силы, свойственной наклоненію), Калайд. Іоаннъ Экз. В. 170.

275 Избѣгая термина „наклоненіе“ и т. п., но стараясь сохранить нѣчто отъ обычной терминологіи, нѣкоторые называютъ ф. на -ти просто ин-

финитивомъ (такъ нынѣшніе чешскіе и серб. грамматики; у Крижанича—неокончалникъ) и „неопредѣленнымъ словомъ“ (wyraz bezokoliczny).

Буслаевъ говоритъ: „неопредѣленное наклоненіе, будучи по этимологическому своему образованію существительнымъ отглагольнымъ, и употребляется въ предложеніи какъ существительное, означая подлежащее сказуемое и дополненіе“ (Гр. § 195). Если здѣсь тотъ смыслъ, что происхожденіе формы опредѣляетъ собою ея употребленіе, то это ошибочно, ибо слово генетически предполагаемое даннымъ неестъ это послѣднее. Кто говоритъ, что неопредѣленное наклоненіе есть не что иное, какъ существительное отглагольное, тому предстоитъ: или, оставаясь послѣдовательнымъ, вовсе не выдѣлять неопр. наклоненія изъ ряда другихъ существительныхъ отглагольныхъ, или впасть въ противорѣчіе, подобное тому, что союзъ бы есть не что иное, какъ 3-е л. аориста, нарѣчіе разомъ—не что иное, какъ творит. ед. существительнаго и т. п. Впрочемъ самъ Б. отличаетъ неопредѣленное накл. отъ „настоящихъ“ отглагольныхъ существительныхъ и даетъ лишь поводъ къ ихъ смѣшенію.

Н. Некрасовъ въ своемъ сочиненіи „О значеніи формъ русскаго глагола“ въ числѣ многоаго, съ чѣмъ нельзя согласиться, называетъ не-276 опредѣленное наклоненіе существительною формою глагола. „Укажемъ, говоритъ онъ, на родственную, дружественную связь русскаго глагола съ другими частями рѣчи на примѣрахъ. Такъ, форма его на -ть не-277 только можетъ употребляться какъ существительное имя... по переходитъ въ сущ. съ предметнымъ значеніемъ, которое бываетъ отвлеченное и вещественное; напр. честь—имя сущ., имѣющее отвлеченное предметное значеніе, но въ сущности есть глаголь честь, чту....; власть—имя сущ., но въ сущности глаголь владѣть, съ опущеніемъ зв. ѣ. Печь—имя сущ. имѣющее вещественное значеніе... въ сущности есть глаголь: печь, пеку. Течь—имя сущ... въ сущности глаголь: течь, теку... напасть, пропасть глаголы и существительныя. Есть—глаголь, есть („естю“, во естяхъ“)—существительное“ (О. зн. ф. р. гл. 17). Что это можетъ значить „существительное есть въ сущности глаголь“? Допустивши, что это выраженіе относится къ тождеству ихъ образованія, мы находимъ, что оно несправедливо. Сущ. ж. течь, род. течи имѣетъ въ им. ед. суффиксомъ только -ь, а неопр. течь (вост. млр. текти, ст.-сл. тешти, серб. тећи, пол. śies и пр.) заключаетъ въ себѣ суф. -ти. Сущ. есть, естя, образованное отъ 3 л. ед. ч. заключаетъ въ себѣ суф., коего древнѣйшій видъ есть въ им. пад. ед. ja-с. Сущ. власть сходно не съ владѣти, а съ неопр. н. власти; но сущ. ж. въ им. пад. ед. заключаетъ въ себѣ динамически кромѣ суф. ти еще знакъ именительнаго -с, а неопредѣл. накл. на ти, кромѣ этого суфф. еще суф. косвеннаго падежа (по Вопцу, V. Gr. § 865

и Шлейхеру, *Сопр.*¹ 363,³ 438, дательнаго, по другимъ — мѣстнаго, даже родительнаго, *Mikl. V. Gr. IV, 844*). Эти различные падежи произведены не другъ отъ друга, а лишь отъ одной общей темы.

Впрочемъ падежъ, заключенный въ неопредѣлен. накл. на -ти, выдѣлился изъ всѣхъ остальныхъ и потерялъ свое падежное значеніе уже въ весьма давнее время (за-долго до начала слав. письменности). Съ 278 тѣхъ поръ и до-нынѣ языкъ отличаетъ эту форму отъ существительнаго ж. на -ть не только по употребленію, чего одного было бы достаточно, но во многихъ случаяхъ и болѣе внѣшнимъ образомъ. Въ русс. литерат. языкѣ, гдѣ окончаніе неопр. н. -ти сократилось въ ть, все-таки нѣтъ полнаго наружнаго смѣшенія съ сущ. -тъ, такъ какъ неопр. накл. можетъ сохранять конечное и, гдѣ на него падаетъ удареніе: вести, нести. Многіе влр. говоры удерживаютъ въ неопр. н. и неударяемое и. Извѣстны случаи позднѣйшаго образованія неопредѣленнаго накл., уже совершенно несходнаго съ сущ. ж. на -ть: мочки, пекчи (вм. стар. мочи, печи) при существительныхъ мочь, печь. Въ малорусскомъ, гдѣ есть формы неопр. накл. какъ жать, тамъ есть и такія какъ жати (большею частью со среднимъ и, близкимъ къ ы), коихъ нельзя смѣшать съ существительными какъ -жать въ сіно жать гдѣ -ть обязательно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ и въ влр., между неопредѣленнымъ (пекти) и существительнымъ (піч, род. пѣчи) установилось рѣзкое звуковое различіе. Въ другихъ, и въ русс. литер., и въ говорахъ влр. и млр. разсматриваемыя формы разграничены удареніемъ: неопр. накл. помѡчь (помочи, помогти), почѣсть, пропѡсть и существ. помочь, почѣсть, пропѡсть.

Точно также не только употребленіемъ, но и происхожденіемъ опредѣлена рѣзкая граница между неопр. н. -ти и именами дѣйствія на тиѣ = тье. Г. Некрасовъ старается доказать, что неопр. н. есть „ничто иное какъ имя дѣйствія“¹⁾, какъ тѣмъ, что оно было нѣкогда падежемъ имени (Ж. мин. нар. пр. IX, 59), такъ и постоянно его близостью къ несомнѣннымъ именамъ дѣйствія. Съ этою цѣлью онъ отличаетъ имена, какъ крытіе (отъ прич. прош. на -тъ), отъ такихъ, какъ бытѣе, житѣе, кои по его мнѣнію образуются отъ неопр. на -тъ и имѣютъ собирательное значеніе (О зн. ф. р. гл. 18)²⁾. На дѣлѣ раз-

¹⁾ Микл.: „subst. auf ije sind so wie die inf. nomina abstracta“, V. Gr, IV, 845.

²⁾ Сюда привлекаетъ онъ и вовсе неподходящіе примѣры, какъ трястье и четѣе. а) Посл. „счастье какъ трястье: на кого захочетъ, на того и упадетъ“ (Даль, Посл. 45), кажется лишь неудачной передѣлкой малорусской „щастя якъ трясця“ („трясцою болѣти“ въ Сл. Дан. Заточн.). Въ угоду рижскъ въ малорусской пословицѣ, и влр. переводчикъ поставилъ не трясца, какъ бы слѣдовало, а трястье, слово, которое, за недостаткомъ аналогій [т. е. причастій, какъ пас-тъ (пасу). нес-тъ (несу) и именъ дѣйствія, какъ пастье, нестье], можно назвать неудачно выдуманнѣмъ. б) Четѣе въ былинномъ „четѣе—пѣтѣе“ не могло быть образовано ни отъ прич. прош. сград. (чѣт-ень,

личіе въ значеніи русс. суффиксовъ -тіе и тье (какъ и -ніе и нье) ведетъ начало вовсе не отсюда, а отъ того, что первый уже издавна исчезъ въ народномъ русск. языкѣ, сохранившись лишь въ ф. -тье, и вновь заимствованъ изъ ц.-слав. уже книжнымъ путемъ. Суф. -тье въ русс. всегда предполагаетъ -тиѣ, который по значенію не можетъ быть отличенъ отъ -ниѣ, какъ и суф. причастія прош. стр. -т- (основная фор. -та-) отъ -н- (осн. фор. -на-). Имена на -тиѣ и -ниѣ все заключаютъ въ себѣ суф. прич. страд. и выборъ того или другого суф. для образованія отглагольнаго имени дѣйствія, за немногими исключениями, зависитъ отъ того, образуетъ ли глаголь причастіе страд. пр. на -т, или на н-: питиѣ, но званиѣ. Имена -тиѣ, ниѣ неимѣютъ съ не-280 опредѣленнымъ н. другой этимологической связи, кромѣ той отдаленной, что и суффиксъ -ти, предполагаемый падежемъ, отъ котораго пошло наше неопр. накл., можетъ имѣть тотъ же мѣстоименный корень, что и -та.

2. Къ опредѣленію инфинитива.

Несмотря на то, что въ числѣ защитниковъ совершенной номинальности этой формы были знаменитыя въ языковѣдѣніи имена (напр. Боппъ), въ настоящее время можно считать рѣшительно и прочно господствующимъ мнѣніе, что инфинитивъ только былъ нѣкогда именемъ, но не остался имъ, или, какъ говорятъ иначе, что онъ есть имя въ этимологическомъ и родъ глагола въ синтаксическомъ отношеніи.

А. Превратившись изъ падежа въ особую грамматическую категорію, неопредѣленное накл. вмѣстѣ съ падежемъ лишилось и другихъ свойствъ имени: рода и числа.

Поэтому объясненіе синтаксическихъ особенностей неопред. накл. изъ его падежнаго значенія можетъ быть оправдано лишь для случаевъ, восходящихъ къ тому времени, когда неопр. накл. было еще именемъ.

Для языковъ, какъ греческій, нѣмецкій, романскіе, въ коихъ неопредѣленное наклоненіе можетъ принимать членъ и предлогъ, какъ имя, слѣдуетъ принять два періода: первый по времени—образованія неопредѣл. н., какъ особой категоріи, движенія въ немъ по направленію ко

а предположивши суф. -т — чис-ть), ни отъ неопредѣленнаго н. (чис-ти, чис-ти). Въ сходномъ по суффиксу словѣ четья (миней) Буслаевъ (Гр. § 55, пр. 7) видитъ остатокъ причастій страд. будущ. вр., т. е. дѣлать чет-ья. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о particip. necessitatis (Ворр., V. Gr. § 897—8), такъ что четья значить по этому legenda, что должна быть читана. Относительно сходства -ја, съ іја, или іја, которое одно могло лежать въ основѣ ф. чѣтій, чѣтиѣ, см. Schl. Comp. ³ § 217. Иначе образовано пи-тій, potui artus: поиѣже скѣдо бѣаше воды, идеже живѣаше, наипаче же никакоже бѣаше воды питиѣ Supr. 431, 1; питиѣ (т. е. питиѣ-ж) оучению по-чръѣмъ водѣ ib. 230, 7; вр. питья чаша; 2 сосуда питья хрустальныхъ, 1597, Пам. дипл. сн. II, 497. Жи-тій: „вштезе, погябе.. акы съвъ, оставивъ (с. вм. -шоу) житнимъ богатство свое, Изб. 1073, 74; вр. новгород. житья люди.

глагольности, и второй — превращенія вновь части неопредѣленныхъ наклоненій въ имена существительныя, при чемъ само собою, что это второе движеніе неестъ возвращеніе къ исходной точкѣ. „Какъ скоро неопредѣленное накл. принимаетъ членъ, то оно перестаетъ быть неопредѣленнымъ накл.“ (W. Humboldt, Ueb. den inf. въ Z. für vergl. 281 sprg. II, 249). Это мнѣ кажется несомнѣннымъ, и непонятно, какъ можетъ Миклошичъ въ опроверженіе этого сослаться на то, что „инфинитивъ, опредѣленный членомъ, относительно субъекта и объекта слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, что и неопредѣл. накл. безъ члена“ (Ueb. den accus. cum inf. 506).

Въ новомъ в. нѣмецкомъ субстантивированныя неопр. н. настолько отождествились съ другими именами дѣйствія, что соединительное или противительное сочетаніе первыхъ со вторыми не встрѣчаетъ никакого препятствія въ чутѣ говорящаго, на пр. *das arbeiten und die lectüre, der lärm nud das jammern*. Въ сред. вѣм. такія сочетанія были еще рѣдки (Jolly, *Gesch. des infinit.* 173). Въ нынѣшнемъ русс. лит. яз., живо чувствуется глагольность неопр. накл. и потому сочетаніе его, какъ равносильнаго съ именами на *-іе, -іе* и другими, на пр. *желаю вамъ счастья и долго жить, любить стихи и слушать музыку, любить быть первымъ и почести*“, является стилистическою ошибкою. Въ стар. яз. такія сопоставленія (анаколуѳи), кажется, неособенно рѣдки: „ажъ любишь съ нами рядъ правый и въ любви с нами быти“, *Ип.* 149 (469); князь Олигердъ отречеся креститися и княженія Псковского, 1341, *Пск. I, II. с. Р. л. IV*; и тѣ бы священницы... оучили своихъ учениковъ страху Божию и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести, *Стол.*, *Бул.* II. *Хр.* 805; протопопъ учнетъ свадебный чинъ и царя благословляти крестомъ, *Котош.*; научати на всякое зло.. чтобъ атаманы и козаки шли по городамъ для разоренья и города засѣсть, 1611, *Ак. отн. до Юр. Б. II, 602*¹⁾. Рядомъ съ правильнымъ употребленіемъ родит. имени съ *для, ради*, между прочимъ на мѣстѣ супина (не *для хлѣба* пришла соли наѣданица, не *для сладково медова упиваньца*, на *совѣтъ* пришла.. *Барс. Прич. I, 184*; я *иду бѣдна горюшица*.. я не *ради отъѣданица*, *иду ради повиданица*, *ib.* 53), можно отмѣтить, какъ рѣдкое явленіе въ русс. слѣд.: „не *для хлѣба* *приду соли наѣдаться*, не *для славнаго любима угощенья*, *засмотритъ приду родителей желанныхъ*, *ib.* 98.

¹⁾ Столь же неловко съ нынѣшней точки сопоставленіе въ одинаковыхъ условіяхъ существительнаго отвлеченнаго и причастія: „*ти, видѣвъше кротость Ісго и несъпаніе по вся ноци и почитающа съ прилѣжаніемъ книги и оучающа пакы молитву, сии же и ина многа исповѣдаху о мужи томъ, жит. Феод. XII в., к. 4.*; они же видѣвъше отрока простоты и ризами же худами облечена, *нерачиша того пріяти, ib., Чт. 1879, I, 52.*

Столь же неправильнымъ кажется сопоставленіе имени лица и неопредѣл. н. въ слѣд. серб. примѣрѣ: Авај Лека, весела ти мајка! А какав би био старјешина Те судити једном земљом равном, Па се тебе сестра небојати! Кар. Пјес. II, 235.

Б. Въ виду непервообразности значеній, по которой неопред. накл. слѣдуетъ признать весьма сложнымъ продуктомъ развитія языка, врядъ ли кто согласится съ мнѣніемъ В. Гумбольта, что оно выражаетъ какъ бы дограмматическое состояніе глагола (Steinthal, Gr. L. и Ps. 369). Я здѣсь упоминаю объ этомъ ради замѣчанія Гумбольта, приводимаго имъ въ подтвержденіе положенія о вещественности, неграмматичности неопр. н., именно, что дѣти сначала говорятъ все въ инфинитивѣ. Это можетъ происходить отъ того, что дѣти въ этомъ случаѣ повторяютъ наиболѣе существенную часть рѣчи взрослыхъ, напр. берутъ „ѣсть“ изъ фразы: „хочешь ѣсть?“, „будешь ѣсть?“, „дать тебѣ ѣсть?“. Въ связи съ этимъ находится явленіе, которое быть можетъ кто либо могъ бы привести въ опроверженіе мнѣнія объ отсутствіи числа въ неопредѣленномъ накл. Въ мало-русскомъ обычн. преимущественно дѣтскія уменьшительныя неопредѣленные н., заключающія въ себѣ уменьшительныя именныя суффиксы, присоединяемые или къ суф. неопредѣленнаго накл. съ опущеннымъ и (спá-т-ки, спá-т-оньки, спá-т-очки), или прямо къ корню: лáд-ки, кúп-ки, купоньки, купусі, купусеньки ¹⁾; но эти формы, кромѣ происхожденія отъ именит. мн. ч. (съ чѣмъ ср. уменьшительныя ф. влр. вопросительныхъ и восклицательныхъ частицъ: асеньки? охохонюшки!), и кромѣ уменьшительныхъ суф., которые могутъ входить и 282 въ составъ глаголовъ, во всемъ прочемъ имѣютъ обычныя функціи неопредѣленнаго накл. ²⁾ и тоже весьма непервообразны.

В. Относительно рода Буслаевъ замѣчаетъ: „означая дѣйствіе и состояніе отвлеченно, неопр. накл. разумѣется въ среднемъ родѣ, почему имена, мѣстоименія и причастія согласуются съ нимъ въ среднемъ р., напр.: „которому въ бою неуступить великой честью озарило-бъ мои молодые годы“ (Жук.), Б. Гр. § 195.

Будь такіе обороты даже свойственны русскому яз., они ничего бы недоказывали, ибо средній родъ согласуется здѣсь не съ самимъ неопр. н., а съ неизвѣстнымъ подлежащимъ. Самому неопредѣленному н.

¹⁾ Подобное, но нетождественное съ этимъ явленіе — въ латышскомъ (Biel. L. Gr. §§ 324, 740).

²⁾ Стало быть, теряютъ число, отличаясь въ этомъ отъ именъ на ниѣ, тиѣ, кои имѣютъ единств. ч. и коихъ неспособность принимать множественное ч. „wenn sie ein blosses thun bezeichnen (Mikl. V. Gr. IV 845—879; ср. Бусл. Гр. § 219, 3) состоитъ лишь въ томъ, что множественное число дѣлаетъ иногда ихъ значеніе болѣе конкретнымъ: знаніе das wissen, знанія kenntnisse, wissenschaften; однако „взятіе города“ и „взятія городов“.

столь же чуждъ средній родъ, какъ и личному глаголу въ такъ называемыхъ безличныхъ сказуемыхъ: „es regnet“.

Г. Если скажемъ, что неопредѣленное н., небудучи существительнымъ и неимѣя въ себѣ ничего, чтобы могло согласоваться, не можетъ быть употреблено, какъ атрибутъ другого существительнаго („царь Петръ“; „Петръ, царь-работникъ“), то можно на это замѣтить, что и несомнѣнные отвлеченныя имена дѣйствія врядъ-ли употребляются такимъ образомъ. Болѣе вѣрное средство узнать настоящія свойства неопредѣленнаго н. состоитъ въ рѣшеніи вопроса, бываетъ ли оно, подобно отвлеченнымъ именамъ, подлежащимъ и дополненіемъ?

- 283 Если-бы неопредѣленное н. было отвлеченное существительное отглагольное, т. е. означало признакъ взятый изъ глагола (дѣйствіе) и представленный даннымъ въ фиктивной субстанціи, то тѣмъ самымъ оно имѣло бы возможность представляться производителемъ другихъ дѣйствій и ихъ предметомъ. Но неопред. накл. въ различныхъ сродныхъ языкахъ именно тѣмъ и отличается отъ существительнаго, что не заключаетъ въ себѣ своего субъекта, но требуетъ его, какъ прилагательное и глаголь. Между тѣмъ оно очевидно не-есть прилагательное, неимѣя даже такой атрибутивности, какую имѣютъ прилагательныя, лишеныя флексій (ст.-сл. „сугубъ грѣси“). Поэтому оно можетъ принадлежать лишь ко глаголу въ обширномъ смыслѣ. Отличіе неопредѣленнаго накл. отъ личнаго глагола (vb. finit.) состоитъ въ томъ, что этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ опредѣленіе своего лица (1-го, 2-го или 3-го), тогда какъ въ неопредѣленномъ накл., вырванномъ изъ связи, лицо остается неопредѣленнымъ. Въ живой рѣчи лицо неопредѣленнаго всегда опредѣляется тѣмъ или другимъ способомъ, именно:
- а) лицомъ *verbi finiti*, напр. хочу ѣсть, *ich will essen*, т. е. хочу, чтобы я же ѣлъ (Steinth. Gr. L. и Ps. § 131). Въ этихъ случаяхъ неопредѣленное принимаютъ за дополнение, т. е. за объектъ; но простое сравненіе выраженій, какъ „хочу знать“ и „хочу знанія“, или пожалуй, хотя это не порусски, съ винительнымъ „хочу знаніе“, должно показать, что „знать“ отнюдь не предметно. Въ „знать“ рѣчь о дѣятельности того же лица, которое означено въ „хочу“; въ „знанія“ или „знаніе“ — о предметѣ внѣшнемъ по отношенію къ этому лицу и такомъ, отъ котораго косвенно зависитъ дѣятельность этого лица, или такомъ, который страдательно подлежитъ этой дѣятельности. При извѣстныхъ глаголахъ содержаніе неопредѣленнаго, какъ выше, можетъ
- 284 быть отнесено только къ лицу этихъ глаголовъ, почему для отнесенія этого содержанія къ другому лицу требуется уже не неопредѣленное накл., а равносильный ему относительно глагольности другой глаголь: „хочу, чтобы ты ѣлъ“, „боюсь, что упадешь“ (но „боюсь, что упаду“ = боюсь упасть). б) При другихъ глаголахъ, неопредѣленное накл. можетъ имѣть только свое особое лицо („прошу васъ,

ихъ прийти = чтобы вы, они пришли“), которое хотя можетъ совпадать съ лицомъ глагола („просить его (3-е лицо) прийти“), но относится къ другой субстанціи. При этомъ или лицо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подлежащее неопредѣленнаго наклоненія, опредѣляется косвеннымъ падежемъ, стоящимъ въ томъ же предложеніи, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, или лицо неопредѣленнаго есть третье, и его подлежащее остается неопредѣленнымъ ¹⁾. Такъ напр. въ стар. нѣмец. „trac behalten, porta ut custodiat“ (Grimm, Gr IV, 103), въ русск. отдай спрятать (ему? имъ? неизвѣстно кому?). Въ обоихъ случаяхъ подлежащее неопредѣленнаго есть другое, чѣмъ подлежащее личнаго глагола, почему слѣдую Гримму (Gr. IV, 121), мы называемъ такіа неопредѣленныя объективными, а неопр. указанные выше подъ а) (хочу ѣсть)— субъективными.

Замѣтимъ, что когда Гриммъ, быть можетъ въ виду наклонности нѣмецкаго неопред. накл. переходить въ существительное, говоритъ, что „der inf. ist eine art substantivierung des verbums, dessen regeres leben dabei aufhört“ (Gr. IV, 56), хотя тѣмъ неменѣе неопр. накл. есть глаголь, но безъ личныхъ окончаній, и потому въ своей неопредѣленности годный для всякаго лица (ib. 90); то этому съ бѣльшимъ основаніемъ можно противопоставить слѣдующее: неопред. накл. есть такой родъ оглаголенія имени, котораго особое назначеніе есть служить второстепеннымъ, зависимымъ сказуемымъ. Именно съ такимъ назначеніемъ согласуется неопредѣленность лица неопредѣленнаго, взятаго само по себѣ.

Здѣсь заключено объясненіе того, почему мы говоримъ о неопр. накл. въ статьѣ о составныхъ членахъ предложенія. Не перебирая всего, относящагося сюда, мы видимъ въ случаѣ „хочу ѣсть“, что неопр. накл. вноситъ въ языкъ особое составное сказуемое, состоящее не изъ глагола и имени, какъ разсмотрѣнное выше, а изъ двухъ видоизмѣненій глагола.

Возвращаясь къ вопросу, поставленному въ началѣ § Г, мы рѣшаемъ его такъ, что неопред. накл., какъ глаголь, всегда относится къ категоріи сказуемаго въ обширномъ смыслѣ, т. е. неможетъ быть ни на-

¹⁾ Миклошичъ: „лицо, отъ коего исходитъ дѣятельность, вовсе не существуетъ въ предложеніяхъ, которыя, какъ „ich sehe blitzen“, основаны на безсубъектныхъ предл. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствующее лицо, хотя невыражено, но мыслимо („wird an eine thätige person wenigstens gedacht), что однако относится и ко всѣмъ тѣмъ существительнымъ, которыя, будучи образованы отъ глагольныхъ темъ, означаютъ дѣйствие: пь саниѣ“ (V. Gr. IV, 844). Но въдъ неопр. накл. „blitzen“ въ вышеприведенномъ случаѣ относится мыслию говорящаго къ 3 лицу, правда — неопредѣленному, не заключенному въ самой формѣ неопредѣленнаго накл., но указываемому контекстомъ. Между тѣмъ существительное дѣйствія само, въ качествѣ предмета, есть дѣйствующее лицо (3-е); иначе: существительное дѣйствія, въ силу своей субстанціальности, устраняетъ вопросъ о производителѣ дѣйствія. Нельзя спросить: „кто (что) писаніе“?

стоящим подлежащимъ, ни настоящимъ дополненіемъ. И тамъ, гдѣ неопредѣленное накл., какъ говорятъ, есть подлежащее, точнѣ говоря оно только выдвинуто на мѣсто подлежащаго (подобно тому, какъ выдвигается такъ и предложеніе съ личнымъ глаголомъ), но имѣетъ все-таки глагольное, а не именное значеніе, такъ какъ относится къ неизвѣстному 3-му лицу (*man*) и соотвѣтствуетъ развитому предложенію: 286 *irren ist menschlich* = *dass man irrt...* (Steinthal, l. c. ¹). Роль дополне- 287 ния невозможна для неопр. накл. именно потому, что она предполагаетъ косвенные падежи, которыхъ также (уже) нѣтъ въ неопр. накл., какъ нѣтъ въ немъ именительнаго ²).

286 ¹ Миклошичъ (V. Gr. IV, 848—9), указавши на случаи, какъ ст.-сл. разбивати ска-
радо ꙗсть; млр. двом панам тяжко служити, и т. п., продолжаетъ: „что неопр. накл.
въ этихъ и подобныхъ случаяхъ имѣетъ функцію именительнаго“ (стало быть, подле-
жащаго) „—таково мнѣніе грамматиковъ, въ вѣрности коего можно однако усумниться.
Не-невозможно, что эти неопредѣленные накл. принимаются за именительные един-
ственно потому, что присутствіе именительнаго считается необходимою принадлеж-
ностью предложенія, и что есть предложенія, въ коихъ неопредѣленное можетъ быть
замѣнено существительнымъ въ именительномъ... Но заключеніе отъ грамматическаго
качества одного предложенія къ качеству другаго невѣрно: они могутъ быть равны въ
логическомъ и различны въ грамматическомъ отношеніи, какъ напр. *унѣѣ ꙗсть умрѣ-
ти, praestat mori*, и *унѣѣши ꙗсть съиръѣти, praestat mors*. Первое предложеніе без-
субъектно, какъ если-бы сказать *es ist besser, dass mau stirbt*. Это относится къ сла-
вянскому, а равно, какъ я думаю, и къ латинскому, но не къ языкамъ, сравнявшимъ
посредствомъ члена неопр. накл. съ остальными существ., какъ погомеровскій грече-
скій, нѣмецкій, романскіе... И въ болѣе позднемъ санскритѣ Геферъ (Vom infin. Berl.
1840, 118) не признаетъ употребленія неопр. накл. въ качествѣ именительнаго, полагая,
что неопр. накл. во всѣхъ случаяхъ получило значеніе зависимости, которая чувствуется
въ немъ и тамъ, гдѣ оно, по видимому, стоитъ независимо, такъ что оно равно нѣмец-
кому *zu lieben* и пр. Его можно бы понять въ смыслѣ именит. когда оно—при глаго-
лахъ интранзитивныхъ или среднихъ, напр. въ скр. „на мѣ рѣчатѣ картум“, *thun oder zu
thun gefällt mir nicht*; но и это безъ сомнѣнія слѣдуетъ понимать такъ: *es gefällt mir
nicht zu thun*. И въ томъ я не могу убѣдиться, что въ *καὶρὸς λέγειν, es ist zeit zu reden*,
λέγειν есть именительный, ибо тогда нужно бы было перевести *zeit ist reden*“.

Я вполне согласенъ съ этимъ взглядомъ. Именно, признавая разницу между неопре- 287 дѣленнымъ въ „легко (естъ) сказать“ и т. п. и въ выраженныхъ, въ коихъ на неопре-
дѣленномъ, выдвинутомъ напередъ,—сила рѣчи и оно независимѣ („умереть—ему ни
по чемъ“ въ родѣ того, какъ говорится „смерть—кошѣйка“), я думаю, что эта разница
никакъ не въ ущербъ глагольности неопредѣленнаго, выдвинутаго на мѣсто подлежащаго.

² Микл. ib. 849: „Неопр. накл. пити, ясти, стоя безъ объекта, въ извѣстныхъ со-
четаніяхъ имѣютъ значеніе существительныхъ“ (т. е. какъ видно изъ примѣровъ, ко-
свенныхъ падежей, дополненій): ст.-сл. *принесе ꙗму ѣсти, просиши у мене пити, хро-
мымъ ходити подастъ*; млр. *добре їсти зварила, sie kochte ein gutes essen, наварила
обѣдати sie kochte ein mittagessen...*, польск. *dzięci jeść płakały, weinten um das essen*“.
Сюда прибавимъ обычныя выраж. какъ „подали кушать“ (обѣдать, ужинать), „приго-
товьте умываться, одѣваться“ и пр. Но при этомъ можно замѣтить, что какъ бы ни
замѣнялось это неопр. въ нѣмецкомъ и др., оно никакъ не ближе къ дополненію, чѣмъ
„прошу извинить“, и т. п.

Уравненія, къ какимъ прибѣгаютъ въ языковѣдѣніи, не должны считаться тавтологіями въ строгомъ смыслѣ. Говоря, что „просиль пу- стить“—то-же, что „просиль, чтобы пустиль, пустили“, мы хотимъ этимъ сказать не то, что оба выраженія равны для мысли, а только то, что въ неопредѣленномъ накл. перваго выраженія есть глагольная сила, которую мы отчасти преувеличиваемъ, приравнивая къ предложенію „что- бы пустиль“. Что до объективныхъ историческихъ отношеній между по- добными оборотами, то они вовсе нетаковы, какими нерѣдко изображаются, напр. когда Гриммъ говоритъ, что „простыя предложенія „ich will schlafen“, „ich höre singen“ происходятъ изъ сложныхъ „mein wille ist, dass ich schlafe“, „ich höre, dass gesungen wird“ (Gr. IV, 91), или Буслаевъ: полное придаточное предложеніе съ частицами что, чтобы, дабы можетъ сокращаться въ форму неопредѣленнаго наклоненія“ (Gr. § 276). 288 Неопредѣленное накл. точно предполагаетъ предложеніе съ личнымъ глаголомъ, но не придаточное, снабженное союзами, вносящее въ рѣчь бо́льшую сложность и опредѣленность отношеній, чѣмъ неопр. накл., а предложеніе независимое.

Е. Неопред. накл. не можетъ быть названо существительнымъ, потому что, подобно глаголу и прилагательному, оно опредѣляется не прилагательнымъ, а нарѣчіемъ. Извѣстно что въ древнихъ языкахъ, славянскомъ и нѣмецкомъ нарѣчіе встрѣчается при существительныхъ чрезвычайно рѣдко и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по выраженію Гримма, „въ существительномъ еще живо понятіе прилагательнаго“, то есть, когда въ словѣ различеніе категорій существительнаго и прилагательнаго еще недовольно явственно (D. Gr. IV, 937).

Ж. Болѣе тѣсная связь неопред. накл. съ глаголомъ, при которомъ оно стоитъ, чѣмъ связь съ этимъ гл. существительнаго, а вмѣстѣ и отличіе неопред. накл. отъ существительнаго сказывается въ томъ, что неопред. накл., подобно нѣкоторымъ причастіямъ, можетъ сливаться съ глаголомъ въ одну грамматическую форму. Существительныя отглагольныя лишены этой способности. Въ стр. датѣсми (буд. изъ датѣ(р) + асми) имя на -тар есть не существительное, какъ въ слав. на -тель, а причастіе, какъ въ лат. -turus sum.

З. Неопред. накл., какъ и личныя формы, по правилу входитъ во всякую совокупность формъ, называемую однимъ спряженіемъ, или однимъ глаголомъ. Согласно съ этимъ въ греч. и др. оно имѣетъ времена и залогы, въ славян. оно раздѣляетъ съ личнымъ гл. всѣ его видовые отѣнки. Между тѣмъ отглагольныя существительныя на ніе, тіе не составляютъ непремѣнной принадлежности всякаго глагола—положеніе несомнѣнное, какъ скоро рѣчь идетъ не объ апріорной возможности такого образованія, а о дѣй- 289 ствительномъ его присутствіи въ языкѣ, по возможности точно опредѣленномъ по объему. Въ русскомъ лит. языкѣ необычны существительныя

отъ гл. начинательныхъ, какъ сохнутіе, мокнутіе, зеленѣніе. Существ. отъ глаголовъ однократныхъ, какъ толкнутіе, хотя и встрѣчаются, но имѣютъ комическій отгѣнокъ, такъ-какъ разятъ дѣланнымъ приказнымъ или бурсацкимъ языкомъ. При многихъ гл. совершенныхъ длительныхъ (не однократныхъ) вовсе нѣтъ этихъ существительныхъ; такъ напр. нельзя или крайне неловко сказать умертіе, запертіе, починеніе платья (хотя обычно „подчиненіе властямъ“, „сочиненіе“); „отъ этого вышли пустыя придирки и приписанье многому такого смысла (вм. „и то, что приписань..), который мнѣ никогда.. въ умъ немогъ придти“ Гог. Авт. исн. (хотя говорится: „до подписанія журнала можно перемѣнить мнѣніе“, „написаніе слова отлично отъ произношенія“, но нельзя сказать „приписаніе къ N обществу“ вм. приписка). При другихъ такихъ же гл. эти сущ. сами по себѣ безразличны относительно совершенности и несовершенности: „сочиненіе такого-то“ значитъ и что сочинилъ, и что сочинялъ такой-то. Такъ „сохраненіе“ „сбереженіе“; „забвеніе“ можетъ значитъ и то что нѣкто забываетъ, забывалъ (в. нѣчто забывается, забывалось) и то, что нѣкто забылъ, забудетъ (нѣчто забылось забудется), смотря по контексту. „Для предупрежденія разлитія рѣкъ“ можетъ одинаково значитъ какъ „для предупрежденія того, чтобъ рѣки неразлились“, такъ и— „чтобъ неразливались“. „Паденіе государства“ значитъ, „что государство пало“ и „что оно падало“; въ „законъ паденія тѣлъ“ паденіе, по несовершенности, хотя не въ другихъ отношеніяхъ, то-же что „паданье“. То, что можно бы считать здѣсь за различеніе совершенности и несовершенности, на дѣлѣ есть только различеніе степеней длительности такъ что въ сущ. стоящемъ при глаголѣ большей длительности и многократности, напр. „подаванье помощи“ обязательна только мысль о многократности дѣйствія, но неопредѣлено, состояло ли дѣйствіе изъ незаконченныхъ моментовъ („что помощь подавалась“), или законченныхъ („что бывала каждый разъ подана“). Впрочемъ этотъ вопросъ требуетъ болѣе подробнаго изслѣдованія. Миклошичъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „разница между неопр. 290 н. и ближайшимъ образомъ сродными съ нимъ сущ. на -иѣ состоитъ (между прочимъ) въ томъ, что послѣднія первоначально образуются только отъ гл. несовершенныхъ (vb. imperfectiva) V. Gr. IV, 845. Здѣсь мнѣ неясно, что значитъ „ursprünglich“. Во время этого „первоначально“ существовала ли совершенность и несовершенность гл. въ славянскомъ смыслѣ? Въ другомъ мѣстѣ: „дальнѣйшее сходство между сущ. глагольными (subst. verbale) и инфинитивомъ состоитъ въ томъ, что обѣ формы правильно образуются отъ всѣхъ глаголовъ, что, кромѣ этихъ ф. относится и къ причастіямъ, а въ меньшей мѣрѣ къ сущ. на -тель“ ib. 877). „Въ ст.-сл. имѣетъ силу правило, что subst. verbalia образуются отъ всѣхъ глаголовъ, неисключяя совершенныхъ“ (ib. 878), съ чѣмъ ср. наше замѣчаніе о значеніи такихъ сущ.

И. Для славянскихъ языковъ составляетъ правило то, что лишь неопредѣленное наклоненіе, а не существительное отглагольное, раздѣляетъ съ глаголомъ и причастіями дѣйствительными (и страдательными въ безличныхъ оборотахъ, о чемъ см. Mikl. V. Gr. IV, 365) способность сочетаться съ винительнымъ прямого объекта: „создать что“, „создавший что“, но „создатель в. созданіе чего“ (Бусл. Gr. § 258, 2). Нѣтъ ничего, указывающаго на ослабѣванье это правила въ новое время, такъ что рѣдкіе случаи его нарушенія въ ст.-сл., напр. въ супр. ркп. „по приятии ми отъ Бога великій даръ“, а равно и другіе подобные въ греческомъ, латинскомъ и языкѣ Вѣдъ (Mikl. V. Gr. IV, 376—7, 880) слѣдуетъ считать явленіями устарѣвшими и относить къ тому времени, когда граница между сущ. при глагольнымъ и причастіемъ небыла еще рѣзко проведена. Можно бы полагать, что сказанное обязываетъ насъ такимъ же образомъ разсуждать о возвратномъ сд въ польскихъ отглагольныхъ сущ., сходныхъ по возвратности съ латышскими и литовскими: *spotkaniemie się*, (лот. *sutikšanās*, лит. *su-si-tikimas*). Именно, можно бы думать, что винительный падежъ мѣстоименія *spotkanie się* и т. п. остался отъ древности, и отброшенъ въ русскомъ ученіе (*uczenie się*) и пр. Таковъ взглядъ Миклошича, который говоритъ о винит. возвратнаго мѣст. при отвлеченныхъ сущ. въ польск. и латышск., какъ о явленіи тождественномъ съ винит. въ „по сѣтвореніи комису обыченнаго позоры, *postquam comes solita spectacula fecit* (Ueb. den acc. с. inf. 495; ср. V. Gr. IV, 845), и о томъ, что въ большинствѣ слав. нар. это сд отбрасывается (V. Gr. IV, 270). Однако лучше думать на-оборотъ, что форма именъ на -ниє, -тиє безъ сд древнѣе польской. Эти имена предполагаютъ причастія на -н, -т, которыя могутъ имѣть при себѣ возвратное мѣстоименіе лишь въ безличномъ сказуемомъ; но трудно допустить, чтобы имена на -ниє, -тиє были образованы именно отъ оборотовъ, какъ „*zmówiono się*“, „соглашеность“ имѣющихъ діалектической характеръ, позднѣйшихъ, быть м., по самой своей безличности, а не отъ формъ прич. безъ сд. При образованіи им. на -ниє -тиє, предполагаемая ими причастія могли неимѣть вполне опредѣленнаго залога, чѣмъ можно бы объяснить и неопредѣленность въ этомъ отношеніи этихъ именъ въ слав. нар., кромѣ польскаго, которое позже могло устранить ихъ безразличіе: ученіе значитъ безразлично и *das lehren* и *das lernen*, между тѣмъ, какъ въ польскомъ *uczenie* (отъ *uczyć*) отличено отъ *uczenie się* (*uczyć się*). Во время образованія именъ -ниє, -тиє возвратное мѣстоименіе при глаголѣ вѣроятно было еще самостоятельнымъ словомъ и поэтому немогло участвовать въ отглагольныхъ образованіяхъ. Это сд и при самой формѣ на -ти не исконно, но появилось при ней не раньше потери ею падежнаго значенія и включенія ея въ болѣе тѣсный кругъ глагола. Когда же слав. сд и соотвѣтствующее ему въ лот. и литов. сплотилось съ глаголомъ въ одну форму, потерявши 292

при этомъ падежное значеніе, тогда лишь формальный отглагольн. отглагольн., сообщаемый имъ глаголу (spotkać się), ставши постояннымъ свойствомъ сего послѣдняго, распространился и на имена -ниѣ -тиѣ. Съ ними въ польскомъ повторилось то-же, что было раньше съ ф. на -ти: они въ своей возвратной формѣ стали ближе ко глаголу, чѣмъ были безъ нея и чѣмъ теперь стоятъ въ русскомъ.

Какъ бы нибыло, но въ русскомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окраинныхъ говоровъ, явно находящихся подъ польскимъ влияніемъ, различіе между именемъ купанье (польск. kąpanie się) и неопр. купаться на-столько явственно, что отождествленіе ихъ невозможно.

І. Буслаевъ, начавши съ того, что накл. употребляется въ предложеніи какъ существительное, въ числѣ отличій этой формы отъ настоящихъ отглагольн. именъ, выставляетъ ея способность означать наклоненіе: возможность, необходимость и т. п. (Гр. § 195—7). Это мнѣ кажется излишнею уступкой мнѣнію, что неопр. накл. есть глаголь. Подобно причастію, неопредѣленное накл. можетъ означать наклоненіе лишь входя въ составъ первостепеннаго сказуемаго или примыкая къ нему. Развитие этого положенія, а равно и указаніе отличій неопр. накл. отъ причастій откладываю до дальнѣйшаго.

3. Буслаевъ говоритъ: „употребленіе неопредѣленнаго наклоненія развивается въ языкахъ съ теченіемъ времени въ ущербъ другимъ формамъ глагола... Вытѣснѣ съ утратою флексій и съ господствомъ отвлеченнаго выраженія, въ новѣйшихъ языкахъ возникаетъ естественная потребность въ неизмѣняемой и отвлеченной формѣ неопредѣленнаго накл. Потому-то разнообразное выраженіе мысли помощію различныхъ 293 формъ латинскаго глагола въ романскихъ языкахъ передается одною и же формою неопр. накл.“ (Гр. § 195, пр. 5). Слова эти возбуждаютъ нѣсколько вопросовъ: Идутъ ли славянскіе языки въ разсматриваемомъ отношеніи по одному пути съ романскими и германскими? Какія именно глагольныя формы вытѣснены въ слав. языкахъ неопределеннымъ накл.? Замѣтно ли въ этихъ языкахъ, начиная съ древнѣйшаго извѣстнаго ихъ состоянія, постоянное расширеніе употребленія неопредѣленнаго наклоненія, или же оно давно уже вошло въ свои границы? Въ какомъ отношеніи находится употребленіе этой формы къ способности языка содѣйствовать отвлеченности мысли?

А. Остановливаясь сначала на послѣднемъ вопросѣ, мы находимъ въ словахъ Б. неяснымъ, считаетъ ли онъ неопред. накл. болѣе отвлеченною формою сравнительно съ личнымъ глаголомъ, или только сравнительно съ другими причастными формами? ¹⁾

¹⁾ На-оборотъ, Некрасовъ считаетъ неопредѣл. накл., какъ существительное, болѣе конкретнымъ, чѣмъ глаголь: „при переводѣ глагола въ существительное (т. е. неопр. накл.) нашъ языкъ стремится отвлеченному понятію дѣйствія сообщить живое, конкрет-

Вообще, кажется, что во многихъ случаяхъ отъ примѣненія этихъ двухъ понятій конкретности и абстрактности нельзя ожидать большой пользы въ исторіи языка. Нельзя охарактеризовать развитія языка его стремленіемъ къ отвлеченности, не прибавивъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ раз- 294 вивается и его способность изображать конкретныя явленія. Въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что высокоразвитые языки подавляютъ способность къ поэтическому творчеству, что, по крайней мѣрѣ въ этой общей формѣ, кажется нелѣпостью. Въ-частности можно бы признать, что имя дѣйствія отвлеченнѣе глагола, если изображаетъ дѣйствіе въ видѣ мнимой субстанции, между тѣмъ какъ глаголь со включеніемъ неопредѣленнаго накл. представляетъ дѣятельность въ связи съ ея дѣйствительнымъ производителемъ. Въ кругу глагола можно считать неопредѣленное наклон. болѣе отвлеченнымъ, чѣмъ *vb. finit.*, такъ какъ первое само по себѣ неопредѣляетъ лица. Но за-тѣмъ замѣна причастныхъ формъ, имѣющихъ падежное значеніе, неопредѣленнымъ накл., неимѣющимъ его, сама по себѣ вовсе не представляетъ намъ шагомъ къ отвлеченности. Правда, вмѣстѣ съ этимъ появляются въ романскихъ и германскихъ языкахъ болѣе-менѣе несомнѣнные признаки превращенія неопредѣленнаго накл. въ существительное отвлеченное, каковы члены и предлоги ¹⁾, но во всемъ этомъ можно бы видѣть не уничтоженіе глагольности неопредѣленнаго накл., а распаденіе этой категории 295 на двѣ, изъ коихъ одна (неопр. безъ члена и предлога) глагольна по-прежнему. Обращаясь за-тѣмъ къ славянскому яз., мы незамѣчаемъ въ

ное значеніе предмета. Нашъ языкъ вообще нелюбитъ отвлеченщины. Мы знаемъ, что и въ другихъ языкахъ неопредѣленное наклоненіе можетъ употребляться какъ существительное; только дѣло въ томъ, что и въ существительномъ значеніи оно сохраняетъ прежнюю отвлеченность“, О зн. ф. р. гл. 18. Было бы свидѣтельствомъ нелюбви и неспособности рус. народа къ умственнымъ усилямъ, если бы точно русскій языкъ нелюбилъ отвлеченности, къ которой Н. по видимому, питаетъ презрѣніе („отвлеченщина“!). Къ счастью, это неправда; по крайней мѣрѣ это неможетъ быть правильно выводимо изъ такихъ пустячныхъ данныхъ, какъ предполагаемая замѣна одной формы другою.

¹⁾ Какъ исходною точкою романскихъ языковъ служить состояніе латинскаго, въ которомъ невозможно *ad amare*, такъ и для германскихъ такою точкою служить инфинитивъ безъ предлога. Но уже въ готскомъ при неопр. встрѣчается *du* (позднѣйшее в.-нѣм *zi, ze, zu*) съ основнымъ значеніемъ движенія къ предмету, какъ и ром. *a=лат. ad*. Въ в.-нѣм. герундіи съ предлогомъ (*zu frâgenne*), первоначально отличный отъ неопредѣленнаго (*frâgen*), сливается по звукамъ съ этимъ послѣднимъ (нов. в.-нѣм. *zu fragen, fragen*), въ нѣкоторой степени вытѣсняетъ его безпредложное употребленіе, какъ бы активировавъ его и внося въ рѣчь или усиливая, съ одной стороны, значенія умысла и рѣшимости, съ другой—цѣли: „*ich begann ze frâgenne* скорѣе значить *accipiti me ad interrogandum*, а *ich begann frâgen* скорѣе—*interrogare serpi...* Въ готскомъ латинское *tempus est ire* было бы также *mêl ist gaggan* др. в.-нѣм. *zit ist ze ganganne* ближе къ *tempus est eundi*, или точнѣе—*ad eundum*“ (Grimm. Gr. IV, 112). „Въ гот. *iddja du sáian* сказано нѣсколько больше, чѣмъ въ простомъ *iddja sáian*; но такъ-такъ дѣйствіе всякаго подобнаго усиленія исподоволь ослабѣваетъ, приближаясь къ дѣйствію неусиленныхъ выраженій, то вышло, что во многихъ случаяхъ неопредѣленное съ пред-

немъ никакихъ призваковъ субстантивирования неопр. накл.; въ ст.-сл. оно сравнительно съ греческимъ вполнѣ глагольно, такъ-такъ именная часть греческихъ инфинитивовъ выражается именами на -ниѣ, -тиѣ, напр. въ переводѣ Григ. Богосл. XI в. (Будиловичъ, Изсл. яз. XIII словъ Гр. Б. 49, 57); τὸ εἶναι имѣниѣ, τὸ γράφειν писатиѣ, τοσοῦτον θαρῶσαι ἔχοντες, толико упѣваниѣ имѣниѣ, πρὸς τὸ λαβεῖν на възатиѣ, τοῦ πράττειν дѣванія, ἐκ τοῦ γίνεσθαι отъ быванія, πρὶν ἀπελθεῖν, прѣжде отъшствия. Лучшіе образцы ст.-сл. яз. свободны отъ рабской передачи греч. τὸ, εἰς τὸ съ неопр. посредствомъ ѣже, во ѣже съ неопр. Когда въ такомъ вѣрномъ духу слав. яз. переводѣ, каковъ дошедшій до насъ въ Остр. Ев., читаемъ: „а ѣже сѣсти (τὸ δε καθίσαι) 296 о десьнѣѣ мене и о лѣвѣѣѣ, нѣсть мнѣ дати (οὐκ ἔστιν ἐμὸν δοῦναι), Мар. 10, 40, то ѣже должно быть сочтено не за членъ, какъ въ греч., ни за мѣстоим. относит. сред. р., а за союзъ, близкій къ нашему что, такъ что „ѣже сѣсти“ вовсе, не-есть das sitzen, τὸ καθίσαι, а чисто глагольная ф.: „а что сѣсть вамъ по правую, или по лѣвую, то это не въ моей волѣ“. Это подтверждается другимъ мѣстомъ: „всакъ грѣхъ и хоула отъпуститъсѣа чловѣкомъ, а ѣже на доухъ хоула (ἡ δὲ τοῦ πνεύματος βλασφημία) неотъпуститъсѣа“, Мат. 12, а что до хулы на духа, то она неотпуститсѣа.

Б. На памяти исторіи слав. неопред. н. вытѣспяеть двѣ причастныя формы, -ту и -тѣ, обѣ произведенныя отъ другой темы, чѣмъ неопр. на -ти, именно отъ темы на -у.

а. Неопр. н. на -ту, извѣстное только въ небольшомъ числѣ ст.-сл. примѣровъ, могло первоначально быть дательнымъ падежемъ, подобно формѣ на -ти, чѣмъ бы объяснилось и ихъ синтаксическое сходство.

Понеже и прѣдапъ быту глаголетъсѣа, ἐπεὶ καὶ παραδεδόσθαι λέγεται, XI вѣка. Перев. сл. Григ., Будилов. 20.

Аште цвѣтная жена нечиста се мнить быту, кольми паче имуштия такъ недугъ, si florida mulier impura videtur esse, quanto magis, quae tanto laborat morbo, Слав.-серб. поуч. отц. ц. Mikl. V. Gr. III¹, § 108.

Да не мнетъ ново чьто быту, показаѣтъ отъцеви суште угодно, ne putent novi quid esse, monstrat patri esse gratum, ib.

Аще кѣто мннить проста быту ѣстства (вар. несъложеною вещью сѣще), καὶ ἂν τις οἴηται τῷ ἀπλῆς εἶναι φύσεος, Будил. :b.

логомъ стало на мѣсто простого, такъ что для поддержанія значенія перваго понадобился двойной предлогъ. Готскому iddja sáian соответствовало бы по значенію нынѣшнее ich gieng zu säen, а готскому iddja du sáian—нынѣшнее (еще неизвѣстное Лютеру) ich gieng im zu säen (ib. 107). При этомъ, быть можегъ, простителенъ вопросъ, не переходятъ ли здѣсь предлоги въ роль заключительнаго союза, при чемъ степень глагольности неопредѣленнаго была бы та-же, что и безпредложнаго? Ср. въ юж.-слав. нар. за и за съ да неопр., Mikl. IV, 872.

Благоволениѣ отъче посланиѣ быту мѣни (въ другомъ мѣстѣ „поу-
щениѣ бѣдуще разумѣи“), *ἀποτόλην εἶναι νόμιμον*, ib.

При такомъ сходствѣ въ употребленіи этой формы съ ф. на -ти, до
открытія новыхъ данныхъ, нельзя судить о томъ, какое значеніе имѣло 297
для языка расширеніе употребленія послѣдней ф. на-счетъ вытѣснен-
ной первой.

β. Достигательная ф. неопредѣленнаго на -тъ [и на (т)ъ въ глаго-
лахъ безъ характера во второй темѣ, съ конечною гортанною корня],
по-крайней-мѣрѣ въ формѣ -тъ, по происхожденію отъ винительнаго пад.
и по употребленію, сходна съ латин. супиноиъ на tum и литовскимъ
на tu (по Шлейхеру tū). Она встрѣчается въ русскихъ памятникахъ
до XIV вѣка включительно, напр. „што есте просили насъ, а быхомъ
васъ пустили до Лучька тѣрговать... аколи которы торговецъ поидеть
торговать ис Торуни“.. (но) „кто поидеть.. торговать“, гр. Кестути и
Любарта 1341, Срезн. Др. Пам. Р. п., снимокъ; въ чешскомъ — до XV-
XVI (Hattala Sr. Ml. § 293); въ хорутанскомъ отчасти до-нынѣ (Mikl.
V. Gr., IV, 489; ср. Janež. Slov. Slov. § 496). Глаголы, при которыхъ
встрѣчается достигабельное, въ русскихъ памятникахъ трудно подвести
подъ одно общее понятіе. Къ нимъ относятся не только глаг. простран.
ственнаго движенія, какъ ити, ѣхати, вести, нести, сълати, из-
никнути, отступити („и бысть ночь и отступиша въ островъ лець“,
Новг. I, 42, т. е. облечи, перележать ночь, ночевать), воротитися,
устремитися, съвъкупитися („и несовъкупихася битъ обои за мѣ-
сяць“, Лавр. 162), но и такіе, какъ пояти (пояша къ собѣ Ярослав.
Всевол.. княжить), звати [Латинину незвати Русина на полѣ(=е)
битося(=тъся), Дог. Гр. Мстисл. 1229], пристраивати ся, просити:
пристраивайся противу бится, Лавр. 32; просимъ у тебе сына княжить
Новугороду, ib. 175, хотя „Болгаре... креститися просиша и покори-
тися Грекомъ, ib. 8. Понятіе о глаголахъ душевнаго движенія, отно-
симыхъ сюда же, весьма неопредѣленно. Такъ, хотѣти въ веществен-
номъ (неформальномъ) значеніи по видимому должно бы быть такимъ
глаголомъ и, по Бусл. (Гр. § 197), требуетъ достигабельнаго, при чемъ
имѣется вѣроятно въ виду „хощи искусить“ О. Ев. Лук. 14, 19. Мы
находимъ однако и противное: „хочю имѣти миръ съ тобою“, Лавр. 30. 298
Сомнительно, чтобы въ „хочю управитъ“, Ип. 39, -тъ стояло вм. -тъ.

Кругъ глаголовъ, требующихъ достигабельнаго, въ славян. яз. отнюдъ
несовпадаетъ, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, съ тѣми, которые требуютъ
неопредѣленнаго съ *zu* нѣмецкомъ; Ср. напр. нѣм. *anfängen*, *beginnen*
zu... съ »посла искать его и начаша искати Лавр. 26.

Въ отличіе отъ латин. *ire spectatum ludos*, достигабельное дѣйстви-
тельныхъ гл. въ славянскомъ требуетъ не винительнаго, а родительнаго.
Такъ, въ русс. памятникахъ: приидоша видѣтъ гроба (Кир. Тур. по сп.

XIII в. Калайд. Пам. 36); придоша испытать бывшааго, *ib.*: пришль ꙗси мучить насъ, *ib.* 34; приде обновить твари и спасти челоуѣка, *ib.* 57; иде учить болгарскаго языка, Лавр. 11; поидемъ искать лапотниковъ, *ib.* 36; приходиша поучать васъ къ вѣрѣ своей, *ib.* 37; идоша прогнать его, Новг. I (Син. сп.) 14; приде Борисъ посадничить въ Новгородъ, *ib.* 5; ходи Мирославъ посадникъ изъ Новагорода мирить Кыянь съ Черниговъци, *ib.* 7; идоша на Пльсковъ прогонить Всѣволода *ib.* 8; иде править товаровъ, *ib.* 41; посла города ставить, а самъ иде блюсть волости, *ib.* 31; посла полковъ копить, *ib.* 61; сторожеве, ихъ же бяхуть послалѣ(=и) языка ловить, Ип. 130 (431); послалъ поводити короля, *ib.* 137; пришли суть видѣтъ оладий рускыхъ *ib.* 164 (496); лѣтѣ ѣздити на озвадъ звѣрий гонить (1305 г. Собр. Г. Гр. I, N 6).

Съ давнихъ поръ ф. -ти встрѣчается на мѣстахъ, гдѣ ожидаемъ ф. -тъ: да поидѣте княжить и володѣти нами, Лавр. 8; съступишася бити, *ib.* 27; придохъ явится, тебе уловити хотя (XIV в. Срезн. Ск. о Бор. XVI), Mikl. V. Gr. IV, 875. Нерѣдко форма -тъ замѣняется посредствомъ -тъ между тѣмъ какъ -ти еще остается при функціи неопредѣленнаго въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, иногда въ Лавр. лѣт.: „да-же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру возвратитися (т. е. чтобъ В. воротился), 112 (255); часто въ Ип. лѣт.: ангели отъ Бога послани помогать хрестьяномъ, 2; посла княжить, 8; вратишася на Посулье воевать, 10; изиде битися, 13; посла звать на обѣдъ 18; устремишася грабить, 22; поидоша убивать Игоря, 33; пусти брата своего въ Володимиръ Володимира блюсть, 54 и др.; въ Новг. I, по Син. сп., идоша воевать, 55, и часто въ Акад. сп. той-же лѣтописи.

И послѣ того, какъ звуковая особенность ф. -тъ совершенно исчезла, можно распознать двойственность происхожденія замѣнившей ее ф. -ти потому, что эта послѣдняя, какъ замѣна достигательной, продолжаетъ сочиняться съ родительнымъ: лѣтѣ ѣздити на възвадъ звѣрей гонити, 1471 г. (С. Г. Гр. I, № 20); пошлешъ своихъ писцовъ Москвы писати и московскихъ становъ, 1472, *ib.* № 95; ставилъ Государь.. 500 стрѣльцевъ казны своей стеречи, Новг. III, 68; ѣздилъ конюшень смотрити, *ib.*; и въ тѣ деи ихъ деревни изъ моихъ волостей ѣздятъ попрашаи жита (род.) просити.. ..а кто попрашаи поѣдутъ по ихъ деревнямъ жить просити.. на тѣхъ.. гр. Волог. кн. 1471—5, Ак. Арх. Эксп., Смирн. Сб. 97; и такъ въ влр. до XVII в. включительно.

Только въ новыхъ русскихъ нарѣчіяхъ можно усмотрѣть исчезновеніе достигательнаго н. не какъ звука только, а какъ значенія, безразличіе неопредѣленнаго, происшедшаго изъ достигат., и неопредѣленнаго исконнаго, исчезновеніе синтаксическаго различія глаголовъ, требовавшихъ достигательнаго, и тѣхъ, которые требовали неопредѣленнаго. Правда, въ млр. есть множество примѣровъ родительнаго при неопре-

дѣлен. н., гдѣ въ р. литер. стоитъ винительный, а нѣкогда стоялъ род. при достигат., напр. як послала мене мати в степ пшениці жати, Метл. 21; приїхала квіток пришивати, ів. 197; приїхали киселю їсти, З. о Ю. Р. I, 319; сороки, ворони, летіть до мене кужелю прясти, ів. II, 23; вийди познавати дитяти, Метл. 172; мати йде свого дитяти одвідувати, ів. 231; иде-жъ моя мати калини ламати, а за нею мій братічок зозулі стріляти, ів. 257; батько йде жития читати, ів., пішов я люльки купувати, ів. 344; йди.. пшениці жати.. ..глядіти, ів. 358; кликали вілець вити 133; нехай Рима строїти чухрає, Котл., и пр. Эти 300 родительные, по всей вѣроятности, остались отъ времени существованія въ языкѣ достигательнаго; но теперь они немогутъ служить отличіемъ замѣниваго эту форму неопредѣленнаго отъ древняго, потому, что въ мдр. такіе же родительные ставятся и при неопр. недостижимомъ, и при другихъ ф. Ср. напр. летіть... кужелю прясти и „дала їй кужелю прясти“, З. о Ю. Р. II 23; стали меду пити, мдр. Сб. Мордов. 197 (ср. вр. И Бова почель (почаль) Лукоперова войска битъ, Пам. др. письм. 1879, I, 59); шлюбу брати підмовляє, Метл. 9; послѣ безличныхъ сказуемыхъ, какъ „буде вже дровъ рубати“, „годі вже рясту топтати“. Бр. пошла бабка на лядо свойго овса глядзѣць, Роман. Бр. сб. в. III 7; чаще родит. только во мн. ч., а не въ един. вовки, идитя козу їсти ів. 12, 13; но „мядвѣдъ, иди вовковъ драть ів. 12, 13, 14.

Если-бы можно было съ увѣренностью сказать, что родительный при достигательномъ ставился потому же, почему при отглагольномъ существительномъ, т. е. „сѣять сѣмене“ какъ „сѣяниці сѣмене“, то замѣна достигательнаго неопредѣленнымъ съ винительнымъ („сѣять сѣмя“) оказалась бы шагомъ въ томъ же направленіи, въ какомъ само неопредѣленное вышло изъ отглагольнаго имени. Тогда потеря достигательнаго была бы на пользу глагольности второстепеннаго сказуемаго.

По Миклошичу (IV, 489) это род. партиивный, конечно не тождественный съ родительнымъ „поѣсть хлѣба“, „выпить вина“, а скорѣе съ родительнымъ „искать мѣста“ при „сбыскать мѣсто“.

И въ такомъ случаѣ трудно видѣть въ потерѣ достигательнаго торжество отвлеченности въ языкѣ.

Кромѣ двухъ рассмотрѣнныхъ формъ, слав. неопредѣленное н. въ многихъ случаяхъ, которые будутъ указаны ниже, замѣнило болѣе древнія причастія; но все это кажется незначительнымъ сравнительно съ совершенно противоположнымъ явленіемъ развившимся въ сербскомъ и болгарскомъ, состоящимъ въ вытѣсненіи самаго неопредѣлен. н. личнымъ глаголомъ. Если позволительны гаданія относительно будущности русскихъ формъ, то за образецъ этой будущности скорѣе всего можно бы взять то, что замѣчаемъ въ упомянутыхъ родственныхъ нарѣчіяхъ.

В. Ограниченіе употребленія неопредѣленнаго наклоненія въ сербскомъ и болгарскомъ.

а) Уже въ ст.-сл. встрѣчается изъявительное накл. съ союзомъ да на мѣстѣ греческаго неопредѣленнаго: „сынъ человѣчскыи неприде да послужать ѿму, нѣ да послужить (*διακονῆσαι*), и дати (*δοῦναι*, можно бы „да дать“) душѣ своѣй избавлєнице за мнози, О. Ев. Мар. 10, 45; „постави.. множество мѣжъ.. да въскытивше донесѣтъ мошти св. Исакия въ.. црѣкѣе благословєннїя ради и положити и тоу, Supr. 153. Въ сербскомъ такїе обороты, свидѣтельствующїе о глагольности неопредѣленнаго н., невытѣсняя вполне этого послѣдняго, становятся такъ часты, что рѣзко отличаютъ этотъ языкъ отъ другихъ славянскихъ, кромѣ болгарскаго: треба ићи и треба да идем; мора (должно) знати и мора да зна; ваља (слѣдуетъ, нужно) чувати и ваља да служи; „свакоме је мило бјела коња јахати“ и „да јаше“; науми (пришло ему на умъ, рѣшилсѣ) да иде у свет, да тражи (искать).. и да се невраћа кући, док ненађе, Карадж. (Veber, Skladnja 118—119, Babukić Slovn. 414). Настоящее съ да предпочтительно, вмѣсто неопредѣленнаго, при другомъ неопредѣленномъ, хотя бы это послѣднее было въ сочетанїи съ формальнымъ, а не вещественнымъ глаголомъ; онда ћу те пустити (пущу, позволю) да идеш (а не ићи ¹⁾).

302 Очевидно, что настоящее съ союзомъ самостоятельнѣе неопредѣленнаго (мора да зна — мора знати), и что отношеніе между частями въ первомъ выраженїи (какъ бы „er muss, dass er wisse“) опредѣленнѣе, что мысль выражена въ немъ отчетливѣе и раздѣльнѣе, чѣмъ во второмъ, которое такимъ образомъ есть лишь зародышъ перваго. Этимъ воспользовался языкъ для различенія вещественнаго значенія нѣкоторыхъ глаголовъ отъ формальнаго. При хоћу въ знаменательномъ смыслѣ русскаго хочу необходимо не неопр., а настоящее съ да: хочу писать = серб. хоћу да пишем; ѣаше Лука нешто да говори (хотѣлъ было что-то сказать) но му неда бего говорити, Шјев. Црногор. 136. Самостоятельность второстепеннаго сказуемаго „да пишем“ „да говори“ выставляеть здѣсь на видъ самостоятельность главнаго хоћу. Но гдѣ хоћу склоняется къ формальному значенію или принимаетъ его, тамъ при немъ удерживается неопредѣленное. Нѣчто подобное замѣчено въ нѣмецкомъ: „чѣмъ вспомогательнѣе (auxiliärer) значеніе главнаго глагола, тѣмъ необходимѣе слїанїе въ одно простое предложеніе главнаго предлож. и того, которое заключено въ неопр. накл. и тѣмъ легче обойтись безъ предлога при неопредѣленномъ. Хотя говорится „ich habe den

¹⁾ Быть можетъ, въ силу того-же стремленія обходить неопредѣленное накл., если не становятся болѣе обычны, то сохраняются такїе обороты, какъ „сјутрадаи заповеде те је растргну копыма на реповима (приказаль и разорвали, приказаль разорвать), Кар Прип.; оне долазе на ово језеро те се купају ив. (=купаться).

festen willen, dass ich es thue“, „ich habe die kraft, dass ich es ausrichte“, а равно „ich habe den willen es zu thun“; но когда выраженіе концентрируется, то оказывается возможнымъ сказать только „ich will es thun, ich mag, kann es ausrichten“ Grimm Gr. IV, 103.

б) Въ нов. болгарскомъ ѣ. на -ти вовсе потеряна и неопредѣленнымъ наклоненіемъ, еще болѣе удаленнымъ отъ какой бы ни было именной фор., чѣмъ неопр. на -ти, становится чистая глагольная тема на гласную: насилемъ можеше ми зе (= въз-+а-) но неможеше ми да, Пам. и обр. I, 269; можеш ли испи (выпить), Слпк. 77; недѣйте ни остава (остава-); недѣйте изгубува- търпенек-то, ib. То-же отбразиванье суф. неопредѣленнаго накл. есть въ румынскомъ и нѣкоторыхъ итальянскихъ нарѣчіяхъ (Mikl. V. Gr. III², 188).

Болгарское неопред. безъ суффикса соотвѣтствуетъ по употребленію сербскому неопредѣленному и, какъ это, сочетается съ формальнымъ штѣ (хочу), которое то сохраняетъ свою спрягаемость (штѣмъ видѣ—увидимъ, посмотримъ; тка—штѣш, будешь ткаць), то является неизмѣннымъ знакомъ будущаго врем. разныхъ оттѣнковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ видѣ ке: ке стоит, я тебе ке те чека.

Ограниченіе употребленія этого неопредѣленнаго сказывается, во первыхъ, какъ въ сербскомъ, замѣною его посредствомъ настоящ. изъявит. Миклошичъ объясняетъ это явленіе въ болгарскомъ и соотвѣтственныя ему въ ново-греческомъ и румынскомъ вліяніемъ древне-дакійскаго языка, родственнаго со скипетарскимъ (l. c. и Die slav. elemente im Rumn. 6—7); но это кажется сомнительнымъ въ виду того, что и постановку члена послѣ имени этотъ ученый приписываетъ тому же вліянію, хотя ему извѣстно то-же явленіе и на сѣверѣ Россіи. Не проще ли будетъ въ разсматриваемой замѣнѣ видѣть довольно распространенное, но самостоятельное стремленіе къ усиленію глагольности второстепеннаго сказуемаго?

При глаголахъ знаменательныхъ да съ наст. изъявит. соотвѣтствуетъ нашему неопредѣленному безъ союза: коѣ-то куче незнаѣ да лаѣ (неумѣть лаять) то на овци-тѣ докарва влѣфи (наводитъ воровъ), Пам. и обр. I, 341; куче-то кога-то ште, спи, нѣ да ѣде неможе кога-то ште, ib. 338 („ѣсть неможе“); трѣбува да знай (=да знаѣ, онъ долженъ знать). Такъ какъ в-слѣдствіе такого употребленія да само по себѣ уже неможе съ прежнимъ успѣхомъ служить заключительнымъ союзомъ, то для выраженія оттѣнка нашего чтобы и нѣм. um zu съ неопр. потребовалось усиленіе этого да предлогомъ за: трѣбуваше да зодѣ съм побогат, за-да можѣ (мнѣ нужно бы быть богаче, чтобы мочь.) Слпк.

Подобнымъ образомъ замѣняется и неопред., стоящее на мѣстѣ подлежащаго: да умре чѣлѣк не-ѣ ништа, ама да живѣй (ѣ=ѣ) па да

невиди, то ꙗзъкъ злочестиѣ, Сапк., умереть человекѣ — ничего, но жить и невидѣть—это несчастье.

То-же соотвѣтствуетъ нашему безличному неопредѣленному съ опущеннымъ ксть: да ти ритам (=рютити, пол. rzućić) торбѣ съ грошѣве, Пам. и обр. I, 267, толкнуть твой мѣшокъ съ деньгами, наплевать на твои деньги. Собственно здѣсь посредствомъ настоящ. съ да замѣнено не одно неопредѣленное, а все сказуемое, состоящее изъ неопредѣл. съ вспомогательнымъ глаголомъ.

И при формальномъ штѣ, какъ знакѣ будущаго, можетъ стоять тоже замѣна неопр.: недѣй де речеш, каквѣ съм, а каквѣ шѣ да съм, Пам. и обр. I, 137; азъ ща лесно земля да смира, Милад. 62; ти щеш царица да станеш, ib. 101 (въ русс.—буд. буду, смирю, станешь).

Во вторыхъ, въ отличіе отъ сербскаго, при формальномъ штѣ спрягаемомъ, для выраженія оттѣнковъ будущаго, ставится знаменательный гл. въ томъ же лицѣ: азъ штѣ му дам (=дамъ); не ште го омиѣ (не обмоеть) ни бѣло море, Пам. и обр. I, 138; хлѣб-ат се пече, а не се знаѣ, кой ште го яде (будеть ѣсть) ib. 143; ште прѣболи, като на куче, 141 (переболить, русс. какъ на собакѣ присохнетъ). За-тѣмъ формальный глаголь становится неизмѣннымъ (шта, штѣ, ке): ке ходам, ке ходиш, ке ядат и т. д.

По-видимому сюда же относится, по формальности, повелительное не-мой, при которомъ другой глаголь ставится въ такой-же формѣ повелительнаго: „немой кълни (некъяни) гора Димна гора, туку кълни стара самовила, Милад. 9; немой си куки продавай, немой си тимар заложѣ, ib. 190; немой стои, немой, любо, слушай, ib. 213. Mikl Gr. IV, 867—8.

За-тѣмъ перехожу къ ближайшему разсмотрѣнію случаевъ употребленія неопр. накл. преимущественно въ русскомъ.

Неопредѣленное накл. субъективное, т. е. относящееся къ одному подлежащему съ личнымъ глаголомъ—

а. При глаголахъ, близкихъ къ формальности, или формальныхъ.

Отличіе слав. неопр. накл. отъ причастій въ древнемъ языкѣ видно въ томъ, что въ то время, какъ одни глаголы входятъ въ сочетаніе, для образованія составнаго сказуемаго, и съ причастіями (мьнитъса сѣ-да, сѣдѣвъ, какъ мьнитъса великъ, мьнитъса цѣсарь), и съ неопр. накл. (мьнитъса сѣдѣти); для другихъ возможны только послѣднія сочетанія (имать сѣдѣти, хочеть сѣдѣти), но не первыя: нельзя сказать „хочеть сѣдя, можетъ сѣдя, въ смыслѣ составнаго сказуемаго, и можно при такихъ глаголахъ поставить прич. только аппозитивно „сѣдя, хочеть...“.

4. Имаамъ и иму съ неопредѣленнымъ. Изъ значеній сходныхъ глаголовъ имѣти, имати, имѣти, имѣти, имаамъ—имѣти болѣе древнее есть *capere, sumere, prehendere*, удержавшееся въ первыхъ трехъ. Болѣе позднее зн. *habere*, относящееся къ первому, какъ лит. *turėti*, имѣть, къ *twerti*, хватать, брать рукою, вмѣстѣ съ первымъ находится въ нѣкоторыхъ ф. наиболѣе первообразнаго изъ названныхъ глаголовъ (имѣти) и исключительно въ 3-мъ и 4-мъ гл. Собственно значеніе имѣть есть наше обобщеніе: въ 306 дѣйствительности есть нѣсколько оттѣнковъ этого значенія, изъ коихъ одни вполне вещественны, другіе близки къ формальности или формальны. Оба значенія (брать и имѣть) въ сочетаніи съ неопр. даютъ значенія будущаго.

а) Имаамъ = *μέλλω*: прити имать сынъ чловѣчъскыи, *μέλλει ἔρχεσθαι*, Мат. 16, 17; имать прѣдатисе, *μέλλει παραδίδοσθαι*, Лук. 9, 44, Mikl. IV, 864.

б) Ст.-сл. имаамъ съ неопр. н. гл. совершеннаго или несовершеннаго даетъ будущее безъ оттѣнковъ, каковы „имѣеть намѣреніе“, „ему предстоитъ“, „онъ долженъ“, „вѣроятно“, изъ чего видно, что глаголь имѣеть здѣсь чисто вспомогательное значеніе: вѣса ꙗко имааши продаждь и раздай нищимъ и имѣти имааши (*ἔξεις*) съкровище на небесе, О. Ев. Мат. 19, 21, Лук. 18, 22; не о себѣ бо глаголати имаатъ (*λαλήσει*), нѣ ꙗко аще услышитъ, глаголати имаатъ, Ио. 16, 13—4; градни къ мнѣ неимаатъ възалкатиса (*οὐ μὴ πενῶσιν*) и вѣруѣи въ ма неимаатъ въздадатиса (*οὐ μὴ δωρήσιν*) никѣгда же, Ио. 6, 35; неимаате мене видѣти (*οὐ μὴ ἴδετε*) дондеже речете: благословѣнъ градни въ има господнѣ, Мат. 23, 39; ꙗгда же прѣдаѣтъ вы, нещпѣтеса, како или что имаате глаголати (*λαλήσετε*). Мат. 10, 19. Въ 3 л. мн. ч.—имѣтъ, которое врядь-ли можетъ быть стяженіемъ изъ имаѣтъ, а скорѣе есть ф., соответствующая 2-му л. ед. имеша: небо и земля мимоидеть (*παρελεύονται*) а словеса моя неимѣтъ минѣти (*οὐ μὴ παρέλθωσι*) Лук. 21, 33; неимѣтъ възкусити (*οὐ μὴ γεύσονται*) съмърти, дондеже узратъ цѣсарьствиѣ Божиѣ пришедше въ силѣ, Мар. 9, 1.

Сочетаніе это, небудучи ни непремѣнно несовершеннымъ (имѣти имааши=будешь имѣть), ни совершеннымъ (имѣтъ минѣти=минуть) столь-же нелишне для глаголовъ совершенныхъ, какъ и новоболг. штѣ 307 да станѣ., штѣ станѣ. Это новоболг. время неравно русскому настоящ. (буд.) совершеннаго глагола, такъ-какъ означаетъ не просто буд. соверш., а будущее, слѣдующее за другимъ событіемъ, выраженнымъ посредствомъ настоящ. гл. соверш. или несовершеннаго: ако ся порта отвори, ти щеш царица да станеш; ак' ся порта неотвори, а ти робина щеш станеш, Милад. 101; ако са, Стоѣне, наѣмаш за ден да

идеш, да додеш, (то, когда воротиться) ти щеш Рада да си земеш (возмешь), ib. 171; свири, Димо, свири, ако нам надсвириш, ке ти рѣ даиме Гюргя самовила, ib. 3 (если переиграешь насъ, т. е. въ состоянїи будешь долше играть, чѣмъ мы плясать, то дадимъ); ак некажиш (если не скажешь), чифутке вдо'ице, ке ти земам (возьму) твоѣ машко дете, ib. 37; ако Бог да и сугено бидит, ке му земиш цару царштина-та, 59 (если будетъ суждено, возмешь); ак те удрам мегю две-те очи, две-те очи от глава ке скокнат, 210 (какъ ударю, выскочать). Подобное замѣчаемъ и въ разсматриваемомъ ст.-сл. сочетанїи. „Продаждь—и имѣти имааши“ значитъ не просто „продай и будешь имѣть“, а „послѣ (того какъ продашь и раздашь), будешь имѣть“. Между выраженїемъ „дастьса (δοθήσεται) вамъ, чѣто глаголете (λαλήσετε), О. Ев. 10, 19, и „дастьса, чѣто имаате глаголати“ та разница, что въ первомъ оба акта представлены одновременными, а во второмъ второй послѣдующимъ.

То-же подтверждается примѣрами изъ русскихъ памятниконъ: аще ли сего нестворимъ, погубити ны иматъ Святославъ, Лавр. 28 (погубить, послѣ того какъ мы не сдѣлаемъ); аще кто неприступитъ съутра, предатися имамы (сдадимся) Печенѣгомъ, ib.; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ (будемъ имѣть; наст. гл. несоверш. въ зн. буд.) ни имамъ убѣжати, ib. 30; аще ты крестишися, вси имуть тоже створити, ib. 27; оже мы, братье, симъ непоможемъ, то си имуть предатися къ нимъ, Новг. I, 40.

в) Кромѣ этого имамъ съ неопр., по-видимому, имѣеть иногда и модальный оттѣнокъ необходимости, при чемъ, въ отличїе отъ предыдущаго случая, событїе имъ выражаемое можетъ не слѣдовать за другимъ, а разсматриваться первымъ: „сребромъ и златомъ неимамъ налѣсти (мнѣ не найти, навѣрное не найду) дружины, а дружиною налѣзу (найду, безъ вышеуказаннаго оттѣнка) сребро и злато, Лавр. 54; (при смерти) не имаѣтъ ту помощи ни отць сыну, ни мати дщери, ни братъ брату (Срезн. Ск. о Б. и Гл. XII). Быть м., въ силу присываемой говорящему увѣренности, что событїя, о коихъ онъ говоритъ, непременно совершатся, поставлено иматъ съ неопр. и въ слѣд.: „видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божья, иматъ градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути иматъ“, Лавр. 4.

г) Въ а и б неопредѣл. н. получило перевѣсъ надъ имамъ, настоящее время этого послѣдняго уже не дѣйствуетъ на мысль и все сочетанїе имѣеть значенїе будущаго. Въ слѣдующемъ такое влїянїе еще несовершилось, члены сочетанїя держатся мыслью раздѣльно, сочетанїе имѣеть значенїе настоящаго съ оттѣнкомъ вѣроятности: „взяша ѿ, мертва мняще, вынесше положиша и предъ пещерою и узрѣша, яко

живъ есть, и рече игумень Θεодосий, яко „се имать быти отъ бѣсовскаго дѣйства“, Лавр. 83, т. е. не „будеть“ (das wird wohl sein), а „должно быть, вѣроятно (млр. мабутъ), это происходитъ (теперь) отъ бѣсовскаго навожденія. Ср. пол. „zdaje mi się, że tam znać wasz rapa, что я, должно быть (мабутъ), знакомъ съ вами.

д) Значенія юж.-р. и зап.-р. маю (т. е. имаю) съ неопр. сходны со значеніемъ в). Маю болѣе самостоятельно по отношен. неопред., чѣмъ имаамъ, въ значеніи в) и постоянно даетъ чувствовать свое настоящее 309 время. Оно съ неопр. даетъ значеніе по отгѣнку дебитивности сходное со зн. неопредѣленнаго съ есть и дательнымъ: „Петръ.. позычилъ намъ 4 тысячѣ рублей фряжскаго серебра, ихъ же то ждати имаеть“ (обязывается, долженъ) намъ отъ тыхъ мясопусть за 3 лѣта.. Пакъли быхмо.. неворотили на той день.. тогда гродъ нашъ Галичъ.. у тыхъ 4 тысячахъ заставити имаемы“, гр. Ягайла 1388, Ак. З. Р. I, 22; а пакъ Петръ.. имаеть намъ служити двѣма копыи, 1438, ib. 49; жидъ маеть присягнути, яко невѣдѣль, 1388, ib. 24; а держати ему тое мыто два годы.. и маеть намъ дати за сей первый годъ... 200 золотыхъ вгорскихъ, 1506, ib. II, 1; тивуны кievскіе немають ихъ (мѣщанъ) судити и рядити, ib. 3; кунцы и ремесники.. мають (могутъ, имѣютъ право) доброволно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, коли хотячи ib. 3 et pass. Въ новомъ мр. „незнаю, що чинити маю“=что мнѣ дѣлать, т. е. теперь; „як я маю до тебе ходити, коли нас будуть вороги судити“, Метл. 44, какъ мнѣ (теперь) ходитъ, когда (если я буду ходитъ), насъ будутъ осуждать; „як маєм ми ёго (пиво) свиням виливати, (=чѣмъ намъ выливать), то будем ми ёго на такихъ нетяг роздавати, Дума про Ган. Андиб., З. о Ю. Р. I, 204; ой хто має діток доглядати (кому смотрѣть за дѣтьми), то той буде сі віти ламати, Метл. 272; лучше я буду крутїи гори копати, як я маю з поганим скакати, ib. 161, лучше я буду копать (будущ.) чѣмъ мнѣ (теперь) плясать; лучше я маю своими руками навязати їй камїнь на шию та утопити у річці, ніж оддати на согрїшениє, на поругательство, Кв., лучше мнѣ (теперь) навязать, чѣмъ... Млр. нарѣчіє „мабутъ“ предполагаетъ сочетаніе „має бути“ въ знач. долженствуетъ быть; ср. ст. польск. ostatek imienia ku bliskim przirodzonym alibo rodzicam spaść ima, XV в. Ks. Ust. 45.

Еще рѣшительнѣе сказывается самостоятельность млр. гл. мати тамъ, гдѣ онъ ставится въ прошедшемъ и выражаетъ неисполненное намѣреніе: „пришов до сонного та мав ёго зарізати (какъ въ польск. miał zarżnąć, ale niezarżnął), аж тут де взявсь N, оборонив“, Квит.; вѣроятность: того-ж то він по їй мав плакати, Кв. (должно быть, плакать). Въ подобномъ смыслѣ ставится этотъ глаголь и въ возвратной ф.: нехай сей козак бідний летяга (=нетяга) немаєтця (несобирается, неберется, непытається—отъ матись, а не „нетрудится“ отъ маятись)

сеї заставщини викупати, Метл. 379; поїхав я на ярмарок, та мавсь (собирался, имѣль) там пробути три дні, та як мені завадило, так я у той же день и вернувсь, Кв.; рушник, що мався підіслатись під ноги молодим, id. (что долженъ былъ быть подосланъ); хустку, що малося молодим руки під вінцем зв'язати (имѣлось связать), id.; тим серпанком, що мався (имѣль, долженъ былъ) її на весільлі покривати, 310 покрити. Ср. въ литовскомъ turiu и turėjau: kaip tawo wasarojis ant lauko gulėjo, taip jis ir vėl tur gulėt, Schl. Les. 200, какъ твой хлѣбъ (соб. лѣтнаина) на полѣ лежалъ, такъ ему и опять лежать (соб. имѣть лежать); po tokiu tiltu, kur daug žmonių tur keliauti, ib. 204, подъ такимъ мостомъ, черезъ который многимъ людямъ приходится проходить (соб. гдѣ много людей имѣють „путевать“); neturėjo tą wakarą but skalbiama po saulės nusileidimo, ir nei szeit kokie darbai neturėjo but dirbami, ib. 202, въ тотъ вечеръ неслѣдовало мыть бѣлья („не имѣло быть прано“, млр. немалось прати) по заходѣ солнца и вообще никакія работы недолжны были совершаться (неимѣли быть работаемы).

е) Отъ вышеразсмотрѣннаго имаамъ — имѣть слѣдуетъ отличать въ стар. русскомъ иму, имеши, имуть съ неопр., которое предполагаетъ вещественное значеніе не имѣть, а брать, а въ грамматическомъ отношеніи уже въ др. русск. можетъ быть совершенно. Въ отличіе отъ имаамъ, оно сочетается съ неопр. н. только глаголовъ несовершенныхъ и образуетъ съ ними будущее начинательное: се ми здѣ близъ мене сынъ мой Шварно, а другий—господинъ мой отецъ князь Василко, а тѣма ся иму утѣшивати, Ип. 204 (= стану утѣшаться); мнѣ не оставши смотреть, что кто иметь чинити (станеть дѣлать) по моемъ животѣ, ib. 215; оже имешь княжити (=начнешь, станешь) въ Краковѣ, то-ть мы готовѣ (=и) твои, ib. 21; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ, Лавр. 7. Именно это значеніе, а не значеніе имаамъ съ неопр. лежитъ въ основаніи нынѣшнихъ влр. областныхъ и млр. сочетаній. Въ влр. иму дѣлать, имѣмъ ѣсть, нему пахать Бусл., Гр. § 186, прим. 2, переводить посредствомъ стану, но въ § 68—иначе, безъ оттѣнка начинательности „небуду пахать“, что, кажется, ошибочно. Въ зап. млр. -му ставится и раздѣльно (ой де мемо 311 ночовати? що мемо обідати, Гол. Пѣсн. I, 201); „ми вас хіба у мідку солоденькім утопимо, а бити вас бігме немемо, Федькович; въ восточномъ—только слитно: знатиму, -меш, -ме, -мемо, -мете, -мутъ. Начинательность этой формы обыкновенно еще довольно ясна, такъ что ее можно отличить нетолько отъ буд. сов. (пізнаю, довідаюсь), но и отъ „буду знати“: а щобъ який парубокъ та посмів її зайняти? ну, ну, незнаю! вона й не лаятиметця (нестанеть браниться) й ні слова не скаже, а тільки... Кв.; як посижу з ним, та вертатимусь до дому, тогді й ягідокъ назбіраю, id.; а що я тобі робитиму (что мнѣ стать тебѣ дѣлать?); позавчора хваливсь, що мого kota вбѣ: як ёго ні бе-

регтиму (какъ ни стану беречь); а він таки вбѣ, Кв.; бач як зробила, що вона тепер на Халявського плѣватиме, а за тобою вбиватиметься, id.; як налякаєш мене, то всю ніч буду жахатись (неловко було бы— „всю ніч жахатимусь“) и неспатиму; усе відѣм буду боятись, id.; так мене знов випарять, що сѣгодні незможу сидіти, а завтра вже й нестоятиму (не въ состояннї буду стоять, а не небуду стоять), id.; як вишеньки-черешеньки та цвістимуть, як дівочки та віночки та плестимуть, мимо твоїх воріточок та нестимуть, то небудуть та до хати привертати, та небудуть кватирочки відсувати, та небудуть та Марусі викликати, Метл. 154. Однако иногда трудно отличить эту форму не только отъ будущ. длительного, но и отъ совершеннаго: „та колиж він справивсь и де пробував?“ нехай, думає собі, опісля знатиму, Кв. (пусть послѣ узнаю; трудно перевести „стану знать“).

5. Хочъ и хочу съ неопредѣленнымъ. Буслаевъ относитъ нынѣшнее русск. хочу говорить къ описаніямъ будущаго вр., показывающимъ „намѣреніе, расположеніе и поводъ, представляющіеся въ настоящее время для совершенія дѣйствія въ будущемъ“ (Гр. § 185). Но если это есть описаніе будущаго, то такія же описанія суть и „намѣренъ (желаю, пытаюсь, порываюсь, собираюсь, готовлюсь) говорить“. 312 Хочу, какъ и эти сказуемыя, имѣтъ совершенно вещественное значеніе, изъ коего вытекаетъ отдѣнокъ будущаго въ неопредѣленномъ: „я хочу говорить“, слѣдовательно еще неговорю, слѣдовательно дѣйствіе выраженное неопредѣленнымъ должно быть отнесено къ будущему. Отсюда еще далеко до грамматическаго выраженія будущаго.

Въ ст.-сл. и др. русск. хочѣ, хочу съ неопр. дѣйствительно имѣтъ значенія, отличныя отъ значенія этого глагола, взятаго отдѣльно, но стоитъ лишь на той степени формальности, на которой млр. маю съ неопр.

а) Какъ противень малорусскому мабутъ и вышенприведенному „имать быти“ (должно быть есть...) Лавр. 80, неимѣющимъ значенія будущаго, можетъ быть поставлена рѣчь греч. бояръ о Святославѣ: „лють се муж хоче быти, яко имѣнья небрежеть, а оружье ѣмлетъ“, Лавр. 30, т. е. не „онъ будетъ жестокъ“, какъ понялъ Буслаевъ (§ 185, пр. 2), а „должно быть (стало быть) онъ лють, когда...“.

б) Соотвѣтственно дебитивному отдѣнку въ млр. „що маємо робити?“ и въ ст. русск.: „брате, ты почни!“. И рече Володимерь: „како я хочу молвити?“, Ип. 1, т. е. не „скажу“, „буду говорить“ (Бусл. Гр. § 185, пр. 2), а „какъ мнѣ говорить?“ (=мнѣ нельзя говорить); како азъ хочу инъ законъ прияти ѣдинъ?, а дружина сему смѣятися начнуть, Лавр. 27 (какъ мнѣ принять?); „въ правду ли идеши на Изяслава?“. Гюрги же рече ему: „како хочю не въ правду ити? сыновець мой Изяславъ волость мою повоевалъ“, Ип. 42. Въ этомъ смыслѣ въ стар.

яз. и прич. хотя съ неопр.: а ты овчая купѣли жадаеши, по малѣ пресѣхнути хотяща, Кир. Тур., Калайд. 49.

Ср. въ сербскомъ случаи, въ коихъ ѣу ставится раздѣльно передъ неопредѣленнымъ, согласно съ меньшей степенью своей формальности: „бирај коња, којѣга хоћеш!“—та шта ѣу бирати (что мнѣ выбирать)? 313 дај ми онога из буджака, Кар. Прип. 31; „хајде да украдемо она два брава!“.—Како ћемо украсти (какъ намъ украсть), кад ихъ води за узицу, ib. 210. Легко подразумѣваемое неопредѣленное можетъ опуститься: сад што ћемо, брате? што ћемо сад? (что намъ дѣлать? „що маємо робити“?); што ће ми овај један опанак, Кар. ib. 210 (на что мнѣ). Въ тѣхъ изъ этихъ вопросительныхъ предложеній, кои имѣють отрицательный смыслъ, ѣу на-столько вещественно, что могло бы быть передано нашимъ хочу, могу: что я хочу выбирать=нехочу; какъ мы можемъ украсть=неможемъ. Другимъ доказательствомъ того, что въ этихъ случаяхъ ѣу неслилось съ неопред. въ одну форму, служить серб. оборотъ подобнаго значенія, въ коемъ на оборотъ ѣу опущено, а неопредѣленное замѣнилось болѣе самостоятельнымъ настоящимъ съ да: шта да ја ово делим с побратимом? ib. 214 (=зачѣмъ мнѣ дѣлать?); шта да се мучите тако далеко, ib. 7 (за-чѣмъ вамъ трудиться ити такъ далеко?).

Въ болгарскомъ ср. 1) обороты съ штѣ (ке) и изъявительнымъ наст., въ коихъ впрочемъ исчезаетъ разница между „какъ мнѣ жить?“ и „какъ я буду жить“: мой-те деца што ке ядат, Милад. 49 (что имъ ѣсть); на господа как ке одговорим? ib.; я сиромаф како ке живеам? налет да ке' сѣ(вся)-та моя стока, ког ке немам (когда у меня небудеть) моѣ мило брате, ib. 288; 2) да съ наст. безъ штѣ: како рѣце я да не си кършам, горки съдзи как да нетуривам, ib. 283 (какъ мнѣ не ломать рукъ, непроливать слезъ); тук се чудит стар свѣти Илия, што да чинит, како да загубит, да загубит девет кучки лами, ib. 43 (что ему дѣлать, какъ погубить).

Хотя выше разсмотрѣнное „како хочю мълвити“ еще неестъ будущее, но оно близко къ этому значенію, подобно тому, какъ оборотъ „нам съдѣ (нѣсть) пасти“, незаключающій въ себѣ будущаго, въ силу своей дебитивности заставляеть относить свое содерженіе къ будущему. Такъ, 314 гот. skulan (sollen, ik skal, *ἐμὲ δεῖ*, достоинъ ми, подобаеть), имѣющее въ этомъ языкѣ только вещественное значеніе, въ древ. и сред. в.-нѣм. и др. съ неопредѣленнымъ получаетъ знач. будущаго, такъ что scal sîn—не „debet esse“, а „erit“, Grimm Gr. IV, 179—80. На-оборотъ, время, въ силу того, что оно будущее, можетъ стать дебитивнымъ, напр. въ quid faciam? лит. kà darysiu (Schl. Lit. Gr. 308); лат. kũ darišu (Biel. Let. Gr. § 700); ст.-сл. чьто благо сътвориъж (*τὶ ποιήσω*) да имамъ животъ вѣчныи, О. ев. Мат. 19, 16; что убо сътворимъ? (*τὶ ποιήσομεν*)? Лук.

3, 10; чеш. *což rak učiním* (Zikm. Skl. 618)=что мнѣ дѣлать, *wass sol* (muss) *ich thun* и пр.

в) Другой отгѣнокъ сочетанія хочю съ неопр., связанный уже съ переходомъ его въ будущее, есть вѣроятность и сомнительность: „како я хочю молвити? а на мя хотятъ молвити [не „хотятъ сказать“ и не „скажутъ“, а „пожалуй (чего добраго) стануть говорить] твоя дружина и моя, рекуще: „хочеть погубити (хочетъ погубить? или „пожалуй погубить“) смерды и ролью смердомъ, Ип. 1. Ср. серб.

У кога је срце и мишица,
Сад нек Марку на помоћ потече,
А ја одох, да и нитко неће,
Оћу своју изгубити главу,
Ал' избавит свога побратима, Пјев. Црног. 133,

или, быть можетъ, потеряю голову, или избавлю; божим се, хоѣш погинути=боюсь, что, чего добраго, ты погибнешь, какъ бы тебѣ не погибнуть (Безсон. Главн. вопр. яз. Новоболг. 143—4).

г) Къ слѣдующимъ примѣрамъ разсматриваемаго сочетанія можно бы съ наибольшимъ основаніемъ примѣнить названіе, даваемое Востоковымъ этому сочетанію вообще: „буд. наступающее, коимъ означаетъ дѣйствіе, имѣющее быть неукоснительно“ (Гр. церковнослав. яз. 92). Однако 315 и здѣсь ощутительна двойственность моментовъ сочетанія (какъ въ поль. *ma grzyjść*). Въ хочю совершился здѣсь переходъ отъ воли и намѣренія къ близости самого событія, указываемаго неопредѣленнымъ ¹⁾: аще неподступите завтра къ городу, предатись хотятъ (Ип. имуть) людье Печенѣгомъ, Лавр. 28; се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту, *ib.* 55; то вѣси ли, что утро хочеть быти, что ли до вечера.. то вѣси ли, что хочеть быти днесь, *ib.* 78. Менѣ замѣтенъ этотъ отгѣнокъ въ „се (съ) хочеть смирити (смирить? имѣть смиритъ?) землю Еюпетъскую, Лавр. 7; благословена ты въ женахъ русскихъ... благословити; ты хотятъ сынове рустіи въ послѣдний родъ внукъ твоихъ, *ib.* 26.

Если въ слѣдующемъ русс. примѣрѣ, сколько извѣстно, единственномъ въ своемъ родѣ, нѣтъ описки, то онъ даетъ образецъ такого же полного звукового и формального слиянія русск. хочю съ неопредѣленнымъ, каково серб. знаѣу: Святославъ Всеволодичъ возбнувъ и рече ко княгинѣ своей: „коли будетъ, рче, святыхъ Маковѣй?“ Она же: „въ понедѣльникъ“. Князь же рче: „о недождочю ти (въ поздн. сн. „недожду ти“) я того!“; бяшетъ бо отецъ его Всеволодъ въ день святыхъ Макъкавей пошелъ к Богови, Ип. 143 (457).

д) Переходъ отъ *θέλω* къ *μέλλω* (*τὸ μέλλον*, будущее) приуроченъ и къ переходящему, причастію настоящему и неопредѣленному гл. хотѣти.

¹⁾ Ср. особина мысляше быти, Supr. 325, 18.

Въ О. Ев.: се же глаголааше знаменана, конѣхъ съмъртиѣхъ хотѣаше оумрѣти (*ἤμελλεν ἀποθνήσκειν*, futurum erat ut moreretur, пол. miał umrzeć, чеш. měl umřiti). Ио. 12, 33; ст. Ио. 4, 47; 11, 51; възлѣзе на суккоморнѣхъ да видить Иисуса, яко тѣдѣ хотѣаше мимоити (*ἤμελλε διερχεσθαι*, futurum erat ut transiret) Лук. 19, 4; глаголаста же исходъ ѿго, иже хотѣаше коньчати (*ἤμελλε πληροῦν*) въ Иероусалимѣ, Лук. 9, 31; 316 Июда Симонъ Искарיותскій, иже хотѣаше прѣдати ѿ (*ὁ μέλλων παραδίδομαι*, erat proditurus), Ио. 12, 4; нача имъ глаголати, ѿже хотѣаше быти (*τὰ μέλλοντα συμβαίνειν*, quæ erant eventura, Марк. 10, 32; чимъ бо пѣваѣште? (ученици) нѣ (не?) обѣштании ли учителѣвы нѣ-которыми? ашти бо не вѣстаа, то ни та (обѣштания) хотѣахъ имъ вѣрна быти Supr. 332, 23. Въ Лавр. л. „дьяволь радовашеся сему, невѣдый, яко близъ погыбель хотѣаше быти ему“, Лавр. 35. Въ этомъ сочетаніи явственна двойственность моментовъ значенія. Глаголь своею грамматическою формою указываетъ на прошедшее, какъ на время, сравнительно съ которымъ опредѣляется время событія, означеннаго неопредѣленнымъ, а своимъ вещественнымъ значеніемъ относить это событіе къ будущему. Так. обр. здѣсь—будущее по отношенію къ прошедшему, тогда какъ хочеть быти, если имѣеть знач. будущаго, есть буд. по отношенію къ настоящему, а „будеть былъ“, независимо отъ модальнаго знач.—прошедшее въ будущемъ. Въ модальномъ отношеніи хотѣаше умрѣти есть чисто изъявительное, хотя на мѣстѣ его въ другихъ языкахъ могутъ стоять дебитивныя обороты, напр. въ лотышскомъ (ему было умереть), серб. (ему нужно было—требовалось—умереть).

Въ О. Ев. самъ бо вѣдѣаше, что хотѣа сътворити (*τί ἔμελλε ποιεῖν* quid esset factururus), Ио. 6, 6; надѣяхомъса, яко съ ѣсть хотѣаи избавити Израиля (*ὁ μέλλων λυτροῦσθαι*, qui redempturus esset), Лук. 24, 21; да съподобитеса убѣжати вѣсѣхъ сихъ хотѣащихъ быти (*τὰ μέλλοντα γενέσθαι*, quæ futura sunt), Лук. 21, 36; ср. хотѣа жити (*οἰκήσον*), творити хотѣа (*δράσων*), XI в. Будил. Изсл. языка и пр. 47.

Что неопр. хотѣти съ другимъ неопредѣленнымъ чуждо начинательности, видно изъ того, что для такого значенія къ нему можетъ присоединяться начѣти: въ Кормч. XIII в.: аще дѣта некръщено хотѣти начьнетъ умрѣти; Златостр. XII в.: ѿгда начьнетъ хотѣти свьнути, 317 *ἐπειδὴν δε ἡμέρα μέλλη γίνεσθαι*, paulo ante lucem (Востоковъ, Грам. ц.-сл. яз. 92). Ср. Mikl. V. Gr. IV, 863.

6. Начну, стану съ неопр. накл. приняты Буслаевымъ за описательныя формы будущаго времени: глаголы эти „сами по себѣ означая видъ совершенный, придаютъ оный и употребленному при нихъ въ описательной формѣ глаголу, и при томъ, по самому значенію своему, показываютъ начало дѣйствія“ (Гр. § 158). Но очевидно, во первыхъ, что въ начну говорить совершенство начну непереходитъ наго-

ворить, которое остается несовершеннымъ, и что все сочетаніе относительно совершенности отлично отъ совершеннаго начинательнаго заговору.

а) Во вторыхъ, начну въ нынѣшнемъ русскомъ литер. (и соотвѣтственные ему гл. въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ: почну, учну, зачну) имѣть только вещественное значеніе, въ силу чего, стоя при неопредѣленномъ наклоненіи, будетъ передано иноязычнымъ будущимъ, какъ самостоятельный глаголь, а не какъ знакъ будущности дѣйствія, означеннаго неопредѣленнымъ накл.: начну ѣсть=не „ich werde essen“, а „ich werde anfangen ze essen“. Здѣсь между нынѣшнимъ русскимъ яз., съ одной стороны, и ст.-сл. и др.-рус. съ другой нѣтъ преемства. Въ этихъ послѣднихъ дѣйствительно начнѣя (=ну) (рѣже почну, въчну) съ неопредѣленнымъ можетъ быть на-столько формально, что можетъ замѣнять собою будущее другихъ языковъ. Въ О. Ев. еще же и о церкви перодити начнеть (*ἐὰν δὲ καὶ τῆς ἐκκλησίας παρακούσῃ*, если и церкви непослушаетъ), да бѣдетъ ти яко язычникъ и мытарь, Мат. 18, 17; ли бо ѣдинога возненавидитъ (*μισῶσει*), а друугааго възлюбитъ (*ἀγαπήσει*), ли ѣдинога дрѣжитъса (*ἀνθ' ἐξέσται*) а о друузѣмъ нерадити начнеть (*καταφρονήσει*), Мат. 6, 24, а въ соотвѣтственномъ мѣстѣ, 318 Лук. 16, 13—небрѣщи въчнеть (*καταφρονήσει*). См. Mikl. Gr. IV 865. Въ рус. пам.: како азъ хочу инъ законъ прияти, а дружина сему смѣяться начнутъ (станеть смѣяться), Лавр. 27; азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь, ib.; искавшие ли послуха и неналѣзуть, а истѣца (т. е. отвѣтчика истецъ) начнеть головою клепати, то ти (вар. дати) имъ правду желѣзо, Рус. пр., Син., Р. Дост. I, 32; нехотѣти ли ѣи (матери по смерти отца) дѣти начнутъ ни на дворѣ, а она начнеть хотѣти всяко и сѣдѣти, то творити ѣи всяку волю, а дѣтемъ недати воле, ib. 45; наky ли господинъ нехотѣти начнеть платитъ занъ (за закупа, укравшаго что либо), а продасть и, ib. 49. По начинительности и несовершенности неопредѣленнаго накл., это сочетаніе близко къ ст. русск. иму творити; оно противопоставляется будущему гл. совершен. начинательныхъ „се работающей мнѣ ясти начнутъ (лит. *walgys*), вы же възалчетесь (*alksit*); се работающей мнѣ пити начнутъ (л. *gers*), вы же възжажетесь (л. *troksit*), Исаии 65, 13.

б) На-оборотъ, стану съ преобладаніемъ формальности, по видимому, чуждо древнему языку; но слѣдуетъ ли и въ нынѣшнемъ русскомъ считать этотъ гл. при неопр. накл. за формальный? Востоковъ и Буслаевъ отвѣчаютъ утвердительно; у перваго стану и сталь говорить суть два времени вида начинательнаго (Р. Гр. § 62). Однако возможны нѣкоторыя сомнѣнія.

Дѣйствительно, глаголь стать съ сочетаніи съ неопредѣленнымъ накл. и безъ него перестаетъ быть относительно-первообразнымъ гла-

гола стоять и получаетъ другое значеніе fieri, incipere; но вѣдь и эти послѣднія значенія вещественны. Подобныя измѣненія значенія замѣчаются и во многихъ другихъ глаголахъ, которые, несмотря на это, съ 319 неопредѣленнымъ наклоненіемъ другихъ глаголовъ даютъ сочетанія формъ, а не единства, какими должны быть описательныя времена. Таковы напр. прош.отъ ять: вр. яло горѣтъ; онъ яль меня корить, волог. яросл.; ст. поль. racholik jōł siō rośc, Bibl. Zof. 24; jōła wi(e)likim gtosem płaкаc ib.; взять: „аще ли ꙗси грабилъ или приклады ималъ.. .то ..невъзвышай руки си, дондеже очистишися отъ всего зла; аще бо възмеша въздѣти (=станешъ въздѣвать) руцѣ поущеніемъ Божиємъ, то молитва ти будетъ гнусна и неприятна Богомъ, Поуч. Θεод. Печ. Уч. З. II, 2, 195; какъ возьму бить!; възьяль онъ плѣткой да помахивать, възьяль гостей покалацивать, Кирѣев. I, 85; мр. ой неспів козак Перебийніс та до моголи доіхати, як узаяв джуро, як узаяв малий с пистолів палити, Метл. 401; ср. серб. узє говорити, Богишић. Н. и. I, 23—4; шта си узєо ту викати, Кар. Рјечн.; лит. jis ėme (pagawo, suniko) ji muszti (онъ възьяль, началъ его бить); мр. беретъся (заходитъся, захожуется) бити; приняться въ влр. и мр.: принявся відѣмъ топити, Кв.; пуститъся: собьются въ тѣсную кучу и пустятъ загадывать загадки, Гог.; влр. завести: ухватилъ онъ вѣдь ослядъ телѣжную, да завель видъ онъ ослядю помахивать, Кир. III, 49; и сядилъ тутъ Михайло на добра коня, заводилъ онъ силы пересчитывать, ib.; пойти: онъ и поидеть (и пошоль) вратъ; всѣ обступятъ тебя и пойдуть дурачить, Гог. (и безъ неопр. накл.: затѣется шаль, пойдуть танцы и заведутся такія штуки, что и разсказать нельзя, Гог.); въ мр. а що найгірше, так тиі зовиці! Ті вже по всім усюдам пійдуть (=стануть, начнуть) славити, що невістка незуміла хóроше паски вчинити, Кв.; ср. серб. „на то му чобан одговори на пође да иде, Кар.; у цркви блага небијаше, него један сандук од камена; одоше га дружба разбијати, сви га бише, разбит немогоше, Пјев. Црног. 65; плећи даде а бјежати оде, ib. 77; пође бєсједовати, Богиш. Н. и. I, 5, 6 et pass.; алъ га иде (=стала) Милица тврдом клетвом заклинати, ib. 11; а руками обхити сухо дрво јаворово, пака ми је отиш'о (=сталъ) свому брату говорити, ib. 110; отиде ми он Митре говорити драгој љуби, ib. 111; стаде бане Милошу л'јеној ракли (=дѣвицѣ) говорити ib. 54; али сиде (сѣлъ, т. е. сталъ, началъ) Свилојевић цару свому говорети ib. 121 и пр. Ср. гомерич. βῆ δ'ἔμεν, βῆ δ'ἔναι, βῆ δε θέειν.

320 Въ стать съ неопр., кажется, слѣдуетъ различать, относительно степени формальности, съ одной стороны формы сталъ, ставши, стать, съ другой стану. Первые въ рус. лит. и влр. столь же вещественны, какъ вышеприведенные глаголы, и будутъ переведены на нѣмец. посредствомъ *ging an zu... anfangen zu*. Тоже въ мр. став: як став рознітовати людей, так ёму й розказали, Кв.; некладовивши на землю,

стали *И* на руках одкачувати, *id.*; аж здивувавсь тай став *Йі* ще білш прохати *id.*; такъ и въ серб. стане (стаде) говорити, стадоше зборити. Но стану съ неопр., вовсе необычное въ мдр. въ этомъ значеніи, въ влр. можетъ, кажется, становиться чистовспомогательнымъ, такъ что напр. „стану сказывать я сказки, пѣсенку спою“ Лерм., значить не „*ich werde anfangen zu erzählen*“, а только „*ich werde erzählen*“, съ съ грамматиц. отгѣнкомъ начинательности.

в) Здѣсь упомяну о случаѣ, несоставляющемъ особенности русскаго неопредѣленнаго наклоненія, свойственномъ и другимъ языкамъ. Гдѣ при спокойномъ изложеніи необходимо изъявит. п. глагола съ веществ. значеніемъ движенія или начинательности при неопредѣленномъ [напр. въ лит. *kai jūdu nesulākė (=laukė) tēdvi mergas ateinant, tai ėme jes vut*, Schl. Les. 148—то стали (взяли) ихъ догонять], тамъ, при большей живости разсказа, а) изъявительное замѣняется повелительнымъ или б) личный глаголь, какъ легко подразумѣваемый, а между тѣмъ замедляющій теченіе мысли и рѣчи, вовсе опускается.

а) Сочетаніе повелит. давай (вр., мр.) и част. ну съ неопр. [...а онъ (я, мы, они) давай бѣжать! мы ну бѣжать! мр. (він) по оглоблях ну малахаєм шмагать! Греб.; потилицю почухав и ну с підсудками про діло мізкувать, *id.*; утятя закахкають и ну степом кружляти, *id.*; въ Галиціи для мн. ч. и ну-те: як вже під корчму підобрались, ну-те собі гримати та верещати! Mikl. Gr. IV, 796] есть частный случай употребленія съ подобной цѣлью повелительнаго, котораго неслѣдуетъ смѣшивать съ употребленіемъ глагольныхъ частицъ какъ хватъ, глядь для выраженія быстроты дѣйствія. Объ этомъ см. Mikl. Gr. IV, 794—7, а также и слѣдующіе примѣры, изъ коихъ видна незамѣнимость такихъ повелительныхъ вышеупомянутыми частицами мгновеннаго дѣйствія: серб. седну на коње па бежи (=давай бѣжать, мр. давай в. ну утікати, съ глаг. длительнымъ); въ мр. (горск.) „и я собі піду надоести. Пішов, дій, дій (вост. мр. як узяв доіти), такий собі кошів надоев, що билший, як тот (Казки Игн. зъ Никловичь, 68); пустили коруну (а та коруна літала), а коруна літай, літай, літай, тай на нѣго сіла, *ib.* 53; він ся полегоньки сунь, сунь зъ той ялони, сунь-сунь, на того коня скочив, *ib.* 46; бр. ён узяв ружжо и пошов. Идзи, идзи, аж бязиць Смолячиха (Роман. Бр. сл. 3, 47); идзецъ да роспитываецъ.. Пдзи-идзи, сустрѣчаецъ нѣйкаго чалавѣка, *ib.* 118; сѣла баба на яйцы и сядзиць; сядзи, сядзи тая баба—исидзѣлася на товкач, *ib.* 239; дзѣдъ став калыхаць (чурбанчикъ). Калыши дзѣдъ, калыши,—паказалась ручка, *ib.* 268.

б) Опущеніе глагола при неопр. накл.: бр. ици ёнъ ици, ици ёнъ ици, совстракаля пана (Ром. *ib.* 215); яны як ициць дак ициць, як ициць дак ициць дорогою, находзюць (то-то), *ib.* 122; тэй овес як рэсци дьк рэсци, став уже поспѣваць, *ib.* 239; паѣхали яны (N и конь) тэй сад

ирваць: ёнъ (конь)—лятяць, а ёп (сѣдокъ) дзярэвья йрваць, у груды складаць, налиць тэй садъ, дзѣлаць чистое поле, *ib.* 216; *mp.* приходять—чорта нема; ждаты—пождаты—нема, Драгом. *Mr.* пред, 60; піймавъ відьму, вона—перекидатыця, вже чим-нечим, и голкою., а там
321 давай проситыця, *ib.* 69; *вр.:* а онъ—кричатъ! а мы—бѣжаты! люди пахаты; а мы руками махаты; люди жаты, а мы подъ межою лежаты, Дель *Посл.* 546—7; чешск. *přišli d'asi, tu on křičet' a bát'se*, *Hatt. Sr. Ml. § 62, 2;* литов. *dabar jis kupczą wyt*, тутъ (теперь) онъ—купца догоняты, *Schl. Les. 152, kalwis, parėjęs, tūiaus į visus kampus jėszkot*, кузнецъ, воротившись, сейчасъ по всѣмъ угламъ искать, *ib.* 213; латин. *at illę—currere in urbem*, *Hor. Serm. 1, 8;* во франц. *Mätzner Synt. I, § 223.* Впрочемъ латин. *infinitivus historicus* далеко не всегда можетъ быть переданъ славянскимъ неопредѣленнымъ съ опущеннымъ глаголомъ. Роль неопредѣленнаго наклоненія одна и та-же въ „онъ сталъ искать“ и въ „онъ—искать“, подобно тому, какъ дополненія отнюдь неизмѣняютъ своего грамматическаго значенія отъ опущенія при нихъ глагола одного или съ неопредѣленнымъ, напр. а онъ—въ городъ *серб.* онда је (кобилу) заулари и узаше, па—кући, а жријебе—уз кобилу, *Кар. Прип.;* лит. *tai velnies—nei isz vėtos ir nei pasijudįt*, *Schl. Les. 215,* а чортъ—ни съ мѣста и ни тронутыся. Говорю это въ виду мнѣнія, что неопредѣленные накл. въ „я читать, а онъ спать“ суть сказуемые (*Некрас. О зн. ф. русск. гл. 91*). Конечно, неопредѣленное во всѣхъ случаяхъ есть родъ сказуемаго; но оно и здѣсь есть сказ. второстепенное. Непризнавая этого, можно дойти до заключенія, что функція глагола въ „я иду домой“ и нарѣчія въ „я—домой“ одна и та-же.

7. Былъ и буду съ неопредѣленнымъ. а) Мы замѣчаемъ слѣдующее отличіе неопред. накл. отъ причастія. Послѣднее въ древнемъ, а отчасти и въ новомъ языкѣ сочетается съ гл. существительнымъ въ опредѣленно-личной формѣ: ѣсмь (бѣхъ, бѣахъ, бѣди) упѣваа, ѣсмь (бѣхъ, бѣахъ) упѣвалъ. Первое при гл. существ. безлично (ѣсть упѣвати), рѣже—опредѣленно-лично (принимая мѣра въ „давати имъ
322 мѣра меду“ за подлежащее, о чемъ ниже) бываетъ только объективно, т. е. неотносится къ подлежащему глагола. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда въ древнемъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе при бѣ и пр. субъективно, этотъ глаголь не-есть существительный, но имѣетъ другое, болѣе конкретное значеніе, и связь его съ неопредѣленнымъ не столь тѣсна, какъ въ „бѣ цѣла“. Такъ въ „и сила господнѣ(=я) бѣ цѣлити ѿ, О. Ев. Лук. 5, 17, *δύναμις Κυρίου ἦν εἰς τὸ ἰάσθαι αὐτούς*, *quum virtus domini adesset (ei) ad sanandum illos*, польск. *moc pańska przytomna była ku uzdrowieniu ich*, чеш. *moc pañe přítomna byla ku uzdravování jich*, хорут. *moć gospodova je bila da jlh je uzdravljala*. Здѣсь глаголь имѣетъ значеніе находится гдѣ, присутствовать; въ слѣдующемъ примѣрѣ бывать (какъ нерѣдко въ

русс. на пр. 1538, Ак. З. Р. II, 332, и какъ въ ст. поль. *bywaj sam* (=сѣмо!) добро пожаловать) имѣеть значеніе глагола движенія, какъ прибывать, прибыть: „колко ихъ (князей) ни бывало въ литовской земли, а ти вси на съѣздъ паповъ слали, а сами небывали никако со Псковичи правити о порубежныхъ мѣстѣхъ и границахъ“, Пск. I, 239. Будешь ли (=прибудешь ли) Александра-душа, ко мнѣ почевать? — Небуду я (=неприбуду, съ тѣмъ чтобы) и часу часовать, Шейнъ Р. п. н. 521. Т. о. можно сказать: „будь ко мнѣ въ такомъ-то часу (в. къ такому-то часу) обѣдать“.

Приводя подобный оборотъ изъ влр. былинны:

„Скажи, скажи, удалый дородній добрый молодець,

„Былъ ли ты красть монастыря Румянцова,

„И былъ ли ты нести золотой казны“?

Говорить удалый добрый молодець:

„А небылъ я красть монастыря Румянцова,

„И небылъ я нести золотой казны,

Некрасовъ можетъ себѣ объяснить родительные монастыря, казны только тѣмъ, что здѣсь „названіе дѣйствія употреблено вмѣсто общаго названія лица дѣйствующаго: красть вм. грабитель, нести вм. носитель“: „что здѣсь глаголь употребленъ вм. существительнаго, это видно изъ родительнаго и., служащаго опредѣленіемъ ко глаголу, а не дополненіемъ, которое должно было бы стоять совершенно въ другомъ падежѣ“ (О зн. ф. р. глаг. 99—100). Дѣйствительно, по образцу „сила 323 бѣ цѣлити ѡ“, можно бы ожидать „былъ красть монастырь“; но былъ здѣсь увлечено аналогіею съ глаголами пространственнаго движенія, какъ ходилъ красть. При этомъ родительный дополненія при неопредѣленномъ имѣеть такой смыслъ, какъ въ „ходилъ обѣдни слушать“, т. е. остался въ языкѣ послѣ замѣны достигательнаго накл. неопредѣленнымъ. Во всѣхъ примѣрахъ глаголь и неопредѣленное наклоненіе на-столько раздѣльны для мысли, что неопредѣленное въ нихъ мы могли бы изобразить нынѣшнимъ неопредѣленнымъ съ союзомъ: чтобы исцѣлять, чтобы договариваться (правити), чтобы красть, нести. Въ этихъ неопредѣленныхъ накл. нѣтъ никакого основанія видѣть не только *nomina agentis*, коими неопредѣленные накл., возникшія изъ *nom. actionis*, никогда небывали, но и, что было бы нѣсколько ближе къ истинѣ, *nomina actionis*. Послѣднее могло быть лишь въ то доисторическое время, когда въ слав. неопредѣленномъ еще чувствовался дательный падежъ (цѣлити = цѣленію, къ исцѣленію); въ нашихъ же примѣрахъ „бѣ цѣлити“ и пр. неопредѣленное есть уже безнадежная, чисто глагольная форма, какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ. Невидно сходства между вышеприведеннымъ „былъ красть“ и скр. прошедшимъ отъ глаголовъ X кл., соответствующимъ удвоенному прошедшему другихъ глаголовъ: *čórajām—âsa*, *čórajām—babhúva* (кралъ), гдѣ ф. на

-ам есть винит. ед. ж. существительнаго отвлеченнаго чораја, а аса, бабува — прош. удв. отъ ас, бһу. Разница здѣсь въ падежахъ, въ значеніи глагола и общемъ эффектѣ. Въ сред. в.-нѣм. и англосакс. встрѣчаются прошедшія *wart, was* (арс. *väs* = нов. в.-н. *war*) съ неопредѣленнымъ, но такое сочетаніе по значенію неотличается отъ тѣхъ прошедшихъ съ причастіемъ: *vart vrâgen* = *wart vrâgende, man was triben* = *trieb* (Grimm Gr. IV, 7, 92).

324 б) Отъ правила, что опредѣленноличныя ф. гл. ꙗс, бы несочетаются съ субъективнымъ неопредѣленнымъ ¹⁾, составляетъ исключеніе сочетаніе буду дѣлать въ нов. русскомъ и такія-же въ польск., чешск., хорватскомъ. Что это отклоненіе относительно ново, въ этомъ убѣждаетъ его отсутствіе въ ст.-слав., хорут. и др.-русскомъ (до XIV вѣка?) и нѣкоторые внутренніе признаки. Буду имѣло нѣкогда начинательное значеніе, что видно, какъ изъ его строенія (ѡ въ темѣ бѡде-), такъ и изъ употребленія во многихъ мѣстахъ древнихъ памятниковъ (стр. 127—8), между прочимъ и въ сочетаніи съ причастіемъ настоящимъ, хотя и не всегда явственно. Въ сочетаніи съ неопредѣленнымъ оно извѣстно уже безъ всякаго оттѣнка начинательности (замѣтнаго въ иму княжити и нов. стану дѣлать), изъ чего можно бы догадываться, что это сочетаніе возникло послѣ потери въ буду упомянутаго оттѣнка. Мы видѣли, что первоначально сочетаніе буду съ прич. на -лѣ, какъ и сочет. хочю, имаамъ съ неопредѣленнымъ, могутъ заключать въ себѣ причастныя формы отъ глаголовъ какъ совершенныхъ, такъ и несовершенныхъ, такъ что различіе этихъ категорій могло возникнуть уже при существованіи этихъ сочетаній. Уже позднѣе въ польск. и чеш. стало невозможно совмѣщеніе буду съ причастіемъ на -лѣ отъ глагола совершеннаго (*będe napisal*). *Będe pisał* съ исключительнымъ значеніемъ будущаго несовершеннаго носитъ въ себѣ признаковъ принадлежности къ такому состоянію языка, въ коемъ произошло уже строгое раздѣленіе категорій совершенности и несовершенности. Но буду писать, въ нарѣчійхъ, кромѣ лужицкихъ, подверженныхъ искажающимъ вліяніямъ (Mikl. V. Gr. III, § 978, 1064), и отчасти въ хорватскомъ и сербскомъ [кад се будеш вратити („когда воротишься“, а не „когда будеш возвращаться“) ка л’јепу Будиму граду, овако ћеш ти ријети младу Павлу брацу твому, Богишић, Н. п. I, 16; кад се веће ја будем с душом мојом разд’елити (когда уже умру? или еще въ знач. несоверш. „когда буду умирать“?), главу ћете осјећи славному Лазару кнезу, ib. 9; см. и Mikl. V. Gr. IV, 862], въ указанномъ отношеніи совершенно равно съ *będe pisał*, и по времени возникновенія должно быть близко къ этому послѣднему.

¹⁾ Ср. „niemals steht das goth visan oder vairtan neben einem infinitiv auxiliarisch“. Grimm, Gr. IV, 91.

Буду писать известно намъ въ большинствѣ нарѣчій только какъ одна грамматическая форма, не заключающая въ себѣ никакой двойственности значенія, никакихъ отклоненій отъ изъявительности, и отличная въ томъ и другомъ отношеніи отъ другихъ сочетаній съ отѣнкомъ будущаго: будешь лова, будемъ покаявшеся, будемъ покаялися (каялися), хочю (имамъ) творити (сътворити), начьну творити. Это единство грамматическаго значенія условлено, съ одной стороны, чистою формальностью ф. буду (въ этомъ сочетаніи, а не вообще), съ другой стороны—отсутствіемъ временъ въ неопредѣленномъ.

Слав. будеть съ неопред. отлично отъ нов. нѣм. *wird* съ неопр. присутствіемъ видовъ (такъ какъ нѣм. *wird tragen* безразлично можетъ соотвѣтствовать нашимъ понесеть, поносить, будетъ нести и б. носить); впрочемъ, эти сочетанія имѣютъ много общаго. И нов. в.-н. *wird* съ неопр., неизвѣстное ни др. и ср. в.-нѣмецкому, ни другимъ германскимъ нарѣчіямъ, появляется весьма поздно, по Гримму—въ XIV—XV в. И это нѣм. сочетание предполагаетъ въ *wird* потерю начинательности (здѣсь, впрочемъ зависящей отъ лексическаго значенія), замѣтной въ болѣе древнихъ сочетаніяхъ этого времени съ причастіемъ, выражающимъ настоящее и будущ. страд.: др. и ср. в.-нѣм. *wirt ferloren* (*verloren*)—*perditur*, *perdetur*. Какъ буду съ неопр. есть болѣе чистое выраженіе будущ. глагола несовершеннаго, чѣмъ другія соотвѣтственные сочетанія древняго и новаго языка, такъ и нѣм. *werde* съ неопр. отвлеченнѣе и объективнѣе, чѣмъ *will* и *soll* съ неопр. (Grimm. Gr. IV, 181—2).

Сочетанія повелит. накл. глаголовъ болѣе-менѣе близкихъ къ формальности (недѣй, немози и др.) съ субъектив. неопр. см. Mikl. Gr. IV, 866—8. 326

8. Прочіе глаголы съ неопредѣленнымъ субъективнымъ. Сочетанія, въ коихъ, какъ въ рассмотрѣнныхъ выше, глаголъ является болѣе или менѣе служебнымъ, возникли изъ такихъ, въ коихъ соблюдено равновѣсіе вещественнаго значенія глагола и неопредѣленнаго наклоненія субъективнаго. Глаголы (респект. причастныя формы: желаю сдѣлать, желая сдѣлать, желать сдѣлать), встрѣчаемые въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ, весьма трудно подвести подъ какіе либо разряды по ихъ лексическому содержанію. Попытка сдѣлать это сводится на приведеніе отдѣльныхъ примѣровъ, такъ какъ глаголы, напр. со значеніемъ колеблюсь, медлю, спѣшу, пренебрегаю, откладываю, опаздываю, поставленные подъ одною цифрою, все-таки разсыпаются розно, обнаруживая между собою большаго сходства, чѣмъ съ глаголами хочу, желаю (и въ подобномъ см. „зійетъ время славу стерть“, Держав.), изволю, благоволю, люблю, боюсь, опасуюсь, стыжусь, гнушаюсь, смѣю, могу, умѣю, ищу, пытаюсь, стараюсь, готовлюсь, думаю, замышляю, намѣреваюсь, силюсь,

похваляюсь, или съ глаголами соглашаюсь, отказываюсь, обѣщаю, клянусь, присягаю, или—начинаю, кончаю, перестаю, привыкаю, учусь, или—удостоюсь, сподоблюсь¹⁾. Въ новыхъ нарѣчіяхъ, замѣнившихъ достигабельное неопредѣленнымъ, сюда же присоеди-
327 ются средніе глаголы, требовавшіе прежде достигабельнаго²⁾. Возможно полное перечисленіе такихъ глаголовъ въ разныхъ періодахъ языка было бы, конечно, полезно; оно могло бы обнаружить извѣстныя теченія языка тамъ, гдѣ мы, при неполнотѣ матеріяла, какимъ располагаемъ, видимъ только неподвижность. Пока остается сдѣлать надъ ними лишь немногія грамматическія наблюденія.

а) По отношенію къ подлежащему, эти глаголы ставятся здѣсь опредѣленнолично. Переходъ ихъ въ безличные сопряженъ съ замѣною ихъ прежняго подлежащаго дополненіемъ, при чемъ неопредѣленное приобретаетъ отношеніе къ своему особому подлежащему, становится объективнымъ: ср. „уняше бо святыи ѳединъ за вся умрети“ (XIV в. Срезп. Ск. о Б. и Гл. 18) и „уняше святому умрѣти“.

Къ этимъ глаголамъ (лѣнюсь работать и т. п.) въ разсматриваемомъ отношеніи примыкають α) нѣкоторыя прилагательныя качественныя, входящія въ сказуемое, рѣже поставляемыя опредѣлительно, и β) нѣкоторыя *nomina agentis*: α) хытри соуть зъло сътворити, а ѳже добро сътворити неразоумѣша, Изб. 1073, 56; чьто ино моштънъ ѳси (= можеша) помыслити... тѣкмо, роуцѣ въздѣвъ, рьди., Изб. 1076, 55. Этимъ слав. и литовско-лот. неопредѣленнымъ соотвѣтствуютъ греч., роман. герм. неопредѣл. съ предлогами направленія къ предмету, къ цѣли: „да бждеть всьякъ челоуѣкъ скоръ оуслышати и косьнъ глаголати, косьнъ въ гнѣвъ (лучше бы: на гнѣвъ, гнѣватиса), Іак. I, 19; лот. *czakls dzirdēt, bet palēns runāt un palēns dumsōt, ταχὺς εἰς τὸ ἀκοῦσαι, βραδὺς εἰς τὸ λαλῆσαι, βραδὺς εἰς ὀργήν, schnell zu hören, langsam zu reden, swift to hear, slow to speak, slow to wrath, prompt à écouter* и пр. Слав. неопредѣленное въ хытръ творити было вполнѣ глагольно уже въ первыхъ памятникахъ письменности и осталось таково. Т. о. оно отлично съ одной стороны отъ греч. и пр. неопредѣ-

¹⁾ Вотъ нѣсколько несовсѣмъ обычныхъ оборотовъ: „и нестерпѣлъ такова слова слышать младъ Алеша Поповичъ, Сказ. о 7 богат., П. др. Р. л-ры I, 313; передъ княземъ расхвастался въ походъ итгати, Кир. П. II, 20; мѣсто пустое, наняты недобудешъ Путеш. Лукьянова, 20; какъ невидла (видѣла) взяты смерѣтушка вѣдъ не (=ни) ничего, не бѣднаго, челоуѣка волокиднаго; она взяла у насъ прибрала челоуѣка что не лучшого, Барс. Прич. I, 46; ноньку сдѣемъ съ тобой доброе здоровьнпе.. мы плотненько къ сердечку прижиматися, ко устамъ сдѣемъ, сестрица, прилагатися, ib. 140.

²⁾ Нѣчто совсѣмъ иное имѣеть въ виду Миклошичъ, когда говоритъ, что „неопред. накл. служить дополненіемъ (*ergänzung*) тѣхъ глаголовъ, которые направлены на дѣйствіе, а не на предметъ, какъ напр. *начати* въ противоположность къ *нести*“. Сюда онъ относитъ и глаголы съ неопредѣленнымъ объективнымъ, какъ *убѣдилъ* *войти*, *прійдется* *разболѣться*, *случилось* *ѣхать* и пр. (V. Gr. IV, 852—5).

ленныхъ съ предлогомъ, съ другой—отъ вышедшихъ потомъ изъ употребленія славян. оборотовъ съ дательнымъ: хытръ кънигамъ, мѣдръ дѣлоу вѣсему (omnium rerum peritus), врачевной хытлости искуснѣ, гребѣди вѣжи плаванью (Mikl. Gr. IV, 491). Таково же отношеніе лит. gátaws kariáuti, лот. gatams it (готовъ воевать, ити) къ лит. gátaws kelionei (Kurschat Gr. 409), готовъ для пути и въ путь. Въ русск. радъ видѣтъ, ради стараться (польск. rad widzieć, radniejszy służyć ojczyźnie, niż obsun; въ ст. русск. такое сочетаніе если и встрѣчается, то рѣдко, такъ какъ болѣе обычно „ради бьемъся“ и т. п.; въ „хотѣхомъ съ нами ради битися“, Лавр. 103, „хотѣхомъ ради“ есть составное сказуемое, и битися ближайшимъ образомъ относится къ хотѣхомъ, а не къ ради); должень, готовъ, способенъ, достоинъ, склоненъ, властенъ, воленъ, (воленъ кн. Костянтинъ тое имѣнье отдати, продати. въ томъ волни по души къ церкви дати, 1507, Ак. З. Р. II, 33—4; „да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочеть?“ Фонвизинъ; „тиранствовать никто неволенъ“ ib.), любопытенъ („любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ, отъ его выучилъ“, Фонв.; теперь не встрѣчается), привыченъ, ретивъ (напр. работать), лѣнивъ, скоръ, слабъ („имъ послѣдовать я слабъ“, Держав.), Въ вр. говорахъ: исполать тебѣ, царь Давыдъ, что ты гораздъ сны-загадки отгадывать и досужъ доброе слово молвить, Бес. Іерус. Пам. ст. Р. лит. I—II, 307—8; онъ хорошъ загадки загадывать, Кал. пер. II, 339; греческія дѣти., лѣтъ по пяти-по шти робятка, стихѣры сказываютъ и пѣтъ горазди, Пут. Лукьян. 44; онъ охочъ вѣдъ былъ.. ходить-издить къ быстрымъ риченькамъ, Барс. Прич. I, 232; лють пѣтъ, голосистъ („охъ спорить голосиста“, Грибоѣд.), удалъ что дѣлать. ло-328 вокъ работать, злая прясть. Въ мдр. здатен, охоч („назадъ вертатись неохочъ“, Котл.; лошакив мінять охоч, ib.), недуж („недуж підвестись“; „иншихъ подачокъ нашихъ, бобровщины и тивунщины недужи давати“, 1525, А. З. Р. II, 159); „се щось дуже дешевий дякувать (п. ч. непоблагодарилъ за подарки), Федьков.; „мужик був собі плохенький и несміливий противъ жінки слова сказати“, Квит. (бр. няхворъ ёнь (=можетъ) и самъ приѣхаць, Ром. Бр. сб. 3, 157); розумний порахувати, полічити; завзятий танцювати; огонь и вода добрі служити, але лихі панувати. Въ чеш. Zikm. Skl. 640—1. Вообще перечисленіе неполное. Трудно сказать, почему не встрѣчаются и могутъ ли встрѣтяться съ неопредѣленнымъ субъективнымъ прилагательныя, по видному, совершенно подходящія къ вышеприведеннымъ, напр. въ литер. яз. охотенъ, щедръ, скупъ, въ народномъ—тщивый, чивый.

β) Мастеръ пѣтъ („мастрица толковать указы“, Фонв.; мастеръ—слово, давно ставшее на Руси туземнымъ: Лавр. л. 173); охотникъ повеселиться, выпить не дуракъ; я, чумак, пить горѣлочку казакъ, Роман. Бр. сб. I, 60; мдр. упирь и знахуръ ворожить, Котл. По-

нятно, что такимъ образомъ могутъ сочетаться съ неопр. только имена лицъ, а не имена дѣйствій и безличныхъ предметовъ (напр. охота, власть, сила, возможность, способность, право, надежда, желаніе), такъ какъ напр. въ „охота видѣть свѣтъ“ производитель дѣйствія видѣть есть лицо, нѣкто, а не охота, такъ что неопредѣленное здѣсь по отношенію къ существительному объективно. Ср. Mikl. V. Gr. IV, 855—7.

б) По отношенію къ залогу рассматриваемые глаголы большею частью—недопускающіе при себѣ винительнаго лица (т. е. лица какъ прямого объекта) и дательнаго. Фактическое отсутствіе такого объекта, при его возможности, все-таки требуетъ неопредѣленнаго объективнаго: прошу съѣздить=чтобы нѣкто другой, по отношенію къ просящему, съѣздить. Однако въ стар. языкѣ есть примѣры субъективнаго неопр. при томъ-же глаголѣ (геср. причастіи или неопред. накл.) съ косвеннымъ дополненіемъ или вовсе безъ дополненія: „Володимеръ же Глѣбовичъ посла ко Игоревѣ, прося у него ѣздити напередѣ полкомъ своимъ“, 329 Ип. 127 (424), т. е. чтобъ онъ же (Володимеръ Глѣбов.) ѣздилъ; Болгаре.. немогоша стати противу, креститися просиша и покоритися Грекомъ, Лавр. 8, т. е. да крестятся (въ страд. зн.). Ср. Отъшъдши же брать.. възвратиса.. о своемъ невѣрствѣ и непокореніи покаавъса, прощения проса прияти (=проса да прощениє прииметь), Supr. 213.

в) Одни изъ рассматриваемыхъ глаголовъ допускаютъ при себѣ, въ силу своего лексическаго значенія, неопредѣленное накл. только глаголовъ несовершенныхъ, другіе — какъ совершенныхъ, такъ и совершенныхъ. Первые, по Востокову, суть гл. означающіе начатіе, продолженіе, прекращеніе, привычку и отвычку, имен. начинаю-начну, стану (куда слѣдуетъ прибавить вышеприведенные гл. какъ пойду, стр. 372), продолжаю, перестаю-перестану, прывыкаю, отвыкаю, учусь, разучаюсь (Вост. Р. Gr. § 115, V, 2, гдѣ однако недѣлается различія между неопр. накл. субъективнымъ и объективнымъ). Совершенство неопредѣленнаго наклоненія здѣсь совмѣстима 330 только, съ одной стороны, съ его заключительностью (финальностью), а съ другой — съ отсутствіемъ въ глаголѣ, при которомъ оно стоит, начинательности: ср. напр. пошелъ рассказывать = началъ., но пошелъ рассказать = *gieng hin, um zu erzählen* (рассказать—на мѣстѣ достигательнаго).

Неопредѣленное глагола совершеннаго означаетъ здѣсь всегда дѣйствіе слѣдующее за дѣйствіемъ главнаго глагола и относимое къ будущему, наприм.: и пришъдъше пръви, мьяахъ са ваще прияти, Mat. 20, 10, думали получить = что получать, *ὅτι πλείονα λήψονται*, se plus esse acccepturos, лит. *dumojo daugiaus gaušę* (причастіе будущее); Петръ

же тѣмъ (= отъ того) печалень баше велми, творяшеться прияти муку пуще того, Ип. 72 (319).

Неопредѣл. глагола несовершеннаго въ однихъ случаяхъ тоже означаетъ дѣйствіе, слѣдующее за дѣйствіемъ глагола, въ другихъ—одновременное съ нимъ. Первое напр. въ слѣд.: къ тобѣ хрестъ цѣловаль есмь имѣти тя сыномъ собѣ, Ип. 80, (= что буду имѣть); мы есмы волная князя прияли к собѣ, крестъ цѣловали на всемъ, а си акы не свою волость творита (эти два какъ будто думаютъ, что это чужая волость), яко нетворячеса у насъ сѣдѣти (будто недумая, что у насъ будутъ сидѣть, какъ будто собираясь покинуть) грабита нетокмо волость всю, но и церкви, Ип. 117 (406); невѣдяшеть бо (Игорь Свято-славичъ) Божия промысла, но творяшеться тамо и долго быти, Ип. 133 (437), полагаль, что тамъ (въ плѣну) долго будетъ. Въ нѣвѣшнемъ языкѣ: надѣюсь, общаюсь, клянусь быть = что буду (а не „что есмь“); условились, сговорились ити = что пойдутъ и т. п. Въ млр. „лаѣ мене моя мати, та хвалитьца бити“—похваляется битъ (что будетъ битъ). Такой же оттѣнокъ можетъ получать и неопредѣленное языковъ, неимѣющихъ совершенности и несовершенности въ славянскомъ смыслѣ, изъ чего видно, что этотъ оттѣнокъ могъ существовать въ славянскомъ 331 и до образованія упомянутыхъ категорій. Ср. напр. въ латышскомъ: дѣжанс пуйсѣ лѣлѣйс нѣмт дѣжану лигавинь, Спрог. 185, красивый молодець хвалится взять (= что возьметъ) красивую жену; вѣя мѣте лѣлѣйс ѳозіліям галу лауст, ib. 20, мать вѣтра хвалилась сломать вершину дубу; сакѣс мані мѣмаліня талу дѳт, нераудат, ib. 156, обѣщаетъ меня матушка далеко отдать, неплакать.

Во второмъ случаѣ, какъ выраженіе дѣйствія одновременнаго съ главнымъ, неопредѣленное наклоненіе въ древнемъ языкѣ встрѣчается между прочимъ въ тѣхъ же случаяхъ, что и причастіе настоящее, отъ коего неопредѣленное отличается здѣсь только большею глагольностью и близостью къ развитому придаточному предложенію: мнѣнться сѣди = считаетъ себя сидящимъ; мнѣнться сѣдѣти = думаетъ о себѣ, что сидѣть. Ср. придетъ година, да всякъ иже убиѣтъ вы, мнѣнть са службѣ приносити Богу, О. Ев. Ио. 16, 2, *iva... ὁβῆη λατρεῖαν προσφέρειν*, будетъ думать, что приносить, въ литов. прич. наст.: tarsis Diewui garbę daras; вмѣсто „мнѣнахъ доухъ видаще, О. Ев. Лук. 24, 37, могло бы быть сказано, какъ въ греч. и латин., „мнѣнахъ духъ видѣти; како ученикъ мна стояти паде, како блѣдница лежашти вѣста Supr. 306, 8; сдѣ бо мнѣть жилище имѣти, Лавр. 50 (что имѣютъ); и мнози людиѣ стояху около, зряще и дивлящеса видѣти (что видятъ) чудо прѣславно, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 78; бысть же лестъ въ Берендичихъ: творяхуть бо ся битъ (показывали видъ, что бьются) приѣздяче къ городу, а снашивахуться рѣчьми межи собою, Ип. 85 (343); Мсти-

славъ же поиде къ воротамъ воднымъ, творя биться, Ип. 219 (409). Ср. въ польск.: *zdajesz się wisieć w środku widnokreęga; zdawał się mierzyć, jak woda głęboka; latarka zdał się gasnąć; mirage zdajesię już być miastem, już wsią, już jeziorem*, Mick. Причастіе настоящее въ случаѣ весьма странномъ съ точки зрѣнія нынѣшняго языка, именно: 332 „Игорь же молвяшетъ: недай Богъ на поганыхъ ѣздя ся отрещи; поганы есть всимъ намъ обычи ворогъ“, Ип. 129 (430) (т. е. не „ѣздя, отказаться“ а „отказаться ѣздить“); это причастіе показываетъ, что и замѣняющее его уже въ древнемъ языкѣ неопредѣленное означало дѣйствіе одновременное съ главнымъ. То-же слѣдуетъ сказать о неопредѣленномъ на мѣстѣ прич. настоящ. при прѣстати, коньчати: непрѣста обლობызати, Лук. 7, 45 (=ლობызати); коньчаша церковь пишуче (=писати). Въ новомъ языкѣ здѣсь уже нѣтъ выбора и возможно только неопредѣленное.

9. Неопредѣленное со вторымъ именительнымъ. Предположимъ въ языкѣ господство того-же начала согласованія, по которому построено составное сказуемое, и за-тѣмъ—появленіе неопредѣленнаго накл., какъ второстепеннаго сказуемаго. Пусть на мѣстѣ глагола (v. finit.) въ составномъ сказ. (напр. N ѣсть правъ, твориться, стоитъ простъ) станетъ неопредѣленное накл. и пусть оно присоединится къ другому глаголу субъективно, такъ, чтобы его подлежащимъ было подлежащее главнаго сказуемаго. Тогда второй именительный долженъ будетъ оставаться неизмѣннымъ, потому что какъ прежде онъ согласовался съ подлежащимъ, такъ ему согласоваться и теперь. Такимъ образомъ получатся обороты, какъ „N мнниться быти правъ, хочеть творитися правъ, неможеть стояти простъ“, въ коихъ 2-й именительный присоединяется ко глаголу при посредствѣ неопредѣленнаго накл. Сравнивая случаи, въ коихъ 2-й именит. можеть прямо присоединиться ко глаголу (къто мннить ти ся правъ) съ такими, въ коихъ именительный отдѣленъ отъ глагола неопредѣленнымъ, мы видимъ, что послѣднее вмѣстѣ съ именительнымъ стало второстепеннымъ составнымъ сказуемымъ, и что это неопредѣленное по отношенію ко главному сказуемому съ одной и предикативному атрибуту съ другой есть второстепенная предикатив- 333 ная связка. То-же значеніе сохраняетъ неопредѣленное и при тѣхъ глаголахъ, къ коимъ 2-й именительный немогъ бы присоединиться безъ его посредства. Всѣ эти три члена, взятая вмѣстѣ, могутъ быть названы трехсоставнымъ сказуемымъ, какъ и „мнниться сн правъ“, а послѣдній членъ въ обоихъ случаяхъ—предикативнымъ атрибутомъ, или атрибутомъ въ предикатѣ, взятомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. На вопросъ, гдѣ здѣсь причина второго именительнаго, возможенъ только одинъ отвѣтъ: этотъ падежъ былъ бы здѣсь невозможенъ, если бы неопредѣленное н. немогло ставиться субъективно, т. е. имѣть подлежащимъ тотъ же именительный, къ которому относится и личный

глаголь. Стало быть причина 2-го именит. при неопредѣленномъ отнюдь не въ томъ, что это послѣднее произошло отъ косвеннаго надежа имени. Примѣры:

иже аще хочеть въ васъ быти ващии, да бѣдетъ вамъ слуга, и иже аще хочеть въ васъ быти старѣи, да бѣдетъ вѣсѣмъ рабъ, О. Ев. Мар. 10, 43—4, *ὁς ἐὰν θέλῃ γερῆσθαι μέγας...πρῶτος*, quicumque voluerit fieri magnus, primus, лотыш. kas grib lēls tapt, tas pirmais būt. Хочеша ли цѣль быти, Иоан. 5, 6; ꙗко и вы хочете ученици ꙗко быти (Иоан. 9, 27)—съ такимъ же полнымъ соотвѣтствіемъ въ гр., латин. и лот. На мѣстѣ глагола можетъ стоять причастіе, и тогда все сочетание будетъ составнымъ приложіемъ: се же створи, хотя самовластець быти всей суждальской земли, Ип. 91.

Немози, стыдѣвся лица, лжи послухъ быти, Зл. цѣпь XIV в., Бусл. Хр. 491.

Кто оубо отъ тѣхъ трии ближнии мѣнить ти са быти въпадъшоуоуму въ разбоиники, О. Ев. Лук. 10, 36.

Помысли быти мнихъ, Лавр. 82.

Научися, вѣрній человекѣ, быти благочестію дѣлатель, Лавр. 101.

Быти добръ тыщашеса, XI в. Будилов. 33.

334

Нетрыѣбахъ умилѣнъ видимъ быти: *ib., ἐλεεινὸς ὀρᾶσθαι.*

Число подобныхъ примѣровъ можетъ быть умножено посредствомъ заключенія къ древнему языку отъ нынѣшнихъ оборотовъ съ субъективнымъ неопредѣленнымъ и творительнымъ на мѣстѣ 2-го имени-тельного, напр. „хотѣлъ (желалъ, надѣялся, боялся, думалъ, намѣревался и пр.) быть (стать, оказаться, явиться, сдѣлаться, назваться, прослыть) первымъ“, или со вторымъ именительнымъ, напр. началъ ходить раздѣтый. Ср. „и которые священники.. учнутъ по дворомъ и по улицамъ скитатись пьяни, ...или пьяни учнутъ битись и драться.. и такихъ имати, 1550—82, Ак. Ист. I, 285. Такое заключеніе къ древнему яз. отъ новаго русскаго тѣмъ безопаснѣе, что послѣдній весьма воздерженъ въ употребленіи разсматриваемаго здѣсь неопредѣленнаго (какъ быть, такъ и другихъ) съ именит. или твор., напр. нетерпѣть его послѣ глаголовъ казаться, считаться, называться, сказываться. Нельзя сказать „казался быть правымъ“ (вм. казался правъ) „сказывался быть непомящимъ родства“ (вм. сказался непомящимъ). Между тѣмъ въ польск. здѣсь перѣдко *być*=нѣм. *zu sein*: *zdzadzą się być cudnie*, гроби.. являють са красьни, *φαίνονται ὡραῖοι*, Мат. 23, 27; *zdajecie się być sprawiedliwi*, являетеса правдѣни, *φαίνεσθε δίκαιοι*, Мат. 23, 28. Сюда же относятся и слѣдующіе примѣры, если въ нихъ *rzec się, wiedzieć się, czuć się* приняты за средніе гл.: *rzecze li się kto być slachcicem alibo oświeconym być, a jinszym slachcicom tego niewiedzącym rzecze się być row-*

пум, XV в. Ks. Ust., 34; niewiasta wiedz się alibo czuj się ot wszego prawa być odpadłą. Ср. также съ чеш. „pravil se byti nevinen“, „čisti se byti mněli“ (Zikm. Skl. 414); въ лит. žinau pažemintas ir žinau paauksztintas buti, οἶδα δὲ ταπεινοῦσθαι, οἶδα καὶ περισσεύειν, Филип. 4, 12.

335 Совершенно ошибочная мысль, что второй именительный, прямо при-
мыкающий къ личному глаголу (являются краси), возникъ посредствомъ
опущенія при немъ неопр. быти (Zikm. Skl. l. с.), свидѣтельствуеть
лишь о томъ, что byti въ этихъ случаяхъ въ чеш. кажется обычнымъ.

Неопредѣленное накл. объективное.

Сюда относятся какъ тѣ случаи, когда объектъ главнаго сказуемаго (винительный, родительный или дательный п.) указываетъ на подлежащее неопредѣленнаго накл., такъ и тѣ, когда такого объекта нѣтъ на-
лицо, но тѣмъ неменѣе неопредѣленное н. неможетъ быть отнесено
къ подлежащему главнаго сказуемаго (именительному). Такое неопре-
дѣленное н. можетъ быть названо второстепеннымъ сказуемымъ въ об-
ласти дополненія.

10. Винительный съ неопредѣленнымъ однимъ или имѣю-
щимъ при себѣ второй винительный.

Въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ винительный съ неопре-
дѣленнымъ, по отношенію къ связи винительнаго съ глаголомъ главна-
го предложенія, можетъ быть сведенъ приблизительно къ четыремъ слу-
чаямъ: а) вин. прямого объекта при глаголахъ движенія (послать и
т. п.); б) такой же вин. при глаголахъ просить, заставлять и т. п.
и при глаголахъ дѣлать кого чѣмъ; в) вин. post v-ba sentiendi, cogno-
scendi, dicendi, переходящій отъ значенія предмета непосредственнаго
воспріятія къ значенію предмета воспріятія посредственнаго (см. выше
стр. 299 сл.); г) вин. независимый отъ глагола главнаго предложенія.
Наибольшее число этихъ случаевъ (б, в, г) свойственно греческому, за
тѣмъ латинскому. Типъ г), на пр. асс. с. inf. при безсубъектномъ сказу-
емомъ δεῖ, χρῆν οportet и пр., ἐξέσθι licet, συνέβη evenit, ut, δοκεῖ videtur,
асс. с. inf на мѣстѣ подлежащаго (τὸ ἀμαρτάνειν ἡμᾶς ἀνθρώπους ὄντας οὐ
θανυμάστον), и послѣ ὥστε, относится къ позднѣйшему, послѣ гомеров-
скому развитію языка. Болѣе распространены и древни типы б и в. Ср.
б) въ языкѣ Вѣдь нō дживатавѣ крідни ποίει ἡμᾶς ζῆν, mach uns le-
ben; в) рāджанам снātум татра дадарса, er sah dort den könig baden
(Jolly, Gesch. des. infin 251 слѣд.; Черный, Греч. синт, § 130—6).

По отношенію къ инфинитиву, асс. с. inf. возводится не къ одному
типу (именно, какъ думаетъ Черный l. с. § 130, къ асс. actionis на пр.
διδάσκω τινά τι, δ. σε λέγειν), а къ двумъ: къ винительному (достига-

телной ф. при глаголахъ движенія) и къ дательному (учу читать= чтенію).

Въ ссл. и русс. обычны типы а и б.

а) Азъ вы послахъ жать; посла и пастъ свинии Assem. (Mikl. Gr. IV 874); посла (кого?) гóрода ставить, Новг. I, 31, посла полковъ копить ib. и пр. (см. выше стр. 357—8); посла... сына своего Ярославъ в Переяславль в Русьскыи княжить Лавр. ² 397; пусти брата своего во Володимирь Володимирия блюсть (=тъ) Ип. ² 285; обыхомъ васъ пустили до Лучька тѣрговать гр. 1341 г.; звати (кого) на поле битъся, ср. гр. 1229 и въ этомъ смыслѣ „просимъ у тебе сына княжить Новгороду, Лавр. ² 395; прислали мя Люблинци, хотять князя Кондрата княжить въ Краковъ, Ип. ² 598. Уже изстари здѣсь встрѣчается и неопр.; посла Олегъ мужи своя построити мира и положити ряды межи Грѣкы и Русью, Ип. ² 19. Съ XV в. только -ти, -тъ-; н. вр. ввечеру кладуть (кого) спать позднихонько, поутру будють вставать ранехонько, Шейн. Р. н. п. 483; ик (=як) пошлю я черную галку на Дунай рыбы ѣсть, Роман., Бр. сб. I, 140; расчосуе кудри частымъ грабяшкомъ, пускае пачосачки уплыть за водой ib. 160; мр. пошлю.. галку на Дін риби їсти; кликали (нас) вилецъ вити Метл. 133; (дівку) шлюбу брати підмовляє, ib. 9. Такъ и въ литер. яз.

б) А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити Новг. I, 1 (=а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ, Лавр. 138); 12 мужа приставити бити (Шеруна) жезлиемъ Лавр. ² 80; пристави к нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, Ип. ² 23; наяша намиты возити мъртвця, Новг. I, 5; учашеть его мати креститися, Лавр. ² 40. Позднѣе: явилъ (=представилъ) его (посланника) великому князю челомъ ударити околничей N, 1538, Ак. З. Р. II, 252. Въ нынѣшнемъ л-рномъ яз. заставить, принудить, убѣдить, умолить, упросить, уговорить, пригласить, позвать, научить и пр. кого что сдѣлать или дѣлать. Въ народн. говорахъ встрѣчаются и болѣе смѣльные обороты: „обсиротилъ насъ побѣдныихъ головушекъ безъ своихъ жить безъ законныхъ сдержавушекъ, Барс. Прич. I, 13.

Случаи вин. съ неопр. при творити и т. п. по видимому рѣдки: „иже приведе ма на разоумъ твои и познати ма сътвори таинъ твоѣхъ из дѣтска въздраста, Supr. 23.

По общему правилу винит. послѣ глаголовъ съ отрицаніемъ замѣняется родительнымъ: неиждени насъ тѣчьѣхъ гнѣвомъ ити въ поустая мѣста, Supr. 27; чему ты неказаше сыновъ своихъ и роду своего не-преступати роты Лавр. 119 (269); въ лрн. яз. незвалъ насъ обѣдаты, незаставлялъ никого трудиться и т. п.; мдр. вони вас доглянуть и не доведуть васъ потерпѣти ніякоу бѣди, Квит. Б. Д.

При неопредѣленномъ глагола, способнаго сочетаться въ древ. яз. съ 2-мъ именительнымъ, можетъ теперь стоять творительный: „просиль меня быть (считаться, казаться и др.) увѣреннымъ“. Болѣе древній 336 согласуемый падежъ, замѣняемый этимъ творительнымъ, можетъ быть только винительный (resp. родит. послѣ гл. съ отрицаніемъ): яко сподобилъ мя еси недостойнааго съновѣдателя быти с-тымъ твоимъ въгодникомъ (жит. Θεод. XII в.); ꙗго ищрева матерья и пастуха быти въ странѣ сей богогласныхъ овецъ назнамена id.; осждиша и быти повинна смърти О. ев. Марк. 14 61, *κατέκριναν αὐτὸν εἶναι ἐνοχὸν θανάτου*.

в) Винительному съ неопр. post vba sent., cogn. соотвѣтствуетъ древ. слав. и литовско-лотышскій винит. съ причастіемъ: „увѣдша князя идуща“ въ смыслѣ не „идуаго“, а „что идетъ“ (см. выше 312 сл.). По правилу, въ слав. яз. при винительномъ (родит.), дополняющемъ verba sentiendi, cognoscendi, и нѣкоторые другіе, напр. ждать, неможетъ стоять неопредѣленное глагола вещественнаго (т. е. кромѣ быть). По-русски нельзя сказать „я слышу птицу пѣть“ (ich höre den vogel singen), „вижу домъ горѣть“ (ich sehe das haus brennen), ни по-польски „widziałem żołnierza chodzić po rynku“ „słyszałem opowiadać“ (Małeck Gr. § 740. См. выше стр. 303—4). Въ общемъ то-же примѣняется и къ чешскому, литовскому, лотышскому. Отклоненія отъ этого довольно стары („ждаху нѣкого вельможа прити къ нимъ“, Mikl. V. Gr. IV, 394; чеш. vidí sebe i jiné státi, Komenský, Zikm. Skl. 414) и проникли въ нѣкоторые народныя говоры; такъ напр. у Подгальянъ: jeszcze jek (=jach =ja-m) niesłyszał tak dziewczęcia płakać, jak moja płakała, kie mię przyszli łapać, Zeiszner 159; у Моравянъ: Janka vidět' z vojny jet', Mor. pís.; Hatt. Sr. Ml. 84; въ угорско-русскомъ „я его видів ходити, „я его чув говорити“ (Mikl. Gr. IV 858), Семеновичъ (Объ особенн. угрорусс. гов. въ Сб. ст. по Славяновѣд. 220) считаетъ мадьяризмомъ. Все это нетрудно объяснить заимствованіемъ.

Что касается до быти при винительномъ, то, во первыхъ, мы его нахо- 337 димъ въ О. ев., отличающемся, какъ извѣстно, весьма чистымъ языкомъ:

кого (2-й вин.) глагольятъ ма быти сына чловѣческааго, Мат. 16, 13, *τίνα με λέγουσιν εἶναι τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου*; вы же кого глаголете ма быти, Мат. 16, 15; кого ма глагольятъ чловѣци быти, Марк. 8, 27; кого ма г-л-ятъ ч-л-ци быти? Отвѣщаша ему: ови Иоан креститель, ови же Илия, а друзии единого отъ про(ро)къ, Срезн. П. юс. п. 65. Ср. и другій свѣтъ повѣдаютъ быти, Лавр. 45.

Во вторыхъ, можно придать нѣкоторое значеніе тому, что Барсовъ, считая несносными въ русск. литер. яз. своего времени выраженія „я видѣлъ васъ ѣхать“, допускаетъ такія, какъ „я считаю сего чловѣка вамъ быть друга (другомъ)“, Бусл. Gr. 276, пр. 2. Правда, въ ны-

нѣшнемъ яз. возможно только, съ одной стороны, „считаю его другомъ“ (твор. изъ 2-го винит.), а съ другой—„что онъ другъ“; но отъ этого опасно заключать къ древнему языку, такъ какъ въ новомъ невозможно и причастіе гл. существительнаго, которое въ древнемъ употребительно и независитъ отъ посторонняго вліянія: видѣху Христа самого сущта (*..αὐτὸν εἶναι*), Mikl. V. Gr. IV, 394 (гдѣ ошибочно мнѣніе, что въ подобныхъ случаяхъ быти „ist zu supplieren“).

Въ чешскомъ примѣры, какъ „uznavám se k tomu nedostatečna býti“, „žadného z nich nevidím býti rovného“ см. Zikm. Skl. 658, 414, 155, или съ творительнымъ вм. 2-го падежа „vuznával jej býti svým panem“, ib. 195. Въ польск. osądźili go winnym być śmierci и т. п. (Mikl. I. c. гдѣ смѣшаны и случаи со 2-мъ именит. при быс). Въ латышск. „недѣмаю, нецерею тѣ бут ману арайинь“, Спрог. 277, недумала, негадала того (род. въ силу отриц. или винит.) бытъ моимъ пахаремъ, т. е. что онъ будетъ моимъ мужемъ.

Если нѣтъ сомнѣнія, что въ литовскомъ не въ силу посторонняго ³³⁸ вліянія чувствуется потребность въ причастіи или отпричастной формѣ глагола es-, какъ въ связкѣ втораго винительнаго съ первымъ (ka sako žmonės žmogus sunų esantį, Мат. 16, 13; jus ka sakot mane esant, ib. 16, 15; Марк. 8, 27; jį atsudijo wertą esantį smertės, Марк. 14, 64); то оставалось бы объяснить, почему въ ст.-сл. здѣсь „осудиша и повинна быти“, а не „сѣщъ, сѣща“. Причина такого предпочтенія неопр. н. могла заключаться въ его большей глагольности, въ томъ, что оно не давало возможности понимать признака даннымъ („сѣща поповинна“—осудили его въ то время, какъ онъ былъ повиненъ), а не возникающимъ (о. и быти п.=что онъ онъ повиненъ).

Миклошичъ, въ IV т. Vergl. Gram., думаетъ, что „славянскому синтаксису приличенъ только дательный съ неопр.; винительный происходитъ отъ подражанія греческому или латинскому“ (294, ср. 871—2). Раньше онъ говорилъ „какъ ст.-сл., такъ и готскій, рядомъ съ дательнымъ съ неопред., имѣетъ и винительный съ неопр., съ тою разницею, что въ ст.-сл. первое сочетаніе составляетъ правило, а въ готскомъ въ большинствѣ случаевъ является второе“ (Ueb. den acc. cum inf. 493, 1869 г.). Съ вышеприведенными ограниченіями это послѣднее мнѣніе кажется блѣде вѣрнымъ.

Относительно причины 1-го винительнаго въ „глаголють землю быти углу и пухлу“ Mikl. V. Gr. I. c.) я могу держаться только мнѣнія, высказаннаго выше (299 сл.). Почти всѣ извѣстные примѣры вин. съ неопр. показываютъ зависимость этого падежа отъ личнаго гл. (глаголати, мнѣти, непѣщевати, даже вѣровати съ вин., безразлично означающимъ и непосредственный, и дальнѣйшій объектъ). Встрѣчая же одинъ случай вин. съ неопр. при страдательномъ сказуемомъ („извѣштени суть Іова-339

на пророка быти“, Лук. 20, 6, серб. XIII в. Mikl.), мы вспоминаемъ слова Миклошича: „въ ряду явленій языка, по аналогіи примыкающемъ къ извѣстному правилу, не всѣ члены одинаково близки къ правилу“ (Ueb. ass. cum inf.). Случаи подобнаго удаленія явленій отъ исходной точки многочисленны. Ср. ниже сказанное о формѣ именительнаго въ „правда възяти“.

11. Дательный съ неопредѣленнымъ н. Неопр. н. можетъ здѣсь быть: а) или второстепеннымъ сказуемымъ, подлежащее коего указано дательнымъ (первымъ), напр. приказалъ мнѣ прийти, „позволилъ мнѣ взять“; б) или второстепенною связкою между первымъ и вторымъ дательнымъ. Послѣднее можетъ явиться тогда, когда глаголь, стоящій въ неопредѣленномъ, принадлежитъ къ числу допускающихъ въ извѣстныхъ случаяхъ сочетаніе со вторымъ именительнымъ (см. стр. 151 сл.). При господствѣ начала согласованія, возникаетъ потребность соединить въ одно предложеніе два: „достоить ти“ и (о томъ же лицѣ, о которомъ говорить ти) „еси кроткъ“, „буди кроткъ“; въ результатѣ получается оборотъ съ неопредѣленнымъ въ качествѣ связки внутри составнаго объекта („достоить ти быти кротку“), въ коемъ причина второго падежа заключается въ первомъ. Сущность остается та-же, если 1-й дат. дополняетъ не главное, а второстепенное сказуемое, какъ въ нынѣшнемъ: „прошу позволить мнѣ остаться неизвѣстну“ (неизвѣстнымъ).

Въ обоихъ случаяхъ (а и б) неопредѣленное н. незамѣнимо, такъ какъ нѣтъ выбора между нимъ и причастіемъ. Только „бысть нищюуму умрѣти“ значитъ „случилось, что н. умеръ“; между тѣмъ „бысть нищюуму умрѣшу“ можетъ значить или „случилось умершему нищему“, или (принявши два дательные за самостоятельные) „случилось, когда н. умеръ“. Точно такъ въ „дасть имъ область чадомъ божиємъ быти“ и въ слав. и въ литов. можетъ стоять только неопредѣленное, такъ какъ 340 „дасть имъ... чадомъ сящемъ“, можетъ значить или „имъ, которые были чада Б.“, (подобно тому, что значило бы непосредственное приложеніе „чадомъ“ безъ причастія: „далъ имъ, чадамъ Божиимъ.“) или „далъ имъ, между тѣмъ какъ чада Божіи были, существовали“. Между тѣмъ мы видѣли, что въ лит. „ka sakot mane esanti“ (esant) второй винительный причастія имѣетъ предикативное, а не аппозитивное значеніе.

341 Второй дательный при неопр. свойственъ славянскому, лот.-лит. и отчасти готскому яз. Въ греческомъ на его мѣстѣ стоятъ большею частью другія построенія: указаніе на подлежащее неопредѣленнаго стоитъ въ дательномъ, за-тѣмъ неопредѣленное съ именительнымъ (Io. 1, 12), или винительный съ неопр. какъ въ латин. (Марк. 9, 45); но есть построеніе, вполне соответствующее славянскому: *παῦλι ἄρχοντι προβήκει φρονίμως εἶναι*, всякому начальнику слѣдуетъ быть благоразумну. Гаттала, опираясь на то, что такое построеніе въ латинскомъ постоянно

встрѣчается послѣ licet, а кое гдѣ и при necesse est, contigit, vacat, datur, между прочимъ въ „da mihi fallere, da justo sancto que videri“, считаетъ чешское (а стало быть общеславянское и лотышско-литов.) неопред. со 2-мъ дат. заимствованіемъ изъ латинскаго (Sr. Ml. § 72), что, конечно, ошибочно.

По свойству перваго дательнаго разсматриваемые здѣсь обороты (а и б) могутъ быть подведены подъ два главные разряда, различные и по степени распространенія въ слав. нар. и литовско-лотышскомъ.

А. Первый дат. такъ тѣсно связанъ съ главнымъ сказуемымъ, что можетъ служить ему дополненіемъ и безъ неопредѣленнаго, одного, или со 2-мъ дат.

а) Дат. съ неопр. безъ 2-го дательнаго: како можетъ съ плоть своя дати намъ ѣсти, Остр. е. Io. 6, 52; лит. kaip tas gal mums dūti sawo kupa wālgiti, πῶς δύνатаι οὗτος ἡμῖν δοῦναι τὴν σαρκά φαγεῖν; вездѣ дат. (= намъ) съ одной стороны дополняетъ дати, съ другой — указываетъ на подлежащее неопредѣленнаго ясти. Такимъ же образомъ при томъ же или нѣсколько иномъ значеніи дати: „даша (куны, деньги) купцемъ крутиться на войну“, Новг. I, 8; Петрилу даша посадничать Новугороду, ib. 6; Мирославу даша посадничяти въ Пльсковѣ, ib; въдаша посадничити Якуну Мирославицю, ib. (неопредѣл. накл. здѣсь уже вполне глагольно, какъ видно изъ сравненія съ оборотами: „даша носадничество Нежатѣ Твѣрдятицю“, Новг. I). Рядомъ съ дат. субъекта неопредѣленнаго н. можетъ стоять дат. его объекта, тождественный съ первымъ по формальному значенію и отличаемый отъ него по связи: „недасть имъ (Сѣверяномъ) Козаромъ дани платити Лавр. 10 (23); Олегъ устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и (имъ, Словѣномъ) Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривень 300 на лѣто, ib. Такое выраженіе съ однимъ дательнымъ, вырванное изъ связи, было бы двусмысленно: „устави Варягомъ дань даяти“ — чтобы Варяги или чтобы Варягамъ давали дань. „По вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскимъ, и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, Лавр. ² 123.

Незаповѣдалъ ни одному же бештъствовати и недасть (аор.) слабы ни ѣдиному же сѣгрѣшати, Изб. 1076, 178.

Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотъницъ кунами, Лавр. ² 123.

Азъ же глаголюхъ вамъ неклатиса вамъ отънѣждъ, Мате. 5, 34. (Mikl. Gr. IV, 619). Второе вамъ могло бы и отсутствовать, какъ въ греч.: ἐγὼ δὲ λέγω ἡμῖν μὴ ἀμόσαι ἄλλως.

Глоухымъ творить слышати и нѣмымъ глаголати, Марк. 7, 37, Добрил. ев. 1164, Бусл. Хр. 60 (въ Остр. ев. глоухыа, нѣмыа, какъ въ греч. *τοὺς κοφοὺς ποιεῖ ἀκούειν καὶ τοὺς ἀλλόλους λαλεῖν*); и абице сътвори прослышати глоухоуоумоу.. отъврѣзе ѣмоу оуста и сътворивъ ѣмоу томъ часѣ проглаголати, Supr. 437; обоѣ то пагоубно: и пѣвати, и отъчаятиса; пѣваниѣ бо стоаштоуоумоу творить пастиса, а отъчаниѣ лежаштоуоумоу недасть вѣстати, Supr. 306; недагы сътвори ти рѣшити, ib. 307; солнце помрачи и землю потрясе и твари всей плакаться створи, Кир. Тур. Калайд. 38. Дат. при творити, какъ и въ болѣе новомъ яз.: мр. поробити кому, чеш. *udĕlati komu*.

Богъ, хотя всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истинный приити, непопусти.. Жит. Бор. и Гл., сп. XIV в. Срезн. 19. Хотѣти кому и чему, напр. хоташтии мнѣ зѣлоу, Supr.—Mikl. Gr. IV, 592. Тоже возможно при желать и пр.

„Слава де Богу, что вы насъ застали; мы де вамъ нечаяли назадъ выѣхать, Пут. Лукьяновъ, XVIII в. 98. Чаяти чему, какъ надѣяться чему, Mikl. Gr. IV, 592—3.

Такъ и въ новомъ языкѣ: дай мнѣ пить, приготовь мнѣ умываться, велѣлъ (приказаль, посовѣтоваль) ему прийти, запретилъ ему приходити, помогъ мнѣ встать, пощастилъ мнѣ Богъ дожить.., присудилъ мнѣ Богъ жить.., благословилъ имъ рости и множиться. Бр. дае яму бѣлую рубашку перадѣтца (т. е. въ нее), Ром. Бр. сб. 3, 143; дали яму грошей на дарогу харчицца (ими, на нихъ) ib. 231; справца мнѣ такую хустку, якъ у неби ясное сонца, голуву пакрыць (ею), ib. 305; кажець: „добрый дзень табѣ бѣчь по морю, якъ по мосту, ib. 131. баба сказала дзѣвцы кросны ткаць ib.; нараяли мнѣ людзи пиць молоко и т. п.; мр. загадали козакамъ у походъ ийти; загадали дѣвкамъ Дунай-море плисти; также при звелѣти, порадити, сказати, дати и пр.; зварити (кому) їсти, поставити (кому) обѣдати..

Сюда же дат. съ неопр. при неопредѣленносубъектныхъ сказуемыхъ, 342 а равно и нѣкоторыя изъ выражений, приводимыхъ Миклошичемъ (V. Gr. IV, 857) въ примѣрѣ неопредѣленного, служащаго дополненіемъ (*ergänzung*) не одного глагола, или одного имени, но всего предложения, какъ *ἐπεξίγησις*: се поле сътворено бѣ концемъ тешти, *equis ut current*, Supr. 67, 7; сътворить ми хызиня сѣсти ми въ нѣй, ib. 150, 7; олтарь своѣму коню отълѣчи стаяти, ib. 157, 23: съготоваѣмъ ти ясти пасха, *parabimus tibi pascha, ut id edas*, ib. 310, 28. Ср. русс. Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, Лавр. 54 (123); Изяславъ же оттолѣ перешедъ за Тетеревъ, и ту съсѣде конемъ (дат.) опочивати; обѣдавше ту и конемъ упочивъ, поиде къ Въздвиженью Ип. 55 (287). Изъ послѣдняго примѣра видно, что дательный (конемъ) и безъ неопредѣленного н. можетъ стоять при опо-

чивати, что подтверждается и другими примѣрами: „и ту перепочивше конемъ своимъ (давши отдохнуть) и ѣхаша къ Боровому“, Ип. 140 (450); „ту же сташа на ночь опочивать собѣ“ (какъ выше „конемъ“) ib. 208 (580); поль. *ujáchawszy miłę, postoj koniom chwile, Rysiński, Przypow.*; *juž tam miał koniom wytchnąć i trud otrzeć z czoła hetman z wojskiem, 1690, Wójc. St. Bibl. I, 25*; чеш. *svými ludmi v město vni-da, vojem dobře odročini, Zb. Alexandreid, 52.*

Въ новомъ яз. „купить себѣ гребешокъ чесаться“, „достань себѣ денегъ откупиться“ и т. п.

β) Относительно неопр. со 2-мъ дат. ср. —

Дастъ имъ область чадомъ божиѣмъ быти, О. Ев. Ио. 1, 12.

Дай намъ Богъ за крестьяны и за русскую землю головы своѣ сложи и къ мучениюмъ причтенюмъ быти, Ип. 98.

Судящи же неослабиша тому такому быти (недопустили охолопить дитяти закупленной матери) но господѣ ꙗ повелѣша лихомѣ быти цѣны той, Срезн. Ск. о Бор. 78. Относительно принадлежности 1-го дат. тому къ послабина ср. въ нынѣш. языкѣ послаблять, послаблять, потакать кому и чему, мр. потурати кому и чому.

Лѣпо бѣ и трудоу ихъ законною быти, *ρόμιον αὐτοῦς ἔδει καὶ τοῦ αἰῶνα γενέσθαι, XI в. Будил. 38.*

Оуне бо ꙗсть члвоку отъ истины пользу приѣмлюштю възненавидѣноу быти, паче нежели отъ лицемѣрия врѣженоу възлюблену быти, Изб. 1076, 31.

Подоба всеѣхъ силоѣхъ без-блазна хравитиса чистомъ отъ нечистыхъ дѣлъ, Изб. 1073, 27.

Подобаѣтъ сыну челоуѣчьскоуоуму много пострадати и искоушеноу быти и оубиѣноу, О. Ев. Марк. 8, 31; Лук. 24, 7.

Бысть же оумрѣти нищоуоуму и несеноу быти ангелы на лоно Авраамле, ib. Лук. 16, 22.

Приключиса ту быти прислану Володимеромъ Рюриковичемъ митрополиту Кирилу, Лавр. 190.

Се, брате, мира еси нелюбиль, а намъ уже нельзѣ недоспѣшнымъ быти, Ип. 142.

Луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чужѣ славу быти (кому), Ип. 155; луце же бы потяту быти (кому), неже полонену быти, Сл. о П.

Въ болѣе новомъ влр. и лит. русск. яз.: и отъ своихъ трудовъ ве-343 лѣлъ имъ сытымъ быть, О горѣ злоч.; (по смерти отца и брата) надо слыть да бѣдной дочери безотней, какъ печальной сестры да мнѣ-братней, Барс. Причит. I 266; дай Богъ (мнѣ) живой убраться, Крыл.; хотѣлось бы остаться мнѣ одной, id.; пустынноу тому соскучилось

быть вѣчно одному, id.; затруднительно это дѣлать самому; невыносимо оставаться одинокимъ (тв. изъ дательнаго). Выраж. „сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины“, Фонвиз., можетъ быть понято двояко, смотря по тому, считать ли великой за 2-й дат. (что согласно съ языкомъ Фонвизина), или за замѣнившій его творительный. Тоже въ слѣд.: „трудиться пѣлый вѣкъ, и чтожь имѣть въ виду? безвѣстной умереть со всѣми на ряду“, Крыл., т. е. имѣть въ виду (ей) умереть безвѣстной (-ою). Второй дат. существительныхъ, нынѣ въ русск. лит. невозможный, встрѣчается еще у Фонвиз.: „вижу напередъ, какому грамотѣю (2-й дат.) ему (1-й дат.) быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику (2-й дат.), учася у Цыфиркина“; „надобно быть (кому? человекѣ, нѣкому) Скотинину (2-й дат.), чтобъ вкусить такую блаженную кончину“.

γ) Въ существенномъ отношеніе перваго дательнаго ко главному сказуемому неизмѣнится, если мы напр. вмѣсто „по-добѣ ѣсть сыну пострадати“ поставимъ только одно безличное ѣсть (ѣсть сыну пострадати), которое въ позднѣйшемъ языкѣ можетъ быть и опущено. Этимъ обороту сообщается такой видъ, какъ будто дат. тяготѣть только къ одному неопредѣленному накл.—иллюзія, исчезающая, какъ скоро вмѣсто настоящаго врем. безличнаго глаг. понадобится поставить другое (тебѣ было быть.., лотыш. *tew bija but.*). Такимъ обр. сюдаже относятся примѣры, какъ:

Небыти нама (1-й дат.) живымъ отъ тебе, Лавр. 76; тоже бы („бы“ какъ союзъ) намъ (есть), все видяще предъ очима, лучшимъ быти, мы же быхомъ пуцъши, Новг. I, 47.

344 Въ болѣе новомъ языкѣ: быть тебѣ отъ невѣсты истравлену, еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену, изъ злата-серебра быть убитому, О горѣ злоч.; быть тебѣ, травонька, посѣченной и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной, ib.; быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловеной, быть тебѣ да и съѣденой, ib.; кому въ эту дороженьку ѣхати, (тому) богату быть, а въ дрѹгую поѣхати — жонату быть, а во третію да ѣхати — убиту быть, Олон. был. Пам. и обр. I, 353.

Въ млр.: велів поганій бути погоді, Котл., т. е. звелів погоді бути поганю; ой якже мені веселому бути, веселому бути, одрадному? Метл. 71; якже мені молодесенькій несидіти смутнесенькій, ib. 220.

Въ другихъ слав. нар. см. Mikl. V. Gr. IV, 140—1. Въ стар. чеш. при опредѣленно личныхъ (*dopustil mi veselu byti*) и безличныхъ гл. и сказуемыхъ *jest, nesluší, nelze, není snadné* и пр. — Hatt. Sr. mluvn. § 72, Zikm. Skl. 197, 651. Въ ст.-польскомъ: *każdemu z małżow niedosyć jest. harnosza być ubranu cudnością, acz obyczajami i naukami niebandzie okraszón, XV в. Ks. Ust. 14; pakliby tej isteј niewiescie dłużej żywie być, niżli takemu małżu, przigodziłosią.* ib. Въ сербскомъ такъ до-нынѣ, съ

ограниченіемъ этого оборота обычною замѣною неопредѣленнаго накл. развитымъ предложеніемъ. См. Дан. Синт. I, 360—1.

Въ литовскомъ а) при личныхъ глаголахъ: *nerawydėk jam liksmam but*, букв. незасри ему быть веселу, т. е. незавидуй, что онъ веселъ; *duk mums naujė meta sweikėms sulaukti*, букв. дай намъ новый годъ здоровымъ со(=до)ждать, Schl. Lit. Gr. 266—7, гдѣ невѣрно мнѣніе, что дат. *sweikėms* стоитъ вмѣсто именит. *sweiki* (тогда какъ, напротивъ, именит. былъ бы неумѣстенъ при дат. *mums*) и что будто творит. *swaikais* былъ бы здѣсь стариннымъ оборотомъ сравнительно съ датель., а не на-оборотъ; б) при безличныхъ сказуемыхъ: *geraus tau yra 345 lószam (ó=ù) įeiti į gyvatą, nekaip...* (=млр. ніж як.) и пр. Марк. 9, 43, 45; *nūsipirka drebužiu, kad nereiktu suskurusėms eit*, Schl. Les. 213, купили себѣ одежды, чтобъ ненужно было (имъ) ходить ободраннымъ; послѣ *pareitis*, слѣдуетъ, приходится (Schl. Gr. I. c.) и др.

Тоже въ латыш.: *lai dīvs jums palīdz weselīm tapt*, пусть Богъ вамъ поможетъ здоровымъ стать; *tew bija paklausīgam but*, тебѣ было послушно быть, и пр. Biel. Lett. gr. § 581, гдѣ слѣдовало бы исправить мнѣніе, что здѣсь второй дательный аналогиченъ съ лит. и слав. творительнымъ, а не равенъ такому же дательному. Этотъ послѣдній въ лит. и слав. замѣненъ отчасти творительнымъ, а въ латыш. остался.

Б. а) При главномъ сказуемомъ, допускающемъ дополненіе въ дательномъ, стоитъ первый дательный съ неопредѣленнымъ, но нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ если-бы онъ стоялъ безъ неопредѣленнаго. Напр. „повелѣ събору быти“ (Mikl. V. Gr. IV, 619) значить не „повелѣлъ (обращаясь къ) собору, чтобы онъ былъ“ (въ томъ смыслѣ какъ мы говоримъ: приказалъ такому то быть у себя), а повелѣлъ, чтобы соборъ былъ, состоялся; но и здѣсь дат., „събору“, небудучи уже не- 346 посредственнымъ предметомъ, къ которому представляется направленнымъ дѣйствіе „повелѣ“, означаетъ все таки предметъ, къ коему идетъ дѣйствіе черезъ посредство другихъ предметовъ: онъ повелѣлъ, хотя и не самому собору, коего еще небыло, но лицамъ, черезъ коихъ это повелѣніе дошло до собора. Въ „повелѣ книгамъ написати се и посланомъ быти“, XV в. Mikl. I. c. въ основаніи значенія *jussit litteras scribi*,.. чтобы письма были написаны, лежитъ представленіе, что повелѣніе обращено ко книгамъ: книги! будьте написаны. Почти то-же въ „неплодвн ли невѣруеши родити, τὴν στείραν ἀπιστεῖς γεννῆσαι, XIII в. Mikl. ib.; въ основаніи — представленіе „вѣровать кому“, а за-тѣмъ — вѣровать, что нѣкто сдѣлаеть, — что неплодная можетъ родить. „Рѣхъ прѣмъдрости моѣй сестрѣ быти, εἶπον τὴν σοφίαν ἐμὴν ἀδελφῆν εἶναι, XI в. Будил. 38; сей смокви съказателѣ рѣшм о жидовстѣ съборѣ приложенѣ быти, Supr. 255. Эти обороты допускають двоякое пониманіе: собственное, думаю—болѣе древнее, образное „я сказалъ премудрости,

т. е. обращаясь къ ней, какъ лицу, что она мнѣ сестра“, „сказали смоковницѣ (т. е. притчѣ о ней), что она примѣнена къ..“ и позднѣйшее, переносное: „сказаль, что премудрость“.., „сказали, что притча о смоковницѣ...“. При первомъ пониманіи дат. съ неопр. есть оборотъ столь же зависимый, какъ въ „приказаль мнѣ прийти“; при второмъ онъ обособляется въ придаточное предложеніе. По поводу „недобро ꙗсть многомъ Богомъ быти“, Супр., *non convenit multos esse deos*, Миклошичъ замѣчаетъ: „было бы извращеніемъ смысла связывать дат. съ „добро“, потому что это значило бы „es wäre für viele götter nicht gut zu sein“. Конечно такъ; только то значеніе дательнаго, какое находимъ здѣсь, предполагаетъ безразличіе и за-тѣмъ колебаніе между дательнымъ, непосредственно примыкающимъ къ ꙗсть, и дат. независимымъ отъ него. Подобно этому, по моему мнѣнію, винит. съ неопр. и съ причастіемъ, независимый отъ глагола, возникъ изъ зависимаго черезъ посредство неясности различія между непосредственнымъ и посредственнымъ предметомъ воспріятія.

б) За-тѣмъ уже 1-й дат. съ неопр. лишается отпечатка своего происхожденія, отодвигаясь отъ глагола, къ которому дат. могъ бы быть дополненіемъ (на пр. аште ли кто ꙗште выпрѣкы глаголѣтъ и пьрить сѧ, глагола, жидовѣтѣ съборѣ приложенѣ быти смокви, вѣштаи...“ Супр. 256), появляясь и при глаголахъ, которые сами по себѣ вовсе недопускаютъ дательнаго: увѣдѣша нѣкоѣму отъшьльцу быти на мѣстѣ томъ, *cognoverunt eremitam quemdam esse in eo loco*, Супр.; мнѣж, явѣ быти глаголѣмоуоумоу, Супр. 304; и немните, яко Евзѣ, прельститися вамъ, Кир. Тур. Калайд. 14 (что вы, какъ Ева, будете прельщены); прѣдай хотѣниѣ Богоу.. и непроси, воли твоѣи быти, Изб. 1076, 50 (чтобы была); Иоулиняни.. обѣштасѧ пожръти богомъ и быти ꙗи женѣ ми и госпожди цѣсарствоу моѣмоу, Супр. 1; толико множество штедротъ показа о мѣѣ господь, яко же аггела своѣго посылати къ мнѣ, быти ꙗмоу съ мноѣж въ инѣж, Супр. 93 и пр. (См. Mikl. Gr. IV, 619—20).

347 Такіе примѣры встрѣчаются и въ стар. русской письменности („князь Домонтъ нестерѣѣ обидимѣ быти землѣ“, Пск. I, 182; то се со мноу цѣловаль крестъ, ходити нама по одной думѣ обѣма, Лавр. 207 (458), и за тѣмъ съ союзомъ: „цѣловали бо бяху хрестъ честьныи къ Мъстиславу, яко вѣѣмъ одинакымъ быти, Новг. I, 34); но въ позднѣйшемъ языкѣ они исчезаютъ безслѣдно, согласно съ исчезновеніемъ оборотовъ „увѣдаша князя идуча“=что к. идетъ.

Въ примѣрахъ, какъ „увѣдѣша нѣкоѣму быти“ заключено указаніе на возможность случаевъ, когда оборотъ „дат. съ неопредѣл.“, ставши независимымъ отъ дополненія главнаго сказуемаго, получаетъ возможность присоединяться къ сказуемому, дополняемому винительнымъ („увѣдаша (то): ꙗму быти..“) и т. о. отклоняется отъ начала согласованія:

сего Дия (attractio, вм. съ Дии), ꙗго-же мѣниши Богоу быти (т. е. ꙗму=что онъ Богъ), чловѣкъ бѣ, Supr. 5;

а Христось вашъ, ꙗго же глаголюте крѣстьяни быти Богоу небесскоуоуму, не отъ жены ли родиса? ib. 6;

исповѣждь ма прѣдъ нимъ быти ми рабоу твоѣмоу, ib. 77;

нарече та господь патриархоу (ти) быти сватѣи прѣкви своѣи и быти ти прѣимникоу и намѣстникоу врѣховняго апостола Петра, ib. 92;

мнози же моляхоу и прити ꙗмоу въ дома ихъ, ib. 151;

обнажиша меча и, прострѣше нань своѣа рѣкы, нѣждахъ и принести ꙗмоу (чтобы онъ принесъ) имѣниѣ ib. 28;

поучивъ ѣа словесы многы тврѣдомъ и непозыбномъ (имъ) прѣбывати на камени вѣры господьна, ib. 152;

хощу же васъ безпечальномъ быти, I, Коринѣ. 7, 32, Остр. библ. у Добров. III, § 52;

Господь мои.. сподоби мя съобщнику (ми) быти славы святыхъ твоихъ, жит. Феод., Уч. Зап. II, 2, 190.

Нѣмцы просили его величество (вин.) быть увѣрену, что...; присудилъ его быть посаженому на коль, Пушк. Бусл. Gr. § 244, 3, пр. 3.

Такіе же случаи и въ лотышскомъ: *lái Dīws jūs* (вин.) *stiprina bezvainīgīm* (дат.) *but un palikt*, пусть Богъ васъ укрѣпитъ безвиннымъ (дат. мн.) быть и остаться, *Bielenst. Lett. Gr. § 581*. Ср. въ сербскомъ случаи, когда при главномъ сказуемомъ съ наличнымъ или подразумеваемымъ дательнымъ стоитъ неопредѣленное не съ дательнымъ же (что составляетъ правило: боље је (кому?) и рањену (бити) него убијену) и не съ замѣнившимъ 2-й дательный творительнымъ („тешко се кадијом назвати, а онда доста меда“, какъ и въ русс.), а съ именительнымъ, что въ русс. непримѣрно: боље је бити господар од паља, него слуга у Нови; боље је бити пијевац један дан, него кокош мјесец; „боље је рањен (бити) него убијен, Кар. Посл. 22—3. Отчасти сходно съ этимъ въ новонѣм. неопред. со 2-мъ именительнымъ, отнесенное къ винительному дополненія главнаго сказуемаго: *ich bat ihn der erste und der letzte auf dem platze zu sein*. Въ гот. и др. нѣм. здѣсь стоялъ бы 2-й винительный (*Grimm, Gr. IV, 123*). Другого рода несогласованіе является въ чешск. въ случаяхъ, когда 2-й дат. един. ч. при неопредѣленномъ остается неизмѣненнымъ, въ какомъ бы родѣ и числѣ ни стоялъ первый дательный: *nám náleží vděčnu býti*, *Zikm. Skl. 652*; *Hatt. Sr. Ml. 94*. Это приближеніе имени или причастія къ нарѣчію. Ср. „безвѣстно (вмѣсто безвѣстну, безвѣстной, безвѣстнымъ или, съ замѣною дательнаго творительнымъ, безвѣстнымъ, безвѣстною, безвѣстными) умереть“, „лишь бы счастливо добратся“ и т. п.

Какъ въ греч. и лат. винит. съ неопр., разорвавши связь со сказуемымъ, отъ коего нѣкогда зависѣлъ винит., можетъ быть видвинуть на

мѣсто подлежащаго (*βασιλέα εἶναι καλόν ἐστιν*, regem esse pulchrum est.); такъ въ слав. дат. съ неопр.: сначала— „хорошо (есть кому либо) быть царемъ (вм. дат.)“; потомъ— „быть (кому либо) царемъ—хорошо“. „Замужъ выйти (кому либо)—горе мыкать“; „видѣть (кому) во снѣ жемчугъ значить слезы (v.—къ слезамъ); „быть биты во снѣ значить пить (v.—къ попойкѣ); „сидиться (кому?) негодится и стоять (кому?) нехорошо, Шейнъ, Р. н. п. 486. Самостоятельность, т. е. предикативность такого неопредѣленнаго явствуется изъ того, что второе предложене можетъ имѣть свое подлежащее, напр. мр. „з вами (мені) разлучитися, се (=вр. это) смерть моя“, Квитка.

Незнаю, заслуживаетъ ли вышеприведенное объясненіе перваго дательнаго мѣстнаго, что оно можетъ удаться только „mit etwas list und gewalt; und die sprache schreit nicht, wie das kind in Erlkönigs armen“, Mikl. V. Gr. IV, 621.

Гриммъ, указавши на то, что дат. съ неопр. встрѣчается послѣ безличнаго varth (= бысть, *ἐγένετο*) въ готскомъ (рядомъ съ асс. cum inf.) и болѣе ни въ какомъ изъ герм. нар., говорить: „дат. въ varth than gasviltan thamma unlêdin, бысть же оумрѣти нищюоуму, Лук. 16, 22, неотносится къ varth въ томъ смыслѣ, какъ онъ относится къ безличному сказуемому въ „es begegnete ihm, dass., ибо въ противномъ случаѣ дат. непосредственно стоялъ бы при varth“ (Gram. IV, 115); но я думаю, выраженія „бысть умрѣти нищюуму“ и бысть нищюуму умрѣти“ и въ гот. и въ слав. одинаковы по отношенію къ дательному. Въ самомъ готскомъ первый дательный можетъ быть и отдѣленъ отъ неопредѣленнаго, какъ въ „gôth thus ist hanfamma (2-й дат.) in libáin galeithan, tháu tvans handuns habandin (2-й дат.) galeithan in gafeínnan; gôth thus ist galeithan in libáin haltamma (2-й дат.), tháu tvans fôtuns habandin (2-й д.) gaváirpan in fôn = добрѣе ти ксть бѣдъникоу въ животъ вѣнити, нѣже обѣ рѣцѣ имѣщу вѣнити въ геенѣ; добрѣе ти ксть вѣнити въ животъ хромоу, нѣже двѣ нозѣ имѣщу вѣврженоу быти въ огнь, Марк. 9, 43, 45 (Ср. Grimm Gr. 124. Mikl. Ueb. den Acc. cum inf. 500).

Миклошичъ (I. с. 490) полагаетъ, что причина перваго винительнаго 348 и дательнаго при неопредѣленномъ должна заключаться въ этомъ послѣднемъ и что неопр. н. только потому можетъ требовать обозначенія своего субъекта косвеннымъ падежемъ, что оно по своему происхожденію есть имя, что въ этой косвенности падежа подлежащаго—единственное отличіе неопредѣленнаго н. отъ личнаго глагола“¹⁾. Объ-

¹⁾ Это доказательство для меня неясно, такъ какъ происхожденіе слав. неопр. отъ косвеннаго п. должно бы, по-видимому, требовать обозначенія подлежащаго неопредѣленнаго въ томъ-же одномъ падежѣ; между тѣмъ мы видимъ, что указаніе на подлежащее неопр. можетъ быть дано не только винительнымъ, дательнымъ, но и именительнымъ.

ясненіе ст.-сл. и гот. дательнаго съ неопредѣленнымъ изъ дательнаго, служащаго дополненіемъ главному сказуемому, оказывается, по его мнѣнію, призраннымъ, „какъ скоро сравнимъ ст.-сл. *dat. cum inf.* съ тѣмъ явленіемъ того-же языка, что и такъ называемыя отвлеченныя глагольныя имена (*verbalnomina*), то есть имена, образованныя отъ прич. прош. страд. посредствомъ суф. *иѣ*, точно такъ, какъ неопр. н., принимаютъ субъектъ въ дательномъ, который здѣсь не можетъ зависѣть отъ предшествующаго глагола. Отсюда видно, что вообще имена, стоящія въ болѣе близкой связи съ глаголомъ, къ коимъ въ формальномъ отношеніи принадлежитъ и неопр. н., въ ст.-сл. могутъ имѣть при себѣ субъектъ въ дательномъ. Въ этихъ именахъ, равно какъ и въ неопр. н., дѣйствіе представлялось отнюдь не абстрактно, но такъ, что при немъ мыслился нѣкто его совершающій“ (*Ueb. den acc. cum inf.* 493—4). Слѣдуютъ примѣры, которые см. и въ его-же *V. Gr.* IV, 620: прѣжде пришествія Христосу; по при-ати ми отъ Бога великій даръ; по остатии ѣму сиру и пр.

Съ своей стороны, я думаю, что это доказательство далеко не рѣшительно. Дат. въ „отъшествіиѣ Савѣ“ („по отъшествіи житію Кирь 349 Савѣ“, *ib.*) принадлежитъ къ дательнымъ принадлежности, о которыхъ см. *Mikl. V. Gr.* IV, 605 слѣд.; Будил. Изсл. 36. Конечно, между значеніемъ объекта въ дательномъ „создатель небу“ и дательнымъ въ „отъшествіиѣ ми“ чувствуется разница; но она безусловна значеніемъ самого дательнаго, а вытекаетъ изъ значенія имени, при коемъ стоитъ этотъ падежь. Такъ-какъ въ сущ. конкретныхъ субстанціа представляется реальною, то дательный при нихъ можетъ имѣть только значеніе другого, посторонняго предмета, къ которому первый находится въ извѣстномъ отношеніи. Но въ сущ. отвлеченныхъ, каковы впрочемъ не одни только на *-ниѣ*, *тиѣ*, субстанціа представляется менѣе или болѣе фиктивною, и смотря по этому тотъ-же дат. принадлежности при нихъ даетъ или значеніе чистаго объекта (сзданниѣ миру“ какъ „создатель миру“), или, такъ сказать, объекта-субъекта, т. е. такого объекта, коему представлено принадлежащимъ дѣйствіе, имѣющее явнофиктивную субстанціальность: восходъ солнцу (когда солнце восходитъ); стар. отъшествіиѣ ми (когда я ухожу). Теперь спрашивается: изъ того, что въ „восходъ солнцу“ дательный тяготѣетъ къ одному существительному, можно ли заключать къ тому, что въ „бысть ницууму умрѣти“, „нищему случилось умереть“ дательный нетяготѣетъ ко глаголу, а только къ одному неопредѣленному? Такъ можно бы думать только въ томъ случаѣ, если-бы такой дательный не могъ стоять при одномъ глаголѣ, безъ неопредѣленнаго.

Съ попыткою изъ именнаго характера инфинитива объяснить дательный дѣйствующаго предмета въ „миѣ (есть) быти“ отчасти сходна

другая: изъ первоначальнаго дательнаго п. инфинитива объяснить стоящій при немъ дательный дѣли въ литовскомъ:

„Употребленіе дательнаго п. вм. винительнаго при неокончательномъ
350 накл.: „аш тав дүсіу шилку скускяля ашарелей нушлүстит“, я тебѣ дамъ шолковый платочекъ слезѣ (т. е. слезу) вытереть; „неприсамдиси сункём дарбялём дирбтѣ“, ты ненаймешь (работника) труднымъ работушкамъ работать; „некожна бурна путрај сребтѣ“, не каждый ротъ брагѣ (т. е. брагу) пить; „менкас вирас ругёмс кирст“, слабый человекъ (чтобъ) ржи (дат.) косить; „саусас мядис лајвуј дарит“, сухое дерево челноку (т. е. челнокъ) дѣлать; „бачка алуј пилт“, бочка пиву вливать; „вѣдрас ванденюј няшт“, ведро водѣ (=у) носить. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ дат. стоитъ только при инфинитивѣ, и никакъ нельзя сказать напр. дарбялём дирбо, или ругёмс кирто. Слѣдовательно въ инфинитивѣ слѣдуетъ искать и объясненія подобнымъ оборотамъ. Объясненіе можетъ быть только то, что въ инфинитивѣ еще чувствуется его происхожденіе, дательный п. отглагольныхъ именъ съ суф. -ти“. Аналогично съ этимъ „то свойство ведійскихъ инфинитивовъ, которое Бенфей (Kurze Sanskr. Gr. 237) называетъ аттракціей. Такъ вм. Vrtram hantave (inf.) Вритру убить, въ Вѣдахъ—Vrtraya hantave Вритрѣ убить“. Возстановляя значеніе дательнаго для инфинитива во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ, находимъ объясненіе и дательнаго дополненія. Напр. „ашарелей нушлүститѣ“ значить собств. (платочекъ) слезинкѣ для (ея) утиранія (В. Миллеръ, Моск. унив. изв. 1872, IV, 529—30). Мнѣніе, что дат. объекта при неопредѣленномъ возникъ въ силу уподобленія (аттракціи) дательному неопредѣленнаго высказывалось и раньше, и позже, многими учеными. Такъ, относительно литовскаго, Шлейхеръ говоритъ, что въ „некүжна бурна путрај сребтѣ“ вм. дательнаго „путрај“ долженъ бы стоять винит., зависимый отъ „сребтѣ“, а оно само должно бы стоять (т. е. стояло нѣкогда) въ дательномъ: „невсякій ротъ хлебанью кашу“ (т. е. невсякому рту кашу ѣсть (Lit. Gr. 311). О томъ же случаѣ и примѣрѣ Миклошичъ: „дат., стоящій вм. винит., объясняется (wol nur) уподобленіемъ слѣдующему неопредѣленному и говоритъ въ пользу того, что неопр. н. пошло отъ дательнаго (V. Gr. IV, 844). Тоже относительно древ. инд. Jolly, Gesch. des infinitivs 263; Шерцль. Синт. др. инд. яз. 168.

Мнѣ положеніе вопроса о дат. съ неопр. представляется въ такомъ видѣ:

Оба слѣдующіе типа дательнаго съ неопр. находятъ соотвѣтствіе уже въ языкѣ Вѣдъ и т. о. восходятъ ко глубокой древности.

а) Дательный указываетъ на субъектъ неопредѣленнаго: русс. „искова лъжицѣ ясти дружинѣ“, лит. asz daviáu tav máno suną nuszáut, я даль (поручилъ) тебѣ своего сына застрѣлить (Schl. Gr.); инд. пунѣтана сѣмам Индрѣја пѣтавѣ, очищайте сому Индрѣ пить (Шерцль, Синт.

др.-инд. яз. I, 169). Сходно съ этимъ построение двухъ аблятивовъ: имени дѣйствія и его субъекта, въ зависимости отъ глагола бояться (одного изъ тѣхъ, которые и въ славян. требуютъ родительнаго): Индрасја ваджрѣд абибхѣд абхишнатһаһ, Индры отъ громовой стрѣлы боялась (Ушас, заря) отъ пронзенія, т. боялась, что ее пронзигъ перунъ Индры (Шерцль ib. 170).

б) Дат. указываетъ на объектъ неопредѣленнаго: ст.-русс. „налѣзе мастера. . иныхъ олову ляти, иныхъ крыти, иныхъ извистью бѣлти“ Лавр. 173 (390); „а вы плотници суще (= т. к. вы плотники), а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ“ ib. 61 (138). Ст. чеш. *pauci je provazóm plesti; uč mé mazancóm jesti* (ср. учить чему); *kurichu jedno pole rútnikóm hříesti*, т. е. для погребенія иностранцевъ (Mikl. Gr. стр. XII, дополн. къ 844). Лит. аш тав дусю шилку скускаля ашарелей нушлустит“ я тебѣ дамъ шелковый платочекъ слезѣ (т. е. слезу) утереть и т. п.; др. инд. *пибѣ Вртрѣја хантавѣ, пей Вритрѣ убіенію* (т. е. чтобы Вритру убить), Шерцль I. с. 169—170.

Въ случаѣ б) принимаютъ, какъ упомянуто, дат. какъ „Вртрѣја“ за слѣдствіе аттракціи со стороны дятельнаго „хантавѣ“, что было бы возможно лишь до тѣхъ поръ, пока доинфинитивное слово чувствовалось, какъ имя дѣйствія въ дательномъ, и невозможно, когда это слово стало, какъ въ лит. и слав., безнадежнымъ, чисто-глагольнымъ инфинитивомъ. Т. о. тому отдаленному времени, когда доифинитивное слово было существительнымъ въ дат. (ляти=лיתю, т. е. для литья), приписывается замѣна подчиненія другъ другу различныхъ падежей (ляти олово) соподчиненіемъ падежей одинаковыхъ (мастеръ олову ляти). Такое предположеніе, идущее противъ замѣченнаго теченія языка отъ соподчиненія, паратактичности, къ подчиненію, излишне. Когда можно было сказать въ др. инд. чакшур дрсајѣ, око зрѣнію (т. е. для зрѣнія, чтобы видѣть), въ лит. *baczka pilt*, въ смыслѣ „бочка для наполненія [какъ и нынѣ говорится *rugei séklaì, rožь посѣву*, т. е. на сѣйбу, для посѣва]; тогда, по всей вѣроятности, столь же можно было сказать и въ др. инд. чакшур сурјѣја, око солнцу, т. е. для (видѣнія) солнца, лит. *baczka ałui*, бочка пиву, т. е. для пива [въ родѣ того какъ *нозиѣ* въ чеш. *boty do bláta*, поль. *szczotka do bótów* (сапожная), *do ludzi człowiek (ludzki)*, мр. (жона) „не до любви, не до розмови, не до серденька мого“]. Изъ сложенія этихъ выраженій возникли: др.-инд. чакшур дрсајѣ сурјѣја (Шерцль I. с.), око для зрѣнія для солнца (=чтобъ видѣть с.), *baczka ałui pilt* и т. п. Оба дательные, и оставшіяся въ литов., др. русс., и превратившіяся въ инфинитивъ, равномѣрно тяготѣютъ къ своему дополняемому, будетъ ли оно именемъ или глаголомъ. Поэтому немудрено, что (какъ замѣчаетъ Вс. Миллеръ въ доказательство тяготѣнія дательнаго только къ инфинитиву) нельзя сказать „дарблѣмъ дирбо“ работамъ работаль, а можно только

„присамдиси дарбялём дирбти“. Замѣняя болѣе древній дат. (какъ въ стар. русс. „другія (люди) работѣ предасть мужемъ своимъ, Лавр. 25; „Ятвязи. общавахуся работѣ быти ему и города рубити въ землѣ своей, Ип. 194) позднѣйшимъ „до работы“ (какъ „стати до помочи), можно бы передать эффектъ литов. выраженія малорусскимъ „наймеш (в. невсяк здатен, добрый, дужий) до работы робити (п, т. е. работу), въ коемъ не замѣна дательнаго стоитъ вм. винит. при неопредѣленномъ, а это послѣднее вовсе неимѣетъ дополненія.

Разница между дательными въ выраженіяхъ типа б) (мастеръ олову льяти) и типа а) (лѣжицѣ ясти дружинѣ) явствуется только изъ контекста. Выраженіе а) тоже первоначально значило: ложки для ѣды для дружины, т. е. оба дательные, и дѣйствія, и лица, представлялись одинаково субстанціальными, вещественными, и равномѣрно соподчиненными своему дополняемому. Отъ дѣйствительной субстанціальности имени дѣйствія языкъ идетъ къ его мнимой субстанціальности („для ѣды (мнимая субстанція) дружины) и его глагольности (ѣсть дружинѣ, чтобѣ ѣла дружина). Подобнымъ образомъ въ мр. пѣснѣ:

Терла-б я лавки, щобъ були гладкі..

Все для свекрухи та для старенької,

Та для приїздоньку її (Метл. 126),

= для свекрови и ея приїзду (свекров и ея приїздъ—равновещественны), т. е. (что позднѣе) ради приїзда свекрови.

Отъ первоначальнаго сходства выраженія типовъ а) и б) переходятъ къ различію, состоящему въ томъ, что только изъ а), заключающихъ въ себѣ указаніе на субъектъ, развиваются относительно самостоятельныя второстепенныя придаточныя предложенія, аналогичныя съ лат. греч. *accus. c. inf.*

Нѣкоторые частные случаи дат. съ неопредѣленнымъ рассмотрѣны ниже под. 12, 13.

352 12. Неопредѣленное съ явнымъ или подразумеваемымъ дательнымъ при безличномъ сказуемомъ „есть“ и пр. По словамъ Буслаева, „означая необходимость или возможность“ (стало быть, имѣя наклоненіе въ собственномъ смыслѣ слова), „неопредѣленное н. употребляется, какъ сказуемое безличное, при которомъ подразумевается лѣзя, нелѣзя, должно. Ставится оно во всѣхъ трехъ временахъ съ явнымъ или подразумеваемымъ глаголомъ“ (Гр. § 196) Но, во-первыхъ, несомнѣнно, что подразумеваемое лѣзя и пр. есть фикція, служащая для объясненія модальности разсматриваемаго оборота, но неподтверждаемая исторіей языка. Во-вторыхъ, принявши за исходную точку оборота „ему ѣхать“ сочетаніе „ѣму ѣсть (обѣ, было ѣсть и пр.) ѣхати“, мы видимъ, что безличенъ здѣсь глаголь, а не неопредѣлен-

ное н. (подлежащее коего здѣсь такъ-же явственно, какъ и въ „приказаль ему ѣхать“), и что время здѣсь принадлежитъ тоже глаголу, а 353 не неопредѣленному, которое само по себѣ въ славянскомъ и литовско-лотышскомъ времени неимѣетъ. Согласно съ этимъ дальше В. ограничиваетъ свое положеніе тѣмъ, что „собственно говори въ этомъ случаѣ („ему ѣхать“) неопред. н. есть только дополненіе къ безличному глаголу, точно такъ, какъ въ „могу дѣлать“, „можно дѣлать“ (ib. 200, 4). Мы, переводя это на свою терминологию, скажемъ съ нѣкоторыми поправками: а) неопр. накл. здѣсь, какъ вообще, бываетъ только второстепеннымъ сказуемымъ, получающимъ модальные и личные отбѣнки лишь отъ слова, при коемъ стоитъ, или по крайней мѣрѣ не безъ его помощи; б) неопр. н. въ „мнѣ ѣхать“ должно быть разсматриваемо въ ряду другихъ оборотовъ съ безличнымъ сказуемымъ, которые были съ нимъ совершенно однородны.

Таковы въ славянскомъ и литовско-лотышскомъ слѣдующіе:

Ст.-сл. довлѣѣтъ (ми быти), довольно, достаточно, лит. *gana* уг, лот. *ig gan*; достоинъ, недостинъ, достоино ѣсть, лит. *man tinka*, *man pūlasi* (пол. *wypada*, *nieprzypada*), *man perareitis* (неприходится), лот. *pideras*, *klājās*, *perīklājās*, слѣдуетъ, неслѣдуетъ; подобаѣтъ (мр. не-подоба, не-подобонька), лит. *man reik* (мнѣ нужно необходимо, слѣдуетъ), лот. *man wājaga* (прош. *wajadzēja*), *nākas*, *pīnakas*; лъзѣ ѣсть; лѣтъ ѣсть; удобѣе ѣсть; унѣ ѣсть (лучше). Въ новомъ яз.: хочется (лот. *man grībās*) желается (желательно), жаль (лот. *man ig žel*), случается, приключается, доводится, приходится, пригожается, бываетъ, будетъ (въ зн. довольно), годится, придается, стѣбитъ, нужно, можно, должно, диво, недиво (сдѣлать то-то), нечудо („когда перенимать съ умомъ, тогда нечудо и пользу отъ того сыскать“ Крыл.), мнѣ воля, неволя (лит. *man newale*, лот. *ig walia*), мр. шкода и шкода. Относительно оборотовъ съ существительными слѣдуетъ замѣтить, что ихъ именитель- 354 ные („неволя“) суть теперь уже не подлежащія, а предикативные атрибуты, и что они въ той-же мѣрѣ безличны, какъ нѣм. „es ist schade“. Нemoжетъ быть сомнѣнія, что обороты съ глаголами, напр. „довлѣѣтъ ученику быти яко учитель“ слѣдуетъ понимать не такъ, что неопр. н.—подлежащее („бытіе довлѣѣтъ“), а такъ, что въ главномъ сказуемомъ подлежащее неопредѣлено (оно, неизвѣстно что, довлѣѣтъ), а во второстепенномъ опредѣлено дательнымъ, что явствуетъ изъ „довлѣѣтъ оученикоу да бѣдетъ (=быти) яко оучитель и рабоу да бѣдетъ яко господь ѿго“, О. Ев. Мат. 10, 25.

Къ числу безличныхъ сказуемыхъ, которыя немогутъ такъ обр. сочетаться съ неопредѣленнымъ, принадлежатъ глаголы воспріятія. Хотя можно сказать напр. „мнѣ хочется быть здоровымъ“, но нельзя сказать

„мнѣ кажется быть здоровымъ (т. е. что я здоровъ), мнѣ видится (чувствуется, чудится) болѣть“, „мнѣ снится (грезится, мерещится) летѣть“.

Напротивъ, особенно обычны сочетанія съ неопредѣленнымъ безличныхъ *ес-*, *бы-*, *бѣде-*, причемъ *чѣмъ* болѣе конкретно значеніе этихъ формъ, тѣмъ менѣе тѣсна связь ихъ съ неопредѣленнымъ.

а) Аще бѣдетъ обрѣсти *ѣж* (овца), О. ев., Мат. 18, 13, *ἐὰν γένηται εὐρεῖν*, si acciderit ut inveniat, серб. ако се догоди да је нађе, если случится. Въ ст.-русск. аще ли вы будетъ (=случится) крестъ цѣловати къ браты или къ кому, а ли (то лишъ) управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, то же цѣлуйте, Лавр. 102; онъ поидеть передъ тобою ко Рси, а тобѣ будетъ (прійдется), оставяче своѣ пѣшь-цѣ, поѣхати же по немъ, Ип. 60; оже ны будетъ небившися возворотитися, то соромъ ны будетъ пушей смерти, Ип. 130; далече есмь гонилъ по Половцихъ, а кони мои немогутъ (=устали); аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то толико ми будетъ на дорозѣ остати, *ib.*

355 Въ влр. народ. поэзии и просторѣчьи это сочетание очень обыкновенное, и значеніе будетъ то-же что выше: потерять будетъ головы напрасны! а и какъ намъ будетъ стѣна пройти, Др.-рус. ст. 51; нестрѣляй меня ты черна ворона: моей крови тебѣ непитъ будетъ, моего мяса неѣсть будетъ, надо мною сердце неизнести, *ib.* 208; я сама дѣвица знаю-вѣдаю: расплетать будетъ мою русу косу тремъ татаринамъ наѣздникамъ, *ib.* 29; а идтить намъ, братцы, дорога неближняя, идти будетъ ко городу Иерусалиму, *ib.* 226; гдѣ лежитъ пуста голова молодецкая, и лежать будетъ головѣ Васильевой, *ib.* 170; вдоль скакать по камю,—сложить будетъ буйну голову, *ib.* 171. Какъ ни крыться, а буд-ть повиниться; какъ ни жаться, а будетъ признаться; ѣйте, дороги гости, все одно будетъ собакамъ выкинуть, Даль, Посл.

Въ млр. буде съ неопр., кажется, встрѣчается только въ такомъ знач., какъ „буде вже жісти! (будеть! довольно) и какъ „буде знати“, „небуде чути“ *es wird nicht zu hören sein*, а впрочемъ замѣняется посредствомъ „доведется“ „прійдется“, „треба буде“. Въ пол. *będzie wiadać, będzie znać*, и немногіе др. Въ чеш. *bude viděti* (будеть видно), *Zikm. Skl. 653*.

б) Насытишиса цѣсарства, ѣго же бѣди всѣмъ намъ получить.. благодѣтиѣ г-а нашего I-са X-а, *Supr. 284*. Буди (имъ, убитымъ), Господи, въ ономъ вѣцѣ стати со всѣми угодившими ти отъ вѣка, Новг. I; неизреченьную радость, юже буди уллучити всѣмъ хрестьяномъ, Лавр. 57 (129); небуди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго, Лавр. *ib.*; а небуди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его, *ib.* 106 (245); мнѣ ни о чемъ же буди хвалитися, токмо о крестѣ Христовѣ, *ib.* 186 (417). Въ новомъ яз., по-видимому, не встрѣчается. Степень вещественности глагола та-же, что и выше: пусть доведется, пусть случится.., млр. „бодай би мени недовелось..“.

в) Аще поѣхати будяше (если бывало нужно., или случалось?) Обрину, недадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3-ли, 4-ли 5-ли женъ въ телѣгу, Лавр. 5.

г) Мнѡжьство.. якоже небѣаше вмѣстити са народоу, Supr. 82. Когда 356 быше брани быти на поганья (когда имѣла быть б., предстояло быть брани), тогда ся начаша бити межи собою, Новг. I, 37; уже быше (слѣдовало, нужно было) Божию гнѣву непротивитися, ib. 51; сими словесы, пославше, быше переди, братъ, ко мнѣ, варити мене, поуч. Мон. Лавр. ² 244; быше тебѣ, узрѣвше кровь его.. и рещи бяше.. „увы мнѣ!“, ib.; а къ Богу быше покаятися, а ко мнѣ быше грамоту утѣше(=)ную, а сноху мою послати ко мнѣ, ib.; тако стояху межи собою, ако оже Изяславимъ сторожемъ зрѣти бяшетъ (можно было) на Галичьскіи огнѣ, а Галичьскимъ сторожемъ зрѣти быше на Изяслави огни, Ип. 55; бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видити, а челоуѣкъ бяшетъ невидити, Ип. 59.

д) Данилови же и Василковѣ съѣхати бѣ (предстояло, нужно было) со высокихъ горъ, Ип. 172; отнюдуже небѣ (нельзя было) начаятися (ожидать), оттуду же всѣя намъ дньница пресвѣтла, Жит. Θεод.

е) Бысть (*ἐγένετο*) оумрѣти нищоуоуму, О. Ев., Лук. 16, 22; бысть родителема блаженнаго преселитися въ инъ градъ, Курьскъ нарицаемый, Жит. Θεод. (случилось); Θεофанъ же усрѣте я (Русь) въ лядехъ (въ олядѣхъ) со огнемъ и пущати нача трубами огонь на лодѣ рускія, и бысть видѣти (*war zu sehen*) страшно чюдо, Лавр. 19; бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дне, бысть видѣти всѣмъ людемъ, Лавр. 127; небысть (нельзя было) имъ мимо онь (=мимо нь= „столпъ камень передъ ворота города“) поити къ городу, побивахуть бо со столпа того, Ип. 207; се(=сь) же столпъ (огненъ) первѣе ста на трапезници каменѣй, яко невидѣти бысть креста, Лавр. 121.

ж) Было (ѣсть): аже учинить Русинъ насилье въ Ризѣ или на Гьтскомъ бѣрѣзѣ надъ вольною женою, а дотолѣ неслышати было до (относительно) нее лихого, урока за то 10 грив. сѣрѣбра“, послѣ 1230 г. Срезн. Пам. р. п. 224; невыскивати было чюжего, ни мене в соромъ ни в печаль ввести, Поуч. Моном.. Лавр., ² 245; тобѣ было (=слѣдовало), въѣхавши въ Кіевъ, брата моего яти, Ип. 41; намъ было сего у Бога просити, Ип. 134 и пр.

Въ позднѣйшемъ языкѣ это сочетаніе замѣняетъ собою всѣ вышеисчисленныя съ прошедшими бѣ, бяшетъ, будяшетъ, отчасти—съ бы, бысть. Въ влр., быть было (предстояло быть) ненастью, да дождь помѣшалъ, посл.; а и чуть было спустить калену стрѣлу, провѣщитъ лебедь бѣлая, Др.-рус. ст. 217. Въ млр. „сліди було знати“ (знать было, можно было замѣтити); повчитись було (*mann sollte*) у кривога Хоми, Кв.; на що мене було брати, коли я нерівня? нар. п.; було тобі, моя мати, сих брив

недавати, та було тобі, моя мати, щастя й долю дати, нар. п. Въ поль. *widać było; było mu nie dać—zaraz w rącz* (только было не дашь—); *było mu niedawać* (недавать было). Въ чеш. *bylo viděti, nebylo slyšeti; protož tobě na jeho zapovědi nebylo dbati.*

з) Безличное *єсть* при неопр. накл. весьма часто неопускалось въ стар.-русскомъ:

отъ чего ми *єсть* (предстоитъ) умерети Лавр. 16; въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и *єсть* неразумѣти языку ихъ (нельзя понять языка ихъ), Лавр. 107; то мнѣ *єсть* порока (осужденія, *nachsage*, того что говорить вслѣдъ за кѣмъ) всякого отъ людей неуйти, тѣмъ *єсть* речі: Изяславъ велѣлъ убити, Ип. 35; съ тобою могу быти, а съ братомъ твоимъ Гюргемъ неуправити ми *єсть*, Ип. 50; приложися ко отцемъ своимъ и дѣдомъ, отдавъ общій долгъ, егоже нѣсть убѣжати всякому роженому, Ип. 220; ветхая церковь Святая Святыхъ разорена *єсть* отъ поганыхъ и нѣсть ничтоже ветхаго зданія Соломонова знать, Дан. Палом. и пр. Въ поль. до недавняго времени было: *roznać jest w gnieździe małego orlika, Linde, bydź*; въ чешскомъ до-нынѣ возможно „*ot toho ti jest umřiti*“, (Эрбень); въ серб. тоже: *jedan put je mrijeti* (разъ умирать); *сад ми је творити*, а не говорити. Также въ литов. и лотышскомъ.

Впрочемъ уже стар.-рус. пам. представляютъ многочисленные случаи опущенія *єсть*.

Буслаевъ говоритъ: „чтобы означить необходимость, возможность и невозможность дѣйствія безлично и безъ отношенія къ какому-нибудь 358 известному времени, употребляется неопредѣленное наклоненіе безъ вспомогательнаго глагола“ (Гр. § 196, 2). Что безличность не можетъ здѣсь быть ни цѣлью, ни слѣдствіемъ опущенія глагола, это явствуетъ изъ того, что она существовала въ разсматриваемомъ оборотѣ и до этого опущенія. Въ этомъ отношеніи „*мнѣ умереть*“ и „*мнѣ єсть умерети*“ совершенно одинаковы.

Недумаю также, чтобы модальность оборота находилась въ прямой зависимости отъ безличности глагола. Мы видимъ, что „*быть грому*“, т. е. „*єсть быти грому*“, построено совершенно одинаково съ „*бысть умрѣти нищуму*“, случилось умереть нищему; между тѣмъ въ послѣднемъ нѣтъ оттѣнка необходимости или возможности. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что въ оборотахъ, какъ „*грамота (єсть) дати*“ дебитивность древнѣе безличности, о чемъ—ниже. Дебитивность, говоря а priori, можетъ быть связана, какъ съ самою причастною формою (ср. нѣм. *ist zu geben, dandus, a, -um est*), такъ и съ временемъ оборота, независимымъ отъ его личности и безличности, какъ въ ст.-рус. „*како хочу поити?*“, мдр. „*по маю робити?*“ Отсюда видна неосновательность такого разсужденія: „существительная форма глагола съ дательнымъ

дополненія потому и способна выразить неизбѣжность какого либо факта ¹⁾, что ею въ этомъ случаѣ обозначается такое дѣйствіе, которое въ своемъ проявленіи независитъ ни отъ какого дѣйствующаго предмета, а напротивъ, само направляется на другой предметъ, какъ на свою цѣль; оттого предметъ, который является какъ бы жертвою абсолютнаго дѣйствія, выражаемаго сущ. формою глагола, ставится всегда въ дат. п. (Синт. русск. посл. въ Ж. М. Н. Пр. 1871, VII, в.). Авторъ, по видимому, несогласенъ съ тѣмъ, что „быть грому“—изъ 359 „быти ѣсть“; что безлично сказуемое (ѣсть) неможетъ быть названо независимымъ отъ дѣйствующаго предмета, ибо оно означаетъ проявленіе дѣятельности лица, но лица ближе неопредѣленнаго; что дательный неможетъ быть названъ жертвою дѣйствія и что, какъ выше сказано, всѣ указанная условія (безличность, дательный, неопр. накл.) могутъ быть въ оборотѣ при отсутствіи дебитивности.

Опущеніемъ настоящаго ѣсть при неопредѣленномъ неуничтожается отношеніе оборота ко времени. Мы видимъ, что предложеніе „онъ правъ“, несмотря на опущеніе глагола, имѣетъ настоящее вр., такъ какъ мѣсто его въ языкѣ въ этомъ отношеніи опредѣлено оборотами „онъ былъ, будетъ правъ“. Не то ли самое въ стар. „невидѣти (ѣсть)“, при существованіи оборотовъ „бѣ, бышеть, будетъ невидѣти“, и въ новомъ „невидать“ при „было, будетъ невидать?“. За доказательство отсутствія времени, конечно, неслѣдуетъ принимать того что неопр. съ опущеннымъ есть можетъ быть употреблено о событіи объективно прошедшемъ, когда напр. о несъумѣвшемъ говоримъ не „какъ было несъумѣть“, а „какъ несъумѣть?“. Ср. напр. „како (=каково, что за) есть княженіе свата моего (застигнутаго „безъ вѣсти“, „изъѣздомъ“), аже рать нанъ изъ Володимеря идетъ, а како того неувѣдѣти? а ты, сынъ его, сѣдиши въ Пересопниці, а другій Бѣлѣгородѣ: како того неустеречи? Ип. 56.

ѣсть, стоящее или опускаемое при неопредѣленномъ, въ лексическомъ отношеніи есть не одинъ глаголь, изображающій безпримѣсное отвлеченное бытіе, но представляетъ нѣсколько различныхъ оттѣнковъ. Присматриваясь къ нимъ, мы не только усмотримъ въ разсматриваемыхъ оборотахъ отношеніе къ весьма опредѣленному времени, но, быть можетъ, и тонкіе модальныя различія этихъ оборотовъ.

аа) Есть—приблизительно то-же, что находится, имѣется, какъ въ 360 нѣмецкомъ „ist zu verkaufen“ и въ западно-слав. оборотахъ, быть м. возникшихъ подъ влияніемъ нѣмецкаго: польск. jest do sprzedania (продается), чеш. jest, bylo k obávaní (es war zu fürchten), Натт. Sr. Мl. § 65, 2. Сюда въ русск.—„сядь-ко подлѣ меня: есть поговорить“ (Барсовъ, Причит. сѣв. кр. I. 316); уже нѣту (ли) золотой казны без-

¹⁾ Что неизбѣжно, то еще предстоитъ, стало быть еще не-есть фактъ.

счетной, сходить въ улочки съ тобой да во рядовыя, сбѣгать въ лавочки съ тобой да во торговыя, закупить да каленкоровъ этихъ черныхъ, штобы спить ему умерше это платьице, *ib.* 213; у мя нѣтъ да золотой казны бессчетной, нѣту скатныхъ, перебранныхъ отдать жемчуговъ, задарить тебя судью неправосудную, *ib.* 263; въ лит. *dūnos nēr* (=неуга) *pirkti*, букв. хлѣба нѣсть купити, т. е., по видимому, не только „нельзя“, потому что нѣтъ, но и нѣчѣмъ, нѣначто; въ мр. въ этомъ смыслѣ нема: „нема Касі постіль слати, п. п. Мр. сб. Мордовц. 222. Здѣсь самостоятельность неопредѣлен. накл., зависящая отъ вещественности глагола, никогда неопускаемаго и въ русск., такъ велика, что эти обороты служатъ переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ неопредѣленное отдѣлено отъ глагола финальнымъ союзомъ: „нѣтъ, чтобъ заработать, а все поровитъ украсть“, „нѣтъ того, чтобъ прійти да поклониться“. Отношеніе къ настоящему здѣсь явственно.

бб) Сюда относятся такіе обороты съ есть, большею частью опускаемымъ, и неопредѣленнымъ, которые, въ отличіе отъ нижеслѣдующихъ (вв), никакъ немогутъ быть переданы будущимъ временемъ. Есть имѣеть здѣсь частью значеніе „приходится“ [напр. зло есть нашимъ головамъ, да ¹⁾ намъ ясти деревянными лъжицами, а не серебряными“, Лавр. 54, т. е. лихо нашимъ головамъ, что намъ (теперь, въ настоящее время) приходится (доводится) ѣсть..],—частью—значеніе, сходное съ аа), но такъ сказать болѣе тонкое, съ переходомъ отъ есть (что) (видѣть) къ значенію возможности (видать, слыхать), отъ „ist zu sehen“ къ „ist sichtbar“ ²⁾. Напр. есть знати, идѣже была баня та, до днесь Хожд. Дан. Иг., Нор. 34; олно (в. ноли) пришедъ близъ къ граду, тоже видѣти св. градъ Иерусалимъ, *ib.* 17; есть гора Елеонская высока вельми .видѣти (же) съ нея всюдѣ. и до Иердана дозрѣти и всю ту обѣтованную землю, *ib.* 47; зла невидавши, добра непустигнути; небившися со псомъ об одинъ моклокъ, добра невидати; горести дымныя нетерпѣвши, добра невидати, Сл. Дан. Заточн., Бусл. Хр. 622. Нов. вр. знатъ (когда? — теперь, въ моментъ рѣчи и вообще) сокола по полету; какъ 361 днемъ-то тѣхъ стрѣлочекъ невидѣти, а въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горять, *ib.* 25; „сколько числомъ тое казны придетъ въ году, того описати не въ память, а чаять (откуда чать=чаятельно, уповательно, вѣроятно), тое казны въ году болши шти сотъ тысячъ рублей“, Котошихинъ. Въ млр. знати Марусю, знати (т. е. теперь), у которій вона хати: черчикомъ обсыпана, калиною обтикана“, свад. п.; незнать хто,

¹⁾ Эрбень принялъ союзъ да (=что) за аористъ и перевелъ „dal nám jisti“.

²⁾ Возможность здѣсь можетъ быть выражена лексическимъ значеніемъ глагола: „да тѣмъ съ горы приникъшоу комоу любо, акы съ стѣнъ, немошти дозрѣти дьна дѣбри тои, нъ отъ глубины мракъ ѣсть, акы пронасть нѣкая, Изб. 1073, 153; а сего пути вборзѣ нельзя ходити; потиху, нетоскомъ, тоже мочи (есть) видати вся та мѣста святая, Хожд. Дан. Иг.

що=польск. niewiedzieć kto, со, въ см. невѣсть кто, (бр. „говори нема вѣдома што, Ром. Бр. сб. 3, 150, т. е. Богъ знаетъ что; построили городъ, нема знаць съ чого, такой, што й у царстви ихъ небыло такого, ib. 176), но въ старину и въ знач. неизвѣстно кто, (что, безъ уничижительнаго отгѣнка: gdzie wątpienie jest o małżobójstwie, jako gdy niewiedzieć kto zabił, Ks. Ust. 46; вр. мр. знать, вѣроятно (мл. мабутъ): „знать, онъ богатъ“; „знать, она сильна, что..“; вр. незнать.. незнать, не то. не то, или. или: „я незнать да перепалася (испугалася, когда разбудили), я незнать да срадовалася, изъ окна въ окно металася, Барс. Прич. I, 61 (ср. невѣмъ.. невѣмъ: „понесла царица Вирсавія во утробѣ своей невѣмъ сына, невѣмъ дщерь, XVII в. Пам. ст. л-ры, III, 63; тутъ дѣвица невѣмъ возрадовалася, и невѣмъ дѣвица перепалася, Рыбн. I, 324; брате Бова, идетъ рать великая: невѣсть идетъ царь, невѣсть король, Пам. др. письм. 1879, 1 (=вр. нисъ (не есть) придетъ, нисъ нѣтъ, Далъ). Мр. тилько й чути, що через греблю по лотоках водиця цидить ся “, Кв.; шо у вас чувати?; хожу коло хати—її невидати, н. п.; „Що се нашихъ, бабусенько, курчат невидати?“ — Ой невидно, дідусеньку,, вже й невидно буде: як погнала я їх пасти, підзирали люди, Метл. 472; бр. чаму, чаму, бабуленька, курчат нечуваці?—Нечуваці, дзедку, и чуці небудзе: выпустила на подворье, празорылі людзі, Шейнъ, Матер. I, 506. Какъ отъ „чаяти єсть“—влр. частица чать, такъ отъ такого-же чути єсть—частица чуть, которую Миклошичъ (V. Gr. IV 177) напрасно считаетъ этимологически темною. Первоначально является особое предложеніе, имѣющее такое же значеніе, какъ млр. „чути, що (ср. польск. widać, że., słyhać, że. и русск. знать, онъ богатъ знать, она сильна). За тѣмъ это чуть, еще какъ знаменательное слово, какъ неопредѣленное при опущенномъ єсть, получаетъ отгѣнокъ слабости воспріятія, его минимума (чуть, журчить=млр. тилько й чути, що..); наконецъ оно становится частицею: чуть журчить (едва), чуть замѣтно и чуть-чуть замѣтно, чуть замѣтный. Чуть, какъ нарѣчіе, не можетъ стоять при существительномъ, почему въ „чуть свѣтъ“ (какъ только становится замѣтенъ свѣтъ, на разсвѣтѣ) слѣдуетъ предположить опущеніе глагола. Отсюда чуть съ вопросительнымъ ли и отрицаніемъ становится знакомъ вѣроятности, догадки: чуть ли онъ не умеръ (=едвали не..), лошади у него чуть ли не сѣрые.

вв) Єсть значитъ приблизительно предстоить и своимъ лексическимъ содержаніемъ отодвигаетъ дѣйствіе связаннаго съ нимъ неопр. накл. въ будущее, по отношенію къ настоящему, заключенному въ єсть. 362 Въ этихъ случаяхъ въ нынѣшнемъ языкѣ рассматриваемые обороты, если не удерживаются, нерѣдко замѣняются будущимъ какъ совершеннымъ, такъ и несовершеннымъ:

аще, княже, неубіеши Якова Прокшинича, то тому ти, княже, опять вон привести и землю твою пусту сътворить, Новг. I, 21 (то онъ при-

ведеть, опустошить); волхвъ глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспяты и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Греческы земли на Русской, а Русскѣй на Греческой и прочимъ землямъ измѣнитися, Лавр. 75 (что Дн. потечеть, земли будутъ переступать—чешск. *přestupovati budou*, Эрб.—такъ что Греческая станеть на Р. и пр.); устремишася боеви, мняще, яко нестояти (что неустоятъ, что неустоятъ) Ольговичемъ противу нашей силѣ, Ип. 13; прислашася Полотчане къ Святославу Олговичю, яко имѣти ѿ (что будутъ имѣть) отцемъ собѣ и ходити (будутъ ходить, находиться) въ послушаньи его, Ип. 66 (308); отложиста оба, яко несѣсти има на столѣ митрополитьстѣмъ, Ип. 86 (345); да Богъ ми будетъ и того Рожшия, яко не послати ми къ Всеволодичю никимъ же образомъ, Ип. 92 (358); на томъ ти цѣловати хрестъ, яко, что русскихъ городовъ, то ти все възворотити и съ Изяславомъ быти и его ся неотлучати ни (въ) добрѣ, ни въ лисѣ, но всегда съ нимъ быти, Ип. 68 (312); хрестъ ко мнѣ цѣловаль, яко неподозрѣти подо мною Чернигова, Ип. 84 (343); оже къ нама хрестъ цѣлуеши, ако ти на наю лиха незамыслити, а въ всяко поѣдевъ по тобѣ, Ип. 99 (371); съ Ярославомъ съ Черниговскымъ чѣловаль есмь крестъ на томъ, како же невоеватися (что небудемъ воевать другъ съ другомъ), доколѣ любо уладимся вси, или неуладимся вси, Ип. 148 (456); къ тѣ(=ъ)сти своему Рюрикови крестъ бѣшетъ целоваль передъ тѣмъ, како ся ему Олгович (род. мн.) боле того лишити, а въ его волѣ быти и зрѣти нань, Ип. 149 (467—8); приводит Володимѣра ко хресту, 363 яко ему подъ братомъ Галича неискать (=ти) Ип. 136 (442); вы еста ко мнѣ хрестъ цѣловала, оже вы (дат.) брата Игоря неискати (что не будете искать, т. е. мстить за.), Ип. 38; цѣлуйте на томъ хрестъ, оже вы (дат.) про Игоря ворожды неимѣти (что не будете имѣть), ни того учинити, што есте хотѣли преди учинити, Ип. 39; се братѣ, Половцемъ есме много зла створили... а тѣмъ всяко пакостити гречнику нашему и залознику (=будутъ вредить), Ип. 98 (370); оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? (что намъ дѣлать, т. е. что предстоитъ дѣлать), Ип. 73 (321).

То, что въ настоящее время представляется имѣющимъ наступить, можетъ быть предоставлено и неизбѣжнымъ, необходимымъ; но изъ вышеприведенныхъ и множества подобныхъ примѣровъ можно заключить, что отгѣнокъ дебитивности вовсе не непремѣнно связанъ съ присутвиемъ въ построеніи есть (наличнаго или опускаемаго), дательнаго и неопредѣленнаго н., что грамматическія условія дѣлають его только возможнымъ. Напр. въ „конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умерети“, Лавр. 16; „отъ сего ли лѣба смерть мнѣ взяти?“ *ib.*, имѣются не значенія: ты долженъ умереть, я долженъ принять смерть, а „мнѣ предстоитъ умереть“. Не оборотъ „есть съ неопр.“ самъ по себѣ, а лишь вещественный смыслъ рѣчи, какъ болѣе обшир-

наго цѣлаго, даетъ возможность въ иныхъ случаяхъ усматривать въ этомъ оборотѣ дебитивность, напр. „аже ны недаси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати, Ип. 18 (то намъ нужно будетъ, мы принуждены будемъ сами постараться добыть); абы Богъ далъ мнѣ здорovie и королеви, а мѣстемъ быти, Ип. 65 (306), т. е. навѣрное будетъ; аже братъ нашъ убить, и пошелъ къ Богови, а тамо намъ всимъ быти, а то Богови правити, Ип. 38; творяхуть я съвѣтъ держаще на свою братью, а то Богови судити, Новг. I, 22.

То-же слѣдуетъ сказать и о нынѣшнихъ русск. нарѣчiяхъ. Напр. въ 364 слѣдующемъ мпр. примѣрѣ нѣтъ никакого модальнаго оттѣнка, если не считать изъяснительности: „нехай би вже жінки (поодбігали хазийства)—їмъ хоть цілий день, зібравшись у купу, теревені правити — а тож и ні одного человека въ селі нема, Кв., т. е. они хоть цѣлый день стануть баласы точить. Но съ другой стороны легкой оттѣнокъ желательности въ „а пійти (лиш) до дому! (пійти-б-то до дому!); дебитивность въ „хвалити Бога, пшенишний буде наш коровай“, н. п.; „хвалити Бога, зібравши сім мішків гороху съ перелога“, Гулакъ; (гайдамаки закричали): „нуте, братята! або добути, або дома небути!“ (и поскакали во весь духъ) (Жул. З. о Ю. Р. II 137); ср. серб. „А ја идем у земљу Турѣију тражит нашу сестру Анђелију. Ол' је наћи, ол' никад недоћи. (Шѣв. Црног. 11).

Только вмѣстѣ съ соотвѣтственными славянскими выраженіями и одинаково съ ними могутъ быть объяснены литов. *ar eit, ar ne*, букв. ли ити, ли не, т. е. ити, или нѣтъ?; *nei man wažiūti, nei newažiūti*, букв. ни мнѣ ѣхать, ни неѣхать, т. е. нето мнѣ ѣхать, нето нѣтъ; латыш. *wai it, wai neit*, ити, или нѣтъ. Шлейхеръ (Lit. Gr. 312) и Биленштейнъ (Let. Gr. § 732) придаютъ значеніе тому, что неопредѣленное вставлено здѣсь въ вопросъ на-двое (*zweifelnde frage*), и полагаютъ, что оно зависитъ отъ опущенныхъ выраженій въ родѣ „*sollte es geraten sein*“, „*wäre es gut*“, „*wäre es besser*“; но вопросительная форма тутъ безразлична, такъ какъ неопредѣленное одинаково объясняется и въ утвердительной („*man eit*“, мнѣ ити), именно опущеніемъ *ug*, есть.

Какъ въ русскомъ, такъ и въ литовско-латышскомъ, глаголь въ другихъ временахъ, кромѣ настоящаго, неопускается: лит. *man buwo, man bus eit*; лот. *man bija it*; „кам бій манім калнâ кант, кам пѣц саулес раудзītīс? кам бій ман' свешу мātī саукт нар саву мāmаліню? зачѣмъ мнѣ было на гору веходитъ, зачѣмъ за солнцемъ смотрѣтъ ¹⁾; зачѣмъ было чужую мать звать своей матушкой? Спр. 23; „вой бус ѣт, вой неѣт, вой палікт шаі земѣ, или будетъ ити, или нейти, или остаться въ этой землѣ? Спр. 98.

¹⁾ Спрогисъ думаетъ, что это значить „любоваться на солнце“. Вѣриѣ: „смотрѣтъ на (заходящее?) солнце“, что также трудно, какъ всходить на гору и звать чужую мать своей.

Модальные отгѣнки здѣсь тѣ-же, что въ русскомъ. *а)* Дебитивность напр. *зіл'* атнесе тѣду вѣсті: бал'іням карѣ ѣт, Спр. 271 (синица принесла такую вѣсть: братцу на войну ити); кундзіням кунгам бут, баліням—араям, ів. 256 (пану—паномъ быть, братцу—пахаремъ); мірт яунам, мірт вецам, кад дѣніня дагѣюсі, ів. 219 (умереть молодому, умереть старому, когда времечко пришло); мірт яунам, мірт вецам, пусмужіня вѣн немірт: пусмужіня цільвѣкам даудз рауд жѣлі пакала, ів. умереть молодому, умереть старому, лишь бы неумереть въ серединѣ вѣку: за середовѣчнымъ челоуѣкомъ многіе горько плачутъ; *tēm bus pīlugt*, Іо, 4, 24 (имъ будетъ молиться, въ О. Ев. достойт кланятиса); *jums bus pīdzimt*, Іо. 3, 7 (вамъ будетъ родиться, въ О, Ев. подобаѣтъ вамъ родитиса). *β)* Въ послѣднемъ примѣрѣ мы видимъ переходъ къ желательности, которая въ русскомъ обычнѣ обозначается присоединеніемъ союза бы. Ср. баліньш манім лінус сѣя... сак' маршіня: ідрітѣм тѣм (лініньм) узаугт, не лабѣм лініньм, Спр. 78 [братецъ для меня лень сѣять... говоритъ невѣстка.: вырасти (бы) ему сорною травою ¹⁾, (а) не хорошимъ льномъ]; у Биленштейна (Gr. § 738)—*judrítēm tē* (sc. *lini*) *uzáugti*, что мнѣ непонятно, по причинѣ именительнаго *tē*, вмѣсто дательнаго. Понятно, что этотъ отгѣнокъ трудно бываетъ отличить отъ дебитивности, что было бы и въ русскомъ при отсутствіи союза бы. Такъ слѣдующій примѣръ (Biel. Gr. § 735) толкуется на двое: *ai asa purwju zale, purwá tewi* (винительный? а не дат. *tewim*?) *nūbálét*; *ai bārgáis tewa déls, wīnam mižu nudziwūt*, ой острая болотная трава (осока), въ болотѣ тебѣ поבלѣднѣтъ (завянуть; или завянуть бы тебѣ); ой сердитый отецкій сынъ, одному (тебѣ) вѣкъ прожить (или прожить бы тебѣ). Здѣсь рѣшаеть тонъ рѣчи. Въ другомъ примѣрѣ, безъ сомнѣнія, не повелѣніе, какъ думаетъ Биленшт., а то, что въ русскомъ: „бѣги сестрица, (потому что) невсѣмъ же людямъ (т. е. невсыкимъ сватамъ) (стать) показывать свою красоту (соб. ростъ): „*bedz, masiña.. ne wisám táutińám rādít sawu áugumińu*“. И здѣсь Биленшт. незамѣчаетъ опущенія вспомогательнаго (=есть) при неопр.

Съ оборотомъ изъ опущеннаго есть при неопредѣленномъ („молчать!“ и т. п.), удобно объясняемымъ изъ опущенія есть, отнюдъ неслѣдуетъ смѣшивать всѣхъ случаевъ неопредѣленнаго въ повелительномъ значеніи. Во-первыхъ, въ случаяхъ какъ „спать!“, лотыш. „кулейі, култ! малейі, малт! ес патс гулѣт ар лигавіню, Спр. 264 [молотники, молотить! молотышки, молоты! я самъ—лежать (спать) съ женою], при неопредѣленномъ можетъ подразумѣваться и даже быть на-лицо не дательный (вамъ—молотить), а именительный (вы—молотить); при чемъ, во-вторыхъ, будетъ явственно опущеніе не безличнаго есть, а опредѣленноличнаго глагола движенія. Отсюда слѣдуетъ, что до потери до-

¹⁾ Лит. *judrà*, мн. *judròs*, сорная трава во льну, повитель.

стигательной формы говорилось напр. „спать!“ Шлейхеръ замѣтилъ и правильно объяснилъ такой случай въ литовскомъ: *pasigereš gultu, iszkarszęs mirtu* (Gr. 314), что было бы въ ст.-русск. приблизительно: „упивься—спать, състарѣвься—умьрть“. Въ другихъ случаяхъ повелительности неопредѣленнаго, при коемъ подразумѣвается именительный, а не дательный, эта повелительность зависитъ опять отъ опущенія неѣсть, а другихъ вещественныхъ словъ, въ родѣ „ты долженъ“ 367 и п. п. Ср. въ нѣм. „das liegen lassen!“, Grimm Gr. IV, 87. Къ приводимому имъ-же готскому примѣру „ni than tweiñnôð paidôð haban“, Лук. 9, 3, гдѣ неопредѣленное въ гот. вызванно греческимъ *μήτε ἀρά δόο χιτόνας ἔχειν*, присоединяется и ст.-сл. „ничесо же възьмѣте на пѣть, ни жьзла, ни пиры, ни хлѣба, ни сьребра, ни двою ризоу имѣти“. Это съ точки славянскаго языка допускаетъ нѣсколько различныхъ объясненій („вамъ ѣсть имѣти“, или „дѣлжны ѣсте имѣте“, или „имате имѣти“), кромѣ только непосредственной повелительности неопредѣленнаго наклоненія. См. Mikl. V. Gr. IV, 850—1. Нѣкоторые, какъ Jolly, Gesch. des inf. 216, полагаютъ, что опущеніе глагола при неопредѣленномъ повелительномъ, какъ „молчать!“ и подобныхъ въ скр., зенд., греч., слав., лит.-лот., герм. роман., ест. лишь измышленіе грамматистовъ. Мнѣ кажется, что безъ этого предположенія объяснить повелительность неопредѣленнаго столь-же трудно, какъ и повелительность дательнаго (серб. кући!), нарѣчій изъ дательнаго: „домой“, „долой“, или и другихъ: „вонъ“, „прочь“ и пр. безъ подобнаго же предположенія.

Неопр. н. съ ѣсть (опущеннымъ) въ условномъ сочетаніи предложеній. Отношеніе предложенія уславливающаго къ уславливаемому можетъ, вообще, выражаться или соотвѣтствіемъ союзовъ условныхъ и заключительныхъ, или однимъ союзомъ заключительнымъ, или—ничѣмъ, кромѣ мѣста въ рѣчи и тона. Послѣдній способъ, наиболѣе древній, остается въ языкѣ и по образованіи союзовъ. Ср. въ гр. 1229 г. „по уху ударите (═) —г четвѣрти серебра; послу и попу что учинять—за двое того узяти“; въ былинѣ: „и ты будешь живъ—шубу наживешь, а nebudeшь живъ—будто нашиваль, Др. Р. ст. 59.“ При этомъ или обѣ половины условнаго сочетанія, или только одна можетъ состоять изъ безличнаго ѣсть (опускаемаго) съ неопредѣленнымъ: „высота же ей (горѣ), яко можетъ съ нея на полъдень лицъ нольно добрый стрѣлецъ 4-ю стрѣлити, а на ней стрѣлити—перестрѣлъ есть, Хожд. Дан. Иг., Нор. 126; а в гости ходити и къ себѣ звати—ссылаться съ кѣмъ велить мужъ, Домостр.; говорить правда—потерять дружба; дать ссуда—на вѣкъ остуда; любить игра — купить домра (Влр. посл. XVII в. Бусл. Gr. § 196, пр. 3); хоть нога изломить, а двери выставить, Др. Р. ст. 52; а жити въ Гунду-стани, ино вся собина исхарчити, занеже у нихъ все дорого, Хожд. Аѳ.

Никитина за 3 моря, 1468; тяжела царя загадка: неотгунути, ино намъ головы покласти у царя Давида, XVII в. Пам. ст. р. лит. III, 64; поглядѣть — картина, а послушать — животина, посл.; смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья, Крыл.; братъ, такъ братъ; коли мять ленъ, такъ 868 ужь доминать; наживать, такъ раньше вставать; орать, такъ въ дуду неиграть, посл.; если плакать, вся исплачуся, а неплакать — отъ людей стыдно, Шейнъ, Р. н. п. 184; бр. замчужку носить — ды нистать побѣжать, а стать побѣжать — ды замчужокъ терять, Шейнъ, Матер. I; мр. небити кума — непити пива, посл.; пропила мати дочку на солодким медочку. Було меду непити та дівкою робити; солодкий медок випити — ніким ся послужити, Гол. IV, 222; поль. kiedy orać; więc orać; kiedy płesać, więc płesać; kiedy się bić, więc się bić (Rej у Linde); tylko się rozśmiać, zaraz się gniewem unosi; можно безъ частиць при первомъ неопр., какъ и въ русск. Опушение есть явствуетъ изъ необходимости глагола въ прошедшемъ; „коли братъ, такъ было братъ“; „коли было братъ, такъ братъ“. Поэтому нельзя согласится съ Буслаевымъ, что въ „на Волгѣ жить — ворами слыть“, Др. рус. ст. 114, и подлежащее и сказуемое — въ „неопредѣленномъ накл. (§ 195). Здѣсь два предложенія, оба безъ подлежащихъ: (оже) (ѣсть) жити, (ино ѣсть) слыти. Если жити въ первомъ предл. считать подлежащимъ, то и неопредѣленное въ „станешь жить“ то-же есть подлежащее по отношенію къ заключительному предложенію; если же „слыть“ въ „ворами слыть“ можно считать сказуемымъ, то лишь въ томъ смыслѣ, какъ въ слѣдующемъ — все второе предложеніе сказуемымъ перваго: „на Казань ити — грозенъ царь стоитъ“.

Неопр. быть (есть) съ другимъ неопредѣленнымъ. „Изъ особенностей въ употребленіи неопр. накл. въ народномъ (в.-русск.) яз. должно замѣтить употребленіе быть (вм. надобно) съ неопредѣленнымъ н., въ книжномъ языкѣ опускаемое, напр. въ олон. былинѣ: „и мѣть быть своя заповѣдь нарушить“; „быть натянуть свой тугій лукъ“, Рыбн. II, 330; въ посл. „сколько ни плакать, а быть перестать, сколько ни браниться, а быть помириться, Даль, Посл. 136, 272“ (Бусл. Гр. § 196, 2); сколько цвѣту ни цвѣсть, а быть опадать, Даль. 542; какъ назвать свекры матушкой?. Быть (=прійдется) склонить сердце дѣвичье, быть назвать свекры матушкой, Шейнъ Р. н. п. 413. Оборотъ довольно старый: „а гости (=гостя) коли лучится, или самой гдѣ быти за столомъ съѣсти (=прійдется съѣсть), — лучшее плат(ь)я перемѣнити“, Домостр.

Здѣсь, кажется, нужны нѣкоторыя поправки. Быть вовсе не стоитъ здѣсь вмѣсто „надобно“, а лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ могло бы стоять 369 „надобно“, но съ другимъ результатомъ; въ книжномъ языкѣ быть здѣсь не опущено, и ни „перестать“ (есть), ни „приходится, нужно

перестать“ непредполагаютъ оборота „быть перестать“. Быть (=быти ꙗсть) имѣть передъ другимъ неопредѣленнымъ то-же формальное значеніе, что и въ слѣдующихъ случаяхъ: „князь! нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ: быть (т. е. мнѣ) передъ княземъ невольникомъ, я сослужу службу дальнюю“, Др. р. ст. 196; а небыть тому грозному послу (1-й дат.) Василью Ивановичу (2-й дат.), быть Ставровой молодой женой Василисы Микулишны, ib. 128; а небыть же нунь туру златорогому (т. е. должно быть, вѣроятно, это не туръ), быть же нунь любимому племяннику, молодцу Добрынюшки Никитичу, Гильф. 27; какъ быть человѣкъ: ѣсть и нѣтъ, Даль, Посл. (т. е. человѣкъ такой, какъ ему быть). Это быть только лексически отличается отъ другихъ неопредѣленныхъ (съ опущ. есть), стоящихъ передъ неопредѣленными же: „неумѣть имъ (нищимъ) горою владати, неумѣть имъ золотыя поверстаты, промежду собою раздѣляти“, Кал. Пер. I, 5. Съ прибавкой условности то-же находимъ въ „нестать говорить, такъ и Богъ не услышитъ“. Какъ здѣсь, такъ и въ „быть перестать“ главная предикативная сила и отгѣнокъ настоятельности, необходимости, зависить отъ опущеннаго есть (=приходится, предстоитъ, слѣдуетъ и т. п.), при которомъ быть (1-е изъ двухъ второстепенныхъ сказуемыхъ) представляетъ вещественное значеніе бытія. Разница между „(есть) перестать“ и „быть (есть) перестать“ приблизительно такова, какъ если-бы въ нѣмецкомъ при „es ist aufzuhören“ было „es ist zu sein, dass man aufhöre“. Разница эта сходна съ разницею между оборотами, какъ „твориться правъ“ „мнѣть и мѣртва“ съ одной стороны и „твориться правъ сы (правъ быти), „мнѣть и мѣртва суща (мѣртва быти)“ съ другой.

Иначе построенъ оборотъ „знать жить тебѣ богато“, гдѣ первоначально оба неопредѣленные имѣютъ при себѣ равносильныя сказуемыя (знати ꙗсть, жити ꙗсть), но за-тѣмъ первое потеряло предикативное значеніе и стало частицей. Анализъ, по которому „знать“—сказуемое по-русски, а „жить тебѣ богато“—подлежащее (Некрас. О зн. ф. русс. гл. 99), нахожу страннымъ.

Къ быти (ꙗсть) съ другимъ неопред. въ условномъ сочетаніи (какъ „нестать говорить, и Богъ не услышитъ“) по-видимому примыкаетъ серб. условно-уступительный союзъ бит: „бит’ ми брата и жельети, на гламье му неседѣти“, Кар. Посл. 14, если-бы (хотя бы) мнѣ (пришлось) и оплакивать брата, (лишь бы) не сидѣть (старою дѣвкой) на его головняхъ (т. е. у его очага). Сюда присоединить изъ Микл. V. Gr. IV, 851: бит ми знати изгубити главу, если-бы даже зналъ, что потеряю; бо-ѣе вещественно въ такомъ случаѣ знат: знат’ ми сидѣтъ три биѣла дана (хоть бы и знать, что буду сидѣть... все-таки); „а знат’ ми се неопростит сужьнице, ни тамнице куѣе баш проклетѣ, не дамъ тебе за живота мога“. Въ словенскомъ bit (byt’) и bit bi (by) = etsi, licet, quamvis, quamquam.

13. Неопредѣленное накл. со мнимострадательнымъ отгѣнкомъ. Сюда относимъ случаи объективнаго неопр. н., характеризующе слѣдующими чертами:

а) Указаніе на подлежащее неопредѣленнаго накл. большею частью стоитъ на лицо или мыслимо въ дательномъ.

б) Дополненія при неопредѣленномъ нѣтъ, но если-бы оно было, то оно оказалось бы тѣмъ же предметомъ, который представленъ подлежащимъ главнаго сказуемаго.

в) Это послѣднее — опредѣленно-лично. Слѣдовательно, сюда относятся не случаи, совершенно обыкновенные въ русск. и др., какъ „это легко сдѣлать“, въ коихъ это есть винительный дополненія къ неопредѣленному и подлежащаго вовсе нѣтъ, а только такіе случаи, какъ слѣдующіе:

а) Неопр. н. при прилагательномъ, обыкновенно входящемъ въ составъ сказуемаго: „вода же его (Иердана) мутна и сладка вельми нити и нѣсть сыти пиющимъ воду ту святую, Хожд. Дан. Иг., Норов. 55; вода же въ немъ (морѣ Тивериядскомъ) сладка вельми испить, яко въ рѣцѣ, несолона, ib. 117 (пити, испить лишь въ нѣкоторыхъ спискахъ); служить попъ Воложскій, а я смотрю, гдѣ у нихъ каноньта дѣлись? Знать-то въ окно улетѣли! Легка-та-су, хороша эдакъ служба-то говорить, да знать легко и спасеніе-то будетъ, Пут. Лукьянова 1710—1, 19.

Нынѣшн. вр. „меня звать стане (въ любимое гостибище)... да я разумомъ, горюшица, простешенька, на словахъ поднять, горюшица, любимая (т. е. въ дѣйствит. зн., какъ стар. „бѣ любимъ книгамъ“, „любящая, чтобы меня поднимали словами“), на подъемъ да е горюшица легошенька: снаряжусь вкрутъ.. Барс. Прич. I, 239; хорошъ по-371 глядѣтъ (*schön anzusehen, er ist schön, dass man ihn ansehe*); млр. сіно добре їсти (*zu essen, польск. dobre do jedzenia*), та високо лізти (т. е. трудно косить, трудно достать), посл.; серб. љена је калина гледати (*anzusehen*), ал' је грка зобати (*zu essen*); чеш. zinnice na podzim a zimie jest tiežka lečiti (*schwer zu heilen*), Hanuš, Malý wyb. z. lit. Č. 89 (XIV—XV в.). Въ литов. gražus pažurèt (хорошъ поглядѣтъ), skanus walgyti (вкусенъ ѣсть), „druts ožys milžt“, соб. твердъ (крѣпокъ) козель доить, т. е. трудно его доить; нѣсколько отличны отъ этого случаи съ причастіями страдательными: medžei kertami budawot, деревья рубимья строить (изъ нихъ, т. е. на постройку); verpalai apmetami aust, пряжа наснованная ткать (изъ нея, для тканья), Schl. Gr. 311. Въ латыш. tas (имениг.) ir gruti izdarit, das ist schwer auszurichten. Въ латин. ср. сунинъ (*facilis cognitu, horrendum relatu*), который удобнѣе выводится изъ дательнаго (какъ въ „Macedonia divisui facilis“, „aqua potui jucunda“), чѣмъ изъ аблятива (Pott, Et. Forsch. II, 1, 507). Также объясня-

ются вышеприведенные русс. и лит. инфинитивы. Въ доинфинитивное время формальная разница между неопр. объективнымъ „хорошъ (кому?) поглядѣть“ и неопр. субъективн. „хорошъ загадывать“ (загадки (см. выше 378) нечувствуется, ибо въ обоихъ случаяхъ доинфинитивное слово имѣеть значеніе вещи, для-ради которой что есть или дѣлается, какъ позднѣе въ случаяхъ „столпъ.. твердъ ко взятію“ *Хожд. Дан. Иг. Нор. 33.*

β) Неопр. н. при глаголахъ: „нѣсть въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помететь, а слова будутъ знати? *Вираш. Кюрик., Калайд. 187; есть бо разсѣлина та на камени томъ знати и до днешняго дни, Хожд. Дан. Иг. Нор. 27-8; тутъ же (въ Антоніевой пещерѣ) видѣхомъ храбраго воина Илію Муромца въ не-тлѣннн. рука у него лѣвая пробита копіемъ, язва вся знать на рукѣ, Пут. Лукьян. 14; а то мѣсто.., сказывають, было позлащено а нынѣ позолота незнать, слиняла, ів. 76; камень, а на немъ же убить архи-діяконъ Стефанъ, а на томъ камени кровь (именит.) его знать и до сего дня, ів. 80; на томъ камени вообразишася стопы Христовы, и нынѣ одна ступня знать, ів. 81; знать де полетка соколиная, видѣтъ де поступка молодецкая, Др. Р. ст. 172; ср. у Бусл. „знать соколъ по лету“, „лѣнливой и по платью знать“ (§ 196) и нынѣшнее „ударю такъ, что пальцы будутъ знать“ т. е. будутъ видны, замѣтны; а когда мы съ моря пришли подъ Рахить, такъ отъ усть Нила рѣки видѣтъ Александрія, Пут. Лукьян. 53; „у три дни ета ляда паспѣла сѣяць“, т. е. къ тому, чтобы на ней сѣять (*Ржев. у Тв. г. Этн. Сб. I, 236*). Въ мвр. „були тутъ разні чути крики“ (*liessen sich hören*), *Котл.**

Выраженія, какъ „далась она ему знать.“ (=мр. далась ёму у зна-ки, у тямки), мр. „калина недалася (кому?) ламати“ (т. е. ѱ), отличаются отъ вышеприведенныхъ (389) „дай мнѣ пить“ только возвратностью главнаго сказуемаго. Въ лотыш. при подобномъ сказуемомъ и неопредѣленное н. ставится въ возвратной формѣ, я думаю, для выраженія страдательности: *wińsz likās kautis*, букв. онъ дался убиться, т. е. далъ себя убить (*Bielenst. Lett. Gr. § 691, 2*). Миклошичъ видитъ здѣсь въ лот. аттракцію, т. е. думаетъ, что „страдательный (медіальный) инфинитивъ повлекъ за собою (*hat veranlasst*) страдательную (медіальную) форму личнаго глагола (*Gr. IV, 265*); но *liktis, lautis* (даться) нестрадательны, и (какъ можно заключить изъ сравненія съ русскими оборотами и изъ лот. *wińsz lauļas nerôt, er lässt sich chicaniren, zum besten haben, Ulmann, Lett. wb.*), можетъ дополняться невозвратнымъ неопредѣленнымъ. Очевидно, что возвратная ф. неопр. н. имѣеть среднее значеніе въ мр. „про лёхи замкові ходила чутка, що вони непо-рожні, оно що недаються нікому достатись до нихъ“, *Драг. Мр. пред. 80.*

По этому образцу дополнимы выраженія: „ты (именит.) книги годятся (кому?) съжечи (я); нынѣшн. „вода годится пить“, какъ выше „вода сладка (кому?) пити (ю).

Т. о. и при страдательныхъ сказуемыхъ: „предали бо суть апостоли: крестъ поставленъ (кому?) цѣловать (цѣловатъ?), Лавр. 49 (112); „страстная недѣля уставлена есть поститися страстей ради господень“, ib. 79 (180); „въ пущахъ нашихъ буды роздати робити на насъ господаря.. въ пущи наши, въ которыхъ буды могутъ быть розданы (кому?) робити (ихъ) на насъ, 1527, Ак. З. Р. II, 183; послѣ роспросу отдашь держать тотъ приводной крестьянинъ.. приставу, 1673. Ак. отн. до Ю. Б. I, 58.

Отличны отъ этихъ, по невозможности дательнаго при страдат. сказуемомъ: ведена быста ина два злодѣя оубить (*ἀναγομφήσαι*), Лук. 23, 32 (Mikl. Gr. IV, 266; въ Остр. и Марын. ев. съ дѣйств. сказуемымъ: ведоша (ведѣахъ) Ии-са и ина дѣва съ нимъ оубить); (церковь) почата бысть здати, Лавр.² 388 (нынѣ: „начали строить“ или, въ мр. безсубъектно „почато будовати церкву“; „началась строиться“ значило бы, какъ бы, сама собою); „заложена бысть дѣлати церковь камена св. Архангела, Пск. II (П. с. Р. л. V, 12). Какъ и выше, здѣсь (отлично отъ лат. „vineae coeptaе agi admoverique aries, Liv.), при неопредѣленныхъ накл. мыслимы дополненія въ винит.: почата бысть церкы здати (т. е. ю).

Оставивъ въ сторонѣ эти послѣдніе случаи, другіе, приведенные выше, съ явственнымъ субъектомъ, дательнымъ (наличнымъ или подразумеваемымъ и неопредѣленнымъ („язва (есть кому) знати“) сопоставимъ со случаями, понимаемыми какъ безсубъектные, извѣстными у насъ подъ именемъ употребленія въ древнемъ и народномъ влр. языкѣ именительнаго ед. ж. вмѣсто винительнаго при неопредѣленномъ и дѣйствительнаго залога, напр. дати ему своя грамота, Бусл. Gr. § 196, 372 Пр. 3. Обороты эти свойственны не только сѣвернымъ памятникамъ и говорамъ, но и западно-русскимъ: „а всякому ми делу исправа ѣму (Скирикгайлу) чинити и ѣго людемъ, гр. Ягайла, 1387, Срезн. Пам. Р. II, 266; „холопу и робѣ вѣры неняти, а обадѣ исправа дати“; „Витблянину вся татьба лицомъ вернути“ 1503, Ак. З. Р. I, 352; давати имъ мѣра меду, 1480, ib. 92¹⁾; давати ему поль мѣры меду а полтина грошей литовская, ib., (хотя тамъ же: „а знати тымъ людемъ светую пречистую Печерскую“); хто корда добудеть на кого, ино рука втяти, а хто кого ранить, ино шыя втять, 1507, ib. II, 27; нов. бр. „якую яму даць долю? Даць половина Маркового богатця, Ром. Бр. сб. 3, 338

¹⁾ Написаніе у Миклошича V. Gr. IV, 346 „davaty jim mira medu“ и пр. заставляегь думать, что онъ эти обороты приписываетъ тому малорусскому, въ коемъ и = и среди, ъ = і и пр., съ чѣмъ я покажѣть немуго согласиться.

и т. п. Попытка чисто фонетическаго объясненія этого падежа на *a*, состоящая въ предположеніи, что основное окончаніе винит. ед. ж. *ât* имѣло двѣ замѣны: одну *ж* = русск. *y*, другую, съ отпаденіемъ *m*, = *a* (какъ—*ан(т)* = *a* въ *пека*, *мога*), оказывается неудовлетворительною, въ виду того, что въ литов. въ подобныхъ случаяхъ замѣченъ несомнѣнный именительный ед. м. р.: „кур ма дѣт мажас вајкялис“, куда мнѣ дѣтъ малый ребенокъ (винительный былъ бы „мажа вајкяли“); „ку тас мажас вајкитѣлис рајкс ман сувиститѣ“, чѣмъ малый ребенокъ нужно будетъ мнѣ повить. Сравнивая съ этимъ обороты, какъ въ Сл. о п. И. „молодымъ пѣти слава“ (*gloria canenda est*), В.с. Миллеръ замѣчаетъ, что они ставовятся понятны, если возстановить въ инфинитивахъ дательный п. Подобно этому въ Вѣдахъ „*so asya mahimâ na sannaçé*“ (*inf.*), это его величіе недостигнуть, гдѣ *mahimâ*—именительный (Моск. унив. изв. 1872, IV, 529—30; *idem*. Beitr. VIII, 169).

Т. о. исторія выражений образца „такова правда узате Русину“ (Смол. гр.) представляется въ такомъ видѣ: Первоначально весь оборотъ есть не безличный, а опредѣленно-личный, въ коемъ правда есть подлежащее при *ѣсть* възяти, а Русину, независимо отъ неопр. накл., стоитъ при *ѣсть*. Два дательные, одинъ наличный, другой получаемый при возстановленіи надежа доинфинитивнаго слова (правда есть Русину възатию), не выводятся другъ изъ друга (какъ выше, стр. 350, „лъжицѣ ясти дружинѣ), между прочимъ, и потому, что одинъ изъ нихъ могъ бы стоять и при достигаемомъ изъ винит.: „крѣсть поставленъ (кому) цѣловать“. За тѣмъ „есть възяти“ понято какъ безсубъектное предложеніе, при чемъ именительный („правда“) или замѣняется вини- 373 тельнымъ и исчезаетъ безслѣдно (такову правду взяти), или переживаетъ свое значеніе, т. е., оставаясь при прежней звуковой формѣ, измѣняетъ лишь внутреннюю: „взять правда“, при чемъ виѣшняя форма, подобно отжившимъ обрядамъ, остается нестолько по инерціи, сколько благодаря новому толкованію. Привять безусловно мнѣніе, что въ нынѣшнихъ влр. говорахъ „правда“ есть здѣсь лишь мнимый винительный, который на самомъ дѣлѣ есть подлежащее (*Mikl. V. Gr. IV, 346*), значило бы придавать слишкомъ мало вѣсу сознанию говорящаго, или, что то-же, творчеству языка. Мы теперь можемъ чувствовать выраженіе „безъ денегъ вода пить“ или „дѣтямъ-сиротамъ) будетъ уличка ходить да неширокая, путь-дорожинька вотъ имъ да неторнешенька Барс. Прич. I, 1, лишь какъ безличные предложенія, въ коихъ поэтому вода, уличка немогутъ быть подлежащими. Что „было да сплыло“ или „быльемъ поросло“, то служить основаніемъ послѣдующему, но само по себѣ намъ неможетъ сказать, что есть.

Что языкъ, подъ вліяніемъ ли перехода разсматриваемыхъ выражений отъ опредѣленно-личной формы къ безличности, или и по другимъ

причинамъ стать придавать формамъ ж. р. на *a* значеніе винительна-
 374 го, доказательствомъ этому можетъ служить употребленіе этихъ формъ
 и тамъ, гдѣ онѣ никогда немогли имѣть значенія именительнаго, не-
 рѣдко рядомъ съ винительнымъ на *y*: „а даль есмь двѣмъ своимъ сыномъ
 большимъ.. кобылка гнѣд(а) лонская, а Доронкѣ кобылка гнѣд(а) да ко-
 ров(а) пестрая болшая.. а женѣ моей кобылка голуба да двѣ коров(ѣ)
 черная да бурая да волъ редръ... а двое конев есмь велѣлъ.. продат..
 жеребчикъ воронъ да кобыл(у) карую, XIV—XV, Ак. отн до Ю. Б. I,
 543; „слубуемъ держати цѣлую правду и чиста вѣра, гр. Дмитр. Ол-
 гердовича, 1388, Срезн. Свѣд. и зам. LIII, 211; привѣсили ѣсмо наша
 печать, ів.; кмѣть.. зъ волоки ма заплатити кона грошей, 1501, Ак. З.
 Р. I, 225; которая шляхта была часу короля Владыслава, князя Ви-
 товта и тежъ отца нашего, тыи вси того часу хочемъ мѣти и держа-
 ти шляхта, 1492, ів. 121. Позднѣе: (въ Ясѣхъ) дрова очень дороги:
 на копейку—каша легонько сварити, Пут. Лукьян. 19; стала (Настасья)
 пить эта чарочка зелена вина; думаетъ дума за единое; какъ будетъ
 день въ половина дни и пр. (Mikl. I. с.); Богъ.. половина твоего бо-
 гатѣця отдавъ мальчику, Роман. Бр. сб. 3, 368.

Принимая въ „вода пить“ переходъ отъ личности къ безличности, я
 думаю, что и въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ определенно-личныя
 сказуемыя древнѣе безличныхъ. Такъ, въ „убить волъ“ сравнительно
 съ млр. „забито вола“.—Влр. надо возникло изъ надобѣ ѣсть (т. е.
 предл. на съ мѣстнымъ добѣ); въ надобѣ-ть, надо-ть, какъ и въ
 нѣту-ть, -ть есть не знаеъ 3 л. ед. (Булс. Гр. § 200, Пр. 13), а став-
 шее плеонастичнымъ мѣстоим. въ дат. ти, какъ въ ст. русск. то-ти,
 польск. to-ć. Глагольная сила въ надоть зависитъ не отъ этого -ть,
 а отъ опущеннаго ѣсть. Въ нынѣшнемъ литер. яз. надо, ненадо,
 надобно — безличны и требуютъ дополненія въ родительномъ; но не-
 обходимость этого родительнаго, связанная съ безличностью, позднѣе
 именительнаго подлежащаго въ влр. народномъ яз.: „али мнова (=га)
 тобѣ надоть золота казна, али сила тобѣ надоть несчетная, Онеж. б.
 Пам. и Обр. I, 314; мнѣ ненадоть твои города съ пригородками, и
 ненадоть мнѣ-ка села съ приселками, да ненадоть и твоя мнѣ золота
 казна, да ненадоть мнѣ-ка и сила несчетная, ів.; ненадо мнѣ эти луки
 богатырскіе, Др. р. ст. 130; ненадо мнѣ твои дани выходы, ів. 133 и
 пр. какъ и въ старину: „ненадобѣ моя дань“ 1490, Ак. юр. (Булс. I. с.).
 375 Подобно этому сочетанія съ именительнымъ „не трѣбѣ ти молчаніе“
 болѣе древни, чѣмъ безличныя „нѣсть ми трѣбѣ оранія (Mikl. Lex.
 трѣбѣ); млр. „намъ перецъ теперъ треба, Метл. 189, кажется, древнѣе
 обычнаго „треба, треба було (буде) перцю“. Относительно треба —
 Mikl. V. Gr. IV, 367.

14. Неопредѣленное накл. (субъективное и объективное), связанное съ главнымъ предложениемъ посредствомъ относительнаго слова.

Въ нынѣшнемъ языкѣ такое употребленіе аномально въ томъ смыслѣ, что составляетъ особенность неопредѣленнаго наклоненія; но въ древнемъ оно находитъ соотвѣтствіе въ вышерассмотрѣнномъ (стр. 205—31) сочетаніи безглагольнаго причастія со сказуемымъ посредствомъ относительнаго слова. Принадлежащіе сюда случаи раздѣлю на два разряда: въ первомъ (А) при неопредѣленномъ стоитъ мѣстоименіе или нарѣчіе, во второмъ (Б)—союзъ одинъ, или въ сочетаніи съ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ. Имѣя въ виду оба разряда, нахожу слишкомъ узкимъ правило, что рассматриваемое сочет. имѣетъ мѣсто лишь послѣ глаг. „des wahrnehmens und habens“ (Mikl. Gr. IV, 868).

А.

а) Типу оборота съ причастіемъ „кѣсть (не безлично), кѣто принеса“, въ коемъ подлежащее причастія имѣется на-лицо въ именительномъ кѣто, здѣсь, въ области неопредѣленнаго накл. соотвѣтствуетъ оборотъ, примѣры коего нахожу только въ ст.-чешскомъ: *nebyl kdo toho napraviti* (Komenský); *nebyl kdo uhasiti* (Bib. bratrská, Zikmund Skl. 401).

б) Типамъ „приношаху, чѣто въдадуче“ (мѣстоименіе въ косвенномъ падежѣ) и „поима, кѣдѣ чѣто чюя“ (нарѣчіе одно или съ косв. н. мѣстоименія) соотвѣтствуютъ подобные случаи съ неопредѣл. субъективнымъ, на мѣстѣ греч. и лат. *vb. finitum*:

Марія же мысляше, чѣто сътворити? Златоуст. XII, 6, Срезн. Др. п. Р. п. 193;

неимѣть, чесо ѣсти, О. ев. Мат. 15, 32 (*τὶ φάγωσι*);

376

неимамъ, чесо положить (*ὃ παραθήσω*) прѣдъ нимъ, *ib.* Лук. 11, 6;

толико крестъ честныи взя на благословеніе собѣ, а прокъ имѣнія да, чимъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, чимъ свѣчу и просфору его побдѣти, *Ип.* 76 (326).

Сынъ человѣчески неимать, кѣде главы подъяклонити (*ποῦ κλινῆ*), О. Ев. Мат. 8, 20; чѣто сътворю, яко неимамъ, кѣде събрати (*ποῦ συναγαί, ποῦ συναζω*) плодъ моихъ, *ib.*, Лук. 12, 17; мысляше, кѣ бы жити, Лавр. 67 (бы какъ союзъ);

необрѣтъше, кѣду вънести и (*διὰ ποίας εἰσενέγκωσιν*), *ib.* Лук. 5, 19; необрѣтъ, кѣдоу съвратитиса къ пещтерѣ. паде, Супр. 212.

Како ваю похвалити, несвѣмъ, и что рещи, недоумѣю, XII в. Срез. Ск. о В. и Гл. XXIV.

Такъ и въ другихъ слав. нарѣчіяхъ: серб. немам, шта јести, гдје главе заклонити; хорут. *nimam, kaj jesti, kje glave nasloniti*; пол. *mam*

(niemam) со ješć и т. п.; чеш. nemá, pač sam sebe žítí, nevím, jak a čím tobě zádosti učíniti (Zikm. 405, 642).

То-же въ литовскомъ: netur, ko walgiti, kur sawo galwos padét; júdu nįmane, kur dėtis (оное незнали, куда дѣться); jis nežinoje, ką daryt (онъ незналъ, что дѣлать). Въ итал. non so che fare; non ho che dire; франц. je ne sais, quelle partie prendre, je n'ai que faire de lui; ср. в.-нѣм. er enwiste waz tuon, wie gebâren, Mikl. Gr. IV, 869—70.

Въ новомъ русскомъ: (думаль, незналъ и пр.), что дѣлать, чѣмъ заняться, съ кѣмъ говорить, куда пойти, гдѣ положить. Такъ и въ мр.: незнаю, що робити и пр. Вмѣсто главнаго сказуемаго опредѣленно-личнаго имаамъ, неимаамъ—безлично: (у меня) есть что ѣсть, нѣчего ѣсть и пр. Такъ и въ лотыш. (tēm newa ko ēst), гдѣ сверхъ этого и неопр. нерѣдко замѣняется личными формами (напр. Лук. 11, 6; Мат. 8, 20).

377 в) Особенность неопредѣленнаго накл. сравнительно съ причастіями состоитъ въ томъ, что оно здѣсь можетъ имѣть подлежащее, отличное отъ подл. главнаго сказуемаго, особенно, когда послѣднее безлично, напр. „есть, кому ѣхать“, „есть (мнѣ, ему, кому либо), гдѣ сѣсть, да нѣчего ѣсть“. Въ ст. языкѣ:

А жена моя пострижется въ чернице, ѣсть ꙗѣ, чимъ ся пострици, Духов. Новг. 1270, Срезн. Свѣд. и зам. IV, 38;

(Ананія и Сапфира) обличаѣма Петромъ, противистаса ꙗмоу бѣсадамъ, мнѣшта оутати са ꙗго, а несъмыслашта, яко нѣ-кде са порѣгати свѣтоуоумоу доухоу, Супр. 268;

аже будетъ далече, яко въ селѣ, а нѣгдѣ, будетъ, взяти другое просфурѣ, то достоить (одиною просфурою служити). Аже будетъ близъ торгъ, гдѣ купити, то недостоить, Вираш. Кюр., Калайд. 194.

уже намъ нѣ-камо ся дѣти, Лавр. 30;

радъ быхъ самъ съ тобою шель, но нѣ-коли ми: ѣду, господине, до Суждала жениться, Ип. 209 (гдѣ при нѣколи, какъ при „мнѣ нѣ-когда“, мр. „мені ніколи“ опущено неопредѣленное накл. глагола, указываемаго контекстомъ);

свѣтлостью нѣ-како зрѣти (нѣкакъ было, т. е. нельзя было), зане вся церкви бѣшеть золота, Ип. 111 (395); ср. въ нов. свр. нѣкакъ растить-то сиротныхъ мнѣ-ка дѣтушекъ: будутъ по миру оны да вѣдъ скитатися, по подоконью оны да столыпатися, Барс. Прич. I, 1;

бысть тойѣ noci тепло и дождь рамянь, и небысть имъ, куда переѣхати, Ип. 127.

Въ оборотахъ этого рода дѣйствующее лицо неопредѣленнаго накл. указывается наличнымъ или подразумеваемымъ дательнымъ, соответствующимъ именительному мѣстоименію при опредѣленноличномъ главномъ сказуемомъ въ „ѣсть, кѣто донеса“, „nebyl, kdo uhasiti“. Это тотъ самый дательный, который стоитъ въ латин. est mihi liber, въ ст.-слав.

мнѣ ѣсть (напр. аще бѣдетъ ѣтероу друоугоуоумоу челоувѣкоу съто овьць, О. Ев. Мат. 18, 12), въ лит. лот. *māp ug, māp ig* (=у меня есть). Онъ можетъ замѣняться въ нов. врусск. посредствомъ *y* съ род. для отличія отъ другихъ отгѣнковъ дательнаго, которые тоже могутъ служить связью между глав. сказуемымъ и неопредѣленнымъ, напр. „мнѣ (т. е. у меня) есть кому (т. е. къ кому, или *dat. commodi* для кого) писать“. Двусмысленность устраняется контекстомъ, на пр. „Богъ помочь вамъ! Чи ня ёсь у васъ, робяты, вады пониць? Роман. Бр. сб. 3, 261), т. е. не вамъ попить, а мнѣ.

Другіе примѣры въ нов. русск. лит.: есть, чему *v. нѣ-чему* удивляться, есть кого *v. нѣ-кого* уважать, есть что *v. нѣ-чего* дѣлать, есть чего *v. нѣ-чего* бояться, есть чѣмъ *v. нѣ-чѣмъ* жить, есть въ чемъ *v. нѣ* въ чемъ ходить и пр.; есть гдѣ *v. нѣ-гдѣ* жить, есть куда *v. нѣ-куда* дѣться и пр. Въ млр. есть що *v. нічого* робити, ёсть чим *v. нічим* одягтись, есть на що *v. нінащо* дивиться, ёсть до кого *v. нідокого* при-378 хилитись и пр.; есть де *v. ніде* дітись, пікуди пійти, півідкіля сподіватись, ніколи., ніяк... Вездѣ здѣсь *ні=нѣ*—ударяемое, между тѣмъ какъ вост. мр. *ні=ни* (лит. *neu*) въ *ніхтѣ* и пр. неударяемо: *нічо́го* неробити, *нідочо́го* неберецьця, *нідоко́го* неговорити, *нінако́го* недивицьця, *ніза́що* *ні* про́що (пропавъ), *ніяк*, *ніку́ди* и пр.

Судя по употребленію другихъ временъ въ главномъ утвердительномъ сказуемомъ [„было (будетъ, было-бы), что ѣсть“, млр. „було (буде) що їсти], можно бы и при отрицаніи ожидать: „нѣбыло, чего ѣсть“ и пр.; но на-дѣлѣ встрѣчаемъ уже въ древнемъ яз. „нѣгдѣ будетъ взять“ (Впраш. Кюр., Калайд. 194), какъ и въ новомъ, „нѣгдѣ“, „нѣчего было (*v. будетъ*) ѣсть“, въ млр. *нічого* було (буде) їсти, *нідокого* було притулитись и пр. Если-бы мы имѣли передъ собою только обороты съ прошедшимъ („нѣчего было дѣлать“), то можно бы попытаться счесть за первообразную форму такую: „нѣсть (=не есть) было чесо.“ съ ѣсть входящимъ въ составъ главнаго сказуемаго вмѣстѣ съ было; но въ такомъ случаѣ возникъ бы вопросъ, почему ѣсть не опущено, по правилу, какъ въ пол. *nie było (jest)*, со *robić*, а удержано. Но кромѣ того мы имѣемъ и обороты съ будущимъ (нѣ-чего будетъ дѣлать), которое немыслимо въ сочетаніи съ есть (ѣсть-будетъ). Поэтому остается принять, что обороты „нѣ-чего-было *v. нѣ-чего-будетъ* дѣлать“, млр. *нічого-було* и пр. съ было, будетъ лишеными ударенія и прислоненными къ предыдущему слову съ нѣ, предполагаютъ выраженія съ двумя глагольными сказуемыми: (мнѣ) было (есть) нѣ (=неестъ) чего дѣлать, будетъ нѣ-чего дѣлать“¹⁾. Эти послѣдніе обороты значатъ собственно: „мнѣ было (будетъ) такъ: нѣчего (теперь) дѣлать“ (и потому, напр. я пошель), и могли бы быть переданы поль-

¹⁾ Относит. постпозитивности было, будетъ ср. постпозитивное хоть изъ препозитивнаго хотя, стр. 440.

скимъ „niemiałem со robić (do roboty, do czynienia), więc poszedłem“. Въмѣстѣ съ перестановкою и прислоненіемъ (ἐγκλισις) „было“ возникаетъ новый отгѣнокъ, который будетъ переданъ польскимъ „niebuño со 379 robić (więc poszedłem)“, и въ коемъ русскому былъ въ польскомъ соотвѣтствуетъ не какое либо вещественное слово, а лишь грамматическая форма, именно время главнаго сказуемаго.

г) Буслаевъ (Гр. § 196, 1, а), въ примѣръ неопредѣленнаго, употребленнаго какъ сказуемое безличное съ подразумеваемымъ лъзя, нельзя, должно и т. п., приводитъ рядомъ два выраженія: „то мнѣ есть порока всякого отъ людей нейти“, Ин. 35, и „уже намъ нѣкамо ся дѣти“, Лавр. 30. Между тѣмъ строеніе этихъ оборотовъ весьма различно: въ первомъ неопредѣленное наклоненіе присоединяется ко глаголу непосредственно (такъ какъ дополненія, которыя могутъ раздѣлять эти слова, для характера оборота несущественны), а во второмъ — посредственно. Отсюда слѣдуетъ, что во второмъ случаѣ неопредѣленное н. ближе къ полноправному сказуемому, чѣмъ въ первомъ. Съ другой стороны, въ первомъ ѣсть, переставая означать существованіе и наличность, становится, по крайней мѣрѣ стремится стать чисто формальнымъ. Согласно съ этимъ, сила рѣчи никогда на него непадаетъ, почему оно и опускается часто въ старинномъ языкѣ и всегда въ новомъ русскомъ. Напротивъ, во второмъ оборотѣ ѣсть, вошедшее въ составъ нѣкамо, есть гл. вещественный, означающій всегда существованіе „есть, куда“ = существуетъ, находится такое мѣсто, куда...; „нѣкуда“ = нѣтъ такого мѣста, куда.. и т. п. Сила рѣчи падаетъ всегда на это есть, почему оно никогда неопускается, ибо въ „нѣкамо ся дѣти“ неопущено ни лъзя или подобное, ни есть, а имѣется только стяженіе не-ѣсть въ нѣ. По своей знаменательности это неѣсть въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ замѣняется болѣе полнозвѣснымъ глаголомъ, какъ въ польск. niema, niemasz (со robić); въ серб. „нема се куд“ (=није кућкамо); ср. въ латышск. ir kō ēst (есть что ѣсть), но съ отрицаніемъ 380 ne ne ir (лит. nega, nēg), а newa, pawa, pau (изъ newaid, 3 л. ед. наст. отъ waist, находится гдѣ), напр. newa ko ēst, нѣчего ѣсть.

Если въ русс. лит. въ есть до-нынѣ сохранилось въ большей или меньшей цѣлости окончаніе 3-го л., а въ нѣ (нѣ-куда, нѣ-кому и пр.) оно исчезло вмѣстѣ съ кореннымъ с; то изъ этого, конечно, неслѣдуетъ, что это нѣ имѣетъ другое начало, чѣмъ неестъ. Такая звуковая разница есть и въ другихъ нарѣчійхъ: млр. ѣсть (и е), нѣт (котораго гдѣ оно встрѣчается на югѣ, неслѣдуетъ считать заимствованіемъ) и нѣ (=нѣ) въ нѣ-чого їсти и пр.; угорско-русс. не-ѣ (при нѣт): не ѣ мого миленького, не-ѣ мого квіту, нѣт с ким мині розмовляти до білого світу (Голов. II, 406; ср. ib. 404—5, 422); чешск. jest и není (=neje); польск. jest и стар. nie (=нѣ изъ neje), напр. weźmi, bo nie (не)

jinego, kromie tego; nie (nye) temu nijenego rownia, Царей I, 21, 9, XIV—XV в., Масіејов. Dodat. 16.

ъ въ „нѣчего ѣсть“ и т. п. оправдывается какъ ст. славянскимъ (см. Mikl. Lex. нѣ), такъ и малорусскимъ; обычное здѣсь е (не-чего) можетъ быть совмѣщено только съ полнымъ отреченіемъ отъ этимологическаго правописанія. Впрочемъ этого рода ошибки встрѣчаются уже давно: ср. вышеупомянутое (стр. 206) „не-ли (чит. нѣ-ли, т. е. нѣтъ ли) кого, иже бы могъ на оу страну дойти“ Лавр. 28.

Примѣчаніе. Не безъ основанія приписываютъ одно и то-же происхожденіе двумъ слѣдующимъ нѣ:

аа) нѣ передъ мѣстоименіями и нарѣчіями мѣстоименными: нѣкыи и польск. niejaki (нѣкоторый), нѣкъто, нѣчто а) въ знач. мѣстоименія = обл. вр. што-ли (что либудь. Подвысоц.), што-нѣ (нипуть што-не: што-не сбылось на родимой моей родинѣ, Барс. Прич. I, 144), поль. nieso, что бы ни было, нѣсколько, немножко; б) нѣчто въ знач. союза въ ст. вр. =если: „а нѣчто, будетъ, цесаревъ гонецъ Лукашъ.. похочеть во Псковѣ наняти извожковъ.. и вы бѣ Лукану извожковъ наняти повозили, 1597, Нам. диплом. св. II, 419; въ нов. вр. (у Дала ошибочно нешто и нешто) развѣ, неужели, въ вопросит. предложеніяхъ, для выраженія сомнѣнія или увѣренности въ противномъ (мр. хн-ба-ж); нѣкъдѣ (гдѣ-то), нѣкогда (когда-то) и др. Нѣ здѣсь сначала ставилось раздѣльно 381 (Булс. Гр. § 75, пр. 1), что и до-нынѣ остается какъ архаизмъ въ влр. просторѣчій: „нѣ въ кое время“, Др. р. ст. 17, „нѣ въ которомъ царствѣ“, въ мдр. это нѣ, кажется, потеряно.

бб) нѣ въ др.-русск. передъ численнымъ обозначеніемъ величинъ, для выраженія приблизительности: „и бѣ у нее (чит. у нею, т. е. въяхву) людей нѣ 300, Лавр. 75; ѣхахомъ сквозѣ полякы Половчыскіе не (чит. нѣ) въ 100 (=въ сѣтъ) дружинѣ, ib. 104; пѣбно не (=нѣ) съ 200, ib.; имама на нихъ нѣ съ полуторы тысяце грив(ѣ)нѣ, Повг. I, 8; придоша Езь на Водь ратью нѣ въ тысящи, ib. 11; убиша ихъ Новгородци не (=нѣ) о трехъ стѣхъ, ib. 17.

Тогдашество случаевъ аа и бб видно и теперь при сравненіи нѣ-кто съ нѣ-сколько. Последнее, разложенное на нѣ съ koliko формально равно съ нѣ съ триста. Въ предлогѣ съ сопоставленіе въ пространствѣ служить здѣсь и въ другихъ случаяхъ представленіемъ сходства и равенства, такъ что нѣ-с-колько значить собств. „приблизительно (нѣ) равное (съ) коликому“. Оба случая (нѣкъто и нѣ до осми мужь) Миклошичъ (V. Gr. IV, 172), пользуясь догадкой Конитара, объясняетъ отлично отъ „нѣчего (=не ѣсть чего) ѣсть“ и пр., именно—изъ предполагаемаго не въ кѣто (а это изъ невѣсть кѣто), въ страдательномъ значеніи „nescitur quis“, или изъ невѣмъ кѣтъ; nescio quis, при чемъ предполагается фонетическій процессъ, какъ въ сред. в.-нѣм. neiz изъ niweiz. Пожалуй, можно бы предполагать, что и влр. обл. нисъ („нисъ придеть, нисъ несприидеть“=нетó... нетó) возникло не изъ „не ѣсть“, а изъ не вистъ = невѣсть. Сближенію Миклошича вряд-ли можетъ помѣшать то, что нестяженное „невѣсть кто, -что, -гдѣ“ значить не aliquis, aliquid, alicubi, а, подобно мр.-му незнать 382 шо, польск. niewiedzieć со, нѣсколько интенсивнѣе: невѣсть что — не нѣчто, а Богъ знаетъ что, чортъ знаетъ что, дурное, пустое; невѣсть сколько — не нѣсколько, а много и т. п.¹⁾ Но такое нѣ изъ невѣсть было бы предпочтительно лишь въ

¹⁾ Мдр. навѣщо въ знач. нѣщо? необъяснимое изъ на ось що (такъ какъ указательное ось = осе = ѣсе въ вопросѣ неумѣстно и такъ какъ о въ ось непереходить въ і), произошло изъ невіщо (=невѣсть що) въ выраженіяхъ, какъ „звівся на невіщо“, откуда ошибочное „звівся ні на віщо“. Сравнивая невѣсть что и невіщо съ не-

случаѣ, если-бы нельзя было вывести его значенія изъ же ꙗсть (какъ въ „нѣчего дѣлать“), чего я недумаю. Нѣ въ нѣ триста сходно съ отрицателемъ не при числительныхъ въ мдр., для обозначенія числа, больше указаннаго и тѣмъ самымъ неопредѣленнаго: „(рѣка) либонь ворочавши не пѣтъдесятъ млинѣ“ (Гребѣна), т. е. гораздо больше. Сюда иск. нѣ. нѣ въ значеніи не то.. него (какъ врусск. нисѣ. нисѣ), или. или: „ѡгда се премѣнитъ нѣ на боуроу нѣкакоу, нѣ на бездождѣѣ, I. Экз. Шестодн. 109. Такъ и нѣ изъ не ꙗсть могло получить значеніе неопредѣленности и приближенности при числительныхъ, тѣмъ болѣе, что не ꙗсть in extenso встрѣчается тамъ, гдѣ можно бы обойтись простымъ не: „Ой не ѣсть то, нас, брате, на Чорному морі супротивна хвиля потоцлѣ (=потоцплеть), а ѣсть то отцева-матчина молитовъ побиваѣ-караѣ, З. о Ю. Р. I, 29²).

383 д) Неслѣдуетъ заключать отъ состава самостоятельныхъ вопросительныхъ предложений „кому (есть) ѣхать?“, „что (есть) дѣлать?“ и пр. къ составу зависимыхъ въ „есть, кому ѣхать“, „есть, что дѣлать“. Въ послѣднихъ ничто неопущено (Mikl. V. Gr. IV, 868): они вовсе не предполагаютъ „есть, кому есть ѣхать“. Въ этомъ убѣждаетъ, во-первыхъ, то, что въ ст.-славянскомъ, рѣдко опускающемъ ꙗсть, сѣтъ, и, по-видимому, лишь въ угоду греческому („блажени ницѣи духъмъ“ и т. п.), ꙗсть въ разсматриваемыхъ предложенияхъ, несмотря на ихъ самостоятельность, постоянно отсутствуетъ („неимѣтъ, чесо ѣсти“), какъ въ соответственныхъ оборотахъ съ причастіемъ („невѣдѣтса, чѣто творѣще“). Во-вторыхъ, придаточныя изъ относительнаго слова съ неопредѣленнымъ сами по себѣ неимѣютъ времени, тогда-какъ они должны бы его имѣть, если-бы въ нихъ было опущено ꙗсть. Въ этомъ отношеніи придаточное въ „небысть, куда переѣхати“ должно быть сравнено не со всѣмъ сочетаніемъ „небысть переѣхати, а съ однимъ неопредѣленнымъ въ этомъ сочетаніи, неопредѣленнымъ, которое, въ отличіе отъ причастій (вѣстеса, чесо просѣще v. просивше), означаетъ лишь моментъ, слѣдующій за-тѣмъ, который означенъ глаголомъ, т. е. относительно времени зависитъ отъ главнаго сказуемаго.

Неопредѣленное н. глагольнѣе причастія. Поэтому стремленіе языка замѣнять эмбриональныя придаточныя предложения болѣе развитыми, т. е. глагольными, уничтоживши обороты съ причастіемъ въ придаточномъ („невѣстеса, чесо просѣще“ = чего просите), удержало неопредѣленное въ „незнаете, чего просить“. Впрочемъ, и здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтно приближеніе придаточнаго къ полной глагольности. Какъ уже въ ст.-сл. для явственнаго выраженія отгѣнка буду-

знать що, niewiedzięć со, можно бы подумать, что и въ первыхъ вѣсть есть не 3 л. ед. наст., а, какъ въ послѣднихъ, неопредѣленное вѣсти, сохранившееся въ зап. мдр. (віств) и предполагаемое среднимъ родомъ прич. страд. въ ст. русск. „вѣсто“.

²) Mikl. (Gr. IV, 823) приводитъ этотъ примѣръ, говоря о сочетаніи ꙗсе, бы съ причастіемъ наст. (бѣаше бѣда и пр.), что ошибочно: такого причастія (resp. дѣеприч.) наст. „караѣ“ въ мдр. вост. небываетъ.

шаго въ „*τὶ καλήσεται*“ поставленъ въ придаточномъ глаголь при неопредѣленномъ („непѣйтес_д, како или что имате глаголати“, О. 384 Ев. Мат. 10, 19); такъ въ серб. на мѣстѣ безглагольнаго ст.-сл. неопредѣленнаго („необрѣтъше, кѣду вънести и“) стоитъ будущее: „нашавши, куда ће га унијети“. Ср. малор. „незнаю, що чинити маю“ при „незнаю, що чинити“. Само это послѣднее придаточное получаетъ болѣе глагольный видъ отъ того, что и въ независимомъ предложении „что дѣлать?“ стало обычно опущеніе глагола, такъ что видимая разница между обоими оборотами стерлась.

Хотя въ разсматриваемыхъ придаточныхъ ст.-сл. неопредѣленное стоитъ на мѣстѣ греч. лат. конъюнктива, но невыражаетъ ни сослагательности, ни, первоначально, даже изъявительности. Поэтому чешскіе и другіе писатели, стараясь приблизиться къ латинскому, ставятъ на мѣстѣ неопр. н. въ придаточныхъ условное накл. какъ и на мѣстѣ причастій:

οὐκ ἔχει, ποῦ τὴν κεφαλὴν κλίνη, non habet, ubi caput reclinet, чеш. nemá, kdeby hlavu skloniř, Мат. 8, 20;

μὴ εὐρόντες, διὰ ποίας εἰσενέγκουσιν αὐτόν, qua inferrent, чеш. kterou by jej stranou vnesli, пол. którędy by go wniesli, хоруг. kod bi ga vnesli, лат. saur ko té wińu ĩnestu, Лук. 5, 19; *οὐκ ἔχουσι, τὶ φάγουσι*, non habent quo vescantur, чеш. nemaji, со by jedli, пол. niemajař со by jedli, Мат. 15, 32.

Какъ уже упомянуто, въ русскомъ такіе обороты были бы большею частью ошибочны, такъ какъ въ этомъ языкѣ условность непереходитъ въ сослагательность. Впрочемъ въ ограниченіе сказаннаго объ отсутствіи модальности въ придаточн. съ неопредѣленнымъ безъ глагола слѣдуетъ прибавить, что въ русск. „незнаю, что сдѣлать“ стало казаться изъявительнымъ послѣ того, какъ получилась возможность сказать съ явственнымъ условно-желательнымъ отгѣвкомъ „незнаю, что́-бы сдѣлать?“.

Б.

Положеніе, что союзъ при неопредѣленномъ вовсе не непременно 385 предполагаетъ при этомъ неопредѣленномъ опущеніе глагола, вообще вѣрно; но точное опредѣленіе границъ между безглагольнымъ неопр. н. и такимъ, при коемъ опущенъ глаголь, довольно затруднительно, почему въ слѣдующемъ можно ожидать ошибокъ.

а) Какъ нѣмецкое неопр. накл. съ предлогами *im*, *im-zu* предполагаетъ безпредложное, такъ есть указанія, что слав. неопр. съ союзами, своеобразно достигающими той-же общей цѣли, что въ другихъ языкахъ предлоги, возникло изъ болѣе древняго бессоюзаго. Какъ велика въ древнемъ языкѣ неопредѣленность отношенія инфинитива къ главному сказуемому, видно изъ сравненія этого языка съ позднѣйшимъ,

въ коемъ (неговоря уже о замѣнѣ неопредѣл. личнымъ глаголомъ съ союзомъ преимущественно въ серб., болг. и хорут.) на мѣстѣ древняго безглагольнаго и безсоюзнаго неопр. н. стоитъ или такая-же форма („хочѣ видѣти“=хочу видѣть), или изъяснит. съ изъяснительнымъ союзомъ („мнѣнѣ видѣти“=думаетъ, что видѣтъ), или неопр. п. съ союзомъ заключительнымъ. Последній оборотъ замѣняетъ какъ то древнее неопр. накл., которое возникло изъ имени дѣйствія въ дателн. цѣли, такъ и то, которое изстари появляется тамъ, гдѣ можно бы ожидать достигаемаго.

Имѣнѣ уши слышати (*ἀκούειν*, чтобы слышать), да слышитъ, О. Ев. Мат. 11, 15.

Сѣдѣваше съ слугами видѣти (*ιδεῖν*, чтобы увидеть, „желая видѣть“ какъ переведено въ литовскомъ) коньчинѣ, ib. Матѣ. 26, 58.

386 Оглядаашесѣ видѣти (*ιδεῖν*, чтобы увидѣть) сѣтворѣша се, Мар. 5, 12.
Послѣланъ есмь глаголати (*λαλῆσαι*) къ тебѣ и благовѣстити (*εὐαγγελίσασθαι*) тебѣ се, О. Ев. Лук. 1, 19, я послапъ съ тѣмъ, чтобы.., хотя можно и безъ союза: посланъ сказать; хорут. *paį govogim, paį ozpaņim.*

Възнесоста родителя отроча Иисуса въ Иерусалимъ поставити (*παράστῆσαι*, чтобы п.) прѣдъ Господѣмъ, ib. Лук. 2, 22.

Изидоша видѣти (*ιδεῖν*, чтобы..) бывшею, ib. Лук. 8, 35.

Простое неопред. п., бывшее здѣсь требованіемъ слав. языка, а не подражаніемъ греческому, ставится и на мѣстѣ греч. неопр. съ союзомъ:

отъкъду намъ въ пустѣ мѣстѣ хлѣбъ толико насытити (*ὥστε χορτάσαι*, чтобы насытить) народа толико, ib. Мат. 15, 33.

Сюда слѣдуетъ присоединить эпезегетическое неопр. накл. у Микл. (V. Gr. IV, 857), какъ „испльнише се дньне родити (іѣй)“, коихъ я никакъ бы несчелъ грецизмами (Mikl. ib. 858), и примѣры неопр. п. цѣли, ib. 858, 13. Въ послѣднемъ мѣстѣ противоположеніе славянскихъ языковъ литовскому и латышскому требуетъ ограниченія, такъ-какъ примѣры неопредѣленнаго цѣли (безъ союза), каковы приводимыя Шлейхеромъ (L. Gr. 312) и Биленшт. Gr. (§ 731), возможны и въ русскомъ, несмотря на значительное позднѣйшее развитіе союзовъ. Лишь въ томъ отношеніи я несогласенъ съ мнѣніемъ Вс. Миллера (Ueber den Letto-slav. infinitiv, Beitr. VIII, 165), будто ст. русс. и лит. примѣры, добные приведеннымъ ниже, сближаемые М-мъ съ дателн. infinitiv. въ Ведахъ, вполне чужды нынѣшнему русс. яз., т. е. вполне вытѣснены неопр. съ союзами, какъ чтобы, дабы:

Даниль.. гна, всѣдъ на конь, видѣти невиданная рати.. и нини мпозии князи с нимъ гнаша видѣти нѣвидное рати (Ип.² 496) = поскакалъ посмотрѣтъ; древнѣе было бы „гна.. видѣтъ“, съ достигаемъ-

нымъ, устраняющимъ сравненіе съ дат. цѣли, какъ ів. выше: „пришли суть видѣть олядйи Рускыхъ“.

Раздвиге земля уста свои прияти кровь брата твоего (Ип.² 499), чтобъ принять, но возможно, хотя архаично, безъ союза, какъ у Держ. „зіяеть время славу стерть“.

И вдасть Кыевъ в рущѣ Дмитрови обьдержати противу иноплеменьныхъ языкъ (Ип.² 521), какъ нынѣ даль, поручилъ защищать.

Посла и Володимѣрь с тозѣмци в челнохъ воз-верхъ рѣкы Лосны, абы кдѣ изнайти таково мѣсто городъ поставити (ів. 578); и теперь возможно безъ союза не только первое, но и второе неопр.: послалъ найти мѣсто поставить г. Относительно такого второго неопр. накл., примыкающаго къ дополненію перваго, ср. въ стар. яз. „никуда же не може пути собѣ налѣсти ѣхати (= чтобы ѣхать) по Святославѣ“, Ип. 129 (430) и въ новомъ, какъ „немогъ найти средствъ платитъ за обученіе“, „сталъ искать спички зажечь свѣчу“ и т. п.

То се ты со мною цѣловаль крестъ, ходити нама по одной думѣ обѣма, Лавр. 207 (458).

Лит. примѣры (В. Милл.), какъ „asz ne židauka nedėle skalbtė“, „asz ne antelė per mares plauktė“, „ne geguželė girioj kukūtė“ (п. п.=я не жидовка, чтобъ мыть бѣлье въ воскресенье, я не утка, чтобъ по морю плавать, не кукушка, чтобъ въ лѣсу куковать), могутъ быть сравнены съ такими, какъ „онъ не дуракъ работать, когда можно лежать“.

Примѣры (Шлейх., Биленшт.), какъ лит. asz ugnele prakuriau pusguktukus virti“, лот. rakur ugguni sildit, прямо соответствуютъ русскимъ: я развелъ огонь варить завтракъ, разведи огонь ѣду разогрѣть. Ср. мр. „вороне, що ти копаеш?—Пічку.—На-що?—Окропи грїть, твоїм дітям очи заливать“ (дѣтск. игра). Лотыш. trūkst naudas pirkt (Biel.)=нѣтъ денегъ купить; тѣр бѣс науда падзертѣс (Спрог. 76)=будутъ деньги напиться; ваяга.. лїну двѣлі (винит.) слауцїтѣс (Слр. 78)=нужно льняное полотенце утираться; ср. мр. дума собі, мотаючи рушничком, що узаяла (=с собою) підперезатись; Квит. ІІІ. л.

Возвращаясь ко мнѣнію Миклошича (IV, 858—9), не вижу, почему „неопр. н. цѣли (der finale inf.), гдѣ оно не стоитъ на мѣстѣ супина. есть явленіе неславянское“? Что можетъ быть заисствованнаго въ „имѣла оуши слышати (ὄτα ἀκούειν) да слышити, Марк. 4, 9; даяше оученикомъ своимъ прѣдложити (παράθέραι) народу, Лук. 9, 16? Искони и до нынѣ: „и вложи ему (человѣку) очи видѣти, и уши слышати, и умъ совѣтовати (сп. 1620, Пам. ст. Р. л. 15); не только на пр. „дай доѣхать“, но и: дай-ко, Господи.. тиху тїшинку на шїрокой на улицѣ, благодать да ты па славномъ этомъ морюшкѣ, переѣхать черезъ синее Онегушко, передатъся на родиму мнѣ на родинку, Барс. Прич. I, 92. еще дай да Боже-Господи ему въ домъ жену неумную плодитъ (=что-

бы она плодила) дѣтей неразумныхъ, *ib.* 288. Подобное возможно и въ мр.—Съ бѣльшимъ основаніемъ можно видѣть постороннее вліяніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ позднѣйшей замѣны неопредѣленнаго, какъ напр., *вм.* ꙗда храма неимате ясти и пити, хорут. *na jestvino i pitvino*, поль. *do jedzenia, zum essen*; *вм.* прѣдложити (см. выше Лук. 9, 16), хорут. *da bi dali*, поль. *aby kladli*, какъ и давно уже въ поль.: „*dzień jego przidzie, aby umarł*, Царь. 26, 10; *wyszedł krol Izraelski, aby szukał pchły*, Цар. 26, 20 (XIV—XV в. *Mac. Dod.* 19).

б) То отношеніе, которое мы привыкли выражать заключительнымъ союзомъ, могло быть, хотя и съ меньшею опредѣленностью, означено союзомъ изъяснительнымъ: въ стар. яз. оже (ѣже), аже, а (?), позднѣе—что:

Отверзенѣ бо ему бѣста отъ Бога очи сердечнѣи оже пещися церковными вещьми и клирики, Лавр. 173 (391).

Азь того хощу еже за Христа пострадати, Воскр. л., II. с. Р. л. VII, 154.

Како еси былъ умоливъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною, аже совокупитися у Чернигова всимъ, да любо быхомъ умирилися вси на всей волѣ своей, Ип. 149 (469), съ чѣмъ ср. *ib.*: „а умоли с нимъ мужемъ своемъ (=имъ, т. е. черезъ своего посла) а переже весны доспѣвъ сѣдѣти и воеватися со Олговичи а вѣсти отъ тебе ждати правоѣ“... „умоли с нимъ про волость свою и про дѣти своя а Кыева подѣ Рюрикомъ неискати а подѣ Давыдомъ Смоленска неискати“.

Сим ли Бога умолите, что утопла или удавленника выгрести? Серап. въ Паис. сб., Бусл. II. Хр. 527.

То се ты со мною цѣловаль крестъ ходити нама по одной думѣ обѣма; то коли рать была, со мною еси ко царю небѣжалъ, но (*с. вм. не*) осталъ еси в Руси, избывъ въ Вороножьскихъ лѣсѣхъ того дѣля, что розбити, а крестного цѣлованья забывъ, чтобы нама Богомъ и правдою своею потягати бесерменина, Лавр. 207 (458).

Азь быхъ того хотѣль, что за Христа кровь свою прольяти, Воскр. л., II. с. Р. л. VII, 154.

Крестъ къ нему цѣловаша, что его невыдати, Пск. II, 1327; II. с. Р. л. V, 12.

И сталь царь Далмать кручиновать: „а не на то-де онъ прѣхаль ко мнѣ во царство, что ему служить, но на то онъ прѣхаль, что ему царствомъ завладѣть моимъ, Ск. о Ерусл. Лаз., Пам. ст. Р. л. I, 332.

Не честь мнѣ будетъ нѣ хвала, что соннаго убить: сонной чело-вѣкъ—аки мертвой, *ib.* 328.

Подымись, моя родна сестра, что ити-то въ парну баенку, что смывать-то волю вольную да красу-то свою дѣвичью, Новг., Шейнъ, Р. н. п. 495; благослови, кормилецъ батюшка, что ити-то въ парну баенку,

ib.; благослови... что садиться за дубовый столъ, ib. 496 (ср. благословите мнѣ дѣвушкѣ идти въ парную баенку, Рыбн. III, 397; вы давай-те-ка, родители, великое благословеньице мнѣ повьдти красной дѣвушкѣ на широкую-то удушку, ib. IV, 121); для того я пиво пьяное варю, что твоихъ-то поѣзжанъ поить, что твоего-то свѣта суженаго, Шейнъ ib. 495; чесала родная матушка, завивала кудри мила сестра, что во путь-то во дороженьку по свою ѣхать по сужену, ib. 505; вамъ спасибо.. что пришли.. что спровадить мою волю бажоную на чужу дальню ознобну сторонущку, Рыбн. IV, 110. Случаи эти отличны отъ частаго въ вр. п. что, столь же плеонастического съ точки нынѣшняго литерат. яз., какъ и ужъ: „я иду.. ужъ по новымъ-то по сѣнечкамъ; я вхожу.. что во новую во горенку, что во свѣтлую во свѣтлицу, Шейнъ ib. 496 et pass.

Отъ обычнаго „нельзя неѣхать“—прямой переходъ къ „нельзя что неѣхать за рѣку Смородину“ (Кир. II. VIII, 12 ¹⁾), вытѣсненному отчасти оборотами „нельзя чтобы неѣхать, о коихъ—ниже.

в) Подобенъ этому въ ст.-сл. и ст.-русс. переходъ отъ бессоюзаго ³⁸⁷ неопр. н. къ неопр. съ яко, како, которое мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ переведемъ посредствомъ чтобы, но которое ближе къ союзу что и должно быть отличаемо, какъ отъ нарѣчія яко=какъ, такъ и отъ союза яко=такъ что, о коемъ ниже:

свѣтъ сътвориша архиѳреи и старьци на Иисуса яко оубити и (*ὅσπε θανάτωσαι*, ut morte afficerent), О. ев., Мат. 27, 1; ср. возможное выражение „свѣтъ сътвориша оубити и“;

встанѣтъ лъжии хрьсти и лъжии пророци и дадѣтъ знаменія и чоудеса яко прѣльстити (*ὅσπε πλανήσαι*) избранныа, ib. Мат. 24, 24.

свадѣате ꙗ (плѣвелы) въ снопы яко съжещи ꙗ (*πρὸς τὸ κατακαῖσαι*), ib., Мат. 13, 30.

Мы видимъ, что яко замѣняетъ два различныя греч. оборота, такъ что, можетъ быть, здѣсь нѣтъ въ слав. подражанія, тѣмъ болѣе, что то-же и въ ст.-русс. памятникахъ:

ты ми еси, брате, много понуживаль, яко же положити на стрьби своемъ, Ип. 58; ср. возможное „понууживаль положити“;

и сдумаша яко изгонити князя своего Всѣволода, Новг. I, 7; ср. съдумаша изгонити;

и поможе ему Всеволодъ акоже облечи ту, Ип. 130; ср. поможе облечи, помогъ расположиться на ночлегъ;

¹⁾ что отчасти похоже на фр. *c'est n'est point une chose commode que de voyager dans ce pays; c'est se ruiner que de vivre sans économie; voilà ce que c'est que d'être imprudent.*

король же, ако сръкъ годъ, како поити, и посла къ Изяславу, Ип. 66 (308); ср. „срече годъ поити“, назначилъ время ити;

съсѣдоста въ короля въ шатрѣ и начаша думати якоже (что? что-бы?, или, можетъ быть, какъ, какимъ образомъ?) заутра рано поѣхати биться к рѣци к Санови, тако угадаша, Ип. 67 (309).

388 Едвали всѣ случаи неопредѣлен. накл. съ яко слѣдуетъ считать за безглагольные. Уже выше (408) были приведены подобные примѣры въ § о сочетаніи дательнаго съ неопред. наклон. и съ есть. Возьмемъ изъ нихъ слѣдующій: „съ Ярославомъ... чѣловаль есмь крестъ на томъ, какоже (нама) невоеватися“, Ип. 148 (466). Конечно, можно бы думать, что неопр. съ како—безглагольно и возникло изъ неопр. прямо соединеннаго со сказуемымъ: „чѣловаль есмь крестъ невоеватися“, сходно съ „кляхомъся непереступати мира и любви“, Лавр. 16. Но съ другой стороны „како невоеватися“, присоединено не къ сказуемому, а къ дополненію „на тѣмъ“, послѣ коего могло первоначально вовсе небыть союза: „чѣловаль есмь крестъ на тѣмъ: невоеватися“. Въ этомъ случаѣ „невоеватися“ было бы формально сходно съ дебитивными выраженіями закона: „истыцю своеѣ лице възяти (есть)“ и пр. (Рус. Пр.). Изъ этого можно сдѣлать придаточное: уставихомъ, яко истыцю... възяти (есть)“, съ которымъ можетъ быть совершенно сходно „чѣловаль есмь кр. яко невоеватися“ Если-бы и небыло дополненія „на тѣмъ“, то все таки въ пользу опущенія естъ въ разсматриваемомъ выраженіи говорилъ бы дательный при неопред. и оттѣнокъ времени („что небудемъ воевать другъ друга“) котораго невидно въ „поможе ако же облечи“, хотя съ другой стороны ср. стр. 380 сл.

г) При ст.-сл. и ст.-русск. яко въ знач. такъ что, млр. аж, що аж, серб. тако да, неопредѣленное болѣе самостоятельно по отношенію ко главному сказуемому, чѣмъ выше, и при немъ большею частью на-лицо дательный, который можетъ подразумѣваться и въ случаяхъ б). Вся конструкція есть дательный съ неопредѣленнымъ (безъ глагола), подобно тому, какъ въ греч.—*ὅστε* при винительномъ съ неопредѣленнымъ.

И неотвѣща емоу ни къ едивомоу же глаголоу, яко дивитиса Игемоноу зѣло (*ὅστε θαυμάζειν τὸν ἡγεμόνα*), О. ев. Мат. 27, 14.

389 И вѣставъ абиѣ и възъмъ одръ, изиде прѣдъ всѣми, яко дивитиса всѣмъ и славити Бога (*ὅστε ἐξίστασθαι πάντας καὶ δοξάζειν*), ib. Марк. 3, 12.

И бысть яко мѣртвъ, яко мѣногомъ глаголати (*ὅστε πολλοὺς λέγειν*), яко оумрѣ, ib. Марк. 9, 26.

Наплъниша оба корабли, яко погрѣжатиса има [*ὅστε βυθίζεσθαι αὐτά (τὰ πλοῖα)*], ib. Лук. 5, 7.

Сръѣтоста и дѣва бѣсьноуѣжшася, люта зѣло, яко немощи никомоуже мимоити (*ὅστε μὴ ἰσχύειν τινὰ παρελθεῖν*) пѣтѣмъ тѣмъ, ib. Мат. 8, 28.

Исповѣдаша вса всѣмъ, ꙗже са сълоучи имъ, ꙗкоже многоу страхоу напаста на всѣхъ слышатшихъ, Супр. 29.

Взыгнѣшеноу же бывъшоу огню, раждегоша сковрадѣ, ꙗкоже быти ꙗи подобнѣ огню, ib. 120.

Псы толь хытро изоучше, ꙗко же, гладѣмъ имъ мѣрущемъ и въ оустѣхъ дѣржащемъ заяць, неѣсти готовъ (=ы) ꙗди, нѣ ожидаѣтъ господина, надѣѣся постѣдъ накѣрмленъ быти, Златостр. XII в. Срезн. Др. пам. Р. п. 195.

Отънюду же небѣ начаятисѣ, отгуду же всѣи намъ дѣньница пресвѣтла, ꙗко же отъ всѣхъ странъ, видѣвше свѣтѣнне еѣ, тещи къ ней, всѣ презрѣвше, тоѣ единой свѣта насытити сѣ, жит. Θεод. (относительно 2-го неопр. безъ союза см. выше стр. 427).

Вонюють силно, ꙗко тутънати и въ(з)гремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людѣй тѣхъ, Хожд. Дан. пал., Бусл. Р. хр. 96.

Наиде рана на Полочаны, ꙗко нѣ-како бѣше (=нелѣзи было, см. выше стр. 420) ходити по улицѣмъ, ꙗко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти, Новг. I, 3.

Гониша ихъ бѣуче... ꙗко же немочи ни коневѣ ступити трушѣмъ, Новг. I, 60, такъ что немогъ и конь (нѣкуда было и коню) ступитъ за трунами.

Олегъ же бѣ въ то веремея нездравуѣ велми, ꙗко немощи ему ни на конь всѣсти, Ип. 93.

Княгини же его много раздѣли богатство монастыремъ и попомъ и убогымъ, ꙗко дивитисѣ всѣмъ человѣкомъ (такъ что дивились) ꙗко (=что) такоѣ милости никто же можетъ створити, Ип. 4; и украси ю (церковь) ꙗко и всимъ приходѣющимъ дивитисѣ, ib. 111.

И избѣи я, ꙗко мало (читай „малу“) ихъ отъ таковоѣ бѣды избѣгнуги, Лавр. 9, такъ что немногіе избѣгли.

Удавиша и рамяно, ꙗко персемъ троскотати, ib. 111, такъ что трещала грудь.

Намъ по суху Днѣпръ перешедшимъ, ꙗко покрыти (и=ѣ) водѣ быти отъ множества людѣй, Ип. 164.

И толико взяша полона множество, ꙗкоже всимъ русскимъ воемъ наполнитисѣ до избытка и колодники, и чагами, и дѣтми ихъ, ib. 98.

Собрашасѣ вси Ятвязи.. мнози.. зѣло, ꙗко и лѣсомъ ихъ (=ими) наполнитисѣ, ib. 186.

И бысть рать велика, ꙗкоже наполнити болота ятвяжская пол-390 комъ, ib. 192, такъ-что войска наполнили болота.

Внутрѣшнѣи же еѣ (церкви) помость бѣ слить отъ мѣди и отъ олова, чиста, ꙗко блещатисѣ ꙗко зеркалу, ib. 196, такъ ч. блестяль какъ зеркало.

И пришедъ.. моляшеса.. дондеже и поющимъ вопль его стужи, яко прогнѣватися и рещи (такъ что разсердились и сказали): отвлеци лѣпо есть слѣпца сего, яко (потому что, такъ какъ) нелзѣ имъ (=черезъ него) пѣти, Ск. о Б. и Гл. XII, Срезн. 84.

И тако украси добрѣ, яко многомъ приходящимъ отъ Грекъ и отъ инѣхъ земля глаголати: нигдѣже сицея красоты бысть, *ib.* 85.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ предложенія съ яко неимѣютъ формальнаго значенія возможности или необходимости. Когда на мѣстѣ „яко немочи“ мы ставимъ „такъ что нельзя было“, то нельзя является здѣсь лишь въ-силу вещественнаго значенія глагола, а не въ-силу грамматической формы сказуемаго; собственно же „яко немочи“ ближе къ „такъ что немогъ никто“. Подобно этому въ слѣдующихъ примѣрахъ „яко видѣти *v.* невидѣти“ значить скорѣе „такъ что нѣкто видѣлъ *v.* никто невидаль“, чѣмъ „можно *v.* нельзя было видѣть“ „было видно (*sichtbar, visibile*)“.

Изяславу же паче пристунающю, и тако устрои Богъ мыглу, якоже невидѣти никомуже, толико до-конецъ копья видѣти, *Ип.* 63.

391 Бысть въ тѣ днь мѣгла велика, яко невидити до-конецъ копья *ib.* 73.

Сицю же пламени бывшу, яко со всея земли зарѣ видити, яко же и со Львова зряще видити, *Ип.* 195.

Бысть знаменье въ солнци и морочно бысть, яко и звѣзды видѣти, *Лавр.* 167.

Видѣвше, оного же рекохомъ, подруга пресѣдяща слѣпа, яко ни вѣкома, ни ряснома его непознатися, *Срезн. Ск. о Б. и Гл.* 83.

Ужа поторгахуся, велика суща зѣло, яко одва мужеви объяти обѣма рукама, *ib.* 88.

Мы и теперь скажемъ „рвались такіе канаты, что насилу (*v.* едва) человекъ обхватить двумя руками“; но въ нынѣшнемъ „что необнять“ и т. п. мы подразумѣваемъ опущенное есть и въ формѣ настоящаго представляемъ всегдашнюю невозможность, что, какъ кажется, неключено грамматически въ вышеприведенныхъ примѣрахъ.

Въ „бысть сѣча зла, якаже небыла въ Руси, и за руки емлоче сѣцахуся, и ступашася трижды, яко по удольемъ крови теци“ (такъ-ч. по ложбинамъ кровь текла), *Лавр.* 62, мы лишь за неимѣнемъ другого объясненія могли предположить, что при теци опущено прошедшее бѣ или башеть. Между тѣмъ возможно, что прошедшее значеніе неопредѣленаго накл. есть только отсвѣтъ прошедшаго времени въ главнымъ сказуемомъ и что неопредѣленное здѣсь безглагольно и означаетъ лишь дѣйствіе, одновременное съ главнымъ сказуемымъ. Попробуемъ замѣнить обычное здѣсь прошедшее глав. сказуемаго будущимъ, напр.

„будеть сѣча зла, яко по удолюемъ крѣви течи“, или „будеши боля, яко немочи и на конь вѣсѣсти“, и мы получимъ и въ придаточномъ значеніе будущаго, ненуждаясь въ предположеніи, что здѣсь опущено будетъ. Подобно этому въ „бѣ великъ и тяжекъ, яко и на кони немогы сѣдѣти“ безглагольное причастіе настоящаго мы передаемъ прошедшимъ, даже съ дебитивнымъ отгѣнкомъ (т. ч. онъ немогъ, такъ-что ему нельзя было), хотя оно означаетъ лишь дѣйствіе одновременное съ главнымъ сказуемымъ.

По отношенію къ дательному обороты образца „яко крѣви течи“³⁹² сходны съ такими дательными самостоятельными, какъ напр. „толикъ бо бѣ гладъ, яко и конѣ (винит. мн.) имъ (т. е. осажденнымъ) ¹⁾ хотящимъ ѣсти уже“, Ип. 194 (555)=такой голодь, что они собирались ѣсть лошадей.

И въ слѣдующемъ примѣрѣ, въ коемъ при неопредѣленномъ съ дательнымъ нѣтъ союза яко, хотя онъ былъ бы умѣстенъ, мнѣти и пр. можно сравнить не со „знати кѣсть“, а съ причастнымъ оборотомъ изъ дат. самостоятельныхъ:

Бысть во едину ноць, потече небо все и бысть чермно, по земли же и по хоромомъ снѣгъ, мнѣти же всѣмъ челоувѣкомъ (ср. мнящемъ вѣсѣмъ) зряче: акы кровь проляна по снѣгу. И видѣша нѣци теченіе звѣздное, отторгахуся бо звѣзды на землю, мнѣти видящимъ я, яко кончину, Лавр. 176.

Отъ случаевъ „яко крѣви течи“ отличенъ слѣдующій, по значенію союза и потому, что неопр. накл. въ немъ означаетъ моментъ слѣдующій за временемъ главнаго сказуемаго:

„и тако страшно бѣ зрѣти, яко второму пришествію быти“, Ип., т. е. такъ страшно, какъ будто имѣло быть (имѣло наступить второе пришествіе).

д) Замѣчательно что греч. обороты съ *πρὶν* v. *πρὸ τοῦ* и неопредѣленнымъ переводятся въ Остр. ев. не посредствомъ дательнаго съ неопр., какъ греч. обороты съ *ὄσπε* и винит. съ неопр., а посредствомъ личнаго глагола: *πρὶν ἀλέκτορα φωνῆσαι*=прѣжде даже куръ не възласситъ, Мат. 26, 34; *πρὶν ἢ σπελεθεῖν αὐτοῦς*=прѣжде даже не сънастася, Мат. 1, 18; *πρὸ τοῦ συλληφθῆναι αὐτὸν ἐν τῇ κοιλίᾳ*, прежде даже не зачатъся (Исъ) въ чрѣвѣ, Лук. 2, 21, а не „прѣжде даже кѣму незачатъся“. Тѣмъ неменѣе этотъ послѣдній оборотъ слѣдуетъ приписать древнему языку (Mikl. Gr. IV 870), такъ какъ въ противномъ случаѣ

¹⁾ Чтеніе, „и конѣ имъ“ основано на Хлѣбн. и Погод. спискахъ. Въ Ип. было икоинѣмъ, потомъ поправлено икоинѣимъ, т. е. и койнѣ (относит. и ср. нынѣшн. обл. байня=бани) имъ. Издатели предпочитаютъ чтенія: первый „и конемъ хотящимъ“, второй и „и конемъ имъ хотящимъ“, что лишь по крайней нуждѣ, которой нѣтъ, могло бы быть приято за регрессивную аттракцію винительнаго дательнымъ.

трудно было бы объяснить присутствие въ нынѣшнемъ яз. оборотовъ, какъ „прежде чѣмъ найти дорогу, долго странствовалъ“ (Бул. Gr. § 282, 5). Ср. обороты съ чѣмъ и чѣмъ какъ, млр. чим и як (въ знач. союза при сравнительной степени и т. п., какъ уже въ древ.-русск.: „кто болий въ васъ, акъ же Ѳедосій, послушливый, кроткый, смѣренный?“ Лавр. 69):

чѣмъ на мость намъ ити, поищемъ лучше броду, Крыл., Бул. ib. § 282, 5;

млр. чим віддавати хлѣб у гамазію, так він и собі пригодитьця, Квит.; „як свинямъ викинути, такъ лучше вамъ дати“—оборотъ отличный въ грамматическомъ отношеніи отъ „як маємъ (пиво) свинямъ виливати, такъ будемъ ми ёго на такихъ нетяг роздавати, Зап. о Ю. Рус. I, 201.

Противъ безглагольности неопредѣленнаго въ случаяхъ, какъ, „чѣмъ наказать, онъ помиловалъ“ нельзя приводить въ доказательство случаяевъ какъ „чѣмъ было наказать, а онъ помиловалъ“ (ср. Бул. I. с.): въ послѣднихъ, какъ и въ „нѣкому было пойти“ было несоставляетъ сочетанія съ неопредѣленнымъ, но есть вводное предложеніе (стр. 421).

Въ пользу древности дательнаго съ безглагольнымъ неопредѣленнымъ говоритъ присутствіе въ латышскомъ подобнаго оборота послѣ lidz (въ знач. союза=доньдеже не, пока, пока не; какъ предлогъ—до): lidz viņam atnakt, tew wél laika dēwsgan, букв. пока ему прийти, тебѣ еще
394 времени довольно—оборотъ быть м. вытѣсняемый личнымъ глаголомъ съ тѣмъ-же союзомъ: lidz viņsz atnāk, пока онъ придетъ (Biel Let. Gr. § 736).

Шлейхеръ (Lit. Gr. 334) говоритъ, что встѣрчалъ лит. аѣ, аѣа (bis, bis dasz), теперь ноупотребительное, нетолько при vb. finitum, но и съ неопредѣленнымъ н. Для насъ это важно въ томъ отношеніи, что эта частица, соотвѣтствующая млр. блр. аж, кажется заимствованіемъ изъ русскаго, въ коемъ вѣроятно было такое-же сочетаніе ея съ неопр. Несомѣнно-литовская частица съ тѣмъ-же знач. (пока, пока не, млр. аж, пока аж) есть iki, ik; она на-равнѣ съ другими, соотвѣтствующими ст.-сл. доньдеже, прѣжде даже не (pirn, первѣе, dar, еще) ставится нетолько при глагольномъ сказуемомъ, но и при дательномъ самостоятельномъ съ дѣепричастіемъ, возникшимъ изъ причастія въ дательномъ: pirn kristui užgimus (букв. прежде Христу родившись, т. е. до Рождества); gaidžiui dar nepragydas (букв. пѣтылу еще невѣзгласивши (дѣепр.), т. е. прѣжде даже коуръ невѣзгласить, Мат. 26, 34); swétui dar nebūwus, прѣжде даже небысть миръ, *πρὸ τοῦ τὸν κόσμον εἶναι*, Io. 17, 5 (Schl. Gr. 321); iki jam ateisent, букв. пока ему прийдя, съ дѣепр. буд. вр. въ литов. (Schl. ib. 333); dēwo karalyste... lygi raugui, kurį moterizke ėmusi įmaisze į tris ketwirczus miltū, iki abelnay(=*обельнѣ) sugugstant [цѣсарствѣе Божиѣ подобно ѣсть квасоу, иже примѣше жена съкры въ мѣцѣ трии сата (трии польспѣдия) доньдеже вѣкысе (вы-

кыше) вьса (всье), Лук. 13, 21]; nēko n'atbojo, ik grēktwanui (sündfluth) ateipant (не оштоутишд доньдеже приде потошь, Мат. 24, 39). Эти литовскіе обороты косвенно свидѣтельствуяють о принадлежности славянскому оборотовъ съ неопредѣленнымъ на мѣстѣ лит. дѣепричастія: „доньдеже потопу приити.

д) Неопр. н. съ бы и союзами сложными съ бы.

395

„Употребленіе бы при неопредѣленномъ н., говоритъ Буслаевъ, есть уже дальнѣйшее развитіе первоначальнаго прошедшаго условнаго времени, объясняемое опущеніемъ вспомогательнаго глагола, съ которымъ бы составляло описательную форму. Напр. „пойти бы“ (т. е. можно бы было., хотѣлось бы. и т. п.). Равномѣрно опущеніемъ объясняется сочетаніе союзовъ чтобы, дабы съ неопредѣленнымъ накл., напр. „чтобы узнать — чтобы я могъ узнать, чтобы я узналъ“ (Гр. § 194. Ср. ниже § 196: „неопр. накл. употребляется, какъ сказуемое безличное, при которомъ подразумѣвается лъзя, нельзя должно“. Въ грамматическомъ смыслѣ „подразумѣвается“, конечно, не то, что можетъ находиться въ синонимичномъ выраженіи, а то, что дѣйствительно было, и 396 потомъ опущено въ данномъ случаѣ. Какъ въ „знать птицу по перьямъ“ подразумѣвается только ꙗсть (знати ꙗсть) и какъ „знати ꙗсть“ отнюдь не предполагаетъ совершенно отличнаго выраженія „лъзѣ ꙗсть знати“; такъ „узнать бы“ не могло возникнуть изъ „хотѣлось бы ч. можно бы было узнать“, потому что такія опущенія безпримѣрны и потому что опущеніе недало бы того смысла, какой въ „узнать бы“. Тѣмъ менѣе безличное „чтобы (мнѣ) узнать“ могло возникнуть изъ опущенія опредѣленноличнаго глагола и именительнаго падежа „чтобы я могъ узнать“. Даже неотвергая возможности опущенія „было“ при „бы“ и имѣя въ виду, впрочемъ рѣдкій, случай, въ которомъ Востоковъ предполагаетъ такое опущеніе [„неимаши власти на мѣнѣ нико~~н~~же, аще не бы (было? или и безъ этого?) ти дано съвыше, О. ев. Іо. 19, 11], мы видимъ, что и такое опущеніе въ настоящемъ случаѣ невозможно, потому что въ языкѣ на-лицо два оборота „было бы узнать“ и „узнать бы“, которые, въ силу различія во времени, настоящаго въ послѣднемъ и прошедшаго въ первомъ, не могутъ быть поставлены въ преемственную связь.

Какимъ же образомъ возникло сочетаніе бы съ неопредѣленнымъ? Здѣсь, по-видимому, слѣдуетъ различать два случая.

а) Когда бы потеряло глагольную силу, а другія формы этого времени стали выходить изъ употребленія, то въ случаѣ сочетанія бы съ причастіемъ на -ль, при послѣднемъ, для сообщенія ему предикативности, стало ставиться, а потомъ только подразумѣваться настоящее вр. ꙗс-: что-бы ꙗсте прияли (см. выше стран. 279). Подобно этому 397

бы, уже какъ союзъ, стало присоединяться и къ неопредѣленному съ явственнымъ или подразумѣваемымъ ксть: „луче ны бы есть прияти я на чужей землѣ, неже ли на своей“, Ип. 163 (495). Хотя такихъ примѣровъ встрѣчается немного, но, мнѣ кажется, только ими можно объяснить бы въ неопредѣлен. накл. въ независимыхъ и зависимыхъ предложенияхъ нынѣшняго языка: „узнать бы намъ; какъ-бы намъ узнать? кабы намъ узнать! что бъ ему несдобровать!“; „а неводъ дѣлайте тотчасъ, неоткладывать бы вдаль, 1668—79, Ак. отн. до Юр. Б. II, 702. Предикативная сила здѣсь въ опущенномъ есть: „если бы намъ узнать (есть)“, при чемъ первое есть, заключенное въ ес(ть)ли, имѣетъ функцію не предикативнаго слова, а союза. Замѣтимъ модальную разницу между условнымъ „если узнать“ и оборотами какъ „если-бы [кабы, млр. як-би, як-би-б] узнать“, въ коихъ къ условности присоединяется желательность, выражаемая въ сербскомъ посредствомъ да је (есть) съ неопр. накл. ¹⁾

β) Второй случай состоитъ въ усложненіи вышерассмотрѣннаго употребленія неопредѣленнаго накл. безъ глагола въ придаточныхъ предложенияхъ, посредствомъ присоединенія союза бы къ относительнымъ словамъ, связывающимъ придаточное предложение съ главнымъ.

аа) Исахуть бо воє, ѣздяще сѣмо и тамо, што-бы приврещи граду, Ип. 190. Въ нынѣшнемъ литер. яз. ср. выраженія, какъ „незнаю, что-бы сдѣлать, чего-бы поѣсть, чему-бы поучиться“ и пр. (и подобныя въ млр.) съ болѣе простыми, какъ „назнаю, что дѣлать“ и пр.

Потомъ же гада Игорь съ дружиною, куды-бы переѣхати полкы Святославлѣ, Ип. 129; створи совѣтъ, куда-бы воевати, ib. 189; Половци почаша съ нимъ думати, куда-бы имъ вѣхати въ Русскую землю, онъ же почаша ихъ водити, подытыча на воеваніе, како-бы ему мститися сороча своего Святославу, ib. 139; почаша думати, како-бы съ ними умирится, ib. 149; чего достойны сдѣ? но ловимъ у нихъ того, како-бы ны взяти бродъ Зарубьскый, ib. 59. Въ Супр. рки. см. Mikl. Gr. IV, 398 868—9. Въ нынѣшнемъ языкѣ ср. зависимыя предложения съ гдѣ-бы, куда-бы, когда-бы, какъ-бы, (млр. де-б, куди-б, коли-б, як-би) и неопредѣленнымъ накл.

бб) Бы, присоединяясь къ другому союзу, вмѣстѣ съ нимъ сообщаетъ неопредѣленному значеніе цѣли. Этотъ оборотъ такъ относится къ болѣе простому и древнему неопредѣленному безъ союза („нача думати повести ꙗ куда“), какъ нѣм. неопр. съ im, im zu, французское съ pour къ неопр. безъ предлоговъ и, приблизительно, какъ серб. болг. изъяснительное съ союзомъ да къ замѣненному имъ неопредѣленному.

¹⁾ Још да ти је погледати, побро, како брдско сјевају Ћорде! А да ти је стат на гледат, друже, како паша низ Орљево струже, Цјев. Црног. 67.

Пристави къ нимъ Олга.. абы како довести полкъ цѣль, Ип. 127; се рекоша, абы имъ како прогнати его, ib. 137; нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставитъ городъ, ib. 206; посла.. абы кдѣ изнаити таково мѣсто городъ поставити, ib.; князь же нача думати, абы куда ѣ повести, ib. 211; Довѣмонть мысляшеть, абы како убити Миндовга, ib. 201; искашеть собѣ, абы съ кимъ мочи убити Миндовга, ib.

Въ нынѣшнемъ яз. ср. зависимыя предл. съ дабы, чтобы (чтоб), толь-ко-бы, лишь-бы, млр. що-б, аби-б и неопредѣленнымъ. Степень связи этихъ неопредѣленныхъ со сказуемымъ главнымъ различна: въ однихъ случаяхъ явственно, что неопредѣленное съ заключительнымъ союзомъ развилось (посредствомъ союза изъяснительнаго что, см. выше стр. 428—9, какъ поль. *żeby* изъ *że*) изъ неопред., прямо примыкающаго ко главному сказуемому; въ другихъ этотъ послѣдній оборотъ уже не можетъ быть восстановленъ. Такъ, намъ виденъ переходъ отъ выражений и теперь составляющихъ правило, какъ „немогъ неполюбоваться“, „нельзя было незайти“ къ такимъ, какъ „немогъ, чтобы остановился неполюбоваться“, „немогъ никакъ утерпѣть, чтобы незайтись“, „нельзя было, чтобы вздохнувъ самому себѣ не сказать“ (зап. Болотова); или отъ „способенъ замѣтить“ къ „насколько умень, чтобы замѣтить“, „слишкомъ умень, чтобы незамѣтить“; или отъ „будутъ деньги напиться“, „немного на-³⁹⁹добно ума пасти скотину“ (Фонвиз.), „нужно полотенце утираться“ къ такимъ какъ „есть деньги, чтобы напиться, нужно полотенце, чтобы утираться; Ср. выше стр. 426—7. Буслаевъ думаетъ, что такое употребле- ние союза чтобы въ новѣйшее время введено въ нашъ языкъ изъ иностранныхъ и недопускается чисто-народною рѣчью (Гр. § 272, б); но въ наиболѣе вліятельныхъ иностранныхъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ, въ подобныхъ случаяхъ при неопредѣленномъ стоятъ предлоги, а не союзы. Что-же до возбужденія со стороны этихъ языковъ своеобразно выразить по русски то, что напр. во франц. выражаетъ *roug* („*Silvio avait trop d'esprit pour ne pas le remarquer*“), то оно, конечно, могло существовать для нѣкоторыхъ писателей, которые однако, хотя быть м. не всегда вѣрно, руководились аналогіями своего языка, Этому послѣднему ненужно было толчка со стороны для стремленія явственно обозначать отношеніе цѣли при неопредѣленномъ, отчасти возникшемъ изъ достигательнаго, которое и само по себѣ означаетъ дѣйствіе, служащее цѣлью: „прииде видѣть“=чтобы увидѣть; „вырушивъ до гаца, коб забраци усѣнку рыбу“ (Гродн. г. Бѣлостоц. у.). Понятіе о чисто-народной рѣчи такъ неопредѣленно, что можетъ быть съуживаемо по произволу; это однако не послужитъ на пользу изслѣдованія, равно какъ и господствующее въ обществѣ невѣроятно узкое и смутное понятіе о чисто-русскомъ языкѣ. Но мы можемъ въ отвѣтъ на вышеприведенныя слова Б. сказать, что въ восточномъ малорусскомъ, вообще въ грамматическомъ отношеніи весьма самостоятельномъ и теперь почти лишь

простонародномъ, встрѣчается щобъ съ неопр. и тамъ, гдѣ русск. литер. 400 яз., въ этомъ отношеніи болѣе архаичный, нетерпимъ союза, и гдѣ сама малорусская рѣчь можетъ безъ него обходиться, напр. баби ради, щобъ тобі за все про все шептати, Кв.; як лягла на постиль, так и неподумала, щобъ спати, id. („неподумала спати“); всѣ вломила, чоловік хоче, щобъ підв'язати як-небудь (=хоче підв'язати), id., проміж грядок з розсадою добре справляютьця, хрюкаючи, свині з поросятами и байдужѣ, щобъ щонебудь хазяйкамъ zostавити, id.; сего Анхизу небажалося, щобъ попроситися с синком, и в голову ёму неклалося, щобъ з ним так бачитися мельком, Котл.; пішли, щобъ землю озирати, де їм показано селитися, id.; хоть гарна як, а все охоча іще гарнійшою щобъ бути id. Придаточное со щобъ (какъ и вр. со штобъ) можетъ быть выдвинуто впередъ (по образцу: „умереть—легко“ изъ „легко (есть) умереть“): „ото сам собі слухай, а щобъ кому другому сказати, то — неможна“, Драгом. Мр. пред. 76.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтобы съ неопр. и въ нынѣшнемъ литер. яз. неустранимо. Такъ послѣ „вмѣсто того“: „рука Фомы Григорьевича, вмѣсто того, чтобы показать шишь, протянулась къ книшу“, Гог. (нельзя сказать: чтобы показала); такъ тамъ, гдѣ неопр. съ чтобы означаетъ цѣль дѣйствія другаго неопредѣленнаго: „идеть онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей, чтобы съ кѣмъ нибудь знакомство свестъ“, Крыл. (нельзя сказать „чтобы свелъ“).

Въ старинномъ русскомъ еще равноправны обороты: болѣе древній „почни глаголати, како быхомъ промыслили о русской земли“ и позднѣйшій по происхожденію, заключающій въ себѣ уже союзъ, а не глаголь бы „поча думати, како-бы умиритися“. Первоначально безъ послѣдняго легко можно было обойтись, какъ и теперь обходится безъ него сербскій яз.: „почеше се разговарати, како би побегли“. Въ стар. рус. „како быхомъ ся сьняли“, независимо отъ контекста, есть или условное, или желательное. Въ нынѣшнемъ „какъ бы мы сошлись“ есть только условное, а для отгѣнка заключительности, связаннаго съ желательностію, требуется непременно „какъ бы намъ сойтися“. И при 401 заключительномъ союзѣ чтобы, лишь-бы, млр. щобъ, аби, причастіе -л вытѣсняется неопредѣленнымъ. Въ мр. еще правильны обороты, какъ „ой я в-дома обідала, аби братка отвідала (т. е. „не обідати прийшла, а аби одвідати“, лишь-бы навѣстити), Метл. 281; нема у серци мого сили, щобъ я змогла ёго забути (щобъ змогти, нѣтъ сили забути), Котл.; и се робив не для потіхи, а Марса щобъ удоволив (щобъ удоволити, щобъ удовлетворить), id.; и заразы чогось попоіли, щобъ на дорозі незомліли (щобъ незомліти) id. Но въ литер. яз. кажутся уже устарѣлыми: но ждалъ ли новыхъ я хлопоть, щобъ былъ (я) обмануть (=чтобы быть обманутымъ), Гриб.; позволь, щобъ предъ тобой открылъ я притчею простой, что размышленья мнѣ внушили (=позволь открытъ),

Крыл.—оборотъ не непремѣнно нѣмецкій, какъ можно бы судить по Бусл. § 272, а; голоса такого немѣю, чтобъ Феба я достойно величалъ (=чтобъ величать), id.

15. Абсолютное неопредѣленное накл. Такъ (едвали удачно) Биленштейнъ называетъ нижеслѣдующіе случаи употребленія неопредѣленнаго, которые, по его мнѣнію, „ächt lettisch“, что и справедливо, если прибавить, что они почти въ той-же мѣрѣ и литовскія, русскія, отчасти и польскія. Внѣшняя особенность абсолютнаго неопредѣленнаго та, что оно стоитъ всегда передъ глаголомъ. Въ употребленіи его различаемъ два случая.

а) Неопр. накл. въ русскомъ просто усиливаетъ отрицаніе глагола передъ коимъ оно стоитъ: „я знать-незнаю, вѣдать-невѣдаю“ (т. е. вовсе, рѣшительно незнаю). Въ литовскомъ: *asz nei mislyt nemislyju tauę įpreszt* (Schl. Les. 160), букв. я ни думать недумаю, т. е. и думать недумаю тебя смыкать (драть за волосы); *jautį ir be wadžos rawarysi, o drigantą nę gauti nesugausi*, ib. 82, вола и безъ возжей погонись, а жеребца и поймать непоймаешь. Въ латышскомъ: „сака мані лѣну, рāму, кад эс даудзи нерунаю; эс айз сава баргуминь і рунат нерунаю“, Спр. 152 (говорятъ, что я тиха, скромна, (потому) что я много не го- 402 ворю; а) я по своей злости („по своему крутому праву“, Спрог.) и говорю неговорю; „wái redzi?—redzét nekā neredzu“ (Biel. Gram. § 734), видишь-ли?—видѣть нечего невижу (=ровно ничего).

Въ латышскомъ кромѣ того такое неопредѣленное ставится и при утвердительномъ глаголѣ, для увеличенія интенсивности его вещественнаго значенія: *trīcēt trīce Rigas pilis*, дрожать дрожить (т. е. сильно дрожить) рижскій замокъ; *wainadziņsz wizēt wize ga'lwīnā*, вѣнчечкѣ блестятъ блестятъ (т. е. ярко) на головкѣ, *ikdīniņas gaudāt gaudu*, каждый день („еже дня“, мр. що дня) плакать плачу (т. е. горько), Biel. l. c. § 734; пѣдерѣтъ пѣдерѣя ірбес мейта тетерам, Спрог., пристать пристала (т. е. вполне прилична, серб. је слика-прилика) куропаткина дѣвка тетереву. Сюда, кажется, свр. „и напился калика, самъ спать заснул“, Рыбн. III, 34 (=крѣпко заснул?).

Другое относящееся сюда см. въ примѣчаніи къ этому §.

Изъ приведеннаго видно, что такое неопредѣленное находится въ столь-же тѣсной связи съ глаголомъ, при которомъ стоитъ, какъ нарѣчіе, почему названіе абсолютнаго несовѣмъ къ нему идетъ.

б) Неопредѣленное въ уступительномъ отношеніи ко главному сказуемому. Если въ первой половинѣ противительнаго сочетанія предложенья выдвинуть одинъ членъ изъ ряда остальныхъ посредствомъ присоединенія къ нему уступительной частицы (литер. хотя, пусть, мр. хоть, нехай) или предложенья, соответствующаго ей по смыслу („правда, что—“, „положимъ, что“), то получится сочетаніе уступительное

(Бул. Гр. § 277, 4). Членъ предложения, къ которому относится уступительное слово, есть тотъ, на которомъ сила рѣчи. Какъ въ собственно противительномъ „я написалъ, но..“ такъ въ уступительныхъ: „хотя я написалъ, но..“, „хотя я написалъ, но..“, хотя я написалъ 403 письмо (а не что иное), но..“, „хотя я давно написалъ..“ и проч. Членъ первой половины уступит. сочет. можетъ быть отгѣненъ и безъ хотя и т. п., одною силою рѣчи и инверсіей, или вмѣстѣ съ тѣмъ постпозитивною частицею то, сродною съ членомъ: „онъ-то человекъ хороший, но его жена..“, „ѣсть-то онъ хорошо, да работаетъ плохо“ и проч. Это средство оказывается иногда недостаточнымъ, и просторѣчіе для той-же цѣли прибѣгаетъ къ повторенію усиляемаго члена (нарѣчія, сказуемаго или предикативнаго атрибута): „давно-то давно, да незабыто“, „малъ-то малъ, да удалъ“.

Отсюда видно, что неопредѣленное, одно ли, или съ постпозитивнымъ то, или съ уступительною частицею при сказуемомъ, только потому служитъ средствомъ превращать противительныя сочетанія въ уступительныя, что, какъ мы видѣли подъ а), имѣетъ свойство усиливать сказуемое; „нашумѣтъ нашумѣли, а дѣла несдѣлали“; „любить нелюблю, а отстать немогу“; „любить хоть нелюби, да почаще взглядывай“; „знать-то онъ знаетъ, да неговорить“¹⁾. Понятно, что само по себѣ неопредѣленное безъ частицъ выразить уступительность не такъ явственно, и обороты, какъ „вздремнуль?—вздремнуть не вздремнуль, а всхрапнуль да присвиснуль“ ближе къ противительному „не только.. но и..“.

Млр. и польск. обходятся безъ частицы, соотвѣтствующей влр-му то: „лиха робить він неробить, та й добра небагато“; „sprac niesprał, ale drzémai“.

404 Имена, мѣстоименія, союзы, помѣщаясь передъ неопредѣленнымъ, ослабляли бы падающую на него силу рѣчи, а потому ставятся обыкновенно за нимъ, передъ главнымъ сказуемымъ. Такъ, вмѣсто „онъ хотя любить нелюбить, но..“ слѣдуетъ сказать: „любить-хоть онъ нелюбить (v. онъ-хоть..), но..“; такъ и въ польск. не „ni w czém mi szkodzić nieszkodził“, а „szkodzić mi w prawdzie ni w czém nieszkodził, ale też niepomagał“.

Въ латышскомъ: сѣлить сѣлий, бет недева, Спрог. 20, посулить посулила, но не даетъ; гібѣт гіб, neskanej, стучать стучить (сундукъ съ приданымъ), (но) незвенить (потому ч. нѣтъ въ немъ серебра); адит аду гайбус симдус, nejel dūszu bāliņam, вязать (то) вяжу пестрыя рукави-

¹⁾ Хотя выше подъ а) мы видѣли только такіе русскіе обороты, какъ „знать не знаю“ (съ отрицаніемъ при глаголѣ, а не такіе, какъ лат. „tricit trice“, но быть м. и эти послѣдніе предполагаются существующими въ русск. уступительными „ѣсть не ѣсть, но..“. Чѣмъ служить одно то для сказуемаго, сопровождаемаго нарѣчіемъ („ѣсть-то онъ хорошо, но..“), тѣмъ—неопредѣленное, когда мысль сосредоточена на одномъ глаголѣ: „ѣсть-то онъ ѣсть, да мало“.

цы, только не братцу ихъ дамъ (а суженому); *ést gan (wohl, zwar) éd, bet..* Ёсть-то ёсть, но.. Biel. Gr. § 734.

Биленштейнъ переводить „*sūlit sūlij bet..*“ такъ: „*was das versprechen anbelangt, versprach er*“, что до обѣщанья, что до того, чтобъ обѣщать, то онъ обѣщаль. Противъ этого можно возразить только то, что въ такомъ переводѣ неопр. н. представляется болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ оно есть на дѣлѣ, и что ближе къ эффекту лот. и русск. оборота было бы: „*zwar versprach er (er hat wohl versprochen), aber..*“. И однако находятся случаи, неподходящіе подъ понятіе уступительнаго сочетанія, когда вышеупомянутый способъ передачи смысла неопредѣленнаго н. дѣйствительно необходимъ: млр. „чи ёсть, чи пѣе, чи говорить?—не ёсть и не пѣе, а говорити (а что до того, чтобъ говорить), говоритъ“; „злодіяка такой, що ні з чим нерозминетця; и цигана обдурить, и старця обікраде; а пити (а что касается до питья, до пьянства) так неперепѣе ёго й Данилка, що от в того пана... за ёго ридваном ззаду труситця“; „нема ні на нѣму, ні на жінці, ні на діточках и одежи доброї, а їсти, коли жінка незаробить, то й ложки гуляють, Кв. Такъ и влр. литер. „онъ мало ёсть (ёсть не ёсть), а 405 пить, такъ пьеть“. Наблюденіе надъ способомъ произношенія такихъ оборотовъ заставляеть и на письмѣ отдѣлять въ нихъ запятою неопредѣленное н. отъ слѣдующаго слова, что неумѣстно въ уступительномъ „любить не любить, да..“. Миклошичъ (V. Gr. IV, 851—2) неотдѣляетъ этихъ случаевъ (б) отъ нѣсколькихъ другихъ, между прочимъ отъ неопр. въ условномъ сочетаніи („разсмѣяться — онъ сердится“) гдѣ, по моему, опущено есть, и отъ „онъ—искать“ (ср. выше стр. 373—4).

Примѣчаніе. Здѣсь укажемъ на формы, сходныя по значенію съ рассмотрѣннымъ неопредѣленнымъ и недающія основанія выводить это неопр. изъ оборота -ти есть.

аа) Литов. ф. на *te*: *degtè dega*, горьма горить; *plaukte plaukè*, плавом (въ-плавь) переплылъ; *sakýte sakaи*, нешутя, серьёзно говорю; при отрицаніяхъ: *nei sakýte nesakiau*, и говорить неговорилъ; *dūk, kad mes tai nei matyte nematitumbim*, дай, чтобы намъ этого и видомъ невидать. Шлейхеръ считаетъ эту форму затемненнымъ творительнымъ отвлеченнаго имени на *-te* (Gr. 313—14), хотя *plauktè*, по отсутствію смягченія *t*, неподходитъ къ творит. *pakėzè* (при *nakti-s*, ночь). Какъ бы ни было, это падежъ потерявшій свое значеніе, т. е. въ сущности не падежъ, а глагольная форма, въ той же мѣрѣ, какъ лит. неопр. на *-ti* и функционально равное ему на *-tè* (=тѣ), Schl. Gr. 314.

бб) Лотыш. уменьшительная ф. неопредѣленнаго н., образуемая посредствомъ суф. *iņ-* (въ им. ед. м. было бы *iņsz*, т. е. *iņas*), присоединяемаго частью къ *t* неопредѣленнаго на *ti*, частью прямо ко глагольной темѣ (ср. мр. уменьш. неопр. *спа-т-ки*, *куп-ки*). Падежное окончаніе здѣсь стерто и надежное значеніе несуществуетъ: *lūgtiņ lūdzu*, просить прошу (т. е. усердно, умильно); *bedziņ bedza*, бѣгомъ бѣ-

жала, itin iszu táutinâs, zina Dîws, ká dziwûszu, ити то пойду на чужину, (но) Богъ знаетъ, какъ буду жить (Biel. Gr. § 740).

вв) Лот. дѣпричастія: α) отъ причастія наст. дѣйств. (въ им. ед. м. 406 р. ūt-s) съ потерей звука t въ суффиксѣ и ослабленіемъ ū въ u (sedu, stawú, сидѣмя, стоймя) или только съ потерей падежнаго окончанія: „асарôt (=ŭt) асароя балеліня зобеніньш, Спр. 243 [слезя (слезно) слезить (покрывается слезами) братцевъ мечъ]; β) отъ прич. будущ. дѣйств. (им. ед. м. р. -szûts) съ окончаніемъ -szus, безъ замѣтнаго падежнаго окончанія и съ потерей значенія будущаго: лугшус лудзу маміняй, Спр. 225 (усердно прошу матушку); бѣгшус бѣг ib. 155 (бѣгомъ бѣжить). Biel. Gr. § 750. Сходно съ этимъ въ вр. говорахъ употребленіе дѣпричастій наст. вр.: я бы летяци дорожку пролетѣла бы, я нрячуци путь широку припрятала, Барс. Прич. I, 249; я летуци дорожку пролетѣла бѣ, я скоренько путь широку припрятала, ib. 180.

гг) Лот. прич. наст. на -дама (с), отъ того же гл., какой въ сказуемомъ: „es sargádams sargáju sawus lbrus“, я сторожá стерегу (крѣпко стерегу) свой скотъ; „jautádams tewi jáutáju“ спрашивая тебя спрашиваю (т. е. серьезно), Biel. Gr. § 757; „нац накдама васаріня, Спр. 24, приходи приходи (т. е. поскорѣе) лѣто.

дд) Въ русскомъ, кромѣ вышеразсмотрѣннаго неопредѣленнаго и дѣприч., этому приблизительно соотвѣтствуетъ мр. оборотъ, какъ „не жаль мені доріженьки, що курицьця курно, А жаль мені матусеньки, що журицьця журно (н. п.); явственный творительный существительнаго, иногда вовсе неупотребительнаго въ другомъ падежѣ (бѣгомъ бѣжить, ходенемъ (мр. ходором) ходить, корпомъ корпѣть, нойкомъ нуть (Бусл. Gr. § 72, пр. 5) и ф. на -мя, -ма (ливмя льетъ, нойма ноетъ). Это -ма могло бы тоже напомнить творит. двойств., потерявшій отношеніе къ числу въ нарѣч. какъ млр. крадькомá. Миклошичъ говорить, что падежъ въ нарѣчіяхъ на -ма (весьма, нойма) опредѣлить трудно, хотя, по-видимому, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ суф. находится въ связи съ скр. бһи (V. Gr. IV, 165). Я нахожу вѣроятнымъ, что въ нарѣчіяхъ на -ма, -мо и пр. м певездѣ одинаковаго происхожденія: въ однихъ это м есть дѣйствительно остатокъ падежнаго суффикса, заключавшаго въ себѣ бһ, но въ другихъ, отглагольныхъ, оно родственно съ м суф. причастія наст. страд., чему врядъ-ли можетъ противорѣчить отсутствіе страдательности въ ливмя и пр. Если этимъ нарѣчіямъ на мя и пр. присуще падежное окончаніе, то оно можетъ за- 407 ключаться не въ м, а въ конечной гласной. Судя по этой гласной, можно думать, что падежи, лежащіе въ основаніи этихъ нарѣчій, были различны: ср. -а въ ной-ма; о въ чеш. letmo, sečmo и sekmo, zadgrhmo (узломъ, ср. лит. risztè surishti), hořmo hoře (Mikl. l. с.); њ въ ст.-польск. siekmię (caesim), pachmię (кор. пах = пѣх, punctim), что напо-

минаетъ слав. нар. на ѣ (зълѣ) и лит. на ai (gerai). Приведеннымъ польскимъ соотвѣтствуютъ серб. сјеч-им-ице, бод-им-ице, въ коихъ къ суф. -им присоединенъ новый именной суф. и окончаніе родит. п. един. жен. (Mikl. Gr. IV 163). Если, основываясь на различіи гласной въ -им (бодимице) и -ом (бодомъ), мы не признаемъ перваго причастнымъ, то во всякомъ случаѣ назовемъ его образовательнымъ именнымъ, а не = бн во флексіи бни. Что до я въ рус. лежмя, то оно можетъ быть простымъ фонетическимъ измѣненіемъ звука а (лежма): ср. впр. всѣмя, тѣмя, при мр. усіма.

Творительный падежъ.

1. Въ планъ изслѣдованія о составныхъ членахъ предложенія входитъ только творительный, замѣняющій въ славянскомъ и литовско-лотышскомъ вторые согласуемые (такъ наз. предикативные) падежи, стало быть только одинъ способъ употребленія творительнаго, или, говоря точнѣе (см. выше, стр. 56), одинъ изъ нѣсколькихъ падежей, обнимаемыхъ именемъ творительнаго. Однако, въ виду связи этого такъ наз. предикативнаго творит. съ другими, казалось нелишнимъ здѣсь разсмотрѣть и эти послѣдніе, останавливаясь преимущественно на спорныхъ вопросахъ, относительно же другихъ лишь ссылаясь на изслѣдованіе Миклошича (V. Gr. IV, 683 сл.). Ср. также, Ablativ, localis, instrumentalis im altindischen etc. v. B. Delbrück, Berl. 1867.

Здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы на мѣсто отвлеченія, называемаго однимъ падежемъ, поставить болѣе конкретныя формальныя значенія, по возможности разграничить ихъ между собою и показать ихъ генетическую связь или ея отсутствіе.

До сихъ поръ въ области изслѣдованія славяно-литовскаго яз. здѣсь большое разногласіе. Такъ, по отношенію къ разграниченію формальныхъ значеній, безспорны почти только тѣ случаи, въ коихъ вещественное значеніе словъ, стоящихъ въ творительномъ, напр. мѣсто, время, совпадаетъ съ формальнымъ. За-тѣмъ для изслѣдователя начинается опасность взять для опредѣленія падежа или слишкомъ узкую, или слишкомъ широкую мѣрку. Напр. если въ „писать что-либо перомъ“ твор. орудіи означаетъ предметъ, посредствомъ коего лицо дѣйствующее достигаетъ извѣстныхъ внѣшнихъ результатовъ, то, спрашивается, находится ли въ „пахнуть весною“ при субъективномъ глаголѣ то-же формальное значеніе падежа, или другое? Какъ бы несоздать изъ понятія объ орудіи такого обобщенія, какое—въ категоріи причины (напр. Natt. Sr. MI. § 39), безразлично обнимающей обороты: чего?

отъ чего? для чего? изъ чего? изъ-за чего? почему? зачѣмъ? черезъ что? чѣмъ? Отнесши „чѣмъ“ къ этой категоріи, передъ лицомъ коей изглаживаются всякія грамматическія различія, мы, въ грамматическомъ отношеніи, вовсе неопредѣлимъ этого „чѣмъ“.

Буслаевъ (Гр. § 246) располагаетъ значенія творительнаго по схемѣ „подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, обстоятельство“: 1) твор. лица дѣйствующаго при гл. страдательномъ; 2) твор. признака или состоянія въ сказуемомъ при быть, стать, сдѣлаться; 3) твор. признака, перешедшій изъ сказуемаго въ опредѣленіе („пострижеса дщи его дѣвою“, Лавр. 88); 4) твор. обстоятельствъ: а) качества и отношенія (высокъ ростомъ), б) орудія, в) образа дѣйствія (шагомъ, высокимъ высоко), г) причины и основанія, д) времени, е) мѣста. Но при взглядѣ, по которому никакой косвенный падежъ не можетъ быть ни подлежащимъ, ни его опредѣленіемъ, ни частью сказуемаго, этотъ порядокъ падаетъ самъ собою. Всякій творительный, ни въ чемъ несогласуемый съ другимъ твор. и неперешедшій въ нарѣчіе или союзъ, оказывается дополненіемъ, при чемъ и переходъ признака изъ сказуемаго въ опредѣленіе подлежащаго невозможенъ. Самъ Буслаевъ выставляетъ на видъ, что генетическая связь значеній творительнаго идетъ наперекоръ вышеприведенному искусственному порядку, говоря, что твор. при страд. гл. „болѣе принимается за орудіе дѣйствія, нежели за самостоятельнаго дѣйствителя“. Поэтому лучше, какъ это и дѣлаютъ, при изложеніи значеній падежа руководиться лишь генетическою ихъ связью, какъ-бы она ни казалась сомнительна.

По Даничичу (Синт. 553 сл.), творит. первоначально означаетъ путь движенія. Все, что находится между исходною точкою дѣйствія и тѣмъ, на что оно переходитъ, или чѣмъ завершается, въ творительномъ представляется тоже путемъ, по которому идетъ дѣятельность. Таково время, въ теченіе коего что-либо происходитъ, и орудіе. Всѣ остальные значенія Дан. тоже старается вывести не изъ производнаго значенія орудія, а изъ первообразнаго, пути.

Подобнымъ образомъ и Зикмундъ изъ зн. „какимъ путемъ“, „кудю“ выводитъ не только знач. времени и орудія, средства, но прямо оттуда же и знач. причины, повода, общности и качества (*okolnosti a vlastnosti, kterými činnost v skutek vchází*), отношенія, мѣры и примѣренности (= *podlé čeho*, согласно съ чѣмъ), сравненія. Только „твор. сказуемаго“ выводится имъ уже изъ твор. сравненія.

410 Миклошичъ говоритъ слѣдующее: „Какъ въ остальныхъ падежахъ, такъ въ твор. я исхожу изъ пространственнаго значенія, полагая его въ основаніе всеѣмъ остальнымъ. Къ представленію пространства, по которому непрерывно простирается дѣйствіе, примыкаетъ представленіе орудія и средства, давшее этому падежу имя *instrumentalis*... Эти пред-

ставленія“ (оба?) „расширяются въ предст. сосуществованія (des beisammenseins), на коемъ основано другое названіе падежа socialis. Дальше всего отстоитъ отъ первоначальнаго назначенія творительнаго его предикативное употребленіе, при коемъ творительный означаетъ то, во что превращается, переходитъ нѣчто другое, и по этому (?) долженъ быть понятъ локально (demnach local aufzufassen ist). Для синтаксиса слав. творительнаго мѣстнѣ кажутся поучительны финскіе языки, въ коихъ, по сочин. М. Becke „Untersuchungen zur vergl. Gram. der Finnischen Sprachen, Leipz. 1873, падежъ, образуемый въ главномъ посредствомъ -н-, имѣетъ ту-же функцію, что слав. творительный, будучи локаленъ, темпораленъ, комитативенъ, инструменталенъ, модаленъ, предикативенъ, фактитивенъ (какъ предложеніяхъ „сдѣлать что чѣмъ“) и пр. Полагая въ основу всѣхъ прочихъ значеній мѣстное, я думаю, что въ этомъ отношеніи имѣю только одного предшественника, Ю. Даничича, который въ своемъ сербскомъ синтаксисѣ тоже исходитъ изъ мѣстной функціи творительнаго“ (V. Gr. IV, 683).

Отлично отъ этого и, по моему мнѣнію, неосновательно Малецкій думаетъ, что первоначальное и главное знач. творительнаго есть образъ дѣйствія (jak, w jaki sposób), другія же значенія суть замѣны этого, такъ что по его словамъ, „вмѣсто образа дѣйствія (sposobu) ставимъ время (pocę czasu), въ теченіе котораго нѣчто происходитъ“ (Gr. § 586 сл.).

Шлейхеръ различаетъ въ твор. два основныя значенія: инструментальность и соціативность (съ чѣмъ), не выводя одного изъ другого.⁴¹¹ „Творительный въ индо-германскихъ языкахъ имѣетъ два совершенно различныя суффикса (-á и -bhi), почему слѣдуетъ принять, что въ немъ первоначально заключалось два падежа. Такъ-какъ творительный имѣетъ и двѣ различныя функціи, означая какъ связь съ чѣмъ (das verbunden-sein), такъ и средство и орудіе, то легко предположить, что каждой изъ этихъ функцій первоначально соотвѣтствовалъ только одинъ изъ суффиксовъ, хотя въ наличныхъ языкахъ каждый изъ суффиксовъ имѣетъ обѣ функціи“ (Compend. § 258). Остальныя значенія, въ томъ числѣ мѣста и времени, онъ выводитъ изъ зн. орудія. Такъ, „ити дорогою“ онъ объясняетъ: „ити посредствомъ дороги“; *kitais metais rugei ankszczaus pãpokdawo*“ (иными годами, т. е. въ прежніе годы рожъ раньше созрѣвала) собст. = *mittels, durch, zufolge anderer jahre*“ (Lit. Gr. § 126).

Дельбрюкъ въ изслѣдованіи, *Ablativ, localis, instrumentalis etc.* Berl. 1867, имѣющемъ цѣлью показать на трехъ падежахъ, что значенія, связанныя съ извѣстными окончаніями, не исчезаютъ вмѣстѣ съ ними, но что остающіеся въ языкѣ падежи принимаютъ на себя значенія потерянныхъ¹⁾, относительно творительнаго утверждаетъ, что основное

¹⁾ Т. е. какъ мы бы сказали, что потеря падежнаго окончанія и потеря падежа, какъ значенія, какъ грамматической категоріи — двѣ вещи на-столько различныя, что съ

его значеніе (*grundbegriff*) есть совокупность съ чѣмъ (*das zusammensein*). Поэтому онъ сначала разсматриваетъ соціативный или комитативный твор., употребляемая для обозначенія 1) лицъ или другихъ существъ, представляемыхъ самостоятельными, связанныхъ съ главнымъ лицомъ; 2) обстоятельство, сопровождающихъ дѣйствіе, или свойствъ, связанныхъ съ предметомъ; 3) частей пространства и времени, по которымъ непрерывно простирается дѣйствіе. Отъ соціативнаго твор. легко переходъ къ твор. орудія и средства, ибо средство есть то, въ связи съ чѣмъ мы совершаемъ дѣйствіе. Сюда наконецъ примыкаетъ творительный съ предлогами“ (50—1).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ послѣднемъ мнѣніи непринята въ соображеніе и неразъяснена двойственность основныхъ звуковыхъ формъ творительнаго. Вонпъ (*V. Gr. §§ 158, 223*) сближаетъ одну изъ этихъ формъ, -â съ предлогомъ *â*, отъ мѣстоименнаго корня *a* (ср. *Pott, Et. F. I, 694*), вторую, -bhi — со вторымъ элементомъ предлога *abhi*, коего начальная гласная — одного происхожденія съ упомянутымъ мѣстоимен. *a*. Отъ этого, конечно, вопросъ о первоначальномъ значеніи твор. выигрываетъ весьма мало, тѣмъ болѣе, что *bhi* входитъ въ составъ не только творит., но и дательнаго и аблатива. Въ значеніи частицъ *â* и *abhi* въ скр. можно найдти сходное и совмѣстимое съ соціативностью творительнаго ¹⁾; но отсюда еще далеко до увѣренности, что различные суф. творительнаго сначала пріобрѣли одно значеніе соціативности (какой? пространственной?) и что непременно изъ этого одного значенія развились всѣ другія значенія творительнаго.

Въ виду двойственности суф. творительнаго, можно бы принять нѣсколько отклоняясь отъ Шлейхера, что всѣ творительные происходятъ отъ двухъ первоначальныхъ: твор. мѣстнаго и твор. соціативнаго. Послѣдній первоначально могъ тоже выражать лишь отношенія видимыя и стало быть пространственныя. Именно, мы можемъ представить себѣ соціативность какъ линію, бѣгущую параллельно съ другою, главною, т. е. обращающею на себя преимущественное вниманіе. Въ отличіе отъ этого нѣкоторый родъ совпаденія второстепенной линіи съ главною могъ выражаться творительнымъ т. наз. мѣстнымъ (ити дорогою).

2. Твор. соціативный (общности). Я начинаю съ этого надежа не потому, что считаю его, какъ Дельбрюкъ, исходною точкою остальныхъ

уменьшеніемъ надежныхъ окончаній можетъ не уменьшаться, даже увеличиваться число надежей (см. выше 73 сл.).

¹⁾ Скр. *â*, какъ нарѣч. и союзъ — къ тому, также, далѣе, *и*; послѣднее знач. приводитъ на память слав. союзъ *a* (= да, та). Можетъ быть, это *a*, равно какъ и союзъ *ta* (= да), сначала было весьма неопредѣленнымъ указаніемъ на предметъ въ пространствѣ, ставшимъ потомъ знакомъ болѣе опредѣленнаго отношенія сопоставленія въ пространствѣ и совмѣстнаго бытія. Скр. предлогъ *â* = къ, до. Скр. *abhi* (= по звукамъ слав. *оби, обь, обь*) = къ (*herbei*) и пр.

творительныхъ, а только потому, что не нахожу ему другого мѣста. Поставленный непосредственно передъ твор. предикативнымъ, какъ у Миклошича, онъ отдѣлил бы этотъ послѣдній, позднѣйшій по времени происхожденія, отъ твор. образа, творит. орудія и пр., что мнѣ казалось бы неудобнымъ.

Твор. соціативный (безпредложный) въ слав. принадлежитъ къ числу надежей наиболѣе устарѣвшихъ и въ наибольшей мѣрѣ заслоненныхъ другими, преимущественно творительнымъ съ предлогомъ съ (Mikl. V. Gr. IV, 759). Въ общемъ отношеніе съ съ твор. къ безпредложному соціативному должно быть сходно съ отношеніемъ позднѣйшихъ предложныхъ надежей винительнаго, родительнаго (съ аблятивомъ), дательнаго, мѣстнаго къ замѣненнымъ ими безпредложнымъ. Т. е. какъ напр. мѣстный безъ предлога не выражаетъ въ-точности именно тѣхъ отношеній, какія заключены для насъ въ нашемъ предложномъ съ въ, на (напр. жрътва же ѳго обладехъ сѧ коснетъ, 1499, Бусл. Gr. II, 301); такъ соціативность нашего съ съ твор. неравна соціативности древняго безпредложнаго твор. соціативнаго, несмотря на то, что эта разница иной разъ можетъ быть для насъ неощутима.

Въ различныхъ языкахъ употребленіе твор. съ предл. = съ (нѣм. дат. съ mit) въ относительно позднее время весьма расширилось, вытѣснивши собою даже безпредложный твор. орудія. Поэтому, стараясь опредѣлить кругъ первоначальнаго твор. соціативнаго, наиболѣе обезопасимъ себя отъ ошибокъ, справляясь не съ тѣми нарѣчіями, въ коихъ говорится напр. „бить съ палкой“, какъ въ нѣмецкомъ, а изъ славянскихъ — въ лужицкихъ, хорутанскомъ, болгарскомъ, отчасти въ сербскомъ, а съ тѣми, въ коихъ, какъ въ русскомъ, употребленіе соціативнаго предлога съ твор. наименѣе распространено. Съ этой точки кажется, что многое, относимое къ знач. соціативности Зикмундомъ и даже Миклошичемъ, принадлежитъ къ твор. орудія, причины, образа.

а) Въ твор. соціативн. стоитъ предметъ сопровождающей, содѣйствующей, сосуществующей, самостоятельный по отношенію ко главному. Въ яз. Вѣдъ и скр. находятся обороты въ родѣ „богъ (съ) богами“ „пусть услышитъ насъ солнце звѣздами“ (т. е. со звѣздами); „онъ не вмѣстѣ безбожнымъ“ (т. е. съ.), „дружба безбожнымъ“ (т. е. съ.), „каша (съ) молокомъ“ „равенъ имъ“ (=съ нимъ), „состязаясь лучами солнца“ (=съ лучами), Delbrück, 51, 55—7; В. Шерцль, Синт. др. инд. яз. I, 93—5. Въ ст.-сл. сюда относятся случаи, какъ „двѣма братома на бракъ съчетають се“ (=съ двѣма), „солю и квасомъ и водою муку мѣсимъ“ (=съ солью); приобштивша сѧ страстьми, participes facti passionis; серб. сестрице браһомъ раставио (разлучилъ съ.), Mikl. IV 723—4. Русскіе примѣры, относимые сюда Миклошичемъ (приѣхать тремя возами, стать станомъ и пр.), мнѣ кажется, объясняются иначе, о чемъ ниже.

б) Въ тв. соц. стоитъ предметъ, сосуществующій съ главнымъ, не-самостоятельный относительно этого послѣдняго, но составляющій его часть или условіе его бытія. Это болѣе явственно въ случаяхъ, когда въ твор. стоитъ сущ. конкретное, чѣмъ въ тѣхъ, когда существительное отвлеченно, напр. Касандра низка, кругловатымъ лицомъ, чиста зѣло, мужескимъ творомъ, Пов. о взят. Трои, Калайд. Ю. Экз. 182—3; бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицомъ, великыма очима, Лавр. 65; Борисъ тѣломъ бяше красенъ, высокъ, лицомъ кругломъ, плечи велици, тонъкъ въ чресла, очима добрама, весель лицомъ, Ск. о Бор. Срезн. 69; мы ся доискахомъ оружемъ одиною стороною, рекше саблями, Лавр. 7; незнаемою тропою, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ib. 96; и ту такоже бысть лють пожаръ вихромъ на борзѣ и трескомъ, Новг. I по Син. сп. (въ Ак. сп. „съ вихромъ наборзѣ и трескомъ“).

Сюда же: бояре Новоторжскіи прибѣгоша въ Новгородъ толко душею, кто успѣлъ, а дома ихъ разграбиша, Новг. I, 80; той же осени погорѣ Корѣлскій городокъ напрасно, и много пакости сътворися до спѣху и животу, а городчане толко душею оставяся, ib. 87; въ мр. „тепер, яка есть вона, одним-одна душею, усе перетерпнть“, Квит. Серд. Окс. Это понимается въ соціативномъ смыслѣ и замѣняется твор. съ предл. съ: „казали, що до Мотрі кожної ночі змії у димарь літає; якийсь захожий чоловік застав ёго в хаті та на силу з душею вярвася“ („Хиба ревуть воли“); поль. od Wołoszy z konia rozbity. . pieszo ledwo co jedno z duszą do j-mci p. hetmana przyszedł, Pam. o wupr. Choć. ed. Ż. Pauli, 121. Такъ и въ санскр.: тад гаччһамј аһам аһманһа (=потому я пойду душею, т. е. я одинъ), В. Шерцль I. с. 95. Се азъ одиною худою своею головою ходя, удержалъ всю Галицкую землю, Ин. 136 (442); и тутъ судно наше болшее взяли и 4 головы взяли Рускые, а насъ отпустили голыми головами за море, Хожд. Аоан. Никитина, П. с. Р. л. VI, 331. Впрочемъ примѣры, сходные особенно съ послѣднимъ, могли бы быть выведены и изъ твор. орудія, о чемъ ниже.

Сюда же, быть можетъ, творит., переходящій, какъ и нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ, въ тв. образа, въ обычной до XVII в. включительно начальной формулѣ завѣщаній: „Се язъ рабъ Б-жей Патрикей, отходя сего свѣта, своимъ цѣлымъ умомъ, пишу грамоту душевную, гдѣ ми што взяти, кому што дати, 1391—428 г. Ак. отн. до Ю. б. I, 543; пишу.. своимъ цѣлымъ умомъ и въ своемъ смыслѣ, 1460, ib. 551; пишу я св. ц. у. и разумомъ, 1627 ib. = пишу.. въ своемъ цѣлѣ умѣ, 1459, ib. 547, т. е. въ здравомъ умѣ.

Съ относящимися сюда случаями неслѣдуетъ смѣшивать тѣхъ, въ 416 коихъ предлога съ невидно только потому, что онъ слился съ начальнымъ звукомъ слѣдующаго слова: приемше отъ Бога на поганья побѣду славою и честию великою, Ип. 120, ср. ib. 123, 123, 124 и др.

Въ лит.: *merga ilgaís plaukaís* (дѣвица (съ) длинными волосами), *žig-gas aukso patkavatems*, (конь (съ) золотыми подковами). Въ лот. .ку-меліню (вин.) судрабіня ласитѣм, коня (съ) серебряными пятнами; кумелініе земайм кайніям, конь (съ) низкими ногами, Спр. 116; дѣболтіню девіням лапінѣм, клевер (вин.) о девяти листочкахъ, *ib.* 129; 141 et pass. Въ др. инд.: *kālū strū pandurāir danṭāih*, черная женщина (съ) бѣлыми зубами; *Индрам ā vūṣa brhatā ravana*, иди къ Индрѣ (съ) большимъ крикомъ, Шерцль I. с. 95.

У Микл. ср. Gr. IV, 725—6, 17, 18: „твор. означающій обстоятель-ства, сопровождающія дѣйствіе, въ случаѣ, гдѣ встрѣчается и твор. съ съ“ и „тв. при наличномъ и подразумѣваемомъ бытѣ, означающій качество, при чемъ тв. большею частью сопровождается прилагательнымъ или числительнымъ“. Нѣкоторые примѣры, приводимые здѣсь, особенно подъ 18, я бы отнесъ къ другимъ творительнымъ: орудія, причи-ны, образа.

Буслаевъ (Гр. § 246, 4, а) относитъ „Касандра.. кругловатымъ ли-цемъ“ къ твор. качества и отношенія (напр. волосомъ темнорусъ) и полагаетъ, что послѣднее стоитъ вм. болѣе древняго „темнорусыми во-лосами“. Но въ этихъ случаяхъ, которые оба старѣе особенности славян-скаго языка, отношенія между составными частями различны. Въ „темнорусъ волосомъ“ твор. есть, то, чѣмъ обнаруживается признакъ подлежащаго, выраженный словомъ отдѣльнымъ отъ сущ., именно меж-ду прочимъ прилагательнымъ, согласуемымъ съ своимъ подлежащимъ и существенно здѣсь необходимымъ. Въ другомъ случаѣ прилагателн. неимѣетъ прямого отношенія къ подлежащему, согласуясь только съ творительнымъ, и лишь черезъ него тяготея къ подлежащему. Поэтому лучше раздѣлять эти случаи вмѣстѣ со Шлейхеромъ, который тв. въ лит. *silpnas kojomis*, слабъ ногами, понимаетъ, какъ тв. орудія (что было бы справедливо, если бы имѣть въ виду только представление, а не значеніе), а твор. въ *mergà ilgaís plaukaís*—какъ творительный, и безъ соціативнаго предлога (*su* = съ) имѣющій соціативное значеніе (Lit. gr. 269).

3. Тв. мѣста. Отношеніе, выражаемое творительнымъ во „внидѣте 417 дзъкыими враты, О. ев., Мат. 7, 13; подаваше ему оконцемъ (пищу), Лавр. 82; яко разгорѣся печь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами“, *ib.* 84, съ одной стороны свойственно этому падежу уже въ языкѣ Вѣдъ (Delbr. 53; Шерцль I. с. 101) и въ литовско-лотышскомъ, съ другой — остается и въ нынѣшнемъ славянскомъ: ити дорогою, берегомъ и пр. Млр. кривда людська боком вилазитъ; заступи чорта дверима (соб. идучи ему на-встрѣчу дверьми), то вінъ тобі окном и пр.

Мнѣніе Дельбрюка (I. с.), что въ основаніи „ити путемъ“ лежитъ представление соціативности, какъ въ нѣм. „immer mit dem wege ge-

бен“ (подобно тому какъ въ русск. плыть за водою, или „съ водою“, такъ что вода плыветъ и въ-слѣдъ за нею или вмѣстѣ съ нею—другое: „несетъ мимо неутомимо съ рѣкой ладья“) пока не можетъ быть ни принято, ни опровергнуто. Мы видимъ только, что рассматриваемый тв. означаетъ путь движенія, на неопредѣленномъ протяженіи совпадающей съ движеніемъ. Способъ обозначенія безразличенъ по отношенію къ отгѣнкамъ, выражаемымъ творительнымъ съ предлогами, надъ, подъ, передъ, за, межъ, но лежитъ въ основаніи этихъ отгѣнковъ¹⁾. Разница между винит. въ мдр. „ѹдутъ вони поле, ѹдутъ и другеє“, „Дунай-море плисти, три річенъки брести“ и творительнымъ въ „ѣхати полемъ“ состоитъ, по видимому, въ томъ, что винительнымъ, посредствомъ отношенія, какъ Athenas proficisci, уже потеряннаго въ славянскомъ, представляется мѣра движенія (*longam viam ire, pedem a quo discedere*), такъ что предѣлы напр. поля вмѣщаются въ предѣлахъ 418 движенія, между тѣмъ какъ въ твор. полемъ поле лишь отчасти совпадаетъ съ границами движенія.

Глаголь движенія при творительномъ мѣста можетъ опускаться: „хорошо ширью да высью, а ну-ка рыломъ въ землю“, Даль, посл. Тв. мѣста при глаголахъ пребыванія, которые тоже могутъ опускаться, отличается отъ мѣстнаго п. тѣмъ, что въ послѣднемъ отношеніе предмета къ обнимающему его пространству можетъ быть изображено и независимо отъ предлога одною точкою внутри круга, а въ первомъ нѣсколькими точками. Ср. мдр. „та туман полем, та туман подем, та туман туманиться“ н. п.; серб. „брдом смиље, а долом босиле“, Дан. Синт. 553, значить не „на горѣ“, „въ долини“, а по горѣ (безъ отношенія выражаемаго предлогомъ по), въ разныхъ мѣстахъ горы; тоже „кад су били полем широкијем (Дан. 554, Mikl. IV 685), когда находились полемъ, т. е. не въ полѣ, на полѣ, а въ разныхъ мѣстахъ поля, стало быть, когда ѣхали, шли полемъ. Так. обр. здѣсь пребываніе представляется движеніемъ и творительный сохраняетъ слѣдъ своего первоначальнаго употребленія при гл. движенія.

Единица пространства можетъ быть принята за типъ многихъ подобныхъ, и тогда тв. мѣста получаетъ распредѣлительное значеніе. Такъ въ чеш. hora Olivetská místem (*passim, hier und da*) jest skalnata (Zikm. Skl. § 109, 1), скалиста однимъ мѣстомъ, другимъ, третьимъ, т. е. мѣстами, чеш. místy, польск. miejscami. Отсюда, по-видимому, ведетъ начало оборотъ, который К. Аксаковъ (Русск. Бес. 1859, VI, 77) нашель опущеннымъ въ гр. Бусл., именно твор. въ зн. „смотря по“: „это бываетъ человѣкомъ“, или просто „это человѣкомъ, лошадыю, годомъ“, т. е. не во всякомъ человѣкѣ, не со всякимъ, а такъ ск. мѣстами; ср. хохлатыя куры дворомъ ведутся, Даль, посл. 45, т. е. въ

¹⁾ А равно и всѣхъ значеній творительнаго съ названными предлогами. См. Mikl. V. Gr. IV, 740 сл.

одномъ ведутся, въ другомъ нѣтъ. „Домами свѣтло стало погасати“, по крайней мѣрѣ въ вост. млр. значило бы не „in den häusern“ (Mikl. 419 VI 685), а то въ одномъ, то въ другомъ.

Изъ нарѣчій сюда относятся по происхожденію передомъ бѣжать, кругомъ (Mikl. ib. 685—6); слѣдомъ, а слѣдомъ есть еще дополнение, т. е. или тв. мѣста, или тв. образа; „крижемъ пасти“ (ib.) есть рѣшительно тв. образа, какъ и польск. krzyżem leżeć; „дорогою что-либо видѣть“ (unterwegs) я бы отнесъ скорѣе къ тв. времени; млр. прямцемъ до пекла поплелася, Котл., влр. идетъ прямою въ палаты (Шенкур. Ае. Ск. VI, 286); въ ст. русск. быть м. сюда переку („копати преки трубамъ“, т. е. водопроводнымъ, Лавр. 47, Ип. 35, 36, 148 и пр.).

Въ русск. говорахъ значеніе мѣстоименныхъ нарѣчій куды, сюды, туды уже смѣшалось съ куда и пр., такъ что или обѣ формы ставятся безразлично, или одна вытѣснила другую, присвоивъ себѣ ея значеніе, напр. „иди сюда (сюды) ко мнѣ“ и „обойди сюда“ (этою стороною). Но, вѣроятно, формы на *ы* суть тв. п. мн. ч., при чемъ отвѣтомъ на нихъ сначала могъ служить только твор. (полемъ), а не винительный (въ поле). На млр. нарѣчія кудую, сюдою, тудую можно смотрѣть, какъ на возстановленія такого значенія, еще явственнаго въ чеш. kady и kudy, tady и tudy, sudy, opady и opudy, jinady и jinudy, někady и někudy (Zikm. § 109). Въ польск. tędy, owędy — еще только въ стар. зн. tą, ową, drogą; но кѣду уже зн. и гдѣ, и куда, а не кудую; wszędy смѣшалось съ wszędzie, а также получило зн. во всѣ стороны: wszędy rozesać posły.

4. **Тв. времени** вообще аналогиченъ съ предыдущимъ и предполагаетъ его. Время въ тв. представляется путемъ, а дѣйствіе во времени—движеніемъ въ пространствѣ, такъ что „йти дорогою“ (при чемъ ⁴²⁰ дорога длиннѣе пройденнаго нами пути) сходно со „спать ночью“ (т. е. не непременно „всю ночь“). Разница между твор., вин. и мѣстнымъ времени та-же, что и между соответственными падежами пространства: ѣхать днемъ, побыть днемъ (въ теченіе дня нѣкоторое время) и ѣхать, побыть (ровно) день; утромъ, вечеромъ относится къ стар. утрѣ, вечерѣ, нов. ввечеру, какъ полемъ — къ въ полѣ, на полѣ.

Древность основныхъ значеній этого твор., какъ и предыдущаго, восходитъ къ дославянскому времени; въ Вѣдахъ и скр. См. В. Шерцль, Синт. I, 101 сл.

а) Примѣры въ ст.-сл. и др. см. Mikl. IV, 687, какъ „четырьмя десаты и шестиѣжъ лѣтъ създана бысть църкы си, а ты ли трьми дѣньми въздвигнеши ѣж, О. е. Іо. 2, 20, т. е. въ теченіе 46 лѣтъ, въ теченіе 3-хъ дней. Въ ст. русск. нам.: преложи вся книги исполнь отъ гречь-

ска языка въ словѣнскѣ 6-ю мѣсяць, Лавр. 11; и тако иди трима недѣлями (въ теченіе..) доиде прежереченааго (Кыѣва), Жит. Оеод. XII в.; бяшетъ серенъ великъ, акоже вои неможахуть зрѣма перейти днемъ (т. е. въ теченіе..) до вечера, Ип. 129. Др. инд. трира́трѣна́ 'иве 'мам лѣкам калпајати, тремя ночами (= въ три дня, въ трое сутокъ) онъ создаетъ этотъ міръ, Шерцль Сият. 102.

Позднѣйшій языкъ устанавливаетъ бѣльшую разницу между протяженіемъ времени, означеннымъ творительнымъ, и протяженіемъ дѣйствія, падающимъ въ это время. Теперь являются уже архаизмами выраженія, какъ и „ужъ ты (дзѣвья красота) ненадолго мнѣ доставалася, онѣмъ пасикомъ (т. е. за одинъ часъ, въ теченіе одного часу) миновалася“, Этн. сб. I, 152; „впервые годомъ (за весь годъ), да и то съ горемъ“, Даль, Посл. 47; „она и въ три часа напроказить можетъ столько, что и вѣкомъ (за вѣкъ) неспособитъ“, Фонв.; „я въ сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ (на мигъ) неприщуря, вѣреть больше семисотъ пронесся“, Гриб. Теперь явственнѣе чувствуется, что дѣйствіе занимаетъ только нѣкоторую часть времени, означеннаго творительнымъ, 421 съ чѣмъ находилася бы въ нѣкоторомъ противорѣчии совершенная опредѣленность періода времени въ творительномъ. Согласно съ этимъ при точныхъ опредѣленіяхъ времени встрѣчаемъ уже винительный безъ предлоговъ или съ ними: три дня, въ (за) три дня, въ польск. и мѣстный съ предлогомъ: *we trzech dniach*. Теперь нельзя уже сказать: цевковъ строилася (построена) тридцатью годами (т. е. въ 30, за 30, тридцать); „лѣтомъ я написалъ то-то, былъ (побывалъ) тамъ-то“ зн. не „за лѣто“, „въ теченіе (всего) лѣта“, при чемъ лѣто было бы мѣрою моего писанья и пр., а то, что мое писанье и пр. какъ рядъ (а не точка) падаетъ въ неопредѣленное протяженіе лѣта. Въ этомъ смыслѣ: не порой, не в пору, не во время, не въ добрый часъ: „ужъ ты зорька моя, заря ясная! не порой заря занималася“, н. п.; не порой да моя (молодою овдовѣвшей) молодость прокатится, голова моя не во время состарится, Барс. Прич. I, 21; зимою, весною, осенью, днемъ, ночью, утромъ, тѣмъ временемъ, этими днями, дорогою; „о коль почною темнотою приятенъ видъ твой (источникъ) при лунѣ“, Держ. I, 79 — что теперь было бы необычно; „тихой ночью, позднимъ лѣтомъ какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ!“, Тютчевъ; въ мѣр. тим часом (и польск.); инымъ часом, „або коли гуляцимъ днемъ пійде у бір на озера“, Кв.; ..аж вбїгла смеркомъ наша Оксана, id.; иде козак од дівчини білесенькимъ свѣтом, н. п.; походомъ (во время похода) на візку тряслася, Котл.

Значеніе тв. врем. нѣсколько затемняется въ тѣхъ случаяхъ, когда по вещественному своему значенію слово въ твор. означаетъ лишь непродолжительный періодъ времени. Говоря „разомъ“, мы думаемъ лишь объ одномъ моментѣ, хотя собственно это слово въ формальномъ отношеніи то-же, что днемъ, вечеромъ, т. е. менѣе чѣмъ въ продолже-

ніе раза, удара. Сюда-же: махомъ [и серб. махом, одма(х)], духомъ (какъ разъ дохнуть), сею минутою (перм., новг.), часомъ въ зн. сей часъ („часомъ сходи по воду“, „онъ часомъ былъ тутъ“); млр. чим свѣтъ въ зн. не „тѣмъ временемъ, какъ свѣтаеть“, а чуть свѣтъ. Съ послѣднимъ ср. серб. союзъ чим: чим га виде, тим га и познаде, какъ только ... то...; серб. нар. истом:истом они у бесједи бјеху, какъ-разъ въ то самое время какъ...; ст. сл. ѣдиноѡж [„единою (разъ) бо ему стоящую въ церкви,... видѣ“.. Лавр. 81; положи с(ѣ)вѣтъъ единоу (разомъ, вмѣстѣ) всимъ потъкнути нань, Ип. 62]; серб. једном, разъ.

б) Миклошичъ (V. Gg. IV, 688—9) полагаетъ, что обозначеніе кратъ („какъ часто нѣчто случается“) числительными въ творительномъ аналогично съ твор. времени; но можно думать и больше, что эти явленія тождественны и прямо примыкають къ выше разсмотрѣнному случаю (разомъ, ѣдиноѡж). Въ млр. „я двомá рази там жила“, а т. е. собств. внутри протяженія двухъ разъ, и затѣмъ—дважды. Так. обр. и пятью пять, шестью, хоть семью подой, такъ каша съ водой, Даль, Посл. 64 и пр. сторицею, сотью (Бул. Гр. § 72, пр. 4,—случаи, которые въ нынѣш. млр. не „очень рѣдки“ (Mikl.), а сколько извѣстно, кромѣ развѣ Галицкаго, самодѣлковаго языка, неслыханны.

Нельзя ли приурочить къ творительному мн. и темныя по происхожденію нарѣчія на -щи (шти), -жди, -жды (тришти, трижды и пр. Mikl. IV, 107)?

в) Аналогично со сказаннымъ выше о куды (419), къ тв. времени отнесемъ по происхожденію и нарѣчія времени на ж: тѣгды (тогда, Лавр. 201) и примыкающія сюда влр. обл. колды и пр., нольск. gdy, nie-gdy, niegdyś, kiedy, wždy; чеш. kdy и пр.

г) Какъ выше въ тв. мѣста, такъ и здѣсь мн. ч. творит. можетъ означать повтореніе единицы времени и становиться дистрибутивнымъ: „временами“ (по-временамъ); млр. „поливай зідля частенько, ранніми и пізними рісоньками, дрібними своїми слізоньками“, Метл. 216, [умышленная игра словъ: поливай росами (тв. оруд.), то есть своими слезами, и поливай слезами по росамъ, т. е. по утрамъ и вечерамъ]; польск. czasami, чеш. časy, лит. rytmeceis, naktimis, pētumis (по утрамъ, 423 по почамъ, по обѣдамъ, т. е. по полднямъ); въ этомъ смыслѣ уже въ яз. Вѣдъ нактабнис, по ночамъ (Delbr. 55). Единица времени можетъ приниматься за образъ многихъ подобныхъ, и въ такомъ случаѣ стоитъ въ единственномъ ч.; „часомъ — з квасом, порою — з водою“ (т. е. часами, порами, иной разъ такъ, иной иначе); серб. часом ведро, а часом облачно; польск. чеш. časem.

д) Въ ст. русскомъ къ тв. „шестью мѣсяць“ въ зн. „за шесть мѣс.“, т. е. въ теченіе 6-ти, примыкаетъ и другое зн. „за 6-ть мѣсяцевъ до чего“: яже бы трьми недѣлями до мясопуць, и поиде Изяславъ... на

Галичь, Ип. 73. Быть можетъ, это значить не „ровно за 3 нед. до...“, а, въ силу неопредѣлнности періода, означаемого твор., „недѣли за три“. „Прислѣвшю празднику Успеня Богородицѣ (ѣ=е), тремя деньми (дня за три) повелѣ игумень рушити, кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Θεодосья, Лавр. 90.

Кажется, отсюда ведутъ начало нарѣчія и союзы вр. чѣмъ, бр. мр. чимъ, коимъ приписываю исходное значеніе „прежде чѣмъ“ отдѣляя ихъ (какъ уже Линде поль. *im* = *róki nie*, отъ *im* — *tym*, нѣм. *je.. je.. je.. ..desto*) отъ случаевъ „чѣмъ (сколькимъ, на сколько) больше, тѣмъ (на столько) лучше“ (поль. *im* *więcej*, *tym* *lepiej*). Поль. *nim* имѣеть только временное значеніе, сходное съ „тремя дньми“ за три дня до., именно „прежде чѣмъ“, „пока не.“: *nim się obejrzemu śmierć zawita; długo patrzył, nim zabaczył*. Болѣе простое по строенію поль. *im* значитъ только „пока не.“: *niech poczeka, im przyjdę; nieodchodź, im się wgóse*. Согласно съ этимъ можно думать, что вр. обл. и лит. „чѣмъ время терять, такъ сѣсть да сыграть“ (Даль); чѣмъ на мостъ намъ ити, поищемъ лучше броду (Крыл.); вр. обл. (по Д. восточн.) „нечѣмъ по міру ити, (такъ) лучше поработать“ (Д.); мр. (и бр.) „чимъ віддавати хлѣб, такъ він и собі пригодиться“ (Кв.) значить первоначально не „вмѣсто того чтобы..“, а „прежде чѣмъ“. За тѣмъ, въ случаяхъ со сравнительною степеню, въ вр. и бр. (но не въ мр.) эти частицы, съ перемѣщеніемъ сочетаемыхъ предложеній, могли получить значеніе „нежели“ (мл. нѣж): *N* старше, чѣмъ *N*, „ему больше (немноше) годовъ, нечѣмъ такому-то; бр. лѣпѣй в дѣвкахъ сивѣць, чимъ замужемъ паршивѣць“ (Носов.). Поль. *nim* и вр. нечѣмъ предполагають употребленіе отрицанія *nie* при сравненіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ, частью дополняя Mikl. V. Gr. IV 179—81, частью отклоняясь отъ сказаннаго тамъ, замѣчу:

То, чему при сравненіи предпочтается нѣчто, можетъ а) въ одномъ и томъ-же предложеніи быть выражено дополненіемъ въ родит. (=abl.) и представлено вещью, отъ которой нѣчто удаляется. Здѣсь въ слав. удаленіе связывается съ отрицаніемъ дѣйствія, которое удаляется: ср. род. (abl.) въ стар. р. далеко товаръ (род. мн., далеко отъ обоаз), род. (abl.) при сравн. стени *„то-то далеко лучше того-то“*, мр. крацій мене (позднѣе—съ предлогами, показывающими направленіе удаленія: крацій од мене, над мене, за мене=лит. съ винит. *už napęs*) и родит. при глаг. дѣйств. съ отрицаніемъ: „незнаеть того-то“. б) При двухъ предложеніяхъ, главномъ и подчиненномъ, въ послѣднемъ то, чему предпочтается нѣчто, можетъ быть отмѣчено посредствомъ отрицанія, которое относится ко всему придаточн. предложенію, и потому можетъ стоять какъ при именительномъ подлежащаго, такъ и при безсубъектномъ (безличн.) сказуемомъ. Значеніе союза сравненія и предпочтенія въ др. инд. на, слав. не, лит. лотпе и пр., по Боппу (V. Gr. ² II, 179—80), предполагаетъ мѣстоименное значеніе указанія „въ даль“, на дальнѣйшее, „ибо отрицать принадлежность чему-либо свойства или вещи значить не уничтожать (*aufheben*) или отрицать существованіе (*leugnen*) свойства или вещи, а удалять (устранять) ихъ отъ чего-либо, отъ его особенности (*individualität*); значить ставить лицо по ту сторону свойства или вещи, представляя эти

е) Въ только что приведенномъ значеніи дѣйствіе изъ внутри періода означемаго твор. (какъ въ „трѣми дѣнями разруши“) передвинуто къ его началу. Отсюда, мнѣ кажется, объяснимъ переходъ къ обозначенію творительнымъ времени прожитого человѣкомъ, т. е. находяща-

послѣднія чѣмъ-то другимъ“. Уже изъ сопоставленія сего съ тѣмъ, онымъ (другимъ, дальнѣйшимъ) вытекаетъ ихъ сравненіе, а не на оборотъ „das andere kann immer nur das ergebniss eines vergleichs sein“ (Pott. Et. Forsch. I, 351).

Простое отрицаніе на въ знач. частицы сравненія (какъ, подобно) уже въ древнеинд. есть архаизмъ, встрѣчается въ яз. Вѣдъ, исчезаетъ въ болѣе позднихъ памятникахъ (В.-Р. IV, 4). Въ слав. простое не, уже какъ рѣдкость,—лишь въ знач. частицы предпочтенія (=чѣмъ, скр. варамъ на.. лучше чѣмъ.): творити правѣдно и истиновати вѣгодно паче Б-оу, не трѣбы нечѣстивыхъ гноуєъ г-ви, Изб. 1073, 82. См. ниже, Дан. Заточи. Въ лот. это еще обычно: лѣлак, не зиргс, N больше не конь, т. е. онъ больше коня; дризак мейта малти гаа, не дѣліна ливавиня, Спр. 140 [=скорѣе дочь пошла (т. е. пойдеть) молотъ (на жерновахъ), не (=чѣмъ) сынова жена (невѣстка); labbák tēwa dublus briddu, ne táutiša ģáiru gáju (Biel. Gr. 394)=лучше брела я (=бродить мнѣ) по лужамъ отца, не (чѣмъ) ходила (=ходить мнѣ) по клалкѣ мужа. Отъ этого отлично лот. не, какъ не (тотъ-то, то-то, там-то), nisi, si non: Куръ целѣс лѣла мѣгла, не авотá (Biel. avūta) лѣйна? Куръ ънемъ ляудіс валодинь, не но мана аугуминя, Спр. 18= гдѣ подымался (=подымается) большой туманъ, не (=какъ не, т. е. именно там) съ ручья (на ручьѣ) въ долини? Гдѣ берутъ люди „поговоры“ (сплетни), не (какъ не) съ моеи красоты?

Болѣе сохранились такіа частицы предпочтенія, въ которыя не входитъ какъ составная часть: цсл. не-же, негъли, нежели, срб. него, ного и нѣ (Mikl. IV 179—80); не ꙗже-ли: „что красивѣе, что ми сладчайше боголюбцемъ (=ъ), иже по истинѣ жаждать жизни вѣчнаго, нежели присно Б-га неотступити мысли“ и поминати его добрыа твари, Ио. Экз. Прол.; такъ и въ нынѣшнихъ обл. вр. гов. Цсл., др. русс. нели (не смѣшивая съ нѣ-ли кого, см. выше 380): рче, да луче есть на своей землѣ костью лечи, и нели на чюже (=ъ) славному быти, Ип. 155 (480); луче бы непознати истины, нели познавъши уклонитися отъ нея, Кир. Тур. Калайд. 103. Позднѣе это не-ли понято какъ не есть ли: „вр. лучше семь разъ горѣть, неестыли однажды вдовѣть“, откуда вр. обл. несли (Бул. Гр. § 282, 5, пр. 5). А не: лѣвши бы ми смерть, а не курское княженіе, Дан. Зат. по ред. XVII в.; лучше хлѣбъ съ водою, а не пирогъ съ бѣдою (XVII в. Бул. ib.). Вр. не-какъ (=мр. ніж як)? Ср. лот. лабакъ веца ар годѣн, не ка (не какъ) луна безъ годѣни, Спр. 157=лучше старая (дѣвица) съ честью, чѣмъ молодая безъ чести; лит. пе-каир (=чѣмъ), вопреки Шлейхеру, стольже правильное, какъ и простое каир, какъ, въ зн. сравнительной частицы (=мр. як, ніж як). Ни: „негалъ бо ми Ростиславъ князь: „луче бо ми смръть, ни Кур'ское княженіе“; тако и мужеви луче бы смръть, не (см. выше) продолжень животъ... Луче бы ми трыскею болѣти, ни со злою женою быти.. Луче бы ми желѣзо варити, ни со злою женою быти, Сл. Дан. Заточи., сл. Унд., Рус. Бес. 1856, 2, 118, Бусл. Хр. Въ стар. поль.: chorągwie, ni (=какъ) mak rozkwitnione (Linde). Этимологически равное этому ни, лит. neі, nē—лишь въ знач. нече и какъ частица сравненія, а не предпочтенія: auga vaikai, nē girio medžei, растутъ дѣти, какъ лѣсныя деревья; nei gaudoņoks ant veido, мр. наначе (ніби) червоная на виду (=лицемъ) Schl. Gr. 325, 331. Поль. ni-ż (ni-że), a ni-żeli, ni-żeli, мр. неж (с. зал.) и ніж, а—ниж. Въ мр. поль. ніж, какъ и в лит. пекаир, ставится и тамъ, гдѣ въ главн. предложенія нѣтъ явственной сравнит. степени и предпочтеніе вытекаетъ изъ смысла: „кипи, кипи моѣ серденько на ножи, а ніж (т. е. маешъ кипити) в того Шкандибенка на двори, Метя. 285; wolalbym umrzeć, aniż.., лит. азъ vėlijūš miręš, пекаир..

гося между началомъ жизни и смертью или другимъ событіемъ. Сюда бы я отнесъ примѣры: „седмиѣ десатъ лѣтъ сы ти патиѣ“, cum esset septuaginta quinque annorum, Супр.; бѣ отроче лѣтомъ, puer unius anni, серб. XVI в., примѣры, которые Миклошичъ относитъ къ одному ряду съ лит. *merga ilgais plaukais*, стало быть къ тв. соціативному (V. Gr. IV, 726). Что до „почи довольными дньми см“ (ib.), то здѣсь не аттракція вм. „довольнъ дньми“.

5. **Тв. орудія и средства.** Дельбрюкъ (57) полагаетъ, что переходъ отъ тв. общности (нѣм. mit etwas, съ чѣмъ, т. е. вмѣстѣ съ чѣмъ, въ сопровожденіи чего) къ тв. средства (нѣм. mit въ знач. mittels, посредствомъ чего) особенно явственъ въ случаяхъ, какъ, mit pferden, mit einem wagen, einem schiffe fahren. Такъ и В. Шердль (Синт. др. инд. яз. I 103) думаетъ, что въ др. инд. переходомъ соціатива къ тв. орудія служатъ обороты съ твор. при глаг. движенія: рathêна пражâти, онъ ѣдетъ колесницею (=въ..), асвѣна самчарати, онъ ѣдетъ верхомъ, т. е. по предположенію, первоначально—съ колами, съ конемъ, вмѣстѣ съ ними. Но слав. „ѣхать возомъ“, какъ и литов. *szėrim bėgti* (=кораблемъ бѣжать), не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на соціативность („съ возомъ“), которая лишь въ позднѣйшее время появляется въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ подъ вліяніемъ нѣмецкаго ¹⁾. Поэтому съ точки слав. яз., можно думать, что твор. орудія можетъ имѣть лишь посредственную или никакой связи съ соціативнымъ, и что, какъ это и полагаютъ (Данич. Синт. 550; Zikm. Skl. § 110), представление орудія взято здѣсь изъ значенія пути, что для насъ явственно въ выраженіяхъ „какимъ путемъ это сдѣлать“, „посредствомъ (промежутокъ, лежащій посреди двухъ точекъ, есть путь отъ одной къ другой) чего это устроить“. Можно думать, что многіе случаи, понимаемые нами подъ твор. орудія, сначала вовсе не существовали для мысли, образовавшись потомъ по аналогіи съ немногими тв. орудія, которые одни лишь прямо примыкаютъ къ твор. пути.

Значеніе твор. орудія въ слав. и большею частью уже въ языкѣ Вѣдъ опредѣляется случаями, какъ: ходить, ѣздить чѣмъ, двигать (махать, кивать, моргать и пр. бросать—швырять и пр.) чѣмъ, работать (и заработать добыть, пріобрѣсть) чѣмъ, воспринимать (смотреѣть, слышать и пр.) чѣмъ, ѣсть, пить чѣмъ (н. п. чашкою), кормить—поить (и поужинать, закусить) чѣмъ, говорить чѣмъ (и какъ „писать перомъ“, такъ говорить, писать такимъ-то языкомъ“, хотя позднѣе уже не „псалтырь написанъ греческимъ языкомъ“, а „на греческомъ“), шумѣть — зву-
425 чать чѣмъ (скрипѣть дверьми, голосомъ пѣть и пр.), свѣтить чѣмъ

¹⁾ И въ лит.: ar su râtaitis, ar su rogemis, возомъ или саньми Ness. Wb. v.

(„лучиною“; малор. „нестій, зятю за плечима, несвіти очима“ н. п.), украсить, покрыть чѣмъ (одѣть, и -ся. подернуться: уха—янтаремъ, Кр.), обложить, усыпать, засѣять чѣмъ, облить (опрыскать, омочить, помазать, замарать), наполнить чѣмъ (населить людьми, засадить деревьями), дарить, надѣлять, дѣлить и дѣлиться чѣмъ, превосходить чѣмъ и нѣктр. др., о чемъ слѣдуетъ нѣсколько замѣчаній. Существенно важно, что вездѣ этотъ творительный стоитъ при сказуемомъ.

а) Подобно тому, какъ въ слѣдующемъ: „Куряне... придоша коньми, а выгонци галичкыя придоша по Днѣпру, Ип. 164 (496),—ѣхать каретою, возомъ, лодкою, мр. їхати бовкуном (т. е. однимъ воломъ, а не „als werwolf“, Mikl. IV, 733); Барабаш конемъ поїжджає, Метл. 338; ой побігла Лемерівна тернами (тв. мѣста), а занню Шкандибенко конями, ib. 285; пустимось кіньми, як дрібен дощик, ib. 390; лит. *netptais ratais netolei tenūwažiūsi*, намазаннымъ возомъ (соб. колесами) недалеко уѣдешь; такъ и въ переносномъ смыслѣ „*swetimu protu netolei tenūwažiūsi*, чужимъ умомъ недалеко уѣдешь; вр. „жалю моря неперѣдешь“.

Невидно формальной разницы съ этимъ въ чеш. *každý z té komory rovnou pohou do kostela jiti mohl*, пол. *skoczył równemi nogami*; между тѣмъ *Zikm. Skl. § 113, 2*, видитъ въ 1-мъ выраж. тв. соціят.

б) О творительномъ при глаголахъ, какъ двигать чѣмъ, едва ли можно сказать, по-крайней-мѣрѣ въ примѣненіи къ русскому, что употребительность этого оборота „болѣе и болѣе ограничивается, нестолько въ силу вліянія другихъ языковъ“ (въ латин. здѣсь винит.), „сколько по причинѣ увеличенія абстрактности мысли“ (Mikl. IV 695, g.). Теперь скорѣе больше, чѣмъ въ старину, твор. здѣсь нуженъ для разграниченія весьма важныхъ оттѣнковъ тысли. Твор. можетъ здѣсь значить не то, 426 посредствомъ чего обнаруживается тразитивное движеніе (какъ въ рубить дерево топоромъ), (Mikl. l. c.), а то. въ чемъ становится замѣтнымъ движ. интразитивное. Если при этомъ глаголь можетъ быть сочетаемъ и съ винительнымъ, то между глаг. съ тв. и глаголомъ съ винит. возникаетъ та разница, что въ первомъ случаѣ вниманіе сосредоточено на самомъ дѣйствиі, которое можетъ быть безцѣльно, а во второмъ—на дополненіи, въ которомъ выражена ближайшая, исполнѣ опредѣленная цѣль движенія. Отсюда можетъ возникать лексическое различіе между глаголами. Ср. напр. вертѣть, крутить пальцы, причиняя имъ боль и вертѣть пальцами, напр. отъ нѣчего дѣлать; двигать ногу съ тѣмъ, чтобъ ступить и—ногою (напр. во снѣ); ворочать голову, глаза, направляя ихъ на что-либо и ворочать глазами (напр. въ сильномъ гнѣвѣ); ударить, хватить, хлеснуть, колотить кого чѣмъ (попасть въ него) и ударить и пр. кѣмъ объ землю, колотить языкомъ (болтать); бить и кого чѣмъ и бить челомъ; махать чѣмъ— помавать и т. п., но махать конопля—выдерги-

вать плосконь (отъ чего плосконь замашки), или, быть м. и тренать ихъ; вести что ср. съ „и ухом неведеть (необращаетъ вниманія) и пр.

в) Въ томъ-же смыслѣ, какъ „да неущитаться щиты своими“, Лавр. 20, и заложитися (заслониться, закрыться, какъ щитомъ, защититься) въ ст.-яз.: княже, нелзѣ ти поити нань: се передь тобою рѣка, но еще зла; како хочещи нань поѣхати? а еще стоитъ заложився лѣсомъ, Ип. 55; Давыдъ же заложися ночью и бѣжа Смоленську, ib. 124; Олговичи же, немогущися с ними бити, заложившеса ноцью, идоша прочь, ib. 141. Пол. *zaszczyt* собств. то, что защищаетъ (защита, оборона), а отсюда, или же отъ герба на щитѣ—отличіе, почетное украшеніе, честь; *zaszczyć się* сзущ, почтить, сохраняетъ то-же сочетаніе съ творительнымъ.

427 г) Глаг. владѣнія (пойдѣте княжить и володѣти нами, Лавр. 8; въ рус. литер. владѣть, править, руководить, распорядиться, предводительствовать, начальствовать, командовать чѣмъ, Бусл. гр. § 253, Б; Mikl. IV, 700), сочетаясь съ тв. предмета, коимъ владѣетъ кто-либо, слѣдуютъ аналогіи, по видимому, съ глаголами движенія: ср. млр. орудовати чим, володати руками. Въ сочетаніи, какъ „княжить, царствовать, старѣйшинствовать, владычествовать надъ чѣмъ“ глаголы поняты, какъ „быть княземъ, царемъ, владыкою“ стоящимъ выше обладаемаго.

д) Въ „чимъ купимъ хлѣбы“, О. ев. Ио. 6. 7, въ лит. *ketureis auk-sineis nūsipirkti*, купить себѣ четырьмя золотыми (т. е. на четыре, за четыре), какъ уже въ Вѣдахъ (Delbr. 62, Шерцль 110), творительный означающій цѣну, формально неотличенъ отъ тв. въ жить чѣмъ, нѣчѣмъ жить, нѣчѣмъ платить. Ср. длъженъ бѣде нѣкто кому сребромъ и неимать чимъ жласти... длъженъ бѣ Адамъ сьмрътью и дрѣжимъ бѣ дияволомъ; небѣ длъженъ Христось, ни дрѣжимъ бѣ, жладе сьмрътиѣ за дрѣжимааго, Supr. 378. М. б. сюда же: по чѣто трѣбоу положити повелѣ Б-ъ Аврамоу ѣж(=ю)ницѣѣ трии лѣтъ и козоѣѣ тризоѣѣ, Изб. 1073, 123; „собѣ непрія ничто, толико крестъ честьныи вся на благословеніе, а прокъ имѣнія да, чимъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, чимъ свѣчю и просфору его поблюсти“, Ип. 76. Къ стар. „купити, вѣннити чимъ“ примыкаетъ твор. цѣны при существительныхъ (тв. образа) въ новомъ русск. замѣняемый, такъ-же какъ и при гл. купить, посред. на и за столько-то: „дѣвѣма сътома сьребрныи хлѣби недовлѣють имъ, да кѣждо мало чѣто приметъ, О. ев. Ио., 6, 7. Сюда же торговать чѣмъ, млр. торговати, торжити чим, крамомъ крамувати, мінъжувати (о цыганской мѣнѣ). Предметъ торговли и ея средство неразличаются: „того же лѣта отложиша въ Псковѣ кунами торговати и начаша торговати пѣнѣзи“, Пск. I, 200 (1409).

Тв. при дати, възяти означаетъ орудіе даванья и пр., за тѣмъ—то, въ чемъ состоитъ даванье: еще кто дастъ имъ ножъ ли, ли секиру, дають скорою противу (=платять шкурами) Лавр. 107 (227); Русскіѣ

же князи и вои вси моляхуть Бога и обѣты вздаюху Богу и Матери его, овъ кутьею, овъ же мылостынею убогымъ *ib.* 118 (268): да бо Ростиславъ Святославу соболами, и горностаими, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы, *Ип.* 86 (345); мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, либо кунами даси за нее, во что будетъ была, *Ип.* 145 (460); повелѣ. взимати всяку потребу, и отъ скотъницъ кунами, *Лавр.* 54 (123); сюда же, по видимому „дворъ же княжь разграбиша, бецисленое множество злата и сребра, кунами и бѣлью, *Лавр.* 74 (167)=*Ип.* и кунами, и скорою; многы дары высла арципискуну и мужемъ тѣмъ златомъ и сребромъ, и съсуды златыми и сребренными, и порты, *Иг.* 68 (311). Въ нов. яз. „въ миръ ити (=по миру, просить мылостыни), такъ и тѣстомъ брать“; „сдать мѣлочью“, „сдача мѣлочью“; „беру взятки, но чѣмъ взятки? борзыми щенками.—Ну, щенками, или чѣмъ другимъ, все взятки“, (*Гог.*) и „взятки щенками“.

е) Въ ст.-сл. и др.-русскомъ, какъ и въ др. инд. яз. (*Шерцль*, *Синт.* 143—4), въ твор. ставится назв. вещества, изъ котораго сдѣлано что либо, при чемъ тв. означаетъ средство возведенія, созданія и проч.: цръкъвь каменѣмъ възградити; дѣсками съставивъ корабль (*Mikl.* IV, 691); ови бо рѣше, простыми вещьми нѣкацѣми сложено соуще небо, а а друзии рѣше всѣми съставлено, друзии же и обохъ тѣхъ пеприѣше, нъ нетымъ тѣломъ прозваше ѣ, кромѣ четырь стухій соуще, рекше вещии, *Ю.* Экз. Шестодн. 47. Не бо ѣ лѣпо, я-же тимѣн'ная бывають ѣзера и дѣждемъ се съставлѣють валы (болота), то тѣми хотѣти наше слово обличати (ихъ приводитъ въ опроверженіе), *ib.* 87 Създа бѣ члвка прѣстиа (=иѣѣ) отъ зема, *Бул.* И. Хр. 65; совѣи ми два ужа пѣском, *ib.* 665; бяхуть же станове въ городѣ соломою циненѣ (т. е. не крытые, а сдѣланные изъ.., какъ теперь шалаши) и загорѣшася самѣ отъ огневъ, *Ип.* 199; церковь бѣшетъ создана бѣлымъ каменемъ тесанымъ, *ib.*; створилъ Богъ челоувѣка отъ землѣ, сставленъ костыми и жилами, отъ крове, *Лавр.* 76; дивенъ есть столпъ (башня, замокъ) великимъ каменемъ сдѣланъ, *Дан.* Паломн.; тиунъ его (князи)—яко огонь трепетицею (изъ осиновоыхъ дровъ) накладенъ, а рядовичи его—яко искры: аще отъ огня устережешися, но отъ искры неможеши устерещися жженія портъ, *Дан.* Заточн. Въ поль. *białym alabastrem budowane gmachy*, 428 *Kochan.* (*Mikl.* *ib.* 693). Въ лог. „вой рѣціняс дзелжѣм (тв. мн.) калтас? Спр. 339), развѣ (мой) руки изъ желѣза скованы?“

ж) Значеніе тв. орудія въ „держать руками“ неизмѣнится, если поставимъ въ немъ названіе лица. Въ ст.-русск.: „оже ти неугодно дръжати Новгородъ сыномъ, а вѣда(-жь в. -й) ны братъ, *Новг.* I, 38; всю волость Черниговскую собою держитъ и съ своимъ сыновцемъ, *Ип.* 84 (343). Такъ и при другихъ глаголахъ: святую Богородицю (церковь) съблюде ю Богъ добрыми людьми (т. е. посредствомъ), *Новг.* I, 29; мѣсяця маія въ 9 поставиша царя своего (т. е. царемъ) Кондо-

Фларенда своими пискупы, ів.; чему еси отъяль Волховъ гоголиными ловци, а поле отъяль еси заячими ловци? ів. 66; глаголетъ бо (Богъ) пророкомъ (черезъ пророка) намъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, Лавр. 72 (163); иде царь нѣмецкій... битися за гробъ Господень, проявилъ бо башеть ему господь ангеломъ, веля ему ити, Ип. 139 (449); Володимеръ самъ собою (самъ черезъ в. посредствомъ себя, т. е. самолично) постоя на Дону, а Мьстиславъ мужи свои посла, загна Половци за Донъ, Ип. 15 (217); што есмо въсказали до тебе нашими послы (XV в. Ак. З. Р. I, 107). Въ нынѣшнемъ вр. „невѣсту достаютъ собою (т. е. лично), а ино и Фомою (черезъ посредника, пожалуй — дурака). Въ литер. яз. обычная замѣна этого оборота—„черезъ кого“, „посредствомъ кого“. Случаи „тобою скорбь терилу“, Держ.; „тобой блаженство мы вкушаемъ“, id.; тѣ отрады, что миромъ мы получимъ симъ, id.; всѣ будутъ счастливы тобою, id.; лишь ею (любовью къ истинѣ, т. е. черезъ нее, благодаря ей) вождь героемъ чтится, и Богомъ судія намъ зрится, и солнцемъ міра—іерархъ“ id., братецъ вашъ мнѣ другъ, и говорилъ, что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ“, Гриб. устарѣли, и удержалось только „самъ собою“ въ случаяхъ, какъ „да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ“, Гог., и „само собою“ (т. е. разумѣтся). Въ млр.:

Ой повъязу лён хотъ синёю ожиною;

Ой накажу я свойму милому хотъ чужою чужиною.

Ой синяя ожинонька вона лёну неповъязе;

Ой чужая чужинонька вона правдоньки не скаже, Метл. 60.

Въ 1-хъ двухъ стихахъ творительные формально тождественны.

Ой черезъ межу горошок та постелився;

Козакъ до дівки ворогами та поклонився, Метл. 82.

Здѣсь параллелизмъ не только вещественный [какъ неудобно гороху (низкому полевому) слатся черезъ межу, такъ козаку слатся къ дѣвкѣ черезъ вороговъ], но и грамматическій, такъ какъ „ворогами“=„черезъ ворогів“. „Кинувсь до громади прохати собі в неї поради, чого собою незбагне, Котл., т. е. безъ чужой помощи (какъ и у Державина: „пусть позлащенна мѣдъ блистаетъ, но блещетъ ли она собою?“).

Нѣкоторые твор., примыкающіе къ „собою“, перестаютъ означать „черезъ то-то“, „посредствомъ того-то“ и скорѣе могутъ быть названы тв. образа дѣйствія. Такъ въ стар. яз. „съ Ошевского погосту идетъ великому князю Московскому рубль, за два соколы по полтинѣ, коли nebudeтъ перомъ соколовъ; а коли будутъ перомъ соколы, ино два соколы“, Запись о Ржевск. дани, Ак. З. Р. I, № 71; владыцѣ Новгородскому идетъ.. зъ жеребья по полтретинадцати бѣлки, а nebudeтъ бѣлокъ шерстью, ино по двѣ деньзѣ зъ жеребья, ів., а свадебную куницу давати имъ (Кіевскимъ мѣщанамъ) шерстью, а nebudeтъ куницы шерстью,

ино пять грошей за куницу, 1494, ib. № 120; „взять, вернуть что лицомъ; 430 людей нашихъ, которые были на тыхъ нашихъ замкахъ, головами въ полонъ взяли, ib. 125 (ср. Mikl. IV, 694), т. е. лично ихъ, или „поголовно“, „всѣхъ“, подобно какъ въ слѣдующемъ „головую“ зн. вовсе: „вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ неразумѣю, Иванушку и твою сожительницу почти головою неразумѣю, Фонв.

Къ „головой“ въ смыслѣ „поголовно“ примыкаетъ: „такъ (=если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ, буду вамъ платити дани-выходы, Др. Р. ст., какъ и нынѣ „выйти на встрѣчу всѣмъ городомъ“ (отлично отъ „со (=вмѣстѣ со) всѣмъ г.); мр. усі двором (=не только вся дворня, но и господа) ѿ любили, Кв. Божі. Д.

Отъ тв. орудія, какъ „самъ собою“, въ зн. самъ черезъ себя в. посредствомъ себя, ведутъ также начало тв. образа въ зн. „самъ по себѣ“: значеніе самопомощи переходитъ въ знач. особности („о себѣ“): служба службой, а дружба дружбой; шутка шуткой, а дѣло дѣломъ; лѣсъ лѣлѣсомъ, а бѣсъ бѣсомъ, Даль, Посл. 956.

з) Въ ст.-слав., ст.-русск., ст.-чеш., и въ серб. и до нынѣ при оженити, -ся ставится имя жены въ твор.: женѣи са потьбѣго-з прѣлюбн творить, О. Ев. Мат. 19, 9; ови же попове единою женою оженѣ(=и)вся служатъ, Лавр. 50 (113); Всеволодъ жени сына своего Святослава Василковною Полотскаго князя, ib. 135 (294); князь Юрги жени сына своего Всеволода Володимерною Рюриковича, ib. 193 (431); повелѣ Дюрги Мьстиславу сынови своему Новѣгородѣ женитися Петровною Михалковича, и жени ся, Ип. 79 (331); ст.-чеш. oženil jej bohatou vdovou; серб. хоѣаху ме оженил Латинком; жени се Маријом; ожењен бјеше кѣромъ херцега Стјепана Маријом, Дан. Синт. 563; Mikl. IV, 694. Изъ примѣровъ видно, что творит. независитъ здѣсь ни отъ возвратной или страдат. формы сказуемаго, ни отъ предлога. Зикмундъ (§ 113, 2), по видимому, смѣшиваетъ этотъ оборотъ съ позднѣйшею замѣною его посредствомъ съ съ твор. (oženil se s vdovou, какъ и въ поль.) и видитъ въ немъ тв. соціативный. Даничичъ сближаетъ оженити съ кумити, братимити, сестрити, посинити (дѣлать, называть кумомъ и пр.), напр. „братимим те Богом истинијем“. Но этотъ 431 послѣдній оборотъ значить собств. „дѣлаю тебя братомъ посредствомъ Бога“, т. е. призывая его въ свидѣтели, и т. п. Удерживая сближеніе съ кумити и пр. нужно было бы сказать, что тв. при оженити соотвѣтствуетъ (какъ и по Зикмунду) творительному съ предл. съ въ случаяхъ, какъ „Изяславъ сватиться¹⁾ со Всеславомъ мысли на наку“,

¹⁾ Сватомъ донинѣ въ мр. называется между прочимъ каждый изъ договаривающихся, безъ непремѣннаго отношенія къ браку, на пр. продавецъ по отношенію къ покупателю и на-оборотъ. Стар. сватитися, сговариваться, улавливаться.

Лавр. 78; млр. чи нам братитця (т. е. „один з одним“, другъ съ другомъ), чи що дня трапитця, Ном. 80. Это было бы несправедливо и потому, что жениться взаимнаго значенія неимѣть. Вѣрная мысль заключена въ замѣчаніи Миклошича (l. c.), что оженити знач. соб. *beweiben*, снабдить женою, согласно съ чѣмъ твор. орудія при этомъ глаголѣ стоитъ на томъ-же основаніи, на какомъ тв. при млр. окѣнн-ти [снабдить конемъ, сдѣлать коннымъ, а не „нагонити конемъ“, какъ у Метл. 417: давши для сына коня козаку, Коновчиха говоритъ „де мого сина (гѣшаго) нагониш, там ёго окѣниш, добрим лицарем наста-новиш“]; опѣшити (чѣмъ, соб. сдѣлать пѣшимъ, потомъ поставить въ-тупикъ, ударомъ ли, словомъ, или другою неожиданностью); отыниша (градъ) тыномъ, Новг. I, 51; о(по)солить солью; огородити, -ся, быть огорожену плетнемъ, частоколомъ; обсоюзити обувь кожею; стар. ополонитися (набрать себѣ полона, снабдить себя челядью и пр.): „и ополонившеся челядью и скотомъ и возвратишася во своя си“, Ип. 120 (412); ополонишася скотомъ и конми, Ип. 141 (452)¹⁾; ту ловы 432 дѣлваша и обловишася множествомъ звѣрей, Ип. 139. Сюда-же и „запасть чѣмъ“. Однимъ словомъ „оженити женою“, значитъ не „съ женою“, а „посредствомъ жены“. Предлогъ о-, объ здѣсь ненеобхо-димъ и неможетъ служить указаніемъ, какъ далеко простирается раз-сматриваемый здѣсь рядъ аналогій. Между прочимъ ошеломити чѣмъ значитъ собств. не снабдить шеломомъ, а смутити, какъ ударомъ по шелому; огорошити чѣмъ, смутити, какъ сыпнувши въ кого горетью гороху. Напротивъ, мѣѣ кажется, рядъ аналогій съ оженити продол-жается въ об(бв)инити чимъ, т. е. сдѣлать кого виновнымъ, снабдить виною (митрополитъ же Константинъ обвини его всеми винами, Ип. 102); въ обличити (въ см. снабдить „лицемъ“, уликою: „тѣми дѣлы обличаѣми“, Супр. Mikl. Gr. IV, 690, собств. не „въ тѣхъ дѣлахъ“, а „посредствомъ тѣхъ дѣлъ“), оклеветати („любодѣніемъ оклеве-танъ ѣсть“, Mikl. ib. 691). Сюда ли клепати чимъ? „Оже начнетъ болшимъ вльпати“, Русс. пр., Син. (Дост. I. 39); кого чѣмъ покле-плеть, Домостр. Во всякомъ случаѣ здѣсь тв. орудія. Между тѣмъ Зикм. (§ 111—3) видитъ въ подобныхъ чеш. примѣрахъ („*viní svůj rod spro- stenství*“, а равно въ „*ten sám svou smrtí vinen jest*“) творительный причины.

Къ оженити съ тв. примыкають (о-,по-)дарить кого чѣмъ (сваты подари великими дары, Ип. 136), т. е. снабдить кого даромъ, надѣ-ломъ. Лишь благодаря забвенію этого значенія возможно сочетаніе „подарити кому что (какъ и въ чеш., пол., *darowati, darować*), если

¹⁾ Ср. напѣлнитися: толико взяша полона множество якоже всимъ рускимъ воемъ наполнитися до изобилія и колодники, и чагами, и дѣтми ихъ, и челядью, и скоты, и конми. Ип. 98 (369).

первоначально дарить значить не „превращать что въ даръ для кого“, а какъ выше сказано.

и) Несмотря на то, что безличныя обороты (дороги снѣгомъ занесло, замело) близки по эффекту къ страдательнымъ, они въ грамм. отношеніи тѣмъ неменѣе дѣйствительны. Поэтому правъ Миклошичъ (IV, 692), когда творительный въ такихъ случаяхъ причисляетъ прямо къ тв. орудія, а не къ тв. при страд. сказуемомъ (дороги занесены снѣгомъ). Твор. одинъ и тотъ-же въ „хватилъ ножомъ“ и „хватило меня какъ ножомъ въ грудь“.

і) Уже изъ „ходить ногами“ видно, что тв. орудія вовсе не предполагается при глаголѣ прямого объекта и столь-же умѣстенъ при глаголахъ дѣйствительныхъ, какъ и при среднихъ. Съ этой стороны нѣтъ препятствія отнести къ этому падежу слѣд.:

аа) Какъ „дышать полною грудью“ (не какъ, а чѣмъ), такъ „дышать воздухомъ“ и въ переносномъ см. „дышать гнѣвомъ, злобою“. Такъ и Mikl. IV, 702.

бб) Какъ „плевать, харкать кровью, рвать жолчью, отрыгаться чѣмъ“ („отрыгается масломъ, глядячи на коровій слѣдъ“), гдѣ тв. орудія означаетъ внѣшній по отношенію къ тѣлу предметъ, которымъ обнаруживается физиологическое отправленіе; такъ „пахнуть чѣмъ (и пахнуть, напр. въ-лицо запахомъ), благоухать, вонять, смердѣть, нести чѣмъ (о запахѣ), отзываться, отдаваться и отдавать чѣмъ“ (о запахѣ и вкусѣ), пол. *rasnąć, wonieć, trącić, cuchnąć czém* (о зап.), *smakować czém* (о вкусѣ, въ грамматическомъ отн. отлично отъ *wonach smecken*), серб. *мирисати, вонјати, задавати, смрдјети, ударати* (бить, шибать въ носъ), *баздјети чиме* и пр. Относительно формальнаго зн. этого падежа мнѣнія большею частью отличны отъ нашего. Малецкій относитъ *pluć jadem, oddycha porządkiem* къ тв. вещества, изъ котораго что-либо дѣлается, вмѣсто (?) опредѣленія образа, какъ что-либо дѣлается (Gr. § 891), выгораживая отсюда твор. орудія при глаголахъ объективныхъ. Гаттала (Sr. Ml. § 28, 38) и Зикмундъ (§ 116) считаютъ тв. въ пахнуть чѣмъ за тв. сравненія, какъ въ „zarve jarum turem“ (*jako byk*). По мнѣнію Гатталы „*smrděti kozlem*“ значить (*tolik znamená*), что „*jako kozel*“. Согласно съ этимъ нужно бы думать, что „послѣ пожара ⁴³⁴ воняетъ гарью“ значить не собственно и рѣшительно гарью, а лишь такъ, какъ гарь. Мнѣ кажется, что съ грамм. точки зрѣнія здѣсь такъ-же недолжно быть рѣчи о сравненіи, какъ и въ „плевать кровью“, несмотря на то, что объективно нѣчто можетъ не дѣйствительно пахнуть гарью, а только напоминать этотъ запахъ. Относительно сродства этого твор. съ тв. образа дѣйствія слѣдуетъ замѣтить, что первый еще вполне объективенъ, по-крайней-мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ: на вопросъ, чѣмъ пахнетъ — мы не можемъ еще отвѣчать „хорошо“, а

должны указать вещь, которою пахнетъ (какъ бы второстепенный субъектъ дѣйствія: „хлѣбъ отдаетъ цвѣлью“ какъ бы „цвѣль отдаетъ изъ хлѣба“), между тѣмъ, какъ тв. образа („спитъ мертвымъ сномъ“) имѣеть болѣе качественное значеніе. Миклошичъ (IV, 718) разсматриваетъ тв. пахнуть чѣмъ особо, помѣщая его между твор., означющимъ предметъ заботы, надежды, довольства и тв. отношенія (богатъ скотомъ).

вв) Какъ „плевать чѣмъ“, такъ „плакать горькими слезами“, что у Микл. (IV, 725) далеко отнесено отъ твор. орудія. По-крайней-мѣрѣ несомнѣнно, что въ основаніи лежитъ здѣсь такой-же тв., какъ въ „полоскать водою“, такъ-какъ „плакать“, несмотря на отсутствіе полногласія, первоначально зн. то-же, почему нѣкогда нуждалось въ возвратномъ мѣстоименіи (плакаться).

гг) Хотя тв. въ „цвѣсти кистями“ можетъ чувствоваться какъ тв. образа дѣйствія, но, мнѣ кажется, во многихъ случаяхъ этого рода еще явственъ тв. орудія, понимаемаго въ томъ-же смыслѣ предмета, въ которомъ или черезъ который обнаруживается дѣйствіе, въ какомъ „пахнуть чѣмъ“: цвѣсти синимъ цвѣтомъ, цвѣсти юностью; млр. ой зацвіли густі лози синесеньким цвітом“ и т. п. Зикм. (§ 113, 3, 6) то относитъ подобные случаи въ чеш. къ тв. соціатив. (съ какими обстоятельствами сопряжена дѣятельность), то видитъ здѣсь тв. качества, въ коемъ прилагательное (kvetne bílým) поставлено вм. нарѣчія, а къ прилагательному прибавлено существительное, уже заключенное въ содержаніи глагола (kvetne květem bílým), причемъ это существительное не непременно одного корня, лишь бы сходнаго значенія съ глаголомъ. Сюда подходятъ и такія выраженія, какъ „лицо цвѣтетъ прыщами и угрями“.

Какъ „цвѣсти бѣлыми цвѣтами“, такъ: „такъ бы о мнѣ рабица божья N сердцемъ кипѣла, кровью горѣла, тѣломъ сохла“, Майк. Вр. Закл. 424; „дорога кипѣла народомъ“, Гог., „одежды блистали золотомъ“, „сердце пылало любовью“, „земля текущая млекою и медомъ“, „кишѣтъ червями“, „обрости волосами“, млр. „пилом припасти“, „до-ріженька терномъ заросла, листомъ припала, червоною калиною понависала“, н. п.—случаи, которые Зикм. (§ 112, 1) относитъ къ тв. причины и основанія, а Миклошичъ (IV, 706—7)—къ тв. при гл. страдательныхъ, возвратныхъ и среднихъ. Сюда же и болѣтъ чѣмъ.

к) Между творит. орудія, которымъ непосредственно управляетъ лицо (напр. „ты навонялъ смазными сапогами“) и твор. орудія независимаго отъ лица, означающаго предметъ, въ коемъ проявляется дѣйствіе („сапоги воняютъ дегтемъ“), конечно есть разница, но нетакая, чтобы можно было изъ этихъ творительныхъ сдѣлать два грамматическіе разряда, подобные тв. мѣста съ одной и тв. орудія съ другой стороны. Подобная же разница существуетъ между твор., означющимъ ближай-

шее къ субъекту орудіе психологическихъ явленій, напр. тотъ языкъ, которымъ говорятъ [глаголати словѣнскими языкъмъ“; „научи я книгамъ словенскимъ языкомъ“; (Кюриль) научиси всей хитрости и мудрости и (глаголати, бесѣдовати, чисти и сказати) четырьми языки..: келинскы, римскы, сурьскы, жидовскы, Бусл. И. Хр. 419—20; ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ, Лавр. 11 (26)]; то чѣмъ мыслить („уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати“ Сл. о п.) и тв., означающимъ дальнѣйшее орудіе обнаруженія этихъ явленій, въ новомъ русс. большею частью выражаемое предл. о съ мѣстн., предл. на съ винит., рѣже—творительнымъ (какъ „промышлять чѣмъ“ въ пе-⁴⁸⁶реносномъ зн.): аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою (т. е. о себѣ), Лавр. 30 ¹⁾, съ чѣмъ ср. серб. „изгуби га на немисли храном, ти немисли храном ни господством, Цјев. Црног. 6. (незаботься ни о пищѣ, ни о томъ, чтобъ стать господиномъ).

Пѣвати, упѣвати съ твор.: „оупѣвающимъ собою, яко сътъ правдѣници, О. ев. Лук. 18, 9; см. Mikl. Gr. IV, 718; непѣвай собою, Кир. Тур. Кал. Пам. 106. Согласно съ этимъ, хотя съ нѣскольکو инымъ отгѣнкомъ тв., стоящаго здѣсь при имени, „неимѣти упованія имѣниемъ“, жит. Феод. XII в.

Вѣровати: сряцами вѣруютъ, sortibus (occursibus) fidunt, Mikl. ib.

Радѣти въ знач. раду быть: „онъ нами радѣль, спаси его Богъ, а мы имъ радѣли (т. е. при свиданьи), Путеш. въ св. з. Лукьянова, 49.

Въ нов. литер. яз. бредить чѣмъ: „кто этотъ Скалозубъ? отецъ имъ сильно бредить, Гриб.; скучать заключеніемъ и темнотою. Въ мдр. неклопочи нами, Метл. 279; Плутон. нашими бѣдами непогорюе ні на час, Котл.; непотурай, коли часомъ буду смутна... невжай тим (=необращай на это вниманія), Кв. Ш. л.; нежурись, та своимъ діломъ поспішай, Кв. Можетъ быть сюда-же литер. торопиться чѣмъ, напр. замужествомъ, свадьбою; мдр. „злодія на шибеницю ведутъ, а він своимъ діломъ непризнаѣцця (въ своемъ дѣлѣ), та оправдаѣцця (-уѣцця), якоби невинен, Ном. 54, хотя впрочемъ твор. при глаголахъ возвратныхъ подобнаго значенія можетъ объясняться иначе, о чемъ ниже.

л) На подобномъ безразличіи ближайшаго и дальнѣйшаго орудія основанъ и твор. при рядѣ глаголовъ, быть можетъ, представляющихъ первоначально разницы съ вышеупомянутыми, тоже означающихъ психологич. явленія: шутку, насмѣшку, обманъ, презрѣніе, отвращеніе и т. п. См. Mikl. IV, 701. Безразличіе орудія видно въ стар. играти чимъ, въ знач. не только новаго чѣмъ, кѣмъ (бѣсъ играетъ тобою на пагубу тобѣ, Лавр. 75, какъ и въ нов. яз.), но и новаго

¹⁾ При этомъ и „что о мнѣ Богъ промыслить“, Ип. 120.

437 надъ чѣмъ и во что (въ какую игру, Бусл. Гр. § 256, 3). Такимъ обр. и блазнити (бѣсь тобою блазнитъ, XIV в. Бусл. Хр. 487); глумитися (Mikl. ib.) и глумленіе творити ловитвою (Mikl. ib. 690); льстити: (говорили такъ) „льстяче ими“, Новг. I, 26; Черный Клобукъ нами лестить, Ип. 101; лѣгати (какъ и въ стар.-пол. kłamać kim, обманывать кого): имешу ему вѣру, а онъ тобою лжетъ, Бусл. ib. 481; си сѣлгаша имъ (Святославомъ), Новг. I, 48; Възвѣгляне солгаша Шварномъ: поемше тивуна невдаша ему тивунити, Ип. 194; измясти: тобѣ было нелѣпо измясти нами, Ип. 135 (помѣшать); лукати, desipere, Mikl.; ругатися, какъ и болѣе новомъ яз. ругаться не только надъ кѣмъ, но и кѣмъ; о стыдиться—ниже; Святославъ бо тѣмъ прѣшеться (извинялся, оправдывался): брате и свату, язъ сына своего послалъ не на тя поводитъ короля, Ип. 137; ср. Мѣстиславъ же Изяславичъ велми прецираше короля всеми винами Володимири (оспаривалъ короля посредствомъ винъ, т. е. указывая на преступленія Володимира), Ип. 68; можетъ быть сюда-же: незабудѣта, им же общастася, даруита мя обѣтомъ имъ же должна ми ѣста, Ск. о Б. и Гл. 84; чимъ ми ся есте обѣчали, поѣдите по мнѣ Чернигову на Ольговичъ, Ип. 32; чимъ ся бѣшеть ему обѣчалъ, а того неисполнилъ, ib. 150. Въ нов. литер. яз. шутить (вѣдь чортомъ нешутятъ, Фонвиз.; царь казною нешутить, Кр.), презирать, пренебрегать (съ тв. и съ вин. Бусл. Гр. § 256, 3); „неуважать отцомъ, ни матерью, ни трономъ“, Держ. (нынѣ неупотр.); дорожить (вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ, Гриб.). Сюда, а не къ тв. причины, какъ у Mikl. IV, 717, хвастать чѣмъ, а можетъ б. и возвратные по формѣ гл. хвалиться, величаться, гордиться. Можетъ быть сюда-же и клясться, божиться, присягать чѣмъ, Mikl. IV, 696, и кланяться кому чѣмъ (подаркомъ, приноше-
438 ніемъ; Mikl. IV, 725 относитъ къ твор. соціативному, „сум допо“, что ошибочно), бить челомъ кому чѣмъ. Впрочемъ для послѣднихъ есть болѣе обширная аналогія: дарить кого чѣмъ и пр. Млр. гордувати ким („ой дівчино гордівнице, гордуєш ти мною“, н. п.), ганьбувати („ось моя (т. е. жінка) и благородна, так наші тузи ганьбуютъ ею“, Кв.; глузувати?)

6. **Творительн. условленный страдательнымъ сказуемымъ** могъ бы быть названъ творит. энергическимъ, или, какъ у Востокова (Р. Гр. § 132), творительнымъ предмета дѣйствующаго. Менѣе подходимъ кажется названіе твор. дѣйствующаго лица (Бусл. гр. § 246, 1), ибо единственные надежи грамматическаго лица суть прямые, косвенные же—предметны: назвавши твор. въ „письмо написано мною“ надежемъ дѣйствующаго лица, мы должны дать другое названіе именительному въ томъ-же предложеніи, что затруднительно и излишне.

Разстояніе между этимъ твор. и твор. пространства такъ велико, что невидится возможности вывести значеніе перваго изъ отношенія „ка-

кимъ путемъ“ (Zikm. Skl. § 112), и сказать, что въ первомъ дѣятельность подлежащаго „переходитъ черезъ то, что означено этимъ падежемъ“ (Данич. Синт. 571). Съ другой стороны, Дельбрюкъ (65—6) признаетъ, что твор. при страд. сказуемомъ, обычный уже въ языкѣ Вѣдъ [„Јамѣна даттаһ“, Јомомъ (Јомю) данный], а еще болѣе въ скр. (В. Шерцль, Синт. 113 сл.), весьма далекъ отъ твор. соціативнаго. Напротивъ, разсматриваемый п. весьма близокъ къ творит. орудія и легко можетъ быть выведенъ прямо изъ него. По Буслаеву, этотъ п. даже собственно принадлежитъ къ творит. орудія (писать перомъ) и „дѣйствующее лицо въ немъ болѣе принимается за орудіе дѣйствія, нежели за самостоятельнаго дѣйствителя“. „Грамматически отличается отъ этого значенія твор. орудія только тѣмъ, что можетъ стоять „при глаголахъ и прочихъ залогахъ, и даже при имен. прилагательныхъ“ (Гр. § 246, 4, 6). Однако это только довольно велико и означаетъ, что твор. орудія, какъ и твор. мѣста и времени, безразличны по отношению къ залогу сказуемаго („написалъ перомъ“ какъ „написано перомъ“; „дорога прошла лѣсомъ“ и „проведена лѣсомъ“), между тѣмъ какъ твор. дѣйствующаго предмета отражаетъ на себѣ особенность страдательнаго залога, при которомъ онъ можетъ встрѣчаться съ другими творительными, несмѣшиваясь съ ними. Какъ и въ другихъ случаяхъ, здѣсь поводомъ къ различенію формальныхъ отношеній служить общій смыслъ рѣчи. Напр. въ „ови вяжемы (=ми) и пятами ихаеми“, Лавр. 95, твор., несмотря на страдательность дополняемаго, есть твор. орудія, п. ч. изъ контекста видно, что не пяты сами по себѣ толкали лицо, составляющее средоточіе мысли (именительный наличный, или чувствуемый, какъ математическая точка), а нѣкто попиралъ это лицо пятами; но въ „печални, мучими, зимою оцѣпляеми“, ib. 96 или въ „ногы имуще сбодены терньемъ“, ib., за предметами, означенными творительнымъ, мы невидимъ другихъ дѣйствующихъ предметовъ: холодъ оцѣпнялъ, терновникъ кололъ, а не нѣкто производилъ эти дѣйствія посредствомъ холода, тернія.

Страдательность сказуемаго есть тоже непосредственное обнаруженіе дѣятельности подлежащаго, его энергія, но такая, которая болѣе всякой другой условлена объектомъ. Такой объектъ, выраженный творительнымъ орудія, и есть разсматриваемая здѣсь категория, которой особность есть лишь другая сторона особности категоріи страдательности въ слав. яз. Въ ней орудіе есть образъ, знакъ, а не означаемое. Твор. дѣйствующаго предмета есть твор. орудія, специализированный страдательностью сказуемаго и условленный ею въ большей мѣрѣ, чѣмъ какой либо другой творительный. Болѣе точнымъ отвѣтомъ на вопросъ, что такое твор. дѣйствующаго предмета, должно служить опредѣленіе круга страдательности, въ чемъ не всѣ между собою согласны. Зикмундъ сопоставляетъ творит. при страд. сказ. (to Bohem jemu пе- 440

bylo dáno) съ твор. при глаголахъ непереходящихъ, „имѣющихъ силу страдательнаго залога“, напр. Bohem vřecke věci stojí, и безразлично относить тотъ и другой къ твор. причины и основанія (Skł. § 112, 4, 5). Подобнымъ образомъ и Миклошичъ (IV 704—6) отождествляетъ твор. при страд. глаг. съ твор. при глаголахъ интразитивныхъ, принимаемыхъ за страдат., каковы быти, fieri, мрѣти, гыбнѣти, пасти, потонѣти, изнемошти, ослабѣти, съхнѣти, иштезиѣти, таяти, горѣти, полѣти, помрѣзѣти, исцѣлѣти и пр., а равно и упомянутые нами выше, какъ течъ, кипѣтъ чѣмъ, болѣтъ чѣмъ. Я считаю болѣе умѣстнымъ отнести эти случаи къ твор. орудія, къ твор. причины, б. м. нѣкоторые къ еще другимъ категоріямъ, только не къ категоріи твор. при страдат. сказ., которая мнѣ представляется болѣе тѣсною. Именно, въ славянскихъ языкахъ страдательность выражается, кромѣ особыхъ причастій, только тѣми изъ глаголовъ съ -са, въ коихъ возвратность есть представленіе, а страдательность—значеніе. Хотя съ личной точки, принимаемой за объективную, можетъ казаться, что въ „дураками свѣтъ стоитъ“ глаголь означаетъ дѣйствіе, столь-же условленное предметомъ въ творительномъ, какъ въ „мною „написано...“; но это точка не грамматическая. Въ языкѣ нѣтъ оборота, который бы служилъ противнемъ вышеприведенному (дураками...) въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ страдательный оборотъ „письмо написано мною“ имѣетъ себѣ пару въ дѣйствительномъ „я написалъ письмо“. Безъ такого противоположенія немыслима ни дѣйствительность, ни страдательность, а лишь медіальность, требующая другого отгѣнка творительнаго. Миклошичъ (IV, 705) говоритъ, что при „женоѣ въздрате злоѣ“, Сунр., активъ былъ бы „жена въздрати злоѣ“; но въ дѣйствительно-

441 сти здѣсь противопоставлены обороты не страдательный дѣйствительному, а средний (субъективный) причинному.

Выше (к) было упомянуто объ отгѣнкѣ твор. орудія въ „промышлять чѣмъ“ и т. п. Подобный творит. въ глаголахъ среднихъ безъ ся непосредственно примыкаетъ къ твор., какъ „писать перомъ“; но при глаголахъ съ -ся могъ образоваться изъ твор. энергическаго, въ тѣхъ случаяхъ, когда медіальное значеніе этихъ глаголовъ возникло не прямо изъ возвратнаго, при коемъ ся чувствуется какъ винительный, а черезъ посредство страдательнаго. Такимъ образомъ напр. печься (заботиться) въ нынѣшнемъ языкѣ во всякомъ случаѣ было бы глаголомъ среднимъ, каково оно уже въ древнемъ языкѣ въ томъ случаѣ, когда предметъ попеченія или заботы представляется точкою, вокругъ которой происходитъ дѣйствіе („непѣцѣса обѣ утрии“); но „печися утриемъ“ могло перестать пониматься, какъ гл. возвратный съ творит. орудія (печь себя посредствомъ чего) и получить значеніе страдатель. („быть пекому чѣмъ“) съ творит. энергич.—значеніе въ свою очередь уступившее мѣсто среднему. Признавая такую послѣдовательность раз-

витія значеній глагола съ ся и творительнымъ въ общемъ вѣрно, не всегда можно рѣшить въ-частности, на которой изъ двухъ послѣднихъ степеней находится глаголь, т. е. есть ли онъ страдательный или средній, почему нѣкоторые изъ приводимыхъ ниже примѣровъ, быть м., могли бы быть отнесены къ отгѣнку твор. орудія, отличному отъ творительнаго энергическаго.

Неньцѣтеса душеѣвашеѣ, что ѣсте, или что пиѣте, ни тѣльмъ вашимъ, въ что облѣчетеса, О. ев., Мат. 6, 25, т. е. или ближе къ „небудете озобочиваемы душею вашею“, или ближе къ „незаботьтесе о душѣ“; нами Богъ да попечеться, жит. Θεод. XII в; оженивыйся печеться женою, како угодити женѣ, Кир. Тур., Кал. Пам. 126; князь обѣщася пецися монастыремъ, Лавр. 80 (182). У Миклошича твор. 442 означающій предметъ заботы, довѣрія, стоящій какъ при гл. съ са (пециса душеѣ), такъ и при гл. безъ са (цѣвати помощиѣ) и прилагательныхъ (довольни оброкн) составляетъ особый отдѣль (IV, 817—8), разсматриваемый имъ отдѣльно отъ тв. при гл. страд. и принимаемыхъ за таковыя и помѣщаемый между твор. основанія („повелѣниѣмъ“=по повелѣнiю, куда однако отнесенъ и случай „чимъ ся мудрый встидасъ, тимъ ся дурный величасъ“) и творительнымъ, означающимъ то, чѣмъ что пахнетъ и пр.

Стыдяться мною, Кир. Тур. ib. 45; нестыдися нищетою, понѣже большая часть мира сего въ ницетѣ ѣсть, Злат. цѣпъ, XIV в., Бусл. Хр. 491; стыдися отця и матере блоудьмъ, сильнааго и властелина о лжи, соудия и князя о съгрѣшенъи, Изб. 1076, 173; такъ еще у Фонвиз. (стыдиться чѣмъ). Я думаю, что это принималось нѣкогда за страдат. оборотъ, сходный съ „быть стыдиму кѣмъ, чѣмъ. При сочетанiи съ родительнымъ, какъ уже въ древнемъ языкѣ („немози, стыдѣвса лица, лжи послухъ быти“, Бусл. Хр. 491) и донынѣ, не только стыдѣтися, но и стыдитися можетъ быть только среднимъ глаголомъ.

Сюда-же можно бы отнести и упомянутое выше (стр. 466) глумитися съ твор. (мною вси глумяться, Кир. Тур. Кал. 46), если глумити было нѣкогда дѣйствительнымъ глаг. При томъ-же самомъ условiи сюда-же и печаловатися съ твор. предмета заботы и предстательства, обычное въ рус. до XVII в. включительно.

Глаголы съ возвратнымъ си, а не ся, могли бы быть причислены сюда, если бы знать, что эта форма возвратнаго мѣстоименiя, несмотря на дательный п., совмѣстима съ переходомъ глагола къ страдательности: Володимеръ съжалиси тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постыня, Ип. 7; утрьуду болѣзнь клѣщитъ мя, выѣбуду досадами укоризньникъ стужаюси (affligor), Кир. Тур., Кал. Пам. 46, что могло быть 443 страдательнымъ оборотомъ, если считать за дѣйствительный „досады стужають ми“. Если это предположенiе справедливо, то сюда-же можно

ты отнести твор. при литовскихъ возвратныхъ съ si: tiketis, nūsitiketi devu („вѣрится богѣмъ“), gerētis (радоваться, находить удовольствие въ чемъ), pasididžūti (величаться чѣмъ), Schl. L. Gr. 268; относительно si въ знач. винительнаго—ib. 303.

Ятися съ твор. въ смыслѣ яту быти: Мьстиславъ же... ни мысли таковой неимѣяше въ сердци своемъ, но истинною любовью обуемся съ братьею хожаше, Ип. 99; тако живяста у любви и сватѣствомъ обуемшеса, Ип. 125, чему противопологалось бы дѣйств. „любы об-у-яла“; а кто что вынеслъ или на поле и въ греблю, или въ учаны, то все поломянемъ взялося, Новг. 1, 80; якоже сами избѣгоша изъ церкви, все поломянемъ взяся, ib., при дѣств. оборотѣ „поломя възя“, какъ „много людій погорѣ въ домѣхъ, вѣборзѣ бо огнь заалъ“ ib.

И тако нужею поведеса (въ страд. см. при дѣйств. нужа поведе) Святославъ отъ Ростиславли любви къ Изяславлу, Ип, 89. Это немѣшаетъ въ слѣд. мѣстѣ понимать нужею какъ тв. образа: жены ведоми (=ы) быша въ плѣнъ, разлучаеми (=ы) нужею (насилно) отъ мужий своихъ, Ип. 100. И бывши распрѣ мнозѣ, снисдошася крестнымъ цѣлованіемъ, Ип. 137; невижу, почему-бы это немогло быть нѣкогда страдательнымъ оборотомъ при дѣйств. цѣлованіе съниде я (подобно дѣйств. глаголамъ нати, разъити).

Бысть же вѣсть Святославу, оже Всеволодича и Олегъ, сынъ его, сложилися любовью съ Изяславомъ, Ип. 89, т. е. были соединены, соглашены любовью (серб. слога, согласіе; ср. ст. р. одиначество), т. е. любовь сложила ихъ.

Увидѣвши князь и владыка и княгыни, яко зажженъ бысть градъ, а 444 людье уже огнемъ кончаваются, а иніи мечемъ, вѣгоша въ святую Богородицю“, какъ бы оканчиваемы мечемъ (отъ меча), т. е. мечъ оканчиваетъ ихъ, причиплетъ имъ кончину. Такъ и нынѣшнее кончиться чѣмъ, т. е. на какой вещи, первоначально могло значить по отношенію къ залогу то-же, что быть окончену какою вещью.

Въ „церквамъ... идѣже имя Божіе славиться, сими же погаными хулиться“, Ип. 121, всячески разсуждая, послѣдній оборотъ страдательный; но кажется, что и „хвалиться чѣмъ“ напр. богатствомъ, значить первонач. „быть хвалиму богатствомъ“, при чемъ въ творительномъ дѣятельнаго предмета недѣлается различія между лицомъ и вещью.

Возможно, что ко глаголамъ среднимъ, получающимъ отъ присоединенія предлога дѣйствительное, даже фактивное знач. принадлежатъ и растаяти, располѣти, и тогда они съ ся черезъ возвратность могли перейти къ страдательности: ледъ невѣрія благо разуміемъ растаяся, Кир. Тур. Кал. 21 (не „отъ благо разумія растаялъ“, а „благо разуміемъ растопленъ“); располѣся гнѣвомъ и разжеса яростью, Ип. 122 былъ или сталъ распаленъ гнѣвомъ.

Въ нов. литер. рус. слѣды страдательности можно видѣть въ радоваться чѣмъ (Карамз.), веселиться чѣмъ (сажая дерево и тѣмъ я веселюсь, что... Крыл.), гнушаться чѣмъ (изстари уже здѣсь и родит. удаленія отъ предм.: „гнушаются мене“, Кир. Тур.), „мятась житейской суетою“, Держ., волноваться, тревожиться, мучиться, славиться, хвалиться, величаться, гордиться (т. е. сначала дѣлать себя гордымъ, потомъ дѣлаему быть гордымъ безразлично кѣмъ и чѣмъ), чваниться, потѣшаться, казниться; бочка настоялась виномъ, т. е. съ предполагаемымъ дѣйствительнымъ оборотомъ „вино настояло бочку“; „то въ свайку съ нею (женою) веселюся, то ею въ головѣ ищуся“, Держ. (теперь неупотр.) т. е. она мнѣ ищетъ въ головѣ; 445 млр. „унав сніжок на обліжок та взявся водою“, и влр. лугъ понимается водою, свѣча (зажигаемая) занимается огнемъ, въ коихъ страдательность довольно явственна (ср. дѣйств. млр. „лужечки й бережечки вода поняла), заставляють предполагать, что литер. заниматься чѣмъ (=польск. *zajmować się, obiegać się, trudnić się, parać się, bawić się czym*, чеш. *zapáseti se, obráti se čím, sich beschäftigen womit*) дошло до нынѣшняго знач. черезъ посредство страдательнаго оборота, коему соотвѣтствующій дѣйствительный съ лексической стороны могъ имѣть отношеніе къ чувственному образу, въ родѣ воды, захватывающей лугъ, или огня, овладѣвающаго чѣмъ.

Въ млр. сюда же журитися: „оженився—зажурився, чи дітками, чи жоною, чи своєю головою, Метл. 75; матінко наша, нежурися ти нами, ів. 278; я дівчинов нежуруся, Голов. Пѣс. I, 168;

„Сами сядуть а вечеряти, тебе пошлють по воду.

„Відро велике, вода далека, ніченка теменькая!“

—Нежурітеся; близькі сусіди, нічкою теменькою:

Ой єсть у мене золотий перстень, він буде мні світити,

Сб. пам. н. т. Сѣверозан, кр. 89.

Величаєцьця, як заяць хвостом; чваницьця, як дурень латкою, Ном. 50, 50, нетурбуйся ж ти, наша матінко нами, Метл. 358; въ зап. млр. и цуратись (на востокъ—только съ род.): та ся мною молодю родина цурає; очи мої чорні, я ся вами дивлю, Голов. Пѣс. II, 416, т. е. не смотрю вами, а удивляюсь вами, вы меня удивляете; лихомъ ёму занудилось, Ном. 75, т. е. лихо ёго занудило? или „лихомъ“ 446 въ см. нарѣчія?

Въ ст. поль. *bo bi był chciał, modlił (obiata) wzdal bich był; ouszem modlamy nebódziesz się kochacz: modla bogu duch smóczony, siercza skruszonego у smerzonego bosze nevgardzysz(=ż)*, Пс. 50 (51), конца XIII в.? (Maciej. Dod. do piśm., снимокъ къ стр. 4).

Въ чешскомъ (Zikm. Skl. § 112, 2) между прочимъ „*slíby se blázni veselí, ale moudří jimi se kají*, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что ка-

яти въ ст. русск. есть глаголь дѣйствит. („кають князя Игоря“, Сл. о П., и въ другомъ смыслѣ „иной понъ того человѣка покаля и дары ему даль“, 1426, Ак. Ист. I, 61), стало быть съ -ся могъ перейти къ страдательности.

Въ серб. (Данич. Синт. 664—5) между прочимъ „части мом се бојим, тужна“ (Гундул.); утраченное бојати есть, по видимому, гл. не только дѣйствительный, но и причинный.

7. **Творит. условленный именемъ и нарѣчіемъ.** Подъ этимъ названіемъ попытаюсь соединить случаи, несоставляющіе одной рѣзкообособленной категоріи, но связанные между собою равномѣрнымъ отличіемъ отъ соотвѣтственныхъ творит. условленныхъ глаголомъ. Если свойство извѣстнаго творительнаго условлено глаголомъ, то этотъ падежъ не можетъ остаться самъ собою, какъ скоро на мѣсто глагола становится другая часть рѣчи—положеніе, однородное съ тѣмъ, по которому напр.: „стыдиться чѣмъ“ есть вовсе не тотъ же глаголь, что „стыдиться чего“. Орудіе предполагаетъ энергію, глаголь. Когда признакъ, который представляется возникающимъ въ глаголѣ, становится даннымъ, готовымъ, результатомъ въ имени, то и твор. орудія стоявшій при глаголѣ получить уже другой оттѣнокъ.

А. Твор. при прилагательныхъ и нарѣчіяхъ сравнительной степени, означающій мѣру того, чѣмъ одинъ предметъ превосходитъ другой (Восток. Рус. Гр. § 132, II, 5; Mikl. Gr. 703), какъ „аршиномъ длиннѣе, верхкомъ короче, головою выше или ниже, рублемъ дороже, многимъ легче, чѣмъ дороже? сколькоимъ? — столькоимъ, малымъ чѣмъ дороже“. Такъ и въ чешск. Zikm. § 115, a; Hatt. Sr. Ml. 50), серб. 447 (главомъ вишиј, Дан. Синт. 572), литов. *plasztaka auksztesnis*, ладонью выше (Schl. Gr. 268). Въ ст. русск. „бѣ бо ему възвѣщено прежде днемъ единѣмъ“, Лавр. 90; „преже своя болѣзни тремя деньми, видѣ сонъ, Ин. 79. Понятно, что это неестъ тв. времени, ни мѣста, такъ какъ въ томъ же грамматическомъ значеніи могутъ стоять въ тв. слова, неимѣющія отношенія ко времени и мѣсту.

Значеніе мѣры безъ примѣси вещественнаго значенія достигается въ союзахъ сравнительныхъ „тѣмъ паче... что...“, „тѣмъ болѣе что“, „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дрозъ“, млр. чим... тим, чеш. *čím... tím*, слов. *čím... tým*, польск. *im... tym*, лит. *jū... tū*, лот. *jū. jū* (последнее и безъ прилагат. въ сравн. ст. значить „чѣмъ больше.. тѣмъ больше: йо дзѣдаю, йо сканея лѣла мѣжа малінй; йо дзивою, йо милею балтаямъ балинямъ, Спр. 198, чѣмъ больше я пѣла, тѣмъ громче раздавалось на краю большого лѣса; чѣмъ дольше жила, тѣмъ милѣе становилась ласковому (=бѣлому) братцу.

Нерѣшая, предполагаетъ ли этотъ тв. значеніе мѣста („дальше верстою“, т. е. на движеніе верстою), или зн. орудія (дальше посредствомъ

версты, т. е. верста, какъ орудіе дѣлаетъ нѣчто болѣе далекимъ), думаю, что по вышесказанному этотъ тв. недолженъ быть смѣшиваемъ съ тв. при глаголахъ означающихъ сравненіе, какъ превосходить, превышать, равняться чѣмъ, польск. *przechodzić przynosić, przesięgać, przewyższać kogo czym*, чеш. *převyšovati* (Zikm., § 114, считаетъ здѣсь тв. за тв. отношенія), серб. *надвисити, претећи* и пр., гдѣ, по моему мнѣ-448 нію, такой же тв. орудія, какъ въ „мѣрять своею пядью“.

Нѣкоторые ученые (Востоковъ, Шлейхеръ, въ *L. Gr.* 268, Данич. Синт. 272 и 4) неотдѣляютъ разсматриваемой категоріи, по крайней мѣрѣ нетщательно отдѣляютъ ее отъ тв. при прилагательномъ независимо отъ его степени. Между тѣмъ въ „плечахъ шире“ мы явственно различаемъ два значенія: одно условленное именно сравнительною степенью („на ширину плечей шире“), другое—независимое отъ этого условія: „въ плечахъ шире“, какъ „въ плечахъ широкъ“.

Миклошичъ (I. с.) тоже невыдерживаетъ въ чистотѣ категоріи „ничимъ же худшій“, присоединяя къ ней случаи „умниль ꙗси (и) маломъ чимъ отъ ангель“, (ср. укоротить, удлинить, уменьшить аршиномъ—тв. орудія) и „маломъ отъ хызины ꙗго“ (тв. мѣста), „въ градѣ отъстоѣнштиимъ отъ Рима маломъ растоѣниѣмъ (тв. мѣста, аналогичный съ тв. времени въ „глазъ мигомъ (на мигъ) неприщура“), „*piędy sprawiedliwości nieodstąpił włosem*“ (на длину или ширину, на протяженіе волоса—тв. мѣста); „литовскимъ бы людемъ отъ нихъ.. грабежу однолично небыло: некрянули бѣ однолично никого ни чернымъ волосомъ (=петронули бѣ ни на волосъ), Пам. дипл. снош. I 183; а мы тебя, царь, ничемъ недвигнемъ, ни чернымъ волосомъ, Пов. о 7 богатыр., Пам. ст. Р. л-р. I, 314. Сюда быть м. и русск. поступиться чѣмъ, хотя „непоступилися своимъ ни волоскомъ“, Крыл. можетъ быть понято и иначе.

Б. а) Твор. при прилагательныхъ, которому затрудняюсь дать имя, хотя нахожу его отличнымъ отъ другихъ. Отъ предыдущаго онъ отличенъ тѣмъ, что независитъ отъ сравнительной степени и неозначаетъ мѣры; между тѣмъ съ тв. „высокъ ростомъ“ онъ несовпадаетъ потому, что въ немъ живѣе чувствуется тв. орудія, быть м. и дѣйствующаго предмета, чѣмъ въ тв. отношенія; съ творит. орудія онъ не можетъ быть отождествленъ, если признать, что грамматич. категорія орудія условлена присутствіемъ глагола и причастія, а съ тв. дѣйствующаго предмета сверхъ того—и потому, что если дѣйствительно существуетъ граница между прилагательнымъ и причастіемъ, прилага-449 тельное не можетъ быть страдательнымъ. Я незнаю къ какому авторитету прислониться въ этомъ случаѣ. Скорѣе всего къ Даничичу (Синт. 572—5), хотя и у него здѣсь смѣшеніе разсматриваемаго тв. съ А и В (см. ниже).

Миклошичъ относить къ одному разряду съ тв. при страдательномъ сказуемомъ между прочимъ и случаи: серб. Marija Jezusom tegotna; ostade iza kralja poseća prvim sinom (IV, 705); стало быть въ русскомъ сюда должно бы быть отнесено беременна, брюхата, тяжела сыномъ, а также вѣроятно и щенна, супоросна, стельна чѣмъ, сколькими; некрасна изба углами (ib. 706); млр. старими людьми село порадне, парубочками село горіжне, а дівочками село весело (Гол. П. II, 34). „Тв. означаетъ то, чѣмъ (что) кто либо долженъ. Если, какъ я думаю, длѣжьнъ находится въ связи съ дрг, tenere, и этимологически означаетъ obligatus, то этотъ тв. тождественъ съ творительнымъ при страд. гл.“ (ib. 707). Сюда же виньнъ, повиньнъ съ тв. Но если корень дрг долженъ намъ доказывать, что тв. при длѣжьнъ значить то-же, что тв. въ „посланъ мною“, то того же мы должны ожидать отъ корня вас, свѣтитъ, блистать, относительно оборота „дівочками село весело“. Между тѣмъ на это послѣднее утверженіе врядъ-ли можно рѣшиться. Я думаю, особенность знач. надежа при данномъ словѣ неможетъ быть опредѣлена этимологическимъ, стало быть прошедшимъ значеніемъ даже грамматической, а тѣмъ болѣе лексической части этого слова. Стало быть, прежде всего оставимъ въ покоѣ корни, какъ дрг, и остановимся на суффиксахъ, а изъ этихъ послѣднихъ—на -ьнъ, наиболѣе сходномъ съ суф. прич. страд. Во-первыхъ, развѣ не очевидно, что это сходство не есть тождество, и въ грам. отношеніи берѣменна, печальна, дол-
450 жна, отлична, безсмѣртна, раздѣльна, трудна, страстна вовсе не то что прич. обременена, опечалена, одолжена, отличена, обезсмѣрчена, раздѣлена, утруждена, пристрашена и т. п.? Во-вторыхъ, беремъ суф. несомнѣнно тождественный съ суф. прич. страд. въ „обязанъ чѣмъ“. Развѣ твор. здѣсь объясняется тѣмъ, что прилагат. произошло изъ прич. страд.? Вѣдь этотъ твор. („онъ обязанъ намъ почтенъемъ“, Крыл.; этимъ вымысломъ я вамъ обязанъ“, Гриб.; „надудутый всякимъ чванствомъ“, Гриб.) находится въ преемственной связи вовсе не съ тв. дѣйствующаго предмета въ страд. „я по жизнь обязанъ вами“ (дѣйств. „вы меня по жизнь обязали“), а съ твор. орудія при дѣйствительномъ: „обязать кого почтенъемъ“, „надуть пузырь воздухомъ“. Въ-третьихъ, я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что о случаяхъ долженъ чѣмъ мы должны судить совершенно одинаково съ „веселъ чѣмъ, кѣмъ“, „носеѣна синомъ“ (прил. отъ прич. наст. дѣйств.), и пр.; но въ этихъ послѣднихъ немогу усмотрѣть страдательности, такъ-же, какъ и въ „тобой мнѣ красенъ свѣтъ“. Это послѣднее вовсе не-есть противень дѣйств. „ты дѣлаешь мнѣ свѣтъ краснымъ“ (т. е. прекраснымъ). Творит. въ „довольни бждѣте оброки вашими, Лук. 3, 14 (такъ и русск., серб., Данич. Синт. 572) Миклошичъ помѣщаетъ не въ числѣ тв. при страд., а въ особый § „тв. предмета заботы, довѣрія, довольства“ какъ пещиса душењ, пѣвати помощињ (IV, 718).

Буслаевъ говорить, что полонъ, а также наполненный, исполненный суть настоящія прилагательныя только тогда, когда сочетаются съ родительнымъ („пѣльнъ оцѣта“ и пр.), „съ творительнымъ (же) принимаются эти прилагательныя за прич. страд. зал., которыя по общему правилу управляютъ этимъ падежемъ“ (Гр. § 259, Пр. 4). Однако въ „стаканъ, наполненный мною виномъ“, страдательность причастія сказывается не во второмъ творительномъ, находящемся въ связи съ твор. при дѣйствит. „наполнить виномъ“, а лишь въ первомъ (мною). Такъ 451 и въ „полонъ чѣмъ“ вопросъ состоитъ не въ томъ, страдательно ли это прилагательное, а въ томъ, есть ли разница въ творительномъ при немъ съ творительнымъ въ „наполнить виномъ?“. По Миклошичу, съ коимъ въ этомъ случаѣ скорѣе можно согласиться, твор. орудія стоитъ не только въ „наполненъ печалью“ (IV, 691) но и въ „ix права рука полна кривою лихою“. Въ древ. инд. невидно разницы между творительнымъ при прилагательныхъ со значеніемъ полонъ, обилень, богатъ чѣмъ и творительнымъ при соотвѣтственныхъ глг., какъ наполнить чѣмъ (В. Шерцль, Синт. др. инд. яз. I, 109).

Быть можетъ, мы приблизимся къ истинѣ, если скажемъ, что разсматриваемый здѣсь падежъ занимаетъ середину между творительнымъ орудія и твор. дѣйствующаго предм. при страдат. сказуемомъ; если же такое различеніе несостоятельно, то лучше видѣть здѣсь просто твор. орудія, расширяя эту категорію и на случаи, гдѣ нѣтъ глагола.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ: въ ст. русск. язъ, брате, тѣмъ нетруденъ есмь, твоя дѣля чести радъ ѣду, Ип. 53; нама дай Богъ нераздѣльно (нар.) съ тобою быти ничимъ же, ib. 58; повиньни будутъ то створьшии прежереченою епитимьею, Лавр. 15.

При ст.-слав. „ѣдинъ длѣжнъ бѣ пятиѣхъ сътъ динарии“, О. Ев. Лук. 7, 41, (см. выше стр. 427) находимъ въ нов.-рус.: „вы должны учтивостью къ дамамъ, Фонв.; червонецъ, которымъ онъ мнѣ былъ долженъ, Трут. Новикова, Бусл. Гр. § 259, пр. 4; мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей, которымъ нѣкогда былъ, долженъ Римъ спасенъ, Крыл.; чѣмъ я виноватъ? мдр. чимъ я виненъ?; кто благостью великъ, какъ Богъ, Держ.; видно молодець механикой былъ страстенъ, Крыл.; нами (корнями) дерево такъ пышно и кудряво, id.; грабительствомъ богаты, Гриб. (т. е. reich durch etwas, а не an etwas); „деньги счетомъ крѣпки“; 452 „рубль цѣль копѣйкой“, т. е. копѣйка дѣлаеть рубль цѣлымъ, такъ-какъ безъ копѣйки рубля нѣтъ.

Для этого твор. мнѣ кажется характеристичнымъ то, что онъ, хотя изрѣдка и встрѣчается въ древ. яз. при существительныхъ (длѣжники ѣдинъ тьмоѣ талантъ, О. ев., Мат. 18, 24), но по правилу, по крайней мѣрѣ въ новомъ рус., необыченъ ни при nom. agentis, ни actionis. Неловко „богатство грабительствомъ“, ни „богачъ грабительствомъ“,

ни въ знач. „посредствомъ грабительства“ ни въ знач. твор. отнош. (см. ниже).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ твор. неотличимъ отъ слѣдующаго, творительнаго отношенія. Такъ, если сюда „полонъ чѣмъ“, то и „богатъ чѣмъ“ (reich an etwas); а если такъ, то и убогъ чѣмъ („Богъ милостію неубогъ“ посл.), бѣденъ, скуденъ чѣмъ (и обѣднѣть, оскудѣть чѣмъ), въ ст. яз. нагъ ризами, б. м. пусть чимъ.

Какъ „полонъ чего“ (род.=abl.) и „полонъ чѣмъ“, такъ въ древ. инд. не только съ аблятивомъ, но и съ твор. сочетаются глаг. удаленія, лишенія и прилагат. со знач. оставленный, лишенный, пустой (В. Шерцль. Синт. 133 сл.). Это можетъ объясняться не тѣмъ, что твор. нѣкогда имѣлъ значеніе аблятива или получилъ это значеніе въ силу какой либо аналогіи ¹⁾, а тѣмъ, что значенія извѣстныхъ глаг. и прилагательныхъ, могутъ разсматриваться какъ со стороны удаленія отъ предмета, такъ и со стороны возникновенія посредствомъ предмета: скр. рупѣна hinah (лишенный красоты) можетъ значить первоначально „оставленной красотою“.

В. Творительн. отношенія.

а) При прилагательномъ: ст. сл. мнѣшая тебе, малыя вѣрстою любвьно прими, Изб. 1076, 45-6; немѣнимъ Бога ч'то глаголюща, пѣ волное повелѣнїе въ часѣ бесприкладнѣмъ скоростію глаголемъ, Io. Экз., Шестодн. 25 (=недумаемъ, что Б. говоритъ нѣчто, но говоримъ, что повелѣнїе (Его) воли (совершается) во время безпримѣрное по скорости); ст.-рус. църкви несказ(ан)ьны лѣнотою, Новг. I. 27; бѣ же Ростиславъ мужъ добль ратенъ, върастомъ лѣпъ и красенъ лицемъ, Лавр. 72; (бози.. живуть) въ безднахъ, суть же образомъ черни, ib. 77; теплѣ на вѣру, кротокъ, взоромъ (на вилѣ) красенъ, ib. 84; бѣ же князь мудръ, и рѣченъ языкомъ, и славенъ полгы, Ип. 135 (пѣлки—тв. не В, а Б, какъ „богатъ грабительствомъ“); Всеволодъ Святославичъ, братъ Игоревъ, во Олговичѣхъ всихъ удѣлѣ рожаемъ ²⁾, и воспитанїемъ, и возрастомъ и всею добротою и мужственною доблестію, Ип. 149; слышавши жена сухорукаа о челоуѣцѣ скорченѣмъ рукама и ногама, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 69. Въ нов.-рус.: О Ты пространствомъ безконечный, теченемъ времени превѣчный, Держ.; высокъ ростомъ, весель

¹⁾ Что вѣроятно относительно позднѣйшаго скр. твор. при сравнит. степ. прил. на мѣстѣ болѣе древняго аблятива, Шерцль. ib. 136.

²⁾ Рожай, этимологически=поль. godzaj, сходно съ рожа и, какъ и рожа, значить лицо: N рожаемъ и волосомъ русъ, глаза сѣры, ростомъ середній челоуѣкъ, 1598, Ак. отн. до ю. б. II. 117, 119; рожаемъ и волосомъ бѣлъ, ib. 122; ср. N волосомъ темнорусъ, лицомъ смуглъ; ib. 126. Сближеніе съ вр. наружи, наружу въ звуковомъ отношеніи затруднительно.

нравомъ, хорошъ собою, хорошъ городъ домами, да плохъ головами, посл.; счастливъ игрой, да несчастливъ женой, посл.; неудачливъ рожей; голуби (дикіе) съ прилета бываютъ чисты перомъ и жирны тѣломъ, С. Акс.; скорбенъ головою; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ (т. е. радъ служить, угостить и т. п., такъ что второй твор. тѣмъ сюда неотносится); онъ былъ уже лѣтами старъ, но младъ и живъ душой незлобной, Пушкин.; растерянь мыслями, чего-то ожидаю, Гриб.; хлопчутъ набирать 453 учителей полки числомъ поболѣе, цѣною подешевле, Гриб. и пр. Тоже въ мдр. (ще ти дитя молоде, розумомъ недійшле, Метл. 419), хотя болѣе замѣняется другими оборотами, какъ на съ вин.

β) При существительныхъ конкретныхъ, какъ великанъ, дубина ростомъ, молодець, красавецъ собою, арапъ рожей, и прямизною стана, лицомъ и голосомъ герой, Гриб.; богатырь ты будешь съ виду и казакъ душой, Лерм. Въ стар. яз. моуринъ тѣломъ, *αἰδιόου τὸ σῶμα*, Будилов. Изсл. 38; „оканьни Агаряне, нечисти, исчадья дѣломъ и нравомъ сотонины, Ип. 121.

Сюда же (какъ у Миклош. и др., а не къ одному разряду съ „сидѣтъ сиднемъ“, какъ у Бусл. Гр. § 246, 'в.)—тв. именемъ, прозвищемъ, прозваніемъ, родомъ, напр. „я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы“, Фонв.; „познатнѣй породю котель“, Крыл., такъ что нѣтъ формальной разницы между „смугль лицомъ“ и „болгаринъ родомъ“. Относительно „именемъ Марія“ слѣдуетъ замѣтить, что это отлично отъ тв. орудія при глаголѣ, какъ „назвать именемъ“, „ругать дуракомъ“ и т. п. При родомъ, происхожденіемъ и т. п. можетъ стоять не простой падежъ, а изъ съ род.: родомъ изъ села N.

γ) Сюда же, повидимому, того лѣта изби мразъ рожъ и бысть убытокъ крестьяномъ хлѣбомъ, Пск. I, 209; между тѣмъ въ слѣдующемъ м. б. и тв. причины (см. ниже): Новугороду было истомно сильно кормы, и вологою, и великими дарми, Пск. I 237.

δ) Очевидно, что между высокъ ростомъ и великъ числомъ (мѣрою, длиною и пр.) нѣтъ грам. разницы относительно творительнаго; но разницы небудетъ и въ томъ случаѣ, если на мѣсто прилагат. поставимъ болѣе сложное опредѣленіе величины: „счѣтавъ ѣ (воѣ), и обрѣте въ нихъ двадесять тысячъ числомъ“, Ип. 120: архимандритъ святого Юрья Лаврентій постави стѣны святого Юрья силою 40 сажень 454 и съ заборолами, Новг. I, 76. Въ нов.-рус. лит. счетомъ пятьдесятъ рублей, рѣка шириною въ двѣ версты (до двухъ верствъ, за двѣ в., около 2 в. и пр.), вышиною съ двухъ-этажный домъ.

ε) Съ тѣмъ же знач., какъ въ „хорошъ лицомъ“, тв. остается и при глаголѣ, предполагающемъ это прилагательное. Это совершенно очевидно при глаг. начинат. среднихъ, какъ похорошѣтъ лицомъ, пополнѣтъ станомъ, чеш. *jedním okem oslnul* или въ ст.-рус. яз. „печални,

мучими, опустѣвше лица, почернѣвше тѣлеса, незнаемою тропою, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, Лавр. 96; но можетъ быть признано и относительно глаг. отыменныхъ дѣйствительныхъ. Именно, кажется, что въ слѣдующемъ предполагается въ языкѣ существованіе оборотовъ, какъ цѣль (простѣ) очима, нагъ ризами: „Никита епископъ жену простилъ очною болѣзнію, Новг. II, 156; въ Възнесеньевъ день у тѣлесь(=е) Никиты епископа простилъ Богъ женушку очима, ib. 158 ¹⁾; въ связи съ цѣлѣти съ твор. можетъ б. „получи исцѣленіе своею очною болѣзнію, Новг. II, Mikl. Gr. IV, 721; и взяша имѣнья множество и церкви обнажиша иконами и ризами, Пск. I, 209.

Впрочемъ подобный творит.—и при глаголахъ непредполагающихъ прилагательнаго съ тв. отношенія, какъ въ „есмя приобижени отъ поганыхъ Нѣмецъ и водою, и землю, и головами, Пск. I, 209; ст. серб. татыми окраденъ всѣмъ житиѣмъ своимъ и до самоѣ постелѣ ѣго, Mikl. Gr. IV, 720; и утре (=ѣ) къ намъ съ того боку пріѣхалъ индучникъ (=индутникъ, сборщикъ индукты, пошлины со ввоза) и сталъ съ Греками уговариваться пошлиною (относительно п—ы), чтобъ шли на явки, и тутъ Греки съ нимъ уговорились пошлиною“, Пут. Лукьян. 1710—11. 17.

455 Древность разсматриваемаго творительнаго, кромѣ распространенія на всѣ слав. нарѣчія (Mikl. IV, 719), свидѣтельствуется его присутствіемъ въ литов. (лит. vėna akimi aklas, слѣпъ на одно око), лот. (варду N, именемъ такойто), др. инд. [въ случаяхъ, какъ „великъ силою“, „какъ небо пространствомъ“, „какъ море глубиною“, цвѣтомъ, видомъ, возрастомъ (по возрасту), тѣломъ, окомъ (на одно о.) слѣпъ, именемъ, Delbr. 67, Шерцль. С. 130—1].:

Относительно названія и особенности этого падежа замѣтимъ:

По Буслаеву (Гр. § 246, 4, а) „хорошъ собой“, „четыре нуда вѣсомъ“ есть тв. качества и отношенія; но первое названіе неприложимо, какъ *lucus a non lucendo*, п. ч. тв. не означаетъ здѣсь качество, а лишь стоитъ при словѣ, означающемъ качество. Терминъ отношеніе, какъ примѣнимый ко всякимъ грам. явленіямъ, безвреденъ, но станетъ опредѣлителенъ лишь тогда, если мы его отличимъ въ настоящемъ случаѣ какъ отъ другихъ творительныхъ, такъ и отъ оборотовъ, называемыхъ отношеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, напр. „съ рожѣ болванъ, а во всемъ таланъ“, „на руку нечистъ“.

По Малецкому, тв. отношенія или ограниченія находится въ близкомъ сродствѣ съ тв. причины. „Онъ выражаетъ не столько при-

¹⁾ По другому взгляду въ ст. яз. простити, независимо отъ своего происхожд. отъ простѣ, какъ глаг. удаленія, сочиняется съ родиг. предмета, отъ коего нѣчто освобождается: се уже третье наведе поганя на землю Русскую (Олеги), его же грѣха дабы ѣ Богъ простилъ“, Лавр. 96.

чину, по которой что либо есть, сколько поводъ такого или иного сужденія о предметѣ: въ какомъ отношеніи дѣятельность имѣеть мѣсто, на сколько нѣчто таково“ Gr. § 695). Въ примѣрахъ, какъ видно уже изъ опредѣленія, смѣшаны твор. при именахъ *plemiona gózne towa, imieniem Jan*) съ твор. орудія (*przechodzić szum*) и причины-основанія (*mojim zdaniem, jesteś na błędnej drodze*).

Говорятъ, что въ „Іосифъ былъ тѣломъ въ Египтѣ, а мыслью въ землѣ обѣтованной“, „нищъ духомъ“ тв. ограниченія означаетъ: „Іосифъ не всѣмъ былъ въ Египтѣ, а только тѣломъ“ „не по всему нищъ, а только по духу“; но въ этомъ смыслѣ во всякомъ твор. орудія известнымъ образомъ ограничивается дѣйствіе. Веберъ (*Skladnja Ilir. jez. § 17*) въ числѣ твор. суц., коими „общее сужденіе, выраженное гла- 456 голомъ, сводится на единичный предметъ (ограничивается), справедливо, но бесполезно для грамматики причисляетъ и „соко' перjem леги, а не месомъ“. Такимъ о. и писать перомъ, опереться локтемъ были бы *instr. limitationis*, п. ч. можно писать и кистью, и пальцемъ, опираться и колѣномъ и пр. По-моему, одинъ и тотъ же тв. орудія какъ здѣсь, такъ и въ „я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю, умомъ громамъ повелѣваю“. Дурж.

У Гатталы къ твор. *vztážnosti aneb ohledu k něcemu* отнесены случаи не только *krasný tělem*, на *žadnym místě životem svym bezpečen nebyl*, но и въ „*v světě bud' tělem, ve mně (Bohu) srdcem* (ср. *Mikl. 51, III, 1*). Зигмундъ образуетъ непомѣрно обширную и разномастную категорію *vztahu, přimeřenosti a přirovnání* (*Skł. § 114*), куда относить между прочимъ „превосходить чѣмъ“, „посѣтилъ св. мѣста примѣромъ (т. е. по примѣру) своего сына“, „годомъ старше“, „разлилось моремъ“, „пахнетъ дымомъ“. Одинъ изъ частныхъ случаевъ этого отдѣла есть, по его мнѣнію, тотъ, когда „творительнымъ ограничиваемъ дѣятельность или качество подлежащаго, высказывая къ чему именно относится наше сужденіе“. Сюда относятся: а) при именахъ *mocny myslí=validus mente, stark am geiste*; б) при глаголахъ „*Josef byl tělem v Egypte, a myslí*“ и пр.; *v jedné ulici bytem byli; měti koho bytem* (жильцомъ, въ постояльцахъ, на квартирѣ) и пр.

Подобнымъ образомъ и у Миклошича (*Gr. IV, 719, 14*) къ твор. означаемому то, относительно чего нѣчто высказывается о предметѣ, безразлично относится не только „тѣпъ умъмъ“, но и твор. орудія („духъмъ съ нами сѣть“, *mlr. „підведися головонькою“* и проч., „превосходить чѣмъ“), твор. образа въ „*v jedné ulici bytem byli*“.

По видимому, особенность твор. отношенія состоитъ а) въ томъ, что онъ, какъ и въ случ. А, Б, стоитъ первоначально лишь при именахъ, 457 а за-тѣмъ сначала лишь при тѣхъ изъ глаголовъ, которые образованы отъ этихъ именъ; б) въ томъ, что въ основѣ его лежитъ твор., объективно означающій внѣшній предметъ: когда прилагат. имѣло значе-

ніе причастія, то „высокъ ростомъ“, значило „ростъ (какъ орудіе) дѣлаеть его высокимъ“. Отсюда, при выдѣленіи прилагательнаго, взято представленіе новаго значенія, по которому твор. есть уже не объективно-внѣшній предметъ, а подставная субстанція, къ которой непосредственно относится признакъ, выраженный другимъ словомъ, и вмѣстѣ съ которою этотъ признакъ относится къ субстанціи представляемой относительно послѣднею: „высокъ ростомъ“ значить поэтому, что высота заключена въ ростѣ и вмѣстѣ съ нимъ относится къ подлежащему. Основной фонъ (тло) предложенія состоитъ въ согласованіи прилагательнаго, его мыслимости въ подлежащемъ, но новое значеніе творительнаго нѣсколько отвлекаеть прилагательное отъ подлежащаго. Творительный здѣсь невыражаетъ субъективнаго основанія нашего мнѣнія, или примѣты, по которой мы доходимъ до чего либо. Дѣятельность мысли и объективное существованіе здѣсь неразличаются, и въ этомъ отношеніи „высокъ ростомъ“ болѣе сходно съ „теплъ на нѣру“, Лавр. 84 (млр. богатый на лати та на дрібні слѣзи, Шевч., хоть ти знайдеш на личко білійшу, та незнайдеш на сердце вірнійшу, чеш. bohatý na zlato, нѣм. reich an gold, breit an schultern“) ¹⁾, чѣмъ съ такимъ оборотомъ, въ коемъ послѣдовательностью во времени (по и т. п.) обозначается отношеніе не только причины къ слѣдствію, но и примѣты къ тому, на что она указываетъ, послыжки къ заключенію (какъ „по уму ребенокъ“ нѣм. dem namen, dem anschein nach и пр.

458

8. Творительный причины.

Здѣсь мы различимъ два случая.

А) Твор., тяготящийся къ одному сказуемому и условленный его качествомъ. Какъ твор. дѣйствующаго предмета при глаголѣ страдат. относится къ именительному при дѣйствит. (сътворенъ Богъмъ — Богъ и сътвори); такъ разсматриваемый здѣсь твор. причины, стоящій при глаголѣ субъективномъ, невозвратномъ по внѣшней формѣ и непредполагающемъ страдательности (стало быть не при такомъ, о какихъ была рѣчь выше, стр. 468 слѣд.), относится къ именительному при соответственныхъ глаголахъ или оборотахъ причинныхъ. Такимъ о. сюда мы относимъ часть примѣровъ, разсматриваемыхъ Миклошичемъ подъ рубрикою твор. при глаголахъ страдательныхъ, или принимаемыхъ за таковыя (IV, 705), какъ „гладьмъ мърѣахъ, Самынсонъ женою погыбе, женою Адамъ въ породѣ потоне, жаждою съхнати, иштезати, изнамагати, огньмъ съгорѣти (въ смыслѣ „отъ чего“, а не „какъ?“ (ib.). Въ старорусск. паче же женами бѣсовская волшвенія бывають, Лавр. 77; изне-

¹⁾ Слав. оборотъ отнюдь не заимствованъ изъ нѣм., какъ, кажется, готовъ думать Гаттала, Sr. MI. 33.

магаху же людьє гладомъ и водою, Ип. 28; а инии Псковичи, безсоніемъ одурѣли, Пск. I, 189; моръ бысть во Псковѣ, железю мерли люди, ib. 203. Въ болѣе новомъ языкѣ, народномъ: „владѣть городомъ, а помираеть голодомъ“; но въ литературномъ нынѣ врядь-ли встрѣчается, если неотносить сюда случаевъ, какъ болѣть, горѣть, пылатъ чѣмъ. Предполагаю, что твор. въ „мечьмъ (т. е. отъ меча) погыбе“ имѣеть себѣ противнемъ именительный „мечь и погуби“ и отличенъ отъ твор. орудія въ „N погуби и мечьмъ“. Творительнаго въ „болѣть чѣмъ“ я неотношу сюда по затруднительности найти соотвѣтственный причинный оборотъ, хотя бы—со словомъ другого корня, чѣмъ „болѣть“. Съ разсматриваемымъ тв. изъ вышеупомянутыхъ сходны: а) тв. при гл. какъ воняеть чѣмъ, который однако отличается тѣмъ, что, какъ ка-459 жется, остается формально неизмѣннымъ и по превращеніи средняго глагола въ причинный или дѣйствит. (напр. пол. smierdzieć czém, naszymdzic czém, навоняеть чѣмъ), и что при неизмѣнности самого средняго глагола названіе той-же вещи можетъ быть поставлено нетолько въ творит. („здѣсь воняеть дегтемъ“), но и въ именит. „здѣсь деготь воняеть“. Между тѣмъ несравненно большее измѣненіе смысла произойдетъ, если вм. „мечьмъ погыбе“ поставимъ „мечь погыбе“; б) тв. въ значеніи „черезъ кого“, „черезъ чье посредство“, „при чьей помощи“ (см. стр. 459 сл.), напр. благословенъ еси, Христе Боже, яко тобою проидохомъ съвозѣ огнь и воду, Ип. 103, который тоже отличенъ тѣмъ, что независитъ отъ качества глагола, но въ томъ же смыслѣ ставится и при глаголѣ дѣйствительномъ.

Б) Твор. причины, независимый отъ качества глагола. Свойства этого падежа сказываются въ образовавшихся изъ него союзахъ: стар. имъ же, отъ мѣстоимен. относительнаго и млр. чимъ отъ мѣст. вопросит., поставляемыхъ передъ предложеніями, означающими слѣдствіе: сего дѣла варихъ бѣжати въ Тарсисъ, имже разумѣхъ, яко милостивъ ты єси, Иона 4, 2 (Упирь Лих. Бусл. Хр. 143); чимъ воно такъ на свѣтѣ діетця, що..., стар. тѣмъ, тѣмъ же, млр. тимъ, тимъ-то, передъ предложеніями, означающими причину: у Києва бо бѣше перевозъ тогда... тѣмъ глаголаху: „на перевозъ на Києвъ“, Лавр. 4 (9); мр. тимъ я тебе незаймаю, що сватати маю, тимъ до тебе негорнуся, що слави боюся, Метл. 105. Союзовъ этихъ неслѣдуетъ смѣшивать съ сравнительными чѣмъ—тѣмъ и пр., о которыхъ выше. Въ случаяхъ „варихъ бѣжати тѣмъ.. имъ же..“ явственно, что тѣмъ стоитъ не при одномъ какомъ либо членѣ своего предложенія, а при ихъ совокупности. Такъ было и тогда, когда это слово имѣло вещественное значеніе, и лишь благодаря 460 этому оно, ставши союзомъ, стало связывать не члены предложенія, а цѣлыя предложенія. Между тѣмъ творит. мѣста, орудія, образа тяготѣль бы въ подобномъ случаѣ или ко глаголу или къ неопредѣленному н. „варихъ тѣмъ“ или „бѣжати тѣмъ“. По этому уже въ древ. яз. яв-
Потевня, Изъ зап. по русс. грамматикѣ. 31

ственно различались тв. мѣста (ѣхать льдомъ) и тв. орудія (ѣхать лодкою) отъ тв. причины, напр. въ „Ярополку бяше нельзѣ перевезтися крами, Ип. 13 (по причинѣ „крыги“, поль. kгу, ледохода); твор. прич. отъ тв. образа: „и разыде ны съ ними рѣба, и нельзѣ бѣ ны ся съ ними тою рѣкою (тв. прич.) битися полкомъ (тв. обр. асіе certare, строй со строємъ, лава на лаву, въ строю), Ип. 37. Рядомъ стоящіе твор. дѣйствующаго предмета и причины явственно различаются тѣмъ, что первый условленъ страдательностью сказуемаго, а второй независимъ отъ нея: „Льстько убѣенъ бысть.. Святополкомъ Одовичемъ (тв. дѣйств. пред.), совѣтомъ (тв. прич.) бояръ невѣрныхъ, Ип. 168. Послѣдній тв. остался бы и въ „убиша Лестька совѣтѣмъ бояръ“. Его относительная независимость равно чувствуется и тамъ, гдѣ онъ одинъ стоитъ въ предложеніи со страдат. сказуемымъ: „естъ же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ“, Лавр. 107. Впрочемъ въ иныхъ случаяхъ дается возможность двоякаго пониманія, напр. если тв. въ „небуди самохотью лишень вѣчнаго житъа“ (Изб. Свят. 1076) есть тв. дѣйствующаго предм., то это значитъ „пусть своя воля (ср. мпр. нарѣчіе самохитъ) нелишитъ тебя вѣчн. ж.“; если же здѣсь тв. причины, то смыслъ: „пусть вслѣдствіе своеволія (твоего) тебя нелишатъ (другіе) вѣчн. жизни“.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ твор. причины (Б) въ стар. русск.: мьстился быхъ, но нельзѣ Ростиславичи, Ип. 122;

гражены (= аны) небѣ лзѣ убити его, Лавр. 33; небѣ лзѣ озеромъ
461 Печенѣгомъ помагати, ib. 61; небѣ лзѣ вкратися въ градъ множествомъ
вой ратныхъ, ib. 94; смородѣмъ нелга вылѣзти, Новг. I, 5 (отъ вопи
нелзя выйти на улицу); пльзѣ бѣше доити до тѣргу сквозѣ городъ,
ни по гребли, ни на поле выити смороды, ib. 12; гонина ихъ бѣюче,...
якоже немочи ни коневи ступити трупѣмъ, ib. 60; приѣха митрополитъ
Осгпость гречинъ въ Новгородъ съ многими людьми. Тяжко
бысть владыцѣ и монастыремъ кормомъ и дары, ib. 81 (ср. выше стр.
477); коли крестять дѣтя.. даже (= да оже = если) непринесуть его
ни на вечерню, ни на заутреню, ли работою, или убожьствомъ, или како
хотяци.. дати ли ему причащаніе на литургіи? Впраш. Кюр. Калайд.
Пам. 185—6; поиде Володимиръ въ Новгородъ своими орудыи, Новг. I,
35 (по своимъ дѣламъ); иде князь Всеволодъ въ Смоленскъ своимъ ору
діемъ, ib. 38 (ср. Бусл. Гр. § 246, 4, 2: а которые иногородцы при
ѣдутъ въ Шую какимъ дѣломъ ни буди, Шуйск. акт. 1606); въ сеже
лѣто ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю повелѣніемъ Ярополцѣмъ,
Новг. I, 6; митрополитъ же Микифоръ нехотяше поставити его, но не
волею великою Всеволода и Святославлею постави Луку епископомъ,
Ип. 127; нужею королевою и мужій его (= по понужденію).. начашася
съ нимъ ладити, Ип. 68 [между тѣмъ въ „Володимера поя съ собою,
нужею (= насильно) отъима добытокъ“, Ип. 137, м. б. твор. образа

дѣйствія, а въ „и тако нужею поведесе Святославъ отъ Ростиславли любви къ Изяславу“, Ип. 89,—тв. дѣйств. предмета: „нужда повела“]; а оружья неспимайте съ себе вборзѣ, нерозглядаше лѣнощами, внезапно бо человекъ погыбаеть, Моном., Лавр. 102; и ту гневъ (съ гнѣву, въ сердцахъ) повелѣ воевати много, Ип. 80; и тако волхвуютъ наученьемъ бѣсовскимъ, Лавр. 77; непомянеша всего того, иже створихомъ своимъ безуміемъ, Ип. 83 (по безумію); Ростиславъ же нехотяше пустити его отъ себе любовью, Ип. 89; Святославъ же нелюбьемъ рче ему: „брате и свату... Ип. 142 (смотря по контексту, это могъ бы быть и 462 тв. образа: „нелюбовно“); отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть нѣкакомъ полученіемъ (по какой-то случайности), небаышетъ бо лзѣ ни бѣгающимъ утечи, Ип. 132; (недумаю, что бы правъ былъ Миклошичъ, относя серб. „буздоваи несреѣом ковачевом прсне“ къ творительному „означающему обстоятельства, сопровождающія дѣйствіе, въ случаяхъ, когда встрѣчается и предлогъ съ съ твор.“, напр. «динѣмъ окомъ вѣннити въ цѣсарьствѣ Божиѣ, Gr. IV, 725); Рюрикъ же баышетъ и гнѣва ему отдалъ Никифоромъ митрополитомъ Кіевскимъ, Ип. 149 (по представительству..). Позднѣе: „проступитъ отецъ, ино отца казнити; проступитъ сынъ, ино сына казнити; а отца сыннею виною неказнити, а сына отцовою виною неказнити“, 1529, Ак. З. Р. II, 208.

Въ новомъ литер. яз. этотъ твор. становится все рѣже къ нашему времени. У Держав. „неизбѣжнымъ нашимъ рокомъ разстаешься ты со мной“. На мѣсто этого твор. ставятся разнообразныя описанія (какъ „по причинѣ“, „вслѣдствіе“) и грам. построенія: отъ страху, съ голоду, по лѣности, за недосугомъ, черезъ это, из-за тебя. Такъ же рѣдко этотъ тв. и въ млр.: чи долищом, чи дворищом (чи по долищу, чи по дворищу таке лихо), Ном. 43. Обычны замѣны: за слѣзами, слова непромовитъ и др.

9. Твор. образа дѣйствія.

Сюда относимъ тѣ-же случаи, которые разумѣть подъ этимъ названіемъ Буслаевъ (Гр. § 246, 4, 6), кромѣ относимаго имъ сюда тв. въ „именемъ Лазарь“, который мы считаемъ за тв. отношенія, какъ „красивъ лицемъ“. У Миклошича то, что мы здѣсь разсматриваемъ, собрано на стр. 708—16, подъ числами 8—10 (съ нѣкоторыми исключеніями) и разсѣяно въ другихъ параграфахъ: 15 (стр. 722), 16 (723—4), 18 (стр. 726), 19, III (732—4). По Буслаеву тв. образа служитъ отвѣтомъ на вопросъ „какъ?“. Опредѣленіе это недостаточно, ибо, неговоря уже о несомѣстности съ цѣлями грамматики обширной категоріи качества (см. выше 71), и понимая „какъ“ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, 463 прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить и другіе творительные, между прочимъ творит. общности, мѣста, времени, орудія, напр.

какъ вы ѣхали? льдами; ходить кривыми, окольными путями, млр. манівцем, манівцями (въ переносномъ смыслѣ); пить какъ? — недѣлями (запоемъ); писать какъ? — масляными, сухими, водяными красками. Впрочемъ вопросъ „какъ“ заключаетъ въ себѣ вѣрное указаніе грамматическаго свойства, именно то, что надежь, служащій отвѣтомъ на него, въ большей или меньшей мѣрѣ теряетъ реальность объекта и приближается къ адвербіальному значенію, за-тѣмъ становится нарѣчіемъ ¹⁾. Для тв. образа характеристична именно его разносоставность по происхожденію: въ него втекаютъ различные творительные при легкомъ измѣненіи своего значенія, по направленію къ потерѣ субстанціальности; онъ есть моментъ, предшествующій переходу дополненія въ нарѣчіе, такъ что предполагается и нарѣчіями мѣста и времени. Мы относимъ „только душою останася“ къ тв. соціативному, имѣя въ виду не послѣдній моментъ развитія этого оборота, но признаемъ возможность и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, дѣйствительность перехода этого тв. въ тв. образа. Выраженія „головою повалю за Новгородъ“, Новг. I, 33, „костью лечи“ Ип. 105; побѣгоша на лѣсъ, а иніи ту костью падоша, Новг. I, 30, Буслаевъ въ 1-мъ изд. своей грамматики отнесъ къ тв. орудія, но потомъ согласился съ К. Аксаковымъ (Русск. Бес. 1859, VI, 77), который здѣсь и въ „упалъ лицомъ на землю“ видитъ тв. образа, какъ въ „ити шагомъ“. Думаю, что здѣсь, какъ и относительно „собою“, оба мнѣнія могутъ быть справедливы. Хотя въ „дѣвку достають собою“ явственно зн. тв. орудія, но въ другихъ знач. этого слова (стр. 461) это значеніе, затемняясь, переходитъ въ творит. обр. Точно такъ и „повалю головою“ будетъ тв. оруд. или обр., смотря по 464 степени ясности, съ которою представляется голова, какъ часть тѣла и замѣна личности. Здѣсь рядъ отгѣнковъ, начинающійся со значеній орудія („удариться обо что головою“), идущій черезъ знач., какъ „упасть внизъ головою“, „вверхъ ногами“, „сѣсть спиною“, „стать бокомъ“, млр. поставити рубом (на рубецъ, на грань), къ знач. усиленія („того самого головой возьметъ“ — самого лично, Бусл. Гр. § 246, 4, 6), „головою незнаю“ (вовсе, Даль, Слов.), что напоминаетъ млр. „кого родом (вовсе, съ роду) я незнала, присудив мя дідько (Костом. въ Сб. Морд. 276), хотя послѣднее можетъ ити отъ тв. времени. „Жить головою“ идетъ отъ знач. „посредствомъ (одной) своей головы“ къ знач. „жить одиноко, безсемейно“ (Даль, Сл.). Если въ „высылаху льстбою“ — твор. орудія, то это значитъ приблизительно, что хитрость была для нихъ какъ-бы рычагомъ, коимъ они высылали NN. Прямого объекта можетъ и небыть, но если онъ есть, то испытываетъ на себѣ вліяніе орудія. Но изъ контекста видно, что „льстбою“ есть здѣсь только моментъ

¹⁾ Такъ и въ другихъ языкахъ, какъ литов. (Schl. Gr. 269), др. инд. (Шерцль Ситт. 131—2, на пр. ртѣна, прямью, мрямикомъ, днармѣна чествою, крамѣна рядомъ (но рядомъ), мухуртѣна мигомъ, пракртjâ родомъ, отъ природы и пр.).

дѣйствія, неотдѣляемый отъ этого послѣдняго, и потому, какъ тв. обр., самъ по себѣ невляющій на возможный прямой объектъ.

У Миклошича особый парагр. (Gr. IV, 714) обнимаетъ тв., означающій то, согласно съ чѣмъ (*in gemässheit dessen*) нѣчто совершается, напр. бѣ чрѣдоꙗ служебница, бисеры числомъ прѣдаютъ и при-смылють, судити правомъ майтборскимъ, „тѣмъ вѣдомімъ“ (сколько я знаю...). Ср. въ санскр. и др. Delbr. 68. Существенно здѣсь не то, что эти обороты переводятся посредствомъ „*dem gemäss*“, „*der reihe nach*“, „по очереди“, „согласно съ правомъ“, и пр., потому что въ такомъ случаѣ мы бы должны присоединить и тв. причины „наученъемъ дьяволимъ пригнася князь Феодоръ.. съ баскакомъ Новг. I, 76. Между тѣмъ „чрѣдоꙗ“ или у Держав. „младья дѣвы угощаютъ, подносятъ вины чередой“ очевидно не есть тв. причины. Существенно то, что напр. въ „да 465 ротѣ ходить своею вѣрою“, Лавр. 14, видна подкладка творительнаго орудія, но нѣтъ его субстанціальности, такъ что „своею вѣрою“ есть не нѣчто отличное отъ присяги, а ея способъ. Сюда же „поиде поймавъ старѣйшіе мужи съ собою новгородьстии и молодыхъ изборомъ (по выбору), а Новотържъци вси“, Новг. I, 34; приѣха владыка Еуѡимей во Псковъ.. не въ свой подѣздъ, ни въ свою череду, но паровою, Пск. I, 209 (по прихоти, произвольно). Въ нов. яз. „кто промелькнетъ, отворить дверь, проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, изъ далека,—съ вопросомъ я“, Гриб. (ср. серб. среѡом, згодом, Данич. Синт. 575—6, въ смыслѣ болѣе близкомъ къ случайно, чѣмъ къ „отъ случая“); „случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали, ошибкою добро о комъ-нибудь сказали?“, Гриб.; сдавать вещи счетомъ; жить своимъ обычаемъ; млр. ходити своимъ робомъ (своеобразно, самостоятельно).

Независимо отъ своего вещественнаго значенія, въ творительный образъ и формально переходятъ выраженія, соответствующія латинскому *mente*, переходящему въ окончаніе роман. нарѣчій (ит. *pienamente*, фр. *pleinement*), какъ „такимъ образомъ“ (сдѣлалъ, случилось то-то), млр. такимъ (якимъ) побитомъ, чеш. *žadnou měrou, žádným způsobem, pečlivým činem jí Janu poručil*; *trojím činem boj proti němu učinili; žadost chvaly zdějši muž býti trojím činem* (въ тройкомъ отношеніи, тройко) *hřích smertedlný* (Zikm. Skl. § 113, 5), какъ въ рус. XVII в. „или хто хмѣльнымъ дѣломъ промежь себя подеретца“ (Бул. Гр. § 246, пр. 8); въ тѣ мои деревни.. дядимъ (= дядьямъ) и братьямъ дѣла нѣтъ некоторыми дѣлы, Ак. отн. до ю. б. I, 566 (= ни по какимъ дѣламъ, за тѣмъ „ни какъ“, „вовсе“); а безъ в. кн-я Казимировы воли мнѣ ни съ кимъ недокончивати ани пособляти никому некоторыми дѣлы, 1442, Ак. З. Р. I, 55; а нѣкоторыми дѣлы (= если какъ либо) тое ся станетъ.. ино.. 1448, ib. 62; жили они небогатымъ обычаемъ (= небогато).. въ домѣхъ своихъ дѣлали денги въ погребахъ тайнымъ обычаемъ (= тайно), Котоших. ² 82. Въ ст. рус.

живяху звѣриньскимъ образомъ, Лавр. 6, что формально, мнѣ кажется, не представляетъ отличія отъ „бѣ жива (Володимеръ) съ князи околними миромъ“, Лавр. 54 (нѣтъ нужды предполагать въ основаніи, ни въ наличности соціативнаго „съ миромъ“); того дѣла извѣщающа передъ вами, да Богъ ми будетъ и того Рожьшия, яко непослати ми къ Всеволодичю никимъ же образомъ, Ип. 92; явися звѣзда велика на за-
466 падѣ копѣйнымъ образомъ, Лавр. 13; той весны бысть моръ великъ въ Псковѣ и знаменіе железю, Новг. I, 95; баше моръ въ Псковѣ надъ людьми железю, ib. 103; моръ бысть въ Новгородѣ железю, ib. 110; Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, Лавр. 64 (если бы было „наводитъ казнь гладомъ“, то былъ бы явственный твор. оруд.); стоя все лѣто ведромъ и пригорѣ все жито... (на-зиму) ста вся зима тепломъ и дѣжгемъ и громъ бысть, Новг. I, 13; крестьянымъ — егда отъобѣдати, тогда и отпити, а ты сѣдиши весь день питьемъ, ни орудій моги к тому створити ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ (сл. о пьянствѣ, до XIV в. Бусл. Оч. I, 559). Сюда въ новомъ яз. мр. „не сидѣли голодомъ ни одинъ день“, Кв. Б. д.; литер. „ненужно оставаться голодомъ (= вироголодомъ), боясь нарушать приличія“ (Сущевскій), между тѣмъ какъ въ „чѣмъ пропадать вовсе голодомъ (= отъ голоду), искать пришлось ауловъ“ (Даль)—тв. причины. Подобнымъ образомъ „ходити небреженьемъ“—тв. обр. (они же (Русь) оплошишася и небреженьемъ хожаху, досѣхи своя складоша на телѣгы, а ины въ сумы, Новг. IV, II. с. Р. л. IV, 73), а „гнуги небреженьемъ“—тв. прич. изъ тв. орудія.

Предъ княземъ же паче бойся лѣжью (= лживо) глаголати, Бусл. Хр. 649, XIV в.; высылаху къ нимъ (осаждающимъ) Югра льстьюю (не „съ льстьюю“, а обманно, собираясь надуть), Новг. I, 21; Чюдъ начаша слати съ поклономъ льстью, ib. 35 (присутствіе соціативнаго „съ поклономъ“ явственнѣе обозначаетъ, что „льстью“ есть твор. обр.; ср. мдр. лестю-б душу 'ддало, а чортова думка, Ном. 60); а что есть сего зла злѣе, ꙗже ходити лжею предъ Богомъ, Новг. I, 89; цѣлую къ вама крестъ, якоже ми на васъ непозрѣти лихомъ, Ип. 101; между тѣмъ въ „вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ“, Ип. 88, чувствуется не твор. обр. (всячески), а еще твор. орудія (всякими средствами). По Миклошичу, выраженія „неходяще луками“ (*ἐν πανουργίᾳ*), „ходящимъ незлобою“, иже въ миру ходящии бѣдѣныи и адчѣбами“ находятся въ связи съ твор. соціативнымъ, какъ „бѣ надърусъ, плънома очима“ (Gr. IV, 725 в.). Въ непосредственности такой связи я сомнѣваюсь.

Одинаково съ „ходити льстью“, „лжею“ слѣдуетъ понимать слѣдующія опредѣленія способа движенія и пребыванія: иде Всеволодъ на
467 Суждалъ ратью и вся Новгородская область, Новг. I, 6 (т. е. не

„съ ратью“ въ смыслѣ войска, что даже невозможно, такъ-к. именно Новгородская область и составляла войско, а „войною“, какъ и нынѣ); царь на мя грецкый встаетъ ратью, Лавр. 53; язъ есмь не ратью пришелъ къ вамъ, зане есте людіе мили отцю моему, Ип. 80; пришедъ Свѣя войною и взяша пригородъ новгородскій, Новг. I, 104; гдѣ бо бѣшеть ему обида, самъ неходяшеть полкы своими, но посылашеть я съ воеводами, Ип. 135 (въ основаніи можетъ б. такое знач. какъ „ходить ногами“, „ѣздить тройкою“, такъ что нѣтъ нужды предполагать непременно соціативность „съ полками“); ср. Черніи Клобуци, жены своя и дѣти своя въ городѣхъ затворивше на Поросѣи, а сами приѣхаша къ Изяславу всими своими силами, Ип. 51 (неудобно пониманіе „со всѣми силами“, такъ что „они“ и „ихъ силы“ нѣчто различное, ибо они-то и составляли свои силы). По Миклошичу (IV, 723—4, 16) „пришьдъ ратью“ „придоше гусою“ (разбоемъ, набѣгомъ, сред. лат. *cursa*, откуда *cursarius*, корсарь и гусарь) относятся къ твор. означющимъ то, съ чѣмъ нѣчто соединено, какъ въ случаяхъ „жер се, поне, царом завадисмо“ „није лако богом ратовати“ (т. е. съ царемъ, съ Богомъ). Во всякомъ случаѣ „ратью“ (тв. обр.) и „съ ратью“ (вмѣстѣ съ.) издревле уже различаются.

Однородно съ „ити войною“ и слѣдующее: поити на Половцѣ вборзѣ изъѣдомъ, Ип. 134; пригнася князь Ѳеодоръ Кыевскій съ баскакомъ въ пятидесять человекъ разбоемъ, Новг. I, 76; идоша на дворы ихъ грабежемъ, ib. 30; ударилися въ ночь разбоемъ ратью на нашу волость, Пск. I, 250; и онъ невѣрный поиде опоромъ къ городу и много головъ своей рати остави, Пск. I, 203 (ср. польск. *oporem* = *jak z oroki* не въ томъ смыслѣ какъ у Линде, „съ трудомъ“, а стремительно, 468 стрелавъ 1); ср. пора, сила (Mikl. Gr. II, 11—2): „немогу я на добромъ конѣ сидѣть и во всю конскую пору (=во весь опоръ) скакать, Ск. про Бову, Пам. др. писъм. 1879, I); ходиша Островичи подъ Велья торонемъ, ib. 204 (кор. тороп, ср. ударившася на нихъ Новгородская рать торонь, а наши исполошилися вси Пск. I, 241); послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича посольствомъ, Новг. I, 79; коли есми былъ у в. кн. отъ господара своего. посольствомъ, и твоя милость тогда... 1493, Ак. З. Р. I, 129; сторожа маеть чергою быти, 1508, ib. II, 37 (=должна отбываться по очереди).

Ненаходя формальной разницы между „поити торонемъ“ и „поити грабежемъ, посольствомъ“, т. е. когда твор. означаетъ нѣчто будущее по отношенію ко глаголу (пойти для совершенія грабежа), я думаю, что можно недѣлать изъ послѣднихъ случаевъ и имъ подобныхъ особаго разряда „твор. означающаго намѣреніе и послѣдствіе или осуществленіе (*dis absicht und den erfolg*), Mikl. Gr. IV, 722, 15; въ скр. В. Шерцль, Синт. 122—5. Другіе примѣры, приводимые здѣсь Миклошичемъ, объясняются частью такъ-же, какъ тв. образа: смртју ранен=смертельно,

възеть мужа бракомъ; даже „осъдѣти смъртью“, „осъдѣти неглаголаніемъ“ формально могутъ значить не „на смѣть“ (чтобъ умерь, отношеніе цѣли), „на молчаніе“, а пониматься такъ, что заключеніе или приговоръ являются обстоятельствомъ, сопровождающимъ самое дѣйствіе суда, какъ въ прилагательномъ „смертный приговоръ“; частью же эти твор. суть твор. причины: „яздешту нѣкоторою работою“, „који народнимъ посломъ иду“ (за народнымъ дѣломъ, по дѣлу).

469 Повелѣ купити себѣ козелъ и одра мѣхомъ козелъ и овлече на власяницю, Лавр. 82—твор. обр., совершенно такъ, какъ напр. „снять кору дудкою, а не полосою“ „драть кожу ремнями“, „стоять, лежать, поставить, положить рядами, полосами кругами“ и т. п. Тутъ вовсе нѣтъ значенія „для мѣха“, а потому нельзя видѣть тв. цѣли и находить *probleme*, предвзятіе въ „одрати мѣхомъ“, *den bock schinden, so dass man den schlauch erhält* (Mikl. IV, 734).

468 Къ „ити войною“ относятся и случаи: Новгородци вѣчемъ стаха на Ярославлѣ дворѣ, Новг. I, 90; стаха пѣлкомъ (т. е. „въ видѣ строя“, построились) на княжи дворѣ, *ib.* 38; стаха около городища шатры, *ib.* 43; и они, стоявъ 5 дней шатромъ на ноли... Пск. I, 250 (какъ и теперь стоять обозомъ, станомъ, кошемъ); Θεодосій... лежащъ мощьми, въ състави нераспалися бяху, Лавр. 90; Митрополитъ... изя руку блаженаго Бориса (бѣ бо мощими лежаи) и цѣловаше, Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 33. Миклошичъ (IV 723—4) видитъ здѣсь соціативность, какъ и въ „ити браию“; но здѣсь прямой переходъ отъ тв. орудія. Какъ-бы ояъ къ отчинѣ своей пришоль добрымъ концемъ, безъ кровопролитья, 1486, А. З. Рус. I, 109 (=благополучно).

469 „Держали мя есте хлѣбокормленіемъ“. Новг. I, 105, въ томъ же грам. смыслѣ, какъ и „стоять постоемъ“, мр. „стали ёго (салдата) распитуватись, чи тутъ проходомъ, чи постоемъ? Кв. С. п., независимо отъ залога глагола.

„Наші украинці селами и городами сиділи“ значить не „in den dörfen und städten (твор. мѣста, Mikl. IV, 685), а „dorfweise“ (твор. обр.), равно какъ и „ми посіемъ сіваночки довгими нивами“ не *auf den langen äckern* (Mikl. *ib.*), а въ томъ смыслѣ, какъ посѣять рядами.

Случаи, какъ „писать каракулями“, „молотить сыромолотомъ“ „ружье несетъ дробь кучею“, „зарядъ ложится рѣшетомъ“ „птицы летаютъ стадами“, „журавли—ключомъ“ „рыба ходитъ рунами, руномъ“, „люди снують толпами“, „чумаки ходятъ валками“, „кровь льетсяя ручьемъ“, „течетъ каплями“ и т. п., которыхъ, но ихъ многочисленности, невозможно перебрать (Mikl. IV, 708—11, I), незамѣтно и безъ формальнаго различія сливаются съ тѣми, въ коихъ твор. обр. вещественно означаетъ мѣру и число (Mikl. *ib.* 711, II): „летать, ходить, лежать, ста-

вить и пр. десятками, сотнями, тысячами“, „лить ведрами, бочками“, млр. іди, іди, дощичку, цебром, відром, дійницею...

Зикмундъ (Skł. § 117, 1. в.) и Миклошичъ (IV, 735) принимаютъ, что „dal jest wѣnem („за вѣно“) pŭl kramu masného“, „darem to obdržel, poslal“ формально тождественны съ „zeté svѣho knížetem miti“ (стар. зяти имѣти кнѣзя, = имѣти княземъ), „syna svѣho po sobѣ králem osta- 470 vil“, т. е. принадлежитъ къ такъ наз. твор. предикативному, замѣняющему въ относительно позднемъ языкѣ вторые согласуемые падежи. Но мнѣ кажется сомнительнымъ, что глубоко древнее „даромъ дати, взяти“ (dono dare, accipere) предполагаетъ второй винительный „дати чьто даръ“. Первый оборотъ могъ возникнуть независимо отъ второго. Творительный образа „даромъ дать“ мнѣ кажется, такъ относится къ твор. орудія въ „снабдить, надѣлать кого подаркомъ, какъ твор. обр. въ „которой женится вторюю женою на дѣвицѣ“ (Котоших. Бусл. § 246, пр. 8) къ твор. орудія „оженися Мьстиславною“. Ср. туга, бѣда на всѣхъ! отецъ и мати чадо свое всаажаше въ лодью даромъ гостѣмъ, Новг. I, 5, откуда наше нарѣч. даромъ.

Подобно тому, какъ твор. въ „моръ бысть железю“, стоящій при глаголѣ или при подлежащемъ и сказуемомъ, взятыхъ вмѣстѣ, можетъ стать дополненіемъ одного существительнаго („знаменія птицами“ въ „знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли (знаменія) птицами, ли егеромъ чимъ, не (на) благо бывають, но знаменья сиця на зло бывають“, Лавр. 71 (162); и въ случаяхъ „сдать съ рубля полтину 471 копѣйками“ твор. сростается съ однимъ (безглагольнымъ) существительнымъ: „присла Гюрги дары многы паволокою и скорою, Ип. 29; многы дары высла арципискупу... златомъ и сребромъ и съсуды златыми и сребреными и порты, Ип. 68; въ нов. яз. „взятка щенками“, рубль серебромъ“, „полтина мѣдью“, „тысяча ассигнаціями“, „подати натурою“, „ясакъ пушнымъ товаромъ“. Ср. выше стр. 458—61, 477.

Малозамѣтная или фиктивная субстанціальность творит. образа находится въ связи съ тѣмъ, что, какъ упомянуто, этотъ падежъ особенно часто переходитъ въ нарѣчіе. Нерѣдко между нарѣчіемъ отыменнымъ и падежемъ нѣтъ внѣшняго различія и граница между ними проводится лишь тѣмъ, что падежъ, какъ дополненіе, связанъ съ всѣмъ склоненіемъ, а нарѣчіе изъ падежа стоитъ для обыкновеннаго сознанія внѣ этой связи. Такимъ образомъ въ „говорить шопотомъ“ можетъ быть еще творит. образа (при именит. шопотъ), а въ „нагишомъ, босикомъ, нѣшкомъ, млр. тѣшкомъ, нѣшкомъ, польск. chyżkiem, duszkiem и т. п.—нарѣчія, такъ какъ такихъ существительныхъ или вовсе нѣтъ, или они имѣютъ другое значеніе. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ русск. можетъ пользоваться удареніемъ для различія существительныхъ и на-

рѣчій, напр. верхомъ, бѣгомъ (нар.) и вѣрхомъ, бѣгомъ (сущ.), хотя и верхомъ тоже можетъ оказаться существительнымъ. Так. обр. нерѣдко невозможно со стороны опредѣлить содержаніе сознанія говорящаго, его точку зрѣнія на форму. Напр. рысью, иноходью, млр. ходю, польск. swałem, klusem, при коихъ стоятъ цѣльныя склоненія словъ „рысь“ и пр., суть въ нѣкоторыхъ случаяхъ творит. образа, или нарѣчій, смотря по тому, какъ, безъ своего вѣдома, смотритъ на нихъ говорящій (стр. 122). Изъ другихъ средствъ выдѣленія нарѣчій укажемъ: а) на довольно рѣдкій случай, когда при твор. образа ставится особое несогласуемое слово для указанія нарѣчности падежа, напр. въ млр. „паном-діло, козак-ом-діло жив“ — нарѣчія, при сомнительномъ относительно значенія „жити паном“. б) Чаше встрѣчается образование отъ прилагательныхъ такихъ существительныхъ, почти исключительное назначеніе коихъ— превратится въ нарѣчія въ формѣ творит., наприм. въ стар. яз. „Андрееви же гнавшю ратные маломъ не до полковъ ихъ, Ип. 61; судии увѣдѣвшю, большимъ начать любить и (жит. Θεод. XII в. Чт. 1858, III); млр. взяли вражі злобишники частом до нас доїздѣти, Метл. 454. в) Нарѣчности содѣйствуетъ употребленіе вышеупомянутыхъ (б) и настоящихъ существительныхъ какъ бы плеонастично, т. е. при словахъ того же происхожденія или сходнаго значенія. Это—твор. усиленія. Миклошичъ относитъ принадлежащія сюда случаи къ двумъ главнымъ разрядамъ; аа) тв. съ прилагательнымъ, составляющимъ здѣсь главное, напр. въздрѣмавъ се сномъ тежкомъ (т. е. просто „тяжко“) есть тв. der art und weise (IV, 713, § 8, IV); бб) тв. безъ прилагательнаго служитъ „для оживленія и усиленія выраженія“ (ib. § 10, I, II). Здѣсь различаются случаи: I) твор. безъ прилаг. при глаголѣ („въжделаниемъ зѣло въжделахъ“ что и безъ зѣло значило бы лишь „сильно пожелалъ“ какъ „разболѣся болѣзнию“, Новг. I, 65, значитъ: очень, сильно заболѣлъ). Здѣсь встрѣчаемъ у Микл. „порадова са радостію великою“, доказательство, что для него разница между аа) и бб) довольно тонка. Сюда „того и слыхомъ неслыхати межи государи великими, штобы государу своему (т. хану) холонь (кн. Москов. съ точки зрѣнія кн. Литовскаго) добра хотѣлъ“, 1500, Ак. З. Р. I, 213; ходенемъ ходитъ, бѣгомъ бѣжитъ, млр. поїдом їсть и пр. Относительно ливмя и т. п. см. выше стр. 442—3. II) Тв. при такихъ же прилагательныхъ, нарѣчійхъ и существительныхъ, какъ „полнымъ полно“, „чернымъ черно“, „никѣмъ никого“, „однимъ одинъ“, „болванъ болваномъ“ (т. е. настоящій болванъ). Этого послѣдняго усиленія зн. существительнаго, заключеннаго въ его собственномъ кругу и непротивополагаемаго ничему (напр. это вино—вода водой, т. е. сущая вода), неслѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ (стр. 461) творителн. въ сочетаніяхъ противительныхъ, когда бы, положимъ, одинъ свель рѣчь на воду, а другой, возвращаясь къ прежнему предмету,

сказалъ: „вода водой (вода—сама по себѣ, вода—особь статья), а ты говори дѣло“. г) Множественное число въ слав. яз. вообще склонно измѣнять значеніе существительныхъ по направленію къ значенію состояній и обстоятельствъ — положеніе, развитіе котораго я оставляю здѣсь въ-сторонѣ. Въ-частности это число благоприятствуетъ образованію нарѣчій отъ тв. образа. Буслаевъ (§ 219, Пр. 6) замѣчаетъ, что нарѣчіе „верхѡмъ“ принимаетъ и множественное ч. „верхами“, когда относится ко многимъ, напр. у Пушки. „чиновники разѣѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ“. Это неточно, ибо нарѣчіе, пемѣя числа и несогласуясь ни съ чѣмъ, не можетъ ни принимать множ. числа, ни относиться ко многимъ. Значитъ, „верхами“ есть не нарѣчіе, а дополненіе, именно скорѣе всего—тв. орудія, какъ „ѣхать возомъ и возами“. Но млр. вѣрхи (верхомъ, верхами), образованное отъ тв. мн. ч., есть несомнѣнное нарѣчіе. Сюда же млр. округі (кругомъ, отъ тв. мѣста), нахилки (випить пляшку горілки—). Въ старинномъ языкѣ: „лѣпо бѣ непещися о приходящимъ дѣпи... и нынѣ бы Господь нашъ... большими попеклся нами. Жит. Феод. XII в. (Чт. 1858, III); ѣдинъ же изъ нихъ, тихы шедъ, послушааше, ib.; се бо малы въспрянувъ⁴⁷⁴ отъ ужаста, начахъ прилѣжно Бога молити, ib.; малы (=млр. трохи не) бо насъ невзяша Печенѣзи, Лавр. 28; малы не до смерти убиша, Новг. I (Син.) 9; матерны лаяти кому, XVI в. Ак. ист. I 252. Ср. у Микл. IV, 712: меньшими, правы стрѣмы. Сюда же стар. онакы, назадъ („онаки рущѣ связывахуть“, Лавр. 18), между тѣмъ какъ въ млр. „навпаки сонця“ (противъ, т. е. на онакы, польск. паорак), если судить по предлогу, долженъ заключаться винит. мн.; пакы¹⁾; акы [сначала нар. воинр. „какимъ

¹⁾ Стар. пакы и пакъ: а) назадъ, обратно: отсылати (лодю) пакы на землю крестьянскую, Лавр. 15; повѣдаша рѣчь Василкову, како молвилъ горожаномъ, што ли молвили пакъ (сказали назадъ, т. е. въ отвѣтъ, возразили) горожане Василкови, Пн. 199; б) вторично, потомъ (какъ и стар. опять), такъ-какъ обратный путь есть вторичный: аще ли по сихъ разуму земля есть мати, то почто плюете на матеръ свою, да сѣмо (соб. сюда, но здѣсь — разъ, серб. један пут) ю лобзаете, и пакы (потомъ) оскверняете, Лавр. 49, (въ чеш. „а pak zase poskvrnujete“, Эрб.; за ся, т. е. за себя, назадъ, обратно, потомъ); и тогда возмуть мѣсячное свое первое отъ города Кіева, и пакы изъ Чернигова и Переяславля, Лавр. 13 (какъ и чеш. пакъ въ случаяхъ какъ „сначала...далѣе... потомъ“, Zikm. Skl. стр. 555); оже, рци, просилъ еси живымъ, а уже пакъ (опять) мертвымъ просиши, Пн. 218. Отсюда ведетъ начало серб. соединит. союзъ на, обозначающій отношеніе послѣдующаго, присоединяемаго къ предыдущему, какъ въ русск. просторѣчій „опять же и то...“; в) Пакъ, обратно, въ свою очередь, взаимно: поча думати Товтвиля, хотя убити Тренигу, а Тренига собѣ думашеть на Товтвиля пакъ, Пн. 202; аще украдетъ русинъ что любо, или пакы христьянинъ у русина, Лавр. 14. г) Что грамматическое противительное отношеніе можетъ изображаться пространственно, движеніемъ въ другую сторону, это видно изъ „запрѣмся тамъ, и нѣчего съ насъ будетъ взять Мамаю; въ другую сторону (=иначе, въ противномъ случаѣ, если же нѣтъ, то...), онъ насъ полонить, Ао. Ск. VI, 312; подай мнѣ-на супротивника; въ другую сторону (а не то) я твою силу побью“, ib. 315. Подобно этому ст.-русск. пакы ли, въ силу частицы ли, получаетъ условнопротивительное значеніе: аче

образомъ?⁴, по уже въ древнемъ яз. сравнительный союзъ, коему во 2-й половинѣ сочетанія соотвѣтствуетъ не такы, какъ можно было бы ожидать, а тако: си бо съяше, аки луна въ ноци, тако и си въ невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтисешя, Лавр. 29]; такы (соб. такимъ образ., извѣстное только въ знач.-же, все таки и усиленія) ¹⁾.

476 Сюда же предполагаемыя всеми слав. нарѣчїями нарѣчїя отъ тв. мп. прилаг. относительныхъ на -ьск-, и другихъ, именно рус-ьскы и пр... Такое объясненіе этихъ нарѣчїй, принимаемое Зикмундомъ, Миклошичемъ и другими, и я считаю единственно вѣрнымъ. Иначе у Гатталы Sr. Ml. § 246. Въ ст. русск. „то не поганьскы ли се есть?“, Лавр. 73; Симонъ волхвъ, иже творяше волшьствомъ псомъ глаголати челоуѣчьскы, Л. 77; нарекоша имя ему Георгїи, а мирьскїи (=ьскы) Игорь, Ип. 58; княже, нотьскы (=по птичьы, по птичьему) неможешъ перелѣтѣти, Ип. 129; вѣльчєскы, пьсьскы и пр. Въ млр. сюда, какъ остатки безиредложнаго употребленія этой ф., рачки лїзти (=рачьскы), б. м. крачки (крачьскы?, „щобъ ти там крачки сїв, Ном. 72), между тѣмъ

ти ся полкы иструдятъ, а язъ силнѣйши пуцю другяя, паки ли (=если непошлю), а самъ всяду на конѣ, Ип. 45; любо дай Пязславу чего ти хочеть, паки ли (=если недашь), а пойдїи полкы своими ко мнѣ, заступїи же волость мою, ів. 45; любо изыщю мужїи новгородьстїи (=ьскы), паки ли, а головою повалю за Новгородъ, Новг. I, 33; княже, кланяемъ ти ся, а браты свои не выдаваемъ; паки ли (если же несогласенъ на такїя условїя), твои мець, а нашѣ головы, ів. 41; „самї ся урядимъ, а крови хрестїаньскы непроле- (=ѣ)ймъ; паки ли по своему замыслу пойдеша“ (озря ся на святую Богородицю, яже есть надъ Золотыми вороты), „а той ны Пречистѣй Госножи судити“, Ип. 61; нахлы быхмо неворотили на той день (4-хъ тыс. руб.).. тогда.. (1388, грам. Ягайла, Ак. З. Р. I, № 8). Чеш. rak-li—условно-противит. союзъ, Zikm. Skl. стр. 469, д) Пакъ союзъ постпозитивный, съ чуть замѣтною противительною силою, обыкновенно лишь привлекающїи силу рѣчи на слово, послѣ коего стоитъ (ср. а, же): пре сей миръ трудїи ся добрии людиє NN, урядили-накъ миръ, како было любо Руси, Дог. съ Риг. 1229, С. Г. Гр. II; такъ и поздїе въ влр. и доннѣ въ блр. и млр.: кому-накъ то у тебя вѣдомо, что ту деревню отецъ твой и дѣдъ твой заложили? 1511, Ак. Юр. 29; млр. застебнеця (вона) під саму душу, щобъ нічогосінько невидно було що незвичайно... вжє-бак нетак, якъ городяньскї дївки, що в панїв понавчались, Кв.; а що бак, Олексїєвичу, нїгде дїтись, благослови дїток, ід. Въ чеш. Zikm. Str. 554—5 (съ замѣтною противительною силой [=а, же, польск. zaś].

¹⁾ Со знач. усиленія: такъ-таки (ср. млр. такечки); таки нічого нечую, нічого й небачу, Кв. (ровно ничего, ср. нічогосінько). Какъ союзъ а) оно привлекаетъ силу рѣчи на слово: „мы, выслушавши того привїлея. при томъ-таки есмо княгиню Семеновую zostавили, 1507, Ак. З. Р. II, 13; мы. тыи имѣнья, которые онъ былъ своевольнѣ забралъ, ему-таки дали, 1508, ів. 39, „змалював він таки—нашого отця Микити кобилу, Кв. (=нашего же, т. е. такого же нашего, какъ и тѣ хлопцы, о которыхъ прежде была рѣчь); и гласи знав: часто обѣ ёго сиотикавъ и пан Ахвтанасїй, от-таки-наш дїак, ід.; б) при глаголахъ во 2-й полов. уступительнаго сочетанія (ср. но въ „хотя... но): приливали дорїженьку, таки пїлом пала; розважали матусеньку, таки з личка спала, Метл. 22; хоць уже й зацягнуло оболонцю, алѣ таки й цїєср знаць, Вѣлостоц. у., Этн. Об.: хоць ти й розсердїися на мене.. а я таки тобї договорю, що вчора хотїв сказати, Кв.; литер. русск. въ обохъ случаяхъ „все-таки“.

какъ пішки, мовчки по образованію сюда неотнесаются: пѣшькы, а не „пѣшьскы“). Въ русск. литер. эти нарѣчія только при прилагат., напр. „онѣ дѣтски добръ“ (между тѣмъ какъ несовѣмъ ловко уже сказать „онѣ пишеть дѣтски“), „будь я маломальски богаче“... По праву и въ млр. и въ русск. лит. къ этимъ нар., безъ вниманія къ падежу отъ котораго они происходятъ, присоединяется по: млр. по старосвѣтски, по дівчачи, лит. „онѣ пишеть по дѣтски“ и пр., покаковски, потаковски. Здѣсь языкъ подчиняется аналогіи употребленія по 477 съ дат. (по старосвѣтскому; литер. въ XVIII в. Бусл. Гр. § 72; въ болѣе древнемъ видѣ въ польск. чеш. ро *gusku* и пр.), подобно тому, какъ въ словенскомъ отъ вышеупомянутыхъ малы, тихы — *romaly*, *rotichy*. Т. о. здѣсь ошибочно было бы при объясненіи исходить изъ знач. предлога и видѣть въ *ж* фонетическую замѣну зв. *у*.

10. Творительный на мѣстѣ вторыхъ (согласуемыхъ) падежей.

1. Безспорно этотъ падежъ, принадлежитъ къ своеобразнѣйшимъ явленіямъ славянскаго и литовскаго языка ¹⁾; но, между тѣмъ какъ по мнѣнію, которое мнѣ кажется вѣрнымъ, явленіе это въ славян. нар., слагалось и образовывалось до послѣдняго времени и вездѣ, кромѣ немногихъ окраинъ слав. языка, было вытѣсняющимъ, а не вытѣсняемымъ (ср. стр. 113—4), по другимъ, прогрессъ его относится къ болѣе или менѣе давно-прошедшему языку. Отсюда тѣ согласуемые падежи, которые съ одной точки кажутся удержанною, еще невытѣсненною стариною, съ другой—представляются проявленіемъ отреченія языка отъ своей особенности.

Шлейхеръ говоритъ, что въ литовскомъ тв. при гл. *buti* „употребляется еще развѣ только (*höchstens nur*) при будущемъ, а въ прочихъ случаяхъ—именительный, который и вообще въ этихъ оборотахъ (т. е. и при другихъ глаг. среднихъ) начинаетъ вытѣснять творительный; „*jis yr didžiausiu*“ (= *on jest największym*) теперь неупотребительно и вообще творительный теперь преимущественно встрѣчается въ существительныхъ: „*jis bus (pastos) karaliumi*, онѣ будетъ, станетъ королемъ“. Въ просторѣчи часто стоитъ именительный (а не твор.).. *gers buti* (добръ быти) а не „*gerù buti*“ (добрымъ быть), *Lit. Gr.* 270—1. Но слѣдуетъ доказать, что тв. „въ *yr didžiausiu*“ былъ народнымъ яв- 478 леніемъ, а не личнымъ полонизмомъ, какіе встрѣчаются и въ русскихъ

¹⁾ „Нѣкоторое сходство со слав. предик. творительнымъ обнаруживаетъ инд. предикативный твор. при *bhāvja* и *bhāvitaḥ*: „*ēna na... rītvidjā bhāvitaḥ*“, онѣ недолженъ стать жрецомъ“ (В. Шерцль, *Скат.* 119). Но эти обороты должны быть сравниваемы съ творит. дѣйствующаго предмета при страдательномъ сказуемомъ. Ср. *ib.* 118: *taḥasvābhīr bhāvitaḥ*, это, должно быть, аскеты (собств. аскетами должно быть быто).

памятникахъ. Подобнымъ образомъ, приписывая малорусскому языку всѣ полонизмы, какіе встрѣчаются въ западнорусскихъ памятникахъ XV—XVIII в., можно подумать, какъ и думали, что весь малорусскій языкъ (а не одна его струя) идетъ къ своему русскому характеру отъ почти полного тождества съ польскимъ, что несправедливо. Именительный въ литовскомъ, въ случаяхъ, гдѣ можно бы съ точки польскаго языка ожидать творительнаго, можетъ не происходить отъ нѣмецкаго вліянія, вообще мало замѣтнаго въ литовской грамматикѣ, но быть явленіемъ вполне туземнымъ и весьма древнимъ. То-же примѣняемъ мы къ сербскому, въ случаяхъ, гдѣ въ немъ именительный при русскомъ творительномъ.

У Миклошича мысль, подобная Шлейхеровой, высказана нѣсколько разъ и гораздо опредѣлительнѣе. „Болѣ всего развитъ (am feinsten ausgebildet) этотъ оборотъ (твор. предиката) въ польскомъ, между тѣмъ какъ другіе слав. языки, какъ покажетъ послѣдующее изложеніе, совсѣмъ его оставили: первоначально онъ былъ всѣмъ свойственъ“ (V. Gr. IV, 727). „Сравнивая между собою отдѣльные славянскіе яз. относительно употребленія (этого) твор., мы замѣчаемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь оказываются лишь послѣдніе его остатки и что въ другихъ онъ все болѣе и болѣе ограничивается въ пользу синтаксиса, опирающагося на классическіе языки, синтаксиса, который можно назвать общеевропейскимъ. Такъ, по-русски говорится: „я видѣлъ его здороваго“, „дай Боже, чтобъ мы нашли васъ здоровыхъ“ (Бусл.), Mikl. ib. Но дѣло въ томъ, имѣютъ ли въ нынѣшнемъ русскомъ такіе обороты смыслъ послѣдней новизны, или, напротивъ, старинны по отношенію къ творительному? Для меня очевидно послѣднее; къ утверженію перваго даетъ поводъ Буслаевъ, говоря, 479 что „иногда вмѣсто творит. опредѣленіе ставится въ надежѣ слова опредѣляемаго“ (Гр. § 246, 3)—выраженіе, если понимать его въ-точности, совершенно ошибочное.

„Способъ выраженія, сходный съ тѣмъ, который свойственъ европейскимъ языкамъ, все болѣе и болѣе оттѣняетъ способъ своеобразно-славянскій—явленіе, которое замѣчается и въ другихъ языкахъ нашей части свѣта; ибо нѣкоторый, можно бы сказать, новоевропейскій стремится соединить какъ бы въ одно нарѣчіе языки европейскихъ народовъ, принимающихъ участіе въ культурѣ... Кто не обратитъ вниманія на стремленіе языковъ нашей части свѣта къ нѣкоторому единообразію, тотъ не въ состояніи будетъ объяснить постепенной метаморфозы славянскихъ языковъ. Не все происходитъ въ языкахъ извнутри.... Отсюда хорут. *naj eta kamenja kruch bodo*, Матѣ. 4, 3; хорв. *da b' se mogla roža bčela učiniti*“, „*kada ona voda vsa vino postane*“ (Mikl. IV, 740).

И такъ, вотъ гдѣ суть, *cardo regum*: существуетъ вѣра въ нивелирующее вліяніе цивилизаціи, основанной на классической почвѣ, на все, неисключая языка; но это есть именно вѣра, а то, что выдаютъ за ея доказательства, состоитъ между прочимъ въ перестановкѣ явленій *ὑστερόβρωτον*, въ представленіи несущественнаго для вопроса (какъ сходство продуктовъ абстракціи) существеннымъ и предшествующаго по времени—позднѣйшимъ.

2. Изъ соотвѣтствія разсматриваемаго твор. вторымъ согласуемымъ, такъ наз. предикативнымъ надежамъ, при недостаточномъ отдѣленіи грамматики отъ логики, выводились заключенія объ этомъ творительномъ, болѣе-менѣе напоминающія Аристотелевы роды сказуемаго. „Все, что высказывается о чемъ-либо (*πάν τὸ περὶ τινὸς κατηγορούμενον*) а) или вполне равно предмету, какъ понятіе его исчерпывающее и его сущность (*ἄρως*), б) или есть отличительный признакъ, характеризующій предметъ, какъ недѣлимое, и потому замѣняющій его (*ἴδιον*, особен- 480 ность, свойство), в) или опредѣляющій его родъ, г) или нѣчто случайное невходящее въ опредѣленіе предмета (Steinthal. *Gesch. der sprachwiss. bei den alten*, 203—4). Такъ какъ предстояло объяснить не четыре, а два явленія (второй согласуемый надежъ и твор. несогласуемый), то это четверное дѣленіе нужно было свести на двойное, чему тоже пособляетъ Аристотель, говоря, что приличнымъ отвѣтомъ на вопросъ „что есть подлежащее“ (*προκείμενον*, подлежащее) служитъ указаніе сущности (*ἄρως*) или рода (*γένος*), а не видового отличія или случайности. Такъ, отвѣтомъ на вопросъ „что это?“ при указаніи на человѣка, служитъ: „это человѣкъ“, а не „это бѣлое, сидящее“ (Steinthal. *ib.* 243).

Сравнимъ съ этимъ слова пр. Гатталы (Srovn. mluv. jaz. česk. a slov. § 49 и почти буквально сходное мнѣніе Смита, приводимое Миклошичемъ, V. Gr. IV, 740:

„Надежемъ сказуемаго бываетъ у насъ не только именительный (какъ въ лат., нѣм.) но часто и творительный: Hannibal dux fuit, ego sum primus—„Н. byl vůdce“ и „vůdcem“, „já jsem prvý“ и prvým“... Трудно въ-точности опредѣлить, гдѣ сказуемое слѣдуетъ выразить именительнымъ, гдѣ творительнымъ; но основаніе различія между этими оборотами приблизительно слѣдующее: творительный описываетъ, именительный опредѣляетъ (*vyměňuje*) понятіе подлежащаго (обозначенное подлежащимъ); первый приписываетъ нѣчто подлежащему, второй опредѣляетъ, что такое есть подлежащее само по себѣ; творит. болѣе касается качества и свойства (*rovaný a vlastnosti*), именительный—сущности подлежащаго, которому при этомъ ничего (*поваго?*) неприписывается, лишь понятіе его повторяется другими словами. Согласно съ этимъ напр. въ предложении „člověk je rozumné zvíře“ сказуемое, вы-

481 раженное именительнымъ, такъ относится къ подлежащему *člověk*, какъ два да два къ четыремъ, т. е. какъ $2 + 2 = 4$, такъ сказуемое приведеннаго предложенія значить вполнѣ то-же, что его подлежащее. Напротивъ того, въ предложеніяхъ со сказуемымъ въ творительномъ, напр. „*člověk jest obrazem Všemohoucího*“, такого отношенія подлежащаго къ сказуемому вовсе нѣтъ.

Однако и на такомъ основаніи нельзя прочно установить, гдѣ сказуемое должно быть выражено именительнымъ, а гдѣ творительнымъ, и это потому, что обычай языка здѣсь, какъ и вообще, весьма часто, такъ сказать, своевольно принимаетъ существенное за случайное, и на-оборотъ. Напр. у Коменскаго читаемъ: „*tělo je stánek duše*“ рядомъ съ „*tělo nejen stánkem, než i nástrojem jest duše*“.

Намъ слышится въ этомъ признаніе, что вышеупомянутыя категоріи сказуемаго—сами по себѣ, а языкъ—самъ по себѣ, ибо *usus* въ языкѣ не-есть *tyrannus*, стало быть нѣчто постороннее, но самая суть языка. Вы видимъ ниже, что примѣры, подобные вышеприведеннымъ, одъниваемые съ грамматической точки, не заключаютъ въ себѣ ничего особенно прихотливаго. Но даже допуская на-время законность примѣненія сюда вышеупомянутыхъ категорій, все-таки, мнѣ кажется, нельзя согласиться съ пр. Гатталою. У Аристотеля подлежащее, о коемъ нѣчто сказывается, есть указываемый предметъ, вещь (*πρόμα*), а сказуемое есть слово и вмѣстѣ понятіе. Съ такой точки зрѣнія еще можно понять возможность утвержденія, что сказуемое можетъ быть идеальнымъ эквивалентомъ подлежащаго ¹⁾. Но признавая, что логика трактуетъ только о понятіяхъ, такъ что и подлежащее логическаго сужденія есть всегда понятіе, слѣдуетъ признать и то, что равенство членовъ логическаго сужденія, какъ тавтологія $a = a$, есть не сужденіе, а одно понятіе. Логическое сужденіе есть движеніе, направленное къ повѣркѣ мысли, а тавтологія есть покой и къ такой повѣркѣ неведетъ. Члены логическаго сужденія всегда различны по объему и содержанію; таково ихъ отношеніе и въ $2 + 2 = 4$, ибо въ понятіи 4 заключено не одно только понятіе $2 + 2$, но и $3 + 1$ и т. д. Так. обр. и логическая подкладка предложенія „человѣкъ есть разумное животное“ не можетъ быть изображено формулою $a = a$, ибо, хотя бы и было изъ другихъ источниковъ извѣстно, что всякое разумное животное есть человѣкъ и что другихъ разумныхъ животныхъ, кромѣ человѣка, нѣтъ, но это вовсе не слѣдуетъ изъ самого сужденія „человѣкъ есть разумное животное“: въ понятіи „человѣкъ“ могутъ быть заключены многіе признаки, которыхъ нѣтъ въ пон. „разумное животное“. Прилагая это къ мнѣнію г. Г. мы видимъ, что если предложенія со вторымъ именительнымъ немо-

¹⁾ Хотя, если подлежащее есть познаваемое, а сказуемое познаніе, то равенство, между ними противорѣчить вѣрѣ въ безконечность познанія.

гуть быть подведены подъ формулу $a=a$, или „ a есть вполне то-же, что b “, но имѣютъ формулу напр. a неравно b ; то эта послѣдняя годится и для предложеній съ творительнымъ, нисколько ихъ нехарактеризуя сравнительно съ первыми. Даже признавая возможность полного равенства между членами логическаго сужденія, лучше бы рассуждать такимъ образомъ: въ „*člověk jest rozumné zvíře*“ понятія *člověk* и *rozumne zvíře* равны; но въ „*člověk jest zvíře*“ они неравны, между тѣмъ какъ въ обоихъ случаяхъ падежъ въ сказуемомъ тотъ-же; слѣдовательно равенство или неравенство понятій для объясненія этого падежа безразличны.

Зикмундъ (SkI. § 17, 2, 3), перечисливъ категоріи сказуемаго, которыхъ, по его мнѣнію, шесть [а) существованіе, б) сущность, в) случайность, г) дѣйствіе и страданіе, д) качество, е) принадлежность], говоритъ о второй и третьей: „Если говорится о подлежащемъ, что такое оно есть (co jest), то опредѣляется его сущность, или родъ, почему такія предложенія называются предложеніями сущности, или опредѣлительными (*věty bytnosti, v. vuměrné*), напр. *člověk jest tvor rozumný*; отъ этого отлично выраженіе того, чѣмъ бываетъ (*čím jest*) подлежащее, чѣмъ оно обнаруживается въ дѣйствительности, чѣмъ отличается отъ другихъ предметовъ..., напр. *byl jsem tehdaž konšelem*. Такія предложенія пусть называются предложеніями раздѣленія или случайности (*věty rozdílu aneb případnosti*)“. „Сказуемое въ предложеніи опредѣлительномъ указываетъ родъ, подъ которымъ находится подлежащее и который принадлежитъ къ его сущности (*podstata*), а въ предложеніи раздѣлительномъ—знакъ, которымъ подлежащее отличается отъ другихъ предметовъ, которымъ сущность его обнаруживается въ дѣйствительности...“. Откинувъ лишнее, какъ „обнаруженіе“, „дѣйствительность“, мы можемъ выразить это другими словами такъ.

Существенные признаки понятія суть тѣ, которые общи всему объему этого понятія, чѣмъ условлено единство этого понятія; несущественные—тѣ, которые, находясь только въ части объема понятія, существенны только для этой части, слѣдовательно вмѣстѣ съ другими подобными ведутъ за собою распаденіе понятія на частныя. Такъ-какъ формальной логикѣ несвойственна категорія недѣлимаго и объемъ понятія есть не количество предметовъ, изъ наблюденія коихъ выведено понятіе, а количество частныхъ понятій, на которыя оно распадается, то напр. въ „онъ боленъ“ признакъ относится только къ извѣстной части понятія онъ. Во всемъ этомъ нѣтъ слѣда психологіи, между тѣмъ, по общему принципу современнаго языковѣдѣнія, оно можетъ имѣть дѣло съ категоріями такого имени лишь въ томъ случаѣ, если они поняты какъ процессы, т. е. психологически. Поэтому уже можно неповѣрять 484 данными языка, точно ли логическая существенность выражается именительнымъ, а несущественность творительнымъ.

Буслаевъ, какъ и Гаттала, признаетъ свои объясненія разсматриваемаго явленія неполнѣ удовлетворительными (Гр. § 246, 2): „падежи имен. и твор. при гл. быть во всѣхъ наклоненіяхъ и доселѣ ¹⁾ во многихъ случаяхъ замѣняются одилъ другимъ безъ всякой видимой причины. Впрочемъ для руководства въ практическомъ отношеніи ²⁾ слѣдуетъ замѣтить, что творительнымъ имени существительнаго означается по большей части признакъ несущественный, при которомъ, вмѣсто быть, можно поставить сдѣлаться, стать, казаться, напр. Ломоносовъ былъ рыбакомъ (т. е. нѣкоторое время); Карамзинъ былъ историографомъ (т. е. сдѣланъ). Именительнымъ же надежемъ имени существительнаго означается признакъ существенный, напр. Ломоносовъ былъ великій человѣкъ“. Мы видимъ здѣсь, что Буслаевъ съ одной стороны еще пользуется категоріями сущестственности и несущестственности, необъясняя, почему признакъ, выраженный прилагательнымъ въ „я былъ боленъ“ представляется существеннымъ и почему напр. тождество предмета съ самимъ собою, признакъ, повидимому, весьма существенный, изображается несущественнымъ въ „люди остаются людьми“, 485 „осель останется осломъ“, выражаясь творительнымъ? Съ другой стороны, мы находимъ здѣсь попытку стать на грамматическую почву, именно—признаніе различія въ разсматриваемомъ отношеніи между существительнымъ и прилагательнымъ и между одними глаголами и другими. Очевидно, что въ „Ломоносовъ былъ рыбакомъ“ замѣна былъ влечетъ за собою измѣненіе вещественнаго смысла и съ этой стороны невозможна; но разсматривая только формальныя отношенія рѣчи, мы можемъ и должны на мѣсто извѣстнаго слова ставить многія другія, чтобъ узнать, останутся ли при этомъ формальныя отношенія неизмѣнными, или нѣтъ. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ формальной разницы между „былъ рыбакомъ“ и „притворился, прикинулся, оказался, остался, сдѣлался, сдѣланъ, названъ тѣмъ-то“; но разница не только въ падежѣ, но и въ функціи глагола есть между „онъ былъ рыбакомъ“ и „онъ былъ рыбакомъ“.

Уже Востоковъ намѣтилъ вѣрный путь къ опредѣленію этой разницы, хотя не воспользовался имъ, а прибѣгъ къ категоріямъ прирожденности и случайности. Онъ говоритъ: „сказуемое, состоящее изъ существительнаго, привязывается къ подлежащему глаголомъ наст. вр... есть и пр.“ т. е., по принятой нами терминологіи, глаголъ въ подобныхъ случаяхъ

¹⁾ Значитъ ли это, что такъ было изстари и что въ этомъ отношеніи невиднo движенія въ языкѣ?

²⁾ Другія практики, напр. медицинская, педагогическая, пусть себѣ руководствуются несовершенными теоріями; но въ практикѣ языка, т. е. въ рѣчи, такія теоріи иностранцевъ могутъ вводить только въ ошибки, между тѣмъ какъ туземцы на практикѣ руководствуются бессознательно и почти безошибочно мотивами гораздо болѣе сложными, чѣмъ такія теоріи.

есть связка, а 2-й именительный—предикативный атрибутъ. То-же, говорить онъ далѣе, при прошедшемъ времени былъ, „но только тогда, когда говорится о природномъ состояніи предмета, а не случайномъ, зависящемъ отъ какихъ либо дѣлъ его, напр. Адамъ былъ первый человѣкъ. Когда же означается состояніе случайное, какими либо дѣлами приобретаемое, тогда глаголь „былъ“ обращается въ сказуемое, а существительное служитъ дополнительнымъ къ оному словомъ и полагается въ и. творительномъ, напр. „Адамъ былъ первымъ земледѣльцемъ“ (Р. гр. § 121). Позднѣе у Малецкаго находимъ различіе между дѣйствительнымъ сказуемымъ въ именительномъ и мнимымъ въ 486 творительномъ (Gr. § 701). И я полагаю, что задача состоитъ въ томъ, тобы вывести разницу между именительнымъ въ сказуемомъ и другими сродными явленіями и такъ наз. твор. предикативнымъ, съ одной стороны, изъ измѣненія грам. функціи глагола при переходѣ согласуемаго надежа въ несогласуемый, съ другой—изъ различія согласуемости и несогласуемости падежей, съ третьей—изъ разницы между творительнымъ, который предполагается такъ наз. творительнымъ предикативнымъ, и этимъ послѣднимъ.

3. Разматриваемый падежъ извѣстенъ подъ именемъ творит. признака и состоянія (Буслаевъ) или твор. предикативнаго. Последнее названіе оправдывается или тѣмъ, что этотъ падежъ соотвѣтствуетъ такъ наз. предикативнымъ именительному и винительному въ греч. и лат. (Mikl. IV 727), или тѣмъ, что онъ въ самомъ славянскомъ замѣняетъ вторые падежи, или, наконецъ, что вѣрнѣе, тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Тѣмъ неменѣе названіе этого твор. предикативнымъ неточно въ той-же мѣрѣ, въ какой названіе формъ происходящихъ изъ двойственнаго числа („три, четыре человѣка“)—двойственнымъ: никакой несогласуемый падежъ неможетъ быть предикативенъ. Наболѣе точнымъ кажется мнѣ названіе твор., замѣняющимъ вторые, согласуемые падежи, такъ что лишь для краткости удерживаемъ назв. предикативнаго. По происхожденію въ другой линіи этотъ падежъ имѣетъ непосредственное отношеніе только къ твор. образа дѣйствія и можетъ быть смѣшиваемъ только съ нимъ.

Въ различныхъ слав. нарѣчіяхъ въ твор. предикат. ставятся какъ существительныя, такъ и прилагательныя; но такъ какъ этотъ падежъ, по несогласуемости, есть объективный и, по происхожденію,—болѣе поздній, чѣмъ время безразличія существительнаго и прилагательнаго; то за исходную точку употребленія этого падежа слѣдуетъ признать поста- 487 новку въ немъ имени существительнаго.

Въ совокупности признаковъ (грам. субстанціи), обозначаемой творительнымъ образа, замѣчаемъ двоякое отношеніе къ субстанціи, указы-

ваемой подлежащимъ или другимъ объектомъ. Одно, общее творительному образу со всѣми остальными творительными и другими падежами объекта, состоитъ въ томъ, что субстанціи эти совершенно различны, такъ что между ними въ мысли не происходитъ никакого сліянія. Какъ въ твор. орудія „клинь клиномъ выгнать“ вещь, означенная творительнымъ, совсѣмъ не та, которая означена именительнымъ, такъ что, несмотря на общіе признаки, они держатся въ мысли раздѣльно; такъ точно и въ твор. образа „клинь клиномъ“ (т. е. сущій, настоящій клинь), съ тою разницею, что въ послѣднемъ случаѣ субстанція въ творительномъ фиктивна. Подобнымъ образомъ, хотя и съ другимъ эффектомъ, субстанціи въ „N иде войною“, „N стаха станы“, млр. „чоловикъ иде бовкуномъ“ (принимая здѣсь переходъ отъ твор. орудія къ твор. образу), Ъзда цугомъ, гусемъ, полеть стаями и т. п. совершенно раздѣльны. Но уже въ „послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича посольствомъ, Новг. I, 79, польск. oni jechali ku ligiem“ замѣчается переходъ къ другому отношенію, какъ въ „игумень иде съльмъ“, „N иде воеводою“, (оборотень) „рыщеть лютымъ звѣремъ“, конь летить стрѣлою“, гдѣ замѣчается частное сліяніе субстанцій, такъ что „игумень“ и былъ „посломъ“ и т. п.

Въ этихъ случаяхъ можно видѣть уже первую ступень твор. предикативнаго, въ которомъ вообще такое совпаденіе субстанцій есть постоянный признакъ. Мнѣ кажется превратнымъ объяснять болѣе древній твор. „иде съльмъ“ изъ позднѣйшаго тв. предикативнаго „будучи посломъ“ (что у Малецкаго Gr. § 697).

488 Здѣсь упомяну о такъ наз. твор. уподобленія, подъ которымъ его имя позволяетъ понимать и сравненіе, какъ явленіе субъективное, и превращеніе, т. е. объективный, представляемый независимымъ отъ произвола говорящаго переходъ одного предмета въ другой. Буслаевъ подъ твор. уподобленія (однимъ изъ видовъ твор. образа) сначала разумѣетъ только сравненіе: „летѣтъ стрѣлою“, „Игорь соколомъ полетѣ“, между тѣмъ какъ о случаяхъ „у дороги бѣлымъ камнемъ осталась Марья царевна“ у него сказано: „творительному уподобленія соотвѣтствуетъ въ старинной письменности твор., употребляемый для означенія суевѣрныхъ преданій объ оборотняхъ, или о превращеніи людей въ животныя, въ растенія, камни и пр., напр. въ Сл. о п. И. о Всеславѣ: „самъ влъкомъ рыскаше, великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше“ (Gr. § 246, 10).

Подъ соотвѣтствіемъ здѣсь позволительно понимать не то, что мы разумѣемъ говоря напр. о соотвѣтствіи формы волк формѣ вълкъ, wilk и пр., при чемъ первой нѣтъ ни въ др. русск., ни въ польск., второй нѣтъ ни въ нов. русск., ни въ польск. и т. д. Значенія превращенія и сравненія существуютъ рядомъ и въ древнемъ и въ новомъ

языкъ, при чемъ нѣкоторыя сравненія вытекаютъ изъ вѣры въ превращенія и, въ мысли опредѣленнаго лица, отождествленіе, какъ моментъ, не періодъ, предшествуетъ моменту отрицанія неполнаго (=сравненіе), или полнаго (собст. отрицаніе). Изъ выраженной миѳическаго превращенія уже древній языкъ беретъ представленія значенія werden, становится (вообще) инымъ. Такъ, минуя переходъ значеній „вертѣть“, „вертѣться“ (оборачиваться) къ знач. „становиться“, „жить“, „быть“, въ др. инд. варт- и нѣм. werden, мы видимъ, что само „превратиться во что“ (=прѣвратитиса, первоначально „переворотиться“, т. е. на пр. перекинуться, перекувыркнуться, какъ, но повѣрю, дѣлаетъ знахарь, чтобы оборотиться на пр. волкомъ) есть синонимъ выражений, какъ: прометатиса, серб. „она се прометну овца“ (овцею) (=бросаться впередъ или сквозъ что, на пр. сквозъ обручъ); испрометаниѣ: „а ꙗже бываѣтъ сквозѣ пшеницоу коуколю, или чрънило, или инакъ плѣвель... то не испрометаниѣмъ то пшеничнымъ бываѣтъ (=не вслѣдствіе превращенія, перерожденія пшеницы), пѣ само о себѣ, своимъ родомъ то се раждаѣтъ“, Ио. Эвз., Шестодн. 96—7; опрометънѣ, происшедшій отъ превращенія, соб. отъ движенія опрометью, головою впередъ или внизъ: „чаровникъ, въ нихъ же (т. е. книгахъ этого названія) суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ (=формъ) звѣриныхъ и птичихъ, се же есть, первое, тѣло свое хранитъ мертво“ (какъ упырь), „и летаѣтъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вопремъ дикимъ, волкомъ (это сл. есть глосса къ „лютымъ звѣремъ“;=вълкодлакъ, мр. вовкулака), летають зміемъ (=поль. latawiec), рыщутъ рысію и медвѣдемъ“ (О книг. истинн. и ложныхъ, Калайд. Ио. Эвз. 211); серб. проврѣнисе, проврѣнем се, на пр. јагнетом (соб. тоже, что прометнути се), цел. испроврѣшитиса „(кѣ)ма же пшеницоу дроугоици вѣсѣяв'шоу (т. е. комоу любо) съдравоу, и исказив'шоу се акы чрънило ю ж'немъ, нѣ се нѣс(т) на инъ родъ престоупленіѣ, нѣ акы ꙗза (=болѣзнь) нѣкака или недоугъ сѣмен'ныи, не испроврг'шоу се ииѣмъ сѣменемъ (=непотому, что сѣмя превратилось въ другое), нѣ очрънѣ изебениѣмъ (=отъ мороза), да тѣмъ (=и потому) ииѣмъ се лицемъ с'твори и вѣкоусомъ“, Ио. Эвз. Шестодн. 96; поль. przewierzgnąć się w со; поль. przedzierzgnąć się w со; вр. оборотиться чѣмъ и во что; мр. обернутись зозулею и пр., перекинутись вовкомъ. Въ „стать волкомъ“ представленіемъ превращенія служить его послѣдній моментъ: нѣкто, перевернувшись, сталъ на ноги въ видѣ волка. Т. о. твор. превращенія становится совмѣстнымъ съ научнымъ міросозерцаніемъ, напр. въ слѣдующемъ: „въ сильный морозъ слюна льдомъ падаѣтъ на землю“, т. е. не „подобно льду“ а „въ видѣ льда“, 489 „превратившись въ ледъ“.

Разница между твор. превращенія и сравненія неграмматична, т. е. не формальна, а вещественна, и можетъ быть опредѣлена въ каждомъ

частномъ случаѣ лишь при помощи обширнаго круга мыслей, несоставляющаго грамматической единицы. Напр. чтобы рѣшить, что во „Все-славъ скочи вълькъмъ до Немигы“ стоитъ твор. превращенія, а не сравненія, или на-оборотъ, нужно знать, какъ смотрѣли современники на этого князя и какъ относился авторъ Сл. о п. П. къ этимъ взглядамъ. Чтобы рѣшить, какъ понимать твор. въ млр. „кїдаецця и сірою собакою, и білою собакою, та ради недасть“ (т. е. подобно собакѣ? превращаясь въ собаку?), нужно знать, говорится ли здѣсь о вѣдовствѣ (какъ напр. въ „ти за неї, а вона перекинетця клубкомъ, кинетця тобі підъ ноги, зібѣе тебе тай щезне, Кв.), или о напрасныхъ усиліяхъ горемыки выбитися изъ нужды. „Трафилось неодному изъ нихъ отъ меня ходить шея коломъ (какъ к.), щека волдыремъ (не „какъ в.“, а настоящимъ в.), Даль. Въ пословицѣ „грѣхъ да напасть бороною ходять“ мы можемъ видѣть только сравненіе (подобно боронѣ, задѣвая однихъ, минуя другихъ, какъ зубья бороны задѣваютъ глыбы то тамъ, то сямъ), потому что неизвѣстно, чтобы грѣхъ и напасть представлялись именно бороною. Наконецъ во многихъ случаяхъ совершенно безразлично, поймемъ ли твор. такъ или иначе, напр. „первый блинъ да комомъ“, „бѣды вереницами ходять“, „станицами они (лещи) у берега рѣзвидись“. Если напр. подъ вереницею мы перазумѣемъ конкретнаго образа цѣпи, веревки, а лишь мысль о рядѣ какихъ либо предметовъ, то все равно, значитъ ли „вереницами“ „превратившись въ вереницы“ или „подобно вереницамъ“. Такимъ обр. твор. сравненія и превращенія могъ бы быть только одною грамматическою категоріей уподобленія, а не двумя; но онъ несоставляетъ такой категоріи потому, что, если 490 неотнести къ грамматикѣ всего содержанія языка, онъ не можетъ быть отличенъ грамматическими средствами отъ твор. образа (въ случаяхъ частнаго совпаденія субстанцій). Въ грамматическомъ отношеніи все равно: что „йти въ походъ воеводою“ (т. е. въ качествѣ воеводы), „стоять часовымъ“, „сдаться вонноплennымъ“, „служить урокомъ“ („то можетъ не однимъ осламъ служить урокомъ“, Крыл.), „туча большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась“, Крыл., что „ходить воеводою (т. е. sich gebärden, держаться, выступать подобно воеводѣ, въ томъ смыслѣ, какъ „выступать козыремъ“, „ходить, плыть гоголемъ“, „стоять фертомъ“), „мой филинь господиномъ усѣлся на хребтѣ ослиномъ“, Кр., „глядѣть сентябремъ“, „пѣть соловьемъ“.

Согласно съ этимъ можно думать, что только вообще изъ тв. образа въ случаяхъ совпаденія субстанцій, а не въ частности изъ твор. сравненія (какъ думаетъ Зикмундъ и Малецкій) выводятся другіе случаи творительнаго предикативнаго.

Буслаевъ относитъ „Бавкида липой стала“ къ твор. „признака и состоянія“ (т. е. предикативному), а тождественные въ вещественномъ отношеніи случаи „бѣлымъ камнемъ осталась Марья царевна“ къ твор.

образа дѣйств. (въ частности „уподобленія“) и стало быть признаетъ между этими случаями формальную разницу (Гр. § 246). У Миклошича тѣ и другіе отнесены къ твор. предиката (IV, 732 сл.). Сходясь съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ на томъ основаніи, что, во-первыхъ, твор. существительнаго (тв. совпаденія) въ „иде воеводу“ есть очевидно противень именительнаго прилагательнаго, входящаго въ сказуемое „иде пѣшь“, во-вторыхъ, что творительному въ „сѣди вдовицею“, „несиду вдовою“ соотвѣтствуетъ греч. именительный: *καθου χήρα, οὐ καθῖω χήρα*; тѣмъ неменѣе можно въ нѣкоторомъ отношеніи оправдать мнѣніе Буслаева,

Выше уже упомянуто различіе глаголовъ съ одной стороны имѣющихъ значеніе *esse, fieri, videri, nominari*, съ другой—вещественнаго 491 движенія, пребыванія и состояній, какъ жить, умереть, цвѣсти и пр. Можно думать, что уже въ древнѣйшую пору слав. языка, доступную изслѣдованію по памятникамъ, при глаголахъ второго разряда согласуемый именительный существительныхъ былъ довольно рѣдокъ (стр. 180—1), такъ что мы незнаемъ такого времени, по крайней мѣрѣ въ русскомъ, когда становился именительный въ „Игорь полетѣ соколъ“. Между тѣмъ 2-й именительный какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ при гл. перваго разряда (= *fieri* и пр.) былъ, а отчасти и есть въ полной силѣ.

Твор. предик. при глаголахъ 1-го разр. легко допускаетъ, на основаніи памятниковъ, возстановленіе предшествующаго ему второго именительнаго. Разница во времени возникновенія твор. въ „стала липой“ (болѣе новаго) и „лежала камнемъ“ (болѣе древняго) есть указаніе на различіе условій возникновенія.

Аттрибутъ, связанный съ глаголомъ непосредственно, или посредствомъ дополненія, можетъ быть опредѣленъ, какъ данный признакъ, представляемый результатомъ энергіи подлежащаго, обозначенной глаголомъ (Введеніе 106, 117). Разница между двумя вышеупомянутыми разрядами глаголовъ—въ степени ихъ энергичности: чѣмъ больше эта степень (кромѣ есть требующаго особаго объясненія), тѣмъ явственнѣе отличается во времени результатъ отъ самой дѣятельности. Сравнимъ съ одной стороны „Н бысть (наречеса, явися, поставленъ бысть) воєвода“, „бысть правъ“, а съ другой „иде пѣшь“, „шелъ пѣшій“ и т. п. Въ первомъ случаѣ дѣятельность оцутительно является причиною от- 492 несенія значенія атрибута къ знач. подлежащаго. Дѣятельность, приписываемая послѣднему, есть предшествующее сравнительно съ появленіемъ въ подлежащемъ значенія, связаннаго съ атрибутомъ. Тоже и въ „избраша Кира царя“ (Введ. 148). Во второмъ случаѣ мы относимъ къ подлежащему содержаніе атрибута пѣшь нестолько потому, что мы отнесли къ нему сказуемое, сколько независимо отъ этого: онъ былъ

пѣшь въ то самое время, какъ шоль. Прилагательное есть здѣсь не простой, а предикативный атрибутъ только потому, что признакъ его представляется возникающимъ въ подлежащемъ одновременно съ дѣятельностью этого послѣдняго. Въ нѣкоторое время, такъ кажется, въ языкѣ было почувствовано, что если поставить существительное въ качествѣ предикативнаго атрибута при глаголѣ меньшей энергіи, напр. княгини сѣдѣ вдова лѣтъ 40“, то субстанціальность атрибута, т. е. возможность въ немъ многихъ признаковъ, его большая экстенсивность сравнительно съ прилагательнымъ, будетъ мѣшать представленію его возникающимъ одновременно съ дѣйствіемъ. При этомъ казалось, что существительное въ именительномъ явится здѣсь не предикативнымъ, а простымъ атрибутомъ и будетъ понято какъ „княгини-вдова сѣдѣ“. Чтобы сохранить требуемую связь со сказуемымъ, какая существуетъ между глаголомъ и прилагательнымъ въ „сѣдѣ бостъ“, существительное должно было разорвать связь согласованія съ подлежащимъ въ надеждѣ и войти въ область дополненія: „сѣдѣ вдовою“. Ср. „преставися княгини Глѣбовая Всеславича.. сѣдѣвши по князи своемъ вдовою лѣтъ 40“, Ип. 82. Этотъ древнѣйшій тв. предикатив., подобно твор. образу въ тѣсномъ смыслѣ, имѣетъ то общее со вторымъ именительнымъ прилаг. при глаг. меньшей энергичности, что означаетъ 493 нѣчто представляемое (но не возникающее) одновременно съ дѣйствіемъ. Между тѣмъ болѣе поздній твор. предикатив., ставшій при глаголахъ большей энергичности, кромѣ случаевъ при естѣ, раздѣляетъ свойство второго падежа при этихъ глаголахъ, означая нѣчто слѣдующее за дѣятельностью. Къ значенію твор. перваго рода („летаеть орломъ“) мы можемъ близко подойти, глоссируя ихъ такъ: „будучи въ тоже время орломъ“, „имѣя въ тоже время видъ орла“, хотя эти объясненія генетически отнюдь не предполагаются объясняемымъ. Но творительные втораго рода („липой стала“, „оборотилась кукушкою“ съ чѣмъ ср. именительный въ серб. „она се прометну овца“) такого объясненія недопускаютъ: въ то время какъ становилась, оборачивалась, она еще небыла липою, кукушкою.

Чѣмъ слабѣе энергія глагола, тѣмъ слабѣе будетъ связь, устанавливаемая имъ между предикативн. атрибутомъ и подлежащимъ или объектомъ и тѣмъ слабѣе должно быть сопротивленіе слова, привлекаемаго къ атрибутивности, для того, чтобы предикативно-атрибутивная связь его съ подлежащимъ или объектомъ могла состояться. Прилагательное представляетъ меньшую степень сопротивленія, чѣмъ существительное, и потому оно долѣе удерживается при глаголахъ меньшей энергіи. Его связь съ такими глаголами можетъ быть разорвана легче, чѣмъ съ глаголами большей энергичности. Для этого достаточно измѣненія рода въ средній, вмѣстѣ съ чѣмъ предикативный атрибутъ становится обстоятельствомъ (стр. 170—3); ср. польск. „szedł pieszo, boso“ съ „zda-

wał się pieszy". Есть нѣкоторый параллелизмъ между тѣмъ, что при гл. меньшей энергіи русск. литер. яз. ставитъ членную форму прилагательнаго, и тѣмъ, что при этихъ глаголахъ раньше всего появился твор. предикативный (ср. выше, стр. 174 слѣд.).

4. Къ разсмотрѣнному случаю примыкаетъ твор., который, по аналогіи съ назв. творительнаго предикативнымъ, можетъ быть названъ ап-494 позитивнымъ, п. ч. замѣняетъ простую аппозицію, въ случаяхъ соотвѣдствующихъ лат. Cicero consul (будучи консуломъ) dissuasit legem и подобнымъ съ косвенными падежами. Этотъ падежь слѣдуетъ отличать отъ позднѣйшаго тв. предикат., замѣняющаго согласуемый падежь въ „будучи консуломъ“, ибо какъ ни сходны кажутся случаи „ребенкомъ лишилась она матери“ и „будучи ребенкомъ“, но первый не предполагаетъ второго, не долженъ разсматриваться, какъ сокращенное придаточное предл. (какъ у Бусл. § 246, 3); но и не непременно на-оборотъ, такъ какъ „будучи ребенкомъ“ можетъ предполагать непосредственно причастіе съ именительнымъ.

Аппозиція занимаетъ середину между сказуемымъ и атрибутомъ, или опредѣленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ. Существительное въ ней, по слабости сопротивленія дифференцирующему стремленію языка и по времени замѣны творительнымъ, чуть ли не превосходитъ существительное, стоящее какъ предикативный атрибутъ при гл. меньшей энергичности, ибо энергіи глагола при аппозиціи вовсе нѣтъ. Внутреннее сходство тв. аппозитивн. съ тв. предикат., стоящимъ при глаголахъ меньшей энергичности, то, что и первый означаетъ не слѣдующее за дѣйствіемъ, какъ ниже разсматриваемые тв., но, въ отличіе отъ второго, и не строго одновременное съ дѣйствіемъ, а скорѣе субъективно прошедшее, продолженіемъ своимъ опредѣляющее время дѣйствія. Поэтому Веберъ (Skladba ilirsk. jez. § 17, 6, в.) не безъ нѣкотораго основанія относитъ этотъ падежь къ тв. времени: „Едип погоди, да она загонетка знаменује човјека, који джететом иде ногама и рукама, човјеком—само ногама, а старцем да се на палицу упирати мора“. Впрочемъ съ этимъ можно бы согласится лишь тогда, если-бы этотъ твор. болѣе таготѣлъ къ сказуемому (какъ въ тв. времени „я пришелъ днемъ“, гдѣ тв. неимѣетъ замѣтнаго отношенія къ подлежащему), если-бы этотъ твор. неозначалъ состоянія и не былъ творительнымъ совпаденія, коимъ твор. времени 495 въ тѣсномъ смыслѣ не бываетъ. Этотъ оттѣнокъ (имамъ дщерь дѣвою) иногда весьма близко подходитъ къ выражаемому посредствомъ еще, noch и лит. dar: „asz turiu dukterį dar mergą“, Суд. 10, 24.

Этотъ падежь существительнаго стоитъ:

а) при именительномъ (гдѣ онъ—изъ аппозиціи субъекта): „дѣва роди дѣвою“, „дѣвою родила ѳси“; приде етера Сунклитикия дѣвоѳж,

ἦλθε Συγκλητικῆ παρθένος (Mikl. Gr. IV, 732); ѣго же мати, непознавъши мужьска ложа, дѣвицею пороуди; Кир. Тур, си. XIII в., Калайд. 33; „пострижеса дщи его дѣвою“, Лавр. 732, тогда какъ тв. предикативный означалъ бы при глаголѣ, принадлежащемъ къ болѣе энергичнымъ, не „будучи дѣвицею“, „въ дѣвицахъ“, а послѣдующее по отношен. къ дѣйствию: „постриглась въ дѣвицы“. Въ новомъ яз. „ты помнишь сколько слезъ ребенкомъ пролилъ я“, Батюшк., „ты дитей съ нимъ часто танцовала“, Гриб. (Бусл.); ребятами мы были шаловливы. Предикативный тв. при такихъ глаголахъ означалъ бы сравненіе: „она плететь косы въ трое, дѣвкою“ (по дѣвичьи), отлично отъ „во многихъ мѣстностяхъ женщина дѣвкою (пока дѣвка, въ дѣвкахъ) иначе плететь косы чѣмъ жонкою“ (бабою, замужнею) или „дѣвкою красуется косою, а бабою несвѣтитъ волосомъ“. Замѣтимъ обычные обороты, какъ „дѣвицею она была пѣвунья, (какъ и въ млр. дівкою була хороша и т. п.), въ коихъ безразлично для значенія творительнаго можно поставить подразумеваемое есть: „дѣвицею она пѣвунья, а выйдетъ замужъ замолкнетъ“ (какъ и въ млр.). Я не вижу отличія отъ этого въ древнихъ случаяхъ, въ коихъ Буслаевъ (§ 246, 3) видитъ твор. сказуемаго, именно въ „се дщи моя дѣвою“, Остр. Биб. Суд. 19, 24, (Поликсена) лѣна, голената, дѣвою, Пов. о взят. Трои, Калайд. Io. Экз. 183. Здѣсь точно также твор. аппозитивный („вотъ дочь моя (есть), дѣвицею“), и опущенный глаголъ неестъ связка, какъ въ польск. твор. предикативномъ при jest, а всегда былъ самостоятельнымъ сказуемымъ.

Миклошичъ (l. c.) упускаетъ изъ виду, что тв. аппозитивный оставляетъ сказуемое самостоятельнымъ въ замѣтно большей мѣрѣ, чѣмъ твор. изъ предикативнаго атрибута при гл. меньшей, а тѣмъ паче большей энергичности, и относить къ тв. „означающему предикативную аппозицію“ не только вышенаведенные примѣры, но и такіе, „какъ „служи инодіякономъ“, „сиротѣ отъ родителей оставленъ бысть“, „сѣди въдовицею“, „сѣлъ господаремъ“; млр. „ходити вдовцемъ“, „зацвѣв калиною“, „слово вылетитъ горобцемъ“ и пр., влр. волкомъ рыщетъ, иду воеводою, хотъ вдовою живи, и пр. (Ср. и Даничицъ, Синт. 582—3). Все это могло бы относиться сюда лишь въ томъ случаѣ, еслибъ это значило не „служилъ инодіякономъ, оставленъ сиротою“ и пр., а „во время своего инодіяконства служилъ (неизвѣстно чѣмъ и какъ)“, „во время сиротства своего оставленъ родителями“ и пр.

б) Творит. аппозит. при винительномъ (или родительномъ): „имѣхъ ѣтера прѣбывальника вѣрна зѣло и юпотою до умрътвня“, „дѣвою поѣхъ ю“ (Mikl. ib. 734); „слышу же се, яко сестру имата дѣвою“, Лавр. 47. Въ новомъ яз. „дитей возили на поклонъ“, Гриб.; млр. прокляла мене мати малою дитиною; любив тебѣ дівчиною, теперъ люблю молодичею. Это тоже слѣдуетъ отличать отъ тв. изъ 2-го винит. предикативнаго. Въ „дѣвою съхрани ѣ“ „остави ѣго сиротою“ (Mikl. ib.)

тв. аппозитивный значилъ бы не „сохранилъ ее дѣвицею“ (сохранилъ ея дѣвство), „оставилъ его сиротою“, а „въ то время, какъ она была дѣвицею, сохранилъ ее (неизвѣстно отъ чего или въ чемъ)“, „когда тотъ былъ сиротою, другой его оставилъ (неизвѣстно чѣмъ)“. На-оборотъ „дѣвою (тв. аппоз.) пояхъ ю“, понятое какъ тв. предикат., значило бы „и взялъ ее въ дѣвицы“, а понятое такъ выраженіе „онъ помнитъ ме- 197
ня гусаромъ“ создало бы въ мысли странное противорѣчіе; „гусаромъ“, какъ твор. предикативный, заставляетъ ожидать въ сказуемомъ глаголѣ большей эпергичности (какъ „сдѣлалъ“ и пр.), а гл. „помнитъ“ такому ожиданію несоотвѣтствуетъ.

в) Тв. аппоз. при дательномъ: „добрѣѣ ти ꙗсть маломоштинѣ въ животь внити“ (Mikl. ib.); нов. „еще юнкеромъ случилось мнѣ быть, по казенной надобности..“, млр. гѣрше менѣ молодежи, анѣж було дѣвчиною, и пр.

Въ случаяхъ *a* и *b* въ стар. памятникахъ встрѣчается несогласованіе въ числѣ, быть м., для отличія отъ твор. предикат.: „бѣаху дѣвою дѣштери четири прорицаюште“, Дѣян. 21, 9; обрѣтоша четири ста дѣвиць дѣвою (Mikl. ib. 734), гдѣ въ случаѣ предикативности можно бы ожидать дѣвами, болѣе согласно съ греч. *εἴρον τετρακοσίας νεαρίδας παρθένους*.

5. Тв. предикативный на мѣстѣ второго косвеннаго падежа существительныхъ.

Миклошичъ говоритъ: „этотъ твор. (предикативный вообще) можно назвать предикативнымъ, чѣмъ однако неустраняется вопросъ объ его истинной природѣ, ибо это названіе основано лишь на томъ, что этому творительному соотвѣтствуетъ въ другихъ, именно классическихъ языкахъ, именит. или винит. предикативный. Эта истинная природа, мнѣ кажется, состоитъ въ идеальномъ движеніи, на которое указываетъ также сред. лат. *tollere aliquam ad uxorem*, ст. фр. *eslire à roi*, нѣм. дат. съ „zum betler werden“ и подобныя выраженія другихъ языковъ. Исходною точкою этого твор. были предложенія (*sätze*), выражающія идеальное движеніе, возникновение (*ein werden*), превращеніе въ нѣчто другое, а за-тѣмъ его употребленіе перешло черезъ назначенные этимъ предѣлы (Gr. IV 727). Но славян. творительному предикативному чуждо представляете движенія къ предмету, которое есть въ „*ad uxorem*“, „zum betler“. Сходство съ лат., фр. нѣм.—только въ значеніи глаголовъ, при коихъ стоитъ твор. Выраженіе „истинная природа“ о формахъ представляющихъ нѣсколько оттѣнковъ т. е. такихъ, которыхъ единство есть лишь отвлеченіе съ методическою цѣлью, получаетъ надлежащій смыслъ лишь благодаря отождествленію его съ „исходною точкою“ ряда явленій. „Идеальное движеніе“, какъ приложимое къ раз

498 нымъ точкамъ развитія твор. предикативнаго, грамматически неопредѣляетъ его исходной точки. Первая изъ 3 группъ, на которыя Микл. дѣлитъ тв. предикат., есть та, въ коей твор. соотвѣтствуетъ 2-му винит. (resp. родит.) при глаголахъ дѣйствит. съ общимъ значеніемъ называть, считать, дѣлать кого чѣмъ. Но, по моему мнѣнію, она не есть древнѣйшая. Изъ нея только случаи какъ „звать кого братомъ“, если предположить въ основаніи: звать кого посредствомъ имени, рассматриваемаго какъ орудіе, которымъ призываютъ, быть м. примыкають къ другимъ предшествующимъ творительнымъ; но и они по времени возникновенія кажутся позже тѣхъ твор. совпаденія, которые нами рассмотрѣны выше. Кажется, что твор. предикативный, замѣняющій 2-й вин. и родит., еще не встрѣчается въ ст.-сл. памятникахъ, древнѣйшихъ по характеру языка, какъ Остр. ев. и Савина книга. Что же до Супр. р., относимой тоже къ XI ст., то присутствіе въ ней рассматриваемаго твор. (прѣступникомъ зъвати и пр. Mikl. IV, 728) между прочимъ служить указаніемъ на то, что языкъ ея, по характеру, позднѣе языка Остр. ев.: не бо ѣсть цѣсаремъ того (Юулиана) нарешти, довьлѣтъ бо ѣму безаконникомъ и прѣстѣпникомъ зъвати и, Супр. 167, 2 (т. е. не зъватиса, а довьлѣтъ ѣму, да зоветь (нѣкто) и); зовѣ отьца отьцемъ ib. 228, 1; вѣсть бо писаниѣ закономъ нарицати Моусиѣжъ 259, 21; сѣштѣжъ блѣдницѣ невъзъва блѣдницежъ, нъ женожъ 293, 9; духомъ же зовуть вѣси пророци и душу члюю, Іо. Экз., Шестодн. 138; нѣсть лѣпо звати чюждимъ именемъ ib. 70.

Въ ст. русск. пам. употребленіе здѣсь твор. существительнаго (но не прилагат.) сначала почти лишь столь-же обыкновенно, какъ и употребленіе согласуемаго надежа. Ср. съ одной стороны „поставиша Феодиста епископа Чернигову“, Новг. I и т. п. (см. стр. 305 сл.), съ другой: отпусти ю, нарекъ ю дочерью собѣ, Лавр. 26; землю глаголють матерію, ib. 49; дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же зващеть самъ раемъ, Ин. 81; и отцемъ мя назвалъ, и язъ его сыномъ, ib; бояре же галичѣстїи Данила княземъ собѣ называху, а самъ всю землю держаху. Ин. 179; лаялъ ми посадникъ вашъ Остафей Дворянинецъ, назвалъ мя псомъ, Новг. I, 32; Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его, Лавр. 53; азъ быхъ человекъ, да Богомъ человекъ створю, Кир. Тур. Ст. XIII в., Кал. 48; иде къ великому Антоню въ пещеру, моляся ему, дабы и створилъ черноризцемъ, ib. 82; постави 499 Ярославъ Ларїона митрополитомъ Русина; поставити Феодосѣя игуменомъ, ib. 79; Тъгда же Антона игуменомъ Нифонтъ архиепископъ постави, Новг. I, 6; постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ, ib. 9. поставиша Дионисѣя игуменомъ, ib. 13; поставиша игуменомъ Саву, ib.; матеръ (вин.) мя своего възплъщениа показавъ, и паки дѣвою съхрани, Кир. Тур., си. XIII в., Калайд. 30; ты мя имѣи отцемъ и честь на мнѣ держи, яко же братъ твой Изяславъ честь на мнѣ держалъ и

отцемъ имѣлъ, Ип. 75; даже отцемъ мя имѣти начнеть, то и язъ и сыномъ имѣю собѣ, ib. 149; къ тобѣ хрестъ цѣловаль есмь имѣти тя сыномъ собѣ, ib. 66; поклонишася Юрью вси, имуще его отцемъ собѣ и господиномъ, Лавр. 192; ириведоша съ собою Арсенія, хотяще его поставити на владычество въ Пльсковъ, а Новагорода нетворя ничимъ, Новг. I, 75; благословилъ мя патріархъ Филоеѣй митрополитомъ на всю рускую землю... аще приметъ тя князь великій митрополитомъ всей русской земли, и намъ еси, митрополитъ, ib. 91; кого отъ мене къ себѣ намѣстникомъ а къ себѣ княземъ хотите, Пск. I, 244.

Соотвѣтственно этому и второй дательный, должно быть, началъ замѣняться творительнымъ гораздо раньше XV в.: „ему (князю Ив. Андр. Можайск.) писаться господарю нашему королю въ докончальныхъ и во всякихъ грамотахъ братомъ молодшымъ“, 1448, А. З. Р. I, 62.

Въ новомъ яз. случаи 2-го вин. сущ., какъ „я бралъ тебя жену себѣ по разуму“ (Барс. Прич. I, 278), крайне рѣдки. Въ нов. литератур. языкѣ творительный существуетъ здѣсь уже не возможенъ только, а необходимъ. Выраженія „называю васъ друзей“, „уже называю васъ рабовъ“, не только теперь, но, если не ошибаюсь, и въ прошломъ вѣкѣ, уже немогутъ быть поняты въ смыслѣ „называю васъ друзьями“ и пр. Необходимо: „кукушку соловьемъ честить я могъ заставить, но сдѣлать соловьемъ кукушки я не могъ, Крыл.; безхвостый этотъ родъ... нашими вездѣ себя царями пишетъ, id. Что до тв. изъ 2-го дат., то онъ кажется новѣе [такъ-какъ 2-й дат. существуетъ при бытъ встрѣчается еще у Фонвиз., см. выше стр. 392]; но рѣшительно преобладаетъ въ прошломъ вѣкѣ и необходимъ теперь, „знаю, что человекъ 500 нельзя быть ангеломъ“, Фонв.: „для него моей падчерицѣ и не быть вашей снохой, id.; что за коммиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ! Гриб., вѣдь почему хочется быть генераломъ? Гог.

Такъ и въ млр.; „Невтесом всі ёго дражили, Котл.; громада зібралась на пораду, кого начинити сотником, Кв.; оттак-той й постановили ёго сотником, id.; кому бути паномъ? и пр. (См. и Mikl, IV, 729 pass.).

Несоставляютъ исключенія и мѣстоим. существительныя.

Изъ такой всеобщности правила въ новомъ языкѣ слѣдуетъ, что и въ старинномъ твор. появился здѣсь раньше, чѣмъ на мѣстѣ второго именительнаго существ., который отчасти сохраняется до-нынѣ. Легкость перехода 2-го падежа существ. въ творительный соразмѣрна со степенью его грамматической объектности, которая больше въ косвенныхъ пад., входящихъ въ составное дополненіе, чѣмъ въ именительномъ предикативномъ, согласуемомъ съ подлежащимъ.

б. Тв. существительнаго на мѣстѣ предикативнаго именительнаго при гл. бѣльшей энергичности. Здѣсь, какъ и выше, слѣдуетъ замѣтить, что въ Остр. ев. этотъ твор. еще отсутствуетъ.

Въ другихъ цсл. пам.: сицевъ недѣтъ фѣрисеи и книжьникъ, иже прѣжде-
звѣнаниа чѣтътъ и нарицатисѣ оучителѣмъ величѣхтъсѣ, Супр. 250;
та (ѣзера) не соутъ прозвана моремъ, Io. Экз., Шестодн. 69;

плѣти твоѣ всѣ съвратъ и сокомъ сѣ сътворатъ, Супр. 170 (*caro tua fiet succus*); мѣнетъ же, яко илектръ слѣза ѣсть садовная, то же сътевъ, камениѣмъ се створитъ, Io. Экз. ib. 101; прѣвоѣ знамениѣ въ ветѣсѣмъ законѣ—рѣка крѣвию прѣтварѣема; прѣвоѣ знамениѣ въ но-
вѣмъ законѣ—вода виномъ прѣтварѣема, ib 6;

отъдаѣтъ ѣмоу все то село, да бѣдетъ властиѣ ѣмоу на монастырь,
Супр. 152; се то ти ѣсть дивно: и мѣжа незнаѣши и родиши.. и си-
ротѣмъ дѣтишь небѣдетъ, ib. 173;

небѣди никтоже Иудѣмъ тоу, небѣди никтоже зѣль, небѣди никтоже
имѣна ядѣ, ib. 314;

дѣвоѣ бо бѣ Еуга, ѣгда прѣльствъ приатъ, ib. 374;

своѣмъ влѣхвовѣноѣмъ хытростиѣ измѣняѣса, иже претварѣше сѣ,
овогда тоуромъ бывъ (*ταῦρος γενόμενος*), овогда крилатамъ пѣтицамъ
подобѣ сѣ, ib. 5;

азъ же невѣдѣ, аше (философы учаще о переселеніи душѣ) соу
были коли рыбами или доубьемъ.. нѣ обаче, ѣгда соутъ псали сиѣ
рѣчи тако, то и рыбы соутъ были безгласнѣше и безоумнѣше, Io.
Экз. Шестодн. 174.

Тв. при ѣсть, но въ знач. болѣе конкретномъ („является?“) во „все
тѣло ѣсть извоѣ, Григ. Наз. XI (?) в., Mikl. 730; но при ѣсть=est
тв. возможенъ не въ ст. сл., др. и нов. русс. а лишь въ поль. Ср.
„зовѣ отъца отъцемъ, да аште ми нѣствъ отъць отъць оудрѣжитъ
мрѣтвааго вскрѣсениѣ; аште ми нѣствъ отъць отъць, ставитъ сѣмрѣть
издати мрѣтвааго; зовѣ отъца отъцьмъ, зовѣ и Лазара изъ жоупишь:
да аште нѣствъ прѣво истина, то и се небѣдетъ. Супр. 228.

Въ ст. русск. пам. твор. здѣсь еще равноправенъ съ именительнымъ:
у Ярополка жена грекини бѣ и бяше была черницею, Лавр. 32; бѣ
была мати его черницею, ib.; якоже бѣ преже рождества дѣвою, та-
коже и по рождествѣ пребысть дѣвою, XIV в. Срез. Ск. о Бор. и Гл. 3;
Судиславъ бысть чернцемъ, Лавр. 70; вратися увѣдавъ смерть канову
501 и бысть каномъ, Ип. 177; патриархъ Филосей, преже бывъ ираклій-
скимъ митрополитомъ Новг. I, 86; съгна отця съ престола и самъ ца-
ремъ ста, ib. 27; коли Богъ дастъ, стану митрополитомъ, 1398 А. З.
Р. I, 27; поча по миру ходити (Исакій) тако уродомъ сѣ творя, Лавр.
84; се по истѣнѣ являетеса топерво въ образѣ звѣринѣмъ и скотьемъ,
и змѣями, и гадомъ, аци же сами есте скверни, зли въ видѣнни, ib. 85
(въ обоихъ случаяхъ сѣ—не винительный, а знаѣ медіальности, поче-
му въ основаніи творительнаго лежитъ именительный); приѣха Сам-
сонъ къ митрополиту ставитися владькою, Новг. I, 106; поставленъ

бысть Алексѣй архиепископомъ Новугороду, ib. 87; поставленъ Романъ паремъ въ Грецѣхъ, Лавр. 18; поставленъ бысть Никола Гречинъ епископомъ, Ип. 127. Гораздо раньше, чѣмъ при страд. сказуемомъ, долженъ былъ появиться тв. при страд. прич. аппозитивномъ въ косвенномъ падежѣ („о отроцѣ сиротою оставленѣмъ“, Mikl. IV, 732) и при именахъ отпричастныхъ: „хочеть ми помочи на поставленѣе митрополитомъ“, 1395, Ак. З. Р. I. 27.

Новый русск. литер. яз. позволяетъ заключать, что этотъ твор. появился сначала въ одной части глаголовъ большей энергичности, потомъ въ другой и наконецъ даже до сихъ поръ не коснулся нѣкоторыхъ сочетаній. Говоря объ этомъ языкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе не только на упомянутое подраздѣленіе глаголовъ, но и на различіе глагольных формъ.

а) Изъ группы сказуемыхъ большей энергичности (см. выше 174 сл. 178 сл.) выдѣляется меньшая группа, въ коей это свойство какъ бы усиливается, такъ какъ при нихъ предикативн. именит. сохраняется упорнѣе, чѣмъ при остальныхъ, хотя уже и рядомъ съ творит. Таковы у писателей не только прошлаго, но и нашего вѣка глаг. стать (въ зн. werden, а не sich verändern in etwas), сдѣлаться, казаться въ опредѣленно личныхъ формахъ (v. finit.) и немногіе другіе, кромѣ ⁵⁰¹быть, о которомъ рѣчь особо: аа) именительный: ругаль, ругаль... ужъ я стала у него и свинья, и дура, а вы сами видите, дура ли я? Фонв.; теперь большой онъ баринъ сталъ, Кр.; Шаховской сталъ посредственный стихотворецъ, Пушкин.; ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ и сталъ извѣстный господинъ id.; сдѣлалась моя Матрена ни пава, ни воропа, Кр.; такой (я) дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда небывалъ, Гог.; однако же, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какіе мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! id.; хозяинъ, родомъ Яицкій козакъ, казался мужикъ лѣтъ шестидесяти, Пушкин.: она казалась хладный идеаль тщеславія, id.; кромѣ васъ, ему міръ цѣлый казался прахъ и суета, Гриб.; онъ такой оказался, вышелъ, выдался мерзавецъ; ср. у Фонв. „я тебя научу, какъ съ отцомъ говорить должно... жаль, что нѣтъ со мною палки! эдакой скосырь (=надменный чело-вѣкъ) выѣхалъ;“ бб) Творит.; онъ сдѣлался повѣсою и тѣмъ хуже, что сдѣлался повѣсою французскою, Фонв.; корабль безъ парусовъ игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ, Кр.; міръ казался прахомъ и пр. Довольно трудно въ точности опредѣлить кругъ этихъ глаголовъ для нашего времени. Иное, кажущееся устарѣлымъ, еще держится, какъ „остаюсь вашъ покорный слуга“ (заключительная формула писемъ), но „остался у меня слугою“. У Гриб. „теперь, пускай изъ насъ одинъ, изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій“. Несомнѣнно только, что этотъ кругъ къ нашему времени суживается. Въ этомъ отношеніи поучительно, хотя несправедливо, что Востоковъ, сказавши о сочета-

ни какъ именительнаго, такъ и творительнаго съ глаголомъ существительнымъ, продолжаетъ: „только одинъ глаголь (изъ остальныхъ, кромѣ есть), употребляемый въ просторѣчїи къ обозначенію связей родства, сочиняется съ существительнымъ сказуемаго“ (т. е. съ именитель. 503 предикативн.) „во всѣхъ временахъ своихъ, напр. онъ мнѣ доводится родственникъ, она ей доводится двоюродная сестра, онъ ему доводится свать“ (Русск. Гр. § 122). И здѣсь болѣе обыченъ твор.: „довѣдїтся: внучатнымъ дядей“, (Даль, Слов.) какъ и „она приходится мнѣ двоюродною сестрою“.

б) При остальныхъ глаголахъ (vb. finit.), принадлежавшихъ прежде къ одному разряду съ а), теперь именительный уже очень устарѣлъ, даже невозможенъ. Таковы личные ф. глаголовъ называться, прозваться, именоваться, слыть, ститаться, остаться, а также стать въ зн. оборотиться во что („мужъ праведный сталь дубъ“, Бусл. Гр. § 246, нынѣ невозможно). Такъ: назвался грибомъ (а не „грибъ“), „онъ всегда слылъ мужикомъ разумнымъ“, Фонвиз. (а не „мужикъ“); онъ считается знатокомъ (а не знатокъ). Само собою, что твор. столь же необходимъ при причастныхъ формахъ этихъ гл. Въ млр. съ одной стороны именит., съ другой творит.: городъ звался Кархваген, Котл., по нашему ж то-б звался Охрім, id.; жила з сестрою тутъ Дрімота, сестра же звалася Зівота, id.; через такі ярмарки се вже не слобода звалася а містечко, Кв. (=не слободою звалася а містечкомъ); и став він из Забрѣценка вже сам Забрѣха, Кв.; хто стається вівдею, того вовк звість; тепер же я сиротою на віки зостала, Метл. 54.

в) Причастныя формы глаголовъ а), по необходимости при нихъ творительнаго, стоятъ на одной ступени съ глаголами б). Такъ неопредѣленное: захотѣлъ сынокъ барономъ сдѣлаться и сдѣлался баронъ, Хемниц. у Бусл. I. с.; его цѣль сдѣлаться героемъ романа, Лерм. оиъ могъ показаться челоуѣкомъ (а не „челоуѣкъ“) лѣтъ шестидесяти; причастїя и дѣеприч. дѣйствит. („ставшїй, сдѣлавшїйся в. „ставши, сдѣлавшїсь важнымъ челоуѣкомъ“, а не „челоуѣкъ“) и причастїя страд., будутъ ли они входить въ сказуемое (поставленъ, объявленъ, показанъ, сдѣланъ, назначенъ, посланъ, избранъ, проставленъ и пр. „и если карлой сотворенъ, то въ великаны нетянїся, Кр.; этотъ франтъ прїятель отъявленъ мотомъ, сорванцомъ, Гриб.) или будутъ аппозитивны. Тв. здѣсь необходимъ и въ млр. Архаическіе случаи съ именит. очень рѣдки: „Пархім, зоставшїсь після батька сам собі господарь (=зоставшїсь г-ем), невміє кінців ні у чому звести“. Эта меньшая способность причастныхъ формъ сдерживать при себѣ именительный предикативный, сравнительно со способностью формъ личныхъ, согласна съ тѣмъ, что эти формы и съ самага начала были лишь второстепенными предикативными связками.

г) Въ формахъ, относимыхъ къ существительному глаголу, слѣдуетъ различать, по употребленію при нихъ именительнаго и творит. существ., уже нетолько причастныя формы отъ остальныхъ, какъ выше, но, по видимому, и въ причастныхъ ф. одни сочетанія отъ другихъ, и въ личныхъ настоящее время отъ остальныхъ.

а) Причастныя ф. быть, будучи, бывши менѣ копулативны чѣмъ остальные, т. е. при послѣднихъ двухъ твор. необходимъ: „будучи честнымъ человѣкомъ“, „бывши студентомъ“. Тоже и при быть („Филинъ взялся быть ослу проводникомъ“, Кр.; „воспитаніе должно быть залогомъ благосостоянія государства“, Фонвиз.), но съ ограниченіемъ. Востоковъ (Р. Гр. § 130) упоминаетъ только объ именительномъ прилагательныхъ качественныхъ и причастій при быть послѣ можетъ, долженъ. Тѣмъ неменѣ, въ отличіе отъ неопредѣленнаго прочихъ глаголовъ,* требующаго во всякомъ случаѣ творительнаго („онъ можетъ, долженъ сдѣлаться, стать человѣкомъ“), быть съ можетъ и долженъ можетъ на-столько приближаться ко значенію одной модальной формы дебитивной или потенціальной, что по степени копулативности сравнивается съ личными формами гл. а) и допускаетъ и именительный существительныхъ: „царь долженъ быть судья, министръ и воинъ“, Крыл.; нашъ директоръ долженъ быть очень умный человѣкъ: весь кабинетъ 505 его уставленъ шкафами съ книгами, Гог. Въ мдр., какъ и въ литер. „твоимъ быть братомъ нестижуся“, Котл.; но встрѣчается именительный и въ другихъ случаяхъ, чѣмъ въ литер.: „уповала, мамцю; на жупаны, думала бути за нимъ пані; уповала, мамцю, на керею, думала бути попадею“, Метл. 237.

б) При былъ, буду, будь именительный и творит. теперь равноправны; отъ употребленія того или другого зависятъ тонкіе отѣнки смысла. Съ одной стороны: мужикъ работникъ былъ прямой, Кр.; вѣдь и давеча былъ я тотъ же Скотининъ, Фонв.; конечно мы были пріятели, Лерм.; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ противорѣчій сердцу или разсудку, id.; я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ, id.; Фома Фомичъ при трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья, Гриб; теперь въ отставкѣ, былъ военный (substantive), id.; кабы я была царица! Пушк.; будь страстей твоихъ владѣтель, будь на тронѣ человѣкъ! Держ.; будь одна изъ васъ ткачиха, а другая повариха, Пушк.; будь овца отвѣтчикъ иль истецъ, а волки все-таки овецъ въ лѣса таскають, Кр.; есть люди, будь лишь имъ пріятель, то первый ты у нихъ и геній и писатель, id.; хоть ты ангелъ будь, такъ не минуешь съ ними драги, id.; будь я примѣрно, чортъ, сталъ ли бы я.. Гог.; пускай послужить въ арміи, да потянетъ ляжку, да будетъ солдатъ, а не шематонъ¹⁾ въ гвардіи, Пушк.; молодецъ ты будешь

¹⁾ Вм. шеметунъ или шамотунъ. Шеметать, шеметиться, суетиться, хлопотать по пусту, заниматься пустяками; шѣметень и шеметунъ, хлопотунъ и пр. Бо-

506 съ виду и казакъ душой, Лерм. Съ другой стороны, твор.: успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ полтавской битвы, Пушки.; главною его слабостью была страсть къ прекрасному полу, id.; къ тому-же небылъ онъ, по его выраженію, и врагомъ бутылки, id.; первую мыслью моею было опасеніе, чтобы батюшка непрогнѣвался, id.; чтобы мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ душою вы, вамъ угожденье, Гриб.; когда бы службу продолжалъ, конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ, id.; если-бъ я былъ царемъ и паномъ великимъ.. Гог.; я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ, Лерм.; я предчувствую, что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой, id.; будь я царемъ... и пр.

Изъ подобныхъ примѣровъ видна несостоятельность мнѣнія Востокова: „при буду и будь существительное полагается въ именительномъ падежѣ, когда глаголы сіи употреблены предположительно, напр. въ игрѣ говорятъ: „я буду волкъ, а вы будете овцы“ (т. е. я приму на себя лице волка, а вы будете представлять овецъ).. „небудь я честный человѣкъ, ежели несдѣлаю этого“ (т. е. пусть буду я печестнымъ человѣкомъ). Но когда буду, будь употреблены положительно, тогда существительное ставится въ творительномъ, напр. „онъ будетъ богачемъ“, „будь честнымъ человѣкомъ“ (Р. Гр. § 121). Напротивъ, совершенно правильно будетъ сказано, съ одной стороны, въ игрѣ „я буду волкомъ“ и предположительно „будь я волкомъ“, а съ другой положительно: „будь царица“ и пр.

Въ млр. Еней збуде сильне царство, немалий буде він панок,.. и всім їм буде ватажок; я твій товариш буду щирій; чи будемъ ми собі брати?; слізки ронила и здихала, що Турн князѣк nebude зить, Котл.; ходім, сестро, степами, розсіємось цвітами: ой ти будеш жовтий цвіт, а я буду синій цвіт, сб. Костом. въ Млр. сб. Мордовц. 235; бо й вона (мати) стане панею, як буде копитаньська теща, Кв. С. Окс.; що за гарну снідницю їй справив! люстринову, и юпку парчеву.. що вже на всю губу пані буде, ib; ви будете (если сдѣлаете то-то) душогубці и мої, и от сихъ сиріточок, Кв. Б. д.; він син був богобоязливий; и хто 507 пив разом пів кондийки, то той Енеєві був брат; и всім відьмам був родич кривний; ні в чим небув страхополох; поромщик.. їх єму слуга був найвірнійшій; Цибелла ся була ласуха; мій батько був сердюк опрішний; тогдіб Турн первий лицарь був (еслибъ убилъ Энея), Котл., я ще вчивсь склади писати, бо був ще хлопця, Кв., и пр.

Съ другой стороны:

Ой небудеш ти мені жоною, я тобі дружиною, Метл. 60; вона буде (=станет) панею, мати буде у роскоші жити, Кв. С. Окс.; нехай хто

дѣе первообразно знач. пол. szamotać się, шататься, рваться въ разныя стороны. Отсюда въ другую сторону пошло зн. вилать въ нравств. смыслѣ, лукавить; чеш. šemetiti, falsch reden, šemetnú, ošemetnú, лукавый, обманчивый.

хоче забіра (скриню съ мужицкимъ добромъ), я вже панею буду, ів.; воно (добро), як було усе ваше, такъ и буде вашим, и я й сам по вік ваш, Кв. Ш. Л.; матіночка моя, непроклинай же тієї, що була твоєю доненькою, Кв. С. Окс. (а теперъ недостойна ею быть); Цибелла, знають у всіх школахъ, що матерью була богів, Котл.; суддею був ведмідь, вовки були підсудки, Греб.; недайте паньматці вмерти од нужди, ій будьте сином, Котл.; будьте мені батеньком ріденьким, Кв., и пр. Вообще въ вост. мдр. сравнительно съ рус. литер. скорѣй замѣтна большая архаичность въ употребленіи именительнаго, чѣмъ на-оборотъ, какъ въ поль. Творительный ни въ какомъ случаѣ не ставится только потому, какъ утверждаетъ Осадца § 444, что съ него начинается рѣчь: старшим боярином був з города парубок Василь, Кв. (Ср. Малес. Gr. Pol. § 701, а). Тотъ-же падежъ могъ бы стоять и на концѣ, и наоборотъ именительн. предикат.—въ началѣ.

7) При настоящемъ вр. есмь и пр. по Буслаеву, твор. въ рус. лит. яз. есть полонизмъ, что справедливо относительно „и смѣлый, дерзкій шагъ есть подвигомъ геройства“ Дмитр. (Бусл. Gr. § 246, пр. 2), но невѣрно въ примѣненіи къ случаямъ, какъ приводимые ів. пр. 1, изъ Жуковскаго: „иная слава намъ предметомъ“; „а для насъ, боговъ нетлѣнныхъ, что усладою утратъ?“. Подобные примѣры воплиѣ обычны и своеобразны: А нѣкоторыми дѣлы тое ея станетъ... .. ино ся моя грамота не грамотою, а дѣло не дѣломъ, 1448, Ак. З. Р. II, 55; А кто-жъ у насъ большой набольшой? И кто-жъ у насъ воеводою? Вадимъ-сударь большой набольшой, Васильевич воеводою, Шейн., Р. и п. 469, „я по дѣламъ гонцомъ у барина большого“, Крил.; „а тетушка? все дѣвушкой, Минервой? все фрейлиной Екатерины первой? Гриб.; а для тебя придумалъ басенку, пока еще ребенкомъ, ты вытверди ее, Кр. (ср. стр. 505—6); моя жена причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, Фонвиз.; этотъ человекъ всегда причиною мнѣ ужаснаго разстройства, Гриб.; французская словесность, вѣроятно, причиною сего явленія, Пушкин.; 508 политическая ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV причиною такого явленія, какъ бы то ни было.. id.; несчастія, которыхъ ты виною, Крыл.; каждой капли слезъ и крови ты виною; id; признайтесь, вы этому одни виною, Лерм. 1) Для этихъ примѣровъ характерично, во первыхъ, то, что въ нихъ глаголѣ постоянно

1) Въ вост. мдр. „для мене білий світ єсть тьмою“, Котл. (т. е. кажется, представляется); ой накажи мойму роду, що я сиротою (н. п.); скажи мойму миленькому, що я сиротою, Метл. 57 (т. е. остаюсь). Между тѣмъ нельзя погавити твор. въ случаѣхъ, какъ „меніж твоєі худоби нетреба, ти в мене худоба самая, Метл. 47; сестра моя! коса твоя—краса моя, ів. 204; а ти стара мати—порадниця въ хаті, ів. 242; щиріі любові—серденьку одрада, ів. 31; хедащо син, то—батьків гріх, Котл. Галицкіє книжные обороты „исторія єсть учительною життя“ заимствованы изъ польскаго и на востокѣ нетерпимы (ср. Mikl., IV, 737).

опускается, между тѣмъ, какъ при наличномъ есть, суть, въ отличіе отъ польскаго, творительный невозможенъ: „французская словесность есть причина того, что.. (а не „есть причиною“). Во вторыхъ, если опущенный глаголь есть именно есть и пр., то онъ не вытѣснилъ другіе глаголы, а стоитъ самъ за себя, но въ значеніи вещественномъ, сходномъ со служить, является, оказывается, остается. Для отклоненія подозрѣній въ заимствованіи изъ польскаго и въ томъ, что здѣсь опущенъ не есть, а другой глаголь, важно то, что такой же творительный при наличномъ сам и пр. есть и въ сербскомъ, который здѣсь гораздо архаичнѣе и въ употребленіи твор. предик. гораздо воздержнѣе не только польскаго, но и русскаго: „ал' сам, мајко, на Босни везиром“, Данич. Синт. 578 ¹⁾). Веберъ (Skladnja § 7, пр. I) полагаетъ, что въ серб. въ случаяхъ какъ „када је предикатомъ име“ твор. ставится лишь тогда, когда при употребленіи именительнаго было бы трудно отличить предикативный падежъ отъ подлежащаго, напр. „када је предикат име“; однако это несправедливо въ виду вышеприведеннаго примѣра. Вообще несамодѣлковый, безыскусственный языкъ недѣлаетъ себѣ насилія даже ради ясности, и если, во избѣжаніе двусмыслицы, ставить одинъ оборотъ вмѣсто другого, то лишь потому, что и первый въ немъ законенъ.

Гдѣ же рус.-лит. наличное или опускаемое есть, суть и опускаемая остальные формы неимѣютъ вышеупомянутыхъ вещественныхъ значеній, тамъ онѣ допускаютъ при себѣ только именительный существительнаго (а тѣмъ болѣе прилагательнаго), отличаясь этою исключительностью какъ отъ прочихъ формъ, относимыхъ къ тому же глаголу, допускающихъ оба падежа (я былъ царь, я былъ царемъ), такъ и отъ глаголовъ и сказуемыхъ, при коихъ возможенъ только твор. суц. („я считаюсь, оказываюсь, являюсь, названъ человѣкомъ“): „я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“, Так. обр. есмь, равно какъ и былъ и пр., какъ связка съ именительнымъ, и какъ сказуемое съ творит., какъ бы ни трудно было уловить ихъ лексич. различія, суть различные глаголы, ибо синтактическое употребленіе неестъ нѣчто безразличное по отношенію къ содержанію, какъ рубашка на тѣлѣ, а напротивъ, отдѣлимо отъ этого содержанія лишь искусственно и несовершенно.

510 7. Именительный и твор. прилагательныхъ.

Въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ русск. сборникахъ (Новг. I, Лавр. Ип.) творит. предикативн. прилагательныхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ твор. существительныхъ обыченъ, составляетъ еще большую рѣд-

¹⁾ Примѣры (ib.), какъ „да самъ тобом, ја бихъ друкчије радио“ должны быть сравниваемы не съ рус. твор. при настоящемъ вр., а съ твор. при соотвѣтственномъ наклоненіи рус. глагола (будь я тобою, еслибъ я былъ тобою), такъ какъ здѣсь въ серб. формальное единство составляетъ не одно настоящее, а настоящ. съ союзомъ: „да самъ“.

кость: „куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите уне ина ¹⁾, и болѣ же чите гость.. ти бо мимоходячи прославятъ человекѣа любо добрымъ любо злымъ, Лавр. 102. Въ ст.-сл. примѣровъ мнѣ неизвѣстно.

а) Въ новомъ русск. лит. яз. замѣтна рѣшительная наклонность ставить и твор. прилагательныхъ въ случаяхъ, гдѣ твор. существ. на мѣстѣ именительнаго аппозиціи („живымъ погребшійся въ могилѣ“) и на мѣстѣ вторыхъ косвенныхъ надежей винительнаго и родительнаго: „живой погребшійся въ могилѣ“ будетъ понято теперь скорѣе какъ подлежащее, чѣмъ какъ предикативный аттр.; „увидаль человекѣа связаннаго“—скорѣе какъ „увидаль связаннаго человекѣа“, кромѣ риторической разницы, чѣмъ какъ „увидаль связаннымъ“. Поэтому болѣе согласно съ нынѣшнимъ языкомъ было бы „мать родила меня безпечальнымъ“, „женили меня молодымъ“ (какъ и въ мдр.) (съ чѣмъ ср. болѣе древній согласуемый над. стр. 311—2, 327—8); чувствовалъ себя виноватымъ, Пушк.; считаль себя благополучнымъ; и видѣль онъ себя богатымъ лишь во снѣ, Кр.; хотя бы по ногтямъ онъ сдѣлался случайнымъ („въ случай попалъ“, сталъ любимцемъ знатной особы), никто ⁵¹¹ того несчель бы чрезвычайнымъ, id.; полюби насъ черпенъкими, а бѣленькими насъ всякъ полюбить, Гог.; увидѣли Карабахскій полкъ возвращающимся съ осмью турецкими знаменами, Пушк. Тѣмъ неменѣе 2-й винит. и родит. прилагат. ближе къ нынѣшнему языку, чѣмъ тѣ же надежи существительнаго, такъ какъ первые встрѣчаются еще у писателей прошлаго и нынѣшняго вѣка („я непомню себя безграмотнаго“, Фонв. Бусл. Гр. § 246, пр. 5), а въ оборотахъ съ одинъ, solus, остаются и до-нынѣ; „засталь ее одну“.

Обороты съ быть и творительнымъ изъ винительнаго а тѣмъ болѣе съ быть и винит. или род. (считаль себя быть благополучнаго, в. благополучнымъ, стр. 386—7) нынѣ рѣшительно невозможны.

б) Что до дательнаго (см. выше 392), то Востоковъ считаетъ этотъ надежъ прилагательныхъ и причастій, въ именной формѣ въ ед. ч. и мѣстоименной во мн., еще правиломъ при быть: быть здорову и спокойну душею—первое благо; надобно быть готову на всякій случай; намъ можно быть спокойнымъ; имъ должно быть готовымъ. Лишь какъ „уклоненіе отъ правила, допускаемое во избѣжаніе недоразумѣнія“, ставится, по его мнѣнію, творит. на мѣстѣ второго дат. въ тѣхъ случаяхъ,

¹⁾ Уне ина. Такъ слѣдуетъ читать, раздѣльно (Бусл. Христ. 476), а не слитно, какъ въ изд. Арх. ком. Смысль прямо вытекаетъ изъ предыдущаго: „куда же ходяще по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ.. ни въ полѣхъ, ни въ житѣхъ... напоите, накормите уне ина“, т. е. лучше (унѣ) чѣмъ позволять грабить, напоите, накормите много. Именное склоненіе ина, вм. мѣстоименнаго иного, сравни со склоненіемъ мѣстоим. тѣ (=отъ) въ качествѣ члена, въ сѣв. влр.: родит. ед. м. та, дат. ту.

когда сверхъ него и перваго датель. имѣется въ предложеніи еще одинъ дат., напр. „слѣдуетъ тебѣ быть покорнымъ (а не „покорну) провидѣнію“ (Рус. гр. § 130, I, д.). Миѣніе это должно быть ограничено так. о., что дат. до-нынѣ незамѣнимъ въ одинъ, solus, и самъ. ipse, при неопред. различныхъ глаголовъ („скучно быть v. оставаться, жить, ходить, таскаться и пр. одному“, „непріятно дѣлать это самому“); что въ другихъ прилагательныхъ этотъ дат. употребителенъ при быть, преимущественно послѣ словъ, сообщающихъ ему нѣкоторый модальный отгѣнокъ (можно, должно, слѣдуетъ, нельзя и пр.), еще въ нашемъ 512 вѣкѣ („зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ, такъ невоздержну на языкъ, въ презрѣніи къ людямъ такъ нескриту? Гриб.; все лучше поужинать пустыми щами, чѣмъ лечь (имъ) голоднымъ, Кр.); но что замѣна этого этого надежа творительнымъ прил. началась за нѣсколько вѣковъ до насъ („абыхмо имъ опять-зася велѣли ей послушными быти, 1483, А. З. Р. I, 104), въ литер. яз. равноправна съ дательнымъ неменѣе какъ съ прошлаго вѣка, а теперь составляетъ правило: „быть здоровымъ (а не „здорову) — первое благо“; „а правому, батюшка, для чего не быть виноватымъ“? Фонв.; ну стоитъ ли богатымъ быть? Кр.; и мысли бы боялся онъ (игненокъ) похожимъ быть на волка, id.; а кто, любезный другъ, велѣлъ тебѣ быть празднымъ? Гриб.; тѣмъ болѣе при другихъ неопред. накл. кромѣ быть: „лежать убитымъ, стать, сдѣлаться, очутиться, казаться, притворяться богатымъ“. Въ млр. при дательномъ (выше стр. 392) творительный, составляющій правило.

в) Твор. и именит. прилагательныхъ на мѣстѣ именит. предикативнаго.

а) При неопредѣленномъ глаголовъ, кромѣ быть, необходимо ставится въ именит. только прил. одинъ solus („нехотѣла жить, оставаться одна“), и пр., а остальные прилаг. въ творит. „нехотѣла жить одинокою“, Ср. выше 168.

Относительно прилаг. при быть Востоковъ (Р. Гр. § 130, 1 д) говорить, 1) что въ именит. здѣсь ставится одинъ, solus, каковъ бы ни былъ глаг. главнаго сказуемаго („любить быть одинъ“, „боятся быть одни“), тогда какъ одинъ, unus, — въ творительномъ (точнѣе: „или именительномъ“): „ты можешь быть однимъ изъ первыхъ“ (однако и „ты можешь быть одинъ изъ первыхъ“); 2) что въ именительномъ ставится прилаг. качеств. или причастіе, когда въ главномъ сказуемомъ стоять могу и долженъ; „ты можешь быть спокоенъ“, „они должны быть готовы“, „работа немогла быть кончена“, тогда какъ послѣ дру- 513 гихъ глаг.—прил. въ творительномъ: „надѣюсь быть готовымъ“, „умѣй быть полезнымъ“, „они боятся быть оставленными“. Это правило требуетъ ограниченій, Конечно, въ силу близости могу и долженъ съ быть къ значенію одной модальной формы, именительный прилаг. могъ удерживаться здѣсь дольше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, какъ при былъ;

буду, будь; тѣмъ неменѣе онъ можетъ замѣняться творительнымъ: „эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ“, Пушкин.; „вѣдь ты знаешь, что рано, или поздно, ты должна быть моею“, Лерм.; съ другой стороны, хотя при бытъ послѣ другихъ глаг. творительный ставится издавна, („кто помышленѣе, тотъ неоткажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ“, Фонв.; „тогда всякой найдетъ выгоду быть благонравнымъ и всякой хорошо будетъ“, *ib.*), но неустарѣлъ еще и именительный: „жива быть нехочу“, Фонв.; „ты хочешь быть богатъ“, и „быть богатымъ“, Крыл. Причастіе страд. тоже тѣмъ болѣе склонно къ слиянію въ одну форму съ бытъ, и стало быть къ удержанію именительнаго, каковъ бы ни былъ главный глаголь, чѣмъ менѣе вещественно значеніе бытъ: „здѣсь я имѣлъ честь быть представленъ (а не „представленнымъ“) графу Паскевичу“, Пушкин.; „тѣло должно было быть похоронено въ горахъ“, *id.*; „онъ хотеть быть убитъ“ ближе къ „чтобъ его убили“; „хотеть быть убитымъ“ ближе къ „находится въ состояніи убитаго“, „бытъ въ числѣ убитыхъ“; такова же разница между „хотеть быть любимъ“ и „я только хочу быть любимымъ“, Лерм.

β) Между причастіемъ прошедшимъ бывшій и дѣяричастіями будучи, бывши замѣтна здѣсь разница. Первое, какъ и причастія дѣйствит. другихъ глаголовъ, употребительны только въ мѣстоименной формѣ, болѣе вещественно, и потому требуетъ творит. не только существительныхъ, но и прилагательныхъ: „Н бывшій въ то время богатымъ“ (а не „богатъ“). „Будучи, бывши болѣе формальны и требуютъ тво- 514 рательнаго лишь существительныхъ, а не прилаг. и причастій: „будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастье заслужить вашу немилость“, Лерм.; „будучи вовсе незнакомымъ“ было бы ошибочно, потому что прилагательное было бы здѣсь понятно substantive, съ чѣмъ находилось бы въ противорѣчьи нарѣчіе вовсе. Ср. въ мдр. „Латин і сердцем і душею далекий бувши од війны..“, Котл.; Юнона, з неба увильнувши и гола, як долоня, бувши, но-парубѣячи одяглася, *id.*

При личныхъ формахъ глагола со включеніемъ страд. сказуемаго составнаго:

γ) Глаголы 6, б) (стр. 512) требующіе въ нынѣшнемъ яз. творительнаго существительныхъ („прикинулся дуракомъ“), требуютъ только того же п. прилагательныхъ: „прикинулся влюбленнымъ, взыскательнымъ и огорченнымъ“, Гриб.; притворился пьянымъ, считался богатымъ, слылъ умнымъ, состоитъ исключеннымъ изъ списковъ, показанъ умершимъ, объявленъ несостоятельнымъ, прославленъ храбрымъ, названъ великимъ и пр.

δ) При гл. 6, а) (стр. 511) прилагат., какъ и существит. можетъ стоять въ обоихъ падежахъ: съ одной стороны „придворный человекъ кажется всѣмъ ласковъ и снисходителенъ“, Трут. Новикова, и примѣ-

ры, приведенные выше (стр. 174—5); съ другой: военная служба кажется мнѣ очень безпокойною и угнетающею челоѣчество, Трутень; коли ночь показалаь намъ коротка, то утро за-то показалоь очень долгимъ, Пушк.; какъ она казалась утомленною! id.; „вѣтеръ выль съ такую свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ“, id. (неслѣдуетъ думать, что здѣсь подразумѣвается существительное; ср. напр. „онъ казался одушевленнымъ самыми лучшими намѣреніями“); „дворецъ казался разграбленнымъ“, Пушк. (т. е. находящимся въ состояніи раз-
515 грабленія); отъ роду эполеты неказались мнѣ столь завидными, id.; все все было тихо или казалось таковымъ, id.; нѣкоторыя черты въ его характерѣ показалиь мнѣ замѣчательными, Лерм.; воздухъ казался мнѣ проникнутымъ лучами, Салтыковъ; нынче и природа дѣлается словно озлобленною, id.; съ каждымъ днемъ подобныя минуты становились все болѣе и болѣе рѣдкими, id.; все оставалось по прежнему яснымъ, id.

Твор. встрѣчается и при глаголахъ, сочетаемыхъ съ прилаг. мѣстоименнымъ въ именит. (выше, стр. 176—7: легъ больной), небудучи аппозитивнымъ: „нашъ мужикъ бѣднякъ богатымъ легъ, а голью всталъ такою, хоть по міру поди съ сумою“, Крыл.; стоялъ первымъ, послѣднимъ, родился маленькимъ.

ε) При былъ, буду, будь творит. прилагательныхъ (кромѣ случаевъ „если ты согласна на это, то будешь моею“, Лермон.; „будь моею“) на столько менѣе обыченъ, чѣмъ твор. сущ., что слѣдующіе примѣры кажутся ошибочными: „буду вѣрнымъ (вм. вѣренъ) моему (т. е. своему) слову“; „со мной однимъ великодушною была ты“ (Карамз. Жук. у Бусл. § 246, пр. I); отъ роду солдатская шинель не была мнѣ столь тяжелою, Пушк. Подобно этому зап. млр. обороты „коби ми був милий вірним“ несвойственны восточному, гдѣ требуется именительный: „будь здоров!“ и „будь здоровий и щасливий“, Метл. 59; ой тепер я бачу, що твоя небуду, ib., 172; ой хоч лютая (зіма), хоч нелютая, небуде така, як літо було, Метл. 149.

ζ) Наконецъ при настоящемъ есть и пр., при коемъ твор. сущ.—только въ случаѣ вещественности глагола есть (стр. 515) творит. прилагательнаго ни въ русск. лит., ни въ млр. вост. неставит-ся никогда.

516 Переходя къ тому, что называютъ существенностью и случайностью значенія въ согласуемомъ предикативномъ падежѣ съ одной стороны и творительномъ съ другой, мы видимъ, что эти отгѣнки, въ чемъ бы они ни состояли, взаимно условлены, такъ что, гдѣ нѣтъ возможности сравненія ихъ въ наличномъ языкѣ или она затруднена, тамъ для не-научнаго сознанія эти отгѣнки почти несуществуютъ. Необходимость

ихъ разграниченія чувствуется преимущественно тамъ, гдѣ къ одной и той же, по видимости, глагольной формѣ, по произволу присоединяется то именительный, то творит. того же слова: „онъ былъ храбрый офицеръ“ и „онъ былъ офицеръ“ и „онъ былъ офицеромъ такого то полка“. Подобнымъ образомъ, если бы изъ двухъ существительныхъ м. р. ед. числа одно имѣло родительный только на *-а*, мѣстный только на *-ь*, а другое—оба падежа только на *-у*, какъ это было въ древнемъ язы- 518 кѣ, то, при забвеніи первоначальнаго смысла тематическихъ гласныхъ, родит. на *-а*, мѣстн. на *-ѣ* по значенію ничѣмъ бы неотличались отъ род. мѣстн. на *-у*. Но одновременно съ появленіемъ въ одномъ и томъ же существительномъ, или, точнѣе говоря, въ двухъ однозвучныхъ и ближайшимъ образомъ сродныхъ, обоихъ окончаній, появляется и извѣстная разница: „берега Дона“ и „съ Дону“; „о Донѣ рѣкѣ“ и „на Дону“; „духа“ и „духу“; „въ духѣ, о духѣ“ и „въ духу, на духу“.

Въ „онъ былъ офицеромъ“ все грамматическое содержаніе предложенія мыслится въ три одинаковыя пріема и можетъ быть сравнено въ этомъ отношеніи съ тактомъ изъ трехъ четвертей: былъ есть не связка, а самостоятельное сказуемое; офицеромъ дополненіе къ нему, стало быть нѣчто мыслимое не въ подлежащемъ, а особо отъ него, не смотря на частное совпаденіе, и въ то-же время особо отъ сказуемаго.

Въ этомъ заключенъ намекъ на субъективную возможность совмѣщенія съ тѣмъ-же подлежащимъ и сказуемымъ другихъ подобныхъ объектовъ: „былъ тѣмъ-то“ стало быть „былъ и чѣмъ-то другимъ“. Разсматривая творит. предикативный согласно съ происхожденіемъ его отъ твор. образа, можно, сказать, что онъ вызванъ предчувствіемъ соподчиненности даннаго состоянія другимъ состояніямъ, еще невошедшимъ въ сознаніе, но близкимъ къ этому ¹⁾. Упомянутая соподчиненность должна быть отличаема отъ болѣе объективной временности, случайно- 519 сти, неважности признака, какъ явленіе чисто личное. Частныя основанія соподчиненія въ разсматриваемомъ оборотѣ необозначены, о чемъ еще—ниже, по поводу польскаго языка.

Въ „онъ былъ офицеръ“ предложеніе можетъ быть сравнено съ тактомъ изъ 3 тоновъ, протяженіемъ примѣрно въ $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ съ $\frac{3}{8}$: здѣсь подлежащему ($\frac{1}{4}$) противопоставляется лишь одинъ сложный членъ ($\frac{1}{8} + \frac{3}{8}$), составное сказуемое. Мысль здѣсь неостанавливается на связкѣ былъ и пользуется ею лишь для перехода отъ подлежащаго къ мыслимому въ

¹⁾ Этимъ разсматриваемый случай отнесенъ къ разряду тѣхъ психологическихъ явленій, къ которымъ принадлежитъ между прочимъ вліяніе еще произнесеннаго звука на произносимый (регрессивная ассимиляція), а также общее расположеніе духа, возникшее подъ вліяніемъ еще неизвѣстныхъ лицу, но уже находящихся въ немъ и бродяжи кричмхъ сталлизирующихся воспріятіи: „...не знаю самъ, что буду пѣть, но только пѣсна зрѣть“ (Фетъ).

немъ атрибуту. Этимъ между подлежащимъ и предикативнымъ падежемъ, устанавливается такая связь, что въ моментъ рѣчи пѣтъ побужденія приискывать къ подлежащему другой признакъ, кромѣ даннаго въ согласуемомъ падежѣ. Въ этомъ послѣднемъ признакъ представляется неизменно несмѣняемымъ, существеннымъ, „прирожденнымъ“, „независимымъ отъ дѣлъ“ подлежащаго, а лишь безъ отношенія къ соподчиняемости. „Онъ былъ офицеръ“; конечно, говоря объективно, онъ былъ и многимъ другимъ болѣе существеннымъ, напр. человѣкомъ; но въ „онъ былъ офицеръ“ мысль обо всемъ этомъ отъ говорящаго далека.

8. Ходъ развитія твор. предикативнаго въ польскомъ вообще тотъ-же, что въ русскомъ, независимо отъ какого либо заимствованія съ той или другой стороны; но въ послѣднихъ результатахъ этого развитія замѣтна значительная разница.

а) На мѣстѣ второго винительнаго тв. ставится уже въ XIV—XV в.: uczini was włodarzami a sprawcami, Цар. I, 22, 7 (Maciejow. Dod. do piśm. Pol.); wzbudził syn moj sługō mego przeciw mnie nieprzyjacielem, ib. I, 22, 8; bądźcie li slahcic slahcicowi łajał, synem ji kurwim zowąc, 1449, Ks. Ust. 58; acz slahcic slahcicowi łajał by mieniąc ji kurwim synem, ib. 59; gdyby mać jego kurwą mianował, ib.; przeto, iż ji mienil być synem powłocznej niewiasty, ib. 47; w takąż winą skazujemy ji być upadłym, ib. 59. Въ повомъ яз. изрѣдка винит. прилаг. (moc czynienia szczęśliwych nie jest to rzecz płocha, Krasic.), чаще твор.: widziałem ja.., więcej boską, bo więcej piękną być niezdoła, Mick., Malec. Gr. § 697, гдѣ ошибочно мнѣніе, что въ „ujrzałem go nieco pomieszczanym“ слѣдуетъ подразумѣвать „бѣдсего“, а въ „żyję żebrakiem“—„бѣдс“. Употребленіе твор. при нѣкоторыхъ глаг. ограничивается и возможностью другого падежа съ предлогомъ: obrać kogo na posła (въ русск. кого чѣмъ, кого во что, zum...) uważać, osądzić, uznać, mieć kogo za co (за мадрого, за artystę), Mał. ib., между тѣмъ какъ въ русск. прилагательное—въ твор. (считать, признавать кого умнымъ), и лишь существительное возможно въ винительномъ съ за.

б) Второй дательный остается лишь въ sam, solus, ipse (Iżej nędzemu niesamemu; niedobrze człowiekowi być samemu, Linde; trzeba (mnie) samemu wszystko robić), рѣдко въ другихъ случаяхъ: pannie rozkochać się i oświadczyć pierwszej, to nasze proste i staroświeckie pojęcia przechodzi (Małec. § 687). По правилу—твор. какъ прилагат., такъ тѣмъ болѣе существительныхъ: kazała grze poczętej nietkniętą pozostać; czułem, że można być szczęśliwym. (Въ русск. см. стр. 509, 517—8).

в) Именит. предикатив. и соотвѣтствующій ему творительный.

а) При глаг., кромѣ *єс*, *бы*, творит. существительнаго на мѣстѣ 2-го именит. такъ давно составляетъ правило, что 2-й именительный

(„dla zysku kruk krukowi stał że się zły sędzia, Krasicki) почти незамѣтень, съ чѣмъ ср. русск. (6, а, аа, 511).

β) Прилагательное при составномъ сказуемомъ заключающемъ въ себѣ причастіе, теперь можетъ стоять только въ твор. (najmniejszym, wielkim będzie nazwany, Матѳ. 5, 19, при ст.-сл. серб. хорут. литов. 521 именительномъ) кромѣ sam („widzę żeś tu zostawiony sam jeden, smutny, Mick) но въ старинномъ яз. еще встрѣчается въ именительномъ: а jakoż ucziniona dusza twa dziś uwielbiona, takeż uwielbiona bądź dusza ma, XIV—XV в. Цар. I, 26, 24, (Маѳ. Dod.); tacy niebąda się moc mowić dobrymi, gdyż są nierówni dobremu mężom dompniemani, 1449. Ks. Ust. 58.

γ) При простыхъ сказуемыхъ (кромѣ ѣс, бы, о коихъ ниже) прилагательное въ именительномъ еще обычно; но такъ-какъ именная форма прилагат. кромѣ немногихъ случаевъ вытѣснена мѣстоименной, то различіе между глаголами большей и меньшей энергичности, какое существуетъ въ русск. литер. (сталь боленъ, лежалъ больной, стр. 174—8), здѣсь несказывается. Малецкій считаетъ здѣсь связкою лишь stać się („znowu na wszystko stawał się nieczuły“, Mick.), а при zdawać się, wydawać się считаетъ опущенною связку być (§ 699), что ошибочно. Ср. milczenie! w skutkach bywasz zły, lecz nie w istocie, Krasic.; wzrok niegdyś dziki stawał się pogodny, id.; odtąd mi życie stało się nie-lube, Mick.; o ty, której imię pomyśleć staje się zaśmiały, id.: żywy zostaną dla mej ojczyzny umarły, i myśl legnie zamknięta w duszy mojej cieniu, id.; jego uczucie zostanie wiecznie do Anny przykute, Goszcz.; wzrok pamiętam: musiał być wesoły, niewinny, bo kiedy patrzył na nas, zdawał się dziecinny, Mick.; pewną jestem, że zdrow powrócisz, W. Pol.; wyjdziemy sławni z niesłusznej potwarzy, Krasic.; tak brzeźna skała... trwa niewzruszona, id.; stał nieruchomy pośród nocnych cieni, Mick.; a tymczasem butelka nietykana stoi, Kras.; jak legł, tak wstał niekontent jegomość dobrodziej, id.; tam znajdziesz zbroje dawne, co zrdzewiałe leżą, Malcz.; umiem żyć samotny, Mick.; odludny dumał, id.; jeżeli się często zawiedzeni czujemy w oczekiwaniu naszym W. Pol. Sam неможець 522 здѣсь быть поставлено иначе, какъ въ именительномъ: przygoda nigdy sama nieprzyjdzie.

Съ другой стороны — творительный въ „małym kosztem został bym sławnym W. Pol.; czuła się bardzo ożywioną tém świeżym powietrzem, id.; z każdym dniem czułem się weselszym, id. Не иначе, какъ твор. въ „niekażdy bogatym urodził się“, Kras.

δ) По мнѣнію Малецкаго „сказуемая существительная“ (при ѣс, бы) ставятся какъ въ именительномъ, такъ и въ творительномъ; „сказ. прилагательная, мѣстоименная и причастная“ — только въ именительномъ, а въ творительномъ лишь какъ исключеніе, если они поняты какъ существительная или если при нихъ можно повторить существи-

тельное, къ коему они относятся (Gr. §§ 607, 701** ср. Mikl. VI, 739). Если прилагательное принято за существительное (Введ. 89—90), т. е. если оно потеряло свойственную прилагательному степень атрибутивности, какъ въ русск. разсылный, хожалый, польск. szatny, pokojowy; то разумѣется оно будетъ раздѣлять всѣ свойства существительнаго и говорить о немъ, какъ о прилагательномъ въ синтактическомъ отношеніи (Введ. 38), неслѣдуетъ. Если при прилагательномъ опущено существительное, то надежъ прилагательнаго есть лишь слѣдствіе 523 его согласованія съ опущеннымъ словомъ. Но болѣе чѣмъ сомнительно, что прилагательное въ твор. предикатив. ставится лишь въ этихъ случаяхъ. Разграниченіе между существ. и прилагательнымъ замѣтно не только при *с*, *бы*, но и въ другихъ случаяхъ, при томъ не въ одномъ польскомъ. Неужели мы должны думать, чтъ въ „мы нашли его здоровымъ“ творительный объясняется подразумѣваемымъ существительнымъ? Если вмѣстѣ съ Малецкимъ думать, что въ „*pisarz może być narodowym, ulubionym* (русск.: писатель можетъ быть народенъ, любимъ и народнымъ, любимымъ) слѣдуетъ подразумѣвать опущенное *pisarzem, писателемъ*, то nebudeť ли это равно утвержденію, нисколько нехарактеристичному для настоящаго случая, что всякое прилагательное тяготеетъ къ субстанціи, т. к. всякое атрибутивно? Съ большею или меньшею натяжкой всякое прилагательное, особенно въ мѣстоименной формѣ, можно пояснить существительнымъ („*wujazd był tak nagły*, т. е. *wujazd, же...*“, „день былъ такой ясный, т. е. день“), но это неестъ доказательство дѣйствительнаго опущенія существительнаго. Принявши, что вездѣ, гдѣ неудобно предположить опущеніе существительнаго, творит. прилагательнаго ошибоченъ именно по этой причинѣ, мы найдемъ, что языкъ образцовыхъ польскихъ писателей преисполненъ ошибокъ. Напр.: „*i święty kaptur, chociaź uwielbiony, nigdy tak moczny, tak dzielny (kapturem?!) niebędzie, żeby człek pod nim był ubezpieczony*, Krasic.; *pamiętam, bo pamięć niejest mi podwładną (pamięcią? къ чему это?)*, Mick.; *i jeśli miłość jest na co w świecie twym potrzebną (miłością? rzeczą?)*, id. Несмотря ни на какія старанія мы не находимъ подразумѣваемаго и опущеннаго существительнаго въ выраженіяхъ, какъ „*co jest lepszem*“ (т. е. *-ym*) *над złoto* (Linde), ибо мнѣніе, что *lepszem* стоитъ вм. *lepszą rzeczą* есть 524 чистый вымыселъ. Ср. также у писателя впрочемъ второстепеннаго, В. Поля: „*to waszej królewskiej mości Polska za takie dzieła wdzięczność jest winną (Polską?!); dla zwiedzenia pobożowiska w Hoszowie, gdzie Franciszek Puławski był rannym*“, id. и т. п. Если выраженія, какъ „*jest to publikacya, której pożytek i cel pocziwy aż nadto były widoczne*mi“ и точно ошибочны, то никакъ не потому, что при *widoczne*mi нельзя подразумѣвать никакого существительнаго (Mał. § 607), а по причинамъ гораздо менѣ явственнымъ.

Мнѣ кажется, что въ слав. нарѣчіяхъ и въ литовскомъ, гдѣ прилаг. ставится въ тв. предикат., особенности этого оборота слѣдуетъ искать, признавши предварительно, что употребленіе прилагательнаго въ несогласуемомъ творительномъ есть явленіе, нетождественное съ субстантивированьемъ прилагательнаго. Употребленіе существительнаго въ тв. п. на мѣстѣ пад. согласуемаго совершенно разрушаетъ его грамматическую согласуемость (атрибутивность), ибо согласованіе въ родѣ и числѣ въ „онъ былъ солдатомъ“ условлено вещественнымъ значеніемъ, а не грамматическимъ свойствомъ оборота. Какъ скоро вещественное значеніе позволяетъ, въ грамматическомъ отношеніи оказывается правильнымъ несогласованіе твор. предик. существ. и въ родѣ и числѣ. Напр. о мужчинѣ можно сказать въ томъ смыслѣ, какъ въ Шекспировомъ Снѣ въ Иванову ночь: „онъ будетъ стѣною“, „онъ будетъ стѣнами“. Въ отличіе отъ этого прилагательное въ тв. предик. теряетъ только согласованіе въ падежѣ, но необходимо согласуется въ родѣ и числѣ; противный случай указываетъ или на его превращеніе въ сущ., или на опущеніе при немъ существительнаго.

е) Для самого Малецкаго опущеніе существительнаго, предполагаемое имъ въ „*pisarz może być narodowym, ulubionym*“ оказывается недостаточною причиною творительнаго, такъ какъ онъ объясняетъ этотъ падежъ и свойствомъ ф. *być*: „при неопр. *być* наиболѣе обыкновенно сказуемое въ твор... слово *być* многимъ конкретнѣе абстрактныхъ формъ корня *єс*; оно почти переходитъ въ сферу глаголовъ, какъ *stać się, zdawać się* и пр., *ogłosić kogo czem, obrać* и пр. (§ 697), и въ этомъ, быть можетъ, причина этой особенности формы *być* (§ 701, с). Правило недостаточное, такъ какъ здѣсь, какъ и въ русск., слѣдуетъ принимать въ соображеніе, кромѣ разницы между существит. и прилагательнымъ, между неопредѣленнымъ накл. какъ менѣе копулативнымъ, и личными формами *єс*, *бы*, еще качество падежа, замѣннаго творительнымъ при *być*. Дательный какъ существ. такъ и прилагат. (кромѣ *сам* см. выше) необходимо замѣняется творительнымъ (*trzeba być ostrożnym*). Что до именительнаго, то онъ тоже съ давнихъ поръ сталъ замѣняться творительнымъ: *rzecze li się (= sze) kto być slachcicem alibo oświeconym być a inszym slachcicom tego mu nieznanym rzecz się (= są) być rownym*, Ks. Ust. 34; *niewiasta wiedz się (są) alibo czuj ot wszego prawa być odpadłą*, ib. 39. Но и теперь обыкновенъ именительный, по видимому въ условіяхъ, сходныхъ съ замѣченными Востоковымъ въ русскомъ (см. выше 6) г, а; 7), в, а, стр. 513, 518), именно когда *być* вмѣстѣ съ предыдущимъ глаголомъ склоняется къ значенію одной модальной формы: *przecież żony podległe muszą być koniecznie*, Krasic; *ach, musimy być winni, kiedy czujem trwożę, Mick.; wzrok pamiętam: musiał być wesoły niewinny, id.; w tej księgi ośnowie cóż jest, żebyście mieli być tak trwożni*, Kras. Даже существительное:

niewolnica miała być Polka z domu Potockich, Mick. Рядомъ съ этимъ, и хуже, твор. „niepojmowałem tego, żeby cnota mogła być ścicha i prosta“, W. Pol.

§) При będąс существительное, кажется, только въ творит., прилагательное и прич. страдат. въ именительномъ: od wojska swego będąс odbieżany, stanął, Kras.; najdroższego oblicza będąс niedaleki. Mick.

526 η) О значеніи творительнаго существительныхъ при существительномъ глаголѣ Малецкій говоритъ, что въ отличіе отъ именительнаго этотъ падежъ высказываетъ не „co kto jest“, а „jak kto jest?“, „jak co kto jest?“. Это можно бы назвать сказуемымъ сравнительнымъ (Gr. § 701; ср. относительно происхожденія творит. предикат. изъ твор. сравненія Zikin. Skl. § 117). „Однако, продолжаетъ онъ, такъ какъ этотъ творит. сравнительный въ конечномъ смыслѣ весьма близко подходитъ къ собственному сказуемому (т. е. именительному предикативному), то отсюда произошло, что оба представленія (wyobrażenia) почти слились между собою, въ силу чего и поныѣ и настоящія сказуемыя существительныя выражаемъ творительнымъ, напр. „on był i duszy jego spowiednikiem, on był i serca jego powiernikiem“, Mick. Хотя нѣтъ недостатка въ такихъ оборотахъ, гдѣ и теперь еще ясно чувствуя, что сказуемое, а что лишь сравненіе съ чѣмъ-то другимъ подобнымъ, мы несмѣшиваемъ между собою этихъ падежей (именит. и тв.), напр. „ta osoba jest moja matka, ale i tamta była mi prawdziwą matką“; но такимъ образомъ поныѣ различаемъ эти два рода сказуемаго лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, вообще же ставимъ существительное сказуемое, даже настоящее (не сравнительное) въ творительномъ. Этому распространенію твор. сравнительнаго на весь кругъ сказуемаго, вѣроятно, болѣе всего содѣйствовало то, что сказуемое въ твор. легче отличить отъ подлежащаго, чѣмъ сказ. въ именительномъ“ (Gr. § 701).

Такимъ образомъ выходитъ, что и въ началѣ развитія, при господствѣ согласуемаго именительнаго, и въ концѣ его, при господствѣ творительнаго,—то-же безразличіе оттѣнковъ, а разграниченіе ихъ мелькаетъ только посерединѣ. Такой взглядъ могъ произойти отъ того, что искали различія въ значеніи именительнаго и творительнаго, исходя изъ мысли, что послѣдній есть именно творительный сравненія, слѣдовательно недѣйствительности, мнимости; но такая мысль кажется натяжкою даже въ примѣненіи къ тѣмъ примѣрамъ, въ коихъ Малецкій видитъ явственное сравненіе. Сравненіе можно усмотрѣть тамъ, гдѣ оно условлено вещественнымъ значеніемъ рѣчи, напр. wasza dyplomatyka i polityka jest tylko nieumiejetną, niezręczną grą w szachy (какъ шахматная игра, потому что собственно политика неестъ шахм. игра); но кажется вовсе неубѣдительнымъ, что въ „Niemka rodem. jest Polką, całém sercem“ твор. значить „какъ бы Польша“. Въ „miłość ojczyzny była hasłem ojców naszycł“, по объясненію Малецк. нельзя было бы

сказать „hasło“, п. ч. это значило бы, что въ другихъ лозунговъ, кромѣ любви къ отечеству, небыло, и что слѣдовательно это былъ дѣйствительный и единственный лозунгъ. между тѣмъ какъ „hasłem“ значить лишь столько, какъ „jak hasło“. Но почему же нельзя думать, что въ „hasłem“ нѣчто представляется не подобіемъ лозунга, а настоящимъ лозунгомъ, какъ въ „hasłem naszym jest zwycięstwo“; „w gromadnego liczbie zakonnika krzyk Gaudentego hasłem (т. е. служить, является знакомъ) dobrych wieści“, Krasic.? При томъ замѣтимъ, что въ послѣднемъ случаѣ Малецкій неограничивается противоположеніемъ дѣйствительности и сравненія (мнимости), но прибѣгаетъ къ противоположенію единственнаго атрибута и атрибута соподчиняемаго съ другими, какъ будто оба противоположенія тождественны. Нималѣйшаго слѣда сравненія немогу усмотрѣть и въ слѣдующихъ примѣрахъ, о которыхъ однако нельзя сказать, что твор. въ нихъ невноситъ никакой особенности значенія: а) drugi był wieszczem Ruskiego narodu; bohatera imie, co było wojsk postrachem, w zapomnieniu drżemie; gdym był młodym człowiekiem...; chodżyły wieści, że żołnierz zdeptany był młodym chłopcem, rekrutem, Litwinem, wielkiego rodu, księcia, grafa synem; ja towarzyszem, ja byłem sługą, jam go pilnował w chorobie; odtąd już dla mnie 528 świat ten był niczem: żyłem na świecie pamiątek, Mick.; б) prędzej dzień będzie nocą, rokosz będzie kaźnią, niż sen będzie pamięcią, mara wyobraźnią, Mick.; в) zaiste jesteś synem bożym, Mat. 14, 33; niejesteś przyjacielem cesarskim, Ioan. 19, 12; jesteś królem, a czemu nie królewskim synem? Kras.; ktokolwiek kradnie, ten zawsze złodziejem. id.; monsieur Żoko.. jest kuchtą, dworskim, wódczanym dozorcą, basem w orkiestrze, przy tem szkół dozorcą, id.; chrześcianinem jestem i Polakiem; dni nasze jak dni motylka: życiem—wschód, śmiercią—południe; pewnie kochankiem jest tej dziewczyny, pewnie to jego kochanka; młody jest strzelcem w tutejszym borze, ktoż jest dziewczyna, ja niewiem: mówią że senne czucie rokoszy i kaźni jest tylko grą, wyobraźni, Mick.; moją kwaterą, jest mała wiosieczka tuż pod Złoczowem, Goszcz., и пр.

Болѣе удовлетворительнымъ казалось бы мнѣніе Миклошича; „твор. предикат. означаетъ то, чѣмъ подлежащее становится (wird) дѣйствительно, или только въ мысли; именит. предикатив.—то, что подлежащее есть. Первый служитъ выраженіемъ движенія, второй—покоя; но такъ какъ бытіе представляется слѣдствіемъ возникновенія (des werdens), превращенія во что либо дѣломъ, возрѣніемъ (des zu etwas gemacht, des als etwas angesehen werdens), то творит. часто стоитъ и при глаг. быть. Выборъ надежей зависитъ отъ взгляда; но Мучковскому (Gr. jez. Pol. Krak. 1849, 208)—если въ связкѣ быѣ сокрыто значеніе stać sie или zostać. Когда я говорю: „ta osoba jest moja matka, ale i tamta była mi prawdziwą matką“, то я означаю именительнымъ родную мать, творительнымъ ту, которая, любя меня любовью родной матери, ста-

ла мнѣ матерью; „ten mąż jest (=есть) Cezar; nie każdy człowiek jest (=оказывается, является) Cezarem“. „Oto patrz, ten zamek jest mój; 529 rzeknij słowo, a będzie i twoim“: и здѣсь нельзя невидѣть движенія. Точно такъ слѣдуетъ понимать и „Niemka rodem, jest Polką, całym sercem“ (Mikl. IV, 737), т. е. стала?

Выше (стр. 174) мы, говоря о сочетаніи глаголовъ съ прилагательнымъ безчленнымъ въ именит. въ русскомъ, отнесли въ грамматическомъ отношеніи русск. есть, былъ, будетъ къ одному разряду съ глаголами вещественно означающими возникновеніе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и въ этомъ случаѣ, и при сочетаніи съ творительнымъ формы ес, бы всегда имѣли или предполагали значеніе возникновенія. Все, что мы можемъ сказать о нихъ, какъ о сказуемыхъ (не связкахъ, т. е. при творительномъ), это—что они всегда вещественны, а иногда лексически приближаются къ знач. возникновенія (стр. 515—6), между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ категория des werdens (stać się, zostać) кажется для нихъ слишкомъ тѣсною. Я невижу возможности объяснить był въ „żołnierz zdeptany był młodym chłopcem, rekrutem, Litwinem“ какъ „ein resultat des werdens“, „ein ausdrück der bewegung“. Движеніе здѣсь можно усмотрѣть, но не въ глаголѣ, который скорѣе есть „ein ausdrück der ruhe“ („находился въ состояніи“), и не въ творительномъ, который прежде появился при глаголахъ „der ruhe“ (выше стр. 500 сл.), а такъ сказать за кулисами грамматической сцены. Именно я и на польскій яз. распространилъ бы объясненіе, предложенное выше (стр. 521—2) для русскаго: творительный означаетъ здѣсь признакъ, находящійся въ сочетаніи съ другими и готовый быть вытѣсненнымъ ими изъ сознанія, между тѣмъ какъ именительный означаетъ признакъ безъ отношенія къ другимъ, которые могли бы быть приписаны подлежащему, безъ намека на то, что эти другіе существуютъ. Разница между русскимъ и польскимъ та, что въ послѣднемъ больше случаевъ 530 перваго рода, что въ немъ наиболѣе формальныя изъ глагольныхъ формъ (jest, był, będzie, bądź) чаще понимаются вещественно, чѣмъ въ первомъ, и что въ этомъ отношеніи въ польскомъ недѣлается разницы между настоящимъ временемъ и другими и менѣе выдержана разница между существительнымъ и прилагательнымъ.

Творительнымъ означается лишь мысль о существованіи ассоціаціи, но не частный способъ, не фактическое основаніе ея. Нѣкоторыя изъ этихъ основаній распознаются легче другихъ, а потому могутъ быть сочтены единственными причинами употребленія творит. при ес- и пр., что однако ошибочно; но во многихъ случаяхъ опредѣленіе этихъ основаній — дѣло крайне шаткое, на-двое, на-трое, что и понятно, такъ какъ со стороны грамматиц. формы мы здѣсь не получаемъ указаній, а судимъ по тому, что невысказано въ словѣ.

а) Сочетаніе на основаніи сходства можемъ видѣть въ сравненіяхъ, такъ что вышеупомянутое назв. твор. предикативнаго сравнительнымъ въ частности вѣрно: „czém jest me czucie (т. е. подобно чему)? ach iskrą tylko! czém jest me życie? jedną chwilką! Mick.; był duszą towarzysztwa, id.; był duszą dziewcząt i wieczornic razem, Goszcz. Какъ противоположеніе этому творительному можно разсматривать именительный въ „tyś kraju zaszczyt, tyś ojczyzny duszą“, Krasic., хотя, конечно, и то, что, взятое объективно, есть сравненіе, можетъ изображаться именительнымъ: „twarz każdego jest, jak ich kraina, pusta, otwarta i dzika równina“, Mick.

б) Твор. на основаніи противоположенія признака, имъ выраженаго другому, умалчиваемому, можно усмотрѣть въ случаяхъ, какъ: „młodość, czerstwość i rzeźkość piękneź to przywary, przecieź są przywarami“ (это недостатки, а не достоинства); nie bajką wiek złoty: był on, będzie, jest może, gdzie siedlisko cnoty; niechaj człowiek pamięta na to, iż człowiekiem (а не животное), wzniesie się nad zwierzęta lotem siebie godnym, Krasic. Послѣдніе два примѣра показываютъ, что, какъ и въ русскомъ, можетъ опускаться есть, принимаемое въ вещественномъ, а не формальномъ значеніи, и что по-этому нельзя сказать на-оборотъ, что глаголь въ случаяхъ „orzeł—pan nad ptaki“, „człowiek—wybór natury, świata prawodawca“, „fraszka słowa napotem, co teraz, to moje“ Kras. опускается потому, что служить копулою (ср. Mikl. IV 738). Milczenie jest rzeczą dobrą, zdatną, pożyteczną—вещь хорошая, а не на-оборотъ, Kras.; droga zawsze jest drogą (она—дорога, а не домъ, не то, что дома): pomimo wygody (неговоря уже объ удобствахъ, т. е. ихъ отсутствіи), rzadka obejść się całe, znaleźć się bez szkody, id.; kłamca, kto Ciebie nazywa miłością: Ty jesteś tylko mądrością, Mick.; „chrześcianinem jestem i Polakiem“, id. (такъ-какъ по мѣсту встрѣчи онъ могъ быть принятъ и не за поляка); Julia jest ubogą panienką, а Karol człowiek majątny, Pol. Случаи мнимой тавтологии „droga jest drogą“ объясняютъ (Малец. Микл.) лишь стремленіемъ избѣгать двусмыслицы, что, мнѣ кажется, недостаточно, ибо совершенно ясно и „droga jest droga“.

в) Твор. на томъ основаніи, что признакъ, имъ выражаемый, смѣняется во времени другими: jesteś królem (на это время), а przed tém byłeś mościčanem: to grzech nieodpuszczony, Krasic.; moja wesołość, która tylko chwilowym omamieniem była, znikła; który z tych panów jest tu gospodarzem? (т. е. не „кто здѣсь хозяинъ“, а „кто теперь распоряжается“). Напротивъ, въ именительномъ во многихъ случаяхъ можно видѣть (субъективную) безсмѣнность признака: jestem Polak rodem a do tego i słachcic: źle to więc żeś jest Polak, źle, żeś nie przychodziień; król nie człowiek; jeśli plebeius—zbić go bez litości, jeżeli słachcic—pozwać jego-532 mości, Kras.; twój ojciec—człowiek mądry; ojciec mój był człowiek bogat-

ty; „i ty byłeś gospodarz?“—jaki zawołany! Mick. (именит. несмотря на то, что первому изъ собесѣдниковъ извѣстно, что второй прежде небыль сельскимъ хозяиномъ); zuali się z sobą niedługo, lecz wiele, i od dni kilku już są przyjaciele, id.; poznaliśmy się lepiej nawzajem i byliśmy przyjaciele, id.; patrz, jak się zsenatorzył! był flut, jest moźny, wczoraj ledwo mościpan, dziś jaśniewielmoźny, Kras.; a któż będzie mój obrońca? Mick.; ale, choć u stóp ołtarza złączone, mężowi memu niebędę ja żona, Goszcz.

г) Твор. на основаніи соподчиненія признака съ другими одновременными. Сюда относятся нѣкоторые изъ случаевъ, въ коихъ видятъ сравненіе. „Niemka rodem, jest Polką całym sercem“—твор. не потому, что „jak by Polka“, а потому, что она Полька, но въ то-же время въ другомъ отношеніи Нѣмка. При сравненіи выраженій „jestem obywatel z Sanockiego“ и „ja, choć rzemieślnik, także jestem obywatelem kraju“ было бы очевиднымъ заблужденіемъ видѣть въ послѣднемъ мысль „я quasi—гражданинъ“; въ дѣйствительности творительный потому, что „я гражданинъ, но въ то-же время ремесленникъ“. „Jesteś synem bożym“, но въ то-же время ты и „сынъ человѣческій“; „był spowiednikiem“, чѣмъ однако въ мысли говорящаго неисчерпывались всѣ его признаки. Сюда же можно отнести: ty coś jest świata nauką, zabawą, perło pisarzów, o Albercie wielki, Krasic.; dorosłszy, całą jest jego zabawą zbierać żołnierzy do swojej komnaty, Mick.; wdrzeć się do obozu, jest głównym gry celem, id.; kruszec jest grania celem, id.; smutne dzieje, jak smutnej są źródłem nauki! id.; a całą jego było obroną milczenie, a całym jego były towarzystwem cienie id.; śmierć taka jest psu zaśługą, szłowiekowi grzechem id.; natura wszystkim matką, nikomu macochą, Kras.; ziemia ta niezaludniona już niejednego jest matką narodu, id. 533 (т. е. съ извѣстной точки зрѣнія, въ извѣстномъ отношеніи есть мать, въ другихъ—она представляется иначе); mędrce bezbrodni albo—cudem natury, lub wiary niegodni, Kras.; może, zanader szczęsną wyroków spuścizną, będzie tobie lekarstwem, co drugim trucizną, id. и пр. Этимъ же объясняется въ чешскомъ различіе между „tělo je stánek duše“ (при чемъ тѣло разсматривается въ одномъ отношеніи) и „tělo nejen stánkem, než i nástrojem jest duše“ (т. е. въ одномъ отношеніи оно вмѣстѣ тѣлице, въ другомъ—органъ).

д) Малецкій выставляетъ правиломъ, что „въ предложеніяхъ съ подлежащимъ то сказуемое всегда въ именительномъ“: filozofia jest to nauka prawego myślenia (но возможно „filozofia jest właściwą nauką“ или „filozofia to jest właściwą nauką.“); niesąż to znaki, żeśmy upadli na śile; była to pani i piękna i pięknych obyczajów“ (Gr. § 608, 701). И Миклошичъ думаетъ, что въ „jest to święta prawda, że...“ подлежащее есть то (IV, 737—8). Мнѣ же кажется, что объ этихъ случаяхъ слѣдуетъ судить такъ, какъ и о русскихъ „первый предметъ, поразившій меня,

была береза“ (Булс. Гр. § 236, 1), „это была береза“, „это были березы“, гдѣ согласованіе указываетъ на береза, березы, какъ на подлежащія, при чемъ предметъ, это оказываются именительными, входящими въ составъ сказуемаго. Порядокъ словъ здѣсь нерѣшаетъ вопроса: инверсія неизмѣняетъ функціи членовъ предложія. Такой взглядъ едва ли можетъ быть опровергнутъ тѣмъ, что объясняемое, исходная точка сужденія, есть здѣсь это, предметъ [какъ въ слѣдующемъ—съпѣ: (Иосифъ говоритъ братьямъ) „аште невольнѣж бысте са поклонили, лѣжа бы была мои съпѣ“, Supr. 272], а заключительная точка сужденія, объясняющая, что есть это, предметъ, съпѣ, есть береза, березы, лѣжа. Если эти послѣднія слова и были предикативными атрибутами, то согласованіе съ ними связки была (ѣсть, бы) сдѣлало ихъ грамматическими подлежащими, при чемъ, конечно, подлежащихъ изслѣдованію причина аттракціи. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему стоитъ именительный въ „była to święta prawda“, между тѣмъ какъ въ случаяхъ, когда то дѣйствительно есть подлежащее, въ предложіи можетъ находиться и твор. предикат.: „ale to wszystko czczością“, Krasic. jest to upokorzącym tak występować przed publicznością (Mał. § 610).

Сюда-же подходятъ случаи, о которыхъ говорятъ, что въ нихъ подлежащимъ служитъ неопредѣленное наклоненіе, тогда какъ на дѣлѣ въ нихъ (если они не безличны) подлежащее—существительное въ именительномъ, въ составъ сказуемаго можетъ входить это, to, неопредѣленное же есть особое придаточное предложіе ¹⁾: „знать—это заслуга“ (т. е. заслуга есть вотъ это: „знать“), ostatnia-to po rozum za granice jeźdźć, Krasic.; tych się trzymać (darow) nasz podział, id.; zgodzić przeciwne rzeczy—cud, mówią, w naturze. Wierzę, ale nie u nas, id.; poznać ludzi—istotna, najpierwsza nauka, id.; chcieć i czynić to cnoty prawidło istotne, id.

Хотя въ случаяхъ, какъ „strach wspominać przed nocą“, Mick.; „potrzeba będzie znowu fałdów przysiedzieć“ (Ср. Mikl. IV, 367) именительные уже немогутъ разсматриваться какъ подлежащія, такъ какъ средній родъ въ „strach, żal, wstyd, szkoda było“, „жаль было“ указываетъ на превращеніе предложія въ безличное: но бывшее подлежащее такихъ предложій какъ бы сливается въ одинъ глаголъ съ jest, było, będzie и пр., почему и сопротивляется превращенію въ творительный, такъ что нельзя сказать „czasem jest nareście mówić prawdę“ вм. „czas jest...“.

1) Возвращаюсь къ прилагательнымъ.

¹⁾ Это неопредѣленное (ср. выше 361—2) дѣйствительно соответствуетъ подлежащему, по такому, которое стоитъ независимо отъ остальныхъ членовъ: „ta wyspa żeglująca w otchłani, to chmura“, Mikl. moc czynienia szczęśliwych, nie jest to rzecz płocha, Kras.

По мнѣнію Малецкаго, потому нельзя сказать „zdrawymi-śmy, jesteście zmęczonymi“ вм. zdrowiśmy, jesteście zmęczeni, что въ этихъ случаяхъ „причастія, мѣстоименія и прилагательныя суть несомнѣнно сказуемыя, почему и немогутъ быть выражены творительнымъ“ (§ 701). Можно перевернуть это и сказать: потому-то и остался здѣсь предикативный атрибутъ, т. е. именительный, что въ немъ стоитъ причастіе и прилагательное—части рѣчи болѣе предикативныя, т. е. способныя къ болѣе тѣсной связи съ глаголомъ, чѣмъ существительное. Съ этой точки зрѣнія вѣрна и поучительна приводимая Малецкимъ параллель между „jesteśmy zdrowi, zmęczeni“ и „byli-śmy“ (а не jesteśmy byłymi). Разница въ томъ, что причастіе на *л* окончательно и неразрывно соединилось съ глаголомъ, тогда какъ прилагательное, даже изъ числа тѣхъ которыя въ польскомъ сохранили въ именительномъ именную форму, все-таки способно къ большей самостоятельности. Ср. съ одной стороны именительный въ „wiem, ile bym przyszłej mej był winien, W. Pol.; bluźnierca zuchwały godzien największej być przykładem kary, Krasic.; choć godna kary jest ciekawość pusta, Mick.; czy'm kochanki godzien rączek, id.; niech sama cierpię, kiedym sama krzywa, Kochan.; w czym'em przewinił, w czym'em krzyw tobie (Linde s. v.); pełen jest świat oszustów, Krasic.; każdy ruch pełen sily i wdzięku, Goszcz; każdy kontent, bo czuje, że jest wielkim człkiem, id.; mały złodziej wart chłosty, id. (и никогда kontentym, wartym въ тв.); но съ другой стороны сюда прокрадывается аналогія съ существительнымъ: panna niebyła mu krzywą, ale rodzice chcieli ją wydać za kogo innego, Pol.; pewną jestem, że zdrów powroczisz, id.; Julia teraz dopiero jest taką, jaką mi się niegdys we snach zjawiała, id.; ona niejest szczęśliwą id.; Julia jest wolną, jest twoją id.; kto żył w tamtych czasach, umie to cenić, jak szlachetną była dążność naukowa owoczesnej młodzieży, id.; dla zwiedzenia pobojewiska w Hoszowie, gdzie Franciszek Puławski był rannym, id. (т. е. скорѣе „находился раненнымъ“ чѣмъ „былъ ранень“), id.; matka była (становилась) z kazdym rokiem spokojniejszą a nawet i zdrowszą id.; dobrą wolę potrzeba ćwiczyć, aby silną była (стала), id.; radość była jeszcze większą, gdy nam zapowiedział, że..; reszta świata była dla mnie obojętną id.; piękniejszą niebyła (небывала, неявлялась, неоказывалась) nigdy, jak gdy się zarumieniła, id.; nieżeń się, jeżeli niebędziesz kochał, bo ty był byś z twojim sercem nieszczęśliwym, gdybyś niekochał żony, id.; jeżeli będzie nieszczęśliwą w tém stadle, na ciebie padnie wina, id. и про. Конечно, иное въ этихъ примѣрахъ можетъ показаться ошибочнымъ взыскательному чутью; тѣмъ неменѣе употребленіе твор. прилагательныхъ во во многихъ случаяхъ безукоризненно: ср. выше (524) и: „we wsi Zołobku, która z podobieństwa do żłobu tę nazwę nosi i, z lasami Lumniańskimi granicząc, jest zarazem jedną z granicznych wiosek ziemi Saponckiej, Pol. (можно бы поставить „pierwszą“, „ostatnią“, „najbliższą“ и

т. д.; въ русск. есть одна, первая, послѣдняя, ближайшая и т. д.). Въ примѣрахъ, приводимыхъ Малецкимъ (*świętym jest na ziemi, kto umiał...*), творительный стоитъ отнюдь непотому, что онъ на первомъ мѣстѣ въ предложени, и не во избѣжаніе неясности, ибо эти мотивы не потребовали же творительнаго въ „*słepa, mówią, jest Temis; bajka, Temis widzi, Krasic., wdzięczna jest skromność, gdy postać ułoży, id.; trwożliwa jest poczciwość, id.; i sprawiedliwe były takich zdania, co im o dobro kraju tylko chodzi, id.; zraça jest i pałaca mojej gorycz mowy, Mick.; bezsilna rozpacz, marne ich nadzieje, Goszcz.*

Можно бы думать, что причастіе страдательное ближе къ прич. на л, чѣмъ прилагательное, въ томъ отношеніи, что болѣе послѣдняго предохранено отъ превращенія въ творительный. Дѣйствительно, неговоря уже о болѣе-менѣе архаичныхъ оборотахъ, какъ „*jestem na ziemi sercem z wielkim ludem zbratan*“, правило составляетъ здѣсь именительный. Тѣмъ неменѣе творительный появляется и здѣсь не только при *zostać*, но и при *być*: *jam mu jeszcze w dzieciństwie była przeznaczoną* (Linde, I, 205); *Karolina wychowaną była w rzetelnej pobożności* (Mikl. IV, 738); *nigdy by to komu innemu niebyło za złe wziętym* (Mał. стр. 324). „*Za złe wzięte*“ по Малецкому, „*niewyraża myśli dobitnie*“;⁵³⁷ нисколько: оно выражаетъ совсѣмъ другой отѣнокъ мысли. Разница здѣсь приблизительно такова, какъ между „было сочтено“ и „состояло сочтеннымъ“, стало быть, въ противоположность Миклошичу (737), скорѣе именительный при глаголѣ движенія, а твор. при глаголѣ покоя, чѣмъ на-оборотъ.

10. Если новоболгарское нарѣч. предполагаетъ въ прошедшемъ твор. предикативный, хотя и въ весьма слабой степени развитія, ближайшей къ твор. образа(?), то можно сказать, что въ кругу славянско-литовскаго языка нѣтъ нарѣчія, которому бы этотъ пад. былъ вовсе чуждъ. Какъ сербскій, по ограниченности употребленія этого падежа, относится къ русскому, а русскій къ польскому, такъ латышскій къ литовскому. Именно, въ латышскомъ примѣрѣ творительнаго „*masa wél ir méitam*, сестра еще дѣвицею (въ дѣвицахъ, *Biel. Lett. Gr. § 590*), составляетъ большую рѣдкость. Напротивъ, въ литовскомъ вообще согласно съ русскимъ:

а) Творит. существ. и прилагат. на мѣстѣ аа) винительнаго: *mes Abraomą turim tėwu*, *Mat. 3, 9* (мы Авраама имѣемъ отцомъ); *asz tawę tėwu dariau daug žmonių pulkū*, *Быт. 17, 5* (я сдѣлалъ тебя отцомъ множества народовъ); *asz žinau tawę karaliumi postosenti, Царей, I, 24, 21* (букв. я знаю тебя царемъ имѣющаго стать); *kad jį karaliumi įdėtu*, *Ю. 6, 15* (чтобы его сдѣлать царемъ); *įstote jį kunigu* (поставили его священникомъ); *ką liudininku paszaukti* (позвать кого свидѣтелемъ); *ką raweikslu imtis* (взять кого себѣ примѣромъ), *Schl. L. Gr. 307; ir pra-*

mine tamsybę naktimi, Быт. 1, 5 (и тьму назваць ночьюю); kodėl tu mane vadini geru, Марк. 10, 18 (зачѣмъ ты меня называешь добрымъ?); бб) на мѣстѣ дательнаго: tėms dawe macį Dėwo waikais pastoti, Io., 1, 12 (далъ имъ силу стать дѣтьми Божьими).

538 б) На мѣстѣ второго именительнаго существительныхъ при личныхъ формахъ и инфинитивахъ гл. pastoti, stotis, patapti, tapti (стать), darytis (дѣлаться), wirsti (обращаться во что: nėku wirsti—обратиться въ ничто), gimti (родиться) и др.; при страдательномъ сказуемомъ (bus wadinpams... будетъ названъ тѣмъ-то). Бываютъ здѣсь и твор. прилагательныхъ: kurs nor didži pastoti, Марк. 10, 43—4 (кто хочетъ стать великимъ); jo rubas baltu tape, Лук. 9, 29 (одежда его стала бѣлою); jis bėdnu gine (онъ родился бѣднымъ). Тоже при buwau, busiu, buti, въ общемъ согласно съ русскимъ относительно именительнаго и творительнаго; при esmi, esmь—обыкновенно именительный, какъ русскомъ (напр. Мат. 14, 24; Io. 19, 12), и быть можетъ въ силу польскаго вліянія творит. въ lėkoriumi esmi, jestem lekarzem.

515 Относительно общаго характера разсмотрѣнныхъ явленій замѣчу:

Въ живыхъ языкахъ разрушеніе стараго есть вмѣстѣ созданіе новаго. Неговоря уже о непрерывномъ измѣненіи лексическаго содержанія, созданіе новыхъ грамматическихъ функцій продолжается до нашего времени, ничѣмъ непредвѣщая оскудѣнія творчества.

Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ сродныхъ, по направленію къ нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола. Въ древнемъ языкѣ употребленіе причастія, формы промежуточной между именемъ въ тѣсномъ смыслѣ и глаголомъ, было гораздо обширнѣе, чѣмъ въ новомъ, и причастіе могло имѣть такую степенъ относительной самостоятельности и предикативности, какая въ новомъ возможна лишь въ личномъ глаголѣ и отчасти въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Въ предложеніи древняго языка согласуемость (аттрибутивность) играетъ большую роль, чѣмъ въ новомъ, въ коемъ согласуемость ограничивается разложеніемъ составнаго сказуемаго на два предложенія, связанныя союзомъ, образованіемъ дѣепричастія, увеличеніемъ употребленія нарѣчій на счетъ согласуемаго прилагательнаго, случаями замѣны причастія неопредѣленнымъ, замѣною вторыхъ согласуемыхъ надежей несогласуемыми.

516 На мѣстѣ двухъ одинаковыхъ косвенныхъ надежей, ставшихъ другъ къ другу въ отношеніе отличное отъ простой аттрибутивности, съ теченіемъ времени становится винит. съ твор., род. съ твор., дат. съ твор. На мѣстѣ предикативнаго атрибута, согласуемаго съ подлежащимъ,

лишь во многихъ, но не во всѣхъ случаяхъ ставится твор., при чемъ два прежніе именительные (подлежащаго и предикативнаго атрибута), гдѣ они остались, получаютъ новый смыслъ. Передъ нами здѣсь—различеніе бывшихъ прежде однородными функцій членовъ предложенія. Если въ области виѣшней органической природы разграниченіе органовъ есть усложненіе и въ этомъ смыслѣ усовершенствованіе жизни, то и здѣсь мы должны видѣть усложненіе душевной жизни и усовершенствованіе языка. Внесеніе въ предложеніе разсмотрѣннаго тв. расширяетъ область несогласуемыхъ падежей, т. е. грамматическаго объекта, на счетъ согласуемыхъ, т. е. грамматическаго атрибута; по такъ какъ при этомъ въ области объекта не только не происходитъ никакого смѣшенія прежде существовавшихъ категорій, но образуется новая, то стремленіе свести категорію атрибута на атрибутъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. непредикативный, служитъ на пользу экономіи языка.

При этомъ возникаютъ новыя разграниченія существительнаго, какъ слова по преимуществу самостоятельнаго и несогласуемаго, и прилагательнаго, какъ слова атрибутивнаго, чему непротиворѣтитъ употребленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ прилагательнаго въ творительномъ. На сколько изъ понятія о существительномъ выдѣлено случаевъ, въ коихъ оно являлось несамостояльнымъ, мыслимымъ въ подлежащемъ черезъ посредство глагола, или въ дополненіи, на столько это понятіе обособилось отъ прилагательнаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе того происходили измѣненія отношеній предиката въ тѣсномъ смыслѣ и предикативной связки. Въ началѣ мы видимъ обширный кругъ глаголовъ, служащихъ предикативными связ-⁵¹⁷ками, и полное синтаксическое безразличіе между этими глаголами. Было много связокъ, но формально обособленной копулы небыло. Изъ этого круга выдѣляется значительная часть глаголовъ, которые вовсе лишаются способности быть связками; остальные сохраняютъ эту способность лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно, гдѣ имъ въ этомъ помогаетъ атрибутивность прилагательнаго; изъ этихъ въ свою очередь выдѣляются личныя формы гл. существительнаго, особенно настоящее, которому русск. литер. яз. придаетъ, кромѣ одного случая, гдѣ оно понято вещественно, значеніе чистой предикативной формы безъ всякаго другаго содержанія, что во всемъ русс. яз. и др. еще раньше относительно этой формы было достигнуто въ сочетаніи ея съ исключительно предикативнымъ причаст. -ль (стр. 257). Во всемъ этомъ видно такое же стремленіе сосредоточить предикативность въ глаголѣ, на счетъ предикативности имени и причастія, какое—въ замѣнѣ причастнаго сказуемаго придаточныхъ предложеній глагольнымъ (стр. 205 сл.), а до этого—въ превращеніи доинфинитивнаго слова въ глагольную форму.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 194. Отдѣленіе союзомъ подлежащаго. Такъ изстари уже и въ вр.: „и тыя чернцы, да изъ вашего монастыря вышедше вонъ, да подымають мирскыя люди и мирскыя судья на игумена и на старцевъ вашего монастыря; и тыя мирскыя судья и миряне, да судятъ васъ мирскимъ обычаемъ... Аще ли который чернецъ, вышедъ изъ монастыря, а почнетъ на игумена... люди подымати или судьи, таковой да будетъ подъ тяготою святыя церкви и подъ нашего смиренія“, 1416—21, сп. XVI в., Ак. Ист. I, 50.

Къ стр. 269. Частица бишь. Бусл. (Гр. § 283, пр. 2): „союзы бишь, де (=говоришь), суть не что иное, какъ вводныя предложенія: „да о чемъ-бишь я тебѣ хотѣлъ сказать?“ Фонв. Такъ пишетъ и Даль (съ *и*). Исходя изъ этого написанія, Шлейхеръ (Beiträge V, 209) думалъ что бишь изъ бѣаше, бѣше съ потерю конечнаго *e* и съ *и* изъ ѣ, какъ въ сидѣть. Но русск. форма для бѣаше есть бѣшеть, бѣше, а ошибочная ф. 3-го л. ед. бѣше необычна. Объяснять *и* въ бишь какъ изъ *я*, такъ изъ *ъ* ударяемыхъ неудобно ¹⁾, а ст. сл. бимъ—биша вовсе неизвѣстны въ русс. памятникахъ. Между тѣмъ есть случаи сокращенія 3 л. мн. бышя въ бышь: ...аже бы ты тые люди казнилъ, какъ-то бышь инии люди боялися... у кого купишь, тому заплати, то они бышь на тя нежаловали, грам. Рижанъ 1300. Срезн. Пам. 240—1. Если бишь есть, какъ кажется, одинъ изъ случаевъ вр. спорадическаго *и* вм. *ы* (и на оборотъ, Колос. Обз. зв. и форм. особенностей н. вр. яз. 90) и если оно мѣстами еще сохраняетъ *ы*; то можно бы думать, что оно возникло изъ 3 л. мн. ч. бышя въ сочетаніи съ прич.-л [„какъ—бишь его звали“ изъ „како бышь (=бышя) зъвали“] и есть остатокъ изъяснительнаго значенія этого сочетанія.

Къ стр. 307. „Княжо, далъ жо еси приставъ (приставомъ, въ приставы) своего члвка (1-й вин.) Прокопію“, гр. 2300, Срезн. Др. пам. р. п. 241.

Къ стр. 360. Настоящее съ да, вмѣсто неопред. при другомъ неопредѣленномъ. Такъ уже въ Остр. ев. „I-съ же разоумѣвъ, яко хотать прити да въсхытатъ и и с(ъ)творатъ ц-ра, отиде, *ὅτι μέλλουσιν ἔρχεσθαι καὶ ἐρπάζειν αὐτόν, ἵνα ποιήσωσιν βασιλέα..* Io. 6, 15.

¹⁾ Сравни сохраненіе звука ѣ въ видѣ е въ частицѣ дей (=дѣй), де (=дѣ), несмотря на потерю ударенія.

Уже по отпечатаніи болѣе, чѣмъ 30-ти листовъ этого изданія, я получилъ, благодаря любезности автора, весьма хорошее изслѣдованіе „Der infinitiv im Ostromirschen evangelium“, v. Dr. Th. Forssmann. Separatabdruck aus der festschrift des protestantischen gymnasiums zu Strassburg (1—47). Отмѣчу здѣсь нѣкоторые случаи своего разногласія съ авторомъ.

Къ стр. 366. моего соч. Ему въ цсл. и ст. русс. можетъ быть совершеннымъ гл., но не необходимо. Г. Ф. (стр. 14) считаетъ имъ вм. съ другими изслѣдователями за гл. только совершенный, а потому объ „имеши ли вѣрж семоу? *πιστεύεις τοῦτο*, Остр. ев. Іо. 11, 26, говорить, что „это мѣсто или требуетъ конъектуръ, или въ немъ имеши должно быть понято, какъ буд. вр. и переводъ долженъ быть сочтенъ неточнымъ: „tertium non datur“.—Но tertium datur: нетолько простое имъ, но и предложн. възъмъ, приимъ, встрѣчаются въ стар. языкѣ въ знач. наст. вр. и гл. несоверш.; что же до имеши вѣрж, то оно отъ древняго яз. и до нынѣ непрерывно пребываетъ въ наст. времени какъ въ хорут. *verjaset* (въ коемъ вопреки г. Ф., ново только звуковое стяженіе изъ *verō jaset*), такъ въ мр. нейме (и пр.) віри, вр. нейметъ вѣры, ему вѣры неймутъ; ср. вр. „нейметъ (=неберетъ) жорновъ, такъ и мелево везуть“,—„глазъ видить да зубъ нейметъ“ (=неберетъ); „неймется кошкѣ за воробышками“ (Д.).

Къ стр. 127—8 м. с. Г. Ф. (стр. 15) относитъ потерю значенія возникновенія (*des werdens*) въ бжд, бы—ко времени до начала слав. письменности: „въ буд- ни въ одномъ случаѣ нельзя указать знач. возникновенія“.—Нѣтъ, можно во многихъ случаяхъ. „Иде же послѣжде бысть „Кыевъ“ (мое соч. 127) можно, по мнѣнію Ф., очень хорошо передать посредствомъ „ubi postea fuit K.“—Во всякомъ случаѣ не въ томъ смслѣ, какъ *fuit Troia*, ибо бысть значитъ здѣсь „возникъ и теперь еще стсить. „Бывшее“, говоритъ г. Ф., конечно уже въ первыхъ памятникахъ слав. письм. есть „что было“, и не „что стало“.—Нѣтъ; см. между прочимъ стр. 127 и 132 моего соч.

Къ стр. 419—39. Г. Ф. полагаетъ (28—31), что неопр. н. въ зависимыхъ предложенияхъ все сплошь объясняется изъ опущенія при немъ есть, т. е. „неимать, чесо ѣсти“—изъ „неимать, чесо (късть) ѣсти“. Трудность этого вопроса признаю и я, но пересматривать его вновь здѣсь немогу и укажу лишь на нѣкоторыя частности въ мнѣніи г. Ф., которыя мнѣ кажутся невѣрными.

Авторъ думаетъ, что ст. чеш. именит. съ неопр. *nebyl kdo uhasiti* (у меня стр. 419) объясняется не по образцу „небысть кѣто принеса (у меня 206), а по образцамъ „да я—плевать на твою голову“, „начхать я вамъ на голову“ (Гог.) и по тѣмъ, о которыхъ у меня на стр. 372. По мнѣ, эти случаи несходны.

Къ стр. 429 м. с. По поводу сказаннаго мною о яко съ неopr. г. Ф. спрашиваетъ: что же такое это яко, если оно должно быть отличаемо какъ отъ нарѣчія, такъ и отъ союза? (30)“. Но я не даю повода къ этому недоумѣнію, п. ч. говорю нѣчто другое, именно, что яко въ знач. изъяснительнаго союза=что отлично отъ яко нар.=как? и отъ яко союза=такъ что.

Изъ русс. примѣровъ яко съ неopr., приводимыхъ мною тамже, предпослѣдній, говоритъ г. Ф. (30), долженъ б. вычеркнуть, п. ч. въ немъ не союзъ яко, а вопросительное нар. како—Съ моей стороны помѣщеніе этого примѣра [„король же, ако срекъ годъ, како поити, и посла...“=какъ назначилъ срокъ, что (в. чтобы) поити...] есть не ошибка, а недомолвка. Слѣдовало, за неимѣніемъ словаря, привести доказательства, что въ ст. русс. како есть не только нар. вопр. но и союзъ, между прочимъ со знач. нов. когда.. ..то. мр. як,=ст. оже. [и на переходѣ отъ стараго языка къ новому ставимый рядомъ съ оже союзъ какъ („а какъ, оже дастъ Богъ, у насъ будешь и очи наши увидишь, и ты, оже дастъ Богъ, наши рѣчи услышишь и жалованіе наше къ себѣ увидишь“, 1517—23, Ак. ист. I 180], а равно и со знач. изъяснительнымъ=яко, оже, а же, чѣто, нов. что, мр. що, нѣм. dass. Какъ вообще въ ст. русс. и пѣкоторыхъ другихъ слав. нар., для болѣе явственнаго выраженія относительности (т. е. указанія на предыдущее) мѣстоименій и нарѣчій мѣстоименныхъ, переходящихъ въ союзы, во второй половинѣ сочетанія предложеній, къ этимъ словамъ присоединяется то ¹⁾; такъ и союзъ како, (=что, dass) является и въ видѣ како-то

¹⁾ „Како было любо Русп и всѣму Латинескому языку, кто-то у Русе гостить; всемъ темъ, кто-то (собираательно, какъ и выше) на устою моря ходить, Смол. гр. 1229, Рум. сл.; товаръ, иж-то потопль, ив.; на семь, княже, цѣлуй хрестъ, на цѣмъ-то цѣловали дѣди и отци, Новг. гр. 1265, Собр. Г. гр. I, 1; Шахм. Изсл. о яз. Новг. гр. 237; на семь ти ки(я)же х(ре)с(т)ъ цѣловати, на цѣмъ то цѣловаль о-ць твои, 1265, Шахм. ив. 239; также 1270, Шахм. ив. 241; безъ -то ив. 246, 248); се и еще, княжо, мы тебе поведывамъ 4-ю обиду, у чомъ-то еси неправду дѣяль, гр. Риж. 1300, Срезн. Пам. 240 (выдати розбоиники, колико-то ихъ будѣтъ было, Смол. гр. 1230, Срезн. ив. 223 дворяномъ твоимъ и тивунимъ (=омъ) погонъ имати, како-то пошло, Новг. гр. 1265, Шахм. ив. 238; аже исполните, какъ-то пишу къ вамъ... и милость Б-я да будетъ съ вами, 1360, Ак. ист. I, 4 [и съ инверсеію, въ 1-й половинѣ сочетанія: а како будѣтъ Немьчскыи гъсть Смоленскѣ а почнѣтъ ся кто отъ нихъ просити выную землю, то, како-то было при моемъ о-ци..., онемъ ся прашати, а мнѣ е по думѣ пуцати, См. гр. 1230, Срезн. ив. 224]; нозднѣе: „Полетѣла (Маринка) далече во чисто поле“ (туда, туда), а гдѣ-то ходитъ девять туровъ, Др. Р. ст. изд. 1818, 69; „наводилъ онъ трубами нѣмецкими“ (туда), „а гдѣ-то сидитъ Калинъ царь“ ив. 245.

Не такого-ли происхожденія и -то въ стар. ту-то (откуда вр. мр. тут, мр. тутка, тутечка, тутечки), т. е. не появилось ли ту-то изъ ту первоначально во 2-й половинѣ сочетанія предложеній съ предыдущимъ кѣде, („мытовъ бы у тебя небыло, понеже, господине, куны неправедныя, а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоде дати труда ради, 1408, Ак. ист. I 25), неимѣло ли туто сначала относительнаго значенія?

какъ-то: „самъ вѣдаешь, княжо, како (=dass, въ той же гр. ажо, аже, что) нетако есть миръ доконцанъ, гр. Рижанъ 1300, Срезн. Пам. 240; „наши горожане.. намъ поведали.. какъ-то (не „какъ“, а=что) еси товарь у нихъ отъяль силою“, ib.; „княжо, слышишь самъ, какъ-то (=что) мы вашее братие необидѣли, какъ-то (=какъ, нѣм. wie) ты, княжо дѣешь“, ib. и еще много разъ тамъ же въ томъ же значеніи. А что это неестъ признакъ незнанія писцомъ русскаго языка, видно изъ другихъ пам. на пр. „явилъ ми и третью грамоту владыки Сарайскаго Софонія, какъ-то (=что) ся отступилъ того передѣла, что ся ему невеступати, запеже не Сарайскій передѣлъ (=область) по Рязанскій, 1334, Ак. ист., I.

Отсюда видно, что въ двухъ примѣрахъ изъ Ип. л., приведенныхъ у меня на стр. 408 („чѣловаль есмь крестъ на томъ, како же невоеватися“; „крестъ башеть чѣловаль, како ся ему Олговичъ лишити“) како не „бесмысленно“ (Forssm. 30), а имѣеть ту же силу изъяснит. союза, что яко (у меня 408, 429—30) и что [у меня 428—9, а равно въ слѣд.: „а моей силы нѣтъ, что ми ихъ неучивъ ставити (въ причетники), 1496—504, посл. Геннад. Новг., Ак. ист. I, 148 (=силы нѣтъ ставити); „а у меня государь, того ни въ мысли, ни въ дѣлѣ небывало, что ми отложитись отъ тебя господаря съ города своими, а служити королю, 1517—23, ib. 179 (=въ мысли небывало отложитись)]. Всѣ эти три союза яко, како, что почти незамѣтно переходятъ къ знач. чтобы; относит. что ср. на пр., а ты господине, неучини того, что къ намъ ѣхати; 1425, Ак. Исх. I, 56.

Если въ иныхъ случаяхъ можно колебаться въ выборѣ при переводѣ одного изъ этимологически-сродныхъ значеній, какъ я въ случаѣ „на-

Впрочемъ оно изстари употребляется и безотносительно, какъ и стар. здѣ-се (*сьде-се), вр. здѣсь, заключающее въ своемъ се указаніе не на дальнѣйшее (между прочимъ и предыдущее), какъ то, а на ближайшее, но смѣшиваемое съ то въ дальнѣйшемъ развитіи значеній (ср. стр. 296—9).

Подобно тому, какъ изъ ту-то выходитъ мр. ту-та, изъ *сьде-се—вр. здѣся, (1573 г. Ак. II. I 351) можно догадываться, что сѣв. вр. тутова изъ ту-т-ово, Яросл. (Даль) тѣтовона—изъ ту т-ов-оно. Вр. откудова (и пр.: откедова, откѣлева, откелева; от-тудова, оттѣдова, отголева, оттулева; потудова и пр.; докудова, докелева., гдѣ родит. над.—оа зависить отъ предлога) изъ *куд-ово, при чемъ -ово, -оно аналогичны съ то въ ту-то. Предположивъ, что причиной присоединенія указательныхъ -ово -оно къ нар. мѣста было употребленіе этихъ нарѣчій въ знач. относительныхъ (*тудѣ... откудово); нужно будетъ принять, что неотносительныя нарѣчія такого же строенія, какъ отсѣдова, отселева или образовались уже по образцу относительныхъ откудова, откелева, или же заключаютъ въ себѣ -ово, указывающее не на предыдущее, а на наличное: *отселева=ово отселѣ, вотъ отселѣ, какъ здѣсе=се здѣ.

„Для выраженія относительности присоединятся то и оно въ ст. серб. како-то, како-но (рѣже какот, каков), гдѣно („онамо, гдѣ-но си биль, Данич. Рјечн. из книж. стар.), нов. серб. који-но, гдје-но, кад-но, као-но (Карадж.); болг. де-то и др.

чаша думати, яко-же (что? чтобы? какъ в. какъ бы?) поѣхати (стр. 430); то отсюда неслѣдуетъ, будто, „самъ лѣтописецъ непонималъ этого якоже, которое-де, согласно съ чисторусскимъ словоупотребленіемъ должно бы быть замѣнено (нарѣчіемъ) како“ (Forssm. 30). Что яко и какъ союзъ изъяснит. есть слово стольже русское, какъ и како (и оже, чѣто), это для меня явствуетъ не только изъ множества случаевъ его употребленія въ лѣтописяхъ ¹⁾, но и изъ того, что бр. и мр. говоры, кромѣ развѣ переходныхъ, вовсе незнаютъ какъ, а знаютъ только якъ какъ нарѣчіе и союзъ. Правда, что мр. як, употребительное въ знач. какъ, когда.. то, если... ..то, такъ-какъ.. то, не встрѣчается въ знач. изъяснительнаго что и заключит. чтобы; но послѣднія значенія могли быть вытѣснены соответственными значеніями чѣто (што, що), чтобы (щоб), подобно тому, какъ вытѣснены ст. русс. оже=что и ст. русск. (діалектич.?) како, како-то=что. Кажется, что отъ этого утеряннаго въ новомъ языкѣ знач. яко=что, а не отъ значенія „когда“ идетъ плеонастическое съ точки книжнаго языка якъ въ началѣ рѣчи, соответствующее такому же вр-му какъ. Эти якъ и какъ, синонимичные съ такимъ же що, что, указываютъ на связь повѣствованія съ предыдущею невыраженною цѣлью мыслей, что на письмѣ могло бы быть выражено многоточіемъ передъ союзомъ (что впрочемъ необычно). Ср. лѣтописное „видите ли горы сія?“ (тутъ многоточіе для выраженія чего либо въ родѣ „скажу вамъ“) „яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать божья“, Лавр. 4=мр. чи бачите гори сі? якъ (в. що) на сихъ горахъ засіяе благодать Божа“. Такъ въ началѣ думъ: „Якъ у Вил(н)иці на гриниці на Бугомъ рікою, тамъ стояв Іване Богуне Каленицький, Метл. 407; Ей! Якъ на славній, панове, україні, у славнімъ у городі у Корсуні, Тамъ крикне покрикне Хвилоне, Корсунський полковниче, козаків у Черкень-долину ув охотне військо викликае, ib. 413 (ср. ib. 414, 345, 352, 385, 301 и пр. и въ началѣ сказокъ: „якъ бувъ собі дідъ та баба...). Въ вр. „Ой какъ по морю... тамъ... et pass (Кир. I 40, 41 и пр.).

¹⁾ Какъ относит. и-же, чеш. jíz-to (см. выше), который, предполагаетъ въ 1-й половинѣ сочетанія тѣ, съ, а оже и чѣто предполагаютъ то; такъ знач. что (dass) въ яко предполагаетъ первоначально тако: „высылаху къ нимъ Югра льстобю, рекуще тако, яко (=что) кошимъ сребро и соболя“, Новг. I. 7. За тѣмъ это тако (или соответственное согласуемое мѣстоименіе) могло подразумѣваться: „бысть пожаръ въ Киевѣ (т. е. такъ=такой), яко (=что) погорѣ мало не весь, Новг. II, Арх. сп. 5. При забвеніи качественаго отгѣнка въ яко, возможно соответствіе се... яко: слышу се, яко сестру имата дѣвою, Лавр. 47-8; услышано бысть се, яко Всеволодъ Пльсковъ Новг. I, 7, и за тѣмъ безъ указат. се: разумѣ, яко въ ночь велеть сѣщися, Новг. I, 1. Далѣ, яко относится уже не къ дополненію се, явному или подразумѣваемому, а ко всему сказуемому съ дополненіемъ: ты еси намъ хрестъ цѣловалъ, ако (=яко) ти пойти съ нами, Ип. 38.

Изъ того же соответствія тако... ..яко вытекаетъ и значеніе яко=такъ что: найде рана на Полочаны, яко нѣкако баше ходити по улицямъ, яко мѣти в(ои) (ми)ожество а конемъ (копыта видѣти. Новг. I, подъ 6600 г.

И такъ, еслибы въ памятникѣ цсл. стояло одиноко „сѣвѣтъ сѣтво-
риша яко оубити и“ (Остр. ев.), то можно бы думать, что здѣсь пере-
водчикъ рабски подчинился греческому *συμβούλιον ἐποίησαν ὥστε θα-
νατώσαι αὐτόν*; но я этого недумаю, т. к. цсл. выраженіе стоитъ въ
ряду другихъ, встрѣчаемыхъ въ такихъ слояхъ языка, куда, по моему,
вліяніе греч. синтаксиса почти вовсе не доходило: „сѣдумаша, яко изго-
нити князя“ (Ип.); „срекъ годъ, како поити“ (Ип.); „крестъ цѣловаша,
что его невыдати“ (Исн. II).

Что именно въ употребленіи цсл. яко подражательно, это еще во-
просъ, и заключеніе отъ частнаго случая подражанія къ общему столь
же шатко, какъ и обратное, отъ своеобразности одного выраженія къ
своеобразности всѣхъ, болѣе-менѣе сходныхъ. Въ частности для меня
неубѣдительно, что „година же бѣ яко десятая“, *ώρα δε ἦν ὡς δεκάτη*,
О. е. Іо. 1, 40, есть только подражаніе, и что „отъстѣхни отъ нихъ,
яко врѣжениѣ камени, *ἀποστάσθε ἀπ' αὐτῶν ὡσεὶ λίθου βολήν*, ib.
Лук. 22, 41, есть переводъ „безсмысленно рабскій“ (Forssm. 30). Пере-
ходъ въ яко отъ сравненія вообще (=какъ, нѣм. wie) къ прибли-
зительности опредѣленія мѣста, времени, качества—такой же, какъ
въ предл. съ отъ „съ-только“ (равно толикому) къ „съ годъ“ (=около
году). Съ первымъ случаемъ (Іо. 1, 40) ср. въ другихъ русс. пам. яко=
какъ бы: „м-ца маиа въ а (6693 г.) въ час і дни, яко въ звоненіе
вечернее слнце помърче яко на часу и боле и звезды быша“ (Новг. I)=
бысть знаменіе въ солнци: морочно бысть велми (яко на часъ и бо-
ле Новг. II ², 10), яко звѣзды видити, человекомъ в очю яко зелено
бяше, и в солнци учинися аки мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаровъ
исхожаше, Лавр. подъ 6694 (затмѣніе, о которомъ въ Сл. о п. Иг.);
и такъ страшно бѣ зрѣти, яко (=какъ будѣто) второму пришествію
быти, Ип. Въ такомъ же смыслѣ, при счетѣ,—ст. поль. jako, jak, jakoby
jakbu, въ переводахъ Св. пис. (Linde II ², 230).

Что до „яко врѣжениѣ“, то рабское подражаніе могъ бы кто либо
усмотрѣть развѣ въ существительномъ (?) а не въ союзѣ, ибо здѣсь
мр. як, вр. какъ съ личнымъ глаголомъ или неопр. накл. и до нынѣ.
Ср. и ту есть мѣсто близъ отъ пещеры тоя, яко довержетъ мужъ ка-
мениемъ, Хожд. Дан. иг., ed. Нор. 45, 75; бѣ бо въздано ея (церкве)
при немъ възвыше, яко на кони стояще досящи, Лавр. ² 146; что ти
есмь велѣлъ отъѣхати отъ перевѣсовъ монастырскіе земли и пожень.
какъ въ примѣту стрѣлить, и нынѣ били ми челомъ (имена рекъ) 1484,
Аки. ст. I, 139; мр. далеко, як з лука стрелити (як би хто з лука стре-
лив); високо, як верхи сидя досягти и т. п.